

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXXXII.

1892.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	3
В. В. Вѣлогостицкій. Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію (окончаніе)	1
М. С. Куторга. Исслѣдованія по исторіи государственныхъ учреждений Азіи	24
С. П. Брайловскій. Девятая сатира Кантемира по вновь найденному списку.	66
А. И. Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія (окончаніе).	81
П. А. Сырку. Житіе Іоанна Кукузеля, какъ источникъ для болгарской исторіи.	130
В. Н. Бузескулъ. Вопросъ о новооткрытой 'Αὐθιγαίων Πολιτεία	142

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П—скій. Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zum Untergange der Selbstständigkeit des griechischen Volkes. Von <i>Adolf Holm</i> . Berlin. 1891.	190
Л. М. А. А. Тимоѣв. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй. М. 1892.	204
— Книжныя новости	218
— Наша учебная литература (разборъ 16 книгъ).	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Русское Археологическое Общество въ 1891 году.	1
— Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1891 году.	6

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Θ. Ф. Зѣлинскій. Замѣтки къ трагедіямъ Софокла и къ охоломіямъ на нихъ.	1

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики (окончаніе).	241

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 4-го юля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLXXXII.

1892.

ЮЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1892.

Спб. Екатерин. зан. д. 80.

2927

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (29-го февраля 1892 года). *Объ учрежденіи при Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ преміи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Карпова за изслѣдованіе по русской исторіи.*

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 29-день февраля 1892 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ ежегодной преміи въ 500 рублей имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Геннадія Федоровича Карпова за изслѣдованіе по русской исторіи, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для сей дѣли капитала, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила о порядкѣ присужденія таковой преміи, и Высочайше одобрилъ рисунокъ золотой медали, предназначаемой для выдачи рецензентамъ представляемыхъ на эту премію сочиненій.

О вышеизложенномъ министръ народнаго просвѣщенія, 9-го марта 1892 г., донесъ правительствующему сенату съ представленіемъ, въ копіи, упомянутаго рисунка медали.

2. (29-го февраля 1892 года). *Объ установленіи форменной одежды для учениковъ городскихъ училищъ.*

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ 29-й день февраля 1892 года Высочайше соизволилъ на установленіе форменной одежды для учениковъ городскихъ училищъ, и на утвержденіе рисунка и описанія таковой.

Описаніе форменной одежды учениковъ городскихъ училищъ.

1. Фуражка (съ козырькомъ) темносиняго сукна, безъ кантовъ и съ знакомъ изъ желтой мѣди на околышѣ съ буквами „Г. У.“.

2. Темносѣрая блуза гимназическаго покроа изъ любой матеріи, но безъ металлическихъ пуговицъ.

3. Купаекъ кожаный съ гладкой пряжкой изъ желтой мѣди.

Въ лѣтнее время предоставляется ученикамъ право носить свѣтлыя блузы того же покроа изъ полотна или бумажной матеріи.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го мая 1892 года *назначены*: помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ренаръ*—членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мамонтовъ*—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія.

Утверждены на три года: коллежскій секретарь *Андреевскій*—почетнымъ попечителемъ Симбирской мужской гимназій; мануфактуръ-совѣтникъ *Гарелинъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища.

Продолженъ срокъ командировки за границу съ ученою цѣлью, окончившему курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ св. Владимира *Петражицкому*—по 1-е іюня 1893 года.

Командированы съ ученою цѣлью за границу: сверхштатный ординаторъ при гинекологической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, лѣкарь *Галактионовъ*—съ 15-го августа по 15-е сентября 1892 г.; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ *Декенбахъ*—съ 1-го іюля по 1-е сентября 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Амучинъ*—съ 20-го августа по 25-е октября 1892 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета *Павловскій* и

приватъ-доцентъ сего университета *Никитскій*—съ 30-го мая по 15-е августа 1892 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Кузьминъ*, сверхштатный ординаторъ при госпитальной хирургической клиникѣ того же университета лѣкаръ *Соловьевъ* и хранитель ботаническаго кабинета Императорскаго Новороссійскаго университета *Зеленецкій*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ *Федоровичъ*—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1892 г., помощникъ директора Варшавскаго ветеринарнаго института, титулярный совѣтникъ *Мари*—съ 15-го мая по 15-е августа 1892 г.; штатный ординаторъ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Московскаго университета, лѣкаръ *Флеровъ*—съ 1-го мая по 1-е августа 1892 г.; преподаватель С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, надворный совѣтникъ *Вороновъ* и исполняющій обязанности лаборанта въ семь институтѣ, инженеръ-технологъ *Русановъ*—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1892 г.; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*—съ 1-го іюня по 15-е сентября 1892 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Муркозъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г. и 28 дней; адъюнктъ Императорской академіи наукъ, надворный совѣтникъ *Плеске*—на четыре мѣсяца; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Иванцовъ*, помощникъ прозектора сего университета, лѣкаръ *Власовъ* и окончившій курсъ наукъ въ томъ же университетѣ, съ дипломомъ первой степени, *Пржевальскій*—на одинъ годъ; изъ нихъ *Власовъ*—съ 1-го сентября 1892 года.

Продолженіе срока отпуска на Кавказъ, причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія титулярному совѣтнику *Виленину*—на четыре мѣсяца.

Уволенъ, согласно прошенію, почетный попечитель Таганрогской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*—отъ сей должности, съ 1-го мая 1892 г. (Выс. пов. 1-го мая 1892 г.).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го февраля 1892 года). *Положеніе о 10 стипендіяхъ при шести Московскихъ мужскихъ гимназіяхъ въ память избавленія Ею Императорскою Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ею Высочеству опасности въ Японіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго Московскою городскою думою капитала въ шестнадцать тысячъ рублей, облигаціями 4⁰/₁₀ внутреннего займа, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, учреждается десять стипендій, по двѣ: при 1-й, 2-й, 3-й и 4-й и по одной: при 5-й и 6-й Московскихъ мужскихъ гимназіяхъ въ память избавленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Ею Высочеству въ Японіи опасности.

§ 2. Означенный капиталъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ упомянутыми въ 1-мъ пунктѣ государственными процентными бумагами въ числѣ специальныхъ средствъ названныхъ учебныхъ заведеній, а именно: Московскихъ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й гимназій по 3.200 рублей въ каждой и Московскихъ 5-й и 6-й гимназій по 1.600 рублей въ каждой.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на уплату за ученіе каждого стипендіата по 60 рублей въ годъ.

§ 4. Стипендіаты избираются Московской городской управой изъ дѣтей недостаточныхъ жителей города Москвы православнаго вѣроисповѣданія, но пользоваться стипендіею могутъ только ученики, отличающіеся по удостовѣренію начальства гимназій, хорошимъ поведеніемъ и успѣхами.

§ 5. Остатки, образующіеся по уплатѣ за стипендіи, причисляются къ капиталу для учрежденія новой стипендіи.

§ 6. Начальство гимназій каждое полугодіе увѣдомляетъ городскую управу о ходѣ занятій каждого стипендіата, а равно и о выходѣ каждого стипендіата изъ гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

2. (26-го апрѣля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени Ильи Григорьева въ Астраханской мужской гимназій.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ завѣщаннаго умершею женою статскаго совѣтника Казанцевой капитала въ количествѣ одной тысячи ста рублей учреждается при Астраханской мужской гимназій одна стипендія имени Ильи Григорьева.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ Астраханскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій и остается неприкосновеннымъ, проценты же съ него, за удержаніемъ государственнаго налога, употребляются на плату за право ученія въ гимназій одного приходящаго ученика, дворянскаго рода, бѣдныхъ родителей и преимущественно изъ родственниковъ покойной Казанцевой.

§ 3. Если процентовъ, получаемыхъ съ капитала, окажется недостаточно для внесенія платы за право ученія, то желающій пользоваться стипендіею долженъ недостающую сумму уплачивать изъ своихъ средствъ.

§ 4. Право назначенія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту гимназій, при чемъ, при выборѣ стипендіата, предоставляется право ходатайствовать душеприказнику покойной Казанцевой, коллежскому совѣтнику Михаилу Петровичу Свѣшникову, а также и другимъ ея родственникамъ.

§ 5. Стипендіатъ Ильи Григорьева, въ случаѣ необобрительнаго поведенія или малоуспѣшности, лишается по постановленію педагогическаго совѣта права пользоваться стипендіею.

§ 6. Право пользованія стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться почему либо остатки отъ % со стипендіальнаго капитала присоединяются къ сему послѣднему для увеличенія размѣра стипендіи.

3. (5-го мая 1892 года). *Циркулярное предложеніе г. г. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ испытаній для пріема учениковъ въ реальныя училища.*

На основаніи § 7 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ гимназій и прогимназій, утвержденныхъ 12-го марта 1891 года, въ сихъ

учебныхъ заведеніяхъ сверхъ общаго приема учениковъ во всѣ классы передъ началомъ учебнаго курса и въ теченіе учебнаго года, приемныя испытанія въ I — IV-й классы производятся и въ концѣ учебнаго года, при чемъ выдержавшіе испытаніе въ концѣ учебнаго года считаются кандидатами для поступленія въ гимназію и прогимназію, но зачисляются учениками лишь послѣ окончанія всѣхъ приемныхъ испытаній въ началѣ слѣдующаго учебнаго года, и если желающихъ поступить и выдержавшихъ приемныя испытанія окажется болѣе имѣющихся вакансій, то въ списокъ конкурентовъ записываются державшіе испытаніе, какъ въ концѣ, такъ и въ началѣ учебнаго года, и предпочтеніе отдается тѣмъ, кто оказалъ лучшіе успѣхи на приемныхъ испытаніяхъ, не смотря на время производства оныхъ. Не выдержавшіе испытанія для поступленія въ заведеніе въ концѣ учебнаго года не имѣютъ права подвергаться приемному испытанію въ томъ же заведеніи въ августѣ мѣсяцѣ того же года, при чемъ, однако, педагогическому совѣту предоставляется право въ особо исключительныхъ случаяхъ дѣлать отступленія.

Признавая необходимымъ установить такой же порядокъ приемныхъ испытаній и для дѣтей, поступающихъ въ II, III и IV классы реальныхъ училищъ, имѣю честь объ изложенномъ сообщить вашему превосходительству, для зависящихъ распоряженій.

4. (8-го мая 1892 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича для студентовъ китайско-монголо-маньчжурскаго отдѣленія факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. При китайско-монголо-маньчжурскомъ отдѣленіи факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета учреждаются двѣ стипендіи имени Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Китая въ 1891 году.

§ 2. Стипендіи эти учреждаются на счетъ капитала въ 20.000 р., собраннаго по подпискѣ русскими торговыми домами въ Хань-коу. Капиталъ сей, заключающійся въ закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится неприкосновенно въ губернскомъ казначействѣ въ вѣдѣніи правленія университета подъ наименованіемъ капитала стипендіатовъ имени Государя Наслѣдника

Цесаревича Николая Александровича, а доходы съ онаго, за вычетомъ установленныхъ государственныхъ сборовъ, образуютъ двѣ стипендіи, каковыя и выдаются стипендіатамъ согласно § 4 сего положенія и примѣчанія къ оному.

§ 3. Выборъ стипендіата производится факультетомъ восточныхъ языковъ, о чемъ факультетъ сообщаетъ правленію для дальнѣйшаго распоряженія о производствѣ стипендій.

§ 4. Въ стипендіаты избираются студенты, прослушавшіе два первые семестра на китайско-манголо-маньчжурскомъ отдѣленіи факультета восточныхъ языковъ, отличные по поведенію и наилучшіе по способностямъ и успѣхамъ. Не выдержавшій полукурсовыхъ испытаній и вообще не оправдавшій выбора факультета лишается стипендіи и вмѣстѣ съ симъ терчетъ право получить ее вторично.

Примѣчаніе. Стипендіату, окончившему курсъ съ дипломомъ 1-го разряда и изъявившему желаніе держать испытаніе на степень магистра по одному изъ предметовъ, входящихъ въ составъ китайско-монголо-маньчжурскаго отдѣленія факультета восточныхъ языковъ, по ходатайству факультета, можетъ быть сохранено право пользоваться стипендіею имени Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича еще въ теченіе двухъ лѣтъ, если онъ будетъ представлять каждое полугодіе отчетъ о своемъ приготовленіи къ экзамену и факультетъ восточныхъ языковъ будетъ одобрять его занятія.

§ 5. Могущіе образоваться за время незамѣщенія стипендіи остатки обращаются, по усмотрѣнію факультета восточныхъ языковъ и съ утвержденія правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ китайско-монголо-маньчжурскаго отдѣленія факультета восточныхъ языковъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (9-го мая 1892 года). *Положеніе о стипендіи лѣкаря Михайлова, учрежденной при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по медицинскому факультету.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Согласно духовному завѣщанію лѣкаря Варфоломея Михайлова въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по медицинскому

факультету учреждается стипендія изъ процентовъ съ пожертвованнаго Михайловымъ капитала, сумма котораго въ настоящее время достигла 8.473 руб.

§ 2. Стипендія эта, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 20-го ноября 1867 г., именуется стипендіей лѣкаря Михайлова.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ получающихся на завѣщанный капиталъ процентовъ.

§ 4. Стипендія лѣкаря Михайлова выдается бѣднѣйшимъ студентамъ медицинскаго факультета изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей или изъ мѣщанъ безупречнаго поведенія.

§ 5. Полученіе стипендіи не влечетъ за собой для получающаго оную студента, по окончаніи имъ курса или по смѣщеніи его со стипендіи, какой-либо обязательной службы.

§ 6. Могущіе образоваться остатки отъ стипендіи, вслѣдствіе незамѣщенія ея или по какой либо другой причинѣ, присоединяются къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго можетъ быть увеличенъ и размѣръ стипендіи.

§ 7. Относительно назначенія, сохраненія стипендіи за получающимъ ее студентомъ въ теченіе учебнаго курса и смѣщенія его съ оной университетъ руководствуется правилами, установленными для стипендій министерства народнаго просвѣщенія.

6. (14-го мая 1892 года). *Правила объ единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ тридцать тысячъ рублей, завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Степаномъ Алексѣевичемъ Тарасовымъ и заключающагося въ тридцати 5⁰/₁₀₀ закладныхъ листахъ Московскаго земельнаго банка съ № 3680 по № 3709 включительно по тысячъ рублей съ 19 купонами при каждомъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ тридцать тысячъ рублей учреждаются при Московскомъ университетѣ единовременныя денежные пособія для взноса платы за слушаніе студентами профессорскихъ лекцій.

§ 2. Пособіямъ присваивается наименованіе жертвователя капитала дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степана Алексѣевича Тарасова.

§ 3. Изъ процентовъ съ капитала, составляющихъ за вычетомъ

изъ нихъ 5⁰/₁₀₀ государственнаго налога, одну тысячу двѣсти двадцать пять рублей въ годъ, назначаются по полугодно пособія недостаточнымъ студентамъ православнаго отъ рожденія исповѣданія для взноса платы за слушаніе лекцій въ пользу университета и въ гонораръ профессорамъ.

§ 4. Назначаемыя пособія на руки студентамъ не выдаются, а перечисляются въ соотвѣтствующіе источники въ сумму сбора за слушаніе лекцій и въ депозиты университета.

§ 5. Назначеніе пособій дѣлается правленіемъ университета при соблюденіи общихъ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ.

§ 6. Если бы по какому-либо случаю образовался остатокъ отъ процентовъ съ капитала имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Степана Алексѣевича Тарасова, въ размѣрѣ менѣе 100 руб., то деньги эти присоединяются къ процентамъ слѣдующаго полугодія и выдаются согласно § 3 сихъ правилъ. Остатокъ же въ сто и свыше ста рублей присоединяется къ капиталу и для сей цѣли приобрѣтаются процентныя бумаги.

7. (19-го мая 1892 года). *Правила о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ девъ тысячи рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Василиемъ Ивановичемъ Мелидинскимъ и заключающуюся въ восемнадцати облигаціяхъ 4⁰/₁₀₀ четвертаго внутренняго займа съ № 228119 по № 228136 включительно по 100 рублей съ 18 купонами при каждой и 200 рублей наличными деньгами*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 2.000 руб., пожертвованнаго Московскому университету надворнымъ совѣтникомъ Василиемъ Ивановичемъ Мелидинскимъ, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія для студентовъ безъ различія факультета.

§ 2. Согласно желанію жертвователя капитала, учреждаемая стипендія именуется: „Стипендія имени гѣкаря Ивана Рождественскаго“.

§ 3. Стипендія назначается бѣдному и лучшему по успѣхамъ студенту, при соблюденіи правилъ существующихъ на предметъ назначенія стипендій.

§ 4. Размѣръ стипендіи семьдесятъ шесть рублей въ годъ.

§ 5. Въ виду незначительности размѣра стипендіи она можетъ быть назначаемая студенту вмѣстѣ съ другою такого же приблизительно размѣра стипендіею.

8. (20-го мая 1892 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Шаховскимъ капитала въ 10.000 рублей, заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка за №№ 96547, 106327, 106328, 109116, 109117, 109118, 109119, 109120, 109121 и 109122 по 1000 рублей съ 18 купонами при каждомъ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Жертвуемый капиталъ въ десять тысячъ рублей навсегда принадлежитъ Императорскому Московскому университету.

§ 2. Причитающіеся годовые проценты назначаются на вспомоществованіе молодымъ людямъ, бѣднаго состоянія, православнаго исповѣданія, отличнаго поведенія, окончившимъ курсъ юридическихъ наукъ съ дипломомъ 1-й степени и оставленнымъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по одному изъ предметовъ юридическаго факультета. При нѣсколькихъ кандидатахъ факультетъ избираетъ достойнѣйшаго. Въ случаѣ одинаковыхъ достоинствъ предпочтеніе должно быть отдано тому изъ кандидатовъ, который оставленъ по кааедрѣ международнаго права, если таковой окажется въ числѣ конкurreнтовъ.

§ 3. Юридическому факультету предоставляется право назначать стипендіи или ежегодно въ размѣрѣ годовыхъ % съ капитала, или въ размѣрѣ двухгодичныхъ % въ теченіе двухъ лѣтъ сразу съ двухлѣтними промежутками. Въ послѣднемъ случаѣ стипендія дается одному и тому же лицу два года подрядъ, въ первомъ же, то-есть, при непрерывности стипендіи въ суммѣ годовыхъ %, она можетъ быть продолжена и на 3-й годъ, но не далѣе.

§ 4. Съ соблюденіемъ означенныхъ въ § 2 условій стипендія можетъ быть назначаема и молодымъ людямъ, командиремымъ по поддержаніи ими магистерскаго экзамена, за границу, какъ дополненіе къ назначенному министерствомъ содержанію, или какъ самостоятельное пособие.

§ 5. Не израсходованные проценты обращаются въ капиталъ, и на нихъ должны быть своевременно приобретаемы государственныя бумаги.

§ 6. О состоявшемся назначеніи стипендіи увѣдомляется юридическимъ факультетомъ каждый разъ учредитель, за его смертью сынъ его Вячеславъ, а послѣ него старшій въ его родѣ, при чемъ въ увѣ-

домленіи должны быть обозначаемы фамилія избраннаго лица, на какой предмет назначается стипендія, въ какомъ размѣрѣ и на какой срокъ.

9. (1-го іюня 1892 года). *Циркулярное предложеніе и.и. почетителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ допущенія къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ новыхъ изданій книгъ, уже одобренныхъ для сего учебнымъ вѣдомствомъ въ прежнихъ изданіяхъ.*

Въ видахъ упрощенія существующаго порядка допущенія къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ новыхъ изданій книгъ, уже одобренныхъ для сего учебнымъ вѣдомствомъ въ прежнихъ изданіяхъ, я, по соглашенію съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, призналъ цѣлесообразнымъ установить слѣдующія правила:

1) Новые изданія книгъ, дозволенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ сего министерства, могутъ быть употребляемы въ этихъ заведеніяхъ безъ особаго на то разрѣшенія министерства, если означенныя изданія составляютъ дословную перепечатку съ изданій дозволенныхъ.

2) Авторы и издатели упомянутаго рода книгъ обязываются: а) при выпускѣ въ свѣтъ новаго изданія данной книги дѣлать на оборотномъ и заглавномъ листѣ ея такое заглавіе: „изданіе такое-то, перепечатанное безъ перемѣны съ такого-то изданія, допущеннаго (одобреннаго или рекомендованнаго) министерствомъ народнаго просвѣщенія“ и б) одинъ экземпляръ новаго изданія съ такимъ заявленіемъ представлять въ ученый комитетъ названнаго министерства.

и 3) Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ печатаются объявленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія объ одобренныхъ имъ книгахъ.

Объ изложенномъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для надлежащаго руководства по учебному округу, присовокупляя, что за симъ, при печатаніи новаго изданія книги съ измѣненіями противъ одобреннаго изданія, авторамъ и издателямъ воспрещается ссылаться на одобреніе этой книги въ прежнихъ изданіяхъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го мая 1892 года. *Утверждено:* исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета,

докторъ гражданскаго права *Несфедьевъ* — ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ кафедрѣ гражданскаго права, съ 1-го апрѣля 1892 года; исправляющій должность директора народныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Сомчевскій* — въ сей должности, съ 29-го марта 1892 года; отставной гвардіи поручикъ *Дмитріевъ* — помощникомъ почетнаго попечителя нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II, на три года; павлодарскій первой гильдіи купецъ *Деровъ* — почетнымъ попечителемъ Омской учительской семинаріи, на три года.

Назначены: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Дерптскаго университета по кафедрѣ систематическаго богословія *Керстенъ* — исправляющимъ должность ординарнаго профессора того же университета по занимаемой имъ кафедрѣ, съ 4-го апрѣля 1892 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ государственнаго права *Елизаровъ* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи философіи права, съ 31-го марта 1892 года; старшій дѣлопроизводитель канцеляріи Императорской академіи художествъ, состоящій причисленнымъ къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ *Лобойковъ* — чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министерствѣ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ занимаемой должности по академіи, съ 26-го апрѣля 1892 года; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ *Зеленинъ* — дѣлопроизводителемъ VI класса сего департамента, съ 1-го мая 1892 года.

Определены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ *Оношковичъ-Яцына* — членомъ особаго отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію, съ 17-го апрѣля 1892 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, лѣкарь, надворный совѣтникъ *Блюменанъ* — врачомъ департамента народнаго просвѣщенія, съ 14-го апрѣля 1892 года; дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: коллежскій ассессоръ *Дмитревскій* и коллежскій секретарь *Ишерскій* — дѣлопроизводителями VII класса сего департамента, первый — съ 30-го марта и послѣдній — съ 24-го апрѣля 1892 года; кандидатъ Императорскаго Дерптскаго университета Алексѣй *Горемыкинъ* — на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному, съ 12-го апрѣля 1891 года; кандидатъ Императорскаго Казанскаго университета Анемподистъ *Кайдаловъ* — сотрудни-

комъ археографической комисіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 23-го марта 1892 года.

Причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, почетный членъ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ по Александро-Маріинскому училищу и инспекторъ классовъ сего училища, статскій совѣтникъ *Ржаницынъ*, съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя московскаго учебнаго округа, съ 10-го апрѣля 1892 года.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ классической филологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Корниъ*—тѣмъ же званіемъ и на ту же кафедру въ Императорскій Московскій университетъ, съ 1-го мая 1892 года; ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка, статскій совѣтникъ *Миллеръ*—тѣмъ же званіемъ на кафедру русскаго языка и русскаго литературы сего университета, съ 11-го апрѣля 1892 года.

Оставлены на службѣ: директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бобровскій*—на три года, съ 27-го марта 1892 года; директоры гимназій: Кишиневской второй—статскій совѣтникъ *Алаевъ* и С.-Петербургской 5-й—статскій совѣтникъ *Янко*—оба по 1-8 іюля 1895 года.

Командированы, съ ученою цѣлью, въ Россіи: ординарные профессора Императорскаго университета св. Владимира: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Антоновичъ* и статскій совѣтникъ *Лучицкій*—съ 10-го по 18-е августа 1892 года; исправляющій должность лаборанта Императорскаго Варшавскаго университета *Эйсмондъ*—съ 10-го по 20-го августа 1892 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Фортунатовъ*—на двѣ недѣли; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—статскій совѣтникъ *Капустинъ* и Варшавскаго—коллежскій совѣтникъ *Потылицинъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Зенгеръ* и кандидатъ-стипендіатъ того же университета *Морозевичъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Цеттаевъ*—на лѣтнее вакаціонное время и по 15-е сентября 1892 года; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, тайный совѣтникъ *Феофилактовъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Коржинскій*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 года и 28 дней; ординар-

ный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Глазеназъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Богородицкій*—съ 1-го іюля по 1-е октября 1892 года.

Уволены въ отпускъ: а) *въ Россіи:* директоръ Несвижской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Мелиоранскій* съ 1-го мая по 30-е іюля 1892 года; директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дьяконовъ*—по 25-е мая 1892 года; директоръ Новочеркасской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Григорьевскій*—съ 5-го іюня по 2-е августа 1892 года; окружный инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Филоматитскій*, директоръ Бѣльской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Маковельскій* и дѣлопроизводители VIII класса департамента народнаго просвѣщенія: надворный совѣтникъ *Ковалевскій*, коллежскій ассессоръ *Бѣликовъ* и коллежскій секретарь *Максинъ*—на два мѣсяца; директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гофманъ*, статскіе совѣтники: директора гимназій: Минской—*Васильевъ*, троицкой—*Тихомировъ*, Пензенской первой—*Соловьевъ* и Полтавской—*Марковъ* и директора реальныхъ училищъ: Самарскаго—*Херувимовъ* и Урюпинскаго—*Ренчицкій* на лѣтнее вакаціонное время 1892 года; директоръ Курскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Радкевичъ*—съ 10-го мая по 5-е августа 1892 года; директоръ Императорской Казанской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крелленбергъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г. и 29 дней; инспекторъ народныхъ училищъ Подольской губерніи, статскій совѣтникъ *Грицай*—съ 15-го іюня по 15-е сентября 1892 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Отацкій*—на 28 дней и лѣтнее вакаціонное время 1892 года; начальница вольской Маріинской женской гимназіи *Власенко*—на два мѣсяца и лѣтнее вакаціонное время 1892 года; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и откомандированный въ распоряженіе попечителя кievскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ничипоренко* и директоръ Александровскаго тюменскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Словцовъ*—на четыре мѣсяца; б) *въ Россіи и за границу:* дѣйствительные статскіе совѣтники: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства *Радонежскій*—на три мѣсяца и директоръ московской четвертой гимназіи *Кульчицкій*—на лѣт-

нее вакаціонное время 1892 года и 29 дней, и в) за границу: учитель бѣлостокскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Шмидъ*—съ 22-го мая по 1-е іюля 1892 года; врачъ сумскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Фрей*—на два мѣсяца; учитель гимназій при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, надворный совѣтникъ *Мерингъ*—съ 15-го іюня по 1-е сентября 1892 года; учительница частной женской гимназій г-жи Гедда въ С.-Петербургѣ *Молленауеръ*—на три мѣсяца и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера князь *Гедройцъ*—на четыре мѣсяца; на лѣтнее вакаціонное время 1892 года: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: харьковскаго—статскіе совѣтники: *Гаттенбергеръ*, *Куплеваскій* и *Зальскій* и казанскаго—статскій совѣтникъ *Арзамельскій*, инспекторъ студентовъ Императорскаго университета святаго Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Латоріо*, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета *Пташицкій*, профессоръ Императорскаго московскаго техническаго училища, статскій совѣтникъ *Колли*, доценты сего училища: коллежскій секретарь *Малызовъ* и *Федоровъ*, преподаватель и воспитатель пансіона гимназическихъ классовъ лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ *Юргенсенъ*, почетный попечитель частной гимназій К. Мама въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Май*, инспекторы гимназій: тульской—статскій совѣтникъ *Млинаручъ* и московской второй—статскій совѣтникъ *Вегеръ*, директоръ егорьевской шестиклассной прогимназій, статскій совѣтникъ *Должелевъ*, директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви святой Анны въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кенигъ*, инспекторъ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, статскій совѣтникъ *Хабаровъ*, учителя гимназій: с.-петербургскихъ: третьей—статскіе совѣтники: *Райманъ* и *Фалконъ* и ларинской—статскій совѣтникъ *Залеманъ*, псковской—надворный совѣтникъ *Таннеръ*, орловской—статскіе совѣтники: *Шадекъ* и *Колликовскій*, востромской—статскій совѣтникъ *Фишеръ*, тамбовской—статскіе совѣтники: *Полоній* и *Михаи*, кутаисской—коллежскій совѣтникъ *Нарбутъ*, Императорской казанской первой—надворный совѣтникъ *Горталовъ*, кievской первой—*Черкуновъ*, бѣлоцерковской—*Дюранъ*, кievо-печерской—*Валкеръ* и *Русси* и рязанской *Кладе*, воспитатель и преподаватель коллегіи Павла Галагана, въ Кіевѣ, статскій совѣтникъ *Гордѣвичъ*, петропавловской женской гимназій, въ Москвѣ: начальница *Керберъ*, учитель *Гитце*, учительницы Эмма и Стелла *Ретиенъ* и над-

зирательницы той же гимназіи: *Штакманъ*, *Брунсъ*, *Борки* и *Перье*, помощница начальницы частной женской гимназіи княгини А. Оболенской, въ С.-Петербургѣ, *Герстфельдъ*, надзирательница Маріинской воронежской женской гимназіи *Блюмъ* и учительница сей гимназіи *Прибыткова*, учителя прогимназій: бобруйской — статскій совѣтникъ *Шулякевичъ* и петергофской Императора Александра II — *Ламихъ*, учителя училищъ, въ С.-Петербургѣ: при евангелическо-лютеранской церкви святой Анны: *Циммерманъ* и *Калнинъ* и при реформатскихъ церквяхъ: статскій совѣтникъ *Гаге* и *Кроттъ*, учителя реальныхъ училищъ: костромскаго — статскій совѣтникъ *Фарванъ*, шушинскаго — *Реслеръ* и харьковскаго — *Озле*, учитель московскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Варава* и учитель закавказской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Дмитріевъ*; *сверхъ лѣтнюю вакаціоннаго времени 1892 года*: учитель московскаго реального училища. статскій совѣтникъ *Скудельный* — по 16-е августа 1892 года, учитель харьковской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Шено* — на 6 дней; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: харьковскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гириманъ* и святаго Владимира — статскій совѣтникъ *Чиревъ* — на 10 дней; ординарный профессоръ Императорскаго харьковскаго университета, статскій совѣтникъ *Данилевскій* — на 28 дней и учитель костромской гимназіи, надворный совѣтникъ *Покровский* — по 1-е сентября 1892 года.

Отчисленъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій ассесоръ *Иваненко*, съ 18-го марта 1892 года, по случаю перемѣщенія его на должность сверхштатнаго чиновника особыхъ порученій, VII класса, при его Императорскомъ Высочествѣ московскомъ генералъ-губернаторѣ.

Уволенъ, согласно прошенію, профессоръ православнаго богословія Императорскаго дерптскаго университета, протоіерей *Образцовъ* — отъ службы, съ 1-го мая 1892 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: одесской городской думѣ, одесскому городскому головѣ, тайному совѣтнику *Маразли* и товарищу одесскаго городского головы, дѣйствительному статскому совѣтнику *Липину* — за содѣйствіе дѣлу народнаго образованія; почетному попечителю пензенской первой гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Логвинову* — за пожертвованіе въ пользу сей гимназіи; члену верхнедѣпровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, кандидату уѣзднаго предводителя дворянства *Яковлеву*, начальнику движенія екатерининской желѣзной дороги, инженеръ-техно-

логу *Христіановичу*, попечителю раздорскаго сельскаго училища, Павлоградскаго уѣзда, землевладѣльцу *Павлову*, попечителюницѣ алексѣевскаго сельскаго училища, Славяносербскаго уѣзда, женѣ купца *Алчевской* и почетному блюстителю петриковскаго сельскаго двухкласснаго училища, Новомосковскаго уѣзда, второй гильдіи купцу *Лысенко*—за усердіе ихъ къ дѣлу начальнаго народнаго образованія въ Екатеринославской губерніи; потомственному почетному гражданину *Деюхину*, почетному гражданину *Ушкову* и магистру фармаціи *Феррейну*—за оказанное ими содѣйствіе комитету по устройству московскихъ международныхъ конгрессовъ зоологическаго и по антропологій и доисторической археологій; симбирскому первой гильдіи купцу *Шатрову*—за сдѣланный имъ пожертвованія въ пользу симбирской чувашской учительской школы; попечителямъ начальныхъ училищъ Богородскаго уѣзда, Московской губерніи: амеревскаго—финляндскому уроженцу *Рабенку* и комутовскаго—московскому первой гильдіи купцу *Зубову*—за особые ихъ труды и заботы о благосостояніи названныхъ училищъ, а также и значительныя пожертвованія въ пользу оныхъ.

Исключены изъ списка умершіе: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго варшавскаго университета *Ефремовскій* и врачъ департамента народнаго просвѣщенія *Добровотворскій* и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ *Сафоновъ*.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *К. И. Тумскій. Технологія нефти. Выпускъ 1-й. Нефть. Съ 4-мя таблицами чертежей, 3 картами, 18 рисунками и 34 таблицами въ текстѣ. Москва. 1891 г.*—одобрить для библіотекъ промышленныхъ учебныхъ заведеній.

— Журналъ: „Вѣстникъ воспитанія. Научно-популярный журналъ для родителей и воспитателей, издаваемый въ Москвѣ, подъ редакціей д-ра *Е. А. Покровскаго*, за 1890, 1891 и 1892 годы“. Выходить 8 разъ въ годъ; книжками въ 6—8 листовъ и болѣе. Цѣна годоваго изданія 5 руб., съ доставкою и пересылкою 6 руб.—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

**ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ О КОНКУРСѢ ВЪ 1892 Г. НА
ПРЕМИИ ПО СОСТАВЛЕНІЮ УЧЕБНЫХЪ РУКОВОДСТВЪ И
ПОСОБІЙ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ УЧИЛИЩЪ.**

На основаніи утвержденнаго г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра Положенія о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ (среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ) объявляется въ 1892 г. конкурсъ на составленіе учебныхъ руководствъ по слѣдующимъ предметамъ:

I. Механика, устройство машинъ, механическія производства, технология дерева, технология металловъ.

II. Химія, химическія производства.

III. Математика, физика, электротехника, метеорологія.

IV. Строительное искусство.

V. Сельско-хозяйственная технология, общее и частное земледѣліе, скотоводство, сельско-хозяйственные орудія и машины, сельскохозяйственная экономія и счетоводство.

VI. Горное искусство, металлургія, маркшейдерское искусство.

VII. Естественная исторія, съемка и нивелировка, коммерческая географія и основанія политической экономіи, счетоводство и коммерческая корреспонденція, узаконенія.

Составители сочиненій, представляемыхъ для соисканія премій, должны привѣсть во вниманіе:

1. Утвержденное управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра положеніе о преміяхъ за лучшія учебныя руководства и пособія для промышленныхъ училищъ, отпечатанное въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1890 г.

2. Высочайше утвержденныя 26-го іюня 1889 г. таблицы числа часовъ учебныхъ занятій въ недѣлю въ промышленныхъ училищахъ, а также утвержденныя министромъ народнаго просвѣщенія 27-го сентября 1889 г. уставы училищъ: среднихъ и низшихъ техническихъ и ремесленныхъ.

3. Обнародованныя, и имѣющія быть обнародованными, программы упомянутыхъ выше промышленныхъ училищъ.

Сочиненія должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позднѣе 25-го декабря 1892 г.

Учебныя руководства и пособия принимаются для соисканія премій какъ печатныя, такъ и въ рукописяхъ; но послѣднія будутъ подвергаемы разсмотрѣнію лишь въ такомъ случаѣ, если они окажутся написанными опрятно и разборчиво. Разнымъ образомъ рисунки и чертежи должны быть исполнены чисто и аккуратно. Сочиненія рукописныя, а также печатныя, но безъ означенія имени автора, посылаются подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ къ рукописи пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣсто жительства.

РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ПО ВЫСШЕМУ ЦЕРКОВНОМУ УПРАВЛЕНІЮ ¹⁾).

II. Положеніе Святѣйшаго Синода *de facto*.

с) *Судебныя права Святѣйшаго Синода въ сравненіи съ правами Сената*. Судебныя права Синода при его учрежденіи не были точно опредѣлены. Въ указѣ объ открытіи духовной коллегіи повелѣвалось имѣть ее „за важное и сильное правительство, я у него крайнія дѣла духовныя управы рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться“. По смыслу этихъ словъ, Синоду принадлежить высшая судебная власть. Но *въ какихъ дѣлахъ*, объ этомъ здѣсь не говорится; въ Духовномъ регламентѣ кругъ вѣдомства Синода ограниченъ чисто церковными дѣлами, а потому и судебная дѣятельность его опредѣлена имъ только съ церковной стороны; какъ самый судъ, такъ и наказанія носятъ характеръ духовный; въ случаѣ безуспѣшности этихъ мѣръ судъ передается гражданской власти.

Но понятно, что такое общее опредѣленіе судебныхъ правъ Синода было недостаточно; при вступленіи его въ жизнь нужно было выяснить ихъ частице и опредѣлить границы этой власти. Поэтому съ самаго начала своего существованія Синоду приходилось обращаться къ государю за разъясненіемъ своихъ судебныхъ полномочій и при этомъ сталкиваться съ Селатомъ, чувствовавшимъ себя сильнѣе Синода. Прежде всего надо было выяснить, въ какомъ смыслѣ понимать Синоду свою судебную власть надъ духовенствомъ: подлежитъ ли оно его суду по уголовнымъ проступкамъ въ той же мѣрѣ, какъ по проступкамъ своей должности? Отсутствие въ регламентѣ отвѣта на этотъ вопросъ пони-

¹⁾ Окончаніе. См. іоньскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

имѣютъ въ томъ смыслѣ, что, какъ и въ древней Руси, „лица духовныя безусловно должны принадлежать церкви, слѣдовательно суду ея“ ¹⁾).

И дѣйствительно, Синодъ такъ и взглянулъ на дѣло. Слѣдуя древне-русскому идеалу, онъ думалъ усвоить себѣ тѣ судебныя права, какими въ широкихъ размѣрахъ обладалъ патріархъ; и вотъ, онъ просилъ у государя разрѣшенія быть духовнымъ вотчинамъ въ Синодѣ, и чинить ему надъ ними судъ и расправу ²⁾). Государь далъ свое согласіе на это. 21-го апрѣля того же года Синодъ высказывается опредѣленіе о своихъ судебныхъ правахъ; онъ готовъ допустить участіе свѣтской власти въ судопроизводствѣ надъ лицами его вѣдомства только въ дѣлахъ уголовныхъ, право же суда во всѣхъ другихъ дѣлахъ утверждалъ за собою ³⁾). Однако подобное стремленіе Синода не согласовалось съ представленіями Сената, и потому онъ не соглашался съ Синодомъ. По его мнѣнію, свѣтскія лица синодальнаго вѣдомства должны состоять въ юрисдикціи юстицъ-коллегии ⁴⁾). Синодъ обратился съ жалобою на Сенатъ къ государю, бывшему тогда въ отъѣздѣ (въ Ригѣ). Петръ положилъ резолюцію, въ которой, отказываясь отъ окончательнаго рѣшенія дѣла до своего пріѣзда, онъ какъ будто болѣе склоняется на сторону Сената ⁵⁾). На другой пунктъ синодскаго доклада государь положилъ резолюцію въ томъ смыслѣ, что по уголовнымъ и тяжбынымъ дѣламъ всѣ лица „синодальной команды“ должны быть въ вѣдѣніи гражданскаго суда; только въ случаѣ оговоровъ Синодъ, а не свѣтскій судъ, долженъ изслѣдовать, справедливъ ли оговоръ ⁶⁾).

Синодъ ждалъ исполненія царскаго обѣщанія относительно возникшихъ недоумѣній до 19-го ноября; въ этотъ день онъ снова представилъ нѣсколько вопросовъ на резолюцію государя; первый изъ нихъ былъ о томъ, чтобы всѣ преступленія лицъ синодальнаго вѣдомства, кромѣ уголовныхъ, были подчинены, по царскому указу, одному только Синоду, какъ прежде были „подъ судомъ патріаршимъ“ ⁷⁾; государь положилъ свою резолюцію, чтобы судебныя дѣла лицъ синодальнаго вѣдомства, кромѣ криминальныхъ, вѣдались *только въ Синодѣ* ⁸⁾). 12-го

¹⁾ Мюн. Приказъ, *Горчакова*, стр. 87—88; см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1875. июль, стр. 76; *А. Жарданъ*, стр. 186.

²⁾ П. С. П., I, 19 сл. ib. 3.

³⁾ Ibidem, I, 45, 1; см. 52, стр. 79.

⁴⁾ Ibidem, 57, 1.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem, п. 3.

⁷⁾ Ibidem, 285, п. 1, 2.

⁸⁾ Ibidem, 286, п. 1.

апрѣля 1722 г. было опредѣлено, какія дѣла должны быть въ вѣдѣніи Синода, и какія должны перейти въ завѣдываніе гражданскаго суда ¹⁾. Вызвано это опредѣленіе докладными же пунктами Синода отъ 19-го ноября 1721 г. Изъ царскихъ резолюцій, положенныхъ на нихъ, видно, что Синоду представлено было вѣдать дѣла „богохульныя, еретическія, раскольныя...., недоумѣнные браки и росписаніе совокупляющихся сродства, вины разводовъ брачныхъ“; только особы, „явственно хулящія“ имя Божіе, церковь и пр., изъяты были изъ синодскаго суда и посылались къ гражданскому ²⁾. Однако, какъ показываетъ г. Голубевъ, и въ этихъ дѣлахъ Синодъ не былъ полнымъ и единственнымъ судьей: здѣсь дѣйствовали двѣ судебныя власти: духовная и свѣтская ³⁾; первая полагала окончательныя постановленія, когда виновный признавался самъ; когда же его нужно было приводить къ признанію пытками, то окончательные приговоры дѣлалъ свѣтскій судъ; такимъ образомъ судебная власть Синода была уже, чѣмъ Сената, который въ изслѣдованіи и рѣшеніи относительно виновности дѣйствовалъ самостоятельно и неограниченно въ противоположность первому. Любопытно затѣмъ, что свѣтская власть не особенно довѣряла духовному суду и ставила ограниченія ей въ позывѣ на судъ: напримѣръ, обвиняемаго въ расколѣ духовная власть могла допрашивать лишь послѣ удостовѣренія въ его виновности со стороны свѣтскаго начальства ⁴⁾. Судъ духовный совершался медленно, и вотъ свѣтская власть побуждаетъ его рѣшать дѣла скорѣе, безъ волокиты ⁵⁾. Но Синодъ, ревниво относясь къ своимъ правамъ, какъ равнымъ сенатскимъ, „усматривалъ себѣ обиду“, „умаленіе своей чести“ въ подобныхъ побужденіяхъ со стороны свѣтской власти ⁶⁾.

Еще чаще происходили столкновенія между Синодомъ и свѣтскими учрежденіями изъ-за вотчинъ синодальнаго вѣдомства. Онѣ были подчинены Святѣйшему Синоду по сборамъ, управленію и расправѣ ⁷⁾. Вѣдѣніе всякаго рода установленныхъ сборовъ съ вотчинъ бывшихъ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ исключительно должно быть въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ; отсюда эти сборы велѣно

¹⁾ Ibidem, II, 523.

²⁾ Внутр. бытъ, кн. 2, стр. 246; ср. II. С. П., II, стр. 175—176.

³⁾ Внутр. б., кн. 2, стр. 246—248.

⁴⁾ Ibidem, стр. 248.

⁵⁾ II. С. П., II, 846, 857.

⁶⁾ Вн. б., кн. 2, стр. 248—250.

⁷⁾ II. С. П., I, 19, 29, 45, 196, 240, 285 (п. 3, стр. 299).

было препровождать своевременно въ указанныя по провинціямъ и губерніямъ мѣста или прямо въ Святѣйшій Синодъ; архіереямъ вмѣнено было „неотложно надзирать, дабы сверхъ положенныхъ сборовъ *ничего излишняго* по своимъ прихотямъ никто не собиралъ и запрещеннымъ взяткамъ не касался“; это замѣчаніе относилось къ подчиненнымъ архіерея, которые и должны были дѣлать сборы ¹⁾. Такъ какъ Синоду трудно было бы самому слѣдить за всѣми сборами съ вотчинъ его вѣдомства, то въ 1721 году былъ возстановленъ Монастырскій приказъ ²⁾,

Однако нарушенія владѣльческихъ правъ Синода были не рѣдки. То и дѣло слышались жалобы на притѣсненія въ церковныхъ вотчинахъ со стороны свѣтскихъ управителей, которыхъ, по праву, не должно было даже и „внушать туда“ Вотчины терпѣли разныя притѣсненія отъ пріѣзжавшихъ въ нихъ за сборомъ комиссаровъ и другихъ приказныхъ. Епархіальные архіереи и Монастырскій приказъ доносили, что воеводы, комиссары и земскихъ дѣлъ управители не только для сборовъ, но и по челобитчиковымъ дѣламъ, посылають въ архіерейскія вотчины подъячихъ съ солдатами, чинять обиды какъ крестьянамъ, такъ и священно-служителямъ, берутъ съ нихъ подводы, бьютъ ихъ на правехъ, держатъ продолжительное время подъ карауломъ, разоряють въ конецъ ³⁾; то тамъ, то здѣсь жалуются на отягощеніе *излишними* налогами и поборами со стороны свѣтскихъ правителей ⁴⁾. Синодъ опредѣлялъ, чтобы вотчины „синодальной команды“ имѣли во всемъ равенство съ помѣщичьими и вотчинничьими ⁵⁾; но это не улучшало дѣла; комиссары обходили помѣщичьи земли и старались отводить солдатамъ земли монастырскія до самыхъ стѣнъ монастыря; крестьяне за скудостью земель „брелись врозь“, нанося убытокъ монастырямъ. Такъ было въ Новгородской епархіи. Стряпчій Новгородскаго архіерейскаго дома обращается въ Синодъ, прося произвести отводъ земель равномернѣе. Святѣйшій Синодъ снесся съ Сенатомъ и Военной коллегіей, но это, кажется, не улучшило дѣла, потому что въ 1722 году тотъ же стряпчій (Качаловъ) вошелъ въ Синодъ съ новымъ доношеніемъ о неравномѣрномъ несеніи повинностей духовными вотчинами

¹⁾ П. С. II., I, 29.

²⁾ Оп. д., 1721 г., № 104; см. *Горчаковъ*, Мон. Приказъ, стр. 249; также стр. 202—246.

³⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 357—358; см. *ibidem* ст. 704—705; 588 ж; П. С. II., I, 150, 346; *ibidem*, II, 388; *Горчаковъ*, приложение №№ 9, 10, 11.

⁴⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 418, 540—541, 621—622, 629—630.

⁵⁾ Оп. д. 1721 г., ст. 374.

въ сравненіи съ свѣтскими ¹⁾). Синодъ получалъ доношенія, что, *вопреки его опредѣленію* относительно сбора съ вотчинъ его вѣдомства, камериры и воеводы требуютъ сборовъ съ архіерейскихъ вотчинъ и не доставляютъ сборныхъ книгъ и вѣдомостей архіереямъ ²⁾). Указывая на подобное нарушеніе своихъ правъ, Синодъ обращался къ Сенату, но отношеніе Сената къ этому дѣлу довольно характерно: онъ не спѣшилъ разсылкою указовъ о возвращеніи церковныхъ вотчинъ въ вѣдомство Синода ³⁾, вслѣдствіе чего гражданскія учрежденія управляли церковными вотчинами попрежнему, указовъ синодскихъ не слушались ⁴⁾, отказываясь отъ ихъ исполненія до тѣхъ поръ, пока не получатъ именнаго указа о томъ изъ Сената ⁵⁾. Синодъ писалъ вѣдѣнія въ Сенатъ по поводу незаконныхъ дѣйствій свѣтскихъ властей ⁶⁾ и требовалъ себѣ удовлетворенія, „сатисфакціи“ ⁷⁾.

Но изъ документовъ не видно, чтобы Синодъ получилъ удовлетвореніе отъ Сената; напротивъ того, есть факты, указывающіе, что Синодъ иногда встрѣчалъ даже *прямое сопротивленіе* со стороны Сената при осуществленіи своихъ правъ относительно церковныхъ вотчинъ. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на особенно выдающіеся случаи подобнаго отношенія Сената къ Синоду. Изъ нихъ наиболѣе типичны факты двухъ родовъ. Интересно, что когда возвращены были въ вѣдѣніе Синода церковныя вотчины, то многія изъ нихъ оказались занятыми свѣтскими правителями (даже бывшія патриаршія, которыми теперь непосредственно завѣдывалъ Синодъ) ⁸⁾, такъ что архіерей, напримѣръ, пріѣхавъ въ назначенныя имъ мѣста жительства, находили ихъ занятыми и принуждены были нанимать частныя квартиры ⁹⁾. Ихъ законныя просьбы объ очищеніи мѣстъ свѣтскими правителями оставались безъ вниманія или даже получали отказъ, такъ что Синодъ однажды былъ вынужденъ поставить воен-

¹⁾ Ibidem, ст. 608—609, 696.

²⁾ Ibidem, 1722 г., № ³⁵⁷/₁₂₄₅; Горчаковъ, приложение №№ 7 и 12.

³⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 358.

⁴⁾ П. С. II., I, 52.

⁵⁾ Оп. д., 1721 г., № ¹⁰/₈₈₈ см. ibidem, стр. 81.

⁶⁾ П. С. II., II, 424; 699; 710, 788.

⁷⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 604, 651; ibidem, 1722 г., № ⁷⁸⁷/₃₈₁.

⁸⁾ Оп. д., 1721 г., №№ ⁵⁸⁷/₅₆₅, ⁵⁸⁴/₅₆.

⁹⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 636—637.

ный караулъ, чтобы прекратить дальнѣйшій подвозъ „мундира“, которымъ заняли московское подворье епископа Георгія; но это не помѣшало майору Мундирной канцеляріи Воейкову и прапорщику Михайловскому, черезъ нѣсколько времени „многочисленнымъ... сильно на оное подворье привести поставить мундиръ“ ¹⁾. Особенно сильное противоѣдѣіе оказалъ синодальнымъ чиновникамъ стольникъ Головинъ ²⁾; Синодъ требовалъ отъ Военной коллегіи „сатисфакціи“ на него, но та отвѣчала, что „ничего надъ нимъ учинить не возможно“ ³⁾. Это было въ 1721 году. Въ началѣ слѣдующаго года Синодъ требуетъ отъ Сената опредѣленія, „дабы оныя подворья, кромѣ генеральнаго распредѣленія, партикулярными квартирами не были утрудяемы“ ⁴⁾. Однако, не смотря на то, что требованіе Синода основывалось на царской резолюціи (14-го февраля 1721 г.), Сенатъ не спѣшилъ его исполнять. Онъ потребовалъ отъ Синода подробныхъ свѣдѣній о занятыхъ воинскимъ постоемъ земляхъ; въ маѣ того же года свѣдѣнія эти были представлены монастырскимъ приказомъ въ Синодъ, а изъ него были посланы въ Сенатъ ⁵⁾. Однако Сенатъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій въ теченіе почти полугода. Синодъ снова сообщаетъ ему о томъ же ⁶⁾. Но опять со стороны Сената нѣтъ распоряженій. Тогда Синодъ пишетъ протестъ, требуя очищенія своихъ вотчинъ въ самомъ скоромъ времени отъ всѣхъ постоевъ, назначенныхъ свѣтскими командами. Любопытно, что Синодъ, въ случаѣ послушанія его распоряженія, грозитъ послать обрѣтавшихся при немъ лейбъ-гвардіи солдатъ, „которыми оныя подворья упразднены будутъ безъ требованія отъ свѣтскихъ командъ позволенія“ ⁷⁾. Не извѣстно, привелъ ли Синодъ въ исполненіе свою угрозу; вѣроятно же, что нѣтъ. такъ какъ 19-го ноября 1722 года на конференціи опредѣлено было „постой и поклажи свести“ ⁸⁾; но въ дѣйствительности все оставалось попрежнему и послѣ конференціи, такъ что въ слѣдующемъ году Синодъ сообщаетъ въ Сенатъ новое вѣдѣніе, въ которомъ требуетъ себѣ вознагражденія изъ табельныхъ доходовъ за все время

¹⁾ Ibidem, 637.

²⁾ П. С. П., I, 212; см. Оп. д., 1721 г., ст. 651; П. С. П., I, 264.

³⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 651; см. П. С. П., 212.

⁴⁾ П. С. П., II, 356, 415, 717.

⁵⁾ П. С. П., II, 603; см. Оп. д., 1722, ч. I, ст. 80—87.

⁶⁾ П. С. П., II, 871.

⁷⁾ Ibidem, 908.

⁸⁾ Ibidem, III, 971.

занятія подворій казеннымъ постоемъ или покладами ¹⁾). Но Сенать вѣдѣніемъ отъ 21-го октября 1723 г. отказалъ въ своемъ согласіи на такое вознагражденіе, указывая, съ одной стороны, на то, что только невозможность очистить подворье въ скоромъ времени мѣшала исполненію синодальныхъ требованій по этому предмету, а, съ другой стороны, на то, что „табельныхъ доходовъ, кромѣ опредѣленныхъ мѣстъ, ни на какіе расходы держать не велѣно“ ²⁾). Подобныя же отношенія Сената къ Синоду еще лучше видны изъ любопытнаго дѣла о возвращеніи псковскихъ церковныхъ вотчинъ въ непосредственное вѣдомство духовныхъ властей ³⁾). Дѣло это тянулось слишкомъ десять лѣтъ и было рѣшено только въ 1733 году. Точно такъ же, какъ и изъ-за возвращенія подворій, приходилось Синоду нѣсколько разъ писать указы и вѣдѣнія, требовать „сатисфакцій“, но и здѣсь, какъ и тамъ, положеніе дѣла долго не уяснялось. Представимъ вкратцѣ сущность этого дѣла. Псковскіе церковные старосты не хотѣли отдавать церковныя вотчины въ вѣдѣніе духовныхъ властей, которыя совершенно законно настаивали на этомъ. Послѣднія обо всемъ донесли въ Синодъ, тотъ же послалъ указъ въ Главный магистратъ о вмѣшательствѣ посадскихъ „мужиковъ“ въ церковныя дѣла и требовалъ, чтобы впредь этого вмѣшательства не было. Однако въ результатѣ осталось все попрежнему. Слѣдуетъ новый указъ Синода; Главный магистратъ дѣлаетъ распоряженіе бурмистрамъ объ его исполненіи; но псковичи не думаютъ его исполнять. Въ Синодъ попрежнему идутъ жалобы на старость; почти два года онъ безуспѣшно ведетъ переписку съ Главнымъ магистратомъ, и, наконецъ, 9-го сентября 1724 г. обращается въ Сенать, требуя „сатисфакціи“ въ „такой противности“ Главнаго магистрата; но только черезъ пять слишкомъ лѣтъ полученъ былъ Синодомъ отвѣтъ отъ Сената (въ августѣ 1730 г.). Изъ этого отвѣта видно, что псковичи обращались въ Сенать, жалуясь на притѣсненія со стороны духовныхъ властей и доказывая свои права на владѣніе церковными вотчинами; Сенать, найдя челобиты псковичей справедливымъ, рѣшила дѣло въ ихъ пользу. Но это сенатское опредѣленіе было опротестовано мѣстнымъ архіереемъ Рафаиломъ, доказывавшимъ, что все, что писали псковичи о своихъ правахъ, „написали ложно“; затѣмъ онъ требовалъ, на основаніи указовъ государя, чтобы не от-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Оп. д., 1722, ч. I, ст. 87.

³⁾ Ibidem, 1721 г., ст. 401—414; прил. XXXIII, стр. CCCXX—CCCLXV.

давать церковныхъ вотчинъ посадскимъ людямъ. Это его требованіе поддерживалъ и преемникъ его по кафедрѣ Варлаамъ, просившій Синодъ въ своемъ доношеніи отъ 29-го іюля 1731 года „учинить рѣшеніе“ по возникшему во Псковѣ спорному вопросу. 26-го ноября того же 1731 г. Святѣйшій Синодъ дѣйствительно рѣшилъ это дѣло въ той силѣ, въ какой требовалъ преосвященный Рафаилъ, замѣтивъ при этомъ, что все, писанное псковичами Сенату, „имъ, псковичамъ, не къ оправданію“, и что поэтому они должны дать отчетъ въ своемъ управленіи церковными вотчинами архіерейскому дому. Получивъ это синодское опредѣленіе, Сенатъ сдѣлалъ уступку: не настаивая на своемъ приговорѣ 29-го іюля 1730 г., но и не соглашаясь съ опредѣленіемъ Синода, онъ предложилъ для прекращенія спора среднюю мѣру; Сенатъ опредѣлялъ для контроля за церковными доходами и расходами выбирать достойныхъ лицъ какъ изъ духовенства, такъ и изъ псковскаго купечества, снабдить ихъ приходо-расходными книгами, и по истеченіи года они должны подавать отчетныя вѣдомости: духовные въ архіерейскій домъ, а свѣтскіе псковскому воеводѣ. Предложенный Сенатомъ способъ управленія церковными вотчинами Синодъ находилъ въ существѣ дѣла удовлетворительнымъ, только, по его мнѣнію, лучше было бы производить счеты не въ воеводской канцеляріи, а „во псковскомъ архіерейскомъ домѣ“, да не слѣдовало бы впредь допускать въ старосты посадскихъ людей, какъ явно обличенныхъ въ похищеніи. Это было въ 1732 году, продолжительный споръ такимъ образомъ приходилъ къ концу; однако предъ полнымъ его окончаніемъ Сенатъ еще разъ подалъ поводъ Синоду изложить весь ходъ дѣла *тономъ протеста*, и при томъ самой государынѣ. Сенатъ, „не ожидая на него (то-есть, на свое рѣшеніе) изъ Святѣйшаго Синода согласія“, доложилъ о всемъ государынѣ. Опасеніе быть представленнымъ съ невыгодной стороны побудило Синодъ изложить, съ своей стороны, дѣло государынѣ во всеподданнѣйшемъ доношеніи.

Въ 1733 г. государыня положила конецъ спору, удовлетворивъ обѣ стороны, при чемъ преимущественное право распоряженія церковнымъ достояніемъ и повѣрки его употребленія было утверждено за духовенствомъ.

Разсмотрѣнные случаи, какъ нельзя лучше, характеризуютъ отношенія Сената къ Синоду.

д) *Административная власть Святѣйшаго Синода (въ сравненіи съ властью Сената)*. Какъ въ области законодательной и судебной по своимъ правамъ Синодъ былъ равенъ Сенату, хотя на дѣлѣ и долженъ

былъ нерѣдко уступать послѣднему, точно такъ же и въ области администраціи: равный *de jure* съ Сенатомъ, онъ *de facto*, хотя значительно рѣже, чѣмъ въ первыхъ случаяхъ, терпѣлъ, однако, вмѣшательство со стороны послѣдняго.

Въ Духовномъ регламентѣ довольно подробно очерчена главная область дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Синода; постановленіе каноновъ, разныя распоряженія по дѣламъ вѣры и нравственности лежали на обязанности исключительно Синода, и этимъ самымъ, казалось бы, полагался конецъ всякаго рода вмѣшательствамъ въ духовныя дѣла (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) со стороны Сената, который незаконно присвоивалъ себѣ это право въ періодъ междупатріаршества ¹⁾). Святѣйшій Синодъ предпринималъ разныя мѣры къ поднятію нравовъ и просвѣщенія. Въ большинствѣ случаевъ онъ исполнѣ самостоятельно пишетъ указы въ подвѣдомственные ему учрежденія; въ Сенатъ же сообщаетъ вѣдѣнія. Онъ не пишетъ даже въ началѣ указовъ по чисто церковнымъ дѣламъ имени государя, а начинаетъ указъ, ставя себя впереди, какъ замѣняющаго патріарха: „Святѣйшій Синодъ приговорили“... Но въ то же время ему приходилось и здѣсь чувствовать свою зависимость отъ Сената. Изъ упомянутой уже нами конференціи объ иконописаніи достаточно видно отношеніе Сената къ Синоду: первый здѣсь занимаетъ главное мѣсто. Въ Синодѣ составляютъ приговоръ и посылаютъ его съ секретаремъ (Семеновымъ) въ Сенатъ, „*ради аттребации*“, и при этомъ посылаютъ „безъ синодальнаго подписанія“. Сенатъ же предложилъ „ради нѣкоторыхъ резоновъ онаго приговора до прибытія изъ нынѣшняго походу Е. И. В. въ Москву Святѣйшему Синоду не подписывать и въ дѣйство не производить“ ²⁾). Интересно далѣе, что въ протоколѣ конференціи, подписанной членами Синода и сенаторами, читаемъ такое распоряженіе Сената: „и хотя такое надъ иконниками надзирательство въ разныя времена и употреблялось, однакожъ и доннѣ многая въ вышеозначенномъ (то-есть, иконописаніи) неисправа явствуется. Чего ради *Правительствующій Сенатъ судилъ за благо*: оную несправу коемуждо архіерею въ своей епархіи усмотрительно со временешъ исправлять“... ³⁾). Иногда Сенатъ кассировалъ административныя распоряженія Синода. Напримѣръ, протопопъ Олимпіевъ

¹⁾ О вмѣшательствѣ Сената въ духовныя дѣла въ этотъ періодъ см. *А. Жарданъ*, стр. 1—32.

²⁾ II. С. II., II, 777, стр. 467.

³⁾ Изъ рукъ сенатскихъ докум. см. Внутр. б., II, стр. 251.

и попъ Алексѣй Никитинъ за какіе-то проступки сосланы были въ Соловецкую тюрьму. Между тѣмъ, по случаю мира съ Швеціей, былъ изданъ манифестъ о прощеніи разныхъ преступниковъ. Для исполненія этого манифеста Сенатъ постановилъ правила: простить и отпустить домой тѣхъ, у кого „ноздрі не выняты или другіе какіе знаки не положены“. Узнавъ о манифестѣ, упомянутыя духовныя лица подали въ Святѣйшій Синодъ просьбы о прощеніи, при чемъ попъ Никитинъ просилъ постричь его въ монахи. Такъ какъ у нихъ ноздрі не были „выняты“, то Синодъ распорядился исполнить ихъ просьбы; при этомъ *о постриженіи Никитина сообщилъ въдѣніемъ въ Сенатъ*. Послѣдній, получивъ въдѣніе, опредѣлилъ: сослать этихъ поповъ въ Сибирь, и тамъ, если пожелаютъ, могутъ принять постриженіе ¹⁾. Выѣшивался Сенатъ также въ вопросы о содержаніи и построеніи церквей. Такъ онъ писалъ Синоду: „которыя церкви построены какъ въ городѣ, такъ и въ селѣхъ при малыхъ приходахъ и при вотчинниковыхъ *до сего опредѣленія*, и тѣмъ *до указу* быть попрежнему... А впредь запретить, дабы вновь церквей строить никого архіерея не допускали, и о томъ изъ Синода по епархіямъ послать указы“ ²⁾. Впрочемъ, о выѣшательствахъ Сената въ административную дѣятельность Синода должно замѣтить, что чаще и серьезнѣе оно было въ вопросахъ, имѣвшихъ не только интересъ церковный, но и обще-гражданскій. Сюда относились главнымъ образомъ вопросы: объ отпускѣ денегъ на содержаніе лицъ духовнаго вѣдомства и на церковныя строенія и „потребы“; объ освобожденіи домовъ священно и церковнослужителей отъ военнаго постоя; о назначеніи къ арестантамъ священниковъ для отпращиванія духовныхъ требъ и т. п. ³⁾. Въ дѣла же вѣры выѣшивался Сенатъ не такъ часто и не такъ серьезно: какъ только указывалъ здѣсь Синодъ на незаконность дѣйствій Сената, послѣдній прекращалъ свое выѣшательство. Бригадиръ Фамендинъ, дѣлая перепись въ Казанской губерніи, доносилъ Сенату объ утайкѣ черемисами во время этой переписи. 543 человекъ, виновныхъ въ этой утайкѣ, просили, вмѣсто наказанія и штрафованія за ихъ проступокъ, дозволенія креститься. Сенатъ не только согласился на ихъ просьбу, но 9-го іюня 1723 г. предписалъ Фамендину, чтобы и на будущее время

¹⁾ Внутр. б., кн. II, стр. 252.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Примѣры подобнаго выѣшательства Сената не прекратились и двадцать лѣтъ спустя по учрежденіи Синода, о чемъ см. статью „о Сенатѣ“, Внутр. б., кн. II, стр. 197—199 и др.

крестили неправославному, если кто пожелает, того из виновных въ утайкѣ душъ, и это свое распоряженіе Сенатъ сообщилъ Синоду. Синодъ нашелъ такое самовольное распоряженіе Сената незаконнымъ, оскорбительнымъ для своей чести и за подписью всѣхъ своихъ членовъ послалъ Сенату протестъ; онъ писалъ, между прочимъ, что „оное сенатское вѣдѣніе немало Синодъ удивило, ибо нѣкая странная и сумнительная въ немъ показалася“. *Страннымъ* Синоду казалось это вмѣшательство потому, что 1) о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ крещеніе, должно заботиться духовное правительство; 2) что Сенатъ вѣдѣніемъ Синоду „не для дѣйствія, а только для вѣдома сообщаетъ, якобы оное дѣло не духовное“. *Сомнительнымъ* казалось Синоду крестить людей, пожелавшихъ этого св. таинства изъ боязни наказанія ¹⁾. Отвѣтъ Сената на этотъ протестъ, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ. Но послѣ этого отпора со стороны Синода Сенатъ не пытался вмѣшиваться въ дѣла вѣры, по крайней мѣрѣ, при Петрѣ Великомъ.

Такимъ образомъ сравненіе правъ и полномочій Синода и Сената въ законодательной, судебной и административной дѣятельности приводитъ насъ къ той мысли, что полного равенства между этими учрежденіями не было. Не смотря на упоминаніе о томъ нѣкоторыми документами того времени, нельзя, однако, сказать, что „Святѣйшій Синодъ не только юридически, но и практически стоялъ на одинаковой высотѣ съ Сенатомъ“ ²⁾. Конференціи еще не доказываютъ полного равенства, тѣмъ болѣе, что нерѣдко на нихъ рѣшающее значеніе принадлежало не Святѣйшему Синоду, а Сенату, чего не могло бы быть при полномъ равенствѣ этихъ учрежденій. Если это преимущество Сенатъ удержалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и двадцать лѣтъ спустя по учрежденіи Синода ³⁾, не смотря на всѣ старанія со стороны послѣдняго ни въ чемъ не уступать первому, то ясно воплѣтъ, что въ первые годы существованія Святѣйшаго Синода влияние и сила Сената были еще больше. Можно было добиться равенства въ это время только *внѣшняю*, а не *по существу*, такъ какъ для этого *слишкомъ часты* были вмѣшательства со стороны Сената въ область правъ и полномочій Синода, и развѣ только въ видѣ исключеній можно указать на

¹⁾ Оп. д., 1723 г., ст. 380—382.

²⁾ Подобнаго мнѣнія держится г. В. Половъ въ статьѣ „О Святѣйшемъ Синодѣ и установленіяхъ при немъ“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1881 г., февраль, стр. 257).

³⁾ Внутр. б., кн. 2, ст. „о сенатѣ“, стр. 198.

два-три случая, когда Сенатъ самъ отказывался отъ всякаго участія въ дѣлахъ, касавшихся синодскаго вѣдомства, не смотря даже на чьи либо о томъ просьбы ¹⁾).

Въ этой мысли нашей о *антиномѣ* равенствѣ Синода съ Сенатомъ еще разъ легко убѣдиться; стоитъ только, хотя бы и вкратцѣ, коснуться вопроса объ организаціи Святѣйшаго Синода ²⁾).

Съ перваго дня существованія Синода потребовалось устроить при немъ канцелярію; при образованіи ея нужны были чиновники. Въ самый день своего открытія Синодъ, между прочимъ, ходатайствовалъ у государя предоставить ему право вызова черезъ Сенатъ тѣхъ чиновниковъ, которыхъ онъ найдетъ способными заниматься его дѣлами. Государь утвердилъ этотъ докладъ. Тогда изъ Синода были разосланы въ Москву и другіе города „солдаты для приведенія въ Петербургъ назначенныхъ въ синодальную команду“ чиновниковъ и отправлено о томъ вѣдѣніе въ Сенатъ ³⁾). Тотъ отвѣтилъ, что Синодъ можетъ распоряжаться только чиновниками Монастырскаго приказа (то-есть, прежняго), Духовнаго, Дворцоваго и Казеннаго, дьяками и подъячими архіерейскими и дворянами, кои не у дѣлѣ. Синодъ не могъ, конечно, быть доволенъ подобнымъ отвѣтомъ и обратился къ государю съ докладомъ о своей нуждѣ въ чиновникахъ, жалуясь на Сенатъ. Государь положилъ резолюцію отдать въ Синодъ тѣхъ чиновниковъ, кои ни въ Сенатѣ, ни въ коллегіяхъ, ни у другихъ дѣлѣ. Но это не окончило недоразумѣній между Синодомъ и Сенатомъ. Снова начались споры; къ тому же присоединилось сюда еще новое затрудненіе: многіе изъ чиновниковъ, выбранныхъ въ синодскую канцелярію, стали отказываться подъ разными предлогами, и особенно по болѣзни; солдаты, посланные за ними, возвращались обратно. Любопытно, что даже не хотѣли поступать на службу въ Синодъ чиновники изъ присутственныхъ мѣстъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, такъ что Синодъ долженъ былъ прибѣгать къ угрозамъ, страшая непокорныхъ вѣчною ссылкой въ галеры ⁴⁾). Между тѣмъ, отъ недостатка въ служащихъ въ синодскихъ дѣлахъ происходила остановка. Синодъ жаловался на Сенатъ, что тотъ не помогаетъ ему

¹⁾ Н. С. П., I, 80; *Жарданъ*, стр. 139—140.

²⁾ Подробно см. объ этомъ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1875 г. (статья Н. Востокова); *ibidem*, 1881 г. (статья В. Попова).

³⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 72—75.

⁴⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 74—75.

въ дѣлѣ высылки чиновниковъ для синодской канцеляріи. Даны были новыя предписанія Сенату, воеводамъ и камерирамъ по этому предмету. Но многіе изъ предназначенныхъ въ синодскую канцелярію скрылись и бѣжали изъ мѣстъ своего жительства, такъ что ихъ пришлось отыскивать черезъ полицію ¹⁾; самые воеводы и камериры неохотно отпускали отъ себя дѣловыхъ чиновниковъ въ Синодъ, за что послѣдній требовалъ у Сената „сатисфакціи“. Если подобныя препятствія встрѣчалъ Синодъ со стороны Сената въ дѣлѣ организаціи своей собственной канцеляріи, то повятно, что Сенатъ вовсе не былъ расположенъ давать чиновниковъ другимъ учрежденіямъ, подчиненнымъ Синоду ²⁾. Однако, не смотря на все это, уже къ концу 1722 года, благодаря настойчивости Синода, всѣ чиновники и другіе служители были при немъ, налицо; свободныхъ мѣстъ не было; число же всѣхъ „персонъ“ этихъ простиралось до 222 ³⁾; но относительно высылки чиновниковъ въ подвѣдомственные ему учрежденія дѣятельность Синода не была такъ успѣшна ⁴⁾.

Всѣмъ служащимъ въ вѣдомствѣ Синода на первыхъ же порахъ необходимо было назначить жалованье, и вотъ новое затруднительное положеніе для Синода. Въ 1722 году онъ представилъ, по требованію Сената, проектъ штата своего и нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій. Однако, не извѣстно, по какой причинѣ, штатъ этотъ не прошелъ въ Сенатѣ. Можетъ быть, сумма денегъ, необходимая на содержаніе служащихъ при Синодѣ, показалась Сенату очень большою, потому что въ слѣдующемъ году онъ потребовалъ новый проектъ штата, и при этомъ съ значительнымъ сокращеніемъ противъ прежняго. Но и этотъ проектъ не былъ одобренъ Сенатомъ. Лишь при Елизаветѣ Петровнѣ покончили съ нимъ, и штатъ Синода былъ приведенъ въ исполненіе, но этотъ штатъ былъ гораздо бѣднѣе прежняго ⁵⁾.

Какъ бы тамъ ни было, Синодъ, однако, въ своей организаціи старался ни въ чемъ не отставать отъ Сената и не уступать ему, а дѣйствовать съ нимъ наравнѣ. Тѣ же измѣненія и дополненія, какія происходили въ Сенатѣ, производилъ у себя и Синодъ, то заимствуя отъ Сената уже выработанныя формы организаціи, то параллельно раз-

¹⁾ Ibidem, стр. 237—239.

²⁾ Горчаковъ, Мон. Приказъ, гл. V, стр. 257—295.

³⁾ П. С. II, 901, стр. 597—8.

⁴⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., VIII, стр. 163—166.

⁵⁾ Внутр. б., кн. II, стр. 260.

пывая свои. Учреждается, напримѣръ, въ Москвѣ въ 1722 году *Сенатская контора*, Синодъ дѣлаеть у себя то же, учреждая *Синодскую контору*, назначаетъ въ нее членовъ и велять имъ сообразоваться въ дѣятельности съ инструкціей Сенатской конторы ¹⁾. Въ 1724 году Сенатъ находитъ нужнымъ точнѣе опредѣлить свое отношеніе къ прочимъ коллегіямъ и вводитъ болѣе правильные порядки ²⁾. То же самое дѣлаеть и Святѣйшій Синодъ ³⁾. Мысль эта о параллельномъ развитіи Синода, кстати замѣтимъ, была также мыслью самого преобразователя. Въ Духовномъ регламентѣ почти ничего не говорится объ организаціи Синода, и это указываетъ, что составитель регламента руководился мыслью государя объ установленіи одногообразія ⁴⁾ во всей государственной администраціи, и надѣялся примѣнить къ новому духовному учрежденію существовавшія формы организаціи свѣтскихъ учреждений ⁵⁾.

Изъ всего изложеннаго достаточно видно, въ какихъ отношеніяхъ къ Сенату былъ Святѣйшій Синодъ. Сравненіе правъ и полномочій послѣдняго съ правами и полномочіями перваго показало, что равенство между этими высшими правительственными учрежденіями, предполагаемое правомъ, *de facto* далеко не осуществлялось. Равенство было между ними, если угодно, скорѣе *внѣшнее*, но и его достигъ Синодъ, благодаря своей настойчивости; иначе бы онъ могъ такъ и остаться на ступени только *Духовной коллегіи*. Память о прежнемъ величій патріаршества была жива среди членовъ коллегіи, и они старались удержать за новымъ учрежденіемъ эту силу и честь патріаршества. Этими объясняются всѣ стремленія Синода сравняться, по крайней мѣрѣ, съ Сенатомъ и ревниво оберегать свои права: одинъ пропускъ имени „святѣйшаго“ вызывалъ протестъ со стороны Синода, который усматривалъ въ этомъ нежеланіе „признавать (его) за важное и сильное правительство“ и обращался къ Сенату съ требованіемъ „сатисфакціи“ ⁶⁾.

¹⁾ Н. С. П., IV, 1314.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Р. Им., VII, 4577.

³⁾ Н. С. П., IV, 1394.

⁴⁾ Ibidem, II, 989, 991.

⁵⁾ Ibidem, II, 448.

⁶⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 657

III. Отношеніе къ Святѣйшему Синоду духовенства и народа.

Хотя по указу государя Святѣйшій Синодъ долженъ былъ замѣнить патриарха, но въ глазахъ большей части духовенства и народа Синодъ долгое время не имѣлъ такого значенія. Пѣтъ надобности много распространяться объ этомъ; вполне достаточно указать только болѣе крупныя и общія явленія, подтверждающія высказанную мысль. Начать съ того, что въ члены Синода были введены ученые изъ малороссовъ. Это уже одно обстоятельство вызывало недовольство новымъ учрежденіемъ со стороны великорусскихъ архіереевъ, монаховъ и мірянъ ¹⁾. Престарѣлымъ архипастырямъ, въ родѣ Игнатія Сорскаго или Сильвестра Тверскаго, обиднымъ казалось подчиняться такому учрежденію, въ которомъ были члены изъ малороссовъ—„обливанцевъ“. Недоразумѣнія между ними и новымъ учрежденіемъ по этому были почти неизбежны.

Хотя въ Синодъ епископы обязаны были писать доношенія, какъ ему подчиненные, однако они позволяли себѣ писать къ нему вѣдѣніями, какъ равные ему, а это уже было „умаленіемъ синодальной чести“ ²⁾; иногда же они называли Святѣйшій Синодъ „превосходительствомъ“ и т. д. Синодъ не могъ, конечно, равнодушно смотрѣть на подобное къ себѣ отношеніе со стороны своихъ подчиненныхъ и взыскивалъ съ нихъ за такія „продерзости“ ³⁾, разъясняя имъ свое значеніе и власть, требуя безпрекословнаго повиновенія себѣ, „понеже оный Синодъ имѣетъ честь, силу и власть патриаршую или едва ли не большую, понеже есть соборъ“ ⁴⁾. Однако и послѣ такихъ разъясненій бывали случаи, когда владыки отказывались исполнять синодскія распоряженія, потому что тамъ засѣдали также низшіе ихъ іерархическіе чины, протопопы и попы. Если такое отношеніе къ Синоду было нерѣдкимъ со стороны епископовъ, то оно еще чаще было среди низшаго духовенства, священниковъ и монаховъ. Священники не хотѣли вспоминать Синода на ектеніяхъ; монахи, іеромонахи и архимандриты то и дѣло ослушались, не принимали его указовъ и подчасъ произносили о немъ „по-

¹⁾ *И. А. Чистовичъ*, „*Геофанъ Прокоповичъ и его время*“, стр. 97, 707.

²⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 220—223, 562.

³⁾ *Ibidem*, № 156/14.

⁴⁾ П. С. II., I, 20, 275.

носительныя слова¹⁾. „Что де за Синодъ, и какой Синодъ?“—кричалъ въ 1724 г. Троице-Сергіевскій іеромонахъ Викентій съ другими монахами, недовольными, какъ и онъ, распоряженіями арх. Гавріила Бужинскаго: „въ Синодѣ всѣ, поляки“²⁾. Правда, на слѣдствіи онъ показалъ, что былъ тогда пьянъ; но ясно, что онъ не произнесъ бы этихъ словъ при болѣе или менѣе сочувственномъ отношеніи къ Синоду. „Петръ—иконоборецъ“,—кричалъ Левинъ со словъ, будто бы, Стефана Яворскаго,—„онъ принуждалъ митрополита быть Синодомъ, но тотъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ и просилъ не быть Синодомъ“. — „Въ книгѣ Кирилловой написано“,—говорилъ Самуилъ Выморокъ,—„что антихристъ явится подъ именемъ Симона Петра“. — „Такъ оно и будетъ“—вторилъ монахъ Ефремъ,—„онъ—государь-то Петръ, а при себѣ сдѣлалъ Синодъ: то же, стало, и выходитъ—Симонъ да Петръ“. Монахи Саровской пустыни, прочитавши тетради о монашествѣ, разсуждали: „конечно въ Россіи быть Святѣйшему Синоду не подобаешь, а подобаешь быть святѣйшему патріарху“. Главнымъ образомъ являлись подметныя письма и тетради въ монастыряхъ. въ которыхъ ругали Синодъ и восхваляли патріаршество, хотя, по словамъ Теофана Прокоповича, похвалы патріаршеству писались „столь скудно и студено, что сами святѣйшіе патріархи въ награжденіе такой похвалы осудили бы тѣхъ писателей на шелепы, плети и вѣчную ссылку“. Недовольство новою формою церковнаго правленія было такъ велико, что при Петрѣ II, когда власть находилась въ рукахъ приверженцевъ стараго порядка вещей, въ рукахъ князей Долгорукихъ, недалеко уже было отъ осуществленія мысли уничтожить Синодъ и возстановить снова патріаршество; были намѣчены даже и кандидаты на послѣднее: одни указывали на Теофилакта Лопатинскаго, другіе говорили, что „ростовскій архіерей (Георгій Деликовъ) на патріаршій престолъ въѣдетъ на лошадахъ“³⁾.

Свѣтскіе правители при случаѣ не стѣснялись въ выраженіяхъ о Синодѣ, иные при этомъ позволяли себѣ такія слова о немъ, что нельзя передать ихъ письменно⁴⁾.

Однимъ словомъ, недовольныхъ учрежденіемъ Синода были цѣлыя массы: „вездѣ слышанъ былъ ропотъ и появлялись подметныя печатныя

¹⁾ Оп. д., 1721 г., ст. 385—386; П. С. II., II, 545; Оп. д., 1724 г., ст. 517—519.

²⁾ Оп. д., 1724 г., ст. 517; сл. И. А. Чистовичъ, стр. 98, пр. 1.

³⁾ И. О. Нилъскій, „Лекціи по исторіи раскола“, 1889 г., стр. 37—38.

⁴⁾ П. С. II., II, 711; 544; ср. Оп. д., 1722, ч. I, № 355.

письма, которыми выводилось изъ пророчествъ, что народился антихристъ, и народъ возбуждаемъ былъ противъ государя къ бунту“ ¹⁾).

Въ раскольническомъ сочиненіи: „Собраніе отъ Св. Писанія объ антихриствѣ“, всѣ доказательства антихристова пришествія обращаются около уничтоженія патріаршества ²⁾).

Ропотъ недовольныхъ доходилъ до Синода, и онъ предпринималъ со своей стороны мѣры къ прекращенію этого недовольства. Оеофанъ Прокоповичъ пишетъ оправдательныя статьи въ видѣ трактатовъ, въ которыхъ старается представить возраженія на обвиненія и разрѣшить недоумѣнія. Съ отмѣною патріаршества, естественно, должны были прекратиться и обычаи, имѣвшіе связь съ достоинствомъ патріаршимъ. Такъ велѣно было прекратить возношеніе имени патріарха во время богослуженія ³⁾, равно какъ и поклоненіе патріаршему мѣсту ⁴⁾. Имя патріарха было замѣнено въ служебникѣ именемъ Святѣйшаго Синода, который и поминался теперь на богослуженіи ⁵⁾. Это показалось странною новостью для большинства нашихъ предковъ и сильно смущало ихъ. Для успокоенія народа Святѣйшій Синодъ въ 1721 году 21-го мая напечаталъ въ количествѣ 1.000 экземпляровъ „нарочитое извѣстіе“ подъ заглавіемъ „О возношеніи имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради нынѣ оное въ церквахъ оставлено“ ⁶⁾, и разослалъ его по епархіямъ. Но трудно представить себѣ, чтобы оно могло достигнуть желаемой цѣли, если среди самихъ членовъ Синода произошли разногласія: одни стояли за отмѣну возношенія патріаршаго имени на богослуженіи, другіе, во главѣ которыхъ былъ Стефанъ Яворскій (президентъ Святѣйшаго Синода), были противъ. 9-го іюня того же года Стефанъ Яворскій подалъ собственноручно писанное имъ изложеніе своихъ мыслей, которое называлось у него „*вопросо-ответами*“. Но этотъ смѣлый и убѣжденный протестъ своего президента Святѣйшій Синодъ нашелъ несправедливымъ и возмутительнымъ; вопросо-ответы его, „яко не важныя и не крѣпкіе“, не были напечатаны. Самому Стефану Яворскому ихъ посланъ былъ указъ, которымъ подъ угрозою строгаго наказанія запре-

¹⁾ *И. А. Чистовичъ*, стр. 59.

²⁾ *Чт. Обы. Ист. и Др.*, 1863, кн. I, отд. III, стр. 53—56.

³⁾ Оп. д., 1721, ст. 70, 316—318, 360; П. С. П., I, 3 (п. I).

⁴⁾ Оп. д., 1721, ст. 536.

⁵⁾ Ibidem, ст. 489—490.

⁶⁾ Ibidem, прилож. № XXIV; П. С. П., I, 87; *И. А. Чистовичъ*, стр. 105—107.

щалось ему показывать свои вопросы-отвѣты кому бы то ни было ¹⁾. Другой трактатъ носилъ названіе: „Розыскъ историческій, коиъ ради винъ и въ яковомъ разумѣ были и нарицались императоры римстїи, какъ язычестїи, такъ и христїанстїи, повѣнчавшимися или архїереями многобожнаго закона; а въ законѣ христїанствомъ христїанстїи государи могутъ ли нарецїися епископы и архїереи, и въ какомъ разумѣ“. Сочиненіе это имѣетъ цѣлю доказать изъ исторїи, что императоры, какъ римскїе, такъ и византїйскїе, сосредоточивали въ своихъ рукахъ власть не только свѣтскую, но и духовную. Не трудно понять, что, доказывая это, авторъ хотѣлъ показать, что на управленіе церковными дѣлами государь имѣетъ право, и такимъ образомъ косвенно оправдывалъ преобразованіе, совершенное въ церковномъ управленїи ²⁾. Здѣсь много рѣзкихъ выходокъ противъ папъ, которые достигли преобладанія надъ государями, благодаря своему „любо-честїю“, невѣжеству народа и слабости самихъ государей ³⁾.

IV. Отношеніе къ Святѣйшему Синоду восточныхъ патріарховъ.

Ропотъ и недовольство не прекратились и два года спустя, когда существованіе Синода признали и восточные патріархи; впрочемъ, любопытно, что только двое изъ нихъ: константинопольскій и антїохійскій прислали ему свои грамоты ⁴⁾; въ нихъ они называютъ Святѣйшїй Синодъ своимъ „братомъ возлюбленнымъ и превосходѣннымъ“.

Давно уже русскїе критически относились къ грекамъ, подозрительно смотря даже на ихъ православїе, и потому грамоты патріарховъ не произвели почти никакого впечатлѣнїя. Зато хвалебные гимны Петру со стороны протестантовъ еще болѣе соблазняли православныхъ и враждебно настроивали по отношенію къ реформѣ. Иначе и быть не могло.

¹⁾ Объ этихъ сочиненїяхъ см. *Некарская Наука и литература* при Петрѣ Великомъ, II, стр. 502, 519.

²⁾ См. *П. Морозова*, Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 255—257.

³⁾ Оп. д., 1721 г., № ⁷⁶⁰/₈₈.

⁴⁾ Грамоты эти печатались нѣсколько разъ; отдѣльно 1840 г.; двѣ грамоты патр. см. П. Соб. Зап., № 4310, также выстѣ съ изложениемъ православной вѣры, П. С. II, III, 1115.

V. Отношеніе къ Святѣйшему Синоду протестантовъ.

Въ Западной Европѣ эта реформа возбудила въ протестантскомъ мірѣ надежды о возможномъ соединеніи съ нимъ въ недалекомъ будущемъ православія. Въ 1725 году былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Духовный регламентъ и напечатанъ въ Данцигѣ. Въ томъ же году въ Германіи появилась брошюра, очень популярно написанная, подъ заглавіемъ: „*Curieuse Nachricht von der itzigen Religion Ihre Kayserlichen Majestat in Russland*“...¹⁾. Въ этой брошюрѣ высказаны съ замѣчательною отчетливостью надежды на побѣду протестантизма надъ православіемъ, о которомъ авторъ замѣчаетъ, что хотя оно и сходно съ лютеранскимъ исповѣданіемъ, но еще удержало „много остатковъ папства“. Подъ этими остатками папства авторъ разумѣлъ поклоненіе предъ святыми иконами, монашество и т. п. Но и эти остатки должны вскорѣ исчезнуть, благодаря Петру Великому. „Въ Голландіи, Англіи и Германіи онъ узналъ, какая вѣра наилучшая, истинная и спасающая, и крѣпко запечатлѣлъ ее въ своемъ умѣ“. „Общеніе съ протестантами еще болѣе утвердило его въ этомъ образѣ мыслей; мы не ошибемся, если скажемъ, что его величество представляетъ себѣ религію въ видѣ лютеранской. Ибо, хотя въ Россіи до сихъ поръ еще не все устроено по правиламъ нашей религіи, однако тому ужъ положено начало, и мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ, что мы знали, что только грубые и упорные умы, воспитанные въ своей суевѣрной греческой религіи, не могутъ быть измѣнены сразу, а уступаютъ только постепенно; ихъ, какъ дѣтей, слѣдуетъ шагъ за шагомъ приводить къ познанію истины“. Эти свои надежды основываетъ авторъ на томъ, что Петръ „отмѣнилъ патріаршество и, по примѣру протестантскихъ князей, объявлялъ себя самого верховнымъ епископомъ (?) своей страны“. Такимъ образомъ, вѣроятно, поняли протестанты выраженіе государя, что онъ „крайній судія“... Нѣсколько дальше читаемъ: „Что касается до призванія святыхъ, то его величество указалъ, чтобы изображенія св. Николая нигдѣ не стояли въ комнатахъ, и чтобы не было страннаго обычая,—входя въ домъ, сначала кланяться иконамъ, а потомъ хозяину; отмѣнилъ также и обычай передавать черезъ мертвыхъ письма къ св. Николаю“. „Теперь руссы учатся въ школахъ по протестантской системѣ, воснятываются въ ихъ правилахъ, монастыри терпятъ ограниченія, мощи

¹⁾ П. Морозовъ, Теофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 272—275

не пользуются прежнимъ почетомъ“... и т. д. Въ такомъ же родѣ писали и другіе протестанты (напримѣръ, Буддей, Штраленбергъ) ¹⁾. Но ихъ надежды, конечно, не осуществились, да и не могли осуществиться: Петръ Великій слишкомъ любилъ свою Россію и былъ очень далекъ отъ той мысли, какую поторопились ему приписать нѣмецкіе писатели. Правда, его религіозныя убѣжденія вообще были довольно шатки, подчасъ граничили даже съ индифферентизмомъ, нерѣдко онъ склоненъ былъ къ протестантизму, какъ, напримѣръ, въ практическомъ пониманіи церкви и вѣры. Но вѣдь это были только неизбѣжныя въ немъ, какъ человѣкѣ, слабости при тѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, въ которыхъ выросъ и жилъ великій преобразователь. Онъ былъ чрезвычайно вѣротерпимъ, такъ что, ему удивлялись тогда въ самой Европѣ ²⁾, но онъ вовсе не думалъ во всемъ отдавать предпочтеніе чуждому исповѣданію предъ своимъ, и всегда, какъ извѣстно, строго ограждалъ православіе, только понимая его нѣсколько иначе, чѣмъ его предки. Онъ слишкомъ увлеченъ былъ заботою создать сильное государство изъ своего отечества, и потому иногда былъ неразборчивъ въ средствахъ къ достиженію своей цѣли. Ему, напримѣръ, были очень нужны и необходимы нѣмцы въ его дѣлѣ, и вотъ онъ сближается съ ними, даетъ имъ разныя льготы у себя, свое расположеніе къ нимъ простираетъ до того, что когда Стефанъ Яворскій написалъ свое обличеніе на лютеранъ, подъ заглавіемъ: „Камень вѣры“, то сочиненіе это не было издано... Такое поведеніе государя соблазняло, какъ извѣстно, многихъ православныхъ, ожесточало раскольниковъ и дало поводъ къ радужнымъ надеждамъ самихъ нѣмцевъ. Но ихъ надежды не осуществились, и одинъ протестантскій историкъ христіанской церкви (Яблонскій) съ досадою замѣчаетъ, что, „хотя православная церковь во многихъ пунктахъ христіанскаго ученія сродняется (сближается) съ протестантскою, но нельзя отрицать и того, что въ первой осталось отъ прежнихъ временъ много суевѣрій, которыхъ она упорно придерживается“ ³⁾.

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1843 г., январь и февраль: „Обозрѣніе иностранныхъ извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра“.

²⁾ „Ист.-стат. свѣдѣнія о С.-Пб. епархіи“, I, стр. 78.—*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1876, VIII, стр. 74.

³⁾ *Institutiones eccl. ch. III, p. 172—173*: „quamquam in quibusdam doctrinae christianae capitibus magis (graeco-russica ecclesia) ad protestantes accedere videntur, negari tamen non potest multo eam a prisci temporis superstitione trahere, usque pertinaciter inhaerere“ (*И. А. Чистовичъ*, стр. 45, прим. 1).

Такое враждебное отношеніе къ новой формѣ церковнаго управленія со стороны какъ духовенства, такъ и паствы не позволяетъ соглашаться съ взглядомъ, по которому Святѣйшій Синодъ даже и въ первые годы своего существованія (то-есть, даже и въ разсмотрѣнные нами годы) является учрежденіемъ *чисто* церковнаго характера, а государь, его учредившій, не больше какъ *ктиторъ только*, и при томъ въ прежнемъ смыслѣ этого слова. Тѣ источники, какими мы пользовались, рѣшительно противъ подобнаго заключенія. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы Святѣйшій Синодъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, не носилъ слишкомъ явной печати *государственности*, то, конечно, не могло бы быть и того неудовольствія, съ которымъ отнеслись къ нему современники. Вѣдь не вдругъ, какъ извѣстно, появились въ церкви Христовой всѣ формы церковнаго управленія и въ частности высшаго управленія; но появленіе архіепископовъ, митрополитовъ и патріарховъ не возбуждало ни ропота, ни недовольства. Любопытно, что измѣненіе въ положеніи Синода началось сразу же, по смерти Петра Великаго, когда живы были такіе его энергичные оподвижники, какъ Ѳеодосій Яновскій и Ѳеоданъ Прокоповичъ, одни изъ первыхъ членовъ Святѣйшаго Синода.

Не вдаваясь въ подробности, вспомнимъ только вкратцѣ, что въ первый годъ по смерти государя замѣнены были иностранныя названія членовъ Синода тѣми, которыя сохранялись и донынѣ („первоприсутствующій“ и „присутствующие“). Въ тотъ же годъ былъ сдѣланъ и другой шагъ назадъ, гораздо важнѣе перваго. Черезъ Св. Синодъ преобразователь иногда думалъ проводить въ жизнь народа, для поднятія его нравственности и искорененія невѣжества, такія крайнія мѣры, что не только раскольники, но и сами православные сильно соблазнялись ими; и это обстоятельство, конечно, въ ихъ глазахъ еще больше подрывало довѣріе къ новому учрежденію. Поэтому, въ первые же годы по смерти Петра, при томъ же Ѳеоданѣ Прокоповичѣ многія изъ подобныхъ распоряженій были отменены. Такія мѣры, какъ запрещеніе постройки новыхъ церквей, закрытіе домовыхъ, уничтоженіе часовенъ и строгое запрещеніе строить новыя, отобраніе изъ монастырей и церквей привѣсковъ и такъ называемыхъ „курьезныхъ“ вещей, въ родѣ нешлифованныхъ камней, запрещеніе ходить въ дома со Святою водою и Святыми иконами (древній этотъ православный, обычай извѣстный и нынѣ всѣмъ, названъ былъ въ Духовномъ регламентѣ пустымъ „суевѣріемъ“),—всѣ эти мѣры и имъ подобныя были очень неудачны, какія бы благія намѣренія онѣ ни преслѣдовали, ибо онѣ

шли въ совершенный разрѣзъ съ понятіями большинства русскихъ того времени. оберегавшихъ „свое“, „православное“ и смѣло смотрѣвшихъ въ глаза иностранцамъ, безъ боязни, что они скажутъ или подумаютъ о нихъ. Самъ государь нерѣдко погрѣшалъ въ этомъ. Петръ Великій часто ставилъ иностранцевъ въ примѣръ русскимъ, которые и безъ того подвергались насмѣшкамъ и осужденіямъ первыхъ за нѣкоторые свои обряды и обычаи, и тѣмъ, конечно, оскорблялъ незаметно для себя, народное чувство. Вотъ почему со смертью преобразователя необходимо должны были умереть и его крайнія мѣры ¹⁾.

Думаемъ, что сказаннаго вполне достаточно для оправданія нашего взгляда на церковную реформу Петра Великаго, и мы не будемъ потому распространяться объ *утилитарномъ* взглядѣ на монашество, высказанномъ преобразователемъ и самимъ Синодомъ, когда монашество трактовалось не какъ извѣстное *необходимое* явленіе при высшемъ развитіи религіозной жизни, а только „яко отъ человѣкъ установленный чинъ“ ²⁾, когда его существованіе признавалось лишь на столько, на сколько оно *реально* могло служить государству. Взглядъ этотъ слишкомъ былъ одностороненъ, и потому не могъ быть принятъ православною церковью.

При вниманіи ко всему сказанному, должно быть понятно, что такое была реформа Петра по высшему церковному управленію, и почему такъ враждебно она была встрѣчена въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Совершенно соглашаясь съ авторомъ упомянутой статьи: „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ (*Русскій Вѣстникъ*, 1891 г., IV), въ томъ, что церковная реформа Петра не была исключительно *личнымъ* дѣломъ преобразователя, но подготовлена была и вызвана предшествующими событіями въ нашей церкви, мы хотѣли отмѣтить *личное* участіе Петра въ этомъ дѣлѣ, и пришли къ нѣсколько иному пониманію разрѣшенія назрѣвшаго уже тогда вопроса объ отношеніи государства къ церкви. Памятники, сохранившіеся въ такомъ изобиліи отъ того времени и всѣмъ доступные, какъ напечатанные, не позволяютъ намъ согласиться съ авторомъ упомянутой статьи *Русскаго Вѣстника*, и видѣть въ Петрѣ только такого же *ктитора* русской церкви, каковы были его предки...

Изъ сказаннаго видно, что реформа Петра сильно отличалась отъ

¹⁾ П. С. П., V, 1555, 1672, 1771, 1848, 1906, 1959 и др.

²⁾ П. С. П. IV, 1197 (стр. 57).

всѣхъ, предпринятыхъ прежними государями. Первоначальное воспитаніе и затѣмъ вся жизнь Петра сложились при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ у его предшественниковъ. Поэтому-то и отношеніе его къ церкви во многомъ было иное, чѣмъ у его предковъ. Онъ былъ замѣчательно настойчивъ и какъ нигдѣ, послѣдователенъ, въ своихъ церковныхъ преобразованіяхъ, особенно въ области церковнаго управленія. Онъ увлекся *идеєю государства*, и подъ ея влияніемъ совершены имъ церковныя реформы. Въ своихъ реформахъ Петръ Великій стремился не отиѣнить только старыя привилегіи, предоставленныя церковной іерархіи и церковнымъ установленіямъ (сократить, напримеръ, пространство церковнаго суда); преобразователь, настойчиво преслѣдовавшій всюду государственные интересы, хотѣлъ, чтобы духовный авторитетъ церкви сдѣлался служебною силою государства.

Еще до Петра Великаго было признано, что время прежнихъ правъ и привилегій церкви прошло уже давно и прошло безвозвратно. Поэтому-то его реформы состояли не въ возвращеніи отъ церкви къ государству, а шли гораздо дальше, чѣмъ всѣ предшествовавшія. Мы едва ли впадемъ въ большое преувеличеніе, если скажемъ, что его церковною реформою какъ бы ставился вопросъ о томъ, на сколько государственная власть имѣетъ право регулировать внутреннія дѣла церкви, направляя ихъ къ своимъ интересамъ, и, въ-вторыхъ, на сколько этимъ интересамъ долженъ служить духовный авторитетъ церкви? Въ этомъ главная особенность *петровской* церковной реформы въ сравненіи съ другими. Преобразованія Петра были вызваны состояніемъ предшествовавшаго ему времени, когда среди представителей нашей церкви стали появляться не свойственныя православію стремленія внѣшняго господства надъ свѣтскою властью, такъ выпукло выразившіеся въ лицѣ патріарха Никона. Но, съ другой стороны, сами-то преобразованія были не чужды влиянія протестантовъ, такъ что одна крайность вызвала другую. Впрочемъ, ни то, ни другое *не измѣнило сущности православія*, но обнаружило только его *силу и мощь*, которыя сказались, съ одной стороны, въ отрицаніи перваго, то-есть, *католическаго* стремленія господства церкви надъ государствомъ, и, съ другой—въ осужденіи втораго, то-есть, увлеченія *протестантскими* порядками со стороны государя и нѣкоторыхъ духовныхъ.

В. Бѣлогостицкій.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ АѢННЪ.

(Изъ не изданныхъ сочиненій М. С. Куторгя).

I.

Разборъ Политія аѢннѣвъ Ксенофонта (гл. 1, § 10 и пр.).—Толкованія Генриха Этьена, Вельса, Августа БѢка, Э. Мюллера, М. Шнидта и Мюллеръ-Штрюбинга. — Что понимали греки подъ словомъ *апифора*? — Способъ наименованія древними аѢннами денежныхъ повинностей. — Предметъ изслѣдованія.

„Своеволие рабовъ и метиковъ, говоритъ Ксенофонтъ, весьма велико въ АѢннахъ; здѣсь нельзя толкнуть раба, и онъ тебѣ не посторонится. Скажу тебѣ почему это такъ принято. Еслибы законъ допускалъ свободному ударить раба или метика или вольноотпущеннаго, часто приходилось бы, опознавшись, толкнуть аѢннина, ибо гражданинъ не отличается ни отъ раба, ни отъ метика ни лучшею одеждою, ни болѣе пристойнымъ видомъ. Удивляются также, что здѣсь дозволяютъ рабамъ жить въ довольствѣ, а нѣкоторымъ изъ нихъ даже въ роскоши, но этотъ обычай установился разумно. Гдѣ существуетъ зависящая отъ денежныхъ средствъ морская сила, тамъ, для полученія взимаемыхъ ея содѣйствіемъ даней, необходимо угождать невольникамъ и даже отпускать ихъ на волю. Гдѣ рабы богаты, тамъ не выгодно, чтобы мой рабъ тебя боялся. Правда, въ Лакедемонѣ мой рабъ тебя побоится; еслибы однако твой рабъ меня боялся, то тебѣ грозитъ опасность, что, изъ страха собственного личнаго бѣдствія, онъ передастъ мнѣ свое имущество. Посему мы установили равенство, въ обращеніи рабовъ съ свободными, и метиковъ съ гражданами. А такъ какъ и по множеству ремеслъ, и для морскаго дѣла, республика нуждается въ метикахъ, то мы справедливо предоставили метикамъ равенство слова въ разговорѣ съ нами“ ¹⁾.

¹⁾ Ксенофонтъ, Политія аѢннѣвъ, гл. 1: § 11. "Οπου γάρ ναυτική δύναμις ἔστιν ἀπὸ χρημάτων, ἀνάγκη τοῖς ἀνδράποδοις δουλεῖν, ἵνα λαμβάνων μὲν πρᾶττη τὰς ἀπο-

Мысль Ксенофонта совершенно ясна, и ея изложеніе не представляетъ тѣхъ чрезвычайныхъ трудностей, которыя находятъ въ немъ нѣкоторые новѣйшіе издатели, рѣшившіеся даже измѣнить переданный въ рукописяхъ подлинникъ, чѣмъ однако только затемнили смыслъ рѣчи. Разсуждая о поводахъ, побудившихъ аѢннѣнъ оказывать снисходительность своимъ рабамъ, и дозволить имъ пріобрѣтать имущества, Ксенофонтъ пишетъ, что аѢннѣне принуждены къ тому своимъ политическимъ положеніемъ, ибо ихъ республика, не столько сухопутная, подобно Спартѣ, сколько морская, владѣющая значительнымъ флотомъ. Онъ останавливается на этомъ предметѣ и, не касаясь частныхъ выгодъ отдѣльныхъ гражданъ, имѣетъ въ виду только республику и указываетъ на одинъ изъ источниковъ дохода общины. Не забудемъ этой главной цѣли сочиненія, ибо она служитъ ключемъ, открывающимъ весь смыслъ приведеннаго отрывка. Еслибы авторъ намѣревался говорить о личномъ достоинствѣ гражданъ, не о доходахъ республики, то упоминовеніе военныхъ кораблей было бы неумѣстнымъ и даже нарушеніемъ логическаго строя рѣчи, чего нельзя ожидать отъ Ксенофонта.

Морская военная сила требовала денежныхъ средствъ, но она въ свою очередь доставляла республикѣ доходы, ибо при ея помощи и ея содѣйствіемъ, подъ надзоромъ гражданъ, называемыхъ островскими сборщиками, *οἱ ἐπὶ νήσων*, взымались подати и дани съ островитянъ; а такъ какъ корабельная служба исполнялась въ АѢннахъ всего болѣе рабами, то неблагоразумно притѣснять ихъ, скорѣе слѣдуетъ оказывать имъ вниманіе и даже за усердіе и правдивость награждать дарованіемъ свободы, что дѣйствительно и происходило въ АѢннахъ. Такъ понявъ мысль Ксенофонта Генрихъ Этьенъ и поставилъ потому знакъ препинанія послѣ словъ *ἀπὸ χρημάτων*, чему послѣдовалъ англійскій ученый Вельсъ, подтвердившій еще этотъ смыслъ своимъ латинскимъ переводомъ, въ коемъ пишетъ: *nam ubi potentia navalis ab opibus pendet*. Находя это толкованіе соотвѣтствующимъ мысли пи-

φορὰς καὶ ἐλευθέρους ἀφιέναι. ὅπου δ' εἰσὶ πλοῦσι οἱ δοῦλοι, οὐκέτι ἐνταῦθα λυσίτελεῖ τὸν ἐμὸν δοῦλον ἀεὶ ἐκδιέναι· ἐν δὲ τῇ Λακεδαιμονίᾳ ὁ ἐμὸς δοῦλος ἀεὶ δεδούκειν· ἂν δὲ δεδῶγ ὁ αὐτὸς δοῦλος ἐμῇ, κινδυνεύσεις καὶ τὰ χρήματα διδόναι τὰ ἑαυτοῦ ὥστε μὴ κινδυνεύειν περὶ ἑαυτοῦ. § 12. Διὰ τοῦτο οὖν ἰσηγορίαν καὶ τοῖς δούλοις πρὸς τοὺς ἐλευθέρους ἐποίησαμεν καὶ τοῖς μετοίκους πρὸς τοὺς αὐτοὺς, διότι βεβαίη ἡ πόλις μετοίκων διὰ τε τὸ πλῆθος τῶν τεχνῶν καὶ διὰ τὸ ναυτικόν. Διὰ τοῦτο οὖν καὶ τοῖς μετοίκους εἰκότως τὴν ἰσηγορίαν ἐποίησαμεν. [М. С. Куторга и франц. ученый Бело (E. Belot) авторомъ этого сочиненія признаютъ Ксенофонта].

сателя и признавая оное единственно правильнымъ, мы перевели начальныя слова Ксенофонта: „гдѣ существуетъ зависящая отъ де-нежныхъ средствъ морская сила“.

Отличное чтеніе Генриха Этьена не избѣгло возраженій со стороны германскихъ филологовъ, которые, со свойственною имъ пѣтливостію, старались замѣнить оное другимъ, но поступали при этомъ, не на основаніи рукописей, чѣмъ руководился знаменитый ученый, а по своему собственному, личному усмотрѣнію. Августъ Бѣкъ ¹⁾ приписываетъ это нововведеніе Гейндорфу, называя оное существеннымъ улучшеніемъ подлинника; Эмилій Мюллеръ ²⁾, напротивъ, видитъ здѣсь заслугу Шнейдера; не будемъ разыскивать первенства и обратимся къ самому, какъ они говорятъ, исправленію. Издатели перенесли знакъ препинанія, помѣстивъ оный вслѣдъ за словами *δυναμὶς ἔστιν*; затѣмъ вмѣсто словъ *λαμβάνων μὲν πρᾶττε*, поставили *λαμβάνων ὦν πρᾶττε*; и такимъ образомъ все предложеніе Ксенофонта читается въ изданіи Лудовика Диндорфа: „Ὅπου γὰρ ναυτικὴ δύναμις ἔστιν, ἀπὸ χρημάτων ἀνάγκη τοῖς ἀνδραπόδοις δουλεῦειν ἵνα λαμβάνωμεν ὦν πρᾶττε τὰς ἀποφοράς, καὶ ἐλευθέρους ἀφίεναι“ ³⁾.

Отъ этого чтенія нѣсколько уклоняется Маврикій Шмидтъ въ своемъ изданіи, напечатанномъ подъ заглавіемъ: *Записки афинскаго олигарха о государственныхъ правилахъ дима* ⁴⁾. Соглашаясь съ Диндорфомъ и съ другими новѣйшими учеными о помѣщеніи знака препинанія за словомъ *ἔστιν*, Шмидтъ возвращается въ прочей части предложенія къ чтенію Генриха Этьена и пишетъ по его образцу *λαμβάνων μὲν πρᾶττε*, присоединивъ только, по примѣру Вельса, крестъ для обозначенія чего то какъ бы пропущеннаго въ рукописяхъ. Въ несравненно большей степени удаляется Мюллеръ-Штрюбингъ, въ своемъ обширномъ трудѣ, коему онъ придавъ заглавіе: „*Ἀθηναίων πολιτεία*. Атическое сочиненіе о государствѣ афинянъ“ ⁵⁾. Авторъ

¹⁾ Die Staatshaushaltung der Athener. vol. 1, pag. 101, примѣч. f. Авторъ ссылается на Ксенофонтону Политію афинянъ, именно § 11. и пишетъ: welche Stelle wohl von Heindorf im Wesentlichen richtig verbessert ist.

²⁾ Emil Müller, zu Xenophon und Pseudoxenophon. Небольшая статья, напечатанная въ *Philologus*. 14-ter Jahrgang. Götting. 1859, стр. 399 слѣд.

³⁾ Въ Bibliotheca scriptorum Graecorum *Ludoma*. Xenophontis scripta quae supersunt, sumptibus et typis Firmin Didot fratrum. Parisiis, in 8°.

⁴⁾ Mémoire eines oligarchen in Athen über die Staatsmaximen des Demos. Besprochen von Moriz Schmidt. Iena. 1876, in 8°, см. стр. 27

⁵⁾ Ἀθηναίων πολιτεία Die attische Schrift vom Staat der Athener. Untersuchungen über die Zeit, die Tendenz, die Form und den Verfasser derselben, Neue tex-

подробно разбираетъ въ продолженіе своего разсужденія различныя мнѣнія германскихъ филологовъ, въ особенности Кирхгофа и Ваксмута, но ни словомъ не упоминаетъ ни о Генрихѣ Этьеннѣ, ни о Вельсѣ, между тѣмъ, какъ онъ именно имъ и слѣдовалъ, и у нихъ заимствовалъ помѣщеніе знака препинанія послѣ словъ ἀπὸ χρημάτων. Второе предложеніе г. Мюллеръ-Штрюбингъ повторяетъ по изданію Л. Диндорфа, а въ концѣ, между словами ἐλευθέρους и ἀφίεναι, вставляетъ самъ не находящееся въ рукописяхъ слово δέους, и читаетъ ἐλευθέρους δέους, то-есть, свободные отъ страха, подражая сходнымъ выраженіямъ Платона и Еврипида ¹⁾, хотя они здѣсь висколько не примѣнимы. Вся статья, въ измѣненномъ г. Мюллеромъ-Штрюбингомъ видѣ, гласитъ въ его изданіи: ὅπου γὰρ ναυτικὴ δύναμις ἐστὶν ἀπὸ χρημάτων, ἀνάγκη τοῖς ἀνγραιόδοις δουλεύειν, ἵνα λαμβάνωσαν, ὧν πράττει, τὰς ἀποφοράς, καὶ ἐλευθέρους δέους ἀφίεναι ²⁾. Этотъ, будто бы Ксенофоновъ, подлинникъ авторъ переводитъ такъ ³⁾: „Гдѣ, какъ здѣсь (въ Аѳинахъ), государство основано на морской силѣ, а морская сила на денежныхъ средствахъ, тамъ мы должны быть по необходимости рабами своихъ рабовъ съ цѣлію, чтобы намъ получить избытокъ того, что они (то-есть, рабы) приобрѣтаютъ, и мы должны отпустить ихъ на волю свободными отъ постоянного страха“. Не касаясь небрежности изложенія г. Мюллера-Штрюбинга, усматриваемой не только въ переводѣ, но и во всѣхъ прочихъ частяхъ этой его книги, ни чрезвычайной рѣзкости въ разборѣ противоположныхъ мнѣній, ни совершеннаго, не мыслимаго у Ксенофонта, отсутствія литературнаго слога, постараемся разобрать только содержаніе предложеннаго отрывка.

Желая оправдать кроткое обращеніе аѳинянъ съ рабами, Ксено-

trecenfion und paraphrase. Von Hermann Müller-Strübing. Напечатано въ *Philologus*. Vierter Supplementband. Erstes und zweites Heft. Göttingen. 1880, in 8°. Въ немъ заключается 188 страницъ.

¹⁾ Стр. 137, примѣч. Bei Platon (Legg. 756. D) finde ich ἐλευθέρους ἀφίεσθαι ζημίας, und bei Euripides mehrmal ἐλευθερος φόβου (Hec. 869. Rhes. 664); ich habe vorgezogen, hier ἐλευθέρους δέους zu schreiben, zunächst aus einleuchtendem (!) paläographischem Grunde, dann aber auch mit Rücksicht auf das was Ammonius, p. 39, lehrt.

²⁾ Стр. 137.

³⁾ Стр. 158: Denn wo, wie hier, der Staat auf der Seemacht und diese wieder auf den Geldmitteln basirt ist, da müssen wir nothwendiger weise die Sklaven unsrer sclaven sein, damit wir den überschuss von dem erhalten, was sie erwerben, und müssen sie frei von beständiger angst laufen lassen.

фонтъ выставляетъ ихъ необходимость и приносимую ими республикѣ пользу. Аѳинны, говоритъ онъ, обладаютъ военною морскою силою, *ναυτικῇ δυνάμει*, требующею большихъ расходовъ, а расходы покрываются данями, собираемыми военными кораблями. Дань, наложенная на островитянъ называлась у грековъ *ἀποφορά* ¹⁾, и Ксенофонтъ именно о ней здѣсь упоминаетъ; но г. Мюллеръ-Штрюбингъ принялъ это слово за „избытокъ того, что рабы приобрѣтаютъ“, то-есть, онъ придалъ слову *ἀποφορά* значеніе равносильное съ значеніемъ слова *περίσσεια*, и тѣмъ до того исказилъ смыслъ Ксенофоновой рѣчи, что нельзя составить себѣ точнаго понятія о намѣреніи и цѣли писателя. Эта ошибка главная, и она вовлекла автора въ другія не менѣе приводящія въ изумленіе своею неожиданностію.

Г. Мюллеръ-Штрюбингъ утверждаетъ, что аѳиняне становятся рабами своихъ рабовъ для того, чтобы воспользоваться избыткомъ ихъ приобрѣтеній. Такъ какъ понятіе избытка неограниченно, и такъ какъ авторъ, не стѣсняясь никакими соображеніями, предпочитаетъ выраженія, прямо обозначающія предметъ, то было бы проще и вѣрнѣе, еслибы онъ сказалъ не обинуясь, что аѳиняне становились рабами своихъ рабовъ для того, чтобы грабить послѣднихъ, ибо только этотъ смыслъ и можно вывести изъ словъ Мюллера-Штрюбинга, приписываемыхъ имъ, не извѣстно на какомъ основаніи, Ксенофонту. Но, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ личностей, аѳинскіе граждане такъ не поступали и, въ виду собственной выгоды, не могли поступать. Рабъ вносилъ господину извѣстную, точно по взаимному условію опредѣленную плату, *μισθός*, пользовался однако правомъ удерживать себѣ весь, скопленный своимъ трудолюбіемъ, избытокъ. Только этимъ способомъ рабы достигали довольства жизни и даже богатствъ, о коихъ самъ Ксенофонтъ упоминаетъ. Въ противномъ случаѣ рабы перестали бы усердно трудиться, или даже разбѣжались бы. Слѣдовательно Мюллеръ-Штрюбингъ придаетъ невѣрный смыслъ словамъ *λαρβάνων μὲν πρᾶττι*, да и самое измѣненіе оныхъ въ *λαρβάνων μὲν ὅν πρᾶττι* излишне.

Столь же излишне и не возможно произведенное имъ добавленіе слова *δέουσι*, такъ какъ оно противорѣчитъ предыдущему и уничтожаетъ логическій строй рѣчи. Если, по мнѣнію г. Мюллера-Штрюбинга, хотя ничѣмъ не оправданному, рабы принуждены были отдавать аѳинянамъ избытки своихъ приобрѣтеній, то естественно пред-

¹⁾ Подробное разсмотрѣніе сего слова въ концѣ нашего разсужденія.

положить, что они жили подъ гнетомъ всегдашней, неминуемо грозившей имъ опасности лишиться всего своего трудового достоянія; другими словами, они должны были находиться въ постоянномъ страхѣ, а не свободными отъ страха, что измыслилъ Мюллеръ-Штрюбингъ, включивъ въ свое изданіе ἐλευθέροος δέοος и приписавъ Ксенофонту выраженіе, нарушающее всякій смыслъ рѣчи. 'Ελευθέροος ἀφίενα: значить отпускать рабовъ на волю, или отпускать свободными.

Мы остаемся при мнѣніи, что чтеніе Генриха Этьена есть до сихъ поръ лучшее и что измѣненія онаго¹⁾ новѣйшими издателями не привели къ удовлетворительному выводу; вставка же слова δέοος, вызванная, повидимому, желаніемъ изобрѣсть что либо новое, составляетъ явную порчу, не исправленіе подлинника. Обозрѣвая множество такъ называемыхъ Emendationes¹⁾ сего параграфа, не можемъ не вспомнить прекрасныхъ словъ покойнаго Шпенгеля, сказанныхъ имъ, въ критическомъ разсмотрѣніи рѣчей Антифонта, по поводу добрыхъ стремленій. „Переработаніе слога творенія, говорить онъ²⁾, съ цѣлію показать, что вполне обладаешь знаніемъ языка, и что самъ сочинитель могъ бы многое изложить иначе и лучше; такое переработаніе не есть задача филолога и исполняемой имъ критики. Древніе не для того писали, чтобы мы блистали надъ ихъ трудами своимъ остроуміемъ“. Послѣдуемъ разумному совѣту ученаго мужа и прочтемъ Ксенофонта не для измѣненій, а для собственнаго поученія.

Историкъ начинаетъ словами ναυτικῇ δυνάμει, и ованчиваетъ предложеііе словомъ τὰς ἀποφοράς: эти два выраженія себѣ соотвѣтствуютъ, идутъ какъ бы рука объ руку и взаимно себя разъясняютъ. Понятіе, заключающееся въ одномъ, согласуется съ понятіемъ другаго, и смыслъ одного не опровергаетъ смысла другаго: это требованіе логики. А такъ какъ словомъ ναυτικῇ δυνάμει, морская (корабельная) сила, обозначается, не кунеческій, а военный флотъ, что составляетъ учрежденіе государственное, не частное, то и словомъ ἀποφορά можетъ здѣсь обозначаться равномѣрно учрежденіе, хотя и финансовое, но такъ же только государственное, не частные денежные взносы и не частные доходы. Слѣдовательно Ксенофонтъ, употребивъ слово τὰς ἀποφοράς, разумѣлъ или государственныя подати, или налагаемыя

¹⁾ Онѣ помѣщены въ изданіи г. Мюллера-Штрюбинга, въ примѣчаніи на стр. 136 и 137.

²⁾ Antiphon von L. Spengel. Издано въ *Rheinisches Museum für Philologie*. 1862, стр. 179.

государствомъ дани. При вниманіи, обращенномъ на эту послѣдовательность въ изложеніи, устраняются кажущіяся трудности и разказъ Ксенофонта представляется въ полномъ свѣтѣ.

Новѣйшіе издатели приняли, напротивъ, слово *ἀποφορά* не въ смыслѣ государственной дани, а въ значеніи частныхъ денежныхъ взносовъ, платимыхъ рабами своимъ господамъ, и въ то же время сохранили за словомъ *ἐπιτήρησις* значеніе государственное, понимая подъ онымъ военный флотъ республики. Это толкованіе произвело невообразимый хаосъ, ибо оказалось, будто бы Ксенофонтъ говорилъ въ одномъ и томъ же предложеніи о двухъ противоположныхъ и явно себѣ противорѣчащихъ предметахъ: о морской силѣ республики и объ оброкахъ невольниковъ; и будто бы онъ поставилъ оба предмета въ тѣснѣйшую между собою взаимность. Всѣ чувствовали крайнюю несообразность подобнаго толкованія, но, не углубляясь въ разсмотрѣніе самаго дѣла, предпочли измѣненіе рукописныхъ словъ по личнымъ соображеніямъ.

Въ нижеслѣдующихъ разысканіяхъ, мы стараемся опредѣлить значеніе слова *ἀποφορά* и указать мѣсто, занимаемое имъ въ ряду другихъ, близкихъ къ нему наименованій денежныхъ взносовъ.

Способъ наименованія древними еллинами денежныхъ повинностей нѣсколько отличается отъ способа, употребляемаго въ новѣйшихъ государствахъ. Въ наше время слѣдуютъ правилу обозначать денежные сборы тѣмъ предметомъ, съ коего назначается налогъ или подать, при чемъ наименованіе налога или повинности остается неизмѣннымъ, хотя бы взимаемой подати подлежали люди разныхъ сословій. Иначе поступали афиняне. У нихъ, напротивъ, наименованіе подати, налога, вообще денежной повинности измѣнялось сообразно съ платившими лицами и зависѣло отъ положенія въ республикѣ послѣднихъ. Отсюда происходитъ, что денежные повинности, бывшія по существу сходными, едва не одинаковыми, назывались въ Афинахъ различно, смотря по званію плательщиковъ. Такъ афинскіе граждане вносили *исфору*, *εἰσφορά*, а ихъ союзники *апофору*, *ἀποφορά*; для метиковъ же изобрѣтено было особенное слово, и ихъ подушная подать именовалась метикіемъ, τὸ μετοίκιον.

Это правило, соблюдаемое при денежныхъ взносахъ гражданъ и метиковъ, распространялось въ одинаковой силѣ и на сословіе рабовъ, ибо плата, которую рабы обязаны были представлять своимъ владѣльцамъ, распредѣлялась по ихъ разрядамъ и въ каждомъ разрядѣ именовалась различно. Всѣ рабы были въ республикѣ предъ

закономъ равны и всѣ находились въ полнѣйшей господской покорности, но, по своему положенію предъ господиномъ, они распадались на нѣсколько отдѣловъ, конимъ придавались особенныя, собственные названія. На людей, причисленныхъ въ какой либо отдѣлъ или разрядъ, налагалась господиномъ денежная повинность, которая обозначалась равнобѣрно такъ же своимъ собственнымъ наименованіемъ, измѣнявшимся естественно только въ томъ случаѣ, когда рабъ, или самъ переходилъ въ другой разрядъ, или переводился по волѣ господина.

Означенная связь наименованія денежныхъ взносовъ съ политическимъ состояніемъ плательщиковъ заслуживаетъ вниманія по своему значительному историческому примѣненію: разъясняя многія стороны древней аеинской гражданственности, она даетъ возможность опредѣлять съ вѣрностію сословіе лица по одному наименованію платимой имъ денежной повинности, и наоборотъ, узнать наименование платы по принадлежности плательщика извѣстному сословію. Эти два предмета соединены тѣснѣйшими узами; они нераздѣлимы и взаимно себя присущи. Намъ потому предстоитъ познакомиться и съ положеніемъ рабовъ въ Греціи, преимущественно въ Аеинахъ, и съ наименованіями тѣхъ денежныхъ повинностей, которыя они платили своимъ господамъ владѣльцамъ. Приступимъ къ изслѣдованію сихъ двухъ предметовъ вмѣстѣ.

II.

Положеніе рабовъ въ древней Греціи. Разряды рабовъ. Крѣпостные (δοῦλοι), дворовые люди (οἰκέται) и оброчные особники (χωρὶς οἰκονύκτες). Сходство съ положеніемъ крѣпостныхъ людей въ Россіи. Дворовые люди и домохозяды. Еркиты. Отпущенныя свидѣтельства. Труды Фукара и Осулье. Толкованія лексикографовъ. Употребленіе слова οἰκέτης у еллинскихъ писателей. Положеніе дворовыхъ людей по судебнымъ рѣчамъ ораторовъ. Картина быта еллинскаго барскаго хозяйства по Эсхину.

Изученіе политическаго быта древнихъ еллинскихъ рабовъ представляетъ много любопытнаго, въ особенности для насъ русскихъ, такъ какъ въ общемъ положеніи сихъ рабовъ оказывается чрезвычайное сходство съ положеніемъ бывшихъ въ Россіи крѣпостныхъ, и устройство различныхъ разрядовъ аеинскихъ рабовъ совершенно напоминаетъ прекратившееся нынѣ устройство разрядовъ крѣпостныхъ людей. Едва ли даже вѣрно и названіе рабъ, которое невольнo приводитъ мысль о неграхъ средней Африки, немилосердно ловимыхъ и

обращаемыхъ въ рабство, въ коемъ они влечать жизнь какъ домашнія животныя. Ничего подобнаго въ древней Греціи не существовало. Безъ сомнѣнія, ихъ участь была горькою и они тяготились ею, ибо лишены были свободы, которую предъ собою видѣли и которой искали, становясь даже перебѣжчиками. Фукидидъ ¹⁾ приводитъ случай, что въ Декелійскую войну, при нашествіи Агиса, двадцать тысячъ аѳинскихъ рабовъ, болѣею частію ремесленниковъ, передались спартамцамъ.

Фукидидъ описываетъ еще другое болѣе значительное, подобное же событіе, совершившееся во время Сицилійскаго похода, при отступленіи войска отъ Сиракузъ, и представляеть, въ приводящей въ ужасъ картинѣ, тѣ бѣдствія, которымъ вслѣдствіе онаго подверглись аѳиняне; но какъ ни пагубна была эта измѣна, она была измѣною, не вооруженнымъ возстаніемъ рабовъ противъ гражданъ. Во всей исторіи аѳинской республики упоминается только однажды о дѣйствительномъ возстаніи рабовъ, происшедшемъ однако уже въ римскую эпоху и узнаваемомъ только изъ случайно сохранившагося у Аѳинян извѣстія Посидонія. Въ пирѣ софистовъ приводятся слова Ларивсія, обращенныя къ его собесѣднику Масурію ²⁾. „Многія міріады аттическихъ рабовъ,—говорилъ онъ ³⁾,—работали въ рудникахъ въ оковахъ; философъ же Посидоній, на котораго ты постоянно ссылаешься, удостовѣряеть, что, возмущившись, они убили поставленныхъ въ рудники стражей, завладѣли Сунійскимъ акрополемъ и долгое время опустошали Аттику. Это происходило въ эпоху втораго возстанія рабовъ въ Сициліи“.

Судя однако по вѣщности, рабы казались спокойными и довольными, не подвергались, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, ни гоненіямъ, ни притѣсненіямъ, и даже защищались законодательствомъ отъ чрез-

¹⁾ Фуқ. кн. 7, гл. 27, § 5: τῆς τε γὰρ χώρας ἀπάσης ἐστέρηντο, καὶ ἀνδραπόδων πλέον ἢ οὐο μυριάδες ἡτόμολχεσαν, καὶ τούτων τὸ πολὺ μέρος χειροτέχνηται.

²⁾ Λαρήνσιος есть елзинскій видъ римскаго имени Laurentius; Μασούριος или Μασσούριος римск. Masurius или Massurius. При императорѣ Тибериѣ извѣстенъ юрискъ Massurius Sabinus.

³⁾ Аѳинэй, кн. 6, гл. 104, pag. 272, e, f: Καὶ αἱ πολλαὶ δὲ αὐταὶ Ἀττικαὶ μυριάδες τῶν οἰκετῶν δεδεμέναι εἰργάζοντο τὰ μέταλλα. Ποσειδώνιος τοῦτον, οὐ συνεχῶς μέννησαι, ὁ φιλόσοφος, καὶ ἀποστάντας φησὶν αὐτοὺς καταφονεῖν μὲν τοὺς ἐπὶ τῶν μετάλλων φύλακας· καταλαβεῖσθαι δὲ τὴν ἐπὶ Σουνίῳ ἀκρόπολιν, καὶ ἐπὶ πολὺν χρόνον πορθῆραι τὴν Ἀττικὴν. Οὗτος δ' ἦν ὁ καιρὸς, ὅτε καὶ ἐν Σικελίᾳ ἡ δευτέρα τῶν δούλων ἐπαναστάσις ἐγένετο.

мѣрныхъ каръ своихъ властелиновъ. Ксенофонтъ свидѣтельствуетъ объ оказываемомъ имъ снисхожденіи, а извѣстія другихъ писателей удостовѣряютъ, что они пользовались довѣріемъ своихъ господъ, исполняли ихъ всевозможныя порученія, завѣдывали ихъ имуществами и предпріятіями, назначались управителями, ἐπίτροπος, дворецкими, οἰκονόμος казначеями, ταμίας, дядьками, παιδαγωγός, дѣтей владѣльца, исправляли разныя другія должности, учились даже врачебному искусству и занимали мѣста лекарскихъ помощниковъ или подлекарей, ὀπηρεταὶ τῶν ἰατρῶν, ἰατρικὴ ὀπηρεσία ¹⁾). Въ послѣдствіе времени нѣкоторые рабы, поощряемые съ дѣтства своими благонамѣренными господами, приобрѣтали высокое образованіе, занимались науками, издавали труды по словесности, исторіи, философίи и пользовались такою извѣстностію, что ихъ имена перешли въ потомство. Евдокія и Свида ²⁾ упоминаютъ даже о сочиненіи Ермиппа, въ нѣсколькихъ книгахъ,—о рабахъ прославившихся своею ученостію.

Установленіе рабства въ древней Греціи не восходитъ до первобытныхъ временъ сей страны; въ отдаленную эпоху еллицкой исторіи рабовъ вовсе не встрѣчается. Иродотъ, разказывая о безчинствѣ пеласговъ, жившихъ у горы Имитта, Ὑμιττός, и нападавшихъ на дѣвицъ, прибытіе которыхъ они стерегли близъ источника Еянеакруна, присоединяетъ весьма замѣчательное показаніе, говоря, что „дочери и сыновья аеинянъ ходили сами за водою, ибо въ то время, ни у аеинянъ, ни у другихъ еллиновъ дворовыхъ людей не было“ ³⁾). Съ Иродотомъ согласуется поэтъ Ферекрытъ въ комедіи Ἀγριοί, „Дикие“, данной въ архонство Аристіона въ началѣ 420 года до Р. Хр., и упоминаемой Аеинземъ ⁴⁾), который приводитъ и отрывокъ самой комедіи Ферекрыта. Но какъ только рабство утвердилось между еллинами, то стало распространяться съ чрезвычайною быстротою и при-

¹⁾ Платонъ, Законы, кн. 4, pag. 720; кн. 12, pag. 961 въ самомъ концѣ.

²⁾ Евдокія и Свида, въ статьѣ Ἰατρος:..... Ἐρμιππος δὲ αὐτὸν φησι Πάριον ἐν τῷ δευτέρῳ τῶν διαπρεφάντων ἐν παιδείᾳ δοῦλων.

³⁾ Ирод. кн. 6, гл. 137, § 3: Ὡς δὲ αὐτοὶ Ἀθηναῖοι λέγουσι, δικαίως ἐξελάσσαι. κατοικημένους γὰρ τοὺς Πελαγούς ὑπὸ τῇ Ὑμησσῷ, ἐνθεύτεν ὀρμησμένους ἀδικεῖν τάδε· φοιτᾶν γὰρ αἰεὶ τὰς σφετέρας θυγατέρας τε καὶ τοὺς παῖδας ἐπ' ὕδωρ ἐπὶ τὴν Ἐνεακρουον. οὐ γὰρ εἶναι τοῦτον τὸν χρόνον σφίσι καὶ οὐδὲ τοῖσι ἄλλοις· Ἕλλησι οἰκέτας. ὥπως δὲ ἐλθοῖεν αὐταί, τοὺς Πελαγούς ὑπ' ὕβριός τε καὶ ὀλιγωρίας βιάσθαι σφέας.

⁴⁾ Аеинзай, Δειπνοσοφισταί, Пиръ софистовъ, кн. 6, гл. 83, pag. 263, 6. Тотъ же писатель говоритъ, кн. 5, гл. 59, pag. 218, d: ἐδαχῆσαν δὲ οἱ Ἀγριοὶ ἐπ' Ἀριστίωνος ἀρχontos.

нило, наконецъ, такіе размѣры, что громадное большинство народонаселенія Греціи состояло изъ людей, принадлежавшихъ этому сословію, и преимущественно на нихъ лежала вся тягость частной и общественной службы.

Слово *δούλος*, коимъ выражалось понятіе раба, какъ въ собственномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ, для обозначенія покорности, подчиненія, даже угодливости, было общимъ еллинскимъ наименованіемъ, принятымъ и въ литературѣ и въ жизни. Въ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностяхъ однако употреблялись особыя названія, замѣнявшія слово рабъ, хотя бытъ самихъ рабовъ нисколько тѣмъ не улучшался. Аэинэй ¹⁾ сообщаетъ подробный перечень сихъ, такъ сказать, областныхъ наименованій, ссылаясь на многихъ писателей, случайно о нихъ упоминающихъ. Служебныя обязанности рабовъ были велики и зависѣли отъ воли господина; ихъ разнообразіе неисчислимо и не поддается подъ опредѣленныя категоріи, по положеніе рабовъ предъ господиномъ установлено было весьма правильно, ибо соответствовало тому роду повинностей, которыя на нихъ налагались и на основаніи коихъ все сословіе рабовъ раздѣлялось на извѣстныя части, или разряды, признанные самимъ законодательствомъ.

Такихъ разрядовъ, распадавшихся въ свою очередь каждый на нѣсколько подраздѣленій, находилось въ аѳинской республикѣ три и имъ придавались имена: *δούλοι*, рабы въ частности, *οἰκέται*, дворовые, и *χωρὶς οἰκοῦντες*, особо или отдѣльно живущіе. Эти названія не смѣшивались; они были собственными именами, обозначавшими каждое извѣстный разрядъ, строго отдѣленный отъ другаго, и встрѣчаются потому въ дѣлахъ политическихъ, еще болѣе въ судебныхъ тяжбахъ. Сравнивая древнихъ еллинскихъ рабовъ съ недавно еще у насъ существовавшимъ, столь же обширнымъ, сословіемъ крѣпостныхъ людей, нельзя не видѣть поразительнаго сходства въ распредѣленіи тѣхъ и другихъ на три одинаковыхъ, вѣрнѣе говоря, тождественныхъ, разряда. Мы полагаемъ, что рабы, называемые въ частности или въ тѣсномъ смыслѣ *δούλοι*, соответствовали бывшимъ крѣпостнымъ, служившимъ барщину; что *οἰκέται*, какъ показываетъ и самое слово, были дворовыми людьми, и что, наконецъ, *χωρὶς οἰκοῦντες*, особо живущіе, напоминаютъ крѣпостныхъ оброчныхъ, которые также жили особо или сами по себѣ; другими словами: выраженіе *οἱ χωρὶς οἰκοῦντες* можно перевести: оброчные осѣбники.

¹⁾ Аэинэй, кн. 6, гл. 92, 93 и 94; pag. 267

Подтвердимъ свои слова подлинными свидѣтельствами древнихъ и постараемся доказать, что наше изложеніе трехъ разрядовъ аеинскихъ рабовъ не мечта и не предположеніе, а слѣдствіе внимательнаго изученія самихъ еллинскихъ писателей. Слово *δοῦλος* принималось древними въ двоякомъ смыслѣ: оно означало и раба вообще, и раба, прикрѣпленнаго къ поземельному имуществу. Когда Аристотель, разсуждая въ *Политикѣ* о владѣніи, пишетъ ¹⁾, что „рабъ есть часть имущества“, то онъ разумѣлъ именно второй видъ рабовъ, ибо могъ здѣсь говорить только о рабахъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, не о дворовыхъ людяхъ. Позднѣйшіе писатели часто смѣшиваютъ слова *δοῦλος* и *οἰκέτης*, замѣняя одна другимъ, но не Платонъ и не Аристотель. Аеиней ²⁾ начинаетъ одинъ изъ отдѣловъ своего Пира Софистовъ выпискою изъ сочиненія Хрисиппа о согласіи мыслей (о равномыслі), въ коей говорится о различіи сихъ двухъ выраженій, но слѣдующее затѣмъ ихъ опредѣленіе односторонне и не вполне вѣрно. Правда, Хрисиппъ, умершій въ 209 г. до Р. Хр., принадлежитъ второй половинѣ третьяго столѣтія, а Аеиней былъ современникомъ императора Коммода.

Аристотель заботливо отмѣчаетъ кругъ дѣйствія сихъ двухъ разрядовъ рабовъ. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ о семействѣ или домѣ, употребляетъ слово *οἰκέτης*, дворовый; но когда занимается имущественнымъ владѣніемъ пользуется выраженіемъ *δοῦλος*, рабъ въ тѣсномъ смыслѣ. Платонъ же прямо ихъ отдѣляетъ, что узнаемъ изъ любопытнаго его указанія въ Законахъ, гдѣ онъ ихъ приводитъ, поставивъ самостоятельно и независимо, при томъ вѣбствѣ одно имя за другимъ, *οἰκέτας τε καὶ δοῦλους*, чѣмъ удостовѣряетъ ихъ различіе и ихъ принадлежность двумъ особымъ разрядамъ. Прочтемъ самаго Платона. Онъ пишетъ ³⁾: „Посему двѣнадцать (стражей), со времени своего избранія, собравшись съ пятью (мужами), да совѣщаются (и да опредѣляютъ), чтобы, являясь сами служителями, подобно служителямъ, не пользоваться для самихъ себя услугами ни дворовыхъ

¹⁾ Арист. Полит. кн. 1, гл. 8, § 1: ἐπειπερ καὶ ὁ δοῦλος τῆς κτήσεως μέρος τι ἔν.

²⁾ Аеиней, кн. 6, гл. 93; pag. 267, 6: Διαφέρειν δὲ φησι Χρύσιππος: δοῦλος οἰκέτου.

³⁾ Платонъ, Законы, кн. 6, pag. 763, а: ἐπειδὴν γὰρ ἡ καταλεγῶν οἱ δώδεκα, συνελθόντες μετὰ τῶν πάντε βουλευέσθωσαν, ὥς οἶόν περ οἰκέται οὐχ ἔξουσιν αὐτοῖς ἄλλους οἰκέτας τε καὶ δοῦλους, οὐδ' ἐκ τῶν ἄλλων γεωργῶν τε καὶ κωμητῶν τοῖς ἐκείνων ἐπὶ τὰ ἴδια χρῆσονται ὑπηρετήματα διακόνους, ἀλλὰ μόνον ὅσα εἰς τὰ δημόσια.

людей, οἰκέτας, ни рабовъ, несущихъ барщину, δοῦλους, ни земледѣльцевъ и прочихъ обывателей, а вызывать ихъ только на общинную службу¹⁾. Наше толкованіе подтверждается словами того же Платона, который въ слѣдующей за тѣмъ седьмой книгѣ Законовъ пишетъ: „Какой же, спрашиваетъ афинянинъ²⁾, долженъ быть образъ жизни гражданъ республики, въ коей они умѣренно снабжены необходимыми, гдѣ ремеслами и художествами завѣдуютъ другіе, а земледѣліе поручено рабамъ, δοῦλοις, обязаннымъ доставлять первенцы полей скромно живущимъ гражданамъ?“ Платонъ не уклоняется отъ сего способа выраженія и въ томъ случаѣ, когда строй рѣчи требуетъ сказать не о земледѣліи вообще, а о какой либо части онаго. Сократъ, въ Ионѣ, обращается къ ралсоду (пѣснопѣвцу) того же имени съ вопросомъ: „Ты, напримѣръ, думаешь, говоритъ онъ³⁾ что, не воловій настухъ, а пѣснопѣвецъ знаетъ лучше, что слѣдуетъ говорить пасущему стадо рабу для усмиренія воловъ, пришедшихъ въ смятеніе?“ Платонъ прибавляетъ, что подобное занятіе приличествуетъ только рабу, δοῦλφ πρέπει.

Въ приведенныхъ трехъ выпискахъ, Платонъ вѣрно наблюдаетъ значеніе каждаго названія и вездѣ ставитъ δοῦλος, не οἰκέτης, но македонянинъ Амерія, Ἀμερίας ὁ Μακεδών, не вникнулъ въ ихъ различіе и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе своихъ послѣдователей, хотя въ его показаніи заключается, какъ бы нечаянно, драгоцѣнное свидѣтельство. Въ своемъ сочиненіи: Γλῶσσαι, Говоры, о которомъ нѣсколько разъ упоминаетъ Афиняинъ, Амерія пишетъ⁴⁾, что „расположенные по полямъ (то-есть, по новѣйшему,—прикрѣпленные къ землѣ) дворовые люди, οἰκέται, именуются еркитами, ἐρκίται“. Здѣсь очевидная ошибка, ибо вмѣсто οἰκέται онъ долженъ былъ помѣстить δοῦλοι, но онъ свидѣтельствуетъ, что въ Греціи существовалъ особый раз-

¹⁾ Законы. книга, 7 pag. 806,d: Τίς δὲ τρόπος ἀνθρώποις γίγνεται ἂν τοῦ βίου, οἷσι τὰ μὲν ἀνάγκη εἶναι κατασκευασμένα μέτρια, τὰ δὲ τῶν τεχνῶν ἄλλοις παραδιδόμενα, γερῶν γὰρ δε ἐκδομένοι δοῦλοις ἀπαρχὴν τῶν ἐκ τῆς γῆς ἀποτελοῦσιν ἱκανὴν ἀνθρώποις ζῆσαι κοσμίως.

²⁾ Ионъ, pag. 540, с: Σω. Ἀλλ' οἷα δοῦλφ πρέπει, λέγεις;—Ἰων. Ναί. Σω. Οἷον βουκόλφ λέγεις δοῦλφ ἃ πρέπει εἰπεῖν ἀγραιοῦσων βοῶν παραμυθουμένφ, ὁ ράφωδός γινώσκειται, ἀλλ' οὐχ ὁ βουκόλος;

³⁾ Афиняинъ, кн. 6, гл. 93, pag. 267, с. Ἀμερίας δὲ, Ἐρκίτ ε, φησι, καλεῖσθαι τοὺς κατὰ τοὺς ἀγροὺς οἰκέτας.—Объ Амеріи см. преимущественно *Meursii Opera*, Bibliotheca Graeca, liber primus, *Ioan. Meursii Opera*, ed. Lami, vol. 3, pag. 1089. Florent. 1744 in fol.

рядъ рабовъ, который, по замѣчанію Аристотеля, составлялъ нераздѣльную часть поземельнаго имущества, или, какъ мы говоримъ, помѣстья, и отдѣлялся отъ разряда людей дворовыхъ.

Амерія пользовался, повидимому, уваженіемъ у грамматиковъ, такъ какъ они заимствовали его опредѣленіе слова еркиты: Исихій, Стефанъ Византійскій, Евстаѳій ¹⁾ повторяютъ его слова, употребляя даже выраженіе οἰκέται. Только изъ нихъ Евстаѳій, въ своихъ толкованіяхъ на Иліаду, явно подражая Аеиннѣю, отличается тѣмъ, что приводитъ слово еркиты въ совокупности съ нѣсколькими другими, которыя и называетъ всѣ вообще именами рабовъ, δουλικά ὀνόματα. Мы думаемъ, что наименованіе ἐρκίται, происходя отъ ἐρκος, означающаго домъ и твердыню, въ переносномъ смыслѣ укрѣпленіе, выражало состояніе людей, совпадающее съ состояніемъ бывшихъ у насъ прежде вотчинныхъ крѣпостныхъ, то-есть укрѣпленныхъ, и соотвѣтствовало оному даже по имени. 'Ερκίται или δοῦλοι въ тѣсномъ смыслѣ обрабатывали поля своихъ господъ гражданъ и вообще служили по сельскому хозяйству, слѣдовательно не подвергались денежнымъ повинностямъ; по этой причинѣ нѣтъ и не могло быть слова для обозначенія сей платы въ ихъ разрядѣ.

Второй разрядъ составляли рабы, коихъ еллины называли общимъ именемъ οἰκέται. Это слово переводятъ у насъ иногда выраженіемъ домохадцы, но слѣдуетъ писать: дворовые люди, такъ какъ у грековъ домохадцами назывался особый отдѣлъ дворовыхъ, и нельзя принимать части за цѣлое. Полидевкъ ²⁾ приводитъ названіе „домохадцы“ въ числѣ многихъ именъ дворовыхъ людей, и потому принимаетъ ихъ только частію дворовыхъ. Икеты, οἰκέται, было наименованіемъ всѣхъ тѣхъ рабовъ, которые, не бывъ прикрѣпленными къ землѣ, служили въ господскомъ домѣ и исполняли личныя приказанія и распоряженія своего владѣтеля, находясь въ совершенной отъ него зависимости и въ безгласномъ ему подчиненіи. Исихій ¹⁾ говоритъ, что словомъ οἰκέ-

¹⁾ Исихій: 'Ερκίται: οἱ ἐν ἀγρῷ οἰκέται.—Стефанъ Византійскій въ словѣ Βορσθένης приводитъ только ἐρκίτης, не объясняя онаго. — Евстаѳій въ схолияхъ въ Иліадѣ, pag. 1024, 39, или pag. 1031, 8: Δουλικά ὀνόματα καὶ οἱ ἄζοι καὶ οἱ πάλμочес καὶ οἱ λатрис καὶ οἱ ἐρκίται, οἵπερ εἰσιν κατ' ἀγρον οἱ (Въ изд. Штаб-баума, vol. 3, pag. 277).

²⁾ Полидевкъ, кн. 3, гл. 8, vers. 76: καὶ οἰκετικὰ ὀνόματα; Πλάτων. δεικνος, ὑπέρτης, ἀργυρώνητος, ὄνιος, ἰχότριψ, οἰκοτροφής· ἡ δὲ ἀντικειμένη τοῦτο, σκηὶς καλεῖται, ἢ οἰκογενής.

της обозначался рабъ, слуга; а Платонъ²⁾, описывая распредѣленіе на три части сельскихъ произведеній, предлагаетъ давать одну часть свободнымъ, а другую ихъ икетамъ, то-есть слугамъ. Различія между икетами не существовало; по крайней мѣрѣ законъ, предъ коимъ они всѣ были равны, не признавалъ онаго; только по своему происхожденію они распадались на два подраздѣленія. Одни были купленные, ὠνητοί, или ἀργυρῶνῃτοι³⁾, другіе, родившіеся уже въ господскомъ домѣ; первыхъ называли обыкновенно οἰκέται, дворовые, безъ всякаго дальнѣйшаго добавленія, вторымъ, напротивъ, придавали имена: οἰκογενεῖς, домочадцы, и οἰκότριβες, вскормленные въ домѣ.

Аммоній⁴⁾ пишетъ: οἰκότριψ, въ домѣ вскормленный, и οἰκέτης, дворовый, различны. „Οἰκότριψ есть слуга взрослый и содержимый въ домѣ, что мы теперь называемъ θρεπτός. Οἰκέτης же есть рабъ купленный“. Аммонія подкрѣпляетъ Исихій⁵⁾, который въ своемъ толкованіи слова οἰκότριβες говоритъ, что такъ называются рабы, рожденные въ (господскомъ) домѣ. Съ большею подробностію, но въ согласіи съ ними разъясняетъ значеніе сихъ словъ составитель Словаря реченій риторскихъ, гдѣ читаемъ⁶⁾: „Вскормленными въ домѣ, οἰκότριβες, называются дворовые рабы, рожденные отъ рабовъ; они же зовутся домочадцами, οἰκογενεῖς; вскормленными въ домѣ называются рабы не купленные“. Домочадцы, находясь постоянно съ самаго дѣтства при господахъ, приобрѣтали ловкость въ обращеніи, были едва ли не всѣ грамотны, а нѣкоторые весьма свѣдущи. Ихъ положеніе превосходно изображаетъ Платонъ, произнеся только одно слово. Сократъ, желая показать примѣръ вѣрности своего способа изложенія,

1) Исихій: οἰκέτης· δούλος· ὑπουργός.

2) Платонъ, Законы, кн. 8, pag. 848, α: τριῇ διαίρεσιν κατὰ λόγον, ἐν μὲν μέρος τοῖς ἐλευθέροις, ἐν δὲ τοῖς τοῦτων οἰκέταις.

3) Ераній Филонъ О различіи значеній (Ερανίου· Φιλωνος· περὶ διαφορὰς σημασίας, Eranii Philo de differentia significationis ed L. C. Valckenaer. Напечатано въ изданіи симиъ ученымъ Аммонія, стр. 145 — 166), стр. 156: Δούλοι, οἰκέται καὶ θεράποντες διαφέρουσιν..... Οἰκέται δὲ, ἀργυρῶνῃτοι.

4) Аммоній: Οἰκότριψ καὶ Οἰκέτης διαφέρει. Οἰκότριψ μὲν γὰρ, ὁ ἐν τῇ οἰκίᾳ διατρεφόμενος, ἐν ἡμεῖς θρεπτόν καλοῦμεν· Οἰκέτης δὲ, ὁ δούλος ὁ ὠνητός. См. примѣчаніе Валькенара къ сему мѣсту, стр. 132 въ его изданіи. (Nova editio correctior. Lipsiae. 1822, in 8°).

5) Исихій: Οἰκότριβες· οἰκογενεῖς δούλοι.

6) Im. Bekkeri Anecdota graeca, pag. 286: Οἰκότριβες οἱ οἰκέται καλοῦνται· δούλοι ἐκ δούλων γενόμενοι, οἰκογενεῖς· οἱ μὴ ἐωνημένοι οἰκότριβες καλοῦνται.

приглашает Менона позвать одного 'изъ сопровождавшихъ его служителей, и когда тотъ взошелъ, онъ спрашиваетъ Менона: „еллины ли онъ и говоритъ ли по-еллински?“ На это Менонъ отвѣчаетъ: „въ совершенствѣ, онъ домочадецъ“ ¹⁾. У патриарха Фотія сохранилось свѣдѣнiе, весьма любопытное въ томъ смыслѣ, что изъ него узнаемъ, какъ смотрѣли еллины на своихъ домочадцевъ: „Вскормленные въ домѣ, пишетъ Фотій ²⁾, суть рабы отъ рабовъ и называются также домочадцами; съ ними обращались въ древности неуважительно, чѣмъ съ рабами купленными; одни были дѣтьми рабовъ, другіе свободныхъ, одни всегда рабы, другіе только впоследствии“.

Оба выраженiя: οἰκότριψς и οἰχογενής однозначущи и равносильны, и намъ было бы трудно опредѣлять ихъ взаимныя отнѣнки, еслибы не подали помощи позднѣйшіе грамматика, изучавшіе тонкости аттическаго говора. Фринихъ, Мириды, Аттикистъ и Θομα Магистръ ³⁾ утверждаютъ, что слово οἰκότριψ было наименованіемъ аттическимъ, οἰχογενής напротивъ общимъ еллинскимъ. Показанiя ученыхъ толкователей оправдываются подлинными грамматами, заключающими въ себѣ удостовѣреніе владѣльца въ отпускѣ на волю своихъ рабовъ и бывшими какъ бы предшественниками существовавшихъ нѣкогда у насъ вольныхъ или отпускныхъ свидѣтельствъ. Во всѣхъ, до сихъ поръ сохранившихся сего рода грамматахъ весьма тщательно обозначается про-

¹⁾ Платонъ, Менонъ, гл. 15, pag. 82,6: Σω. Ἑλλήν μὲν ἐστὶ καὶ ἑλληνίζει; Μεν. Πάνο γε σφόδρα, οἰχογενής. Сидоровскій и Пахомовъ (Творенiя Платона, часть 1, стр. 453) прекрасно перевели слово οἰχογενής выраженіемъ: рожденный въ домѣ. Карповъ (Сочиненiя Платона, часть 2-я, стр. 160), желая ихъ исправить и предъ ними отличиться, написалъ: доморожденный; но это слово употребляется въ русскомъ языкѣ только о домашнихъ животныхъ.

²⁾ Photii Patriarchae Lexicon, ed. Nabcr: Οἰκότριψς: οἱ ἐκ δοῦλων δοῦλοι, οἱ καὶ οἰχογενεῖς λέγονται: ἐνομιζόντο δὲ τὸ παλαιῶν τιμότεροι τῶν ὀννητῶν ὅτι οἱ μὲν ἐκ δοῦλων οἱ δ' ἐξ ἐλευθέρων ἐγένοντο, καὶ οἱ μὲν αἰεὶ δοῦλοι, οἱ δὲ ὑστερον. Слова Фотiя не вполне ясны и трудно рѣшить, противопоставляетъ ли авторъ домочадцевъ купленнымъ рабамъ, или разумѣетъ однихъ домочадцевъ.

³⁾ Thomae Magistri sive Theoduli Monachi Ecloga vocum Atticarum ex recensione F. Ritscheli. Halis Sax. 1832, in 8°:

Οἰκότριψ, οὐκ οἰκοτραφής.

Moeridis Atticistae Lexicon Atticum ed. I. Piersonus. Lug. Bat. 1759. in 8°:

Οἰκότριψ, Ἀττικῶς. οἰκοτραφής Ἑλληνικῶς.

Phrynichi Eclogae nominum et verborum Atticorum, curante I. C. de Pauw. Trajecti ad Rhenum. 1739, in 4°:

Αὐτότροφος μὴ λέγε, ἀλλ' οἰκόσιτος, ὃς Ἀθηναῖος· μὴδὲ οἰχογενῆ, ἀλλ' οἰκότριβα. μὴ ποτε δὲ καὶ τῷ οἰχογενῆς ὡς δοκίμῳ χρηστῶν.

исхожденіе отпускаемыхъ на волю раба или рабыни, и тѣмъ самымъ опредѣляется: былъ ли получавшій свободу приобрѣтенъ господиномъ, или состоялъ его домохадцемъ. Оба положенія выражались словомъ τὸ γένος съ присоединеніемъ частнаго дополненія, именно о рабахъ купленныхъ, или приобрѣтенныхъ, писали: τὸ γένος ἐκ Περγᾶμου, τὸ γένος Λάκωνας, τὸ γένος Τρωνίδα, или τὸ γένος Θεσσαλὸν ἐκ Σχοτεόσσας и тому подобное; о домохадцахъ, напротивъ, всегда, безъ измѣненія: τὸ γένος οἰχογενὲς, или γένος οἰχογενῆ ¹⁾. Нигдѣ однако не встрѣчается употребленія слова οἰχότριψ или οἰχότριβας; и не удивительно, такъ какъ оно было только аттическимъ. По этой причинѣ имъ пользуется Софоклѣ ²⁾, вставляя въ уста приведеннаго старика слова, обращенныя къ Эдипу: „я былъ рабомъ не купленнымъ, а вскормленнымъ въ домѣ“.

Отличіе домохадцевъ отъ рабовъ приобрѣтенныхъ, а также и принадлежность ихъ обонхъ разряду дворовыхъ, то-есть людей, жившихъ въ домѣ господина, указаны въ книгѣ Бытія Священнаго Писанія, и при томъ съ ясностію, устраняющею всякое сомнѣніе, и рѣшающею вопросъ, коимъ занимаемся. Тамъ читаемъ ³⁾: „И поя Авраамъ Исмаила сына своего, и вся домохадцы своя, и вся купленныя, и весь мужескъ полъ мужій, иже въ дому Авраама“. За симъ нѣсколько далѣе: „Авраамъ и Исмаилъ сынъ его, и вся мужи дому его, и домохадцы его и купленіи отъ инородныхъ языковъ“. Эти слова не требуютъ толкованія и мы заключимъ ими эту часть разбора древ-

¹⁾ Corpus Inscriptionum Graecarum, ed. A. Boeckhii. vol. 1, №№ 1699, 1701, 1702, 1703, 1704, 1705, 1706, 1707 и 1709, b.

Число сихъ грамотъ значительно увеличилось въ новѣйшее время преимущественно трудами Лебѣ и Фукара. Осулье (Hauzoulier) издалъ недавно въ *Bulletin de Correspondance hellénique*, Αθηνην, стр. 406—434, 1881 года, 34 имъ открытыхъ грамоты въ Дельфѣхъ, составляющія драгоцѣнное дополненіе къ прежнимъ свѣдѣніямъ объ отпускѣ древними на волю своихъ рабовъ. Подробное изложенье сего предмета въ ученомъ и прекрасно написанномъ разсужденіи Фукара: *Mémoire sur l'affranchissement des esclaves* par P. Foucart. Paris. 1867. Сверхъ того двѣ отличныя статьи объ Apeleutheroi, одна Г. Кайльера (Caillemet), другая того же Фукара въ *Dictionnaire des Antiquités* par Daremberg et Saglio.

²⁾ Софоклѣ, Эдипъ Тираниъ, ст. 1123: Ἦν δοῦλος, οὐκ ὦντος, ἀλλ' οἶκοι τραφεῖς.

³⁾ Книга Бытія, гл. 17, 23 и 27. Въ греческомъ подлинникѣ (ed. *Constantinus Tischendorf*. Lips. 1869. in 8) сказано: Καὶ ἔλαβεν Ἀβραάμ Ἰσμαὴλ τὸν υἱὸν ἑαυτοῦ καὶ πάντας τοὺς οἰχογενεῖς αὐτοῦ καὶ πάντας τοὺς ἀργυρωνήτους καὶ πᾶν ἄρσεν τῶν ἀνδρῶν τῶν ἐν τῷ οἴκῳ Ἀβραάμ... Ἀβραάμ καὶ Ἰσμαὴλ ὁ υἱὸς αὐτοῦ καὶ πάντες οἱ ἄνδρες τοῦ οἴκου αὐτοῦ καὶ οἱ οἰχογενεῖς αὐτοῦ καὶ οἱ ἀργυρώνητοι ἐξ ἄλλογενῶν ἔθνων.

нихъ свидѣтельствъ; замѣтимъ только, что, руководясь словами Священнаго Писанія, мы удерживаемъ выраженіе „домочадецъ“ для обозначенія древне-еллинскаго οἰκογενής.

Есть еще любопытная особенность греческаго языка, или самаго греческаго общества, на которую нельзя не обратить вниманія. Говоря о рабѣ или рабынѣ, еллинскій гражданинъ называлъ ихъ тѣломъ, σῶμα, и признавалъ это выраженіе приличнымъ для произнесенія даже въ гражданскомъ вѣчѣ. Димосеенъ, опровергая предложеніе Лептина, напоминаетъ аеинянамъ въ своей рѣчи великіе подвиги согражданъ. и остановившись на Хавріѣ, торжественно восклицаетъ ¹⁾: „Итакъ, онъ побѣдилъ лакедемонянъ въ морскомъ сраженіи, взялъ въ плѣнъ пятьдесятъ безъ одной тріири, покорилъ много подчиненныхъ спартамцамъ острововъ, которые вамъ передалъ, обративъ прежнюю ненависть въ дружбу, привелъ сюда три тысячи невольничьихъ тѣлъ и представилъ болѣе ста десяти талантовъ, отнятыхъ у непріятелей“. Принятое Димосееномъ выраженіе, αἰχμαλωτὶ σῶματα, невольничьи тѣла, не риторскій приѣмъ и не нововведеніе: оно обще-еллинское, приводимое въ толкованіяхъ грамматиковъ, въ самомъ аеинскомъ законодательствѣ и постоянно въ каждомъ вольноотпускномъ свидѣтельствѣ.

Два современника, Фринихъ и Полидевкъ, свидѣлствуютъ, что слово σῶμα, тѣло, не употреблялось въ смыслѣ раба, само по себѣ, а всегда требовалось къ нему дополненіе, означающее неволю. Фринихъ ²⁾ излагаетъ нѣсколько темно: „О покупаемыхъ рабахъ древніе не пользуются словомъ σῶματα, тѣла, и не говорятъ тѣла продаются“. Его разъясняетъ Полидевкъ ³⁾, сообщая безъ украшеній, очень опредѣленно: „Да не скажи просто: тѣла, σῶματα, но прибавь: рабскія тѣла“. Иногда слово δοῦλα замѣняли другимъ, означавшимъ также подобное положеніе, наприимѣръ οἰκεῖα, или οἰκητικά; и тотъ же грамматикъ, повторяя въ предыдущей книгѣ δοῦλα σῶματα, присоединяетъ къ нему оборотъ рѣчи, имѣющій одинаковый смыслъ: σῶματα, οἰκεῖα, тѣла дворовыя ⁴⁾.

Прн этихъ толкованіяхъ выраженіе Димосеена весьма понятно и

¹⁾ Димосеенъ, противъ Лептина, § 77:

²⁾ Phrynichii Eclogae: Σῶματα ἐπὶ τῶν ὁνίων ἀνδραπόδων, οἶον σῶματα πωλεῖται, οὐ χρῶνται οἱ ἀρχαῖοι.

³⁾ Полидевкъ, Ономастикъ, кн. 3, гл. 8, segm. 78: σῶματα δὲ ἀπλῶς οὐκ ἔχουσιν, ἀλλὰ δοῦλα σῶματα.

⁴⁾ Кн. 2, гл. 5, segm. 235: δοῦλα σῶματα, σῶματα οἰκεῖα.

естественно; оно при томъ согласуется съ выраженіемъ, находящимся въ законѣ Солона, на который ссылается Эскинъ въ рѣчи противъ Тимарха. Последняя статья сего закона гласитъ ¹⁾: „Виновны въ тѣхъ же преступленіяхъ производящіе насиліе надъ дворовыми тѣлами, οἰκετικὰ σώματα“. Итакъ, древніе греки говорили и писали: σώματα αἰχμαλώτα, δοῦλα, οἰκεῖα, οἰκετικά.

Вольноотпускныя свидѣтельства соотвѣтствуютъ нашимъ дѣловымъ бумагамъ и могли бы назваться дѣловыми скрижалями; они составлялись по извѣстному образцу и ихъ содержаніе, исключая собственныхъ именъ и обозначеніе мѣста и времени, тождественно. Въ нихъ требовалась строгая точность, и потому всегда писали или σῶμα ἀνδρείον, тѣло мужское, или σῶμα γυναικεῖον, тѣло женское, смотря по увольненію раба или рабыни. Къ тому присоединяли происхожденіе вольноотпускаемыхъ, указывая, были ли они домочадцами, или купленными, и помѣшая или σῶμα γυναικεῖον, αἱ δύοις Σωφρόνα, οἰκογενῇ ²⁾, или σῶμα γυναικεῖον, αἱ δύοις Νικάσιον, τὸ γένος Τρωνίδα ³⁾, чѣмъ и опредѣлялась ихъ принадлежность разряду рабовъ. Такъ поступали и при увольненіи нѣсколькихъ личностей вмѣстѣ, которыя всѣ приводились поименно, напримѣръ: σώματα γυναικεῖα τέσσαρα, αἱς ὀνύματα Ἐλευθερίᾳ, Σόρᾳ, Παρθένᾳ, Παριόνα ⁴⁾. Чтеніе сихъ скрижалей наводитъ на соображенія, не лишеныя любопытства, хотя и другаго рода. Значительное большинство увольняемыхъ, не мужчины, а женщины, часто съ дѣтьми, но не замужнія. Изъ числа 600 до сихъ поръ извѣстныхъ, вольноотпущенныхъ, упомянуто только однажды, что дается свобода мужу съ женою и съ ихъ малолѣтнею дочерью; всѣ прочіе безбрачны. Это лучъ свѣта, проникающій въ домашнюю жизнь древнихъ, остающуюся въ полномъ мракѣ. Были, безъ сомнѣнія, люди, заслужившіе этотъ даръ своимъ усердіемъ и правдивостію, но были и жертвы своихъ властелиновъ. Отпуская на волю послѣднихъ, еллинскіе господа награждали ихъ подчиненною угодливостію, или исполняли данныя прежде обѣщанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ желали естественно предоставить дѣтямъ лучшую участь.

Слово οἰκετικός образовалось въ сравнительно позднее время; первоначально говорили οἰκεῖος, когда желали обозначить двороваго чело-

¹⁾ Эскинъ противъ Тимарха, § 16: Νόμος..... ἐννοεῖ δὲ τῶσαν ταύτην ἰτίαν καὶ αἱ εἰς τὰ οἰκετικά σώματα ἐξαρταμένους.

²⁾ Haussouiller, № 30.

³⁾ Тамъ же, № 29.

⁴⁾ Тамъ же, № 25.

яѣка. Омиръ употребляетъ это слово и въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ; въ особенности укажемъ на два примѣра, гдѣ онъ пользуется этимъ выраженіемъ. Въ началѣ четырнадцатой пѣсни Одиссеи описывается, что Одиссей шелъ къ „честному пастуху δῖον ὄφρῳβόν, который болѣе всѣхъ пріобрѣтенныхъ Одиссеемъ дворовыхъ служителей, οἰκῆων, заботился о сохраненіи его имущества“ ¹⁾. Въ семнадцатой пѣснѣ Пенелопа въ бесѣдѣ съ Евмеемъ говоритъ, что стяжаніе предающихся веселю жениховъ лежитъ въ ихъ домахъ неприкосновенно: хлѣбъ и сладкое вино, „ихъ сѣдѣютъ только дворовые слуга, οἰκῆες“ ²⁾. Последній разъ читается слово οἰκεύς у Софокла въ драмѣ Эдипъ Тираниъ, когда, на вопросъ Эдипа: кто извѣстилъ о томъ? Иокаста отвѣчаетъ: „Служитель, οἰκεύς, τις, возвратившійся одинъ невредимымъ“ ³⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что видомъ οἰκεύς означался въ предшествовавшіи времена тотъ самый разрядъ людей, который впослѣдствіи называли οἰκέτης, и что это слово было всеобще принято въ обществѣ, ибо внесено Солономъ въ свое законодательство. Скоро однако оно было оставлено и забыто, и до того устарѣло, что два столѣтія послѣ Солона требовало особаго толкованія. Лисія, въ рѣчи противъ Θεομνιστα, приводитъ двѣ статьи закона Солона, соединивъ ихъ вмѣстѣ, изъ коихъ послѣдняя гласитъ: Καὶ οἰκῆος βλάβης τὴν διπλήν εἶναι ὀφείλειν ⁴⁾), „за вредъ, нанесенный дворовому челоѣку, под-

¹⁾ Одиссея (изданіе Мартынова), пѣснь 14, ст. 1—4:

Αὐτὰρ ὁ ἐκ λιμένος προσέβη τρηχεῖαν ἀταρπὼν,
Χῳρον ἀν ὀλέγντα δι ἀκριας ἤ οἱ Ἀθήνη
Πέφραβε δῖον ὄφρῳβόν, ὃ οἱ βίότοιο μάλιστα
Κήδετο οἰκῆων, οὓς κήρατο δῖος Ὀδυσσεύς.

Мартыновъ перевелъ:

Одиссей изъ пристани выходитъ на трудную, неровную тропу и шествуетъ хлѣбистымъ мѣстомъ, по утесамъ, туда, гдѣ АѢнна указала жилище почтеннаго пастыря, который паче всѣхъ служителей, Одиссеемъ пріобрѣтенныхъ, имѣлъ попеченіе о сохраненіи его имущества.

²⁾ Пѣснь 17, ст. 531:

Αὐτῶν μὲν γὰρ κτήματ' ἀκήρατα καίτ' ἐνὶ οἴκῳ,
Σίτος καὶ μέθυ ἡδὺ τὰ μὲν οἰκῆες ἔδουσιν.

³⁾ Изданіе Мартынова, ст. 755:

Οἰκεύς τις, ὅπερ ἔκατ' ἐκασθεὶς μόνος.

⁴⁾ Лисія противъ Θεομνιστα, § 19: ἐπανάγνωθι τοῦτ' τοῦ νόμου τὸ τελευταῖον.

Ὅσαι δὲ πεφασμένως ποιοῦνται,

Καὶ οἰκῆος βλάβης τὴν διπλὴν εἶναι ὀφείλειν

Προσέχετε τὸν νοῦν· τὸ μὲν πεφασμένως ἐστὶ φανερώς· πολεῖσθαι δὲ βαδίζειν. τὸ

вергать двойному взысканію". И въ слѣдъ за симъ ораторъ прибавляетъ: „Обратите вниманіе, судьи, οἰκῆς значитъ теперь θεραπωντος, служителя". Согласно съ Лисіею, а, можетъ быть, у него же заимствовавъ, разъясняетъ это выраженіе Аммоній ¹⁾, говоря, что въ сержаляхъ Солона словомъ οἰκεύς называется οἰκότριψ".

Θома Магистръ сообщаетъ толкованіе слова οἰκέτης, замѣчательное своею точностію и полнотою и дающее сверхъ того возможность познакомиться съ постепеннымъ измѣненіемъ его употребленія. Коренной смыслъ сего выраженія состоялъ въ обозначеніи всего вообще дома, какъ семейства, такъ и прислуги; въ послѣдствіи же значеніе сего слова ограничилось только наименованіемъ дворовыхъ людей, которые всѣ были рабами: семейство было устранено. Θома ²⁾ пишетъ: „икетамъ называются не только рабы, но и всѣ домашніе,

ὅς οἰκῆς θεραπωντος. Вторая статья закона читается въ рукописяхъ: Οἰκῆς καὶ βλάβης τὴν δοῦλῃν εἶναι ὀφείλειν, что, по признанію всѣхъ филологовъ, лишено смысла. Ожеръ въ своемъ изданіи Лисіи (Lysiae opera omnia ed. *Athanasius Anger*. Paris 1788. 2 vol. in 8°), основываясь на замѣчаніи Эральда и Тэлора, внесъ въ подлинникъ: Καὶ οἰκῆς καὶ δοῦλης τὴν βλάβην ὀρεῖλειν, и его чтеніе приняли Шеманъ съ Мейеромъ (*Der Attische Process von Meier und Schömann*. Halle. 1824 in 8°, стр. 477, примѣч. 100) и нѣкоторые другіе ученые. Но это измѣненіе не можетъ похвастаться удовлетворительнымъ; болѣе заслуживаетъ вниманія исправленіе Шеллинга, которому мы и слѣдуемъ. Въ своемъ краткомъ, но дѣльномъ, разсужденіи о законахъ Солона, приводимыхъ аттическими ораторами (*H. Schellingii De Solonis legibus apud Oratores Atticos*. Berol. 1842. in 8°, стр. 138), Шеллингъ, разобравъ мнѣнія Петита, Эральда и Тэлора, пишетъ: Erraverunt omnes in eo, quod τὴν δοῦλῃν corrupta esse non senserunt, pro quibus nos τὴν διπλῇν substituímus et particulam καὶ in codicibus post οἰκῆς positam praepoñimus, unde integer sensus evadit:

Καὶ οἰκῆς βλάβης τὴν διπλῇν (scil. ζημίαν) εἶναι ὀφείλειν,

H. e. etiam detrimentum servis illatum dupli poena vindicare debere. Поправку Шеллинга одобрилъ г. Тельфи (*Corpus juris Attici*. composuit *I. B. Telfy* Pestini et Lipsiae. 1868. in mjo. см. № 1554, стр. 398 et 637) и помѣстилъ въ Сводѣ аттическихъ законовъ. Онъ переводитъ: Etiam damnum servo illatum dupli poena mulctatur, и прибавляетъ въ примѣчаніи: Heraldus suspicatus est scribendum esse οἰκῆς καὶ δοῦλης τὴν βλάβην, quod superfluum esse videtur, cum δοῦλη sub οἰκῆς intelligatur. Ideo adhaereo Schellingio, qui τὴν δοῦλῃν corrupta habet pro τὴν διπλῇν.

¹⁾ Аммоній въ словѣ Οἰκότριψ.... παρὰ δὲ Σόλωνι ἢ τοῖς ἀρεσιν οἰκεύς κέκληται ὁ οἰκότριψ.

²⁾ Θома магистръ въ словѣ οἰκέται: οὐ μόνον οἱ δοῦλοι, ἀλλὰ καὶ πάντες οἱ ἐν τῷ οἴκῳ, γυνὴ καὶ τέκνα: Ἡρέδотος ἐν τῇ ὀγδόῃ ἤν κομίσας τοὺς οἰκέτας οἰκέη ἐκείνη. ὥστε ὑποδεξάμενον τοὺς λόγους τὸν Πανιώνιον κομίσαι τὰ τέκνα καὶ τὴν γυναῖκα

жена и дѣти¹⁾. Въ доказательство онъ ссылается на Иродота, который въ разказѣ о мести Ермотиима за произведенное Павіоніемъ злодѣяніе—мести величайшей изъ всѣхъ, о коихъ историкъ знаетъ¹⁾,—говоритъ, что Ермотимъ общалъ Павіонію много добра, „если онъ со своими домашними, икентами, переселится въ Сарды, и что Паніоній, охотно согласившись на его предложеніе, пріѣхалъ съ дѣтьми и съ женою²⁾. Швейггейзеръ въ Иродотовомъ Словарѣ³⁾, приведя эти слова Иродота и толкованіе Оомы Магистра, указываетъ на другія мѣста, гдѣ историкъ разумѣетъ подъ икентами только служителей, какъ напримѣръ, въ сообщенномъ уже нами описаніи нападенія пеласговъ на аѢиискихъ дѣвицъ. Итакъ, Иродотъ употребляетъ слово οἰκέτης въ двоякомъ смыслѣ: въ общемъ значеніи: домашній и въ видовомъ значеніи двороваго служителя. Эти два понятія еще тогда не раздѣлились.

Въ томъ же двоякомъ смыслѣ слово οἰκέτης и у Эсхила, у коего оно встрѣчается въ первый разъ между всѣми еллинскими писателями. Въ драмѣ Агамемнонъ, когда хоръ произноситъ ἄραχον ἄλγος οἰκέτας³⁾, непоборимая скорбь домашнимъ, поэтъ принимаетъ это слово въ общемъ обозначеніи участниковъ дома; въ Хонфорахъ (поминальщикахъ) напротивъ онъ разумѣетъ служителей, влагая въ уста кормилицы прекрасное изреченіе⁴⁾, „что передъ слугами владычица скрываетъ смѣхъ въ мрачныхъ очахъ своихъ“. Но съ Эскиломъ и Иродотомъ это двойственное значеніе прекращается: у Софокла и Эукидида словомъ οἰκέτης обозначается только прислуга. Эдипъ, при видѣ людей, сопровождавшихъ пастуха, восклицаетъ: узнаю въ нихъ своихъ слугъ, οἰκέτας⁵⁾; а въ трагедіи Трахинянки кормилица, раз-

¹⁾ Ирод. кн. 8, гл. 105, § 1: 'Εκ τούτων δὲ τῶν Πηδασέων ο' Ερμότιμος ἦν τῷ μεγίστῃ τίσις ἡδὲ ἀδικηθέντι ἐγένετο πάντων τῶν ἡμεῖς ἴδμεν. Ссылка Оомы Магистра въ слѣдующей 106-й главѣ восьмой книги.

²⁾ Lexicon Herodoteum instruxit *Iohannes Schweighaeuser* (Argentorati et Parisiis. 1824. 2 vol. in 8°) въ словѣ οἰκέτης: 1) famulus, servus. Sed. 2) Uxores cum liberis et totā familiā communi nomine οἰκέτων indignantur. Alibi quidem jungit τέχνη τε καὶ τοὺς οἰκέτας, i. e. liberos et totam familiam, domesticos omnes.

³⁾ Въ изд. Аренса (Didot) стихъ 733.

⁴⁾ Ст. 737:

Πρὸς μὲν οἰκέτας
θέτο σκυθρωπῶν ἐντὸς ὀμμάτων γέλων
κεῖθους¹⁾ и проч.

⁵⁾ Эдипъ Тиранный, стихъ, въ изд. Мартынова, 1112:

ἄλλως τε τοὺς ἄγοντ' : ὥπερ οἰκέτας
ἔγνων¹⁾ ἐμαυτοῦ,

казывая объ отчаяніи Діанеры, Διῶναιρα или Διῶνειρα, говорить, что она мечется въ чертогахъ и рыдаетъ, „если увидить кого изъ своихъ любимыхъ слугъ, οἰκετῶν δέμας“ ¹⁾). Также и у Фукидида—всегда въ смыслѣ служителя ²⁾). Съ тѣхъ поръ и установилось обозначеніе симъ словомъ разряда дворовыхъ людей въ Греціи; но когда впоследствии число ихъ чрезвычайно умножилось, то нѣкоторые изъ писателей распространили это выраженіе на прочіе разряды и стали, хотя и рѣдко, называть все сословіе рабовъ икетами. По этой причинѣ Исихій и пишетъ: οἰκετῆς δοῦλος.

Дворовые люди окружали своихъ господъ и наполняли ихъ постоянное мѣстопребываніе, οἰκῆσις; находились и въ городскомъ домѣ, οἰκία, и въ сельскихъ усадьбахъ, ἡ ἐπαυλίς, τὸ ἐπαύλιον, устраиваемыхъ иногда, преимущественно въ римскую эпоху, ихъ владѣльцами съ удобствомъ и даже роскошью. Этотъ разрядъ рабовъ былъ самый обширный и распадался въ свою очередь на подраздѣленія, зависѣвшія отъ рода службъ, которыя имъ поручались. Дворовые были работниками ἐργάται, слугами, θεράποντες, и провожатыми, ἀκόλουθοι; занимались рукодѣльемъ, χειροτέχναι ³⁾, и ремеслами, βαναυσία, τέχναι βαναυσοι ⁴⁾, которыя были весьма разнообразны и для производства коихъ устраивались дворовыми людьми особия рабочія службы, ἐργαστήριον οἰκετῶν; они трудились въ домѣ и имуществѣ господъ, отдавались ими въ наймы, исполняли всѣ требованія домашняго обихода, служили источникомъ ихъ денежныхъ выгодъ и были всегда въ ихъ полномъ распоряженіи. „Господская власть, говоритъ Аристотель ⁵⁾, обнимаетъ всѣ жизненныя потребности, но нѣтъ необхо-

¹⁾ Стр. 911: εἰ ποὺ φίλων βλέψαιεν οἰκετῶν δέμας.

²⁾ См. отлично составленный Lexicon Thucydideum confecit E. A. Bétant. Geneva. 2 vol. in 8° 1847.

³⁾ Фукид. кн. 7, гл. 27, § 5: καὶ ἀνδραπόδων πλέον ἢ δύο μυριάδες ἡτόμολῃκεσαν, καὶ τούτων τὸ πολὺ μέρος χειροτέχναι.

⁴⁾ Полидевкъ, кн. 1, гл. 5, сег. 50: οἱ δὲ καθήμενοι, βαναυσοί, καὶ ἡ ἐργασία αὐτῶν, βαναυσία. Онъ же, кн. 7, гл. 1, сег. 6: τέχναι βαναυσοί.

Платонъ, Политія, кн. 9, pag. 590, с.: Βαναυσία δὲ καὶ χειροτέχνια διὰ τί, οἷεи δεῖνός φέρεи; почему, думаешь, рукодѣліе и ремесло не уважаются?

⁵⁾ Аристот. Политія, кн. 3, гл. 2, § 8: Ἔστι γὰρ ἀρχὴ δεσποτικῇ ταύτην δὲ τὴν περὶ τἀναγκαῖα λέγομεν ἃ ποιεῖν ἐπίστασθαι τὸν ἄρχοντ' οὐκ ἀναγκαῖον, ἀλλὰ χρῆσθαι μᾶλλον ᾗτερον δὲ καὶ ἀνδραποδῶδες. λέγω δὲ ᾗτερον τὸ δύνασθαι καὶ ὑπηρετεῖν τὰς διακονικὰς πράξεις. Δούλου δ' εἶδη πλείω λέγομεν· αἱ γὰρ ἐργασίαι πλείους. ὡν ἐν μέρος κατέχουσιν οἱ χερνῆτες· οὗτοι δ' εἰσὶν, ὥσπερ σημαίνει καὶ τοῦνομα· αὐτοὺς, οἱ ζῶντες, ἀπὸ τῶν χειρῶν· ἐν οἷς ὁ βίναυσος τεχνίτης ἐστί.

ходимости, чтобы господинъ все самъ дѣлалъ: онъ долженъ умѣть пользоваться работою невольниковъ, обреченныхъ на служебныя тягости. Есть много видовъ раба, ибо ихъ обязанности многочисленны. Одинъ видъ составляютъ херниты, живущіе, какъ показываетъ ихъ имя, трудами своихъ рукъ. Въ ихъ отдѣлъ причисляются ремесленники⁴.

Въ судебныхъ рѣчахъ ораторовъ содержатся подробныя указанія той громадной выгоды, которую владѣльцы рабовъ извлекали изъ службы своихъ дворовыхъ; между ними обращаетъ на себя вниманіе краткая, такъ сказать дѣловая, опись имущества Тимарха, сообщаемая Эскиномъ въ доказательство его обвиненія въ безнравственности и расточительности сего гражданина. Эта опись наглядно знакомитъ съ одной стороны съ владѣніями зажиточнаго, хотя и не весьма богатаго, аеиннина, и съ получаемыми имъ, посредствомъ своихъ дворовыхъ людей, доходами; съ другой—съ горькимъ положеніемъ самихъ рабовъ, выставя въ яркомъ свѣтѣ ихъ ежедневный нескончаемый трудъ, служившій къ удовлетворенію прихотей господина. Прочтемъ опись Эскина, составленную безъ украшеній, какъ и слѣдовало излагать обвинителю предъ судьями.

„Отецъ, говоритъ Эскинъ¹⁾, оставилъ сему Тимарху состояніе, съ которымъ другой исполнялъ бы даже и литургіи, онъ же не могъ сберечь и для себя“ (то-есть, другой бы и жилъ прилично, и доставлялъ пользу республикѣ, неся общинныя повинности, онъ же, напротивъ, все растратилъ). „Онъ наследовалъ: домъ за Акрополемъ²⁾, дальнее въ украинѣ, *ἐσχατιά*³⁾, имѣніе въ Сфиттѣ⁴⁾, другое съ

¹⁾ Эскинъ, противъ Тимарха, § 97, pag. 117 et 118: Τοῦτω γὰρ κατέλειπεν ὁ πατήρ οὐσίαν, ἀφ' ἧς ἕτερος μὲν ἂν καὶ ἐλειτούργει, οὗτος δὲ οὐδ' αὐτῷ διαφυλάξει ἐδυνήθη. Οἰκίαν μὲν γὰρ ὅπισθεν τῆς πόλεως, *ἐσχατίαν* δὲ Σφηττοῖ, Ἀλωπεκῆσι δ' ἕτερον χωρίον, χωρὶς δὲ οἰκέτας δημιουργοῦς τῆς σκυτοτομικῆς τέχνης ἐννέα ἢ ὀκτα, ὧν ἕκαστος τοῦτω δὴ ὀβολοὺς ἀπέφερε τῆς ἡμέρας, ὁ δ' ἡγεμὼν τοῦ ἐργαστηρίου τριῶβολον· ἐτι δὲ πρὸς ταῦτοις γυναῖκα ἀμώρινα ἐπισταμένην ἐργάζεσθαι καὶ ἔργα λεπτὰ εἰς τὴν ἀγορὰν ἐκφέρειουσαν, καὶ ἄνδρα ποικιλήτην καὶ ὀφειλοντάς τινας αὐτῷ ἀργύριον, καὶ ἐπιπλά.

²⁾ Схολіастъ Эскина, къ слову: τῆς πόλεως· τῆς ἀκροπόλεως λέγει. Τὸ γὰρ παλαιὸν ἢ ἀκρόπολις Ἀθηνῶν ἐκαλεῖτο πόλις.

³⁾ Арпократіонъ: Ἐσχατιά, Δημοσθένης ἐν τῷ πρὸς Φαίειππον. τὰ πρὸς τοῖς τέρμασι τῶν χωρίων ἐσχατίας ἔλεγον, οἷς γεινιᾷ εἴτε ὄρος εἴτε θάλασσα. Согласно съ Арпократіономъ, только многорѣчнѣе, пишетъ схоліастъ Эскина.

⁴⁾ Арпократіонъ: Σφηττός δημός τῆς Ἀχαμαντίδος. Сфиттъ находился въ юго-восточной части Аттики, близъ горы Лаврія, τὸ Λαύριον, и, по мнѣнію Бурсіана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ деревня Кератія. (*Bursian, Geographie von Griechenland, vol. 1, 346 и 351*).

усадебю въ Алопекахъ ¹⁾. На оброкѣ, *χορίς* ²⁾, девять или десять дворовыхъ ремесленниковъ саножниковъ, изъ коихъ каждый вносилъ ему за день по два овола, рабочій же урядникъ заведенія ³⁾ по три овола; еще, кромѣ сихъ людей, женщина Плетей, ткаля ⁴⁾, обученная выдѣлывать тончайшія ткани и выносившая свои нѣжныя издѣлія на рынокъ, и мужчина швей-узорщикъ. Ему перешли также ко взысканію съ должниковъ деньги, наконецъ, посуда и утварь⁴. Нельзя не согласиться, что наслѣдство было значительно; но еще любопытнѣе опись Эскина, представляющая живую картину древняго еллинскаго барскаго хозяйства.

Эта картина производитъ тяжелое впечатлѣніе, но необходимо предъ ней остановиться и близко посмотрѣть на нее, чтобы вѣрнѣе понять давно прекратившій свое существованіе бытъ еллинскаго общества. Рабство составляло неотъемлемую, присущую часть древнихъ республикъ и безъ знанія онаго изученіе греческой исторіи не будетъ полнымъ. Въ этомъ изученіи однако нѣсколько, повидимому, едва соприкасающихся, сторонъ, требующихъ строгаго разбора и изслѣдованія, сторонъ до того разнородныхъ, что значеніе ихъ можетъ разъясниться только при ихъ отдѣльномъ, самостоятельномъ разсмотрѣніи. Не приступая къ такому обширному труду, мы избрали задачею настоящаго разсужденія одну небольшую часть предмета и желаемъ опредѣлить положеніе дворовыхъ рабовъ предъ господиномъ, или, что равносильно, указаніе несомыхъ ими повинностей. Оба вопроса нераздѣлимы, ибо повинности зависѣли отъ даннаго господиномъ рабу положенія, а положеніе вызывало въ свою очередь извѣстныя повинности.

¹⁾ У Эскина въ подлинникѣ *χορίς*. Этимъ словомъ называется небольшое владѣніе съ землею и домомъ, у римлянъ *praedium*. Фукидидъ, кн. 1, гл. 106, § 1, упоминая объ одномъ изъ подобныхъ владѣній, принадлежащемъ частному лицу, говоритъ, что оно было окружено большимъ рвомъ. Здѣсь историкъ случайно приводитъ обычай, вѣроятно, всеобщее принятый владѣльцами, для огражденія своей земли и для опредѣленія ея границъ: οἱ δὲ νικώμενοι ὀλεχούρου, καὶ τὶ αὐτῶν μέλειται ἐς τοῦ χορίς ἰδιώτου ὃ ἐτοχεν ὀρούρα μέγα. Домъ Алопеки, 'Αλωπεκί, въ Антиохійской филѣ, лежалъ на сѣверъ у самихъ Аѳонъ, и имѣніе Тимарха было подгороднее, всего въ 12 стадіяхъ, то-есть, въ двухъ верстахъ отъ города.

²⁾ Разысненіе словъ Эскина и нашего перевода см. ниже.

³⁾ Схолиастъ Эскина: ὁ δ' ἡγεμὼν. οὗ τῶν δημόσιων χοροδιδάκτο; καὶ ὀφηγῆς καὶ οἶον ἀρδων, ὁ τὰ ἔργα ἐκλαμβάνων. Ср. Полидевкъ, кн. IV, гл. 19, seg. 148 и 149.

⁴⁾ Пользуюсь прекраснымъ белорусскимъ словомъ: ткаля, вмѣсто неблагозвучнаго: ткачиха, помѣщеннаго въ Словарѣ Академіи Наукъ.

III.

Разряды дворовыхъ людей. — Повязности наемныхъ людей. — Зablужденіе А. Бека въ объясненіи слова ἀποφορά. — Обычай отдавать домохозяцдевъ въ ученіе. — Взглядъ афинскаго гражданина на ремесла и сельское хозяйство. — Устройство ремесленныхъ заведеній. — Икеты-ремесленники (ἱκετοτέχναι). — Ихъ стоимость. — Торгъ съ молотка жнзней Лукіана (Βίον πρῶτος). — Толкованіе Бека. — Наказаніе строптивыхъ рабовъ. — Принудительныя работы.

Забота еллинскаго господина была направлена на достиженіе возможно большей выгоды отъ своихъ рабовъ, а потому все, что дворовые люди производили и къ чему оказывались способны, всѣ исполняемыя ими порученія, ихъ служба, заработки, руководствія, ремесла, словомъ, весь ихъ трудъ обогащаль только владѣльца и дѣлился по степени возрастанія его достоянія. Владѣльцы внимательно слѣдили за своими людьми и наблюдали, чтобы распредѣленіе работъ соотвѣтствовало ихъ дѣйствительнымъ потребностямъ, какъ частной, такъ и политической жизни. Они старались окружить себя въ своемъ домѣ всѣми удобствами и пріобрѣсти, сверхъ того, денежныя средства, необходимыя для предоставленія дѣтямъ дорогаго стоившаго высшаго образованія и могущія возвысить ихъ положеніе въ республикѣ, даже дать честолюбцамъ возможность выступить въ пышныхъ хорегіяхъ.

Соображаясь съ этими двумя требованіями, еллинскіе господа распредѣляли занятія своихъ дворовыхъ людей и дѣлили ихъ на два главныхъ разряда, распадавшихся каждый на нѣсколько подраздѣлений. Первый разрядъ составляли рабы, трудившіеся въ домѣ и имуществомъ самого господина, исполняя предписанныя имъ работы, службы, руководствія и всякаго рода данныя имъ порученія и приказанія, взаменъ чего они были содержимы господами и даже награждались. Во второй разрядъ владѣлецъ помѣщалъ тѣхъ своихъ дворовыхъ людей, которыхъ онъ или его управитель, ἐπίτροπος, отбиралъ для отдачи ихъ въ наймы и для полученія этимъ средствомъ денежныхъ доходовъ. Эти люди трудились внѣ дома своего господина, но всегда по его усмотрѣнію и распоряженію, и при томъ такимъ образомъ, что условленная за ихъ работу наемная плата взиалась въ пользу владѣльца. Дворовые сихъ обоихъ разрядовъ находились въ прямой зависимости отъ своего господина и выгода отъ ихъ труда признавалась всецѣло его собственностію. Но служба людей перваго разряда принадлежить домашнему хозяйству и не можетъ быть предметомъ исто-

рическаго изслѣдованія; мы потому обратимся только ко второму разряду и рассмотримъ повинности людей наемныхъ.

Августъ Бёкъ, въ сочиненіи о государственномъ хозяйствѣ афинянъ, упомянувъ, что владѣніе рабами почиталось равнымъ съ владѣніемъ всякимъ другимъ имуществомъ, что работы закладывались и принимались въ залогъ, что рабы работали или на своего господина, или, хотя и на самихъ себя, но выдавая господину условленную плату,—поставивъ это главное, конечно весьма неопредѣленно изложенное, но въ общихъ чертахъ неоспариваемое, положеніе, Августъ Бёкъ пишетъ¹⁾: „рабы отдавались въ наймы не только въ рудники, но и на другія работы, даже въ чужія ремесленные заведенія, или въ наемные слуги, все за вносимую господину плату, *ἀποφορά*, которая получалась также господиномъ и съ рабовъ служившихъ во флотѣ“. Не входя въ разборъ всего мнѣнія автора о наемной службѣ рабовъ, не можемъ не выразить по поводу помѣщенного имъ слова *ἀποφορά* изумленія, что у столь глубокаго ученаго вкралась неточность, которой нельзя оправдать ни въ какомъ случаѣ, неточность, возлекшая другихъ въ заблужденіе и бывшая едва ли не важѣйшею причиною необъяснимости весьма простыхъ словъ Ксенофонта.

Августъ Бёкъ утверждаетъ, будто бы плата за наемную службу называлась у грековъ *ἀποφορά*; мы отрицаемъ вѣрность этого положенія, ибо никогда ни у кого изъ еллинскихъ писателей слово *ἀποφορά* въ этомъ смыслѣ не употребляется; плата же за наемную службу обозначается всегда, безъ исключенія, словомъ *μισθός*. Еще непонятнѣе и неожиданнѣе другое обстоятельство. Въ доказательство своего толкованія авторъ²⁾ ссылается на Димосена, Теофраста, Ксенофонта и Андокида; но ни Димосенъ, ни Теофрастъ, упоминаая о службѣ рабовъ по найму, не пользуются для обозначенія оной словомъ *ἀπο-*

¹⁾ *August Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener (2-te Ausg. 3 vol. in 8°. Berlin. 1851), vol. 1, pag. 101: Die Sklaven sind in Rücksicht des Besitzes jedem andern Eigenthume gleich; sie können als Hypothek gegeben, als Pfand genommen werden. Sie arbeiten entweder auf Rechnung des Herrn, oder für sich gegen ein gewisses dem Herrn zu zahlendes Geld, oder sie werden vermiethet nicht allein in Bergwerke, sondern auch zu anderen Arbeiten, selbst in fremde Werksstätten, oder als Lohnbediente, gegen ein an den Herrn zu entrichtendes Geld (ἀποφορά), welches auch von Sklaven, die auf der Flotte dienten, der Herr bezog.*

²⁾ Смысла А. Бёка, стр. 101, примѣч. f. Demosth. g. Nikostrat. S. 1253, l. 11. g. Aphob. 1, S. 819, 26. Schrift v. Staat d. Athen. 1. an mehreren Stellen, vorzüglich 11. Theophr. Char. 22. Andok. v. d. Myst. S. 19.

τορά, а называютъ наемную плату μισθός, и при томъ въ тѣхъ именно мѣстахъ своихъ твореній, которыя А. Бѣкъ самъ приводитъ; слова же ἀποφορά въ этихъ, указанныхъ авторомъ ссылкахъ, вовсе и не находится. Говоримъ о Димосеѣнѣ и Теофрастѣ, ибо ἀποφορά, читаемая у Ксенофонта и у Андокида, не имѣетъ значенія наемной платы и принята обоими писателями въ другомъ смыслѣ, что мы надѣемся разъяснить въ продолженіи сего разсужденія.

Рѣчи Димосеена противъ Никострата и Афова, произнесенныя предъ судомъ по тяжбымъ дѣламъ съ этими гражданами, заключаютъ въ себѣ драгоценныя свѣдѣнія объ имуществѣхъ у аеинянъ и выставляютъ въ полномъ освѣщеніи какъ подчиненность рабовъ своимъ господамъ, такъ и право владѣльцевъ отдавать ихъ въ наймъ и присвоивать ихъ заработки. Выпишемъ слова оратора, знакомящія съ этимъ предметомъ: „Я докажу теперь, говоритъ обвинитель Никострата ¹⁾, что эти невольники принадлежатъ Ареѳусіѣ и состоятъ въ его имуществѣ. Онъ возрастилъ съ ранняго дѣтства Кердона; достовѣрные свидѣтели подтверждаютъ, что Кердонъ рабъ Ареѳусіа (не его брата Никострата). У кого бы Кердонъ когда-либо ни работалъ, Ареѳусіѣ получалъ за него наемную плату, μισθός 'Αρεθούσιος ἐχομίζετο ὑπὲρ αὐτοῦ, и за него отвѣчалъ предъ судомъ, если тотъ учинялъ проступокъ, такъ какъ онъ былъ его господиномъ, δεσπότης. Иначе пріобрѣтенъ Мавиѣсъ. Ареѳусіѣ далъ въ займы денегъ пирейцу Архе-

¹⁾ Димосеѣнъ, противъ Никострата, § 19, 20, 21 (53, pag. 1252, 25. 1253): ὡς δ' ἔστιν 'Αρεθούσιου τὸνδράκοδα ταῦτα καὶ ὄντα ἐν τῇ οὐσίᾳ τῇ ἐκείνου, ἃ ἀπέγραφα, ἐπίδειξω ὑμῖν. Τὸν μὲν γὰρ Κέρδωνα ἐκ μικροῦ παιδαρίου ἐξεθρέψατο. καὶ ὡς ἦν 'Αρεθούσιου, τοῦτων ὑμῖν τοὺς εἰδότες μάρτυρας παρέξομαι.

Пар' οἷς τοῖνον εἰργάσατο πώποτε, ὡς τοὺς μισθοὺς 'Αρεθούσιος ἐχομίζετο ὑπὲρ αὐτοῦ, καὶ δίκας ἐλάμβανε καὶ εἰδίδου, ὅποτε κακόν τι ἐργάσαντο, ὡς δεσπότης ὢν, τούτων ὑμῖν τοὺς εἰδότες μάρτυρας παρέξομαι.

Τὸν δὲ Μάνην, δανείσας ἀργύριον 'Αρχεπόλιδι τῷ Πειραιεῖ, ἐπειδὴ οὐχ οἶός τ' ἦν αὐτῷ ἀποδοῦναι ὁ 'Αρχεπόλις οὔτε τὸν τόκον οὔτε τὸ ἀρχαῖον, ἀπὸν ἐναπετίμησεν αὐτῷ.

Ἐτι τοῖνον καὶ ἐκ τῶνδε γινώσκατε, ὅ ἄνδρες δικασταῖ, ὅτι εἰσὶν 'Αρεθούσιου οἱ ἄνθρωποι, ὅποτε γὰρ οἱ ἄνθρωποι οὗτοι ἢ ὑπῶραν πρίαίντο ἢ θέρος μισθοῖντο ἐκθερίσαι ἢ ἄλλο τι τῶν περὶ γεωργίαν ἔργων ἀναπρίντο 'Αρεθούσιος ἦν ὁ ὠνοούμενος ὑπὲρ αὐτῶν.

Димосеѣнъ называетъ еллинскихъ дворовыхъ рабовъ οἱ ἄνθρωποι, у насъ господи́нь, обращаясь къ слугѣ изъ дворовыхъ, говорилъ: человекѣ.

Слово ὁ ὠνοούμενος значить покупающій или покупатель. Въ Thesaurus graecae linguae ab Henrico Stephano constructus, ed. A. F. Didot... въ словѣ ὠνεῖσθαι, οὔμαι: ὁ ὠνοούμενος, Emtoz, ap. Xenoph. De re eq. 3, 2. Demosth. p. 309, 15, et alios plurimos. Здѣсь значить: покупающій или отыскивающій наемныхъ людей, то-есть, рядчикъ.

полиду, который, не вида возможности возвратить ни денегъ, ни роста, передалъ ему въ счетъ уплаты своего долга раба Маниса. Что названные—люди Ареусія, усмотрите, судьи, еще изъ слѣдующаго. Когда эти самые люди были нанимаемы или на сборъ плодовъ, или на жатву, или на какую-либо другую сельскую работу, то Ареусій былъ для нихъ и предлагающимъ на работы (то-есть, рядчиковъ) и отдающимъ въ наймы“.

Итакъ, обязанность идти на наемную работу, по приказанію и назначенію господина, составляла одинъ изъ главныхъ признаковъ раба у древнихъ, и столь значительный, что самые судьи придавали ему законную силу при опредѣленіи состоянія человѣка. Съ другой стороны безотчетное распоряженіе лишеннымъ свободы человѣкомъ признавалось въ еллинскихъ республикахъ правомъ владѣльца рабовъ, который не только самовластно завѣдывалъ ими въ своемъ домѣ и имуществѣ, но и посылалъ ихъ въ наймы, принимая въ свою пользу заработанныя ими деньги. Этимъ поступкомъ дѣйствія рабовладѣльцевъ не ограничивались: они отдавали мальчиковъ въ ученіе и, когда тѣ подрастали и оказывались способными, устраивали, по своему усмотрѣнію, разныя ремесленныя заведенія, иногда даже и заводы. Туда помѣщались обученные люди, гдѣ и занимались или одни, или вмѣстѣ съ наемными рабочими производствомъ всякаго рода предметовъ, необходимыхъ какъ для обыденныхъ потребностей, такъ и для жизни съ удобствами и роскошью; сами же владѣльцы только обогащались, никогда лично не трудясь и не работая надъ ремеслами, ибо почитали подобное занятіе униженіемъ достоинства гражданина.

Обычай отдавать мальчиковъ рабовъ въ ученіе былъ, по своей необходимости, чрезвычайно распространенъ и обширенъ въ Греціи, и само ученіе разнообразно, ибо приготавлило къ удовлетворенію всѣхъ потребностей жизни. Естественно, что являлись люди, принимавшіе къ себѣ домочадцевъ для ихъ обученія, чѣмъ и приобретаючи себѣ значительныя выгоды. Другіе заводили даже нѣчто въ родѣ ремесленныхъ училищъ, гдѣ мальчики упражнялись въ ремеслахъ, рукодѣліяхъ и во всѣхъ частяхъ домашняго обихода. Послушаемъ Аристотеля. „Ученіе, говоритъ онъ ¹⁾, двойное: есть ученіе господское и

¹⁾ Аристотель, Политика, кн. 1, гл. 2, § 22: Нашъ переводъ этого отрывка различается отъ перевода г. Скворцова, Политика Аристотеля, стр. 22; но выраженіе „дѣло дѣлу рознь“, соответствующее мысли Аристотеля, принадлежит г. Скворцову.

ученіе рабское; полное рабское ученіе открытъ нѣкто въ Сиракусахъ, который за плату обучалъ мальчиковъ всему кругу служебныхъ обязанностей; наиболѣе однако избирается обученіе не всему кругу, а одной только части, напримѣръ поварскому искусству, или какому-либо другому роду служебныхъ обязанностей. Дѣло дѣлу рознь: одно цѣннѣе и уважительнѣе, другое необходимѣе; такъ и по пословицѣ: рабъ и рабъ, господинъ и господинъ. Таковы всѣ ученія рабовъ; господское же ученіе есть наставленіе пользоваться рабами: истинный господинъ не только владѣетъ рабами, но и умѣетъ ими пользоваться“. Обычай отдавать домохозяевъ въ ученіе водворился весьма рано; въ пятый столѣтіи до Р. Х. онъ былъ уже всеобще принятъ и до того распространился, что сталъ предметомъ шутки и сатиры комиковъ. Поэтъ Ферекрытъ, *Φερικράτης*, предшественникъ Аристофана, поставилъ на сцену комедію, *Δουλοδιδάσκαλος*, учитель рабовъ, коей немногіе отдѣльные стихи сохранились въ ссылкахъ древнихъ писателей, преимущественно Аэинна¹⁾.

Метрики, напротивъ, не только надзирали надъ своими ремесленными заведеніями, но, заботясь чрезъ нихъ улучшеніе о собственной выгодѣ, прилагали личный трудъ и своимъ примѣромъ поощряли наемныхъ рабочихъ. Имѣя въ своихъ рукахъ торговлю и ремесла, метрики приобрѣтали часто значительныя богатства и доставляли въ то же время существенную пользу республикамъ, которыя въ нихъ нуждались и чрезъ нихъ процвѣтали, на что указываетъ Ксенофонтъ въ приведенномъ нами извлеченіи. Во всѣхъ подобныхъ какъ ремесленныхъ заведеніяхъ, такъ и разнаго рода заводахъ, учреждались ли онѣ гражданами, или метриками, находились постоянно рабы, подготовленные уже для предварительно опредѣленныхъ занятій. Сами же граждане чтити науку, литературу, искусства; посвящали себя политикѣ и дѣламъ военнымъ; стремились къ доставленію высшаго образованія своимъ дѣтямъ, но пренебрегали ремеслами и средства къ достиженію сихъ благъ получали чрезъ рабовъ, число коихъ они по возможности увеличивали. Они пренебрегали въ той же степени, если не болѣе, земледѣліемъ и вообще сельскимъ хозяйствомъ, видя въ нихъ рабское, не достойное гражданина, занятіе. Этотъ взглядъ не измѣнился даже въ то время, когда Аэины совершенно утратили свое

¹⁾ Собраніе остатковъ комедіи *Δουλοδιδάσκαλος* помѣщено въ: *Poëtarum Comiorum Graecorum fragmenta post Augustum Meineke recognovit et latine transtulit F. H. Bothe. Parisiis. Editore Ambrosio Firmin Didot. 1855, in 8°. pag. 90—92.*

политическое первенство, хотя и не перестали славиться образованностию. Онъ выраженъ Менандромъ, коего двоестипіе сохранилъ Іоаннъ Стоваѣскій ¹⁾. „Мужу гражданину, говорилъ поэтъ со сцены аѳинскаго театра, приличны военные подвиги, сельское же хозяйство дѣло раба“.

Плутархъ, въ жизнеописаніи десяти ораторовъ, пишетъ объ Исократѣ ²⁾: „Исократъ былъ сынъ Θεοδωρα Ерхіица (имѣя 'Ερχιά), гражданина изъ числа посредственныхъ, но владѣвшаго слугами свирѣльщиками и приобрѣвшаго чрезъ нихъ такое благосостояніе, что приваля хоригію и воспиталъ своихъ сыновей“. „Исократъ не уступалъ образованіемъ никому изъ аѳинянъ: онъ слушалъ Продика Кеосскаго, Горгію Леонтинскаго, Тисію Сиракусскаго и риторѣа Θηραμενα“. Сообщаемое здѣсь Плутархомъ свидѣніе любопытно въ двоякомъ смыслѣ: біографъ указываетъ на замѣчательныхъ учителей, преподаваніемъ коихъ могъ Исократъ воспользоваться, и въ то же время свидѣтельствуетъ о чрезвычайной выгодѣ, какую аѳинскіе граждане приобрѣтали чрезъ своихъ дворовыхъ людей, ибо посѣщеніе чтеній извѣстныхъ преподавателей сопряжено было въ Греціи съ большими расходами, требовавшими значительныхъ денежныхъ средствъ. Плутархъ ³⁾ прибавляетъ далѣе, какъ бы въ разъясненіе предыдущаго, что Исократъ, занимаясь въ послѣдствіи самъ преподаваніемъ риторскаго искусства, или риторики, и имѣя до ста слушателей, назначалъ плату тысячу драхмъ съ каждаго, и не желалъ ничего уступить Димосѳену, предлагавшему ему двѣсти драхмъ за его чтенія.

Димосѳенъ ⁴⁾, въ первой рѣчи противъ Аѳова, говорилъ предъ

¹⁾ 'Εν τοῖς πολέμοις ὑπερέχειν τὸν ἄνδρα δεῖ·
τὸ γὰρ γεωργεῖν ἔργον ἐστὶν οἰκέτου.

Ioannis Stobaei Sententiae. Basileae. 1549. fol. Sermo 55, pag. 371. Въ Menandri et Philemonis fragmenta, въ Bibliotheca Дидота, pag. 66, frag. XCVI.

²⁾ Плутархъ, Ж. десяти ораторовъ, Δ', Исократъ, § 1: 'Ισοκράτης Θεοδώρου μὲν ἦν παῖς τοῦ 'Ερχιῆως, τῶν μετρίων πολιτῶν, θεραπεύοντας αὐλοποιούς κερτιζόμενος, καὶ εὐπορήσας ἀπὸ τούτων, ὡς καὶ χορηγεῖσαι ἰ παιδεύσαι τοὺς υἱούς. § 2: παῖς μὲν ὢν ἐπαίδευτο οὐδενὸς ἤττον 'Αθηναίων, ἀκροώμενος Προδίκου τε τοῦ Κεῖου, καὶ Γοργίου τοῦ Λεοντίνου, καὶ Τισίου τοῦ Σираκουσίου, καὶ Θηραμένους τοῦ ῥήτορος.

³⁾ Тамъ-же, § 9: 'Αχροαταὶ δ' αὐτοῦ ἐγένοντο εἰς ἑκάτον. § 12: Καὶ Δημοσθένη, δὲ ἔτι ῥητορεύοντι φασὶ μετὰ σπουδῆς προσελθεῖν αὐτῷ, καὶ χιλίας μὲν, ἅς μόνας εἰσέπραττετο, οὐκ εἶχει φάναι παρασχεῖν, διακοσίας δὲ μόνας δῶσειν, φ' ἐφ' τε τὸ πέμπτον μέρους ἐκμάθει.

⁴⁾ Димосѳенъ, первая рѣчь противъ Аѳова, § 9, pag. 816, 4: ὁ γὰρ πατήρ, ὃ ἄνδρες, διδασταί, κατέλειπε δύο ἑργαστήρια, τέχνης οὐ μικρᾶς ἑκάτερον, μαχαροποιούς

судьями: „Отец мой оставилъ мѣ въ наслѣдство два ремесленныхъ заведенія, каждое не съ малымъ производствомъ. Въ одномъ изъ нихъ считалось 32 или 33 такихъ ножевщика, что нѣкоторые цѣнились по пяти или шести минъ, остальные не менѣе какъ по три мины. Отъ этихъ людей онъ получалъ ежегодно чистаго, за всѣми расходами, дохода 30 минъ. Въ другомъ заведеніи двадцать рабовъ, заложенныхъ отцу моему за взятія у него въ долгъ 40 минъ, строили кровати и носили и приносили ему чистаго дохода 12 минъ“. Нѣсколько далѣе въ той же рѣчи Димосеенъ излагаетъ предъ судьями устройство сихъ ремесленныхъ заведеній, упоминаетъ о продовольствіи людей, о запасахъ желѣза, мѣди и чернеди, слоновей кости для ручекъ, и досокъ для кроватей, говоритъ о счетоводствѣ, сообщаетъ даже имя управителя Милин, вавѣдывавшаго всѣмъ имуществомъ и награжденнаго за свою службу свободою; словомъ, вводитъ новѣйшаго читателя въ хозяйственную часть древняго быта еллинскихъ граждан¹⁾.

Икеты-ремесленники, χειροτέχαι, стояли обыкновенно дороже другихъ, но и приносили владѣльцамъ соотвѣтствующую выгоду; они естественно образовали меньшую, такъ сказать отборную, часть дворовыхъ людей; большинство состояло изъ громадной толпы рабовъ, отдаваемой господами на всякую наемную службу. Многіе изъ нихъ употреблялись на работы, требовавшія, по выраженію Аристотеля, не столько искусства, сколько тѣлесной силы. То были: землекопы, σκαφύς, σκαπανεύς, носильщики, σκευοφόρος, ἀχθοφόρος, погонщики ословъ, ὄνηλάτης, водоносы, ὕδροφόρος, дровосѣки, ξυλεύς, мельники, μολυργάτης, каменоломщики, λιθοτόμος, и прочіе чернорабочіе, названіе коихъ, хотя далеко не всѣхъ, перечисляетъ Полидевкъ въ своемъ Ономастикѣ²⁾. Денежный доходъ, получаемый за нихъ владѣльцами,

μὲν τριάκοντα καὶ δύο ἢ τρεῖς, ἀνὶ πέντε μνᾶς καὶ ἑξ, τοὺς δ' οὐκ ἐλάττωτος ἢ τριῶν μνῶν ἀξίους, ἀφ' ὧν τριάκοντα μνᾶς ἀτελεῖς ἐλάμβανε τοῦ ἐναιαυτοῦ τὴν πρόσδοον, κλινεποιούς δ' εἶκοσι τὸν ἀριθμόν, τετταράκοντα μνῶν ὑποκαίμενους, οἱ δὲ δέκα μνᾶς ἀτελεῖς αὐτῷ προσέφερον.

1) Тамъ-же, § 20, pag. 819, 22: λόγον αὐτὸς ἀπηνήνοχεν ἀναλωμάτων οὐκ εἰς σι: τοῖς ἀνθρώποις ἀλλ' εἰς ἔργα, τὸν εἰς τὴν τέχνην ἐλέφαντα καὶ μαχαίρων λαβὰς καὶ ἄλλας ἐπισκευὰς, ὡς ἐργαζομένων τῶν δημιουργῶν. § 10, pag. 816, 18: χωρὶς δὲ τούτων ἐλέφαντα μὲν καὶ σίθηρον, ὃν κατεργάζοντο, καὶ ξύλα κλίνει' εἰς ὀδοῦκοντα μνῶν ἄξια, κηχίδα (чернеди) δι' καὶ χαλκὸν ἐβρομήκοντα μνῶν ἐωνημένα. § 19, pag. 819, 18: ὁ δ' ἐπιτροπὸς Μιλύας, ὁ ἀπελευθερὸς ὁ ἡμέτερος, ἴψκηνεν αὐτά.

2) Полхд. кн. 7, гл. 29, versu. 130. "Ἐτι τοίνυν οἱ ἴς ἀγορᾶς ἢ λιμένος κομίζον- ἀχθοφόροι, ἀμφορεαφόροι, ἀμφορίς, ἀμφοροι. Καὶ τὰ ῥήματα, ἀχθοφορεῖν, καὶ

былъ значительно ниже дохода, приносимаго ремесленниками, но онъ нѣкоторымъ образомъ вознаграждался ничтожною стоимостью рабовъ сего разряда: ихъ покупали и продавали большею частію за весьма малую цѣну. Ксенофонтъ ¹⁾, обозначая вообще дворовыхъ людей, не раздѣляя ихъ на катигоріи, утверждаетъ, что „одному цѣна двѣ мины, а другой не стоитъ и полмины, иной же пять минъ и даже десять. А Никія, сынъ Никирата, заплатилъ, говорятъ, талантъ за раба, способнаго быть старостою надъ рудокопами въ серебряныхъ рудникахъ ²⁾“.

Лукіанъ написалъ прелестную, увлекательнѣйшую шутку, подъ заглавіемъ: Βίων πρᾶσις, торгъ съ молотка жизнью, то-есть ученій философовъ о жизни. Зевсъ продаетъ въ рабство представителей древнихъ философскихъ ученій, пользуясь услугами Ерма, принявшаго на себя званіе бирюча (или клічаго) и провозглашавшаго имена продаваемыхъ, вызывая ихъ по очереди и назначая имъ предварительныя цѣны. Лукіанъ выставилъ нѣкоторыхъ, отрывочныя черты ихъ ученій, исказивъ оныя до безобразія и глумясь надъ ними съ неподражаемымъ остроуміемъ, вызывающимъ неудержимый смѣхъ въ читателѣ. Только предъ Сократомъ онъ нѣсколько смягчаетъ свой порывъ и невольно предъ нимъ преклоняется, отдѣливъ его отъ всѣхъ прочихъ философовъ. Но и здѣсь онъ поступаетъ въ высшей степени своеобразно, оставаясь вѣрнымъ своему вымыслу.

Лукіанъ влагаетъ въ уста покупщика похвалу Сократу, а въ уста Ерма требованіе высокой цѣны, не соразмѣрной съ цѣною другихъ философовъ. „Ну, говорить покупщикъ ³⁾ послѣ разговора съ выве-

ἀμφορεᾶφορεῖν, ἀμφορεῖν. ὑδροφόροι, φιλοφόροι, σκευοφόροι, ὀλοφόροι. καὶ ὀλοφορεῖν. πλινθοφόροι, πλινθοφορεῖν. πηλοφόροι, καὶ πηλοφορεῖν. ξυληγοί, ἀφ' ὧν καὶ τὸ ξυληγὼν εἶρηκε Δημοσθένης. φρουαγοφόροι δὲ ὄνομα, ἐν τῇ Λυσίου πρὸς Μετίωνα ἐπιστολῇ. καὶ ξυλοφορίαν δὲ εἶη Λυσίας. τὸ δὲ σύμπαν εἰπεῖν, μυθεῖσθαι.

¹⁾ Достопамятности, Сократа, кн. 2, гл. 5, § 2: Τῶν γὰρ οἰκετῶν ὁ μὲν πού οὐο μναῖν δξίος ἐστίν, ὁ δὲ οὐδ' ἡμιμναίου, ὁ δὲ πέντε μνῶν, ὁ δὲ καὶ δέκα· Νικίας δὲ ὁ Νικηράτων λέγεται ἐπιστάτην εἰς τὰργύρεα πρίασθαι τάλαντον.

²⁾ Мина или мна, μνᾶ, μνᾶς, вѣсъ и серебряная монета, въ коей едва не 29 готовъ серебра, такъ что ея цѣнность почти что 92 франка. 60 минъ составляли талантъ, тѣ талантон, равняющіеся приблизительно 5500 франкамъ. Въ минѣ сто драхмъ, каждая почти что одинъ франкъ; въ драхмѣ, ἡ δραχμή, шесть оволовъ, ὁ ὀβολός, каждый, на наши деньги, 4 или 5 копѣекъ. Въ оволѣ восемь халкусовъ, χαλκοῦς.

³⁾ Лукіанъ, Βίων πρᾶσις, § 18, pag. 557:

Ἀγοραστής. Τοιγαροῦν ὠνητέος εἰ, σοφός καὶ ὀξυδερχῆς τις ὢν.

Φέρ' ἴδω τι καὶ πράξεις με ὑπὲρ αὐτοῦ σού;

деннымъ Сократомъ, тебя надобно купить: умный и зоркій. А что ты, бирючь, за него просишь?—Ермъ отвѣчаетъ: „давай два таланта ¹⁾“.—Покупщикъ: „Купилъ за сколько говоришь“.—Ермъ: „Какъ твоё имя?“—Покупщикъ: „Диовъ Сиракузскій“ ²⁾. Въ противоположность Сократу очерченъ Диогенъ Книникъ. При его видѣ, покупатель восклицаетъ ³⁾: „На какую пользу приобрѣтаетъ такого грязнаго и влосчастнаго? Развѣ взять землекопомъ или водоносомъ“.—Ермъ отвѣчаетъ: „Не только на эту службу, но если ты его приставишь привратникомъ, то онъ будетъ стеречь вѣрнѣ собакъ: да и ими ему собака“.—Диогенъ излагаетъ затѣмъ свои воззрѣнія на жизнь, которыя такъ поразили покупателя, что онъ, остановивъ его, сказалъ ⁴⁾: „Для этого ты мнѣ не нуженъ, скорѣе, можетъ быть, согласишься при надобности корабленикомъ, или садовымъ сторожемъ, да и то въ такомъ только случаѣ, если онъ (бирючь) согласенъ взять за тебя два овода (то-есть, гривенникъ), самое высшее, чего стоишь“.—Ермъ быстро отвѣчаетъ: „Купилъ, бери. Мы съ радостію избавляемся отъ несноснаго крикуна, который сквернословитъ и всѣхъ оскорбляетъ“.

Но ни Аристиппа Киринѣйскаго, ни Демокрита съ Ираклитомъ никто изъ присутствовавшихъ на торгу не хотѣлъ даже покупать и не предлагалъ никакой цѣны: они остались не идущимъ съ рукъ товаромъ, *ἀπράτοι*. Нѣсколько счастливей оказался Эпикуръ, проданный за двѣ мины; но Лукіанъ не высокаго мнѣнія и о Пифагорѣ: онъ его оцѣнилъ въ 10 минъ и заставилъ торговаться хотя и одного покупателя, но именемъ товарищества изъ 300 человекъ, напоминая тѣмъ число учениковъ Пифагора ⁵⁾. 12 минъ пришлось на долю Хрисиппа;

¹⁾ Ерμης: Δός δύο таланτα.

²⁾ Αγο.: Ὠνησάμεν ἑσσο φης.

³⁾ Ерμ.: Τί οὖν σοι τοῦτομα;

⁴⁾ Αγο.: Δίων ὁ Σираκούσιος.

¹⁾ Одиннадцать тысячъ франковъ.

²⁾ Ученикъ Платона.

³⁾ § 7, pag. 548: Αγω.: Τί δ' ἂν τις αὐτῷ χρησαιο ῥυπαῖται καὶ οὕτω κακοδαίμωνος διακειμένη; πλὴν εἰ μὴ σκαπανέα γε καὶ ὑδροφόρον αὐτὸν ἀποδεικτέον.

Ерμ.: Οὐ μόνον ἀλλὰ καὶ ἦν θυρωρὸν αὐτὸν ἐπιστήσης, πολὺ πιστοτέρῳ χρήσῃ τῶν κυνῶν. Ἀρεῖται κυὼν αὐτῷ καὶ τοῦτομα.

⁴⁾ § 11, pag. 551: Πρὸς ταῦτα μὲν οὐ δέομαι σοι. ναύτης δ' ἂν ἴσως ἡ κηפורὸς ἐν καιρῷ γένοιτο καὶ ταῦτα, ἣν ἐθέλῃ σε ἀποδόσθαι οὗτοσι τὸ μέγιστον δύο ὀβολῶν.

Ерμ.: Ἐχε λαβὼν καὶ γὰρ ἄσμενοι ἀπολλαξόμεθα, ἐνοχλοῦντος αὐτοῦ καὶ βωῶντος καὶ ἀπαντας ἀπαξ ἀπλῶς, ὑβρίζοντος καὶ ἀγορεύοντος κακῶς.

⁵⁾ § 7, pag. 546: Ζεὺς. Γράφε τοῦ ὠνησαμένου τοῦτομα, καὶ ὅθεν ἐστίν.

Ерμ.: Ἰταλιώτης, ὃ Ζεὺς, δοκεῖ εἶναι τῶν ἀμφὶ Κρότωνα, καὶ Τάραντα, καὶ τὴν ταύτην Ἑλλάδα, καίτοι οὐχ εἰς, ἀλλὰ τριακῶσιτοι σχεδὸν ἐώνηνται κατὰ κοινὸν αὐτόν.

но всѣхъ благосклоннѣе, послѣ Сократа, Лукіанъ поступилъ съ Аристотелемъ, ибо когда Ермъ потребовалъ за него 20 минъ, покупщикъ сказалъ, обращаясь къ философу ¹⁾: „ты преподаешь всецѣнные и пользoносныя ученія“; затѣмъ самому Ерму прибавилъ: „его я покупаю за 20 минъ“. Лукіанъ заключаетъ свою сатиру изображеніемъ во всемъ сомнѣвающагося скептика Пиррона, уступленнаго только за одну аттическую мину. Заплативъ деньги, покупщикъ говоритъ Пиррону: „Иди за мною, какъ надлежитъ моему дворовому человеку“. — Тотъ отвѣчаетъ: „Кто знаетъ, правду ли ты говоришь?“ — Покупщикъ: „Знаютъ бирючь, мина и присутствующіе“. — Пирронъ: „Такъ у насъ здѣсь и присутствуютъ?“ — Покупщикъ: „Вотъ какъ я засажу тебя къ жернову въ мельницу, то, и по худшему, чѣмъ твое, разсужденію, увѣрю, что я твой господинъ“ ²⁾).

Августъ Бѣкъ, опредѣляя стоимость рабовъ у грековъ, ссылается на эту статью Лукіана и приводитъ заключающіяся въ ней цѣны философовъ. О Пирронѣ, который, не извѣстно почему, названъ имъ Филономъ, онъ пишетъ ³⁾: „Если Лукіанъ признаетъ скептика Филонъ стоящимъ одной мины и замѣчаетъ, что Филонъ предназначенъ въ мельницу, то явно, что мина была обыкновенною цѣною раба мельника“. Это толкованіе не соотвѣтствуетъ изложенію Лукіана и придастъ словамъ писателя смыслъ, совершенно имъ чуждый. Лукіанъ и не думалъ о назначеніи цѣнъ рабамъ: онъ продавалъ въ рабство философовъ; выставленные имъ цѣны игра воображенія и нисколько не огласуются ни съ родомъ занятія покупаемыхъ людей, ни съ цѣлію

¹⁾ § 26, pag. 567: Πάνσερνα φῆς καὶ ὀνησιφῆρα τὰ μαθήματα, ὥστε ἀνοῦμαι αὐτὸν εἰκοσίν.

²⁾ Ἀγο.: Καὶ μὴν ἀκολούθει μοι, καθάπερ ὑρῆ ἐμὸν οἰκέτην.

Πυρρ.: Τίς οἶδεν εἰ ἀληθῆ ταῦτα φῆς;

Ἀγο.: Ὁ κῆρυξ καὶ ἡ μὴ καὶ οἱ παρόντες.

Πυρρ.: Πάρεσαι γάρ ἡμῖν τινες;

Ἀγο.: Ἀλλ' ἐγὼ γέ σε ἤδη ἐμβαλὼν ἐς τὸν μύλωνα πείσω εἶναι δεσπότης κατὰ τὸν γέρω λόγον.

³⁾ A. Böckh, Die Staatshaushaltung der Athener, 2-te Ausg. vol. 1, pag. 96: Wenn Lucian in der scherzhaften Schätzung der Philosophen den Socrates zu zwei Talenten, den Peripatetiker zu zwanzig, Chrysipp zu zwölf, den Pythagoreer zu zehn, Dion von Syrakus zu zwei Minen anschlägt, und, um den Werth des Diogenes zu übergehen, Philon den Skeptiker einer Mine werth hält mit dem Bemerkten, er sei für die Mühle bestimmt, so ist das letzte offenbar der gewöhnliche Preis für den Mühlensklaven. Замѣтимъ случайный недосмотръ автора, не придавая оному никакого значенія: онъ выпустилъ Еликура, замѣнивъ его торгомъ Діона Сиракусскаго, но Діонъ у Лукіана не продавался, а самъ купилъ Сократа.

ихъ покупки. Діогенъ уступленъ за два овола, Пирронъ же за мину, между тѣмъ Діогенъ предназначался быть садовымъ сторожемъ, что поручается всегда довѣренному человѣку, который вѣроятно оцѣнивался дороже простаго мельника.

По строю рѣчи Лукіана о Пирронѣ слѣдуетъ ожидать отъ покупателя угрозы, не обозначенія будущихъ занятій пріобрѣтннаго имъ себѣ раба. Проданный съ молотка законнымъ торгомъ, Пирронъ не признаетъ себя невольникомъ, отвергаетъ всѣ доводы и естественно вызываетъ угрозу своего новаго владѣльца, которому остается только устрашать словами: и тебя въ кандалы. Такъ и случилось. Покупщикъ не сказалъ Пиррону, что онъ его поставитъ мельникомъ и не произнесъ словъ ни *μολεράτης*, ни *μολωρός*, но грозно объявилъ, что дастъ приказаніе ввергнуть его внутрь мельницы, *ἐμβάλλειν ἐς τὸν μολῶνα*, и Пирронъ замолчалъ, мгновенно покоряясь, ибо понималъ, что ему могло предстоить суровое наказаніе, налагавшееся на строптивыхъ рабовъ и состоявшее въ ручной тяжелой работѣ жерновомъ, съ законными въ кандалы ногами. Употребивъ это выраженіе, Лукіанъ подражалъ Еврипиду, Дамосеену и Лисіи, и воспроизвелъ оное вмѣсто обиходнаго, но не изящнаго и не литературнаго *ζήτρειον*, смиренная или карательная мельница, собственно крупчатка, ибо происходитъ отъ *ζεῖα* или *ζεῖά*, что значитъ полба или пшеница

Въ Великомъ Этимологикѣ читаемъ ¹⁾: „*Ζήτρειον* значитъ узница

¹⁾ В. Этимологикъ, 411, 33: *Ζήτρειον*, σημαίνει τὸ τῶν δοῦλων δεσμωτήριον, ἔχουν τὸν μύλωνα, παρὰ Χίους καὶ Ἀχαιοὺς· ἔχει γὰρ ἰδεσμεύοντο οἱ δοῦλοι. Составитель ссылается засимъ на Евнолида и Теопомпа, приводит ихъ прозою. Наберъ въ своемъ изданіи Словаря Fotii: Photii Patriarchae Lexicon ed. S. A. Nabes. Leidae. 1864. 2 vol. in 8°, помѣстивъ эти ссылки стихами, vol. 1, pag. 248, примѣч. 1.—Въ одномъ изъ примѣчаній въ сочиненію Григорія Коринѣскаго О діалектахъ, изданія Шефера: Gregorii Corinthii et aliorum Grammaticorum libri De Dialectis linguae Graecae ed. F. H. Schaefer. Lipsiae. 1811. in 8°, помѣщена на стр. 279 слѣдующая, сообщенная Бастомъ, выписка изъ парижской рукописи: Etymol. Paris. v. *ζήτρειον*, διὰ τῆς αἰ διφθόγγου... γίνεται δὲ παρὰ το δεῖν, δ σημαίνει τὸ δεσμεύειν, καὶ τὸ τρεῖν, δ σημαίνει τὸ φοβεῖσθαι, *δείτρειον* (sic etiam in edito Etymologico scribendum pro *δήτρειον*, quemadmodum Sylburgius vere coniecit), μετατεθέντος τοῦ δ εἰς ζ καὶ τῆς αἰ εἰς τῇ η, ὡς περ πλείον πληρὸν, μειωνύμων. Bast.—Въ Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecae parisiensis. ed. J. A. Cramer (4 vol. in 8°, Oxonii. 1841), помѣщенъ въ четвертомъ томѣ Cyrille Lexicon, гдѣ на стр. 182 и 183, сказано:

Ζήτρειον: τὸ τῶν δοῦλων κολαστήριον παρὰ Χίους καὶ Ἀχαιῶν. et. al. col.

Ζήτρειον: σημαίνει τὸ τῶν δοῦλων δεσμωτήριον ἔχουν τὸν μύλωνα.

рабовъ, именно (смирительная) мельница у хіосцевъ и ахайцевъ, ибо въ нее сажались закованные рабы⁴. Исихій, Фотій, Свида и авторъ реченій риторскихъ, почерпнувъ въ одномъ общемъ источникѣ, повторяютъ слова своего первоначальнаго толкователя, называя одинаково ζήτρεϊον мѣстомъ кары рабовъ⁵). При сравненіи сихъ двухъ показаній, нельзя не замѣтить оттънка въ ихъ изложеніи, что, не измѣняя тождественности смысла, обнаруживаетъ различіе ихъ происхожденія. Этимологикъ пишетъ: δεσμωτήριον, узница, прочіе же четыре автора χολαστήριον, мѣсто кары. Это различіе свидѣтельствуетъ, что приведенныя толкованія составлены не однимъ, а двумя грамматиками, которые, хотя въ сущности своего разъясненія не расходятся, дѣйствовали однако самостоятельно и независимо. Весьма естественно желаніе узнать имена древнихъ ученыхъ, трудившихся надъ означенными схоліями: Этимологикъ упоминаетъ объ Орѣ и о Хировоскѣ, Χιρροβοσκός, но по поводу знака ударенія, не самаго толкованія, по крайней мѣрѣ не говоритъ о томъ ясно. Евстацій удовлетворяетъ наше любопытство. Сообщивъ слово въ слово, толкованіе внесенное равномерно и въ Этимологикъ, Евстафій⁶) добавляетъ, что оно принадлежитъ грамматикѣ Ору, разумѣнъ вѣроятно милетянина, Ὁρος ὁ Μιλήσιος, жившаго во второмъ вѣкѣ по Р. Хр. Составитель другаго, повтореннаго четырьмя авторами, толкованія неизвѣстенъ.

Эти два толкованія заимствованы у двухъ различныхъ грамматиковъ, хотя ихъ смыслъ одинаковъ.—Есть еще разъясненіе: оно находится въ *Anecdota graeca e codicibus regis descripsit, annotatione illustravit J. Fr. Boissonade* (5 vol. in 8°. Paris. 1829—1833. 6-й томъ: *Anecdota nova*. Paris. 1844. Въ четвертомъ томѣ Буассонадъ издалъ Λεξικὸν σχεδoγραφικόν, гдѣ (pag. 378) стихъ 228, гласитъ:

Ζήτρεϊον λέγεται αὐτός ὁ κοῦσπος ὃν ἀκούεις.

⁴) Исихій, Фотій, Свида и Λέξεις ῥητορικαί у Беккера *Anecdota* pag. 261, всѣ одинаково: ζήτρεϊον τὸ τῶν δοῦλων χολαστήριον. Только Фотій и Свида присоединяютъ: Εὐπολίς. Лобеку въ примѣчаніи къ слову χονδροκόνειον (или χονδροκοπέιον), круподерка, замѣчаетъ, что слово ζήτρεϊον происходитъ отъ ζεά (или ζεά), полба, и слѣдовательно указываетъ также на мельницу, какъ и слово μύλων. См. *Phrynichi Eclogae nominum et verborum Atticorum* ed. Chr. Aug. Lobeck (Lipsiae. 1820. in 8°), pag. 310.

⁵) Заимствуемъ въ *Henr. Stephani Thesaurus graecae linguae* ссылку на Евстація, помѣщенную въ словѣ ζήτρεϊον: Eust. p. 337, 44: Ἐνθα παραπληρέων καὶ τὸ κατὰ μὲν Ὁρον τὸν γραμματικόν, ζήτρεϊον προπαροῦσόνως, κατὰ δὲ ἑτέρους, ζήτρεϊον προπερισπωμένως, ὃ δηλοῖ, φασί, δοῦλων δεσμωτήριον ἧγουν μύλωνα· ἐκεῖ γὰρ ἔδεσμοντο οἱ δοῦλοι.

Полидевкъ написалъ по своему обыкновенію только нѣсколько словъ, но слова многозначительны: „Смирительныя, говорить ояъ ¹⁾, или карательныя мѣста рабовъ суть: мельницы, крупчатки, ячменемолки, круподерки и полболомки“. Эти пять названій помѣщены Полидевкомъ для полноты изложенія, но два изъ нихъ, именно: ἀλφειτεία, ячменемолки, и χονδροκοπεία, круподерки, не признавались приличными литературѣ и не встрѣчаются у писателей, заботившихся объ изяществѣ слога. Не употреблялось ими также и слово ζωντεία ²⁾, полболомки, въ Этимологіяхъ, ζώτειον, развѣ только у комическихъ поэтовъ, но по замѣчанію Ора милитскаго, даже Аристофанъ въ комедіи Вавилоняне измѣнилъ оное въ ζώτειον ³⁾. Останутся слѣдовательно только два названія: μύλωνες и ζητρεία; но и между ними большое различіе; литературнымъ словомъ въ собственномъ смыслѣ почиталось преимущественно выраженіе μύλων, ὄνος: оно и употреблено Еврипидомъ, Димосееномъ и Лисією, а по ихъ примѣру Лукіаномъ.

Еллинскими законодательствами предоставлялось владѣльцамъ рабовъ право взысканія съ своихъ людей за нерадѣніе, строптивость, непослушаніе и всякаго рода проступки. Сообразно съ положеніемъ господъ, весьма сходнымъ во всѣхъ республикахъ, и съ ихъ повсемѣстно тождественными нуждами и образомъ жизни, установился общій еллинскій обычай смирять невольниковъ наложеніемъ на нихъ обязательной работы въ ручныхъ мельницахъ, гдѣ они приводили въ движеніе мельничныя жерновъ: работа трудная и изнурительная, требовавшая напряженія всѣхъ силъ виновнаго. Изъ показанія Полидевка видно, что для сей цѣли служили безразлично всякаго рода мельничные приборы, выдѣлывавшіе муку или крупу; что названіе кары согласовалось съ названіемъ самой мельницы и что всѣ эти названія были по своему значенію равносильны, ибо способъ кары былъ вездѣ тотъ же. Такъ какъ однако главная тягость наказанія лежала въ задачѣ приводить въ круговое движеніе жерновой камень, то стало преобладать, въ особенности въ литературѣ, то названіе, въ коемъ заключалось понятіе жернова, тѣмъ болѣе, что и само назва-

¹⁾ Полидевкъ, кн. 3, гл. 8, segm. 78: Καὶ ἵνα μὲν κολάζοντες οἱ δοῦλοι, μύλωνες, καὶ ζητρεία, καὶ ἀλφειτεία, καὶ χονδροκοπεία, καὶ ζωντεία.

²⁾ Свидя: Ζώντειον κολαστήριον οἰκισθῶν.

³⁾ Вел. Этимол., pag. 414, 40: Ζώτειον, проп. ροζυτόνως ὁ μύλων παρὰ τὰς ζεῖας, αἱ καὶ ζεαὶ χαλοῦνται· ὅπου αἱ ζεαὶ ἐχόπτοντο, οἰνοὶ ζεόντειον· οἱ δὲ τόπου ὄνομα, ὅπου ἐκολάζοντο οἱ οἰκέται. 'Αριστοφάνης Βαβυλωνίους, ζώτειον, ὡς Ὁρος ὁ Μελήσιος εἶρηκεν.

ніе было аттическимъ. По свидѣтельству Мирида Аттициста ¹⁾, разъясненному Сомезомъ или Сальмазіемъ ²⁾, жерновъ значилъ μύλος; зданіе же мельницы у Афинянъ μύλη ³⁾; отсюда образовалось аттическое слово μολών, принимаемое въ двойственномъ смыслѣ, то-есть въ значеніи вообще мельницы, и въ частности кары рабовъ у жернова.

Гнетъ кары, уже самъ по себѣ мучительный, еще неизмѣримо возвышался наложеніемъ цѣпей на провинившихся и принужденіемъ этихъ злополучныхъ людей работать въ оковахъ. Евстацій ⁴⁾, по поводу слова ζῆτρεῖον, пишетъ: „ясно, что разумѣются желѣзные узы и желѣзные оковы, или желѣзные кандалы на ногахъ“. На такую долю осудилъ Еврипидъ Киклопа въ своей драмѣ того же имени. Смыслъ, Σειληνός и Σιληνός, указывая на прибывшихъ съ Одиссеемъ эллиновъ, передаетъ Киклопу Полифиму, Πολύφημος, гордые слова пришельцевъ. Они грозятъ, говоритъ онъ ⁵⁾, „скрутить тебя трелокотнымъ арканомъ“, „или засадить тебя къ жернову въ мельницу“. Димосеенъ въ первой рѣчи противъ Стефана, доказывая недобросовѣстность Форміона, упрекаетъ его словами: „вы, судьи, всѣ знаете, что когда отецъ мой велъ трапезитскія (банкирскія и мѣняльничныя) дѣла, то этотъ Форміонъ былъ у него въ лавкѣ сидѣльцемъ и приказчикомъ;

¹⁾ Moeridis Atticistae Lexicon Atticum ed. J. Piersonus (Lugduni Batavorum. 1759. in 8°): Μύλος, ἡ τράπεζα τοῦ μύλου. ὄνος, τὸ ἄνω τοῦ μύλου.

²⁾ Claudii Salmasii (Claude de Saumaise) Plinianae Exercitationes in Caji Julii Solini Polyhistora. Trajecti ad Rhenum. 2 vol. fol. 1689. vol. 1, pag. 464. Graeci certe superiorem molarum partem ὄνον vocant, inferiorem μύλον. Moeris Atticista: μύλος ἡ τράπεζα τοῦ μύλου, ὄνος τὸ ἄνω μύλου. Catillus igitur molarum, id est πίναξ id fuerit, quod Graeci τράπεζαν μύλου appellant. Quod imponitur, et superjectum est, ὄνος, vel. ἀλετών Graecis, meta Latinis, superior nempe molarum lapis. Hesychius: ἀλετώνες οἱ τοῖς μύλοις ἐπιτίθειμενοι. Sic legendum. Alibi ὄνον interpretatur ἀνώτερον λίθον τοῦ μύλου. Pollux: καὶ ὄνος ὁ ἀλετών, καὶ ἡ τράπεζα, μύλη.— Мельничный жерновъ состоитъ изъ двухъ, камней, нижняго и верхняго; нижній камень, неподвижно укрѣпленный, называется τράπεζα, столъ; верхній, ὄνος, осесть, вѣроятно, потому, что въ обыкновенное свободное отъ названій время, онъ приводился въ движеніе домашнимъ осликомъ. Вообще же мельничные камни назывались μύλακες. Исихій пишетъ: μύλακες λίθοι μολῶδεις.

³⁾ Мирида: Μύλη, Ἀττικῶς, μύλος, Ἑλληνικῶς.

⁴⁾ Въ Thesaurus, въ словѣ ζῆτρεῖον; Eustath. pag. 1411, 32: Ἀπὸν δὲ ὅτι ταῦτον ἐστὶ σιδηρεὺς δέσμα καὶ σιδηροπέδην ἢ σιδηρὰν ποδοκίχην εἰπεῖν, τινὲς δὲ καὶ τὸ ζῆτρεῖον ποδὸς ψασι δεμένον.

⁵⁾ Еврипидъ, Κύκλωψ, ст. 234: δῆρ' ἄντες δὲ σε κλωψὶ τριπήχει.

ст. 240: ἢ 'ς μολῶνα καταβαλεῖν.

ему скорѣе подобало бы находиться у жернова въ мельницѣ, чѣмъ стать обладателемъ оставшагося имущества¹⁾.

Извѣстіе Лисія отличается отъ предыдущихъ, и для нашей цѣли—узнанія вѣрнаго смысла выраженія Лукіана, даже предпочтительнѣе, ибо въ немъ не цѣлѣбное слово поэта и не краснорѣчивый приѣмъ оратора, а простое изложеніе судебного дѣла, заключающее въ себѣ разказъ о предметѣ, не только вѣдѣ известномъ, но и у всѣхъ, вѣроятно, введенномъ. Евфилитъ, Εὐφίλιτος, пораженный слухами о невѣрности своей жены и желая удостовѣриться въ ихъ справедливости, испытываетъ свою рабу, наперсницу и пособницу жены. „Предоставляю тебѣ, говорилъ онъ²⁾, на выборъ что-либо изъ двухъ: или тебѣ высѣкутъ плетью и вбросятъ (на вѣки) къ жернову въ мельницу, гдѣ, удручаемая злыми муками, никогда не дождешься облегченія; или, если только откровенно выскажешь все по правдѣ, не потерпишь никакой бѣды и получишь отъ меня прощеніе своей вины. Но не лги, а скажи всю правду“. Въ словахъ самого Евфилита также два показанія, которыя, какъ произнесенныя въ судѣ, не подлежатъ сомнѣнію: господинъ пользовался правомъ не только сажать рабовъ и рабынь въ мельницу, но и подвергать ихъ наказанію плетями, хотя послѣднее истязаніе производилось, вѣроятно, за особенно важные проступки.

Въ томъ же значеніи рабской кары употреблялось иногда слово ζηρεῖον, что признають всѣ толковники, а составитель Великаго Этимологика³⁾ приводитъ даже стихи Евполида, Θεοπομπῆ и Ирода, подтверждающіе вѣрность его разъясненія. Θεοπομπῆ называетъ этотъ способъ наказанія великимъ бѣдствіемъ, κακὸν μέγα; Евполидъ, на коего ссылается также Фотій, разумѣетъ повидимому нѣчто подобное, ибо говоритъ: „Какъ бы брошенный къ жернову въ мельницу“⁴⁾: въ стихѣ же Ирода прямой приказъ господина: „веди его въ мель-

¹⁾ Димосеень, 1-ая противъ Стефана, § 33 (pag. 1111, 26): ἴστε γὰρ πάντ καὶ ὅτ' ἔν ὁ πατήρ ἐπὶ τοῦ τραπέζιταύειν, τοῦτον καθήμενον καὶ διοικοῦντ' ἐπὶ τῇ τραπέζῃ, ὥστ' ἐν τῇ μύλῳι προσῆκεν αὐτὸν εἶναι μᾶλλον ἢ τῶν λοιπῶν κύριον γενέσθαι.

²⁾ Лисія, рѣчь объ убійствѣ Ератосеена, § 18, pag. 93, 23: Σοὶ οὖν, ἔφην, ἔξεστι δυοῖν ὁπότερον βούλει ἐλέσθαι, ἢ μαστιγωθείσαν εἰς μύλωνα ἐμπσεῖν καὶ μηδέποτε παύσασθαι κακοῖς τοιοῦτοῖς συνεχομένην, ἢ κατεπείσαν ἀπαντα τὰ ληθῆ μηδὲ παθεῖν κακόν, ἀλλὰ συγγώμης παρ' ἐμοῦ τυχεῖν τῶν ἡμαρτημένων.

³⁾ Pag. 411, 35, въ словѣ ζηρεῖν

⁴⁾ Εὐπολῖς, "Ὡς περ γὰρ εἰς ζηρεῖον ἐμπσεών.

ницу ¹⁾). Всѣ эти выраженія равносильны и тождественны съ предыдущими, встрѣчаемыми у Еврипида, Димосеена и Лисія. Возвращаясь, послѣ сего отступленія, къ Лукіану, повторимъ прежнее замѣчаніе, что цѣны проданныхъ въ рабство философовъ—вымышленныя, созданныя воображеніемъ писателя, безъ всякаго примѣненія къ существовавшему въ древности обычаю, и что Августъ Бёкъ придалъ словамъ Лукіана смыслъ, котораго въ нихъ нѣтъ и быть не можетъ. Приводимая же, напротивъ, оцѣнка рабовъ Ксенофонтомъ есть дѣйствительная, представляющая положительную стоимость дворовыхъ людей въ Аѳинской республикѣ.

Присоединимъ здѣсь извѣстіе, сохраненное Аѳинземъ о цѣнѣ наемной работы въ мельницахъ, хотя она въ этотъ случай выплачивалась не дворовымъ людямъ, а рѣшившимся на рабскій трудъ за плату гражданамъ. Аѳинзѣй пишетъ ²⁾): „Фанодимъ, Филохоръ и многіе историки повѣствуютъ, что ареолагиты вызывали въ древности

¹⁾ Ἀγ' αὐτὸν εἰς τὸ ζήτηριον. *Шнейдевицъ*, Delectus poetarum elegiacorum Gotting. 1838. 8°, pag. 231, пишетъ: Ἀγ' αὐτὸν εἰς τὸ ζήτηριον. *Верникъ*, Poetae Lyrici Graeci, editio altera (Lips. 1853. 8°), pag. 623: Ἀγ' αὐτὸν εἰς τὸ ζήτηριον—Въ Этимологіѣ онъ названъ Продотомъ, но безъ сомнѣнія по ошибкѣ, что доказалъ Рункеній, и такъ убѣдительно, что его поправка всѣми принята. На послѣдней страницѣ своего ученаго разсужденія Historia critica oratorum Graecorum (Dav. Ruhnkenii Orationes, dissertationes et epistolae ed. *Friedemann* Brunswigae. 1828. 2 vol. 8°), vol. 1, pag. 373, Рункеній между прочимъ говоритъ: Athenaeus 111, p. 86, 13. laudat Ἡρώδην ἐν Συνεργαζομένοις. ubi Is. Casaubonus negat se alibi Herondam Comicum invenire. Verum non Comicus laudatur, sed, ut ex subjecto Choliambo apparet, Jamborum scriptor, Herodes, qui patronymica et Doribus propria forma Ἡρωνδας dicitur, quod bene vidit Salmasius Exercitation. Plinian., pag. 111.—Замѣчаніе Сальмазія, на которое Рункеній ссылается, гласитъ: Haud negem tamen, quin Graecum sit Ἐπαμεινώνδας, a quo addita syllaba nomen proprium Boeotinum Ἐπαμεινώνδας. Sic Ἡρώων, Ἡρωνδας. Poëta fuit, cujus Scazontas saepe citant Athenaeus et Stobaeus. Χάρων, Харωνδας. Καλλίων, Καλλιωνδας. Sic vocabatur frater Arati poëtae. Κλέων, Κλεώνδας. Et similia.

²⁾ Аѳинзѣй, кн. 4, гл. 65, pag. 168, а: Ὅτι δὲ τοὺς ἀσώτους, καὶ τοὺς μὴ ἐκ τινος περιουσίας ζῶντας, τὸ παλαιὸν ἐκαλοῦντο οἱ Ἀρεοπαγῖται καὶ ὀλαζόν, ἱστέρησαν Φανόδημος καὶ Φιλόχορος, ἄλλοι τε πλείους. Μενέδημον γοῦν καὶ Ἀσκληπιάδην τοὺς φιλοσόφους, νέους ὄντας καὶ πενομένους, μεταπεμφάμενοι ἤρωτησαν, πῶς ὄλας τὰς ἡμέρας τοῖς φιλοσόφοις συχολάζοντες, κακῆτῆμενοι δὲ μῆδεν, εὐεχτοῦσιν οὕτω τοῖς σώμασι· καὶ οἱ ἐκέλευσαν μεταπεμφθῆναι τινι τῶν μολωθῶν. ἐλθόντος δὲ ἐκείνου, ἰεῖπόντος, ὅτι νυκτὸς ἐκίστης κατιόντες εἰς τὸν μολῶνα καὶ ἀλούντες, δύο δραχμαὶ ἀμφοτέροι λαμβάνουσι· θαυμάσαντες οἱ Ἀρεοπαγῖται, διακοσίαις δραχμαῖς ἐτίμησαν αὐτούς.

въ отвѣту и подвергали взысканіямъ людей расточительныхъ, а также и тѣхъ, которые, ничѣмъ не обладая, жили однако въ довольствѣ. Они говорятъ, что, на основаніи этого закона, ареопagitы вызвали двухъ молодыхъ и весьма бѣдныхъ философовъ, Менедима и Асклипіада, и ихъ допрашивали: какимъ образомъ, бывъ безъ всякихъ средствъ существованія и проводя цѣлые дни въ бесѣдахъ съ философами, они пользуются цвѣтущимъ видомъ и добрымъ здоровьемъ? Менедимъ и Асклипіадъ просили судей послать за названнымъ ими мельникомъ; а тотъ, явившись, сообщилъ, что они приходятъ каждую ночь въ его мельницу и мелютъ хлѣбъ, за что получаютъ оба по двѣ драхмы каждый. Изумленные ареопagitы почтили ихъ наградою въ двѣсти драхмъ". Слѣдовательно, поденная плата въ мельницѣ оцѣнивалась не въ одну драхму, какъ Августъ Бѣкъ утверждаетъ, а стоила двѣ драхмы.

М. Кутерга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДЕВЯТАЯ САТИРА КАНТЕМИРА ПО ВНОВЬ НАЙДЕННОМУ СПИСКУ.

Какъ извѣстно, сатиры князя Кантемира явились впервые въ печати въ 1762 году; онѣ напечатаны были въ числѣ восьми, при чемъ первыя пять помѣщены въ такъ-называемой второй редакціи. Первая редакція первыхъ пяти сатиръ долгое время оставалась извѣстною только по рукописямъ, а въ печати появилась вполнѣ только въ 1867 году въ изданіи П. А. Ефремова. Раньше, въ 1858 году, напечатана была еще девятая сатира Кантемира, не вошедшая въ изданіе 1762 года. Эту сатиру открылъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной Библіотеки (XIV. О. 2) академикъ Н. С. Тихонравовъ и помѣстилъ ее въ *Библіографическихъ Запискахъ* (1858 г., № 3-й), снабдивъ своими примѣчаніями. Вышеупомянутый Библіотечный сборникъ содержитъ въ себѣ первыя пять сатиръ въ первой редакціи, съ дополненіемъ къ нимъ шестой, неизвѣстной по другимъ рукописямъ. Та же вновь открытая сатира вошла въ Ефремовское изданіе сочиненій кн. Кантемира 1867 года и, кромѣ того, неоднократно была воспроизводима въ разныхъ хрестоматіяхъ. Но до сихъ поръ не было извѣстно другихъ ея списковъ, кромѣ вышеупомянутого. Счастливый случай доставилъ въ наши руки новый списокъ девятой сатиры съ *современнымъ комментариемъ*. Списокъ этотъ не только представляетъ нѣкоторыя отличія въ текстѣ сравнительно съ извѣстнымъ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки, но и даетъ возможность дополнить кое-что не разобраннымъ г. Тихонравовымъ въ Библіотечной копіи. Особенную цѣну придаетъ этому списку присоединенное къ сатирѣ „Изясненіе“, которое, по нашему мнѣнію, писано самимъ авторомъ, какъ и изясненія къ другимъ сатирамъ его. Въ виду всего сказаннаго мы рѣшаемся напечатать текстъ этой девятой сатиры и изясненіе къ ней по разсмотрѣнному нами списку.

Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о той рукописи, изъ которой приводится нами текстъ сатиры девятой. Рукопись эта есть сборникъ, писанный въ четверку почеркомъ XVIII столѣтія и заключающій въ себѣ нѣсколько писемъ графовъ Головкина и А. Г. Разумовскаго, преимущественно же образцы писемъ къ лицамъ разныхъ сословій и ранговъ ¹⁾. Сборникъ, вѣроятно, былъ переплетенъ когда-то, но теперь онъ совершенно разбитъ, безъ начала, и нѣкоторыя тетради его расшились. Такихъ отдѣлившихся тетрадей двѣ: одна въ шесть страницъ, а другая — въ восемь; въ первой помѣщена выписка изъ „Примѣчаній на Вѣдомости“ (С.-Петербургскія), съ помѣтою: „Часть 94 и 95 в' Санктпетербургѣ ноября 27 дня, 1735 года“; въ этой выпискѣ содержится „Продолженіе письма госпожи де-Ламбертъ къ ея дочери“. Вторая тетрадь заключаетъ въ себѣ девятую сатиру Кантемира и, по видимому, была послѣднею въ разсматриваемомъ сборникѣ. Описываемая рукопись принадлежит нынѣ новгородсѣверскому библіофилу Федору Кузмичу Пономаренку, собравшему прекрасную библіотеку, которая заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ русскихъ и иностранныхъ рукописей и много старопечатныхъ книгъ русскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ и италіанскихъ.

Издавая девятую сатиру Кантемира по рукописи г. Пономаренка, мы сочли полезнымъ отмѣтить въ примѣчаніяхъ позади текста отличія Библіотечнаго списка (по изданію Н. С. Тихонравова) отъ нашего. Изъ особенностей правописанія, отличающихъ списокъ г. Пономаренка, можно заключить, что писавшій его былъ малороссъ. Его орфографическіе приемы сохранены нами безъ измѣненія. Отступленіе отъ рукописи мы допустили только въ слѣдующемъ: 1) раздѣляли слова, писанныя слитно, 2) разставили знаки препинанія, и 3) размѣтили счетъ стиховъ по пяткамъ и сообразно съ этимъ счетомъ обозначили ссылки на стихи въ „Изясненіи“, между тѣмъ какъ въ рукописи эти ссылки означены другими цифрами, ибо стихи считаны парами. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ такихъ паръ хотя и обозначены въ рукописи цифрами, но объясненіями не снабжены. Кромѣ того, намъ пришлось вставить изъ изданія г. Тихонравова стихъ 170-й, пропущенный въ рукописи г. Пономаренка, и нѣсколько словъ, также пропущенныхъ въ разныхъ другихъ стихахъ.

¹⁾ Образцы эти сильно напоминаютъ книгу: „Примѣлады, како пишутся комплименты“, изданную въ 1708 году.

САТИРА

НА СОСТОЯНІЕ БСЕРГІИ СѢКТА.

КЪ СЛѢД.

- Слѣдце! Хотя существо твое сто е'т чудно,
 Что ему в вѣкъ дозволно удивиться трудно ¹⁾,
 В' чомъ намъ и свидѣтельство древни показали,
 Когда тебя за Бѣа чрезъ то почитали, —
5. Однако могъ бы ²⁾ я то признать несумнѣнно ³⁾,
 Чтоб ⁴⁾ былъ бы ты в' дивности твоей перѣмѣнно,
 Если бы ты в' себѣ живость и чувства ⁵⁾ имѣю,
 Чемъ бы могло всякое в' свѣтѣ познать дѣло,
 Будиб ⁶⁾ честь от насъ Бѣу ты узнать желало,
10. В' первыхъ бы суевѣрный ⁷⁾ бездну тутъ искало.
 Мужикъ, который соху оставил недавно,
 Аза в' глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
 А прислушайся, что врютъ и што его здоры ⁸⁾!
 Ведь не то, какъ на Волгѣ разбиваютъ вору.
15. Да чтож? Онъ ты воротить Бѣсловски рѣчи ⁹⁾,
 Какіе ¹⁰⁾ предъ Иконы должно ставить свѣчи,
 Что теперъ в' церквахъ вошло старинѣ противно;
 Какъ брадобрытые терпатъ Бѣъ, то ему дивно ¹¹⁾.
 На что—баегъ—библѣю ¹²⁾ отдають в' печати,
20. Котору Хрѣтіянамъ болно грѣшно знати?
 Вонъ иной зачитавшись да ереси сѣетъ,
 Говорить: негрѣшенъ [тотъ] ¹³⁾, кто бороду брѣетъ.
 Парики ужъ всякъ знаетъ, что дѣволско ¹⁴⁾ дѣло,
 А онъ, что то не грѣшно, одно спорить смѣло.
25. Плат'е Нѣмецко носить да притомъ манжеты;
 Кто ихъ назоветъ добромъ? Всю адски примѣты;
 А таки сказуютъ, что то непотврно Бѣу.
 Охъ, какъ страшно и слышатъ такую хулу многу!
 Всежъ то се нѣтъ нѣчево, вонъ услышимъ новый ¹⁵⁾
30. Отъ него твердъ документъ, давно ужъ готовый.
 Какъ—говорить—библѣю не грѣшно читати,
 Что она вся держится на жиловской стати ¹⁶⁾?

- Вонъ де за то одного и сожгли недавно ¹⁷⁾,
 Что зачитавшись там ¹⁸⁾ стагъ Хрѣта хулитъ явно.
35. Ой, нѣтъ нада библиѣ отбѣгать, какъ можно ¹⁹⁾,
 Бо, зачитавшись в' ней, пропадеш безбожно.
 Есть и без нея что честь, лишь былаб охота;
 Вотъ полно мнѣ мѣшаетъ домышная забота ²⁰⁾,
 А тоб я купиѣ книгу, котору не знаю ²¹⁾
40. Какой пустынный писалъ, да Семикъ бытъ чаю ²²⁾.
 Такъ то то уже книга, что аж уши вянутъ,
 Какъ было Грамотники у насъ читатъ стануть!
 Тамъ писано, какъ земля четырьмя ²³⁾ китами
 Стоитъ, которы ея ²⁴⁾ подперли спинами;
45. Сколко сѣнце всякой ²⁵⁾ ден миллионовъ ходитъ,
 И гдѣ оно в' полаты в' отдышку заходитъ.
 Какъ в' бѣйшее время не будутъ являся
 Святцы и богатыри; что люди мерзятся
 Бладобритіемъ и всѣмъ босурманскимъ ²⁶⁾ правомъ,
50. Не ходя ²⁷⁾ в' старомъ отцовъ преданіи правомъ.
 Всю тамъ есть о старинѣ с' мала до велика,
 Сказать мнѣ всю подробну нестанетъ языка ²⁸⁾.
 Всеж то се еще сошникъ плестъ безмогло ²⁹⁾ смѣетъ,
 Всю вриють, хотъ слова складно молвить не умѣтъ ³⁰⁾.
55. Ктожъ опишетъ, котори по грамотѣ бродятъ?
 Тѣ толко суевѣріе все в' Народѣ родятъ ³¹⁾.
 Отъ сихъ безмоглыхъ головъ родятся расколы.
 Всякой простонародной в них корень крамолы.
 Что же пьянство, то у них в' самомъ живомъ цвѣтѣ ³²⁾;
60. Тая то вещь имъ мнится всѣхъ стѣйша в' свѣтѣ ³³⁾.
 Нутко скажи такому, что всякъ день воскресный
 Не в' пьянствѣ должно справлять во всей подибной,
 Но лучшеб в' ученіяхъ црковныхъ медлѣти,
 Неж на кабакахъ пьянымъ безчинно шумѣти.
65. То ужъ онъ ти понесетъ представлять резоны ³⁴⁾,
 Что с' ума ты советъ хотъ ты какъ будъ учоный,
 Выймешь тебѣ с' сундука тетрадѣ цвѣлыи ³⁵⁾,
 Предложитъ исторіи всѣ сполна стѣи ³⁶⁾,
 Не минетъ и своего отца Аввакума.
70. Такъ ево запамячивость тутъ возметъ угрюма,
 И тотъ часъ тѣ предложивъ начиниють уличати:

- Грѣшно де весь день будетъ Бѣу докучати.
 Смотри, что Історіи в' себѣ заключаютъ:
 Ведь я в' небѣ обѣдни в' часы ³⁷⁾ отпѣвають,
 75. А не весь день по вашему в' мѣтѣ трудятся;
 Отпѣвъ часть урочной, там з' Бѣомъ веселятся.
 Сей то мужъ ³⁸⁾ в' философіи живетъ ненарушивъ:
 Признають то п'яницы всѣ единодушно.
 Сей п' Аристотелю не болно уступить,
 80. Паче когда и мудрости ³⁹⁾ вина кружку купить.
 Да чтожъ ⁴⁰⁾ снмъ дивится? Вонъ на Пастырей взглянемъ.
 Такъ тутъ то уже развѣ дивяся устанемъ ⁴¹⁾.
 Хочетъ ли кто Бож'ихъ словъ в' цркви поучится
 От пастыря, то я в' томъ готовъ поручится,
 85. Что, ходя в' церковь, нераз потом оболѣютъ,
 А чуть ли ш томъ шт них и слова добѣютъ.
 Еслиж бы он подошел к' попу на кружало,
 То ужъ тамъ однихъ ушей [будетъ] ⁴²⁾ ему мало:
 Не переслушаешъ рѣчь егѡ медоточну;
 90. Шпишет он тамъ кругомъ црковъ всю восточну.
 Да какъ? Не ученіемъ ведь здравымъ и умнымъ,
 Но суевѣрнымъ ⁴³⁾ мозгомъ своимъ с' вина шумнымъ;
 Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки,
 В' первыхъ, какъ он искусенъ всѣ совершать браки ⁴⁴⁾,
 95. Сколко раз коло стола обводити знаетъ
 И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ;
 То всю это рассказалъ ⁴⁵⁾, станетъ поучати,
 Какъ с' чест'ю егѡ руку должно цѣловати.
 Не знаю—говорить—какъ тѣ люди спасутся,
 100. Что давать намъ на церковь изъ денгами жмутся.
 Ведь вотъ не з' добра де моя в' заплатахъ раса ⁴⁶⁾;
 Вонъ дома на завтра нѣтъ купитъ на што мяса ⁴⁷⁾;
 Всю де чортъ с'клонилъ [людей и] ⁴⁸⁾ с' нѣмцами знатся.
 Ш, проклятiя, зачѣмъ ⁴⁹⁾ насъ дарятъ скупятся?
 105. Какъ такiи исцѣл[я]тъ души своей раны,
 Что не трепещутъ смѣло знатся з' босурмана?
 Киби они ни были, да толко неруски.
 Надобнобъ ихъ штѣбгати: ужъ в' нихъ путь не узкій,
 Но широкии врата к' пагубѣ доводятъ,
 110. Ониж, не смотря на то, смѣло туды входятъ;

- А намъ де уже затѣмъ пересѣклась дача,
И съ просфирами, увы, бѣдствъ достойныхъ плача.
И если ⁶⁰⁾ тѣ рѣчи поверстать бы в' дѣло,
Тоб казан'е написалъ с' залишкомъ всецѣло ⁶¹⁾.
115. Какъ же, на такихъ смотря, ужъ простолюдины
Къ заблужденію себѣ не возмутъ причины?
Всеж то это мѣлкоту я здѣ предлагаю,
Которую по силѣ могу знать и знаю;
Вышшихъ же разсуждений чрезмѣрну примѣту
120. О Бѣѣ суевѣрій списатъ силы stoolко нѣту ⁶²⁾.
Такія то ⁶³⁾ виды суть нашей к' Бѣу чести,
Не поминая чудесъ притворныхъ и лести.
Недумай же, что всю тутъ: нѣтъ тысящной части;
Списатъ то всю какъ нада—в' обморокѣ ⁶⁴⁾ пасти.
125. Доволио и сихъ тебѣ я собралъ к' примѣру.
Еще мало в'смотримъ ⁶⁵⁾ ѣшу к' властямъ вѣру.
Смотри: купецъ украшенъ в' поясъ бороною
В' святомъ и платѣ ходить, толко не с' клюкою,
Во всемъ правдивъ, набоженъ, придетъ до Іконы,
130. Полъ весь заставитъ дрожать, какъ кладетъ поклоны!
И чаялъ бы ты, что онъ весь в' правости важенъ;
Поглядижъ завтрѣ, ажъ гдѣ? Ужъ в' тюрьмѣ посаженъ.
Спросишь: за что тутъ мужъ [сидитъ] ⁶⁶⁾ святій и старій?
Воровствомъ безъ пошпины провозилъ товары.
135. Этакій святецы! Вотъ што дѣлаетъ безгрѣшный!
К' Бѣу лицемѣръ, к' власти воръ и хищникъ спѣшный!
Да чтожъ надъ симъ дивится, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученій заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны,
140. Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хотя именемъ умножитъ к' нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатные ⁶⁷⁾ вѣсти:
Вотъ завтра ученія выс. ки зачнутъся,
Вотъ ужъ и учители заморски с'берутся;
145. Пусть какъ можно скоро всякъ в' себѣ радѣетъ,
Хто ⁶⁸⁾ оныхъ обучатся охоту имѣть.
Иной бѣдной, кто сердцемъ учится желаетъ,
Всѣми силами к' тому скоро поспѣшаетъ,
А пришолъ ⁶⁹⁾—комплементовъ увидитъ не мало,

150. Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало.
А денги хотъ точатся тутъ безпереривно,
Такъ комплементовъ много съ нихъ ⁶⁰⁾: то и недивно.
Гдѣ? Если то мнѣ о семъ всѣю сполна писати,
То книгу превелику надобно с'шивати.
155. Полно, итакъ можно знатъ, какъ то сего много,
Добра мало, и ⁶¹⁾ полно по всемъ свѣтѣ злого.
Смотри, и лѣтописцы вѣдь толсты недаромъ ⁶²⁾,
Всѣ почти нагружены этимъ же товаромъ.
Чтожъ уже ⁶³⁾ сказать о нѣмъ жите межуособномъ,
160. Какъ мы живемъ другъ к' другу в' всякомъ дѣлѣ зломомъ?
Тутъ в' главы темнѣють ⁶⁴⁾, голова в' кругъ ходитъ,
Рука с' перомъ шъ жалю какъ курица бродитъ.
Грозятъ намъ права земски ⁶⁵⁾, но Бгъ правосудный—
Чтобъ богатой не былъ правъ, а обиженъ скудный ⁶⁶⁾,
165. Не судилобъ намъ ⁶⁷⁾ серебро, но правда святая,
Виннымъ казнъ, а правымъ мѣтъ подавая.
Мыжъ то помнимъ и знаемъ, какъ серебра не видимъ,
И кленемся Бгу, что бѣдныхъ необходимъ,
Но в' правости все ⁶⁸⁾ будемъ о душахъ радѣти,
Но в' правости все ⁶⁹⁾ будемъ о душахъ радѣти,
170. [А на лица и серебро не станемъ смотрѣти] ⁶⁹⁾.
Когдажъ несутъ подарки, гдѣ злато блистаетъ,
То вся та мысль за сто вѣрствъ шъ насъ шъбѣгаетъ.
Гдѣ Бжій и земскій страхъ? Даромъ наши души,
Какъ звонятъ серебрянымъ колоколомъ в' уши.
175. Подячей ⁷⁰⁾ ходить сухъ, худъ, лишь кожа да кости;
Ведь не труда с' сохъ, с' коварствъ ⁷¹⁾ да завистной злости,
Что ему не удастся дратъ такъ, какъ другому;
Нѣтъ чемъ жену потѣшитъ, какъ прійдетъ до дому;
Лучшебъ онъ ⁷²⁾ изволилъ тутъ смерть претерпѣти,
180. Нежелъ надъ чѣмъ ⁷³⁾ дѣломъ безъ вѣстки сидѣти.
Вомъ иному хотъ денги онъ с' казны почитаетъ,
А не взяты ему гривны—душа смертно таетъ.
Такъ то [мы] мѣтвы, къ бѣднымъ правосуды ⁷⁴⁾,
Выше душъ ставимъ денги не плоше Іуды.
185. Что когда еще глубже мы в' свѣтъ сей заглянемъ ⁷⁵⁾?
Вездѣ безъ удовольства удивляться станемъ:
Философъ деревенскій, обросъ сѣдинами,
Сладкими разсуждаетъ о свѣтѣ рѣчами.

- Какъ—говорить онъ—теперь чортъ показал моду
 190. Грѣхъ великъ творить, то ест, табакъ пит народу,
 (От котораго весь умъ чѣчь темнѣть
 И мозгъ в' головѣ весьма из дня на ден тлѣть ⁷⁶⁾;
 Ужъ мы де такихъ много образцовъ видали ⁷⁷⁾.
 Что многіи ⁷⁸⁾ из того люди пропадали;
 195. То он же обличаетъ в' людяхъ моду грубу,
 А себѣ четверикомъ самъ валить за губу.
 Такъ то людей осуждать мы тотчасъ готовы,
 Людей видимъ болныхъ, а сами не здоровы:
 Такъ вотъ иной хвастуетъ, что славы не любит ⁷⁹⁾,
 200. А самъ за самое то з' свѣта людей губить ⁸⁰⁾;
 Говорить: лицемѣрство ему не пріятно,
 А самимъ дѣломъ держать то внушаетъ внятно.
 Теперъ в' свѣтѣ семъ буди ⁸¹⁾ кто пожит желает,
 Пускай правды далеко во вся ⁸²⁾ шобѣгаеть.
 205. Инако бо нельзя двумъ Господамъ служить,
 Нельзя Бѣгу и свѣту в мѣстѣ угодити.
 Такъ то сей свѣтъ состоит, такъ всѣмъ злымъ причастный ⁸³⁾
 Всѣхъ бѣдствъ, мерзостей полонъ во всемъ, обестрастный ⁸⁴⁾
 Ещежъ то тутъ у насъ нѣтъ миллионной доли,
 210. Ибо тае все списать нѣтъ силы и воли.
 Чтожъ, Сѣнце? Погрѣшилъ ли я, такъ разсуждая ⁸⁵⁾,
 Что еслиб ощущало ты в' свѣтѣ вся злая,
 По чѣвческу ⁸⁶⁾ бы могло премѣниться:
 И право, не престану и ⁸⁷⁾ о семъ дивится,
 215. Какъ такъ ти дана ⁸⁸⁾ воля сіять терпѣливо
 На насъ бѣдныхъ, столь Бѣгу живущихъ противно.
 Волше с' удивленія не могу писати
 И хоть не в' пору да ужъ принужденъ кончати.

Иъясненіе.

Писана сія сатира 1738 году мѣця іюля в' послѣднихъ числахъ, которую сатирикъ в'немощи своей в'забаву себѣ сочинилъ, разсуждая бѣдность чѣовческую, которой и онъ немало причастія имѣлъ; и понеже о состояніи свѣта оную писалъ, то избралъ рѣчь оную положить къ сѣнцу, какъ къ всесвѣтному свѣтилу, прилично. Совершивъ онъ сію сатиру, с покорнѣйшимъ своимъ прошеніемъ вручилъ оную одному

из чистосердечныхъ и весьма доброжелательныхъ пріятелей своихъ къ исправленію, не довольствуясь по обычаю безмозлыхъ, но высокоумительныхъ въ себѣ головъ своимъ скуднымъ разсужденіемъ. Говорить онъ къ сѣнцу, что (мнить онъ) еслибы оно было въ чувствахъ, то есть, чтобъ могло разумѣть, видѣть, разсуждать, слышать, чувствовать и прочая, то по человѣческой напротивъ ихъ себѣ злобы должно бы ему конечно своимъ сіяніемъ, на наши всезлѣйшія и противнѣйшія дѣла смотря, премѣниться, понеже такъ весь свѣтъ наполненъ гнусными дѣйствами, что Бѣу мерзскій и противный властямъ, невѣрный и хищный да сверхъ того и самому себѣ вреден, на что онъ разныя примѣры представляеть.

Ст. 11. Мужикъ, который . . . Сей примѣръ о суетвѣріяхъ, от безмозлыхъ головъ мужичихъ пахарскихъ происходящихъ, весь не выдуманъ по обычаю поэтическому, но многократно слышанъ былъ отъ такихъ суетвѣрцовъ.

Ст. 17. Что теперь въ церквахъ вошло . Всегда такіе безумніи головы и о великихъ вещахъ разсуждать смѣютъ, а наипаче гдѣ што не по старому дѣлается,—что авторъ довольно примѣтилъ, живучи между ними.

Ст. 18. Какъ брадобритіе . . . Брадобритіе мерзостиѣ всего ставятъ предъ Бѣгомъ за несносный грѣхъ глупцы.

Ст. 21. Вонъ иной зачитавшись . Мужики глупые, которые старини держатся, отнюдъ ничего невѣдая и брадобритіе, парики, платѣ нѣмецкое и проч. въ погибель людей крайнюю ставя, думаютъ и утверждаютъ на томъ, что сія мнимыя имъ Ереси всѣ происходятъ отъ тѣхъ, которыя библію читаютъ; а если спросишь его: что—Библія, то онъ, никогда истины ея не выдаючи, скажетъ, что сказывано ему, будто какіе-тетратки, отъ жидовъ написанныя. Не разъ авторъ сердцемъ сокрушался, на толъ безумныя, но у нихъ твердыя суетвѣрія смотря.

Ст. 29. Всежъ то се нтъ ничею . Сямъ стихомъ авторъ говорить, что прежнія суетвѣрные рѣчи не столь еще важны, какъ слѣдующія, ст. 16 и проч.

Ст. 33. Вонъ де за то . . . Въ Санктъпетербургѣ 1738 году мѣсяца Іюля въ среднихъ числахъ сожженъ по уложеніямъ блаженныя памяти Россійскихъ Гдѣрей бывшій Морского флоту капитанъ за то, что принялъ жидовскую вѣру и такъ крѣпко на оной утвердился, что, не смотря правды, упрямствомъ своимъ въ страшномъ на Сисителя Нашего Хрѣста хуленіи погибъ; который случай безмозгимъ невѣжамъ не мажущую причину подалъ сумнѣваться о библии, когда они слышатъ, что

жиды ветхого закона держатся. Ѡ какъ безуміи и дерскіи невѣжи! Причина ли библія сѣя діаволскаго того орудія погибели?

Ст. 37. Есть и без нея... Подлинно, что бездѣльные тетради глухихъ дячковъ лучше мужики почитаютъ, нежѣ сѣое что.

Ст. 40. Да Семикъ чаю... Семикъ, послѣ прежнего идолопоклонничества оставшійся Бѣомерзскій праздникъ, и до сихъ поръ ѡт суетвѣрныхъ простаковъ с' великою честію празднуется. Собираются тогда обоого пола особы, а наипаче в' глупости застарѣлые и поютъ на нмани Ідоловъ сочиненіе бѣсовскіе пѣсни, напившіися допьяна; между тѣмъ, вырубивъ березку, различныхъ цвѣтовъ лоскутками, лентами и платками убиваютъ и потомъ весь день с' гудками и скверными пѣснями коло ея скачутъ и танцуютъ, а по нѣсколькихъ дняхъ опять собрався, с' гудками и превеликимъ шумомъ пѣсней оную березку ѡтносятъ къ рѣкѣ и на воду пускаютъ с' какими приговорами напоследокъ. Оныя суетвѣрцы признаютъ, что этого праздника нма взято с' нѣкоторого сѣого пустынника, которому нма было Семикъ.

Ст. 43. Тамъ писано... Сии всѣ рѣчи неоднократно произносили суетвѣрные головы, философствуя, какъ то земля состоитъ и на чомъ, и совершенно утверждаютъ, что земля есть дѣвица чистая и непорочная и стоитъ она на спинахъ четырехъ китовъ.

Ст. 45. Сколько сѣлице... Помянутые пустые головы суетвѣрныхъ (буди достойно ихъ назвать) философовъ доказываютъ, что сѣлице сѣое есть дѣвица непорочная, живая и чувственная, и что оно когда заходитъ, то в' своихъ полатахъ черезъ ночь ѡтдыхаетъ, понеже нѣсколько не упомяну сказуютъ они милліоновъ мнѣ ходить в' днѣ по ученію Семикову.

Ст. 47. Какъ в' нѣтъшнее... Всѣ старовѣрцы утверждаютъ, что те пер ни сѣцамъ, ни Богатырямъ явленія не будетъ, понеже люди омерзѣлись бродобріемъ и платемъ нѣмецкимъ.

Ст. 69. Не минетъ и своею... Аввакумъ, первый расколъ затѣйщикъ, самая безмозгая, буйная и упрямая голова былъ, ѡт котораго великіи хулы на православную вѣру произошли, за что онъ по указамъ казнѣ достойную принявъ, но в' раскольниковъ в' сѣтыхъ есть.

Ст. 72. Грѣшно де весь день... Случилось Автору видѣть об этомъ у глухцовъ тетрадки, гдѣ написано, что нѣкоторый пастухъ слышалъ, до коихъ мѣстъ в' небѣ обѣдня правится.

Ст. 93. Плететъ безъ разсмотрѣ... Удивительная вещь какъ [Россія?] этимъ несчастлива, что пастыри в' ней болше къ пьянству и суетвѣрью, нежелѣ къ поученію и поощренію добродѣтельному людямъ угодны суть. В' семъ стихѣ хотя не кажется суетвѣріе, однако многія суть непо-

мянутые здѣсь у всѣхъ почти на примѣтъ, а и кромѣ того; не надлежало бы сщепенству на кабакахъ предъ простымъ народомъ к' соблазну пустое врать и балы точить. Но не вообще шъ всѣхъ тутъ поменуто: суть бо нѣкоторыя Бѣгочестивыя и постоянныя, которыхъ какъ истинныхъ бцовъ своихъ почитат и славить должны.

Ст. 107. Какибъ они... Весма бы то здоровое ученіе было, еслиб онъ учил вѣры босурманской отбѣгать; но то бѣда, что онъ вообще учить ихъ не любить, каковыбъ они ни были, а должность пастирская первая—то, что, умножая по закону Бжю братолюбіе, должно проповѣдывать, что не должно за то ненавидѣть людей, что они иностранцы, но надлежитъ смотрѣть на ихъ правъ, разсуждая то, что за всякаго и' свѣтъ Ялка кровь свою проліялъ Хртсь, и правда буди возможно, надобно бы ихъ приводить къ познанію истинны, —еслиже невозможно, инимъ в' злочестіе не сообщася, а ихъ Хрта ради любить, она за себя штвѣтъ свой Бгу воздадутъ, а Хртїянинъ в' любви ближняго предъ Бгомъ чистъ будетъ.

Ст. 108. Путь не узкій... Обычно пьянымъ людямъ сщепенное писаніе все употреблять; такъ пьяница, когда принимаетъ шъ целовальника стаканъ с' виномъ, говорить: чашу сщепенія прїиму; когда выходятъ вонъ с' кабака говорить: изыдите, винограда дѣлателье, и проч. безъ числа.

Ст. 120. О Бжъ суетврий... Подлинно такъ того много, что всюто описатъ вѣтъ силы, ибо и слышать страшно.

Ст. 122. Не поминая чудесъ... Много было и того в' свѣтъ, что в' прелщеніе народа притворяли чудеса изъ Дховнаго чину, чѣмъ шъ иностранныхъ Народовъ и на истинныя не мало навели пороковъ Бгопротивній сїи лестцы.

Ст. 123. Недумай же... Авторъ говорить к' слицу, что еще суетврий народныхъ и сщепенныхъ не показалъ онъ и тысящной части, представляя тому доказательство, что если всю тое подробно описывать, то надобно развѣ в' обмарокъ в' пасти ради безчисленнаго ихъ множества.

Ст. 155. Какъ то сего мною... То есть, невѣрности къ властямъ нашимъ.

Ст. 157. Смотри, и лѣтописцы... Правда, что в' лѣтописцехъ большая половина написано содержитсяъ шъ измѣня и всякихъ невѣрностей к' властямъ, то есть, Гдрямъ нашимъ, в' прежня времена бывшихъ.

Ст. 159. Чтожъ уже сказать... Авторъ, смотря на наши междоусобныя бездѣльныя дѣйствія, не знаетъ что писать и что шпустить, понеже неизмѣримы суть.

Ст. 174. Какъ звонятъ... Звонить серебрянымъ колоколцомъ в' уши есть фразес руская, то есть, давать деньги.

Ст. 206. Нельзя Бѣгу и свѣту... Хрѣсъ Сбѣситель Нашъ сказалъ в' Еѣлин: не можете работати Бѣгу и Мамонѣ; а Авторъ сей сатиры переѣнилъ, в' мѣсто мамоны свѣту написалъ, которо все едину силу имѣеть; ибо Мамона, по разумѣнію стѣхъ ѡбѣ, Дѣволъ толкуется, а дѣволъ со всѣмъ своимъ угодіемъ и орудіемъ противенъ Бѣгу. дѣлаж свѣтовые, которые шт свѣта, а не шт Бѣга, угодны дѣволу. убо дѣволъ и свѣтъ по дѣволскому угожденію противещъ Бѣгу, и такъ, всѣ злые дѣла свѣта къ дѣволу, яко начальнику и корени тѣхъ, восписывать должно“.

ПРИМѢЧАНІЯ ИЗДАТЕЛЯ,

1) Въ Библиографическихъ Запискахъ этотъ стихъ прочтенъ такъ:

Что ему *во вѣкъ* довольно удивиться трудно,

но это невѣрно, ибо получается стихъ четырнадцатисложный. Чтеніе нашей рукописи даетъ обыкновенный Кантемировский тринадцатисложный стихъ.

2) Въ Б. З. *могъ бы*.

3) Въ Б. З. *несомнѣнно*.

4) Въ Б. З. *что*.

5) Въ Б. З. *жизнь и чувство*.

6) Въ Б. З. *буде бы*.

7) Въ Б. З. *суетнѣй*.

8) Въ Б. З. *что его вздоръ*.

9) Въ Б. З. этотъ стихъ читается такъ:

Да что жъ? Онъ *то вретъ* богословски рѣчи.

Но чтеніе нашей рукописи нельзя не признать болѣе вѣрнымъ, какъ по смыслу, такъ и во правильности стиха. При нашемъ чтеніи *ты* надо считать винительнымъ падежемъ ж. р. множ. числа отъ мѣстоименія *тотъ*, согласованнымъ съ существительнымъ *речи*, тогда какъ *то* въ Б. З. остается безъ значенія. Кромѣ того, въ стихѣ Б. З. только одиннадцать слоговъ, тогда какъ въ нашемъ правильно тринадцать.

10) *Какіе*, вмѣсто *какія*, соответствуетъ правописанію времени Кантемира.

11) Чтеніе этого стиха въ нашей рукописи надо признать ошибочнымъ: надо читать не брадобрытне, а брадобритье, — иначе получается неправильный четырнадцатисложный стихъ.

12) Въ Б. З. *библию*.

13) Слово *тотъ* вставлено согласно тексту Б. З., ибо при пропускѣ его получается 12-тисложный стихъ.

14) Здѣсь вмѣсто *дѣвольско* нашей рукописи надо читать согласно Библиотечной *дьявольско*; иначе получится четырнадцать слоговъ въ стихѣ.

15) Въ этомъ стихѣ въ Б. З. читается: *услышишь*, а въ нашей рукописи:

услышимъ; первое чтеніе предпочтительнѣе, потому что съ самаго начала са-тиры авторъ обращается къ солнцу.

16) Въ этомъ стихѣ въ Б. З. *все*, но въ нашей рукописи правильнѣе *вся*, ибо согласовано съ *библія*.

17) По объясненію Н. С. Тихонравова, здѣсь разумѣется Кульманъ; но нашъ комментарий подробно говоритъ о казни другаго лица, котораго однако не называется по фамиліи.

18) Въ Б. З. *такъ*; но чтеніе нашей рукописи *тамъ*, то есть, въ Библии, надо предпочесть въ виду болѣе удовлетворительнаго смысла.

19) Въ этомъ стихѣ отмѣтимъ легкія разночтенія: надо *библію* *отбѣгать*. вмѣсто: „надо *библии* *убѣгать*“, какъ въ Б. З.

20) Въ Б. З. *работа*.

21) Для правильнаго счета слоговъ, вмѣсто читаемаго въ Б. З. *а то бы*, надо читать согласно съ нашею рукописью: *а то бы*.

22) Этотъ стихъ прочтенъ въ Б. З. не весь; не разобраны слова: *Семика бытъ чаю*. Наша рукопись не только даетъ возможность сдѣлать это дополненіе, но и сообщаетъ въ примѣчаніи къ этому стиху интересныя свѣдѣнія о празднованіи Семика во время Кантемира, а равно оригинально объясняетъ названіе этого праздника.

23) Въ Б. З. *четырьмя*.

24) Въ Б. З. *ее*.

25) Въ Б. З. *вслкій*.

26) Въ Б. З. *бусурманскимъ*.

27) Вмѣсто читаемаго въ нашей рукописи *не ходя* въ Б. З. *не ходятъ*; но дѣйствительная форма здѣсь предпочтительнѣе личной формы глагола.

28) Въ Б. З. конецъ стиха читается такъ: *не станетъ и языка*, но въ нашей рукописи нѣтъ союза *и*, да его и не должно быть, — иначе нарушится размѣръ.

29) Въ Б. З. *безмозло*; но въ нашей рукописи форма *безмозло* встрѣчается постоянно.

30) Въ Б. З. *сумнѣтъ*.

31) Въ Б. З. стихи 55-й и 56-й читаются правильнѣе:

Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?

Тѣ-то суевѣріе все въ народѣ родятъ.

Дѣйствительно, читать *только* нельзя, потому что этимъ нарушается количество слоговъ въ стихѣ.

32) Этотъ стихъ прочитанъ въ Б. З. такъ:

Что же *вянетъ*, то у нихъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ.

Въ нашей рукописи вмѣсто *вянетъ* стоитъ *пьянство* (надо читать — *пьянство*), что даетъ болѣе правильный смыслъ, такъ какъ о пьянствѣ говорится и ниже.

33) Въ Б. З. этотъ стихъ читается такъ:

Тая то вещь *и мнѣ* мнится всѣхъ *смышлѣ* въ свѣтѣ.

Но чтеніе нашей рукописи правильнѣе.

34) Въ Б. З. *то ужъ онъ то*; но чтеніе нашей рукописи *то ужъ онъ ты* (вмѣсто *тебя*) по смыслу лучше.

35) Въ Б. З. *тетради цѣтлы.*

36) Въ Б. З. *сѣтлы.*

37) Въ Б. З. *обидны часы*; но чтеніе нашей рукописи предпочтительнѣе такъ какъ раскольникъ хочетъ доказать, что и на небѣ службы отправляютъ въ опредѣленные только часы, а не цѣлый день.

38) Въ Б. З. *сей (кз) тому жъ*; чтеніе нашей рукописи исправляетъ это непонятное мѣсто, при чемъ подъ словомъ *мужъ* разумѣется невѣжа, увѣрявшій, что на небѣ службы совершаются въ опредѣленные часы.

39) Въмѣсто *и мудрости*, какъ стоитъ въ нашей рукописи, вѣрнѣе читается въ Б. З.: *кз мудрости.*

40) Въ Б. З. *жъ нѣтъ.*

41) Въ Б. З. этотъ стихъ читается такъ:

Такъ тутъ-то ужъ развѣ *дытись* устанемъ.

Но вмѣсто *ужъ* надо читать согласно съ нашею рукописью *уже*, чтобы получились правильныя стихи. Да и по смыслу, кажется, надъ предпочесть дѣе-причастіе *дылся* неопредѣленному наклоненію *дытись*.

42) Дополнимъ изъ Б. З. слово *будетъ*, пропущенное въ нашей рукописи; безъ него стихъ былъ бы лишь 11-тисложный.

43) Въ Б. З. послѣ слова *суетнымъ* прибавленъ еще союзъ *и*, но онъ — лишній, ибо дѣлаетъ стихъ 14-тисложнымъ.

44) Въ этомъ стихѣ по Б. З. два незначительныя отличія: *воперытъ* вмѣсто *въ перытъ*, и *свершаты* вмѣсто *совершить*.

45) Въ Б. З. *разказаеъ.*

46) Въ Б. З. неправильный 12-тисложный стихъ:

Вѣдъ не съ добра моя въ заплатѣхъ де ряса.

47) Въ Б. З. другая разстановка словъ:

Вонъ дома на-завтрѣ нѣтъ на что купить мяса.

48) Эти слова вставлены изъ текста Б. З.

49) Въ Б. З. *О, проклятые, за что...*

50) Въ Б. З. правильнѣе: *сжали.*

51) Въ Б. З. этотъ стихъ является въ непонятномъ чтеніи:

Тобъ казано; напился съ заишкомъ всецѣло;

хотя этотъ стихъ относится къ автору.

52) Стихи 119-й и 120-й въ Б. З. читаются правильнѣе:

Вышнихъ же разсужденій чрезмѣрну примѣту
О безднѣ суетвѣрій списать силы столько нѣту.

53) Въ Б. З. *такіе-то.*

54) Въ Б. З. *такъ надо въ обморокъ.*

55) Въ Б. З. *посмотримъ.*

56) Слово вставлено изъ текста Б. З.

57) Въ Б. З. *печатные.*

58) Въ Б. З. *кто.*

59) Въ Б. З. *пришеда.*

60) Въ Б. З. *съ ними.*

61) Въ Б. З. *а.*

62) Въ Б. З. этотъ стихъ читается такъ:

Смотри, летописцы вѣдь полны не даромъ.

63) Въ Б. З. правильнѣе для счета слоговъ: *ужь*.

64) Въ Б. З. правильнѣе *лаза*, но неправильно *потемняютъ*, ибо дѣлаетъ стихъ 14-тисложнымъ.

65) Въ Б. З. неправильно: *земныя*.

66) Въ Б. З. стихъ этотъ читается такъ:

Чтобъ богатый не былъ правъ, обиженъ и скудный.

67) Въ Б. З. *маса*.

68) Въ Б. З. слово *все* пропущено, почему стихъ сталъ неправильнымъ

69) *Замкствуемъ* изъ Б. З. этотъ стихъ, совѣмъ пропущенный въ нашей рукописи.

70) Въ Б. З. *подвечій*.

71) Въ Б. З. съ *коварства*.

72) Въ Б. З. правильнѣе для счета слоговъ *лучше бы*.

73) Въ Б. З. *чмизъ*, но это даетъ только двѣнадцатисложный стихъ.

74) Этотъ стихъ исправленъ по болѣе удовлетворительному тексту Б. З.: тамъ вмѣсто *правосудны* читается *правосуды* въ риму съ *людм* въ стихѣ 184-мъ.

75) Въ Б. З. этотъ стихъ имѣетъ такой видъ:

Что жь, когда еще глубже во свѣтъ сей заглянемъ?

76) Въ Б. З. стихи 191-й и 192-й читаются такъ:

Отъ котораго весь умъ вредится, темнѣетъ

И мозгъ въ головѣ съ дня на день сущится, тлѣетъ.

77) Въ текстѣ Б. З. иная разстановка словъ:

Ужъ много такихъ де мы образцовъ видали.

78) Въ Б. З. *многа*.

79) Въ Б. З. этотъ стихъ читается такъ:

Такъ вотъ иной *хвастаетъ*, что *славу* не любить.

80) Въ Б. З. *юнитъ*, кажется, невѣрно.

81) Въ Б. З. правильнѣе: *буде*.

82) Въ Б. З. *во осемъ*.

83) Въ Б. З. *пристный*.

84) Въ Б. З. *во осемъ полонъ, суестрастный*.

85) Этотъ стихъ читается въ Б. З. такъ:

И что-жь, солнце! погрѣшилъ я, такъ разсуждая.

86) Въ Б. З. *по человѣчески*.

87) Въ Б. З. *я*.

88) Въ Б. З. *дана ти*.

С. Брайловскій.

О ПРЕДѢЛАХЪ И ПРИЗНАКАХЪ ОДУШЕВЛЕНІЯ ¹⁾).

Если въ теоретическомъ отношеніи одинаково позволительно разсматривать всякое тѣло и какъ одушевленное, и какъ бездушное, то есть, если ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не будетъ никакихъ противорѣчій съ данными опыта, а вся разница между обѣими точками зрѣнія сводится только къ тому, что въ однихъ случаяхъ неизмѣримо легче провести первую изъ нихъ, а въ другихъ вторую; то очевидно, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы *въ правѣ пользоваться тою точкой зрѣнія, при помощи которой намъ удобнѣе расширять свое познаніе данныхъ опыта*, то-есть, тою, при помощи которой мы можемъ легче ориентироваться среди изучаемаго класса явленій, легче предугадывать ихъ ходъ и т. п. Напримѣръ, мы въ правѣ отрицать существованіе душевной жизни у всѣхъ окружающихъ насъ людей, у всѣхъ историческихъ дѣятелей и объяснять ихъ поступки и жизнь, какъ результаты дѣятельности чисто-фізіологической (бездушной) машины. Назовемъ эту точку зрѣнія *фізіологической*. Ее, какъ мы уже убѣдились еще въ началѣ нашего разсужденія, возможно съ большимъ или меньшимъ трудомъ провести безъ всякаго противорѣчія съ фактами ²⁾. Но къ чему же она послужитъ? При ея помощи я не могу ни возстановить историческихъ событій по ихъ уцѣлѣвшимъ слѣдамъ, ни предугадывать поступковъ людей, среди которыхъ я живу, ни управлять своею дѣятельностью относительно ихъ, ни расширять моихъ психологическихъ свѣдѣній путемъ объективныхъ наблюденій; словомъ, она теоретически возможна, но практически бесполезна. А въ то же время я одинаково въ правѣ допустить и обратную точку зрѣнія, предположить, что всѣ люди одушевлены. Назовемъ такую точку зрѣнія: *психологической*. Ея призна-

¹⁾ Ожиданіе. См. юльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Вѣдь тѣ соображенія, которыя мы изложили отъ лица скептика и которыя касались одушевленія врача и т. п., могутъ служить схемами для всѣхъ подобныхъ разсужденій.

ніе, несомнѣнно, содѣйствуетъ расширенію извѣстныхъ видовъ моего познанія: исторіи, психологій, педагогикѣ, знанія окружающихъ людей (житейской психологій) и т. п.; при ея помощи я могу даже предугадывать поступки другихъ лицъ. Конечно, еще нельзя доказать одними эмпирическими доводами ея соотвѣтствіе дѣйствительности; но вѣдь чисто эмпирическими доводами нельзя доказать и обратнаго. Поэтому я въ правѣ и долженъ примѣнять психологическую точку зрѣнія всюду, гдѣ она оказывается болѣе удобной и полезной для расширенія моего познанія, чѣмъ фізіологическая, всюду, гдѣ легче разсматривать явленія психологически, чѣмъ только фізіологически. Обратный примѣръ: мы, конечно, можемъ допустить одушевленіе спиннаго мозга, растеній, атомовъ и т. п.; но къ чему это послужить? До сей поры тѣ, кто допускали, напримѣръ, одушевленіе спиннаго мозга, не предугадали въ немъ при помощи этой точки зрѣнія ни одного новаго явленія и не сдѣлали тѣхъ, которыя были найдены помимо нея, болѣе легкими для изученія; между тѣмъ фізіологическая точка зрѣнія оказывается здѣсь болѣе легкой и полезной. Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ случаяхъ психическая точка зрѣнія бесполезна, а потому намъ слѣдуетъ пока разсматривать эти предметы, какъ бездушныя. Мы, конечно, чисто эмпирическимъ путемъ не докажемъ своего взгляда, но мы въ правѣ пользоваться имъ, какъ *регулятивнымъ* (а не конститутивнымъ) принципомъ, ибо никто не докажетъ и его ошибочности.

А въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ и тотъ же объектъ долженъ быть разсматриваемъ то психологически, то фізіологически (а иногда сразу и съ той и другой точки зрѣнія) въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ относительно этого объекта. Напримѣръ, предъ нами годовою ребенокъ. Его жизнь еще такъ проста, что всю ее не только возможно, а даже сравнительно легко истолковать чисто фізіологически, какъ результатъ сложныхъ рефлексовъ, фізіологической наслѣдственности и т. п. Но съ другой стороны его смѣло можно разсматривать и психологически. Какъ же намъ быть? Для воспитателя фізіологическая точка зрѣнія почти бесполезна, ибо ему нужно предугадывать и направлять прежде всего психическую жизнь ребенка (тѣлесное благосостояніе послѣдняго въ глазахъ воспитателя есть только средство, а не цѣль); поэтому онъ долженъ разсматривать ребенка главнымъ образомъ психологически и психологически оцѣнивать всѣ дѣйствующія на него вліянія. А врачъ по большей части дѣйствуетъ на ребенка, когда лечитъ его отъ болѣзни или когда

укрѣпляетъ его организмъ, матеріальными средствами, и ближайшею (хотя бы и не главной) цѣлью его дѣятельности служить тѣлесная жизнь ребенка, хода которой нельзя предугадать съ психологической точки зрѣнія; поэтому врачу во всѣхъ подобныхъ случаяхъ приходится разсматривать его только физиологически. Но и онъ долженъ разсматривать своего пациента, взрослого или ребенка—все равно, психологически же, когда приходится прибѣгать къ помощи такъ называемаго психическаго леченія, ибо въ этихъ случаяхъ при посредствѣ физиологической точки зрѣнія нельзя предугадывать его вліянія. А между тѣмъ нельзя оспаривать, что всякое психическое воздѣйствіе, напримѣръ, дѣйствіе на душевно-больнаго путемъ убѣжденія, ласковаго обращенія и т. п., въ то же время состоитъ и въ физиологическомъ дѣйствіи на нервную систему. Но послѣдняго здѣсь нельзя рассчитать; поэтому физиологическая точка зрѣнія оказывается для этого случая неприимѣнной.

Таковъ-то простѣйшій и чисто практическій выходъ изъ указаннаго затрудненія. Но скажутъ намъ, онъ приведетъ насъ къ той же классификаціи существъ и частей тѣла на одушевленные и неодушевленные, которую мы уже имѣемъ. Вѣдь мы и теперь главнымъ образомъ предпочитаемъ тотъ взглядъ, который *легче*, то-есть, тотъ, который *оказывается болѣе удобнымъ* для изученія явленій. Дѣйствительно, почему мы признаемъ одушевленіе животныхъ и не признаемъ одушевленія растений? Потому что въ первомъ случаѣ легче объяснять наблюдаемые факты психологически, а во второмъ чисто физиологически. По той же причинѣ мы признаемъ одушевленіе новорожденнаго ребенка: хотя возможно истолковать всю его жизнь, допуская въ немъ одни лишь безсознательные процессы—растительные и рефлекторные, но наши истолкованія все-таки становятся легче, если мы допускаемъ его одушевленіе. Наоборотъ, мы охотно отрицаемъ одушевленіе зародыша; почему же такъ? Его жизнь достаточно легко объясняется и безъ помощи психологической точки зрѣнія. Словомъ, рѣшающее значеніе имѣть обыкновенно легкость того или другаго взгляда. Къ чему же сводятся тогда всѣ наши разсужденія, коль скоро они приведутъ насъ къ той же классификаціи, которая уже существуетъ? Они, повидимому, бесполезны?

Вполнѣ справедливо, что существующая классификація основана въ значительной степени на сравнительной легкости той или другой точки зрѣнія; а поэтому она не можетъ сильно отличаться отъ той классификаціи, къ которой мы придемъ при помощи рекомендованнаго

нами практическаго приѣма для устраненія затрудненій, возникающихъ изъ теоретической неразрѣшимости вопроса о чужомъ одушевленіи. Но вотъ въ чемъ разница: въ *чисто-эмпирической* области (ни о какой другой мы еще не говоримъ) мы рекомендуемъ пользоваться любой точкой зрѣнія только какъ *регулятивнымъ* принципомъ, то-есть, только какъ полезнымъ для изслѣдованія вспомогательнымъ *средствомъ*, не придавая ему никакого *теоретически-достовернаго значенія*. Обычное же мышленіе совершенно не замѣчаетъ, что легкость той или другой точки зрѣнія очень часто зависитъ отъ ея согласія съ нашими предвзятыми, въ томъ числѣ и метафизическими, взглядами. Оно даже забываетъ о такихъ поучительныхъ фактахъ, какъ тотъ, что еще сравнительно недавно считали болѣе легкимъ отрицать одушевленіе животныхъ, а раньше того также, какъ и теперь, казалось болѣе легкимъ признавать его. Поэтому обычное мышленіе непрерывно смѣшиваетъ легкость съ эмпирической достоверностью, и пользуется и психологической и физиологической точкой зрѣнія, какъ конститутивными принципами, такъ что своей классификаціи оно ошибочно придаетъ теоретически-достоверное значеніе, и то, что сегодня считается истинной, объявляетъ завтра заблужденіемъ для того, чтобы позднѣе возобновить это, какъ истину и т. д. А въ связи съ этимъ оно нерѣдко смѣшиваетъ данныя опыта съ ихъ истолкованіями въ духѣ той или другой метафизической системы; зачастую оно выводитъ изъ фактовъ неправильныя формулы, которыя въ свою очередь содѣйствуютъ этому смѣшенію и т. п. Словомъ, обычные взгляды вынуждаютъ насъ неправильно относиться къ нашему познанію. Наша же точка зрѣнія во многихъ случаяхъ застрахуетъ насъ отъ подобныхъ ошибокъ. Разъяснимъ это на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Сперва укажемъ случаи употребленія неправильныхъ формулъ. Постоянно говорятъ и вѣрятъ, будто бы тѣ или другія данныя опыта обнаруживаютъ одушевленіе или бездушность такого-то и такого-то тѣла или же такой-то его части; напримѣръ, говорятъ, что они обнаруживаютъ одушевленіе или бездушность низшихъ животныхъ, спиннаго мозга, тѣхъ или другихъ частей головного мозга и т. п. Мы не станемъ теперь разбирать, какъ вліяютъ на наши воззрѣнія эта и всѣ подобныя формулы; читатель и самъ замѣтитъ ихъ вліяніе, когда мы вслѣдъ за этимъ будемъ разсматривать примѣры смѣшенія психологическихъ положеній съ метафизическими. Теперь же мы отмѣтимъ только то, что эта формула очевидно невѣрна. Коль скоро одинаково позволительно повсюду какъ предполагать, такъ и отрицать оду-

шевление, то данныя опыта, взятые въ чистомъ видѣ (безъ примѣси метафизики), не могутъ обнаружить ни присутствія, ни отсутствія одушевленія. Единственное, что можетъ сдѣлать опытъ, это показать, съ какой точки зрѣнія *удобнѣе* для насъ (для расширенія нашего знанія) разсматривать данное существо (напримѣръ, растеніе) или же данную часть тѣла (напримѣръ, спинной мозгъ). Такъ именно и слѣдуетъ говорить, ибо *такая формула содержитъ въ себѣ ровно столько истины, сколько ея дано въ опытѣ*, безъ всякой примѣси предвзятыхъ взглядовъ. Подобнымъ же образомъ невѣрно выражаются, когда говорятъ о первомъ моментѣ душевной жизни ребенка, объ ея возникновеніи; слѣдовало бы говорить о томъ моментѣ, начиная съ котораго *становится удобнѣе разсматривать ребенка съ психологической точки зрѣнія*, ибо первый моментъ душевной жизни не можетъ быть опредѣленъ эмпирическимъ путемъ.

Для разъясненія же значенія нашихъ выводовъ укажемъ на то, что они сдерживаютъ нашу склонность вносить въ психологию метафизику, которую (особенно же матеріалистическую), какъ извѣстно, очень легко примѣшать къ своимъ истолкованіямъ психическихъ фактовъ, совершенно не замѣчая этого. Что они устраняютъ грубый матеріализмъ, объ этомъ не стоитъ толковать: когда позволительно одушевлять все, что угодно, то, очевидно, нѣтъ никакой возможности откровенно объявить душевную жизнь продуктомъ дѣятельности нервной системы и т. п. Такое утвержденіе при подобныхъ условіяхъ во-очію будетъ произвольнымъ догматомъ. Но мы говоримъ сейчасъ о такомъ матеріализмѣ, который часто остается даже совсѣмъ незамѣтнымъ для его послѣдователей, о матеріализмѣ безсознательномъ или потенціальномъ; теперь и онъ значительно устраняется изъ науки и предоставляется простому вѣрованію, а тѣ факты, на которые онъ, повидимому, опирается, получаютъ другое, болѣе правильное толкованіе ¹⁾).

¹⁾ Кантъ разъясняетъ свои критическіе выводы почти всегда чрезъ примѣненіе ихъ къ одному лишь спиритуализму; относительно же матеріализма онъ или умалчивалъ или же ограничивался только бѣглыми замѣтками, хотя это отнюдь не значило, чтобы его выводы не имѣли такого же точно примѣненія къ матеріализму. Причиной его неодинаковаго вниманія къ обоимъ метафизическимъ направленіямъ служить то обстоятельство, что въ его время господствовала склонность къ спиритуалистическимъ толкованіямъ, а матеріализмъ и безъ того считался научно несостоятельнымъ. Въ настоящее же время вслѣдствіе того, что еще недавно почти исключительно господствовалъ матеріализмъ, замѣчается въ

Какъ примѣръ подобнаго потенціального матеріализма, мы можемъ привести мысль Рибо, будто бы психологическая память никогда не существуетъ безъ органической, между тѣмъ какъ послѣдняя *часто* существуетъ безъ первой, такъ что психологическая память служить только *добавочнымъ* феноменомъ къ органической, который возникаетъ лишь тогда, когда послѣдняя поставлена въ извѣстныя чисто-матеріальныя условія (вродѣ достаточной живости тѣхъ слѣдовъ, которые входятъ въ составъ органической памяти и т. п.)¹⁾. Допустивъ это положеніе, мы должны прійти къ матеріализму. Вѣдь при такихъ условіяхъ органическую память надо принять за причину *существованія* психической памяти; а сознаніе невозможно безъ памяти; поэтому причиной существованія сознанія приходится считать матеріальную жизнь организма. Рибо не замѣчаетъ этого вывода; но опытъ неизбеженъ, если допустить справедливость его только что указанныхъ положеній. Однако этотъ матеріализмъ имѣетъ мѣсто только до тѣхъ поръ, пока мы считаемъ возможнымъ рѣшать навѣрное, какія тѣла и ихъ части одушевлены и какія нѣтъ, то-есть, до тѣхъ поръ, пока мы допускаемъ формулу, гласящую, будто бы опытъ обнаруживаетъ намъ, какія тѣла и ихъ части одушевлены и какія нѣтъ. Но дѣло значительно измѣнится, когда мы эту формулу замѣнимъ другою (опытъ показываетъ, какія тѣла *удобнѣе* считать одушевленными), напоминающею намъ о нашемъ правѣ одушевлять все, что угодно (въ томъ числѣ и любую часть нервной системы, напримѣръ, спинной мозгъ, а равно и другія части нервной системы). Дѣйствительно, мы вѣдь въ правѣ допустить, что въ тѣхъ частяхъ нашего организма, которыя, по мнѣнію Рибо, составляютъ сѣдалище органической памяти тоже находится и психологическая память; но принадлежить-то она,

психологіи и физиологіи наклонность къ скрытому или потенціальному матеріализму, то-есть, къ такимъ толкованіямъ фактовъ, которыя при послѣдовательномъ развитіи *должны* привести насъ къ матеріализму (что остается незамѣтнымъ для ихъ авторовъ); а спиритуализмъ и безъ того считается недоказаннымъ или даже недоказуемымъ. Поэтому, подражая Канту, и мы будемъ говорить о матеріализмѣ подробнѣе, чѣмъ о спиритуализмѣ, хотя наши выводы имѣютъ одинаковое значеніе и для того и для другаго.

¹⁾ Смотр. „Болѣзни памяти“ (переводъ Черемшанскаго) С.-Пб., 1881, стр. 11 и 20 и сл. При этомъ Рибо подъ психологической памятью подразумѣваетъ совокупность тѣхъ *душевныхъ* (сознательныхъ) явленій, которыя называются именемъ памяти, а подъ органической—совокупность тѣхъ *физиологическихъ* процессовъ (и ихъ слѣдовъ въ организмѣ), безъ которыхъ никогда не совершаются явленія психологической памяти.

разумѣется, не тому сознанию, которое составляетъ нашу собственную душевную жизнь, а другому; оттого ея дѣятельность и не сознается нами, такъ что для самонаблюденія эта память кажется чисто-органической. Словомъ, мы будемъ (и въ правѣ) разсматривать организмы также, какъ это дѣлалъ Лейбницъ, предполагавшій, что они состоятъ изъ множества соединенныхъ вмѣстѣ одушевленныхъ существъ, у каждаго изъ которыхъ своя особая душевная жизнь, не сознаваемая другими высшими сознаниями, находящимися въ томъ же организмѣ; но она находится въ большей или меньшей зависимости отъ нихъ и вмѣстѣ съ ними подчинена одному главному сознанию, играющему въ этомъ организмѣ роль его души¹⁾. При такихъ условіяхъ каждая органическая память въ то же время будетъ и психологической; поэтому нельзя будетъ рѣшить, какая изъ нихъ служить причиной существованія другой, ибо всегда обѣ существуютъ и дѣйствуютъ сразу, параллельно другъ другу.

Такимъ образомъ при нашей точкѣ зрѣнія утвержденіе Рибо, будто бы органическая память существуетъ часто безъ психологической, обратнаго же не бываетъ, а равно и вытекающій отсюда материализмъ—все это можетъ быть принято только на вѣру, какъ ничѣмъ не оправдываемый догматъ. Однако это еще не значитъ, чтобы материализмъ былъ завѣдомо опровергнутъ и замѣненъ только что описаннымъ спиритуализмомъ. Еслибы кто захотѣлъ проводить въ психологии спиритуалистическія воззрѣнія, то онъ натолкнулся бы на то затрудненіе, что на сколько позволительно все одушевлять, на столько же позволительно и отрицать одушевление всюду, кромѣ самого себя. Поэтому хотя материалистическое положеніе Рибо не можетъ быть доказано, но его нельзя опровергнуть, такъ что и спиритуализмъ можно допускать только на вѣру, какъ догматъ. Вотъ эта-то возможность разсматривать множество фактовъ съ двоякой точки зрѣнія и будетъ противодѣйствовать нашимъ стремленіямъ примѣшивать метафизику къ эмпирически обоснованнымъ положеніямъ науки. Предоставляя намъ право изъ двухъ одинаково мыслимыхъ толкованій выби-

¹⁾ Допустивъ это подчиненіе, мы сдѣлаемъ понятнымъ тотъ фактъ, что движенія, которыя сначала, при ихъ заучиваніи, мы производили вполнѣ сознательно (ходьбы, писанія, игры на музыкальномъ инструментѣ и т. п.), отъ повторенія становятся автоматическими, хотя въ то же время мы не утрачиваемъ способности по произволу возбуждать ихъ, задерживать и даже регулировать: они забываются только главнымъ сознаніемъ организма, занятымъ другими представленіями, но они не забываются находящеюся въ томъ же организмѣ душевною жизнью, которая подчинена главному сознанию.

рать любое, которое для насъ удобнѣе, она въ то же время напоминаетъ намъ о томъ, чтобы не смѣшивать удобства и легкости съ достовѣрностью. Теперь же, когда предположеніе о бездушности нѣкоторыхъ частей организма мы считаемъ не только удобнымъ (для нѣкоторыхъ соображеній) точкой зрѣнія, но еще засвидѣтельствованною въ опытѣ, мы и положеніе Рибо должны считать эмпирически оправданнымъ. А чрезъ это мы невольно вступаемъ на путь потенціального матеріализма. Что же касается до самихъ фактовъ, по поводу которыхъ дѣлается это примѣшиваніе метафизики къ психологіи, то они получаютъ иное, чисто-эмпирическое, толкованіе. Такъ, очищая указанный выводъ Рибо ото всякой метафизической примѣси и устраняя для этого изъ него все, что противорѣчитъ закону отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія, мы получимъ слѣдующее чисто-эмпирическое положеніе: ни одно явленіе памяти (психологической) никогда не совершается безъ участія физиологическихъ процессовъ, и каждое изъ нихъ оставляетъ особый отпечатокъ въ нервной системѣ; а потому, дѣйствуя на память, мы дѣйствуемъ на нервную систему, и наоборотъ, влияя на нее, влияемъ на память.

Разсмотримъ еще одинъ поучительный примѣръ безсознательнаго матеріализма. Всѣ увѣрены, что душевная жизнь имѣетъ начало во времени, хотя психологія, уже и помимо нашихъ изслѣдованій, внушаетъ мысль, что мы не въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ всякое предположеніе о началѣ душевной жизни запутываетъ насъ въ сильнѣйшія затрудненія. Дѣло въ томъ, что всѣ душевныя состоянія подчинены закону относительности, по которому выходитъ, что сознаніе каждаго изъ нихъ обуславливается сознаніемъ другихъ предшествовавшихъ психическихъ состояній; напримѣръ, каждое ощущеніе сознается чрезъ отличеніе его отъ другихъ однородныхъ ощущеній и т. д. Но въ какомъ же видѣ тогда должны мы представлять себѣ *первое* состояніе сознанія, у котораго еще не было предшествующаго? Естественнѣе всего въ виду закона относительности отказаться отъ всякихъ попытокъ разсуждать о первомъ моментѣ душевной жизни, ибо если онъ и былъ (что остается неизвѣстнымъ), то она подчинялась тогда такимъ законамъ, о которыхъ мы теперь не можемъ составить никакого понятія ¹⁾. Но не такъ поступаетъ боль-

¹⁾ Это ясно и само по себѣ, хоть бы мы даже отрицали законъ относительности: теперешніе законы управляютъ *существующею* душевною жизнью, а тогда должны были дѣйствовать такіе законы, которые могли бы ее *создать*, то-есть, неизвѣстные намъ.

шинство: догматически допускають существованіе перваго момента и. понастроивъ разныя предположенія о томъ, какова должна быть душевная жизнь въ это время, на основаніи ихъ стараются объяснить то, что мы теперь наблюдаемъ въ дѣйствительности. (Это даже излюбленный приемъ многихъ психологовъ—начинать свое *изученіе* (!) каждого душевнаго явленія съ того, чтобы описывать его видъ при началѣ душевной жизни). А когда вспомнить о законѣ относительности, то, разумѣется, стараются какъ нибудь обойти это затрудненіе при помощи новыхъ произвольныхъ предположеній: такъ Штумпфъ допускаетъ, что этотъ законъ не дѣйствуетъ при началѣ душевной жизни, а впослѣдствіи вырабатывается и дѣлается на столько привычнымъ, что составляетъ нашу „вторую природу“ ¹⁾. Такимъ образомъ догматъ о доступности нашему знанію начала душевной жизни уже и самъ по себѣ запутываетъ насъ въ нѣкоторыя затрудненія и произвольныя предположенія.

Но этого еще мало: въ отвѣтъ на вопросъ, когда же именно начинается душевная жизнь, столь же догматически допускають, что она возникаетъ *послѣ* начала развитія нервной системы зародыша, и этимъ вступаютъ на путь скрытаго матеріализма. Дѣйствительно, этой гипотезой ставятъ въ зависимость отъ матеріальныхъ процессовъ уже самое *существованіе* душевной жизни, а не однѣхъ лишь ея видоизмѣненій и особенностей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, допустимъ пока для ясности, что дѣло идетъ не о душевной жизни, а о какомъ нибудь X. Этотъ приемъ будетъ полезенъ по той причинѣ, что нашъ умъ привыкъ думать, будто бы указанное предположеніе вовсе не приводитъ къ матеріализму, а потому и не замѣчаетъ послѣдняго; а чтобы избавить его отъ вліянія этой привычки и сдѣлать безпристрастнымъ судьей, нужно предложить ему тотъ же самый вопросъ въ общемъ видѣ. Итакъ, относительно нѣкотораго X допущено, что онъ появляется не иначе какъ *послѣ* возникновенія нервной системы чело-вѣка, и при томъ *всегда* появляется, когда она достигаетъ извѣстной степени развитія ²⁾. Если же такъ, то по правиламъ индукціи (именно по соединенному методу согласія и различія) мы должны признать, что причина *существованія* X скрывается въ нервной системѣ чело-

¹⁾ См. *Гербдингъ*, „Очерки психологіи, основанной на опытѣ“, Москва, 1892, стр. 132.

²⁾ Это вѣдь тоже допускается тѣми, кто думаетъ, будто бы существуютъ объективные признаки одушевленія и будто бы мы можемъ навѣрное рѣшать, что одушевлено и что нѣтъ.

вѣка (въ какихъ либо ея процессахъ), что послѣдняя своей дѣятельностью *порождаетъ* этотъ Х. Если же подъ Х. подразумѣвать душевную жизнь, то условія, которыя приводятъ насъ къ этому выводу, останутся безъ всякаго измѣненія; и такимъ образомъ мы приходимъ къ матеріалистическому воззрѣнію, будто бы душевная жизнь порождается процессами нервной системы.

Потому-то современные психологи такъ часто и сбиваются на матеріализмъ. Они незамѣтно для самихъ себя уже заранѣе допускаютъ его своимъ предположеніемъ о началѣ душевной жизни; поэтому, какъ бы искренне ни уклонялись они отъ него, онъ рано или поздно будетъ стремиться выступить на видъ въ тѣхъ выводахъ, которые обусловлены этимъ предположеніемъ. Но коль скоро мы допустимъ законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія, то этимъ мы отрѣжемъ себѣ путь къ подобному замаскированному матеріализму. Мы уже не въ правѣ говорить о началѣ душевной жизни, ибо оно навсегда остается за предѣлами эмпирическаго знанія; а въ связи съ этимъ мы не въ правѣ истолковывать происходящія въ насъ душевныя явленія, исходя изъ тѣхъ (всегда догматическихъ и недоказуемыхъ) предположеній, которыя мы построимъ относительно начала душевной жизни. Подобно тому какъ въ естествознаніи мы отказались отъ всякихъ попытокъ опредѣлить первый моментъ существованія вселенной и способы творенія изъ ничего, а вѣзъмъ того мы ограничиваемся лишь изученіемъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ ею въ настоящемъ, и при помощи этого знанія возстановляемъ въ своихъ мысляхъ тѣ состоянія или особенности вселенной, которыя были въ ней сравнительно немного назадъ, и предугадываемъ, какія будутъ немного позднѣе; такъ точно и въ психологіи мы вынуждены изучать законы, управляющіе тою душевною жизнью, которая *теперь* существуетъ въ насъ—сейчасъ, и при ихъ помощи угадывать тѣ *состоянія и особенности* душевной жизни, которыя были въ ней немного назадъ (въ дѣтствѣ) и которыя будутъ позднѣе, а отнюдь не опредѣлять ея перваго момента и способовъ ея возникновенія изъ психическаго „Ничто“.

Теперь уже ясно, что рекомендуемое нами практическое рѣшеніе вопроса о чужомъ одушевленіи далеко не совпадаетъ съ обычными взглядами, хотя, можетъ быть, приведетъ насъ къ той же классификаціи, которая слагается подъ ихъ вліяніемъ. Но это рѣшеніе еще не вполне удовлетворяетъ насъ. Самъ-то вопросъ, дѣйствительно ли существуетъ душевная жизнь помимо меня, все-таки остается еще

не рѣшеннымъ навѣрное. А это-то и невыносимо для насъ. Сколько бы я ни говорилъ объ его неразрѣшимости, какими бы доводами я ни подтверждалъ ее, тѣмъ не менѣе я каждое мгновение опровергаю ее *всѣмъ своимъ существомъ*. Я не могу отдѣлаться отъ убѣжденія въ существованіи чужой душевной жизни; оно составляетъ въ моихъ глазахъ непреложную истину. *Вся* моя собственная жизнь насквозь обусловлена и проникнута этимъ убѣжденіемъ. Даже, когда анализъ нашей познавательной способности приводитъ меня къ заключенію объ эмпирической недоказуемости этого убѣжденія, то я не задумываюсь высказать свои выводы другимъ лицамъ; я этимъ самымъ я обнаруживаю, что вопросъ о чужомъ одушевленіи все-таки рѣшенъ мной, и при томъ въ положительномъ смыслѣ. Болѣе того, для меня невыносимо допустить не только его отрицательное рѣшеніе, *но даже и одну лишь его неразрѣшимость*. Я не въ силахъ успокоиться только на томъ, что я въ правѣ смотрѣть на окружающихъ меня людей и такъ и саякъ: для меня *необходимо*, чтобы этотъ вопросъ былъ *окончательно рѣшенъ*.

Можно ли объяснить это одною лишь привычкою? Возможно ли допустить, что идея чужой душевной жизни неразрывно ассоціировалась съ другими идеями и только поэтому неизбежно навязывается моему уму? Но въ томъ-то и дѣло, что я возмущаюсь противъ признанія неразрѣшимости вопроса о чужомъ одушевленіи не однимъ лишь умомъ, а *всѣмъ существомъ*. Отказаться отъ привычныхъ мыслей еще не такъ трудно; да мы тогда испытываемъ совсѣмъ не то душевное состояніе, какъ теперь — при попыткахъ отказаться отъ убѣжденія въ одушевленіи другихъ людей. Когда намъ приходится разрушать какую нибудь неразрывную ассоціацію, то мы на первыхъ порахъ испытываемъ нѣкоторую умственную неловкость, еще не замѣчаемъ сразу всего того, что вытекаетъ изъ признанія новой комбинаціи идей, сбиваемся взаимно того на привычный ходъ мысли, отъ этого часто противорѣчимъ сами себѣ (допуская то, чего уже не въ правѣ допускать, и еще не признавая того, что уже обязаны признать); иногда новая мысль является на столько непривычною, что мы даже не въ состояніи понять ни ея самой, ни ея основаній и т. д. Но никогда не бываетъ, чтобы, понявъ ее, признавъ доказывающіе ее доводы и находя ее саму по себѣ легкой и вполне справедливой, мы все-таки возмущались противъ нея *всѣмъ своимъ существомъ*, какъ въ данномъ случаѣ. При каждой попыткѣ отказаться отъ положительнаго рѣшенія нашего вопроса (будетъ ли она сдѣлана въ томъ видѣ, чтобы

я попробовалъ признать одушевленнымъ во всемъ мірѣ только самого себя, или же въ томъ видѣ, чтобы искренне считать неизвѣстнымъ, одушевленъ ли кто-нибудь кромѣ меня) я замѣчаю, что меня охватываетъ сознаніе невозможности жить безъ положительнаго рѣшенія этого вопроса и даже исчезаетъ всякое стремленіе къ жизни; я чувствую, что послѣднее обусловлено признаніемъ одушевленія помимо меня.

Описать вполне точно, что именно переживается при подобныхъ попыткахъ, нельзя, да и нѣтъ нужды: каждый читатель легко можетъ подмѣтить это на самомъ себѣ. Пусть только онъ для сравненія представитъ себѣ сначала, что онъ искренно усомнился въ достовѣрности чужаго одушевленія, а вслѣдъ затѣмъ попробуетъ разрушить въ себѣ какую-нибудь самую прочную ассоціацію, наприкладъ, убѣжденіе въ трехмѣрности пространства, для чего допустить въ немъ четыре измѣренія ¹⁾, изъ которыхъ одно остается недоступнымъ для нашихъ воспріятій. При такихъ сравненіяхъ онъ убѣдится, что уничтоженіе неразрывныхъ ассоціацій никогда не встрѣчаетъ препятствій со стороны всего нашего существа. И всякій, кто занимался геометріей Лобачевскаго (его пангеометріей, построенной въ предположеніи, что изъ одной точки можетъ быть къ данной линіи проведена не одна параллельная, то-есть, непересѣкающаяся съ ней, а цѣлый пучокъ подобныхъ линій, при чемъ величина угла этого пучка зависитъ отъ величины разстоянія точки отъ данной линіи) или кто просматривалъ попытки построить геометрію четырехмѣрнаго пространства, навѣрное припомнитъ, что какъ ни были непривычны для насъ подобныя построенія, они все-таки не встрѣчали такого противодѣйствія со стороны нашего душевнаго міра, которое переживается нами, когда мы пытаемся оставить неразрѣшеннымъ вопросъ о существованіи чужаго одушевленія. Въ послѣднемъ случаѣ возмущается не только нашъ умъ со своими издавна укоренившимися въ немъ привычками, но все наше существо. Здѣсь-то, очевидно, въ противодѣйствіи *всего* нашего существа всякому уклоненію отъ положительнаго рѣшенія нашего вопроса, лежитъ причина, почему никто никогда не сомнѣвается въ *существованіи* чужой душевной жизни. Сомнѣваются и спорятъ только относительно *предельно* ея распространенія, ея тирповъ и т. п., но отнюдь не относительно ея существованія.

¹⁾ Привычка къ мысли о трехмѣрномъ пространствѣ укореняется даже и наслѣдственнымъ опытомъ.

А на что же указываетъ это противодѣйствіе всего нашего существа подобнымъ сомнѣніямъ и откуда оно берется? Какъ истолковать его, если мы признаемъ существованіе чужой душевной жизни за непреложную истину? (А кто же рѣшится отрицать ее?). Разсмотримъ составъ нашего существа. Въ него входятъ чувства, посредствомъ которыхъ мы воспринимаемъ данныя опыта, а также и умъ, обсуждающій показанія этихъ чувствъ. Условимся же называть всѣ эти чувства (и внѣшнія—зрѣніе, слухъ и т. д., и внутреннія—мускульныя, органическія, а равно и самонаблюденіе надъ нашими душевными процессами)—*эмпирическими* чувствами. Эмпирическія чувства и умъ, сами по себѣ, какъ мы видѣли, еще не обязываютъ насъ допускать существованіе чужой душевной жизни. Если прислушиваться исключительно лишь къ голосу этихъ составныхъ частей нашего существа, то мы одинаково въ правѣ и допускать существованіе одушевленія помимо насъ и отрицать его. Но, какъ мы сейчасъ говорили, въ нашемъ существѣ дѣйствуетъ еще „что-то такое“, и оно открываетъ просвѣтъ въ такую область, которая остается скрытой для эмпирическихъ чувствъ и ума, именно—заставляетъ насъ признавать существованіе чужаго одушевленія. Назовемъ это „что-то такое“ *метафизическимъ* чувствомъ, и пока еще не будемъ разсматривать ближайшимъ образомъ его природы. Такъ какъ для cadaго изъ насъ существованіе чужаго одушевленія составляетъ непреложную истину¹⁾, то надо допустить, что источниками истины служатъ не только умъ и эмпирическія чувства, но также и метафизическое чувство. Подобно тому, какъ при помощи зрѣнія мы узнаемъ то, чего не въ состояніи узнать при помощи другихъ чувствъ, такъ точно при помощи метафизическаго чувства мы узнаемъ то, чего не въ состояніи узнать одними эмпирическими чувствами, и этимъ путемъ рѣшаемъ такія сомнѣнія, которыя съ эмпирической точки зрѣнія навсегда останутся неразрѣшимыми. *Существованіе особаю* (кромѣ эмпирическихъ чувствъ и ума) *органа познанія, и при томъ такого познанія, которое отличается метафизическимъ характеромъ* (выходитъ за предѣлы всякаго возможнаго опыта),—*вотъ выводъ, который логически неизбеженъ для всякаго, кто призналъ законъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленія и въ то же время считаетъ неоспоримую истинною одушевленіе другихъ людей.*

¹⁾ Вѣдь мы уже допустили это; теперь же мы должны только узнать, что вытекаетъ изъ этого предположенія.

Конечно, съ перваго взгляда это должно казаться нѣсколько страннымъ: мы слишкомъ привыкли къ общепринятому перечню органовъ познанія и никогда не подозрѣвали въ немъ подобнаго пробѣла. Но мы имѣемъ еще другія истины, похожія на истину одушевленія другихъ людей, тѣмъ, что онѣ тоже никоимъ образомъ не могутъ быть оправданы чисто-эмпирическимъ путемъ, а мы все-таки признаемъ ихъ. Значить, и онѣ *подтверждаются и провѣряются* какимъ-то неэмпирическимъ органомъ ¹⁾. И не въ правѣ ли мы его считать за указанное метафизическое чувство, особенно же коль скоро подтверждаемая имъ истины таковы, что онѣ подразумеваютъ и постулируютъ истину существованія чужой душевной жизни? Мы имѣемъ въ виду признаніе обязательности нравственнаго долга. Никто не отрицаетъ ея ²⁾. Философы до сей поры еще не могутъ подыскать для этого факта такихъ объясненій, которыя сдѣлались бы общепризнанными. Еще менѣе умѣютъ они обосновать эту обязательность, а мы все-таки признаемъ ее, не заботясь ни о томъ, чтобы объяснить ее происхожденіе, ни даже о томъ, доказалъ ли кто изъ философовъ и въ состояніи ли они доказать, что признаніе обязательности нравственнаго долга составляетъ истину, а не заблужденіе.

Болѣе того, каждый изъ насъ легко можетъ убѣдиться, что необходимость признавать обязательность нравственнаго долга никоимъ образомъ не можетъ быть доказана. Вполнѣ возможно *послать тою*, какъ мы уже признали что либо нравственно обязательнымъ, доказывать, что *потому* мы должны признать столь же обязательнымъ и еще что нибудь и т. д. Но если мы рѣшились отвергать обязательность нравственнаго долга вообще, то-есть, всѣ нравственныя обязанности безъ исключенія, то уже никто не докажетъ намъ, что мы *должны* считать что нибудь нравственно обязательнымъ. На чемъ основывать подобныя доказательства? Сослаться на нравственный долгъ нельзя, ибо я его вообще отрицаю. Изъ ссылки же на то, что

¹⁾ Мы не станемъ говорить о генезисѣ этихъ истинъ, а также и о томъ, чѣмъ онѣ впервые внушаются намъ; а обратимъ свое вниманіе только на то, чѣмъ онѣ *подтверждаются*. Каковъ бы ни былъ генезисъ этихъ идей, мы допускаемъ ихъ справедливость, хотя не въ состояніи доказать ея эмпирическимъ путемъ; значить, что-то подтверждаетъ ихъ. Этого и достаточно для нашихъ цѣлей.

²⁾ По словамъ психіатровъ, нѣкоторые душевно-больные составляютъ исключеніе изъ этого правила. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: подобно тому какъ могутъ ослабѣть и даже исчезнуть чувства слуха, зрѣнія и т. д., такъ точно могутъ подвергаться ослабленію и искаженію и метафизическое чувство.

есть, на факты, ничего не выйдет, ибо изъ того, что *есть*, никакъ не можетъ вытекать, чтобы нѣчто *долженствовало* быть, то-есть, чтобы нѣчто было *нравственно обязательнымъ* ¹⁾. На столько же бесплодны и всякія ссылки на расчеты личной пользы (на благоразуміе), такъ какъ нравственно-обязательное и полезное не одно и то же. Такъ чѣмъ же намъ обосновывать свое утвержденіе относительно обязательности нравственнаго долга? Очевидно — нечѣмъ, и всякое опроверженіе ея отрицанія будетъ только кажущимся: мы или втихомолку заранѣе допустимъ то самое, что еще только доказываемъ (то-есть, заранѣе допустимъ признаніе нѣкоторыхъ нравственныхъ обязанностей, а потому и въ выводѣ, разумѣется, получится логическая обязанность признавать впредъ и ихъ и еще нѣкоторыя вытекающія изъ нихъ), или же смѣшаемъ въ своихъ разсужденіяхъ нравственную обязанность съ чѣмъ нибудь другимъ, напримѣръ, съ благоразуміемъ и т. п. Превратить *нравственную* обязательность въ *логическую* необходимость, которая вытекала бы изъ нашего знанія о томъ, что есть, и о томъ, что по законамъ бытія необходимо будетъ, нѣтъ никакой возможности. Не даромъ же Кантъ въ слѣдованіи нравственному долгу (значить—въ признаніи его обязательности) видѣлъ обнаруженіе *свободы* воли: эмпирическія чувства и обсуждающій ихъ показанія умъ дѣйствительно представляютъ полную логическую свободу—признавать и не признавать обязательность нравственнаго долга. Необходимость эмпирическаго міра да и вообще міра бытія, хотя бы трансцендентнаго, не влечетъ за собой логической необходимости признанія нравственныхъ обязанностей. Да не одинъ Кантъ отождествляетъ нравственность со свободой. Вообще, когда говорятъ о свободѣ воли, то считаютъ обнаруженіемъ послѣдней способность воли слѣдовать повелѣніямъ нравственности, дѣлать выборъ между ними и другими влеченіями; при этомъ послѣднія (напримѣръ, влеченія къ тѣлесному благосостоянію, чувственные стремленія и т. п.) считаются неволь-

¹⁾ Если въ числѣ того, что есть, будетъ указана даже и воля Бога, предписывающая намъ тотъ или другой законъ, то все-таки никакъ нельзя вывести, что его исполненіе нравственно обязательно, если только мы заранѣе не допустимъ признанія какой либо обязанности. Знаніе бытія Бога и его воли еще не подразумеваетъ признаніе послѣдней нравственно-обязательною: вѣдь нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія въ понятіи дьявола—павшаго ангела, который, зная и Бога и его волю, не призналъ ея нравственно-обязательною для себя, а взятѣнъ того по свободному выбору призналъ своимъ закономъ повсюду оказывать ей противодѣйствіе.

ными, несвободными, признаніе же первыхъ дѣломъ свободы, а потому такимъ актомъ, который остается логически необоснованнымъ, невынужденнымъ, пока мы руководствуемся одними эмпирическими чувствами. Все это показываетъ невозможность доказать обязательность нравственнаго долга, еслибы кто вздумалъ отрицать ее.

Пусть въ насъ дѣйствуетъ специфическое нравственное чувство, которое побуждаетъ насъ къ *выполненію* нравственныхъ обязанностей; но если мы не станемъ вѣрить ему и начнемъ оспаривать обязательность всѣхъ ихъ вообще, то никоимъ образомъ нельзя сдѣлать ихъ обязательными для насъ. Это на столько очевидно, что понятно для всѣхъ и cadaго, и не пужно быть философомъ, чтобы подмѣтить это. Всякій понимаетъ, что если онъ захочетъ, то смѣло можетъ отвергать всѣ нравственныя обязанности цѣликомъ (а не то, чтобы, признавая однѣ изъ нихъ, отрицать другія), нисколько не рискуя погрѣшить противъ фактовъ и логики. Дѣйствительно, нельзя найти такого челоука, который, понявъ, что его собесѣдникъ дѣйствительно отрицаетъ обязательность всѣхъ обязанностей вообще, рѣшится его разубѣждать: всякій тотчасъ же заявить, что при *такихъ* условіяхъ нельзя убѣдить своего противника никакими доводами и что *если* послѣдній говоритъ вполне искренне, а не шутитъ (въ чемъ обыкновенно сильно сомнѣваются въ подобныхъ случаяхъ), то остается только подождать, пока его не переубѣдитъ сама жизнь, то-есть, пока онъ не прислушается къ какому-то *особому* голосу внутри себя. Отъ подобныхъ споровъ обыкновенно всѣ воздерживаются. Фактъ же общаго признанія обязательности нравственныхъ обязанностей (не выполненія ихъ въ дѣйствительности и не признанія ихъ значенія для челоучества, что еще, можетъ быть, многіе рѣшатся отрицать, но самъ фактъ признанія ихъ высшей обязательности) указываетъ на то, что ея истина оправдывается какимъ-то неэмпирическимъ чувствомъ, или, какъ это говорится, какимъ-то особымъ внутреннимъ голосомъ: онъ внушаетъ намъ, что *обязательность* нравственнаго долга *есть истина*.

Пусть утилитаризмъ правъ и пусть содержаніе нравственнаго закона и даже влеченіе къ его исполненію вырабатываются въ насъ посредствомъ (личныхъ и наслѣдственныхъ) неразрывныхъ ассоціацій изъ чисто эгоистическихъ стремленій. Но вѣдь послѣ того, какъ я подмѣчу, что обязательность нравственнаго долга ровно ничѣмъ не можетъ быть доказана, я долженъ былъ бы, а ужъ во всякомъ случаѣ могъ бы, перестать считать ее истиной: во мнѣ осталось бы только привычное стремленіе къ выполненію того, что я прежде считалъ

нравственно обязательнымъ, но не было бы необходимости считать его таковымъ ¹⁾. Напротивъ, естественнѣе всего было бы ждать, что какъ только я подмѣчу недоказуемость обязательности нравственнаго долга, такъ тотчасъ же отвергну ее и буду считать себя освобожденнымъ отъ него. Всякій человѣкъ въ глубинѣ души завязанъ раціонализмомъ, и поэтому онъ всегда готовъ отрицать истину всего того, что не можетъ быть доказано, особенно же — если онъ самъ подмѣтилъ возможность опровергнуть всѣ доказательства, предъявляемыя ему въ пользу этой истины. Какъ соблазняются атеизмомъ? Вѣдь доказать небытіе Бога нельзя; а не смотря на всѣ (личныя и наслѣдственныя) неразрывныя ассоціаціи и привычки всей нашей души къ вѣрѣ въ Бога, нѣкоторые лица, хотя бы на время, становятся атеистами. Какъ же это происходитъ? Доказанную несостоятельность предъявленныхъ доказательствъ существованія Бога и его недоказуемость они, когда впервые замѣчаютъ ее, считают за достаточное основаніе для оправданія атеизма. Когда юноша самъ собой додумается до вывода, что исторически-установившійся государственный строй и сложившіяся социальныя отношенія не представляютъ собой ничего абсолютно-обязательнаго, ничего божественнаго и вѣчнаго, то онъ въ большинствѣ случаевъ пропитывается на время революціонными стремленіями, хотя бы они противорѣчили всѣмъ его привычкамъ мысли, даже наслѣдственнымъ. Можно набрать не мало подобныхъ примѣровъ. Къ тому же въ ученин о логическихъ ошибкахъ предупреждаютъ не обо всѣхъ арифметически возможныхъ уклоненіяхъ отъ правилъ логики, а только о тѣхъ, которыя часто встрѣчаются и въ дѣйствительности (напримѣръ, тамъ не предупреждаютъ противъ ошибочнаго обращенія частноутвердительнаго сужденія въ *общеутвердительное* въ родѣ слѣдующаго: „нѣкоторые металлы жидкости; слѣдовательно, всѣ жидкости суть металлы“); а между тѣмъ тамъ находится предупрежденіе объ ошибочномъ смѣшеніи опроверженія доказательства съ опроверженіемъ доказываемаго положенія. Значить, логики подмѣтили въ нашемъ умѣ наклонность къ ихъ смѣшенію. Но она не дѣйствуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ обязательности нравственнаго долга: хотя мы и подмѣчаемъ недоказуемость его обязательности, тѣмъ не

¹⁾ Повторяемъ, что подмѣтить недоказуемость обязательности нравственнаго закона не только легко для всѣхъ и каждого, но, какъ показываетъ ежедневно наблюдаемый фактъ воздержанія отъ всякихъ чисто теоретическихъ споровъ съ тѣми, кто попробуетъ отрицать ее, уже чуть не всѣ давно подмѣтили эту недоказуемость: иначе не считали бы подобныхъ споровъ безплодными.

ментѣ охотно считаемъ послѣднюю истиной, а не привычнымъ заблужденіемъ.

Итакъ, какой-то голосъ, говорящій внутри насъ, внушаетъ намъ мысль, что обязательность нравственнаго долга составляетъ истину, хотя она и не можетъ быть доказана одними лишь эмпирическими чувствами и умомъ. Другими словами, эту истину мы *проверяемъ* какими-то неэмпирическимъ чувствомъ ¹⁾. А какого рода эта истина? Она такова, что ея признаніе неизбѣжно предполагаетъ признаніе еще другой истины—существованія чужаго одушевленія: вѣдь нравственный долгъ немислимъ, если я окруженъ повсюду только бездушными предметами; все бездушное можетъ стать объектомъ нравственной обязанности только чрезъ свое отношеніе къ чему нибудь одушевленному. А если такъ, то въ предположеніи существованія метафизическаго чувства нѣтъ ничего страннаго и непозволительнаго, по крайней мѣрѣ. столь же мало страннаго, какъ и въ существованіи чувства, которымъ проверяется обязательность нравственнаго долга: оба они доставляютъ уму возможность рѣшить то, что остается неразрѣшимымъ для него, когда онъ руководится одними лишь эмпирическими чувствами, и оба внушаютъ уму такія истины, которыя находятся во взаимной связи.

То обстоятельство, что истина одушевленія другихъ людей проверяется нами не эмпирическими чувствами и умомъ, а другимъ путемъ, уже было отмѣчено въ философской литературѣ. Вотъ что пишетъ *Рилъ* въ своей „Теоріи науки“ ²⁾: „стоять за то, будто о существованіи подобныхъ намъ людей мы заключаемъ (а не воспринимаемъ этого непосредственно). Я думаю, однакожъ, что предположеніе это невѣрно... Не спорю, что, дѣйствительно, будетъ заключеніемъ по аналогіи, если изъ движеній очень низкаго разряда животныхъ, еще не обладающихъ центральной нервной системой, даже и дифференцированными органами чувствъ, мы заключаемъ о наличности психическихъ возбужденій, имѣющихъ съ нашими сознательными состояніями нѣкоторое, хотя бы даже и самое отдаленное сродство. Но сомнѣваюсь, чтобъ было простымъ аналогичнымъ заключеніемъ то, что побуждаетъ меня вѣрить въ душу собаки, такого животнаго, чьимъ душевнымъ заявленіямъ я могу сочувствовать, и еще сильнѣе сомнѣваюсь я въ этомъ относительно подобнаго заключенія о психической жизни моего

¹⁾ Вопросъ же, какъ мы впервые приходимъ къ идее нравственнаго долга, мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ неважный для нашей теперешней задачи.

²⁾ Цитируемъ по переводу *Корша*: „Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма“, Москва. 1887.

ближняго. Для постиженія нами психической внутренности другаго существа Клиффордъ ввелъ выраженіе *ejectiv* (самовыбрасываніе, переметъ себя въ другаго). И, на сколько рѣчь идетъ о различеніи этого рода познанія отъ объективной подмѣты, съ одной стороны, и отъ аналогичнаго заключенія, съ другой, я нахожу выборъ такого выраженія удачнымъ. Но тутъ есть нѣчто большее, нежели выбросъ самого себя въ чужое сознаніе,—тутъ дѣло въ настоящемъ соощеніи психической жизни другаго. Путемъ междосубъективныхъ или, какъ тоже называютъ ихъ, альтруистическихъ чувствъ, заготовъ устанавливается взаимная связь между нашимъ собственнымъ сознаніемъ и сознаніемъ нашего ближняго (упреждающая, стало быть, сознательность). Мы постигаемъ внутреннюю жизнь нашихъ ближнихъ почти непосредственно, по крайней мѣрѣ, до того еще, что сами создаемъ переносъ нашего собственнаго нутра въ другаго. Истинное, напри- мѣръ, участіе мы по этой непосредственности различаемъ отъ притворнаго. Мы страдаемъ внутри другаго существа, переставшаго чрезъ то быть намъ чуждымъ. Отъ подмѣчаемыхъ нами виѣшнихъ признаковъ душевныхъ движеній мы тотчасъ переходимъ къ тому, что ими обозначается. Едва ли можемъ мы изобразить это иначе, какъ именно такъ, что по поводу выраженія душевнаго волненія въ другомъ сознаніи мы переживаемъ съ нимъ это волненіе въ своемъ собственномъ. Мнѣ трудно повѣрить, чтобы младенецъ долженъ былъ цѣлымъ рядомъ опытовъ и на основаніи аналогическаго заключенія изучить смыслъ любовной материнской улыбки. Пусть уразумѣніе знаковъ душевнаго движенія основывается на опытахъ нашихъ предковъ,—чего я впрочемъ не принимаю,—но все-таки въ настоящее время оно должно быть прирождено намъ. Какъ бы то ни было однимъ *существованіемъ въ насъ альтруистическихъ чувствъ доказывается существованіе сочеловѣкова въ насъ*¹⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Ряля, первоначальнымъ источникомъ нашей идеи чужаго одушевленія служатъ альтруистическія чувства. Онъ говоритъ не столько о провѣркѣ реальности этой идеи, сколько объ ея генезисѣ, вѣриѣ—соединяетъ оба вопроса въ одинъ. Но мы раздѣлимъ ихъ, потому что вопросъ о генезисѣ этой идеи очень сложенъ, и для его рѣшенія нужно предварительно критически пересмотрѣть всѣ наши психологическія воззрѣнія, такъ какъ они переполнены догматическими примѣсами, которыя обусловливаются, напри-

¹⁾ Л. с. 198 и сл., курсивъ въ подлинникѣ.

мѣръ, догматическими предположеніями о времени и способѣ возникновенія душевной жизни и т. п.¹⁾). Поэтому мы будемъ говорить только о такомъ вопросѣ: что придаетъ непоколебимость нашему убѣжденію въ одушевленіи другихъ людей и чѣмъ проверить его, если мы узнали, что эта истина принадлежитъ къ числу теоретически недоказуемыхъ и что ее поэтому легко (теоретически) отрицать?

Поставивъ себѣ такой вопросъ, мы должны будемъ остановиться на нравственномъ чувствѣ²⁾: только оно одно и въ состояніи сдѣлать эту истину неоспоримой, внушить намъ непоколебимую вѣру въ нее; ибо мы безспорно допускаемъ обязательность нравственнаго долга, а послѣдняя совершенно немыслима безъ признанія чужаго одушевленія. Другія же чувства, если ихъ разсматривать независимо отъ всякихъ примѣсей нравственныхъ элементовъ, не въ состояніи убѣдить насъ въ существованіи чужаго одушевленія. Такъ, Риль упоминаетъ о сочувствіи. Конечно, по скольку оно повелѣвается нравственнымъ долгомъ, по стольку оно служить неоспоримымъ свидѣтельствомъ чужаго одушевленія. Но если мы станемъ разсматривать его само по себѣ, вполне независимо отъ всякаго отношенія къ нравственному долгу, то всѣ остальные явленія сочувствія могли бы переживаться нами безъ всякой мысли объ одушевленіи другихъ существъ. Дѣйствительно, если ребенокъ видитъ, что возлѣ него страдаетъ какое нибудь существо, котораго онъ еще не считаетъ одушевленнымъ, то онъ въ силу подражательности можетъ переживать тѣ же физиологическія состоянія, которыя переживаются этимъ существомъ; а такъ какъ съ ними связаны соотвѣтствующія психическія состоянія, то ребенокъ будетъ переживать состраданіе относительно такого существа, котораго онъ еще не считаетъ одушевленнымъ. Сынъ Дарвина, будучи всего лишь шести мѣсяцевъ, то-есть, когда онъ еще не могъ понимать значенія выраженія горя, по всѣмъ видимостямъ обнаруживалъ состраданіе, если видѣлъ плачущую кормилицу. Такъ не происходило ли это именно тѣмъ путемъ, какъ это сейчасъ было описано,—вслѣд-

¹⁾ Говоря раньше, какъ вѣрнѣе было бы представлять историческую сторону генезиса этого убѣжденія, мы уже упомянули, что онъ осложняется примѣсью къ дѣятельности эмпирическихъ чувствъ и ума еще дѣятельности другихъ душевныхъ способностей—метафизическаго чувства и наслѣдственныхъ ассоціацій. Тамъ же мы изложили дѣло такъ, какъ бы въ человѣкѣ происходили одни только теоретическіе процессы.

²⁾ Слово „Нравственное чувство“ мы употребляемъ въ широкомъ смыслѣ, такъ что подъ нимъ можно подразумѣвать и практическій разумъ Канта.

ствіе подражательности? Съ безусловной достовѣрностью нельзя сказать этого, ибо такая психологія есть палка о двухъ концахъ; но все-таки это болѣе чѣмъ возможно. Далѣе: многіе избѣгаютъ вида чужаго страданія, чувствуютъ какъ бы отвращеніе къ нему (избѣгаютъ даже разговора о немъ), и все это изъ боязни, что у нихъ, съчихъ наступятъ такіа же страданія. А одушевлено ли другое страдающее существо или нѣтъ, какъ тяжело ему,—объ этомъ они и не задумываются, и относятся къ нему самому вполне безучастно. Наоборотъ, всѣ любятъ веселыя лица, не людей, не радостныя души, а *лица*, потому что, глядя на нихъ, самому становится веселѣе, независимо отъ того, скрывается ли за ними истинное веселье или же полная душевная пустота ¹⁾). Значитъ, если я вступлю на путь теоретическихъ сомнѣній относительно существованія чужаго одушевленія, то тотъ фактъ, что я переживаю явленія сочувствія, взятый самъ по себѣ, помимо примѣса нравственнаго одобренія этимъ явленіямъ, не въ состояніи разсѣять моихъ сомнѣній: переживание этихъ явленій было бы возможно и безъ идеи чужаго одушевленія. Конечно, они усиливаются и чаще переживаются, если я вѣрю въ него; но они возможны и безъ этой вѣры. Сочувствіе питается ею, но само по себѣ не подтверждаетъ ея и не связано съ ней необходимымъ образомъ; напротивъ, всѣ явленія сочувствія могутъ переживаться нами (вълѣдствіе подражательности) безъ этой вѣры и, какъ показываютъ упомянутые случаи отвращенія къ виду чужихъ страданій и наслажденія веселыми лицами, въ дѣйствительности часто переживаются безъ всякаго помысла о чужомъ одушевленіи. Следовательно, сочувствіе само по себѣ не пригодно для того, чтобы сообщить непоколебимость нашему убѣжденію въ одушевленіи другихъ людей; и тотъ протестъ, который оказывается всѣмъ нашимъ существомъ попыткамъ поколебать это убѣжденіе, идетъ не со стороны сочувствія, а изъ другаго источника. Нравственное же чувство, хотя бы оно пробудилось въ самой неясной формѣ, безусловно пригодно для этой цѣли: нельзя даже смутно считать что либо нравственно обязательнымъ, если не допускать чужаго одушевленія; какъ только возникаетъ хотя бы самая темная мысль о существованіи чего-то нравственно-обязательнаго, такъ тотчасъ же должно быть и убѣжденіе въ существованіи чужаго одушевленія. Вѣдь обязательность нравственнаго долга немислима, если нѣтъ ни одного одушевленнаго существа,

¹⁾ Одна изъ причинъ, почему многіе любятъ общество дѣтей, хотя и не любятъ ихъ самихъ порознь; находясь въ немъ, мы и сами молодѣемъ.

кромя носителя этого долга: прямо или косвенно онъ всегда имѣть своимъ объектомъ одни лишь одушевленные существа.

Другія же чувства, кромѣ нравственнаго, правда, питаются и поддерживаются убѣжденіемъ въ одушевленіи другихъ людей; таковы — гнѣвъ, ¹⁾ честолюбіе, ненависть и т. п. Но сами по себѣ они не способны къ тому, чтобы сдѣлать его устойчивымъ, непоколебимымъ. Этому препятствуетъ уже то, что они переживаются далеко не всѣми лицами и не всегда, а только спорадически. Изъ всѣхъ чувствъ была бы, повидимому, наиболее пригодной для этой цѣли любовь. Конечно, если мы возьмемъ тѣ виды любви, въ которыхъ это чувство перестаетъ отличаться отъ безпрепятственной дѣятельности нравственнаго чувства, то любовь окажется немислимой безъ вѣры въ одушевление любимаго лица. То, что называютъ разумной (и что вѣрнѣе было бы называть нравственной) любовью матери къ дѣтямъ, мужчины къ женщинамъ и наоборотъ, дѣйствительно невозможно безъ этой вѣры. Но такая любовь сливается съ проявленіемъ нравственнаго чувства. Если же она отдѣляется отъ него и принимаетъ грубый, животный характеръ, то вѣра въ одушевление любимаго лица утрачиваетъ свое значеніе для любви ²⁾. Извѣстно, что грубо влюбленные часто домогаются обладанія, не заботясь о томъ, встрѣчаютъ ли они взаимность въ предметѣ своей любви. Значить, если бы онъ былъ или считался ими даже вполнѣ бездушнымъ (но по прежнему живымъ) существомъ, то все-таки не утратилъ бы для нихъ своей цѣны. Также врядъ ли возможно сомнѣваться, что животная любовь къ дѣтямъ, которая вся сводится на заботы объ одномъ лишь ихъ физическомъ благосостояніи, не нуждается въ вѣрѣ въ ихъ одушевленіе. Подобное убѣжденіе неотдѣлимо отъ любви лишь тогда, когда она проникнута и регулируется примѣсью моральныхъ элементовъ, напримѣръ, уваженіемъ къ чужой личности (даже и дѣтей можно уважать, именно какъ существа, стоящія выше нашего произвола и налагающія на насъ физическія обязанности и заботы и при томъ не объ одномъ лишь физическомъ, но и объ ихъ моральномъ благосостояніи). Да и въ какомъ видѣ могла бы существовать любовь, еслибы въ насъ не было ровно никакихъ, даже самыхъ смутныхъ, нравственныхъ побужденій? На

¹⁾ Впрочемъ, можно гнѣваться и на неодушевленные предметы съ полнымъ сознаніемъ ихъ бездушности: такъ, гнѣвно ломаютъ дурное перо и т.

²⁾ А русскій народъ создалъ даже выраженія, которыя прямо говорятъ о любви къ бездушнымъ предметамъ. Саложникъ, по словамъ Толстаго, любить сапогъ, надъ которымъ работаетъ.

основаніи только что сказаннаго надо думать, что еслибы она и существовала (ибо и это еще неизвѣстно), то ограничивалась бы лишь слѣплыми влеченіями къ извѣстнымъ дѣйствіямъ и взаимоотношеніямъ, въ родѣ питанія и защиты дѣтенышей, обладанія самкой и т. п., то-есть, такими же влеченіями, какія мы рисуемъ себѣ, когда говоримъ объ инстинктѣ животныхъ, напримѣръ, когда говоримъ, что птица, выросшая въ неволѣ, строить бесполезное для нея гнѣздо подъ вліяніемъ инстинкта. А эти *слѣпые* влеченія, разумѣется, сами по себѣ не въ состояніи ни пробудить, ни подкрѣпить убѣжденія въ чужомъ одушевленіи.

Во всякомъ случаѣ, если мы даже и допустимъ, что любовь, взятая безъ всякой примѣси нравственныхъ элементовъ, всегда сопровождается идеей одушевленія любимаго лица, то все-таки нельзя будетъ сказать, что она-то именно и дѣлаетъ эту идею непоколебимой и неоспоримой. Мы вѣдь, хотя иногда и подчиняемся такой любви, все-таки не считаемъ ея обязательной для себя, а потому не можемъ считать неоспоримыми и обязательными и тѣхъ мыслей, которыя сопровождаютъ ее. Бываютъ даже такіе случаи, когда человѣкъ сознаетъ всю ложь подобныхъ мыслей. Такъ, любовь побуждаетъ насъ идеализировать любимое лице; но, испытывая это побужденіе, влюбленные въ то же время могутъ понимать, что предметъ ихъ любви заслуживаетъ не идеализации, а прямо презрѣнія. По крайней мѣрѣ, романисты описываютъ подобные случаи, и всякій, кому случалось бороться со своимъ пристрастіемъ къ тому или другому человѣку (случай, однородный съ тѣми), знаетъ, что въ ихъ описаніяхъ нѣтъ ничего психически невозможнаго. Поэтому, если мы испытываемъ, что все наше существо не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ существованіи чужаго одушевленія, то это происходитъ не отъ любви—по крайней мѣрѣ, не отъ той любви, которая чужда примѣси нравственныхъ элементовъ. А мы ужъ не говоримъ о томъ, что подобная любовь не переживается нами непрерывно, въ любое время, а сравнительно рѣдко; признаніе же обязательности нравственнаго долга и дѣятельности нравственнаго чувства всегда стоять наготовѣ. Значить, естественнѣе всего предположить, что оно-то именно и возмущается, когда мы пытаемся отказаться отъ убѣжденія въ одушевленіи другихъ людей; оно-то и дѣлаетъ эти попытки безплодными и противорѣчащими всему нашему существу.

Такимъ образомъ то, что мы назвали метафизическимъ чувствомъ, и нравственное чувство приходится разсматривать, какъ одно и то же,

то-есть, считать метафизическое чувство неотдѣлимой стороной нравственнаго, именно—какъ бы его познавательной стороной: само нравственное чувство навязываетъ намъ лишь признаніе обязательности нравственнаго долга, то-есть, особый видъ оцѣнки настроеній и актовъ нашей воли, а эта сторона нравственнаго чувства раскрываетъ намъ, относительно кого именно имѣемъ мы нравственные обязанности. Относительно нравственнаго чувства не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что его дѣятельность неотдѣлима отъ дѣятельности метафизическаго чувства: вѣдь признаніе обязательности нравственнаго долга немислимо безъ признанія существованія одушевленія помимо меня (то-есть, безъ положительнаго приговора со стороны метафизическаго чувства). Можно только сомнѣваться, не дѣйствуетъ ли метафизическое чувство независимо отъ нравственнаго? Можетъ быть, переживаемое нами противодѣйствіе (о которомъ мы упоминали раньше) со стороны всего нашего существа сомнѣніямъ въ одушевленіи другихъ людей зависить отъ того, что у насъ существуетъ особый органъ познанія, который могъ бы дѣйствовать даже и въ томъ случаѣ, если бы въ насъ не было никакихъ нравственныхъ задатковъ, и показанія котораго, напротивъ, обуславливаютъ возможность дѣятельности нравственнаго чувства, а сверхъ того питаютъ и поддерживаютъ другія чувства—симпатію, любовь, гнѣвъ и т. п. Но слѣдующія соображенія говорятъ за то, что и метафизическое чувство въ свою очередь неотдѣлимо отъ нравственнаго и что дѣятельность перваго надо разсматривать, какъ одну изъ сторонъ послѣдняго:

1) Прежде всего отмѣтимъ, что мы не сознаемъ обособленности метафизическаго чувства: потому-то оно и не попадаетъ никогда ни подъ какимъ названіемъ въ психологическихъ перечняхъ нашихъ чувствъ. А что же это за *особое* чувство, *обособленность* котораго не сознается нами? Гнѣвъ мы потому должны считать чувствомъ, обособленнымъ отъ удивленія, что сознаемъ ихъ обособленность, то-есть, ихъ качественное отличіе другъ отъ друга; отличія же метафизическаго чувства отъ другихъ мы не сознаемъ. Правда, это обстоятельство можно истолковать иначе: было въ исторіи психологій время, когда не отличали моторнаго чувства отъ осязательнаго. Причиной этому служило то, что первое при обычномъ самонаблюденіи крайне трудно сознать особо отъ осязательнаго чувства: для этого требуются или какіе либо искусственные приемы самонаблюденія, или же тѣ болѣзненные явленія, при которыхъ исчезаетъ одно изъ этихъ чувствъ въ то время, когда сохраняется другое. Такъ точно вѣтъ ничего не-

мыслимаго и въ томъ, что обособленность метафизическаго чувства могла бы обнаружиться при какихъ либо еще неизвѣстныхъ намъ условіяхъ. Но во всякомъ случаѣ это не исключаетъ и обратной возможности, то-есть, того, что обособленность метафизическаго чувства не можетъ быть создана *ни при какихъ условіяхъ*. Поэтому возможность (хотя не необходимость) разсматривать его, какъ только одну изъ сторонъ нравственнаго чувства, остается еще ничѣмъ неопровергнутой.

2) Эта возможность подтверждается еще болѣе, когда мы обратимъ вниманіе на тотъ ходъ мысли, который приводитъ насъ къ предположенію метафизическаго чувства. Мы вынуждены были заключить о существованіи въ насъ „чего-то такого“, что заставляетъ насъ допускать чужое одушевленіе, и прежде всего, разумѣется, одушевленіе другихъ людей (ибо оказалось невозможнымъ уничтожить въ себѣ именно убѣжденіе въ ихъ одушевленіи); и вотъ это-то „что-то такое“ мы и назвали метафизическимъ чувствомъ. Но мы при этомъ еще не довели до конца своей задачи: вѣдь мы еще не рѣшали, составляетъ ли это „что-то такое“ совершенно особое ото всѣхъ другихъ чувство, или же совпадаетъ съ какимъ нибудь изъ нихъ, какъ его неотдѣлимая сторона. Мы убѣдились только въ томъ, что оно не совпадаетъ ни съ эмпирическими чувствами, ни съ умомъ; ибо эти способности оказываются вполне безсильными для того, чтобы навязать намъ убѣжденіе въ существованіи чужаго одушевленія. Но не совпадаетъ ли оно съ нравственнымъ чувствомъ, объ этомъ мы тогда не заводили никакой рѣчи. А между тѣмъ нравственное чувство оказывается отнюдь не безсильнымъ, но *вполнѣ достаточнымъ* для того, чтобы навязать намъ требуемое убѣжденіе. Поэтому вѣрнѣе всего разсматривать метафизическое чувство, какъ одну изъ сторонъ нравственнаго. Для эмпирическихъ чувствъ и ума, говоримъ мы, вопросъ о чужомъ одушевленіи оказался неразрѣшимымъ, но *все наше существо* навязываетъ намъ убѣжденіе въ существованіи другихъ одушевленныхъ существъ, и при томъ навязываетъ иначе, чѣмъ это могли бы сдѣлать неразрывныя ассоціаціи. Слѣдовательно, говоримъ мы, въ составъ *всего* нашего существа, кромѣ эмпирическихъ чувствъ и ума, входитъ еще что-то особое, съ ними не совпадающее и навязывающее намъ это убѣжденіе. Это и есть метафизическое чувство. Но вѣдь, кромѣ эмпирическихъ чувствъ и ума, въ составъ нашего существа входитъ, сверхъ способностей гнѣва, любви, симпатіи и т. п. чувствованій, еще нравственное чувство; и оно вполнѣ пригодно, чтобы непреодолимымъ

образомъ навязывать намъ это убѣжденіе. Слѣдовательно, предположенная нами дѣятельность метафизическаго чувства выходитъ голосомъ нравственнаго чувства.

3) Подобно тому, какъ мы должны признавать одушевленными всѣ тѣ существа, относительно которыхъ мы имѣемъ нравственныя обязанности, такъ точно и наоборотъ — наши нравственныя обязанности существуютъ относительно всѣхъ тѣхъ существъ, которыя мы считаемъ одушевленными: вѣдь коль скоро животное одушевлено, то оно ею *ipso* является объектомъ нѣкоторыхъ нравственныхъ обязанностей (напримѣръ, обязанности не подвергать его мученіямъ ради забавы и т. п.)¹⁾. Такимъ образомъ та сфера, на которую распространяется положительный приговоръ метафизическаго чувства (признаніе даннаго существа одушевленнымъ), какъ разъ совпадаетъ со сферой положительнаго же приговора нравственнаго чувства (со сферой тѣхъ объектовъ, относительно которыхъ существуетъ нравственный долгъ); а развѣ это не указываетъ на то, что оба приговора возникаютъ изъ одного и того же источника, то-есть, признаніе чужаго одушевленія, если и не порождается, то во всякомъ случаѣ *проистъкаетъ* нами посредствомъ нравственнаго чувства? Еслибы мы допускали такіа одушевленные существа, относительно которыхъ у насъ нѣтъ никакихъ нравственныхъ обязанностей, то это показывало бы возможность дѣятельности одного лишь метафизическаго чувства помимо дѣятельности нравственнаго и не было бы основанія, которое уполномочивало бы насъ разсматривать обѣ дѣятельности, какъ слитыя между собой. Но въ дѣйствительности дѣло стоитъ иначе.

Итакъ, вѣрнѣе всего считать метафизическое чувство одной изъ сторонъ нравственнаго. Конечно, это не будетъ вполнѣ необходимымъ, если мы не допускаемъ, что мы имѣемъ нравственныя обязанности относительно *всѣхъ* безъ изъятія одушевленныхъ существъ. Но мы не будемъ разсматривать этого вопроса, ибо рѣшеніе его, очевидно, не легко, да и выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія, которое имѣетъ въ виду главнымъ образомъ не этическія и не психологическія, но гносеологическія задачи²⁾. Поэтому перейдемъ прямо къ слѣ-

¹⁾ Разсуждая о неотдѣлимости метафизическаго чувства отъ нравственнаго, мы имѣемъ и должны имѣть въ виду не то, что дѣлается людьми, а то, что они *обязаны* дѣлать, хотя бы это часто не исполнялось, потому ли что они еще не поняли этой обязанности, или же умышленно заглушаютъ въ себѣ ея сознаніе, и т. п.

²⁾ Отъ рѣшенія *этическаго* вопроса: распространяется ли кругъ нашихъ нравственныхъ обязанностей на *всѣ* одушевленные существа, зависитъ рѣшеніе

дующему указанію: если и допустить метафизическое чувство, которое было бы вполне самостоятельно относительно нравственнаго, то во всякомъ случаѣ его приговоры нуждались бы еще въ особомъ подтвержденіи со стороны послѣдняго.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ даже, что результатомъ дѣятельности метафизическаго чувства служить какой либо специфическій продуктъ въ родѣ того, какъ у мускульнаго чувства такимъ продуктомъ служатъ моторныя ощущенія, у слуховаго—звуковыя и т. д. Собственно говоря, это предположеніе нелѣпо, потому что мы не сознаемъ въ себѣ никакого *специфическаго* продукта, возникновеніе котораго слѣдовало бы приписать метафизическому чувству, и сколько бы мы ни анализировали наше убѣжденіе въ существованіи чужаго одушевленія, мы никогда не встрѣтимъ въ немъ ничего подобнаго. Но допустимъ и это. Что же, въ состояніи ли одно лишь существованіе подобнаго специфическаго продукта, который можно было бы назвать метафизическимъ *ощущеніемъ* или ощущеніемъ чужаго одушевленія, внушить намъ увѣренность въ объективномъ значеніи этого продукта? Вѣдь ясно, что такое ощущеніе, равно какъ и всѣ другія (звуковыя, зрительныя и т. д.), можетъ имѣть только субъективное значеніе, ибо оно, также какъ и послѣднія, составляетъ продуктъ *моею же* сознанія; поэтому я не могу приписывать этого ощущенія тому, что находится *вне* моего сознанія, совершенно также, какъ я не въ правѣ дѣлать это относительно цвѣтовъ, звуковъ и т. п.; и въ томъ и въ другомъ случаѣ я не въ правѣ допускать, чтобы ощущенія были адекватными изображеніями того, что лежитъ за предѣлами сознанія, а съ нимъ — и всѣхъ ощущеній.

Но въ дѣйствительности дѣло стоитъ еще хуже: метафизическому чувству, если допустить его обособленность отъ нравственнаго, нельзя приписать никакого подобнаго специфическаго ощущенія. Въ чемъ же тогда состоятъ результатъ его дѣятельности? Очевидно, только въ томъ, что оно навязываетъ нашему уму неискоренимую мысль о существованіи чужаго одушевленія, такую мысль, которая, хотя и не опровергается опытомъ, но и не доказывается имъ. Слѣдовательно, эту мысль можно разсматривать, какъ одну изъ неэмпирическихъ, прирожденныхъ намъ независимо отъ вліянія нашего опыта.

вопроса: надо ли разсматривать метафизическое чувство, какъ обособленное отъ нравственнаго, или же какъ одну изъ сторонъ послѣдняго. А этотъ вопросъ, очевидно, имѣетъ психологическій характеръ.

При этомъ она можетъ быть прирождена только въ двухъ видахъ: или какъ апіорная, или какъ неапіорная. По поводу этого дѣленія надо сдѣлать маленькую оговорку. Обыкновенно смѣшиваютъ оба термина: прирожденный и апіорный, и все, что прирождено, называютъ апіорнымъ и наоборотъ, такъ что дѣлаютъ оба слова равнозначимыми. Такое смѣшеніе установилось издавна, подъ вліяніемъ не личнаго произвола того или другаго автора, а исторически сложившихся причинъ, и потому смѣшно упрекать за него. Къ тому же слова суть условные знаки понятій, и ничто не мѣшаетъ намъ употреблять ихъ въ какомъ угодно смыслѣ. Но смѣшеніе словъ не должно уничтожать различія понятій; а неэмпирическія или, если угодно, прирожденные идеи могутъ быть неоднородны между собой. Про одніе изъ нихъ Кантъ (справедливо или нѣтъ, въ данномъ случаѣ для насъ это безразлично) утверждалъ, что онѣ служатъ или условіями всякаго возможнаго опыта (апіорныя понятія), или же его необходимыми формами (пространство и время); онѣ, по его словамъ, создаютъ объективное значеніе опыта, и поэтому обязательно реализуются въ опытѣ.

Вотъ такіе-то идеи изъ числа прирожденных мы условливаемся называть апіорными, а всѣ прочія неэмпирическія идеи неапіорными. Многое можетъ быть прирождено намъ, но не быть апіорнымъ въ указанномъ смыслѣ слова. Если во мнѣ существуютъ привычки къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, приобретенныя мной въ силу наслѣдственности, то онѣ прирождены мнѣ, но все-таки неапіорны; потому что онѣ не имѣютъ того значенія, которое, по словамъ Канта, присуще идеямъ пространства, времени, причинности и т. д. Подобнымъ же образомъ и нравственный законъ, который Кантъ называетъ апіорнымъ, нельзя такъ называть въ установленномъ нами смыслѣ этого слова, ибо неэмпиричность нравственнаго закона имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ неэмпиричность допускаемой Кантомъ апіорной идеи причинности и т. п. ¹⁾). И нѣтъ ничего немыслимаго

¹⁾ Самъ Кантъ, употребляя слово „апіорный“ въ разныхъ значеніяхъ, былъ виновникомъ того смѣшенія словъ, на которое мы указываемъ. Но дѣло не ограничивается смѣшеніемъ словъ, а распространяется также и на понятія. Въ доказательство можно сослаться на полемику Гельгольца, которую онъ ведетъ въ своихъ „Die Thatsachen in der Wahrnehmung“ (Berlin, 1879, стр. 62) противъ Канта. Онъ высказываетъ тамъ такую мысль: если разсматривать аксіомы геометріи также, какъ и Кантъ, то-есть, приписывать имъ то, что мы условились называть апіорностью, то все-таки ихъ реальность должна еще быть оправдана опытомъ. Между тѣмъ ихъ апіорность (въ указанномъ смыслѣ) можно, вѣчно, призна-

въ существованіи такихъ идей, которыя были бы прирождены всѣмъ людямъ безъ исключенія, но все-таки не были бы апіорными.

Допустимъ же, что результатъ дѣятельности метафизическаго чувства является въ видѣ неапіорной прирожденной идеи. Ясное дѣло, что, взятая сама по себѣ, она не будетъ содержать въ себѣ никакого ручательства за свою объективную реальность. Нахожденіе идеи въ нашемъ сознаніи еще не спасаетъ ея отъ нашихъ сомнѣній, и всегда легко можетъ быть истолковано, какъ результатъ нашихъ чисто субъективныхъ особенностей. Для своего оправданія она нуждается въ какомъ либо особомъ подтвержденіи. Если же эта идея будетъ изъ числа апіорныхъ, то за ней, конечно, будетъ обезпечена ея *эмпирическая* (но не трансцендентная) реальность, ибо всякая апіорная идея, составляя субъективное условіе возможности доступнаго для насъ опыта, eo ipso должна *являться* реализованной въ опытѣ. Напримѣръ, если время составляетъ субъективное (то-есть, зависящее отъ организаціи нашего сознанія) условіе возможности доступнаго для насъ опыта, (то-есть, такое условіе, безъ подчиненія которому ни одинъ объектъ не можетъ сдѣлаться предметомъ доступнаго для насъ опыта), то, естественно, всякій предметъ опыта будетъ *являться* намъ не иначе, какъ во времени, хотя бы скрывающаяся зади него вещь въ себѣ была бы чужда временныхъ отношеній. Но вотъ вопросъ: гдѣ, то-есть, въ какихъ предѣлахъ обезпечена реальность апіорныхъ идей? *Только* въ предѣлахъ опыта, то-есть, въ томъ, что сознается мной или воспринимается мной посредствомъ эмпирическихъ чувствъ, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. А имѣютъ ли онѣ значеніе для того, что скрывается за предѣлами моего сознанія и существуетъ не въ немъ, какъ его объективированное или субъективированное состояніе, но само по себѣ? ¹⁾ Это еще неизвѣстно, и распространять значеніе апіорныхъ идей за предѣлы опыта у насъ нѣтъ еще никакого основанія. Въдѣ

вать и не признавать; но разъ она допущена, то уже по самому понятію апіорности должна быть признана имъ эмпирическая (но не трансцендентная) реальность.

¹⁾ Весь внѣшній міръ складывается изъ ощущеній, которыя по законамъ нашего сознанія неизбѣжно сознаются нами, какъ объективные, то-есть, какъ бы находящіеся помимо насъ; ощущенія же суть состоянія нашего сознанія; слѣдовательно, весь матеріалъ внѣшняго міра состоитъ изъ объективированныхъ состояній сознанія. Внутренній же складывается изъ такихъ состояній сознанія, которыя сознаются нами, какъ субъективные.

ихъ реальность для опыта обезпечена именно тѣмъ, что онѣ *субъективныя* (зависящія отъ моего *сознанія*) условія доступнаго для моего сознанія опыта; поэтому онѣ *должны* отпечататься во всемъ томъ, что *является* или *могло бы* (напримѣръ, при изопреніи моихъ чувствъ и т. п.) явиться мнѣ въ доступномъ для меня опытѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ отпечатались также и за его предѣлами: въ опытѣ онѣ должны отпечататься, ибо онъ есть состояніе нашего сознанія и долженъ подчиняться условіямъ доступности для сознанія, то-есть, содержанію апіорныхъ идей; но то, что лежитъ за предѣлами опыта, остается внѣ сознанія и не обязано подчиняться *субъективнымъ* условіямъ доступнаго для насъ опыта ¹⁾. Достоверная реальность апіорныхъ идей уже по самому понятію ихъ ограничивается только предѣлами опыта, но не распространяется на то, что остается внѣ него. И что же будетъ, если убѣжденіе о существованіи чужаго одушевленія принадлежитъ къ числу апіорныхъ идей? Она *должна* быть реализована въ *опытѣ*. А такъ какъ чужое одушевленіе фактически остается за предѣлами опыта, то значить, если мы допустимъ апіорность этой идеи, ея реализація въ опытѣ можетъ обнаружиться только слѣдующимъ образомъ: въ составъ опыта *должны* входить, между прочимъ, и такія существа, которыя будутъ неизбѣжно вполне похожи на меня, и при томъ на столько, что я всегда, безъ всякихъ противорѣчій съ данными опыта и очень легко могу считать ихъ одушевленными. Но будутъ ли они таковы на самомъ дѣлѣ, это еще неизвѣстно, потому что чужое одушевленіе лежитъ, все-таки, за предѣлами опыта; а на эту область еще не распространяется достоверная власть апіорныхъ идей.

Такимъ образомъ, въ какомъ бы видѣ мы ни представляли себѣ результатъ дѣятельности самостоятельнаго метафизическаго чувства, его приговоры, взятые сами по себѣ, оказываются недостаточными для того, чтобы придать неоспоримость убѣжденію въ существованіи чужаго одушевленія; поэтому послѣднее во всякомъ случаѣ нуждается въ подтвержденіи со стороны нравственнаго чувства. Только при такихъ условіяхъ можетъ это убѣжденіе быть неоспоримымъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ его легко отвергнуть. Но, скажутъ намъ,

¹⁾ Поэтому Кантъ прямо утверждалъ, что вещи въ себѣ не подчинены апіорнымъ идеямъ, напримѣръ, онѣ внѣ времени и пространства. Но для подобнаго утвержденія, конечно, нужны особыя основанія; а пока ихъ нѣтъ, мы должны говорить только, что еще *не извѣстно*, реализованы ли апіорныя идеи въ вещахъ въ себѣ, или же нѣтъ.

вѣдь и основной приговоръ нравственнаго чувства (о необходимости признавать нравственный долгъ вообще) тоже ровно ничѣмъ не можетъ быть доказанъ; напротивъ, если кто станетъ его оспаривать, то такой отрицатель не можетъ быть опровергнутъ. Этотъ приговоръ долженъ быть признанъ на вѣру. А если такъ, то и все то, что оправдывается однимъ лишь нравственнымъ чувствомъ, есть вѣра, а не знаніе. Поэтому и признаніе чужаго одушевленія составляетъ, все-таки, одну лишь вѣру, которая еще нуждается въ оправданіи. Почему же въ такомъ случаѣ мы дѣлаемъ разницу между приговорами обособленнаго метафизическаго чувства и приговорами нравственнаго? Почему мы первые считаемъ недостаточными?

Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, на всякій случай предупредимъ читателя, чтобы онъ не навязывалъ критической философіи такихъ задачъ, которыхъ она не обязана рѣшать. Ея первая и главнѣйшая задача состоитъ въ изслѣдованіи тѣхъ идей, которымъ мы склоняемся приписывать значеніе познанія. При этомъ мы должны объяснить также, что именно побуждаетъ насъ приписывать имъ такое значеніе; какова *сравнительная* степень ихъ обязательности или достовѣрности; какимъ путемъ можетъ быть повышена та и другая и т. п. И очень часто критико-философскія изслѣдованія должны закончиться рѣшеніемъ этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ (къ числу послѣднихъ мы относимъ, напримѣръ, такіе: опредѣленіе генезиса идей, ихъ вліянія другъ на друга и на общій характеръ нашего міровоззрѣнія, оцѣнку ихъ пригодности, какъ вспомогательныхъ или регулятивныхъ принциповъ, и т. п.). Требовать же отъ критической философіи, чтобы она непременно, во что бы то ни стало, изслѣдовала не только наши идеи, но и ихъ объекты, и обязательно доказывала ихъ реальность, логически непозволительно, ибо это значило бы заранѣе, догматически, предрѣшать ходъ ея изслѣдованій: нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что реальность нѣкоторыхъ идей останется навсегда теоретически недоказуемой. Такъ именно и стоитъ дѣло въ данномъ случаѣ: существованіе чужаго одушевленія теоретически недоказуемо. А коль скоро это установлено, то задача критической философіи ограничивается только тѣмъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ именно можно придать наибольшую твердость убѣжденію въ его существованіи (и другими вопросами въ родѣ сейчасъ перечисленныхъ нами). Поэтому единственно, въ чемъ можно требовать отъ насъ отчета, это—почему мы думаемъ, что нравственное чувство придаетъ больше твердости нашему убѣжденію въ существованіи чужаго одушевленія, чѣмъ при-

говору самостоятельнаго (обособленнаго отъ нравственнаго) метафизическаго чувства?

Но не трудно оправдать наше мнѣніе: исторія мышленія даетъ для этого достаточный матеріалъ. Извѣстно, что человѣческій умъ приписываетъ объективное значеніе специфическимъ продуктамъ нашихъ чувствъ (напримѣръ, зрительнымъ ощущеніямъ) только на низшихъ ступеняхъ своего развитія, именно—когда онъ еще находится на уровнѣ такъ называемаго наивнаго реализма. Но какъ только онъ начинаетъ размышлять о достовѣрности своихъ воззрѣній, такъ тотчасъ же разрушаетъ точку зрѣнія наивнаго реализма и *сомнивается* въ объективномъ значеніи специфическихъ продуктовъ чувствъ, даже прямо не довѣряетъ имъ. Поэтому, еслибы у метафизическаго чувства былъ найденъ подобный специфическій продуктъ, то его объективное значеніе тотчасъ же было бы подвергнуто сомнѣнію. Далѣе, природнымъ неаприорнымъ идеямъ человѣческій умъ довѣряетъ нѣсколько дольше, чѣмъ объективному значенію ощущеній, но все-таки въ концѣ концовъ начинаетъ сомнѣваться въ ихъ соотвѣтствіи дѣйствительности и догадывается, что оно еще должно быть какъ нибудь проверено. Что же касается до априорныхъ идей, то мы начинаемъ сомнѣваться въ ихъ трансцендентномъ значеніи тотчасъ же, какъ только усвоимъ понятіе априорности. Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ разумъ переходитъ съ низшаго уровня развитія къ высшему, въ немъ постепенно усиливается строгость къ оцѣнкѣ теоретическихъ доводовъ и возрастаютъ сомнѣнія относительно реальности всѣхъ продуктовъ, которые можно было бы поставить за счетъ обособленнаго метафизическаго чувства.

Но иначе относится онъ къ приговорамъ нравственнаго чувства. Чѣмъ выше стоитъ человѣкъ въ умственномъ отношеніи, тѣмъ тщательнѣе отличается онъ нравственную обязанность отъ всякой другой. Сначала приговоры нравственнаго чувства, какъ показываетъ исторія этики, непрерывно смѣшиваются съ правилами благоразумія, съ различными исторически сложившимся взглядами, обычаями и т. п.; поэтому, оспаривая послѣдніе, разумъ часто, даже не замѣчая того, оспариваетъ и нравственность. Такъ поступали софисты. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе обособляется область чистой нравственности. И замѣчательно, что въ это время уже не возникаетъ никакихъ сомнѣній въ ея обязательности. Напротивъ, обязанности нравственнаго долга довѣряютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ тщательнѣе отличаютъ нравственное отъ всего того, что похоже на него, но еще не тождественно съ нимъ:

для доказательства достаточно сослаться на Канта, Фихте и др.; въ чемъ только ни сомнѣвались они, но не рѣшались распространять своихъ сомнѣній на обязательность нравственнаго долга ¹⁾).

Вотъ почему мы приписываемъ санкціи нравственнаго чувства гораздо больше значенія, чѣмъ какимъ бы то ни было приговорамъ обособленнаго метафизическаго чувства. Въ послѣднихъ мнѣ легко сомнѣваться, но я не могу отказаться отъ признанія нравственнаго долга. А такъ какъ онъ подразумеваетъ существованіе чужаго одушевленія, то я не могу сомнѣваться и въ немъ. Конечно, подобное признаніе существованія чужаго одушевленія все-таки составляетъ вѣру, а не теоретически доказанный выводъ. Но это вѣра не слѣпая, а провѣренная, принятая не по рутинѣ, а хорошо обоснованная, и при томъ это такая вѣра, которая ничѣмъ не можетъ быть поколеблена: вѣдь теоретически признаніе чужаго одушевленія неопровержимо ровню на столько же, на сколько и его отрицаніе, такъ что единственнымъ средствомъ для опроверженія этой вѣры служить опроверженіе обязательности нравственнаго долга. А кто сумѣетъ это сдѣлать?

Метафизическаго чувства, которое было бы обособлено отъ нравственнаго, у насъ, навѣрное, нѣтъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ

¹⁾ Не служить ли опроверженіемъ этихъ словъ Мандевиль съ его этическимъ памфлетомъ: „Басня о пчелахъ“? Но, во первыхъ, еще трудно рѣшить, въ какой мѣрѣ онъ дѣйствительно bona fide отрицалъ обязательность нравственнаго долга. Его основная мысль сводится къ тому, что на самомъ дѣлѣ человѣческая дѣятельность руководится порочными желаніями и что добродѣтель была бы вредна для процвѣтанія цивилизаціи. Его цѣль состояла въ полемикѣ съ ученіемъ Schafftenburg, которое „представляло ту опасность, что человѣкъ удовольствуется наслажденіемъ сознанія того, что онъ обладаетъ благородными стремленіями, и насколько не позаботится о томъ, чтобы осуществить ихъ въ полезной дѣятельности“. (Подлинныя слова *Falckenberg*'а см. *Geschichte der neueren Philosophie*, Leipzig, 1886, стр. 151). Что же касается до его теоріи, то „едва ли можно говорить объ его собственной теоріи, ибо его многочисленные комментаріи, эссеисы и діалоги, посредствомъ которыхъ онъ впоследствии расширилъ до размѣра нѣсколькихъ томовъ свою Басню о пчелахъ, состоявшую первоначально всего лишь изъ нѣсколькихъ сотенъ строчекъ, таковы, что ихъ парадоксы слишкомъ мало связаны другъ съ другомъ, чтобы имѣть значеніе теоріи“ (Слова *Iodl*'а, см. *Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie*, B. I, Stuttgart, 1882, стр. 186). Вторыхъ, не надо упускать изъ виду способъ разсужденій Мандевила. Онъ таковъ: „то, что имѣетъ значеніе о такъ называемыхъ аскетическихъ добродѣтеляхъ, онъ тотчасъ же распространяетъ на все нравственное“ (*Iodl*, *ibid.*, 1871). „Это было замѣчено и выставлено противъ Мандевила еще Адамомъ Смитомъ въ *Theory of moral sentiments*. р. VII, sect. II, chap. 4“ (*Iodl*, *ibid.*, стр. 406).

основаній допускать его. Но какъ бы то ни было, само же нравственное чувство и служить органомъ метафизическаго познанія: оно внушаетъ намъ столь неоспоримыя идеи, какъ убѣжденіе въ существованіи чужаго одушевленія. Эта идея неоспорима какъ въ томъ смыслѣ, что она не можетъ быть опровергнута никакими теоретическими аргументами, такъ и въ томъ, что человѣкъ подѣ влияніемъ нравственнаго чувства непрерывно противится ея отрицанію всѣмъ своимъ существомъ, а потому никогда не откажется отъ нея. А чѣмъ отличается такое убѣжденіе отъ многихъ такъ называемыхъ научныхъ воззрѣній? Строго говоря, ничѣмъ. Вѣдь очень часто въ основѣ этихъ воззрѣній, какъ показываетъ критико-философскій анализъ, лежатъ метафизическія предпосылки, которыхъ нельзя опровергнуть опытомъ, но нельзя и доказать имъ. Напримѣръ, все современное научное міровоззрѣніе отличается механическимъ характеромъ: оно насквозь пропитано атомистическою теоріей; даже тѣ, кто не рѣшается объявить ее неоспоримой (и напрасно: она дѣйствительно теоретически неоспорима!), постоянно толкуютъ объ атомныхъ процессахъ, о молекулярныхъ измѣненіяхъ (напримѣръ, головного мозга, нервовъ и т. п.). Что же касается до атомизма, то онъ весь основанъ на предпосланномъ всѣмъ даннымъ опыта убѣжденіи, что сзади, какъ бы внутри, дѣйствительно наблюдаемыхъ нами измѣнчивыхъ тѣлъ скрывается вѣтъ всякаго опыта ихъ истинная неизмѣняемая сущность. Этой предпосылки нельзя опровергнуть, ибо ее всегда можно примирить съ опытомъ (приспособить къ нему при помощи добавочныхъ гипотезъ), но за то и нельзя доказать имъ (ибо въ опытѣ, если и не все течетъ, то все текуче, измѣнчиво). А ужъ однимъ этимъ обнаруживается метафизическій характеръ основной атомистической предпосылки ¹⁾. Бо-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. любой философскій анализъ атомизма, напримѣръ, *Stallo: La matière et la physique moderne*, *Страхова: Міръ какъ пѣзое и др.* Авторъ этихъ строкъ въ своей статьѣ „Къ вопросу о строеніи матеріи“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1890, №№ 6 и 7), разбирая химическій атомизмъ, старался въ немъ выставить на видъ слѣдующія гносеологическія особенности: основная метафизическая предпосылка химическаго атомизма *приспособляется* въ даннымъ опыта (для устраненія противорѣчія, неизбежно возникающаго между предположеніемъ неизмѣняемой сущности тѣлъ и ихъ фактически данною въ опытѣ химическою измѣнчивостію) посредствомъ множества вспомогательныхъ гипотезъ. Почти каждый классъ явленій вызываетъ въ атомизмѣ новую вспомогательную гипотезу. Это приспособленіе можно вести безъ конца, такъ что атомизмъ никогда не попадетъ въ противорѣчіе съ опытомъ и поэтому никогда не будетъ эмпирически опровергнутъ. Напротивъ, для тѣхъ, кто пропитанъ непоколебимомъ вѣрой въ основную

лѣе того, эта сущность, *обуславливая* пространственными взаимоотношеніями своихъ частицъ самое существованіе и дѣятельность нашихъ органовъ чувствъ, а съ ними и нашихъ ощущеній, ео ipso остается *навсегда* за предѣлами доступныхъ для насъ воспріятій, *какъ бы ни были изощрены* наши чувства. Чтобы сдѣлаться предметомъ возможнаго опыта, атомы нуждаются въ такихъ воспріятіяхъ, которыя совершались бы *безъ дѣятельности органовъ чувствъ*. А это служить неоспоримымъ признакомъ ихъ трансцендентно-метафизическаго характера. Чѣмъ же, спрашивается, отличается атомистическая теорія и обусловленные ею взгляды отъ воззрѣній на животный міръ, построенныхъ при помощи той точки зрѣнія, которую мы назвали психологической (то-есть, допускающей существованіе одушевленія помимо меня)? По отношенію къ теоріи познанія ровно ничѣмъ, ибо: 1) въ основѣ того и другаго мировоззрѣнія лежитъ метафизическая предпосылка; 2) оба одинаково не могутъ быть эмпирическимъ путемъ ни опровергнуты ни доказаны; 3) оба очень полезны и удобны для расширенія нашего познанія. Можно отмѣтить въ нихъ только одно отличіе: атомизму никто не довѣряетъ въ такой мѣрѣ, какъ идеѣ одушевленія другихъ людей. Такимъ образомъ, хотя послѣдняя идея въ концѣ концовъ и входитъ въ составъ вѣры, а не знанія, но такой вѣры, которая нисколько не отличается отъ того, что большинство считаетъ научнымъ воззрѣніемъ.

Болѣе того, эта идея пользуется и, очевидно, всегда будетъ пользоваться еще большимъ довѣріемъ, чѣмъ любое научное положеніе: даже математическія теоремы (чтобы не поднимать излишняго спора, не говоримъ—аксіомы, хотя, можетъ быть, это будетъ вѣрно и для нихъ) не считаются нами столь достовѣрными, какъ одушевленіе нашихъ ближнихъ. А между тѣмъ единственнымъ источникомъ этой достовѣрности можетъ служить только нравственное чувство. Не ясно ли отсюда, что этотъ органъ метафизическаго познанія *способенъ* доставлять намъ такія идеи, степень неоспоримости которыхъ превосходитъ неоспоримость любого научнаго положенія? А если такъ, то не въ правѣ ли мы надѣяться, что, подвергая тщательному изслѣдованію то, что подразумевается въ обязанности нравственнаго долга, то-есть, то, что Кантъ называлъ постулатами практическаго

атомистическій догматъ, подобное приспособленіе неизбежно будетъ казаться объясненіемъ фактовъ, то-есть, эмпирическимъ оправданіемъ атомистической теоріи; поэтому ихъ довѣріе къ ней будетъ непрерывно укрѣпляться.

разума, мы будемъ въ состояніи прочно рѣшать, хотъ нѣкоторые, метафизическіе вопросы, напримѣръ, о безсмертіи души, о существованіи Бога? Вѣдь они съ точки зрѣнія теоріи познанія однородны съ вопросомъ о существованіи чужаго одушевленія. Такъ возьмемъ вопросъ о существованіи Бога: 1) и тамъ и здѣсь дѣло идетъ о существованіи духовной дѣятельности; 2) и тамъ и здѣсь эта дѣятельность обнаруживается въ матеріальномъ мірѣ, но чужда логически необходимой связи съ его событіями, то-есть, способъ ея дѣйствія на него навсегда остается непонятнымъ; 3) какъ нельзя одними теоретическими доводами ни опровергнуть, ни доказать существованія чужаго одушевленія, такъ точно, какъ это показалъ Кантъ, подобными доводами нельзя ни опровергнуть, ни доказать существованія Бога; 4) подобно тому, какъ мы словно чувствуемъ присутствіе одушевленія въ окружающихъ насъ людяхъ, такъ точно если не всѣ, то очень многіе (хотя бы изрѣдка) чувствуютъ присутствіе Бога. Нужно немалое искусство, чтобы сумѣть описать, какъ именно это происходитъ, и не напомнить при этомъ ни ханжества, ни сентиментальности; да и, навѣрное, разныя лица переживаютъ это явленіе не при одинаковыхъ условіяхъ. Но несомнѣнно, что чувство близости Божества многими переживается: иначе чѣмъ бы поддерживалось религиозное чувство теперь, когда мы не только освободились отъ наслѣдственнаго трепета передъ природой, но уже выучились повѣловать ею, и когда вся наша жизнь сложилась такъ, что некогда и подумать о сверхчувственномъ мірѣ, развѣ что въ глубокой старости или во время опасной болѣзни? Что же касается до вопроса о безсмертіи души, то сразу видна его гносеологическая однородность съ вопросомъ о чужомъ одушевленіи: вѣдь первый есть часть втораго, именно вопросъ о послѣднемъ моментѣ существованія одушевленія.

Все это мы говоримъ затѣмъ, чтобы оправдать нашу надежду на возможность прочнаго рѣшенія метафизическихъ задачъ посредствомъ изученія постулатовъ нравственнаго чувства. Для той же цѣли отмѣтимъ также, что нѣкоторые вопросы метафизики находятся въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о существованіи чужаго одушевленія. Напримѣръ, при оцѣнкѣ реальности внѣшнихъ воспріятій ссылаются на социальный аргументъ: внѣшній міръ считается существующимъ, между прочимъ, потому, что онъ воспринимается не только мной, но также и другими существами. Но этотъ аргументъ можетъ имѣть надлежащую силу лишь въ томъ случаѣ, когда не только поставлено

въ сомнѣній убѣжденіе въ существованіи другихъ людей, но и узнано, что именно дѣлаетъ его несомнѣннымъ. Далѣе, нравственное чувство, принуждая насъ вѣрить въ существованіе чужаго одушевленія, этимъ самымъ заставляетъ вѣрить также и въ то, что міръ построенъ сообразно съ нравственными требованіями. Въ самомъ дѣлѣ, если я *долженъ* допускать чужое одушевленіе, то, спрашивается, какъ я *могу* это исполнить? Одушевленіе производится мной же самымъ тѣмъ путемъ, что составные элементы моей душевной жизни я переношу на другія существа. Разумѣется, прежде всего я могу ихъ перенести только на существа, наиболѣе сходныя со мной самимъ — на людей. Послѣ же того, какъ они одушевлены мной, я уже *теоретически* вынужденъ на основаніи аналогіи одушевлять и другія существа, болѣе или менѣе сходныя съ людьми ¹⁾. Неодушевленными останутся въ моихъ глазахъ только такія тѣла, которыя слишкомъ непохожи на людей. Такимъ образомъ нравственное чувство заставитъ меня только начать одушевленіе другихъ существъ; но съ кого именно оно будетъ начато и какъ далеко оно будетъ распространено мной, это зависить также отъ внѣшняго устройства различныхъ тѣлъ и отъ законовъ дѣятельности моего ума. Въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ этихъ факторовъ окажутся двѣ группы существъ: одни изъ нихъ я буду считать одушевленными; другія же останутся въ моихъ глазахъ неодушевленными. Конечно, и ихъ я могу одушевить, но я ничѣмъ еще не вынужденъ къ этому. А въ связи съ этимъ первыя являются прямыми объектами нравственныхъ обязанностей, а относительно другихъ мы вполне свободны: сами по себѣ они насъ ни къ чему не обязываютъ. Теперь: если я вѣрю требованіямъ нравственнаго чувства и если я поэтому вѣрю, что тѣ существа, которыя я одушевляю подъ его вліяніемъ, дѣйствительно одушевлены, а тѣ, которыхъ я ничѣмъ не вынужденъ одушевлять, дѣйствительно неодушевлены; то этимъ самымъ я вѣрю и тому, что меня не обманываетъ внѣшнее строеніе тѣлъ, что оно, дѣйствуя на меня въ связи съ законами теоретической дѣятельности моего ума, не навязываетъ мнѣ

¹⁾ Пока я отрицаю одушевленіе всюду, кромѣ самого себя, нѣтъ ни одного явленія, которое я былъ бы *обязанъ* разсматривать, какъ объективный признакъ одушевленія; но какъ только я примышу одушевленіе другимъ людямъ, такъ тотчасъ же нѣкоторыя тѣлесныя явленія окажутся стоящими въ постоянной связи съ душевными явленіями не только у меня, но и у всѣхъ людей; а потому по правиламъ индукціи ихъ надо будетъ разсматривать, какъ признаки одушевленія, и придется допускать послѣднее всюду, гдѣ найдутся такія явленія.

нравственныхъ обязанностей тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и не избавляетъ отъ нихъ тамъ, гдѣ я имъ подчиненъ. Такимъ образомъ, если я вѣрю въ одушевленіе другихъ существъ и дѣлаю это именно подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, то я долженъ вѣрить, что внѣшній строй вселенной приспособленъ къ тѣмъ же самымъ цѣлямъ, къ осуществленію которыхъ приближаетъ насъ и нравственное чувство. Эти цѣли могутъ быть мнѣ совершенно неизвѣстны, но я долженъ вѣрить такому приспособленію цѣлей природы къ цѣлямъ нравственности: я къ этому нравственно обязанъ, ибо эта вѣра подразумѣвается въ вѣрѣ въ существованіе чужаго одушевленія; а послѣдняя въ свою очередь подразумѣвается въ признаніи обязательности нравственнаго долга. Кто считаетъ послѣднюю истиной, тотъ долженъ считать истиной и указавшую нами телеологическую точку зрѣнія на міръ, и на наше мѣсто въ немъ ¹⁾).

Какъ видимъ, многіе метафизическіе вопросы или вполнѣ однородны въ гносеологическомъ отношеніи съ вопросомъ о чужомъ одушевленіи, или же тѣсно связаны съ нимъ. А этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ только требованіями нравственнаго чувства. Какъ же не надѣяться, что изученіемъ его постулатовъ можно будетъ рѣшить многіе метафизическіе вопросы и построить такимъ путемъ неоспоримую *систему* метафизики? Теоретическими средствами нельзя сдѣлать лишь перваго неоспоримаго шага за предѣлы опыта; но разъ только проложенъ туда путь, то онъ тотчасъ же развѣтвится на множество тропинокъ, которыя откроютъ намъ новую широкую область.

Насъ спросять, можетъ быть: чѣмъ же будетъ отличаться эта метафизика отъ прежней до-Кантовской, да и отъ той, которую пытался построить самъ Кантъ посредствомъ анализа постулатовъ практическаго разума, то-есть, тѣмъ самымъ методомъ, на который мы возлагаемъ такія надежды? Почему до сихъ поръ всѣ метафизическія системы были неубѣдительны, а мы надѣемся, что хотя и не сразу, но постепенно возникнетъ прочная, неоспоримая система? Что касается догматической, то-есть, до-Кантовской метафизики, то она слишкомъ рѣзко отличается отъ рекомендуемой нами. До Канта, не смотря на все разнообразіе направленій (раціонализма и эмпиризма, спиритуализма и матеріализма и т. д.), разнообразіе, столь сильное, что тогда уже исчерпали всѣ возможные виды метафизики, всегда пытались строить ее

Кстати, легко ли ее мыслить, не допуская существованія Бога?

однимъ и тѣмъ же путемъ—чисто-теоретически. Мысль о невозможности этого метода, можно сказать, даже и не приходила въ голову авторамъ метафизическихъ системъ: они допускали на вѣру, какъ догмать, теоретическую разрѣшимость вопросовъ метафизики. Но этимъ дѣло не ограничивалось. Такъ какъ въ дѣйствительности-то эти вопросы теоретически неразрѣшимы, то естественно, что то или другое изъ подобныхъ (чисто-теоретическихъ) рѣшеній не могло быть сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ. Если же каждая система являлась обязательной въ глазахъ своихъ послѣдователей, то это могло зависѣть (и на самомъ дѣлѣ зависѣло) только отъ того, что они исходили при ея построеніи изъ нѣкоторыхъ положеній, которыя казались имъ самимъ исполнѣ очевидными, сами собой разумѣющимися, въ дѣйствительности же были и неопровержимы и недоказуемы, такъ что ихъ можно было принять только на вѣру, какъ бы нѣкоторый догмать¹⁾. А въ зависимости отъ нихъ и вся метафизическая система пріобрѣтала чисто догматическій характеръ. Къ единственно возможному же способу ея проверки—посредствомъ постулатовъ нравственнаго чувства, тогда или

¹⁾ Такъ, для рационалистовъ казалось исполнѣ очевидной невозможность непосредственнаго взаимодействія души и матеріи, и это только потому, что его механизмъ непонятенъ для человѣческаго ума. Отсюда системы окказіонализма, престабилизма и т. д. Матеріалисты же, видя, какъ это непонятное взаимодействие *духовной* сущности съ матеріальной возникаетъ снова во всѣхъ системахъ при объясненіи психофизиологическихъ явленій (напримѣръ, въ окказіонализмѣ и въ престабилизмѣ оно возникаетъ въ видѣ дѣйствія *духовнаго* Бога на матерію), естественно должны были прійдти къ попыткѣ отбросить всякую духовную сущность, оставивъ одну матеріальную. При этомъ, конечно, надо было руководствоваться неопровержимымъ и недоказуемымъ положеніемъ, будто бы матерія способна порождать *всякія* явленія, въ томъ числѣ и душевныя. Принять его было не трудно, ибо основной принципъ этого положенія былъ въ духѣ времени. Вѣдь рационализмъ, отрицая существованіе того, что непонятно, то-есть, логически невыводимо, этимъ самымъ обнаруживалъ смѣшеніе логической возможности съ реальной, а про матерію нельзя сказать, что она не порождаетъ душевныхъ явленій, такъ что это порожденіе остается еще логически возможнымъ. Такимъ образомъ логическая возможность была принята за дѣйствительную способность. Противники же матеріализма, замѣчая, что порожденіе душевныхъ явленій матеріей тоже непонятно, основываясь на этомъ, пытались опровергнуть матеріализмъ (считая недѣйствительнымъ все то, что непонятно). И вотъ поднялся теоретическій неразрѣшимый споръ между матеріализмомъ и его противниками, гдѣ каждый принималъ ту или другую сторону въ зависимости отъ того, что ему казалось болѣе правды и очевиднымъ: считать ли непонятное недѣйствительнымъ (спиритуализмъ), или же логическую мыслимость *дѣйствительной способностью* (матеріализмъ).

совѣтъ не прибѣгали (напримѣръ, Декартъ, Спиноза), или же (въ спорахъ съ матеріализмомъ) не могли придать ему надлежащаго значенія, такъ какъ домогались чисто-теоретическаго рѣшенія вопросовъ метафизики; ссылки на требованія нравственнаго чувства дѣлались какъ бы безсознательно безъ пониманія того, что оно только и можетъ быть *единственнымъ* судьей въ этихъ вопросахъ. Въ иномъ положеніи будетъ находиться критическая метафизика. Сознавая теоретическую неразрѣшимость метафизическихъ вопросовъ и зная предѣлы нашего познанія, она будетъ застрахована отъ догматизма. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ей придется дѣлать выборъ изъ двухъ одинаково недоказуемыхъ и одинаково неопровержимыхъ отвѣтовъ, она сдѣлаетъ его въ зависимости отъ приговора нравственнаго чувства, а не въ зависимости отъ того, что въ данный моментъ и данному лицу кажется болѣе очевиднымъ. У нея всегда будетъ средство для провѣрки своихъ основположеній, а поэтому она будетъ отличаться неоспоримостью. Ученіе критической метафизики можетъ быть выражено въ такой схемѣ: вотъ такіе-то и такіе-то вопросы теоретически неразрѣшимы, такъ что на нихъ можно съ одинаковымъ правомъ отвѣчать и „да“, и „нѣтъ“; но нельзя было бы считать обязанности нравственнаго долга истинной и пришлось бы разсматривать ее, какъ бессмыслицу, если не признать такихъ-то и такихъ-то отвѣтовъ (напримѣръ, одушевленія другихъ людей); слѣдовательно, кто эту обязательность признаетъ истинной, долженъ признавать истинной также такія-то и такія-то метафизическія положенія. Такъ какъ ихъ теоретическая недоказуемость уже заранѣе выяснена, то и никакіе споры противъ нихъ невозможны, если сдѣлана достаточно ясной ихъ связь съ требованіями нравственнаго чувства.

Что же касается до Канта, то, конечно, ему-то и принадлежитъ идея критической метафизики. Но странное дѣло: въ то время, какъ въ другихъ наукахъ считается необходимымъ довольно продолжительное время для постепеннаго развитія той или другой правильной идеи, отъ философіи требуютъ, чтобы въ ней все дѣлалось какъ бы по волшебству, сразу, и начинаютъ подозрѣвать правильность идеи, если она еще не осуществлена на дѣлѣ. А между тѣмъ что же удивительнаго, если Кантъ указалъ единственно возможный путь для неоспоримой метафизики, но ему самому не удалось построить ея? Для этого были вѣскія причины. Самъ Кантъ по указанному имъ методу не нашелъ еще ни одного метафизическаго положенія, неоспоримость котораго была бы вѣтъ сомнѣній и которое служило бы нагляднымъ примѣромъ, сколь достовѣрны

могутъ быть положенія критической метафизики. Теперь же найдена такая истина: это—одушевленіе другихъ людей. Далѣе, Кантъ еще не имѣлъ въ рукахъ полнаго перечня теоретически неразрѣшимыхъ вопросовъ; а чѣмъ полнѣе будетъ оный, тѣмъ успѣшнѣе будетъ примѣненіе рекомендованнаго имъ метода, ибо послѣдній состоитъ именно въ рѣшеніи путемъ нравственныхъ требованій теоретически-неразрѣшимыхъ вопросовъ. Не ясно ли изъ всего этого, что неудача Канта ничего не говоритъ противъ его метода. Болѣе того, вполне возможно, что отъ его примѣненія и впредь придется долго ждать успѣха. Вѣдь нашъ умъ переполненъ различными недоказуемыми догматами, а каждый изъ нихъ съ логической необходимостью приводитъ къ строго определеннымъ метафизическимъ воззрѣніямъ, не всегда совпадающимъ съ критической метафизикой. Мы же, считая эти догматы данными опыта или *a priori* необходимыми истинами, относимся съ такимъ же довѣріемъ и къ вытекающей изъ нихъ метафизикѣ. Поэтому мы тотчасъ же отвергаемъ все, что противорѣчитъ ей, и требуемъ, чтобы всѣ философскія воззрѣнія непременно согласовались съ ней; въ противномъ случаѣ они будутъ казаться намъ беспочвенными; ибо мы считаемъ свои привычныя взгляды непреложною истиной и основными принципами всякой здоровой философіи. Въ дѣйствительности же они составляютъ обусловленную нашими догматами и развивающуюся подъ вліяніемъ опыта метафизику; и намъ совсѣмъ не приходится въ голову, что мы такимъ образомъ зачастую требуемъ согласованія разнородныхъ и даже діаметрально-противоположныхъ метафизическихъ системъ. Разъяснимъ все это на примѣрѣ.

Мы уже упоминали, что догматъ, допускающій сзади измѣнчивыхъ тѣлъ ихъ неизмѣняемую матеріальную сущность, подъ вліяніемъ данныхъ опыта приводитъ насъ къ атомизму ¹⁾. Оттого, исповѣдуя этотъ догматъ, мы, волей неволей, влечемся къ атомистическому мировоззрѣнію со всѣми его выводами. А такъ какъ мы не знаемъ о недоказуемости этого догмата, даже не даемъ себѣ въ немъ отчета (то-есть, не обращаемъ вниманія на него отдѣльно отъ вытекающихъ изъ него выводовъ), не знаемъ и того, что онъ-то именно (а не самъ опытъ, взятый въ чистомъ видѣ) приводитъ насъ къ атомизму, и въ то же время приходитъ къ послѣднему не иначе, какъ *подъ вліяніемъ опыта*; то намъ неизбежно кажется, будто бы реальность атомизма

¹⁾ Какъ въ единственно возможному средству *приспособить* этотъ догматъ къ даннымъ опыта, то-есть, сдѣлать ихъ мыслимыми на ряду съ этимъ догматомъ.

засвидѣтельствована самими фактами опыта ¹⁾. Поэтому, какъ бы ни противились атомистическому мировоззрѣнію нравственное чувство и его постулаты, мы тѣмъ не менѣе будемъ допускать его и ограничимся лишь искусственнымъ примиреніемъ перваго съ послѣдними. Чтобы отдѣлаться отъ такой некритической метафизики, намъ надо сперва вскрыть основной догматъ и весь генезисъ атомизма и убѣдиться въ недоказуемости его основной предпосылки: тогда мы уже будемъ въ состояніи рѣшать метафизическіе вопросы независимо отъ ея вліяній подъ руководствомъ одного лишь нравственнаго чувства. Но нашъ умъ переполненъ множествомъ подобныхъ (неопровержимыхъ, но и недоказуемыхъ) догматовъ, и въ то время, какъ одно лице раздѣляется съ одними изъ нихъ, другое отвергнетъ не тѣ же самые догматы, а другіе. Поэтому та метафизика, которая невольно, безъ научнаго изслѣдованія, а сама собой, создается подъ вліяніемъ нравственнаго чувства, у разныхъ лицъ приспособляется къ различнымъ догматическимъ примѣсямъ. Отсюда разнообразіе метафизическихъ направленій, каждое изъ которыхъ не сознаетъ ни своего догматизма, ни даже своей принадлежности къ метафизикѣ; напротивъ, каждое не только претендуетъ быть эмпирически оправданной теоріей (ибо каждое возникаетъ чрезъ приспособленіе разныхъ догматовъ къ опыту, то-есть, подъ вліяніемъ опыта, а это приспособленіе кажется ихъ авторамъ эмпирическимъ доказательствомъ ихъ взглядовъ), но еще считаетъ себя даже критически обоснованнымъ (ибо каждое возникаетъ *послѣ того*, какъ мы раздѣлялись съ *нѣкоторыми* догматами). Понятно, что при такихъ

¹⁾ Какъ извѣстно, даже и древній атомизмъ возникъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ опыта, хотя эмпирическія науки были въ то время только еще въ зародышѣ: Левкиппъ и Демокритъ стремились приспособить элейское ученіе о неизмѣняемости и единствѣ истиннаго бытія къ данной въ опытѣ измѣнчивости и множественности вещей; отсюда неизмѣняемость и качественное единство вещества атомовъ и ихъ подвижность. Значитъ, и здѣсь атомизмъ развился изъ *метафизической* предпосылки и *подъ вліяніемъ опыта*. И любопытно, что тѣ способы разсужденія, посредствомъ которыхъ раскрывается, какъ именно надо приспособлять основную метафизическую предпосылку къ даннымъ опыта (то-есть, какъ мыслить послѣднія на ряду съ признаніемъ реальности первой), напримѣръ, разсужденіе о необходимости шустоты для движенія и т. п., древніе атомисты, какъ и новые, невольно принимали за *единственно-возможное* объясненіе фактовъ, а поэтому и за эмпирическое доказательство атомизма. Такимъ образомъ и тѣ и другіе атомисты дѣлали одну и ту же ошибку: смѣшивали относительное съ абсолютнымъ — то, что является единственно возможнымъ съ точки зрѣнія привычной для ихъ ума метафизической предпосылки, они считаютъ единственно возможнымъ при *какой бы то ни было* точкѣ зрѣнія.

условіяхъ нечего и ждать въ близкомъ будущемъ построения общепризнанной метафизики.

Ея успѣхъ находится въ прямой зависимости отъ успѣха критическаго анализа нашего познанія, вѣрнѣе всѣхъ тѣхъ воззрѣній, которыми люди склоняются приписывать значеніе познанія: въ составъ метода критической метафизики входитъ не только анализъ постулатовъ нравственнаго чувства, но *прежде всего* критическая теорія познанія, результаты которой должны составить фундаментъ всего философскаго міровоззрѣнія. А развѣ легко выслѣдить и критически оцѣнить всѣ исповѣдуемые нами догматы? Вслѣдствіе ихъ привычности, мы обыкновенно не обращаемъ на нихъ ровно никакого вниманія, даже, всегда руководясь ими, никогда не высказываемъ, а просто подразумеваемъ ихъ. А при такихъ условіяхъ не легко подмѣтить ихъ и оцѣнить ихъ значеніе. Вѣдь въ сходномъ положеніи находились логическіе законы мышленія: человѣческій умъ всегда руководствовался ими; но нуженъ былъ геній Аристотеля, чтобы формулировать ихъ и выяснитъ ихъ значеніе. Господствующіе же въ нашемъ обыденномъ міровоззрѣніи догматы гораздо разнообразнѣе, чѣмъ логическіе законы мышленія, да сверхъ того очень часто признаются нами за хорошо проверенныя эмпирическія обобщенія, такъ что критической метафизикѣ предстоитъ задача гораздо труднѣе той, которую рѣшалъ Аристотель въ своихъ логическихъ изслѣдованіяхъ.

Къ этимъ затрудненіямъ прибавимъ вліяніе привычки: еще недостаточно подмѣтить недоказуемость какого нибудь догмата, чтобы навсегда освободиться отъ его вліянія; коль скоро наша мысль свѣкла съ нимъ, то-есть, онъ неразрывно ассоціировался со всѣми нашими идеями, то, хотя бы мы даже отрицали его, онъ все-таки можетъ оказывать своеобразное вліяніе на наше міровоззрѣніе тѣмъ, что мы будемъ примѣшивать къ послѣднему выводы, которые вытекаютъ изъ этого догмата (и признаніе которыхъ теперь уже необязательно); ибо они тоже успѣли неразрывно ассоціироваться со всѣми нашими идеями, и подобно обосновывающему ихъ догмату рассматривались всегда, какъ эмпирически доказанные. А ужъ не будемъ много говорить о безсознательномъ вліяніи раціонализма, вслѣдствіе котораго часто питаютъ неограниченное довѣріе къ нашей познавательной способности и не терпятъ мысли о существованіи чего либо абсолютно непознаваемаго (или неразрѣшимаго для нашего ума): нѣкоторые, забывая объ историческомъ и психологическомъ законѣ, гласящемъ, что чѣмъ грубѣе человѣческій умъ, чѣмъ ниже стоитъ онъ въ науч-

номъ развитіи, тѣмъ догматичнѣе относится онъ къ своимъ воззрѣніямъ и тѣмъ больше довѣряетъ самому себѣ, а чѣмъ выше—тѣмъ меньше вѣрить своимъ силамъ и тѣмъ критичнѣе относится къ своимъ взглядамъ,—прямо утверждаютъ, что все непознаваемое есть всего только *еще непознанное*¹⁾. Такіе догматики вполнѣ искренно будутъ принимать какое либо кажущееся рѣшеніе того или другаго теоретически неразрѣшаемаго вопроса и употреблять всѣ извороты ума для того, чтобы успокоить его сомнѣнія, какъ это дѣлали схоласты, исходя изъ своихъ предвзятыхъ мнѣній относительно согласія Аристотеля съ католицизмомъ.

По всему этому нельзя надѣяться на быстрый успѣхъ критической метафизики. Но это еще ничего не говоритъ противъ пригодности Кантовскаго метода; нельзя же требовать, чтобы всѣ методы были одинаково легки и одинаково быстро приводили насъ къ цѣли. Оцѣнивать Кантовскій методъ надо вотъ какимъ путемъ: другіе (догматическіе) методы метафизики до сей поры не дали ровно ничего общепризнаннаго, а критико-философскій анализъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что они и неспособны къ этому. Кантовскій же методъ, хотя тоже еще не привелъ и не скоро, да и съ большимъ трудомъ, приведетъ насъ къ общепризнанной метафизикѣ, тѣмъ не менѣе оказывается единственно пригоднымъ для этой цѣли. Поэтому его надо предпочитать всѣмъ другимъ, и можно надѣяться, что рано или поздно при его помощи мы выработаемъ прочную систему метафизики, лишь бы не исчезала память объ этомъ методѣ.

А врядъ ли можно опасаться этого. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мысль Канта не только не заглохла, но распространяется все болѣе и болѣе. Въ Германіи еще съ шестидесятихъ годовъ начался „возвратъ къ Канту“, и съ того времени тамъ образовалась значительная группа писателей ново-кантіанцевъ. Но этимъ дѣло не ограничилось, и возникшее движеніе распространилось далеко за предѣлы Германіи. Пусть свидѣтельствуетъ о томъ Фулье, который далеко не сочувствуетъ этому методу: „Ученики Канта въ Германіи, въ Англіи и во Франціи,—говоритъ онъ,—возвели методъ своего учителя въ систематическій методъ моральной и религіозной апологіи. Этотъ методъ состоитъ въ

¹⁾ Кто допускаетъ Кантовскій законъ трехъ стадій развитія человѣческаго ума (или какой нибудь подобный ему), тотъ можетъ разсматривать указанный законъ, какъ выводъ изъ Кантовскаго; для отдѣльных же индивидуумовъ онъ подтверждается ежедневными наблюденіями.

томъ, что постулируютъ непрерывный рядъ актовъ вѣры, такъ что васъ незамѣтно переводятъ отъ вѣры естественной къ вѣрѣ моральной, а отъ моральной вѣры къ вѣрѣ религиозной. Окончательный результатъ есть *рѣшеніе въ пользу* (*ragi en faveur*) той или другой системы—или метафизической или религиозной. Съ того момента, говорить поборники этого метода, какъ только вы выходите за предѣлы простаго признанія наличнаго состоянія сознанія, каковы ваше теперешнее удовольствіе, неудовольствіе, ваше ощущеніе запаха, вкуса, свѣта, вы вынуждены допускать акты вѣры, практическіе *постулаты*, которые неизбежно находятся даже и въ теоріи... ¹⁾ Вѣря въ мое существованіе, вы допускаете подобный постулатъ. И подъ этимъ метафизическимъ постулатомъ, который содержится въ рѣчи, одновременно и столь простой и столь странной, направленной къ другимъ людямъ: „вы существуете“, Фихте откроетъ этический постулатъ. Если я вѣрю въ ваше существованіе,—скажетъ онъ,—то это потому, что я имѣю обязанности относительно васъ и что я нравственно обязанъ считать васъ существующимъ. Болѣе того, не обязанность ли заставляетъ меня вѣрять въ реальность внѣшняго міра? На этотъ вопросъ, который я часто ставилъ себѣ: міръ, представленіе котораго я нахожу въ себѣ, имѣетъ ли реальное существованіе?—я не могу найти никакого другаго болѣе недоступнаго для всякихъ возраженій отвѣта, кромѣ слѣдующаго: я нахожу въ себѣ сознаніе извѣстныхъ обязанностей, для которыхъ нельзя было бы найти объекта и которыя нельзя исполнять иначе какъ въ мірѣ, тождественномъ съ тѣмъ, какой я представляю себѣ. Слѣдовательно этотъ міръ существуетъ. Этотъ міръ есть для меня объектъ обязанности, та сфера, въ которой исполняется обязанность ²⁾“

Это изложеніе мыслей Фихте, сдѣланное Фулье, дополнимъ еще немного подлинными словами Фихте: „мы вынуждены,—говоритъ онъ,—признавать, что мы вообще дѣйствуемъ и что дѣйствовать мы должны въ некоторомъ опредѣленномъ образомъ. Мы вынуждены признать извѣстную сферу этой дѣятельности: эта сфера есть дѣйствительно существующій міръ, какъ мы его находимъ; и наоборотъ—этотъ міръ есть не что иное, какъ та сфера, и никоимъ образомъ не простирается дальше ея. Изъ этой-то потребности дѣятельности и происходитъ созна-

¹⁾ L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience, Paris, 1889, стр. 225. Тутъ-то Фулье говоритъ и объ англійскихъ метафизикахъ: Клифордъ, Барратъ и Льюисъ. Мы уже приводили это мѣсто.

²⁾ Ibid., стр. 226.

ніе дѣйствительнаго міра, а не наоборотъ—не изъ сознанія міра потребность дѣятельности. Первѣе эта потребность, а не то сознаніе; оно выводное. Мы дѣйствуемъ не потому, что мы мы познаемъ, но мы потому и познаемъ, что назначены къ дѣятельности. Практическій разумъ есть источникъ всякаго разума. Для разумныхъ существъ законы дѣятельности извѣстны *непосредственно*; а потому, что они *извѣстны*, извѣстенъ имъ и ихъ міръ. Мы не можемъ отказаться отъ первыхъ безъ того, чтобы не погрузились въ абсолютное ничто и нашъ міръ, а съ нимъ и мы сами. Мы возвышаемся надъ этимъ ничто и поддерживаемъ себя надъ нимъ только посредствомъ нашей нравственности¹⁾.

Не заходя такъ далеко, какъ Фихте, — продолжаетъ Фулье, — Ренувье все-таки допускаетъ, что достовѣрность порождается свободнымъ выборомъ при помощи обязанности, какъ критерія, и что постулаты встрѣчаются даже и въ томъ, что мы считаемъ вполне несомнѣннымъ... Въ своей классификаціи философскихъ системъ Ренувье представляетъ ихъ, какъ логически сводимыя къ двумъ, между которыми намъ предстоитъ свободный выборъ. Одна изъ этихъ системъ сводитъ все къ законамъ вѣчно существующей, безграничной природы, развивающейся въ безконечной и безначальной эволюціи въ силу универсальнаго детерминизма, отъ котораго не изъяты даже и наши мысли, и наши хотѣнія. Другая же система беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ сознаніе и конструируетъ вселенную въ согласіи съ его формами и съ его законами, какъ ограниченное цѣлое конечныхъ существъ, имѣвшихъ свое начало и способныхъ посредствомъ актовъ свободнаго выбора полагать начало новыхъ явленій въ согласіи или противорѣчіи съ закономъ обязанности... А чтобы установить главенство моральной вѣры Жюль Лекье, Ренувье, Секретанъ, а также Вильямъ Джемсъ стараются показать, во-первыхъ, что вѣра и постулаты отчасти существуютъ уже въ принципахъ знанія, а, во-вторыхъ, что вѣра произвольна²⁾.

Конечно, дѣлаются и возраженія противъ Кантовскаго метода: самъ Фулье, не сочувствуя ему, не могъ не сдѣлать ихъ³⁾. Но ка-

¹⁾ Die Bestimmung des Menschen, Berlin, 1845, В. II, стр. 263.

²⁾ Fouillée, l. c. pp. 227—235.

³⁾ Онъ даже и описываетъ Кантовскій методъ не вполне спокойнымъ тономъ: читая его безъ пропусковъ, чувствуешь, что ему хочется прибѣгнуть къ помощи насмѣшекъ.

ковы они? Онъ. полагаетъ, что „мы не начинаемъ познанія *только* съ самихъ себя, съ того, чтобы говорить только *Я*: мы чувствуемъ, хотимъ, дѣйствуемъ въ нѣкоторой средѣ, которая намъ или содѣйствуетъ, или препятствуетъ; мы знаемъ себя не иначе, какъ только въ отношеніяхъ къ другимъ существамъ; началомъ для нашего мышленія служить не *Я*, а *Мы*“. Между тѣмъ, „метафизики, которые слѣдуютъ за Фихте, разсуждаютъ такъ, какъ будто бы живое существо начинается съ того, что имѣть идею индивидуальнаго и замкнутаго *Я*, идею духовной монады безъ всякаго отверстія во внѣ. Отсюда имъ не трудно заключить, что *субъектъ* безъ помощи чуда не можетъ дойти до идеи *объекта*. Но такой изолированный субъектъ есть метафизическій призракъ“ ¹⁾. Въ поясненіе ко всему этому прибавляется еще такое замѣчаніе: „мнимые постулаты суть не что иное, какъ только данныя опыта, не проанализованныя и не разъясненные, или же обобщенія, основанныя на этихъ данныхъ. Слѣдовательно, практическій разумъ не имѣть преимущества (примата) ни предъ знаніемъ, ни предъ метафизикой“ ²⁾. И даже идея чужаго одушевленія объясняется Фуллеръ, какъ подобное же обобщеніе ³⁾.

Таковы его возраженія. Можно ли придавать имъ какое нибудь значеніе? Всѣ постулаты,—говоритъ онъ,—суть результаты непроанализованнаго и неразъясненнаго опыта. Пусть будетъ такъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, чтобы они не нуждались въ оправданіи со стороны нравственнаго чувства? Вѣдь именпо оттого-то, что они вытекаютъ изъ опыта, не подвергнутаго ни анализу, ни разъясненію, они и не могутъ отличаться убѣдительностью; поэтому-то именно въ ихъ реальности очень легко усомниться. и они нуждаются въ особомъ оправданіи. А когда мы ихъ проанализуемъ, то уже окончательно убѣждаемся, что эмпирическимъ путемъ ихъ нельзя ни доказать, ни опровергнуть, такъ что для теоретическаго разума здѣсь невозможно никакое окончательное рѣшеніе. И вотъ мы ссылаемся на то, что эти *теоретически* неразрѣшимые вопросы легко рѣшаются нашими нравственными требованіями, такъ что по скольку неоспоримы послѣднія, по стольку же неоспоримо и одно изъ мыслимыхъ рѣшеній каждаго изъ этихъ вопросовъ. Этотъ ходъ разсужденія сохраняетъ свою обязательность независимо отъ того, каковъ бы ни былъ психологическій генезисъ

¹⁾ L. с., p. 237.

²⁾ L. с., p. 239.

³⁾ L. с., p. 238.

постулатовъ нравственнаго чувства. Но Фуллье, оспаривая учениковъ Канта и отрицая у нихъ право ссылаться въ метафизикѣ на постулаты нравственнаго чувства, смѣшиваетъ между собой вопросъ объ ихъ психологическомъ генезисѣ съ вопросомъ объ ихъ гносеологическомъ значеніи. Тотъ же отвѣтъ можно повторить и по поводу самыхъ первыхъ словъ его возраженія: оставимъ въ сторонѣ, что служить психологическимъ началомъ нашего мышленія — *Я* или *Мы*; но нельзя оспаривать, что *послѣ* того, какъ я начинаю во всемъ сомнѣваться, несомнѣнными для меня остаются только состоянія моего сознанія. И вотъ тогда-то, — прибавляютъ оспариваемые Фуллье защитники Кантовскаго метода, — всякая попытка сдѣлать *теоретическимъ* путемъ переходъ отъ *Я* къ *не-Я* неизбѣжно окажется бесплодной, легко оспариваемой; неоспоримымъ же можетъ быть только тотъ переходъ, который, прямо или косвенно, будетъ основанъ на постулатахъ нравственнаго чувства.

Одинаково мы будемъ отвѣчать и въ томъ случаѣ, если кто-либо станетъ настаивать, что и само нравственное чувство и неискоренимость убѣжденія въ одушевленіи другихъ людей возникаетъ въ насъ только путемъ наслѣдственныхъ привычекъ мысли. Допустить такую гипотезу еще возможно: стоитъ только (для объясненія разницы между тѣмъ душевнымъ состояніемъ, которое возникаетъ при попыткахъ уничтожить въ себѣ убѣжденіе въ одушевленіи другихъ людей, и тѣмъ, которое возникаетъ при уничтоженіи неразрывныхъ и даже наслѣдственныхъ ассоціацій) допустить, что, когда укоренятся въ насъ эти привычки, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ насъ начинаютъ дѣйствовать такіе законы, которые не дѣйствовали до той поры (они-то въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, куда относится и нашъ собственный, и порождаютъ отмѣченную нами разницу между тѣмъ и другимъ душевнымъ состояніемъ). Что же касается до нравственнаго чувства, то его уже давно пытаются объяснить посредствомъ наслѣдственныхъ ассоціацій. Для защиты же Кантовскаго метода мы можемъ оставить въ сторонѣ, насколько справедлива та и другая гипотеза, а отвѣчать на это возраженіе также, какъ мы отвѣчали Фуллье. Каково бы ни было происхожденіе идеи чужаго одушевленія, эмпирически она не можетъ быть оправдана. А каково бы ни было происхожденіе нравственнаго чувства, мы не рѣшаемся оспаривать его приговоровъ (хотя и не всегда исполняемъ ихъ). Поэтому, въ виду невозможности чисто-теоретической метафизики, не остается никакого другаго средства для провѣрки идеи чужаго одушевленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для рѣшенія другихъ ме-

тафизическихъ вопросовъ, кромѣ изученія нравственнаго чувства и его постулатовъ.

Въ заключеніе напомнимъ еще разъ читателю, что въ теченіе слишкомъ двухъ тысячелѣтій возникало не мало попытокъ и методовъ для рѣшенія метафизическихъ вопросовъ. Но всѣ они исторически, на дѣлѣ, обнаружили свою несостоятельность. Этого мало: Кантовскій критицизмъ выяснилъ, что они и не могутъ дать ничего прочнаго, неоспоримаго. Кантовскій же методъ, правда, тоже еще не далъ ничего подобнаго; но относительно его очевидно, что, съ одной стороны, нельзя ждать отъ него быстрыхъ успѣховъ, а съ другой—только онъ одинъ и можетъ дать, рано или поздно, что нибудь прочное: хотя построенная при его помощи метафизика и будетъ теоретически недоказуема, но зато неоспорима и чужда догматизма. Ясно поэтому, что въ метафизикѣ надо держаться Кантовскаго метода. А для этого, кромѣ тщательнаго изученія явленій нравственной жизни, необходимо выслѣдить всѣ теоретически-неразрѣшимые вопросы, и надо это сдѣлать съ схоластической точностью, такъ, чтобы ясно обнаруживалось, въ какихъ именно вопросахъ можно разсуждать съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, въ чемъ состоитъ каждая изъ нихъ и къ какимъ взглядамъ приводитъ та и другая. Вотъ въ этой-то необходимости и находится оправданіе нашихъ утомительно-длинныхъ соображеній объ отсутствіи объективныхъ признаковъ одушевленія.

Александръ Введенскій.

ЖИТІЕ ІОАННА КУКУЗЕЛЯ, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ДЛЯ БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИИ.

Исторія болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ до настоящаго времени еще весьма мало выяснена. Это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ того, что мы имѣемъ слишкомъ необширный матеріалъ для болгарской исторіи. Само собою разумѣется, что въ виду такой скудости всякій новый источникъ или, по крайней мѣрѣ, новыя данныя, касающіяся исторической судьбы балканскихъ болгаръ, обращаютъ на себя вниманіе специалистовъ по исторіи славянъ и въ частности по исторіи болгаръ. Но для того, чтобы опредѣлить, на сколько извѣстный памятникъ можетъ явиться годнымъ или негоднымъ матеріаломъ или источникомъ для исторіи того или иного народа, необходимо, чтобы самый памятникъ былъ подвергнутъ предварительно критическому анализу и вмѣстѣ съ тѣмъ было установлено мѣсто его среди другихъ источниковъ или матеріаловъ для данной исторіи. Такія мысли пришли мнѣ на умъ при чтеніи одного изъ памятниковъ богатой греческой агіологической литературы, который, судя по нѣкоторымъ заключающимся въ немъ даннымъ, позволяетъ съ перваго взгляда думать, что онъ можетъ представить нѣкоторый матеріалъ для исторіи болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ. Этотъ памятникъ — греческое житіе одного изъ преподобныхъ аеонскихъ подвижниковъ Іоанна Кукузеля, пользовавшагося на Св. горѣ славою великаго пѣвца.

Житіе этого преподобнаго извѣстно въ печати довольно давно; но, благодаря аскетическому настроенію и благочестивой цѣли извѣстнаго аеонскаго писателя первой половины XVII вѣка, Агапія Критянина¹⁾.

¹⁾ О монахѣ Агапіѣ смотри у Σάββα Νεοελληνική Φιλολογία, ἐν 'Αθῆν. 1868, стр. 313 — 314, и у епископа *Порфирія Успенскаго* въ Исторіи Аеона, ч. III, отд. 2 (еще не вышедшей въ свѣтъ), стр. 497—500, и въ Аеонскихъ Книжникахъ. М. 1883, стр. 50—53.

передѣлавшаго, по своимъ соображеніямъ, житія многихъ афонскихъ святыхъ, оно распространено далеко не въ первоначальномъ видѣ. Несомнѣнно, что житіе Іоанна Кукузеля впервые было напечатано въ книгѣ упомянутаго монаха Агапія: „Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία“¹⁾, или, какъ она называется въ переводахъ, „Грѣшникъ Спасеніе“. Печатный текстъ представляетъ только вторую редакцію житія, утратившую много весьма важныхъ чертъ первой редакціи. Послѣдняя не была издана ни разу²⁾ и извѣстна только по рукописямъ. Въ настоящее время я знаю три списка первой редакціи: одинъ въ греческой нотной рукописи Зографскаго монастыря на Афонѣ, по всей вѣроятности, XV вѣка³⁾, другой—въ греческой же рукописи XVI—XVII вѣковъ, которая принадлежитъ монастырю на островѣ Лесбосѣ, а прежде была собственностію Ватопедскаго монастыря на Афонѣ⁴⁾, и третій—въ греческой рукописи XIX вѣка, принадлежащей Публич. Библ., собр. еп. Порфирія, № 5 (или общій № ССXXXIX, лл. 6^б—10^б)⁵⁾. Всѣ три списка сходны между собою, но только не буквально; кромѣ того, второй списокъ нѣсколько подновленъ въ языкѣ.

Первая редакція представляетъ, собственно, не житіе, а краткую исторію или повѣствованіе о жизни Іоанна Кукузеля, которое я, обыкновенно, называю повѣстью; она въ зографскомъ списокѣ озаглавлена: „Краткая исторія (или повѣствованіе) объ Іоаннѣ Кукузелѣ, подви-

¹⁾ Полное заглавіе этой книги слѣдующее: „Βιβλίον ὑμναιολόγων καλούμενον Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία, συντεθέν εἰς κινήν τῶν Γραικῶν διάλεκτον παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ τοῦ Κρητός τοῦ ἐν τῇ Ἀγίῃ ὁρᾷ τοῦ Ἁδ ἁσκήσαντος“. Существуетъ нѣсколько изданій этой книги. Я пользуюсь венеціанскимъ изданіемъ 1883 г.; житіе Іоанна Кукузеля здѣсь помѣщено въ 3-й части, содержащей въ себѣ чудеса Богородицны, въ видѣ чуда 20-го, стр. 292—294.

²⁾ Изданное житіе Іоанна Кукузеля у Σταφάνου Λαμπαρίου Κρητῆς, ἡτοιμία στοιχειώδους διδασκαλίας τοῦ θεωρητικῆς καὶ πρακτικῆς τῆς ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς. Νῦν πρῶτον ἐκδιδόντος Δ. Ιωάννου Πρωτοφύλτου. Ἐν Κ/πόλει. 1875, стр. 132—136,—представляетъ также только вторую редакцію.

³⁾ Точныхъ свѣдѣній о времени написанія зографской рукописи у меня въ настоящее время нѣтъ. См. Λάμπρου Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ Ἀγίου ὁροῦ ἐλληνικῶν κωδίκων. Τ. α', μέρ. α' Ἐν Ἀθῆν. 1888, стр. 88. Здѣсь я пользуюсь текстомъ, имѣющимся въ бумагахъ епископа Порфирія Успенскаго. См. у Смирну Описание бумагъ епископа Порфирія. С.-Пб. 1891, № 140 (IV Б. 20^а), стр. 369.

⁴⁾ Παπαδοπούλου τοῦ Κεραμέως Μαυρογορδάτεος βιβλιοθήκη, Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1888, № 215, стр. 109. Второй списокъ сообщенъ мнѣ г. Παπαдопуломъ-Κεραμεвсомъ.

⁵⁾ Отчетъ Публичной Библиотеки за 1883 г., стр. 92.

завшемся на Святой горѣ, въ великой лаврѣ“¹⁾. Привождая ниже содержание повѣсти, я стараюсь сохранить здѣсь ея характерныя черты со стороны стилистической. Въ ней разказывается слѣдующее:

„Приступайте всѣ народы, іереи и начальники, слушайте; приступайте и я разкажу вамъ про Іоанна, прозваннаго Кукуземъ, про его жизнь и дѣянія. Онъ родился въ славномъ городѣ Диррахіѣ Первой Юстиніаны²⁾. Отецъ его рано умеръ; осталась одна мать, которая отдала его учиться Св. Писанію. Кукуземъ обладалъ хорошимъ голосомъ и отъ этого его называли доброголаснымъ и ангелоголаснымъ. У царей былъ обычай собирать при своихъ дворахъ мальчиковъ, обладавшихъ яспою рѣчью, хорошими способностями и хорошимъ голосомъ; взяли и Кукузеля и помѣстили его въ царскомъ училищѣ, чтобы онъ учился и обучился, какъ имѣющій хорошій голосъ, музыкальному искусству; другихъ же мальчиковъ учили тамъ философіи, третьихъ, наконецъ, обучали каллиграфіи. Кукуземъ, будучи отъ природы проникательнымъ и хорошихъ способностей, дѣлалъ большіе успѣхи во всемъ, такъ что всѣ удивлялись его остроумію. Дѣти, его товарищи, по обыкновенію школьниковъ, спрашивали его, говоря: „Іоанне, что ты кушалъ сегодня?“ Онъ же, не будучи еще тогда привыченъ къ греческому языку, въ отвѣтъ имъ говорилъ: „кушѣи и зелѣ!“ (бобы и квашенную капусту)³⁾. Отъ этого мальчики и прозвали его Кукуземъ. Послѣ того онъ, какъ очень способный, въ скоромъ времени научился и греческому языку, и музыкѣ. Всѣ ему удивлялись; ибо въ короткое время онъ всѣхъ превзошелъ и изучилъ музыкальное искусство. Поэтому царь очень его возлюбилъ, радовался ему и уже подписывалъ ему невѣсту, чтобы женить его. Но Кукуземъ однажды сказалъ царю: „прошу и умоляю тебя, царь, дай мнѣ позволеніе отправиться къ моей матери, чтобы видѣться съ нею; потому да будетъ воля Божія и царя!“ Тогда царь немедленно отпустилъ его съ честью, какъ обыкновенно дѣлалось. Кукуземъ, пріѣхавши въ свой родной городъ и находясь недалеко отъ родительскаго дома, услышалъ плачъ и рыданіе своей матери, которая при этомъ причитывала и говорила: „мое мило дѣте, гдѣ ми си!“ Онъ, вошедши въ домъ потихоньку, сказалъ своей матери: „Вотъ, я здѣсь, мать!“ Она же, удивившись, сказала: „Гдѣ

¹⁾ Σύντομος ἱστορία περί Ἰωάννου τοῦ Κουκουζέλη, ἀσκήσαντος ἐν τῇ κατὰ τὸ Ἁγίον ὄρος μεγίστῃ μονῇ τῆς λαύρας. Во второмъ спискѣ она надписана: Διήγησις εἰς τὸν βίον τοῦ μεγάλου μαίστορος τῆς μουσικῆς τέχνης Ἰωάννου Κουκουζέλη. Также она озаглавлена и въ рукописи Публ. Библ., съ прибавленіемъ передъ Ἰωάννου слова: κύρου.

²⁾ Рукоп. греческ. Публ. Библ., Порфѣріевск. собр., № ССХХХΙХ (5) л. 66: Διὺτε πάντες οἱ λαοὶ τῶν ἱερῶν καὶ ἀρχόντων ἀκούσατε· θεῦτε καὶ διηγήσομαι ὑμῖν τὰ περί Ἰωάννου τοῦ ἐκκληθέντος Κουκουζέλη, τὴν πολιτείαν καὶ τὴν βίωσιν αὐτοῦ ὃν ἤνεγκε μὲν ἡ μεγαλόπολις Δυρραχίου τῆς Πρωτῆς Ἰουστινιανῆς.

³⁾ Тамъ же, л. 7^а: Οἱ δὲ παῖδες ὡς ἔθος ἐστὶ τοῖς τοιοῦτοις ἐρωτῶμενοι, ἔλεγον αὐτῷ Ἰωάννην, τί ἔφαγες σήμερον; ὃ δὲ ἀποκρινόμενος ἔλεγε· κουκία καὶ ζέλια, ἀκμὴν τὴν ἑλληνικὴν γλῶτταν οὐκ ἐπιστάμενος, εἶπεν καὶ οἱ πῖδες αὐτὸν Κουκουζέλην ἐπωνόμαζον.

ты, мое дитя?"¹⁾). И тотчас бросились другъ къ другу и обнялись; мать съ трудомъ могла остановить свои вопли и рыданія, и долго продолжались ихъ взаимныя привѣтствія. Много дней они провели вмѣстѣ, не нарадуясь другъ другу; Кукузель остался у своей матери столько, сколько она пожелала. Повеселившись, по обыкновенію, они разстались: мать его осталась дома, а Кукузель отправился къ царю въ столицу, мать городовъ. Увидѣвъ его, царь весьма обрадовался, устроить богатый пиръ по случаю его возвращенія, и оказалъ ему предъ всѣми большія почести.

„Послѣ этого однажды Кукузель, удалившись въ уединенное мѣсто, запѣлъ причитаніе своей матери, а именно: „мое дѣте мило, Іоанне, гдѣ ми си, охъ, охъ“, то-есть: „сладкое мое дитя, Іоанне, гдѣ ты?“ Такимъ образомъ, скомпонировавъ голоса, онъ искусно создалъ мелодію, которую называлъ болгарскою²⁾. Кукузеля всѣ уважали. Но вслѣдствіе большой любви и уваженія къ нему, онъ не могъ уединиться и пребывать въ безмолвіи; ибо онъ желалъ предаться отшельничеству и удалиться отъ людскаго общества, что и совершилось, по устроенію Божію, согласно его желанію и молитвѣ.

„Случилось однажды, что къ царю пришелъ по важному дѣлу игумень лавры Аеоноской горы и устроивъ все, что ему нужно было, отправился въ обратный путь. Кукузель, узнавъ объ этомъ, одѣлся въ бѣдную одежду и обмазалъ свое лицо, чтобы не быть узнаннымъ, и съ нищенскимъ посохомъ въ рукахъ, съ радостію послѣдовалъ за игуменомъ, держась на почтительномъ разстояніи отъ него, пока не достигъ Св. горы и не дошелъ до лавры. Игумень вошелъ въ монастырь; а Кукузель, какъ чужой, сталъ у воротъ. Спрошенный привратникомъ, чего онъ желаетъ и какое дѣло умѣетъ дѣлать, отвѣтилъ: „я умѣю пасты козъ и желаю быть монахомъ“. Когда привратникъ услышалъ это, то немедленно сообщилъ о пришельцѣ игумену. Послѣдній, узнавъ, что въ монастырѣ нѣтъ пастуха козъ, былъ очень радъ, что нашелся такой человекъ, тѣмъ болѣе, что тогда тамъ очень нуждались въ такомъ человекѣ. Игумень приказалъ немедленно впустить Кукузеля въ монастырь; въ короткое время его приготавили къ постриженію и, наконецъ, постригли, а послѣ этого отправили пасты козловъ. Кукузель съ радостію отправился съ своимъ стадомъ и весьма заботливо пасъ его.

„Царь же въ царствующемъ градѣ былъ очень огечаленъ тѣмъ, что случилось съ знаменитымъ пѣвцомъ; онъ послалъ во всѣ стороны, на западъ и на востокъ, чтобы отыскать Кукузеля; но послѣдній не былъ узнать и его нигдѣ не нашли.

„Однажды, находясь съ козлами на одномъ холмѣ и видя, что тамъ нѣтъ никого, Кукузель захотѣлъ спѣть одну пѣсню Господу; онъ началъ пѣть. Одинъ

¹⁾ Тамъ же, л. 76: Καὶ ἔγγυς τοῦ οἴκου γενόμενος, ἀκούει ὁλοθυμὸν καὶ ὀδυρμὸν τῆς μητρὸς αὐτοῦ μοιρολογούσης καὶ λεγούσης: „μὲν δάτε μίλο, Ἰωάννη, γδὲ μοι σε“. Послѣдніи три слова такъ написаны въ географическомъ спискѣ; а въ рукописи Публ. Библ.: γδὲ μὴ σε.

²⁾ Тамъ же. Μετὰ ταῦτα ὁ Κουκουζέλης ἐν ἡσυχίᾳ τόφῃ καθίσας, καὶ λαβὼν τῆς μητρὸς αὐτοῦ τὸ μοιρολόγιον, οὕτως ἡμῶς δάτε μίλο, Ἰωάννη, γδὲ μὴ σε, ὅχω,“ δηλὸν ἡ ἐρμηνεὶ, τὸ καὶ μοι γλυκύτατε Ἰωάννη ποῦ εἶ;“ καὶ τὴν ψῆφὴν αὐτοῖς συνερμώσας, τὸν πολυῶλεον ἐντέχωνας ἐποίησε, καὶ ἐπανόμασε αὐτὸν τῆς βουλγάρας“ ὅς ἦν ἐντίμως τοῖς πᾶσι.

изъ пустынниковъ, который жилъ въблизи, въ пещерѣ, услышавъ пѣніе, думалъ, что онъ слышитъ ангельскій голосъ, а не человѣческій. Выходя изъ пещеры, онъ посмотрѣлъ на холмъ, съ вершины котораго слышно было пѣніе, и увидѣлъ, что козлы не пасутся, какъ будто желая, чтобы научиться этому пѣнію, а, обративши свои взоры къ пастуху, они словно вторили ему и радовались. Пустыльникъ, увидѣвъ все это и думая, что пастухъ есть именно Кукузелъ, котораго царь вездѣ ищетъ, а Богъ не обнаруживаетъ, поспѣшно отправился въ лавру и разказалъ игумену подробно обо всемъ, что видѣлъ. Игумень немедленно вызвалъ Кукузеля изъ пустыни и обратился къ нему съ такими словами: „Богъ открылъ мнѣ, что ты—Іоаннъ Кукузелъ; почему же столько времени ты не открывалъ мнѣ ничего о себѣ? Вотъ, теперь я тебя передъ Богомъ спрашиваю, чтобы ты мнѣ сказалъ всю истину“. Кукузелъ признался и сказалъ: „Я Кукузелъ! Видя, что все въ мірѣ суетно и считая его ничтожнымъ, я удалился въ пустыню. Поэтому прошу тебя и умоляю, оставь меня въ томъ же положеніи, въ какомъ меня нашелъ“. Тогда игумень сказалъ ему: „Меня только слушай, и я тебя избавлю отъ всего“. Послѣ этого онъ взялъ Кукузеля изъ пустыни и далъ ему келью, чтобы могъ жить до тѣхъ поръ, пока онъ не устроитъ, какъ слѣдуетъ, все, что до него касается; и дѣйствительно онъ все исполнилъ. Игумень отправился въ Константинополь къ царю для оковчанія этого дѣла и сказалъ: „Прошу тебя, царь, дай мнѣ одного человѣка ради спасенія твоей души, и прости его, если онъ опечалилъ чѣмъ-либо твое величество. Царь удивляясь и недоумѣвая, о комъ идетъ рѣчь, согласился. Но игумень сказалъ ему: „Если ты не дашь мнѣ письменно, что ты согласенъ на это, то я тебѣ не скажу“. Царь далъ ему грамоту. Тогда игумень сообщилъ ему о Кукузелѣ, и разказалъ ему все, что съ нимъ случилось. Удивился царь и вмѣстѣ съ тѣмъ очень возрадовался и прославилъ Бога, размышляя въ то же время про себя, что ему слѣдуетъ дѣлать; ибо раскаялся, зачѣмъ онъ далъ игумену грамоту. Немедленно онъ повелѣлъ снарядить триеры и отправился съ игуменомъ въ лавру; здѣсь царь обнялъ и облобызалъ Кукузеля. Затѣмъ онъ устроилъ богатую трапезу, и предались утѣшенію со всѣмъ братствомъ, и затѣмъ разстались. Царь возвратился въ Константинополь, а Кукузелъ остался въ лаврѣ въ полномъ спокойствіи, пользуясь почетомъ отъ всѣхъ; здѣсь онъ все время былъ пѣвцомъ въ церкви и прославлялъ Бога“.

Вся остальная часть разказа совершенно сходна съ ея изложеніемъ во второй редакціи и въ виду этого я не считаю нужнымъ передать ее здѣсь.

Вторая редакція житія Іоанна Кукузеля у монаха Агапія, несоинѣнно, произошла изъ первой; это показываютъ не только отдѣльные слова, но цѣлыя выраженія ¹⁾). Монахъ Агапій сжатія выраженія

¹⁾ Для примѣра приведу здѣсь два-три такихъ мѣста:

Списокъ Публ. Библи:

Монахъ Агапія, стр. 293а:

Л. 86:... καὶ δι' ὀλίγου καὶ τοῦ κατηχῆσαι
ὅτον καὶ χορεύσας, ἔμελλεν τοὺς τράγουσ

Καὶ δοκιμάσαντες αὐτὸν ὀλίγον καὶρόν,
τὸν ἐκαλοῦρέυσαν, καὶ ἐστειλαν αὐτὸν εἰς τὴν

первой редакціи только перефразировалъ, сдѣлавъ рѣчь такимъ образомъ болѣе распространенною, но ничего не прибавилъ къ фактическимъ даннымъ. Напротивъ, онъ многое изъ первой редакціи выпустилъ, соображаясь, между прочимъ, и съ духомъ позднѣйшихъ отшельниковъ и цѣлю строго аскетическою. Такимъ образомъ, во второй редакціи не объяснено, откуда произошло названіе *Кукузель*; не сообщено ни объ его побѣдѣ къ матери, ни о причитаніи послѣдней, ни о томъ, что Кукузель, возвратившись въ Константинополь, удалился въ пустынное мѣсто и повторялъ это причитаніе. Однимъ словомъ, въ этой редакціи нѣтъ цѣлой трети разказа, то-есть, нѣтъ того, что можетъ до нѣкоторой степени интересовать историка и что для него съ перваго взгляда очень важно. Аѳонскому писателю все это и не нужно было; ему было важно показать, что сладкогласный Кукузель, познавъ суету міра сего, избралъ ангельское житіе, которое онъ проходилъ со всею равностію строгаго аскета, и въ то же время, благодаря его

ἀπέστειλαν· ὁ δὲ μετὰ χαρᾶς ἀπελθὼν, καλῶς τοὺς τράγους καὶ ἐπιμελῶς ἐν τῷ ὄρει ἐνεμεν.

Тамъ-же: Ἐν μὲν οὖν τῶν ἡμερῶν ἐν τινὶ ἀπρωτηρίῳ νέμοντι τοὺς τράγους, ἐνθεν κἀκείθεν ἰδὼν, καὶ μεθ' ἐν αὐτὸν θεασάμενος, ἐπιθυμία εἶχεν αὐτὸν τινὰ ψῆδην ἄσαι τῷ Κορίφῃ ἐκ τῶν ψαλμωδημάτων, δι' ὃ καὶ ἤρξατο ψάλλειν. Ἀσκητὴς δὲ τις ἐν τινὶ σπηλαίῳ οἰκῶν πλησίον, καὶ τὴν ὕμνωδιαν ἀκηκώς, εἶδοι· ἀγγέλου μελωδίαν ἀκούειν καὶ οὐκ ἀνθρώπου...

Л. 9*... δέομαι σου βασιλεῦ, χάρισαί μοι ἕνα ἀνθρώπον ψυχῇ Σῆς σωτηρίας ἐνεκα· καὶ εἰ τι ἐλύτῃς τὴν Σὴν βασιλείαν, συμπάθῃσον. ὁ δὲ βασιλεὺς θαμβηθεὶς ἐπὶ τοῦ ἀνθρώπου, ἐκονθάνετο· καὶ ὁ ἡγούμενος πρὸς αὐτόν, εἰ μὴ δῶκς μοι ἐγγράφως τὸ συμπάθες οὐ λέξω σοι....

ἐρημον νὰ βόσκη τοὺς τράγους· ὅστις ἀπῆλθε μετὰ χαρᾶς καὶ πόθου πολλοῦ εἰς τὴν ἡσυχίαν ὅπου ὠρέετο, καὶ ἔκαμνε τὴν ὑπηρεσίαν ταύτην ἀόκνως, προσευχόμενος ἀδιαλείπτως πρὸς Κύριον.

"Ὅστις ἐν μὲν τῶν ἡμερῶν βόσκων τοὺς τράγους εἰς ἕνα ἀκρωτήριον, καὶ θεασάμενος, ἐνθεν κἀκείθεν, ὅτι δὲν ἦτον τινὰς νὰ τὸν ἀκούσῃ, ἀρχίζει καὶ ἐψάλλεν ἕνα ὕμνον μὲ τέχνην πολλὴν καὶ κατάνοξιν. Ἀσκητὴς δὲ τις, (ὅστις) ἐκατοῖχα ἐκεῖ πλησίον εἰς ἕνα σπήλαιον, ἀκούσας τοσαύτην μελωδίαν, γλυκυτάτην καὶ παναρμόνιον, ἐθαύμασε, καὶ ἐξελθὼν τοῦ σπηλαίου, βλέπει [ἐξαισιον θέαμα] τὸν μὲν βόσκον ψάλλοντα, τοὺς δὲ τράγους μὴ βόσκοντας, ἀλλὰ ἐστέκοντο καὶ τὸν ἐκύτταζαν ὥσπερ ἐκπληττόμενοι καὶ χαίροντες εἰς τὴν ἀγγελικὴν μελωδίαν ἐμείνην, καὶ οὐκ ἀνθρώπινον (стр. 293^{аб}).

Δέομαι καὶ παρακαλῶ τὸ κράτος τῆς ἐξουσίας σου δέσποτα, νὰ μοῦ χάριςῃς ἕνα ἀνθρώπον διὰ ψυχικὴν αὐτοῦ σωτηρίαν, καὶ εἰ ἐν ἐλύτῃς τὴν βασιλείαν σου, νὰ τὸν συγχωρήσῃς. Ὁ δὲ βασιλεὺς ἡρώτησε τοῦ ζητουμένου τὸ ὄνομα. Δέγει τοῦ ὁ ἡγούμενος· εἰ μὴ δῶκς μοι ἐγγράφως τὸ συμπάθες, δὲν σοῦ τὸ λέγω.... (стр. 293^{бв})

мелодичному пѣнію, былъ украшеніемъ лавры и вмѣстѣ съ тѣмъ всего Аеоны; затѣмъ монахъ Агапій имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, отмѣтить чудо Богородицы, чудесамъ которой посвящена вся вторая половина его книги. Если не совершенно иная цѣль была у составителя первой редакціи, то все-таки онъ руководствовался и другими соображеніями, чѣмъ тѣ, которыя были у монаха Агапія.

Вторая редакція была переведена, какъ я замѣтилъ выше, на славянскій и затѣмъ на новославянскіе языки—болгарскій, сербскій и русскій,—повидимому, нѣсколько разъ. Болгарскій и сербскій переводы ничѣмъ не отличаются отъ греческаго подлинника, кромѣ развѣ того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ переводовъ совершенно опущена Первая Юстиніана. Славяно-русскіе списки перевода извѣстны съ XVIII столѣтія. Русскій переводъ сдѣланъ Барскимъ или, по крайней мѣрѣ, приведенъ у него ¹⁾. Нашъ путешественникъ, представляя дословную передачу второй редакціи съ указаніемъ на книгу монаха Агапія, откуда она взята, допускаетъ маленькую вольность, именно отождествляетъ Диррахій съ Первою Юстиніаною ²⁾. Кромѣ этого перевода есть еще русскій пересказъ второй редакціи житія Кукузеля, сдѣланный извѣстнымъ нашимъ Святогорцемъ ³⁾; этотъ пересказъ вошелъ въ число статей русскаго *Аеоискаго Патерика*, составленнаго тѣмъ же Святогорцемъ ⁴⁾. Послѣдній, указывая на книгу *Σωτήρια ἀμάρτολων* (sic), откуда заимствовалъ тему для своего пересказа, повидимому, зналъ и *οὐτομὸν ἱστορίαν*, то-есть первую редакцію житія, судя по слѣдующему примѣчанію, которое онъ дѣлаетъ въ самомъ началѣ пересказа: „Кукузель — дѣтское шуточное названіе. Іоаннъ, какъ болгаринъ родомъ, находясь при дворѣ греческомъ, сначала не зналъ хорошо греческаго языка. Когда спрашивали его сверстники: что онъ сегодня кушалъ? — тотъ простодушно отвѣчалъ имъ: *куку* и *земле* (*κοομά*—бобы, зелень). Отъ этого дѣти шутя и прозвали его Куку-

¹⁾ Академ. изд. ч. II, стр. 123—125; изд. Палест. Общ. ч. III, стр. 37—40.

²⁾ Академ. изд. ч. II, стр. 123: „Въ нѣкій юноша въ великомъ градѣ *Диррахіи*, сперва нарицаемомъ *Енидамии*, аже нынѣ именуется Ахридонъ (идѣ же архіепископъ есть самоглавный, съ честію патріаршему; ему же и власть отъ древнихъ царей дадеся зелеными буквами подписывати свое имя“); изд. Палестинск. Общ. ч. III, стр. 37: „Въ нѣкій юноша въ великомъ Дирахіи, первой Юстиніанѣ, аже нынѣ нарицается Ахридонъ (идѣ же архіепископъ есть самоглавный)“....

³⁾ Сочиненія Святогорца, письма къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аеоиской. I. М. 1883, стр. 147—152.

⁴⁾ Аеоискій Патерикъ или жизнеописанія святыхъ на св. Аеоиской горѣ проповѣдавшихъ. Ч. II. Изд. 6-е. М. 1890, стр. 217—222.

зелемъ (бобы и зеліе). И вотъ дѣтскій этотъ шуточный эпитетъ и переходитъ теперь изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ“ ¹⁾). Тѣмъ не менѣе онъ пересказалъ все-таки вторую редакцію, освященную, такъ сказать, аеонскимъ употребленіемъ ²⁾). Кромѣ того, Святогорецъ попытался опредѣлить и время жизни Кукузеля, относя его къ XII вѣку ³⁾), ко времени императора Комнина (какого?) ⁴⁾).

Изъ этого обзора редакцій житія и литературы предмета ясно, что для историка можетъ имѣть значеніе и представляетъ интересъ только *сύντομος іστορία* Іоанна Кукузеля; на ней я и останавливаю свое вниманіе и главнымъ образомъ на тѣхъ данныхъ, ею представляемыхъ, которыя, какъ кажется, имѣютъ значеніе для болгарской исторіи.

Прежде всего обратимся къ герою повѣсти.

Кукузелей было нѣсколько, а именно: Іоаннъ, Григорій и Іоасафъ ⁵⁾); но были ли это родственники или нѣтъ, въ настоящее время объ этомъ данныхъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, „видно, что эта фамилія или семейство все было пѣвучее“, какъ удачно выражается еп. Порфирій Успенскій ⁶⁾). Что дѣйствительно въ повѣсти мы имѣемъ дѣло съ первымъ изъ трехъ Кукузелей, это видно, во-первыхъ, изъ того, что онъ былъ очень извѣстенъ въ музыкальной литературѣ, а это вполне соответствуетъ характеру сказанія о немъ, и во-вторыхъ, изъ того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія онъ называется великимъ *μειστωρ'омъ* ⁷⁾), а это названіе является обычнымъ въ надписаніяхъ его композицій ⁸⁾). Судя по числу и характеру музыкальных произведеній Іоанна, уже помимо сказанія о немъ, можно думать, что популярность аеонскаго пѣвца была такъ велика, что о немъ должны

¹⁾ Аеонскій Патерикъ, ч. II, изд. 6-е, стр. 217.

²⁾ Нужно вообще замѣтить, что всѣ статьи, вошедшія въ составъ *Аеонскаго Патерика*, какъ славянскаго, такъ и русскаго, сокращены до того, частію Никодимомъ Святогорцемъ, частію монахомъ Агапіемъ, что являются почти совершенно негодными, какъ историческій матеріалъ; между тѣмъ какъ первоначальныя редакціи житій нѣкоторыхъ святыхъ чрезвычайно важны для исторіи.

³⁾ Сочиненія Святогорца. I. М. 1883, стр. 147.

⁴⁾ Аеонскій Патерикъ, II, изд. 6-е, стр. 217 и 222, примѣч.

⁵⁾ *Allatii De libris ecclesiast.* Graecor., стр. 99—100.—Еп. Порфирій, Первое путеш., II, прилож., стр. 76.

⁶⁾ Пера. путеш., II, прилож., стр. 76.

⁷⁾ Παπαδόπουλου-Καραμέως Μαροτόρη. Βιβλ., I, стр. 109.

⁸⁾ *Fabricii Biblioth. Gr.* III, стр. 365; *Lambecii Commentar.* V, стр. 273; *Nessel, Catal.* I, стр. 274; IV, 110.—*Allatii De libr. eccles.*, стр. 99.

были слагаться даже при его жизни рассказы, большая часть которыхъ, несомнѣнно, уже недолго спустя послѣ его смерти приняла легендарный характеръ ¹⁾. Лучшимъ образцомъ такого легендаризованнаго разказа объ Иоаннѣ Кукузелѣ можетъ служить слѣдующее, несомнѣнно, греческаго происхожденія повѣствованіе о чудѣ Пресвятой Богородицы въ повѣсти о Синайской горѣ по рукописи XVII вѣка (Публ. Библ., Погодинск. древлехран. № 1538, л. 32^о — 33^б): Въ Синайскомъ монастырѣ, „внутри олтаря, въ соборной церкви на горнемъ мѣстѣ икона чудотворная Пресвятыя Богородицы, иже глаголють, яко многажды глаголаше икона ко старцемъ. И о той же иконѣ синайстѣи старцы повѣствуютъ, яко во времена древняя, при державѣ благовѣрныхъ царей греческихъ (sic), Василія глаголю Македонянина, нѣкоему отъ domestикъ обители тоя пѣвшу Достойно, и воздремався, и златникъ, иже бѣ на персѣхъ тоя иконы, обрѣтесе въ руцѣ domestика именемъ Кукузелъ, иже и услыша гласъ отъ иконы: прѣими сіе за труды и благодарю на величїи сладкаго пѣнія тѣ. Оле чудеси! Елици обрѣтшіися тогда вси удивившася, пачежъ видящїи отъ иконы привѣщенный златникъ въ руцѣ domestика обрѣтесе. И страхомъ велимъ одержимъ и вси благолѣпно хвалу воздаша Пресвятой Богородицѣ и ея преславному чудеси“ ²⁾. Здѣсь мѣстомъ чуда вмѣсто аеонской лавры нашего разказа является Синайскій монастырь. Кромѣ того, въ нашей повѣсти о Кукузелѣ Богородица вручаетъ знаменитому пѣвцу невѣдомую прежде никѣмъ золотую монету; между тѣмъ какъ здѣсь въ руку domestика попадаетъ златникъ, привѣщенный къ груди Богородицы. Каково бы то ни было происхожденіе этого чуда, но отсюда ясно, что соотвѣтствующее мѣсто въ повѣсти объ Иоаннѣ Кукузелѣ представляетъ мотивъ, который можетъ быть приурочиваемъ къ разнымъ мѣстамъ и даже къ разнымъ лицамъ. Что это такъ, видно изъ краткаго разказа о св. Романѣ Сладкопѣвцѣ, къ которому приуроченъ именно этотъ мотивъ. Привожу здѣсь этотъ разказецъ, тѣмъ

¹⁾ Такую же почти мысль о популярности І. Кукузеля выражаетъ и г. Гедеонъ, хотя онъ придаетъ ей довольно рѣзкую форму; онъ говоритъ: „Ἐπιφανὴς τεχνίτης, μαγιστὴρ ὢν τε καὶ ἐπικληθεὶς τῆς ἱερᾶς τέχνης τοῦ Δαμασκηνοῦ, Ἰωάννης ὁ Κοκουζέλης κατέστη πρόσωπον, εἰς ὃ μῦθοι πολλοὶ προσεράφησαν, καὶ ἐνταῦθαις Θεοτόκου ζωρὰ φαντασία καλοτέρων εὐλαβῶν ἐπλάσεν εἰς αὐτὸν γενομένης, θαυμάτων πατέρα μονοουχοῦ τὸν ἱεροψάλτην τοῦτον κατασκευάσασα“. Ὁ Ἄθως. Ἐν Κ/πόλει 1885 стр. 239—240.

²⁾ *Лопаревъ*, Описание рукописей Общ. Любителей Древн. Писъм. І. С.-Пб. 1892, стр. 70—71.

богѣ что онъ представляеть довольно ощутительное сходство, въ общемъ, съ повѣстью объ Іоаннѣ Кукузелѣ: „Бяше, говорится тамъ, оубо преподобный Романъ, нмѣяше житіе по всему свято и благочестіемъ оукрашено, и велии любимъ бяше и почитаемъ и патріархомъ и всѣми за святое житіе его, пояше предъ ними (его завистниками) яже ему пречистая Богоматерь откры и наоучи, они же преимествоваху отъ него и писанію предаваху. Бяху бо искусни пѣнію писцы; и оттоле начатся святое демественное пѣніе и троестрочное сладкогласованіе, онажъ и лаврскія. Образъ Пресвятыя Богородицы афонскія въ монастырѣ лаврѣ зовомѣ въ церкви 40-ка мученикъ, за пѣніе, еже пояше старецъ: Радуйся невѣсто неневѣстная и даде ему златникъ Пресвятая Богородица, иже и до днесь видимъ есть всѣми при иконѣ обѣщень“¹⁾.

Повѣсть о Кукузелѣ также не свободна отъ вліянія позднѣйшихъ устныхъ разказовъ. Это видно изъ самаго ея начала: мы здѣсь встрѣчаемся съ самымъ обычнымъ явленіемъ житій или, вѣрнѣе, легендъ, составленныхъ обыкновенно по извѣстному шаблону уже тогда, когда историческая память о повѣствуемомъ лицѣ достаточно изгладилась. Такимъ образомъ, составитель повѣсти о Кукузелѣ не могъ отмѣтить ни времени жизни знаменитаго пѣвца, ни имени царя, о которомъ говорится такъ много въ повѣсти, иначе говоря, который игралъ весьма важную роль въ судьбѣ нашего Кукузеля. Совсѣмъ другое мы встрѣтили бы въ повѣсти, еслибы ея составитель жилъ во время близкое ко времени жизни лица повѣсти. Еще естественнѣе было бы встрѣтить въ повѣсти имя игумена лавры афонской; ибо, несомнѣнно, какъ я укажу ниже, составитель повѣсти былъ афонскій монахъ, но этого имени также нѣтъ. Значить составитель повѣсти жилъ уже въ такое время, когда и объ этомъ не могъ имѣть ясныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Помимо этого, нѣкоторые эпизоды представлены въ повѣсти въ такомъ видѣ, что придаютъ ей совершенно легендарный характеръ. Таково описаніе отношеній царя къ Іоанну при царскомъ дворѣ, отправленіе гонцовъ искать Іоанна, сцена свиданія игумена съ царемъ по поводу Іоанна, приѣздъ царя на Аѳонъ и устройство

¹⁾ Рукоп. XVIII в., Общ. Люб. Др. II. № XXII (397), *Λοπαρεσς*, Описаніе, стр. 70. Ср. *Ἀγαπίου Ἀμαρτωλῶν Σωτηρία*, стр. 272; *Νικοδήμου Ἀγιορείτου Συναγισμ.* I. Ἐν Ἀθῆν. 1868, стр. 91—92; Γ. Παπαδοπούλου *Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς παρ' ἡμῖν ἐκκλησιαστικῆς μουσικῆς καὶ ἀπὸ τῶν ἀποστολικῶν χρόνων ἄχρι τῶν ἡμερῶν ἡμῶν ἀκμασάντες ἐπιφανέστεροι μελῳδοί, ὕμνογράφοι, μουσικοὶ καὶ μουσικολόγοι*, Ἐν Ἀθῆν. 1890, стр. 140—142.

тамъ пѣра. По начальной части повѣсти ясно можно видѣть, что у составителя послѣдней было нѣсколько разказовъ объ Іоаннѣ Кукузелѣ, представляющихъ отдѣльные эпизоды изъ жизни знаменитаго пѣвца. Эти разказы были склеены составителемъ повѣсти въ известной послѣдовательности, хотя не всегда искусно. Таковыми разказами я считаю: 1-й—объясненіе прозвища Кукузеля, при чемъ сюда входило повѣствованіе объ обученіи Іоанна при царскомъ дворѣ, и 2-й—объясненіе происхожденія *бомарской* мелодіи; для этого нужно было привести причитаніе матери Іоанна, послужившее началомъ мелодіи, а слѣдовательно и сцену ихъ встрѣчи, а затѣмъ повѣствованіе о возвращеніи пѣвца въ Константинополь, о встрѣчѣ его царемъ и сцену: Іоаннъ въ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ компонируется мелодія. Эти два разказа довольно отрывочны: въ нихъ много неяснаго и недосказаннаго. Вотъ почему, по моему мнѣнію, монахъ Агапій счелъ, между прочимъ, нужнымъ исключить ихъ изъ своего разказа о жизни Іоанна Кукузеля. Они, въ виду ихъ состава и характера, могутъ составить *первую* часть повѣсти о Кукузелѣ, то-есть, повѣствованіе о его жизни до отправленія на Аѳонъ. *Вторую* же часть составляетъ остальной разказъ о жизни знаменитаго пѣвца, то-есть, изображеніе его дѣяній на Аѳонѣ. Отличительная черта этой части—большая цѣльность въ изложеніи разказа въ сравненіи съ предыдущей, хотя характеръ содержанія сохраняется одинъ и тотъ же. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что разказъ этой части сложился на Аѳонѣ и что почти весь онъ представляетъ нѣсколько приукрашенное изображеніе дѣйствительныхъ фактовъ изъ аѳонской жизни Іоанна Кукузеля. Только то мѣсто этой части, гдѣ говорится о пріѣздѣ царя на Аѳонъ, чтобы видѣться съ Кукузелемъ, передаетъ или полный вымыселъ, или сильно искаженный пересказъ какого-либо факта изъ жизни аѳонскаго пѣвца. Что же касается первой части повѣсти или, вѣрнѣе, разказовъ, ее составляющихъ, то если послѣдніе и могли сложиться на Аѳонѣ,—матеріалъ для нихъ или ихъ основа, несомнѣнно, явилась извнѣ.

Не трудно послѣ сказаннаго заключить, что вся повѣсть составлена была на Аѳонѣ тамошнимъ монахомъ, можетъ быть, изъ пѣвцовъ, которому дорога была память о такомъ знаменитомъ лицѣ въ церковной музыкѣ, какимъ былъ Іоаннъ Кукузелъ. Всего лучше это видно изъ того, что вторая часть повѣсти представляетъ, какъ я сказалъ, больше полноты и цѣльности въ сравненіи съ первой. Это произошло оттого, что ея составитель на мѣстѣ дѣятельности Іоанна собиралъ матеріалъ для изображенія аѳонской жизни героя своей по-

вѣсти. Повидимому, трудъ составителя заключался главнымъ образомъ въ собираніи тѣхъ разказовъ о Кукузелѣ, которые существовали въ его, то-есть, составителя время и раньше на Аѳонѣ.

Были ли это писанные разказы или устные преданія, и прибавили ли къ нимъ что-либо отъ себя нашъ составитель, въ настоящее время я не умѣю сказать. Можно, однако, думать, что ему были извѣстны, по крайней мѣрѣ для образца, такіа повѣсти, каково сказаніе не безъ апокрифическаго оттѣнка о Романѣ сладкопѣвцѣ, которое, по отрывку, мнѣ извѣстному, съ вѣншей стороны представляется довольно сходнымъ съ повѣстью объ Іоаннѣ Кукузелѣ. Романъ также благочестивъ, какъ и Кукузель, любимъ царемъ и патріархомъ и наконецъ Богородица вручаетъ ему во время дремоты въ церкви золотую монету, которая висѣла у нея на груди. Правда, въ повѣсти о Кукузелѣ мы не видимъ нѣкоторыхъ подробностей, какія находятся въ сказаніи о Романѣ: тамъ не говорится о любви патріарха къ Іоанну, не встрѣчаемъ ни слова о завистникахъ, о сообщеніи церковныхъ мелодій, объ искусныхъ пѣвцахъ, о демественномъ пѣніи, о монетѣ, висѣвшей на груди Богородицы, и не приводятся названія церкви и церковной пѣсни, какую пѣлъ Романъ; даже не ясно видно, что врученіе монеты Богородицею относилось прямо къ Роману. Тѣмъ не менѣе, все это не исключаетъ возможности знакомства составителя нашей повѣсти съ сказаніемъ о Романѣ и пользованія нашимъ составителемъ до извѣстной степени этимъ сказаніемъ.

Судя по складу рѣчи повѣсти о Кукузелѣ, можно думать, что составитель ея едва ли былъ грекъ по происхожденію; приводимыя въ ней славянскія слова скорѣе обличаютъ въ немъ славянина и вмѣстѣ съ тѣмъ челоуѣка не высокаго образованія: онъ съ полною наивностію принимаетъ за дѣйствительно происшедшее явно преувеличенные разказы о знаменитомъ аѳонскомъ пѣвцѣ и съ небольшою наивностію пересказываетъ ихъ, придавая имъ характеръ душеполезнаго и назидательнаго чтенія. Что здѣсь дѣйствительно не мало наивнаго и даже невѣроятнаго, это видно уже изъ того, что впослѣдствіи собрать составителя повѣсти по подвижничеству, аѳонскій монахъ Агапій Критянинъ, мужъ для своего времени и среды просвѣщенный, счелъ нужнымъ въ своемъ разказѣ объ Іоаннѣ Кукузелѣ выбросить почти всю первую часть повѣсти и тщательно очистить отъ насловной вторую.

II. Сырку.

(Ожючаніе слѣдуетъ).

ВОПРОСЪ О НОВООТКРЫТОЙ ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ ¹⁾.

Съ 1891 года, съ открытіемъ и обнаруженіемъ трактата 'Αθηναίων Πολιτεία, еще въ древности приписываемаго Аристотелю, изученіе внутренней исторіи Аѳинъ вступило въ новый фазисъ ²⁾. Раньше мы не имѣли особаго, такъ сказать, спеціальнаго источника, который бы давалъ намъ исторію аѳинской демократіи въ связанномъ видѣ; намъ приходилось довольствоваться разбросанными у разныхъ авторовъ и въ надписяхъ данными и мимоходомъ лишь сдѣланными, случайными указаніями. Теперь мы располагаемъ произведеніемъ, представляющимъ болѣе или менѣе связную исторію аѳинскаго государственнаго строя и затѣмъ его описаніе, какимъ онъ былъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Для насъ открылся, такимъ образомъ, новый источникъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ прежніе, повидимому, должны отойти далеко на задній планъ. Изъ этого источника мы узнаемъ много новаго; многія подробности и моменты въ исторіи аѳинской демократіи теперь представляются намъ въ иномъ видѣ, нежели прежде; не мало гипотезъ, казавшихся и правдоподобными, и твердо установленными, теперь рушится, и то, что считалось общепризнаннымъ и несомнѣннымъ, опровергается или подвергается сомнѣнію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ едва ли не больше еще возникаетъ новыхъ проблемъ, новыхъ вопросовъ и недоумѣній, требующихъ разрѣшенія. Является необходимость въ критической провѣркѣ свидѣтельствъ—иногда столь неожиданныхъ—нашего новаго источника, въ сличеніи ихъ съ прежде извѣстными намъ,

¹⁾ Сообщение, читанное въ Харьковской историко-филологическомъ обществѣ 2-го мая 1892 г.

²⁾ Ср. *Ad. Bauer*, Aristoteles über die Verfassung Athens (*Preuss. Jahrbücher*, 1891, juli, S. 109); *В. А. Шефферъ*, Аѳинское гражданство и народное собраніе, Москва. 1891, ч. I, стр. 4.

въ примиреніи или объясненіи противорѣчій, въ изложеніи исторіи аѳинскаго государственнаго строя на основаніи всей совокупности данныхъ, какъ новыхъ, такъ и прежнихъ и т. д. И прежде всего самый вопросъ о памятникѣ, о томъ, дѣйствительно ли новооткрытая 'Αθηναίων Πολιτεία есть произведеніе Аристотеля и каково ея значеніе, какъ историческаго источника, оказывается спорнымъ. Тутъ высказываются самыя разнообразныя и самыя противоположныя мнѣнія, и не смотря на то, что со времени обнаруженія трактата прошло всего около полутора года, по этому вопросу имѣется уже широко разросшаяся литература.

Съ ея обзора мы и начнемъ.

'Αθηναίων Πολιτεία впервые издана, какъ извѣстно, Кеніономъ, ассистентомъ въ отдѣленіи рукописей въ Британскомъ музеѣ, въ январѣ 1891 года. Кеніонъ безъ колебаній призналъ ее произведеніемъ самого Аристотеля и (въ введеніи къ изданному имъ тексту, р. XIV sq.) представилъ въ пользу этого доводы, которые и до сихъ поръ служатъ главнѣйшей опорой мнѣнія о принадлежности новооткрытаго трактата Аристотелю. Этими доводами являются—совпаденіе большей части изъ извѣстныхъ намъ уже раньше фрагментовъ съ открытымъ теперь текстомъ, ссылки древнихъ авторовъ на 'Αθηναίων Πολιτεία какъ на произведеніе Аристотеля, и время составленія трактата между 329 и 307 г. (потомъ, какъ увидимъ, это время опредѣлено было точнѣе), то-есть въ теченіе послѣднихъ 7-ми лѣтъ жизни великаго стагирита или вскорѣ послѣ его смерти. Въ виду всего этого Кеніонъ полагалъ, что *opus probandi* долженъ лежать на томъ, кто вздумалъ бы отвергать принадлежность трактата Аристотелю (р. XVІІІ). Кеніонъ въ томъ же введеніи (стр. XX и сл.) даетъ и очеркъ исторіи аѳинскаго государственнаго строя въ томъ видѣ, какъ она представляется намъ въ нашемъ новомъ источникѣ. Послѣднему онъ придаетъ громадное значеніе; онъ полагаетъ, что исторію Аѳинъ придется теперь передѣлывать (стр. XLIX). Онъ говоритъ о строгомъ безпристрастіи, нелицепріятіи Аристотеля (*ibid.*), имѣвшаго въ виду одну истину, собиравшаго и изучавшаго факты аѳинской исторіи съ такимъ же безпристрастіемъ и спокойствіемъ, какъ будто онъ имѣлъ дѣло съ Кароагеномъ или браминнами, съ силлогизмомъ или структурой животнаго (стр. I). Аристотель почти ничего не говоритъ намъ о своихъ источникахъ, но къ счастью, по мнѣнію Кеніона, намъ тутъ и не такъ важно знать эти источники, какъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ о Плутархѣ. Аристотель позаботился для себя самого провѣ-

рить свои источники, вмѣсто того, чтобы предоставлять это потомству, и гдѣ онъ ясно и положительно приводитъ извѣстный фактъ, тамъ его утверждение не легко отвергнуть (стр. L). Но нельзя сказать, чтобы Кеніонъ слишкомъ ужъ слѣпо вѣрилъ источнику, который онъ ставитъ такъ высоко. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ, коими онъ снабдилъ свое изданіе, онъ отмѣчаетъ, что новаго въ извѣстіяхъ 'Αθηναίων Πολιτεία, сличаетъ ихъ съ нашими прежними данными, указываетъ на противорѣчія, старается объяснить ихъ и не скрываетъ, что нѣкоторые извѣстія новаго источника неточны и ошибочны, напримеръ, относительно приговора надъ полководцами-побѣдителями при Аргинусахъ (стр. 91: „Aristotle is certainly inaccurate here...“).

Извѣстно, какую сенсацию не только въ кругу специалистовъ, но и въ публикѣ произвела уже одна вѣсть о томъ, что въ Британскомъ музеѣ найдена рукопись знаменитаго Аристотелева трактата, и съ какимъ затѣмъ восторгомъ—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ и на материкѣ Европы—встрѣчено было изданіе Кеніона. Его требовали на расхватъ, и уже черезъ нѣсколько дней понадобилось второе изданіе, а еще черезъ мѣсяцъ появилось и facsimile панируса ¹⁾, которое окончательно должно было разсѣять всякія подозрѣнія въ фальсификаціи, еслибы даже таковыя и существовали. Наконецъ, недавно, въ февралѣ нынѣшняго года, вышло въ свѣтъ третье изданіе Кеніона, значительно исправленное и дополненное ²⁾: панирусъ снова тщательно изученъ, предложенныя многочисленныя эмендаціи и конъектуры съ нимъ сличены и такимъ образомъ возстановленъ, за немногими исключеніями, текстъ тѣхъ мѣстъ, которыя сначала вслѣдствіе неразборчивости и порчи рукописи не были разобраны и потому въ первыхъ двухъ изданіяхъ означены точками; замѣчанія и взгляды, высказанные въ литературѣ со времени выхода въ свѣтъ editio princeps, приняты во вниманіе и т. д. О томъ, на сколько измѣнился взглядъ самого Кеніона на изданный имъ памятникъ, мы скажемъ далѣе.

Вслѣдъ за первыми двумя изданіями Кеніона появилось нѣсколько изданій текста 'Αθηναίων Πολιτεία и въ другихъ странахъ: *Ferrini* ³⁾,

¹⁾ 'Αθηναίων Πολιτεία.—Aristotle on the Constitution of Athens. Facsimile of Papyrus CXXXI in the British Museum etc. 1891.

²⁾ Это видно даже изъ простаго сравненія числа страницъ: во 2-мъ, напримѣръ, изданіи предисловіе занимаетъ LI стр., а текстъ съ примѣчаніями и указателями—190, въ 3-мъ же—LXVII и 229.

³⁾ 'Αθηναίων Πολιτεία.—Aristotele.—La Costituzione degli Ateniesi. Testo greco—versione italiana, introduzione e note per cura di C. Ferrini, Milano 1891.

Каибеля и Вилмовица-Меллендорфа ¹⁾, *Herwerden'a* и *Leeuwen'a* ²⁾. Многочисленные переводы ея быстро слѣдовали одинъ за другимъ ³⁾. Специальные ученые органы, популярныя журналы и газеты, всѣ спѣшили наперерывъ ознакомить своихъ читателей съ драгоценною находкой и выяснитъ великое значеніе ея. Лучшіе знатоки Аристотеля привѣтствовали опубликованный Кеніономъ трактатъ, какъ несомнѣнно Аристотелево произведеніе.

Такъ, *Дильсъ* ⁴⁾ признавался, что трактатъ превзошелъ всѣ его ожиданія, и говорилъ о благородной простотѣ стиля Аристотеля въ этомъ произведеніи, о прекрасномъ расположеніи матеріала, о той документальной точности, съ какой освѣщены тутъ именно наиболѣе темныя части аѳинской исторіи, объ умѣньѣ Аристотеля обставить свое изложеніе точными хронологическими опредѣленіями, богато собранными документальными данными, характерными анекдотами, отрывками изъ стихотвореній, и облечь этотъ пестрый матеріалъ въ изящную форму. „Еще недавно“, говоритъ Дильсъ, „представляли себѣ Аристотеля, аѳинскаго метика ⁵⁾, какъ какого нибудь робкаго

¹⁾ Aristotelis Πολιτεία Ἀθηναίων, edid. G. Kaibel et U. de Wilamowitz-Möllendorff, Berolini MDCCCXCI (первое изданіе вышло лѣтомъ, второе—осенью прошлаго года).

²⁾ De republica Atheniensium. Aristotelis qui fertur liber Ἀθηναίων Πολιτεία—Post Kenyonem ediderunt H. van Herwerden et J. van Leeuwen. Accedunt manuscripti apographum, observationes palaeographiae cum tabulis IV, indices locupletissimi. Lugduni Batavorum MDCCCXCI. — Готовятся еще изданія Blass'a въ Германіи (Teubner) и Haussoullier во Франціи.—Aristoteles om Athens Statsforfatning, ed. F. G. Kenyon og P. O. Schott, Christiania. 1891, подъ рукою не имѣлъ.

³⁾ Нѣмецкіе переводы: *Georg'a Kaibel'a* и *Adolf'a Kiessling'a* (Strassburg 1891; два изданія), *Hermann'a Hagen'a* (въ *Schweizerische Rundschau* 1891, № 4 — 6), *Franz'a Poland'a* (Berlin. 1891, въ „Langenscheidsche Bibliothek“); *Италіанскіе*: *Ferrini* (въ упомянутомъ уже выше изданіи) и *Zuretti*; *англійскіе*—*Kenyon'a*, *Poste* и *Dumes*. Сравнительную оцѣнку этихъ переводовъ можно найдти въ отзывѣ Haussoullier (*Revue critique*, 1892, № 12), по справедливости ставящаго переводъ Полянда выше всѣхъ. Французскіе переводы — *Théod. Reinach'a*, (Paris. 1891) и *B. Haussoullier*, въ сотрудничествѣ съ *Bourguet*, *Brunhes* и *Eisenmann* („Bibliothèque de l'Ecole des hautes études“. Paris. 1891); *русскій* переводъ (*Н. Я. Шубина*)—въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1891, май—августъ, в отдѣльно.

⁴⁾ *Deutsche Literaturzeitung*, 1891, № 7, S. 239 ff.

⁵⁾ Повидимому, намекъ на Bernays, „Oratio de Aristotele Athenis peregrinante et de libris eius politicis“ (Gesammelte Abhandlungen von Jacob Bernays, hrsg. von H. Usener, Berlin, 1885, I, 165 сл., особенно стр. 172 сл.).

профессора, который съ преклоненной головой, осторожнымъ шагомъ спѣшитъ по улицамъ города, боясь наступить на ногу представителю народа, и который не отваживается и рта раскрыть, когда дѣло идетъ объ аѳинскихъ отношеніяхъ. Въ совершенно иномъ свѣтѣ является теперь Аристотель Политіи. Съ поднятой главой стоитъ онъ передъ нами, съ головы до ногъ аристократъ, который пылко беретъ подъ свою защиту Оерамена и вовсе не дѣлаетъ тайны изъ своего антидемократическаго образа мыслей¹⁾. Но въ то время, какъ онъ, имѣя въ виду ἀρίστη πολιτεία, съ благородною откровенностью указываетъ на вредъ демократіи, онъ храпитъ въ себѣ и теплое сочувствіе ко всему, что совершилъ благороднаго аѳинскій димось. „Свѣтъ, теперь сразу проливаемый на аѳинскую исторію, сначала такъ ослѣпляетъ, что трудно отнѣтить, что въ новооткрытомъ трактатѣ является особенно новымъ и важнымъ, и отдѣлять то, что среди этого новаго можетъ оказаться невыдерживающимъ критики... Гдѣ восходить такое солнце, тамъ разсѣиваются тысячи историческихъ гипотезъ, словно стая летучихъ мышей. Работа историковъ и филологовъ на этомъ полѣ начнется съизнова и на цѣлые десятки лѣтъ хватить тутъ жатвы“! Въ другомъ мѣстѣ²⁾ Дильсъ говоритъ, что открытіе Ἀθηναίων Πολιτεία должно повліять и на самый историческій методъ.

Не будемъ подробно останавливаться на другихъ болѣе или менѣе восторженныхъ отзывахъ о вновь найденномъ трактатѣ, такъ какъ въ нихъ, въ нѣсколько иной формѣ, мы встрѣчаемъ въ сущности то же, что такъ ярко выражено у Дильса. Таковы отзывы Blass'a³⁾, M. Fränkel'a⁴⁾, Mühly⁵⁾, Haussoullier⁶⁾, Weil'a⁷⁾, замѣтки въ Times (Jan. 19 th. 1891), въ Kölnische Zeitung, Berliner Philol. Wochenschrift (№ 7, 1891), въ польскомъ Ateneum'ѣ (1891. Т. I), предисловія Полянда къ его переводу и Кайбеля и Виламовица къ ихъ изданію Ἀθηναίων Πολιτεία и болѣе подробныя статьи Кайбеля⁸⁾.

¹⁾ Über Epimenides von Kreta (Sitzungsberichte d. Berl. Acad. d. Wissensch., 1891, S. 387).

²⁾ Literar. Centralblatt, 1891, № 10.

³⁾ Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft hrsg. von Quidde. V B., 1 H., 1891, стр. 164—167.

⁴⁾ Vom Fels zum Meer, 1890—1891, Heft 11, S. 168—169.

⁵⁾ Revue critique, 1891, № 10, и Revue des études grecques, III. 1890 (sic), p. 475—479.

⁶⁾ Journal des Débats, 13 mars 1891.

⁷⁾ Nord und Süd, April 1891, S. 80—92.

Гомперца ¹⁾, Ганса Драйзена ²⁾, Шнейдера ³⁾ въ Германіи ⁴⁾, Barthélemy Saint Hilaire ⁵⁾ во Франціи, Vanderkindere ⁶⁾ въ Бельгii, Comparetti ⁷⁾ и Ferrini ⁸⁾ въ Италіи, А. Н. Дерезицкаго ⁹⁾, проф. Бяляева ¹⁰⁾ и др. ¹¹⁾ у насъ въ Россіи. Кайбель, напримѣръ, отзывается объ 'Αθηναίων Πολιτεία какъ о „мастерски написанной книгѣ“, какъ объ „истинно художественномъ произведеніи“ (*Nord u. Süd*, стр. 82), а объ Аристотелѣ—какъ о первостепенномъ изслѣдователѣ (стр. 91). „Словно выточенное изъ камня“, говоритъ онъ, „стоятъ предъ нашими глазами его сжатое и вмѣстѣ съ тѣмъ столь наглядное и содержательное описаніе, и однако мы чувствуемъ, какъ тутъ каждая мелочь есть результатъ тяжелой работы и размышленій, какъ скупые на слова документы изъ древнѣйшаго времени дѣлаются понятными, благодаря разумному истолкованію, какъ связываются одинъ съ другимъ факты и обдуманно комбинируются вещи, между которыми, казалось, едва ли есть какая-либо связь“ (стр. 91). По сло-

¹⁾ *Deutsche Rundschau*, 1891, Mai, S. 219—236.

²⁾ Zu Aristoteles 'Αθηναίων Πολιτεία.—Vorläufige Bemerkungen, Berlin. 1891 (*Wissenschaftliche Beilage zum Programm des Königstädtischen Gymnasiums zu Berlin. Ostern*).

³⁾ *Wochenschrift für klass. Philologie*, 1891, №№ 14, 18, 19, 21.

⁴⁾ См. еще, напримѣръ, статью (безъ подписи) въ *Die Grenzboten* № 14 (1891, 2 Apr.). S. 15 — 21; предварительную краткую замѣтку въ *Berl. Phil. Wochenschrift*, 1891, № 7 и проч.

⁵⁾ Онъ съ особеннымъ восторгомъ привѣтствовалъ драгоценную находку: „Athènes, Aristote! Un grand ouvrage retrouvé après quinze siècles, où on le croyait perdu! L'Histoire constitutionnelle de la cité de Minerve, écrite par le philosophe! Quelle découverte! quelle surprise, quel trésor! Athènes, Aristote! Dans les fastes de l'esprit humain, rien n'est au-dessus de ces deux noms, entourés de tant d'admiration, de respect et de gratitude etc. *Revue Bleue*, 1891, T. 47, № 12—13 (21—28 Mars); потомъ перепечатано безъ всякихъ измѣненій въ *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, 1891, août, p. 145—170.

⁶⁾ *Revue de Belgique*, 1891, 3 livraison (15 Mars), p. 239—252.

⁷⁾ *Nuova Antologia*, v. XXXIV, 1 Luglio 1891, p. 5—22.

⁸⁾ Кромѣ предисловія въ уже упомянутому изданію текста и перевода трактата см. еще его мемуаръ въ *Rendiconti dell' Istituto Lombardo*, seduta 2 aprile 1891, котораго, впрочемъ, я подъ рукою не имѣлъ.

⁹⁾ О новомъ трактатѣ Аристотеля и его значеніи для исторіи аѳинской демократіи. Харьковъ, 1891, и замѣтка въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, апрѣль, въ отдѣлѣ критики и бібліографіи, стр. 241—244.

¹⁰⁾ *Учен. Зап. Императ. Казанск. универс.*, 1891, кн. 2, и отдѣльно.

¹¹⁾ Ср. мою статью въ *Историческомъ Обзорѣннѣ* (*Сборникъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ*), 1891, т. II, стр. 221—239.

вамъ Гомперца, Аристотель такой же изслѣдователь по источникамъ, какъ любой современный точный историкъ; онъ тщательно воспользовался лапидарнымъ архивомъ Афинъ (стр. 220); изложение его отличается благородною простотою и изяществомъ, ясностью и точностью (ibid.) и т. д.

На первыхъ порахъ, естественно, было не до критики: болшему частью ограничивались безусловнымъ признаніемъ найденной 'Αθηναίων Πολιτεία за произведение Аристотеля, хвалебной характеристикой ея и краткою или подробною передачею самаго ея содержанія.

Уже болѣе трезвое и критическое отношеніе къ разсматриваемому памятнику и стремленіе къ болѣе глубокому анализу его находимъ у Weil'я (котораго разъ мы ужъ назвали), въ его статьѣ, помѣщенной въ *Journal des Savants* (1891, Avril, p. 197 — 214), у Dareste'a, Lipsius'a, Keil'я и Schöll'я.

Вейль допускаетъ возможность участія учениковъ Аристотеля въ составленіи его „Политій“. Сужденія о лицахъ и событіяхъ и общій планъ трактата, по Вейлю, принадлежать, безъ сомнѣнія, учителю; матеріалъ же могъ быть собранъ его помощниками—учениками (стр. 202) ¹⁾. Вейль посвятилъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ вопросу объ источникахъ 'Αθηναίων Πολιτεία и сравненію Аристотеля, какъ историка, съ Фукидидомъ (стр. 202 — 205). Уже онъ замѣтилъ несоотвѣстствіе между свидѣтельствомъ Плутарха и свидѣтельствомъ нашего трактата относительно Дракона, ареопага при Солонѣ иThemistocla, хотя онъ все-таки отдаетъ предпочтеніе авторитету 'Αθηναίων Πολιτεία и готовъ упрекнуть въ отсутствіи историческаго смысла тѣхъ древнихъ авторовъ, которые утверждаютъ, что ареопагъ есть созданіе Солона (стр. 208). Уже онъ находитъ несообразнымъ сообщеніе 'Αθηναίων Πολιτεία о томъ, что Климонъ во время Эфιάлтовой реформы былъ еще молодъ, и пытается устранить эту несообразность путемъ эмendaціи (ἐνεώστερον или νεώστερον вмѣсто νεώτερον, стр. 212). — *Дарестъ* тщательно анализируетъ ²⁾ содержаніе второй, систематической, части трактата, представляющей описаніе современнаго автору афинскаго строя. *Lipsiusъ* ³⁾ даетъ не менѣе тща-

¹⁾ Ср. и Comparetti, стр. 13—14.

²⁾ *Journal des Savants*, 1891, Mai, p. 257 — 273 и то же самое — въ *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*, 1891, Sept.—Oct. (9—10 livraison).

³⁾ Въ *Berichte über die Verhandlungen der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*. Philol.-Histor. Classe. 1891, I, S. 41—69.

тельный анализъ извѣстій *Ἀθηναίων Πολιτεία*, касающихся афинскаго права и судопроизводства, и сличаетъ ихъ съ извѣстными намъ раньше фрагментами, сюда относящимися, при чемъ въ дошедшей до насъ рукописи трактата онъ готовъ допустить отдѣльные небольшіе пропуски, равно какъ и вставки (стр. 46—47), а анекдотъ о Θεμιστοκλῆς уже онъ называетъ „сомнительнымъ“ по хронологическимъ основаніямъ (стр. 44).—Проблески критики, еще, правда, робкой и нерѣшительной, замѣтны и въ статьѣ Кейля ¹⁾, который, помимо противорѣчій въ хронологическихъ показаніяхъ *Ἀθηναίων Πολιτεία* относительно Писистрата (вслѣдствіе ошибки въ текстѣ), усматриваетъ и недостатки въ стилѣ и въ изложеніи, неравномѣрность и пробѣлы (стр. 615—616) и поэтому считаетъ не лишеннымъ вѣроятности предположеніе, что трактатъ не былъ окончательно отдѣланъ самимъ авторомъ и былъ изданъ уже послѣ его смерти (стр. 618). Кейль же указываетъ на недостаточное пониманіе Аристотелемъ всего значенія Дракона (стр. 520) и сознается, что разказъ *Ἀθηναίων Πολιτεία* о паденіи ареопага носитъ на себѣ анекдотическій оттѣнокъ и страдаетъ такими внутренними противорѣчіями, что его достоверность съ полнымъ правомъ могла бы быть заподозрѣна (стр. 556). А Шелль ²⁾ прямо признаетъ хронологическую путаницу въ извѣстіяхъ трактата о Кимонѣ и считаетъ невозможнымъ допустить участіе Θεμιστοκλῆς въ реформѣ ареопага въ виду несомнѣнныхъ свидѣтельствъ другихъ авторовъ ³⁾; примѣръ Плутарха и позднѣйшихъ историковъ, не удостоившихъ этой „басни“ даже упоминанія, служить, по словамъ Шелля, нелишнимъ напоминаніемъ и для насъ — безъ критическаго разбора не приносить въ жертву авторитету Аристотеля всякаго противорѣчащаго ему свидѣтельства другихъ источниковъ (№ 108. S. 6). Въ самомъ сужденіи Аристотеля о государственныхъ людяхъ, по Шеллю, есть слабыя стороны, и это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Аристотель совершенно обходитъ молчаніемъ внѣшнія отношенія Афинъ; государственные дѣятели временъ блеска Афинъ — Кимонъ, Эфιάлътъ, Периклъ — требуютъ инаго масштаба при оцѣнкѣ (ibid.).

¹⁾ *Berliner Philologische Wochenschrift*, 1891, № 17—20.

²⁾ Въ *Beilage zur Allgemeinen Zeitung*. München. 1891, 9 u. 11 Mai (№ 107—108).

³⁾ См. мое сообщеніе, читанное въ засѣданіи Харьковскаго историко-филолог. общества 13-го мая 1891 г. и напечатанное въ іюльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, подъ заглавіемъ: „Θεμιστοκλῆς и Эфιάльтова реформа ареопага“.

Впрочемъ, подобныя критическія замѣчанія въ этихъ статьяхъ занимаютъ далеко не главное мѣсто; они теряются среди хвалебныхъ отзывовъ: всѣ вышеупомянутые изслѣдователи считаютъ новооткрытый трактатъ драгоценною находкою, признаютъ великое его значеніе, какъ источника, а авторомъ его называютъ Аристотеля.

Таково было въ первое время отношеніе къ новооткрытой *'Αθηναίων Πολιτεία* въ континентальной Европѣ. Не то мы видимъ въ Англіи.

Странно было бы въ нашъ вѣкъ критики и гиперкритики, когда еще недавно, напримѣръ, мы видѣли страстныя нападки даже на Фукидиду и попытки развѣнчать величайшаго историка древности ¹⁾, еслибы новооткрытый памятникъ не подвергся безпощадному критическому разбору и не вызвалъ скептическаго отношенія къ себѣ. Но замѣчательно, что такое отношеніе къ нему проявилось прежде всего не въ Германіи, напримѣръ, а въ Англіи, среди соотечественниковъ же Кеніона. Скептицизмъ этотъ выражался не въ томъ, что подорывали тутъ какую-либо фальсификацію, — даже самыя ярые скептики, и тѣ говорили о невозможности допустить въ данномъ случаѣ какой бы то ни было подлогъ. — а въ томъ, что подвергали сомнѣнію или даже прямо отвергали принадлежность открытаго трактата перу Аристотеля и не признавали за нимъ важнаго значенія.

Началось съ того, что *Wyse* ²⁾ выступилъ съ протестомъ противъ того, какъ лица, стоящіе во главѣ Британскаго музея, распорядились съ попавшими имъ въ руки „сокровищемъ“ ³⁾: изданіе Кеніона, по словамъ *Wyse*, обезображено непростительными ошибками противъ удареній и грамматики и т. под. Затѣмъ въ статьѣ, повидимому, того же *Wyse* ⁴⁾, помѣщенной тоже въ *The Athenaeum* (4 Apr. 1891. № 3310, р. 434—436), указывается на неудовлетворительность комментарія и отсталость Кеніона отъ современной науки. Что касается самаго трактата, то авторъ этой статьи какъ будто согла-

¹⁾ Вспомнимъ, напримѣръ, статьи *Мюллера-Штрюбинга*. О нихъ см. въ „Послѣсловіи къ переводу“ Фукидиды: „Фукидидъ и его сочиненіе“, *Θ. Γ. Μιχαηλίου* и въ моей книгѣ: „Периклъ“.

²⁾ *The Athenaeum*, 14 Febr. 1891, № 3303, р. 217—218.

³⁾ Ср. замѣтку *Raton'a* въ *The Athenaeum* же, № 3304 (21-го февр. 1891), стр. 251.

⁴⁾ Статья безъ подписи, но *Ferrini* въ своемъ предисловіи къ изданію трактата, стр. XXIV, прим., говорить, что ея авторъ — *Wyse*.

шается съ Кеніономъ ¹⁾. что *onus probandi* лежитъ на тѣхъ, кто отвергаетъ авторство Аристотеля, но, по его мнѣнію, уже одни огромные размѣры дѣятельности Аристотеля дѣлають въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы „Политія“, даже если онѣ составлены имъ самимъ, были проникнуты духомъ изслѣдованія и критики, и первый долгъ историка—воздержаться отъ слѣпой вѣры въ „великій авторитетъ Аристотеля“. Касаясь источниковъ трактата, Wyse, на-примѣръ, указываетъ, съ какою вѣрностью „Аристотель“ списываетъ Геродота, беря у него характерные слова и обороты и т. д. Wyse отмѣчаетъ пристрастіе автора трактата къ Θерамену и его нападки на демагоговъ. Но даже оставляя въ сторонѣ политическія антипатіи автора 'Αθηναίων Πολιτεία, нужно, продолжаетъ Wyse, тщательно провѣрять его свидѣтельства: если авторъ въ разказѣ о событіяхъ 406 или 404/3 г. слѣдовалъ источнику, менѣе достовѣрному, чѣмъ Ксенофонтъ, или резюмировалъ небрежно, то какъ мы можемъ полагаться на его тщательность и точность тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о „пятидесятилѣтіи“ или о до-Солоновомъ періодѣ? примемъ-ли мы его свидѣтельство объ изумительной Драконовой конституціи, не изслѣдовавъ предварительно, откуда могли быть взяты имъ подробности и вѣроятны-ли онѣ? и т. д. По Wyse, трактатъ „гипомнематиченъ“ въ слишкомъ ужъ буквальный смыслъ; онъ заранѣе предполагаетъ знакомство съ существующею литературой и способенъ ввести въ заблужденіе толкователей, которые не обладаютъ такимъ знакомствомъ (стр. 434—435). Кромѣ того, авторъ не интересуется именно тѣми проблемами, которыя занимають современнаго историка. Вторая часть трактата, то-есть, описаніе аѣинскаго строя, современнаго автору, имѣетъ больше цѣны, нежели историческій очеркъ развитія аѣинской конституціи, составляющій первую часть.

Еще раньше *Franklin Richards* высказалъ мнѣніе ²⁾, что доводы Кеніона въ пользу авторства Аристотеля не вполне убѣдительны и не исключаютъ гипотезы, выставленной *Rose* почти 30 лѣтъ тому назадъ, по которой „Политія“ — произведеніе не самого Аристотеля, а кого-либо изъ перипатетиковъ: трактатъ не разъ противорѣчитъ „По-

¹⁾ Такъ онъ самъ говоритъ на стр. 434; но по его словамъ, это — вопросъ преимущественно внутренней очевидности, такъ какъ другіе трактаты, приписываемые авторитетными критиками перипатетической школѣ, а не Аристотелю, имѣютъ за себя такіе же внѣшніе свидѣтельства, какъ и „Политія“. Далѣе въ статьѣ имя „Aristotle“ употребляется не иначе, какъ въ кавычкахъ.

²⁾ *The Academy*. 1891, 14 Febr., № 980, p. 165—167.

литикъ". хотя съ другой стороны, встрѣчаются и интересныя совпаденія между ними въ отношеніи языка; стиль все-таки едва ли Аристотеля (стр. 165). Впрочемъ, Franklin Richards согласенъ съ Кеніономъ, что на этомъ въ данномъ случаѣ трудно основывать свои заключенія. Трактатъ, продолжаетъ Richards, сообщаетъ много новаго; но онъ столько же возбуждаетъ недоумѣній, сколько и разрѣшаетъ (стр. 166). Мы не можемъ давать вѣры всѣмъ разказамъ трактата, начиная, напримѣръ, съ его „невѣроятной“ Драконовой конституціи. Въ концѣ концовъ, по Ричардзу, если Аристотель и имѣетъ какое-либо отношеніе къ новооткрытому произведенію, то необходимо все-таки допустить извѣстный процентъ ошибокъ въ его фактическихъ сообщеніяхъ, подобно тому, какъ это мы находимъ у другаго великаго соціальнаго философа, собиравшаго факты съ цѣлью обобщенія, — у Бокля (стр. 167).

Такимъ образомъ, уже Ричардзъ затронулъ вопросъ о стилѣ новооткрытаго трактата. Вообще на этотъ вопросъ въ Англіи обратили особое вниманіе, и въ *Classical Review* появился длинный перечень „Неаристотелевыхъ словъ и фразъ“ въ Ἀθηναίων Πολιτεία, составленный I. B. Mayor'омъ, Herbert Richards'омъ, Platt'омъ и Chinnock'омъ (см. №№ 3, 4, 5, 6 за прошлый годъ). Впрочемъ, Herbert Richards, какъ это видно изъ отвѣта Гомперцу¹⁾, выступившему противъ подобнаго пріема англійскихъ ученыхъ, вовсе не дѣлалъ отсюда прямаго заключенія, что Аристотель, навѣрное, не авторъ трактата. Но, по его мнѣнію, относительно автора возникаютъ сомнѣнія и вопросъ желательно разсмотрѣть со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. „Увѣрены ли мы“, спрашиваетъ Ричардзъ, „что простая антитеза: „Аристотель“ и „Не Аристотель“ исчерпываетъ всѣ возможности?“

И дѣйствительно, въ статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ *The Quarterly Review* за прошлый годъ, высказана была гипотеза, что дошедшая до насъ редакція Ἀθηναίων Πολιτεία есть произведеніе позднѣйшаго историка — I-го столѣтія до или даже послѣ Р. X. (стр. 342 сл.), произведеніе, архетипомъ для коего могъ служить трудъ самого Аристотеля (стр. 348). Прежде всего, по мнѣнію автора этой статьи, свидѣтельства Цицерона объ Аристотелевомъ стилѣ („flumen orationis aureum“, „orationis ornamenta“, „dicendi incredibilis quaedam cum copia tum etiam suavitas“, „Aristotella pigmenta“) рѣшительно непримѣнимы къ нашему трактату (стр. 343). Но если принять извѣст-

¹⁾ *Classical Review*, 1891, № 7, p. 333 — 334.

ную теорію, что многіе изъ сочиненій Аристотеля сохранились лишь въ видѣ записокъ его слушателей, то насъ не удивить, что и знаменитый трактатъ объ афинской конституціи могъ принять съ полдюжины различныхъ формъ лѣтъ чрезъ 100 послѣ смерти великаго философа. Это объяснило бы намъ многое изъ того, что въ нашемъ трактатѣ ставитъ насъ въ тупикъ. Очевидно, во первыхъ, что Плутархъ не читалъ той 'Αθηναίων Πολιτεία, которая дошла до насъ, но онъ, по видимому, имѣлъ подъ рукою трактатъ объ афинской конституціи, принадлежавшій Аристотелю; должны были быть, слѣдовательно, различныя редакціи трактата, и одною изъ нихъ, составленною лѣтъ ужъ 200 послѣ смерти Аристотеля, и является нашъ трактатъ. Его стиль не Аристотелевъ: его языкъ дышетъ эпохой Діодора Сицилійскаго. Правда, изъ содержанія трактата выводятъ заключеніе, будто онъ написанъ раньше 307 года или даже 325; но это, по мнѣнію автора статьи, ничего не значить въ сравненіи съ общимъ характеромъ стиля и языка: каждый слѣдующій редакторъ въ своемъ изданіи старался избѣгать анахронизмовъ, тщательно желая придать трактату видъ Аристотелева произведенія (стр. 343—45). А что трактатъ написанъ не раньше I столѣтія до Р. Х., этому положительнымъ доказательствомъ, по мнѣнію автора статьи, служатъ „послѣ Аристотелевы“ слова, перечень которыхъ онъ и приводитъ (стр. 345—347).

Гораздо болѣе остороженъ и даже нѣсколько уклончивъ въ своихъ заключеніяхъ *Neumann*¹⁾. Показавъ, что въ подлинности рукописи въ данномъ случаѣ не можетъ быть сомнѣнія, Ньюменъ поднимаетъ рядъ вопросовъ, — напримѣръ, о принадлежности 'Αθηναίων Πολιτεία Аристотелю, о сходствѣ и различіи между ея стилемъ и стилемъ другихъ произведеній великаго философа, объ отношеніи ея автора къ Исократу, о различіи и сходствѣ ея съ „Политикой“, о томъ, однимъ ли лицомъ написаны обѣ части, о значеніи трактата, какъ историческаго источника — и на эти вопросы болѣею частью не даетъ прямого, рѣшительнаго отвѣта: онъ извѣщиваетъ различные доводы, приводитъ соображенія въ пользу того и другаго рѣшенія вопроса и тѣмъ будить сомнѣнія. Самый вопросъ о принадлежности 'Αθηναίων Πολιτεία перу Аристотеля Ньюменъ считаетъ въ высшей степени спорнымъ (стр. 159). Въ общемъ, по его мнѣнію, многіе шансы, по видимому, противъ того взгляда, что нашъ трактатъ вышелъ изъ-подъ пера

¹⁾ *Classical Review*, 1891, № 4.

Аристотеля. Факты, приводимые въ пользу этого взгляда, могутъ быть объяснены и иначе. Матеріалъ положенъ въ форму, можетъ быть, и самимъ Аристотелемъ, но окончательно отдѣланъ и отлитъ какою-либо другою и, вѣроятно, позднѣйшею рукою. Впрочемъ, Ньюменъ полагаетъ, что слишкомъ еще рано пускаться въ гипотезы на этотъ счетъ. Цѣль его была скорѣе только „to examine and improve“ (стр. 161). Въ нашемъ трактатѣ есть, повидимому, пропуски, лакуны; возможно, что онъ подвергся измѣненіямъ и сокращеніямъ и тамъ и сямъ интерполированъ (стр. 163). Касаясь вопроса о значеніи 'Αθηναίων Πολιτεία, какъ источника, Ньюменъ замѣчаетъ, что въ своей исторической части она не является источникомъ, современнымъ сообщаемымъ въ ней фактамъ. Въ этомъ ея отличіе отъ трудовъ Фукидида и Ксенофонта. Иногда ея версія менѣе правдоподобна, нежели сообщаемая другими, напримѣръ, относительноThemistocles (стр. 162—163).

Соглашаясь съ нѣкоторыми замѣчаніями Ньюмена Whibley¹⁾ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ, что трактатъ написанъ былъ въ школѣ Аристотеля, подъ его надзоромъ, что философъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его исправилъ и что въ нашемъ текстѣ еще можно открыть слѣды такихъ поправокъ. Именно, Whibley указываетъ на четыре мѣста въ первыхъ 9 главахъ (р. 3, l. 10; р. 27, l. 2; р. 16, l. 9; р. 20, l. 6 изд. Kenіона), начинающіяся словами οὐ μὴν ἀλλὰ.

Довольно близко къ этому и взглядъ автора статьи въ *The Edinburgh Review* (1891. April, p. 470 — 494), по которому найденный трактатъ безъ сомнѣнія Аристотелевъ, но не въ томъ смыслѣ, что во всѣхъ своихъ частяхъ онъ вышелъ изъ-подъ пера самого Аристотеля, а въ томъ, что онъ имѣетъ его санкцію и вездѣ служить полнымъ выраженіемъ его мыслей (стр. 480, 485). Но дошедшая до насъ рукопись далека отъ полноты и исправности, и имѣемъ ли мы текстъ въ томъ видѣ, какъ оставилъ его авторъ, сказать трудно (стр. 478 сл.); было бы удивительно, еслибы въ немъ не оказалось словъ и фразъ, являющихся дѣломъ рукъ интерполатора. Для примѣра авторъ статьи указываетъ на 37-ю главу 'Αθηναίων Πολιτεία, гдѣ говорится о прибытіи въ Афины Каллибія съ спартанскимъ отрядомъ послѣ казниThemistocles (и гдѣ онъ предполагаетъ перестановку), на заключительныя слова 4-й главы, на выраженіе καὶ ἀπὸ δούλων καὶ πρῶτον въ 7-й главѣ (по поводу дѣленія Солономъ афинскихъ гражданъ на классы).

¹⁾ *Classical Review*, 1891, № 5, p.

Въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь, особое вниманіе удѣляется вопросу о степени достовѣрности и объ источникахъ трактата. Авторъ далекъ отъ слѣпой вѣры въ авторитетъ Аристотеля: сообщенія послѣдняго, по его мнѣнію, должны быть тщательно разсмотрѣны и оцѣнены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; ихъ значеніе зависитъ отъ тѣхъ источниковъ, которыми онъ располагалъ, и отъ того употребленія, которое онъ могъ дѣлать изъ своего матеріала. Для полусторасти лѣтъ, предшествующихъ его эпохѣ, Аристотель едва ли имѣлъ доступъ къ такимъ матеріаламъ, которые не были бы также и въ распоряженіи историковъ, подобныхъ Городоту, Фукидиду и Ксенофонту. Сравнительно съ двумя первыми Аристотель находится въ невыгодномъ положеніи, отстоя лѣтъ на 200 отъ нѣкоторыхъ изъ описываемыхъ имъ событій. А для болѣе ранняго періода какъ упомянутымъ историкамъ, такъ и Аристотелю приходилось основываться только на устномъ преданіи. Что касается, напримѣръ, Писистратидовъ, то авторъ считаетъ „абсурдомъ“ ставить Аристотеля и Фукидиду на одинъ уровень, такъ какъ Фукидидъ былъ почти ихъ современникъ и находился въ тѣсныхъ личныхъ сношеніяхъ съ ихъ фамиліей. Нѣтъ основанія также предполагать, чтобы Аристотель для времени Солона и Клисоена пользовался документами или какими-либо свидѣтельствами, которыя были бы недоступны Фукидиду, и проч. (стр. 481). Далѣе, по словамъ разсматриваемой статьи, многія подробности относительно аѳинской конституціи мы уже раньше знали, и то, что Аристотель прибавляетъ, не особенно велико; многое изъ того, что намъ хотѣлось бы знать, остается и теперь неяснымъ (стр. 485 сл.). Аристотель не питалъ симпатіи къ великимъ государственнымъ людямъ Аѳинъ, а безъ этого онъ не могъ и понять ихъ мотивовъ и цѣлей. Трактатомъ Аристотеля надо пользоваться съ большою осторожностью (стр. 491 сл.). Онъ изобилуетъ деталями; но эти детали часто обильны тамъ, гдѣ онѣ менѣе всего нужны. Для примѣра статья указываетъ на подробное изложеніе неосуществленнаго олигархическаго проекта 411 года, на анекдоты и т. под. Что касается реформъ Солона (стр. 493), то нельзя сказать, чтобы трактатъ способствовалъ ихъ уясненію для насъ, и при этомъ приводятся доказательства сбивчивости, неточности и невѣроятности относящихся сюда извѣстій. Въ концѣ концовъ однако и *The Edinburgh Review* повторяетъ, что найденное произведеніе, само по себѣ, представляетъ глубочайшій интересъ (стр. 494).

Еще меньше скептицизма мы видимъ у *J. W. Headlam'a*, ко-

торый въ концѣ своего превосходнаго изслѣдованія: „Election by lot at Athens“ (Cambridge. 1891), въ особомъ приложеніи, посвященномъ 'Αθῆναιων Πολιτεία, безъ всякихъ оговорокъ называетъ этотъ трактатъ Аристотелевымъ (стр. 183 сл.). Къ тому же заключенію приходитъ Headlam и на основаніи наблюденій надъ употребленіемъ hiatus'a въ 'Αθῆναιων Πολιτεία (въ чемъ видѣли манеру Исократовой школы)¹⁾. Только описаніе Драконовой конституціи (въ 4-й гл.) возбуждало сомнѣнія Headlam'a и онъ считаетъ это описаніе интерполяціей²⁾.

Приблизительно также, какъ и Headlam, смотритъ на 4-ю главу 'Αθῆναιων Πολιτεία и Масан. Масанъ въ своей статьѣ ставитъ цѣлью выяснитъ предварительно нѣкоторые пункты, которые, по его мнѣнію, должны быть рассмотрѣны прежде, чѣмъ въ точности опредѣлять мѣсто новооткрытаго текста въ ряду нашихъ историческихъ источниковъ (стр. 17, 40),—именно цѣльность трактата и дата его составленія, его духъ или назначеніе, его источники и методъ. Анализъ обѣихъ частей 'Αθῆναιων Πολιτεία приводитъ Масан'a къ заключенію, что это не смѣсь и компиляція изъ нѣсколькихъ сочиненій, а цѣльное литературное произведеніе, составленное по тщательно обдуманному плану; тутъ видна искусственная структура, отдѣльныя части имѣютъ между собою тѣсную связь (стр. 18 сл., 26). Но это не исключаетъ возможности постороннихъ добавленій, вставокъ и перестановокъ; онѣ имѣются въ нашемъ текстѣ, да и странно было бы, еслибы ихъ не было (стр. 21 сл., 25 сл.). Цѣль, преслѣдуемая авторомъ трактата,—чисто научная (стр. 31—32); ошибки и пробѣлы объясняются скорѣе недостатками его источниковъ и методовъ, нежели преднамѣренностью (*mala fides*). Поэтому и важно хотя вкратцѣ ознакомиться съ его источниками. Масанъ подраздѣляетъ ихъ на 4 группы: 1) общая традиція и специальная, отдѣльные свидѣтели, какъ Солонъ, Геродотъ и не названные по имени, схолии и проч.; 2) официальные или quasi-официальные матеріалы; 3) свидѣтельство археологіи и 4) „переживанія“ („the revivals, or survivals“), заключенія отъ настоящаго къ прошлому (стр. 33 сл., особ. стр. 35—38). На этомъ вопросѣ, особенно на методѣ реконструкціи, путемъ заключенія отъ настоящаго, отъ „переживаній“ къ прошедшему. Масанъ оста-

¹⁾ „On the Use of the Hiatus in the Πολιτεία“ (*Class. Rev.*, 1891, № 6, p. 270—272).

²⁾ The Constitution of Draco (*Class. Rev.*, 1891, № 4, p. 166—168).

навивается подробно, и въ дальнѣйшемъ мы, можетъ быть, еще воспользуемся отдѣльными интересными его замѣчаніями, а пока сообщимъ лишь его выводъ: вторая часть трактата, гдѣ описывается современный автору строй, есть, по Масану, первостепенный источникъ (стр. 19, 39); но что касается болѣе ранняго времени, то Масан, подобно автору статьи въ *The Edinburgh Review*, говорить, что тутъ нельзя отдавать предпочтеніе писателю позднѣйшему; для исторіи, напримѣръ,Themistocles и Перикла авторитетъ Фукидида, безъ сомнѣнія, важнѣе, чѣмъ свидѣтельство всякаго другаго автора послѣдней четверти IV вѣка (стр. 34 — 35): вообще, *методы* автора 'Αθηναίων Πολιτείας не неоспоримы, *источники* имъ неисчерпаны, *точка зрѣнія* не вездѣ непредубѣжденная, *текстъ* не весь подлинный (стр. 39). Замѣтимъ, что Масан въ своей статьѣ нигдѣ прямо не называетъ 'Αθηναίων Πολιτεία произведеніемъ Аристотеля.

Наконецъ, Bent¹⁾ первый (правда, въ очень краткой замѣткѣ) категорически отвергъ возможность участія Themistocles въ реформѣ ареопага; то же высказалъ и Hill, хотя въ менѣе рѣшительной формѣ²⁾, а недавно — Walker³⁾.

Въ дополненіе къ-этому обзору литературы на англійскомъ языкѣ по вопросу объ 'Αθηναίων Πολιτεία отмѣтимъ, что американскій ученый *Gildersleeve* высказался въ пользу авторства Аристотеля⁴⁾.

Тѣмъ временемъ скептическое отношеніе къ новооткрытой 'Αθηναίων Πολιτεία стало обнаруживаться и на материкѣ Европы.

Противъ авторства Аристотеля однимъ изъ первыхъ выступилъ тутъ извѣстный своими нападками на аѳинскую демократію *Julius Schvarcz*, авторъ обширнаго труда: „Die Demokratie“⁵⁾. Его взглядъ очень оригиналенъ⁶⁾: Шварцъ не видитъ никакого основанія считать 'Αθηναίων Πολιτεία произведеніемъ Аристотеля. Указываютъ на то, что

¹⁾ *The Academy*, 1891, March 14, № 984, p. 258.

²⁾ *Class. Rev.*, 1891, № 4, p. 169.

³⁾ *Class. Rev.*, 1892, № 3.

⁴⁾ *Americ. Journ. of Philology*, XII. См. замѣтку Kenyon'a въ *Class. Rev.* 1891, № 7, p. 332.

⁵⁾ Объ этой книгѣ см. между прочимъ въ моей диссертациі: „Периклъ“, Харьковъ. 1889, стр. 8 сл., 401 сл.

⁶⁾ „Aristoteles und die 'Αθηναίων Πολιτεία auf dem Papyrus des British Museums“ (въ *Ungarische Revue*, 1891, April, во 2-мъ томѣ „Die Demokratie“ (Leipzig. 1891) въ видѣ „Nachtrag zum ersten Bande“, а также и отдѣльно). Пятую по приложенію къ „Die Demokratie“.

цитруемые древними авторами отрывки изъ приписываемой Аристотелю 'Αθηναίων Πολιτεία совпадаютъ съ соответствующими мѣстами изданнаго Кеніономъ текста. Но Шварцъ вовсе этого не находитъ (стр. а сл.) и предлагаетъ, что авторъ новооткрытаго произведенія, вѣроятно, *Димитрій Фалирскій* ¹⁾. Впрочемъ, отвергая авторство Аристотеля, Шварцъ въ оцѣнкѣ самого произведенія стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, что и безусловные почитатели трактата. Онъ называетъ его истиннымъ кладомъ въ высшей степени интересныхъ сообщеній („eine wahre Fundgrube höchst interessanter Angaben“, стр. i), которыя представляютъ въ совершенно новомъ свѣтѣ многія части аѳинскаго государственнаго строя. Собственно говоря, это именно и побуждаетъ Шварца приписывать найденное произведеніе своему любимцу, Димитрію Фалирскому, котораго онъ такъ выхваляетъ въ I томѣ своего труда: „Die Demokratie“, а не Аристотелю, „Политику“ котораго онъ подвергаетъ такой безпощадной, страстной и придирчивой критикѣ ²⁾. „Развѣ между 329 и 322 г., когда составлялась 'Αθηναίων Πολιτεία, на поверхности нашей планеты не было ни одного грека, который могъ бы написать трактатъ объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ, кромѣ всемірно-извѣстнаго философа и удивленія достойнаго писака Аристотеля“ („ausser dem weltberühmten Philosophen und bewunderungswürdigen Vielschreiber Aristoteles“), спрашиваетъ Шварцъ? „Въ чемъ провинились Теофрастъ и Димитрій Фалирскій, что по поводу этой столь сенсационной находки ихъ имена стараются умалчать, какъ будто они и не жили между 329 и 322 г. и не писали „О политикѣ“ (стр. с) и т. под.?

Истинными же представителями той реакціи по отношенію къ новооткрытому памятнику, которая наступила и на материкѣ Европы велѣды за первымъ энтузіазмомъ, являются *Leeuwen* и *Herwerden* въ Голландіи. *De Sanctis* въ Италіи. *Cauer* и въ особенности *Rühl* въ Германіи.

Leeuwen въ первыхъ строкахъ своей статьи объ 'Αθηναίων Πολιτεία ³⁾ говоритъ о новооткрытомъ трактатѣ, какъ о „драгоцѣнномъ

¹⁾ Ср. еще у *Rose*, Aristoteles Pseudepigraphus. Lips. 1863, p. 396.

²⁾ Въ I томѣ „Die Demokratie“, стр. 484 сл., и въ специально посвященныхъ Аристотелю изслѣдованіяхъ: „Die Staatsformenlehre des Aristoteles und die moderne Staatswissenschaft“. Leipz. 1884, и „Kritik der Staatsformen des Aristoteles“. Eisenach. 1890. (Борте подробная переработка предшествоващаго).

³⁾ „Ad Aristotelis librum de republica Atheniensium nuper repertum“ (*Мнемозина*. 1891, N S., XIX, p. 169—190.

даръ Африки“ (папирусь, какъ извѣстно, вывезенъ изъ Египта). но затѣмъ однако ставить, по его собственному выраженію, чрезвычайно важный и трудный вопросъ: на какомъ основаніи это произведение приписывается самому Аристотелю? Онъ не думаетъ, чтобы все, что находится въ трактатѣ, могло принадлежать знаменитому философу, отлично свѣдущему въ исторіи и писателю незаурядному; ему кажется, что тутъ вкраюсь немало такого, что указываетъ на людей невѣжественныхъ и тупыхъ (стр. 170). а потому новымъ источникомъ нужно пользоваться осторожно. Leeuwen, напримѣръ, не допускаетъ мысли, чтобы великій философъ могъ такъ дѣтски заблуждаться, какъ заблуждается авторъ 'Αθηναίων Πολιτεία, говоря объ увеличеніи Солономъ монетъ, вѣсовъ и мѣръ; очевидно, это мѣсто принадлежитъ не Аристотелю и не его школѣ (стр. 183 сл.). Въ упоминаніи ostracismъ въ 43 гл., когда ostracismъ уже вышелъ изъ употребленія, въ молчаніи автора объ иперболѣ, о великихъ государственныхъ людяхъ Аѳинъ, Leeuwen видитъ доказательство, что тутъ различные экскерпты, не особенно вяжущіеся одинъ съ другимъ, собраны въ видѣ книги и приписаны Аристотелю (стр. 186). Впрочемъ, онъ не отрицаетъ, что кое-что достойное вниманія могло исходить изъ школы Аристотеля, быть можетъ даже изъ его устъ. Въ рефератѣ, читанномъ въ Королевской Академіи, Leeuwen, на основаніи языка и самого содержанія трактата, тоже высказалъ заключеніе, что 'Αθηναίων Πολιτεία — не произведение Аристотеля и что она не столько разрѣшаетъ, сколько возбуждаетъ вопросовъ ¹⁾. Отношеніе какъ Leeuwen'а, такъ и другаго голландскаго ученаго, Herwerden'а, къ вопросу объ авторствѣ Аристотеля въ данномъ случаѣ видно ужъ изъ того, что въ самомъ заглавіи ихъ совмѣстнаго изданія 'Αθηναίων Πολιτεία стоитъ: „Aristotelis qui fertur liber....“, по поводу чего Blass ²⁾ замѣтилъ, что этихъ „отвратительныхъ qui fertur“ они обезобразили свое прекрасное изданіе, такъ какъ, по его мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, что это произведение самого Аристотеля.

Изъ изслѣдованій, посвященныхъ новооткрытому трактату, едва ли не наибольшее вниманіе возбудила небольшая книжка Cauer'а подъ подъ заглавіемъ: „Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? Ihr Ursprung und ihr Wert für die ältere athenische

¹⁾ См. *Revue historique*, 1891, Nov.-Déc., p. 453.

²⁾ *Literar. Centralblatt*, 1891, № 53.

Geschichte* (Stuttgart 1891)¹⁾. Она дѣлится на двѣ части: въ первой разсматривается вопросъ объ авторѣ трактата, во второй говорится о значеніи послѣдняго, какъ источника для древней афинской исторіи.

Что опубликованное сочиненіе есть то самое, которое въ древности читалось и цитовалось какъ произведеніе Аристотеля, это, говоритъ Кауэръ, Кепіонъ доказалъ неопровержимо сравненіемъ его съ доселѣ извѣстными намъ отрывками. Но другой вопросъ, дѣйствительно ли „Аристотелева“ Ἀθηναίων Πολιτεία и вообще „Аристотелевы“ политія написаны самымъ основателемъ перипатетической школы (стр. 1). Всѣ до сихъ поръ²⁾ высказывавшіеся относительно содержанія Ἀθηναίων Πολιτεία, по словамъ Кауэра, писали подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія. Кауэръ соглашается, что это впечатлѣніе, безспорно, очень благопріятно и приводитъ читателя къ мысли, что только первоклассный историкъ можетъ быть авторомъ подобнаго сочиненія (стр. 9 сл.). И Кауэръ указываетъ на обиліе тутъ хронологическихъ данныхъ, новыхъ и неожиданныхъ, но, очевидно, почерпнутыхъ изъ надежнаго источника, записей; на рядъ фактическихъ сообщеній, благодаря которымъ наши свѣдѣнія объ исторіи афинскаго государственнаго строя сильно выигрываютъ со стороны наглядности и внутренняго правдоподобія (напримѣръ, относительно перехода отъ монархіи къ республикѣ); на ту здравую критику и тонкое пониманіе, съ какимъ иногда авторъ относится къ передаваемымъ фактамъ (стр. 10 сл.). Послѣ этого, говоритъ Кауэръ, намъ понятенъ отзывъ Дильса. по такой отзывъ придется измѣнить послѣ болѣе внимательнаго разсмотрѣнія памятника (стр. 15 сл.). Оказывается, что въ немъ есть крупныя недостатки и пробѣлы, каковы, напримѣръ, полное молчаніе о столь важномъ предметѣ, какъ уголовные законы Дракона (стр. 16), или нѣкоторые постановленія Солона, о которыхъ сообщается у Плутарха и даже въ „Политикѣ“; въ послѣднемъ случаѣ авторъ, значить, не зналъ того, чтó зналъ Аристотель или не придавалъ большаго значенія тому, чтó особенно интересовало Аристотеля въ исторіи афинскаго государственнаго строя (стр. 17—19). Мы видимъ въ Ἀθηναίων Πολιτεία недостаточное пользованіе документами и вообще хорошими источниками (стр. 22 сл.) и, наоборотъ, читаемъ вещи, которыя авторъ могъ найти только у историковъ очень

¹⁾ Ср. также отзывъ *Cauer's* а объ изданіи Кайбеля Вилламовица въ *Berl. Philol. Wochenschrift*, 1892, 15.

²⁾ Книжка Кауэра вышла въ мѣѣ 1891 г.

малаго достоинства, анекдоты и сообщенія, не только не имѣющія значенія (стр. 23), но даже и прямо превратныя и невѣрныя, какъ, напримѣръ, разказъ объ участіи Θемистокла въ дѣлѣ реформы ареопага, что противорѣчитъ всей нашей хронологіи (стр. 25 сл.), и т. д. Кауэръ видитъ у автора нерѣдко недостатокъ критики и отсутствіе политическаго смысла (стр. 28 сл.); напримѣръ, въ 24 главѣ вліянію Аристиды приписывается переселеніе гражданъ въ городъ, то-есть, вмѣшательствомъ одного человѣка объясняется то, что было результатомъ долгаго развитія, совершавшагося въ тиши; едва ли Аристотеля можемъ мы считать способнымъ на такой ребяческій промахъ, замѣчаетъ Кауэръ (стр. 29). По его словамъ, авторъ 'Αθηναίων Πολιτεία не умѣетъ извлечь даже и изъ хорошихъ источниковъ всего того, что они могутъ дать (стр. 30); и Кауэръ отмѣчаетъ неточность, неясность или ошибки въ его извѣстіяхъ о положеніи населенія передъ Солоновой реформой, гдѣ смѣшиваются два класса, которые умѣлъ однако различать Плутархъ; въ замѣчаніяхъ о судебной компетенціи народа, о Клисеевыхъ филахъ и димахъ. Авторъ, по мнѣнію Кауэра, обнаруживаетъ мало способности видѣть въ дѣлѣ существенную сторону и выставить на видъ это существенное, доказательствомъ чему служитъ разказъ о введеніи Перикломъ платы судьямъ. Если, замѣчаетъ Кауэръ, порядокъ, по мнѣнію философа являвшійся результатомъ демократіи, здѣсь объясняется личными отношеніями Перикла, безъ всякаго указанія на связь этого порядка съ самою сущностью демократіи, то въ этомъ не виденъ духъ Аристотеля (стр. 30—33).

Итакъ, мы находимъ въ 'Αθηναίων Πολιτεία составныя части совершенно различнаго достоинства; какъ же объяснить такое соединеніе хорошихъ и плохихъ частей въ одномъ и томъ же произведеніи, спрашиваетъ Кауэръ? Это, по его мнѣнію (стр. 34), можетъ быть объяснено организаціей научныхъ работъ въ перипатетической школѣ, какъ описываетъ ее *Узенеръ* ¹⁾, по словамъ котораго такой громадныи трудъ, какъ обзоръ болѣе ста существующихъ государственныхъ устройствъ съ ихъ предшествующею исторіей, могъ быть выполненъ только общею работою цѣлаго кружка ученыхъ; матеріалъ для такого собранія находили въ богатой Аристотелевой библіотекѣ; самъ Аристотель поручалъ каждую отдѣльную работу тому,

¹⁾ „Organisation der wissenschaftlichen Arbeit“ (*Pruss. Jahrb.*, 53 (1884), S. 1 сл.).

кто казался ему подходящимъ, и руководилъ имъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Аристотель, говоритъ Кауэръ, указалъ автору нѣкоторые хорошіе источники и научилъ его правильно оцѣнивать отдѣльные факты, сообщаемые этими источниками. Но авторъ былъ неспособенъ дальше работать самостоятельно въ духѣ учителя: онъ дѣлалъ промахи въ выборѣ источниковъ, онъ не умѣлъ привести въ надлежащую связь и фактовъ, находимыхъ имъ въ хорошихъ источникахъ (стр. 34), или, какъ выражается далѣе Кауэръ, тутъ мы видимъ наглядный примѣръ того способа работы, который, по Уэзеру, характеризуетъ перипатическую школу: учитель показываетъ ученику дорогу, нѣкоторое время сопутствуетъ ему и затѣмъ предоставляетъ уже ему самому идти дальше или спотыкаться (стр. 37). Но спрашивается, можно ли только этимъ объяснить такую разницу между хорошими и плохими составными частями 'Αθηναίων Πολιτεία? Быть можетъ, причину тутъ слѣдуетъ искать въ различномъ качествѣ самыхъ тѣхъ источниковъ, которыми пользовался авторъ? Кауэръ (стр. 37 сл.) не отрицаетъ нѣкоторой вѣроятности такого предположенія, но къ счастью, по его словамъ, на вопросъ о томъ, Аристотель ли написалъ трактатъ о государственномъ устройствѣ афинянъ, можно отвѣтить вполне определенно (стр. 45). Именно, Кауэръ указываетъ на противорѣчіе между трактатомъ и „Политикой“, при чемъ тутъ рѣшающее значеніе въ его глазахъ имѣетъ различіе въ политическихъ воззрѣніяхъ (стр. 47): авторъ трактата, по мнѣнію Кауэра, является почитателемъ демократическихъ учреждений, что видно будто бы изъ его замѣчанія въ концѣ 41-й главы объ ограниченіи судебной компетенціи совѣта въ пользу народнаго суда ¹⁾; вся же „Политика“ въ извѣстномъ смыслѣ есть критика тѣхъ учреждений, которыя въ 'Αθηναίων Πολιτεία восхваляются, а чтобы Аристотель когда либо воспѣвалъ хвалу демократіи, это такъ же не возможно, какъ то, чтобы луна свѣтила днемъ, а солнце ночью (стр. 49—52). Станнымъ можетъ показаться уже то, что нашелся ученикъ, который могъ написать подобныя фразы, и что Аристотель поручилъ обработку исторіи афинскаго государственнаго устройства такому ученику, которому задача эта была такъ не по силамъ. Но, замѣчаетъ Кауэръ, вѣдь часто случается, что выдающіеся учителя привлекаютъ незначительныхъ учениковъ, тѣмъ болѣе, что при той организаціи работъ, какая суще-

¹⁾ Καὶ γὰρ αἱ τῆς βουλῆς κρίσεις εἰς τὸν δῆμον ἐκτελεῖσθαι. Καὶ τοῦτο δοκοῦσι ποιεῖν οὐδὲν ὀρθῶς· οὐδ' ἀφ' ὁμοῦ τῶν γὰρ ὀλίγοι τῶν πολλῶν εἰσὶν καὶ κέρδει καὶ χάριτι.

ствовала въ перипатетической школѣ, отдѣльный членъ тутъ дѣйствовалъ не какъ самостоятельная духовная индивидуальность, а нѣкоторымъ образомъ какъ простой рабочій на какой-нибудь научной фабрикѣ. То же обстоятельство, что ученикъ отвергъ политическіе принципы учителя, легче всего, конечно, объясняется, по мнѣнію Кауэра, внѣшними условіями времени: работа начата была на главахъ Аристотеля, а окончена, быть можетъ, послѣ того, какъ онъ долженъ былъ покинуть Аттику. Послѣ смерти Александра для перипатетической школы настало тяжелое время. Книга, вышедшая изъ этой школы, при такихъ обстоятельствахъ, могла приобрести расположеніе афинской публики только преклоненіемъ предъ афинскою демократіей (стр. 52—53).

Сочиненіе, возникшее такимъ образомъ, какъ псевдо-Аристотелева 'Αθηναίων Πολιτεία, говоритъ Кауэръ, не заслуживаетъ, конечно, тѣхъ хвалебныхъ гимновъ, которые отовсюду раздались, когда появилось лондонское изданіе (стр. 54). Но Кауэръ далекъ отъ того, чтобы находить неосновательную радость, выраженіемъ коей служатъ эти гимны. Возставая противъ излишняго преклоненія предъ авторитетомъ новаго для насъ источника, онъ во второй части своей книжки показываетъ (стр. 54—76) на нѣсколькихъ примѣрахъ, примѣнительно къ предыдущимъ своимъ изслѣдованіямъ ¹⁾, какъ наши прежнія свѣдѣнія относительно древнѣйшей афинской исторіи подтверждаются, расширяются и какъ въ нихъ вносятся поправки. Прежде всего, по словамъ Кауэра, предъ нами выступаетъ „отрицательное“ значеніе 'Αθηναίων Πολιτεία, которое онъ видитъ въ томъ, что фрагменты изъ нея, встрѣчаемыя у грамматиковъ и лексикографовъ, теперь не будутъ уже имѣть за себя въ нашихъ глазахъ авторитета Аристотеля (стр. 56). Но еще важнѣе „положительное“ значеніе трактата (стр. 57). И Кауэръ приводитъ рядъ примѣровъ того, какъ въ виду извѣстій новаго для насъ источника рушатся нѣкоторыя гипотезы и какъ въ другихъ случаяхъ гипотезы, основанныя на недостаточномъ матеріалѣ, приобретаютъ теперь болѣшую степень вѣроятности или же подтверждаются безусловно. При этомъ однако Кауэръ, подобно *Headlam*'у и на тѣхъ же основаніяхъ, но незави-

¹⁾ Parteien und Politiker in Megara und Athen, Stuttgart. 1890; Über die drakontische Gesetzgebung (въ *Verhandlungen den 40-ten Versammlung deutsch. Philol. u. Schulmänner in Götting*, Leipz. 1890).

симо отъ него ¹⁾ безъ колебаній отвергаетъ разказъ Ἀθηναίων Πολιτεία о Драконовой конституціи весь, отъ начала до конца (стр. 70). Вообще, по мнѣнію Кауэра, новый источникъ не исключаетъ гипотезъ, а скорѣе даетъ поводъ къ нимъ. Болѣе точныя, опредѣленные свѣдѣнія сообщаетъ вторая, систематическая часть трактата: тамъ, гдѣ авторъ описываетъ современный ему порядокъ вещей, тамъ онъ заслуживаетъ, по мнѣнію Кауэра, безусловнаго довѣрія (стр. 76).

Крайнимъ выразителемъ скептическаго отношенія къ новооткрытому трактату является *Franz Rühl* ²⁾. Никто въ своей критикѣ Ἀθηναίων Πολιτεία не заходилъ такъ далеко, какъ онъ. Свою первую статью объ опубликованномъ Кеніономъ сочиненіи Рюль начиняетъ заявленіемъ, что, вѣроятно, не онъ одинъ испыталъ горькое разочарованіе при чтеніи трактата, столь прославленнаго всѣми газетами и журналами: говорили о своего рода образцовомъ произведеніи, о типѣ экзотерическихъ сочиненій Аристотеля, плѣняющихъ читателя самымъ своимъ изложеніемъ, а вмѣсто этого оказалось болѣе нежели нескладное объясненіе человѣка, который не научился ясно и отчетливо выражать свои мысли, который не имѣетъ и представленія о стилистическомъ искусствѣ; вели рѣчь объ исторіи аѳинскаго государственнаго строя, вышедшей изъ-подъ пера мастера, а въ дѣйствительности дѣло шло о не всегда понятной смѣси важнаго и неважнаго, въ которой напрасно было бы искать существенныхъ моментовъ; мы слышали объ обстоятельномъ описаніи счастливаго государственнаго порядка Аѳинъ подъ владычествомъ Александра и нашли сухое перечисленіе фактовъ безъ всякой внутренней связи. „Диллетантская и ученическая работа“ можно было бы сказать объ этой книгѣ, если бы мѣрять ее обычнымъ масштабомъ, прилагаемымъ къ другимъ древнимъ авторамъ (стр. 426). Рюль называетъ наивнымъ взглядъ Кеніона, по которому Аристотель,—такъ сказать, вдохновенный авторъ и все, что стоитъ въ новой книгѣ, то и истина; онъ находитъ страннѣе, что такой взглядъ приобрѣлъ столько приверженцевъ. Что касается его, Рюля, то онъ, по собственнымъ словамъ, пришелъ къ совершенно иному выводу. а именно, что опубликованное Ἀθηναίων Πολιτεία не принадлежитъ Аристотелю и что она

¹⁾ По крайней мѣрѣ, Кауэръ на Headlam'a не ссылается; статья Headlam'a появилась въ то время, какъ книга Кауэра печаталась.

²⁾ Ueber die von Mr. Kenyon veröffentlichte Schrift vom Staate der Athener (*Rheinisches Museum*, 1891, 3-tes Heft, s. 426—464).

может претендовать лишь на очень незначительную долю исторической достовѣрности (стр. 427). На слѣдующихъ страницахъ Рюль и подвергаетъ безпощадной и страстной критикѣ новооткрытый источникъ, не останавливаясь передъ самыми рѣзкими выраженіями.

По отзыву Рюля, авторъ 'Αθηναίων Πολιτεία очень плохо распределяетъ свое изложеніе; онъ сообщаетъ иногда незначительныя мелочи, замѣчательно подробенъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ и удивительно молчаливъ въ другихъ. При этомъ его сообщенія такъ не ясны и такъ безсвязны, что они были бы просто для насъ непонятны, не имѣй мы еще другихъ извѣстій (стр. 428—429).

Мы не будемъ подробно слѣдить за нападками Рюля на 'Αθηναίων Πολιτεία; это заняло бы слишкомъ много мѣста: Рюль почти въ каждомъ ея извѣстіи открываетъ то безсвязность, сбивчивость, путаницу, то нелѣпость и бессмыслицу. Ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами.

Первымъ камнемъ преткновенія для Рюля послужилъ разказъ о паденіи ареопага и участіи въ этомъ дѣлѣ Θемистокла (стр. 429). Подобно Кауэру, Рюль доказываетъ полную невозможность предположенія, чтобы въ 462—461 г. Θемистоклъ былъ еще въ Аѣнахъ. Еслибы, говорить онъ, эта исторія встрѣчалась у другаго какого либо автора,—скажемъ, напримѣръ, у Діодора,—то врядъ ли бы нашлось много изслѣдователей, которые бы не отвергли ее, какъ дѣтскую (стр. 433). Въ критикѣ разказа 'Αθηναίων Πολιτεία о сыновьяхъ Писистрата и ихъ паденіи Рюль доходитъ до того, что ставитъ автору въ вину, отчего онъ не приводитъ имени первой жены Писистрата, отчего у него нѣтъ дальнѣйшихъ замѣчаній о Писистратовомъ сынѣ Ιοφонтѣ, тогда какъ о другихъ трехъ сыновьяхъ говорится же; если Ιοфонть рано умеръ, то и объ этомъ слѣдовало сказать (стр. 436). Или въ другомъ, напримѣръ, мѣстѣ, по поводу слишкомъ краткаго упоминанія трактата о томъ, что Θουкидидъ Αλοпекскій былъ противникомъ Перикла, Рюль спрашиваетъ: почему авторъ умалчиваетъ о томъ, что Θουкидидъ подвергся ostracismu (стр. 455)? Если раньше, въ отзывахъ Дильса и другихъ о новооткрытомъ трактатѣ, мы видѣли восторгъ и удивленіе, то у Рюля, наоборотъ, мы встрѣчаемъ иронию. „По истинѣ нашъ авторъ, какъ разказчикъ, образецъ того, чего не должно быть“, замѣчаетъ Рюль по поводу Солоновой сισαχηει (стр. 450). Истинное наслажденіе должна доставить поклонникамъ Аристотелева эксотерического изложенія 18-я глава 'Αθηναίων Πολιτεία, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 439): ни съ чѣмъ несравнимо

то, какъ выводится тутъ Аристогитонъ, какъ оба друга (Армодій и Аристогитонъ) тотчасъ приобрѣтають многихъ сообщниковъ и принимаются *πράττειν τὴν πρᾶξιν* (ibid.). Рюль находитъ гадкимъ (*garstig*) и недостойнымъ разумаго писателя то, какимъ образомъ говорится въ 'Αθῆναίων Πολιτεία о Кидонѣ: этотъ врагъ тиранновъ заслуживалъ, по мнѣнію Рюля, не того только, чтобы быть упомянутымъ мимоходомъ, по поводу заслугъ Алкмеонидовъ (стр. 443). Переходя затѣмъ къ отдѣлу, „которому, по мнѣнію слѣпыхъ энтузіастовъ“, какъ онъ выражается, „мы обязаны будто бы самыми блестящими открытіями“, именно къ главѣ о законодательствѣ Дракона, Рюль извѣстіе, напримѣръ, объ избраніи должностныхъ лицъ посредствомъ жребія называетъ „безнадёжно ложнымъ“ („rettungslos falsch“, стр. 445), а въ томъ, что пентаксіомедины, всадники и зевгиты упоминаются раньше Солона, онъ видитъ „нѣчто по истинѣ феноменальное“. Въ виду молчанія объ этомъ Плутарха, возникаетъ даже, говоритъ онъ, серьезное сомнѣніе, изданная Кеніономъ 'Αθῆναίων Πολιτεία—та ли самая, которая была извѣстна Плутарху и Дидиму (стр. 466—447)? Но если и признать, что такое дѣленіе на классы существовало въ Аѳинахъ съ незапамятныхъ временъ, то развѣ не верхъ нещепости, что не раньше, а только по поводу Солоновой конституціи объясняется названіе этихъ классовъ? Развѣ Аристотель могъ такъ поступить? Какъ низко долженъ пасть онъ въ нашемъ мнѣніи, если мы считаемъ его способнымъ на нѣчто подобное (стр. 447—448)! И вообще не разъ въ статьѣ Рюля мы встрѣчаемъ восклицанія: „Развѣ могъ Аристотель написать подобную вещь?“ или: „нѣтъ! Аристотель не могъ этого сказать!“ и т. под. Въ сущности, это и есть главный, основной аргументъ Рюля въ пользу того, что новооткрытая 'Αθῆναίων Πολιτεία не есть произведеніе Аристотеля.

На второй или „антикварной“ части, которая и по его мнѣнію безспорно лучше первой, Рюль останавливается не такъ подробно. Но и тутъ нѣкоторыя вещи кажутся ему сомнительными и онъ подвергаетъ ихъ рѣзкой критикѣ (стр. 458). „Можно подумать“, говоритъ онъ, напримѣръ, по поводу сообщенія трактата о размѣрѣ платы за посѣщеніе народнаго собранія (гл. 62), „что кто-нибудь хочетъ испытать, все ли онъ можетъ продать публикѣ за Аристотелево“ (стр. 460). Такимъ образомъ, Рюль, повидимому, здѣсь не останавливается даже предъ намекомъ на подлогъ и фальсификацію. А то, что говорится о логистахъ въ 54 гл., можетъ, по его мнѣнію (стр. 460—461), служить вышнимъ свидѣтельствомъ противъ Аристотелева происхожденія этой

'Αθηναίων Πολιτεία: тутъ нѣтъ сходства между текстомъ послѣдней и извѣстной намъ по Lex. Rhet. Cantabr. цитатой изъ Аристотеля (fr. 447 у Rose). Наконецъ, Рюль обращаетъ вниманіе на одно мѣсто въ 'Αθηναίων Πολιτεία, которое, по его убѣжденію, ужъ никакъ не могло быть написано Аристотелемъ и которое указываетъ на гораздо болѣе позднее время: это—поясненіе, что у афинянъ годъ былъ лунный—κατὰ σελήνην γὰρ ἄρουσιν τὸν ἔναυτόν (гл. 43). Въ какомъ же греческомъ городѣ не было тогда того же, спрашиваетъ Рюль (стр. 462). Слѣдовательно, эта фраза не можетъ исходить отъ Аристотеля: она могла быть написана только лицомъ, жившимъ въ такое время, когда былъ въ употребленіи солнечной годъ, и если трактатъ написанъ раньше Ламійской войны—а за таковой онъ себя выдаетъ,—то тутъ интерполяция и т. д. (стр. 462—463).

Результатъ своего преслѣдованія Рюль резюмируетъ такъ:

„Предъ нами папирусъ неизвѣстнаго происхожденія и довольно оригинальнаго свойства. На оборотной сторонѣ его находится анонимное сочиненіе о государствѣ афинянъ, въ началѣ и въ концѣ неполное... Это сочиненіе въ значительной степени совпадаетъ съ фрагментами изъ 'Αθηναίων Πολιτεία, которая въ древности цитовалась подъ именемъ Аристотелевой и какъ будто написана раньше окончанія Ламійской войны. Но по расположенію матеріала, по способу изложенія и по содержанію оно недостойно Аристотеля; оно, еслибы дѣйствительно исходило отъ Аристотеля, заставило бы насъ значительно измѣнить наше мнѣніе о послѣднемъ. Между тѣмъ какъ въ антикварной своей части сочиненіе это въ общемъ согласуется съ остальнымъ преданіемъ, въ своей исторической части, которая представляетъ больше всего новаго, оно содержитъ много невѣрнаго и невозможнаго. Кромѣ того, въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ мы можемъ сравнивать его съ сохранившимися сочиненіями великаго политическаго теоретика, оно почти нигдѣ съ ними не согласуется или уступаетъ имъ по мысли и ясности изложенія. Принадлежность его Аристотелю нужно, значить, отвергнуть. Оно могло бы, не смотря на это, быть тождественнымъ съ 'Αθηναίων Πολιτεία, цитуемой древними подъ именемъ Аристотелевой; но и такое предположеніе сомнительно, такъ какъ въ такомъ случаѣ долженъ показаться вообще загадочнымъ тотъ способъ, какъ имъ пользовались и цитовали. Трактатъ содержитъ наконецъ мѣста, которыя, очевидно, не могли быть написаны въ то время, когда онъ, повидимому, составленъ, и которыя поэтому, при самой снисходительной оцѣнкѣ, допускаютъ возможность сильной интерполяции или не-

редѣлки...“ Рюль не отваживается пока разрѣшить подлежащую проблему. „Но“, говоритъ онъ, „послѣ тѣхъ образцовъ, которые я привелъ, со мною, надѣюсь, согласятся, если я скажу, что всѣ историческія извѣстія трактата, на сколько они не подтверждаются остальнымъ преданіемъ, недостоверны“ (стр. 463—464).

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ Рюль говоритъ: „Нужно привыкнуть къ мысли, что въ дошедшей до насъ 'Αθηναίων Πολιτεία есть ошибки и даже бессмыслица, оставлять ихъ нетронутыми и не пытаться помочь тутъ „критическою фармакопеей“. Впрочемъ, здѣсь онъ указываетъ, какъ въ разказѣ о переворотѣ 411 г. 'Αθηναίων Πολιτεία сообщаетъ детали, которыя обходитъ молчаніемъ Фукидидъ, и такимъ образомъ какъ бы признаетъ цѣнность нѣкоторыхъ сообщеній нашего новаго источника. Еще явственнѣе Рюль признаетъ это въ своемъ отзывѣ ²⁾ о книгѣ Ад. Бауэра (о которой рѣчь впереди): тутъ онъ упоминаетъ уже о жатвѣ, которую трактатъ, не смотря на все, обѣщаетъ принести наукѣ о древности ³⁾, и высказываетъ гипотезу, что въ дошедшей до насъ 'Αθηναίων Πολιτεία мы имѣемъ переработку политія, извѣстной подъ именемъ Аристотелевой, при чемъ послѣдняя частью интерполирована, частью пополнена новымъ матеріаломъ, и что передѣлка эта обязана своимъ происхожденіемъ *Ираклиду*, отъ котораго до насъ дошли извлеченія.

Это свое предположеніе Рюль подробнѣе развиваетъ и старается обосновать въ статьѣ: „Der Staat der Athener und kein Ende“ ⁴⁾, которая служить выѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ Гомперцу, выступившему, какъ увидимъ далѣе, съ полемическою брошюрою противъ Рюля. Свои доказательства противъ Аристотелева происхожденія трактата, представленные имъ въ первой статьѣ, Рюль находитъ не поколебленными. Онъ отказывался тогда рѣшать проблему; но съ тѣхъ поръ его сужденія окрѣпли и многое стало для него яснымъ (стр. 675). Онъ полагаетъ, что opus probandi лежитъ на томъ, кто въ Аристотелѣ усматриваетъ автора трактата: имя автора намъ не передано, и ничего не можетъ быть анонимнѣе, какъ этотъ папирусъ. Что изъ Аристотеля

¹⁾ „Zur 'Αθηναίων Πολιτεία und zu Thukydides“ (*Rhein. Mus.*, 1892, 1 Heft., S. 152).

²⁾ *Wochenschrift für klassische Philologie*, 1892, № 1.

³⁾ „Es wird lange dauern, ehe in der neuen Schrift die Spreu vom Weizen völlig geschieden sein wird und ehe der volle Ertrag unter Dach und Fach gebracht ist, den sie den Altertumsstudien trotz alledem verspricht“.

⁴⁾ *N. Jahrbuch. f. class. Philol.*: XVIII Supplementb., 1892, S. 670—675.

здѣсь взято многое, въ этомъ, конечно, сомнѣваться нельзя; но что книга, какъ таковая, должна поэтому вся принадлежать Аристотелю, это только простое индуктивное заключеніе, гипотеза, не удовлетворяющая всѣмъ условіямъ проблемы (стр. 677). Первый вопросъ, который возникаетъ въ спокойной головѣ по отношенію къ новому сочиненію, это — не есть ли оно современная фальсификація? И хотя, говорить Рюль, на это отвѣтить было вовсе не легко, тѣмъ не менѣе новооткрытое сочиненіе въ этомъ отношеніи выдержало огненное испытаніе (*ibidem*). Но книга ли предъ нами? Едва ли. Рюль основывается на томъ, что папирусь, на которомъ написанъ трактатъ, до того былъ уже два раза въ употребленіи и, повидимому, имѣлъ уже даже дыры. Что за бѣднякъ долженъ былъ быть ученый, который для того, чтобы списать главный и основной трудъ, припужденъ былъ выпрашивать или подбирать на улицѣ пару кусковъ стараго папируса, замѣчаетъ Рюль! Вѣроятно же всего, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ продуктомъ изъ школы какого-нибудь грамматика. Грамматикъ диктовалъ ученикамъ или заставлялъ ихъ списывать текстъ, къ которому приходилось прибѣгать при интерпретаціи классическихъ писателей, особенно ораторовъ (стр. 678). Но что же этотъ грамматикъ—если догадка вѣрна—диктовалъ или заставлялъ списывать? Рюль полагаетъ, что не „Аристотелеву Политію“. Сравненіе найденной 'Αθηναίων Πολιτεία съ Плутархомъ и нѣкоторыя другія основанія убѣждаютъ его, что предъ нами теперь не совсѣмъ то произведеніе, которымъ пользовался Плутархъ, изъ первыхъ или вторыхъ рукъ, все равно (стр. 679 сл.): новооткрытый трактатъ не тождественъ съ циркулировавшею въ древности подъ именемъ Аристотелевой 'Αθηναίων Πολιτεία (стр. 695). Правда, онъ очень близко примыкаетъ къ послѣдней, мѣстами почти или даже совершенно дословно совпадаетъ съ нею, но съ одной стороны онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе сжатъ, а съ другой — распространенъ и, можетъ быть, отдѣльныя части въ немъ замѣнены другими (стр. 700). И вотъ Рюль выставляетъ гипотезу, что это передѣлка Аристотелевой 'Αθηναίων Πολιτεία, принадлежащая *Ираклиду*, извлеченія изъ котораго намъ были уже извѣстны. Въ заключеніе Рюль говоритъ, что „новая находка во всякомъ случаѣ имѣетъ громадное значеніе, какъ ферментъ изслѣдованія, ибо она побуждаетъ насъ всюду, даже для самыхъ ходячихъ вещей, давно считавшихся рѣшенными, возвращаться къ первоисточникамъ нашего знанія и принимать въ разсмотрѣніе всю совокупность преданія“ (стр. 706). По поводу своей гипотезы Рюль говоритъ, что его воззрѣнія болѣе всего соприкасаются

съ воззрѣніями *Masani*'а и критика въ апрѣльской книжкѣ *Quarterly Review* (за 1891), а также и *Th. Reinach*'а (стр. 705—706). Но едва ли это такъ: *Masan*. напимѣрь, особенно настаиваетъ на цѣльности и искусственной структурѣ новоотрытаго памятника, не говоря уже о другихъ частностяхъ, а Ренакъ, какъ увидимъ, считаетъ нашъ трактатъ Аристотелевою 'Αθῆναιων Πολιτεία, усматривая въ немъ лишь три крупныхъ интерполяціи ¹⁾.

Что касается италіанскаго ученаго *De Sanctis* ²⁾, то онъ находитъ, что вопросъ о принадлежности найденной 'Αθῆναιων Πολιτεία Аристотелю въ настоящее время не можетъ быть навѣрное рѣшенъ, но считаетъ несомнѣннымъ, во первыхъ, то, что это—то произведеніе, которое въ древности приписывалось Аристотелю, и во вторыхъ, что оно составлено между 329 и 326¼ гг. (стр. 3—4). *De Sanctis* въ своемъ небольшомъ изслѣдованіи касается главнымъ образомъ вопроса объ источникахъ 'Αθῆναιων Πολιτεία, при чемъ ограничивается періодомъ отъ реформъ Клисеена до революціи 411 г. ³⁾. Онъ приходитъ къ тому выводу, что въ рассмотрѣнной имъ части трактата состоятъ изъ двухъ элементовъ, различныхъ по формѣ и по значенію: одинъ представляетъ хронологическія замѣтки, точно опредѣленные, краткія по формѣ и вполнѣ достовѣрныя, другой состоятъ въ значительной степени изъ легендъ малаго достоинства и сравнительно поздняго времени (стр. 15; ср. стр. 3).

Но эти скептическіе взгляды на новооткрытый трактатъ не остались безъ возраженій со стороны его защитниковъ. Такъ, *Гомперцъ*, въ засѣданіи Вѣнской Академіи Наукъ, 6-го мая прошлаго года, выступилъ противъ заподозрѣванія авторства Аристотеля на основаніи языка 'Αθῆναιων Πολιτεία, что, въ свою очередь, вызвало, какъ мы видѣли, реплику *Герба Ричардза*. А противъ Рюля Гомперцъ издалъ

¹⁾ Къ взглядамъ Кауэра и Рюля нѣсколько подходитъ мнѣніе *В. Э. Релла*, который во второмъ тезисѣ къ нѣмецкому переводу своей диссертациі о Козмѣ Пражскомъ („Über die Chronik des Cosmas von Prag“, Dorpat 1893) утверждаетъ: „Наданный Кеніономъ трактатъ о государствѣ аѳинскомъ составленъ не самимъ Аристотелемъ и не можетъ считаться выдающимся самостоятельнымъ источникомъ для исторіи внутренняго строя Аѳинъ“.

²⁾ *Gaetano de Sanctis*, „Studi sulla costituzione d'Atene attribuita ad Aristotele. Torino. 1891 (оттискъ изъ *Rivista di Filologia Classica*, Anno XX, fasc. 1—3).

³⁾ Въ числѣ анахронизмовъ въ извѣстіяхъ трактата *De Sanctis* отмѣчаетъ между прочимъ разказъ объ участіи *Θεμιστοκλᾶ* въ дѣлѣ реформы ареопага и ссылку на „молодость“ *Κίμωνα* въ 462—461 г. (стр. 4 и 7).

особую брошюру подъ заглавіемъ: „Die Schrift vom Staatswesen der Athener und ihr neuester Beurtheiler“ (Wien. 1891), въ которой ставится шагъ за шагомъ опровергнуть нападки Рюля, исходящаго, по его мнѣнію, изъ предвзятой и невѣрной мысли, будто Аристотель долженъ быть непогрѣшимъ. Мы не будемъ останавливаться на этихъ возраженіяхъ Гомперца, такъ какъ въ послѣдствіи намъ, вѣроятно, придется еще не разъ сослаться на нихъ. Скажемъ только, что Гомперцъ удивляется „изумительной придирчивости“ и требовательности Рюля и той страстности, съ какою тотъ глумится надъ вновь найденнымъ трактатомъ (стр. 3 сл.); но при этомъ самъ, въ своей пылкой защитѣ послѣдняго, впадаетъ въ не менѣе страстный и рѣзкій тонъ по отношенію къ Рюлю¹⁾, хотя и заявляетъ, что не считаетъ вновь найденнаго произведенія Аристотеля безусловно совершеннымъ (стр. 26, прим.) и готовъ согласиться, напримѣръ, что извѣстіе о процессѣ 10 стратиговъ послѣ Аргинусской побѣды не точно (стр. 16 сл.) и что анекдотъ о Фемистоклѣ есть *larsus* (стр. 19—20). Свой выводъ Гомперцъ резюмируетъ такъ (перефразируя слова самого Рюля): „Послѣ тѣхъ образцовъ, которые я привелъ, со мною, надѣюсь, согласится, если я скажу, что всѣ относящіеся къ этой темѣ заключенія г. Рюля не выдерживаютъ критики“ (стр. 29). Въ брошюрѣ Гомперца имѣются приложенія, изъ коихъ два посвящены вопросу о дѣленіи гражданъ на классы до Солона и о гектеморахъ. Но на высказанныхъ въ нихъ предположеніяхъ мы подробнѣе, быть можетъ, остановимся впереди²⁾.

Дилсъ, съ такою радостью и восторгомъ, какъ мы видѣли, привѣтствовавшій драгоценную находку, дающую намъ то, чего мы жаждали, — „eine quellenmässige Geschichte Athens“³⁾, тоже не могъ, конечно, сочувствовать взглядамъ скептиковъ. Высказанное англійскими учеными сомнѣніе въ авторствѣ Аристотеля въ его глазахъ „непонятный скептицизмъ“⁴⁾. „Собираютъ доказательства“, говоритъ онъ, „въ пользу послѣ-Аристотелева происхожденія трактата, срывають („man pflückt“) un-aristotelian words and phrases и

Ср. и отзывъ Bruck'a о брошюрѣ Гомперца въ *Deutsche Literaturzeitung*, 1892, № 9.

²⁾ На эту-то брошюру Гомперца и отвѣчалъ Рюль въ упомянутой выше статьѣ: „Der Staat der Athener und kein Ende“.

³⁾ „Zwei Funde“ (*Archiv für Geschichte der Philosophie*, B. IV, H. 3, Berlin. 1891, S. 478).

⁴⁾ Ibidem, S. 479.

и дѣлають другія странныя вещи". А между тѣмъ точное изслѣдованіе, по историческимъ и лингвистическимъ критеріямъ, установить неопровержимо, что эта 'Αθηναίων Πολιτεία не только чисто Аристотелево произведеніе, но что она болѣе Аристотелева, чѣмъ большинство дошедшихъ до насъ его учебниковъ, которыхъ придерживаются упомянутые скептики (стр. 479). Дѣло только въ томъ, что 'Αθηναίων Πολιτεία предназначена для чтенія, для широкаго круга публики и самый предметъ ея иной (стр. 479 — 80). „Философъ“, говоритъ Дильсъ, „выступаетъ предъ нами въ качествѣ историка. Онъ оставилъ тонъ профессора, онъ говоритъ въ тонѣ свѣтскаго человѣка, онъ имѣетъ предъ глазами людей, какъ Димитрій и Александръ, а не Евдемъ и Теофрастъ“. Но этой удивительной способности къ превращенію нѣкоторые не могутъ постигнуть („Diese erstannliche Verwandlungsfähigkeit will gewissen Leuten nicht in den Kopf“, стр. 478). Если въ трактатѣ мы не встрѣчаемъ философской глубины, то это, по мнѣнію Дильса, слѣдуетъ приписать педагогическимъ и дипломатическимъ соображеніямъ. Однако тамъ и сямъ проглядываетъ Аристотелевъ типъ, и Дильсъ приводитъ примѣры этого (стр. 482 сл.).

Книга Кауэра встрѣтила со стороны Дильса самый строгій и рѣзкій отзывъ ¹⁾. Съ чувствомъ раздраженія говоритъ Дильсъ о поверхностности и „невѣроятной бѣдности научной ея аргументаціи“, гипотезу, развиваемую Кауэромъ, называетъ „мертворожденной“, а самого ея автора — „новымъ Дракономъ“. А между тѣмъ, можно, конечно, не соглашаться съ основною мыслью Кауэра и находить его гипотезу несостоятельною, но нельзя отрицать, что многія его отдѣльные замѣчанія и наблюденія интересны и вѣрны; во всякомъ случаѣ его небольшая книжка будитъ сомнѣнія, поднимаетъ вопросы, требующіе обсужденія, и тѣмъ способствуетъ выясненію дѣла, и это признають сами противники его гипотезы, напримѣръ *Niemeyer* ²⁾ и даже *Kenion* ³⁾, не говоря уже о вполне сочувственномъ отзывѣ ⁴⁾

¹⁾ *Deutsche Literaturzeitung*, 1891, № 24.

²⁾ *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*, 143 B., 1891, S. 405—415.

³⁾ *Class. Review*, 1891, № 7, p. 332. Напримѣръ „The first part, though it does not appear convincing, and though it omits to attach any weight to the unanimous testimony of antiquity, is *distinctly interesting and contains much careful and suggestive criticism*. It may not convert any one who has not been converted before, but no one can complain of any unfairness or prejudice in the argument“.

⁴⁾ „a clever and suggestive little essay“.

въ *The Academy* (1891, № 996, p. 540). Вообще же книжка Кауэра вызвала цѣлый рядъ рецензій и возраженій, въ которыхъ опровергается его гипотеза и указывается, что въ своей критикѣ трактата онъ заходитъ слишкомъ ужъ далеко. Таковы, кромѣ упомянутаго выше отзыва Кеніона, рецензіи Szanto ¹⁾, Schneider'a ²⁾ Niese ³⁾, Thumser'a ⁴⁾, замѣтка въ *Literar. Centralblatt* (1891, № 33), названная уже статья Нимейера въ *Neue Jahrbücher* и Крузиуса въ *Philologus* (В. 50, Н. 1 [1891], S. 173—8), при чемъ какъ Нимейеръ, такъ и Крузиусъ стараются доказать, что, вопреки Кауэру, между 'Αθηναίων Πολιτεία и „Политикой“ нѣтъ противорѣчій, а напротивъ есть полное согласіе. Последнее доказываетъ и Peter Meyer, посвятившій сличенію 'Αθηναίων Πολιτεία и „Политики“ особую книжку ⁵⁾. Самыя „Политик“, по мнѣнію Мейера, не что иное, какъ записки, служившія основаніемъ для лекцій Аристотеля, или же тетради для замѣтокъ (стр. 26—27, 40, 54). Если не упускать этого изъ виду, думаетъ Мейеръ, то тогда будетъ понятно многое изъ того, что является страннымъ въ 'Αθηναίων Πολιτεία и вообще въ сочиненіяхъ Аристотеля. Мейеръ старается примирить (стр. 31 сл.) даже свидѣтельство Pol. II 12 (это мѣсто, вопреки мнѣнію большинства специалистовъ, онъ считаетъ принадлежащимъ Аристотелю, стр. 16 сл.), гдѣ рѣчь идетъ о Драконѣ, съ 4-ю главою 'Αθηναίων Πολιτεία. А Бузольтъ, по поводу мнѣнія Кауэра относительно этой главы, анализируетъ извѣстія трактата о Драконовой конституціи и доказываетъ, что тутъ есть много такого, что является несомнѣнно подлиннымъ и никоимъ образомъ не можетъ быть признано за позднѣйшее измышленіе ⁶⁾. Возраженія Кауэру мы находимъ и у Феррини ⁷⁾. Кайбель и Виламовицъ въ предисловіи къ своему изданію 'Αθηναίων Πολιτεία также не раздѣляютъ скептическаго отношенія

¹⁾ *Wochenschrift für klass. Philologie*, 1891, № 28, S. 761 ff.

²⁾ *Mittheilungen aus d. historischen Litteratur hrag. von der Historischen Gesellschaft in Berlin*. 1892, 1 Heft, S. 4—7.

³⁾ *Götting. gel. Anz.* 1891, № 20, S. 826—8.

⁴⁾ *Zeitschrift für d. österreichischen Gymnasien*, 1891, 42 Jahrgang, 11 Heft, S. 973—981.

⁵⁾ „Des Aristoteles Politik und die 'Αθηναίων Πολιτεία Nebst einer Litteratur-Übersicht“, Bonn 1891.

⁶⁾ *Philologus*, 1891, В. 50, Н. 3, S. 393—400.

⁷⁾ Въ его изданіи 'Αθηναίων Πολιτεία, Appendice I (p. XXXIII—V).

къ трактату ¹⁾), равно какъ и *Blass* ²⁾). А страстные нападки Рюля на 'Αθηναίων Πολιτεία *Виламовицъ - Мёллендорфъ* объясняютъ тѣмъ, что новая находка разрушаетъ историческія построения современнаго либеральнаго доктринерства: Рюль потому только, что онъ фанатическій радикалъ, выступилъ противъ подлинности трактата ³⁾).

Гипотезы *Шварца* и *Кауэра* отвергаетъ и *Cassel*, авторъ брошюры: „Vom neuen Aristoteles und seiner Tendenz“ (Berlin 1891). Что по мнѣнію другихъ не позволяетъ намъ признать 'Αθηναίων Πολιτεία произведеніемъ самого Аристотеля, — напимѣръ неравномѣрность изложенія, пробѣлы, умалчиваніе важныхъ или привычныхъ намъ именъ и фактовъ. — то въ глазахъ Касселя служить лучшимъ доказательствомъ именно того, что только Аристотель могъ написать такое произведеніе и такъ смѣло отступить отъ традиціи (стр. 9). Кассель видитъ въ 'Αθηναίων Πολιτεία сочиненіе тенденціозное, предназначенное въ поученіе наслѣднику македонскаго престола Александру, и имѣющее цѣлью показать, что въ республикѣ нѣтъ спасенія, что только монархія можетъ быть прочна и могущественна (см. преимущественно стр. 9—10, 26, 32). Эта тенденція, по мнѣнію Касселя, проглядываетъ въ трактатѣ всюду и ею между прочимъ объясняются его особенности и видимые недостатки.

Но никто такъ не расходится со скептиками и не относится съ такимъ безусловнымъ довѣріемъ къ новому источнику, какъ *Adolf Bauer*. Въ этомъ отношеніи онъ оставляетъ далеко за собой даже Дильса, Гомперца и другихъ горячихъ защитниковъ трактата.

Бауэру принадлежитъ самый крупный по объему трудъ о новооткрытомъ трактатѣ: „Literarische und historische Forschungen zu Aristoteles 'Αθηναίων Πολιτεία“ (München. 1891. 190 стр.). Книга эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ (стр. 1 — 41) опредѣляется положеніе Аристотеля въ греческой историографіи и говорится о значеніи и цѣли его трактата объ аѳинскомъ государствѣ-

¹⁾ „Dubitamus enim scientia rerum an eloquendi copia suavitate perspicuitate gravitate praestantior dicamus de republica Atheniensium librum“ (р. IV). По поводу этихъ словъ *Richards*, въ своей рецензіи на изданіе *Кайбеля* и *Виламовица* (*Class. Review*, 1892, № 1—2, р. 21), въ свою очередь дѣлаетъ замѣчаніе: „This is an extravagant judgment, which the opinion of the mass of scholars will hardly ratify, even if the treatise be held to be Aristotelian“.

²⁾ См. выше о его замѣчаніи по поводу стоящей въ заглавіи изданія *Hervorden'a* и *Leeuwen'a* фразы: „Aristotelis qui fertur liber“

³⁾ *La Cultura*, 8 Nov., 1891. № 41, р. 579.

номъ устройствѣ. Мы не должны забывать, говорить Бауэръ, что первая часть трактата не есть полная исторія аѣинскаго государственнаго строя, а лишь введеніе, абрисъ или краткій обзоръ, и этотъ обзоръ производитъ впечатлѣніе вполне объективнаго, руководимаго научными интересами изложенія (стр. 20). Но все-таки въ своемъ настоящемъ свѣтѣ книга Аристотеля, по мнѣнію Бауэра, явится предъ нами лишь тогда, когда мы будемъ разсматривать ее въ связи съ тою обстановкою, среди которой она возникла, и взглянемъ на нее съ точки зрѣнія исторіи Аѣинъ въ эпоху Александра. Въ тѣ времена, когда персидское царство рушилось предъ натискомъ конницы гетеровъ и подъ тяжелымъ шагомъ македонскихъ фалангитовъ, когда смѣлый полководецъ, ведшій ихъ, основывалъ мировую державу, было своевременно подвести итогъ тому, что совершила Эллада, въ частности Аѣины, въ области политики. Этотъ итогъ подвела Аристотель. Результатъ гласитъ, что строй Аѣинъ удовлетворителенъ и даже превосходитъ для ограниченныхъ отношеній небольшой республики, организованной какъ городъ, но что, ведя политику великой державы, аѣинскій народъ возлагалъ на себя задачу, которую онъ не въ состояніи былъ выполнить (стр. 21). Кромѣ того, сочиненіе Аристотеля, — этотъ мемуаръ объ аѣинскомъ государственномъ устройствѣ съ историческимъ обзоромъ въ качествѣ введенія, — долженъ былъ, по мнѣнію Бауэра, примирить аѣинянъ съ настоящимъ, имѣлъ цѣлью показать читателю, какъ неосновательны тѣ декламации о потерѣ свободы, которыя еще приходилось ежедневно слышать, что въ сравненіи съ прежними временами подъ владычествомъ Александра положеніе Аѣинъ, въ тѣхъ скромныхъ границахъ, которыя имъ были отведены, было завидно (стр. 27). Тѣмъ не менѣе и послѣ этого Бауэръ заявляетъ, что трактатъ Аристотеля не есть тенденціозное сочиненіе въ обычномъ значеніи этого слова: Аристотель, по его словамъ, находится вообще въ положеніи исследователя и учителя, который избралъ предметомъ своей книги или своихъ лекцій исторію или государственное право своего времени и недалекаго прошлаго. Какъ тутъ, такъ и у Аристотеля, наряду съ научными интересами, вліяетъ и извѣстное отношеніе къ настоящему, къ существующему политическому положенію и т. д. (стр. 30). Далѣе Бауэръ проводитъ параллель между Аристотелемъ и наиболѣе близкимъ къ нему по духу изъ всѣхъ греческихъ историковъ—Оукидидомъ. Это, безъ сомнѣнія, лучшія страницы въ книгѣ Бауэра (стр. 32 сл.).

Второй, и при томъ гораздо бблшій, отдѣлъ этой книги посвященъ главнымъ образомъ изслѣдованіямъ въ области хронологіи. Бауэръ старается здѣсь разрѣшить возникающія затрудненія, примирить и объяснить противорѣчія и т. под. Именно тутъ-то и обнаруживается его безусловное довѣріе къ новому источнику. Свидѣтельство Аристотеля для него непогрѣшимо. Въ то время, какъ самъ Дильсъ, напримѣръ, призналъ ¹⁾, что извѣстіе о Оемистоклѣ и реформѣ ареопага ошибочно („да и кто можетъ сомнѣваться въ этомъ“, замѣчаетъ онъ), Бауэръ даже и этого анекдота не отвергаетъ, а напротивъ, нисколько не колеблясь, принимаетъ его за исходную точку, за опорный пунктъ для хронологическихъ опредѣленій и на этомъ основаніи смѣло перестраиваетъ хронологію эпохи Кимона и Перикла до Тридцатилѣтняго мира 445 г. А между тѣмъ, еще не окончилось печатаніе книги Бауэра, какъ появились статья Шелля (см. выше) и изслѣдованіе Кауэра; но ихъ замѣчанія и доводы нисколько не убѣдили Бауэра и въ послѣсловіи къ своему труду онъ рѣшительно высказывается противъ нихъ (стр. 186 сл.). „Теперь мы имѣемъ“, говоритъ онъ, „опредѣленный terminus post quem, а до сихъ поръ намъ приходилось дѣлать комбинаціи изъ показаній Фукидида и другихъ“ (стр. 188).

Ту же точку зрѣнія проводить Бауэръ и въ статьѣ, появившейся вслѣдъ затѣмъ въ *Preussische Jahrbücher* (1891, Juli, стр. 108 — 120) ²⁾. Подлинность трактата, принадлежность его Аристотелю, время его возникновенія и обнародованія между 329 и 325 г., это, по Бауэру, такъ же прочно установлено, какъ любой изъ несомнѣнныхъ результатовъ науки о древности (стр. 118). До сихъ поръ наши сужденія находились подъ вліяніемъ риторическихъ фабрикацій IV в. до Р. Х. и морализующихъ тенденцій; теперь мы располагаемъ свидѣтельствомъ достовѣрнаго, добросовѣстнаго, свободнаго отъ предразсудковъ изслѣдователя, точными хронологическими данными взаимнѣ прежнихъ шаткихъ комбинацій и т. д. (стр. 115). — Наконецъ, то же читаемъ мы и въ другой статьѣ Бауэра: „Die Bedeutung des neuen Werkes des Aristoteles für die Mittelschule“ (*Oesterreichische Mittelschule*. 1891, V Jahrgang, III

¹⁾ Въ упомянутомъ уже отзывѣ о книжкѣ Кауэра, *Deutsche Literaturzeitung*, 1891, № 24, S. 879.

²⁾ Статьи Бауэра же въ *Münchener Neuesten Nachrichten*, 1891, № 97. а не имѣлъ подъ рукой,

Heft, S. 256 — 274), гдѣ онъ излагаетъ содержаніе 'Αθηναίων Πολιτεία (главнымъ образомъ, первой ея части) и отмѣчаетъ, что даетъ она для преподаванія исторіи.

Критика отнеслась очень сочувственно къ той части „Literarische und historische Forschungen“ Бауэра, гдѣ говорится объ отношеніи Аристотеля къ другимъ греческимъ историкамъ, въ особенности къ Фукидиду. За то не мало возраженій вызвало мнѣніе Бауэра о тенденціи трактата, а еще больше—его хронологическія построенія. Даже защитники трактата и тѣ находили, что Бауэръ обнаружилъ тутъ слишкомъ ужъ мало критики и слишкомъ далеко зашелъ въ своемъ увлеченіи новымъ источникомъ, слѣпо принимая всѣ его показанія ¹⁾. Лишь немногіе раздѣляютъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, точку зрѣнія Бауэра на хронологію „Пятидесятилѣтія“. Такъ, *Свобода* ²⁾ въ принципѣ соглашается съ тѣмъ, что за исходную точку здѣсь слѣдуетъ принимать разказъ о Ѳеμισстоклѣ, и полагаетъ, что Бауэръ поступаетъ послѣдовательнѣе и методичнѣе другихъ изслѣдователей, которые съ одной стороны смотрятъ на Аристотелевъ трактатъ какъ на первоклассный источникъ, а съ другой—считаютъ великаго стагирита способнымъ на такую грубую ошибку, хотя въ частности находятъ, что Бауэръ въ своихъ хронологическихъ построеніяхъ прибѣгаетъ иногда къ слишкомъ ужъ большимъ натяжкамъ, и не соглашается съ его мнѣніемъ о тенденціи трактата. Хронологическія построенія Бауэра повидимому принимаетъ и профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій, на сколько можно судить по мимоходомъ сдѣланному имъ замѣчанію ³⁾.

Вообще же многіе изслѣдователи, признавая новооткрытый трактатъ произведеніемъ самого Аристотеля и высоко ставя его, не считаютъ однако его непогрѣшимымъ источникомъ и, въ основномъ расходясь со скептиками, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ болѣе или менѣе сходятся съ ними.

Такъ, *Théodore Reinach* полагаетъ, что въ нашемъ текстѣ 'Αθηναίων Πολιτεία три мѣста, или пассажа, никоимъ образомъ не могли выйти изъ-подъ пера Аристотеля; это—1) описаніе Драконовой кон-

¹⁾ См., напримѣръ, отзывъ *Bruck'a* въ *Deutsche Literaturzeitung*, 1891, № 47; замѣтку (за подписью *éθ*) въ *Literar. Centralblatt*, 1892, № 4.

²⁾ *Neue Philologische Rundschau*, 1892, № 4.

³⁾ Въ отзывѣ о книгѣ профессора *А. Н. Шаурия*; именно профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій третью Мессинскую войну относитъ къ 459—449 г., ссылаясь на Бауэра (*Филологическое Обозрѣніе*, 1892, т. II, кн. 1, стр. 32).

ституція; 2) извѣстіе о способѣ избранія архонтовъ при Солонѣ. и 3) анекдотъ о Фемистоклѣ. Онъ считаетъ ихъ позднѣйшими вставками, внесенными въ произведение Аристотеля. можетъ быть, изъ 'Αθηναίων Πολιτεία *Критія* ¹⁾). И Reinach такъ твердо убѣжденъ въ томъ, что это—интерполяция. что въ своемъ переводѣ 'Αθηναίων Πολιτεία ²⁾ исключилъ эти мѣста изъ текста и напечаталъ ихъ мелкимъ шрифтомъ лишь въ видѣ примѣчаній. Съ устраненіемъ ихъ, говоритъ онъ, падаетъ главный, чтобы не сказать—единственный. серьезный аргументъ. который можетъ быть представленъ противъ подлинности труда или. скорѣе, противъ принадлежности его Аристотелю (préface. p. XVIII). Последній, вѣроятно, окруженъ былъ помощниками, собиравшими матеріалъ; но обработка этого матеріала. собраннаго другими. композиція и окончательная редакция принадлежать самому Аристотелю (p. XI). Другой французскій переводчикъ трактата, *Haussoullier* ³⁾. въ опроверженіе гипотезъ Кауэра и Шварца и для доказательства

¹⁾ „Aristote ou Critias?“ (*Revue des études grecques*, 1891, t. IV, p. 143—148). Относительно 4-й главы 'Αθηναίων Πολιτεία ср. еще замѣтку Reinach'a: „La constitution de Dracon et la constitution de l'an 411“ (ibid., p. 82—85). Кстати тутъ же замѣчу, что едва ли мы можемъ отвергать извѣстіе трактата о способѣ избранія архонтовъ при Солонѣ. Само по себѣ это извѣстіе вполне правдоподобно, и еще до открытія трактата Фюстель-де-Куланжъ, напримѣръ, доказывалъ древность употребленія жребія при избраніи должностныхъ лицъ. Противорѣчіе же съ гл. 22 (ἐκδομοῖαν τοὺς ἐννέα ἀρχοντας... τότε μετὰ τὴν τυραννίδα πρῶτον οἱ δὲ πρότεροι πάντες ἕσαν αἰρετοί) примирають, принимая, что въ промежуткахъ, вѣроятнѣе всего — при тираннахъ, способъ избранія архонтовъ былъ измѣненъ и жребій отмѣненъ; онъ былъ неудобенъ для тиранновъ, постоянно старавшихся проводить своихъ кандидатовъ въ архонты. *Относительно послѣдняго мы имѣемъ категорическое свидѣтельство Фукидида*, на которое, при обсужденіи сообщенія 'Αθηναίων Πολιτεία, почему-то не обращали вниманія. на сколько мнѣ извѣстно. Вотъ это свидѣтельство: τὰ δὲ ἄλλα αὐτῇ ἡ πόλις τοῖς πρὶν κειμένους νόμοις ἐκρήτο, πλὴν καὶ' ὅσον ἀεὶ τινα ἐπεμέλοντο σφῶν αὐτῶν ἐν ταῖς ἀρχαῖς εἶναι. καὶ ἄλλοι τε αὐτῶν ἤρξαν τὴν ἐνιαυσίαν 'Αθηναίων ἀρχὴν καὶ Πεισistratos ὁ Ἰππίου τοῦ τυραννεύσαντος· τῶς, τοῦ Πίππου ἔχων τοῦνομα, ὅς τῶν δώδεκα ἡνῶν βίον τον 'ν τῇ ἀγορᾷ ἀρχὼν ἀνέβηκε καὶ τον τοῦ 'Απόλλωνος ἐν Πυθίῳ... ὃ ἐν Πυθίῳ καὶ νῦν δῆρ' ἐστὶν ἀμυδροῖς γράμματα· λέγοντες τάδε:

μνημα τόδ' ἔς ἀρχῆς Πεισιστράτος Ἰππίου υἱός

θήκεν 'Απόλλωνος Πυθίῳ ἐν τεμένει (VI, 54).

²⁾ Aristote. La république athénienne traduite en français pour la première fois. Paris. 1891.

³⁾ „Aristote, Constitution d'Athènes“, traduite par B. Haussoullier... avec la collaboration de F. Bourguet, Jean Brunhes, L. Eisenmann... Paris. 1891 (89-e fasc. de la *Bibl. de l'École des Hautes Études*).

полнаго согласія между „Политикой“ и 'Αθηναίων Πολιτεία, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣстили соответствующія мѣста изъ „Политики“. Но (говоритъ онъ въ своемъ предисловіи) потому-ли, что Аристотель не издалъ самъ своего труда, потому-ли, что экземпляръ, дошедшій до насъ, неисправенъ.—„Аѳинская конституція“ содержитъ интерполяціи (préface, p. XV).

Замѣчательно, что и Кеніонъ въ недавно вышедшемъ третьемъ изданіи 'Αθηναίων Πολιτεία (въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ) съ большою осторожностью и умѣренностью разбираетъ возраженія скептиковъ. Тутъ его тонъ далеко не такъ увѣренъ и рѣшителенъ, какъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ. Правда, Кеніонъ и здѣсь повторяетъ, что *opus probandi* лежитъ на тѣхъ, кто отвергаетъ подлинность произведенія (Introduction, p. LIX), и указываетъ на слабыя стороны въ аргументаціи противниковъ, но онъ, напримѣръ, сознается, что было бы преждевременно сказать, что по вопросу о значеніи и подлинности 'Αθηναίων Πολιτεία (въ смыслѣ ея принадлежности Аристотелю) достигнуты вполнѣ опредѣленные результаты (стр. LVIII). По его мнѣнію, единогласное свидѣтельство древности приписываетъ трактатъ Аристотелю; но что собственно разумѣть подъ „Аристотелевымъ авторствомъ“, это другой вопросъ. Можетъ быть, этотъ трактатъ и другіе подобные ему труды составлены учениками по порученію великаго философа, по его собственнымъ предпачертаніямъ и подъ его руководствомъ; но, очевидно, трактатъ написанъ при жизни Аристотеля, опубликованъ подъ его именемъ и запечатлѣнъ его авторитетомъ (стр. LX—LXI). Близкій къ этому взглядъ мы уже встрѣчали въ статьѣ, помѣщенной въ *Edinburgh Review*. Въ концѣ своего новаго предисловія Кеніонъ, по поводу своихъ словъ въ предисловіи къ первому изданію, поясняетъ, что онъ никогда и не думалъ утверждать, будто авторитетъ новооткрытаго трактата долженъ быть признанъ окончательнымъ. рѣшающимъ: самый безпристрастный и добросовѣстный историкъ можетъ дѣлать ошибки, и новое свидѣтельство, особенно тамъ, гдѣ оно прямо сталкивается со старымъ, нужно, безспорно, тщательно изслѣдовать, что, впрочемъ, не значить просто его отвергать. Но если трактатъ въ сущности трудъ Аристотеля, то его сообщенія, каковы бы ни были его „источники“, должны имѣть больше вѣса, чѣмъ еслибы они исходили отъ неизвѣстнаго компилятора. А *rigor* мы должны ожидать, что тотъ же духъ, который отличаетъ другіе труды великаго стагирита, характеризуетъ и его историческія разысканія. и что безъ достаточнаго основанія Ари-

стотель не слѣдовалъ традиціи и не отступалъ отъ нея. Мы должны полагать, что по большей части онъ имѣлъ болѣе обширный матеріалъ и лучшія средства для того, чтобы составить себѣ сужденія, чѣмъ мы, и не признавая его непогрѣшимымъ, мы не должны легко отступать отъ его выводовъ (стр. LXIII).

Очень своеобразно смотритъ на „Политику“ Аристотеля, какъ и вообще на его политическіе трактаты, Nissen ¹⁾).

Драгоценная находка, говоритъ онъ, даетъ намъ возможность ближе узнать не только писателя, но и человѣка, который принималъ не послѣднее участіе въ борьбѣ мировыхъ идей въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ древности. Случаю угодно было, чтобы именно теперь сдѣлался доступенъ для общаго пользованія документъ, касающійся Аристотеля, — арабскій переводъ его письма къ Александру, опубликованный Lippertомъ по Ватиканской рукописи ²⁾. Такимъ образомъ, теперь возможна попытка опредѣленіе, чѣмъ это обыкновенно дѣлаютъ, представить себѣ политическую дѣятельность знаменитаго ученаго. Тѣмъ болѣе, что такая попытка можетъ примирять несогласіе взглядовъ. Если „Государство афинянъ“ одни сравниваютъ съ восходящимъ солнцемъ, а другіе называютъ жалкимъ произведеніемъ, то оба эти мнѣнія являются основательными для того, кто стоитъ на односторонней точкѣ зрѣнія, и оба вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются не основательными для того, кто стоитъ внѣ этого односторонняго воззрѣнія (стр. 161—162).

„Вліяніе Аристотеля на историческія изслѣдованія, продолжаетъ Ниссенъ, слишкомъ высоко цѣнить (стр. 165 сл.). Самъ Аристотель ставилъ низко значеніе исторіи, какъ образовательнаго средства“. Для доказательства Ниссенъ приводитъ слова изъ гл. 9-й Политики. — „Изъ 180 заглавій, находящихся въ спискахъ Аристотелевыхъ трудовъ, нѣтъ ни одного, которое бы указывало на историческое повѣствованіе. Историческіе труды касаются литературы или практической политики“. Упомянувъ о различіи между собственно историкомъ и политикомъ, Ниссенъ продолжаетъ: „Политикъ Аристотель имѣлъ предъ глазами

¹⁾ „Die Staatsschriften des Aristoteles“ (*Rhein. Museum*, 1892, 2 Heft, S. 161—206).

²⁾ *Julius Lippert*, De epistola pseudaristotelica περί βασιλείας commentatio. Diss. Hallensis. Berol. 1891. Вопреки мнѣнію издателя, Ниссенъ считаетъ это письмо подлиннымъ, принадлежащимъ дѣйствительно Аристотелю, но онъ противъ того, чтобы отождествлять его съ Аристотелевымъ трактатомъ περί βασιλείας (*Rh. Mus.*, S. 180).

цѣль „болѣе высокую“, нежели Геродотъ и Фукидидъ, именно—„объединить всю греческую націю и подчинить варваровъ еллинскому господству. Достижима эта цѣль была только тогда, еслибы независимыя государства отказались отъ права вести самостоятельно войны и подчинились предводительству Македонскаго царя... Аристотель былъ бы безпютною тѣнью, какою его почитаютъ схоластики, еслибы отъ него захотѣли требовать справедливой, безпристрастной оцѣнки аѳинской исторіи. Мы не должны удивляться тому, что онъ опустилъ или искажилъ ея благороднѣйшія черты... Справедливость требуетъ мѣрять cadaго писателя его собственною мѣрой. Историкомъ въ античномъ смыслѣ слова Аристотель не былъ и быть не хотѣлъ. Когда онъ трактуетъ объ историческомъ предметѣ, онъ дѣлаетъ это, какъ философъ и призванный совѣтникъ практическихъ государственныхъ людей“. Аристотель имѣлъ тѣсныя связи съ македонскимъ домомъ (стр. 164); онъ призванъ былъ къ участию въ великой политикѣ. Слѣды этого остались въ его литературной дѣятельности (стр. 165), и Ниссенъ старается отмѣтить такіе слѣды (стр. 167 сл.).

По его мнѣнію, литературная дѣятельность Аристотеля въ области политики шла рука объ руку съ политическою дѣятельностью Филиппа и Александра: великій философъ посвятилъ македонскому дому свои знанія и силы. Такія его сочиненія, какъ *Διχαίματα*, *Περί πολιτείας*, *Περί ἀποκρίων*, написаны съ цѣлью рѣшенія опредѣленныхъ практическихъ задачъ, вызывались политическими обстоятельствами, практическими потребностями. Они являлись мемуарами, долженствовавшими служить основаніемъ и руководствомъ для Филиппа и Александра при разрѣшеніи тѣхъ затрудненій и задачъ, на которыя они наталкивались въ своей дѣятельности, которыя стояли на очереди. Такова по Ниссену цѣль и „Политій“, „этой“, по его выраженію, „энциклопедіи еллинскаго государствавъднѣнія“ (стр. 189). Такимъ образомъ, если другіе составленіе „Политій“ приводили въ ближайшую связь съ составленіемъ „Политики“, то Ниссенъ связываетъ ихъ съ политическою дѣятельностью Аристотеля, съ его отношеніями къ македонскому царю. Этотъ гигантскій трудъ, по мнѣнію Ниссена,— не фальсификація, не ученая работа, не подготовка къ „Политикѣ“ и не просто занимательная книга. Самъ Аристотель въ одномъ мѣстѣ (Nic. Eth. X, 9, 21) говоритъ ясно, какой цѣли должна служить эта его работа: это собраніе предназначено было для пользованія государственнымъ людямъ, далѣе—для воспитанія таковыхъ. Какъ желательно, какъ необходимо даже было тогда подобнаго рода руковод-

ство для „царскаго правительства!“ То были начальныя стадіи образованія монархіи; приходилось рѣшать споры и распри подвластныхъ городовъ, лишенныхъ прежняго суверенитета, разбирать притязанія и жалобы партій, подобно тому, какъ это приходилось впослѣдствіи дѣлать римскому сенату. „Современный судья нуждается въ ручной бібліотекѣ, чтобы отправлять свою отвѣтственную должность. Царь, который охранялъ миръ въ еллинскихъ кантонахъ, также не могъ обойтись безъ нея. Аристотель своимъ еллинскимъ „Законовѣдѣніемъ“ и „Государствовѣдѣніемъ“ сдѣлалъ для этого важнѣйшій вкладъ. Историческіе отдѣлы „Политій“ нисколько не противорѣчатъ этому практическому ихъ назначенію; ибо, съ одной стороны, партіи часто ссылаются на факты изъ миическаго прошлаго, съ другой—согласно строго научному духу философа для пониманія существующаго государственнаго строя необходимо обозрѣть его возникновеніе и развитіе. Кромѣ того, могутъ встрѣтиться случаи, требующіе энергическаго вмѣшательства царской власти; тутъ опытъ долженъ дать надлежащую опору. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ цѣлямъ, Аристотель выдвигаетъ важнѣйшіе моменты предшествующаго развитія, опускаая все второстепенное. Если при этомъ онъ не пренебрегаетъ анекдотами для оживленія сухой матеріи, то это только писательская уловка“ (стр. 194—195).

Аристотель пишетъ для государственныхъ людей, и этимъ опредѣляется выборъ предметовъ въ исторической части государствовѣдѣнія. Въ книгѣ объ афинской политіи мы не находимъ сообщеній о клирухіяхъ, объ обращеніи съ союзниками, словомъ, всего того, что относится къ политикѣ великой державы. Эти вещи, возбуждающія нашу любознательность, не имѣли тогда уже больше никакого практическаго значенія и не могли быть пріятны для ушей македонянъ. Несправедливо ставить писателю требованія, о которыхъ онъ, по собственнымъ словамъ, не думалъ и не могъ думать (стр. 200).

Какъ видно изъ предыдущаго, Ниссенъ признаетъ подлинность трактата. Онъ указываетъ между прочимъ, какъ въ Ἀθηναίων Πολιτεία авторъ слѣдуетъ плану, намѣченному въ Pol. IV 15. По его мнѣнію, несомнѣнно, что надъ составленіемъ „Политій“ дѣятельно работало много рукъ, между прочимъ и Теофрастъ. Относительно менѣе важныхъ книгъ философъ ограничивался общимъ направленіемъ и окончательнымъ просмотромъ, выполненіе же плана и стилистическую обработку предоставлялъ болѣе молодымъ товарищамъ. Безъ цѣлой школы или мастерской вся писательская дѣятельность Аристотеля, по

мнѣнію Ниссена, вещь невозможная (стр. 186—187). Но главный отдѣлъ „Политій“, „Государство аѣинянь“, по его словамъ, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: описаніе аѣинской демократіи исходитъ отъ самого учителя (стр. 162—163).

Обращаясь къ вопросу, изъ какихъ источниковъ черпалъ Аристотель матеріалъ (стр. 193), Ниссенъ находитъ не подлежащимъ сомнѣнію, что „Политій“ въ значительной мѣрѣ составлены на основаніи матеріала официальнаго. Македонскій архивъ могъ доставить цѣнныя сообщенія и жемуары. Гдѣ онъ ничего не давалъ, тамъ македонскіе агенты и городскія управленія доставляли необходимыя свѣдѣнія. Существуетъ правдоподобный разказъ, что изъ всего царства должны были присылаться наблюденія по части зоологін. Подобнымъ образомъ всѣ средства и связи правителя государства, Антипатра, пущены были въ ходъ, чтобы собрать матеріалъ для „Политій“. Но нѣсколько далѣе Ниссенъ не находитъ, чтобы въ первой исторической части 'Αθηναίων Πολιτεία было особенно много слѣдовъ документальныхъ изслѣдованій. Если принять, напримѣръ, хронологію трактата, то выходитъ, говорить онъ, чистая бессмыслица. Для Пятидесятилѣтія Аристотель, очевидно, пользовался не аѣинскимъ государственнымъ архивомъ, а литературой памфлетовъ, появившихся въ свѣтъ въ тяжелую пору Пелопоннесской войны. Очень вѣроятно, что авторъ много пользовался Критіемъ (стр. 195—196).

Мы уже видѣли, что Ниссенъ не считаетъ Аристотеля безпристрастнымъ. Къ этому вопросу онъ далѣе опять возвращается. „Нѣкоторые читатели“, говоритъ онъ (стр. 196—197), „конечно, съ негодованіемъ выпускаютъ изъ рукъ книгу. Въ ней говорить не серьезный, ищущій и вѣщающій истину изслѣдователь, а скорѣе придворный, который съ фривольными шутками проходитъ мимо павшихъ величій, называя государственныхъ людей Аѣиня негодяями, а полководцевъ—бездарностями“. Но дѣло въ томъ, что „Государство аѣинянь“ не было задумано въ качествѣ κτῆμα εἰς αἰεὶ: авторъ хотѣлъ быть не великимъ историкомъ—это выдумка современныхъ памегиристовъ, — а государственнымъ человѣкомъ. Онъ честно боролся и страдалъ за благо своего народа... Онъ имѣлъ право требовать отъ насъ, чтобы мы старательно взвѣсили то политическое положеніе, при которомъ составлялось „Государство аѣинянь“ и на которое оно рассчитано. И Ниссенъ относитъ составленіе 'Αθηναίων Πολιτεία къ промежутку между 324 и 323 г. (стр. 197—198), ко времени послѣ Арпазова процесса (стр. 200). Вообще, по мнѣнію Ниссена, отношеніе

Аристотеля къ аѳинскому димосу обусловливалось соображеніями высшей политики и вслѣдствіе этого часто мѣнялось (стр. 172). Въ исторической части, по его словамъ, видна какая-то двойственность, двоедушіе: обѣимъ издавна боровавшимся за главенство партіямъ попеременно воздается хвала. Впрочемъ, при всей хвалѣ, воздаваемой *δημοτικῇ*, авторъ въ душѣ стоитъ на сторонѣ *ὀλιγάρχει* (стр. 201). Но затѣмъ Ниссенъ видитъ у Аристотеля и лесть Александру (стр. 204—205). Мудрецу, когда онъ работалъ надъ своимъ великимъ трудомъ—„Политіямъ“, часто, конечно, должна была вкрадываться въ душу работа, достигнеть ли онъ благополучно пристани между Сицилою и Харибдой, не смотря на Демосфена и Александра... Если люди, подобные Теопомпу и Анаксимену, смѣшивали съ грязью прошлое своего народа, то они рассчитывали на одобреніе двора. „Этимъ“, говорить Ниссенъ, „объясняю я и презрительное отношеніе къ великимъ аѳинянамъ, обнаруживаемое Аристотелемъ. *Доказать этого я не могу*, но то освѣщеніе, въ которомъ являются герои Персидскихъ войнъ, Эмистоклъ и Аристидъ, Кимонъ и Периклъ, на мой взглядъ, предназначено для глазъ царя“ (стр. 205).

Итакъ, по Ниссену, Аристотелевы „Политія“ оказываются—„eine politische Gelegenheitsschrift“ (стр. 206) или, какъ онъ выражается на стр. 200,—„ein politisches Rezeptbuch“; но онъ находитъ, что это не умаляетъ ихъ значенія. Онъ говоритъ, что трудъ Аристотеля и его товарищей достойно занимаетъ мѣсто на ряду съ собраніемъ римскаго права при императорѣ Юстиніанѣ (стр. 205).

Что касается *русской* литературы, то тутъ противъ скептическаго отношенія къ трактату высказались В. А. *Шефферъ* и Э. Р. *Штернъ*.

Первый касается вопроса объ *Ἀθηναίων Πολιτεία* въ введеніи къ своему обширному труду: „Аѳинское гражданство и народное собраніе“ (М. 1891. ч. I), въ которомъ онъ уже пользуется свидѣтельствомъ поваго для насъ источника, особенно при разсмотрѣніи Клеоеновой реформы. Онъ придаетъ громадное значеніе *Ἀθηναίων Πολιτεία*, открытіе которой, по его словамъ, явится началомъ новой эры въ исторіи науки греческихъ древностей (стр. 4), и считаетъ Аристотеля ея авторомъ. Но онъ сознается, что на него „лично этотъ трактатъ производитъ впечатлѣніе труда, авторомъ не оконченнаго, коего первая часть была еще, можетъ быть, имъ самимъ выработана, а вторая—въ неотдѣланномъ, но и неизмѣненномъ видѣ издана какимъ-нибудь наслѣдникомъ его сочиненій“ (стр. 12). Такимъ образомъ, В. А.

Шефферъ, въ противоположность большинству (напримѣръ, Бауэру, Рюлю, автору статьи въ *The Athenaeum*, № 3310, р. 436 и проч.) во всѣхъ отношеніяхъ отдаетъ предпочтеніе первой или исторической части трактата, изложеніе которой кажется ему обстоятельнымъ, яснымъ и послѣдовательнымъ, предъ второй, страдающей, по его мнѣнію, отрывочностью, иногда безсвязностью сообщаемыхъ свѣдѣній, отсутствіемъ строго обдуманнаго плана, сжатостью изложенія и нанизываньемъ фактовъ, „однимъ словомъ — носящей на себѣ характеръ конспекта, и при томъ въ отдѣльныхъ частяхъ неравномѣрно составленнаго“ (стр. 12).

Э. Р. Штернъ посвятилъ новооткрытому трактату особый рефератъ, читанный имъ въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ 5-го ноября 1891 года ¹⁾. Рефератъ этотъ дѣлится на двѣ части: въ первой излагается содержаніе трактата, во второй — разсматривается вопросъ объ авторѣ 'Αθηναίων Πολιτείας и о ея значеніи, какъ источника, при чемъ профессоръ Штернъ главнымъ образомъ подвергаетъ критикѣ взгляды Кауэра и Рюля. По мнѣнію Э. Р. Штерна, нѣкоторыя особенности или недостатки трактата объясняются самымъ его характеромъ и назначеніемъ, тогдашнимъ положеніемъ историографіи, обычными въ то время литературными приемами и общечеловѣческимъ свойствомъ — заблуждаться (стр. 36 — 38), и мы, по его словамъ, „не имѣемъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ авторствѣ Аристотеля, если мы не придерживаемся ложнаго взгляда на авторитетность и значеніе великаго философа въ области исторіи. Къ сожалѣнію, ни порицатели, ни защитники нашего трактата не свободны отъ этого ложнаго взгляда. Рюль усматриваетъ въ Аристотелѣ какого-то непогрѣшимаго напу и оттого, замѣтивъ, что вновь найденная политія не свободна отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, смѣло отрицаетъ возможность, что Аристотель могъ быть ея авторомъ; и съ другой стороны Бауэръ, Дильсъ и другіе, именно потому, что увѣрены въ аристотелевскомъ происхожденіи нашего трактата, придаютъ ему значеніе Священнаго Писанія, которому безусловно надо слѣдовать. Пора, мнѣ кажется, при такомъ положеніи вещей вспомнить о той простой истинѣ, что Аристотель, несомнѣнно

¹⁾ „Новооткрытая Аѳинская политія Аристотеля“. Одесса, 1892 (отгискъ изъ *Лѣтописи Историко-филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ*, вып. II). Объ этомъ рефератѣ подробнѣе въ моей замѣткѣ, нѣмѣющей появиться во 2-й книгѣ *Филологическаго Обзорія* за текущій годъ.

геніальный мыслитель и глубокий ученый, все-таки человекъ, дитя своего времени, и что онъ, какъ писатель конца IV вѣка, въ своихъ свѣдѣніяхъ, разсужденіяхъ и взглядахъ на прошлое аѳинскаго государства въ значительной степени зависитъ отъ своихъ источниковъ. Такимъ образомъ, ближайшею задачей современной филологіи является изслѣдованіе вопроса объ источникахъ Аристотеля въ нашемъ трактатѣ; только по рѣшеніи этой сложной задачи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ точностью возможно опредѣлить значеніе и достовѣрность сообщенныхъ имъ свѣдѣній" (стр. 38—39). „Я“, продолжаетъ немного далѣе профессоръ Штернъ, „пока только нашелъ одинъ случай, гдѣ разказъ Аристотель несомнѣнно не соответствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ: это — извѣстіе о совмѣстномъ осужденіи всѣхъ 10 стратеговъ послѣ битвы при Аргинусахъ. Но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ вновь сообщенныя свѣдѣнія могутъ показаться довольно сомнительными (напримѣръ, нѣкоторыя подробности изъ исторіи тиранніи Писистрата, разказъ о лишеніи власти ареопага и роли Ѳемистокла при этой реформѣ, нѣкоторыя части изъ исторіи олигархическихъ переворотовъ и т. д.), уже по тону повѣствованія замѣчается зависимость отъ историческихъ трудовъ предшественниковъ. Напротивъ, вездѣ тамъ, гдѣ Аристотель, повидимому, основывается на документальныхъ источникахъ..., новыя данныя являются уже по своему характеру вполне достовѣрными и представляютъ неожиданное обогащеніе нашихъ познаній" (стр. 39 — 40). „Главное и безсмертное значеніе новооткрытой Аѳинской политикъ Аристотеля" Э. Р. Штернъ видитъ въ томъ, что „новыя данныя, сообщенныя въ нашемъ трактатѣ, позволяютъ намъ впервые смотрѣть собственными глазами на аѳинскую политическую жизнь, что они даютъ намъ впервые возможность самостоятельно и правильно оцѣнить значеніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учреждений и отвести исторіи государственнаго устройства среди общей исторіи Аѳинъ то видное и центральное мѣсто, которое она по справедливости заслуживаетъ" (стр. 42).

Наконецъ, назовемъ еще статью Г. Ѳ. Шульца (въ *Филолог. Обзор.*, 1892, т. II, кн. 1, стр. 33 — 44), въ которой онъ высказываетъ предположеніе о рядѣ интерполяцій и перестановокъ въ 3-й и 4-й гл. *Ἀθηναίων Πολιτεία*.

Мы не исчерпали всей литературы предмета ¹⁾. Мы остановились

¹⁾ Перечень литературы ямѣется въ книгѣ Бауэра, „Lit. u. hist. Forschungen“, Л. Мейера (самый полный перечень работъ, вышедшихъ до августа прошлаго года), въ изданіи трактата Herwerden'a и Leeuwen'a и въ 3-мъ изданіи Кеніона.

лишь на болѣе важныхъ или болѣе доступныхъ ¹⁾ памъ изслѣдованіяхъ и совсѣмъ оставили въ сторонѣ труды, не относящіяся непосредственно къ вопросу объ авторѣ и значеніи трактата ²⁾, равно

¹⁾ Слѣдующихъ статей я не имѣлъ подъ рукой: *Betge* (въ *Gegenwart*, 1891, № 24), *Brieger* (*Unsere Zeit*, 1891, 7 Heft, S. 18—36), *Rich. Engelmann* (*Vossische Zeitung*, 1891, 15 März), *Kurze* (*Westermünns Monatshefte*, 1891, Nov., S. 281—284), ст. въ *Gymnasium*, 1891, № 8, S. 277—284; *Haussoullier* (въ *Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne*, 1891, 2 livraison, p. 98—101), *Francotte* (въ *La Museon*, 1891, № 3), *Michel* (въ *Revue de l'instruction publique en Belgique*, 1891, № 3—4), *Molin* (въ *Bibl. universelle*, № 5), *G. Müller* (въ *Rivista di filologia ed istruzion classica*, XIX, p. 551—557), *E. Pais* (ibid., p. 557—569), *J. H. Wright* (въ *American journal of Philology*, XII, № 3, p. 310—317, и въ *The Nation*, v. LII, May 7-th, 1891, p. 382—384.— Что касается упоминаемой въ *The Academy* (1891, № 996, p. 538) и нѣкоторыхъ каталогахъ книжки: *Grunzel, J.*, „Aristoteles und die 'Αθη. Πολ. auf dem Papyrus d. British Museum“. Leipzig. Friedrich, то-есть основаніе думать, что такого сочиненія нѣтъ, а что фамилія *Grunzel* здѣсь оказалась по ошибкѣ вмѣсто *Schwarz*, работа котораго (наши выше разсмотрѣнная) носить именно такое заглавіе и издана дѣйствительно въ Лейпцигѣ Фридрихомъ.

²⁾ Такова, напримѣръ, рѣчь *Эрнста Курциуса*, „Die Fortschritte der klassischen Alterthumswissenschaft (Rede am Winckelmannsfeste in der Archäologischen Gesellschaft zu Berlin gehalten am 9 Dez. 1891)“, помѣщенная въ *Deutsches Wochenblatt* (1891, 10 Dez., № 50), въ которой онъ упоминаетъ и объ открытой 'Αθηναίων Πολιτεία, говоря о ней слѣдующее: „In die Alterthümer von Athen ist durch das neu geschenkte Buch des Aristoteles nach allen Seiten Licht gefallen“ (S. 589), и далѣе: „So hält uns das Buch des Aristoteles einen lehrreichen Spiegel vor und zeigt uns recht deutlich, dass wir den Ueberlieferungen der Alten nicht etwa zu einfältig gegenüber gestanden haben, sondern dass wir viel zu klug sein wollten und mit viel zu viel selbstgemachten Voraussetzungen hinangetreten sind, auf Grund deren man die Ueberlieferung meistern zu können glaubte. Wer noch an Epimenides neben Solon glaubte, galt für einen unkritischen Kopf; alle Elemente demokratischer Einrichtung wurden Solon abgesprochen, die Appellation an die Bürgergemeinde geläugnet, das Loos für eine Erfindung entfesselter Volksherrschaft erklärt, der Ostracismus, von der Tyrannis gelöst, als eine nach konstitutionellem Gebrauch zu denkende Ministerkrise erklärt. Wie hat der auferstandene Aristoteles die Tenne wieder rein gefegt! Wie hat er uns erkennen lassen, dass wir immer zu sehr geneigt waren, durch vorgefasste Meinungen unsern geschichtlichen Blick trüben zu lassen, und nichts ist beim Hinblick auf den Gang unserer Alterthumscforshung nach meinem Gefühl beschämender, als dass man, während die Ueberlieferung der Alten mit vornehmer Skepsis zurückgewiesen wurde, so gern sich bereit zeigte, jeder neuesten Ansicht Zustimmung zu schenken, wenn sie nur recht energisch aufzuräumen schien“ (S. 590—1). Затѣмъ—*Э. Курциуса же*, „Die Stadtgeschichte von Athen“. Berlin. 1891, гдѣ онъ пользуется уже 'Αθηναίων Πολιτεία, называя ее Аристотелевой; *Susemihl* въ *Jahresbericht f.*

какъ и многочисленныя работы по критикѣ текста. Но и изъ представленнаго обзора литературы объ 'Αθηναίων Πολιτεία видно, какъ велико тутъ разнообразіе и противорѣчіе взглядовъ. Такъ, по одному мнѣнію, новооткрытый трактатъ — произведеніе несомнѣнно самого Аристотеля; по другому — какого либо его ученика или перипатетика; по третьему — это работа позднѣйшаго редактора, въ основѣ которой лежитъ Аристотелевъ трактатъ. Одни допускаютъ, что Аристотель могъ пользоваться матеріаломъ, собраннымъ его учениками; другой доказываетъ, что Аристотель предоставилъ свой матеріалъ бездарному ученику. Одни считаютъ новооткрытый памятникъ первостепеннымъ источникомъ авторитету коего мы должны отдавать предпочтеніе и безусловно слѣдовать; другіе пахотятъ въ немъ рядъ нелѣпныхъ извѣстій: чтò ново въ сообщеніяхъ этого источника, говорятъ они, то невѣрно, а чтò вѣрно, то неново. Одни видятъ въ 'Αθηναίων Πολιτεία истинно художественное, цѣльное произведеніе, отличающееся изыщанной простотой и чарующей прелестью разказа; по другимъ, — изложеніе неумѣлое, сбивчивое и безсвязное: авторъ не способенъ связать и двухъ фразъ. Одни отвергаютъ всякую тенденцію въ трактатѣ, другіе именно тенденціей объясняютъ нѣкоторыя его особенности. Чтò въ глазахъ однихъ составляетъ достоинство этого произведенія, то въ глазахъ другихъ — непростительный недостатокъ. Одни ставятъ выше первую часть 'Αθηναίων Πολιτεία, другіе — вторую. По одному мнѣнію, описаніе Драконовой конституціи — нелѣпость, по другому — драгоценное извѣстіе, основанное на документальныхъ данныхъ и представляющее развитіе афинской демократіи, безъ скачковъ, въ болѣе постепенномъ, такъ сказать, органическомъ видѣ.

Altatticismus. hrsg. von Iw. Müller. 1892 (19-ter Jahrgang, 1891, 8—10 Heft: судя по замѣчанію на стр. 88, *Susemihl* принимаетъ найденный трактатъ за *Arumomelaen*); *Hultsch*, „Das Pheidonische massystem nach Aristoteles“ (*N. Jahrb. f. Phil. u. Päd.*, 1891, 4-tes Heft, S. 462—4); *Maass*, „De Lenaeo et Delphinio commentatio“ (*Index Scholarum in Universitate litteraria Gryphiscaid* 1891); ср. ст. *Judeich'a* въ *Rh. Mus.*, 1892, 1-tes Heft; „*Ludovico Herbst* Iohannei Hamburgensis professori emerito, die 30 Iunii 1891 natalem octogesimum celebranti pie memores gratulantur Iohannei rector et collegae“. Hamb. 1891; *Heikel*, „Beiträge zur Erklärung von Plutarchs Biographie des Perikles“. Helsingfors. 1891; *Rutherford*, „The New Aristotle Papyrus in its bearing on Textual Criticism“ (*Class. Rev.*, 1891, № 3, 89 — 91); проф. Ф. Ф. *Злинскій*, „Докимасія пластей въ Драконовой конституціи“ (*Филолог. Обзорніе*, I т., 2-я кн. 1891, стр. 125—6); *Р. Х. Тонеръ*, „Къ вопросу динамъ Атикимъ“ (*Журн. М. Нар. Пр.*, 1891, № 11 сл.).

Таково положеніе вопроса объ 'Αθηναίων Πολιτεία въ современной литературѣ. Необходимо разобратъся въ этомъ противорѣчіи и разнообразіи взглядовъ, взвѣсить доводы въ пользу или противъ того или иного мнѣнія, тѣмъ болѣе, что теперь наступаетъ уже время, когда къ новооткрытому памятнику можно отнестись безпристрастно, безъ предвзятой мысли и полемическаго пыла: пора перваго увлеченія и реакціи уже миновала; крайности начинаютъ сглаживаться; пропасть, раздѣляющая противоположныя мнѣнія, замѣтно уменьшается. Даже такіе защитники трактата, какъ Дильсъ, напримѣръ, не отрицаютъ, что Аристотель могъ дѣлать крупныя ошибки и что въ его произведеніи есть „апорія“; самъ Бауэръ уже не стоитъ всецѣло на своей прежней точкѣ зрѣнія и не ставитъ уже такъ высоко, по крайней мѣрѣ, литературныхъ достоинствъ 'Αθηναίων Πολιτεία¹⁾; вспомнимъ также, какъ умѣренно и осторожно относится къ скептическимъ взглядамъ Кеніонъ въ предисловіи и въ примѣчаніяхъ къ 3-му изданію. Въ свою очередь, и ярые противники трактата, подобные Рюлю, не останавливавшемуся даже передъ намеками на фальсификацію, начинаютъ признавать, какъ мы видѣли, что извѣстія новооткрытаго источника все же не сплошная нелѣпость, что здѣсь есть и цѣнныя вещи, которыя слѣдуетъ выдѣлить и собрать, и что въ основѣ трактата все-таки лежитъ произведеніе Аристотеля.

Благодаря этому, при всемъ разнообразіи мнѣній предшествующими изслѣдованіями до извѣстной степени выяснены уже нѣкоторые пункты и достигнуты уже кое-какіе болѣе или менѣе опредѣленные результаты.

В. Бузеснуль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Rühl (*Wochenschr. f. kl. Philol.* 1892, № 1), указывая на статью Бауэра въ *Bresl. Zeitung*. Статя этой я подъ рукою не имѣю.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

GRIECHISCHE GESCHICHTE VON IHREM URSPRUNGE BIS ZUM UTERGANGE DER SELBSTSTÄNDIGKEIT DES GRIECHISCHEN VOLKES. Von *Adolf Holm*. Dritter Band. (GESCHICHTE GRIECHENLANDS IM 4. JAHRHUNDERT V. CH. BIS ZUM TODE ALEXANDERS D. GR.). Berlin, Calvary. 1891. (II+520 Ss.).

Если и не стояло бы никакого труда, то было бы напрасною тратой времени доказывать настоятельную потребность въ такой работѣ, которая, при небольшомъ сравнительно объемѣ, давала бы стоящее на высотѣ современной науки изложеніе древнегреческой исторіи, предназначенное не для ученыхъ-специалистовъ, а для образованной публики и для начинающихъ знакомство съ специальной исторической литературой. На встрѣчу именно этой давно сознаваемой, но все еще не удовлетворенной ¹⁾ потребности и идетъ *Griechische Geschichte* неаполитанскаго профессора Адольфа Гольма.

Въ проспектѣ и въ предисловіи къ своему труду Гольмъ обѣщалъ позаботиться о томъ, чтобы его исторія представляла собой „дѣйствительно исторію“. Гольмъ не поясняетъ, какъ собственно онъ понимаетъ предметъ и задачи исторіи; но если имѣть въ виду принятое теперь большинствомъ голосовъ пониманіе, то можно, кажется, утверждать, что обѣщанія своего авторъ не выполнилъ—какъ въ первыхъ двухъ томахъ, такъ и въ третьемъ, трактующемъ, на 520 страницкахъ, о Греціи IV столѣтія до смерти Александра Великаго. Правда, онъ слѣдитъ за судьбами не собственно только Эллады, а всего ел-

¹⁾ Прекрасная работа (1888) *R. Pöhlmann*'а, *Grundzüge der politischen Geschichte Griechenlands* (въ *Jw. Müller's Handbuch d. class. Alterthums-Wissenschaft*, III, 353—464), неудачно переименованная русскимъ переводчикомъ въ „Краткій очеркъ греческой исторіи“, не можетъ идти въ счетъ не только по своей афористичности, но и потому, что часть никогда не бываетъ равна своему цѣлому.

линского мира; историю онъ не ограничиваетъ политикою и войною, а удѣляетъ вниманіе и литературѣ, искусству, праву, и останавливается иногда и на „внутреннихъ отношеніяхъ государствъ“. Но все это содержаніе произвольно разбивается на рядъ фрагментарныхъ главъ, изъ которыхъ каждая или совсѣмъ не связана съ своей предыдущей и послѣдующей, или связана совершенно механическимъ образомъ ¹⁾; цѣльнаго, стройнаго изображенія жизненныхъ судебъ эллинскаго міра мы здѣсь не находимъ, и автора, очевидно, интересуютъ лишь прагматическія и культурныя явленія, а не явленія общественныя съ ихъ прагматически-культурнымъ содержаніемъ; преобладающая форма изложенія—прагматическій разказъ ²⁾.

Однако, если Гольмъ не написалъ „настоящей исторіи“, то упрекать его слѣдуетъ не столько за то, что онъ не исполнилъ своего обѣщанія, сколько за то, что онъ далъ его такъ опрометчиво: скудость матеріала, недостатокъ подготовительныхъ работъ дѣлаютъ подобную задачу пока невыполнимой. Особенно нежелательна была бы, конечно, погоня за воздушными замками въ той „Греческой исторіи“, которая предназначена для болѣе широкаго круга читателей. Нельзя поэтому иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ, отнестись къ другому

¹⁾ Такъ,—чтобы привести хоть одинъ примѣръ,—значеніе въ общей экономіи „Исторіи“ главы (XII), посвященной внутреннему состоянію Атики IV вѣка („*Athen im 400ten*“), мотивируется слѣдующимъ образомъ: „Теперь мы снова возвращаемся (послѣ исторіи Сициліи и Италіи и обзора литературы и искусства въ 1-ой половинѣ IV вѣка) къ политическимъ событіямъ. Афинянамъ—послѣ смерти Епаминонда опять главному городу Греціи—предстояло взять на себя борьбу съ сѣвернымъ царемъ. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о Македоніи, мы должны ознакомиться съ состояніемъ Афинъ въ то время, когда готовилился конфликтъ съ этимъ царствомъ“ (S. 199).

²⁾ Дойдя до Александра, Гольмъ радуется, что „состояніе источниковъ дѣлаетъ на этотъ разъ возможнымъ дать перевѣсъ повѣствовательному моменту“ (S. 339—340); но и вообще для исторіи IV столѣтія эта форма изложенія должна была показаться нашему автору особенно пригодной, такъ какъ, по его мнѣнію, „это столѣтіе необыкновенно богато интересными характерами“ (S. 461, 468—469), а значеніе личности въ исторіи онъ всегда склоненъ преувеличивать. Замѣчательно, что немногія общія соображенія Гольма, которыя могли бы свидѣтельствовать о широтѣ его взгляда (напримѣръ объ Афинахъ IV вѣка, о греко-македонскихъ отношеніяхъ, объ историческомъ значеніи Александра), нашли себѣ мѣсто не въ текстѣ, а лишь въ Anmerkungen (S. 224—5, 275—7, 318—9, 329—30, 452—3). Главные моменты политической жизни Эллады хорошо помѣчаются въ „Добавленіи“ („*Zum griechischen Staatsrecht*“), но авторъ совершенно не воспользовался этими мыслями въ самомъ своемъ изложеніи.

объясненію автора, мало, правда, совмѣстимому съ прежнимъ: по заявленію Гольма, его изложеніе должно строго выдѣлять вѣрное отъ вѣроятнаго и не смѣшивать твердо установленныхъ положеній съ гипотезами. Но на практикѣ опять, конечно, нѣсколько затруднительно обозначить здѣсь точныя границы: при всемъ стремленіи къ самой строгой научной точности, необходимо предоставляется извѣстный просторъ и субъективизму автора, и Гольмъ, естественно, всегда будетъ склоненъ выдавать за непреложную истину свои убѣжденія. Можно даже пожалуй утверждать, что въ разбираемомъ сочиненіи личность автора выступаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ слишкомъ уже замѣтно, — болѣе замѣтно, нежели это допустимо въ краткомъ, лишь ориентирующемъ изложеніи. Взгляды Гольма нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ нашими общими мѣстами ¹⁾, и потому требуютъ болѣе подробной аргументаціи; иногда, чтобы отстоять ихъ, автору приходится вставлять въ свои *Anmerkungen* чуть не цѣлыя разсужденія. Разумѣется, трудъ маститаго ученаго отъ этого много терять со стороны акуратности и равномерности изложенія; но за то онъ приобретаетъ особенное значеніе и для всѣхъ интересующихся движеніемъ исторической науки.

Если, такимъ образомъ, нельзя вполне одобрить распределеніе содержанія въ разбираемой книгѣ, то нужно признать, что самый разказъ (въ отдѣльныхъ главахъ) ведется здѣсь въ общемъ очень удачно. Авторъ старается обосновать свое изложеніе на строго-критическомъ разборѣ источниковъ. Уже обзоры античной историографіи для каждого отдѣла исторіи (обзоры эти даются въ примѣчаніяхъ) показываютъ, что Гольмъ сумѣлъ выбиться изъ тѣхъ оковъ, которыми отвлеченный схематизмъ и механическая прямолинейность сковали изслѣдованіе античной традиціи: не всѣ, можетъ быть, съ нимъ согласятся тутъ въ частностяхъ, но, вѣроятно, всѣ сочтутъ единственно благотворнымъ подобное живое отношеніе къ дѣлу. Такъ, на злополучнаго Діодора авторъ смотритъ не какъ на переписчика, а какъ на писателя и при томъ писателя-художника ²⁾, и, хотя онъ и преувеличиваетъ здѣсь

¹⁾ Хорошо знакомый съ новѣйшей научной литературой, авторъ часто предпочитаетъ новопроложенныя дороги заѣзженнымъ; но дѣлаетъ онъ этотъ выборъ всегда совершенно сознательно, и самъ нерѣдко трудится надъ улучшеніемъ этихъ дорогъ.

²⁾ По мнѣнію Гольма, описанія битвъ у Діодора (всѣ — по одному шаблону) ясно показываютъ, что историкъ не только списывалъ, но и подвергалъ то, что находилъ въ своихъ источникахъ, риторической переработкѣ (Ss. 20—21, 116, 144); при выборѣ и распределеніи матеріала онъ руководился художественными цѣлями: такъ, въ каждой его книгѣ все группируется вокругъ извѣстныхъ центральныхъ

значение личнаго момента ¹⁾, но известную искусственность построения „библиотеки“ въ самомъ дѣлѣ не долженъ опускать изъ виду пользующійся Діодоромъ ²⁾. Основнымъ источникомъ для времени съ 403 по 362 г. Гольмъ считаетъ *Ἑλληνικά* Ксенофонта, репутацію котораго и старается возстановить всѣми силами ³⁾; авторъ примыкаетъ тутъ къ новымъ изслѣдованіямъ Штерна ⁴⁾, но не заходитъ, однако, такъ далеко, какъ этотъ послѣдній,—не отрицаетъ, напримѣръ, и значенія Плутарха на ряду съ Ксенофонтомъ ⁵⁾. Относительно источниковъ по исторіи Александра (Ss. 337—339) Гольмъ не ушелъ дальше Дройзена, и не воспользовался даже изысканіями Kaerst'a ⁶⁾, давшего, какъ ка-

лишь или событій (Ss. 17—19, 242); разказъ его не столько анналистическій, сколько прагматическій (Ss. 16—17, 242),—замѣчаніе, въ сожалѣнію, не принимаемое обыкновенно въ расчетъ изслѣдователями, устанавливающими по Діодору хронологію. Что касается фактическаго содержанія, Діодоръ даетъ свѣдѣнія необходимыя для Сидлига, дополнительныя для Греция, весьма цѣнныя для Азии (Ss. 21—22, 159, 242—243, 358).

¹⁾ Такъ, напримѣръ, авторъ не оцѣниваетъ воздѣйствія на Діодора Ефора, хотя уже его собственные замѣчанія объ Ефорѣ (Ss. 80, 116, 144) даютъ для того достаточно матеріала. Вообще Гольмъ замѣтно увлеченъ примѣромъ *L. Brücker'a* (*Moderne Quellenforscher und antike Geschichtsschreiber*, 1882), котораго онъ здѣсь *laudat* (S. 19), и который, защищая самостоятельность этого „elendesten aller Scribenten“, несомнѣнно вдался въ другую крайность.

²⁾ Напримѣръ, нельзя дѣлать заключеній изъ молчанія о чемъ нибудь историка (S. 22).

³⁾ Это „безпристрастный, чистосердечный писатель, какъ подобаетъ истому сократу, не щеголявшій фразой“ (Ss. 15—16, 179—182); авторъ горячо защищаетъ Ксенофонта, какъ человѣка, отъ нападокъ Sittl'я и др. (S. 195). Очевидно, однако, что Гольмъ пристрастенъ къ Ксенофону: всѣ спорные вопросы онъ рѣшаетъ не премѣнно въ его пользу; вѣдь, напримѣръ (не смотря на новѣйшія апологіи), не вполне еще ясно, на сколько Ксенофонтъ усвоилъ себѣ „основоположенія“ Сократа (Ss. 179, 195, ff.; ср. *Zeller*, *Phil. d. Gr.* II, 157 ff.; *Гумановъ*, Платонъ, какъ историческій свидѣтель, К. 1891, 98 сл.); неизвѣстно, предшествовало ли изгнаніе Ксенофонта изъ Афинъ коронейской битвѣ (S. 179), или наоборотъ (ср. *Wilamowitz-Möllendorff*, *Philol. Unters.*, IV, 835, и *Roquette*, *De Xenoph. vita*, 84), и т. п.

⁴⁾ *E. v. Stern*, *Geschichte d. spartan. u. theban. Hegemonie vom Königsfrieden bis zur Schlacht bei Mantinea*, Dorp., 1884 (авторъ этой диссертациі—теперь профессоръ классической филологіи въ Новороссійскомъ университетѣ).

⁵⁾ S. 22, 92. Въ этомъ съ Гольмомъ сходится и *A. Bauer*, *Histor. Zeitschr.* N. F. XXIX (1891), 240 ff. — Для исторіи Сидлига Гольмъ, вопреки *Clasen'у* (*Jahrb. f. d. Phil.*, CXXXIII, 313 ff., CXXXVII, 166 ff.), склоненъ отдавать предпочтеніе Плутарху предъ Діодоромъ, главнымъ источникомъ котораго онъ считаетъ не Θεопомпа, а Тимея (S. 467).

⁶⁾ *J. Kaerst*, *Forschungen zur Geschichte Alexanders d. Gr.*, Stuttg., 1887.

жется, болѣе надежный критерій для оцѣнки этихъ источниковъ: въ литературѣ объ Александрѣ Kaerst, на ряду съ официальнымъ разказомъ ¹⁾, указываетъ слѣды явно враждебнаго отношенія къ Александру и видитъ въ нихъ отголоски „старомакедонской“ партіи недовольныхъ его завоевательными планами. Такимъ образомъ, античная литература объ Александрѣ важна для насъ не только тѣмъ, что изображаетъ его дѣятельность, но и тѣмъ, что отражаетъ собою современное ему настроеніе умовъ. На эту сторону дѣла Гольмъ вообще не обращаетъ, къ сожалѣнію, почти никакого вниманія. Изъ не исторіографическихъ литературныхъ источниковъ Гольмъ отмѣчаетъ лишь аттическихъ ораторовъ, но почти совершенно не пользуется, на примѣръ, современною политической и сатирической литературой, публицистикой, комедіей ²⁾. Слишкомъ мало вниманія удѣляетъ онъ и эпиграфическимъ памятникамъ ³⁾. За то Гольмъ выдвигаетъ другой источникъ нашихъ свѣдѣній, — источникъ очень важный, но обыкновенно оставляемый историками въ сторонѣ, въ виду крайней трудности имъ пользоваться: я говорю о нумизматикѣ ⁴⁾. Но Гольмъ и на своемъ

¹⁾ Главнаго представителя этой официальной традиціи, „новаго Ксенофонта“ Арріана, Гольмъ помѣчаетъ „сановникомъ Адріана“ (S. 338); но хронологія Анабаиса опредѣляется теперь нѣсколько точнѣе: Nissen въ *N. Rhein. Mus.*, XLIII, 236 ff. (ср. зам. проф. Зѣлинскаго въ *Филол. Обзор.*, 1891, I, 1, 48). Замѣчу кстати, что въ числѣ источниковъ по исторіи Александра Гольмъ не упоминаетъ не только Страбона, но и Квинта Курція.

²⁾ Авторъ не обратилъ, на примѣръ, никакого вниманія на чрезвычайно интересное сочиненіе Ксенофонта о политикѣ лакедемонянъ (при своей склонности къ аналогіямъ онъ могъ бы сравнить это сочиненіе съ Германіей Тацита); совершенно не пользовался Платоновскими діалогами, и т. п.

³⁾ Надписи изрѣдка указываются, но никогда не цитуются. Между тѣмъ какъ ярко, на примѣръ, рисуется аѣннская демократія IV вѣка въ елевсинской надписи 362 г., изд. Фукаромъ въ *Bull. de corr. hell.*, 1889. 433—467. Какіе важные результаты относительно (поземельной) политики Филиппа II на Халкидидѣ удалось получить Келеру при помощи кассандрійской надписи (*Sitzb. d. Berl. Akad.*, 1891. 473 ff.; этой работой Келера Гольмъ еще не могъ, конечно, воспользоваться). Особенно для исторіи IV-го столѣтія рисованно пренебрегать эпиграфикой, — а Гольмъ, даже въ своихъ скудныхъ указаніяхъ, не ушелъ дальше С. I. A. и Sylloge Диттенбергера: почти всѣ новые документы (на примѣръ, по исторіи 2-го аѣнскаго, вессатійскаго, віотійскаго союза и т. п.) ему остались неизвѣстными.

⁴⁾ При каждомъ болѣе или менѣе удобномъ случаѣ авторъ обращается къ монетамъ и даетъ даже самыя подробныя перечни мѣстъ монетной чеканки на западѣ и востокѣ еллинскаго міра; но едва ли подобные (голые и по необходимости неточные) перечни много способствуютъ пониманію исторіи... Замѣчу кстати, что Гольму, при всемъ его стремленіи къ полнотѣ по части нумизматики, осталась

примѣръ показавъ, что не всякому дано слышать, что говорить монеты, что несмыкшіяся съ ними или ничего отъ нихъ не услышать, или услышать больше, чѣмъ онѣ скажутъ ¹⁾).

Нельзя не пожалѣть, что для Гольма почти не существовали ни публицистика, ни эпиграфика, что онъ не догадался иллюстрировать при ихъ помощи свой разказъ; но и пользуясь историками и ораторами, онъ не всегда помнилъ свое общіе обѣщаніе—„удерживать изъ переданныхъ древними деталей всѣ особенно-характеристическія“ ²⁾. Зато въ отдѣльных случаяхъ—правда, только въ отдѣльных случаяхъ—авторъ выходитъ изъ рамокъ схематическаго разказа, старается удерживать читателя въ предѣлахъ мѣста и времени ³⁾, даетъ болѣе широкое объясненіе вѣныхъ частныхъ и т. п. ⁴⁾. Нѣкоторую услугу ока-

неизвѣстной недавно открытая по монетамъ (*Imhoof-Blumer*’омъ) симмахія Левкады, Амвракии и др. (противъ 2-го вѣнскаго союза). *Abh. d. bayer. Ak. d. W.*, 1. Cl., XVIII, 3, 172 ff.

¹⁾ Если, напримѣръ, нумизматика въ самомъ дѣлѣ очень убѣдительно указываетъ на то, что симмахія Родоса, Книды, Іаса, Самоса, Ефеса примкнула послѣ кипидской битвы къ Фивамъ (здѣсь находятъ себѣ объясненіе притязанія земледѣльческихъ Фивъ на морское господство), то ставить съ этой симмахіей въ связь чечанку Кротона, Лампсака, Закинфа и Кизика (Ss. 54—57) рѣшится лишь тотъ, кто склоненъ дѣлать свои заключенія а priori.

²⁾ Съ другой стороны, нельзя похвалить автора, если онъ совершенно не отгѣняетъ вставляемые имъ въ разказъ анекдоты (вродѣ анекдота о письмѣ Фарнабаза, S. 2), очень, конечно, характеристичные, но не абсолютно достовѣрные (особенно мы вправѣ были бы требовать этого отъ пишущаго по-нѣмецки).

³⁾ Ср. замѣчанія о судѣ надъ Сократомъ (Ss. 30—35, 37—38), объ ораторахъ въ Афинахъ (Ss. 193—194).

⁴⁾ Особенно цѣнны главы (XI и XXVIII), посвященныя Сициліи и Италіи, хотя сопоставленія судьбы западныхъ грековъ и восточныхъ (153—154, 466—468) только свидѣтельствуютъ объ остроуміи автора; замѣчу еще, что, похемизируя съ Белохомъ по вопросу о характерѣ тиранніи Діонисія старшаго (Ss. 160—161), Гольмъ смѣшиваетъ теорію съ практикой. Въ двухъ главахъ, посвященныхъ литературѣ и искусству (XII и XXIX), на первый планъ выступаетъ, конечно, личный моментъ, но выдерживается и общесторонняя точка зрѣнія. О широтѣ взгляда автора свидѣтельствуютъ и его замѣчанія о Віотиніи и о роли Фивъ (Ss. 84 ff., 108 f.); ср. также S. 40 f., 132 ff. и др. Очень часто обращается авторъ къ наемничеству, которое онъ справедливо считаетъ характернымъ явленіемъ греческой жизни IV вѣка (Ss. 26, 43, 208, 219, 343—347, 437—438, 449, 454), хотя недостаточно выясняетъ основныя причины этого явленія, которыя вѣются преимущественно въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ того времени. Нельзя сказать, чтобы Гольмъ совершенно игнорировалъ моменты экономическаго значенія, но, во всякомъ случаѣ, онъ выдвигаетъ ихъ слишкомъ мало; чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, ему стоило только обратиться, чтобы не ходить далеко, хотя бы къ книгѣ *Büchsen-*

зали тутъ автору и новыя изслѣдованія—особенно прекрасныя работы Белоха объ аттической политикѣ и Штерна о спартанской и еванской гегемоніи¹⁾: во многихъ замѣчаніяхъ Гольма такъ или иначе сказались широта политическаго сужденія Белоха и острота критическаго взгляда Штерна²⁾. Еще другимъ путемъ нѣсколько оживляется разказъ нашего автора: онъ большой любитель аналогій³⁾.

schätz's, Besitz u. Erwerb im griech. Alterthume, Halle, 1869 (особ. Sa. 604 ff.), Иногда Гольмъ вставляетъ въ разказъ и картинныя „культурно-историческаго значенія“, напримѣръ, о Датамѣ (Sa. 347, 356); какъ „Zeitbild“ является и его экскурсъ—„Eubulos und das Theorikon“ (Sa. 252 — 257), не совсѣмъ, кажется, удавшійся, впрочемъ, не столько по винѣ автора, сколько по свойству привлеченнаго сюда матеріала (между прочимъ, Гольмъ еще не воспользовался данными новаго найденнаго трактата объ афинской политикѣ; разбираемый тутъ, S. 225, Theor. fr. 95 M., теперь, мнѣ кажется, вѣрно прочитанъ въ *Wien. Stud.*, 1891, XIII, 171—172); по примѣру Белоха, Гольмъ вступаетъ за Евбула. Вообще (какъ увидимъ) въ своихъ историческихъ приговорахъ Гольмъ не разъ возстаетъ противъ старыхъ предразсудковъ, взглядавшихся историками-филологами и историками-политиками, и нельзя его строго винить, если онъ заходитъ далеко въ нгу полемики, если одной крайности онъ противопоставляетъ другую: таковъ законъ реакціи.

¹⁾ *J. Beloch*, Die attische Politik seit Perikles, Lpz., 1884.—Работа г. Штерна названа выше.

²⁾ Особенно замѣтно вліяніе послѣдняго (объ атикахъ Гольмъ трактуетъ сравнительно болѣе самостоятельно). Уже изъ многочисленныхъ ссылокъ самого автора видно, какъ много пользовался онъ изысканіями г. Штерна для отдѣльныхъ подробностей своего разказа. Выстъ съ Штерномъ, Гольмъ отказывается приписывать Агисмаю идеальныя панеллинскія стремленія и считаетъ его просто „утилитаристомъ“ (S. 24); точно также и еванская политика была, въ его изображеніи, не панеллинская, а, напротивъ того, партикуляристическая: еванне начали войну со Спартой, чтобы вернуть себѣ самостоятельность въ Віотіи; болѣе широкіе замыслы явились лишь слѣдствіемъ необычайныхъ успѣховъ еванскаго оружія: теперь уже стали мечтать о гегемоніи надъ всей Егладой, объ обращеніи земледѣльческихъ Фивъ въ морскую державу. Въ этихъ соображеніяхъ Гольмъ опять примыкаетъ къ Штерну (и избираетъ, кажется, благоую часть); но, отказавшись по его примѣру отъ обычаея идеализовать политику Епаминонда и Клеопида, нашъ авторъ, въ противоположность своему предшественнику, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ признаетъ роль этихъ личностей въ исторіи: только благодаря имъ возвысились Фивы и вмѣстѣ съ ними сошли со сцены (S. 259).

³⁾ Такъ, Греція въ началѣ IV столѣтія, по своимъ составнымъ частямъ (2 большихъ державы, около 3 среднихъ и нѣсколько мелкихъ), напоминаетъ Гольму нѣмецкій союзъ (S. 40), а Аены—Францію послѣ Вѣнскаго конгресса (S. 42); Клеопидъ (съ его приключеніями на сѣверѣ) напоминаетъ ему Маркса Мейера (S. 130), походъ Епаминонда на Спарту—нападеніе на Берлинъ Гадика (S. 139), положеніе дѣлъ послѣ смерти Епаминонда—положеніе послѣ Люденской битвы (S. 140 f.), внезапное нападеніе Діонисія въ 397 г. на варваровъ — Сицилійскую

Какъ уже указано, общіе моменты въ разбираемомъ сочиненіи принесены вообще въ жертву частнымъ; но иногда и они заявляютъ свои права, и хоть, повидимому, первые здѣсь совершенно выдѣлены отъ послѣднихъ, но на дѣлѣ иной разъ случается, что общія соображенія оказываютъ свое вліяніе и на частности. Такого рода общія соображенія авторъ высказываетъ объ Аѳинахъ IV столѣтія (сравнительно съ Аѳинами V вѣка), о греко-македонскихъ отношеніяхъ, объ историческомъ значеніи Александра Великаго, — и на нихъ мы теперь остановимся, сожалѣя о невозможности слѣдить въ настоящей замѣткѣ за отдѣльными подробностями, которыя могли бы имѣть положительный или отрицательный интересъ для рецензента.

Указывая различіе между Аѳинами V и IV столѣтій (S. 224), Гольмъ находитъ, что въ IV вѣкѣ окончательно установилась демократія, прекратились смуты, насилія, эксцессы; въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ народъ держалъ себя покойно, сдержанно, степенно; онъ былъ строгъ, но только къ отвѣтственнымъ вождямъ (Ss. 6, 27, 202—203, 224—225). Упадокъ Аѳинъ IV вѣка, о коемъ такъ много говорятъ, не больше какъ басня (S. 211) ¹⁾. Вообще демократія въ

вечерню (S. 154), Димосеенъ, какъ агитаторъ, — Гладстона (S. 317), наемники Ифипрата — вѣмцевъ ландскнехтовъ (S. 48), даіабіонъ Сократа — категорическій императивъ Канта (S. 34); отступленіе 10.000, по его мнѣнію, не похоже на отступленіе изъ Россіи Наполеона (S. 5), какъ и обращеніе съ союзниками Александра не похоже на обращеніе Наполеона (S. 372), и т. п.... Конечно, аналогіи всегда облегчаютъ пониманіе и объясненіе особенно явленій общаго характера; но средство это довольно опасное: тутъ постоянно рискуешь объяснять неизвѣстное неизвѣстнымъ, или упустить изъ виду тамъ или здѣсь какой либо моментъ, иногда совсѣмъ разрушающій сходство, а слишкомъ большое пристрастіе къ аналогіямъ годится развѣ лишь на то, чтобъ вызывать у читателя улыбку. Всѣхъ этихъ опасностей и Гольму, кажется, не удалось миновать вполне благополучно.

¹⁾ Обосновывая это положеніе, Гольмъ дѣлаетъ много цѣнныхъ замѣчаній (напримѣръ, о распредѣленіи богатствъ, Ss. 210, 220), — хотя, можетъ быть, и не слѣдуетъ считать вполне удачнымъ въ примѣненіи къ динамъ замистованнымъ имъ у Haussoullier терминъ „муниципальная жизнь“ (S. 211); онъ хорошо показываетъ, что невозможно принимать вѣстѣ съ Курціусомъ двойной упадокъ Аѳинъ — около 430 и около 360 г. (Ss. 220—223). Но Гольмъ признаетъ также, что „преобладаніе софистики“ не могло не содѣйствовать нравственной портѣ, хотя, впрочемъ, и находитъ достаточно сильнымъ противодѣйствіе Сократа и его школы (S. 211); онъ не считаетъ вполне достойнымъ и поведеніе аѳинянъ относительно Александра (Ss. 333, 340—341, 415—417). Пренебрегая надписями, Гольмъ не обращаетъ никакого вниманія и на весьма поучительное огромное количество увѣчаныхъ аѳинскими народомъ его „благодѣтелей“, особенно съ половины IV вѣка. (Относящійся сюда епиграфическій матеріалъ сопоставленъ у Dittmar, De Athen. more exteros coronis publicae ornandi quaest. epigr., Lpz., 1890).

Аѳинахъ была не элементомъ упадка, а, напротивъ, факторомъ нравственнаго спасенія города ¹⁾. Нравственный упадокъ сказывается въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ вождей народа, а не народа какъ цѣлаго (S. 223)... Здѣсь изъ области „свѣта“ авторъ переходитъ въ область „тѣнѣй“ (Ss. 203, 225)... Какъ въ судебныхъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ политики—даже внѣшней политики!—всѣмъ заправляли софисты—логографы и демагоги, а впечатлительный, подвижной народъ склоненъ былъ дѣйствовать подъ вліяніемъ минуты (S. 201—203, 217, 225) ²⁾... Именно эту сторону дѣла выставляетъ на видъ и другой изслѣдователь аттической политики V—IV вѣка Белохъ, такъ горячо возставшій противъ „культъ демократіи“ Итакъ, тутъ сошлись и защитникъ, и противникъ демократіи: оба усмотрѣли зло; но одинъ видитъ его на поверхности, другой въ основаніи. Разбирать, на чьей сторонѣ правда, не имѣло бы смысла, такъ какъ одинъ смотритъ на дѣло съ теоретической, другой съ практической точки зрѣнія; можно лишь дѣлать выборъ между этими точками зрѣнія, и, вѣроятно, всякій безпристрастный историкъ, далекій и отъ благоговѣйнаго увлеченія античнымъ геніемъ, и отъ политиканства, интересующійся тѣмъ, что было, а не тѣмъ, что могло бы быть, отдастъ предпочтеніе практическимъ моментамъ предъ эстетическими и точкѣ зрѣнія Белоха предъ точкой зрѣнія Гольма: по крайней мѣрѣ, онъ будетъ въ такомъ случаѣ избавленъ отъ непріятной необходимости противорѣчить себѣ, ограничивать свои положенія или прибѣгать къ софистикѣ, этому ненавистному оружію ненавистныхъ демагоговъ!

Уже изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что Гольмъ запишется въ число личныхъ враговъ Димосеена, что „народный вождь“ не долженъ ждать себѣ отъ него пощады! Дѣйствительно, авторъ изъ всѣхъ силъ старается развѣнчать знаменитаго оратора и политика ³⁾. Совер-

¹⁾ Именно роль демократіи, массы въ большихъ кризисахъ V—III вѣка была прекрасная и благородная (S. 222).

²⁾ Ниже (S. 242) „оказывается, что неограниченная демократія не въ состояніи была послѣдовательно провести сильную политику“; „не демократія, — говоритъ Гольмъ, — была виновата, а родъ демократіи“ (S. 217).

³⁾ Димосеенъ былъ нечистъ на руку и, въ качествѣ логографа, продавалъ свои услуги обѣимъ сторонамъ. Въ государственныхъ рѣчахъ своихъ онъ рѣдко дѣлалъ опредѣленные практическія предложенія, а обыкновенно ограничивался общими мѣстами и фразами, при чемъ не стѣснялся, для большаго эффекта, искажать истину. Онъ сколько могъ напрягать самомнѣіе и словолюбіе аѳинянъ и совершенно игнорировалъ интересы союзниковъ. Онъ ничего не понималъ въ военномъ дѣлѣ, не зналъ противника, не могъ выставить предводителя, а между тѣмъ

именно отказывая Димосеену въ благородствѣ (S. 223), Филиппа Гольмъ ставить, напротивъ, очень высоко даже въ нравственномъ отношеніи ¹⁾. Гольмъ аргументируетъ эти свои сужденія, и, конечно, онъ правъ въ значительной степени; но несомнѣнно и то, что, выступивъ противъ вазелѣянныхъ филологій и политиканствомъ благоговѣнія предъ Димосееномъ и презрѣнія къ Филиппу, онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ стараніи очернить перваго и облить втораго. Такая рѣзкость сужденія объясняется тѣмъ, что авторъ исходитъ здѣсь изъ своего пониманія исторической необходимости. Конечно, греки IV столѣтія до Р. Х. должны были бы подвергнуть свои идеалы и чаянія предварительной цензурѣ профессора Гольма! Впрочемъ, послѣдній не съ высоты собственнаго величія сталъ смотрѣть на событія, а усвоилъ себѣ точку зрѣнія Исократъ, приписать ее не то всѣмъ (S. 319), не то лучшимъ (S. 278) грекамъ. Онъ проникся панеллинскими идеалами этого „перваго публициста“ ²⁾. Все спасеніе Еллады въ македонской гегемоніи, въ торжествѣ надъ варварской Персіей (которая высасываетъ ея соки) ³⁾!... Подъ этимъ угломъ зрѣнія Гольмъ и оцѣниваетъ греко-македонскія отношенія и политическихъ дѣятелей того времени; въ этой своей оцѣнкѣ онъ довольно близко подходитъ къ

позбуждалъ согражданъ къ войнѣ,—къ войнѣ противъ того, съ кѣмъ только что заключилъ миръ. Вообще его политическая дѣятельность, его отношенія къ Спартѣ, Фивамъ, Македоніи вовсе не изобличаютъ въ немъ великаго политика. Развитію этихъ положеній авторъ удѣляетъ слишкомъ ужъ много мѣста въ своей книгѣ: нѣ обвинительные акты противъ Димосеена вносятся всѣ мелочи, даже допускающія еще иное толкованіе, даже тѣ, которыя кажутся сомнительными самому автору (S. 268); но и риторикой фактовъ не ограничивается Гольмъ: самый тонъ его отзывовъ имѣетъ мало общаго съ историческимъ безпристрастіемъ; вообще склонный ограничивать себя своимъ противорѣчіями, авторъ очень послѣдователенъ относительно Димосеена: по крайней мѣрѣ, мнѣ удалось подмѣтить только одно противорѣчіе сказанному раньше, когда ораторъ является (Ss. 501—502) „совершенно свободнымъ отъ риторики: у него совсѣмъ нѣтъ пустыхъ фразъ; ничего прямо не относящагося къ дѣлу“ (ср. Ss. 273, 280, 292—297, 486, 506—507).

¹⁾ Гольмъ снимаетъ съ Филиппа обвиненіе въ жестокости и вѣроломствѣ, оправдываетъ его „dilatatorisches Verfahren“ (Ss. 327—329); вообще во всемъ разказѣ о Филиппѣ симпатіи автора всегда на его сторонѣ (ср., напримѣръ, Ss. 291, 297, 305).

²⁾ Недаромъ онъ такъ вступаетъ за Исократъ предъ Блассомъ (Ss. 194, 246).

³⁾ S. 278—279 318—319.—Въ главѣ XIII Гольмъ обстоятельно говоритъ о грекахъ подъ персидскимъ владычествомъ и о Персидскомъ царствѣ: его собственное изложеніе (основанное не на однихъ греческихъ источникахъ) въ значительной мѣрѣ ограничивается заимствованными имъ у филологовъ общія фразы о безконечномъ превосходствѣ всего греческаго надъ всѣмъ варварскимъ.

Белоху. Конечно, историки XIX столѣтія могутъ одобрять или не одобрять поведеніе афинскаго демоса 22 вѣка тому назадъ и, сообразно своему пониманію законовъ исторіи, становиться на точку зрѣнія противниковъ Димосеена, а въ его рѣчахъ видѣть лишь разжиганіе страстей. Но они должны также помнить, что *summius ius summa iniuria*. Вѣдь, даже если не смотрѣть, подобно филологамъ, сквозь призму блестящихъ рѣчей Димосеена, развѣ не вызываетъ нашего сочувствія хотя бы слишкомъ страстная и порывистая борьба за свободу и независимость. Пусть македоняне были такъ же родственны еллинамъ, какъ датчане нѣмцамъ, — все же еллины издавна привыкли считать ихъ ниже себя ¹⁾ и такъ же должны были чувствовать македонское господство, какъ гольштинцы датское; кромѣ того, македонская военная монархія съ ея постоянными династическими распрями естественно не представляла ничего заманчиваго для еллиновъ, привыкшихъ къ свободно развитой политической жизни; нужно принять въ расчетъ и то, что обладаніе еракійскимъ Херсонисомъ издавна было для Афинъ вопросомъ насущнаго хлѣба. Отъ Персіи, напротивъ, прямой опасности не предвидѣлось, а если персидскіе даряки и вербовщики пользовались въ Греціи такимъ успѣхомъ (S. 437), то въ этомъ Персія была такъ же мало повинна предъ Греціей, какъ зеркало предъ обладателемъ кривой рожи. Всѣ эти мотивы едва ли слѣдуетъ опускать изъ виду при оцѣнкѣ противо-македонской политики, и съ этой точки зрѣнія оцѣнка, сдѣланная Белохомъ и Гольмомъ, нуждается въ ограниченіи.

Въ сущности названные ученые строятъ на основаніи, столь прочно заложенномъ Дройзеномъ ²⁾, и къ Дройзену же примыкаетъ Гольмъ и въ своей оцѣнкѣ Александра Великаго. Если Гольмъ упрекаетъ Грота за то, что въ своемъ сужденіи объ Александрѣ онъ больше руководится чувствомъ, нежели разсудкомъ, нерѣдко подтасовываетъ источники, въ угоду предвзятымъ соображеніямъ (S. 424), и не останавливается даже предъ діалектическими уловками (S. 339), то эти упреки *mutatis mutandis* едва ли не съ большимъ правомъ можно обратить противъ самого Гольма. Тонъ его отзывомъ объ Александрѣ самый восторженный и возвышается, можно сказать, до пафоса. Это гений

¹⁾ Ср. у Иродота V, 22; VIII, 137.

²⁾ Заявленное Гольмомъ (S. 319) нѣкоторое несогласіе съ Дройзеномъ могло бы идти въ счетъ только въ томъ случаѣ, еслибы историкъ имѣлъ право смѣшивать теорію съ практикой.

(S. 427), мощный духомъ и тѣломъ (S. 452); въ немъ воплотились всѣ самыя благородныя человѣческія стремленія, и такимъ онъ остался до конца своей жизни (S. 439). Это—личность, одиноко стоящая, и не только къ греческой исторіи (S. 453), совершенная аномалія для своей эпохи (Ss. 331—332, 371, 452). Но въ то же время онъ былъ грекъ въ полномъ смыслѣ слова (S. 425); въ немъ совмѣстились всѣ лучшія свойства всѣхъ (когда либо существовавшихъ) лучшихъ грековъ (S. 453); въ его дѣяніяхъ и въ его характерѣ греческій гений достигъ своего апогея (Ss. 418, 426). Гольмъ готовъ все простить своему герою, если только есть что прощать этому рыцарю безъ страха и упрека ¹⁾... Правда, иныя мѣры Александра и нашему автору представляются пятнами на блестящемъ фонѣ (Ss. 426, 439, 441): такъ, Гольмъ не рѣшается, подобно Дройзену, безусловно оправдывать македонскаго царя, если тотъ требуетъ отъ македонянъ и грековъ восточнаго раболѣпства (S. 396 ff.); его притязанія на апофеозу не имѣли смысла даже съ точки зрѣнія народовъ востока (Ss. 403—405), и тѣмъ меньше было оснований ожидать себѣ божескаго поклоненія отъ своихъ собутыльниковъ (S. 404). Но, не говоря уже о „вліяніи обстоятельствъ“ (S. 395), эти „деспотическія вождельнія“ (S. 441) по-

¹⁾ Убіиства, открывшія собою его царствованіе, были дѣломъ государственнаго интереса и озлобленія Олимпіады (S. 332). Если Каллисеевъ пострадалъ не безвинно (Ss. 396—397), то убійство Крита, конечно, одно изъ самыхъ печальныхъ событій въ жизни Александра (S. 396); актомъ чистѣйшаго деспотизма была и смерть Парменіона (S. 393); но смерть Крита—вспышка гнѣва, которую Александръ искупилъ горькимъ раскаяніемъ, а смерть Парменіона—не повторявшійся больше случай неудачнаго примѣненія государственной мудрости (Ss. 426—427); что касается до Филогмы, то съ нимъ Александръ поступилъ вполне законно и справедливо (Ss. 392—393). Не слѣдуетъ осуждать Александра за его жестокость въ Фивахъ—и въ XIX вѣкѣ не всегда щадили населеніе штурмованнаго города; можно видѣть трагическую справедливость въ томъ, что особенно пострадалъ отъ македонянъ городъ, наведшій ихъ на Грецію (S. 340). Если Александръ и выступилъ въ качествѣ „законодателя“ грековъ, приказавъ имъ возвратити изгнанниковъ, то это его приказаніе, не имѣя за собой формально-правоваго основанія, само по себѣ было очень справедливо (S. 415). Если Александръ заставилъ пнію называть его непобѣдимымъ, то онъ вѣдь и остался побѣдителемъ; Филомилу она дала свободу дѣйствовать, но онъ былъ побѣжденъ (S. 340). Мечтательный Александръ могъ дѣйствительно увѣровать въ то, что онъ сынъ Аммона-Ра, какъ его признали жрецы Аммона (S. 383). Если для Грота „хорошъ всякій источникъ, враждебный Александру“ (Ss. 383, 419, 448—449), то не менѣе произвольно и отрицательное отношеніе Гольма къ этимъ показаніямъ.

опирались раболѣпными азіатами и льстивыми греками ¹⁾; вліянія на правительственную дѣятельность Александра они не имѣли никакого, и до конца своей жизни онъ остался тѣмъ же—воспитаннымъ по-гречески македонскимъ княземъ (S. 439), хотя и сталъ вести себя, какъ персидскій царь и завоеватель (S. 396); для грековъ онъ былъ не больше какъ вождь (S. 439), хотя и выступалъ въ качествѣ ихъ „законодателя“ (S. 415). Основатель новой эпохи, Александръ вмѣстѣ съ тѣмъ осуществилъ и давнишнія чаянія лучшихъ грековъ (Vogg., S. 1; S. 329): самымъ быстрымъ и блестящимъ образомъ онъ разрѣшилъ предлежавшую еллинамъ задачу, именно борьбу съ варварами ²⁾,—борьбу, которая повела за собой полное сліяніе (S. 412), сглаженіе противоположности (Ss. 426, 438—439) между греками и азіатами, возможное—едва ли Гольмъ будетъ противорѣчить!—лишь въ томъ случаѣ, если еллины на столько снизойдутъ до варваровъ, на сколько тѣ поднимутся до нихъ. Очевидно, нашъ авторъ имѣетъ тутъ въ виду такъ называемую еллинаизацію; но не менѣе очевидно и то, что онъ пользуется громкими выраженіями и широкими понятіями, не выяснивъ себѣ предварительно самымъ точнымъ образомъ ихъ смысла и содержания. Впрочемъ, если Гольмъ не составилъ себѣ и не далъ читателю отчетливаго представленія объ еллинаизаціи, то отдѣльные подробности этого явленія все же нашли себѣ мѣсто въ его повѣствованіи (S. 431 ff.): труды Дройзена не пропали даромъ. Нужно ли говорить, что и Гольмъ считаетъ дѣятельность Александра въ этомъ направленіи строго обдуманной и вполне послѣдовательной ³⁾. Одной этой огромной, безсмертной заслуги Александра вполне достаточно, чтобы видѣть въ немъ великаго человѣка (Ss. 439, 441). Даже и для сильнаго Александра слишкомъ тяжело было,—сознается Гольмъ,—бремя управленія огромнымъ царствомъ, охватывавшимъ четыре важнѣйшихъ

¹⁾ S. 395: „Грекъ первый потребовалъ себѣ божескихъ почестей (Александръ), и греки же вѣли впередъ Александра по ложной дорогѣ: дурное вліяніе имѣли на него софистъ Анаксархъ и Каллисеевъ“ (S. 396—7).

²⁾ Такъ выражается Гольмъ (Ss. 440—441), очевидно, смѣшивая цѣль и средства.

³⁾ Правда, вопреки Дройзену, Гольмъ нигдѣ не заставляетъ завоевателя заботиться объ интересахъ торговли (даже въ индійской экспедиціи эти интересы остаются не при чемъ, S. 398 ff., хотя цитруемый Гольмомъ *Schiffert, Alexanders d. Gr. indischer Feldzug*, Pgr. Colberg, 1886, и считаетъ ихъ рѣшающими). Зато интересы науки воспитанникъ Аристотеля постоянно имѣетъ въ виду; даже въ самое горячее военное время его „томить жажда знанія“ (Ss. 402, 407, 440).

культурныхъ группы—еллинскую, семитскую, египетскую и иранскую (S. 402); но, если что было и не такъ,—виноваты греки: многое было бы иначе и лучше, еслибы греки въ ихъ совокупности отнеслись къ его дѣлу съ бѣльшимъ участіемъ: еслибы хоть половина грековъ, служившихъ за деньги персидскому царю, примкнула въ качествѣ союзниковъ къ Александру, то новыя государства не получили бы македонскаго, насильственнаго характера, въ нихъ сильнѣе царилъ бы духъ свободы (S. 441). Итакъ, Александръ исполнилъ задачу (Ss. 439, 441), которая даже ему была не подъ силу (S. 402); онъ то только грекъ (Ss. 418, 425, 452), то только македонянинъ (S. 441), то только персидскій царь и завоеватель (S. 396), то носитель свободы (S. 441), то представитель насиія (Ss. 396, 403, 415, 435); то и греки и македоняне—поборники свободы (S. 396), то только македоняне въ противоположность грекамъ (Ss. 395—396), то только греки въ противоположность македонянамъ (S. 441).

Сдѣланныхъ выдержекъ и сопоставленій, вѣроятно, достаточно, чтобы показать, какую цѣну имѣютъ общія замѣчанія автора. Громкія фразы не могутъ имѣть ничего общаго съ солидной и всесторонней оцѣнкой. Разъ идетъ рѣчь о такихъ сложныхъ явленіяхъ, какъ жизнь человѣка, тѣмъ болѣе народа, тѣмъ болѣе народовъ,—афоризмы уже перестаютъ быть умѣстными. Въ противномъ случаѣ неизбежны односторонность, крайность, противорѣчивость сужденія,—участь, отъ которой, естественно, не ушелъ и нашъ авторъ. Онъ, обѣщавшій строго разграничивать вѣрное отъ вѣроятнаго, кончилъ тѣмъ, что сталъ смѣшивать съ вѣрнымъ невѣроятное!

Если эти общія положенія не удались, повидимому, нашему автору, то вѣдь и влияніе ихъ на ходъ разказа, по самому свойству прагматическаго изложенія, не могло быть значительнымъ и выразилось лишь въ кое-какихъ отдѣльныхъ подробностяхъ. Самый же прагматическій разказъ, повторяю, оставляетъ желать мало лучшаго, а такъ какъ при современномъ состояніи науки популярное изображеніе древнегреческой исторіи не можетъ безъ особеннаго риска далеко выходить за предѣлы этой формы изложенія, то этимъ и опредѣляется значеніе труда Гольма (помимо чисто-научнаго интереса его отдѣльныхъ частей): Это, конечно, вовсе не „настоящая исторія“, не историографическій трудъ; это просто сочиненіе, которое, не смотря на кое-какіе недостатки, способно прекрасно ориентировать интересующихся судьбами античной Еллады, и смѣло можетъ быть рекомендовано вниманію нашихъ студентовъ-филологовъ и образованной публики. Русскій

переводъ этого труда, съ нѣкоторыми поправками и оговорками, былъ бы предпріятіемъ по меньшей мѣрѣ столько же полезнымъ, какъ переводъ Курціуса, Дройзена, Вебера, Гертцберга, Пельмана и „Древностей“ Бузольта.

А. И — смѣл.

А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй. М. 1892.

Исслѣдователи и любители письменной старины всегда съ живымъ сочувствіемъ встрѣчаютъ появленіе новыхъ описаній рукописныхъ собраний. Библиографическіе труды этого рода составляютъ необходимую основу исторіи литературы. Въ особенности должно это быть сказано о литературѣ русской, которая очень долго, почти до XVIII вѣка, оставалась по преимуществу письменною. Но кромѣ того, описанія рукописныхъ собраний имѣютъ еще другой интересъ: коллекціи памятниковъ письменности сами по себѣ составляютъ замѣчательное явленіе образованности, и чѣмъ глубже въ старину восходитъ эпоха образованія той или другой бібліотеки, тѣмъ важнѣе и поучительнѣе эта бібліотека для исторіи просвѣщенія.

Наши нынѣшнія рукописныя собранія — большею частью новаго происхожденія; только двѣ московскія бібліотеки — Синодальная и Типографская, да хранилища нѣкоторыхъ монастырей, ведутъ свое происхожденіе отъ временъ до-петровскихъ и уцѣлѣли болѣе или менѣе въ своемъ древнемъ составѣ. Напротивъ того, нѣкоторыя монастырскія бібліотеки, о древнемъ богатствѣ которыхъ имѣются свѣдѣнія, разбредлись разнѣ по новымъ коллекціямъ, а иныя изъ мѣста своего прежняго храненія переданы въ полное или почти полное составѣ въ другія учрежденія; такъ, бібліотека Соловецкаго монастыря стала достояніемъ Казанской духовной академіи, а бібліотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и Новгородскаго Софійскаго собора перешли въ духовную академію Петербургскую. Нѣкоторые считаютъ такую передачу не законною; но съ научной точки зрѣнія нѣтъ, конечно, возможности осуждать ее: только послѣ перенесенія въ Казань Соловецкая бібліотека стала доступна научному изслѣдованію, и извѣстно, какіе богатые плоды оно уже принесло для исторіи Русской церкви и русскаго просвѣщенія.

Въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ сталъ у насъ развиваться

обычай собиранія рукописей частными лицами. Если справедливо, съ одной стороны, что частные собиратели, въ погонѣ за рукописными драгоценностями, содѣйствовали разрушенію старыхъ, особливо монастырскихъ собраний, то съ другой — несомнѣнно, тѣ же собиратели сумѣли хорошо сберечь многое такое, что въ монастыряхъ лежало въ полномъ небреженіи или даже прямо истреблялось. Не приводя многихъ свидѣтельствъ о томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ находились въ старину наши библіотеки, напомнимъ только поразительные разказы о томъ П. И. Челищева, который въ 1791 году объѣздивъ многіе монастыри сѣверной Россіи ¹⁾. Частнымъ лицамъ принадлежитъ почитать и въ изданіи научныхъ описаній рукописныхъ коллекцій. Въ послѣднія десятилѣтія особенно умножилось число собирателей, и нѣкоторые изъ нихъ считаютъ долгомъ не таить про себя свои книжныя богатства, а знакомить съ ними всѣхъ, кому это нужно и интересно, печатаніемъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ каталоговъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ почтенный И. А. Вахрамѣевъ, обладатель значительнаго собранія рукописей въ Ярославѣ, описаніе котораго онъ поручилъ А. А. Титову.

Собраніе г. Вахрамѣева содержитъ въ себѣ едва ли не до тысячи письменныхъ книгъ. Такъ слѣдуетъ заключать изъ того, что во второмъ выпускѣ труда г. Титова описаніе ихъ доведено до № 711, а въ предисловіи къ этому выпуску обѣщанъ еще третій, уже находящійся въ печати. Первый выпускъ описанія появился въ 1888 году; въ немъ была описана 281 рукопись, и хотя книга эта, если не ошибаемся, не поступала въ продажу, о ней было въ свое время говорено въ печати; наиболѣе полный обзоръ ея былъ сдѣланъ профессоромъ В. С. Иконниковымъ, въ статьѣ „Новыя коллекціи рукописей въ Россіи“, помѣщенной въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1889 года.

Во второмъ выпускѣ труда г. Титова описано 430 рукописей. Если къ 1888 году въ коллекціи г. Вахрамѣева, составленіе которой началось съ 1870 года, было менѣе трехсотъ нумеровъ, то въ послѣдніе четыре года размѣры ея увеличились почти въ три раза. Первоначально пріобрѣтенія дѣлались преимущественно у московскихъ торговцевъ рукописями; въ послѣдніе годы библіотека г. Вахрамѣева существенно обогатилась покупкой рукописнаго собранія, составлен-

¹⁾ Очень любопытныя свѣдѣнія о состояніи нашихъ архивовъ и библіотекъ въ первой половинѣ текущаго вѣка собраны въ статьѣ Н. И. Полетаева въ журналѣ *Библіографъ* 1892 г., № 1 и 3.

наго едва ли не исключительно въ предѣлахъ Ярославской губерніи любителемъ и знатокомъ мѣстной старины Вадимомъ Ивановичемъ Лѣствицынымъ, умершимъ въ 1889 году. Эти-то принадлежавшія Лѣствицыну рукописи и описаны главнымъ образомъ во второмъ выпускѣ, и то еще не всѣ: каталогъ ихъ будетъ продолженъ въ слѣдующей части разсматриваемаго изданія.

Лѣствицынъ былъ человѣкъ не богатый; онъ не покупалъ рукописей роскошныхъ, да онъ и рѣдко обращается въ продажѣ. Но Лѣствицынъ былъ человѣкъ умный и знающій; онъ собиралъ главнымъ образомъ то, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ мѣстной ярославской исторіи и бытовой старинѣ, и ему дѣйствительно удалось составить собраніе очень любопытное съ этой точки зрѣнія. Правда, въ его коллекціи нѣтъ памятниковъ древнихъ: его рукописи относятся къ XVII, XVIII и даже XIX вѣкамъ; но это нисколько не умаляетъ ни интереса, ни значенія собранія Лѣствицына. Г. Титовъ, будучи самъ любителемъ мѣстной старины, очень заботливо выдвигаетъ впередъ вышеуказанное значеніе описываемой имъ коллекціи и изъ тѣхъ рукописей Лѣствицына, которыя содержатъ въ себѣ историческія данныя, нерѣдко приводитъ обширныя выписки.

Изъ 430 рукописей, описанныхъ во второмъ выпускѣ, около половины имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ Ярославскому краю. Тутъ есть и акты въ подлинникахъ и копіяхъ, отдѣльно и въ видѣ цѣлыхъ сборниковъ; есть и мѣстные лѣтописцы, описанія монастырей и церквей, житія святыхъ и сказанія о чудотворныхъ иконахъ, матеріалы для біографіи уроженцевъ и дѣятелей Ярославскаго края, ихъ дневники, письма и судныя дѣла, ихъ литературныя произведенія, по содержанію нерѣдко касающіяся ихъ родины, сборники писальмъ, кантовъ и пѣсень, учебныя тетради ростовскихъ семи наристовъ, старинные каталоги разныхъ бібліотекъ въ Ярославской губерніи, статьи по мѣстной археологіи, этнографіи, хозяйственному быту и даже метеорологіи. Старое перемишано здѣсь съ новымъ, сырой матеріалъ—съ опытами его научной обработки. Но даже при поверхностномъ обзорѣ этой груды письменныхъ памятниковъ нельзя не замѣтить, что они являются свидѣтелями оживленной общественной дѣятельности въ краѣ, начала которой восходятъ очень далеко.

Извѣстно, что Ростовъ, древнѣйшій городъ этого края и одинъ изъ древнѣйшихъ во всей Россіи, славился своею образованностью еще въ до-татарское время. И позже, въ XIV вѣкѣ, здѣсь существовать

знаменитый Григоріевскій монастырь—Затворъ, обладавшій обширною библіотекой; изъ здѣшней книжной среды вышелъ ученый Стефанъ, проповѣдникъ Христовой вѣры въ землѣ Пермской. Еще позже, въ XVII вѣкѣ, въ Ростовѣ нашло себѣ пріютъ церковное художество, а при святителѣ Димитріѣ положено начало духовному училищу, снабдившему Ярославскій край образованными духовными лицами. Соотвѣтственно этому общему ходу просвѣщенія въ краѣ, здѣсь рано обнаруживаются начатки литературной дѣятельности. Житія первыхъ ростовскихъ святыхъ принадлежать къ числу раннихъ памятниковъ русской словесности. Съ теченіемъ времени мѣстные произведенія этого рода продолжаютъ увеличиваться въ числѣ и собираются въ особые житейники, при чемъ древнѣйшія житія подвергаются новой литературной переработкѣ. Какъ уже сказано, этотъ родъ письменныхъ памятниковъ представленъ въ коллекціи Лѣствицына многими образцами. Напротивъ того, древнихъ лѣтописей въ ней почти нѣтъ; за то въ нѣсколькихъ спискахъ являются позднѣйшіе мѣстные лѣтописцы—о Ростовскихъ архіереяхъ и Угличскій¹⁾. Въ этихъ произведеніяхъ XVIII вѣка уже ярко обнаруживается склонность мѣстныхъ книжниковъ сохранять историческія преданія своей родины, склонность, которая въ текущемъ столѣтіи мало по малу перерождается въ стремленіе изучать и изслѣдовать мѣстную старину. Понимѣ главными дѣятелями на этомъ поприщѣ остаются мѣстные уроженцы, нерѣдко питомцы мѣстныхъ духовныхъ школъ. Таковъ былъ и самъ В. И. Лѣствицынъ. Въ его рукописномъ собраніи, на ряду съ его собственными историческими трудами, встрѣчаемъ работы въ томъ же родѣ Ѳ. Никольскаго, Д. и С. Серебренниковыхъ, Ап. Соколова и др.

Объемъ настоящей статьи не позволяетъ намъ распространяться о всѣхъ тѣхъ матеріалахъ для исторіи и описанія Ярославскаго края, какіе собраны были Лѣствицынымъ и находятся теперь въ библіотекѣ И. А. Вахрамѣева. Но не можемъ не остановить вниманія читателей на двухъ лицахъ, о которыхъ трудъ г. Титова даетъ особенно любопытныя свѣдѣнія.

¹⁾ Лѣтописецъ о Ростовскихъ архіереяхъ былъ изданъ дважды: въ первый разъ Е. И. Якушкинымъ въ „Трудахъ Ярославскаго статистическаго комитета“, кн. V, и во второй А. А. Титовымъ въ „Памятникахъ древней письменности“; Угличскій лѣтописецъ изданъ также А. А. Титовымъ въ „Трудахъ Ярославской ученой архивной комиссіи“, вып. I. Но при всѣхъ этихъ изданіяхъ списки, принадлежащіе г. Вахрамѣеву, не были приняты во вниманіе.

Одно изъ этихъ лицъ—Авдѣй Супоневъ, „отъ кавалеріи Володимѣрскаго полку капитанъ“ и угличскій помѣщикъ въ средніе прошлаго вѣка. Онъ не былъ писателемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но былъ собиратель книгъ и начетчикъ въ нихъ. Въ библіотекѣ г. Вахрамѣева имѣется пять рукописей, принадлежавшихъ Супоневу, всѣ историческаго содержанія. № 503 (по описанію г. Титова)—есть копія съ перевода „Московской исторіи“ Трейера (у г. Титова онъ названъ ошибочно Тренезомъ); № 691 содержитъ въ себѣ списокъ съ писцоваго наказа 1685 и 1686 годовъ; въ № 682 находимъ копія съ писемъ Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II и другихъ лицъ, снятыя, безъ сомнѣнія, съ печатныхъ оригиналовъ; наконецъ, двѣ остальные рукописи представляютъ наиболѣе интереса для характеристики ихъ прежняго владѣльца. Въ сборникѣ № 678, рядомъ со статьями историческими, каковы Двинской лѣтописецъ и Синописецъ, находимъ произведеніе беллетристическое—Исторію о Калеандрѣ, а также завѣщаніе Стефана Яворскаго и каталогъ его библіотеки. Кромѣ того, тутъ же помѣщенъ „реестръ имѣющимся книгамъ в домѣ Авдѣя Супонева“. Въ этомъ реестрѣ показано 43 заглавія, означающія частью письменныя, частью печатныя сочиненія; между духовными книгами находимъ: Псалтырь, Новый Завѣтъ, Евангеліе учительное, житія святыхъ и службы имъ, Часословъ, Жезлъ правленія, нѣсколько „продикъ“, Духовный Регламентъ и пр.; между книгами историческаго и вообще свѣтскаго содержанія встрѣчаются: житіе патріарха Никона, такъ-называемый журналъ путешествія Петра Великаго за границу, исторія Иерусалимская и Цареградская, Система турецкаго закону князя Димитрія Кантемира, Телемакъ, Юстъ Липсій, завѣщаніе В. Н. Татищева, повѣсть о Петрѣ Златыхъ Ключей, Уложеніе, Табелъ всѣмъ полкамъ и т. д. Сборникъ № 647 озаглавленъ: „Книга домовая записная Авдѣя Супонева 1733 году“. Тутъ Супоневъ вписывалъ свои поденныя замѣтки во время похода въ польскія владѣнія въ означенномъ году; сюда же внесъ онъ „переводъ нѣкоторыхъ словъ изъ французскаго и латинскаго на русскій языкъ“, и тутъ же помѣстилъ свѣдѣнія о своемъ движимомъ имуществѣ: „реестръ святымъ мощамъ, съ крестиками, у насъ въ крестѣ“, „росписъ платью и низанью и бѣлью“, росписъ посуды и перечень своихъ, повидимому, заграничныхъ покупокъ, отосланныхъ въ имѣнье, тоже по части одежды и посуды. Всѣ эти перечни даютъ понятіе о томъ, какою духовною пищей могъ питаться книжный русскій человекъ въ срединѣ XVIII вѣка, и въ какой матеріальной обстановкѣ онъ

жизнь, если обладалъ среднимъ достаткомъ, какъ то было, по всему вѣроятію, въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, сообщенныя въ трудѣ г. Титова свѣдѣнія о рукописяхъ Авдѣя Супонева составляютъ полезный вкладъ въ исторію нашего быта и образованности въ прошломъ вѣкѣ.

Другое лицо, о которомъ въ разбираемой книгѣ предлагаются новыя данныя, есть писатель конца XVII вѣка Тимофей Каменевичъ-Рвовскій. До послѣдняго времени онъ былъ извѣстенъ только какъ составитель обширной компиляціи „О древностяхъ Россійскаго государства“ (1699 года), сохранившейся въ рукописяхъ Московской синодальной бібліотеки (№ № 963—965), и какъ передѣлыватель „Повѣсти о семи мудрецахъ“ (1692 года, рукопись Императорской Публичной Библіотеки XV, Q. 28). О личности Каменевича знали только, что онъ былъ іеродіакономъ и уставщикомъ въ Троицкомъ Аванасіевскомъ Холопьемъ монастырѣ, что на устьѣ Мологи: такъ упоминается онъ въ одномъ официальномъ актѣ 1683 года и такъ же значится въ записи на историческомъ его сочиненіи 1699 года. Въ 1875 году покойный Лѣствицынъ повѣстилъ въ *Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* о найденныхъ имъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка „богословскихъ сочиненіяхъ“ Каменевича. Какъ этотъ сборникъ, такъ и провѣренная Лѣствицынымъ тетрадь выписокъ изъ него, находятся теперь въ бібліотекѣ г. Вахрамѣева и описаны въ каталогѣ г. Титова подъ № № 451 и 711. Кромѣ того, послѣднимъ изданы цѣликомъ три изъ вновь открытыхъ сочиненій іеродіакона Тимофея.

Нельзя сказать, чтобъ эта ревность ярославскихъ изслѣдователей оправдывалась особою важностью находки. „Богословскія сочиненія“ Каменевича состоятъ изъ четырехъ церковныхъ поученій, имъ произнесенныхъ, да изъ увѣщательнаго посланія, которое онъ писалъ извѣстному Каріону Истомину по поводу слуха о томъ, что Каріонъ намѣревается оставить монашество и вступить въ бракъ; авторъ посланія, разумѣется, былъ противъ такого нарушенія священнаго обѣта. Статьи эти получаютъ нѣкоторое значеніе лишь потому, что матеріалъ для характеристики Каменевича вообще очень скуденъ. Итакъ, посмотримъ же, что можно извлечь изъ находки Лѣствицына.

Почученія Каменевича¹⁾ относятся къ послѣднему десятилѣтію

¹⁾ Два изъ нихъ напечатаны въ брошюрѣ: А. А. Титовъ. Два поученія Тимофея Каменевича-Рвовскаго, мологскаго проповѣдника XVII вѣка (по рукописи П. А. Вахрамѣева № 451). Москва. 1892.

XVII вѣка и обличаютъ въ авторѣ усерднаго подражателя Симеону Полоцкому; въ нихъ очень мало внутренняго содержанія, за то строго соблюдены приемы школьнаго риторства; авторъ не упускаетъ случая дѣлать ссылки не только на Священное Писаніе, но и на отцовъ и учителей церкви, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ: рядомъ съ Іоанномъ Златоустомъ, Григоріемъ Омиритскимъ и Іоанномъ Дамакинскимъ вспоминаются Тертуліанъ, Амвросій Медиоланскій, блаженный Августинъ и даже „Кассіодоръ Святый“. Въ одномъ изъ поученій есть разказъ, излеченный, повидимому, не изъ духовной книги: „Повѣствуютъ тако нѣкоторые учителя, яко во Вританиской странѣ при брегахъ единыя рѣки родятся и растутъ древа, съ тѣхъ древъ спадшее листіе въ воду тоя рѣки скоро во птицу то листіе обращается и на воздухъ возлетаютъ, и въ незнакомое мѣсто тѣ птицы отлетаютъ“. Какъ извѣстно, въ проповѣдяхъ Симеона Полоцкаго встрѣчаются подобныя же разказы, заимствованные, по его словамъ, отъ ученыхъ „естествословцевъ“. Вообще, поученія Каменевича свидѣтельствуютъ о его начитанности и даютъ поводъ думать, что ему не чуждо было между прочимъ знаніе латинскаго языка. Изложеніе поученій поражаетъ своимъ многословіемъ; но языкъ—обыкновенный славянскій, основанный на грамматикѣ Смотрицкаго; во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ служить указаніемъ на происхожденіе автора изъ Южной или Западной Руси (какъ предполагалъ Лѣствицынъ); къ тому же, въ посланіи къ Каріону Каменевичъ называетъ себя „Тимоеемъ москвитиномъ“; фамилія его, вѣроятно, только полонизирована по господствовавшему тогда обычаю у книжныхъ людей.

Посланіе Каменевича¹⁾ къ К. Истохину отличается тѣмъ же литературными приемами, какіе мы указали въ поученіяхъ. Въ немъ такое же многословіе, велегрѣіе и обязательныя ссылки на книжные источники: свои разсужденія и доводы авторъ подкрѣпляетъ пересказомъ притчъ изъ „Великаго Зеркала“. Очень характерно обозначено въ посланіи время его составленія: „Мірозданнаго календаря седьмолѣтскаго времени сотаго рока осемьдесятая счисленія и девятого года, по римску—мѣсяца прихоса десятого и до осьмаго дня, отъ воплощенія же Божія Слова тысящнаго лѣта и шестьсотаго осемьдесятая и перваго марта настоящаго“. Такимъ образомъ, написанное въ мартѣ 7189 или 1681 года, посланіе оказывается самымъ раннимъ изъ произведеній

¹⁾ Оно напечатано въ приложеніи къ разбираемому II-му выпуску описанія рукописей г. Влахрамѣва.

Каменевича. Любопытно, что и въ биографіи Каріона Истомина оно должно быть признано самымъ раннимъ изъ точно датированныхъ фактовъ¹⁾. Не смотря на серьезность предмета рѣчи, тонъ посланія—дружественный и наводитъ на мысль, что и Истоминъ, и Каменевичъ были въ ту пору молодыми людьми. Не были ли они и товарищами по ученію? Каріона Истомина считают однимъ изъ первыхъ учениковъ Московской академіи²⁾. Не тамъ ли же учился и Каменевичъ? Къ сожалѣнію, разъяснить этотъ вопросъ представляется невозможнымъ въ виду той скудости свѣдѣній, какою отличается исторія нашихъ школъ даже въ концѣ XVII вѣка.

Въ посланіи Каменевича есть еще любопытное припоминаніе о древнемъ благосостояніи Мологскаго края до разоренія волости „Мологскихъ государей“ во время войны Михаила Ярославича Тверскаго съ Василиемъ Коштротскимъ. „Нынѣ же“, продолжаетъ авторъ,—„малъ останокъ поселянъ купецкихъ и землепашцевъ, живущихъ въ тѣхъ слободахъ, посацкихъ дворовъ сто и вящихъ, дань царскую на себѣ содержащи,—и прозвася отъ тогда сущихъ новгородскихъ посадниковъ званіемъ Молога-посадъ по имени рѣки Мологи, текущая подъ нимъ; великаго во святѣй Троицы славимаго Бога и Того угодниковъ, великоименитыхъ іерарховъ—безсмертія купоименна Аонасія глаголю Великаго и Кирилла Святаго и пресловутаго, учителей селенскихъ и чудотворцевъ Александрійскихъ, отъ перваго званія стараго зданія, отъ отецъ именованія изъ Холопы монастыря преславушаго, стояніе имуща на юстинъ рѣки Мологи, текущая въ Танайскъ рѣку великую, широкую и долгую, зовомую Волгою, въ край Мологи же посадовъ наричемыхъ, вознагражденнаго при дорогѣ московской и бѣлозерской“. Въ этой столь не складно сплетенной похвалѣ своему краю и въ противоположеніи его прежняго богатства позднѣйшему оскудѣнію наивно сказалось у нашего автора чувство мѣстнаго патріотизма, хотя онъ и не былъ уроженцемъ Помоложья, а только

¹⁾ Въ книгѣ г. Брайловскаго: Каріонъ Истоминъ (жизнь его и сочиненія). М. 1889. говорится, что точныя біографическія свѣдѣнія о Каріонѣ начинаются только съ іюня 1681 года.

²⁾ Г. Брайловскій полагаетъ, что Каріонъ Истоминъ учился въ греческой школѣ, основанной въ 1679 году при Московской типографіи и вскорѣ слившейся съ училищемъ „Ихудовъ. С. К. Смирновъ въ своей „Исторіи Московской славяно-греко-латинской академіи“ и П. П. Субботинъ, въ статьѣ „Янъ Бѣлободскій и Павелъ Негребецкій“ (*Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ 1862 г.*, кн. 4), называютъ Каріона прямо питомцемъ академіи.

по обстоятельствамъ жизни связалъ съ нимъ свою судьбу. Зато и старался онъ закрѣпить эту связь тѣмъ, что усердно изучалъ прошлое края. Онъ самъ говоритъ въ разбираемомъ посланіи, что проводилъ время въ своемъ монастырѣ, между прочимъ „царственныя крапикари прочитая“. Результатомъ изученія лѣтописей была его обширная историческая компиляція, въ которой онъ не упустилъ случая поговорить о Мологской странѣ и о существовавшей тамъ ярмаркѣ подъ Холопьямъ городкомъ. Извѣстія о древней торговлѣ въ Помоложѣ были недавно предметомъ спеціальнаго изслѣдованія проф. М. Н. Бережкова¹⁾, который обратилъ между прочимъ вниманіе на разказы о томъ въ компиляціи Каменевича. Его опыты мѣстныхъ изысканій, по мнѣнію г. Бережкова, — „не болѣе какъ павное упражненіе въ сочинительствѣ; они наполнены произвольными выдумками да забавными мудрowanіями и несноснымъ многословіемъ... При всемъ томъ однако у Каменевича есть страницы, не лишенныя исторической важности“. Отзывъ этотъ можетъ быть примѣненъ въ частности и къ тому историческому припоминанію, которое отмѣтили мы въ посланіи Каменевича.

Вотъ, кажется, все, что можетъ быть сказано о вновь открытыхъ сочиненіяхъ этого писателя. И послѣ ихъ находки его историческая компиляція, еще Карамзиннымъ приведенная въ извѣстность, остается все-таки важнѣйшимъ изъ литературныхъ произведеній іеродіакона Тимофея; но она по прежнему остается не изслѣдованною въ своемъ цѣломъ составѣ. Находка Лѣтвицына и обнародованіе ея г. Титовымъ указали на тѣсную связь Каменевича съ Ярославскимъ краемъ; это должно бы побудить тамошнихъ ученыхъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ объ историческомъ трудѣ, оставленномъ однимъ изъ первыхъ любителей ярославской старины.

Какъ уже было замѣчено выше, изъ 430 сочиненій, описанныхъ во второмъ выпускѣ труда г. Титова, около половины не имѣютъ отношенія къ Ярославскому краю по своему содержанію. Составъ этого отдѣла довольно разнообразенъ, но въ общемъ походить на большинство нашихъ рукописныхъ коллекцій; поэтому мы не видимъ надобности говорить о немъ подробно и ограничимся лишь указаніемъ на тѣ рукописи, въ коихъ содержатся памятники малоизвѣстные. большую частью религіозно-нравственнаго содержанія:

¹⁾ См. статью „Старый Холопій городокъ на Мологѣ и его ярмарка“ въ Трудахъ седьмага археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ. 1887. Томъ I. М. 1890.

„Нужнѣйшихъ обычаевъ наука православныя вѣры христіанскія новопросвѣтившемуся. Сказаніе о сынѣ церковномъ, како порождаетъ вѣрующая во Христа“. Русское сочиненіе начала XVII вѣка въ 100 главахъ, обыкновенно называемое „Сынъ церковный“ и напечатанное старообрядцами въ Клинцахъ въ 1784 году. Четыре списка XVII и XVIII вѣковъ (№№ 410, 481, 483 и 491).

„Бесѣда милости со истинною о Божіи милосердіи и мученіи. Твореніе Андрея Христофорова сына Бѣлобоцкаго, лѣта Христова 1685“. Списокъ XVII вѣка (№ 569). Напечатано, по указанію Сопикова, гражданскими буквами безъ мѣста и года печати, а по мнѣнію митрополита Евгенія, около 1750 года. Оба эти библиографа, а также Новиковъ, называютъ автора Бѣлоградскимъ; но онъ названъ Бѣлободскимъ въ старинномъ каталогѣ русскихъ печатныхъ книгъ и рукописей Академіи Наукъ ¹⁾, которымъ пользовался Новиковъ, очевидно, читавшій „Бесѣду“ и давшій о ней слѣдующій отзывъ: „Сія книжка написана весьма замысловато и достойна похвалы“. Г. Шляпкинъ приписываетъ тому же лицу переводъ съ латинскаго сочиненія Оомы Кемпійскаго „О подражаніи Христу“, подписанный А. Х. Б., сдѣланный не позже 1689 года и хранящійся между рукописями въ Московской синодальной библиотекѣ ²⁾. Г. Титовъ, слѣдуя сомнительной догадкѣ архіепископа Филарета, смѣшиваетъ Андрея Бѣлободскаго съ его оппонентомъ Яномъ, участвовавшимъ въ Москвѣ въ богословскихъ спорахъ 1680-хъ годовъ.

„Сказаніе отъ божественныхъ писаній, отъ апостольскаго преданія и правилъ святыхъ отецъ о новыхъ книгахъ“. Списокъ XVII вѣка (№ 401) сочиненія, заключающаго въ себѣ старообрядческую критику новопечатныхъ книгъ XVII вѣка и перечисленіе обрядовыхъ отступленій въ богослуженіи „съ настатія Никонова патріаршества“. Сочиненіе это не существуетъ въ печати, да не значится и въ каталогахъ другихъ рукописныхъ собраній.

Сборникъ поученій св. Димитрія Ростовскаго, писанный въ половинѣ XVIII вѣка (№ 417), въ которомъ, на листахъ 4—6, находятся „похвалы философомъ“, привѣтственныя „конклюдія“, поднесенныя св. Димитрію 26-го декабря 1707 года іеродиакономъ Стефаномъ

¹⁾ Каталогъ этотъ, весьма рѣдкій, отпечатанъ, вѣроятно, около 1742 года; подробное его описаніе см. у *Геннади*, Литература русской библиографіи, стр. 86, 87, 180--182.

²⁾ Св. Димитрій Ростовскій, стр. 92.

Прибыловичемъ, учителемъ философіи въ Московской славяно-греко-латинской академіи.

„Пастырское посланіе ко іереомъ и діакономъ“ (№ 414) съ подписью „смиреннаго Досіея“, извѣстнаго Ростовскаго епископа, казеннаго въ 1719 году по дѣлу царевича Алексѣя. Не смотря на подпись, это произведеніе не Досіея, а Дмитрія Ростовскаго, въ сочиненіяхъ котораго и напечатано.

„Псалтирь Маріи“, собраніе 150 псалмовъ, обращенныхъ къ пресвятой Дѣвѣ Маріи и сочиненныхъ кардиналомъ Бонавентурой, жившимъ въ XIII вѣкѣ (№ 408). Переводъ и рукопись Петровскаго времени, со слѣдующимъ любопытнымъ примѣчаніемъ: „Трудолюбиемъ и тщаніемъ царствующаго града Москвы жителя, большаго Успенскаго собора бывшаго ключаря и служителя, священноіерея Василия Петрова, бывшаго во Амстарадѣ с дѣтми боярскими в лѣто „ “. А послани были во Амстрадамъ дѣти боярскія учения ради воинскаго“. В. Петровъ находился въ Амстердамѣ, вѣроятно, между 1708 и 1714 годами, ибо преимущественно въ теченіе этого періода времени были посылаемы туда царемъ молодые русскіе дворяне для морскаго ученія ¹⁾.

„Хрисанфа, пресвитера и архимандрита святѣйшаго апостольскаго и патріарша престола Іерусалимскаго, о тайнѣ покаянія и исповѣди“, списокъ XVIII вѣка (№ 477), съ слѣдующею припиской: „Сія книга на греческомъ діалектѣ прислана изъ Константинополя къ государственному канцлеру графу Гавріилу Ивановичу Головкину отъ блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго киръ Хрисанфа при письмѣ резидента господина Неплюева, какова сообщена отъ его сіятельства великому господину преосвященнѣйшему Георгію архіепископу Ростовскому и Ярославскому. Его благословеніемъ и повелѣніемъ съ оной греческой книги на славянскій діалектъ переводилъ синодальный переводчикъ Иванъ Григорьевъ лѣта Господня 1727“. Подлинникъ этого сочиненія на греческомъ языкѣ изданъ въ Венеціи въ 1724 году, а переводъ напечатанъ не былъ.

„Історія политическая Константинопольская отъ Θεодора Ζιγομάλα, историка греческаго, и списанная въ книгѣ же, паричаею Туркогреція, гречески и латински тупомъ изданная“—въ сборникѣ XVIII вѣка

См. статью Устрялова: „О навигаторахъ и гардемаринахъ Петра Великаго“, помещенную въ книгѣ: „Торжественное собраніе Имп. Академіи Наукъ 29-го декабря 1865 года“.

(№ 466). Не существующій въ печати переводъ изъ извѣстнаго сборника тюбингенскаго богослова Мартина Крузія, вышедшаго въ 1584 году въ Базелѣ, подъ заглавіемъ: *Tucrograeciae libri octo a Martino Crusio, in academia Tuvengensi graeco et latino professore, utraque lingua edita*“, и содержавшаго въ себѣ между прочимъ трактатъ о судьбахъ и бѣдствіяхъ Царьграда, написанный ученымъ грекомъ Ѳ. Зигомалой, однимъ изъ близкихъ людей къ Константинопольскому патриарху Іеремія II.

„Книга именуема Царь болѣзненный, в ней же размышленіе о страстехъ Христовыхъ, на позу душевную всякому труждающемуся трудолюбному вѣры православнія читателю изданная в Кіево-Печерской лаврѣ. Списана року Божіа 1744“ (№ 409). Книги подъ такимъ заглавіемъ не значится въ „Очеркѣ славяно-русской библіографіи“ Ундольскаго.

„Возраженіе на пашквиль лютеранскій, нареченный Молотокъ на книгу Камень вѣры“, извѣстное сочиненіе Арсенія Мацѣвича, написанное около 1750 года, въ спискѣ, испещренномъ вставками и поправками автора (№ 391).

„Райскій виноградъ“ (№ 409), правоучительное сочиненіе, со слѣдующею помѣтой въ началѣ: „Сія книга переведена съ швецкаго на русскій языкъ 1751. І. К. А. С. С. С. П.“. Этотъ русскій переводъ изданъ не былъ.

Полемическое сочиненіе противъ безпоповцевъ, безъ заглавія и безъ имени автора; рукопись XVIII вѣка (№ 400); сочиненіе это въ печати не извѣстно.

Синодикъ, составленный камергеромъ Алексѣемъ Полозовымъ въ половинѣ XVIII вѣка, съ многочисленными историческими замѣтками о дворянскомъ родѣ Полозовыхъ и о другихъ фамиліяхъ, ему родственныхъ (№ 338).

„О воспитаніи юныхъ. Письмо къ сочинителямъ Примѣчаній на Санкт-Петербургскія Вѣдомости“ (въ сборникѣ № 434). писанное syllabическими виршами, безъ сомнѣнія, не позже 1760-хъ годовъ, такъ какъ „Примѣчанія“ издавались въ Петербургѣ съ 1729 по 1742 годъ, а перепечатаны были въ Москвѣ въ 1765.

„Катихисисъ китайскій, по которому тамошніи проповѣдники навращаютъ китаецовъ къ вѣрѣ христіанской“. Рукопись XVIII вѣка, (№ 525), съ слѣдующею помѣтой: „Выписано и переведено изъ Кірхеровой книги, называемой Хіна Іллюстрата“. Здѣсь разумѣется сочиненіе извѣстнаго полиглotta XVII вѣка, іезуита Аванасія Кірхера, вы-

шедшее въ 1666 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: „China topi-
mentis qua sacris qua profanis illustrata“. Переводовъ изъ сочиненій
Кирхера, кажется, не существуетъ въ русской печати.

„Сказаніе пророка Волота Волотовича. Бесѣда с царемъ Давидомъ
пророкомъ Евсеевичемъ“—въ сборникѣ XVIII вѣка (№ 455). Извѣст-
ный, но рѣдко встрѣчаемый въ письменности памятникъ народной
апокрифической литературы. изъ котораго составился духовный
стихъ о Голубиной книгѣ. Сказаніе это было издано О. И. Бусла-
евымъ въ его „Историческихъ очеркахъ русской народной словесности
и искусства“.

Наконецъ. слѣдуетъ упомянуть о цѣломъ рядѣ сборниковъ XVIII
вѣка (№№ 555, 560—567). содержащихъ въ себѣ впрши, псалмы,
канты и пѣсни. причѣмъ въ числѣ послѣднихъ есть и народныя; въ
сборникѣ № 555 есть между прочимъ описаніе Ярославля въ поло-
винѣ XVIII вѣка въ видѣ народной пѣсни чисто мѣстнаго происхо-
жденія. Нѣкоторыя пѣсни, уже литературнаго пошиба и писанныя
тоническимъ разбѣромъ, помѣчены подписью авторовъ: „г. Свистунова“.
„г. Бекетова“. Составитель описанія полагаетъ, что эти пѣсни сочи-
нены въ Ярославлѣ; но Н. А. Бекетовъ и П. С. Свистуновъ были
питомцами Сухопутнаго шляхетнаго корпуса. сверстниками Сумаро-
кова и, подобно ему, занимались стихотворствомъ еще на школьной
скамьѣ; о сочиненныхъ ими пѣсняхъ упоминаетъ Новиковъ въ своемъ
„Словарѣ“. Принимая это во вниманіе, можно полагать, что и помѣ-
щенные въ той же рукописи № 555 пѣсни, „Россійской академіи
разными студентами сочиненныя“, хотя и списаны въ Ярославлѣ, но
составляютъ также произведенія питомцевъ корпуса: онъ иногда назы-
вался въ то время „рыцарскою академіей“

Приемы, употребленные г. Титовымъ при описаніи рукописей, мо-
гутъ быть лавзаны вообще удовлетворительными. Онъ не вдается въ
библиографическія тонкости и не входитъ въ особенныя подробности,
но излагаетъ дѣло большею частью ясно и толково. Въ каждой рукописи
отмѣчается каждая отдѣльная статья, при чемъ приводятся ея заглавіе
и, когда нужно, ея начальныя строки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изла-
гается содержаніе статьи и сообщаются изъ нея выписки. Отвѣтствен-
ность за точность цитатъ лежитъ, разумѣется, на составителѣ каталога,
и судить о томъ со стороны, безъ сличенія съ подлинниками, не воз-
можно. Не скроемъ однако, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ чтеніе те-
кстовъ показалось намъ сомнительнымъ; такъ, напримѣръ, приводя изъ
упомянутой выше рукописи № 455 заглавіе повѣсти о Волотѣ, г. Ти-

товъ называетъ его Ролотомъ Ролотовичемъ и не оговаривается относительно явной ошибочности этого чтенія; выше указано также, что фамилія автора „Московской исторіи“ въ № 503 прочитана г. Титовымъ невѣрно. Неправильнымъ показалось намъ допущенное кое-гдѣ составителемъ каталога именованіе цѣлой рукописи по первой помѣщенной въ ней статьѣ: такъ, напримѣръ, № 290 названъ Апокалисисомъ Толковымъ, а между тѣмъ болѣе чѣмъ сто листовъ во второй половинѣ этой рукописи заняты другими статьями; № 576 означенъ повѣстью объ Акирѣ премудромъ. тогда какъ во второй части этой тетради помѣщенъ Письмовникъ. Очевидно, рукописи такого смѣшаннаго состава слѣдовало бы называть просто сборниками.

Сравненія своихъ описаній съ каталогами другихъ рукописныхъ собраний г. Титовъ не дѣлаетъ почти нигдѣ; два-три случая ссылокъ на каталогъ Московской синодальной бібліотеки или коллекціи Ундольскаго должны быть признаны исключеніями. Ссылки, и довольно частыя, предлагаются лишь на первый выпускъ описанія рукописей г. Вахрамѣева, но онѣ имѣютъ значеніе только справочное или инвентарное, а не научное. Указанія на печатныя изданія описываемыхъ памятниковъ письменности кажутся намъ малоудовлетворительными, ибо имѣютъ характеръ случайности: иногда точно указывается, гдѣ, въ какомъ изданіи была уже напечатана извѣстная статья, найденная въ описываемой рукописи; иногда же, и весьма нерѣдко, объ этомъ вовсе умалчивается; но бываетъ и такъ, что указаніе на существованіе даннаго памятника въ печати сдѣлано въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ; такъ при № 596 (Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ) читаемъ только слѣдующее: „Было напечатано“; при статьѣ „О Исидоровомъ хожденіи на Флоренскій соборъ“ въ № 440 находимъ не менѣе лаконическое замѣчаніе: „Взято изъ разныхъ книгъ“. Ссылки на печатныя изданія памятниковъ не были обязательны для составителя каталога; онъ могъ совсѣмъ не дѣлать ихъ, какъ по принципу не дѣлалъ подобныхъ указаній П. М. Строевъ. Но если г. Титовъ принялъ на себя ихъ составленіе, то слѣдовало вести этотъ трудъ болѣе систематично и болѣе обстоятельно. Считаю себя въ правѣ высказать такой упрекъ потому въ особенности, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ссылки г. Титова на печатныя изданія памятниковъ сопровождаются подробностями даже излишними; такъ, при № 355 (январская книга Минеи Четинхъ Дмитрія Ростовскаго) приведены безъ надобности свѣдѣнія изъ Сопикова, а при № 488 („Юности честное зеркало“) — изъ Пекарскаго; при № 501 (копія съ печатнаго „Сино-

писца“) сообщаются безъ нужды извѣстія о разныхъ изданіяхъ книги Гизеля; такія же излишнія справки и указанія находимъ при №№ 523, 609, 660 и многихъ другихъ. Изъ двухъ памятниковъ, напечатанныхъ въ приложеніи къ труду г. Титова по рукописямъ г. Вахрамѣева, одинъ — посланіе Каменевича-Рвовскаго къ Каріону Истомицу — уже былъ нами упомянутъ; другой — житіе св. Димитрія царевича — представляетъ нѣкоторое дополненіе къ собранію памятниковъ древней русской письменности о Смутномъ времени, недавно изданному въ XIII-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки“ (С.-Пб. 1891).

Высказывая наши замѣчанія, мы вовсе не желали строго судить о разбираемомъ каталогѣ. Каковы бы ни были его недостатки, во всякомъ случаѣ второстепенные, это — трудъ почтенный, и нельзя не быть признательнымъ какъ г. Титову за составленіе, такъ и г. Вахрамѣеву за прекрасное изданіе дѣльной и полезной книги.

Л. М.

Книжныя новости.

Банкъ сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой въ Иркутскѣ Историко-статистическій очеркъ, составленный по архивнымъ матеріаламъ подъ редакціей совѣта учреждений Медвѣдниковой А. А. *Пановымъ*. Изданіе совѣта Иркутскаго сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой и учрежденнаго при немъ банка. Съ портретомъ В. Н. Басина. Москва. 1892. 2 тома. — Представить очеркъ дѣятельности коммерческаго банка — это значитъ написать нѣсколько страницъ изъ исторіи торгово-промышленнаго и экономическаго развитія того района, гдѣ оперируетъ данное кредитное учрежденіе. Выполнена эта задача авторомъ изслѣдованія, пространное заглавіе котораго приведено выше, только отчасти: авторъ въ ряду главныхъ моментовъ экономической жизни Восточной Сибири, гдѣ дѣйствуетъ банкъ сиропитательнаго дома Е. Медвѣдниковой уже болѣе пятидесяти лѣтъ, обращаетъ преимущественное вниманіе на золотопромышленность, оставляя безъ надлежащаго разсмотрѣнія другія не менѣе важныя отрасли мѣстной индустріи. Поступая такимъ образомъ, авторъ ссылается (напримѣръ, на стр. 187, 245) на отсутствіе матеріаловъ по исторіи экономическаго развитія города Иркутска и Восточной Сибири. Это не совсемъ вѣрно. Скорѣе слѣдовало сказать, что названные матеріалы до сихъ поръ остаются въ разрозненномъ видѣ и разбросаны по многимъ мѣстнымъ и столичнымъ изданіямъ. Въ этомъ можно убѣдиться, заглянувъ, напримѣръ, въ I-й и III-й томы „Сибирской Библіографіи“ г. Межова. Въ силу указанной односторонности въ направленіи труда и нежеланія автора разобратся въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія могла

дать ему вообще вся экономическая литература о Сибири, историко-статистический очерк банка Медвѣдниковой не может быть разсматриваемъ, какъ ученое изслѣдованіе, обрисовывающее предметъ въ многоразличныхъ отношеніяхъ и на основаніи всѣхъ доступныхъ источниковъ какъ архивныхъ, такъ и печатныхъ. Этотъ очеркъ вѣрнѣе всего является изслѣдованіемъ *ad hoc*. Разсматриваемый въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, очеркъ, безъ сомнѣнія, прочтется многими съ интересомъ. Чѣмъ вызвано появленіе историческаго очерка банка Медвѣдниковой, авторъ даетъ слѣдующее объясненіе: „Въ 1887 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія учрежденій Медвѣдниковой (то-есть, Иркутскаго сиропитательнаго дома и учрежденнаго при немъ банка). Чтобы достойно ознаменовать юбилей полулѣтковаго служенія ихъ на пользу мѣстнаго общества, совѣтъ этихъ учрежденій задумалъ, между прочимъ, издать историческій очеркъ ихъ существованія, но ко дню празднованія юбилея успѣлъ выпустить лишь очеркъ, касающійся сиропитательнаго дома, исторію же банка вынужденъ былъ отложить до другаго болѣе благоприятнаго времени. По независимымъ отъ совѣта обстоятельствамъ, мысль эта оставалась безъ исполненія въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, и только въ концѣ 1889 года могла начаться работа собранія и систематизація того обширнаго матеріала по исторіи банка, который заключается въ его архивѣ, состоящемъ болѣе чѣмъ изъ 2.000 дѣлъ“. Этотъ теперь выполненный трудъ занимаетъ два тома. Въ первомъ томѣ (болѣе 300 страницъ), въ девяти главахъ съ обширнымъ введеніемъ, излагается самая исторія банка Медвѣдниковой, а также, въ видѣ приложенія, помѣщено описаніе празднованія юбилея пятидесятилѣтняго существованія какъ этого учрежденія, такъ и содержимаго на его средства Иркутскаго сиропитательнаго дома. Второй томъ состоитъ изъ двадцати пяти таблицъ, въ которыхъ графически представлены результаты добычи золота въ Восточной Сибири (съ 1839 по 1887 годъ) и движеніе капиталовъ банка Медвѣдниковой въ продолженіе пятидесяти лѣтъ. Авторъ въ пространномъ введеніи къ своему труду, а также отчасти и въ приложеніяхъ, выясняетъ причины возникновенія Медвѣдниковскаго банка. Оказывается, что банкъ въ Иркутскѣ былъ необходимъ въ силу условій мѣстной торговли. Восточно-сибирскіе купцы крайне нуждались въ денежномъ кредитѣ для успѣхности своихъ торговыхъ оборотовъ и, за отсутствіемъ банковаго учрежденія, обращались къ ростовщикамъ, которые ссужали деньгами за слишкомъ высокіе проценты. Съ другой стороны основаніемъ банка преслѣдовалась цѣль благотворительная. А именно на прибыли отъ кредитныхъ операцій банка предположено было содержать Иркутскій сиропитательный домъ Медвѣдниковой для дѣвочекъ-сиротъ. Оба эти учрежденія, то-есть, какъ банкъ, такъ и сиропитательный домъ, были основаны—первый въ 1837 году, а второй въ 1838 году, на средства, пожертвованныя И. Л. Медвѣдниковымъ, наследникомъ большаго кунечскаго состоянія. Этотъ жертвователь, исполняя завѣщаніе своей матери Елизаветы Михайловны Медвѣдниковой, имя которой присвоено названному учрежденіямъ, опредѣлилъ на благотворительную цѣль 70 тысячъ рублей ассигнаціями. Доброе сѣмя принесло прекрасные плоды. Банкъ и сиропитательный домъ въ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ своего существованія явили себя прочными и солидными учрежденіями. Авторъ, руководясь архивными документами,

излагаетъ съ подробностями исторію пятидесятилѣтней дѣятельности Медвѣдниковскаго банка. Не смотря на блестящіе, сравнительно, результаты этой дѣятельности, дѣла банка иногда оказывались въ положеніи крайне невыгодномъ для кредитныхъ операцій. Въ числѣ условій, дурно вліявшихъ на обороты банка, авторъ отмѣчаетъ, напримѣръ, упадокъ золотопромышленности, пожаръ Иркутска въ 1879 году, объявленіе несостоятельными нѣкоторыхъ значительныхъ торговыхъ домовъ, раздѣленіе Восточной Сибири на два генераль-губернаторства (Иркутское и Примурское) и проч. Дѣятельность отдѣленій сибирскаго торговаго и государственнаго банковъ въ Иркутскѣ также иногда неблагопріятно отзывалась на оборотахъ кредитнаго учрежденія Медвѣдниковой. Кромѣ того, авторъ указываетъ, что дѣла банка иногда страдали отъ неудовлетворительнаго состава лицъ, управлявшихъ имъ; были у банка и прямые враги, пытавшіеся распространеніемъ ложныхъ слуховъ о плохомъ состояніи его дѣлъ подорвать довѣріе къ нему со стороны кліентовъ. Какъ бы то ни было, все это въ общей сложности не погубило полезнаго учрежденія, и результаты его дѣятельности за пятьдесятъ лѣтъ получились хорошіе. Насчетъ этого авторомъ въ концѣ его очерка дѣлается слѣдующее интересное и убѣдительное заключеніе: „Основанный съ капиталомъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, оборотами котораго предполагалось содержать сиропитательный домъ, Медвѣдниковскій банкъ за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія далъ приютъ и послѣпное образованіе 1.068 дѣвочкамъ бѣдныхъ сословій и независимо отъ этого увеличилъ свой капиталъ свыше 1.322.000 р., большая половина котораго обращена въ государственныя процентныя бумаги и изъята изъ оборотовъ банка. Кромѣ того, недвижимое имущество его, состоящее изъ зданій сиропитательнаго дома и дачи воспитанницъ со всею ихъ обстановкою, представляетъ цѣнность не менѣе 400 тысячъ рублей, которые въ счетъ капитала банка вовсе не числятся. Такимъ образомъ, сиропитательный домъ, начавшій свою дѣятельность съ одиннадцатію воспитанницами, благодаря банку, выросъ въ крупное учрежденіе, которое въ настоящее время можетъ считать себя совершенно обезпеченнымъ съ матеріальной стороны. Но не однимъ только этимъ можетъ гордиться банкъ Медвѣдниковой. Онъ же пришелъ на помощь городу Иркутску въ годину постигшаго его тяжелаго испытанія (пожаръ 1879 г.) и помогъ его жителямъ обстроиться. Но кромѣ ссудъ, его участіе въ судьбѣ пострадавшихъ отъ пожаровъ гражданъ выразилось еще и пожертвованіемъ въ пользу погорѣльцевъ пятидесятитысячнаго капитала изъ своихъ прибылей“. Во всякомъ случаѣ, какъ Медвѣдниковы, давшіе средства для основанія банка и сиропитательнаго дома, такъ и В. Н. Басининъ, по свидѣтельству автора, много поработавшій въ дѣлѣ устройства этихъ учреждений, заслуживаютъ постоянной признательности со стороны жителей города Иркутска и того обширнаго района, во главѣ котораго стоитъ этотъ городъ.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Выпуски XIII и XIV Тифлисъ.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ Главнаго Гидрографическаго управленія морскаго министерства за 1889 годъ. С.-Пб.

— Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Томъ четвертый (1892 г.). С.-Пб.

— Первые русскія писательницы XVIII вѣка и участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности. (Критико-историческій очеркъ). *П. В. Владимірова*. Кіевъ.

— Мариуполь и его окрестности. Отчетъ объ учебныхъ экскурсіяхъ Мариупольской Александровской гимназіи. Изданіе почетнаго попечителя *Д. Ал. Хараджаева*. Мариуполь.

— Алкмеониды. Картины изъ античной жизни. Тетралогія. I. Агариста—Мегаклъ. *Вл. Краусе*. Рига.

— Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ и объ учрежденіи русско-еврейскаго историческаго общества. *С. М. Думнова*. С.-Пб. 1891.

— Краткій историческій очеркъ десятилѣтняго существованія въ городѣ Астрахани народныхъ чтеній. 1882—1892. Астрахань.

— Указатель статей, напечатанныхъ въ *Ученыхъ запискахъ Казанскаго университета* за время 1834—1890 года включительно. Казань.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾.

DEUTSCHES Lesebuch von Th. Anderson. I Theil. 2 Auflage. Нѣмецкая хрестоматія *Т. К. Андерсона*. I-я часть. 2-е изданіе. С.-Пб. 1892. Стр. 202. Цѣна 60 коп.

Хрестоматія г. Андерсона представляетъ весьма обильный и разнообразный матеріалъ для чтенія; она содержитъ въ себѣ 204, большую частью прозаическихъ, статьи, распределенныхъ по своему содержанию на XIII отдѣловъ. Статьи, за исключеніемъ немногихъ, коротки и могутъ быть прочитаны каждая въ продолженіе одного урока. Авторъ избѣгаетъ разказовъ анекдотическаго характера, каковыми нерѣдко, къ сожалѣнію, наполняются нѣмецкія хрестоматіи, и даетъ предпочтеніе краткимъ описаніямъ природы, разказамъ изъ міра животныхъ, баснямъ, сказкамъ и преданіямъ. Всѣ статьи изложены весьма простымъ, удобопонятнымъ и удобопереводимымъ языкомъ. Въ концѣ книги прибавленъ постатейный словарь. Цѣна книги, изданной весьма исправно, замѣчательно низкая, 60 копѣекъ за 202 страницы печатнаго текста; это — самая дешевая нѣмецкая хрестоматія.

Kurzgefasste Deutsche Grammatik für mittlere Lehranstalten in Russland und zum Privatunterricht. Краткая нѣмецкая грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и для частнаго обученія. Составилъ *А. Трояновскій*. Пятое изданіе, исправленное. С.-Пб. 1891. Стр. 143. Цѣна 75 к.

Составленная г. Трояновскимъ нѣмецкая грамматика содержитъ весь грамматическій курсъ нѣмецкаго языка, распределенный по классамъ такимъ образомъ, что для низшихъ классовъ

¹⁾ Помѣщенный здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія

назначается то, что напечатано болѣе крупнымъ шрифтомъ и отиѣчено буквами U. K. (untere Klassen); назначаемое для среднихъ классовъ напечатано помельче и носить отиѣтку M. K. (mittlere Klassen), а то, что должно проходиться лишь въ старшихъ классахъ, напечатано еще болѣе мелкимъ шрифтомъ и обозначено буквами O. K. (obere Klassen). Такое распредѣленіе удобно въ томъ отношеніи, что при дополненіяхъ къ курсу младшаго класса въ слѣдующихъ старшихъ классахъ данъ поводъ повторить, въ связи съ этими дополненіями, и основныя правила, сообщенныя ученикамъ при прохожденіи курса младшихъ классовъ. Далѣе, слѣдуетъ признать несомнѣннымъ преимуществомъ рассматриваемой книги и то, что правила при достаточной ясности и точности довольно кратки и сопровождаются не только большимъ количествомъ примѣровъ, но и задачами для практическаго примѣненія изъясненнаго правила, вызывающихъ самостоятельность учащихся.

Учебникъ нѣмецкаго языка для кадетскихъ корпусовъ. Составилъ *Е. Вейгелинъ*. I часть: курсъ 2-го и 3-го класса. С.-Пб. 1889. Стр. IV + 110. Цѣна 50 коп. II часть: курсъ 4-го и 5-го класса. С.-Пб. 1890. Стр. 224. Цѣна 90 коп.

Учебникъ г. Вейгелина, составленный для того, чтобы служить руководствомъ при преподаваніи нѣмецкаго языка въ кадетскихъ корпусахъ, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ практическихъ руководствъ, основанныхъ на изученіи связнаго текста. При этомъ однако по возможности соблюдается порядокъ систематической грамматики, особенно въ первомъ отдѣлѣ первой части, соответствующемъ приблизительно курсу I-го класса реальныхъ училищъ. Первые 30 параграфовъ этого отдѣла состоятъ изъ отдѣльныхъ предложеній, на которыхъ ученики постепенно изучаютъ основныя правила этимологіи нѣмецкаго языка для того, чтобы получить тѣ свѣдѣнія изъ грамматики, которыя необходимы для перевода слѣдующихъ связанныхъ статей. Въ началѣ каждаго параграфа помѣщены слова или соответствующія парадигмы, затѣмъ слѣдуетъ нѣмецкій текстъ и примѣчаніе, содержащее грамматическое правило. Распредѣленіе грамматическаго матеріала—хорошее. Такъ напримѣръ, правила объ образованіи именительнаго падежа множественнаго числа именъ существительныхъ и именительнаго падежа единственнаго числа именъ прилагательныхъ весьма удобно предшествуютъ упражненіямъ въ образованіи остальныхъ падежей этихъ частей рѣчи, вслѣдствіе чего

значительно упрощается и облегчается изучение склонений, особенно именъ прилагательныхъ.

Во второмъ отдѣлѣ первой части (курсъ II-го класса реальныхъ училищъ) слова помѣщены не въ соответствующихъ параграфахъ, а отдѣльно въ постатейномъ словарѣ. На стр. 90 слл. помѣщены краткія парадигмы спряженія глаголовъ, а также перечень важнѣйшихъ глаголовъ сильнаго спряженія и неправильныхъ. Общій же сводъ грамматическихъ правилъ, пройденныхъ въ двухъ первыхъ курсахъ, помѣщенъ въ началѣ второй части книги, назначенной для третьяго и четвертаго года обученія нѣмецкому языку. Это—краткій конспектъ, занимающій въ книгѣ лишь 14 страницъ. Въ такомъ краткомъ видѣ это „повтореніе грамматики“ не можетъ содержать и дѣйствительно не содержитъ всего того, что слѣдуетъ проходить въ III-мъ классѣ реальныхъ училищъ, для котораго полагается систематическое изученіе грамматики изученной практическимъ путемъ въ предыдущихъ двухъ классахъ. Этотъ отдѣлъ книги не можетъ замѣнить собою необходимое для этого класса руководство нѣмецкой грамматики. Но предлагаемая въ этой второй части учебника статьи могутъ рядомъ съ такою систематическою грамматикою служить въ видѣ хрестоматіи. Онѣ болѣею частью выбраны удовлетворительно, если не считать недостаткомъ, что въ нихъ слишкомъ преобладаетъ анекдотическій характеръ.

Примѣчанія къ этимъ статьямъ хорошо подмѣчаютъ и объясняютъ встрѣчающіяся въ текстѣ различныя явленія языка.

Максъ Фишеръ, помощникъ инспектора Московской Практической Академіи, учитель гимназій нѣмецкаго, латинскаго и греческаго языковъ. DEUTSCHE GRAMMATIK. ETYMOLOGIE, SYNTAXIS, POETIK, ORTHOGRAPHISCHES WÖRTERVERZEICHNIS. Нѣмецкая грамматика, Этимологія, Синтаксисъ, Стихосложеніе, Орфографическій указатель. Москва 1891. Стр. XX+263. Цѣна въ переплетѣ 1 рубль 20 коп.

Грамматика г. Фишера составлена по-нѣмецки, и онъ полагаетъ, что съ текстомъ ея можно поступать точно такъ, какъ и со всякимъ другимъ нѣмецкимъ текстомъ, предлагаемымъ ученикамъ для изученія, то есть, переводить его, объяснять, разрабатывать посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ и свободныхъ пересказовъ. Для этой цѣли въ концѣ книги прибавленъ словарь, содержащій въ порядкѣ отдѣльныхъ параграфовъ не извѣстныя ученикамъ выраженія, встрѣчающіяся въ текстѣ правилъ и въ примѣрахъ. Такой способъ прохожденія грамматики напрасно усложняетъ работу учениковъ, не позволяя имъ

сосредоточить свое вниманіе на содержаніи правилъ, и при томъ требуетъ слишкомъ много времени, часть котораго съ большою пользою могла бы быть употреблена на чтеніе и другаго рода практическія упражненія. Если, слѣдовательно, по отношенію къ большинству русскихъ учебныхъ заведеній, то обстоятельство, что грамматика составлена на нѣмецкомъ языкѣ, является не преимуществомъ, а скорѣе недостаткомъ. то, съ другой стороны, этотъ недостатокъ въ значительной степени исправляется тою краткостью, ясностью и опредѣленностью, съ которою изложены правила въ грамматикѣ г. Фишера, и не только въ этимологіи, но и въ синтаксисѣ. Кромѣ того, трудъ учениковъ при усвоеніи правилъ облегчается весьма удобнымъ и нагляднымъ распредѣленіемъ текста. Все, что составляетъ предметъ первой важности и должно быть заучено на всю жизнь, напечатано жирнымъ шрифтомъ. Всѣ правила и парадигмы, составляющія одно цѣлое, помѣщены на одной и той же страницѣ, такъ что ученикамъ не приходится перевертывать листъ. Весь грамматическій матеріалъ разбитъ на большое количество весьма краткихъ параграфовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ составляетъ самостоятельное цѣлое и никогда не переходитъ на другую страницу. Что касается содержанія разсматриваемой книги, то оно совершенно оправдываетъ сдѣланное авторомъ на стр. IV предисловія заявленіе, что въ этомъ учебникѣ помѣщено лишь самое необходимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все необходимое изъ этимологіи, синтаксиса и орфографіи, все то, что нужно знать ученику, чтобы правильно говорить и писать по-нѣмецки. Въ краткомъ, сжатомъ видѣ представляется весь грамматическій курсъ съ значительно большею полнотою, чѣмъ мы обыкновенно его находимъ изложеннымъ въ другихъ грамматикахъ. Эта книга назначена не для одного какого либо класса, но должна служить ученикамъ всѣхъ классовъ, въ которыхъ проходитъ грамматика нѣмецкаго языка, какъ руководство, а для учениковъ старшихъ классовъ, прошедшихъ уже весь грамматическій курсъ—это прекрасная книга для справокъ, чему, между прочимъ, способствуетъ и указанная выше краткость и самостоятельность отдѣльныхъ правилъ. Главные пункты, въ которыхъ предлагаемый учебникъ различается отъ большинства употребляемыхъ въ нашихъ школахъ учебниковъ грамматики, указаны самимъ составителемъ въ обстоятельномъ предисловіи, предпосланномъ его книгѣ. Всѣ эти особенности имѣютъ характеръ не нововведеній, а практическихъ приѣмовъ, выработанныхъ по указаніямъ опыта составителя въ преподаваніи нѣмецкаго языка русскими уче-

никамъ. Въ видѣ прибавленія къ грамматикѣ г. Фишеръ сообщаетъ главнѣйшія правила стихосложенія. Этотъ отдѣлъ занимаетъ всего 10 страницъ и можетъ оказать свои услуги при чтеніи нѣмецкихъ стихотвореній. Позволимъ себѣ сдѣлать двѣ—три мелкія замѣтки, относящіяся къ этому отдѣлу. Для того, чтобы выяснитъ, что такое риторическій вопросъ (§ 798 die Frage, welche keine Antwort erwartet), выбранъ самый неудачный примѣръ, а именно: „Wer reitet so spät durch Nacht und Wind“? Это вовсе не риторическій вопросъ; отвѣтъ необходимъ и онъ дается въ стихотвореніи Гёте, гдѣ слѣдуютъ за вопросомъ слова: „Es ist der Vater mit seinem Kind“. Въ § 799. 4 какъ примѣръ метониміи приводится, между прочимъ, и стихъ Пиллера (изъ стихотворенія: die Theilung der Erde): „Der Herbst ist nicht mehr mein“. Здѣсь слово Herbst употребляется не метонимически, но въ первоначальномъ своемъ значеніи, которое есть урожай, жатва, die Erndte. Въ § 802 помѣщенные въ скобкахъ переводы двухъ названій стопъ: Spondäus (langsamer Gleichschritt) и Daktylus (Fingerschlag beim Skandieren) не вѣрны и не объясняютъ этихъ названій. Наконецъ, въ § 805 опредѣленіе гексаметра, какъ стиха, состоящаго изъ пяти дактилей и одного хорea или спондея, стиха, въ которомъ первые четыре дактиля могутъ быть замѣнены хорейми, до нѣкоторой степени можетъ быть допущено по отношенію къ нѣмецкому гексаметру, но противорѣчитъ тому опредѣленію, которое ученики получаютъ относительно этого стиха на урокахъ древнихъ языковъ, а поэтому лучше было бы довольствоваться лишь замѣткой, что въ нѣмецкомъ языкѣ спондеи могутъ замѣняться хорейми. Эти мелочи, конечно, никомъ образомъ не могутъ умалить достоинства книги, къ особенно удачнымъ мѣстамъ которой можно отнести: статью о склоненіи прилагательныхъ, таблицы спряженія вспомогательныхъ глаголовъ, статьи о предлогахъ и объ отрицаніи и пр.

Kurze deutsche Grammatik. Etymologie und Syntax für die mittleren und oberen Klassen der russischen Realschulen von E. Mittelstriner. Краткая нѣмецкая грамматика. Этимология и Синтаксисъ для средних и старшихъ классовъ реальныхъ училищъ. Составилъ Э. Миттельштейнеръ, преподаватель нѣмецкаго языка гимназій Ф. Креймана и реального училища К. Мазинга. Москва. 1890. Стр. VI + 108. Цѣна 50 коп.

Разсматриваемая книга написана по-нѣмецки. Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ должна преподаваться грамматика новаго иностраннаго языка, относительно гимназій рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что грамматическія объясненія должны дѣлаться обязательно на

русскомъ языкѣ (Учебные планы и программы; изд. 1890 г., стр. 164). Относительно реальныхъ училищъ въ утвержденныхъ для нихъ учебныхъ планахъ нѣтъ такого постановленія, вслѣдствіе чего вопросъ этотъ можетъ считаться спорнымъ. Составитель разсматриваемой грамматики рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу изложенія грамматическихъ правилъ нѣмецкаго языка на изучаемомъ языкѣ, основываясь на слѣдующихъ соображеніяхъ, изложенныхъ имъ въ предисловіи, стр. I. „Большинство нашихъ нѣмецкихъ грамматикъ, говоритъ онъ, какъ это само собою разумѣется (selbstverständlich) написано на родномъ языкѣ ученика, то-есть, по-русски. Но такъ какъ по нашему взгляду на преподаваніе нѣмецкаго языка требуется употребленіе нѣмецкаго языка на его урокахъ, а русскій языкъ долженъ занимать на нихъ возможно меньше мѣста (auf das allergeringste Minimum beschränkt), потому что только такимъ путемъ до нѣкоторой степени вознаграждается отсутствіе практики и дѣлается возможнымъ настоящее усвоеніе чужаго языка (ein wirkliches Einleben), — то употребленіе этихъ книгъ (то-есть, грамматикъ написанныхъ по-русски) въ реальныхъ училищахъ неудобно (nicht ratsam), такъ какъ онѣ, находясь въ прямомъ противорѣчій съ этой идеей, изгоняютъ нѣмецкій языкъ изъ большого числа уроковъ“. — На это можно возразить слѣдующее: грамматика преподается для того, чтобы ученики получили ясное представленіе о законахъ изучаемаго языка, слѣдовательно, эти законы должны быть изложены вполне понятнымъ для ученика языкомъ, дабы онъ могъ сосредоточить свое вниманіе на содержаніи правилъ, не будучи отвлекаемъ отъ этого главнаго дѣла затрудненіемъ, которое представляетъ для него пониманіе ихъ внѣшней формы, если они изложены по-нѣмецки. Отчетливое уразумѣніе грамматическихъ правилъ не должно приноситься въ жертву упражненію въ устномъ употребленіи нѣмецкой рѣчи, тѣмъ болѣе, что отвлеченность ихъ содержанія и узкая специальность грамматической номенклатуры дѣлаютъ грамматику мало пригоднымъ матеріаломъ для подобнаго рода занятій. Если авторъ (въ предисловіи стр. I) ссылается на свой опытъ въ доказательство того, что можно вести преподаваніе нѣмецкой грамматики въ русскомъ учебномъ заведеніи на нѣмецкомъ языкѣ, то, во первыхъ, надо помнить, что этотъ опытъ относится къ двумъ частнымъ Московскимъ училищамъ, въ которыхъ авторъ состоятъ преподавателемъ, и есть основаніе предполагать, что въ эти училища поступаютъ дѣти, по своему домашнему воспитанію, болѣе

способныя усвоить новыя иностранныя языки, чѣмъ большинство дѣтей, воспитывающихся въ провинціальныхъ казенныхъ училищахъ; а восторжхъ, возможность преподаванія нѣмецкой грамматики по-нѣмецки еще далеко не доказываетъ правильность и цѣлесообразность такого приѣма, и самъ авторъ, навѣрно, достигъ бы лучшихъ успѣховъ въ знаніи грамматики съ меньшимъ затрудненіемъ учениковъ, еслибы преподавалъ по-русски. Рѣшившись написать грамматику по-нѣмецки, составитель „для того, чтобы учащемуся ничего не оставалось непонятнымъ“, какъ онъ говоритъ въ предисловіи на стр. V, старался представлять учебный матеріалъ по возможности въ видѣ таблицъ и давать правила только въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывалось неизбѣжнымъ. И дѣйствительно, грамматика г. Миттельштейнера не что иное, какъ почти непрерывный рядъ таблицъ и парадигмъ. Такъ, напримѣръ, спряженіе глаголовъ является у него въ слѣдующемъ видѣ: начиная со страницы 32 до страницы 45 тавутся одиѣ только парадигмы, при чемъ полное спряженіе вспомогательныхъ глаголовъ не только *sein*, *haben*, *werden*, но и *können*, *wollen*, *müssen* и *mögen*, *sollen*, *dürfen* напечатано строками идущими поперекъ листа (стр. 32 — 38), что оказалось необходимымъ, такъ какъ каждый разъ помѣщено по три глагола рядомъ. Всѣ правила спряженія глаголовъ, напротивъ, изложены въ шести коротенькихъ параграфахъ (§§ 98, 99, 100, 102, 103 и 104) весьма поверхностно. Затѣмъ слѣдуетъ перечень глаголовъ, измѣняющихъ коренную гласную (стр. 48 — 55), и эта таблица тотчасъ же сѣвается таблицами спряженія неправильныхъ и составныхъ глаголовъ (стр. 56 — 61); а затѣмъ, послѣ двухъ параграфовъ (§§ 121 и 122), относящихся къ симъ послѣднимъ, идутъ таблицы спряженія возвратныхъ и безличныхъ глаголовъ. Ученику не на чемъ остановить свое вниманіе, и онъ положительно терится въ этомъ лабиринтѣ таблицъ безъ руководящей нити въ видѣ точныхъ и определенныхъ правилъ. Синтаксисъ составленъ по тому же самому принципу, ставящему на мѣсто сознательнаго пониманія законовъ, по которымъ слагается нѣмецкая рѣчь, заучиваніе наизусть извѣстнаго количества примѣровъ. Ученіе о надежахъ въ книгѣ г. Миттельштейнера сводится къ перечню глаголовъ и прилагательныхъ, требующихъ иного падежа, чѣмъ соотвѣтствующіе имъ по значенію русскіе глаголы. Этотъ отдѣлъ занимаетъ 7 страницъ, а если причислить къ нему и ученіе объ управленіи предлоговъ, представленное въ такой же формѣ — двадцать страницъ (стр. 81 — 101). Все

остальное, то-есть, ученіе о временахъ и наклоненіяхъ, въ томъ числѣ объ инфинитивѣ и причастіяхъ, помѣщено на шести страницахъ съ половиною. Даже самъ авторъ чувствовалъ, что такое краткое изложеніе самой главной части синтаксиса недостаточно; на стр. 102 мы читаемъ слѣдующее примѣчаніе подъ текстомъ: „Der Lehrer vervollständige diese Erklärungen an Beispielen aus dem Lesebuch“. Такимъ образомъ составитель возлагаетъ на преподавателя то, что ему надлежало сдѣлать самому, и всякій преподаватель предпочтетъ употреблять такой учебникъ синтаксиса, который менѣе нуждался бы въ пополненіи, чѣмъ составленный г. Миттельштейнеромъ синтаксисъ. О неудовлетворительности и поверхностности этого отдѣла его грамматики можно судить уже по тому, что о собственной нѣмецкому языку формѣ условнаго наклоненія сказано лишь слѣдующее: § 233, 2. „Im Hauptsatze kann auch der Konditionalis (würde) stehen“, къ чему прибавлены два примѣра. Въ парадигмахъ глаголовъ Konditionalis не помѣщенъ, такъ что онъ здѣсь является въ первый и послѣдній разъ во всей книгѣ. Можно указать еще на нѣкоторые существенные пропуски; такъ, напримѣръ, ничего не сказано о вліяніи нѣкоторыхъ предлоговъ съ опредѣленнымъ членомъ, о замѣнѣ относительныхъ и иныхъ мѣстоименій съ предлогами черезъ нарѣчія, образованныя съ помощью этихъ предлоговъ и т. п. Но такъ какъ книга г. Миттельштейнера по всему своему плану, а также по языку, на которомъ она написана, не соответствуетъ потребностямъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, то мы не считаемъ нужнымъ указывать всѣ замѣченные при чтеніи пропуски, недосмотры, неточности и недомолвки; исправленіе этихъ частныхъ недостатковъ не могло бы сдѣлать изъ книги хорошаго учебника.

DER NEUE DEUTSCHE SPRACHUNTERRICHT. Methode und Lehrbuch von E. Mittelsteiner. Учебникъ нѣмецкаго языка по новой методѣ. Методика и учебникъ. Составилъ Э. Миттельштейнеръ, преподаватель гимназій Креймана и реальнаго училища Мазинга. Москва 1891. Курсъ для I и II классовъ реальныхъ училищъ. Второе изданіе. Стр. VIII+233. Цѣна 80 коп.—Курсъ для III и IV классовъ реальныхъ училищъ. Стр. VIII+212. Цѣна 80 коп.

Подъ заглавіемъ „Der neue deutsche Sprachunterricht“ еще въ 1889 году г. Миттельштейнеръ издалъ двѣ книжки, изъ которыхъ одна — небольшая брошюрка въ 32 страницы — содержала изложеніе предлагаемаго авторомъ метода преподаванія нѣмецкаго языка, а дру-

ган, въ 108 страницъ—самый учебникъ, составленный по новому методу для курса перваго класса реальныхъ училищъ. Отзвъвъ объ этихъ книгахъ напечатанъ въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1890 годъ. Нынѣ изданныя подъ этимъ же заглавіемъ книги представляютъ трудъ г-на Миттельштейнера въ совершенно иномъ видѣ. Въ составъ первой части, кромѣ изданнаго въ 1889 году курса перваго класса, подвергнувшася при вторичномъ изданіи значительнымъ измѣненіямъ, вошелъ и курсъ втораго класса, такъ что эта часть не вполне точно обозначена, какъ второе изданіе. Вторая часть, содержащая курсъ III и IV классовъ—совершенно новая.

Главные положенія, которыми авторъ руководствовался при составленіи первой части учебника, обстоятельно изложены въ упомянутой выше брошюрѣ, изданной имъ въ 1889 г. Въ предисловіи къ настоящему изданію вкратцѣ повторяются эти положенія: преподаваніе новаго иностраннаго языка должно начинаться съ упражненій въ устномъ его употребленіи (*Sprechübungen*); затѣмъ слѣдуетъ приступить какъ можно скорѣе къ чтенію связнаго текста; изученіе грамматики ведется индуктивнымъ способомъ; большое вниманіе должно быть обращено на заучиваніе вокабулъ, а письменныя работы состоятъ изъ списыванія, диктовки и записыванія на память выученнаго текста или составленныхъ предварительно устно въ классѣ переводовъ на нѣмецкій языкъ. Съ такою постановкою элементарнаго курса нѣмецкаго языка нельзя не согласиться, и она совершенно соответствуетъ указаніямъ объяснительной записки къ учебнымъ планамъ реальныхъ училищъ. Книга г. Миттельштейнера, составленная на изложенныхъ основаніяхъ, содержитъ образцы нѣмецкаго письма, при чемъ буквы сначала представлены въ порядкѣ относительной трудности ихъ начертанія; затѣмъ слѣдуютъ печатныя буквы. Назначаемыя для чтенія первыя 22 статьи напечатаны весьма крупнымъ шрифтомъ, что позволяетъ начинающему легко различать одну букву отъ другой. Эти упражненія въ чтеніи состоятъ изъ связнаго текста, изложеннаго самыми простыми и краткими предложеніями, при чемъ и запасы встрѣчающихся въ нихъ словъ — ограниченный. Слѣдуютъ коротенькія же статьи: описанія временъ года, простые разговоры, маленькіе рассказы, басни, стихи, а начиная съ № 81 и русскія связныя статейки для перевода на нѣмецкій языкъ—всего 11. Въ томъ же видѣ составленъ и курсъ втораго класса, съ тою только разницею, что статьи потрудише и побольше, какъ по объему, такъ

и по числу. За этими статьями для чтенія помѣщается отдѣлъ подъ заглавіемъ: *Sprechübungen und Wörterverzeichnis*, содержащій кромѣ постатейнаго словаря еще и указанія, какъ пользоваться читаемыми статьями для упражненій въ разговорѣ. Помѣщеніе этихъ методическихъ указаній въ учебникѣ авторъ въ предисловіи стр. IV, 4 оправдываетъ тѣмъ соображеніемъ, что часто неопытные репетиторы, сами плохо знающіе нѣмецкій языкъ, должны готовить отставшихъ учениковъ, и что для такихъ лицъ (*Einprauker*) подобныя указанія необходимы. Слѣдуетъ думать, что приведенная авторомъ причина не можетъ быть признана уважительною для того, чтобы обременять учебникъ лишнимъ балластомъ и увеличивать и безъ того не особенно скромный объемъ учебника. Въ указанномъ отдѣлѣ помѣщены по мѣрѣ надобности и парадигмы отдѣльныхъ частей склоненія и спряженія, вслѣдствіе чего этотъ отдѣлъ занялъ не менѣе 72 страницъ. Не смотря на то, что такимъ образомъ главные грамматическія свѣдѣнія вошли уже въ составъ учебника, приложена еще краткая систематическая грамматика, содержащая въ 72 параграфахъ главные правила этимологіи нѣмецкаго языка. Грамматика эта написана по-нѣмецки и составляетъ извлеченіе изъ изданной тѣмъ же авторомъ нѣмецкой грамматики. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого отдѣла учебника, позволимъ себѣ указать лишь на слѣдующее. Сводъ грамматическихъ правилъ, усвоенныхъ практическимъ путемъ въ элементарномъ курсѣ, и представленіе этихъ правилъ въ системѣ предоставляется курсу III и слѣдующихъ высшихъ классовъ. То, что въ этомъ отношеніи нужно для первыхъ двухъ классовъ, помѣщено авторомъ въ словарѣ, такъ что его грамматика является ненужнымъ прибавленіемъ, увеличивающимъ напрасно объемъ и стоимость книги. Она непригодна и по той причинѣ, что правила изложены по-нѣмецки. Четвертый отдѣлъ, озаглавленный *Phraseologie*, въ порядкѣ отдѣльныхъ статей содержитъ выраженія и обороты, не могущіе буквально передаваться по-русски. Этотъ отдѣлъ могъ бы также быть сокращенъ безъ ущерба для дѣла. Такъ, напримѣръ, если нѣмецкое выраженіе *mit den Augen* (№ 25) переведено русскимъ выраженіемъ „глазами“, то не къ чему приводить совершенно аналогичные случаи: *mit den Ohren*, *mit den Zähnen*, *mit den Händen*, *mit dem Schnabel*, *mit dem Fusse* для того, чтобы приучить ученика переводить нѣмецкій оборотъ, состоящій изъ предлога *mit* съ дательнымъ падежемъ для обозначенія орудія, черезъ русскій творительный падежъ безъ

предлога. Вообще же этотъ отдѣлъ при повтореніи пройденнаго курса можетъ оказаться весьма полезнымъ.

Если за первую частью учебника можно признать нѣкоторое право именоваться „der neue deutsche Sprachunterricht“, то вторая часть, курсъ III и IV классовъ, положительно не представляетъ ничего новаго. Состоитъ она изъ 141 нумера разныхъ нѣмецкихъ статей, 62 нумеровъ русскихъ фразъ для перевода на нѣмецкій языкъ и весьма объемистаго словаря. Нѣмецкія статьи подобраны не дурно; онѣ не трудны и весьма занимательны. Фразы для перевода на нѣмецкій языкъ распределены по параграфамъ грамматики того же автора. Трудно понять, какъ г. Миттельштейнеръ, предлагающій для I и II классовъ связныя статьи для перевода на нѣмецкій языкъ, могъ назначить матеріаломъ для таковыхъ упражненій въ III и IV классахъ отрывочныя фразы. Это не новый — это старинный, вѣрнѣе, устарѣлый методъ преподаванія, отъ котораго пора бы, наконецъ, отказаться. Заставлять учениковъ въ продолженіе двухъ лѣтъ переводить однѣ только безсодержательныя, отрывочныя фразы, имѣющія единственною цѣлю служить примѣрами для соответствующихъ параграфовъ грамматики — это значитъ лишить преподаваніе живаго языка всякой жизненности и учить не языку, а только его грамматикѣ, противъ чего такъ усердно проповѣдуетъ самъ авторъ. Никто не станетъ отрицать, что подкрѣпленіе грамматическихъ правилъ примѣрами полезно и необходимо; но надо всему знать мѣру и одной этой цѣли нельзя приносить въ жертву осмысленность преподаванія. Изъ всѣхъ 62 нумеровъ только два, № 33 Ворона и Лисица и № 43, въ которомъ говорится о троянской войнѣ, представляютъ связныя тексты и даютъ ученику возможность выискать въ содержаніи читаемаго. Всѣ остальные нумера представляютъ по своему содержанію такую пестроту, что у читающаго голова кружится, и нерѣдко сопоставленіе самыхъ противорѣчащихъ и не идущихъ другъ къ другу вещей производить комичный эффектъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: стр. 88, номеръ 3, 1. „Христіанство учить христіанъ любить своихъ враговъ.“—2. Франты—большіе дураки, потому что они любятъ только свои платья и самихъ себя“ или: стр. 89, номеръ 5, 13. „Принесли ли уже служанки шнуры, которые я купилъ? 14. Нѣтъ, онѣ принесли только орѣхи и колбасы. 15. Сходки студентовъ запрещены“; или: стр. 102, номеръ 26, 3. „Когда принесли императору Августу извѣстіе, что его войско уничтожено, онъ . . . кричалъ: О Варъ, Варъ, дай мнѣ назадъ мои легіоны. 4. Этотъ бунтъ называлъ одного

гости въ гостиницѣ лгуномъ безъ всякой причины и т. д. При томъ изложеніе въ этихъ фразахъ не всегда образцово, напримѣръ: 35, 5. „мы не рассказали въ трудномъ пути“; *ibid.*, 10. „Ефіалтесъ“; 36, 12. „всѣ его предиріятія имѣють успѣхъ и доходы“; 38, 1. „Англичане предупредили насъ о (in) завоеваніи страны...“ вмѣсто предлога „о“ долженъ быть предлогъ „въ“; 39, 1. „У людей древности недоставало знанія искусства книгопечатанія“; *ibid.*, 3. „Старости слѣдуетъ почтительность и уваженіе“; 41, 7. „Римляне лишали многихъ народовъ свободы, несмотря на то, что они имъ ничего не дѣлали“; 42, 12. „Мой другъ очень достоинъ сожалѣнія, потому что онъ скоро пресытился всѣмъ“; *ibid.*, 13. „Этотъ чахоточный... потерялъ надежду выздоровѣть и пресыщенъ жизнію“; 43, 8. „Троянская война считается однимъ изъ самыхъ достопамятныхъ приключеній древности“; 45, 11. „Римляне сражались на сухомъ пути и на водѣ“; 49, 1. „Германія отличается всеобщимъ образованіемъ, науками и войсками“ и т. д.

Слова въ словаряхъ, нѣмецко-русскомъ и русско-нѣмецкомъ, распределены по статьямъ, при чемъ въ нѣмецко-русскомъ словарѣ подъ извѣстнымъ словомъ приводятся и производныя отъ него слова и синонимы; съ этимъ, пожалуй, можно еще согласиться, хотя гораздо правильнѣе такіе экскурсы по поводу читаемой статьи предоставить усмотрѣнію преподавателя. Помѣщеніе лишнихъ словъ въ словарѣ затрудняетъ пользованіе имъ для приготовленія къ уроку и развлекаетъ вниманіе ученика. Но кромѣ синонимовъ и производныхъ словъ подъ даннымъ словомъ помѣщаются нерѣдко и совершенно постороннія слова, только ради нѣкотораго созвучія. Подъ словомъ *wallen*, на стр. 127, кромѣ *wogen, Welle, Woge, Wallung, wallfahrten, pilgern, Wallfahrt* — помѣщены и слова: *wählen, Wahl, Wall, wälzen* и *Walze* — все это занимаетъ въ столбцѣ 17 строчекъ. Не удивительно, что при такомъ пріемѣ словарь къ 124 страницамъ текста занялъ не менѣе 88 страницъ. Замѣтимъ, что мы имѣемъ дѣло не съ алфавитнымъ, а съ постатейнымъ словаремъ, въ которомъ, благодаря такому его устройству, невозможно безъ большаго труда отыскать слово, относящееся къ той или другой изъ составленныхъ авторомъ группъ.

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы приходимъ къ такому заключенію, что 1) первый курсъ составленъ удовлетворительно, но безъ надобности слишкомъ объемистъ и содержитъ лишнюю и въ настоящемъ видѣ непримѣнимую къ дѣлу статью — грамматику, и что 2) второй курсъ содержитъ хорошій матеріалъ для чтенія, неудобный

сборникъ фразъ для перевода на нѣмецкій языкъ и непрacticно устроенный словарь.

Учебникъ нѣмецкаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *И. Гросичъ*. Третья часть: Книга для чтенія и переводовъ, составленная примѣнительно къ новѣйшимъ учебнымъ программамъ для гимназій и реальныхъ училищъ. Москва. 1891. Стр. XIV + 267. Цѣна 90 к.

Разсматриваемая книга предназначена для первыхъ двухъ годовъ преподаванія нѣмецкаго языка какъ въ гимназiяхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ. Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: I изъ нѣмецкихъ статей и II изъ (русскихъ) статей для перевода на нѣмецкiй языкъ. Каждый изъ этихъ отдѣловъ въ свою очередь раздѣленъ на двѣ части, соответствующiя курсу тѣхъ двухъ классовъ, для которыхъ назначается книга. Это соответствiе, конечно, не можетъ быть полнымъ въ виду того, что въ реальныхъ училищахъ на первые два года обученiя нѣмецкому языку назначено вдвое больше недѣльных уроковъ, чѣмъ въ гимназiяхъ, а потому составитель считаетъ возможнымъ, или даже обязательнымъ, пройти въ реальныхъ училищахъ кромѣ всей первой части около 38 номеровъ второй. Кромѣ связанныхъ статей въ первой части каждаго отдѣла помѣщены и отдѣльныя фразы, служащiя приготовленiемъ къ чтенiю связанныхъ статей, которыя, впрочемъ, появляются уже начиная съ 14-го номера и вообще составляютъ значительно большую часть предлагаемаго для изученiя материала. Въ оглавленiи указано, къ какимъ именно отдѣламъ грамматики относятся параграфы, содержащiе отдѣльныя предложенiя, что представляетъ значительное удобство при пользованiи книгой. Какъ эти предложенiя, такъ и связныя статьи отличаются простымъ построениемъ рѣчи и ясностью содержанiя, доступнаго для дѣтскаго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно занимательнаго. Содержанiе связанныхъ статей составляютъ басни, анекдоты, историческiе разказы, небольшiе очерки природы, описанiя животныхъ и птицъ, географическiя свѣдѣнiя и нѣсколько небольшихъ стихотворенiй. Если мы находимъ подходящимъ качество предлагаемаго материала, то мы не можемъ признать такимъ же количествомъ его. Книга содержитъ 237 (121 + 116) номеровъ нѣмецкихъ статей и 118 (50 + 68) номеровъ русскихъ статей. Въ реальныхъ училищахъ, при значительномъ числѣ уроковъ нѣмецкаго языка въ I и II классахъ, пожалуй, еще можно пройти большую часть столь обильнаго материала, и то, что останется непройден-

нымъ, съ пользою можетъ быть прочитано въ III классѣ. Для гимназій же книга слишкомъ объемиста, и въ особенности русская ея часть только въ самомъ меньшемъ размѣрѣ можетъ пригодиться къ дѣлу, въ виду того, что переводы съ русскаго языка на нѣмецкій лишь допускаются учебными планами, но не обязательны и не должны составлять постояннаго занятія. При томъ книга по своему содержанию годится только для II и III классовъ гимназій; для четвертаго требуется болѣе серьезное чтеніе. Если принять въ соображеніе, что рядомъ съ предлагаемымъ учебникомъ, который, благодаря своему объему, не дешевъ (90 к.), ученики для двухъ только классовъ должны приобрести еще и нѣмецкую грамматику, то нельзя не пожалѣть о томъ, что составитель не поставилъ себѣ болѣе тѣсныя рамки.

Xavier de Maistre. LES PRISONNIERS DU CAUCASE et Le LÉPREUX DE LA CITÉ d'Aoste, для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для самообученія, издалъ Камилла Мамбре, преподаватель Дерптской гимназій. Лейпцигъ. 1892. Стр. 142+XVI. Цѣна 60 коп.

Въ перечнѣ сочиненій, рекомендуемыхъ послѣдними программами для чтенія въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, указаны три разказа Ксавье де Местра: одинъ изъ нихъ—*Prasovie ou la jeune Sibérienne* (Параша Сибирячка) уже въ прошедшемъ году приспособленъ г. Алексѣевымъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, а два другіе—*Les prisonniers du Caucase* и *Le lépreux de la cité d'Aoste* появились въ печати въ настоящее время въ обработкѣ г. Мамбре. По небольшому объему, по интересности содержанія, по легкости языка и простотѣ слога выше-названныя сочиненія представляютъ отличный матеріалъ для чтенія, особенно курсорнаго, въ среднихъ классахъ гимназій. Г. Мамбре приносить этотъ вкладъ въ нашу учебную литературу при нѣскольکو особенныхъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, трудъ его направленъ почти исключительно къ изученію синонимовъ французскаго языка и, во-вторыхъ, онъ представляетъ частью сокращенный, частью искаженный переводъ введенія и комментаріевъ, составленныхъ докторомъ Отто Дикманомъ къ выше-названному двумъ сочиненіямъ Ксавье де Местра, изданнымъ Вейдманомъ въ Берлинѣ въ 1879 г. Нужно искренно пожалѣть, что г. Мамбре исключилъ всѣ хорошія историческія, географическія и грамматическія объясненія Дикмана, а заимствовалъ у него только указанія, касающіяся синонимовъ, которыми вслѣдствіе

плохого перевода и при отсутствіи провѣрки или грѣшатъ противъ вѣрности, или представляютъ неуловимую для гимназистовъ разницу; впрочемъ, такое специальное изученіе только однихъ синонимовъ даже и не соответствуетъ степени знанія языка учениками среднихъ классовъ. Въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ и программамъ упоминаются, правда, синонимы въ числѣ другихъ указаній, на что полезно обращать вниманіе учениковъ при удобномъ случаѣ во время чтенія съ ними какого-нибудь сочиненія или статьи, но это не значитъ, чтобы нужно было для синонимовъ посвящать весь курсъ какого-нибудь класса и читать для этого цѣлыхъ два сочиненія. Что касается до искаженія г-мъ Мамбре Дикмановскаго введенія, то укажемъ, для подтвержденія нашихъ словъ, два-три мѣста: на стр. 12-й г. Мамбре пишетъ: „22-го января 1802 г. по указу императора Александра I онъ (де Местръ) получилъ чинъ майора, и 4-го апрѣля 1805 г. былъ назначенъ членомъ военнаго департамента“. Дикманъ же говоритъ (стр. 8): „am 4 april 1805 wurde er vom Kaiser Alexander I zum Ehrenmitglied des Admiraltäts-Departements ernannt“. Далѣе г. Мамбре пишетъ: „съ этого времени онъ подвигается быстро по службѣ: 12-го декабря 1807 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, 26-го августа 1809 г. въ полковники, а 8-го іюля 1810 г. въ генералы. Онъ былъ командиромъ (чего?—не сказано) и нѣкоторое время участвовалъ въ грузинской войнѣ.... Въ 1813 г. онъ былъ квартирмейстеромъ валмоденскаго корпуса; 13-го іюля того же года былъ произведенъ въ генералъ-майоры (а раньшее сказано, что онъ былъ произведенъ въ генералы 8-го іюля 1810 г.)“. Дикманъ же говоритъ: „am 8 Iulh 1810 wurde er zum Grossen Generalstabe, Abtheilung für General-Quartierwesen, kommandirt und machte kurze Zeit darauf den Feldzug nach Georgien mit.... Am 18 April 1813 finden wir ihn als Quartiermeister bei dem Corps des Feldmarschall-Lieutenant Walmoden.. Am 18 Iuli 1813 avancirte er zum General-Major“...

Что касается до примѣчаній къ тексту, то таковыя помѣщены въ одномъ мѣстѣ, въ концѣ книги. Число ихъ весьма значительно: для сорока одной страницы текста перваго разказа дано 498 примѣчаній, и для тридцати страницъ втораго разказа ихъ предложено 242. Нужно замѣтить, что такое большое число трехзначныхъ цифръ, указывающихъ въ текстѣ номера выносокъ, производятъ при чтеніи непріятное впечатлѣніе, испещряя строки и раздѣляя слова большими промежутками, но съ этимъ можно бы еще помириться, еслибы каче-

ство выносокъ искупало этотъ недостатокъ; между тѣмъ полезность ихъ для учащихся намъ кажется весьма сомнительною. Для доказательства этого заявленія сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ.

Стр. 73. № 1: *Montagne*—гора—рядъ возвышеній. Ср. 334, 386; II, 82.

mont — одно возвышеніе отдѣльное или господствующее надъ остальными.

Если такое опредѣленіе вѣрно, то названія *la Montagne de la Table* (Столовая Гора), *les Monts Apalaches*, *les Monts Carpathes*, *Les Monts Hyperboréens* (ou Riphées—Рифейскія горы), *Les Monts Ourals* и проч. пришлось бы считать ошибочными, а между тѣмъ такъ всегда говорится. Ссылки г-на Мамбре на №№ 334, 386,—II, 82 показываютъ только, что слово *montagne* употреблено въ текстѣ еще три раза; справившись въ самомъ дѣлѣ съ текстомъ, оказывается, что тамъ слово *montagne*, вопреки данному опредѣленію, означаетъ не цѣль горъ, а отдѣльную гору; кромѣ того на стр. 53, между выноскою 84 и 85, выраженіе *la sommité de la montagne de Charvensod*, подъ которымъ разумѣется одна отдѣльная гора, также противорѣчитъ опредѣленію г. Мамбре.

На стран. 74. № 10: *placer*—расположить—на подходящемъ мѣстѣ. Ср. 255, 307, 364, 370, 477; II, 123, 191, 195, 227.

mettre — — на какомъ угодно мѣстѣ. Ср. 279.

poser — — въ подходящемъ положеніи. Ср. 291.

Едва ли данныя г. Мамбре опредѣленія могутъ объяснить разницу въ значеніи и употребленіи словъ *placer*, *mettre* и *poser*, такъ какъ все, что можетъ быть расположено, располагается на подходящемъ мѣстѣ и въ подходящемъ положеніи. Подъ девятыю выносками оказывается только слово *placer* съ указаніемъ: смотри выноску № 10; затѣмъ справки съ самимъ текстомъ, констатируя только, что этотъ глаголъ употребленъ въ двухъ разказахъ де Местра десять разъ, ничего не прибавлять къ несостоятельному объясненію г. Мамбре.

На стран. 75 подъ № 29, указаніе, что *faire* съ *infinitif* иногда переводится *вѣлѣть*, *заставить*, хотя вѣрно, но неопредѣленно, и не объяснить учащемуся, когда именно гл. *faire* имѣетъ такое значеніе, а между тѣмъ опредѣлить это возможно.

Объясненія подъ № 62 (*achever*, *finir*, *terminer*), № 67 (*accorder*, *conseiller*), № 149 (*laisser*, *abandonner*, *quitter*, *délaisser*) и пр. и пр. № 416 (*animal*, *bête*, *brute*), № 424 (*mutuel*, *réciproque*) и проч.; но

второмъ разказѣ, со страницы 101: № 2 (*méridional, du midi*), № 27 (*aspect, vue*), № 72 (*remplir, emplit*), № 96 (*sincère, franc, naïf, ingénu*), № 116 (*gouffre, précipice, abîme*), № 126 (*liaison, lien*), № 154 (*raconter, conter, narrer*), № 174 (*bout, fin, extrémité*) и проч.,—совершенно несостоятельны и никакой помощи учащемуся принести не могутъ.

Въ нѣмецкихъ комментаріяхъ Дикмана объясненія синонимовъ гораздо удачнѣе, потому что тамъ хорошо подобраны нѣмецкія слова, совершенно совпадающія по значенію съ объясняемыми французскими; въ плохомъ же переводѣ г. Мамбре все это исчезло, остались только сбивчивыя опредѣленія. Г. Мамбре не соблюлъ даже обыкновенной авторской деликатности по отношенію къ Дикману; заимствовать рѣшительно все у него, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что пользовался и, скажемъ мы, такъ безцеремонно его трудомъ.

Избранныя произведенія французской литературы, для чтенія воспитанниковъ высшихъ и среднихъ классовъ и для самообученія. *III. Sous la tonnelle*, par *Émile Souvestre*, съ примѣчаніями П. Н. С.—Пб. 1890. Стр. 152. Въ 12-ю д. л. Цѣна. 45 коп.

Въ 1887 году покойный П. И. Носовичъ предпринялъ изданіе избранныхъ произведеній французской литературы для класснаго чтенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и при жизни своей успѣлъ издать два выпуска: I-й *La veillée de Vincennes*, par *A. de Vigny*, и II-й *La bataille de la Moscova*, par *le comte de Ségur*. Сынъ покойнаго, Д. П. Носовичъ, продолжая трудъ отца, издалъ III-й выпускъ, заключающій три небольшихъ разказа, заимствованныхъ изъ сборника Эмилія Сувестра подъ заглавіемъ „*Sous la tonnelle*“. Разказы эти — 1) *Une famille ridicule*, 2) *La prise de tabac* и 3) *La lettre de recommandation*, интересны по содержанію, не включаютъ въ себѣ ничего неудобнаго, написаны простымъ языкомъ и читаются легко: они могутъ служить для курсорнаго чтенія въ среднихъ классахъ и также могутъ замѣнять мелкія статьи методическаго учебника или хрестоматіи, для различныхъ практическихъ упражненій, начиная съ четвертаго класса. Этотъ третій выпускъ обработанъ по тому же плану, какъ и первые два: онъ заключаетъ весьма короткое предисловіе и такую же біографическую замѣтку о Сувестрѣ, съ указаніемъ главнѣйшихъ его сочиненій, комментаріи къ тексту въ формѣ выносокъ внизу страницъ, алфа-

витный словарчикъ, правила образованія временъ отъ формъ первообразныхъ я, наконецъ, таблицу неправильныхъ глаголовъ, входящихъ въ предложенный текстъ. Алфавитный словарчикъ, таблица образованія временъ и перечень формъ неправильныхъ глаголовъ сдѣланы вполне удовлетворительно. Что же касается до комментариевъ, то они, хотя не заключаютъ никакихъ научныхъ промаховъ, тѣмъ не менѣе вызываютъ нѣкоторые замѣчанія.

На страницѣ 7-й въ выносѣхъ 3-й сказано, что *eût été* и *eût révélé* — вторая форма *condition. passé*; въ нѣсколькихъ еще другихъ мѣстахъ дается то же указаніе, но мы его считаемъ недостаточнымъ: по нашему мнѣнію, лучше было бы при первой встрѣчѣ этой формы разъ объяснить ея происхожденіе, значеніе и свойство и затѣмъ не умножать понапрасну числа выносковъ, указывая при всякой новой встрѣчѣ этой формы, что это второе *conditionnel passé*; собственно говоря, это вовсе не *conditionnel passé*, а *plus-que-parfait du subjonctif*, часто употребляемое вмѣсто него, ради благозвучія, и еще ради того, что оно свободно сочетается съ условнымъ союзомъ *si*. То же можно сказать относительно выносковъ при каждой встрѣчѣ мѣстоименныхъ нарѣчій *en, y, dont*, перифразъ *c'est... qui, ne... que*, синтаксическихъ вспомогательныхъ глаголовъ *aller, venir de, faire* и прочихъ повтореній: совершенно достаточно одного обстоятельнаго объясненія при первомъ появленіи какихъ-нибудь особенныхъ формъ и выраженій. Повторительныхъ выносковъ подобнаго рода въ разсматриваемой книжкѣ набирается значительное число. Перифраза *c'est... qui, c'est... que* пользуется особенной заботливостью комментатора: случается, что онъ ее указываетъ и переводитъ въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ страницахъ; такъ, она дается въ выноскахъ на стр. 94, 95, 97, а на стр. 98 всѣ три выноски посвящены ей одной. Это уже излишне. Иногда вмѣсто объясненія факта, который въ русскомъ переводѣ даетъ всегда одну и ту же конструкцію фразы, въ выноскахъ каждый разъ предлагается готовый переводъ; такъ, на стр. 47 фраза *le ciel semblait avoir pris soin*. и на стр. 50 фраза *son front semblait s'être élargi* просто переведены въ выноскахъ, при чемъ глаголы франц. *semblait* и соотвѣтствующій русскій *казалось* напечатаны жирнымъ шрифтомъ; то же явленіе встрѣчается еще и въ другихъ мѣстахъ. По мнѣнію нашему, было бы гораздо поучительнѣе и полезнѣе для учениковъ, еслибы имъ было указано различіе въ построеніи фразъ французской и русской при употребленіи глаголовъ *sembler, paraître* и

казаться; комментарий должны, конечно, облегчать учащимся точное понимание фразъ текста и правильный переводъ ихъ на родной языкъ, но не должны избавлять лицъ, занимающихся этою работою, отъ нѣкоторой доли самостоятельности и отъ необходимости сознательно относиться къ встрѣчаемымъ фактамъ языка, однороднымъ съ тѣми, которые были уже объяснены ранѣе. Готовый переводъ слѣдуетъ давать только для тѣхъ выраженій и фразъ, которыя не могутъ быть точно поняты, или правильно, гладко, удачно переведены учениками, не смотря на то, что имъ могутъ быть извѣстны входящія въ нихъ слова и формы. Между тѣмъ нѣкоторыя мѣста оставлены комментаторомъ безъ вниманія, такъ какъ въ книжкѣ нѣтъ никакихъ пособій для пониманія ихъ значенія. Для примѣра укажемъ хоть на окончаніе одной фразы на стр. 46 *vous soignant comme une soeur grise*; въ выноскахъ не указано значеніе словъ *sœur grise*, въ словарчикѣ совсѣмъ нѣтъ слова *gris*; допустивъ, что учащійся знаетъ это не мудреное слово, все-таки онъ можетъ затрудниться его значеніемъ въ данномъ случаѣ; даже въ словарѣ Макарова онъ найдетъ только, что это слово значить *сѣрый, сѣдоватый, съ простыню*, и что *être gris* значить *быть подъ хмѣльнымъ*; слѣдовательно, учащемуся трудно догадаться что *sœur grise* значить *сестра милосердія, сидѣлка при больномъ*. На стр. 85 фраза *ne possédât-on qu'une prise de tabac, on peut . .* какъ рѣдкая синтаксическая особенность, должна бы, кромѣ готоваго ея перевода, быть объяснена съ формальной стороны. Справедливость требуетъ сказать, что въ книжкѣ такихъ мѣстъ немного, и вообще указанные выше недостатки не могутъ быть отнесены къ категоріи важныхъ: при слѣдующемъ воспроизведеніи книжки они легко могутъ быть устранены; наконецъ, сравнительно съ большимъ числомъ хорошихъ указаній, этихъ недостатковъ такъ немного, что они не могутъ помешать пригодности этой книжки для употребленія ея въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Книжка напечатана на отличной бумагѣ, четко и исправно въ корректурномъ и типографскомъ отношеніяхъ; не дорога по цѣнѣ.

„Napoléon à Sainte-Hélène“ par Thiers. Извлеченіе изъ его сочиненія *Histoire du Consulat et de l'Empire*, съ примѣчаніями историческими и грамматическими, издавъ А. Алексѣевъ, преподаватель Царьцынской Александровской гимназіи. Выпускъ 5-й. С.-Пб. 1891 г. Цѣна 40 к.

Г. Алексѣевъ принялъ на себя задачу издать, въ приспособленіи для учебныхъ заведеній, французскія сочиненія, рекомендованныя

новыми учебными планами и программами для чтенія въ среднихъ и высшихъ классахъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Изъ этого изданія появились въ печати уже четыре выпуска, заключающіе слѣдующія сочиненія: 1) *Le Misanthrope* (Molière), 2) *Pras-covie ou la Jeune Sibérienne* (Xavier de Maistre) 3) *Au coin du feu* (Emile Souvestre) и 4) *Histoire de Charles XII, Roi de Suède* (Voltaire); всѣ четыре выпуска уже одобрены въ качествѣ учебнаго пособия. Въ первыхъ трехъ книжкахъ г. Алексѣевъ, кромѣ комментаріевъ, давалъ и спеціальныя къ каждому сочиненію словарики, въ четвертой-же онъ счелъ за лучшее выдѣлить словарики въ особую книжку и за особую, разумѣется, плату. Пятый выпускъ изданія г. Алексѣева заключается небольшою частицу многотомнаго сочиненія Тьера „*Histoire du Consulat et de l'Empire*“, въ которой этотъ замѣчательный историкъ и ученый, съ свойственной ему увлекательностью, рассказываетъ мельчайшія подробности жизни Наполеона I-го на островѣ Св. Елены, со времени его плѣненія и до минуты смерти этого великаго человѣка. Сочиненіе Тьера пользуется такой извѣстностью, что говорить что-либо о пригодности его, хоть въ небольшомъ извлеченіи, для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ было бы совершенно излишнимъ. Что касается до извлеченія изъ него, сдѣланнаго г. Алексѣевымъ, то считаемъ должнымъ заявить, что текстъ его совершенно тождественъ съ подлиннымъ сочиненіемъ, что напечатано оно четко, на хорошей бумагѣ и съ надлежащей корректурной исправностью. Относительно комментаріевъ слѣдуетъ замѣтить, что г. Алексѣевъ въ этомъ выпускѣ даетъ ихъ гораздо обильнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ; при этомъ можно еще прибавить, что послѣненія историческія, географическія и другія, кромѣ грамматическихъ и фразеологическихъ, здѣсь оказываются значительно состоятельнѣе, чѣмъ въ предшествовавшихъ четырехъ книжкахъ. Какъ обиліе, такъ и достоинство историческихъ и другихъ фактическихъ объясненій доказываютъ, что г. Алексѣевъ имѣлъ подъ рукою отличныя изданія Вейдманна (Берлинъ) и Фельдгагена и Клязинга (Лейпцигъ); что же касается до фразеологическихъ и лексическихъ указаній, то г. Алексѣевъ, какъ видно изъ предисловія, пользовался капитальнымъ пособиемъ,—словаремъ Литтре, но, вѣроятно, спѣшность работы была причиною того, что многія замѣтки относительно грамматической стороны текста и правильнаго перевода на русскій языкъ нѣкоторыхъ фразъ настоятельно требуютъ пересмотра и исправленія при слѣдующемъ воспроизведеніи этого 5-го выпуска. Для доказатель-

ства справедливости нашего заявленія приводимъ слѣдующіе примѣры замѣченныхъ нами несправностей:

Стран. 11, выноска 1-я, Qui a jailli, которое *вырвалось снаружи* (во всякомъ случаѣ правильнѣе сказать *наружу*, чѣмъ *снаружи*).

Стран. 12, вын. 5-я, Taillé à pic не вѣрно переведено *тянущійся отвѣсно*.

Стран. 13, вын. 4-я, не только послѣ *aussi*, начинающаго предположеніе, ставится обращенная конструкція; такъ какъ такой оборотъ часто употребителенъ, то на 150 страницахъ текста онъ, вѣроятно, не разъ встрѣчается, и потому, чтобы не повторять нѣсколько разъ одно и то же правило, слѣдовало при этомъ случаѣ указать и другія, по крайней мѣрѣ наиболѣе употребительныя слова, имѣющія такое-же свойство, какъ то: *ainsi, encore, peut-être, au moins, du moins, toujours*.

Стр. 14, вын. 2-я, не хорошо сказано: Наполеонъ совершилъ переездъ *съ* Св. Елены.

Стран. 20, вын. 7-я, фраза: „Имъ не доставало того *непреклоннаго* поведенія, которое имъ желали бы *навязывать*, предписать“ не хорошо составлена, не точно передаетъ смыслъ текста и въ данномъ видѣ не можетъ быть приложена къ переводу всей фразы.

Стран. 21, вын. 3-я, „tressaillements d'impatience“ не значитъ здѣсь *нетерпливое движеніе*.

Стран. 23, вын. 5-я, il prescrivit... онъ *предписывалъ*: этотъ видъ не точно передаетъ здѣсь и французскую форму времени, и смыслъ фразы; нужно взять видъ совершенный.

Стран. 24, вын. 1-я, необходимо объяснить, какъ по-англійски читается слово cottage (коттеджъ).

Стран. 30, вын. 5-я, „на выдающихся пунктахъ острова былъ *проведенъ телеграфъ*“; эта фраза не вѣрно передаетъ текстъ и не вѣрна сама по себѣ, потому-что въ то время телеграфовъ еще не проводили, какъ теперь, посредствомъ проволоки или подводнаго кабеля, а ставили вышки на высокихъ мѣстахъ, для подавія сигналовъ или извѣстій условленными знаками, за которыми слѣдили при помощи подводной трубы (такъ называемый воздушный телеграфъ).

Стран. 35, необходимо было объяснить выраженіе *ne pouvoir s'étendre de* (съ infinitif) и указать переводъ его, а иначе ученикъ непременно составитъ уродливую русскую фразу.

Стран. 36, вын. 2-я, нельзя сказать: „плоскогорье безплодно было *изрѣзано вѣтромъ*“.

Стран. 37, вын. 2-я, „atteintes“ здѣсь не значить *удары, припадки*.

Стран. 38, (3-я строка внизу): необходимо было дать переводъ фразы *quoiqu'il ne fût pas à beaucoup près... craindre*, потому что ученикъ самъ ее не разберетъ и точно не переведетъ. Точно то же можно сказать относительно фразы *à quelque ascendant que ce fût* на стр. 39 вслѣдъ за 3-й выноской

Стран. 39, вын. 1-я, не говорится *обязательнаго права*; тутъ же подъ выноской 2-й *tenir à st. infinitif* не значить *желать, считать нужнымъ сълать что*.

Стран. 41, вын. 1-я, не говорится по-руски *радоваться чѣмъ*.

Стран. 42, вын. 7-я, *cet état de choses* въ данной фразѣ не значить *по прежнему положенію*.

Стран. 61, вын. 3-я необходимо было надлежащимъ образомъ объяснить роль глагола *faire* какъ синтактически вспомогательнаго при другихъ глаголахъ дѣйствительнаго и средняго залоговъ; то, что объ этомъ сказано въ выноскѣ 5-й на стран. 20, слишкомъ недостаточно; точно также нужно было объяснить значеніе глагола *chercher* съ *à* при *infinitif*, а равно послѣ глагола *envoyer* и *aller*.

Стран. 82, въ вын. 4-й, не хорошо сказано: „Наполеонъ вернулся изъ Эльбы“.

Стран. 92, вын. 2-я, что-то въ родѣ надежды начинало *сверкать*.

Стран. 96, конецъ 4-й вын. на стран. 95-й: „передъ отъѣздомъ изъ острова Св. Елены“.

Стран. 114, вын. 1-я, „Адмиралы, *командовавшие надъ морскою станціею острова Св. Елены*“.

PETIT MANUEL DE LITTÉRATURE FRANÇAISE DEPUIS SES ORIGINES JUSQU'À NOS JOURS. A l'usage des classes supérieures de l'École St-Pierre et de l'École Re-formée. Par A. Bonjour. Deuxième édition revue et augmentée [Краткій учебникъ французской литературы отъ кя начала до нашего времени, для употребленія въ высшихъ классахъ училищъ при церквяхъ св. Петра и Реформатской, состав. А. Бонжуръ. 2-е изданіе, просмотрѣнное и увеличенное]. С.-Пб., 1891 г. Ц. 35 к.

Краткій учебникъ французской литературы г. Бонжуръ раздѣляеъ на 38 уроковъ, занимающихъ 35 страницъ текста, въ которомъ говорится о 93 писателяхъ. Однѣ эти цифры уже достаточно указываютъ на то, что трудъ г. Бонжуръ, скорѣе можетъ быть названъ мотивированнымъ конспектомъ, чѣмъ учебникомъ французской литературы, хотя-бы даже и краткимъ. Въ немъ говорится только о наиболѣе выдающихся писателяхъ въ каждой эпохѣ и въ каждомъ родѣ литературныхъ произ-

веденій; даже изъ сочиненій упоминаемыхъ авторовъ указываются только главнѣйшія. Біографической стороны писателей г. Бонжуръ вовсе не касается, предоставляя это дѣло заботливости преподавателя на томъ основаніи, что свѣдѣнія, сообщаемыя живымъ голосомъ, глубже западаютъ въ память слушателей; онъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ только о такихъ фактахъ изъ жизни писателей, которые необходимы для объясненія мотива появленія извѣстнаго сочиненія, его цѣли и направленія. Содержанія сочиненій г. Бонжуръ также не излагаетъ подробно, но указываетъ только ихъ основную идею. Историко-литературная критика о дѣятельности писателей и о достоинствахъ или недостаткахъ ихъ сочиненій высказывается здѣсь очень кратко, ясно и мѣтко: вообще можно сказать, что г. Бонжуръ многословія не любитъ и дѣлаетъ свои характеристики двумя-тремя штрихами, но такъ удачно, что изображаемый образъ получаетъ вполне опредѣленный обликъ. Это качество составляетъ, конечно, большое достоинство его труда. Совершенно справедливо и основательно, при такомъ краткомъ курсѣ, требовать, какъ это и совѣтуетъ г. Бонжуръ въ своемъ предисловіи, чтобы высказанныя имъ сужденія оправдывались чтеніемъ и надлежащимъ анализомъ сочиненій, потому что только этимъ путемъ и можно уразумѣть ихъ значеніе и оцѣнить какъ ихъ достоинства, такъ и заслугу писателя. При преподаваніи исторіи литературы, книжка г. Бонжуръ можетъ быть весьма удобнымъ подручнымъ пособіемъ, какъ толковый конспектъ по-урочныхъ чтеній, а также для повторенія всего курса: въ два часа легко можно возобновить въ памяти всѣ главнѣйшія фазы въ исторіи французской литературы и просмотрѣть, какъ въ быстро движущейся панорамѣ, наиболѣе выдающихся ея дѣателей съ ихъ главнѣйшими произведеніями. Книжка напечатана очень хорошо, съ полной типографской и корректурной исправностью; написана живо, правильнымъ и невнычурнымъ языкомъ, читается легко и весьма доступна по цѣнѣ.

Résumé de l'histoire de la littérature française par *Alfred Anspach*, professeur de langue et littérature françaises à l'école Saint-Pierre de St.-Petersbourg. Heidelberg. 1892, pages 392+VIII.

Краткій курсъ исторіи французской литературы, составленный г. Анспахомъ, состоитъ изъ пяти частей, подраздѣленныхъ каждая на главы по родамъ разсматриваемыхъ литературныхъ произведеній. Въ первой части вкратцѣ изложена исторія образованія французскаго языка и разсмотрѣны литературные памятники его, начиная съ

клятвы между Карломъ Лысымъ и Людовикомъ Нѣмецкимъ до времени Маро, Ронсара и Монтаня (Marot, Ronsard, Montaigne), то-есть, до XVI вѣка; затѣмъ, четыре послѣдующія части посвящены разсмотрѣнію литературныхъ произведеній по столѣтіямъ: во второй части—XVI-й вѣкъ, въ третьей—XVII-й, въ четвертой—XVIII-й и въ пятой—IX-й. Въ послѣдней, пятой части историко-литературная критика доведена до текущаго десятилѣтія, такъ что можно имѣть указанія относительно сочиненій современныхъ намъ писателей, еще продолжающихъ свою литературную дѣятельность, какъ *Ernest Renan, Hippolyte Taine, Ernest Havet, Paul Janet, Jules Simon, Edmond Schérer, Paul Féval, Victor Cherbuliez, Émile Erckmann, André Theuriet, Alphonse Daudet, Émile Zola.*

Г. Анспахъ называлъ свое сочиненіе *Résumé de l'histoire de la littérature française*; въ сущности это крупный курсъ этого предмета, занимающій 390 убористо наполненныхъ страницъ и разсматривающій литературную дѣятельность 414 писателей, то-есть, не только главныхъ представителей литературы, но и второстепенныхъ, и даже третъстепенныхъ сочинителей. Курсъ исторіи французской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія не преподается, какъ отдѣльный предметъ, слѣдовательно трудъ г. Анспаха не можетъ имѣть значенія учебнаго руководства. Въ виду фактическаго богатства этого сочиненія, оно могло бы быть пригодно для библіотекъ ученическихъ старшаго возраста и для фундаментальныхъ въ качествѣ справочной книги по излагаемому предмету, если бы было написано съ большею правильностью и осмотрительностью. Къ сожалѣнію, оно изложено не только не изящнымъ, а прямо плохимъ французскимъ языкомъ: тяжелымъ, неповоротливымъ, даже очень часто не совсѣмъ правильнымъ. Особенно поражаетъ въ изложеніи г. Анспаха частое сочетаніе предложеній, не имѣющихъ между собою никакой логической связи. Возможны ли хотя бы подобные обороты:

Стр. 1-я. „Il est difficile de croire qu'ils (les Phocéens) abandonnèrent le goût des arts, une fois qu'ils quittèrent leur première patrie“.

Стр. 5-я. „Ils se séparèrent toujours *plus...*; ils étaient tous égaux entre eux, quoique *ceux-ci* fussent issus de très hautes familles et *ceux-là* de familles obscures (не извѣстно, кто эти *ceux-ci* и *ceux-là*)“.

Стр. 6-я. „L'harmonie et l'imagination inspiraient *plusieurs*“.

Тотъ же руссизмъ повторяется нѣсколько разъ, напримѣръ, на стр.

45: „elle se fait jour... par la mélancolie de *quelques-uns*, par les aspirations poétiques de *plusieurs*“, или на стр. 123: „L'urbanité française date de l'Astrée, selon l'avis de *plusieurs*“ и т. д.

Стр. 7-я. „La ville de Saragosse n'a pas obéi, car *là* y règne Marsile“. Это не опечатка, подобные обороты встрѣчаются часто; напримеръ, еще на стр. 12: „Ce poème, où les apôtres, Hérode et sa cour s'y donnaient rendez-vous“.

Стр. 15-я. „*Nous pourrions* encore parler... de plusieurs autres, *mais nous avons* hâte d'arriver...“

На той же страницѣ слѣдующая путаница: „C'est *un genre* éminemment français, *dont* le plus intéressant et le plus plaisant est le *Monde*. On y voit apparaître quatre personnages; c'est une farce qui ne manque pas de profondeur“.

Говоря объ известномъ фарсѣ — „L'avocat Patelin“, г. Анспахъ восклицаетъ (на стр. 16 — 17): „quel naturel, quelle vérité, quel type gaulois n'y aperçoit-on pas!“

На стр. 21-й читаемъ: „Le Roman du Renard fut un des plus joués au moyen âge“... Ниже на той же страницѣ: „*Cette satire des mœurs s'est développée* en France, en Angleterre et en Allemagne. Une foule d'autres y ont travaillé“.

На стр. 23-й: „Marie de France lut certainement les poèmes célèbres de l'Orient, de la Grèce. *mais cela de manière à ne pas paralyser ses propres facultés*“...

На стр. 25-й: „Les fabliaux ont été une source d'intérêt“...(?!).

На стр. 27-й: „On dit de Villehardouin qu'il est resté soldat dans son style en ce sens qu'il ne fait point de phrases vaines. Sous sa plume on entrevoit le français, l'on voit le latin, l'on devine l'italien“. Какая же тутъ связь?

На стр. 33-й: „Le Combat des 30 Bretons et des 30 Anglais eut lieu en 1350 près de Ploermel; *il est intéressant, bien qu'ayant des complaintes en certains endroits*“.

На стр. 46-й: „L'histoire dont..... est tout-à-fait employé“(?!). Ниже: „Rabelais représente un genre qui touche à une foule d'autres“.

На стр. 47-й: „il a badiné comme en fils de trouvère, imbu des lettres classiques; il a badiné en gaulois, en ami de la renaissance“.

На стр. 52-й: „et lorsqu' il devint page.... il n'était point un esprit médiocre. Après s'être familiarisé avec les habitudes de cour, il vit s'ouvrir devant un bel avenir politique“ и проч. и проч.

Эти выписки, взятые на удачу, достаточно свидѣлствуютъ и о неправильности языка и о не ясномъ мышленіи автора разбираемой книги. Уже недостатокъ логической связи въ сочетаемыхъ предложеніяхъ не позволяетъ ожидать многого и отъ разработки фактическаго матеріала. Дѣйствительно, если прямыхъ фактическихъ ошибокъ въ книгѣ и нѣтъ, то тѣмъ не менѣе характеристики и критическія сужденія автора часто неудовлетворительны. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются общія характеристики XVI (стр. 43—47) и XIX (стр. 228 и слѣд.) вѣковъ; говоря о Беранже, г. Анспахъ признаетъ его главнымъ образомъ „*chantre de Lisette*“, а Мюссе, не смотря на приведенный тутъ же отзывъ Сент-Бева: „*la jeunesse dissolue adore chez Musset l'expression de ses propres vices*“, онъ считаетъ поэтомъ, которому суждено на вѣки остаться поэтомъ молодыхъ поколѣній (Il restera toujours le poète de la jeunesse); романы Дюма—отца авторъ признаетъ „полными жизни“, а драмы его сына образцомъ „знанія сцены и анализа женскаго сердца“ (son incroyable connaissance de la scène et son analyse du coeur féminin); болтовню Жюль Жанена (cours de littérature dramatique) онъ предлагаетъ „читать и перечитывать“, какъ образецъ искренняго, безпристрастнаго отношенія къ литературѣ (toute la sincérité d'un homme qui ne cultive les lettres que pour elles-mêmes); не менѣе странны сужденія о Мишле и проч. и проч.

Можно бы много сказать о неумѣніи г. Анспаха отнѣсать относительное значеніе литературныхъ явленій и относительную важность біографическихъ данныхъ о каждомъ писателѣ, но и сказаннаго уже выше достаточно для того, чтобы судить, что рассматриваемый трудъ слабъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Руководство ученія о проекціяхъ. Теорія и задачникъ для реальныхъ училищъ. Дерптъ. 1891.

Рассматриваемая книжка отличается незначительнымъ объемомъ: въ ней всего 46 страницъ, изъ которыхъ 24 посвящены теоріи, а остальные 22 отведены задачнику.

Теорія содержитъ 106 §§, весьма коротенькихъ, иногда въ одну строчку. Въ первыхъ 40 §§ приведены нѣкоторые опредѣленія и теоремы элементарной геометріи въ новой формулировкѣ, сдѣланной въ духѣ проективной геометріи, неумѣствомъ въ элементарномъ учебникѣ. Такъ, напримѣръ, параллельныя линіи авторъ опредѣляетъ какъ „линіи, имѣющія одинаковое направленіе“, при чемъ

подъ „направленіемъ“ линіи разумѣть „бесконечно отдаленную точку прямой“ (§ 3). Уголъ опредѣляется какъ „различіе направленій двухъ линій“, а измѣряется уголъ „кратчайшимъ путемъ вращенія, по которому одна линія можетъ вертѣться (?) около точки пересѣченія, пока она не совпадетъ съ другой“ (§ 7). Параллельныя плоскости опредѣляются такъ: „всѣ плоскости съ одинаковымъ положеніемъ параллельны между собою“, при чемъ о „положеніи“ плоскости говорится, что это есть бесконечно отдаленная прямая ея, напримѣръ горизонтъ“ (§ 12).... Попутно авторъ вводитъ новыя термины, въ которыхъ нѣтъ надобности. Напримѣръ, для сторонъ линейнаго угла — „линии совпаденія“ (§ 18), для линій, лежащихъ въ плоскостяхъ двуграннаго угла и параллельныхъ его вершинѣ — „главныя линіи“ (§ 18); для поверхностей круговаго цилиндра (и конуса) — „плоскости вращенія“ (§ 35) и т. п.

Въ остальныхъ 66 §§ приведены основныя теоремы ученія о проекціяхъ и теоріи тѣней. Всѣ безъ исключенія теоремы изложены безъ доказательствъ и безъ необходимыхъ чертежей, вслѣдствіе чего заглавіе книжки „Руководство ученія о проекціяхъ“ представляется не соответствующимъ содержанію ея. Это даже не конспектъ ученія о проекціяхъ, а простой перечень опредѣленій и теоремъ, собранныхъ безъ хорошо обдуманнаго плана. Такъ, напримѣръ, въ § 83 авторъ приводитъ уравненіе параболы, отнесенное къ вершинѣ (или, по выраженію автора „уравненіе изъ вершины“), рекомендуя по этой формулѣ строить параболу, но не приводить ни уравненія эллипса, ни уравненія гиперболы; въ § 86 авторъ трактуетъ о „составленіи законовъ кривой линіи“, безъ объясненія, что должно разумѣть подъ этимъ выраженіемъ. Подобныя безцѣльныя замѣчанія по меньшей мѣрѣ неумѣстны въ элементарномъ учебникѣ. Точно также излишни всѣ милюетныя экскурсіи автора въ область аналитической геометріи, какъ, напримѣръ, выраженію для суммы квадратовъ косинусовъ угловъ, образуемыхъ прямой линіей съ осями координатъ (§ 48), теоремы о сопряженныхъ діаметрахъ эллипса (§§ 76 и 77), выраженія для площадей эллипса и параболы (§ 80) и т. п. Замѣтимъ еще, что мѣсто, занимаемое опредѣленіями и теоремами элементарной геометріи, а также теоріей тѣней, которой нѣтъ въ программахъ реальныхъ училищъ, авторъ съ большою пользою могъ бы употребить для надлежащаго развитія основной части своего учебника — теоріи проекцій.

Теорія эта изложена невозможнымъ языкомъ. Нѣкоторые геоме-

трическіе терминъ появляются въ искаженномъ видѣ. Такъ, напримѣръ, терминъ „грань“ употребляется въ смыслѣ ребра (§ 17); вмѣсто „проектирующая плоскость“ употребляется выраженіе „проектирующая площадь“; вмѣсто „плоская кривая“ — „кривая въ плоскости“ (§ 33); вмѣсто „кривая двойкой кривизны“ — „кривая въ пространствѣ“; вмѣсто „косая поверхность“ — „поверхность двойнаго окривленія“ (Windschleife Fläche) (§ 36); вмѣсто „совмѣщеніе плоскостей проекцій“ — „накладываніе плоскостей“ (§ 46); вмѣсто „линейный эксцентриситетъ“ — „линійная эксцентрисичность“ (§ 81); вмѣсто „точка входа“ — „точка прохода“ (§ 95) и т. п.

Многія теоремы формулированы такъ, что ихъ трудно понять. Вотъ нѣсколько примѣровъ: § 43 (3); § 45; § 55; „когда линія параллельна къ одной изъ плоскостей, то касающій слѣдъ лежитъ въ безконечно удаленномъ положеніи плоскости проекцій“ (§ 56); § 73 (2); „три извѣстныя точки D, M и N, которыя обратнымъ путемъ легко можно поставить въ чертежъ (?), образуютъ треугольникъ, въ которомъ уголъ б находится въ вершинѣ D.“ (§ 73 (3)); „эллипсиса — симметричная кривая по обѣимъ осямъ“ (§ 77); § 81 (примѣчаніе 2 и 5); § 84 (4); „когда второй проходъ движимой точки обратнымъ путемъ возвращается въ той точкѣ, изъ которой онъ опредѣлилъ касательную, то эта точка называется точкой возвращенія“ (§ 87), „каждое тѣло изображается движимой проектирующей плоскостью, касающейся тѣла. Линіи и точки касанія представляютъ предѣлы видимаго и невидимаго“ (§ 92); § 93; § 95; § 98; § 99 (3); § 103 и т. п.

Такимъ же неправильнымъ языкомъ написанъ и задачникъ, вслѣдствіе чего многія изъ задачъ совсѣмъ непонятны, какъ, напримѣръ, №№ 138, 79, 73, 69, 52, 33, 36, 31, 28(в), 26(в), 19, 14 Не мало задачъ неопредѣленныхъ, какъ, напримѣръ, №№ 59, 60, 130, 176, 178 Наконецъ, многія изъ нихъ даже не суть задачи, а вопросы для повторенія, каковы, напримѣръ, №№ 70, 77, 79, 82, 83, 84, 88, 89, 90, 91, 125.

Учебникъ ариметики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Н. Тихомировъ*. Москва. 1891. Стр. VIII + 244. Цѣна 75 коп.

Разсматриваемая книга представляетъ изъ себя очень просто и кратко написанный учебникъ, содержащій въ себѣ все то, что должно проходиться при изученія ариметики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ концѣ книги приложены дополненія,

которые должны быть пройдены при повторении арифметики в старших классах и заключают в себя: 1) различные системы счисления; 2) теоремы о делимости чисел; 3) простые и составные числа; 4) общий наибольший делитель и общее наименьшее кратное; 5) обыкновенные и десятичные дроби; 6) непрерывные дроби; 7) приближенные вычисления; 8) собрание задач и теорем в количествах 115. Изложение удовлетворительно за весьма немногими исключениями, на которые и укажем.

Стр. 15. Вычитание определяется как отнимание. Такое определение не представляет из себя определения, ибо приводит понятие о вычитании к не менее простому понятию об отнимании.

Стр. 82. Автор говорит: „если числителя дроби умножить на какое либо число, то дробь увеличится во столько же раз“. Такое изложение не точно и неопределенно.

Стр. 90. Автор говорит: „умножить число на дробь, значит повторить несколько раз некоторую часть множимого“. Это задача, решаемая при помощи умножения; определение же умножения на дробь должно быть общее, заключающее в себя, как частный случай, и умножение на дробь и умножение на целое число.

Стр. 91. Автор рассматривает только один случай деления дробей и не определяет, как бы следовало, деление, как действие, обратное умножению.

Начальная Алгебра. Составилъ Г. Сомовъ, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ и заслуженный ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета. Изданіе шестое, подъ редакціею И. Сомова, проф. Варшавскаго университета, съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, согласно новымъ программамъ. С.-Петербургъ. Цѣна 1 руб. 50 коп. Стр. VII + 358.

Шестое изданіе названной книги отличается отъятаго изданія слѣдующимъ: 1) тѣ статьи курса дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, которыя новыми учебными планами исключены изъ этого курса, не вошли въ новое изданіе алгебры покойнаго академика Г. И. Сомова; 2) помѣщены вновь статьи, введенныя новыми планами въ курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ, а именно: о вліяніи, которое оказываютъ преобразованія уравненій на ихъ рѣшенія; мнимыя выраженія въ тригонометрическомъ видѣ; теорема о делимости цѣлаго многочлена. Статья о maxima и minima расширена.

Всѣ эти дополненія сдѣланы умѣло и изложены вполне строго, а потому не только не умаляютъ достоинство предыдущихъ изданий книги, но усиливаютъ ихъ.

Л. Жэ. Задачи по физикѣ. Переводъ съ французскаго Н. И. Мамонтова. Москва. 1892. Стр. VIII+271. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 25 коп.

Къ наилучшимъ задачкамъ по физикѣ принадлежитъ, несомнѣнно, сборникъ задачъ профессора физики Л. Жэ (L. Jauss, Парижъ 1886 г.). Почти всѣ задачи, включенныя въ этотъ сборникъ, выбраны изъ числа темъ, предложенныхъ въ теченіе послѣднихъ годовъ (до 1886 г.) на конкурсныхъ испытаніяхъ при поступленіи въ высшія спеціальныя французскія школы, напримѣръ, въ *Ecole Normale*, *École Central*, *École spécial militaire*, *École des mineurs de Saint Etienne* и др., а также на такъ-называемыхъ экзаменахъ „*du baccalauréat*“ въ различныхъ французскихъ университетахъ (*Facultes de France*).

Задачи распределены по отдѣламъ физики. Въ началѣ каждой главы приведены вкратцѣ главнѣйшіе законы и формулы, которыми, при рѣшеніи задачъ, слѣдуетъ пользоваться. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ задачъ, полный ходъ рѣшенія которыхъ тутъ же приводится и, наконецъ, еще рядъ задачъ, для которыхъ приводится только окончательный отвѣтъ.

Переводъ сдѣланъ вполне правильно и никакихъ особыхъ замѣчаній не вызываетъ. Переводчикъ выпустилъ лишь девять задачъ, помѣщенныхъ въ оригиналѣ и относящихся къ химіи.

Географія Европы съ вопросами и задачами, для женскихъ гимназій и низшихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е, исправленное. Составилъ Н. Побѣдинскій. Ростовъ. 1891. Стр. 68. Цѣна 50 коп.

Въ настоящемъ изданіи учебникъ г. И. Побѣдинскаго напечатанъ на плохой, просвѣчивающей бумагѣ; шрифтъ, которымъ набраны разныя подробности и вопросы, такой мелкій, что его трудно читать и, во всякомъ случаѣ, нежелательно обижать учениковъ къ этому.

Въ матеріалѣ, напечатанномъ болѣе крупнымъ шрифтомъ, трудно найти такія достоинства, которыя бы отличали этотъ учебникъ отъ другихъ такого же рода. Можно только отмѣтить одно, именно, что въ немъ мѣстами встрѣчаются нѣкоторыя довольно живыя описанія природы и занятій жителей; но вполне вѣрныхъ и точныхъ изъ такихъ описаній немного, за то достаточно разнаго

рода излишествъ, опущеній и недосмотровъ. Къ излишствамъ нужно отнести общія мѣста, касающіеся образованія въ рассматриваемыхъ государствахъ. Таковы, напримѣръ, стр. 50: „Учебныхъ заведеній (въ Германіи) чрезвычайно много, и всѣ они прекрасно устроены.. Германія можетъ гордиться не только своими учеными, но и художниками, въ особенности живописцами и музыкантами“.

Стр. 59: „Среднія учебныя заведенія во Франціи находятся въ цвѣтущемъ состояніи. Изъ наукъ особенно процвѣтаетъ математика и естествовѣдѣніе; кромѣ того, много специальныхъ заведеній, по части военной, наукъ и искусствъ, огромное число разныхъ ученыхъ обществъ, публичныхъ библіотекъ, разныхъ музеевъ и проч.“

Вмѣстѣ съ подобными общими мѣстами въ учебникѣ замѣчается отсутствіе важныхъ географическихъ данныхъ, неизбѣжныхъ для самаго краткаго учебника. Такъ, въ Германіи не упоминаются королевство Виртембергское, Великое Герцогство Баденское, Имперская и нѣкоторыя другія земли, входящія въ Германскій союзъ. На восточной границѣ имперіи не упоминается ни одной крѣпости, кромѣ Кенигсбергской; то же самое въ Австро-Венгріи и Швеціи. Во Франціи поименовываются баски, между тѣмъ въ Испаніи они опущены. Въ общемъ обзорѣни не перечислены плоскогорія.

Но неточностей въ учебникѣ больше, чѣмъ опущеній. Представляемъ примѣры:

Германскую низменность авторъ называетъ то средне-европейскою (стр. 6), то сѣверо-германскою (стр. 14); російскую низменность, то понто-каспійскою, то средне-европейско-россійскою.

Стр. 29. „Для предохраненія отъ затопленія жители Ломбардіи ограждаютъ берега р. По плотинами, отъ чего рѣка поднимается все выше и выше, такъ что въ настоящее время въ г. Феррарѣ (при устьѣ По) она течетъ на одной высотѣ съ башнями церквей“. Плотина поднимается не выше 4¹/₂ сажень, слѣдовательно, поверхность р. По въ Феррарѣ не можетъ достигать высоты башенъ; или же эти башни должны быть очень не высоки.

Стр. 32. О моряхъ Испаніи говорится, что они „образуютъ вездѣ превосходныя гавани особенно на сѣверо-западѣ“. Между тѣмъ надо бы сказать противное, то-есть, что гаваней на Пиренейскомъ полуостровѣ, за исключеніемъ сѣверо-западнаго берега, весьма мало.

Стр. 65. Несправедливо утверждается, что Верхняя палата Англіи состоитъ изъ представителей дворянства и духовенства, а Нижняя—изъ представителей средняго и низшаго сословія.

Многія статистическія данныя произвольны. Такъ, народовъ германской группы показано 65 милліоновъ, тогда какъ ихъ насчитываютъ болѣе 100 милліоновъ; въ Аѳинахъ въ настоящее время считается болѣе 80.000 жителей, а по автору ихъ 50.000; въ Лондонѣ около 4 милліоновъ, а по автору—около 5 милліоновъ.

Въ языкѣ встрѣчаются шероховатости. Напримѣръ:

Стр. 16. „Сербы говорятъ нарѣчіемъ славянскаго языка“.

Стр. 31. „Вся общественная жизнь въ Венеціи сосредоточивается на площади св. Марка, гдѣ стоитъ богатѣйшая церковь св. Марка“.

Стр. 50. „Германскому императору предоставляется объявлять и прекращать войну, отправлять и принимать посланниковъ“.

Стр. 52. „Лейпцигъ славится музыкальностью и ученостью“.

Встрѣчается неправильная транскрипція: Букурештъ, Парнасъ, Кольяри, Бреславъ, Мальмо, Аѳины.

Опечатки также попадаются, напримѣръ: Крафла вмѣсто Крабла, Двадалевивиръ вмѣсто Гвадалевивиръ и т. п.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ 1891 ГОДУ ¹⁾.

Передъ изложеніемъ отчета о дѣятельности Общества въ 1891 году считаю долгомъ напомнить, что въ этомъ году мы лишились слѣдующихъ сочленовъ: скончались—почетный членъ В. П. Титовъ, дѣйствительные члены: баронъ Н. К. Богусевскій, архимандритъ Леонидъ, Н. А. Поповъ, Д. І. Чубиновъ; члены-сотрудники: Н. П. Ильминскій, М. О. Бояловичъ и А. Д. Литовченко. Преждевременная кончина ихъ вызываетъ горькое сожалѣніе о томъ, что лица эти навсегда перестали обогащать русскую науку своими работами, появленіе которыхъ ожидалось всегда съ нетерпѣніемъ.

Въ составѣ членовъ Общества произошли слѣдующія перемѣны: почетными членами избраны: Д. И. Прозоровскій, Н. И. Стояновскій, баронъ В. Г. Тизенгаузенъ, В. Н. Юргевичъ; въ число дѣйствительныхъ членовъ вступили: С. М. Середонинъ и Н. Д. Чечулинъ; въ члены-сотрудники В. В. Алексѣевъ, В. К. Мальмбергъ, А. А. Спицынъ и А. Ф. Шебунинъ; въ иностранные члены-сотрудники: баронъ Де-Ба и г. Карталякъ. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1892 года Общество состояло изъ 24 почетныхъ членовъ, 116 дѣйствительныхъ членовъ, 75 членовъ-сотрудниковъ и 31 иностраннаго члена-сотрудника.

Въ минувшемъ году наступилъ срокъ для избранія нѣкоторыхъ долж-

¹⁾ Извлечено изъ отчета г. секретаря Общества В. Гр. Дружинина.

Часть ССѢЛХІІ (1892, № 7), отд. 4.

ностныхъ лицъ Общества, при чемъ вновь избранными оказались: А. Ѳ. Бычковъ — помощникомъ предсѣдателя, единогласно и безъ баллотировки; А. К. Марковъ — казначеемъ; А. Н. Шукаревъ — бібліотекаремъ, за отказомъ А. Е. Гаркави отъ исправленія этой должности; В. Г. Бокъ — хранителемъ музея. Въ отдѣленіяхъ также были произведены выборы, при чемъ избранными оказались графъ А. А. Бобринскій — управляющимъ отдѣленіемъ археологіи славянской и русской; Д. Ѳ. Кобеко — представителемъ отдѣленія въ совѣтъ; Н. И. Стояновскій — управляющимъ отдѣленіемъ археологіи классической (послѣдній единогласно и безъ баллотировки); В. К. Ериштедтъ — секретаремъ этого отдѣленія; баронъ В. Р. Розень — управляющимъ, а В. Д. Смирновъ секретаремъ восточнаго отдѣленія, оба единогласно. Такимъ образомъ, въ составъ совѣта Общества на мѣсто выбывшихъ вошли: В. Г. Бокъ, В. К. Ериштедтъ, Д. Ѳ. Кобеко и А. Н. Шукаревъ.

Совѣтъ Общества имѣлъ 7 засѣданій. Въ минувшемъ году предстояло совѣту разрѣшить трудный вопросъ о новомъ помѣщеніи капиталовъ Общества въ виду конверсій тѣхъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ Общество хранило свои сбереженія. Обращеніемъ капиталовъ въ $5\frac{1}{2}\%$ свидѣтельства крестьянскаго земельного банка совѣтъ, при дѣятельномъ участіи казначея Общества, достигъ того, что не смотря на разницу въ курсовой стоимости прежнихъ и вновь приобретенныхъ % бумагъ, нарицательная стоимость капиталовъ Общества осталась не измѣненной, а доходность ихъ увеличилась.

Общихъ собраній было семь; изъ нихъ пять обыкновенныхъ и два чрезвычайныхъ. Въ обыкновенныхъ общихъ собраніяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были предложены членамъ слѣдующія сообщенія: дѣйствительный членъ Ю. А. Кулаковский прочелъ о найденной имъ близъ Керчи лѣтомъ 1890 года христіанской катакомбѣ; дѣйствительный членъ Н. Д. Чечулинъ — о русскихъ жилыхъ деревянныхъ постройкахъ XVI вѣка; дѣйствительный членъ А. Н. Шукаревъ — о Шлиманѣ и о значеніи произведенныхъ имъ раскопокъ.

Засѣданій отдѣленія археологіи славянской и русской было два, изъ коихъ одно состоялось въ помѣщеніи Императорской археологической комиссіи, гдѣ члены Общества осматривали устроенную для Высочайшаго посѣщенія выставку предметовъ древности. Въ засѣданіяхъ сдѣлалъ сообщенія управляющій отдѣленіемъ графъ А. А. Бобринскій о скифскихъ древностяхъ, найденныхъ при Веттерсфельдѣ; дѣйствительный членъ В. Г. Васильевскій — по вопросу о

Малатъ; дѣйствительный членъ *А. И. Соболевскій* — о южно-славянскомъ вліяніи на русское письмо XIV и XV вѣковъ.

Отдѣленіе археологій классической имѣло два засѣданія; сообщенія въ нихъ сдѣлали: дѣйствительный членъ *А. К. Марковъ* — о монетныхъ реформахъ Фидона и Солона; онъ же — о греческихъ медаляхъ, и дѣйствительный членъ *А. Н. Шукаревъ* — о Микенской культурѣ и Гомеровскомъ вопросѣ.

Восточное отдѣленіе собиралось шесть разъ; сообщенія читали: дѣйствительный членъ *Н. И. Веселовскій* — о плясовыхъ пѣсняхъ сартовъ; членъ-сотрудникъ *В. А. Жуковский* — о преслѣдованіяхъ въ новѣйшее время приверженцевъ секты бабидовъ; членъ-сотрудникъ *А. М. Позднѣвъ* — о древней манчжурской письменности; дѣйствительный членъ баронъ *В. Р. Розенъ* — о происхожденіи турецкаго слова „челеби“; онъ же — по поводу теоріи Галеви о происхожденіи монгольскаго животнаго цикла; онъ же — о новой арабской редакціи вѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ; онъ же — о значеніи слова „зендикъ; дѣйствительный членъ *В. А. Тепловъ* — о вліяніи русской табели о рангахъ на установленіе турецкой чиновной іерархіи.

Въ минувшемъ году въ Обществѣ работали слѣдующія коммиссіи:

I. Редакціонный комитетъ по изданію *Записокъ* общества; въ коммиссіи принимали участіе: *Н. П. Кондаковъ*, *С. Ѳ. Платоновъ*, *И. В. Помяловскій* и графъ *И. И. Толстой*.

II. Коммиссія по составленію и изданію археологическаго описанія старолadoжской крѣпости, состоявшая изъ *А. А. Кунина* — предсѣдателя ея и членовъ: *Н. Е. Бранденбурга* и графа *И. И. Толстаго*.

III. Библиотечная, въ которой принимали участіе почетный членъ *И. В. Помяловскій*, дѣйствительные члены *В. К. Ернштедтъ* и *Ю. Б. Иверсенъ* — выбранная для приведенія въ порядокъ бібліотеки и для составленія правилъ пользованія ею.

IV. Ревизіонная, для провѣрки имущества и расходованія суммъ общества, въ которой участвовали: почетный членъ *И. В. Помяловскій*, дѣйствительные члены *Ю. Б. Иверсенъ* и *Д. Ѳ. Кобеко*.

V. Медальная коммиссія подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго члена *Л. Н. Майкова*, при участіи *В. Г. Васильевскаго*, *Н. И. Веселовскаго*, *Н. П. Кондакова*, *А. А. Куника*, *И. В. Помяловскаго* и барона *В. Р. Розена*. Такой усиленный составъ коммиссіи былъ вызванъ тѣмъ, что общее собраніе возложило на нее присужденіе медали, учрежденной въ память графа *А. С. Уварова*, каковая медаль присуждалась впервые со времени утвержденія положенія о ней. По

докладу комиссіи медали Общества были присуждены слѣдующимъ лицамъ: большая золотая—дѣйствительному члену *Н. В. Покровскому* за его изслѣдованіе: „Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“; большія серебряныя: профессору *А. А. Оленицкому* за сочиненіе „Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ“ и *І. А. Фаминцину* за его сочиненіе: „Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ“. Почетный отзывъ присужденъ членамъ-сотрудникамъ: *Д. В. Айналову* и *Е. К. Рьдину*, за совмѣстный трудъ ихъ: „Кіевскій Софійскій соборъ; изслѣдованіе древней живописи, мозаикъ и и фресокъ собора“.

Медаль графа *А. С. Уварова* была присуждена члену сотруднику профессору *Д. Н. Анучину* за его сочиненіе: „Сани, ладыя и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“, и по совокупности съ его прежними работами по археологін. Медаль, присуждаемая за рецензію на сочиненія, удостоиваемая названной медали, была присуждена *Л. Н. Майкову* за составленный имъ отзывъ на сочиненіе *Д. Н. Анучина*.

Кромѣ медалей, Общество присудило еще двѣ денежныя преміи по 400 руб. каждая за сочиненія, представленныя на предложенныя обществомъ темы: 1) Систематическій обзоръ главныхъ частей большаго дворца Византійскихъ императоровъ, по сочиненію Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ Византійскаго двора; 2) Ежедневные пріемы Византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи, по тому же сочиненію. Обѣ преміи были присуждены профессору Казанскаго университета дѣйствительному члену Общества *Д. Θ. Бѣляеву*.

Ученая дѣятельность общества выразилась также выходомъ въ свѣтъ пятаго тома *Записокъ* Общества и шестаго тома *Записокъ восточнаго отдѣленія*. Оба изданія составлены почти исключительно трудами членовъ Общества. Кромѣ того печатались: VI томъ *Записокъ* Общества, VII томъ восточнаго отдѣленія и XXI томъ *Трудовъ восточнаго отдѣленія*, заключающій въ себѣ продолженіе дипломатическихъ сношеній Россіи съ Персіей въ XVII вѣкѣ и редактируемый *Н. И. Веселовскимъ*. Приступлено также къ собиранію эпиграфическаго матеріала для III тома издаваемого *В. В. Латышевымъ* сборника надписей.

Библіотека Общества продолжала пополняться сочиненіями членовъ Общества, а также періодическими изданіями, поступающими въ обмѣнъ на изданія Общества. Вновь вступили въ обмѣнъ изданіями:

Падуанская академія и Общество ориенталистовъ въ Америкѣ. Обществомъ посланы безвозмездно свои изданія: въ Дерптскій университетъ, въ Керченскій музей древностей и въ Россійскую миссію въ Аѳины, какъ пособіе для молодыхъ людей, отправляемыхъ въ Аѳины съ научною цѣлью.

Музей Общества обогатился цѣнными пожертвованіями почетнаго члена о. архимандрита Антонина и гг. Остроумова, Петровскаго и Соловьева.

Въ минувшемъ отчетномъ году Общество праздновало, на этотъ разъ въ своихъ стѣнахъ, 50-лѣтній юбилей ученой и служебной дѣятельности своего помощника предсѣдателя А. О. Бычкова, и выразило ему свою признательность за многолѣтніе труды его на пользу Общества тѣмъ, что, выбивъ должную медаль съ его изображеніемъ, поручило управляющему восточнымъ отдѣленіемъ барону В. Р. Розену поднести ее юбиляру въ годовомъ собраніи.

Общество выразило свое участіе въ юбилеяхъ своихъ сочленовъ: Н. И. Стояновскаго и В. Н. Юргевича избраніемъ ихъ въ число своихъ почетныхъ членовъ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСНЫТАНИХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1891 ГОДУ.

Высочайше утвержденнымъ 30-го іюля 1871 г. уставомъ гимназій и прогимназій общеобразовательная средняя школа, подготовляющая въ университеты и другія высшія учебныя заведенія, поставлена на прочныхъ началахъ классическаго образованія. Признавая этотъ уставъ однимъ изъ полезнѣйшихъ узаконеній, министерство народнаго просвѣщенія обратило вниманіе на обнаружившіеся со времени введенія въ дѣйствіе сего закона недостатки и, желая воспользоваться указа-ніями многолѣтняго опыта, нашло нужнымъ пересмотрѣть таблицу уроковъ, приложенную къ этому уставу, и программы всѣхъ пред-метовъ гимназическаго курса. При этомъ министерство имѣло въ виду, не нарушая системы, сократить и упростить программы безъ ущерба, однако, для основательности образованія, исключивъ изъ программъ подробности, составляющія излишнее обремененіе для учащихся. Съ этою цѣлью положено было сосредоточить изученіе грамматическаго матеріала древнихъ языковъ въ низшихъ классахъ (до V включи-тельно) и посвятить большее количество времени на чтеніе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ (VI, VII, VIII), чтобы ученики гим-назій, окончивая курсъ, могли понимать и толково переводить тѣхъ латинскихъ и греческихъ писателей, произведенія коихъ составляютъ предметъ занятій въ гимназій. Рядомъ съ тѣмъ имѣлось въ виду облегчить домашнюю подготовку уроковъ и распредѣлить болѣе пра-вильно и равномѣрно занятія по днямъ недѣли.

Составленная въ министерствѣ народнаго просвѣщенія новая та-блица числа недѣльныхъ часовыхъ уроковъ въ гимназійхъ, по обсу-жденіи ея въ государственномъ совѣтѣ, была въ 12 день іюня 1890 г. повергнута на Высочайшее разсмотрѣніе. Въ связи съ этою таблицею были выработаны новые учебные планы и примѣрные программы

предметовъ, преподаваемыхъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ измѣненіемъ постановки учебнаго дѣла въ нашихъ гимназіяхъ явилась необходимость пересмотра требованій, предъявляемыхъ къ ученикамъ гимназій на испытаніяхъ, на основаніи правилъ 8-го декабря 1872 г. Составленныя вслѣдствіе сего новыя правила объ испытаніяхъ въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія были утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 12-го марта 1891 г.

Такимъ образомъ 1891 отчетный годъ является первымъ послѣ изданія поминованныхъ распоряженій къ разумному упрощенію и возможному облегченію гимназическаго курса безъ всякаго ущерба для основательности гимназическаго образованія.

Всѣ указанныя въ этихъ распоряженіяхъ мѣры не могли быть введены съ перваго года въ полномъ объемѣ, а должны входить въ жизнь заведеній постепенно, безъ всякаго нарушенія правильности хода учебныхъ занятій, а потому результаты предложенныхъ министерствомъ измѣненій въ постановкѣ гимназическаго образованія должны обнаружиться по мѣрѣ усвоенія гимназіями преподаваемыхъ министерствомъ указаній, на что потребуются нѣсколько лѣтъ.

Въ виду сего отчетъ объ испытаніяхъ зрѣлости за 1891 годъ еще не можетъ дать нужнаго матеріала для сужденія о томъ, на сколько мѣры министерства отразились на результатахъ этихъ испытаній.

Въ 1891 г. испытанія зрѣлости производились въ 178 учебныхъ заведеніяхъ, а именно: въ 168 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5 училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и въ 5 гимназіяхъ, содержащихся на частныя средства въ тѣхъ же городахъ. Сравнительно съ 1890 г., число правительственныхъ гимназій, въ которыхъ производились испытанія зрѣлости, увеличилось тремя заведеніями, а именно: былъ первый выпускъ воспитанниковъ изъ гимназій Глуховской, Лодзинской и Читинской, завершившихъ свое развитіе въ 1890 г. открытіемъ VIII класса.

Заявили желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году 3.399 учениковъ правительственныхъ гимназій, 53 ученика церковныхъ училищъ, 79 учениковъ частныхъ гимназій и 264 постороннихъ лица. Изъ общаго числа 3.795 лицъ, заявившихъ ходатайство о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости, не явились къ испытаніямъ 21, въ томъ числѣ двое по болѣзни. Въ 1890 г. всѣхъ, пожелавшихъ держать испытанія зрѣлости, было 3.598 лицъ, менѣе сравнительно съ отчетнымъ годомъ на 197 лицъ. Такое увеличеніе въ отчетномъ году числа лицъ, заявившихъ желаніе держать испытанія зрѣлости,

падаетъ преимущественно на учениковъ правительственныхъ гимназій. Число такихъ учениковъ увеличилось въ 1891 г. на 176. Число постороннихъ лицъ увеличилось на 8 и число учениковъ гимназій, содержимыхъ на частныя средства.—на 14, а въ церковныхъ училищахъ уменьшилось на 1.

Распределение заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1891 г. по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Учебные округа.	Число учебныхъ заведеній.	Учащихся.	Постороннихъ лицъ.
С.-Петербургскій	28	472	28
Московскій	26	541	24
Казанскій.	9	168	20
Оренбургскій	6	94	4
Харьковскій .	17	316	11
Одесскій	16	330	27
Кіевскій	16	493	23
Виленскій.	9	178	8
Варшавскій	21	335	23
Дерптскій.	14	362	94
Кавказскій	8	164	2
Западно-Сибирскій.	4	37	—
Восточная Сибирь .	3	32	—
Туркестанскій край .	1	9	—
Всего.	178	3.531	264

Изъ числа пожелавшихъ подвергнуться испытаніямъ зрѣлости не были допущены въ симъ испытаніямъ 102 ученика правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковныхъ училищъ и 3 ученика частныхъ гимназій—по малоуспѣшности въ ученіи и 2 ученика правительственныхъ гимназій—по нравственной незрѣлости, выразившейся въ болѣе или менѣе важныхъ проступкахъ; изъ числа постороннихъ лицъ 9, какъ бывшіе ученики гимназій, которые еслибы продолжали въ нихъ ученіе, то при всей успѣшности не могли бы окончить въ нихъ полного курса въ 1891 г., и 8, какъ обнаружившіе въ представленныхъ ими прошеніяхъ или другихъ документахъ несомнѣнные признаки умственной или нравственной незрѣлости; 19 ученикамъ правительственныхъ гимназій отсрочено испытаніе на годъ по болѣзни, а 5 за нарушеніе правилъ объ испытаніяхъ. Изъ молодыхъ людей,

заявившихъ желаніе держать испытаніе зрѣлости въ качествѣ постороннихъ лицъ, 21 не явились на испытаніе, въ томъ числѣ 2 по болѣзни.

Всего устранено было отъ испытаній или добровольно отъ нихъ отказались 170 лицъ.

Наибольшее число устраненныхъ отъ испытаній зрѣлости въ 1891 г. было въ Кіевскомъ учебномъ округѣ—25; затѣмъ по числу учениковъ, обнаружившихъ въ отчетномъ году слабые успѣхи въ наукахъ и потому не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ гимназіяхъ, учебные округа должны быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

Учебные округа.	Число недопущенныхъ къ испытаніямъ по мало-успѣшности.
Кіевскій.	22
Варшавскій.	16
Московскій	15
Кавказскій	13
С.-Петербургскій	13
Харьковскій	6
Дерптскій	6
Казанскій.	4
Оренбургскій	4
Виленскій	3
Одесскій.	2
Восточная Сибирь	1
Туркестанскій край	1
Западно-Сибирскій	—
Всего	106

За исключеніемъ изъ числа заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости 170 лицъ, устраненныхъ отъ испытаній по разнымъ причинамъ или добровольно отъ нихъ отказавшихся, въ дѣйствительности подвергались испытаніямъ 3.625, въ томъ числѣ:

учениковъ правительственныхъ гимназій	3.271
церковныхъ училищъ.	52
частныхъ гимназій.	76
постороннихъ лицъ	226

Изъ нихъ успѣшно выдержали испытанія и удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій.	3.046 (93,1 ⁰ / ₀)
церковныхъ училищъ	51 (98 ⁰ / ₀)
частныхъ гимназій	76 (100 ⁰ / ₀)
постороннихъ лицъ	99 (43,8 ⁰ / ₀)
Всего	3.272 (90,2 ⁰ / ₀)

Не выдержали испытаній—учениковъ правительственныхъ гимназій 225 (6,8⁰/₀); церковныхъ училищъ 1 (1,9⁰/₀) и постороннихъ лицъ 127 (56,1⁰/₀). Всего 353 человека, или 9,7⁰/₀. Въ частныхъ гимназіяхъ въ отчетномъ году всѣ, допущенные къ испытаніямъ, получили аттестаты зрѣлости.

Результаты испытаній зрѣлости въ 1891 г. не многимъ отличаются отъ результатовъ испытаній 1890 г. Они оказались на $\frac{1}{2}$ ⁰/₀ менѣе благопріятны, чѣмъ въ 1890 г. Въ томъ году подвергались испытаніямъ 3.445 человекъ, на 180 менѣе, чѣмъ въ отчетномъ году, и выдержали испытаніе 3.126, менѣе только на 146 человекъ. Такимъ образомъ въ 1890 г. получили аттестаты или свидѣтельства зрѣлости 90,7⁰/₀ изъ общаго числа всѣхъ экзаменовавшихся. Въ отчетномъ году это процентное отношеніе выражается 90,2⁰/₀—на 0,5⁰/₀ менѣе.

По числу учениковъ, удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ правительственныхъ гимназіяхъ въ 1891 г., учебные округа располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Учебные округа.	Подвергались испытанію.	Удостоены аттестата.
Казанскій	164	161 (98,1 ⁰ / ₀)
Западно-Сибирскій	37	36 (97,2 ⁰ / ₀)
Оренбургскій	90	87 (96,6 ⁰ / ₀)
Одесскій	326	315 (96,6 ⁰ / ₀)
С.-Петербургскій .	370	352 (95,1 ⁰ / ₀)
Харьковскій	306	290 (94,7 ⁰ / ₀)
Кіевскій	466	438 (93,9 ⁰ / ₀)
Восточная Сибирь	31	29 (93,5 ⁰ / ₀)
Варшавскій	318	297 (93,3 ⁰ / ₀)
Московскій	482	447 (92,7 ⁰ / ₀)
Виленскій	172	158 (91,8 ⁰ / ₀)
Кавказскій.	150	134 (89,3 ⁰ / ₀)
Туркестанскій край.	8	7 (87,5 ⁰ / ₀)
Дерптскій	351	295 (84 ⁰ / ₀)

Въ 5 училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ изъ 52 учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, 51 получили аттестаты, или 98%. Въ 5-ти гимназіяхъ, содержимыхъ на частныя средства, всѣ 76 учениковъ, державшихъ испытанія, успѣшно выдержали таковое и были удостоены аттестатовъ.

Лучшіе результаты испытаній зрѣлости для постороннихъ лицъ въ отчетномъ году были въ учебныхъ округахъ Варшавскомъ (52.1%), Московскомъ (50%), Киевскомъ (50%), Виленскомъ (50%), С.-Петербургскомъ (48.1%), Одесскомъ (47.8%), Казанскомъ (47.8%), если не считать Кавказскаго, гдѣ 2 экзаменовавшихся выдержали испытаніе и получили свидѣтельство зрѣлости, и Оренбургскаго, въ которомъ изъ трехъ экзаменовавшихся 2 удостоены свидѣтельства зрѣлости, или 66.6%. Наименѣе удачны результаты испытаній зрѣлости въ отчетномъ году оказались для постороннихъ лицъ въ учебныхъ округахъ Харьковскомъ и Дерптскомъ. Въ Харьковскомъ изъ 10 экзаменовавшихся 3 выдержали испытанія, или 30%, и въ Дерптскомъ изъ 73 только 24 получили свидѣтельства зрѣлости. Въ гимназіяхъ Сибири и Ташкентской не было въ отчетномъ году желающихъ держать испытанія зрѣлости въ качествѣ постороннихъ лицъ.

Общее число аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости, выданныхъ въ 1891 г., въ среднемъ выводѣ на каждое изъ 178 заведеній, въ которыхъ производились испытанія зрѣлости, опредѣляется цифрою 18.3. Въ Киевскомъ учебномъ округѣ этотъ средній выводъ выражается цифрою 28 на каждую гимназію, въ Дерптскомъ 22.7, въ Одесскомъ 20.3. Наименьшее число дипломовъ зрѣлости въ отчетномъ году было выдано изъ Ташкентской гимназій, 7, и изъ гимназій Западной Сибири, 9, въ среднемъ выводѣ для каждаго заведенія.

Въ 1890 г. общее число аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости приходилось въ среднемъ выводѣ по 17.8 на каждое заведеніе, наибольшее число этихъ дипломовъ, какъ и въ отчетномъ году, падало на гимназіи Киевскаго учебнаго округа, а именно 31.7 на каждое заведеніе и наименьшее на гимназіи Оренбургскаго учебнаго округа—въ среднемъ выводѣ 13 на каждую гимназію. Въ отчетномъ году дипломовъ зрѣлости въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ на каждую гимназію приходилось 14.8.

Лучшіе ученики изъ числа удостоенныхъ аттестатовъ зрѣлости по примѣру прежнихъ лѣтъ были награждены медалями. При обсужденіи вопроса о награжденіи учениковъ гимназій медалями, на основаніи § 76 правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 г., были при-

няты во вниманіе не только успѣхи въ наукахъ, но и поведеніе, прилежаніе и любознательность. Такихъ медалей въ 1891 г. было роздано 306, изъ нихъ 142 золотыхъ и 164 серебряныхъ, что составляетъ 9,6% въ отношеніи къ общему числу учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости.

Наибольшее число медалей въ отчетномъ году было выдано въ учебныхъ округахъ: Кіевскомъ—49 (24 золотыхъ и 25 серебряныхъ), или 11,1⁰/₀; въ С.-Петербургскомъ—44 (20 золотыхъ и 24 серебряныхъ), или 10,1⁰/₀; въ Московскомъ—42 (23 золотыхъ и 19 серебряныхъ), или 8,5⁰/₀; въ Одесскомъ—38 (поровну золотыхъ и серебряныхъ), или 12⁰/₀.

Въ 1890 г. общее число медалей, розданныхъ ученикамъ, получившимъ въ томъ году аттестаты зрѣлости, было 284 (139 золотыхъ и 145 серебряныхъ), что составляло 9,4⁰/₀ въ отношеніи къ общему числу учениковъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ въ 1890 г.

Большинство молодыхъ людей, не выдержавшихъ въ отчетномъ году испытанія зрѣлости, оказались слабыми по успѣхамъ въ языкахъ: русскомъ, греческомъ и латинскомъ, а также въ математикѣ.

Изъ 225 учениковъ правительственныхъ гимназій, не удостоенныхъ аттестата зрѣлости, получили неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По русскому языку.	106	2	108
латинскому	104	22	126
греческому	98	27	125
математикѣ.	73	25	98
исторіи	—	19	19
Закону Божію.	—	5	5
новымъ языкамъ	—	2	2
Всего	381	102	483

Изъ 127 постороннихъ лицъ, оказавшихся не подготовленными къ испытаніямъ зрѣлости, неудовлетворительныя отмѣтки получили:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По русскому языку	70	13	83
латинскому	66	25	91
греческому	61	17	78
математикѣ	61	17	78
исторіи.	—	16	16
новымъ языкамъ.	—	13	13

По географіи	—	12	12
физикѣ и математической гео-			
графіи	—	7	7
логикѣ	—	2	2
Закону Божію	—	2	2
Всего	258	124	382

Одинъ ученикъ церковныхъ училищъ, не выдержавшій испытанія на аттестатъ зрѣлости, оказался слабымъ по трѣмъ предметамъ, исполнивъ неудовлетворительно письменныя работы по языкамъ латинскому и греческому и математикѣ.

Изъ рассмотрѣнія приведенныхъ двухъ таблицъ оказывается, что изъ числа 225 учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ отчетномъ году испытаній на аттестатъ зрѣлости, на долю каждаго приходится въ среднемъ выводъ отъ 2-хъ до 3-хъ неудовлетворительныхъ отиѣтокъ, а на каждаго изъ 127 постороннихъ лицъ, не получившихъ свидѣтельства зрѣлости по недостаточной подготовкѣ, обнаруженной на испытаніяхъ зрѣлости, число такихъ отиѣтокъ упадетъ не менѣе 3-хъ.

Въ 5-ти гимназіяхъ, содержимыхъ на частныя средства въ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ отчетномъ году всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, получили аттестаты.

Изъ 358 учениковъ старшаго выпускнаго класса, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости или не выдержавшихъ такового въ гимназіяхъ или равныхъ имъ церковныхъ училищахъ, 284 оставлены на второй годъ въ классъ и 74 были изъ заведеній со свидѣтельствами на основаніи § 80 правилъ объ испытаніяхъ 12-го марта 1891 г.

Общее число учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ 1891 г. испытаній зрѣлости, составляетъ 6,8% по отношенію къ общему числу учениковъ, подвергавшихся этимъ испытаніямъ. Въ 1890 г. это процентное отношеніе было меньше, а именно 5,7%.

По возрастамъ получившіе въ 1891 г. аттестаты или свидѣтельства зрѣлости распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

17-ти-лѣтнихъ было	189, или	5,7%
18-ти	677,	20,8%
19-ти	867,	26,4%
20-ти	785,	23,9%
21-го года и болѣе	754,	23 %

Въ томъ числѣ изъ 3.046 учениковъ правительственныхъ гимназій, удостоенныхъ въ 1891 г. аттестатовъ зрѣлости:

17-ти-лѣтнихъ было	182, или	5,9%
18-ти	628,	20,6%
19-ти	816,	26,7%
20-ти " "	739,	24,2%
21-го года и болѣе	681,	22,3%

Изъ 51 ученика церковныхъ училищъ, получившихъ дипломы зрѣлости:

17-ти-лѣтнихъ было.	2, или	3,9%
18-ти	15,	29,6%
19-ти	22,	43,1%
20-ти " "	7,	13,7%
21-го года и болѣе	5,	9,8%

Изъ 76 учениковъ, выдержавшихъ испытанія зрѣлости въ частныхъ гимназіяхъ:

17-ти-лѣтнихъ было	4, или	5,2%
18-ти	26,	34,2%
19-ти	18,	23,6%
20-ти " "	20,	26,3%
21-го года и болѣе	8,	10,5%

Изъ 99 постороннихъ лицъ, удовлетворившихъ требованіямъ для полученія свидѣтельства зрѣлости:

17-ти-лѣтнихъ было.	1, или	1,0%
18-ти	8,	8,0%
19-ти	11,	11,0%
20-ти " "	19,	19,1%
21-го года и болѣе	60,	60,9%

Эти таблицы показываютъ, что въ числѣ абитуриентовъ гимназій въ 1891 г. преобладали, какъ и въ 1890 г., ученики трехъ старшихъ возрастовъ, какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, такъ и въ частности окончившихъ курсъ правительственныхъ гимназій. Въ церковныхъ училищахъ большинство учениковъ, удостоенныхъ аттестатовъ, имѣло 19-ти-лѣтній возрастъ, именно 43,1%, а въ частныхъ гимназіяхъ 18-ти лѣтній, именно 34,2%. Между посторонними лицами, получившими свидѣтельство зрѣлости, преобладали молодые люди 21-го года и болѣе. Къ этому

возрасту принадлежали 60 изъ 99, выдержавшихъ испытанія, или 60,6⁰/. Въ 1890 г. большинство окончившихъ курсъ принадлежало въ церковныхъ училищахъ къ 18-ти-лѣтнему возрасту, именно 40⁰/, а въ частныхъ гимназіяхъ, къ 20-ти-лѣтнему, именно 26,6⁰/, въ числѣ же постороннихъ лицъ, выдержавшихъ испытаніе зрѣлости, преобладали, какъ и въ отчетномъ году, лица старшаго возраста и составляли 65,1⁰/. общаго числа получившихъ свидѣтельства зрѣлости.

Изъ общаго числа выдержавшихъ испытаніе изъ полнаго курса гимназій въ 1891 г. 2.911, или 88,9⁰/, заявили о своемъ желаніи поступить въ университеты или другія равныя имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1.073, или 32,7⁰/,—на медицинскій факультетъ или въ военно-медицинскую академію; 932, или 28,4⁰/, на юридическій факультетъ или демидовскій юридическій лицей и въ училище Правовѣдѣнія (3); 627, или 19,1⁰/,—на физико-математическій факультетъ; 190, или 5,8,—на историко-филологическій факультетъ или въ историко-филологическіе институты; 48, или 1,4⁰/. — на факультетъ восточныхъ языковъ и 41, или 1,2⁰/,—на богословскій факультетъ Дерптскаго университета или въ духовныя академіи (9).

Въ высшія спеціальныя учебныя заведенія направились 275 молодыхъ людей, или 8,4⁰/. общаго числа удостоенныхъ въ 1891 г. аттестата или свидѣтельства зрѣлости. Изъ нихъ 111, или 3,3⁰/, намѣревались поступить въ институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I-го; 71, или 2,1⁰/, выразили желаніе поступить въ технологическіе институты или другія техническія учебныя заведенія, въ томъ числѣ 2 въ электротехническій институтъ почтово-телеграфнаго вѣдомства; 24, или 0,7⁰/, направились въ Горный Институтъ; 23, или 0,7⁰/,—въ военныя училища; 19, или 0,5⁰/, избрали для продолженія своего образованія высшія учебныя заведенія сельскохозяйственной и лѣсной спеціальности; 17, или 0,5⁰/, направились въ академію художествъ и 1 въ духовную семинарію; 9, или 0,2⁰/,—въ институтъ гражданскихъ инженеровъ.

На поприще практической дѣятельности изъ числа получившихъ въ 1891 г. аттестаты или свидѣтельства зрѣлости поступили 83 или 2,5⁰/, въ томъ числѣ 54, или 1,6⁰/, на службу военную; 9 или, 0,2⁰/. на службу гражданскую; 20 избрали частную дѣятельность, изъ нихъ 11, или 0,3⁰/, коммерческую; 6, или 0,1⁰/,—учебную; 3, или 0,09⁰/, —сельско-хозяйственную.

Одинъ умеръ и два не дали свѣдѣній о родѣ избранныхъ или занятій.

Распределение удостоенныхъ аттестатовъ или свидѣтельствъ зрѣлости въ 1891 г. по занятіямъ, въ коимъ они себя предназначали, не многимъ отличается отъ такого же распределенія окончившихъ курсъ гимназій въ 1890 г.

Въ томъ году направлялись въ университеты или другія равныя имъ высшія учебныя заведенія 91,1⁰/₀; въ спеціальныя учебныя заведенія 6,6⁰/₀ и на поприще практической дѣятельности 2,2⁰/₀.

На испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа присутствовали въ столичныхъ гимназіяхъ члены управленія учебнаго округа и приглашены были также для присутствованія на этихъ испытаніяхъ профессоры и доценты С.-Петербургскаго университета; кромѣ того, росписанія экзаменовъ по Закону Вожію были сообщены наблюдателямъ за преподаваніемъ этого предмета преосвященнымъ: Антонію, епископу Выборгскому, и Николаю, епископу ладожскому, а также помощнику ихъ по наблюденію за преподаваніемъ того же предмета протоіерею церкви при глазной лечебницѣ Леониду Петрову, которыми и были посѣщены нѣкоторые изъ гимназій во время производства въ нихъ окончательныхъ испытаній по Закону Вожію.

Въ частной гимназіи Поливанова въ Москвѣ на письменныхъ испытаніяхъ присутствовалъ учитель Московской 2-й прогимназіи Сперанскій, на устныхъ — окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа Исаенковъ.

На письменныхъ испытаніяхъ въ другой московской частной гимназіи, содержимой Крейманомъ, присутствовалъ учитель Московской 2-й прогимназіи Владимірскій и на устныхъ — окружной инспекторъ Исаенковъ.

Въ Нижегородской гимназіи и въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II на нѣкоторыхъ испытаніяхъ присутствовалъ помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Садоковъ.

Кромѣ того, письменныя и устныя испытанія въ московскихъ правительственныхъ гимназіяхъ посѣщались попечителемъ учебнаго округа и его помощникомъ, а также окружнымъ инспекторомъ Исаенковымъ.

Попечитель Оренбургскаго учебнаго округа присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Пермской и Екатеринбургской. Окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа статскій совѣтникъ Адриановъ, управляя округомъ за отсутствіемъ попечителя и въ то же время заведующая Оренбургской гимназіей, посѣщала испытанія

зрѣлости въ семь послѣднемъ заведеніи, другой же окружной инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чеховичъ присутствовалъ на испытаніи зрѣлости по математикѣ въ Пермской гимназіи.

Окружной инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лукьяновъ присутствовалъ на испытаніяхъ зрѣлости въ гимназіяхъ Харьковскихъ 1-й, 2-й и 3-й; окружной инспекторъ, статскій совѣтникъ Раевскій—въ гимназіяхъ Курской и Пензенской и окружной инспекторъ, статскій совѣтникъ Архангельскій—въ гимназіяхъ Новочеркасской, Таганрогской и въ Ростовѣ на Дону.

Главный начальникъ Туркестанскаго края присутствовалъ въ Ташкентской гимназіи на устныхъ испытаніяхъ зрѣлости по исторіи.

Главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края посѣтилъ письменныя испытанія по русскому языку въ Ташкентской гимназіи и устныя испытанія по всѣмъ предметамъ.

На устныхъ испытаніяхъ зрѣлости по Закону Божію въ той же гимназіи депутатомъ отъ епархіальнаго начальства былъ мѣстный благочинный протоіерей В. Покровский.

На устныхъ испытаніяхъ зрѣлости въ Томской гимназіи присутствовалъ поочетитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа и окружной инспекторъ Гаазе, а на испытаніяхъ въ Омской гимназіи окружной инспекторъ Вахрушевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Темы и задачи, предложенныя на письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости въ 1891 году.

1. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Какъ объясняется появленіе въ Кіевѣ перваго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи.

Запасная. „Евгеній Овѣгнѣ“—первый русскій романъ.

2. По латинскому языку.

Основная. *Diū nihil in Liguribus dignum memoria gestum erat. Extremo ejus anni bis in magnum periculum res adducta est; nam et castra consulis oppugnata aegre sunt defensa, et non ita multo post per saltum augustum cum duceretur agmen Romanum, ipsas fauces exercitus Ligurum insedit. Qua cum exitus non pateret, converso agmine redire institit consul; et ab tergo fauces saltus occupatae a parte*

hostium erant, Caudinaeque cladis memoria non animis modo, sed prope oculis obversabatur. Numidas octingentos ferme equites inter auxilia habebat. Eorum praefectus consuli pollicetur se parte, utra vellet, cum suis erupturum: tantum uti diceret, utra pars frequentior vicis esset: in eos se impetum facturum, et nihil prius quam flammam tectis injecturum, ut is pavor cogeret Ligures excedere saltu, quam obsiderent, et discurrere ad opem ferendam suis. Collaudatum eum consul spe praemiorum onerat. Numidae equos conscendunt, et obequitare stationibus hostium, neminem lacessentes, coeperunt. Nihil primo adpectu contemptius: equi hominesque paululi et graciles, discinctus et inermis eques, praeterquam quod jacula secum portat, equi sine frenis, deformis ipse cursus rigida cervice et extento capite currentium. Hunc contemptum de industria augentes labi ex equis et per ludibrium spectaculo esse. Itaque qui primo intenti paratique, si lacesserentur, in stationibus fuerant, jam inermes sedentesque pars maxima spectabant. Numidae adequitare, dein refugere, sed propius saltum paulatim evehi, velut quos impotentis regendi equi invitos efferrent. Postremo subditis calcaribus inter medias stationes hostium erupere, et in agrum latioremevecti omnia propinqua viae tecta incendunt; proximo deinde vico inferunt ignem, ferro flammaque omnia pervastant. Fumus primo conspectus, deinde clamor trepidantium in vicis auditus, postremo seniores puerique refugientes tumultum in castris fecerunt. Itaque sine consilio, sine imperio, pro se quisque currere ad sua tutanda; momentoque temporis castra relicta erant, et obsidione liberatus consul, quo intenderat, pervenit.

Должны быть сказаны слова: saltus, fauces, discinctus, rigida, extento, obequitare.

ЗАПАСНАЯ. Philippus impigre terra marique parabat bellum; navalis copias Demetriadem in Thessaliam contrahabat. Attalum Romanamque classem principio veris ab Aegina ratus moturos, navibus maritumaeque orae praefecit Heraclidam, quem et ante praefecerat: ipse terrestres copias comparabat, magna se duo auxilia Romanis detraxisse credens, ex una parte Aetolos, ex altera Dardanos, faucibus ad Pelagoniam a filio Perseo interclusis. Ab consule non parabatur, sed gerebatur jam bellum: per Dassaretiorum fines exercitum ducebat, frumentum quod ex hibernis extulerat, integrum vehens, quod in usum militi satis esset, praebentibus agris. Oppida vicique partim voluntate, partim metu se tradebant, quaedam vi expugnata, quaedam deserta in montis propinquos refugientibus barbaris inveniebantur. Ad Lyncum stativa posuit prope flumen Bevum: inde frumentatum circa horrea Dassaretiorum mittebat, Philippus consternata quidem omnia circa pavoremque ingentem hominum cernebat: led parum gnarus, quam partem petisset consul, alam equitum ad explorandum, quoniam hostes iter intendissent, misit. Idem error apud consulem erat; movisse ex hibernis regem sciebat, quam regionem petisset ignorans. Is quoque speculatum miserat equites. Hae duae alae ex diverso, cum diu incertis itineribus vagatae per Dassaretios essent, tandem in unum iter convenerunt. Neutros fefellit, ut fremitus procul hominum equorumque exauditus est, hostes appropinquare. Itaque priusquam in conspectum venirent, equos armaque expelierant. Nec mora, ubi primum hostem videre, concurrendi facta est. Forte et numero et virtute, utpote lecti utrique, haud impares aequis viribus per aliquot horas pugnarunt. Fatigatio

ipsorum equorumque incerta victoria diremit proelium. Macedonum quadraginta equites, Romanorum quinque et triginta ceciderunt. Neque eo magis explorati quisquam, in qua regione castra hostium essent, aut illi ad regem aut hi ad consulem rettulerunt. Per transfugas cognitum est, quos levitas ingeniorum ad cognoscendas hostium res in omnibus bellis praebet.

Должны быть сказаны преподавателемъ слова: horrea, consternata, expedierant, explorati.

Основная тема по латинскому языку для учащихся при деревнях иностранных исповѣданій. Въ 183 году до Рождества Христова произошла война между ахейцами и отнавшими отъ *Ахейскаго союза* ¹ мессенцами. Исходъ этой войны *замычателемъ* ² тѣмъ, что, хотя ахейцы *имѣли перестъ* ³, знаменитый военачальникъ ихъ Филопемень былъ взятъ въ плѣнъ, не потому, чтобы онъ хотѣлъ, сражаясь, спасти свою жизнь, но съ немногими всадниками былъ застигнутъ большою массою непріятелей. Самъ онъ, говорить, могъ бы, при помощи критянъ, ускользнуть изъ рукъ непріятельскихъ; но стыдъ оставить своихъ всадниковъ удержалъ его. Въ то время какъ онъ пытался предоставить имъ возможность, *закрывая самъ шестое* ⁴, пройти чрезъ тѣсноту, онъ, выдерживая натискъ враговъ, упалъ съ лошади и чуть было отъ своего паденія *не испустилъ духъ* ⁵, будучи уже 70 лѣтъ отъ роду. Когда онъ лежалъ на землѣ, его обступили непріятели; узнавъ его, они изъ страха ли предъ его доблестью, или изъ уваженія къ его достоинству, не смѣютъ убить его, но поднимаютъ его, какъ бы своего собственнаго вождя, и несутъ на дорогу, едва вѣря себѣ отъ неожиданной радости. Когда затѣмъ Филопемень былъ приведенъ въ Мессену, многіе изъ мессенцевъ, помня объ его прежнихъ заслугахъ по отношенію къ ихъ государству, были того мнѣнія, что слѣдуетъ пощадить его и чрезъ него исбавъ *отрачеванія* ⁶ отъ настоящихъ золъ; но виновники отпаданія отъ Ахейскаго союза, желавшіе его смерти, одержали верхъ. Филопемени поданъ былъ ядъ. Принявъ бокаль, онъ, говорить, спросилъ только, *спасся* ⁷ ли невредимымъ Ликорта (то былъ другой военачальникъ ахейцевъ); послѣ того какъ данъ былъ отвѣтъ, что спасся, онъ сказалъ: „хорошо“, и безстрашно *опорожнилъ* ⁸ бокаль. Немного спустя онъ умеръ.

1. concilium Achaicum. 2. memorabilis. 3. superiorem esse. 4. agmen cogere. 5. exanimari. 6. remedium (plur). 7. evadere. 8. exhaustire. Кромѣ того, сказаны собственныя имена.

Запасная. Тиберій Семпроній Гракхъ, ведя въ 179 г. до Р. Х. войну въ Испаніи, взявъ прежде всего силою городъ Мунду, напавъ на него неожиданно ночью. Получивъ затѣмъ заложниковъ и поставивъ ¹ гарнизонъ, онъ началъ штурмовать укрѣпленія и жечь поля и селенія, пока не прибылъ къ другому *весьма укрѣпленному* ² городу, который центиберы называютъ Цертимою. Когда онъ сталъ уже *придвигаться съ осадными работами* ³ къ городу, приходятъ изъ города послы, рѣчь которыхъ обнаруживала старинную простоту, такъ какъ они не скрывали, что будутъ воевать, если будутъ у нихъ силы; ибо они просили, чтобы имъ позволено было идти въ лагерь центиберовъ для полученія помощи. Съ позволенія Гракха, они пошли и спустя не-

много дней привели съ собою 10 другихъ пословъ, приглашенныхъ цельти-
ерами. Было поуденное время. Послы Цельтиберовъ ни о чемъ прежде не
просили Гракха, какъ о томъ, чтобы онъ приказалъ дать имъ пить. Затѣмъ
самый старшій изъ нихъ сказалъ: „мы присланы нашимъ племенемъ, чтобы
спросить, на что полагаешься, ты идешь противъ насъ войною“. На этотъ во-
просъ Гракхъ отвѣтилъ, что онъ пришелъ, полагаясь на отличное войско; что
если они желаютъ видѣть это войско для того, чтобы тѣмъ болѣе вѣрныя
(свѣдѣнія) принести своимъ соотечественникамъ, то онъ даетъ имъ возмож-
ность (къ этому). Послѣ этого онъ приказываетъ всѣмъ своимъ войскамъ пѣ-
шимъ и коннымъ *промаршировать* ⁴. Осмотрѣвъ войско, послы удержали сво-
ихъ соплеменниковъ отъ подавляющаго помощи осажденному городу. Горожане, ли-
шенные единственной надежды на помощь, сдались.

1. imponere. 2. praevalidus. 3. admovere opera. 4. decurrere. 5. detertere.

3. По греческому языку.

Основная. Ἦλθον δὲ ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ καὶ παρὰ τοῦ Ἰνδοῦ χρήματα ἄγοντες
καὶ ἀπήγγελλον τῷ Κύρῳ, ὅτι ὁ Ἰνδὸς ἐπιστέλλει τοιαύτα· Ἐγώ, ὃ Κύρε, ἤδομαι, ὅτι
μοι ἐπήγγειλας, ὡν ἐδέου· καὶ βούλομαι σοι ξένος εἶναι καὶ πέμπω σοι χρήματα· καὶ
ἄλλων δὲ, μεταπέμπο. Ἐπείσταται δὲ τοῖς παρ' ἐμοῦ ποιεῖν, ὅ τι ἂν σὺ καλεύῃς.
Ἀκούσας δὲ ὁ Κύρος εἶπε· Κελεύω τοῖνον ὑμᾶς, τοὺς μὲν ἄλλους μένοντας, ἐνθα κατα-
σκηνώκατε, φυλάττειν τὰ χρήματα, καὶ ζῆν, ὅπως ὑμῖν ἡδιστόν ἐστι· τρεῖς δὲ μοι
ἐλθόντες ὑμῶν εἰς τοὺς πολεμίους, ὡς παρὰ τοῦ Ἰνδοῦ περὶ συμμαχίας, καὶ τὰ ἐκεῖ
μαθόντες, ὅ τι ἂν λέγῃσι τε καὶ ποιῇσιν, ὡς τάχιστα ἀπαγγέilate ἐμοὶ τε καὶ τῷ Ἰνδῷ·
καὶ ταῦτά μοι καλῶς ὑπηρετήσητε, ἐτι μᾶλλον ὑμῖν γάριν εἶσθαι τοῦτου, ἢ ὅτι χρή-
ματα πάρεστε ἄγοντες. Καὶ γὰρ οἱ μὲν δοῦλοι εἰσκότες κατὰσκοποι οὐδὲν ἄλλο δύνανται
εἰδότες ἀπαγγέλλειν, ἢ ὅσα πάντες ἴσασιν· οἱ δὲ τοιοῦτοι, οἳ περ ὑμεῖς, ἄνδρες πολλὰ-
κις καὶ τὰ βουλευόμενα καταμανθάνουσιν. Οἱ μὲν δὴ Ἰνδοὶ ἀκούσαντες ἡδέως καὶ
ξενισθέντες τότε παρὰ Κύρῳ, συσκευασάμενοι τῇ ὑστεραίᾳ ἐπορεύοντο, ὑποσχόμενοι, ἢ
μὴν καταμαθόντες, ὅσα ἂν δύνανται πλείστα, ἐκ τῶν πολέμιων ἥξειν ὡς δυνατόν τά-
χιστα. Ὁ δὲ Κύρος τὰ τε ἄλλα πρὸς τὸν πόλεμον παρεσκευάζετο μεγαλοπρεπῶς, ὡς δὴ
ἄνθρωπος οὐδὲν σμικρὸν ἐπινόων πρᾶττειν ἐπεμελεῖτο δὲ οὐ μόνον, ὡν ἐδοξε τοῖς συμμά-
χοις, ἀλλὰ καὶ ἔριν ἐνέβαλλε πρὸς ἀλλήλους τοῖς φίλοις, ὅπως αὐτοὶ ἕκαστοι φανούνται
καὶ εὐοπλῆτατοι καὶ ἱπικώτατοι. Ταῦτα δὲ ἐξειργάζετο ἐπὶ τῇ θήρᾳ· ἐξαγαγὼν καὶ
τιμῶν τοὺς κράτιστους· καὶ τοὺς ἄρχοντας δὲ, οὓς ἑώρα ἐπιμελουμένους τοῦτου, ὅπως
οἱ αὐτῶν κράτιστοι ἔσονται στρατιῶται, καὶ τούτους ἐπαίνων τε παρωξύνει, καὶ χαρι-
ζόμενος αὐτοῖς, ὅ τι δύναιτο. Εἰ δὲ ποτε θυσίαν ποιεῖτο καὶ ἑορτὴν ἄγοι, καὶ ἐν ταύ-
τῃ, ὅσα πολέμου ἔνεχα μελετήσιν οἱ ἄνθρωποι, πάντων τούτων ἀγῶνας ἐποί· καὶ ἄλλα
τοῖς νικῶσι μεγαλοπρεπῶς εἰδίδου, καὶ ἦν πολλὴ εὐθυμία ἐν τῷ στρατεύματι.

Запас 1а. Κύρος παρόντων τῶν πῖδων καὶ τῶν φίλων ἤρχετο λόγου τοιοῦδε.
Παῖδες ἐμοί, καὶ πάντες οἱ παρόντες φίλοι, ἐμοὶ μὲν τοῦ βίου τὸ τέλος ἤδη πάρεστιν· ἐκ
πολλῶν τοῦτο σαφῶς γινώσκω· ὑμᾶς δὲ χρῆ, ὅταν τελευτήσω, ὡς περὶ εὐδαίμονος ἐμοῦ
καὶ λέγειν καὶ ποιεῖν πάντα. Ἐγὼ γὰρ παῖς τε ὢν τὰ ἐν παι· νομιζόμενα καλὰ δοκῶ
κεκαρπῶσθαι, ἐπεὶ τε ἤβησα, τὰ ἐν νεανίασιν, τελείως τε ἀνὴρ γινόμενος, τὰ ἐν
ἀνδράσι· σὺν τῷ χρόνῳ τε προϊόντι ἀεὶ ὑψανομένην ἐπιγινώσκω ἐδοκον καὶ τὴν
ἐμὴν δύναμιν, ὥστε καὶ τοῦμὸν γῆρας οὐδεπώποτε ἡσθόμην τῆς ἐμῆς νεότητος ἀσθε-

νέστερον γιγνόμενον, καὶ οὐτ' ἐπιχειρήσας, οὐτ' ἐπιθυμήσας οἶδα, ὅτου ἡτύχησα. Καὶ τοὺς μὲν φίλους ἐπέειδον δι' ἐμοῦ εὐδαιμόνας γενομένους, τοὺς δὲ πολεμίους δι' ἐμοῦ δουλωθέντας· καὶ τὴν πατρίδα, πρόσθεν ἰδιωτεύουσαν ἐν τῇ Ἀσίᾳ, νῦν προτετιμημένην καταλείπω ὧν γ' ἐκτρησάμην, οὐδὲν οἶδα, ὅ τι οὐ οἰεωσάμην. Καὶ τὸν μὲν παρελθόντα χρόνον ἐπραττον οὕτως, ὥσπερ ἡχόμην, φόβος δὲ μοι συμπαρακαρτῶν, μὴ τι ἐν τῷ ἐπιόντι χρόνῳ ἢ ἴδοιμι, ἢ ἀκούσαιμι, ἢ πάθοιμι χαλεπόν, οὐκ εἶα τελέως με μέγα φρονεῖν, οὐδ' εὐφραίνεσθαι ἐκτεταμένως. Νῦν δ' ἦν τελευτήσω, καταλείπω μὲν ὑμᾶς, ὦ παῖδες, ζῶντας, ὅσπερ ἔδοσαν μοι θεοὶ γενέσθαι· καταλείπω δὲ πατρίδα καὶ φίλους εὐδαιμονοῦντας, ὥστε πῶς οὐκ ἂν ἐγώ, δικαίως μακαρίζόμενος τὸν αἰεὶ χρόνον, μνήμης τυγχάνοιμι; Δεῖ δὲ καὶ τὴν βασιλείαν σασφηνίσαντα καταλείπειν, ὥς ἂν μὴ ἀμφίλογος γενομένη πράγματα ὑμῖν παράσῃ. Ἐγὼ δὲ νῦν φιλῶ μὲν ἀμφοτέρους ὑμᾶς ὁμοίως, ὦ παῖδες· τὸ δὲ προβουλεύειν καὶ τὸ ἡγείσθαι ἐφ' ὅτι ἂν καὶρός δοκῇ εἶναι, τοῦτο προστάτω τῷ προτέρῳ γενομένῳ, καὶ πλειόνων, κατὰ τὸ εἶκος, ἐμπείρῳ. Ἐπαίδευσθην δὲ καὶ αὐτὸς οὕτως ὑπὸ τῆσδε τῆς ἐμῆς τε καὶ ὑμετέρας πατρίδος, τοῖς πρεσβυτέροις, οὐ μόνον ἀδελφοῖς, ἀλλὰ καὶ πολίταις, καὶ ὁδῶν καὶ λόγων ὑπέπειν, καὶ ὑμᾶς δὲ, ὦ παῖδες, οὕτως ἐξ ἀρχῆς ἐπαίδευσεν, τοὺς μὲν γεραιτέρους προτιμᾶν, τῶν δὲ νεωτέρων προτετιμηθῆαι.

Для учащихся при церквах иностранных исповѣданій. Когда Дарію было принесено извѣстіе; что іонійцы подъ предводительствомъ Аристагора изъ *Милета* ¹ отложились отъ него и сожгли Сарды, онъ обратился къ Гистіею съ слѣдующимъ вопросомъ: „Скажи мнѣ, Гистіей, почему твой наместникъ склонялъ іонійцевъ къ возстанію. Ибо если бы ты ему этого не посоветовалъ, онъ не *устроилъ бы этого переворота* ². Но іонійцы и аоніянне, которые приняли участіе въ этомъ походѣ, и всѣ, которые будутъ признаны виновными въ отпаденіи, должны, вѣнцусъ Зевсомъ, *понести наказание* ³. На это отвѣтилъ Гистіей: „Какъ же я *могу* ⁴ когда либо совѣтовать предпріятіе, которое было бы для тебя непріятнымъ? Это было бы не только постыдно, но и безумно. Ибо чего я могу желать лучшего для себя (=чтобы случилось со мною), чѣмъ чтобы постоянно *жить* ⁵ у тебя, какъ и теперь, и участвовать съ тобою во всемъ, что ты замыслишь и дѣлаешь? *Вообще* ⁶ же, пожалуй, еще очень сомнительно, правда ли то, что ты узналъ о іонійцахъ. Ибо я не *могу себѣ представить* ⁷, ради чего мой наместникъ *затянул* ⁸ бы что нибудь подобное. Если же это дѣйствительно такъ, то я желалъ бы, чтобы ты никогда не привозилъ меня въ Сарды“.

1. Милетскій. 2. νεωτερίζειν. 3. ποιῶν τιναί. 4. Выразить наклоненіемъ. 5. διατῶν. 6. τὸ εὖμπαν. 7. — не понимаю. 8. μηχανάσθαι.

4. По математикѣ.

О с н о в н ы я .

а) По арифметикѣ.

Къ слитку серебра 90-й пробы вѣсомъ въ 0,5625 фунта прибавлено столько легатуры, что получился слитокъ 81-й пробы; изъ всего вновь полученнаго сплава сдѣлано три ложки, при чемъ вѣсъ первой ложки относится къ вѣсу второй какъ 0,8(3) : 0, (6), а вѣсъ третьей ложки составляетъ 33, (3)%, вѣса первыхъ двухъ ложекъ вмѣстѣ. Найти вѣсъ каждой ложки.

б) По тригонометріи.

Вычислить углы треугольника, у котораго разность двухъ сторонъ $a=137$ фут., разность противолежащихъ имъ угловъ $b=57^{\circ} 17' 42''$ и третья сторона $c=275$ футомъ.

в) По алгебрѣ.

Опредѣлить число членовъ арифметической прогрессіи, у которой шестой членъ $=27$, десятый членъ $=43$ и сумма всѣхъ членовъ ея равна суммѣ цѣлыхъ положительныхъ значеній x и y , удовлетворяющихъ уравненію $3x + 403y = 2.009$.

г) По геометріи.

Равнобедренная трапеція, у которой одна изъ равныхъ непараллельныхъ сторонъ равна c , а параллельныя стороны суть a и b , при чемъ $a > b$,—вращается около прямой, проведенной въ той же плоскости перпендикулярно къ сторонѣ a и чрезъ конецъ ея. — Вычислить полную поверхность полученнаго тѣла вращенія. — Пусть $a=15$; $b=9$; $c=5$; $\Pi=3, 1416$.

З а п а с н ы я.

а) По арифметикѣ.

Изъ чистаго серебра, фунтъ котораго цѣнился въ 32 рубля и изъ мѣди цѣною по 0,5 рубля за фунтъ мастеръ приготовилъ 24 фунта сплава; этотъ сплавъ онъ продалъ за 498,3 рубля и получилъ при этомъ 10% прибыли. Какой пробы былъ этотъ сплавъ?

б) По геометріи.

Металлическій шаръ радіуса R перелить въ прямой конусъ, боковая поверхность котораго въ n разъ болѣе площади основанія; вычислить высоту этого конуса.

в) По алгебрѣ.

Пятнадцатый членъ арифметической прогрессіи $=\frac{3}{13}$, а двадцать шестой членъ ея равенъ 0,4. Сумма сколькихъ членовъ этой прогрессіи будетъ единицею болѣе числа, логарифмъ котораго, при основаніи равномъ $2\sqrt{4}$, равенъ 3.

г) По тригонометріи.

Въ треугольникѣ ABC , имѣющемъ сторону $AB=14$ арш. и прилежащія къ ней углы $A=73^{\circ} 15' 40''$ и $B=43^{\circ} 28' 32''$, опущенъ изъ вершины C перпендикуляръ CD на AB . — Вычислить площадь прямоугольника, у котораго неравныя стороны суть отрезки AD и DB стороны AB . —

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Созерданіе природы имѣетъ важное значеніе для духовной жизни человѣка.

Operae pretium est nosse naturam. Neque enim quicquam habet in se huius materiae tractatio pulchrius, quam quod hominem magnificentia sui detinet nec mercede, sed miraculo colitur. Sen. N. Q. VI, 4, 2.

Inest in explicatione naturae insatiabilis quaedam cognoscendis rebus voluptas. Cic. de fin. IV, 5, 12.

Omnium rerum natura cognita levamur superstitione, liberamur mortis metu, non conturbamur ignoratione rerum, e qua ipsi horribiles existunt saepe formidines. Cic. de fin. I, 19, 63.

Natura semina scientiae nobis dedit. Sen. Ep. 120, 3.

Deum agnoscis ex operibus eius. Cic. Tusc. I, 28, 70.

2. По латинскому языку.

По окончаніи второй пунической войны, интриги олигарховъ въ Карфагенѣ вынудили Ганнибала покинуть родину. Предполагая возобновить на востокъ войну противъ Рима, онъ тайно отплылъ въ Тиръ, а оттуда отправился къ сирійскому царю Антиоху, который тогда велъ войну противъ римскихъ союзниковъ и овладѣлъ нѣсколькими греческими городами въ Азіи и Европѣ. Римляне неоднократно отправляли къ Антиоху пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ прекратилъ военныя дѣйствія противъ римскихъ союзниковъ и возвратилъ независимость всѣмъ завоеваннымъ имъ греческимъ городамъ. Но Антиохъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ Ганнибала, гордо отказывался исполнить требованія римлянъ. Переговоры безуспѣшно длились нѣсколько лѣтъ; наконецъ римляне послали войско, и битва при Магнезіи (190 годъ) навсегда рѣшила судьбу Сирійскаго царства. Разбитый на голову, Антиохъ вынужденъ былъ заключить миръ, однимъ изъ условій котораго была выдача Ганнибала римлянамъ. Карфагенскій полководецъ бѣгствомъ освободилъ Антиоха отъ исполненія этого постыднаго условія. Ганнибалъ уѣхалъ на Критъ, а оттуда къ вѣннскому царю Прузію, которому и оказывалъ большія услуги въ его войнѣ съ пергамскимъ царемъ Евменомъ, союзникомъ римскаго народа. Римляне рѣшили потребовать отъ Прузіи выдачи Ганнибала, и въ 183 году

ad Prusiam regem legatus T. Quinctius Flaminius venit; quem suspectum Romanis et receptus post fugam Antiochi Hannibal et bellum adversus Eumenem motum faciebat. ibi seu quia a Flamini inter cetera obiectum Prusiae erat hominem omnium, qui viverent, infestissimum populo Romano apud eum esse, qui patriae suae primum, deinde fractis eius opibus Antiocho regi auctor belli adversus populum Romanum fuisset, seu quia ipse Prusias, gratificaretur praesenti Flamini Romanoque, per se necandi aut tradendi eius in potestatem consilium cepit, a primo colloquio Flamini milites extemplo ad domum Hannibalis custodiendam missi sunt. semper talem exitum vitae suae Hannibal prospexerat animo et Romanorum inexpiabile odium in se cernens et fidei regum

nihil sane fretus, Prusiae vero levitatem etiam expertus erat; Flaminini quoque adventum velut fatalem sibi horruerat. ad omnia undique *infesta*, ut iter semper aliquod praeparatum fugae haberet, septem exit s e domo fecerat, et ex iis quosdam occultos, ne custodia saepirentur. sed grave imperium regum nihil inexploratum, quod *vestigari* volunt, *efficit*. totius circuitum domus ita custodiis complexi sunt, ut nemo inde elabi posset. Hannibal, postquam est nuntiatum milites regios in vestibulo esse, *postico*, quod *devium* maxime atque occultissimi exitus erat, fugere conatus, ut id quoque *occurso militum* obsaeptum sensit et omnia circa clausa custodiis dispositis esse, venenum, quod multo ante praeparatum ad tales habebat casus, poposcit. „liberemus“ inquit „diuturna cura populum Romanum, quando mortem senis expectare longum *censent*. nec magnam nec memorabilem ex inermi proditoque Flamininus victoriam feret. mores quidem populi Romani quantum *mutaverint*, *vel* hic dies argumento erit. patres horum Pyrrho regi, hosti armato, exercitum in Italia habenti, ut a veneno caveret, *praedixerunt*; hi legatum consularem, qui auctor esset Prusiae per scelus occidendi hospitis, miserunt“. *exsecratus* deinde in caput regnumque Prusiae et *hospitales* deos violatae ab eo fidei testes invocans, poculum exhausit. hic vitae exitus fuit Hannibalis.

quem . faciebat. Это придаточное предложѣніе относится къ словамъ: ad Prusiam regem.

receptus Hannibal. Для перевода причастія припомнить примѣры изъ учебниковъ синтаксиса: Angebant Hannibalem Sicilia Sardiniaque amissae (Шульцъ). Ab urbe oppugnanda Hannibalem absterruerunt conspect moenia (Зейффертъ, Штегманъ).

obicere ставить въ укоръ.

gratificari угождать.

a primo colloquio Fl. непосредственно послѣ—съ Фл.

inexpiabilis непримиримый.

nihil sane вовсе не.

ad имѣя въ виду, на случай.

infesta враждебныя дѣйствія.

vestigare выслѣживать, отыскивать.

efficere оставлять.

posticum задняя дверь.

devium esse быть въ сторонѣ.

occurso militum = a militibus, qui occurrerant.

censent—constructio хата совезив.

mutare здѣсь имѣетъ переходное значеніе.

vel уже (передъ мѣстоименіями).

praedicere предостерегать.

exsecrati изрекать проклятіе.

hospitales = ξένους.

3. По греческому языку.

Спартанскій даръ Агезинай, совмѣстно съ малоазійскими греками (въ приведенномъ ниже отрывкѣ они и разумѣются подъ названіемъ οἱ σύμμαχοι),

успѣшно велъ въ Малой Азій военныя дѣйствія, предпринятія имъ съ цѣлью освободить изъ-подъ власти персовъ греческіе города въ Азій. Побѣда, одержанная Агезилаемъ надъ персами при Сардахъ въ 395 году, была поводомъ для казни Тиссаферна, главнаго персидскаго намѣстника въ Малой Азій, противъ котораго интриговала мать царя Парисатиды. Назначенный на мѣсто казненнаго, Тиравстъ немедленно предложилъ Агезилаю миръ; персы соглашались предоставить свободу малоазійскимъ греческимъ городамъ подъ условіемъ, что они будутъ платить царю прежнюю дань и что спартанскія войска выйдутъ изъ Азій. Агезилай отвѣчалъ Тиравсту, что для заключенія мира нужно согласіе спартанскаго правительства, но согласился заключить перемиріе на полгода. Этими временемъ Тиравстъ воспользовался для того, чтобы возбудить недовольныя Спартою греческія государства къ войнѣ противъ нея; онъ послалъ въ Грецію хитраго родосца Тимократа съ 50 талантами подкупить ефевскихъ, коринѣскихъ и аргосскихъ демагоговъ къ войнѣ съ лакедемонянами. Отчасти персидскія деньги, а главнымъ образомъ эгонистическая политика лакедемонянъ, стремившихся подчинить всю Грецію своему произволу и возбуждавшихъ тѣмъ къ себѣ непріязнь въ прочихъ государствахъ, дѣйствительно вызвала войну. Къ врагамъ Спарты примкнуло нѣсколько большихъ городовъ: Фивы, Аѣны, Коринѣи и Аргосъ соединились для войны противъ лакедемонянъ.

Οἱ δὲ Λακεδαιμόνιοι ἐπεὶ σαφὲς ᾔσθοντο τὰ τε χρήματα (παρὰ Τιθραύστου) ἐλλογότερα εἰς τὴν Ἑλλάδα καὶ τὰς μεγίστας πόλεις συνεστηκῆαι ἢ ἐπὶ πολέμῳ πρὸς αὐτούς, ἐν κινδύνῳ τε τὴν πόλιν ἐνόμισαν καὶ στρατεύειν ἀναγκαῖον ᾗγησαντο εἶναι. καὶ αὐτοὶ μὲν ταῦτα παρεσκευάζοντο, εὐθὺς δὲ καὶ ἐπὶ τὸν Ἀγησίλαον πέμπουσιν Ἐπικυθίδαν· ὃ δ' ἐπεὶ ἀφίκετο, τὰ τε ἄλλα διηγείτο ὡς ἔχει καὶ ὅτι ἡ πόλις ἐπιστάλλοι αὐτῷ βοηθεῖν ὡς τάχιστα τῇ πατρίδι. ὃ δὲ Ἀγησίλαος ἐπεὶ ἤκουσε, χαλεπῶς μὲν ᾔνεγκεν, ἐνθουσιάζων καὶ οἶων τιμῶν καὶ οἶων ἐλπίδων ἵπποστεροῖτο, ὅμως δὲ συγκαλέσας τοὺς συμμάχους ἐδήλωσε τὰ ὑπὸ τῆς πόλεως παραγγελλόμενα, καὶ εἶπεν ὅτι ἀναγκαῖον εἴη βοηθεῖν τῇ πατρίδι· ἐάν μέντοι ἐκεῖνα καλῶς γένηται, εὖ ἐπίστασθε, ἔφη, ὦ ἄνδρες, σύμμαχοι, ὅτι οὐ μὴ ἐπιλάθωμαι ὑμῶν, ἀλλὰ πάλιν παρέσομαι πράξων ὧν ὑμεῖς θεῖσθε ἀκούσαντες δὲ ταῦτα πολλοὶ μὲν ἐθάψρυσαν, πίντες δ' ἐψηφίσαντο βοηθεῖν μετ' Ἀγησίλαου τῇ Λακεδαιμονίᾳ· εἰ δὲ καλῶς τάχῃ γένοιτο, λαβόντες αὐτὸν πάλιν ᾔνεον εἰς τὴν Ἀσίαν. καὶ οἱ μὲν δὴ συνεσκευάζοντο ὡς ἀκολουθήσονται. ὃ δ' Ἀγησίλαος ἐν μὲν τῇ Ἀσίᾳ κατέλιπεν Εὐθένον ἀρμοστήν καὶ φρουροὺς παρ' αὐτῷ οὐκ ἐλάττον τετρακισχιλίων, ἵνα δύναιτο διασώζειν τὰς πόλεις· αὐτὸς δὲ ὄρσεν ὅτι οἱ πολλοὶ τῶν στρατιωτῶν μένειν ἐπεθύμουν μᾶλλον ἢ ἐφ' Ἑλληνας στρατεύεσθαι, βουλόμενος ὡς βελτίστους καὶ πλείστους ἄγειν μετ' αὐτοῦ, ἅθλα προὔθηκε ταῖς πόλεσι, ἧτις ἀρίστον στράτευμα πέμποι, καὶ τῶν μισθοφόρων τοῖς λοχαγοῖς, ὅστις εὐοπλότατον λόχον ἔχων συστρατεύοιτο καὶ ὀπλιτῶν καὶ τοξοτῶν καὶ πελταστῶν. προεῖπε δὲ καὶ τοῖς ἱππάρχοις, ὅστις εὐοπλοτάτην καὶ εὐοπλοτάτην τάξιν παρέχοιτο, ὡς καὶ τούτοις νικητήριον δώσων· τὴν δὲ κρίσιν ἔφη ποιήσειν, ἐπεὶ διαβαίησαν ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην, ἐν Χερρονήσῳ, ὅπως εὖ εἰδείησαν ὅτι τοὺς στρατευομένους δεῖ εὐκρινεῖν. ἐπεὶ δὲ διέβη τὸν Ἑλλήσποντον, κριταὶ κατέστησαν Λακεδαιμονίων μὲν Μένασχος καὶ Ἡριππίδας καὶ Ὀρσιππος, τῶν δὲ συμμάχων εἰς ἀπὸ πόλεως. καὶ Ἀγησίλαος μὲν, ἐπεὶ τὴν κρίσιν ἐποίησεν, ἔχων τὸ στράτευμα ἐπορεύετο τὴν αὐτὴν ὁδὸν ἥνπερ βασιλεὺς ὅτε ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα ἐστράτευεν.

ταῦτα, то-есть, приготовленія къ войнѣ.
 τὰ ἅλλα ὡς ἔχουσιν въ какомъ положеніи дѣла вообще
 λαβόντες перевести предлогомъ.
 ἀρμοστής намѣстникъ.
 φρουροί гарнизонъ.
 ἄθλον награда.
 εὖοπλος хорошо вооруженный.
 εὖπιπος на хорошей лошади.
 νικητῆριον награда.
 κρίειν ποιεῖν постановлять рѣшеніе, произносить приговоръ.
 εὖοπρινεῖν быть хорошо снаряженнымъ.
 ἀπὸ πάλωος въ переводѣ добавить: каждого.
 βασιλεὺς, то-есть, Ксерксъ въ 480 году.

4. По математикѣ.

По алгебрѣ.

Нѣкоторая сумма денегъ должна быть уплачена пяти и двухкопѣчными монетами. Числа дюймовъ, содержащихся въ діаметрахъ монетъ того и другого достоинства, выражаются корнями уравненія

$$\lg 20x - \frac{1}{2} \lg (220x - 117) = 1 - \lg 5$$

(при десятичной системѣ логарифмовъ).

Если центры этихъ монетъ будутъ лежать на прямой линіи, а самыя монеты соприкасаться другъ съ другомъ, то длина прямой будетъ равняться одному футу.

Сколько нужно было уплатить денегъ?

По тригонометріи.

Разность двухъ сторонъ треугольника $a - b = 2\frac{1}{2}$ футовъ; углы, противоположные этимъ сторонамъ, соответственно равны $67^{\circ} 22' 48''$ и $28^{\circ} 4'$.

Найти площадь треугольника?

По геометріи.

Правильная пирамида, объемъ которой $V = 36$ куб. дюймовъ, а боковыя грани наклонены къ ея *квадратному* основанію подъ угломъ въ 45° , пересѣчена плоскостью, перпендикулярной къ высотѣ и отстоящей на $\frac{1}{2}$ высоты, считая отъ вершины. Опредѣлить объемъ усѣченного конуса, основаниями котораго будутъ служить круги, описанные около основанія пирамиды и около означеннаго сѣченія ея ($\pi = \frac{22}{7}$).

III. ВЪ КАЗАНСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Идеальный образъ древне-русскаго князя (по лѣтописи Нестора, былинамъ, поученію Владиміра Мономаха и слову о полку Игоревѣ).

2. По латинскому языку.

Для г. преподавателя (съ просьбою продиктовать *заглавіе* ученикамъ).

Переправа Цезаря изъ Брундизія въ Епиръ.

Romae Caesar feriis Latinis comitiisque omnibus perficiendis undecim dies tribuit dictaturaque se abdicat et ab urbe proficiscitur Brundisiumque pervenit. Eo legiones duodecim, equitatum omnem venire iusserat. Sed tantum navium reperit, ut anguste XV milia legionariorum militum, sexcentos equites transportare possent. Hoc unum Caesari ad celeritatem conficiendi belli defuit. Atque in his ipsis copiis multi Gallicis tot bellis defecerant ¹ longumque iter ex Hispania magnum numerum diminuerat et gravis autumnus in Apulia circumque Brundisium ex saluberrimis Galliae et Hispaniae regionibus omnem exercitum valetudine temptaverat ².

Caesar, ut Brundisium venit, concionatus est apud milites: *quoniam prope ad finem laborum ac periculorum esset perventum, aequo animo mancipia atque impedimenta in Italia relinquerent: ipsi expediti naves conscenderent, quo maior numerus militum posset imponi, omniaque ex victoria et ex sua liberalitate sperarent.* Conclamantibus omnibus, *imperaret quod vellet, quodcumque imperavisset, se aequo animo esse facturos,* pridie Nonas Januarias naves solvit, impositis legionibus sex. Postridie terram adtigat. Cerauniorum ³ saxa inter et alia loca periculosa quietam nactus stationem et portus omnes timens, quod teneri ab adversariis arbitrabantur, ad eum locum, qui adpellatur Palaeste ⁴, omnibus navibus ad unam incolumibus milites exposuit.

Expositis militibus naves eadem nocte Brundisium a Caesare remittuntur, ut reliquae legiones equitatusque transportari possent. Huic officio praepositus erat Fufius Calenus legatus, qui celeritatem in transportandis legionibus adhiberet. Sed serius a terra provectae naves neque usae nocturna aura in redeundo offenderunt ⁵. Bibulus ⁶ enim, Corcyrae certior factus de adventu Caesaris, sperans alicui se parti onustarum navium occurrere posse, inanibus occurrit et, nactus circiter triginta, in eas indiligentiae suae ac doloris iracundiam erupit ⁷ omnesque incendit eodemque igne nautas dominosque navium interfecit, magnitudine poenae reliquos detertere sperans.

1. *deficere* здѣсь — болѣе полному выраженію viribus deficere. 2. *valetudine temptare* можно перевести: оказывать вредное вліяніе на здоровье. 3. *Cerauniorum* — Керавинскія горы (между Эпиромъ и Иллирією). 4. *Palaeste*, ae — Палеста (мѣсто съ пристанью въ Эпирѣ). 5. *offendere* здѣсь значитъ терпѣть несчастье; *naves offenderunt* — съ кораблями случилось несчастье. 6. *M. Bibulus* былъ врагъ Цезаря. 7. *erumpere* здѣсь можно перевести глаголомъ *изливать*.

3. По греческому языку.

Для г. преподавателя (съ просьбою продиктовать *заглавіе* ученикамъ).

Походъ Лакедемонскаго полководца Эверона въ Малую Азію послѣ смерти Кира Младшаго.

Κῆρος πέμψας ἀγγέλους εἰς Λακεδαίμονα ἡξίου, οἷόςπερ αὐτὸς Λακεδαιμονίους ἦν ἐν τῇ πρὸς Ἀθηναίους πολέμῳ, τοιοῦτους καὶ Λακεδαιμονίους αὐτῷ γίγνεσθαι. οἱ ἔφοροι

δίκαια νομίζοντες λέγειν αὐτόν, Σαμίφ¹ τῷ τότε ναυάρχῳ ἐπέστειλαν ὑπηρετεῖν Κύρῳ, εἰ τι δέοιτο. κακείνος μέντοι προθύμως ὅπερ εἰδείθη ὁ Κύρος ἐπαρξεν· ἔχον γάρ τὸ ἑαυτοῦ ναυτικὸν σὺν τῷ Κύρῳ περιέπλευσεν εἰς Κιλικίαν καὶ ἐποίησε τὸν τῆς Κιλικίας ἄρχοντα Συένεσιν μὴ δύνασθαι κατὰ γῆν ἐναντιοῦσθαι Κύρῳ πορευομένῳ ἐπὶ βασιλεῖα.

Ἐπεὶ μέντοι Τισσαφέρνης, πολλοῦ ἄξιος βασιλεῖ δόξας γεγενῆσθαι ἐν τῷ πρὸς τὸν ἀδελφὸν πολέμῳ, ἀποθανόντος Κύρου σατραπῆς κατεπέμφθη ὧν τε αὐτὸς πρόσθεν ἦρχε καὶ ὧν Κύρος, εὐθύς ἤξιον τὰς Ἰωνικὰς πόλεις ἀπάσας ἑαυτῷ ὑπαχθούς εἶναι. αἱ δὲ ἅμα μὲν βουλόμεναι ἐλευθέραι εἶναι, ἅμα δὲ φοβούμεναι τὸν Τισσαφέρνην, ὅτι Κύρον, ὅτ' ἔζη, αὐτ' ἐκείνου ἡρημένας ἦσαν, εἰς μὲν τὰς πόλεις οὐκ ἐδέχοντο αὐτόν, εἰς Λακεδαιμόνα δὲ ἐπεμπον πρέσβεις καὶ ἤξιουν, ἐπεὶ πάσης τῆς Ἑλλάδος προστάται εἰσίν, ἐπιμεληθῆναι καὶ σφῶν τῶν ἐν τῇ Ἀσίᾳ Ἑλλήνων, ὅπως ἡ τε χώρα μὴ δημοῖτο αὐτῶν καὶ αὐτοὶ ἐλεύθεροι εἶεν, οἱ οὖν Λακεδαιμόνιοι πέμπουσιν αὐτοῖς Θίβρωνα, δόντες στρατιώτας τῶν μὲν νεοδαμωδῶν² εἰς χιλίους, τῶν δὲ ἄλλων Πελοποννησίων εἰς τετρακισχιλίους. ἡτήσατο δ' ὁ Θίβρων καὶ παρ' Ἀθηναίων τριακασίους ἰππέας, εἰπὼν ὅτι αὐτὸς μισθὸν παρέξει· ἐπεὶ δ' οὗτοι εἰς τὴν Ἀσίαν ἀφίκοντο, συνήγαγε μὲν στρατιώτας καὶ ἐκ τῶν ἐν τῇ ἡπείρῳ Ἑλληνίδων πόλεων. πᾶσαι γάρ τότε αἱ πόλεις ἐπειθόντο ὃ τι Λακεδαιμόνιος ἀνὴρ ἐπιτάττοι. καὶ σὺν μὲν ταύτῃ τῇ στρατιᾷ ὄρων Θίβρων τὸ ἱππικὸν εἰς τὸ πεδίον οὐ κατέβαιναν, ἡγάπα³ δὲ εἰ, ὅπου τυγχάνοι ὧν, δύναίτο ταύτην τὴν χώραν ἀδῆκτον διαφυλάττειν. ἐπεὶ δὲ σωθέντες οἱ ἀναβάντες μετὰ Κύρου συνέμιξαν αὐτῷ, ἐκ τούτου ἤδη καὶ ἐν τοῖς πεδίοις ἀντετάττετο τῷ Τισσαφέρνει καὶ πόλεις ἄλλας μὲν ἐχούσας προσέλαβεν, ἄλλας δ' ἀσθενεῖς οὖσας καὶ κατὰ κράτος ἐλάμβανεν.

1. Σάμιος—Самій (личное имя). 2. νεοδαμώδεις—неодамоды (особый родъ войска въ Спаргѣ). 3. ἀγαπᾶν—довольствоваться.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Вызолоченное серебряное блюдо, вѣсомъ въ 3 фунт. 16 зол. 71 дол., содержать золото 72 пробы и серебро 84 пробы; позолота составлять пятую часть вѣса блюда. Сколько мѣди въ этомъ блюдѣ?

б) По алгебрѣ.

Первый членъ арифметической прогрессіи равенъ числу перестановокъ изъ 4-хъ буквъ, а разность прогрессіи равна суммѣ коэффициентовъ разложенія $(x + a)^6$. Сколько нужно взять послѣдовательныхъ членовъ прогрессіи, начиная съ перваго, чтобы ихъ сумма равнялась 624?

в) По геометріи.

Опредѣлить объемъ тѣла вращенія, происходящаго отъ обращенія прямоугельнаго треугольника около его гипотенузы, если катеты треугольника равны 5 и 12 дюймамъ.

г) По тригонометріи.

Въ треугольникѣ А В С уголъ А = 75° 28' 34", уголъ С = 38° 57' 24", а площадь его равна 154,54 кв. саж. Определить высоту $\triangle$, проведенную изъ точки В.

IV. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Сравнить характеры „Скупого Рыцаря“ Пушкина и „Шошунки“ Гоголя:

Запасная. Характеристика поэзии Державина.

2. По латинскому языку.

Titii Livii l. III, c. 26, § 7—27.

Основная. С. 26 § 7: *operae pretium est* — стоять (труда); подлежа. въ *audire* подраз. изъ относят. предл.: *eos*, а дополненіемъ служить весь слѣдующій рассказъ. § 8: *navalia* — корабельная верфь. § 9: *pala* — лопата, *togatus* — одѣтый въ тогу. *Satin salvaе* — scil. *res sunt* — обычный вопросъ о положеніи государства или частнаго лица; *tugurium* — хижина. С. 27, § 2: *iustitium* — закрытіе судовъ (въ случаѣ критическаго положенія государства), *taberna* — лавка. § 3: *cibaria* — провизія. *Valbus* — коль. § 7: *momenta vertuntur* — происходить перемѣна. § 8: *gratificari* — стараться угодить, угождать. *Algidus* — гора въ Лаціи.

Titii Livii l. III, c. 33—34, § 5.

Запасная. С. 33, § 2: *luxuriare* — роскошествовать; пышно развиваться (о растеніи, съ коимъ сравнивается децемвиратъ). § 4: *eam rem* — дѣло о назначеніи децемвировъ для составленія законовъ. § 6: *scitum* — постановленіе. § 7: *regimen* — управленіе; *plebiscola* — поклонникъ народа; *aura popularis* — расположеніе народа. § 8: *assensus* — служитель; *apparere* — быть въ услугамъ; *in unica concordia* — уступит. предл. § 10: *iuxta* — atque — aequae — atque. § 11: *descedere* — отступать, отказываться.

С. 34, § 4: *versare in animo* — обдумать; *agitare sermonibus* — обсуждать; *in medium confertre* — объявить во всеобщее свѣдѣніе, сообщать.

3. По греческому языку.

Herodoti l. III, c. 40—42.

Основная. С. 40 *πλῆθος* = *πλέονος*. *Κηδεύειν* — озабочивать, огорчать. *προσπίπτειν* — ударяться, спотыкаться, терпѣть неудачу, *ἐναλλάξ* — попеременно. *πρόφρητος* — съ корнемъ, до основанія, *ἡ πάθη* — несчастье, ударъ, *ἀχέομαι* — успокоиваю, исцѣляю.

41. *διζῆμαι* — ищу, добиваюсь, *ἀσάσθαι* — пресыщаться, чувствовать неудовольствіе, *ἡ σφρηγίς* (= *αἰς*) — печать, *ἡ πεντηκόνταρος* — 50 весельный корабль.

42. *ὁ ἀλιεύς* — рыбакъ, *ἀποχειροποίητος* — живущій трудами рукъ своихъ, *ἡ νηδὺς* — желудокъ, животъ.

Запасная. *Herodoti l. III, c. 11—12* до словъ. *ταῦτα μὲν νυν τοι ἰόντα εἶδον.*

с. 11: *ἡ ἄνοδος* — пустыня; *οἱ ἐπικούροι* — вспомогательныя войска, наемники; *μίμνησθαι* — порицать, быть недовольнымъ; *ἀγινεῖν* = *ἄγειν*.

с. 12. $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha$ — $\theta\alpha\upsilon\mu\alpha$; $\acute{o}$ $\epsilon\pi\iota\chi\omega\rho\iota\omicron\varsigma$ — туземецъ; $\pi\epsilon\rho\iota\chi\epsilon\iota\nu$ — разливать кругомъ, насыпать; η $\phi\eta\phi\omicron\varsigma$ — мелкій камень; $\delta\iota\alpha\tau\epsilon\tau\rho\alpha\iota\nu\epsilon\nu$ — пробить; $\mu\acute{o}\tau\iota\varsigma$ — съ трудомъ; $\epsilon\upsilon\pi\epsilon\tau\epsilon\omega\varsigma$ — легко, удобно; $\xi\upsilon\rho\epsilon\iota\nu$ — стричь, брить; $\pi\alpha\chi\upsilon\omicron\nu\epsilon\iota\nu$ — дѣлать толстымъ; $\phi\alpha\lambda\alpha\kappa\rho\iota\delta\epsilon\iota\alpha$ — дѣлаться пѣшвымъ; $\epsilon\kappa\iota\tau\rho\phi\epsilon\iota\delta\epsilon\iota\alpha$ — воспитываться въ вѣгѣ, изнѣживаться.

4. По математикѣ.

а) По алгебрѣ.

Основная. Продано на 45 рублей сукна и на 34 рубля бархату. Зная, что аршинъ бархату 1 рублемъ дороже аршина сукна и что бархату продано 2 аршинами меньше, чѣмъ сукна, опредѣлить, сколько продано аршинъ каждаго матеріала и по какой цѣнѣ.

Запасная. Трое, *A*, *B* и *B*, отдали различные капиталы въ ростъ на одинаковые проценты. *A* получаетъ ежегодно на свой капиталъ 800 рублей, *B* — 1.200 рублей и *B* — 2.000 рублей. Какъ великъ былъ капиталъ каждаго лица и по скольку процентовъ были отданы капиталы въ ростъ? Сумма всѣхъ капиталовъ равна 80.000 рублей.

б) По геометріи.

Основная. Въ шарѣ, котораго радіусъ равенъ 15 дюймамъ, сдѣлавы два параллельныя сѣченія плоскостями: первое въ разстояніи 4 дюймовъ отъ центра, а второе въ разстояніи 4 дюймовъ отъ перваго сѣченія.

Опредѣлить, какъ велика будетъ полная поверхность пояса, образованнаго сѣченіями? (приблиз. до 0,01).

Запасная. Найти, сколько ртути, по вѣсу, можетъ помѣститься въ сосудѣ, имѣющемъ форму усѣченнаго конуса, котораго образующая = 5 дюймамъ, радіусъ нижняго основанія 3 дюйма, а верхняго 4 дюйма, зная, что удѣльный вѣсъ ртути = 13,6, а вѣсъ куб. дюйма воды = 3,8 золотника.

в) По тригонометріи. *

Основная. Площадь треугольника = 6,3 квадр. саж., углы: $A = 104^\circ 15' 0''$, $B = 53^\circ 7' 48''$.

Опредѣлить сторону *a* и радіусъ вписаннаго въ треугольникъ круга.

Запасная. Въ параллелограммѣ извѣстны: діагональ $d = 15,7$ метра и углы $\varphi = 47^\circ 15' 30''$ и $\psi = 26^\circ 17' 15''$, которые эта діагональ образуетъ при одной изъ своихъ оконечностей со сторонами параллелограмма.

Опредѣлить стороны и площадь параллелограмма.

*Для учениковъ Уральской гимназіи, преобразуемой въ реальное училище *).*

1. По русскому языку.

Основная. То академикъ, то герой,

То мореплаватель, то плотникъ,

*) Въ виду посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ г. Уральска испытанія зрѣлости съ разрѣшенія его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія происходившій съ 1-го мая по 1-е іюня сего 1891 года.

Онъ (то-есть, Петръ Великій) всеобъемлющей душой
На тронъ вѣчный былъ работякъ.

Запасная. Основные типы поэзии Пушкина.

3. По латинскому языку.

Titii Livii l. III, c. 9.

Основная. Actio=дѣйствіе, продѣлка, интрига. Tempus=удобное время. Morbus=рѣчь идетъ о моровой язвѣ. Bellum=война съ эквами и вольсками. Confluvio=замѣшательство, волненіе. Diem dicere=назначить день явки въ судъ, привлечь къ суду.

Titii Livii l. III, c. 36, съ § 3 до конца, и c. 37, §§ 1—3 вклоч.

Запасная. Sollemnis, ежегодно празднуемый; обычный; c. 36, § 3: denuntiatio—объявленіе. § 4: attinet—можно; provocatio—право протеста на рѣшеніе какого нибудь должностнаго лица. Interpretari—объяснять, толковать. § 5: expedire—вынимать, приготовить. § 6: intercessio—вмѣшательство съ цѣлю остановить дѣйствіе магистрата или равнаго (какъ здѣсь), или даже высшаго. § 7: consulere—принимать рѣшеніе. § 8: conflare—раздувать, собирать, дѣлать. C. 37, § 1 auge—дуновеніе; переносно—проблескъ, дугъ. § 3: consulari—собирать въ кучу; усугублять.

2. По греческому языку.

Herodoti l. IV, c. 97 и 98.

C. 97: ἡ σαρξία—мось, плоть; ἡ ἡμερος—материкъ; ἡ ἀποδος—отступленіе; ἐκφαινεσθαι—показываться, являться; ἡ τέφρα—плотина.

C. 97: ἀπαπτειν—завязывать; τὸ ἀμμά—узелъ; μεδίημι—отпускаю, ослабляю, оставляю; μετέδοξέ τι—рѣшено иначе, я переѣнилъ свое мнѣніе; ἐκείγασθαι—спѣшить, торопиться.

Herodoti l. II, c. 173, 174.

Запасная. 173. ἡ κατάστασις—состояніе, положеніе; πληθὺν ἄγους—предобѣденное время; κατασκόπτειν—осмѣивать; νοθεύειν—угovarивать, внушать; θωπεύειν—сидѣть; ἐνταυθεύειν—натягивать, напрягать; κατασπουδάσασθαι—заниматься серьезными дѣлами; ἀπόπληκτος—ошеломленный, глухой, тупой.

174. εὐπαθῆω—наслаждаюсь; ἀρνεῖσθαι—отрицать, отказываться; ἡ ἐπισκευή—починка, исправленіе; φοιτέω (=ἰω)—часто прохожy.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Нѣкто купилъ шерстяной матеріи на 42 рубля. Оставивъ у себя 20 аршинъ, онъ продалъ остальное количество за 32 рубля, получивъ при этой продажѣ 10 коп. барыша за аршинъ. Сколько было куплено аршинъ матеріи и что стоилъ аршинъ?

Запасная. Нѣкто получаетъ доходъ съ 3-хъ участковъ; какъ великъ доходъ съ каждаго участка, если извѣстно, что числа x , y и z рублей дохода съ каждаго изъ нихъ связаны условіями:

$$\frac{x}{4} + \frac{3z}{8} = 200$$

$$3x - \frac{y}{2} = 450$$

$$\frac{y}{6} - \frac{z}{10} = 10$$

6) По геометріи.

Основная. Сторона правильной шестиугольной пирамиды = 25 дюйм., а ребро = 75 дюйм. Определить, сколько вѣсила бы такая пирамида, если бы она была изъ чугуна, котораго уд. вѣсъ 7,5, и сколько стоила бы окраска ея, если за каждый квадратный дюймъ ея поверхности пришлось бы платить по 0,5 коп. Вѣсъ куб. дюйма воды 3,8 зол.

Запасная. Прямой цилиндръ, высота котораго H равна 4 дюймамъ и радіусъ основанія $R = 3$ дюймамъ, разсѣченъ двумя плоскостями, проходящими черезъ ось, составляющими между собой уголъ α , равный 60° , на четыре части. Вычислить объемы этихъ частей.

в) По тригонометріи.

Основная. Дана площадь треугольника, равная 547,57 кв. футамъ и уголъ A , равный $103^\circ 18'$, и B , равный $23^\circ 23' 22''$. Определить стороны, противолежащія этимъ угламъ.

Запасная. Въ $\triangle ABC$ даны: высота $AN = 148$ фут.,

$\angle B = 68^\circ 29' 17''$ и $\angle C = 75^\circ 8' 23''$.

Определить длину одной какой либо стороны.

V. ВЪ ОДЕССКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Ананьевская. „Личность Лермонтова“.

Бердянская. „Что оставили въ наслѣдіе новымъ европейскимъ народамъ греки и римляне?“

Болградская. „Значеніе Н. М. Карамзина въ исторіи русской литературы“.

Елисаветградская. „Отличительный характеръ литературной дѣятельности И. А. Крылова“.

Екатеринославская. „Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста“. Пушкинъ.

Керченская. „Элегіи Пушкина и Лермонтова“.

Кишиневская 1-я. „За что современники и потомство такъ высоко цѣнили и цѣнятъ литературную дѣятельность Карамзина“.

Кишиневская 2-я. „Комедія и ея особенности сравнительно съ сатирой, по изученнымъ образцамъ“.

Мариупольская. „Главнѣйшіе мотивы Лермонтовской поэзіи“.

Николаевская. „Связь литературной дѣятельности Теофана Прокоповича и Кантемира съ реформами Петра Великаго“.

Одесская 2-я. „Обзоръ и характеристика поэтической дѣятельности Жуковского“.

Одесская 3-я. „Значеніе порядка въ жизни человѣка“.

Римская. „Сравнительный взглядъ на значеніе литературной дѣятельности Пушкина и Гоголя“.

Симферопольская. „Характеръ и значеніе басенъ Крылова“.

Херсонская. „Заслуги Николая Михайловича Карамзина въ исторіи отечественной литературы“.

Одесская. „Мѣдный всадникъ“ Пушкина.

2. По латинскому языку.

Анатольская. Liv. XXIII, 24, 6 — fin.

Бердянская. T. Liv. lib. II, c. XIX, 3 — 10.

Болградская. C. Sallustii Crispi Belli Jugurthini c. IX, § 4—XI, § 2.

Екатеринославская. T. Liv. lib. IX, c. 41, 1—11.

Елисаветградская. T. Liv. lib. V, c. VII (4—13).

Керченская. Livius lib. IX, c. 4.

Кишиневская 1-я. T. Liv. IV, c. 8.

Кишиневская 2-я. T. Liv. lib. XXIII, гл. 1-я и 2-я до 5 пункта.

Мариупольская. T. Liv. lib. II, c. 10, 1—12.

Николаевская. T. Liv. lib. VII, c. 31, 32; 1—2.

Одесская 2-я. T. Liv. lib. III, c. XXII (2—9).

Одесская 3-я. T. Liv. XXII, 49.

Римская. T. Liv. lib. I, c. 36.

Симферопольская. T. Liv. VII, c. 6.

Херсонская. T. Liv. II, c. XL, 1—12.

Одесская. T. Liv. V, c. 27, 1—11.

3. По греческому языку.

Анатольская. Her. I, XXIV.

Бердянская. Her. I, c. 85.

Болградская. Xen. Cyr. VIII, c. 7, § 6—9.

Екатеринославская. Her. VIII, c. 102—102—103.

Елисаветградская. Her. I, c. 76—77.

Керченская. Xen. Mem. II, c. 5.

Кишиневская 1-я. Her. IX, c. 119—120.

Кишиневская 2-я. Her. V, c. 99—102.

Мариупольская. Her. V, c. 49.

Николаевская. Her. III, c. 26—29.

Одесская 2-я. Her. VII, c. 2—4.

Одесская 3-я. Plat. Protag. с. 30—32.

Ришельевская. Нег. IX, с. 58—59.

Симферопольская. Нег. VIII, с. 100.

Херсонская. Нег. IX, с. 45—46.

Одесская 3-я. Нег. II, с. 160.

4. По математикѣ.

По ариметикѣ.

Анатьевская. Сумма, вырученная отъ продажи векселя въ 400 р., коммерчески учтеннаго по 5% за 6 мѣсяцевъ до срока, раздѣлена была на двѣ части въ отношеніи 3 : 7. На меньшую изъ этихъ частей купленъ былъ спиртъ по 9 р. за ведро. Сколько ведеръ воды надо принять къ этому спирту для того, чтобы ведро смѣси стоило 5 р. 85 к.?

Одесская 3-я. Та же задача.

По алгебрѣ.

Анатьевская. Нѣкто занялъ капиталъ 11.582,6 рубл. по 5-ти сложнымъ процентовъ съ тѣмъ, чтобы уплатить его ежегодными равными суммами. Во сколько лѣтъ будетъ уплачена эта сумма, если ежегодная уплата равна столько-кимъ рублями, какъ велика сумма первыхъ пяти членовъ арифметической прогрессіи, у которой разность равна первому члену, а сумма девяти первыхъ членовъ равна 4.500?

Бердянская. Если къ четыремъ неизвѣстнымъ числамъ, составляющимъ арифметическую прогрессію, прибавить соответственно числа 5, 6, 9 и 15, то получатся числа, составляющія геометрическую прогрессію. Определить неизвѣстные числа, составляющія арифметическую прогрессію.

Болградская. Нѣкто въ первый мѣсяцъ сберегъ 35 р., затѣмъ каждый слѣдующій мѣсяцъ сберегалъ на 12 р. 50 к. болѣе, чѣмъ въ предыдущій, и собранныя такимъ образомъ деньги въ продолженіе года отдалъ въ ростъ на пять лѣтъ по 5 1/2 % сложнымъ процентовъ. Какъ велика будетъ эта сумма по прошествіи 5-ти лѣтъ?

Екатеринославская. Если цифры искомаго двузначнаго числа будутъ написаны въ обратномъ порядкѣ, то полученное новое двузначное число будетъ тремя единицами болѣе 1/2 искомаго.

Елисаветградская. Изъ трехъ сортовъ серебра 56-й, 44-й и 36-й пробы требуется сдѣлать сплавъ, содержащій 1.440 золотниковъ чистаго серебра. Сколько цѣлыхъ фунтовъ можно брать изъ данныхъ сортовъ серебра для требуемаго сплава?

Керченская. Неизвѣстный капиталъ, внесенный въ банкъ на простые проценты, даетъ ежегодно 540 рублей прибыли. Еслибы капиталъ этотъ уменьшился на 1.000 рубл. и приносилъ бы однимъ процентомъ менѣе, то прибыль, получаемая съ капитала, составляла бы 400 рубл. въ годъ. Какъ великъ капиталъ?

Кишиневская 1-я. Долгъ въ 40.000 руб. погашается полугодовыми взносами по 1.100 р. Черезъ сколько лѣтъ будетъ погашенъ долгъ, если за пользование капиталомъ должникъ обязался уплачивать по $2\frac{1}{2}\%$ въ полугодіе?

Кишиневская 2-я. Нѣкто внесъ въ банкъ 10.000 р. по 5% и въ концѣ каждаго года бралъ по 800 р. Сколько у него останется чрезъ 6 лѣтъ?

Мариупольская. Найдти 4 числа, изъ которыхъ первыя три составляютъ арифметическую, а послѣднія три геометрическую прогрессію. Сумма крайнихъ = 37, а сумма среднихъ = 36.

Николаевская. Нѣсколько человекъ составили акціонерное общество, каждый пайщикъ внесъ по столько разъ 125 р., сколько было участниковъ. Въ концѣ года они получили 720 р. прибыли, и по расчету оказалось, что каждый получалъ на свой капиталъ процентовъ втрое менѣе числа пайщиковъ. Сколько было участниковъ въ обществѣ?

Одесская 2-я. Торговецъ въ первый мѣсяцъ своей торговли отложилъ 25 р. изъ своей прибыли, во второй 35 р. и т. д. Прибыль, собранную такимъ образомъ въ продолженіе года, онъ положилъ въ банкъ по 5, 5% сложныхъ; какой образовался капиталъ по истеченіи столькихъ лѣтъ? Сколько можно составить различныхъ пятизначныхъ чиселъ изъ цифръ числа 40.454?

Одесская 3-я. Найдти четырехзначное число по слѣдующимъ условіямъ: сумма квадратовъ крайнихъ цифръ равна 13; сумма квадратовъ среднихъ равна 85; цифра тысячъ на столько больше цифры единицъ, на сколько цифра сотенъ больше цифры десятковъ; если же изъ искомаго числа вычесть 1089, то получится число обращенное.

Ришельевская. Два купца продали нѣкоторое число аршинъ сукна; второй продалъ тремя аршинами болѣе, чѣмъ первый, и вмѣстѣ они выручили 35 рубл. Еслибы первый купецъ продавалъ по своей цѣнѣ сукно, принадлежавшее второму, то онъ выручилъ бы 24 р., а еслибы второй продавалъ по своей цѣнѣ сукно перваго купца, то онъ получилъ бы 12,5 рубл. Сколько аршинъ продалъ тотъ и другой купецъ?

Одесскійская. Два путешественника выѣхали въ одно и то же время другъ другу на встрѣчу изъ мѣстъ, отстоящихъ на протяженіи 765 верстъ. Первый проѣзжалъ каждый день пятью, а второй двумя верстами болѣе, чѣмъ въ предыдущій. Черезъ 6 дней они встрѣтились, и оказалось, что первый проѣхалъ на 345 верстъ болѣе втораго. Сколько верстъ проѣхалъ каждый путешественникъ въ первый день?

По геометріи.

Ананиевская. Диаметръ шара равняется общей хордѣ двухъ пересѣкающихся круговъ, которыхъ радіусы равны 13 и 20 футамъ, а разстояніе между центрами = 21 футу. Определить поверхность шара.

Бердянская. Прямой параллелепипедъ имѣетъ основаніемъ ромбъ, котораго сторона равняется 35 арш., а меньшая діагональ = 42 арш., площадь же діагональной плоскости, проходящей чрезъ эту меньшую діагональ, равна 924 кв. арш. Определить объемъ параллелепипеда.

Болградская. Отъ сплошнаго серебрянаго шара, радіусъ котораго равенъ 6-ю дюймамъ, отсѣченъ сегментъ плоскостію, проведенною на разстояніи 3-хъ дюймовъ отъ центра. Определить вѣсъ этого сегмента, зная, что удѣльный вѣсъ серебра 10,4, а вѣсъ кубическаго дюйма воды 0,04 фунта.

Екатеринославская. Въ кругѣ радіуса r вписанъ равносторонній треугольникъ. Если заставить этотъ кругъ вращаться вкругъ діаметра, перпендикулярнаго къ одной изъ сторонъ треугольника, то треугольникъ опишетъ конусъ. Какъ великъ объемъ и полная поверхность послѣдняго.

Елисаветградская. Въ конусъ, имѣющій высоту $h = 12$ ф. и радіусъ основанія $r = 15$ ф., вписанъ шаръ, къ которому проведена касательная плоскость, параллельно основанію конуса. Найти отношеніе объемовъ образовавшагося усѣченнаго конуса, шара и полнаго конуса.

Керченская. Отъ окружности радіуса отдѣлена дуга AB въ 45° ; черезъ конецъ этой дуги A проведена касательная, встрѣчающаяся въ точкѣ D съ продолженіемъ діаметра, проходящаго черезъ другой конецъ той же дуги. При вращеніи всего чертежа около упомянутаго діаметра наружность описала поверхность шара, а касательная боковую поверхность конуса, основаніе котораго проходитъ чрезъ точки прикосновенія поверхности конической и сферической. Найти отношеніе объема конуса къ объему шара и боковой поверхности конуса къ поверхности шара.

Киевская 1-я. Основаніе пирамиды ромбъ, коего сторона $a = 2$ метрамъ, а острый уголъ $= 60^\circ$, вершина пирамиды находится на перпендикулярѣ къ основанію, проходящемъ чрезъ вершину тупаго угла, на высотѣ 7 метровъ. Вычислить всю поверхность пирамиды.

Киевская 2-я. Параллелограммъ $ABCD$, въ которомъ $AD = BC = 90$ фут., $AB = DC = 60$ фут., а разстояніе стороны BC отъ вершины $A = 40$ фут., долженъ быть раздѣленъ на три равновеликія части двумя прямыми, выходящими изъ точки A . На сколько точки пересѣченія M и N этихъ прямыхъ со сторонами DC и CB удалены отъ вершины D и B ?

Мариупольская. Вычислить объемъ шара, вписаннаго въ прямой круговой конусъ, коего высота $h = 5$ м., а образующая $l = 13$ м., и определить отношеніе объема этого шара къ объему конуса.

Николаевская. Въ шаръ, радіусъ коего 6 дюймовъ, вписано тѣло, происшедшее отъ обращенія прямоугольнаго треугольника около гипотенузы, совмѣщающейся съ діаметромъ шара. Определить объемъ этого тѣла, полагая меньшій шаръ равнымъ радіусу.

Одесская 2-я. На квадратѣ, сторона котораго равна a , какъ на основаніи, построены: 1) прямая пирамида, боковыя грани которой суть равносторонніе треугольники, и 2) прямая призма, имѣющая вершину пирамиды въ плоскости верхняго основанія; на кругѣ же, описанномъ около даннаго квадрата, какъ на основаніи, построены: 1) прямой конусъ, вершина котораго совпадаетъ съ вершиною пирамиды; 2) цилиндръ, описанный около призмы; 3) усѣченный конусъ, верхнее основаніе котораго есть кругъ, вписанный въ верхнее основаніе призмы, и 4) полшаръ. Определить отношеніе полныхъ поверхностей и объемовъ шести полученныхъ тѣлъ, сравнивая ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Одесская 3-я. Поверхность шара равна боковой поверхности прямого цилиндра, имѣющаго радіусъ основанія $r=8$, а высоту $h=9$. Определить объемъ усѣченной правильной пирамиды, основаніями которой служатъ вписанный въ большой кругъ упомянутого шара и описанный около него же квадратъ, а высота равна высотѣ цилиндра.

Ришельевская. Въ шаръ вписанъ конусъ такъ, что высота его въ центрѣ шара дѣлится въ крайнемъ и среднемъ отношеніи. Найти отношеніе объема шара къ объему конуса.

Симферопольская. Объемъ усѣченного конуса $U=513\frac{1}{2}$ куб. футовъ; радіусъ нижняго основанія $R=5$ ф., а высота $h=10$ ф. Изъ этого конуса вырѣзана призма, основаніемъ которой служитъ квадратъ, вписанный въ наружность верхняго основанія конуса; высота призмы также 10 ф. Найти объемъ оставшейся части конуса ($\pi=\frac{22}{7}$).

Херсонская. Объемъ призмы, основаніемъ коей служитъ правильный многоугольникъ, имѣющій $n=12$ сторонъ, равенъ $v=36,867$ куб. д.; высота ея $h=42$ д. Определить сторону основанія.

Өвдосійская. Около круга радіуса $R=5\frac{1}{2}$ футамъ описанъ квадратъ и равносторонній треугольникъ, основаніе котораго совпадаетъ съ основаніемъ квадрата. Определить объемъ шара, цилиндра и конуса, полученныхъ отъ вращенія фигуры около высоты треугольника.

По тригонометріи.

Аматевская. Уголъ ромба α , сторона a . Изъ вершинъ всѣхъ угловъ описаны дуги радіусомъ, равнымъ половинѣ стороны ромба. Определить площадь, оставшуюся внутри ромба; $a=20$, $\alpha=62^\circ 18' 2''$.

Бердская. Стороны прямоугольника — 1, 3782; и 4,8063; определить уголъ ромба, образуемаго чрезъ соединеніе среднихъ сторонъ прямоугольника.

Болградская. Сумма катетовъ прямоугольнаго треугольника равна 404 дюймамъ; одинъ изъ острыхъ угловъ его $26^\circ 28' 5''$. Рѣшить треугольникъ.

Екатеринославская. Боковая поверхность прямого конуса $M=81, 312$ квадр. футовъ. Какъ великъ уголъ при вершинѣ въ осевомъ сѣченіи этого конуса, если производящая его $a=10$ фут.

Елисаветградская. Разность между гипотенузою и катетомъ ($a-c$) равна 16.125, а уголъ (C), лежащій противъ этого катета, равенъ $30^\circ 30' 15''$. Рѣшить треугольникъ.

Керченская. Меньшая изъ сторонъ параллелограмма $=40$ ф.; одна изъ діагоналей $=140, 265$ ф., а острый уголъ между діагоналями $=25^\circ 23' 13''$. Найти величину другой діагонали.

Китишевская 1-я. Гипотенуза прямоугольнаго треугольника $a=7, 314$, а разность катетовъ 0, 9341. Рѣшить треугольникъ.

Китишевская 2-я. По сторонѣ $c=409$ фут. и прилежащимъ угламъ $A=57^\circ 48' 4''$ и $B=17^\circ 3' 42''$ определить радіусъ вписаннаго круга.

Мариупольская. Определить x изъ уравненія $\text{Sec. } x + \text{Cosec. } x = 2$.

Николаевская. Решить треугольникъ, въ которомъ одна сторона равна 35, 78 ф., другая 29, 07 ф., а уголъ между ними $18^\circ 10' 10''$.

Одесская 2-я. Въ кругъ, котораго радиусъ $R = 12$ д., вписать правильный шестнадцатиугольникъ. Определить сторону, апофему и площадь.

Одесская 3-я. Вычислить стороны прямоугольнаго треугольника, если площадь круга, вписаннаго въ него, равна 154 квадр. дюймамъ, а одинъ изъ острыхъ угловъ содержитъ $15^\circ 25' 10''$.

Ришельевская. Въ треугольникѣ высота $h = 19, 88$, а углы при основаніи $\alpha = 43^\circ 28'$, $\beta = 76^\circ 48'$. Определить площадь треугольника.

Симферопольская. Решить треугольникъ по сторонамъ $C = 128, 18$ ф., суммѣ двухъ другихъ сторонъ $a + b = 604, 18$ ф. и разности противоположныхъ угловъ $A - B = 90^\circ 31' 12''$.

Херсонская. Въ сѣченіи шара плоскостью получается площадь, равномѣрная треугольнику, котораго стороны: $a = 35,73$; $b = 48, 56$ и уголъ между ними $\angle C = 48^\circ 30' 30''$. Определить выпуклую поверхность сегмента, если известно, что площадь большаго круга шара равняется боковой поверхности пр. кр. конуса, у котораго высота $h = 28$, а уголъ, образуемый высотой и образующей конуса, равенъ 30° .

Теодосійская. Стороны треугольника послѣдовательно равны $a = 35, 24$ ф., $b = 48, 275$ ф. и $c = 28, 352$ ф. Решить треугольникъ.

VI. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УЧЕБНОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Харьковская 1-я. Основная. Значеніе Гоголя въ исторіи русской словесности.

Запасная. Великихъ нѣтъ, но подвиги ихъ живы.

Харьковская 2-я. Основная. Элегія Пушкина, сравнительно съ элегіями Жуковского и Батюшкова.

Запасная. Историческое значеніе Средиземнаго моря.

Харьковская 3-я. Основная. Значеніе великихъ людей для современниковъ и потомства.

Запасная. Содержаніе и значеніе комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“.

Сумская Александровская. Основная. Плюшкинъ и Скупой рыцарь.

Запасная. Литературная дѣятельность Кантемира и ея значеніе.

Старобѣльская Александровская. Основная. Идея и главные типы комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“.

Запасная. „Путешествіе питательно для духа и сердца нашего“ (изъ писемъ Карамзина).

Курская. Основная. Лишь тотъ знакомъ съ душевнымъ наслажденіемъ, кто приобрѣлъ его трудами и терпѣніемъ.

Запасная. Благо отечества есть вмѣстѣ наше благо.

Вильмордская Е. К. В. Герцога Эдинбургскаго. Основная. Характеръ Самозванца и его значеніе въ драмѣ Пушкина: „Борисъ Годуновъ“.

Запасная. Планъ и основная мысль баллады Пушкина: „Пѣснь о Вѣщѣхъ Олегѣ“, въ связи съ характеристикой дѣйствующихъ лицъ.

Корочанская Александровская.

Основная. Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ

Для сердца русскаго слилось!

Какъ много въ немъ отозвалось!

Пушкинъ.

Запасная. Нѣтъ, я не Байронъ, я другой

Еще невѣдомый избранникъ,—

Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,

Но только съ русскою душой.

Лермонтовъ.

Воронежская. Основная. Вліяніе литературной дѣятельности Карамзина на развитіе русскаго языка и русскаго словесности.

Запасная. Сущность ложноклассицизма и его вліяніе на русскую литературу (въ эпосѣ, лирикѣ и драмѣ).

Тамбовская. Основная. Пушкинъ и Гоголь, какъ писатели (сравнительная характеристика).

Запасная. Историческое значеніе Іоанна Грознаго.

Елатомская. Основная. Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго яга и возвратилъ ему свободу, обративъ его въ живымъ источникомъ народнаго слова. (Пушкинъ).

Запасная. Между Петромъ I и Екатериной II Ломоносовъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. (Пушкинъ).

Пензенская 1-я. Основная. Элегія Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова.

Запасная. „Поэзія состоитъ не въ надутымъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ“. (Карамзинъ, предисловіе ко 2-й кн. „Дондъ“).

Пензенская 2-я. Основная. О значеніи М. Ю. Лермонтова въ исторіи русской литературы.

Запасная. Вліяніе климата страны на образъ жизни обитателей.

Новочеркасская. Основная. Басни Крылова—книга житейской мудрости.

Запасная. Премудрость царства управляетъ;

Крѣпнѣтъ нхъ вѣра, правый судъ;

Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ.

Державинъ.

Усть-Медведицкая. Основная. Евгений Онегинъ и Чацкій.

Запасная. Безъ души просвѣщеннѣйшая умница — жалкая тварь. Фонъ-Визинъ.

Тамбовская. Основная. Ломоносовъ, Карамзинъ и Пушкинъ, какъ дѣятели въ исторіи развитія русскаго литературнаго слога.

Запасная. Трудъ—необходимый элементъ человѣческой жизни.

Ростовская на Дону. Основная. Идемъ о воспитаніи, проводимыя Фомъ. Визинимъ въ комедіи: „Недоросль“.

Запасная. Почему Пушкина называютъ поэтомъ—художникомъ.

Харьковская 3-я. (Абазѣ, экзаменовавшемуся послѣ каникулъ).

Москва!.. Какъ много въ этомъ звукѣ

Для сердца русскаго слыхось!

Какъ много въ немъ отзывалось!

Пушкинъ.

2. По латинскому языку.

Харьковская 1-я. Основная. Titi Livii ab urbe cond. lib. XXVII, cap. XIII, отъ словъ (§ 1): „Marcellus, postquam in castra reditum est“,..... и оканчивая словами (§ 13): „Ubi omnia dicta..... in aciem procedunt“.

Запасная. Titi Livii ab urbe cond. lib. XXVII, cap. XXXVI, отъ словъ (§ 1): „Magoni desperatis in Hispania rebus“,..... и оканчивая словами: „Postero die..... ad duo milia armorum inventa“.

Харьковская 2-я. Основная. Titi Livii lib. I, cap. XLIX. „Inde L. Tarquinius regnare coepit..... cognatos amicosque ejus conciliat“.

Запасная. M. Tullii Ciceronis: de officiis, lib. III, cap. XXXII. „Ut laudandus Regulus in conservando quia sint flagitiosa, foeda, turpia“.

Харьковская 3-я. Основная. Titi Livii ab urbe cond. lib. XXII, cap. VI. „Tris ferme horas pugnatum..... inter paucas memorata populi Romani clades“.

Запасная. Ciceron. Tusculana. Disputationum, lib. V, cc. XXI, b. XXII. „Cum quidam ex (Dionisii) assentatoribus..... sibi amicum arbitrabatur“.

Александровская Сумская. Основная. Caesar, lib. VII, cap. XX. „Vercingetorix, cum ad suos redisset,..... a me provisum est“.

Запасная. Titi Livii, lib. XXII, cap. XIX. „Principio aetatis, qua haec gerebantur,..... quattuor suppressae“.

Александровская Старобѣльская. Основная. Sallustii, de bello Jugurthino, cap. XXXV. „Erat simul cum Jugurtha Romae Numida quidam, nomine Massiva“ и т. д.

Запасная. Titi Livii, lib. XXIV, cap. III до словъ: „In Apulia ne hiems....- atque Hannibalem erat“.

Курская. Основная. C. J. Caesaris de bel. civ. II, XLIII—XLIV. „His rebus cognitis..... se in regnum cum omnibus copiis recepit“.

Запасная. C. J. Caesaris de bello civ. I, LXXV—LXXVI, „Quibus rebus nuntiatis..... in tribunicium restituit honorem“.

Вильморская. Основная. Titi Livii ab urbe cond. L. II, cap. XL. „Matornae..... alii alio leto“.

Запасная. Cicero. de officiis II, 23, 81, 82. „Aratus Sicyonius..... sine querella discederent“.

Корочанская. Основная. Caesar. de bello Gallico. Lib. VI, cap. XIII. „In omni Gallia eorum hominum,..... plerumque illo discendi causa proficiuntur“.

Запасная. Cic. orat. de imperio Cn. Pompeii. Cap. VIII. „Quoniam de genere belli dixi,..... L. Lucullum similiter ex hoc loco esse laudatum“.

Воронешская. Основная. Titi Livii ab urbe cond. L. II, cap. III — IV. „Cum haud cuiquam in dubio esset..... sine tumultu rem omnem oppressere“.

Запасная. C. Sallust. Crisp. de bel. Jugurth., cap. XLI—XLII. „Mos partium, popularium et senatus factionum..... tempus quam res maturius me deserat“.

Тамбовская. Основная. Titi Livii lib. V, cap. XLVII. „Interim arx Romae Capitoliumque in ingenti periculo fuit. Namque Galli..... et apud Romanos ab nocturni periculi memoria“.

Запасная. Cicer. de officiis lib. III, cap. XXXI, § 112, cap. XXXII, § 113 — 115. „L. Manlio, cum dictator fuisset..... quia sint flagitiosa, foeda, turpia“.

Елатомская. Основная. Titi Livii ab urbe cond. L. V, cap. XLVII, §§ 1—11. „Dum haec Veis agebantur..... nocturni periculi memoria“.

Запасная. C. Sallustii Crispi de bello Jugurth. Cap. LXXIX, § 2 — 10. „Qua tempestate Carthagenienses..... alique illis domi honores instituti“.

Пензенская 1-я. Основная. Liv. V, cap. XXVII (въ периодъ § 9, начинающемся словами: Denudatum deinde cum и кончающемся — verberantes dedit, необходимо сдѣлать пропускъ, сообщивъ этотъ периодъ такъ: Deinde cum, manibus post tergum illigatis, reducendum Falerios pueris tradidit. А дальше начиная словами: Ad quod spectaculum — до конца главы).

Запасная. Liv. XXV, cap. XVIII.

Пензенская 2-я. Основная. Caesaris „Com. de bello Gallico, liv. III, cap. 20, 21, и 22. „Publius Crassus, cum..... ab Crasso impetravit“.

Запасная. Саллюстий. Югуртинская война, гл. 70, 71 и 72. Заговоръ Бомилькара противъ Югурты. „Bomilcar, cujus impulsu..... ita formidine quasi vecordia exagitari“.

Новоочеркасская. Основная. Titi Livii II, cap. XL. „Missi de pace ad Marcium Coriolanum oratores atrox responsum rettulerint,..... ipse retro ab urbe castra movit“.

Запасная. Ciceron. de offic. III, cap. 14, 58 — 62. „C. Canius, eques Romanus,..... cum esset aliud simulatum, aliud actum“.

Тавропольская. Основная. T. Livii I. XXI, cap. XXX. „Hannibal..... moenibus Romanis“.

Запасная. T. Livii, lib. II, cap. XXXII. Съ начала главы, но безъ „Inde“ до конца и изъ XXXIII главы §§ 1, 2 и 3; кончая словами: „ibique sacratam legem latam“.

Ростовская на Дону. Основная. C. Iulii Caesaris de bello Gallico, libri VII, cap. LXXVII, отъ словъ „Ii, qui Alesiae obsidebantur..... до конца: perpetua premitur servitute“. (Пропустить — tantum apud me dignitas potest.).

Запасная. C. Sallust. Crispi de bello Jugurth., cap. 93. „Marius multis diebus et laboribus consumptis..... ei negotio proximum diem constituit“.

Усть-Медведицкая. Основная. Titi Livii lib. II, cap. XXXIV. Coriolanus. „Consulibus T. Geganio P. Menucio, cum et foris quies omnia“..... всю главу, кромѣ § 6.

ЗАПАСНАЯ. Sallust. Bell Jugurth, cap. LXXVIII и LXXIX.

Харьковская 3-я. (Αβαστ, εξαμενοвавшемуся послѣ каникулъ). Cicer. Tuscul. disputat. lib. V, § 97. („Darius in fugo“) — § 100 („..... „postero die iucundae sunt“).

3. По греческому языку.

Гимназин:

Харьковская 1-я. Основная. Plato, Protagoras, с. XV. 'Εκ παιδων συμ-
κρῶν..... ὁφθαίματα ἀπαλλάττονται.

ЗАПАСНАЯ. Plato, Menexenus, с. XX. Πατέρας δ' ἡμῶν, οἷς εἰς εἰς, καὶ μη-
τέρας αἰὶ γρῆ..... ὥστε πρέπει αὐτὰ μᾶλλον κοσμεῖν ἢ θρῆνεῖν.

Харьковская 2-я. Основная. Xenoph. Cyropaed. lib III, cap. 2, 7 — 14.
Εἶχον δ' οἱ Χαλδαῖοι..... δεξιωσάμενοι ᾤχοντο οἰκαδε.

ЗАПАСНАЯ. Aegiani Anabasis. Alex. lib II, cap. 12, 3—12. 'Αλέξανδρος οὐδὲ τῆς
μητρός..... ἐπαιῶν 'Αλέξανδρον.

Харьковская 3-я. Основная. Xenoph. Memorab. lib. II, cap. 4, 1 — 6.
'Ηκουσα δὲ ποτὲ αὐτοῦ..... σφαλλομένους δὲ πλείστα ἐπανορθῶν.

ЗАПАСНАЯ. Xenoph. Hellenic. lib. V, cap. 4, 20 — 24. Οἱ Θηβαῖοι φοβούμε-
ι..... ἐν Λακεδαιμόνι ἢ δίκῃ χρηθῆναι.

Сумская. Основная. Xenoph. Hellenic. lib II, с. 3, 11 — 15. Οἱ τριάκοντα
ῥέθρησαν..... καὶ εἶπομεν καὶ ἐπράξαμεν.

ЗАПАСНАЯ. Herodoti Historiar. lib. V, 82 — 83. 'Επιδαυριοῖσι ἡ γῆ καρπὸν
οὐδένα ἀνεδίδου..... τὰς δὲ ἐπιχωρίας γυναῖκας.

Старобильская. Основная. Xenoph. Cyropaed. lib. VIII, cap. 5, 17 — 21.
'Ἐπεὶ δὲ πορευόμενοι γίνονται..... ὅταν περ ἀφίκηται βασιλεὺς εἰς Πέρσας.

ЗАПАСНАЯ. Herodoti Historiar. lib VIII, 36—39. Οἱ δὲ Δελφοὶ πυνθανόμενοι
ταῦτα (= τοὺς βαρβάρους ὀρμωμένους) εἰς πᾶσαν ἀρρωδίην ἀπῆκато..... ἀπὸ τοῦ ἱεροῦ
ἀπαλλαγὴ γίνεται.

Курская. Основная. Xenoph. Hellenic. lib. V, с. 4, 47—51. 'Ἐπεὶ δὲ τὸ ἔαρ
ἐπέστη. ἦν γάρ αὕτη ἀσφαλεστέρα.

ЗАПАСНАЯ. Xenoph. Hellenic. lib. II, cap. III, 11—14. Οἱ δὲ τριάκοντα ῥέ-
θησαν..... τοὺς συνεθέλοντας λαμβάνειν.

Бѣлгородская. Основная. Xenoph. Cyropaed. lib. VIII, cap. 8, 1 — 7. 'Ὅτι
μὲν δὴ καλλίστη καὶ μεγίστη..... ἡ τὸ παλαιὸν αὐτῶν.

ЗАПАСНАЯ. Xenoph. Agesil. cap. I, 6—16. 'Ὅσα γὰρ μὴν ἐν τῇ βασιλείᾳ διεπρά-
ξατο ('Αγχιόλαος)..... χρήματα ἔλαβε.

Корожанская. Основная. Demosth. De Corona, §§ 169—173. 'Ἐσπέρα μὲν γάρ...
ἦν πολιτείας ἐσεσθ' ἐμπειρότεροι.

ЗАПАСНАЯ. Plutarchi Pyrrhus, cap. XXI. Φαβριχίου τὴν ἀρχὴν παραλαβόντος....
ἀποπλεύσῃ πάλιν εἰς 'Ηπείρον.

Воронежская. Основная. Xenoph. Cyropaed. lib. III, cap. 3, 21 — 25. 'Ἐκ
τούτου τοῖς μὲν στρατιώταις..... πρὸς τὸν τοῦ στρατοπέδου οἰόμενοι εἶναι.

ЗАПАСНАЯ. Xenoph. Anabasis. lib. III, cap. I, 35—44. 'Ἐκ τούτου λέγει τὰς
Ξενοφῶν..... ὁ μὲν ταῦτ' εἰπὼν ἐπαύσατο.

Тамбовская. Основная. Xenoph. Hellenic. lib. IV, cap. 1, 29 — 36. Ἦν δὲ τις Απολλοφάνης Κυζικηνός..... ἀντάξιον εἶναι τῶν πάντων χρημάτων.

Запасная. Xenoph. Cyropaed. lib. VIII, cap. 3, 44—50. Εἰ τὸ ἔχειν οὕτως..... καὶ οὗτοι μὲν δὴ οὕτω διήγον.

Елатомская. Основная. Herodoti Historiar. lib. VIII, 78 — 82. Τῶν ἐν Σαλαμίῃ στρατηγῶν ἐρίνετο..... κατέδωκε ἐς τὸν ἀριθμὸν.

Запасная. Demosth. De Corona, §§ 66—69. Τί τὴν πόλιν, Αἰσχίνη, προσῆκε ποιεῖν..... καθ' οὗς ἐπολιτευομένη χρόνους.

Пензенская 1-я. Основная. Xenoph. Memorabil. lib. II, cap. 2, 10—14. (Для связи взять слова § 1: Αἰσθόμενος, εἰπέ μοι ἔφη, ὦ παῖ, затѣмъ—последнія слова § 9: νομίσεις κακόνου τὴν μητέρα σοι εἶναι; наконецъ 10 — 14, кончая ἀπολήψεσθαι).

Запасная. Herodoti Historiar. lib. VII, 8, 3, γ, δ (II, III, IV). Для связи начать последними словами α: ὁμέας νῦν ἐγὼ συνέλεξα — кончая ἀποφαίνεσθαι.

Пензенская 2-я. Основная. Xenoph. Cyropaed. lib. I, cap. 4, 7 — 9. Ἐπει δ' ἔγχε ὁ Ἀστυάγης..... σὺ γάρ νῦν γέ ἡμῶν εἰσικας βασιλεὺς εἶναι.

Запасная. Xenoph. Anabas. lib. V, cap. 5, 13—23. Πρὸς ταῦτα ἀναστάς Ξενοφῶν..... ὧν ἐκθυρεῖ φίλοι γίγνεσθαι.

Новочеркасская. Основная. Xenoph. Cyropaed. lib. VII, cap. 3, 2 — 10. Κύρος καλίσας τινὰς τῶν παρόντων..... ἐγὼ δ' ἡ παρακλειυομένη ζῶσα παρακάθημαι.

Запасная. Herodoti Historiar. lib. I, 123 и 124. Ἐόντος τοῦ Ἀστυάγεω πικροῦ ἐς τοὺς Μῆδους..... καὶ ποιεα κατὰ τάχος.

Ташкирская. Основная. Herodoti Historiar. lib. IX, 78 и 79. Ἐν δὲ Πλαταιῇσι..... ἐὼν ἀπαθής.

Запасная. Herodoti Historiar. lib. IX, 37. Μαρδονίῳ δὲ προθυμομένῳ..... καὶ ἀπέθανε.

Ростовская на Дону. Основная. Xenoph. Memorabil. lib. I, cap. 7. Ἐπισκεψάμεθα δέ..... τοιαῦτα διαλεγόμενος.

Запасная. Herodoti Historiar. lib. I, 123 и 124. Κύρῳ δὲ ἀνδρευμένῳ καὶ ἰόντι..... καὶ ποιεα κατὰ τάχος.

Усть-Медведицкая. Основная. Plato, Symposium, cap. VII, Ὑπεραποθνήσκειν μόνος ἐθέλουσιν..... ἀλλὰ καὶ ἐπαποθανεῖν τετελευτηχότι.

Запасная. Demosthen. Περί Ἀλοννήσου, §§ 2 — 6. Φίλιππος ἀρχεται περὶ Ἀλυννήσου λέγων..... τοῦτο δ' ὅμιν οὐ πειητέον ἐστίν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι.

Харьковская 3-я. (Авдзъ, экзаменовавшемуся по окончании каникулъ). Xenoph. Hellenic. lib. VII, cap. 1, 33 — 38. Συνεχῶς βουλευόμενοι Θηβαῖοι..... οὐχ ἱκανῶν ἔφη εἶναι τέττιγι σκιάν παρέχειν.

4. По математикѣ.

Харьковская 1-я.

Основныя. 1) *Арифметика.* Нѣкто продавалъ коровъ и лошадей, каждую корову по 20 руб., каждую лошадь по 40 руб. Продавъ 0,1212... всего бывшаго у него числа коровъ и $\frac{1}{7}$ всего числа лошадей, онъ получилъ въ уплату 40% съ 4.000 рублей. Сколько послѣ продажи у него осталось коровъ и лошадей, если онъ продалъ всего 50 штукъ?

2) *Алгебра*. Для переноски товара нанято нѣкоторое число рабочихъ, которые могутъ перенести весь товаръ въ 8 часовъ. Еслибы рабочихъ было нанято 8-ю болѣе, то каждый переносилъ бы въ часть 5-ю фунтами менѣе, то на переноску товара понадобилось бы времени 7 часовъ; а еслибы рабочихъ было нанято 8-ю менѣе, то каждый переносилъ бы въ часть 11-ю фунтами болѣе, то на переноску товара понадобилось бы времени 9 часовъ. Сколько было нанято рабочихъ и по сколько фунтовъ переносилъ каждый въ часть?

3) *Геометрія*. Построить четырехугольникъ ABCD, зная діагонали AC и BD, уголъ ABC, разстояніе вершины B отъ діагонали AC и отношеніе отрезковъ, образуемыхъ діагональю BD на діагонали AC.

4) *Тригонометрія*. Рѣшить треугольникъ ABC, въ которомъ сторона $a = 647,56$ фут. и прилежащіе углы $B = 37^\circ 18' 40''$ и $C = 71^\circ 53' 15''$.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Четверо имѣютъ вмѣстѣ 252 рубля. У перваго изъ нихъ вдвое больше, нежели у всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ; у втораго въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ у третьяго и четвертаго вмѣстѣ; у третьяго же столько четвертаковъ, сколько у четвертаго пятнадцатинныхъ. Сколько денегъ у каждого?

2) *Алгебра*. Два работника оканчиваютъ нѣкоторую работу въ 12 часовъ. Еслибы сначала одинъ исполнилъ половину работы, а потомъ другой остальную половину, то на работу пошло бы 25 часовъ. Во сколько часовъ каждый отдѣльно можетъ исполнить работу?

3) *Геометрія*. Построить четырехугольникъ ABCD, зная діагонали AC и BD, уголъ ABC, отношеніе $AB : BC$ и разстояніе вершины D отъ діагонали AC.

4) *Тригонометрія*. Рѣшить треугольникъ, въ которомъ одна сторона $a = 627,56$ аршинъ, другая $c = 380,88$ арш. и уголъ между ними $B = 43^\circ 31' 10''$.

Харьковская 2-я.

Основныя. 1) *Алгебра*. Торговецъ продалъ два куска коленирку за 23 рубля, послѣ чего, сдѣлавъ расчетъ, нашелъ, что аршинъ перваго куска онъ продалъ по столько рублей, какъ велика сумма безконечнаго ряда $\frac{1}{3} - \frac{1}{6} + \frac{1}{12} - \frac{1}{24} + \dots$ а аршинъ втораго куска по 30 коп. Сколько аршинъ было въ каждомъ кускѣ?

2) *Геометрія*. Построить треугольникъ по данной суммѣ двухъ его сторонъ и двумъ угламъ.

3) *Тригонометрія*. Величины сторонъ прямоугольнаго треугольника образуютъ между собою непрерывную геометрическую пропорцію. Определить его острые углы.

Запасныя. 1) *Алгебра*. Во что обратится черезъ 10 лѣтъ капиталъ, равный столькож рублямъ, сколько единицъ заключаетъ въ себѣ коэффициентъ 3 члена въ разложеніи $(2a^3 - 3ba^2)^6$, если этотъ капиталъ отдать по 4 сложныхъ процента?

2) *Геометрія*. Пустой мѣдный шаръ, котораго вѣншній радіусъ равенъ 2 дециметрамъ, погружается въ воду ровно на половину. Определить толщину стѣнки шара, принимая удѣльный вѣсъ мѣди равнымъ 9.

3) *Тригонометрія*. Определить поверхность сѣвернаго умѣреннаго пояса, принимая радіусъ земнаго шара $= 858,5$ географическимъ милямъ.

Харьковская 3-я.

Основныя. 1) *Алгебра*. Рѣшить систему уравненій: $x + y + \sqrt{xy} = a \dots (1)$; $x^2 + y^2 + xy = b \dots (2)$, гдѣ a равно 6-му, а b 125-му члену арифметической прогрессіи, имѣющей первый членъ $= 12$, а разность $= 6$; сверхъ того, изъ общей формулы рѣшенія вывести условіе, при которомъ корни уравненій получатся дѣйствительные.

2) *Геометрія*. Въ данный кругъ вписать треугольникъ такъ, чтобы одна сторона его имѣла данную длину a , а медіана этой стороны проходила бы чрезъ данную точку и была параллельна данной прямой.

3) *Тригонометрія*. На вершинѣ конической кровли башни поставленъ флагштокъ, котораго длина $a = 12$ фут. Глазъ наблюдателя находится въ нѣкоторой точкѣ горизонтальной плоскости, проходящей чрезъ основаніе башни. Изъ этой точки флагштокъ виденъ подъ угломъ $\alpha = 3^\circ 40'$, а лучъ зрѣнія, проведенный изъ глаза къ вершинѣ кровли башни, составляетъ съ горизонтальной плоскостью $\angle \beta = 34^\circ 57' 46''$. Найти высоту башни (до оконечности кровли).

Запасныя. 1) *Алгебра*. Периметръ прямоугольнаго Δ равенъ 60 дюйм., а перпендикуляръ, опущенный изъ вершины прямого угла на гипотенузу, $= 12$ дюйм. Вычислить стороны Δ .

2) *Геометрія*. Въ прямой конусъ, высота котораго $h = 5,2$ дюйм., а радиусъ основанія $R = 3,9$ дюйм., вписать шаръ. Вычислить поверхность и объемъ шара.

3) *Тригонометрія*. Площадь равнобедреннаго Δ $S = 50$ кв. дюйм., а уголъ при вершинѣ $L = 100^\circ 26' 24''$. Вычислить полную поверхность тѣла, которое произошло отъ вращенія этого Δ около прямой, перпендикулярной къ основанію и проведенной чрезъ одинъ изъ его концовъ.

Александровская-Сумская.

Основная. 1) *Алгебра*. Во что обратится капиталъ $a = 10.000$, по истеченіи t лѣтъ $= 8$, если къ нему ежегодно (въ концѣ) прибавлять сумму $k = 100$, непрерывно увеличивающуюся въ геометрической прогрессіи съ знаменателемъ $u = 3$, считая по $p = 6\%$?

2) *Геометрія*. По периметру $2p = 24$ и площади $k^2 = 24$, построить прямоугольный Δ , вывести формулы для его сторонъ и опредѣлять ихъ числовыя величины.

3) *Тригонометрія*. Рѣшить Δ по сторонамъ $c = 116, 54$, углу $C = 15^\circ 20' 30''$ и высотѣ $h = 75, 58$.

Запасныя. 1) *Алгебра*. По произведенію крайнихъ членовъ $m = 3.969$, знаменателю $q = 3$ и числу членовъ $n = 5$ написать геометрическую прогрессію.

2) *Геометрія*. Описать даннымъ радиусомъ r окружность, пересѣкающую данную прямую и данную окружность по даннымъ хордамъ.

3) *Тригонометрія*. Рѣшить прямоугольный Δ по катету $b = 103,5$ и радиусу круга описаннаго $R = 95,75$.

Александровская-Старобильская.

Основныя. 1) *Алгебра*. Въ арифметической прогрессіи, число членовъ которой равняется суммѣ корней уравненія: $\sqrt{x + \frac{27}{x}} = 2\sqrt{3}$, сумма членовъ,

стоящихъ на четныхъ мѣстахъ, равна 162, а сумма членовъ на нечетныхъ мѣстахъ равна 138. Найти первый членъ и разность этой прогрессіи.

2) *Геометрія*. Данную прямую m продолжить на столько, чтобы прямоугольникъ, имѣющій сторонами продолженіе данной прямой и всю полученную прямую, былъ равновеликъ квадрату, построенному на прямой b .

3) *Тригонометрія*. Въ равнобедренномъ Δ одна изъ равныхъ сторонъ $a = 70$, уголъ при вершинѣ $B = 56^\circ 8' 41''$. Определить радіусъ вписаннаго круга.

Запасныя. 1) *Алгебра*. Нѣкто, надѣясь прожить 50 лѣтъ, помѣстилъ по $4\frac{1}{2}\%$ сложныхъ капиталъ въ 1.983 р. 42 к., къ которому ежегодно присоединялъ по 360 рублей въ теченіе столькихъ лѣтъ, чтобы остальное время своей жизни можно было пользоваться ежегоднымъ доходомъ 2.700 рублей. Въ продолженіе сколькихъ лѣтъ онъ долженъ дѣлать свои ежегодные взносы?

2) *Геометрія*. Въ данный кругъ вписать четырехугольникъ, когда даны: сторона, діагональ и уголъ, образующійся пересѣченіемъ діагоналей этого четырехугольника и лежащій противъ данной стороны.

3) *Тригонометрія*. Рѣшить Δ по даннымъ: радіусу описаннаго круга $R = 72$, дугѣ $S = 52^\circ 37' 48''$, стягиваемой стороною Δ b , и сторонѣ $a = 84,258$.

Курская.

Основныя. 1) *Алгебра*. Вычислить до сотысячныхъ долей знаменателя кратной прогрессіи, въ которой сумма четвертыхъ степеней крайнихъ членовъ равна 10.025, сумма квадратовъ тѣхъ же членовъ равна 105, а число членовъ равно произведенію многочлена $\frac{2}{3} \sqrt{30} - 0,6 \sqrt{5} + \sqrt{3}$ на многочленъ $\sqrt{8} + \sqrt{3} - \sqrt{5}$.

2) *Геометрія*. Въ шарѣ, радіусъ котораго равенъ 6 футамъ, вписанъ конусъ такъ, что высота конуса дѣлится въ центрѣ шара въ крайнемъ и среднемъ отношеніи. Вычислить объемъ конуса.

3) *Тригонометрія*. Длина окружности круга 50 футовъ. Определить периметръ правильнаго вписаннаго стоугольника.

Запасныя. 1) *Алгебра*. Найти двузначное число по имѣющимся даннымъ: если раздѣлить это число на произведеніе его цифръ, то въ частномъ получится 1, а въ остаткѣ 16; если же придадимъ это число къ $\frac{1}{5} \sqrt[3]{5832000}$, то получимъ число, изображенное тѣми же цифрами, но расположенными въ обратномъ порядкѣ.

2) *Геометрія*. Вычислять поверхность и объемъ тѣла, образуемаго вращеніемъ правильнаго восьмиугольника, сторона котораго a , около одной изъ его сторонъ.

3) *Тригонометрія*. Географическая широта даннаго мѣста $41^\circ 19' 45''$. Какъ великъ радіусъ и градусъ круга, параллельнаго экватору и проходящаго по земной поверхности чрезъ это мѣсто, если принять землю за шаръ, котораго радіусъ равенъ 6.000 верстамъ?

Вългородская Е. К. В. Гериона Эдинбургскаго.

Основныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что въ Харьковской 1-й гимназіи.

2) *Алгебра*. Первый членъ арифметической прогрессіи равенъ числу перестановокъ изъ пяти элементовъ, а разность прогрессіи равна суммѣ коэффициентовъ разложенія $(x + a)^5$. Сколько нужно взять послѣдовательныхъ членовъ прогрессіи, начиная съ перваго, чтобы ихъ сумма равнялась 1.680?

3) *Геометрія*. Капля мыльной воды, помѣщающаяся въ цилиндрѣ, который имѣетъ два миллиметра въ вышину и столько же въ радіусъ основанія, можетъ образовать поверхность мыльного шара, котораго радіусъ равенъ 54 миллиметрамъ. Определить (съ точностью до $\frac{1}{1000}$), какъ велика толщина мыльной оболочки?

4) *Тригонометрія*. Площадь правильнаго вписаннаго въ кругъ девятиугольника равна S . Определить площадь правильнаго семиугольника, вписаннаго въ тотъ же кругъ, и вычислить ее, полагая $S = 25,3723$ фут.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что въ Харьковской 1-й гимназіи (запасная).

2) *Алгебра*. Отецъ, имѣя двухъ сыновей и рассчитывая, что старшій кончить курсъ ученія чрезъ 12 лѣтъ, отдаетъ на это время для приращенія 5.000 руб. по $4\frac{1}{2}\%$, а въ пользу младшаго сына 3.600 руб. по 5% . По прошествіи какого времени младшій получить такую же сумму, какую старшій будетъ имѣть по окончаніи своего ученія?

3) *Геометрія*. Изъ всѣхъ вершинъ правильнаго 6-угольника, какъ изъ центровъ, описаны окружности радіусами, равными половинѣ стороны а 6-угольника. Найти сторону втораго правильнаго 6-угольника, площадь котораго была бы равна части площади перваго 6-угольника, заключенной между указанными окружностями.

4) *Тригонометрія*. Найти сторону и площадь ромба, въ которомъ одинъ изъ угловъ $\alpha = 63^\circ 15'$, а сумма діагоналей $a = 26,4$ фут.

Александровская-Корочанская.

Основныя. 1) *Арифметика*. Мастеръ имѣлъ кусокъ сплава изъ серебра и мѣди вѣсомъ въ $7\frac{1}{2}$ фунтовъ; количество мѣди въ этомъ сплавѣ составляло 25% количества серебра; къ этому куску мастеръ приплавилъ $1\frac{1}{2}$ фунта серебра 84-й пробы и изъ всего полученнаго сплава сдѣлалъ три подсвѣчника. Узнать, какой пробы вышли подсвѣчники и сколько каждый вѣсилъ, если вѣсъ перваго относится къ вѣсу втораго, какъ 1,1666.... къ $1\frac{1}{2}$, а вѣсъ втораго къ вѣсу третьяго, какъ 0,625 къ $1\frac{1}{16}$.

2) *Алгебра*. Торговецъ, въ теченіе четырехъ сряду лѣтъ, ежегодно выручалъ въ три раза болѣе, чѣмъ въ предыдущій годъ. Сколько выручилъ онъ въ первый годъ, если всего въ эти четыре года онъ выручилъ 9.720 рублей?

3) *Геометрія*. Построить вписанный 4-угольникъ ABCD, зная діагональ AC, уголъ ABC, отношеніе AB : BC и разстояніе вершины D отъ діагонали AC.

4) *Тригонометрія*. Въ кругѣ, служащемъ основаніемъ прямаго круговаго цилиндра, проведена хорда, длина которой = 4,8 дюйма; соответствующій ей центральный уголъ = $26^\circ 32' 46''$. Высота цилиндра равняется 23 дюймамъ. Определить объемъ цилиндра.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Вексель въ 18.000 руб. по 5% былъ учтенъ за 7 мѣсяцевъ до срока и на вырученные деньги былъ купленъ чай по 2½ рубля за фунтъ; чай этой былъ положенъ въ 3 ящика, и число фунтовъ перваго ящика относилось къ числу фунтовъ втораго, какъ 3½, къ 5, а число фунтовъ третьяго какъ 3 : 2, (6). Сколько фунтовъ было въ каждомъ ящикѣ?

2) *Алгебра*. Раздѣлить $\sqrt[3]{7414875}$ на три части, образующія непрерывную кратную пропорцію, которой первый членъ превышаетъ послѣдній на число, равное коэффициенту 8-го члена разложенія $(a + b)^{10}$.

3) *Геометрія*. Къ данной окружности провести касательную такъ, чтобы отрезокъ ея въ другой данной окружности имѣлъ данную длину a .

4) *Тригонометрія*. По данной площади Δ , равной 547,57 кв. фут., и угламъ $A = 103^\circ 18'$ и $B = 23^\circ 23' 22''$ опредѣлить стороны a и b .

Воронежская.

Основныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что для Харьковской 1-й гимназіи.

2) *Алгебра*. Двумъ артелямъ рабочихъ выдано 330 рублей. Каждый рабочий первой артели получилъ 16 рублей, а каждый рабочий второй артели 9 рублей. Сколько было рабочихъ въ каждой артели?

3) *Геометрія*. Въ кругѣ, радіусъ котораго равенъ R , проведены два взаимно перпендикулярныхъ діаметра CD и AB , точки B и C соединены прямою BC , которая затѣмъ продолжена до встрѣчи въ точкѣ E съ касательною AE , проведенною къ окружности въ точкѣ A . Опредѣлить объемъ тѣла, получаемаго отъ вращенія около AB той фигуры, которая ограничена прямыми CE и AE и дугою AMC (меньшею $\frac{1}{2}$ -окружности).

4) *Тригонометрія*. Рѣшить Δ по сторонамъ $a = 25$ ф., противуположному углу $A = 36^\circ 10' 34''$ и суммѣ двухъ другихъ сторонъ $b + c = 31$.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что для Харьковской 1-й гимназіи (запасная).

2) *Алгебра*. Произведеніе перваго и третьяго членовъ прогрессіи равно 9; отношеніе третьяго члена ко второму равно четвертому члену, уменьшенному въ 9 разъ. Сколько членовъ въ прогрессіи, если сумма ихъ равна 1.080?

3) *Геометрія*. Опредѣлить высоту правильной треугольной пирамиды, зная, что сторона Δ , служащаго основаніемъ ея, равна a и боковая поверхность въ два раза больше площади основанія.

4) *Тригонометрія*. Дугу въ 30° раздѣлить на такія двѣ части, чтобы синусъ одной изъ двухъ получаемыхъ при этомъ дугъ былъ вдвое болѣе синуса другой.

Тамбовская.

Основныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что для Харьковской 1-й гимназіи.

2) *Алгебра*. Изъ всѣхъ равнобедренныхъ треугольниковъ, вписанныхъ въ кругъ радіуса r , опредѣлить тотъ, который имѣетъ наибольшую площадь.

3) *Геометрія*. Данный равносторонній Δ обратить въ равносторонній ему квадратъ.

4) *Тригонометрія*. Определить площадь сегмента по соответствующей ему дуге $\alpha = 45,5^\circ$ и хорде $a = 0,25$ фут.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что для Харьковской 1-й гимназии (запасная).

2) *Алгебра*. Найти трехзначное число по следующим условиям: сумма цифр этого числа равна 24; если из цифры десятков вычесть цифру единиц, то полученная разность будет в 4 раза меньше цифры сотен; если же цифры искомого числа написать наоборот (въ обратномъ порядкѣ), то полученное число будетъ на 99 меньше искомого.

3) *Геометрія*. Определить площадь правильного 5-угольника, вписаннаго въ кругъ радиуса $r = 0,5$ ф.

4) *Тригонометрія*. Показать, что въ прямоугольномъ Δ $a + b = c \sqrt{2} \cos \frac{A+B}{2}$, гдѣ a и b суть катеты, c есть гипотенуза, A —уголъ, противолежащій катету a , B —уголъ, противолежащій катету b .

Елатомская.

Основныя. 1) *Арифметика*. Изъ двухъ сортовъ золота 78 и 720 : 7,2 — 293, (3)... 9, (7)... 7,5 $\frac{151\frac{7}{8} : 20\frac{1}{4} - \frac{1}{2}}{1}$ пробы, требуется составить слитокъ вѣсомъ въ 2 фунта 8 золотн. 76,2 пробы. Сколько золотниковъ надо взять отъ каждаго сорта?

2) *Алгебра*. Одна часть капитала въ 10.000 р. приноситъ ежегодно 300 р. прибыли, а другая 240 рублей. По сколько процентовъ отдана каждая часть въ ростъ, если со второй получается однимъ процентомъ болѣе, чѣмъ съ первой?

3) *Геометрія*. Шаръ радиуса $\sqrt[3]{9}$ равновеликъ конусу, боковая поверхность котораго въ 7 разъ больше площади основанія. Определить высоту конуса.

4) *Тригонометрія*. Въ треугольникѣ ABC $\angle A = 50^\circ 7' 48,36''$, уголъ $B = 71^\circ 4' 31,29''$ и разность высотъ, опущенныхъ изъ вершинъ этихъ угловъ, равна 22,32973 фута. Вычислять сторону c .

Запасныя. 1) *Арифметика*. 2 артели рабочихъ получили вѣсть 268 рублей. Первая состояла изъ 15 рабочихъ и работала $\frac{[0,0(6)... + 0,2(3)...] 0,4}{[0,3(8)... - 0,25] : 0,58(3)...} \frac{28}{750}$ дней, вторая состояла изъ 12 рабочихъ и работала 21 день. Сколько выручила каждая артель?

2) *Алгебра*. За число фунтовъ нѣкотораго товара, равное $10\frac{1}{2}$ коэффициента 5-го члена разложенія $(a+b)^9$, заплачено 1 р. 80 коп. меньше, нежели за то же число фунтовъ другаго товара; при этомъ извѣстно, что если купить каждаго товару на $8\frac{1}{2}$ рубля, то перваго будетъ больше на $3\frac{1}{2}$ фунта, чѣмъ втораго. Что стоить фунтъ каждаго?

3) *Геометрія*. Сумма объемовъ двухъ шаровъ равна объему усѣченнаго конуса, радиусы основаній котораго суть 7 и 3, а высота $14\frac{1}{2}$; сумма же радиусовъ шаровъ равна суммѣ радиусовъ основаній конуса. Определить радиусы шаровъ.

4) *Тригонометрія*. Высота треугольника $h=1$, арш., а углы, прилежащіе къ основанію, соответственно равны $\angle B=22^\circ 37' 11''$, и $\angle C=36^\circ 52' 11''$. Вычислить площадь треугольника.

Пензенская 1-я.

Основныя. 1) *Арифметика*. Два купца мѣняются векселями. У перваго изъ нихъ вексель въ 7.920 руб., срокомъ черезъ 8 мѣсяцевъ, а у втораго— въ 9.600 рублей, срокомъ чрезъ 5 мѣсяцевъ 11 дней. Первый вексель они согласились учесть по $7\frac{1}{2}\%$, а второй—по 4% . Сколько рублей долженъ доплатить первый купецъ второму при совершении мѣны?

2) *Алгебра*. Первый членъ арифметической прогрессіи равенъ 8, разность прогрессіи $1\frac{1}{2}$. Определить число членовъ этой прогрессіи, зная, что сумма ихъ равна тому члену бинома Ньютона $(\sqrt[3]{a} + \sqrt{a-1})^{12}$, который не зависитъ отъ a .

3) *Геометрія*. Построить Δ по данному периметру p , по данному углу α и отношенію сторонъ m : n , не заключающихъ этотъ уголъ.

4) *Тригонометрія*. Радиусъ круга, вписаннаго въ треугольникъ, $r=28$, фута; кромѣ того, даны два угла Δ : $A=33^\circ 23' 55''$ и $B=131^\circ 24' 44''$. Найти стороны этого треугольника.

Запаяныя. *Арифметика*. 15 работниковъ и 12 работницъ, занимаясь ежедневно по 10 час. 30 мин., сняли съ поля хлѣбъ въ 12 дней. Во сколько дней 21 работникъ и 8 работницъ, занимаясь въ день по 8, часа, уборутъ хлѣбъ съ поля, длина котораго относится къ длинѣ перваго, какъ $0,1:1/8$, а ширина котораго относится къ ширинѣ перваго какъ $0,1:0,5(6)$, если извѣстно, что сила мужчины относится къ силѣ женщины, какъ $0,1(6):0,1(9)$.

2) *Алгебра*. Рѣшить систему уравненій:

$$10^3 - 10^2 10^{(x-y)} = 250,$$

$$\sqrt{x-y} + \frac{1}{2}\sqrt{x+y} = \frac{26-y}{\sqrt{x-y}}.$$

3) *Геометрія*. Построить треугольникъ по даннымъ основанію a и противолежащему углу 1 , такъ, чтобы онъ былъ равновеликъ данному ΔABC .

4) *Тригонометрія*. Стороны треугольника составляютъ геометрическую прогрессію, знаменатель которой равенъ $1\frac{1}{2}$; периметръ треугольника содержитъ 95 фут. Найти углы треугольника и радиусъ вписаннаго круга.

Пензенская 2-я.

Основныя. 1) *Алгебра*. Сумма первыхъ трехъ членовъ геометрической прогрессіи равна числу, котораго логарифмъ при основаніи 3.796.416 равенъ 0.333...; разность между третьимъ и первымъ членомъ равна величинѣ x , при которой выраженіе $0,5^{x^2-192x+9216}$ обращается въ единицу. Найти прогрессію.

2) *Геометрія*. Построить правильный 6- угольникъ, площадь котораго равнялась бы площади даннаго квадрата.

3) *Тригонометрія*. Одна изъ сторонъ $\Delta a = 9,3$ фут., уголъ, лежащій противъ этой стороны, $A = 95^\circ 44' 21''$, а отношеніе двухъ сторонъ остальныхъ равно $n = 0,64$. Рѣшить треугольникъ.

Запасныя. 1) *Алгебра*. За 32 фунта чаю и 18 фунтовъ сахару заплачено 61 р. 20 коп. Въ другой разъ, когда цѣна чаю поднялась на $11\frac{1}{2}\%$, а цѣна сахару понизилась на 10% , за тѣ же 32 фунта чаю и 18 фунтовъ сахару пришлось заплатить 67 р. 24 к. Определить первоначальную цѣну фунта чаю и фунта сахару.

2) *Геометрія*. Построить треугольникъ по данной высотѣ, данному углу π при вершинѣ и радіусу r вписаннаго круга.

3) *Тригонометрія*. Треугольникъ, одна изъ сторонъ котораго есть $c = 6$ фут., прилежащіе ей углы $A = 97^\circ 12' 20''$ и $B = 13^\circ 18'$, вращается вокругъ стороны c , какъ вокругъ оси. Вычислить объемъ и поверхность тѣла, происходящаго отъ этого вращенія.

Новочеркасская.

Основныя. 1) *Арифметика*. Бассейнъ наполняется черезъ 2 трубы въ 10 минутъ, а черезъ одну, меньшую изъ нихъ, въ 30 минутъ. Если открыть меньшую трубу на 10 минутъ, затѣмъ закрыть ее и открыть большую на три минуты, то для наполненія бассейна, послѣ этого, потребуется влить въ него еще 63 ведра. Сколько ведеръ воды помѣщается въ бассейнѣ?

2) *Алгебра*. Домовладѣлец заложилъ домъ за 12.000 рублей по 5% . Сколько рублей останется онъ долженъ, по прошествіи 5 лѣтъ, если въ продолженіе этого времени въ концѣ каждаго года онъ будетъ уплачивать по 2.000 рублей.

3) *Геометрія*. Въ кругѣ даннаго радіуса r вписать трапецію, у которой діагонали были бы взаимно перпендикулярны и одна изъ параллельныхъ сторонъ стягивала бы дугу въ 60° , и определять площадь этой трапеціи при $r = 5,24$.

4) *Тригонометрія*. Вычислить площадь правильнаго 11-угольника, апогея котораго равна 10-ти сантиметрамъ.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Три брата раздѣлили между собою нѣкоторый капиталъ пропорціонально 8; 8, 3 (8) и 9. Первый изъ братьевъ пустилъ въ торговлю $\frac{11}{36}$ своего капитала и получилъ при этомъ 11% прибыли, такъ что капиталъ его, бывшій въ торговлѣ, обратился въ 14.652 р. Определить первоначальный общій капиталъ.

2) *Алгебра*. Найти трехзначное число, сумма цифръ котораго равна 18, число единицъ равно $\frac{1}{8}$ того числа, которое получится, если въ искомомъ числѣ отбросить цифру единицъ, число сотенъ равно разности числа единицъ и десятковъ.

3) *Геометрія*. Вычислить поверхность и объемъ тѣла, происходящаго отъ вращенія прямоугольнаго Δ около гипотенузы, зная, что перпендикуляръ, опущенный изъ вершины примаго угла на гипотенузу, равенъ 5 дюймамъ, а одинъ изъ угловъ $\Delta 30^\circ$.

4) *Тригонометрія*. Рѣшить равнобедренный треугольникъ по основанію его $b = 5, 2$ дюйма и перпендикуляру, опущенному изъ конца основанія на сторону $= 3, 285$ дюйма.

Талантовская.

Основныя. 1) *Алгебра*. Количество мѣди въ слиткѣ составляетъ столько процентовъ количества чистаго серебра, сколько единицъ содержится въ номерѣ пробы этого слитка. Вычислить пробу слитка.

2) *Геометрія*. Построить треугольникъ, если даны уголъ A , высота h и радиусъ описаннаго круга R .

3) *Тригонометрія*. Одна изъ сторонъ треугольника $a = 9,3$ фута, уголъ $A = 95^\circ 44' 21''$, а отношеніе двухъ остальныхъ сторонъ равно $0,64$. Рѣшить треугольникъ.

Запасныя. 1) *Алгебра*. Найти четыре числа, образующія геометрическую прогрессию, зная, что ихъ сумма $= 30$, а отношеніе суммы двухъ среднихъ къ послѣднему равно $\frac{3}{4}$.

2) *Геометрія*. Около шара описанъ конусъ, котораго образующая равна диаметру основанія. Найти отношеніе объема и полной поверхности конуса къ объему и поверхности шара.

3) *Тригонометрія*. Сумма діагоналей ромба $m = 16, 8$ фут., и одинъ изъ его угловъ A равенъ $35^\circ 7' 14''$. Вычислить площадь ромба.

Ростовская на Дону.

Основныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что въ Харьковской 1-й гимназій.

2) *Алгебра*. Арифметическая и геометрическая прогрессіи имѣютъ обѣ первый членъ 3; разность вторыхъ членовъ $= 6$; третьи члены ихъ одинаки; въ обѣихъ прогрессіяхъ всѣ члены положительные. Найти эти прогрессіи.

3) *Геометрія*. Въ данный равнобедренный треугольникъ, коего основаніе и высота $= h$, вписать квадратъ такъ, чтобы двѣ его вершины лежали на основаніи, а двѣ другія на равныхъ сторонахъ треугольника и опредѣлить отношеніе объемовъ и боковыхъ поверхностей тѣлъ, образуемыхъ вращеніемъ даннаго треугольника и квадрата около оси, совпадающей съ высотой треугольника.

Тригонометрія. Изъ точки A , лежащей на одной горизонтальной плоскости съ основаніемъ башни, вершина башни видна подъ угломъ въ $35^\circ 9' 29''$. Отойдя по направленію къ башнѣ на 76 футовъ отъ точки A , видимъ вершину башни уже подъ угломъ въ $56^\circ 35'$. Найти высоту башни.

Запасныя. 1) *Арифметика*. Задача та же, что для Харьковской 1-й гимназій (запасная).

2) *Алгебра*. Нѣкто внесъ въ банкъ 3.600 рублей и потомъ прибавилъ въ концѣ каждаго года по 300 рублей. Какой капиталъ составитъ у него черезъ 15-ть лѣтъ, считая по 4% (сложн.)?

3) *Геометрія*. Въ шарѣ, радиусъ котораго $= 6$ футамъ, проведено сѣченіе на разстояніи $\frac{1}{4}$ радиуса отъ центра. Въ сѣченіе вписать квадратъ, служащій общимъ основаніемъ для двухъ правильныхъ пирамидъ, вершины кото-

рых лежать на противоположныхъ концахъ шароваго діаметра, перпендикулярнаго къ сѣченію. Опреѣлить объемъ образовавшейся двойной пирамиды.

4) *Тригонометрія*. Сумма діагоналей ромба $= 68$ дюйм.; острый уголъ его $= 45^\circ 14' 22''$. Опреѣлить сторону ромба и его площадь.

Уст-Методическая.

Основные. 1) *Алгебра*. Найти трехзначное число по слѣдующимъ условіямъ: сумма квадратовъ его цифръ равна 70, квадратъ средней цифры на 11 меньше удвоеннаго произведенія двухъ крайнихъ цифръ; наконецъ, если къ искомому числу прибавить 297, то получится число, состоящее изъ тѣхъ же цифръ, какъ и искомое, но только расположенныхъ въ обратномъ порядкѣ.

2) *Геометрія*. Построить Δ , зная углы A и B , и площадь котораго равнялась бы K^2 .

3) *Тригонометрія*. Рѣшить Δ , зная, что $\angle A = 63^\circ 18' 12''$, $\angle B = 58^\circ 22' 18''$ и площадь его $= 564, 15$.

Запасныя. 1) *Алгебра*. Опреѣлить всѣ цѣлыя и положительныя значенія x и y въ уравненіи $ax + by = 547$, если a равно четвертому, а b — девятому члену арифметической прогрессіи, которой разность равна 2, а сумма девяти членовъ $= 101\frac{1}{4}$.

2) *Геометрія*. Радиусъ нижняго основанія прямого усѣченнаго конуса $= R$, радиусъ его верхняго основанія $= R_1$. Плоскость, проходящая чрезъ ось этого конуса, даетъ въ сѣченіи съ нимъ трапецію, равновеликую правильному треугольнику, сторона котораго $= a$. Опреѣлить боковую поверхность упомянутого усѣченнаго конуса.

3) *Тригонометрія*. Сумма діагоналей ромба $= 68$ дюймамъ; острый уголъ его $= 45^\circ 14' 22''$. Опреѣлить сторону ромба и его площадь.

Харьковская 3-я. (Абазѣ, экзаменовавшемуся послѣ каникулъ).

1) *Алгебра*. Нѣкто занялъ неизвестную сумму денегъ по $5\frac{1}{2}\%$, сложившихъ и обязался погасить этотъ долгъ черезъ 25 лѣтъ, внося въ концѣ каждаго изъ послѣднихъ 12 лѣтъ по 3.300 р.; въ теченіе же первыхъ 13 лѣтъ со дня займа онъ былъ избавленъ отъ всякихъ уплатъ. Опреѣлить первоначально занятую сумму.

2) *Геометрія*. Построить треугольникъ по данному основанію a и противоположному углу α такъ, чтобы онъ былъ равновеликъ данному треугольнику ABC .

3) *Тригонометрія*. Въ треугольникѣ ABC углы при основаніи равны: $\angle A = 37^\circ 24' 36''$, $\angle C = 48^\circ 13' 16''$, высота $h = 17, 345$. Вычислить поверхность тѣла вращенія, которое получится, если треугольникъ обращать около прямой, проведенной чрезъ вершину B параллельно основанію.

VII. ПО КІЕВСКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

Заслуги Карамзина, какъ литератора.

2. По латинскому языку.

Titi Livii, liber XXX, cap. 7.

3. По греческому языку.

Xenophontis Hellenica lib. III, cap. IV, §§ 25, 26, 27, 28 и 29.

4. По математикѣ.

По алгебрѣ.

Нѣкто завѣщаль капиталъ въ 18.360 рублей раздѣлять между наслѣдниками, число которыхъ было четное, такъ, чтобы старшій изъ нихъ получить нѣкоторую опредѣленную сумму денегъ, второй на 60 р. болѣе старшаго, третій на 60 р. болѣе втораго и т. д. до послѣдняго. При раздѣлѣ первая половина наслѣдниковъ (старшіе) пожелала приходящуюся по завѣщанію на оя долю сумму раздѣлить между собою поровну: тогда каждому изъ нихъ и пришлось получить по 1.350 рублей. Сколько было всѣхъ наслѣдниковъ?

По геометріи.

Площадь сѣченія шара плоскостью равна $50\frac{1}{2}$ квадр. дюйма и отстоитъ отъ центра шара на 3 дюйма. Опредѣлить объемъ шара и боковую поверхность большаго вписаннаго конуса, опирающагося на это сѣченіе ($\pi = \frac{22}{7}$).

*По тригонометріи.*Опредѣлить дугу x изъ уравненія: $\sin x + \sin 2x + \sin 3x = 0$.

VIII. ПО ДЕРПТСКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

Рижская Александровская гимназія.

Почему считается неправильнымъ ученіе, что цѣль оправдываетъ средства.

Ревельская Александровская гимназія.

Пушкинъ, какъ національный поэтъ.

2. По латвскому языку.

Рижская Александровская гимназія.

De Camilli institia.

Liv. lib. V, 27, 1—11, 15.

§ 1. Mos erat Faliscis eodem magistro liberorum et comite uti, simulque plures pueri, quod hodie quoque in Graecia manet, unius curae demandabantur. principum liberos, sicut fere fit, qui scientia videbatur praecellere, erudiebat. is cum in pace instituisset pueros ante urbem lusus exercendique causa producere, nihil eo more per belli tempus intermisso, diu modo brevioribus modo longioribus spatiis trahendo eos a porta, lusu sermonibusque variatis longius solito, ubi res dedit, progressus inter stationes eos hostium castraque inde Romana in praetorium ad Camillum perduxit. ibi scelesto facinori scelestiorem sermonem addit, Falerios se in manus Romanis tradidisse, quando eos pueros, quorum pa-

rentes capita ibi rerum sint, in potestatem dederit. quae ubi Camillus audivit, „non ad similem“, inquit, „tui nec populum nec imperatorem scelestus ipse cum scelesto munere venisti. nobis cum Faliscis, quae pacto fit humano, societas non est, quam ingeneravit natura, utriusque est eritque. sunt et belli sicut pacis iura, iusteque ea non minus quam fortiter didicimus gerere. arma habemus non adversus eam aetatem, cui etiam captis urbibus parcitur, sed adversus armatos et ipsos, qui nec laesi nec lacessiti a nobis, castra Romana ad Veios oppugnant. eos tu, quantum in te fuit, novo scelere vicisti: ego Romanis artibus: virtute, opere, armis sicut Veios vincam“. denudatum deinde eum, manibus post tergum inligatis, reducendum Falerios pueris tradidit, virgasque eis, quibus proditorem agerent in urbem verberantes, dedit. ad quod spectaculum concursu populi primum facto, deinde magistratibus de re nova vocato senatu, tanta mutatio animis iniecta est,.... ut pacem universa posceret civitas. fides Romana, iustitia imperatoris in foro et curia celebrantur, consensuque omnium, legati ad Camillum in castra atque inde permissu Camilli Romam ad senatum qui dederent Falerios, proficiscuntur. Camillo et ab hostibus et a civibus gratiae actae. Faliscis in stipendium militum eius anni, ut populus Romanus tributo vacaret, pecunia imperata pace data exercitus Romam reductus.

1) *Falisci* жители гор. Фалерій въ Этруріи.

principes почти тоже въ § 4 capita regum.

2) *Diu* — долгое время противопоставляется выражению *ubi res dedit*, longius progressus.

inter stationes чрезъ.

5) *Pacto* по договору.

7) *et ipsos* и при томъ.

10) *Stipendium* — жалованье выдавалось по истеченіи года; въ случаѣ недостатка въ казѣ денегъ налагали на граждан tributum.

Ревельская Александровская гимназія.

Omisso Romano bello Porsina, ne frustra in Latium exercitus adductus videretur, cum parte copiarum filium Arruntem Ariciam oppugnatum mittit. primo Aricinos res necopinata perculerat. accessita deinde auxilia et a Latinis populis et a Cumis tantum spei fecere, ut acie decernere auderent. proelio inito adeo concitato impetu se intulerant Etrusci, ut funderent ipso incurso Aricinos. Cumanae cohortes, arte adversus vim usae, declinare paululum, effuseque praelatos hostes conversis signis ab tergo adortae sunt: ita in medio prope iam victores caesi Etrusci. pars perexigua duce amisso, quia nullum propius perfugium erat, Romam inermes et fortuna et specie supplicum delati sunt. ibi benigne excepti divisique in hospitia. curatis vulneribus alii profecti domos nuntii hospitalium beneficiorum, multos Romae hospitum urbisque caritas tenuit. his locus ad habitandum datus, quem deinde Tusculum vicum appellarant.

Spurius Lucretius inde et P. Valerius Publicola consules facti. eo anno postremum legati a Porsina de reducendo in regnum Tarquinio venerunt. quibus cum responsum esset missurum ad regem senatum legatos, missi confestim honoratissimus quisque e patribus: non quin breviter reddi responsum po-

tuerit non recipi reges, ideo potius delectos patrum ad eum missos quam legatis eius Romae daretur responsum, sed ut in perpetuum mentio eius rei finiretur, neu in tantis mutuis beneficiis in vicem animi sollicitarentur, cum ille peteret, quod contra libertatem populi Romani esset, Romani, nisi in perniciem suam *faciles* ¹⁾ esse vellent, negarent, cui nihil negatum vellent, non in regno populum Romanum, sed in libertate esse: ita induxisse in animum, hostibus potius portas quam regibus patefacere. eam esse voluntatem omnium, ut qui libertati erit in illa urbe finis, idem urbi sit: proinde, si salvam esse vellet Romam, ut patiatur liberam esse, orare. rex verecundia victus „quando id certum atque obstinatum est“ ²⁾ inquit „neque ego obtundam saepius eadem nequiquam agendo, nec Tarquinius spe auxilii, quod nullum in me est, frustrabor. alium hinc, seu bello opus est seu quiete, exilio quaerant locum, ne quid meam vobiscum pacem distineat“. dictis facta amiciora adiecit. obsidum quod reliquum erat reddidit, agrum Veientem foedere ad Janiculum icto ademptum restituit Tarquinius spe omni reditus incisa exulatum ad generum Mamilium Octavium Tuseulum abiit. Romanis pax fida ita cum Farsina fuit.

¹⁾ Податливый. ²⁾ „Такъ какъ это ваше твердое и неизмѣнное рѣшеніе“

3. По греческому языку.

Рижская Александровская гимназія.

Александръ Македонскій въ лагерь эллиновъ.

Herodot. IX, §§ 44, 45, со словъ: ὡς πρόσω τῆς νυκτὸς προελήλατο и т. д. до словъ: εἰμι δὲ Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδών.

§ 44, ὡς πρόσω τῆς νυκτὸς προελήλατο — когда была глубокая ночь. διζῆμαι — желаю. παραγομὸν — говорю, произношу.

§ 45, παραθήκη ἡ — залогъ, доказательство. Прибавъ: моей преданности. τίθεμαι — λέγω. ἀπορρήτων ποιεῖσθαι — запрещать. τὸ σφάγιον — жертвоприношеніе. καταθύμιος — благопріятный. εἰάν χαίρειν — не обращать вниманія. διαφώσκω — разсвѣтять. εἰκάζω — предполагать, догадываться. ἐτοιμάζω — med. готовиться. ὑπερβάλλω — med. откладывать. λιπαρέω — продолжать. τινά — ἕκαστον. παραβολός — опасный. προθυμία — готовность, преданность. προσδέχομαι — ожидать.

Ревельская Александровская гимназія.

Ἄνδρες Πελοποννήσιοι καὶ ξύμμαχοι, πατέρες ἡμῶν πολλὰς στρατείας καὶ ἐν αὐτῇ Πελοποννήσῳ καὶ ἔξω ἐποίησαντο, καὶ τούτων ἡμῶν οἱ πρεσβύτεροι οὐκ ἀπειροὶ πολέμων εἰσίν. ὅμως δὲ τῆσδε οὐκω μείζονα παρασκευὴν ἔχοντες ἐξῆλθομεν, ἀλλὰ καὶ ἐπὶ πᾶσιν δυνατοτάτην νῦν ἐρχόμεθα, καὶ αὐτοὶ κλειστοὶ καὶ ἀριστοὶ στρατεύοντες. ἴκατον οὖν ἡμᾶς μήτε τῶν πατέρων χεῖρους φαίνεσθαι μήτε ἡμῶν αὐτῶν τῆς δόξης ἐνδεεστέους. ἡ γὰρ Ἑλλὰς πᾶσα τῇδε τῇ ὁρμῇ ἐκῆρται καὶ προσέχει τῇ γνώμῃ, εὖνοιαν ἔχουσα διὰ τὸ Ἀθηναίων ἔχθος πρᾶξαι ἡμᾶς ἃ ἐπινοοῦμεν. οὐκ οὐκ χρῆ, εἴ τι καὶ δοκοῦμεν πληθεῖ ἐπιέναι καὶ ἀσφάλεια πολλὴ εἶναι μὴ ἂν ελθεῖν τοῖς ἐναντίοις ἡμῖν διὰ μάχης, τοῦτου ἕνεκα ἀμελείστερόν τι παρεσκευασμένους χωρεῖν, ἀλλὰ καὶ πόλεως ἐχάσσης ἡγεμόνα καὶ στρατιώτην τὸ καθ' αὐτὸν ἀεὶ προσδέχεσθαι ἐς τί

δυνόν τινα ἦξειν. ἀδελφὰ γὰρ τὰ τῶν πολέμων καὶ ἐξ ολίγου τὰ πολλὰ καὶ δι' ὀργῆς αἱ ἐπιχειρήσεις γίνονται· πολλάκις τε τὸ ἔλασσαν πλῆθος δεδιὸς ἀμεινον ἡμύνατο τοὺς πλέονας διὰ τὸ καταφρονούντας ἀπαρασκευάτους γενέσθαι, χρὴ δὲ αἰ ἐν τῇ πολεμίᾳ τῇ μὲν γνώμῃ θαρσαλέους στρατεύειν, τῷ δὲ ἔργῳ δεδιότας παρασκευάζεσθαι. οὕτω γὰρ πρὸς τε τὸ ἐπιέναι τοῖς ἐναντίοις εὐψυχότατοι ἂν εἴεν, πρὸς τε τὸ ἐπιχειρεῖσθαι ἀσφαλίστατοι. ἡμεῖς δὲ οὐδ' ἐπὶ ἀδύνατον ἀμύνεσθαι οὕτω πόλιν ἐρχόμεθα, ἀλλὰ τοῖς πᾶσιν ἀρίστα παρασκευασμένην, ὥστε χρὴ καὶ πάνυ ἐλπίζειν διὰ μάχης ἰέναι αὐτούς, εἰ μὴ καὶ νῦν ὠρμηγναι ἐν ᾧ οὕτω πάρεσμεν, ἀλλ' ὅταν ἐν τῇ γῇ ὀρθῶσιν ἡμᾶς διοῦντες τε καὶ τάχεινων φθείροντας. πᾶσι γὰρ ἐν τοῖς ὅμμασι καὶ ἐν τῷ παραυτίκῃ ὁρᾶν πάσχοντάς τι ἀθῆς ὀργὴν προσκίπτει, καὶ οἱ λογισμῶ ἐλάχιστα χρώμενοι θυμῷ πλείεστα ἐς ἔργον καθίστανται. Ἀθηναίους δὲ καὶ πλεον τῶν ἄλλων εἰκὸς τοῦτο δρᾶσαι, οἱ ἀρχεῖν τε τῶν ἄλλων ἀξιούσι καὶ ἐπιόντες τὴν τῶν πέλας διοῦν μάλλον ἢ τὴν αὐτῶν ὁρᾶν. ὥς οὖν ἐπὶ τοσαύτῃ πόλιν στρατεύοντες καὶ μεγίστην δόξαν οἰσόμενοι τοῖς τε προγόνοις καὶ ἡμῖν αὐτοῖς ἐπ' ἀμφοτέρω ἐκ τῶν ἀποβινόντων, ἐπεσθ' ὅπῃ ἂν τις ἡγήται, κόσμον καὶ φυλακὴν περὶ παντός ποιοῦμενοι καὶ τὰ παραγγελόμενα ὀξέως δεχόμενοι· καλλίστον γὰρ τότε καὶ ἀσφαλέστατον πολλοὺς ὄντας ἐνὶ κόσμῳ ὑπάρμενους φαίνεσθαι (Thuc. II, 11).

Ревельская Александровская гимназія.

Помпей, узнавъ о событіяхъ, происшедшихъ въ *Аполлоніи* (*Arrolonia*, ae), боясь за *Диррахію* (*Dyrrhachium*, i), сѣлѣтъ туда (подвигаясь) дневными и ночными переходами (= путями). Въ то же время *шла молва о приближеніи Цезаря* (= говорилось, что приближается Цезарь), и на войско Помпея напалъ вслѣдствіе того такой страхъ, что почти всѣ воины изъ Эпира и соседнихъ странъ оставили знамена, и весьма многіе побросали прочь оружіе, и походъ, казалось, представлялъ *подобіе бѣгства* (= былъ похожъ на бѣгство). Но когда Помпей остановился въблизи *Диррахіи* и велѣлъ *размѣрить* (*metari*) лагерь, между тѣмъ какъ его войско все еще было *въ страхѣ* (= утрачено), Лабіенъ первый выступаетъ впередъ и клянется, что онъ его не покинетъ и *подвергнется* (*subire*) той же самой участи, какую бы судьба ему ни *назначила* (= удѣлила). То же клянутся (сдѣлать) и остальные легаты; за ними слѣдуютъ военные трибуны и центуріоны и все войско. А Цезарь, заравне занявъ путь къ *Диррахію*, *прекращаетъ (свое) постепенное движеніе* (= дѣлаетъ конецъ поспѣшнаго движенія, *propegate*) и располагается у рѣки *Апса* (*Arsus*, i) въ предѣлахъ *Аполлонійцевъ* (*Apolloniates*, ae) для того, чтобы оказавшія ему добрыя услуги общины были *обезпечены* (= безопасны) (воздвигнутыми) крѣпостцами и (разставленными) *ночными стражами* (*vigiliae*, агш), и тутъ онъ рѣшился ожидать прибытія изъ *Италіи* остальныхъ *легионовъ* и зимовать *въ палаткахъ* (= подъ шкурами). То же сдѣлалъ и Цезарь и, расположившись лагеремъ по ту сторону рѣки *Апса*, свелъ туда *всѣхъ* всѣ свои *боевыя силы* (*coriae*, агш) и вспомогательныя войска.

Ревельская Александровская гимназія.

Когда Мардоній вторгся въ Беотію, греки рѣшили двинуться со *всѣмъ войскомъ* (*πανόημει*) въ Платенъ и бороться за свою свободу и сдѣлали *обѣтъ* (*εὐχὴ*) богамъ, что въ случаѣ побѣды всѣ греки *вмѣстѣ* (*κοινῇ*) будутъ ежегодно

въ день побѣды праздновать въ Платеяхъ празднество освобожденія (τῇ Ελευθερίᾳ ἀγύειν). Поклявшись при томъ клятвою, что будутъ выше ставить свободу, чѣмъ жизнь, они отправились черезъ Киверотъ въ Беоцію и недалеко отъ Платей расположились лагеремъ. Надъ Аониянами начальствовалъ тогда Аристидъ, а надъ всѣми Павзаній, *олсунъ* сына Леонида (ὁ ἐπιστροφός). Узнавъ объ этомъ, Мардоній двинулся изъ Фивъ и, прибывъ къ рѣкѣ Азопу, сталъ тамъ лагеремъ (στράτημον τίθεσθαι), который укрѣпилъ глубокимъ ровомъ и окружилъ деревянною стѣною. Число всѣхъ грековъ доходило (εἶσι) до десяти, а варваровъ—до пятидесяти мириадъ. Варвары первые начали битву, напавъ ночью на грековъ и прыскавая со всей конницею къ лагерю ихъ (скакать=ἐλαύνειν), но такъ какъ Аонияне раньше узнали объ этомъ и встрѣтили ихъ съ построеннымъ войскомъ, то произошло кровавое (ισχυρός, καρτερός) сраженіе.

4. По математикѣ.

Рижская Александровская гимназія.

По алгебрѣ. Два путешественника въ одно и то же время выѣхали на встрѣчу другъ другу изъ двухъ мѣстъ, отстоящихъ одно отъ другаго на 765 верстѣ. Первый проѣзжалъ каждый день пятью, а второй двумя верстами больше, чѣмъ въ предыдущій. Черезъ 6 дней они встрѣтились, и оказалось, что первый проѣхалъ на 345 верстѣ болѣе втораго. Сколько верстѣ проѣхалъ каждый изъ нихъ въ первый день?

По геометріи. Построить такой прямоугольный треугольникъ, чтобы объемъ тѣла, образуемаго его вращеніемъ около гипотенузы, составлялъ $\frac{1}{4}$ часть объема шара, имѣющаго діаметромъ эту гипотенузу.

По тригонометріи. Рѣшить треугольникъ и найти его площадь по сторонамъ $a = 3.246,9$ ф., $b = 2.854,3$ ф. и углу $C = 48^\circ 45' 25''$.

Ревельская Александровская гимназія.

По алгебрѣ. Лодка проплываетъ $3\frac{1}{2}$ версты противъ теченія и столько же обратно въ теченіе $1\frac{1}{2}$ часа. Скорость теченія рѣки равна числу лѣтъ, въ которые 250 рублей, отданные по 5% (сложнымъ), обратятся въ 275 р. $62\frac{1}{2}\%$ к. Сколько верстѣ проплываетъ лодка въ стоячей водѣ?

По геометріи. Построить такой прямоугольный треугольникъ, чтобы объемъ тѣла, образуемаго его вращеніемъ около гипотенузы, составлялъ $\frac{1}{2}$ часть объема шара, имѣющаго діаметромъ эту гипотенузу.

По тригонометріи. Рѣшить треугольникъ и найти его площадь по сторонамъ $a = 3.246,9$ ф., $b = 2.854,3$ ф. и углу $c = 48^\circ 45' 25''$.

По ариметикѣ. Вексель проданъ за 7.980 рублей 8-ю мѣсяцами раньше срока съ коммерческимъ учетомъ по $7\frac{1}{2}\%$. Часть этихъ денегъ, равная $\frac{1}{20}$ валюты векселя, была отдана въ банкъ на $7\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, и вся остальная часть тѣхъ же денегъ въ другой банкъ на 10 мѣсяцевъ по $4\frac{1}{2}\%$, и тогда съ обѣихъ частей получилось всего 299 р. 25 коп. процентныхъ денегъ. По скольку процентовъ была отдана въ банкъ первая часть и какова была валюта векселя?

IX. ПО ЗАПАДНО-СИБИРСКОМУ УЧЕБНОМУ ОКРУГУ.

1. По русскому языку.

Основная. О значеніи Гоголя въ русской литературѣ.

Запасная. Значеніе Балтійскаго моря въ русской исторіи.

2. По латинскому языку.

Основная. Перевести на русскій языкъ Caes. bell. gall. V, 53.

Запасная. Перевести на русскій языкъ Caes. bell. gall. VIII, 7.

3. По греческому языку.

Основная. Перевести на русскій языкъ Xen. Anab. VII—III, 7—13.

Запасная. Перевести на русскій языкъ Xen. Anab. VI, V, 1—7.

Примечанія къ темамъ по древнимъ языкамъ. 1) Въ случаѣ, если указан-
ныя мѣста были уже прочитаны учениками въ теченіе курса, то г. директору
предоставляется выбрать другое мѣсто изъ того же автора, но главу не чи-
тающую.—2) Сообщить ученикамъ болѣе трудныя слова предоставляется г. ди-
ректору.

4. По математикѣ.

а) *Геометрія.* Основная. Данъ правильный шестиугольникъ, сторона
котораго равна a . Опредѣлить объемы тѣлъ, происшедшихъ отъ вращенія
даннаго шестиугольника, принимая за оси вращенія діаметры вписаннаго и
описаннаго круга въ шестиугольникъ.

Запасная. Котелъ имѣетъ форму полушара; діаметръ его равенъ 2-мъ
аршинамъ. Опредѣлить его вмѣстимость въ ведрахъ. Ведро = 750 кубиче-
скимъ дюймамъ.

б) *Алгебра.* Основная. Въ трехъ кускахъ матеріи было 134 аршина
одинаковой доброты. Первый кусокъ за исключеніемъ 12 аршинъ, негодныхъ
для продажи, былъ проданъ за 36 рублей, второй кусокъ безъ 4-хъ аршинъ
былъ проданъ за 27 рублей, третій безъ 2-хъ аршинъ былъ проданъ за 24
рубля. Сколько аршинъ было въ каждомъ кускѣ, если матерія продавалась
по одинаковой цѣнѣ за аршинъ?

Запасная. Увеличивая измѣренія нѣкотораго куба на 4 дюйма, полу-
чимъ новый кубъ, котораго объемъ будетъ превосходить объемъ даннаго куба
на 784 кубическихъ дюйма. Опредѣлить измѣренія даннаго куба.

в) *Тригонометрія.* Основная. Крестъ на колокольнѣ виденъ на раз-
стояніи 1.144 футовъ отъ колокольни подъ угломъ $7^{\circ} 30'$. Опредѣлить длину
креста, зная, что высота колокольни равняется 47 футамъ.

Запасная. Въ прямоугольномъ треугольникѣ
ABC, въ которомъ прямой уголъ находится при
вершинѣ B, на катетѣ BC взята точка D, отсто-
ящая отъ C на 134,27 фута. Опредѣлить катетъ
AB, если $\angle ACB = 35^{\circ} 45' 20''$ и $\angle ADB = 41^{\circ} 32' 40''$.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желание подвергнуться испытанію.		Не допущены къ испытанію.		Отсрочено испытаніе.	
	Гимн.	Посторонние.	Гимназисты.	Посторонние на основаніи § 51, пунктъ 1.	Итого (и процентъ по отношенію къ заявившимъ же- ланию).	По бюджету на годъ.
<i>С.-Петербургскій:</i>						
21 при гимназія.	28	115	12	—	12 (2,8%)	—
4 церковныя училища.	—	11	1	—	1 (2,8%)	—
3	—	11	—	—	—	—
Во вѣдѣ завѣд.	500	1.	—	13 (2,6%)		
<i>Московскій:</i>						
194 при правите гимназій.	194	21	518	12	1 1 (2,8%)	—
1 церковное училище	—	9	—	—	—	—
	—	38	—	—	(7,8%)	—
Во вѣдѣ учебн. завѣд.	—	—	15	1 16 (2,8%)		
<i>Казанскій:</i>						
9 при правите гимназій.	168	20	188	1	1 (2,1%)	—
<i>Оренбургскій:</i>						
6 при гимназій.	91	11	—	1	1 (1%)	—
<i>Харьковскій</i>						
17 при а.о.и.	316	11	—	1	7 (2,1%)	—
<i>Одесск</i>						
16 при правите а.и.	330	27	—	—	5 (1,4%)	—
<i>Кіев</i>						
16 при правите гимназій.	493	516	—	3 25 (4,8%)	4	—

1) Одинъ.

2) Въ коллегіи Павла Гатагана медаль.

и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1891 году.

Подвергались испытанію.		Удостоены аттестата или свидѣт. зрѣлости.				Удостоены медалей.			
Гимназисты.	Посторонние.	Всѣ	Гимназ.	Постор.	Всѣ	Среднее число на каждое учебное завѣдѣніе.	Серебряныхъ.	Что это процентъ въ отношеніи къ числу удостоен- ныхъ аттестата.	
370	—	397	352 (95,1%)	13 (48,1%)	365 (91,9%)	17 ^{2/3}	16	20	36 (10,2%)
—	—	43	—	—	42 (97,6%)	10 ¹	—	1	1 (2,3%)
—	—	41	—	—	41 (100%)	13 ²	4	—	(17%)
—	—	481	—	—	448 (93,1%)	16	20	24	44 (10,1%)
482	—	504	447 (92,7%)	11 (50%)	458 (90,8%)	19 ^{23/23}	21	19	40 (8,9%)
—	—	9	—	—	9 (100%)	9	—	—	2 (22,2%)
—	—	—	—	—	(100%)	17 ¹	—	—	—
—	—	548	—	—	502 (91,6%)	19 ⁴	—	19	12 (8,5%)
164	19	183	161 (98,1%)	9 (47,3%)	170 (92,8%)	18 ^{2/3}	16	15	31 (19,2%)
90	3	93	(96,6%)	(66,6%)	(95,6%)	14 ⁵	—	—	10 (11,4%)
306	10	316	290 (94,7%)	(30%)	(92,7%)	17 ¹	10	—	(11,4%)
326	23	349	315 (96,6%)	11 (47,8%)	(94,4%)	—	19	19	(12%)
466	20	486	438 (93,9%)	10 (50%)	448 (92,1%)	—	24 ^{2/3}	—	19 (11,1%)

даютъ, но по балламъ трое воспитанниковъ имѣли право на медали.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили же- ланіе од- вернуться испытанію.			Не были допущены къ ис- пытанію.				Отсрочено ис- таніе.		
	Гимна: Посторонніе.	В с	По маюуспѣш- ности.	Гимна- зисты.	Посторон- ніе на основаніи 51, пунк- товъ.	б.	г.	Итого (и процент- ное отношеніе къ заявившимъ же- ланіе).	По болѣзни на годъ.	На чинахъ и примѣн.
Виленскій:										
9 правительств. гимназій.	178	8	186	3	3	—	1	7 (3,7%)	3	—
Варшавскій:										
21 правительств. гимназій.	335	23	358	16	—	—	—	16 (4,4%)	1	—
Дерптскій:										
14 правительств. гимназій.	362	94 ¹⁾	456	6	1	6	—	13 (2,8%)	—	—
Кавказскій:										
8 правительств. гимназій.	164	2	166	13	—	—	—	13 (7,8%)	1	—
Туркестанскій край:										
1 правительств. гимназія.	9	—	9	1	—	—	—	1 (11,1%)	—	—
Западная Сибирь:										
4 правительств. гимназій.	37	—	37	—	—	—	—	—	—	—
Восточная Сибирь:										
3 правительств. гимназій.	32	—	32	1	—	—	—	1 (3,1%)	—	—
Итого:										
Въ 168 прав. гимназіяхъ.	3399	264 ²⁾	3663	102	2	9	—	8 121 (3,3%)	19	—
церковн. училищахъ.	—	—	53	1	—	—	—	1 (1,8%)	—	—
	—	—	79	—	—	—	—	(3,7%)	—	—
А										
178 учебн. заведеній.	—	—	3795 ²⁾	106	9	—	—	8 125 (3,2%)	19	—

1) 15 не явились на испытаніе. — 2) 21

на испытаніе, въ томъ числѣ

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Число испытанныхъ.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процент- ное отношеніе къ числу удостоен- ныхъ аттестата).
172	4	176	158 (91,8%)	2 (50%)	160 (90,9%)	177/2	4	11	15 (9,4%)
318	23	341	297 (93,3%)	12 (52,1%)	309 (90,6%)	14 2/3	8	8	16 (5,3%)
351	73	424	295 (84%)	24 (32,8%)	319 (75,2%)	22 11/16	3	7	10 (3,1%)
150	2	152	134 (89,3%)	2 (100%)	136 (89,4%)	17	5	5	10 (7,4%)
8	—	8	7 (87,5%)	—	7 (87,5%)	7	1	—	1 (14,2%)
37	—	37	36 (97,2%)	—	36 (97,2%)	9	3	2	5 (13,8%)
—	—	31	29 (93,5%)	—	24 (93,5%)	10 1/3	1	1	2 (6,4%)
271	226	3497	3046 (93,1%)	99 (43,8%)	3146 (89,9%)	18,7	136	160	296 (9,7%)
—	—	52	—	—	51 (98%)	10,2	2	1	3 (5,8%)
—	—	76	—	—	76 (100%)	15,2	4	3	7 (9,2%)
—	—	3625	—	—	3272 (90,2%)	18,3	142	164	306 (9,6%)

О ботани, по одному въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ учебныхъ округахъ.

№ 2. Вѣдомость о невыдержавшихъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подержавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанію.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ.					
				Иные.	Успѣшно.	Иностраннаго.	Успѣшно.	Латинск. языкъ.	Греческ. языкъ.
<i>С.-Петербургскій.</i>									
Ученики правительств. гимназій	370	18	4,8	—	4	—	6	1	7
церковныхъ училищъ	43	1	—	—	—	—	1	—	1
частныхъ гимназій	41	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	27	14	51,8	—	6	1	9	3	8
Всего	481	33	6,8	—	10	1	16	4	16
<i>Московскій.</i>									
Ученики правительств. гимназій	182	—	—	1	21	—	21	—	13
церковнаго училища	9	—	—	—	—	—	—	—	—
частныхъ гимназій	35	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	22	11	50	—	4	3	4	—	4
Всего	248	11	4,4	—	25	3	25	3	17
<i>Казанскій.</i>									
Ученики правительств.	161	—	—	—	—	1	—	—	3
Постороннія лица	19	10	52,6	—	7	—	6	—	5
Всего	180	10	5,6	—	7	—	7	—	8
<i>Оренбургскій.</i>									
Ученики при	90	—	—	—	2	—	9	—	4
Постороннія	3	1	33,3	—	1	1	1	1	1
Всего	93	1	1,1	—	3	1	10	1	5
<i>Харьковскій.</i>									
Ученики при	306	16	5,2	—	10	—	10	—	7
Постороннія	10	7	70	—	5	—	4	—	6
Всего	316	23	7,2	—	15	—	14	2	13
<i>Одесскій.</i>									
Ученики при	326	11	—	—	—	—	4	—	—
Постороннія	23	12	52,1	—	5	1	6	1	6
Всего	349	23	6,6	—	5	1	10	1	6
<i>Кіевскій.</i>									
Ученики при	166	28	—	—	10	—	19	3	13
Постороннія	20	10	50	—	4	—	8	1	6
Всего	186	38	20,4	—	14	—	27	4	19

испытанія зрѣлости въ 1891 году.

ссылавія по слѣдующимъ предметамъ:

Имен- наго.	Математикѣ.		Физикъ и мате- матической гео- графіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикѣ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.	Общее число неудовле- творительныхъ отбѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Осталось на другой годъ въ классѣ.	Выбыла со сдѣланныхъ на основаніи § 72 правильно
	Устног.	Физикъ и мате- матической гео- графіи.								
9	3	—	4	—	—	—	—	40 на 18	29	6
1	—	—	—	—	—	—	—	3 на 1	2	—
7	3	2	—	1	—	—	2	43 на 14	—	—
17	6	2	4	1	—	—	2	86 на 33	31	6
11	—	—	1	—	—	—	—	72 на 35	35	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5	1	1	1	—	—	—	—	23 на 11	3	—
16	1	1	2	—	—	—	—	95 на 46	38	12
2	—	—	—	—	—	—	—	6 на 3	6	1
5	—	—	—	—	—	1	—	24 на 10	—	—
7	—	—	—	—	—	1	—	30 на 13	6	1
1	2	—	—	—	—	—	—	18 на 3	7	—
—	—	1	—	1	1	—	—	9 на 1	—	—
1	2	1	—	1	1	—	—	27 на 4	7	—
2	—	—	—	—	—	—	2	33 на 16	22	4
3	—	—	1	1	—	—	—	20 на 7	—	—
5	—	—	1	1	—	—	2	53 на 23	22	4
1	1	—	1	—	—	—	—	17 на 11	11	4
6	—	—	3	3	—	—	1	32 на 12	—	—
7	1	—	4	3	—	—	1	49 на 23	11	4
13	2	—	4	—	—	—	—	71 на 28	39	16
—	—	—	—	1	—	—	—	24 на 10	—	—
17	2	—	4	1	—	—	—	95 на 38	39	16

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число подвергавшихся испытанію. Общее число не выдержавшихъ испытаній. Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.			Число не выдержавшихъ					
				Русск. яз. и словесн.		Латинск. языкъ.		Греч. языкъ.	
				Закону Божию.	Письмен-наго.	Устног.	Письмен-наго.	Устног.	Письмен-наго.
Виленьскій.									
Ученики правительств. гимназій	172	14	8	—	2	—	5	5	—
Постороннія лица	4	2	50	—	1	—	1	1	—
В с е г о	176	16	9	—	3	—	6	6	—
Варшавскій.									
Ученики правительств.	318	21	6,6	—	10	—	7	—	12
Постороннія лица	23	11	47,8	—	9	—	7	1	5
В с е г о	341	32	9,3	—	19	—	14	1	17
Дерптскій.									
Ученики правительств. гимназій	351	56	15,9	1	33	2	9	6	18
Постороннія лица	73	49	67,1	2	28	7	20	17	20
В с е г о	424	105	24,7	3	61	9	29	23	38
Кавказскій.									
Ученики правительств.	150	16 ¹⁾	16,6	—	11	—	8	2	—
Постороннія лица	2	—	—	—	—	—	—	—	—
В с е г о	152	16 ¹⁾	10,5	—	11	—	8	2	—
Туркестанскій край.									
Ученики правите.		1	12,5	—	—	—	—	—	—
Западная Сибирь.									
Ученики правите.	37	1	2,7	—	1	—	4	—	—
Восточная Сибирь.									
Ученики правите.	31		6,4	—	—	—	1	—	1
И Т О Г О									
Ученики правительств. гимназій	3271	225	6,8	—	106	—	104	22	98
церковныхъ училищъ	52	1	1,9	—	—	—	1	—	1
частныхъ гимназій	76	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	226	127	56,1	2	70	13	66	25	61
В с е г о	3625	353	9,7	—	176	15	171	47	160

1) Одинъ

Екатеринославской гимназій умеръ время испытаній.

спытанія по слѣдующимъ предметамъ:

Публ. наго.	Математикъ.						Общее число неудовле- творительныхъ отѣтѣкъ по всѣмъ предметамъ.	Осталось на другой годъ въ классъ.	Выбыли со свѣдѣтельствъ на основаніи § 72 правилъ.
	Устног.	Физикъ и мате- матической гео- графіи.	Исторіи.	Географіи.	Логикъ.	Новымъ иностран- нымъ языкамъ.			
4 1	2 —	— —	2 —	— —	— —	— —	29 на 14 4 на 2	16 —	4 —
5	2	—	2	—	—	—	33 на 16	16	4
7 6	— 1	— —	— —	— —	— —	— —	39 на 21 30 на 11	31 —	7 —
13	1	—	—	—	—	—	69 на 32	31	7
19 24	15 12	— 3	6 11	— 5	— —	— 10	121 на 56 173 на 49	58 —	9 —
43	27	3	17	5	—	10	294 на 105	58	9
2 —	— —	— —	— —	— —	— —	— —	25 на 16 —	20 —	10 ¹⁾ —
2	—	—	—	—	—	—	25 на 16	20	10 ¹⁾
1	—	—	—	—	—	—	1 на 1	2	—
1	—	—	—	—	—	—	8 на 1	—	1
—	—	—	1	—	—	—	3 на 2	3	—
73 1 1	25 — 17	— — 7	19 — 16	— — 12	— — 2	2 — 13	483 на 225 3 на 1 — 382 на 127	279 2 3 —	74 — — —
135	42	7	35	12	2	15	868 на 353	284	74

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	352	31	8,8	75	21,3	97	27,5	77	21,8	72	20,1
церковн. училищъ.	42	2	4,7	13	30,9	18	42,8	6	14,2	3	7,1
частныхъ гимназій.	41	2	4,8	16	39	9	21,9	11	26,8	3	7,3
Постороннія лица	13	—	—	2	15,3	1	7,6	2	15,3	8	61,5
Всего	448	35	7,8	106	23,6	125	27,9	96	21,4	86	19,1
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	447	30	6,7	91	20,3	117	26,1	107	23,9	102	22,8
церковн. училищъ.	9	—	—	2	22,2	4	44,4	1	11,1	2	22,2
частныхъ гимназій.	35	2	5,7	10	28,5	9	25,7	9	25,7	5	14,2
Постороннія лица	11	—	—	—	—	—	—	3	27,2	8	72,7
Всего	502	32	6,3	103	20,5	130	25,8	120	23,9	117	23,3
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	161	7	4,3	46	28,5	54	33,5	39	24,2	15	9,3
Постороннія лица	9	—	—	—	—	2	22,2	1	11,1	6	66,6
Всего	170	7	4,1	46	27	56	32,9	40	23,5	21	12,3

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Виленскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	158	7	4,4	27	17	48	30,3	45	28,4	31	19,6
Постороннія лица.	2	—	—	—	—	—	—	2	100	—	—
Всего.	160	7	4,3	27	16,8	48	30	47	29,3	31	19,3
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	297	10	3,3	44	14,8	83	27,9	84	28,2	76	25,9
Постороннія лица.	12	—	—	2	16,6	3	25	3	25	4	33,3
Всего.	309	10	3,2	46	14,8	86	27,8	87	28,1	80	25,8
<i>Дерптскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	295	28	9,4	74	25	64	21,6	58	19,6	71	24
Постороннія лица.	24	1	4,1	2	8,3	3	12,5	3	12,5	15	62,5
Всего.	319	29	9	76	23,8	67	21	61	18,8	86	26,9

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Оренбургскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	87	8	9,1	23	26,4	25	28,7	19	21,8	12	13,7
Постороннія лица.	2	—	—	—	—	—	—	2	100	—	—
Всего.	89	8	8,9	23	25,8	25	28	21	23,5	12	13,4
<i>Харьковскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	290	12	4,1	67	23,1	87	30	73	25,1	51	17,5
Постороннія лица.	3	—	—	2	66,6	—	—	—	—	1	33,3
Всего.	293	12	4	69	23,5	87	29,6	73	24,9	52	17,7
<i>Одесскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	315	19	6	64	20,3	81	25,7	73	23,1	78	24,7
Постороннія лица.	11	—	—	—	—	—	—	2	18,1	9	81,8
Всего.	326	19	5,8	64	19,6	81	24,8	75	23	87	26,6
<i>Кіевскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	436	20	4,5	81	18,4	108	24,6	120	27,3	109	24,8
Постороннія лица.	10	—	—	—	—	1	10	1	10	8	80
Всего.	448	20	4,4	81	18	109	24,3	121	27	117	26,1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отношенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Кавказскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	134	6	4,4	24	17,9	31	23,1	28	20,8	45	33,5
Постороннія лица.	2	—	—	—	—	1	50	—	—	1	50
Всего.	136	6	4,4	24	17,6	32	23,5	28	20,5	46	33,8
<i>Туркестанск. край.</i>											
Ученики правит. гимназій.	7	—	—	3	42,8	1	14,2	2	28,5	1	14,2
<i>Западная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	36	3	8,3	4	11,1	15	41,6	9	25	5	13,8
<i>Восточная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	29	1	3,4	5	17,2		17,2	5	17,2	13	44,8
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій.	3046	182	5,9	628	20,6	816	26,7	739	24,2	681	22,3
церковн. училищъ.	51	2	3,9	15	29,4	22	43,1	7	13,7	5	9,8
частныхъ гимназій.	76	4	5,2	26	34,2	18	23,6	20	26,3	8	10,5
Постороннихъ.	99	1	1	8	8	11	11	19	19,1	60	60,6
Всего	3272	189	5,7	677	20,6	867	26,4	785	23,9	754	23

№ 4. Распределеіе признанныхъ зрѣлыхъ по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Всего.	Вспомог. училища.
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.			
<i>С.-Петербургскій.</i>									
21 правительств. гимназія	1 ¹⁾	25	47	107	98	17	295		
4 церковныя училища	—	2	12	14	8	4	40	—	
3 частныя гимназіи	1	4	9	9	9	—	32		2
Изъ всѣхъ 28 учебн. заведеній.	2 ¹⁾	31	68	130	115	21	367		10
<i>Московскій.</i>									
23 правительств. гимназіи	1 ¹⁾	27	85	135	170	6	424		1
1 церковное училище.	—	1	—	3	5	—	9	—	
2 частныя гимназіи	—	3	11	11	5	—	30	—	
Изъ всѣхъ 26 учебн. заведеній.	1	31	96	149	180	6	463		1
<i>Казанскій.</i>									
9 правительств. гимназій	2 ¹⁾	7	26	65	59	1	160		2
<i>Оренбургскій.</i>									
6 правительств. гимназій	—	7	19	21	29	2	78	—	
<i>Харьковскій.</i>									
17 правительств. гимназій	2 ²⁾	22		86	103	4	272	—	
<i>Одесскій.</i>									
16 правительств. гимназій	—	14	73	83	129	—	299		1
<i>Кіевскій.</i>									
16 правительств. гимназій	3 ¹⁾	36	106	148	116	6	415	—	

¹⁾ Въ духовную академію. —²⁾ Однѣ въ духовную академію. —³⁾ 3 въ спеціальныя

внѣтійя, къ которымъ они себя предназначали.

уходящие въ высшія спеціальныя учебныя заведенія:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:							
институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. акад. и Лѣсной инстит.	Инстит. гражданскаго инженерства.	Академію художествъ и консерватор.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.					Всего.
							Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфактурной и фабричной.		
27 1 2	6 1 1	6 — 1	6 — —	3 — 1	5 — —	61 2 7	2 — 1	6 — 1	— — —	1 — —	— — —	— — —	9 — 2	
30	8	7	6	4	5	70	3	7	—	1	—	—	11	
11 1	1 —	8 1	1 —	1 —	1 1	24 — 3	— — —	10 — —	— — —	— — —	— — 2	— — —	10 — 2	
12	1	9	1	1	2	27	—	10	—	—	2	—	12	
3	1	2	—	—	—	8	1	1	—	—	—	—	2	
2	3	2	1	—	—	8	—	3	—	—	—	—	3	
6	2	7	1	—	—	16	—	4	—	—	—	—	5 ⁴⁾	
13	3	1	—	2	3	23	—	4	—	—	—	—	4	
13	—	6 ⁴⁾	4	—	1	24	—	8	—	—	1	—	9	

иностранныя учебныя заведенія.—⁴⁾ Одинъ по болѣзни пожелалъ остаться при родителяхъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Всего	Полезная
	Государственный.	Историко-филологический.	Физико-математический.	Юридический.	Медицинский.	Восточныхъ языковъ.	Всего		
<i>Виленьскій.</i>									
9 правительствъ гимназій	1	5	32	39	64	3	144	—	
<i>Варшавскій.</i>									
21 правительствъ гимназій	1	10	52	93	102	1	259	—	
<i>Дерптскій.</i>									
14 правительствъ гимназій	28	12	52	64	118	2	276		
<i>Кавказскій.</i>									
8 правительствъ гимназій	1 ¹⁾	8	34	33	39	2	117		
<i>Туркестанскій край.</i>									
1 правительствъ гимназій	—	—	5	1	—	—	6	1	
<i>Западная Сибирь.</i>									
4 правительствъ гимназій	—	4	4	12	9	—	29	—	
<i>Восточная Сибирь.</i>									
3 правительствъ гимназій	—	3	5	8	10	—	26	—	
Всего въ 178 учебн. заведеніяхъ.	41	190	627	932	1073	48	2911	23	
Процентное отношеніе къ общему числу зрѣлыхъ	1,2	5,8	19,1	28,4	32,7	1,4	88,9	0,7	

¹⁾ Духовную академію.—²⁾ 2 въ электро-технической институтъ почтово-телеграфности.—³⁾ Одинъ умеръ.—⁴⁾ 2 не указали рода дѣятельности; 1 умеръ.

Поступающие в высшие специальные училища:							Поступающие на поприще практической деятельности:						
Институт путей сообщения.	Горный институт.	Технологический.	Земледельч. акад. и Лесной институт.	Инстит. гражданск. инженер.	Академию художеств и консерватор.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной деятельности.				
							Гражданскому.	Военному.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфакт. и желѣзн.-дорожн.	Всего.
5	—	7	—	1	1	14	—	2	—	—	—	—	2
15	5	17 ³⁾	1	—	5	43 ³⁾	—	1	1	—	4	—	7 ⁴⁾
5	—	11	3	1	1	21	2	9	5	2	3	—	22 ⁴⁾
5	—	2	1	—	—	16	—	3	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
2	1	—	—	—	—	3	1	2	—	—	1	—	4
—	—	—	1	—	—	1	2	—	—	—	—	—	2
11	24	71	19	9	18	275	9	54	6	3	11	—	86
3,3	0,7	2,1	0,5	0,2	0,5	8,4	0,2	1,6	0,1	0,09	0,3	—	2,6 ⁵⁾

Всего. —³⁾ 1 въ духовную семинарію. —⁴⁾ Одинъ не указалъ рода своей дѣятель-

ЗАМѢТКИ КЪ ТРАГЕДІЯМЪ СОФОКЛА И КЪ СХОЛІЯМЪ НА НИХЪ.

Настоящій трудъ состоитъ изъ трехъ послѣдовательныхъ наслоеній. Первоначальной его частью являются поправки къ тексту Софокла, придуманныя мною въ различные времена,—говоря точнѣе: тѣ сравнительно немногія изъ нихъ, которыя при болѣе тщательномъ ознакомленіи съ литературой по Софоклу оказались не предложенными еще. Разумѣется, это послѣднее заявленіе слѣдуетъ принимать въ самомъ субъективномъ смыслѣ; сводъ конъектуръ—въ родѣ знаменитаго Отсиз'а въ Веклейновомъ изданіи Эсхила—существуетъ только для „Электры“ Софокла, а при той массѣ монографій, которыми одарила Софокла филологія послѣдняго столѣтія, ручательство за новизну каждой поправки представляется невозможнымъ.

Второе наслоеніе—поправки къ схоліямъ на Софокла. Онѣ были вызваны вышедшимъ въ 1888 г. изданіемъ Папагеоргія; появленіе въ 1890 г. ученой рецензіи А. К. Наука (*De scholiis in Sophoclis tragoedias a Petro N. Papageorgio editis—Mélanges gréco-romains VI 21 сл.*) заставило меня подвергнуть ихъ тщательной ревизіи, плодомъ которой было главнымъ образомъ, разумѣется, значительное сокращеніе назначенныхъ къ печатанію догадокъ.

При всемъ томъ я врядъ ли рѣшился бы выпустить свою *tagga*, если бы къ этому меня не побуждала одна болѣе вышняя причина. По предложенію редакціи царскосельскаго „Собранія греческихъ и римскихъ классиковъ“ я взялъ на себя изданіе „Царя Эдипа“. Такимъ образомъ, и мнѣ пришлось приняться за трудную, хотя и благодарную задачу—извлечь удобочитаемый текстъ изъ рукописной традиціи, достоинство которой такъ вѣрно было оценено Наукомъ. Хорошо ли, дурно ли я ее исполнилъ—объ этомъ пусть посудитъ дру-

гіе; но какъ филологъ я ощутилъ потребность подѣлиться съ публикой соображеніями, заставившими меня дать тексту „Эдипа“ ту форму, въ которой онъ предстанетъ передъ читателями одновременно съ появленіемъ настоящаго критическаго опыта.

I. A I A Σ.

Ст. 31 сл.

αὐθιῶς δ' ἔγωγε

κατ' ἔχρος ᾄσω, καὶ τὰ μὲν σημαίνομαι,
τὰ δ' ἐκπλήγῃμαι κοῦκ ἔχω μάθεῖν ὅπου.

Схолія: οὐκ ἔχω ὅπως μάθω ἢ ποῦ ἔστιν безсмысленна и явно испорчена. Но и текстъ не въ порядкѣ. Правда, чтеніе ὅπου лучше засвидѣтельствовано, чѣмъ ὅπου (τοῦ in litura. Fuit ὅπου; unde in Lb ὅπου [съ τ надъ π], et ὅπου in quattuor codd. Suidae s. v. σημαίνομαι [во всѣхъ остальныхъ, однако, ὅπου, какъ и читаетъ Беригарди]. Диндорфъ): все-таки ὅπου предпочтительнѣе. По объясненію А. К. Наука слѣдовало бы перевести „тотчасъ же я отправляюсь выслѣживать его, и одни слѣды я нахожу (mache ich ausfindig), относительно же другихъ я недоумѣваю и не могу найти, гдѣ они“. Но въ первыхъ, это странное представленіе: вѣдь не птицей же перелетѣлъ Эантъ отъ ἱππομανῆς λαϊών до своей палатки, расположенной на мягкомъ песчаномъ берегу; отпечатки его ногъ должны были остаться на почвѣ; лишь въ томъ можно было сомнѣваться, принадлежали ли эти отпечатки ему. Въ вторыхъ, цѣлью ночной прогулки Одиссея было провѣрить показаніе очевидца, что виновникомъ рѣзни былъ Эантъ (о сбивчивомъ возраженіи Вольфа не стоитъ говорить). Въ третьихъ, σημαίνομαι врядъ ли можетъ означать „я нахожу“, а первоначальное его значеніе „я узнаю по примѣтамъ“ явно въ пользу ὅπου. — Важно и то, что именно это чтеніе легло въ основу прекрасной схоліи къ ст. 32, которую извлекъ и Свида: τοιοῦτον γὰρ συμβαίνει περὶ τοὺς ἰχθυότας ἐπιταρattoμένων τῶν ἰχθύων, διὰ δὲ τὴν μανίαν τοῦ ἰχθυότος καὶ ἐπιταρattoμένην ἢ βίας γέγονε τοῦ Αἴαντος. Итакъ, слѣды были на всемъ протяженіи тропы, но вслѣдствіе ихъ неясности или запутанности Одиссею не всегда удавалось признать въ нихъ отпечатки ногъ Эанта. Слѣдовательно этотъ схолиастъ—болѣе древній, полагаю, — читалъ ὅπου; въ нашей схоліи ἢ указываетъ на сопоставленіе двухъ мнѣній. Въ виду этого я пополняю пробѣлы слѣдующимъ образомъ: οὐκ ἔχω ὅπως μάθω (τίος ἔστιν) ἢ ποῦ ἔστιν, приурочивая первую часть предложенія къ болѣе древнему, вторую къ болѣе новому схолиасту.

Ст. 131.

ὥς ἡμέρα κλίνει τε καὶ ἀνάγει πάλιν
ἅπαντα τὰνθρώπων.

Въ этой формѣ изреченіе не особенно удачно. Недостаетъ главнаго понятія „одинъ день“; если же понять слово ἡμέρα въ этомъ прегнантномъ значеніи, то πάλιν окажется неумѣстнымъ; „одинъ день унижаетъ и вновь возвышаетъ человѣка“—вопервыхъ несчастье, продолжающееся всего одинъ день, не изъ особенно тяжелыхъ, а во вторыхъ, могущество боговъ сказывается вообще въ томъ, что они возвышаютъ низко поставленнаго человѣка, а не въ томъ только, что они вновь возвышаютъ такихъ людей, которые нѣкогда были счастливыми, но временно испытали бѣдствія; въ этомъ смыслѣ сказалъ и Гораций (I, 34, 15): *hinc apicem rapax Fortuna cum stridore acuto Abstulit, hic posuisse (a ne reposuisse) gaudet*. Слѣдуетъ поэтому читать... κλίνει τε καὶ ἀνάγει μία...; конъектура Бургеса (ἡμαρ εἷν) второго затрудненія не устраняется.

Ст. 201. Схолія: ἐπεὶ γὰρ ἄπεισι Τεῦκρος καὶ Εὐρυάκης ἐπὶ νῆπιος, Τέχμηρος κατολοφύρεται· οὐ γὰρ ἕτερον πρόσωπον γνήσιον τῷ Αἴαντι. Ясно, кажется, что вмѣсто γνήσιον слѣдуетъ читать πλησίον.

Ст. 241.

μέγαν ἱπποδέτην ρυτήρα λαβών.

Схолія: ἱπποδέτην δὲ ρυτήρα χαλινὸν μέγαν, μέγαν δὲ πρὸς τὸ πικρότερον καθάψαι τοῦ ἐχθροῦ. Первое μέγαν, повидимому, диттографія.

Ст. 269. Текмесса доказываетъ, что Эантъ по простествіи припадка бѣшенства несчастнѣе, чѣмъ во время самаго припадка. Что лучше, спрашиваетъ она, веселиться среди печальныхъ друзей, или быть печальнымъ какъ они; когда хоръ отвѣчаетъ, что первое лучше, она заключаетъ:

ἡμεῖς ἄρ' οὐ νοσοῦντας ἀτάμεσθα νῦν.

Защитники этого чтенія, начиная со схолиаста (ἡμεῖς ἀντὶ τοῦ ὁ Αἴας), объясняли себѣ его тѣмъ, что Текмесса, какъ любящая женщина, отожествляетъ себя съ Эантомъ. Но такое отождествленіе возможно только до извѣстныхъ предѣловъ; Текмесса можетъ горе Эанта называть своимъ горемъ, но не можетъ называть бѣшенство Эанта своимъ бѣшенствомъ; къ тому же слово νοσεῖν, столь часто означавшее у Софокла нравственное горе, врядъ ли удобно противопоставляется здѣсь слову ἀτάμεσθα. Это послѣднее соображеніе говоритъ также противъ конъектуры Германа οὐ νοσοῦντος. Шмидтъ предлагалъ χῆμαις

διπλοῦν νοσοῦντας ἀτώμεσθα νῦν, съ довольно неудачной тавтологіей и столь же неудачнымъ καὶ въ смыслѣ „стало быть“. Наука предпочитаетъ μεῖζόν γ' ἤρ' οὐ νοσοῦντος ἀτώμεσθα νῦν, но удобно ли здѣсь γе? Требуется, повидимому, смыслъ: „слѣдовательно, то было полнѣе“, а теперь бѣда, то была νόσος, а теперь ἄτη; а если такъ, то единственнымъ достойнымъ поэта стихомъ будетъ слѣдующій:

τοίγάρ παρος νοσοῦντας ἀτώμεσθα νῦν.

Затѣмъ блѣдныя и прозаическія стихи 270—277 врядъ ли могли быть написаны поэтомъ; принципъ τοὺς χορευτάς ἡλιδίους καθεστάναι проведенъ въ нихъ слишкомъ усердно. Во всякомъ случаѣ школьныя изданія только выиграютъ, если они будутъ пропущены.

Ст. 418 сл. Ὁ Σχαμάνδριοι | γείτονες βοαί, | εὐφρονες Ἀργείοις, | οὐκέτ' ἄνδρα μὴ | τόνδ' ἴδῃτα. Схолія: ταῦτα δὲ πάντα ἐστὶ τοῦ ἀναχρουομένου τὸν θάνατον. Ἀναχρουομένου не имѣетъ смысла. Эантъ въ выписанныхъ словахъ высказываетъ свою рѣшимость покончить съ жизнью; слѣдуетъ поэтому писать ἀναιρουμένου (ср. ἀναφαιεῖσθαι πόνοус, ἐχθρας, πένθος, ἀγγελικὸν βίον и др.; примѣры см. Thesaurus I, 2, 382 сл.).

Ст. 421 сл. οὐκέτ' ἄνδρα μὴ | τόνδ' ἴδῃτ', ἔπος | ἐξερῶ μέγ', οἷον οὐτινα | Τροία στρατοῦ δέρχθη χθονὸς μολόντ' ἀπὸ | Ἑλλανίδος. Схолія: καὶ γίνεται ἐπίτασις τοῦ πάθους ὁπόταν τὸ τοιοῦτο διαφθεῖρηται, ἔτι δὲ αὖθις τὸ πάθος οὐχ ὑπὸ ἄλλου λεγόμενον, ἀλλ' ὑπὸ αὐτοῦ. Слѣдуетъ читать ὁ τοιοῦτος и λεγόμενου (или λεγομένων).

Ст. 430.

αἰαί· τίς ἂν ποτ' ᾤεθ' ὥδ' ἐπώνυμον и т. д.

Схолія: ἐστὶ δὲ καὶ τοῦτο ἀρχαιοτροπον, τὸ πρὸς τὰς ὀνομασίας ἐκφέρειν τὰς συμφοράς· καλῶς μὲν οὖν πράττων οὐκ ἂν ἐμέμνητο τοῦ διανοήματος, ἐν συμφορᾷ δὲ ὦν. Вмѣсто непонятнаго слова ἀρχαιοτροπον требуется выраженіе въ родѣ περιπαθές, κινητικόν, τῶν ἀποχούωντων ἰδίων и т. д.; это доказывается какъ продолженіемъ (καλῶς μὲν οὖν), такъ и словечкомъ καί, указывающимъ на выписанную выше схолию къ ст. 421 (ἐπίτασις τοῦ πάθους). Въ виду этого послѣдняго обстоятельства представляется возможной конъектура ὁμοιότροπον.

Ст. 439.

οὐδ' ἔργα μείω χειρὸς ἀρχέας ἐμήs.

Схолія: πιθανῶς τὸ μὴ εἰπεῖν πλείονα τοῦ πατρὸς κακοπαθῆσαι ἀλλὰ μὴ ἐλάττωνα. Читай хаторθῶσαι.

Ст. 512. Схолія: ὀρφανὸς δὲ ὁ ὄρον ἔχων τὸ οὐ φαίνεσθαι, ὁ ἄσμηος καὶ μηκέτι ἐμφανής, δε ἀμέλει καὶ ὑπὸ τῶν ἀμφιθαλῶν ὡς ἐμφανῶν ἐλαύ-

νεται. Слѣдовало замѣтить, что послѣдняя мысль заимствована изъ Илиады (X 496):

τὸν δὲ (σιроту) καὶ ἀμφιθαλὴς ἐκ δαιτύος ἐστοφέλιζεν
(а не изъ Каллимаха *fgm.* 210, какъ полагаетъ Папагеоргіѣ), тѣмъ болѣе что въ слѣдующей схоліи говорится καὶ τοῦτο Ὀμηρικόν (слѣдуетъ цитата изъ Z).

Ст. 648.

κοῦκ ἔστ' ἄελπτον οὐδὲν, ἀλλ' ἀλίσκεται
χὼ δεινὸς ὄρκος καὶ περισκαλεῖς φρένας.

Науку слово ἀλίσκεται считаетъ искаженнымъ. Не заключается ли порча скорѣй въ словѣ ἄελпτον? Въ слѣдующимъ словамъ лучше бы подходило ἄθελпτον.

Ст. 815.

πέπηγε δ' ἐν γῇ πολεμίᾳ τῇ Τρωάδι...

Схолія: πρόδηλον μὲν ὅμως διὰ τὸ περιπαθές, ὅτι ἐν πολεμίᾳ γῇ ὑπὸ δουρμενοῦς ἀπόλλυμαι, безъ всякаго смысла. Слѣдуетъ читать: πρόδηλον μὲν, ὅμως <δὲ περισσολογεῖ> διὰ τὸ περιπαθές, то-есть „что мечъ воткнутъ во вражеской землѣ, ясно для зрителя и такъ, все же онъ распространяется объ этомъ ради патетической мысли“ и т. д.

Ст. 850.

ἧ που τάλαινα (мать), τήνδ' ὅταν κλύῃ φάτιν,
ἦσει μέγαν κωκυτὸν ἐν πάσῃ πόλει.
ἀλλ' οὐδὲν ἔργον ταῦτα θρηναῖσθαι μάτην.

Схолія: οἱ μὲν τῇ θρεψαμένη, οἱ δὲ καὶ ἐπὶ τὸ σαφέστερον. Безсмыслица
Читаѣ: οἱ δὲ ἐμοί. δ καὶ σαφέστερον.

Ст. 925. ἔμελλες, τάλας, ἔμελλες χρόνῳ | στεροφῶρων ἄρ' ἐξανύσσειν κακὰν | μοῖραν ἀπαιρεσιῶν πόνων.

Схолія: οἷον ἐφ' οἷς ἐνόησας καὶ ἤλγεις περιωβρισμένος ὑπὸ τῶν Ἀτρειδῶν ἔμελλες πληρώσειν κατὰ τὰς φρένας τὴν μοῖραν. Слѣдуетъ, по видимому, читать ἐνόησας.

Ст. 942. **Схолія:** ἔστι μὲν γάρ καὶ τῷ χορῷ οἰκειότης πρὸς Αἴαντα, ἀλλ' οὐχ ὅσον πρὸς τὴν Τεχμήσσαν. Смыслъ требуетъ ὅσον τῇ Τεχμήσσει.

Ст. 950. **Схолія:**... ὥστε καὶ ταῦτα (ταῦτά Nauck *ibid.* 28) ἔστι προσδοκᾶν περὶ τῶν Ἀτρειδῶν. Конечно παρὰ τ. Ἀτρ.

Ст. 955.

ἧ ῥα κελαινώπαν θυμὸν ἐφουβρίζει
πολύτλας ἀνὴρ.

Схολіо слѣдуетъ читать такъ: οἷον εὖκ' ἐν τῷ φανερώ, ἀλλ' ἐν σκοτῷ ἤδη βλέπομενον καὶ μέλανα καὶ οἷον κερκυμένον· ἡ δόλιον καὶ εὖκ' ἀπλοῦν θυμὸν ἐφυβρίζει· ἐξωθεν δὲ ἡ κατὰ, τὸ δὲ ἡμᾶς λείπει, ἵν' ἡ „κατὰ τὸν θυμὸν ἐφυβρίζει ἡμᾶς“. У Папагеоргія καὶ δόλιον, и янаки препинанія поставлены невѣрно; о смѣшеніи союзовъ καὶ и ἡ въ схоліяхъ см. Нѣука *ibid.* 37, къ *Ant.* 58.

Ст. 966.

ἐμοὶ πικρὸς τέθνηκεν ἡ κεινοῖς γλυκύς.

Схολія: μᾶλλον ἐμοὶ πικρὸς τέθνηκεν ἢπερ ἐχείνοις γλυκύς. (καὶ αὐτῷ γλυκύς) ἐπεὶ ὧν ἐπεθύμει ἔτυχεν. Слова καὶ αὐ. γλ. прибавилъ Папагеоргіѣ, безъ нужды; предложеніе ἐπεὶ ὧν и т. д. не стоитъ въ связи съ предыдущимъ, а является самостоятельной схоліей къ ст. 967.

αὐτῷ δὲ τερπνός· ὧν γὰρ ἡράσθη τυχεῖν
ἐκτῆσθαι αὐτῷ.

Ст. 1081.

ὅπου δ' ὑβρίζειν δρᾶν θ' ἂ βούλεται παρῇ,
ταύτην νόμιζε τὴν πόλιν χρόνῳ ποτ' ἂν
ἐξ οὐρίων δραμοῦσαν ἐς βυθὸν πεσεῖν.

Требуемый смыслъ: „что онъ погибнетъ въ волнахъ даже въ томъ случаѣ, если плаваніе началось при попутномъ вѣтрѣ“. Слѣдуетъ поэтому читать: καὶ ἐξ οὐρίων.

Ст. 1309. Схολія: οὐ γὰρ λέγει περὶ τῆς Τεκμήσεως καὶ τοῦ παιδός. ἐλεεινός γὰρ ὁ λόγος οὐκ ἀπειλητικός. Слѣдуетъ читать: ἐλεεινός γὰρ ἦν ἂν ὁ λόγος, οὐκ ἀπειλητικός.

Ст. 1314.

ὥς εἴ με πημανεῖς τι, βουλῆσθι ποτὲ
καὶ δειλὸς εἶναι μᾶλλον ἢ ἔμοι θρασύς.

Схολія: μεταμεληθήσθι ὡς προπετής εἰς ἐμὲ εὐρεθεῖς καὶ μὴ ἀποδειλιάσας παρὰ τὸ ἄρχειν. Требуется κατὰ τὸ ἄρχειν.

Ст. 1350.

τόν τοι τύραννον εὐσεβεῖν οὐ ῥάδιον.

Схολія: ἀπρεπὲς γὰρ ὑπὸ Ἀγαμέμνονος ὁμολογεῖσθαι ὅτι πᾶς τύραννος ἀδικεῖ ὑπὸ τῆς ἐξουσίας περὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ἔργων προβαλλόμενος. Слѣдуетъ читать, поставивъ запятую послѣ ἀδικεῖ: τὸ τῆς ἐξουσίας περὶ τὰ τοιαῦτα τῶν ἔργων προβαλλομένου (sc. τοῦ Ἀγαμέμνονος); ср. сх. на ст. 1363: ὁ μὲν τὸ τῆς ἀνδρείας, ὁ δὲ τὸ τῆς δικαιοσύνης προβάλλεται.

II. Η Λ Ε Κ Τ Ρ Α.

Ст. 78. Схолія: καὶ μὴν θυρῶν ἔδοξα: θαυμαστῶς ὁ γέρον οὐκ ἐπιβέβηκεν τῷ ἀληθεί, τοῦτου δὲ ἀποστῆσαι βουλόμενος τὸν Ὁρέστην προσκόλων τινός φησιν. Вмѣсто тоѹтѹ въ рукописи читается странный знакъ, именно τ, верхняя черта котораго переходитъ въ крестъ. Этотъ знакъ встрѣчается еще въ схолиі на ст. 102 ἀδίκως οἰκτρῶς: ἐν < > ὑπόκειται ἀντὶ τοῦ ἀδίκως ἀεικῶς и въ схолиі на ст. 232 ἀνάριθμος ὡς θρήνων: ἐν < > κεῖται ἀνάνομος, οἷον ἀεὶ νομομένη. Ясно, поѹтому, что это условный знакъ, которыми схолиастъ обозначалъ свой источникъ; а такъ какъ послѣднее мѣсто Свида пишетъ такъ: ἐν ὑπονοίᾳ κεῖται (ἐν ὑπομνήματι Elmsley), то Янъ вводитъ слово ὑπομνήματι и въ схолиі на ст. 102, гдѣ отъ него уцѣлѣло очевидно ὑπο-, и пишетъ ἐν ὑπομνήματι κεῖται ἀντὶ τοῦ ἀδίκως. А въ такомъ случаѣ и въ нашемъ мѣстѣ придется читать ἐν ὑπομνήματι δὲ, ὅτι ἀποστῆσαι βουλόμενος и т. д., то-есть „Поэтъ прекрасно устроилъ дѣло такъ, что старикъ не догадывается объ истинѣ; въ комментаріи, однако, замѣчено, что онъ самъ о ней догадался, но не желаетъ, чтобы ее понял Орестъ, и по-ѹтому говоритъ, что это одна изъ прислужницъ, а не Электра“.— Такой же условный знакъ читается и въ схолиі на О. С. 1061, именно лигатура ο и υ („ὁδῶ Δίδυμος“ M. Schmidt), затѣмъ въ схолиіхъ на Ant. 523 и 1326 (лигатура π и υ).

Ст. 95.

πατέρ', ὃν κατὰ μὲν βάρβαρον αἶαν
φοίνιος Ἄρης οὐκ ἐξένοεν,
μήτηρ δ' ἡμή...

Схолія: πάντο περιπαθῶς πικροτέραν γενέσθαι τῷ Ἀγαμέμνονι καὶ πολέμιου καὶ ἀλλοδαπῆς τὴν Κλοταμήστραν. Слѣдуетъ, оставляя рукописное чтеніе πολέμου, продолжать καὶ τῆς ἀλλοδαπῆς; словомъ πολέμου схолиастъ перифразируетъ сл. φοίνιος Ἄρης, а словами τῆς ἀλλοδαπῆς (то-есть γῆς)—сл. βάρβαρον αἶαν.

Ст. 144. Схолія: τί μοι, φησί, τοῦτων γλίχῃ, ἅπερ ἐστὶν οὐκ εὐκόλως φέρειν. Читай ἅπερ οὐκ ἐστί εὐκόλως φ.

Ст. 270. Схолія: τὸ τῆς ἀσεβείας Αἰγίσθου κατηγορήμα, εἰ σπένδει θεοῖς ὅπου ἄδικος φόνος εἴργασται. Читай: ἄδικον φόνον.

Ст. 508 сл. εὔτε γὰρ ὁ ποντισθεὶς | Μυρτίλος ἐχομάθη, | παγχρυσῶν δῖφρων | δούσανος αἰκίαις πρόρριζος ἐκρίφθαις, | οὔτι πω | ἐξέλιπε τοῦδ' οἰκος | πολόπονος αἰκία. **Схолія:** ἀφ' οὗ ὁ Μορτίλος ἀπέθανεν, οὐ διέλιπεν

αἰκία τοὺς πολυκτῆμονας δόμους. Слово πολυκτῆμονας можетъ быть перифразомъ только къ πολόπονος (схολіастъ, по видимому, читалъ πολόπονους): въ такомъ случаѣ представляется необходимой поправка πολυκτῆμονας.

Ст. 595.

ἀλλ' οὐ γὰρ οὐδὲ νοοῦσθεῖν ἐξεστί σε

Схολія:... φησὶν, ὅτι οὐδὲ νοοῦσθεῖν σε δεῖ. Вѣроятно, се δύναμαι; точно также сх. Phil. 1113 δεῖ (δύναται Elmsley) δὲ καὶ κατὰ τὸ πληθυντικὸν ἀκούεσθαι и, по видимому, ibid. 1120 δεῖ (читай δύναται) δὲ καὶ οὕτω. Очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ деῖ произошло изъ непонятаго сокращенія слова δύναμ(τ)αι.

Ст. 701.

εἰς τὴν Ἀχαιοῖς, εἰς ἀπὸ Σπάρτης и т. д.

Схολія: φιλοτίμως διὰ πιθανότητα ταῦτα ἐπεξεργάζεται. Читай φιλοτέχως: ср. схолію на Αἰ. 1221 и введение къ Ἐлектрῇ.

Ст. 779. Орестъ

δεῖν' ἐπηπεῖλει τελεῖν,
ὥς τ' οὐτε νοκτὸς ὕπνον οὐτ' ἐξ ἡμέρας
ἐμὲ στεγάζειν ἤδυν, ἀλλ' ὁ προστατῶν
χρόνος διηγέ μ' αἰέν ὥς θανομένην.

Слово χρόνος, несмотря на попытки толкователей объяснить его, остается непонятнымъ (см. Наука ibid. 31). Кто сопровождалъ Клитемestру, видно изъ ст. 783 νῦν δ', ἡμέρᾳ γὰρ τῇδ' ἀπηλλάγην φόβου; какое существительное требуется эпитетомъ προστατῶν, видно изъ Эсхила Ag. 966 W. τίπτει μοι τόδ' ἐμπέδως δεῖμα προστατήριον καρδίας τερασκόπου ποτᾶται; какое слово легче всего могло перейти въ χρόνος, видно изъ ст. 1292 χρόνου γὰρ ἂν σοι καρὸν ἐξείργοι λόγος, гдѣ, по замѣчанію Диндорфа, схоліастъ читалъ πόνου (τὴν εὐκαιρίαν τῶν μελόντων πραχθῆναι. Такую же ошибку въ O. R. 1030 мы отмѣтимъ ниже). Въ виду всего этого я не сомнѣваюсь, что въ нашемъ мѣстѣ слѣдуетъ читать:

ἀλλ' ὁ προστατῶν
πόνος διηγέ μ' αἰέν ὥς θανομένην.

(ср. Эск. Ag. 167 K. στάζει δ' ἐν θ' ὕπνῳ πρὸ καρδίας μνησιπτήμων πόνος), хотя смыслъ допускаетъ и δκνος, τρόμος и т. д., не исключая и φόβος.

Ст. 1039. Электра:

ἧ δεινὸν εὖ λέγουσαν ἐξαμαρτάνειν.

Схолія: δεινὸν ἐμὲ καλῶς λέγουσαν δοκεῖν ἐξαμαρτάνειν· ἐπεὶ δὲ ἡ Χρυσόθεμις καλῶς λέγει, δοκεῖ δὲ ἀμαρτάνειν и т. д., πρὸς τοῦτο φησιν ἡ 'Ηλέκτρα, δεινὸν ἐστὶ σύμφορα δοκοῦσαν συμβουλευεῖν ἄδικα πράσσειν καὶ ἀμαρτάνειν. Такъ какъ это два различныя толкованія (ἐμὲ εὖ λέγουσαν и οὐ εὖ λέγουσαν), то вѣсто ἐπεὶ δὲ, слѣдуетъ читать ἢ ἐπεὶ ...

Ст. 1077. Электра οὐτε τι τοῦ θανεῖν προμηθεύς τό τε μὴ βλέπειν ἐτοῖμα διδύμαν ἐλοῦσ' Ἐρινόν. Въ схоліяхъ приведены два одинаково ложныя толкованія этой „двойной Эринии“, первое—смерть и заключеніе; второе: ἐπὶ θανάτου τὰ δύο, ἐτοίμη μὴ βλέπειν αὐτοὺς, ἀλλ' ἐν σκότει γενέσθαι τοῦ θανάτου ἐν τῇ αὐτῇ Ἐρινίῳ γενομένη τῇ Ἀγαμέμνονι, ὃ ἐστὶ διπλῇ Ἐρινός. Но смерть Агамемнона пока только ἀπλῇ Ἐρινός; сверхъ того Электра теперь болѣе думаетъ о свѣжей потерѣ Ореста. Слѣдуетъ поэтому послѣ τῇ Ἀγαμέμνονι добавить καὶ Ὀρέστη.

Ст. 1324. Электра:

εἰς ἱτ', ὧ ξένοι,
ἄλλως τε καὶ φέροντες οἱ' ἄν οὔτε τις
δόμων ἀπώσαιτ' οὔτ' ἄν ἡθεὶς λαβών.

Схолія: τοιαύτην ἀγγελίαν φέροντες, ἣν οὐκ ἄν τις ἀπώσαιο, λαβεῖν τὰ ὁτᾶ, οὐδὲ ἡδέως λάβοι, ὅτι κακὴ ἐστίν. Предложеніе λαβεῖν τὰ ὁτᾶ непонятно; какъ доказываетъ соотвѣтствующее ему предложеніе ὅτι—ἐστίν, въ немъ должна заключаться мотивировка глагола οὐκ ἀπώσαιο. Единственный возможный смыслъ: „никто не отвергаетъ васъ, такъ какъ нечестиво не принимать праха умершаго, но и не приметъ васъ съ радостью, такъ какъ цѣль вашего пришествія печальная. Я пишу поэтому... οὐκ ἄν τις ἀπώσαιο, ὅτι οὐχ ὅσιον μὴ λαβεῖν τὰ ὁτᾶ ...

Ст. 1384. ἴδαθ' ὅποι προνέμεται и т. д. Схолія: τοῦτο δὲ ἦτοι ὁ χορός φησι καὶ Наука р. 32. по G.) τῆς 'Ηλέκτρας συναισθητοῦσης..., ἢ ἐπὶ (Наука; ὅτι L) ἐξω οὖσα ἡ 'Ηλέκτρα λέγει πρὸς τὸν χορὸν τοὺς δύο στίχοις (очевидно 1398 сл.) καὶ οὕτως εἰσέρχεται. Остальная часть схоліи—καὶ ἐστὶ διάλειμμα βραχὺ, ὥς τε ἐξεληθοῦσαν αὐτὴν ἄρχειν τοῦ „ὧ φίλταται γυναῖκες“—не на своемъ мѣстѣ. По мнѣнію схолиаста, мы имѣемъ двѣ возможности представить себѣ игру Электры. Или она послѣ ст. 1383 вѣстѣ съ братомъ отправляется во дворецъ (εἰσέρχεται), такъ что во время эммелии ст. 1384—1397 никого на сценѣ нѣтъ; или же она во время эммелии остается на сценѣ, затѣмъ обращается къ хору съ двуступишемъ 1398 сл. и только тогда εἰσέρχεται. Ясно, что мнѣніе, согласно которому она ст. 1398 сл. пропозноситъ ἐξεληθοῦσα, вѣжется только съ первымъ, но не со вторымъ представленіемъ. Въ

виду этого я все мѣсто читаю такъ: τοῦτο δὲ ἦτοι ὁ χορός φησι καὶ τῆς Ἠλέκτρας συνεισληθούσης αὐτοῖς (то-есть съ Орестомъ и Пиладомъ), καὶ τὸ ἴδετε πρὸς ἀλλήλας φασὶν αἱ ἀπὸ τοῦ χοροῦ, καὶ ἔστι διάλειμμα βραχὺ (scil. τὸ ἴδετε, ср. схолію на Aj. 693), ὥστε ἐξελθούσαν αὐτὴν ἀρχεσθαι τοῦ „ὧ φίλταται γυναικες“· ἢ ἔτι ἔξω οὖσα ἡ Ἠλέκτρα λέγει πρὸς τὸν χορὸν τοὺς δύο σίχους καὶ οὕτως εἰσέρχεται. Читатель безъ труда замѣтитъ, какъ много отъ этой перестановки выигрывается вся схолія и въ другихъ отношеніяхъ.

Ст. 1417. Схолія: [ζῶσιν] ἀντὶ ἐπετέρχονται αὐτούς. Вмѣсто αὐτούς должно конечно стоять αὐτοῦς, то-есть τοὺς φονέας. Впрочемъ, вся схолія относится не къ 1417 ст. (ζῶσιν οἱ γὰρ κάτω καίμανοι), а къ ст. 1420 (παλίρροτον γὰρ αἶψ' ὑπεξαίρουσι τῶν κτανόντων οἱ πάλοι θανόντες).

III. ΟΙΔΙΠΟΥΣ ΤΥΡΑΝΝΟΣ.

Ст. 10.

τίνι τρόπῳ καθίστατε,
δείσαντες ἢ στέρξαντες;

Схолія: ἡ γὰρ διὰ δέος κολάσεως ἢ παθόντες ἐκδικίας τοχεῖν ἀξιοῦτε. Единъ врядъ ли можетъ предполагать, что просители желаютъ получить выговоръ (κολάσεως) отъ царя за свой страхъ, подобно хору въ „Семи вождяхъ“; они пришли съ тѣмъ, чтобы быть избавлены отъ страха; слѣдуетъ поэтому читать κουφίσσεως. Относительно извѣстной сгук Sophoclea στέρξαντες, я замѣчу только, что предложенное мною объясненіе ближе всего подходитъ къ объясненію Диндорфа, который отождествляетъ στέρξαντες съ ἰμείροντες ст. 50; несомнѣннымъ я его самъ не считаю.

Ст. 14 сл. Говорить „жрецъ“:

Ἄλλ', ὧ κρατύνων Οἰδίπους χώρας ἐμῆς,
ὄρῳ μὲν ἡμᾶς, ἡλίκοι προσήμεθα
βωμοῖσι τοῖς σοῖς· οἱ μὲν οὐδέπω μακρὰν
πτεροῖσι σθάνοντες, οἱ δὲ οὖν γῆρα βαρεῖς
ἰσρεῖς, ἐγὼ μὲν Ζηνός, οἱ δ' ἐπ' ἡθέρων
λεχτοί.

Нѣтъ нужды перечислять многочисленныя конъектуры къ ст. 18; читатель найдетъ ихъ отчасти въ изданіи Blaydes'a. Замѣчу только, что Наука стихъ удовлетворяетъ лишь въ слѣдующей формѣ ἰσρεὺς ἐγῶγε Ζηνός, οἷδε τ' ἡθέρων λεχτοί. Но и въ этой формѣ далеко не всѣ затрудненія устраняются.

1) Изъ сколькихъ частей состоитъ процессія? Повидимому, изъ трехъ, дѣтей, старцевъ (или вѣрнѣе, какъ замѣтилъ между прочимъ Наукъ въ Mém. II 694, одного старца) и неженатыхъ юношей. Между тѣмъ, по другимъ мѣстамъ (главнымъ образомъ ст. 31 ἐγὼ οὐδ' οἶδα παῖδες) мы получаемъ другое представленіе; оказывается, что частей только двѣ, старецъ и дѣти. Въ виду этого Herwerden предложилъ отождествить первый членъ съ третьимъ, ut dempto ornatu poetico haec esset prioris membri sententia: οἱ μὲν νέοι, οἱ δὲ γέροντες, cui chiaslice subjungeretur alterum membrum, quo illud explicaretur: ἐγὼ ἰερὸς Ζηνός, οἶδα τ' ἥθεον λεητοί. Онъ ссылается на то, что въ „Хоэфорахъ“ дважды Орестъ съ Электрой называются νεοσσοί (ст. 248 и 488 K.). При этомъ онъ, кажется, не обратилъ вниманія на то, что они называются тамъ νεοσσοί по отношенію къ отцу (ст. 248 πατὴρ νεοσσοῦς τοῦδε; ст. 488 ἀχαιοῶν, πατήρ, ἰδὼν νεοσσοῦς τοῦδε), что далеко не безразлично; вѣдь изъ того, что Эдинъ въ ст. 85 называетъ Креонта καὶ Μενοικίῳς, еще не слѣдуетъ, чтобы Креонтъ могъ называться просто καί. Мнѣ кажется, что „жрецъ“ возбуждалъ бы только смѣхъ, еслибы представилъ компанію, примѣрно, двадцатилѣтнихъ молодцовъ (не забудемъ, что ἥθεος=ἄταρος) царю со словами „взгляни на этихъ птенцовъ, которые не въ силахъ еще далеко летать“. А если такъ, то процессія состоитъ изъ трехъ частей, что не вяжется съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣйствія.

2) Каково значеніе всей этой части рѣчи „жреца“ до ст. 21? Онъ, по видимому, старается разжалобить царя, указывая на безпомощность просителей; этой цѣли служатъ выраженія οὐδέτεω πατρὶν πτόσθαι οβέοντες, οὖν γῆρα βαρεῖς. Слово ἥλικαι можно, поэтому, прямо перевести „въ сколь безпомощномъ возрастѣ тѣ, которые собрались“ и т. д. Какъ же подходить къ этому скорбному сборищу двадцатилѣтніе юнани? Легко убѣдиться, что ихъ присутствіе разрушаетъ весь ἥθος этого вступленія.

3) Оказывается, что нашъ старикъ—жрецъ Зевса. Спрашивается: къ чему это? Кто знакомъ съ поэтической техникой Софокла, тотъ знаетъ, что онъ индивидуализуетъ немиологическія личности лишь настолько, насколько это необходимо, избѣгая всѣхъ ненужныхъ для дѣйствія деталей. Въ этомъ отношеніи нашъ „жрецъ Зевса“ стоитъ особнякомъ.

4) Мало того. Если оставить въ сторонѣ наше мѣсто, то старецъ не только нигдѣ не выступаетъ жрецомъ, да еще жрецомъ Зевса, но является, можно сказать, чѣмъ угодно, но только не имъ. Вѣдь

будучи жрецомъ, онъ носилъ бы повязки и другіе знаки своего сана, и Эдипъ тотчасъ бы узналъ, кого онъ имѣетъ передъ собой. Могъ ли онъ тогда обратиться къ нему запросто со словами ὦ ἄρχαιε (ст. 9), какъ къ любому простолюдину? Онъ, который такъ строго соблюдаетъ этикетъ въ обращеніяхъ къ своимъ подданнымъ! Затѣмъ пусть читатель внимательно прочтетъ слово старца ст 14—57; имѣетъ ли оно хоть тѣнь духовнаго характера? Не приличествуетъ ли оно гораздо болѣе ἀνδρὶ τοῦ δῆμου, чѣмъ жрецу высшаго бога? ¹⁾).

б) Изъ всего этого слѣдуетъ, что ст. 18 не былъ написанъ Софокломъ. Схолія вполне подтверждаютъ этотъ результатъ; оказывается, что изъ двухъ комментаріевъ, изъ которыхъ составлены scholia vetera, одинъ, и притомъ болѣе древній, ст. 18 не признаетъ. Къ ст. 19 мы читаемъ лектои: τὸ λεκτοὶ τάχα μὲν εἰς ὑστάτιν τῶν καίδων, τάχα δὲ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что схолиастъ соединялъ лектоὶ съ οἱ μὲν οὐδέπω μακρὰν πτέσθαι σθένοντες, то-есть, другими словами, что онъ читалъ

οἱ μὲν οὐδέπω μακρὰν
πτέσθαι σθένοντες, οἱ δὲ οὖν γῆρα βαρεῖς,
λεκτοί.

такъ какъ при чтеніи рукописей лектоὶ относятся исключительно къ ῥῥῶων—въ чемъ, встати замѣтимъ, заключается новый абсурдъ. То же доказываетъ и схоліа къ ст. 17 τὸ δὲ „οὖν γῆρα βαρεῖς“ ἐφ' ἐξουτοῦ τῇ πληθυντικῇ ἐχρήματο· καὶ τὸ ἱερεῖς ὁμοίως. Очевидно, вопервыхъ, что схолиастъ, имѣя передъ собою традиціонный текстъ, сказалъ бы: τὸ δὲ „οὖν γῆρα βαρεῖς ἱερεῖς“ ἐφ' ἐξουτοῦ и т. д.; наша схоліа—дѣло двухъ рукъ, изъ которыхъ первая ст. 18 не знала, вторая, позднѣйшая — знала и поэтому сочла нужнымъ сдѣлать приписку καὶ τὸ ἱερεῖς ὁμοίως. Въ вторыхъ, челоѣку, читавшему οἱ δὲ οὖν γῆρα βαρεῖς ἱερεῖς, ἐγὼ μὲν Ζηνός, не могло и въ голову придти, будто οἱ δὲ βαρεῖς относится къ одному только говорящему, такъ какъ ἐγὼ μὲν ясно выдѣляетъ этого послѣдняго изъ числа прочихъ старшихъ жрецовъ. Кромѣ этой приписки, еще и схоліа къ ст. 78 принадлежатъ этой позднѣйшей рукѣ.

¹⁾ Таково мнѣніе Ahrens'a (Verhandlungen der 26-ten Philologenversammlung стр. 162), который говоритъ: es wäre das Uebermass der Gottentfremdung, wenn Priester, selbst der Priester des Zeus, in grösster Not um Hilfe sich an Oedipus wenden würden. Не будучи поддержано болѣе серьезными доводами, мнѣніе Аренса было скорѣ забыто; я обязанъ знакомствомъ съ нимъ простой случайности.

Итакъ, ст. 18 несомнѣнно подложень; но кто могъ его присочинить? По моему мнѣнію — одинъ изъ *λυτικοί* римскаго періода, ученость которыхъ понинѣ нерѣдко встрѣчается въ схолихъ съ традиціонной формулой *ζητοῦσί τινας... ῥητέον οὖν*. Эти господа, донскивавшіеся отца Гекубы и т. п., легко могли задать себѣ вопросъ, кто собственно тотъ старецъ, который въ прологѣ знаменитой трагедіи играетъ столь выдающуюся роль; недостаткомъ эрудиціи они не грѣшны, а поэтому имъ легко могло придти въ голову мѣсто изъ *Иліады* (I 574) объ *ἰχταεῖα* къ Мелеагрю

τὸν δὲ λίσσοντο γέροντες
Αἰτωλῶν, πέρπων δὲ θεῶν ἱερῆας ἀρίστους,
ἐξελθεῖν καὶ ἀμῦναι.

Подъ вліяніемъ этихъ стиховъ могло и должно было зародиться мнѣніе, что οὖν γῆρα βαρεῖς и есть θεῶν ἱερῆας ἀρίστοι — мнѣніе, противорѣчащее однако ст. 31. А если старцы вообще — жрецы, то тотъ изъ ихъ среды, который говоритъ отъ имени всѣхъ — безъ сомнѣнія жрецъ Зевса. Ясность и прозрачность этого умственного процесса служить, кажется, немаловажнымъ подтвержденіемъ моему мнѣнію о подложности ст. 18. Великими поэтами *λυτικοί* не бывъ; ст. 18, какъ его ни пиши, всегда останется неуклюжимъ и недостойнымъ Софокла стихомъ.

Ст. 25 сл.

φθίνουσα μὲν χάλυξιν ἐχάρποις χθονός,
φθίνουσα δ' ἀγέλας βουκόμους τέκοις τε
ἀγόνους γυναικῶν. ἐν δὲ πορφύρος θεός и т. д.

„Первыя три бѣдствія“, сказалъ я, „по мнѣнію эллиновъ обыкновенный признакъ нерасположенія боговъ“. Нѣкоторые изъ мѣстъ, доказывающихъ это, приведены толкователями; самое главное, кажется, ускользнуло отъ ихъ вниманія, и поэтому будетъ нелишнимъ привести его здѣсь. Это — Каллимахъ III (εις "Αρτεμιν) 124 сл.:

. . . οὗς τὸν ἡ χαλεπὴν ἐμμάζειν ὀργήν·
κτῆνέα φιν λοιμὸς καταβόσκαται, ἔργα δὲ πᾶχυν,
καίρονται δὲ γέροντες ἐφ' οὐαῖσιν, αἱ δὲ γυναῖκες
ἢ βληταὶ θνήσκειοσι λεχθαῖδες, ἢ φογεῖοσι
τίκτοισιν τῶν οὐδὲν ἐπὶ σφυρὸν ὀρθὸν ἀνέστη.

Подчеркнутыя слова дали мнѣ возможность объяснить τέκοις ἀγόνους γυναικῶν сообразно со ст. 173, не прибѣгая къ неестественнымъ толкованіямъ послѣдняго.

Ст. 46. Схолія: εἰώθαμεν δὲ καὶ τῶν ἀτοχμημάτων καὶ τῶν εὐημεριῶν μνημονεύειν καθῶς <οἱ> ἄρχοντες ἀποβῶσιν. Членъ οἱ добавилъ Папагеоргій, и вышла безсмыслица. Читаѣ: <οἱ> καθῶς ἄρχωνται, <ἀλλὰ καθῶς> ἀποβῶσιν.

Ст. 56. Схолія: ὅμοιον δὲ τὸ τῶν νεῶν ταῖς πόλεσιν, ὅθεν καὶ <τὸ> τροπικῶς τοῖς ὀνόμασιν ἀπὸ τῶν εἰωθότων χρῆσθαι ἐπὶ τῶν πόλεων, οἵακα; νῦν ἀντὶ τοὺς ἄρχοντας λέγοντας καὶ ὕρθῳ πλεῖν τὴν πόλιν φάσκοντες. Членъ τὸ прибавилъ Папагеоргій, онъ же измѣнилъ рукописное чтеніе λέγοντες и φάσκοντες, и въ результатъ все-таки получилась безсмыслица; что значить ἀπὸ τῶν εἰωθότων, кто изъ поэтовъ говорить оἷαε̄ вмѣсто ἄρχων? Мѣсто должно быть читаемо такъ: ὅθεν καὶ τροπικῶς τοῖς ὀνόμασιν ἀπὸ τῶν νεῶν εἰώθασι χρῆσθαι ἐπὶ τῶν πόλεων, οἵακονόμους τοὺς ἄρχοντας λέγοντες καὶ и т. д. Ср. Эск. Пром. 150 К. νέοι γὰρ οἵακονόμοι χρητοῦς' Ὀλόμπου.

Ст. 71.

ὥς πύθοιθ', ὃ τι

δρῶν ἢ τί φωνῶν τήνδε ῥοαίμην πόλιν.

Предложенный мною переводъ „какими обрядами и молитвами“ довольно существенно отличается отъ общепринятаго безцвѣтнаго „какими средствами“; его умѣстность въ данномъ мѣстѣ достаточно доказана въ комментаріи; остается привести параллельныя мѣста. Разумѣется, при этомъ придется исключить такія мѣста, гдѣ каждое изъ обонхъ словъ имѣетъ свое естественное значеніе, какъ напри- мѣръ, Phil. 904, гдѣ Филоктетъ говоритъ Неоптолему: „ты вовсе не измѣняешь врожденному тебѣ благородному праву, ни на словахъ (общая спасти меня), ни на дѣлѣ (спасая меня)“. Остающіеся, за вычетомъ этихъ, мѣста не особенно многочисленны. Ближе всего подходитъ приведенное еще Шнейдевиномъ мѣсто изъ Эсхила (Пром. 657):

ὁ δ' ἄς τε Πυθῶ καπὶ Δωδώνης πυκνοῦς

θεοπρόπους ἱάλλεν, ὥς μάθοι, τί χρῆ

δρῶντ' ἢ λέγοντα δαίμοσιν πράσσων φίλα.

гдѣ можетъ быть рѣчь только объ умилостивительныхъ обрядахъ или молитвахъ, которыми Инахъ могъ бы освободить свою дочь отъ тревожныхъ и нечестивыхъ видѣній. Мое толкованіе обонхъ мѣстъ подтверждается еще параллельнымъ мѣстомъ изъ Илиады, гдѣ тоже имѣется въ виду освобожденіе отъ чумы, какъ въ Эдипѣ, и выраженія яснѣе (ст. 62 сл.):

ἀλλ' ἄγε δὴ τίνα μάντιν ἐρείομεν, ἢ ἱερῆα ...

ὅς κ' εἴποι ὃ τι τόσσον ἐχώσατο Φοῖβος Ἀπόλλων,
εἴτ' ἄρ' ὄγ' εὐχολῆς ἐπιμέμφεται, εἶθ' ἐκατόμβης.

Здѣсь εὐχολῆ соотвѣтствуетъ словамъ τί φωνῶν, ἐκατόμβη словамъ τί δρῶν.—Такое же значеніе необходимо придать вопросу Ореста надъ могилοю Агамемнона (Хозф. 307 сл. К.)

ὦ πάτερ αἰνόπατερ, τί σοι
φάμενος ἤ τί ῥέξας
τύχοιμ' ἂν ἔκαθ' αὐρίσας,
ἔνθα σ' ἔχουσιν εὐναί;

Здѣсь подъ φάμενος разумѣются молитвы, подъ ῥέξας—возліянія. Ср. замѣт. Галена de usu part. VIII, 14 (о таинствахъ) πρὸς τοῖς δρωμένοις τε καὶ λεγομένοις ὑπὸ τῶν ἱεροφαντῶν.

А такъ какъ драма была первоначально частью культа Діониса, то драматическій хоръ могъ по праву сказать про себя, что онъ λέγει καὶ δρᾷ, что мы и читаемъ у Аристофана въ двухъ мѣстахъ, Лес. 1045:

παρὰσκευαζόμεσθα...
πάντ' ἀγαθὰ καὶ λέγειν
καὶ δρᾶν

и Θεσμ. 305: καὶ τὴν δρῶσαν καὶ τὴν ἀγορεύουσαν τὰ βέλτιστα περὶ τὸν δῆμον,.... ταύτην νικᾶν. Впрочемъ, возможно, что въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ говорится не столько о комическомъ хорѣ, сколько о представляемой экклесіи; перенесеніе этой формулы съ сакральныхъ обрядовъ на обряды экклесіи было тѣмъ скорѣе возможно, что послѣдніе имѣли также, отчасти по крайней мѣрѣ, сакральный характеръ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ формула употреблена у Иперіда Philpp. 129 (=Classical texts in the Brit. Mus. ed. by Кенуон стр. 50) εἴποτε δοθήσεται ἐξουσία λέγειν τι ἢ πράττειν κατὰ τοῦ δήμου; у Плутарха Them. 11... γράφει ψήφισμα, τοῖς ἐπὶ χρόνῳ μαθηστώσιν ἐξεῖναι κατελθεῖσι πράττειν καὶ λέγειν τὰ βέλτιστα Ἑλλάδι, гдѣ сакральное δρᾶν вполне основательно замѣнено болѣе общимъ πράττειν (ср. Sol. 29) и, безъ сомнѣнія, во многихъ другихъ мѣстахъ. Сюда же относится и Gell. XIV, 7, 2... uti commentarium faceret isagogicum..., ex quo disceret, quid facere discereque deberet cum senatum consuleret.

Ст. 106. Креонтъ:

τούτου θανόντος νῦν ἐπιστέλλει σαφῶς
τοὺς αὐτοέντας χερὶ τιμωρεῖν τινας.

Оракулъ предоставилъ овианамъ на выборъ, желаютъ ли они изгнать убійцу Лаіа, или казнить его (ἀνδρηλατοῦντας ἢ φόνφ φόνον πά-

λιν λούοντας ст. 100); какое право имѣлъ Креонтъ въ своемъ объясненіи совершенно игнорировать первую возможность и представить дѣло въ такомъ свѣтѣ, какъ будто богъ требовалъ непременно смерти убійцы? Едва ли менѣе странно и самое заключеніе: ἀπείθαυε—вѣдь ἀπείθαυε не значить непременно „былъ убитъ“—богъ повелѣваетъ казнить виновника.

Въ схолиі слово τοὺς αὐτοέντας объяснено словами τοὺς φονέας καὶ αὐτόχειρας; если допустить, что послѣднее слово было употреблено для объясненія надъ текстомъ

χειρας

τοὺς αὐτοέντας — — τιμωρεῖν τινος

то происхожденіе чтенія χειρὶ объясняется легко, тѣмъ болѣе, что на переписчика могъ повліять ст. 140 καὶ ἂν τοιαύτῃ χειρὶ τιμωρεῖν θέλοι. Остается восполнить пробѣлъ. Мы видѣли, что понимать τοῦτοу θανάτου какъ ген. abs. неудобно; отсюда слѣдуетъ, что въ пробѣлѣ стояло слово, отъ котораго это сочетаніе зависѣло, какъ ген. poss. Я пишу поэтому:

τοὺς αὐτοέντας αἵμα τιμωρεῖν τινος.

Относительно синтаксиса замѣчу, что τιμωρεῖν у Софокла, какъ показалъ Ellendt въ Lex. Soph. s. v., тожественно съ τιμωρεῖσθαι; поэтому предполагаемая мною конструкція τιμωρεῖν τινά τῃ „мстить кому за что-либо“, находить себѣ полную аналогію въ стихахъ Еврипида Кикл. 694 κακῶς γάρ ἂν Τροίαν γε διαπορώσμεν, εἰ μὴ σ' ἐταίρων φόνον ἐτιμωρήσμεν и Алк. 732 сл. ἡ τὰρ Ἄχαιστος οὐκέτ' ἔστ' ἐν ἀνδράσιν, εἰ μὴ σ' ἀδελφῆς αἵμα τιμωρήσεται.

Ст. 126 сл. Креонтъ:

δοκῶντα ταῦτ' ἦν Λαῖου δ' ὀλωλότος

οὐδείς ἀρῶγός ἐν κακοῖς ἐγίγνετο.

Предложенный мною переводъ „эта догадка казалась (еще тогда) правдоподобной; но никто не брался помочь душѣ убитаго Лаія въ ея печали“ расходится съ объясненіемъ Наука, согласно которому подъ κακά должно разумѣть несчастье, постигшее Оивы, то-есть, нашествіе Сфинкса. Это доказываетъ будто бы слѣдующій стихъ. Прежде чѣмъ обратиться къ нему, мы должны разобрать выписанное двустишіе; зрители, вѣдь, не знали еще этого стиха, когда Креонтъ произносилъ свое двустишіе, а слѣдовательно должны были составить себѣ понятіе о послѣднемъ независимо отъ перваго. Итакъ, я полагаю, что

слова ἀρωγός ἐν καχοῖς не могутъ не стоять во взаимномъ соотношеніи. Слова „никто не явился заступникомъ въ бѣдствіи“ никакъ не могутъ быть поняты въ смыслѣ „никто не явился заступникомъ Лаіа въ нашемъ бѣдствіи“. Возможно только одно изъ двухъ: или „нашимъ заступникомъ въ нашемъ бѣдствіи“ или „заступникомъ Лаіа въ его бѣдствіи“. Первое не идетъ къ нашему мѣсту, да и невѣрно; такимъ заступникомъ явился именно Эдипъ, выручившій оиванъ отъ Сфинкса. Остается такимъ образомъ второе. Къ слову ἀρωγός въ этомъ значеніи Blaydes привелъ двѣ параллели: El. 1391 παράγεται γὰρ ἐνέρων δολιόπορος ἀρωγός εἴσω στέγας, OR. 496 Λαβδακίδακ ἐπίκορος ἀδῆλων θαλάττων; къ слову ἐν καχοῖς и вмѣстѣ съ тѣмъ ко всему обороту могу привести параллель, тоже, полагаю, вполне доказательную, именно El. 846 ἐφάνη γὰρ μελέτωρ ἀμφὶ τὸν ἐν κένθει, „скорбящая душа погибшаго благодаря предательству жены Амфіарая, обрѣла себѣ заступника въ лицѣ сына“.

Послѣ такого отвѣта Эдипъ могъ спросить: „А что же мѣшало тебѣ явиться заступникомъ?“ Это было прямою обязанностью Креонта; тѣмъ тяжелѣе была утрата вслѣдствіе того, что съ бездѣтнымъ Лаіемъ погибла и вся династія Лабдакидовъ, тѣмъ священнѣе была обязанность Креонта отомстить за его смерть; только великое несчастье могло оправдать упущеніе. Вотъ почему Эдипъ съ укоризной спрашиваетъ: „Какое же несчастье помѣшало тебѣ, послѣ столь незамѣнимой утраты, изслѣдовать дѣло?“ Этимъ вопросомъ онъ отрѣзалъ Креонту возможность привести въ извиненіе какія бы то ни было другія соображенія.

Ст. 135. Эдипъ:

ὥστ' ἐνδίκως ὄψασθε καὶ με σὺμμαχον,
γῆ τῆδε τιμωροῦντα τῷ θεῷ θ' ἄμα.

Кто подлежащее къ ὄψασθε? Какъ видно изъ ст. 133, Фебъ и Креонтъ; что подлежащее съ тѣхъ поръ не измѣнилось, доказываетъ слово σὺμμαχον. Итакъ, мы получаемъ фразу: ὄψασθε ὦ Φοῖβε καὶ Κρέων, ἐμὲ τιμωροῦντα τῇ γῇ καὶ τῷ Φοίβῳ. Отсюда слѣдуетъ, что θεῷ невозможно. Местъ за Лаіа была благочестивымъ дѣяніемъ по отношенію къ Аполлону, который приказалъ ее совершить, къ землѣ, которая только подъ этимъ условіемъ могла быть спасена, но прежде всего по отношенію къ самому Лаію; было бы странно, если бы Эдипъ упустилъ изъ виду это послѣднее обстоятельство. Уже это одно соображеніе доказываетъ, что вмѣсто θεῷ долженъ стоять Лаіи; слѣ-

дующій стихъ ὁπέρ γάρ οὐχὶ τῶν ἀπωτέρω φίλων является новымъ доказательствомъ. Я пишу поэтому:

γῆ τῆδε τιμωροῦντα τῷ νεκρῷ θ' ἄμα.

Ст. 158. Хоръ:

εἰπέ μοι, ὦ χρυσέας τέχνον ἐλπίδος, ἄμβροτε Φάμα.

Въ skolion даны два объясненія: παρ' ὅσον ἐν ἐλπίδι τινι γεγόμενοι οἱ ἄνθρωποι οὕτω φημίζουσι πρὸς τὸ λόγιον ἢ παρ' ὅσον ὑπὸ ἐλπίδος καὶ χρησμοὺς αἰτοῦσιν ἀπὸ θεῶν. Всѣ издатели, высказавшіеся объ этомъ мѣстѣ—Wunder, Nauck, Wolff, Bellermann, Blaydes, Tournier, Schmelzer, Wecklein, соглашаются съ послѣднимъ толкованіемъ. Тѣмъ не менѣе оно мнѣ кажется невозможнымъ. Не можетъ же отвѣтъ бога быть названъ „сыномъ надежды“ на томъ основаніи, что вопрошающіе исполнены надежды; допуская такіе логическіе скачки, мы теряемъ всякую почву подъ ногами. Понимать φήμη въ смыслѣ „людская молва“ тоже нельзя, такъ какъ хоревты, явившіеся передъ царскій дворецъ, ни съ кѣмъ болѣе не рассчитываютъ встрѣтиться, кромѣ самого царя; слова же царя будутъ, разумѣется, не φήμη, а достовѣрнымъ сообщеніемъ. Остается, такимъ образомъ, первое объясненіе skolion: „такъ какъ воодушевленные надеждой люди путемъ догадки стараются уловить содержаніе оракула“. Несмотря на нѣкоторую темноту въ выраженіи, это прекрасное объясненіе, и я не задумался согласиться съ нимъ. Вотъ прежде всего двѣ параллели. Одиссея α 200:

αὐτὰρ νῦν τοι ἐγὼ μαντεύσομαι, ὥς ἐνὶ θυμῷ
ἀθάνατοι βάλλουσι καὶ ὥς τελέεσθαι οἶω,
οὔτε τι μάντις ἐὼν οὔτ' οἰωνῶν σάφα εἰδώς.

Здѣсь Аенна въ образѣ царя тафійцевъ притворяется, что услышала въ глубинѣ своей души внушенную богами „вѣсть“. Эсхилъ, Персы 170:

ἀλλ' ἄγε, Πέρσαι, τόδ' ἐνεζόμενοι
στέγος ἀρχαῖον,
φροντίδα κεδνὴν καὶ βαθύβουλον
θώμεθα, χρεῖα δὲ προσήκει,
πῶς ἄρα πράττει Εὐρέης βασιλεὺς;

Они собираются внять голосу собственнаго сердца, не скажетъ ли оно имъ чего-нибудь объ участи царя; въ точно такомъ же положеніи находятся и наши хоревты. Этимъ объясняется θυρόμαντις Эсхила Персы 224 и родственныя мѣста. Въ сущности вѣра въ возможность

такого внушенія была источникомъ вѣры въ божественность людской молвы, φήμη, κληδών, δῖσα (α 282; Hes. op. et d. 763 сл., Aesch. Prom. 488 K., Ag. Av. 720 и др.); оттого то Ксенофонтъ (Mem. in.) отождествляетъ δαίμονιον Сократа—φήμη въ смыслѣ нашего мѣста—сѣ φήμη τῶν ἀπαντῶντων.

Ст. 175. Хоръ:

ἄλλον δ' ἂν ἄλλφ προσίδοις ἄπερ εὐπτарον ὄρνιν
κραισσον ἀμαμαχέτου πορὸς ὄρμενον
ἀκτὰν πρὸς ἐσπέρου θεοῦ.

Какъ понимать κραισσον? Одинъ только Blaydes предложилъ объясненіе, допускаемое грамматическимъ построениемъ періода—with greater rapidity; но такъ какъ онъ далѣе предлагаетъ нѣсколько конъектуръ—довольно плохихъ, впрочемъ—то надо полагать, что это объясненіе его самого не удовлетворяетъ. Дѣйствительно, развѣ огонь распространяется быстрѣ птицы, съ которой только что сравнивались умирающіе? Другое дѣло, еслибы эллины были знакомы со степными пожарами, которые догоняютъ, говорятъ, скачущихъ всадниковъ, или если бы πῦρ могло обозначать молнію, какъ робко предполагаетъ Blaydes, или хоть зарю (ср. старинную нѣмецкую пѣсню Ein schneller Reiter ist der Tod, Viel schneller als das Morgenrot); но все это невозможно. Но главное: кто сравнивается съ „несокрушимымъ огнемъ“, умершіе ли, или погубившая ихъ чума? По грамматикѣ—первые (производимое Вольфомъ различіе не дѣлаетъ чести его логической выдержкѣ), по смыслу—вторая, этотъ πορφύρος θεός (ст. 27), который φλέγει οὐρανὸν (162). А если такъ, то грамматически правильное толкованіе является противорѣчающимъ здравому смыслу, другими словами, мѣсто испорчено.

Но въ этомъ убѣдиться легче, чѣмъ найти такое исправленіе, которое бы насъ удовлетворяло вполне; свою собственную догадку я врядъ ли рѣшился бы публиковать, если бы меня къ этому не при-
нуждала обязанность издателя. Я пишу ὄρμᾳ ἀμαμαχέτου πορὸς; Сознавая самъ, что съ палеографической стороны эта конъектура не представляется убѣдительною, я тѣмъ не менѣе полагаю, что она по смыслу безукоризненна и даетъ не только правильное, но и поэтичное представленіе. Меня навело на нее прекрасное сравненіе въ Илиадѣ

(Λ 155)

ὥς δ' ὅτε πῦρ αἰδηλον ἐν ἀέθλῳ ἐμπεσὴ ὕλην,
πάντῃ δ' εἰλουφῶν ἄνεμος φέρετ, οἱ δέ τε θάμνοι
πρόρριζοι πίπτουσιν ἐπαγόμενοι πορὸς ὄρμῃ,

ὥς ἄρ' ὕπ' Ἀτρεΐδῃ Ἀγαμέμνονι πίπτε κάρηνα
Τρώων φευγόντων.

Конечно, въ нашемъ мѣстѣ представленіе нѣсколько другое. Охваченныя чумой Оивы—это пылающая роща; изъ нея быстрымъ, стремительнымъ полетомъ улетаютъ птицы—это души тѣхъ, которые погибли.

Ст. 198. Хоръ:

τέλει γάρ εἴ τι νῦν ἀφῆ,
τοῦτ' ἐπ' ἡμᾶρ ἔρχεται.

Вотъ списокъ—врядъ ли полный—толкованій слова τέλει въ нашемъ мѣстѣ: 1) = ἐπὶ τῇ αὐτοῦς τέλει. Schol. Blaydes? 2) = durch ihr Ende. Wecklein. 3) = τελέως, omnino. Brunck, Elmsley, Wunder, Tournier. 4) = θανάτῳ, mortis si quid nox reliquit fecit. Meineke. 5) = ἐν τέλει, unharmed, not destroyed. Blaydes. 6) = ἐπὶ τὸ τελεῖν, incessit ad perfectionem. Schütz. Конъектурамъ нѣтъ числа: τελαῖ γάρ εἰ (Schneidewin, Bergk, Wolff), τελεῖν γάρ, εἰ (Hermann, Dindorf, Herwerden), ἀεὶ (Arndt, Helmsoeth, Nauck?), οὐδένα (Schmelzer) и др.

Мы не можемъ здѣсь подвергнуть обсужденію всѣ эти столь расходящіяся мнѣнія, да и нѣтъ надобности. Наиболѣе свосныя изъ нихъ только тѣмъ хороши, что не приписываютъ поэту прямой нелѣпости, въ родѣ ἐπὶ τῇ τέλει, или грамматической невозможности, въ родѣ = τελέως; но пусть читатель посудитъ самъ: есть ли между ними хоть одно, которое бы имѣло что-либо общее съ поэзіей?

Я, лишь незначительно измѣняя традиціонное чтеніе, предлагаю читать такъ:

τέλος γάρ εἴ τι Νῦν ἀφῆ,
τοῦτ' ἐπ' Ἠμᾶρ ἔρχεται.

„Если даже Ночь отпускаетъ намъ дань, то приходитъ День и забираетъ ее“. Чума завоевала Оивы и обложила жестокою данью; День и Ночь—ея τέλωνα. Кроткая Ночь иногда (своей освѣжительной прохладой) оставляетъ нетронутой дань; но является жестокий (злойный) День и беретъ ее. Какъ кому, а мнѣ это представленіе нравится; навело меня на него прекрасное объясненіе эпиграммы

ὅσον ζῆς, φαίνου,
μηδὲν ὅλως σὺ λυποῦ.
πρὸς ὀλίγον ἐστὶ τὸ ζῆν.
τὸ τέλος ὁ χρόνος ἀπαιτεῖ.

(Cougny III p. 595), предложенное Крузіусомъ въ Philologus L. 165.

Ἀφίημι въ требуемомъ значеніи встрѣчается часто; примѣры см. въ Thesaurusъ I, 2, ст. 2657 внизу.

Но это не все; мы можемъ доказать, что чтеніе τέλος находилось въ рукописи древнѣйшаго схолиаста. Также какъ и къ ст. 158, толкователи постоянно приводятъ только вторую, позднѣйшую часть схолиа, совершенно умалчивая о первой, болѣе древней. Вотъ она: ἀντί τοῦ „εἴ τι ἢ νῦν ἀγαθὸν καταλείπει, τοῦτο ἐν ἡμέρᾳ ἀναφέρεται“. Очевидно, слово ἀγαθὸν служить здѣсь перифразомъ нашей глоссы, которую схолиастъ, стало быть, читалъ не въ формѣ τέλει, а какъ дополненіе къ φῆ, то-есть, въ формѣ τέλος. Положимъ, онъ не понялъ своего текста, объясняя τέλος какъ ἀγαθὸν (собственно „совершенство“) и соединяя тоѹто (подл.) ἔρχεται (=οἶχεται) ἐπ' ἡμᾶρ; но это для насъ безразлично, важно только само чтеніе. Интересно поведеніе втораго схолиаста. Онъ имѣлъ передъ собою съ одной стороны испорченный текстъ τέλει, съ другой—перифразъ своего предшественника; не долго думая, онъ соединилъ первый съ вторымъ, и получилось объясненіе: εἰ γάρ τι ἢ νῦν ἀφ' ἧ ἐπὶ τῷ ἑαυτῆς τέλει ἀβλαβές,... τοῦτο μὲν ἡμέραν ἀνῆρπασται.

Ст. 205. Схоліа: ἐνδαιτῶσθαι] ἐν μερισμῷ δίδωσθαι καὶ διατρίβειν μετῆχται δὲ ἀπὸ τῶν διανεμομένων. Авторъ объясненія διατρίβειν, по видимому, самъ читалъ ἐνδαιτῶσθαι, или по крайней мѣрѣ имѣлъ этотъ глаголъ въ умѣ; серьезнаго значенія этотъ варіантъ конечно не имѣетъ.

Ст. 222. Схоліа: μετῆχται δὲ ἀπὸ τῶν συντελούντων ἐν ταῖς πόλεσι καὶ τὴν ἰδίαν δυνάμιν εἰς τὸ κοινὸν φερόντων. Последнія слова непонятны; требуется примѣрно καὶ τὴν ἰδίαν (οὐσίαν κατὰ) δυνάμιν и т. д.

Ст. 231. Эдипъ:

τον ἄνδρ' ἀπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς
τῆςδ', ἧς ἐγὼ κράτη τε καὶ θρόνους νέμω,
μήτ' ἐςδέχεσθαι μήτε προσφωγεῖν τινα.

Слова ὅστις ἐστί могутъ быть сами по себѣ относимы къ тому, о комъ говорятъ (то-есть къ τὸν ἄνδρα τοῦτον), или къ тому, кому говорятъ (къ γῆς τῆςδε, то-есть къ τινα), смотря по тому, дѣлать ли паузу послѣ ἐστί или послѣ τοῦτον; что послѣднее было задумано поэтомъ, доказывается перифразомъ нашихъ словъ въ ст. 817:

ὃν μὴ ξένων ἔξεστι μῆδ' ἀστῶν τι
δόμοις δέχεσθαι

гдѣ слова μὴ ξένων μῆδ' ἀστῶν τι могутъ быть только развитіемъ словъ μὴ . . . τινα, ὅστις ἐστί въ нашемъ мѣстѣ.

Что касается манифеста вообще, то я счелъ необходимымъ при-

нять предложенную Риббекомъ перестановку стиховъ 246 — 251; вопросъ этотъ столь часто обсуждался, что можетъ наконецъ считаться исчерпаннымъ.

Но наша рѣчь страдаетъ еще другимъ, едва-ли не болѣе крупнымъ недостаткомъ. Стихи 255—268 (отъ οὐδ' εἰ γὰρ ἦν τὸ πρῶμα до Ἀγῆνορος) не могутъ быть терпимы на томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ.

1) Слова καὶ ταῦτα τοῖς μὴ δρῶσιν ст. 269 непонятны, если имъ предшествуетъ этотъ длинный пассажъ, въ которомъ ни слова не говорится о томъ, что слѣдуетъ дѣлать оиванамъ; съ другой стороны, эти слова тѣсно примыкаютъ къ ст. 252 — 254 οὐκ ἐπὶ πάντων ἐπισκήπτω τελεῖν сл.; отсюда слѣдуетъ неопровержимое заключеніе, что ст. 269 сл. были непосредственнымъ продолженіемъ ст. 252 — 254, то-есть что ст. 255 — 268 должны быть удалены. Правда, Herwerden предложилъ для этого болѣе легкое средство — переставить ст. 244 — 245 + 252 — 255 послѣ ст. 268; этимъ устраняется одно затрудненіе, но за то создается другое. Дѣйствительно, слова οὐκ ἐπὶ πάντων ἐπισκήπτω τελεῖν ст. 252 указываютъ на ст. 236 — 243 (μὴτ' εἰςδέχεσθαι ὧθειν δέ), за которыми они и слѣдуютъ по предложенному Риббекомъ порядку, между тѣмъ какъ по Гервердену они отдѣлены отъ нихъ длинной egressio ст. 255 — 268. Итакъ, выходитъ, что за ст. 236 — 243 должны слѣдовать непосредственно ст. 244 сл. + 252 — 255, а послѣ 252 — 255 непосредственно ст. 269 сл.; другими словами, что egressio ст. 256 — 269 должна быть устранена вовсе.

2) Риббекъ впервые (Erikritische Bemerkungen, Kiel 1870) обратилъ вниманіе на замѣчательную композицію нашего манифеста (наглядно изображенную въ моемъ изданіи); онъ состоитъ изъ мелкихъ хоризмовъ въ 2, 3 или 4, но болѣею частью въ 3 стиха, что придаетъ ему совершенно особый характеръ вынужденнаго зловѣщаго спокойствія; достаточно продекламировать громко всю рѣчь, чтобы убѣдиться въ этомъ. Эдипъ читаетъ свой манифестъ, какъ законодатель, параграфъ за параграфомъ. Только одно мѣсто не носитъ этого характера, являясь обыкновенной трагической ῥήσις — это и есть наша egressio ст. 256—268. И въ этомъ не трудно убѣдиться при громкомъ чтеніи; получается впечатлѣніе, будто послѣ стиховъ читаешь прозу. Такъ ст. 258 первая главная мысль кончается по срединѣ стиха (ἀλλ' ἐξερουνᾶν), чему другаго примѣра во всемъ манифестѣ нѣтъ.

3) Точно также наша *egressio* противорѣчитъ ἤθος'у всего манифеста; она главнымъ образомъ виновна въ томъ, что строгіе критики находятъ всю рѣчь лишеною смысла. Главная нота эгрессіи—самоуверенность (νῦν δ' ἐπεὶ χορῶ τ' ἐγώ... ἀνθ' ὧν ἐγὼ τάδ'... ὑπερμαχοῦμαι κατὰ πᾶν ἀφίκομαι...); главная нота всего манифеста—сознаніе собственнаго безсилія и упованіе на содѣйствіе гражданъ и помощь боговъ.

Этотъ послѣдній пунктъ, равно какъ и содержаніе всей эгрессіи, указываютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣсто, гдѣ ей слѣдуетъ стоять. Самоувереннымъ былъ Эдипъ до парода, при полученіи отъ Креонта извѣстія о волѣ Аполлона; тогда онъ сказалъ гордое слово ст. 132 ἀλλ' ἐξ ὑπαρχῆς αἰὼς αὐτ' ἐγὼ φανῶ. Вообще по своему содержанію наша эгрессія — простая диттографія отвѣта Эдипа просителямъ ст. 132—146, специально ст. 135—141; смыслъ въ обоихъ случаяхъ: „самыя сильныя побужденія заставляютъ меня выступать мстителемъ за убійство Лаія“. Какія же это побужденія?

Въ нашей эгрессіи — самыя возвышенныя и благородныя: „независимо отъ божьей воли — доблесть и санъ убитаго, затѣмъ мои личные связи съ нимъ: я его преемникъ во власти, я мужъ его вдовы, во мнѣ онъ нашелъ бы отца для своихъ сиротъ, если бы онъ не умеръ бездѣтнымъ“. Напомню и объ этомъ чудномъ ὥστερεῖ τοῦ μοῦ πατρός.

Въ отвѣтѣ просителямъ—довольно мелкія и эгоистическія: „мста за Лаія, я забочусь и о себѣ; кто его тогда убилъ, тотъ въ состояніи убить и меня“. Тотъ ли Эдипъ передъ нами, который въ ст. 442 на замѣчаніе Тиресія, что его проникаемость погубила его, отвѣчаетъ ἀλλ' εἰ πόλιν τῆνδ' ἐξέσωσ', οὐ μοι μάλα; Вообще никто, кажется, не станетъ оспаривать, что эта мелочность ничуть не въ характерѣ Эдипа.

Но мы можемъ и не прибѣгать къ такого рода эстетическимъ соображеніямъ; главное вотъ что. Изъ отвѣта просителямъ несомнѣнно слѣдуетъ, что по первоначальному плану Софокла чума и ἀναγνώρισις послѣдовали вскорѣ за убійствомъ Лаія и воцареніемъ Эдипа; по прошествіи приблизительно 15 лѣтъ боязнь Эдипа, что убійца Лаія можетъ быть опасенъ и ему, была бы нелѣпа. А если имѣть въ виду, что въ эносѣ, который былъ источникомъ Софокла, въ „Эдиподѣ“, дѣйствительно ἄφρα ἀνάστα θεῶν θεοὶ ἀνθρώποισιν (λ 274; см. Bethe, Thebanische Heldenlieder 1—28), то это заключеніе покажется довольно интереснымъ.

Итакъ, ст. 135 — 141 противорѣчатъ и характеру Эдипа, ка-
кимъ онъ опредѣлился впослѣдствіи, и той экономіи трагедіи, на
которой поэтъ послѣ нѣкотораго колебанія остановился окончательно.
Поэтому онъ долженъ былъ этотъ отвѣтъ просителямъ замѣнить
другимъ, и этотъ другой отвѣтъ и есть наша эгрессія ст.
256 — 268. Въ моемъ изданіи онъ стоитъ тамъ, гдѣ ему слѣдовало
стоять по плану поэта. Но древній издатель — назовемъ его для
удобства Иофонтонъ, — имѣлъ передъ собою два варианта той же
рѣчи; желая сохранить оба, онъ умѣстилъ одинъ въ отвѣтъ прося-
телямъ, другой — въ манифестъ; страннаго тутъ ничего нѣтъ: всѣ
диптографіи произошли такимъ образомъ.

Ст. 290 — 296.

ΧΟΡ. καὶ μὴν τὰ γ' ἄλλα κωφὰ καὶ παλαί' ἔπη.

ΟΙΔ. τὰ ποῖα ταῦτα; πάντα γὰρ σκοπῶ λόγον.

ΧΟΡ. θανεῖν ἐλέχθη πρὸς τινῶν ὀδοιπόρων.

ΟΙΔ. ἤκουσα κἀγὼ τὸν δ' ἰδόντ' οὐδεὶς ὄρα.

ΧΟΡ. ἀλλ' εἴ τι μὲν δὴ δαίματός γ' ἔχει μέρος.

τὰς οἶς ἀκούων οὐ μενεῖ τοιάςδ' ἄρας.

ΟΙΔ. ᾗ μὴ 'σσι δρῶντι τάρβος, οὐδ' ἔπος φοβεῖ.

Эти стихи полны затрудненій и противорѣчій съ самыми основ-
ными мыслями нашей трагедіи; къ нимъ относится строгая, но
справедливая критика Вольтера (*Lettres sur Oedipe III*): *Les Thé-
bains auraient été bien plus à plaindre, si l'énigme du Sphinx
n'avait pas été plus aisée à deviner que toutes ces contradictions.*
Прежде всего невозможно ὀδοιπόρων; Навукъ (которому слѣду-
етъ Herwerden) замѣчаетъ: *Kreon hatte 122 von Λητοῖαι gesprochen;*
*ὀδοιπόροι kommt dem Wahren näher, ohne dass jedoch Oed. auf die
rechte Spur geführt wird.* Но во-первыхъ, поэтъ не имѣлъ никакой
надобности изображать проницательнаго Эдипа идеаломъ непонят-
ливости; во-вторыхъ, откуда могъ взяться вообще вариантъ ὀδοιπόρων?
Источникъ вѣсти о смерти Лаія былъ одинъ, — бѣжавшій пастухъ;
а этотъ пастухъ называлъ убійцами не „нѣсколькихъ путниковъ“, а
большое число разбойниковъ, и свидѣтелемъ его показаній былъ,
какъ мы узнаемъ отъ Иокасты ст. 850, весь городъ. Слѣдовательно,
вариантъ ὀδοιπόρων не имѣетъ ни источника, ни дѣли. Конъектуру
М. Шмидта ὀδοιδόκων опровергъ Герверденъ указаніемъ на то, что
въ этомъ случаѣ hoc colloquium inerte abundaret, въ чемъ я совер-
шенно согласенъ.

Не менѣе противорѣчивъ и ст. 293.—Неправда, что τὸν δ' ἰδόντ' οὐδείς ὀρέ; очевидно — пастухъ находился близъ Θивъ и видѣть его могъ каждый. Конъектура τὸν δὲ δρῶντ' οὐδείς ὀρέ не помогаетъ дѣлу; убійцу видѣлъ пастухъ, и Эдипъ это отлично зналъ. Какъ ни писать этотъ стихъ, онъ будетъ содержать ложь, и притомъ нелѣпую.

Слѣдующій ст. 294 состоитъ почти изъ однихъ στοιβαί и очевидно сочиненъ плохимъ поэтомъ. Εἰ μὲν δὴ (atqui si, Steph. Thes. V, 772) было бы здѣсь возможно, если бы въ предшествующихъ словахъ была рѣчь о страхѣ убійцы; въ данномъ же случаѣ это сочетаніе неумѣстно.

Ст. 296 самъ по себѣ прекрасенъ; но если Эдипъ былъ увѣренъ, что его слова не произведутъ на убійцу никакого впечатлѣнія, то весь манифестъ былъ излишенъ. Очень характерно, что Kock (Sophokleische Studien II, 20), безъ труда сглаживающій своими фразами всякія шероховатости и противорѣчія, о нашемъ мѣстѣ отзывается такъ: „Эдипъ произноситъ mit unbegreiflicher Undachtsamkeit und Härte über den Täter das Urteil: wer и т. д.“ — совершенно забывая, что онъ этимъ критикуетъ не Эдипа, а самого поэта.

Въ результатѣ выходитъ, что Otte (de fabula Oedipodea, Берл. 1879) правъ, объявляя ст. 290 — 296 невозможными. Какъ они попали сюда и какъ восполнить пробѣлъ между ст. 289 и 297 — это мы увидимъ ниже (стр. 27 сл.).

Ст. 324 сл. Тиресій:

ὄρω γάρ οὐδὲ σοὶ τὸ οὖν φώνημ' ἰὼν
πρὸς καὶρόν· ὥς οὖν μηδ' ἐγὼ ταῦτόν πάθω —

Схолія: οὐ γάρ σύμφωρος σοὶ οὐδὲ κατὰ καιρόν ἡ ζήτησις γίνεται· ἵνα οὖν μὴ (καὶ ἐμοί) ἐκ τούτου μέμφῃς ἀχολουθήσῃ, οὐκ ἔστι. Слова καὶ ἐμοί добавлены мною; они необходимы.

Ст. 420. Тиресій:

βοῆς δὲ τῆς σῆς ποῖος οὐκ ἔσται λιμὴν,

Въ толкованіи этихъ словъ я схожусь съ англійскими издателями Campbell'емъ и Abbott'омъ (= τίς τόπος οὐκ ἔσται λιμὴν); обычное толкованіе („Welche felstge Bucht am Meere...“ Nauck, „jeder Hafen, der dfeh etwa (!) aufnehmen wird“ Wolff) не годится по двумъ причинамъ: 1) гавани вообще звука не отражаютъ, и 2) Эдипъ отправляется въ изгнаніе не морскимъ путемъ.

Ст. 447 — 462 содержатъ вторую рѣчь Тиресія къ Эдипу. Ее объявилъ подложной *Otte* (ibid.); не зная соображеній, которыя руководили имъ, я намѣренъ здѣсь изложить тѣ, которыя и меня привели къ тому же результату.

1) „До своего ухода“, говоритъ Тиресій, „я выскажу то, изъ-за чего я пришелъ, не испугавшись твоего лица; тебѣ не суждено погубить меня“. Для этого никакой храбрости не нужно, послѣ того какъ царь его простилъ (ст. 403); но это мелочь. Послѣ такого заявленія мы ожидаемъ со стороны Тиресія какого-нибудь важнаго новаго откровенія; что же говоритъ онъ? а) что Эдипъ — убійца Лаія; но это уже было сказано имъ дважды, ст. 353 и 362; б) что онъ слѣпымъ отправится въ изгнаніе; но и это мы уже знаемъ, см. ст. 372 и 418 сл.; в) что онъ сынъ Лаія и Іокасты; но и это намъ уже извѣстно, см. ст. 364 сл., 414 сл., 422—425. Такимъ образомъ вторая рѣчь — простая диттографія первой; обѣ рѣчи взаимно исключаютъ другъ друга.

2) „Но, скажутъ, тамъ онъ говорилъ въ загадочной формѣ, а здѣсь выражается ясно“. Совершенно вѣрно; и вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему вторая рѣчь должна считаться подложной. Раскрывая здѣсь же происхожденіе Эдипа, поэтъ лишаетъ себя возможности оставлять его въ полной увѣренности, что онъ сынъ Полиба; а между тѣмъ эта увѣренность необходима для перепетій третьяго дѣйствія. И здѣсь сошлюсь на Вольтера, который говоритъ о нашемъ мѣстѣ: *il était difficile de s'expliquer moins obscurément; et si vous joignez aux paroles de Tirésie le reproche qu'un ivrogne a fait autrefois à Oedipe qu' il n' était pas fils de Polybe, et l'oracle d'Apollon qui lui prédit qu' il tuerait son père et qu' il épouserait sa mère, vous trouverez que la pièce est entièrement finie au commencement de ce second acte.* Отсюда Вольтеръ заключаетъ, que *Sophocle n' avait pas perfectionné son art*; мы на основаніи болѣе точнаго знакомства съ греческимъ поэтомъ, котораго Вольтеръ зналъ только въ безобразномъ переводѣ Дасье, заключаемъ, что вызвавшая его критику сцена подложна.

3) Но помимо ясности есть еще характерная разниа между первой и второй рѣчью; въ первой мы имѣемъ настоящую поэзію, во второй — прозу въ стихотворномъ разиѣрѣ. Достаточно сравнить ст. 417 сл. *καὶ σ' ἀμφικλῆς μητρός τε καὶ τοῦ σοῦ πατρός ἐλῶ ποτ' ἐκ ἧς τῆςδε δαιμόπου:* Ἀρὰ, βλέποντα νῦν μὲν φῶς, ἔπειτα δὲ σκότον, съ 452 сл. *ἐγγενὲς φανήσεται Θηβαῖος, οὐδ' ἠσθήσεται τῇ συμφορᾷ τοφλὸς γὰρ ἐκ δαιμονότος*

καὶ πτωχὸς ἀντὶ πλοοσύου ξένῃν ἐπὶ σκῆπτρῳ προδακνὺς γαῖαν ἐμπροσθεσται, или ст. 420 сл. съ 457 сл.

Особаго рода исходъ придумалъ Коск (ibid. 25); по его мнѣнію Тиресій произноситъ свою вторую рѣчь уже въ отсутствіи Эдипа. Значить, самъ Коскъ согласенъ въ томъ, что въ его присутствіи онъ ея произнести не могъ; въ этомъ онъ правъ, но его попытка спасти вторую рѣчь неудачна по двумъ причинамъ: а) какъ видно изъ ст. 451 (ἐνθάδε) и 460 сл., Тиресій говоритъ въ увѣренности, что Эдипъ присутствуетъ; эта увѣренность слѣпago старика была бы не только комичной, но и просто неслѣпой; какой же Тиресій послѣ этого прорицатель! б) удаленіе Эдипа ничуть не устраняетъ затрудненія, если не удалить за-одно и хора; хоръ остается въ полной увѣренности, что Эдипъ—сынъ Полиба (ст. 490), и даже не подозреваетъ, чтобы онъ могъ оказаться сыномъ Лаія.

Остается отвѣтить на вопросъ, что побудило Іофонта замѣнить первую рѣчь второй. Мы вернемся къ нему при разборѣ заключительной сцены нашей трагедіи (стр. 44).

Ст. 463—482 содержатъ первыя двѣ строфы перваго стасима. Въ нихъ хоръ задаетъ себѣ вопросъ, кто убійца Лаія, но вслѣдъ за тѣмъ высказываетъ увѣренность, что этотъ убійца будетъ найденъ; напрасно скрывается онъ, оракулъ Аполлона всюду преслѣдуетъ его.

Всѣ эти мысли послѣ страшныхъ откровеній Тиресія невозможны; чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть объясненіе Вольфа: Der Chor, von der letzten Scene tief erschüttert, kann es anfangs nicht über sich gewinnen, den Ausspruch des Sehers selbst zu wiederholen, geht vielmehr nur auf das Orakel ein... Erst im zweiten Strophenpaar gelangt die Angst, die Teiresias hervorgerufen hat, zu starkem Ausdruck. Нечего и говорить, что это — психологическій абсурдъ.

Гдѣ же высказанныя въ этихъ прекрасныхъ строфахъ мысли будутъ умѣстны?—Хоръ знаетъ уже, что Аполлонъ велѣлъ разыскать убійцу Лаія, но никто еще не сказалъ ему, кто этотъ убійца. Слѣдовательно, мѣсто этимъ двумъ строфамъ послѣ манифеста Эдипа, въ которомъ оракулъ былъ сообщенъ хору, и до появленія Тиресія; мы должны помѣстить ихъ между ст. 275 и 297. Но отвѣтъ корифея 276—279 долженъ непосредственно слѣдовать за манифестомъ; вообще нетрудно убѣдиться, что до ст. 289 коммиссуры нѣтъ. Но вотъ идутъ ст. 290—296, въ подложности которыхъ мы уже убѣдились; а такъ какъ ст. 297 не можетъ слѣдовать за ст. 289, то мы

имѣемъ здѣсь пробѣлъ. Этотъ пробѣлъ какъ нельзя лучше восполняется нашими строфами.

Дѣйствительно, только что была рѣчь о Тиресіи; τίλαι δὲ μὴ παρὼν θαυμάζεται сказалъ Эдипъ. Чѣмъ восполнить время до прихода Тиресія? Мы имѣемъ такую же сцену и въ третьемъ дѣйствіи: Эдипъ ждетъ прибытія пастуха, за которымъ уже давно послано; тѣмъ временемъ хоръ исполняетъ эммеію ст. 1086 сл. εἴπερ ἐγὼ μάντις εἰμί. Такая же эммеія будетъ умѣстна и здѣсь; по своему радостно-выжидательному характеру стрóфы, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ нельзя болѣе идутъ къ настроенію хора въ данный моментъ.

Но настоящую пробу нашей задачи и усматриваю въ двухъ другихъ обстоятельствахъ:

1) Въ томъ, что ст. 297 ἀλλ' οὐβελέγμων αὐτὸν ἔστιν такъ хорошо вяжется съ заключительной мыслью нашей эммеіи: „Убийца скитается по лѣсамъ и горамъ, избѣгая встрѣчи съ людьми и стараясь скрыться отъ преслѣдующаго его оракула; но вотъ человѣкъ, которому суждено обличить его!“.

2) Въ томъ, что ст. 284—289 являются при нашей перестановкѣ заключеніемъ всей сцены. Я уже раньше обратилъ вниманіе ученаго міра на обычай греческихъ драматическихъ поэтовъ заключать сцены парой тристишіи, распредѣляемыхъ между обоими собесѣдниками (это—такъ названное мною ἐπιρρηματίον; см. *О синтагмѣ* стр. 189 сл.; *Gliederung* стр. 238 сл.). Такое же ἐπιρρηματίον имѣемъ мы и здѣсь; другой примѣръ—ст. 1416—1421.

Поэтому я вполне соглашаюсь съ Otte, который, объявляя полными ст. 290—296, ставить на ихъ мѣсто наши двѣ строфы. Труднѣе объяснить происхожденіе пертурбаціи; если справедливо мое предположеніе, что въ пропавшихъ первыхъ строфахъ перваго стасима прославлялась мудрость Эдипа, то при параллелизмѣ между Эдипомъ и Перикломъ ихъ содержаніе могло показаться анахронизмомъ послѣ смерти послѣдняго; вотъ почему при вторичномъ представленіи Іофонтъ замѣнилъ ихъ нашей эммеіей и сочинилъ для восполненія образовавшагося пробѣла ст. 290—296. Но, разумеется, это не болѣе какъ догадка.

Ст. 463 сл. Хоръ:

τίς ὄντιν' ἃ θεοπίεσσα
Δελφίς εἶπε πέτρα
ἄρρητ' ἀρρήτων τελέσαντα;

Схолія: ὁ δὲ νοῦς, τίς ἐστὶν οὗτος, ὄντινα ἐμφανίζει τὸ μαντεῖον; ἢ οὕτω, τίς ἐστὶν οὗτος, ὃν κατὰπτειραν ἡ Δελφὶς πέτρα, οἷον ὁ μὴ λαθὼν τὸ μαντεῖον τοῦ Ἀπόλλωνος. Совершенно ясно, что схолиасты имѣли передъ собой два различныхъ чтенія; первый—чтеніе рукописи εἴπε; во второй несомнѣнно читалъ εἶδε. Разумѣется, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы εἶδε было лучше; предпочтительность этого чтенія явствуется изъ чередованія мыслей. При чтеніи εἴπε въ первыхъ словахъ строфы предвосхищается мысль антистрофы; Δελφὶς εἴπε πέτρα то же самое, какъ и ἔλαμψε φάμα Парнасоῦ, а нѣтъ прибавленія ἀρτίως; φανεῖα въ антистрофѣ читатель долженъ вывести заключеніе, что въ строфѣ говорилось о другой, прежней фάμα. Напротивъ, при чтеніи εἶδε мы имѣемъ прекрасную послѣдовательность временъ: еще тогда богъ видѣлъ убійцу, но молчалъ, почему онъ и могъ скрываться; но теперь онъ долженъ бѣжать, ибо раздался голосъ съ Парнасса и т. д.

Сочетаніе глагола ὅραω съ причастіемъ аориста при одновременности дѣйствія, другими словами, употребленіе причастія аориста для обозначенія одного только вида дѣйствія не можетъ считаться серьезнымъ затрудненіемъ; такое же явленіе мы находимъ Phil. 614 сл. καὶ ταῦθ' ὅπως ἤκουσ' ὁ Λαέρτης τόκος τὸν μάντιν εἰπόντ', εὐθέως ὑπέσχετο (NB въ смыслѣ ἤκουσεν ὅτε εἶπεν, какъ видно изъ предыдущаго, dicentem audivit, а не dixisse), затѣмъ Agat. 430 μέχρι βορῆος ἀπαστράφαντος ἰδεῖναι и др.

Ст. 620 сл. Эдипъ:

εἰ δ' ἡσυχάζων προσμενῶ, τὰ τοῦδε μὲν
πατραγμέν' ἔσται, τὰ μὰ δ' ἡμαρτημένα.

622. КРЕ. τί δῆτα χρήζεις; ἢ με γῆς ἔξω βαλεῖν;

623. ОΙΔ. ἤκιστα· θνήσκειν, οὐ φυγεῖν σε βοῦλομαι.

624. КРЕ. ὅταν προδείξῃς οἷόν ἐστι τὸ φθονεῖν.

625. ОΙΔ. ὡς οὐχ ὑπεῖζων οὐδὲ πιστεύων λέγεις;

626. КРЕ. οὐ γὰρ φρονοῦτά σ' εὔ βλέπω. ОΙΔ. τὸ γοῦν ἐμόν.

О попыткахъ спасти этотъ beau discours, какъ его насмѣшливо называетъ Вольтеръ, не стоитъ говорить; онѣ еще возмутительнѣе, чѣмъ выписанный здѣсь вадоръ. Вполнѣ соглашаюсь съ мнѣніемъ Наука: Sicher scheint es, dass 625 dem Kreon gehört. Что же изъ этого слѣдуетъ?

1) Что ст. 625 стоялъ первоначально послѣ ст. 621. Ὑπεῖκειν и πιστεύειν Креонтъ могъ ожидать отъ Эдипа послѣ своей ῥῆσις; отвѣтъ

Эдипа доказываетъ ему, что онъ надѣялся напрасно; послѣ этого отвѣта ст. 625 былъ вполне умѣстнымъ. Съ другой стороны, онъ рѣшительно невозможенъ послѣ ст. 623; если Креонтъ такъ смиренно встрѣчаетъ смертный приговоръ изъ устъ Эдипа, то его раздраженіе въ слѣдующей ἀντιαῖρή непонятно.

2) Что ст. 624 слѣдовалъ за ст. 625. Выраженіе τὸ φθονεῖν для зрителей совершенно понятно послѣ ст. 382 сл. ὅτος παρ' ὑμῖν ὁ φθόνος φολάζεται, εἰ τῇδε γ' ἀρχῆς... Κρέων... μ' ἐχθαλεῖν ἐμείρεται; разумѣтся зависть Креонта, мнимый источникъ его мнимаго покушенія. Кто переводитъ οἶόν ἐστι τὸ φθονεῖν "посредствомъ wie es sich mit der Missgunst verhält, deren du mich zeihst (Wolff), оставляя этотъ стихъ Креонту, тотъ допускаетъ двойную ошибку: 1) противъ экономіи: нигдѣ Эдипъ въ присутствіи Креонта не обвинялъ его въ φθόνος, слѣдовательно, это слово въ его устахъ совсѣмъ непонятно; 2) противъ греческаго языка: выписанныя слова не могутъ означать „въ семъ состоитъ зависть“ (это было бы ποῖον или ὁποῖον), а только „въ чему ведетъ зависть“, ср. Ag. Nub. 1303 οἶον τὸ πράγματων ἀρᾶν φλαύρων („вотъ къ чему ведетъ“ и т. д.), Lys. 884 οἶον τὸ τελεῖν; вездѣ это мѣстоименіе имѣетъ отглагольное сущетвіе, который не можетъ быть допущенъ въ устахъ Креонта. Напротивъ, въ устахъ Эдипа онъ прекрасенъ: „я послушаюсь тебя, когда ты предварительно (своею смертію) докажешь людямъ, сколь пагубны послѣдствія зависти“. Съ такимъ же сарказмомъ говорить и Эантъ ст. 100 θαυόντες; ἥδη τὰρ' ἀφαιρείσθων ὄπλα.

3) Такъ какъ ст. 624 содержитъ явную угрозу, то вопросъ со стороны Креонта „что же ты хочешь сдѣлать со мною?“ является вполне естественнымъ. Итакъ, за ст. 624 слѣдовалъ ст. 622.

4) Ст. 623, разумѣется, отвѣтъ на ст. 622; а такъ какъ съ нимъ не вается ст. 626, то мы здѣсь имѣемъ пробѣлъ. Такимъ образомъ мы принимаемъ и вторую часть положенія Науа: Vermutlich ist der jetzige Text lückenhaft. Своего восстановленія я, разумѣется, не выдаю за образцовое; мнѣ кажется только, что установить можно три пункта: 1) Креонтъ выражалъ свой ужасъ, вызванный только что услышанными словами Эдипа; 2) здѣсь начиналась ἀντιαῖρή; 3) Эдипъ приблизительно въ предложенной мною (къ ст. 1146) формѣ приказывалъ Креонту молчать; этого требуетъ отвѣтъ Креонта ст. 626.

Замѣчу еще, что перестановку ст. 624 и 625 предложили Naase (Ind. lect. Vratisl. 1856), Todt и Meineke; нѣсколько иного мнѣнія были Helmsoeth, Dindorf, Classen (Rh. M. XVI) и Meutzner (Fl. Jb.

1883); предложенной мною перестановки обоихъ двустипій и лакуны между ст. 623 и 626, насколько мнѣ извѣстно, еще никто не предвосхитилъ.

Ст. 652. Хоръ: τὸν οὐδὲ πρὶν νήπιον, νῦν δ' ἐν ὄρκῳ μέγαν καταΐδεται. **Схолія:** ἢ τὸν ἐν τῇ πρὶν χρόνῳ, ἢ τὸν ἐν τῇ εἰρημένῳ λόγῳ (ἀπελογήσατο γάρ) <σῶφρονα>, νῦν δὲ μεγάλην πίστιν ἀπαγόμενον ἀπὸ τοῦ ὄρκου αἰδέσθην. Вставка слова σῶφρονα (или φρόνιμον, νοῦναχῇ и т. д.) кажется мнѣ необходимою.

Ст. 673. **Схолія:** δῆλος εἰ ὡς ἀηδῶς εἶκων, ὅταν δὲ ἐπὶ τὸ πέρας ἔλθης τῆς ὀργῆς, τότε βαρέως οἴσεις τὸ πρᾶγμα, οἷον μετανοήσεις καὶ ἄδικα ἐνθυμηθήσῃ. Послѣднія слова безсмысленны; а такъ какъ въ L стоитъ ἐνθυμηθεῖς, то не лучше ли будетъ писать μετανοήσεις ἄδικα ἐνθυμηθεῖς?

Ст. 685. Хоръ: ἄλις ἔμοιγ' ἄλις γὰρ προπονομένης φαίνεται и т. д. Изъ всѣхъ предложенныхъ къ этому несомнѣнно испорченному стиху поправки мнѣ кажется наиболѣе легкой моя, именно ἄλις ἔμοιγε, γὰρ поνοῦσας, ἄλις φαίνεται. Къ родительному падежу γὰρ читатель могъ приписать объясненіе пронооμένης, которое выстѣсь съ слѣдующимъ поноῦσας и дало чудовищное проποнооμένης.

Ст. 794 сл. Эдипъ:

καὶ γὰρ 'πακούσας ταῦτα τὴν Κορινθίαν,
ἄστροις τὸ λοιπὸν τεκμαρούμενος, χθόνα
ἔφευγον, ἐνθα μήποτ' ὀφείμην κακῶν
χρησμῶν ἀνείδῃ τῶν ἐμῶν τελούμενα.

Такъ пишеть это мѣсто Наукъ, которому оно премного обязано своимъ восстановленіемъ; о негнѣпомъ чтеніи рукописи ἐκμετρούμενος (вм. τεκμαρούμενος) послѣ сказаннаго имъ въ примѣчаніи и приложеніи можно и не распространяться. Все же я полагаю, что правду слѣдуетъ искать въ намѣченномъ Наукомъ направленіи, но не тамъ именно, гдѣ думалъ найдти ее онъ.

1) Прежде всего отдѣленіе словъ Κορινθίαν χθόνα другъ отъ друга предложеніемъ, никакого отношенія къ нимъ неимѣющимъ, врядъ ли возможно; Наукъ самъ этого мнѣнія и предлагаетъ поэтому дальнѣйшую поправку: καὶ γὰρ 'πακούσας ταῦτα, τεκμαρούμενος | ἄστροις τὸ λοιπὸν, τὴν Κορινθίαν χθόνα | ἔφευγον.

2) Наукъ объясняетъ: Oedipus nahm die Sterne zu Führern, so fern er ohne festes Ziel in die weite Welt hinauszog. Мнѣ кажется тутъ есть маленькое противорѣчіе; если Эдипъ бродилъ „безъ опре-

дѣленной пѣли", то ему нечего было соображаться съ звѣздами; подобно тому какъ *portum ignorantī nullus ventus suus*, также и тому, кто не знаетъ, куда ему идти, звѣзды ничего не скажутъ. Но врядъ ли не важнѣе этого затрудненія то, что эти слова даютъ совершенно ложное представление о скитаніяхъ Эдипа. Какъ говоритъ самъ Наукъ, выраженіе *ἀστρος τεμαίρεσθαι* употребляется zunächst von Seefahrern, sodann von denen, die in fremden (это сомнительно) Gegenden oder Einöden ohne Führer wandern; а если такъ, то это выраженіе всего менѣе примѣнимо къ Эдипу, который шелъ изъ Дельфы по столбовой дорогѣ, ведущей въ Фивы; ему не небесныя звѣзды показывали путь, заблудиться онъ и безъ того не могъ.

3) Наукъ собралъ довольно богатую коллекцію встрѣчающихся у позднѣйшихъ авторовъ фразъ, въ которыхъ *ἀστρος τεμαίρεσθαι*, *σημαίρεσθαι*, *ορίζεσθαι* означаетъ „избѣгать что-нибудь, отказываться отъ чего-нибудь“.

Совершенно справедливо усматриваетъ онъ источникъ этой ошибки въ нашемъ мѣстѣ; въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія приведенная имъ фраза Ливанія Decl. 4 p. 184, 20 *ἀστρος τὸ λοιπὸν τεμαίρεμενος*. Но если такъ, то спрашивается, какъ объяснить это единодушіе въ живомъ толкованіи мѣста, которое, какъ доказываютъ наши схоли, должно было навести каждаго на правильное—съ точки зрѣнія Наука,—объясненіе?

Въ наше время на этотъ вопросъ отвѣтить уже не трудно; путемъ миеографическихъ и другихъ однородныхъ изслѣдованій мы убѣдились въ болѣе вліяніи, которое имѣли на позднѣйшую литературу (начиная приблизительно съ I вѣка до Р. Хр.) комментированные изданія классиковъ. Если мы у многихъ авторовъ находимъ одно и то же неправильное толкованіе одного и того же мѣста, то мы можемъ быть увѣрены, что они почерпнули его изъ наиболѣе распространеннаго *ὁποῦντις* къ данному классикъ. Итакъ, древній (не сохранившійся намъ) схолиастъ объяснялъ наше мѣсто приблизительно такъ: *οἷον χαίρειν εἰσών, καὶ ἀτερ καὶ τὰ ἀστρο*.

А если такъ, то мы должны къ этому схолиасту отнести съ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ относимся къ сохраннымъ намъ, и даже съ гораздо большимъ, такъ какъ онъ многимъ древнѣе ихъ. Смыслъ, который получается при его толкованіи, самъ по себѣ превосходенъ, но не соотвѣтствуетъ нашему тексту; слѣдовательно, нашъ древнѣйшій схолиастъ имѣлъ передъ собой другой текстъ, который мы должны возстановить путемъ конъектуры.

Я полагаю, что онъ читалъ: τὴν Κορινθίαν ἄστρον τὸ λοιπὸν ἴσα νε-
μοῦμενος χθόνα. Что это—мысль поэтическая, въ этомъ нельзя сомнѣ-
ваться; мы встрѣчаемъ ее у Гете: Ach nein, erwerben kann ich's nicht:
es steht mir gar zu fern; es weilt so hoch, es blinkt so schön, wie dro-
ben jener Stern. Die Sterne, die begehrt man nicht, man freut sich
ihrer Pracht. Изъ ἴσα νεμοῦμενος легко могло образоваться στήμαίνε-
μος; къ этому слову ради большей вразумительности было приписано
τεχμαίρομενος, а такъ какъ выписанная выше схолія перешла и въ эти
копіи, то позднѣйшіе риторы вообразили, что ἄστρον στήμαίνεσθαι или
τεχμαίρεσθαι дѣйствительно=χαίρειν εἶναι, и стали пользоваться этимъ
сочетаніемъ именно въ этомъ смыслѣ. Еще позже τεχμαίρομενος (от-
части ради разнѣра) перешло въ ἐκμετροῦμενος, разумный коммента-
торъ пропустилъ невѣдущую болѣе къ тексту схолію и сочинилъ по-
вую—ту, которая сохранена намъ.

Ст. 863. εἰ μοι ζυνείη и т. д. Всѣ издатели согласны въ томъ, что
первая строфа имѣетъ такое значеніе „да будетъ мнѣ дано всегда со-
блюдать чистоту и благочестіе“ и т. д., то-есть что φέροντι стоятъ вмѣсто
φέρων. Грамматически это толкованіе не изъ безукоризненныхъ. Phil.
477 οἱ δ' ἐκλήποντι τοῦτ' ὄνειδος οὐ χαλόν врядъ ли можетъ служить
аналогіей, такъ какъ тутъ правильное толкованіе причастія въ услов-
номъ смыслѣ представляется вполне умѣстнымъ. Но кромѣ того, такому
объясненію противорѣчитъ обстоятельство, указанное Вольфомъ и за-
мѣченное, вѣроятно, всѣми,—строгое соотвѣтствіе первой строфы со вто-
рой; дѣйствительно, достаточно сравнить ст. 864 ἀγνεῖαν λόγων ἔργων τε
съ 883 ὑπέροπλα χερσὶν ἢ λόγῳ; νόμοι οὐρανίας Δίης (по Гледичу) съ Δί-
ης ἀφώβητος; Μοῖρα ст. 864 съ Μοῖρα ст. 887; εἰσεπτος ст. 864 съ
οὐδὲ σέβων ст. 886. Въ силу этого соотвѣтствія мы должны пони-
мать φέροντι ст. 863 въ томъ же смыслѣ, какъ ст. 882 сл. εἰ δέ τις...
πορεύεται, то-есть въ смыслѣ условномъ, и должны видѣть въ пред-
ложеніи εἰ μοι ζυνείη Μοῖρα параллель къ καὶ καὶ μὴ ἔλοιστο Μοῖρα: „да
будетъ судьба мнѣ благосклонна въ томъ случаѣ, если я буду соблю-
дать вѣчные законы; напротивъ злая доля, да постигнетъ того, кто ихъ
попираетъ ногами“. Нетрудно убѣдиться, что и смыслъ всей пѣсни
отъ этого толкованія выигрываетъ. Если хоръ bittet die Götter mö-
gen ihm das Loos verleihen, immerdar seine ἀγνεῖα wahren zu köp-
nen (Наукъ), то онъ, значить, сознаетъ, что его собственныя силъ
для этого недостаточно; а если такъ, то имѣетъ ли онъ право при-
зывать мѣсть боговъ на голову того, кто не соблюдъ этой ἀγνεῖα? Очевидно, нѣтъ; съ послѣдней мыслью вяжется только представленіе

о полной свободѣ воли и полной отвѣтственности со стороны чловѣка, то-есть именно то представление, которое ввожу въ текстъ я.

Но въ этомъ случаѣ слова поэта нуждаются въ маленькомъ исправленіи. Необходимая мысль „да будетъ мнѣ благосклонна судьба“ не можетъ быть передана фразой εἴ μοι εὐεῖη Μοῖρα; εὐεῖαι—vox media и въ этомъ pregnantномъ смыслѣ не употребляется.

Въ значеніи „быть благосклоннымъ“ εὐεῖαι имѣетъ при себѣ всегда обстоятельство; у Софокла встрѣчаются слѣдующіе примѣры: Aj. 705 Ἀπόλλων... ἐμοὶ εὐεῖη διὰ παντός εὐφρων; O. C. 772 εἰσορᾷς πόλιν τέ μοι εὐνοῦσαν εὖνοον τῇδε, O. R. 275 ἤ τε σὺμμαχος Δίκη χοὶ πάντας εὖ εὐεῖαν εἰς αἰεὶ θεοί. Это послѣднее мѣсто даетъ намъ возможность путемъ незамѣтнаго измѣненія текста возстановить требуемый смыслъ; я пишу εὖ μοι εὐεῖη... Μοῖρα.

Правильность этой конъектуры доказывается еще слѣдующими двумя соображеніями. Во первыхъ, только εὖ μοι εὐεῖη Μοῖρα будетъ хорошимъ антитезомъ къ κακά νιν ἔλοιτο Μοῖρα. Вторыхъ, простое εἰ въ смыслѣ εἴθε, εἰ γάρ у Софокла не употребляется вовсе.

А затѣмъ, съ принятіемъ прекрасной конъектуры Гледича οὐρανίας Δίκας (ср. El. 1063 τὰν οὐρανίαν Θέμιν) строфа въ порядкѣ. Антистрофу возстановилъ Blaydes лучшею изъ всѣхъ своихъ догадокъ ὄβριον φουέει τυραννίς (вм. ὄβρις τυραννόν); изъ двухъ приведенныхъ имъ причинъ очень основательна первая (the use of the noun τυραννός in the modern sense of the word „a tyrant“ is certainly suspicious in an old author like Sophocles); дѣйствительно, иногда Софоклъ не употребляетъ словъ τυραννός и τυραννίς in malam partem; затѣмъ вполне доказателенъ и длинный рядъ выписанныхъ имъ примѣровъ. Но главное—это связь мыслей; при чтеніи вульгаты слѣдовало бы ожидать продолженія τυραννός, εἰ πολλῶν и т. д.; произведши тираниа, ὄβρις должна сойти со сцены. Анафора обусловливается параллелизмомъ, а есть ли хоть малѣйшій параллелизмъ между φουέει τυραννόν и φρουσεν εἰς ἀνάγκην?

Что касается моей конъектуры εἰς ἀναβάστα πρῶν', ἀπότομον, то она является лишь попыткой восполнить пробѣлъ рукописи согласно установленному Гледичемъ размѣру строфы; замѣчу, что между 876 и слѣдующимъ предполагается συνάφεια, равно какъ и между ст. 873 и сл.

О знаменитомъ τί δαὶ με χορεύειν; скажу вкратцѣ. О нарушеніи илливіи можно и не говорить; она нашла себѣ защитниковъ. Но врядъ ли можно отнестись равнодушно къ тому обстоятельству, что

χορεύειν не вьзется со слѣдующимъ: не для плясокъ отправляются люди въ Дельфы, Абы и Олимпію, а какъ замѣчаютъ толкователи— для того, чтобы спросить оракулъ. А если такъ, то съ рукописнымъ чтеніемъ опровергнуты и предложенныя конъектуры—и πονεῖν θεοῖς, и θροονχεῖν, и ἱερεῦσιν, и недѣльное ἐφορεύειν—и вмѣстѣ съ тѣмъ указанъ единственный вѣрный путь къ исправленію мѣста. „Вопрошающій оракулъ“ у Софокла—θεωρός; „быть оеоромъ“=θεωρεῖν.

Ст. 863 сл. Схолія: φέροντι οὖν τὴν εὐσεπτον ἀγνεῖαν τῶν λόγων καὶ τῶν ἔργων τῶν περὶ τῶν θεῶν, περὶ ὧν νόμοι πρόκεινται, ἔργων καὶ λόγων τὴν περὶ τούτων λέγοντες ἀκρίβειαν καὶ τῶν μαντείων ὅτι οὐδὲν αὐτοῖς ὑγιές ἐστιν. Панагеоргій замѣчаетъ: non excedio.

Прежде всего слѣдуетъ удалить безсмысленную диттографію ἔργων καὶ λόγων; тогда λέγοντες относится къ νόμοι и получается смыслъ „законы, въ точности излагающіе все касающееся ихъ (боговъ)“; ср. Dion. Hal. I 23 περὶ ὧν (sc. τῶν Πηλασγῶν) πολλοὶ ἂν εἴη ὁ λόγος, αἱ βοουοίμην τὴν ἀκρίβειαν γράφειν. Затѣмъ слѣдуетъ послѣ слова ἀκρίβειαν поставить точку и все остальное перенести въ схолію на ст. 873 послѣ слова νόμων (стр. 196, 10 Рар.). Восстанавливаемъ обѣ схоліи такъ:

Ст. 863. φέροντι οὖν τὴν εὐσεπτον ἀγνεῖαν τῶν λόγων καὶ τῶν ἔργων τῶν περὶ τῶν θεῶν, περὶ ὧν νόμοι πρόκεινται τὴν περὶ τούτων λέγοντες ἀκρίβειαν.

Ст. 873. ταῦτα μὲν φησὶ περὶ τῆς Ἰοκάστης, ὅτι ἀνεπιτήδεια λέγει περὶ τῶν θεῶν νόμων (καὶ τῶν μαντείων, ὅτι οὐδὲν αὐτοῖς ὑγιές ἐστιν). τὸν δὲ λόγον ποιοῦσι и т. д. Несомнѣнность этой поправки доказывается между прочимъ и тѣмъ, что αὐτοῖς получаетъ свое надлежащее отношеніе (νόμοι καὶ μαντεῖαι; послѣднее слово одно требовало бы αὐταῖς).

Ст. 1029 сл.

ΟΙΔ. ποιητὴν γὰρ ἦοθα κατὰ θητεία πλάνης;

ΑΓΓ. σοῦ τ', ὦ τέκνον, σωτήρ γε τῷ τότ' ἐν χρόνῳ.

ΟΙΔ. τί δ' ἄλλος ἴσχοντ' ἐν κακοῖς με λαμβάναις;

ΑΓΓ. ποδῶν ἂν ἄρθρα μαρτυρήσειεν τὰ σά.

Странно въ ст. 1030 прибавленіе τῷ τότ' ἐν χρόνῳ, въ которомъ не было никакой надобности; еще страннѣе слѣдующій вопросъ Эдіа. Правда, Наукъ полагаетъ, что этотъ вопросъ вызванъ словомъ σωτήρ (der vom Boten gebrauchte Ausdruck σωτήρ veranlasst die Frage, mit welchem Leiden Oid. damals behaftet gewesen); но справедливо ли это? „Спасителемъ“ Эдіа гонецъ былъ уже тѣмъ, что поднялъ его,

безпомощнаго младенца, оставленнаго на пустынной горѣ (ст. 1026); дальнѣйшій вопросъ τί δ' ἄλγος ἔρχοντ' былъ возможенъ лишь тогда, если гонецъ далъ царю понять, что помимо своего безпомощнаго положенія онъ страдалъ еще тѣлеснымъ недугомъ.

Такимъ образомъ мы въ ст. 1030 находимъ излишнее прибавленіе и не находимъ того, что необходимо для продолженія разговора. На основаніи сказаннаго выше (къ El. 779) я предлагаю читать τῷ τὸτ' ἐν πόνῳ; тогда ἄλγος будетъ относиться къ πόνος, а χαχοῖς къ σωτήρ.

Ст. 1086 сл. εἴπερ ἐγὼ μάντις εἰμί и т. д.

Эта пѣсня принадлежитъ къ категоріи такъ-называемыхъ дактило-эпитритическихъ, или—какъ ихъ называетъ Вестфаль—эписинтетическихъ строфъ. Особенность ихъ заключается въ томъ, что допускаются лишь хῶλα однороднаго размѣра, либо дактилическаго (б. ч. триметры), либо трохаическаго, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ трохей соединяются по-парно въ μέτρα. Вольность трагическихъ эписинтетовъ состоятъ еще въ томъ, что въ видѣ clausulae допускается итифалликъ, неизвѣстный Пиндару (ср. Rossbach-Westphal II²681).

Съ этой точки зрѣнія не можетъ не показаться страннымъ ст. 1007

ἰήε Φοῖβε, σοὶ δὲ | ταῦτ' ἀράσ' εἶη.

Первое хῶλον этого стиха — неопозволительный логакдъ. Напротивъ въ антистрофѣ

νομφᾶν Ἑλικωνιάδων αἴς | κλειστόα συμπαίζει

мы имѣемъ правильный дактилическій триметръ. Въ виду этого не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что испорчена строфа, а не антистрофа; въ строфѣ легче всего принять за глоссеу слово Φοῖβε; Вестфаль предлагаетъ вмѣсто него Δάλιε, мнѣ болѣе понравилось слово δέσποτα.

Но, говорить Велямовицъ, конъектура ἑλικωνιάδων вм. Ἑλικωνιάδων требуется смысломъ; насколько онъ знаетъ Вакха, тотъ не привыкъ справляться о происхожденіи нимфъ, а болѣе плѣняется ихъ игривостью; Геликонъ неумѣстенъ здѣсь, гдѣ говорится о Киѳеронѣ; геликонскія нимфы—музы: наковецъ на Геликонѣ не было культа Діониса (Hermes XIV 177). О первомъ и третьемъ аргументѣ можно и не говорить; займемся вторымъ и четвертымъ.

Итакъ, мать Эдина — непременно киѳеронская нимфа; какъ же понять тогда εἴθ' ὁ Βαχχεὺς θεὸς... σ' εὐρήμα δέξαιτ' ἐκ τοῦ νομφᾶν? Наудъ замѣняетъ слово εὐρήμα другимъ (σε χῶμα), причемъ затруд-

неніе остается тѣмъ же; но Вилимовицу именно еѳрѣя правится—вполнѣ справедливо,—и онъ напоминаетъ исторію съ Іономъ. Параллель удачна; Креуса родила Іона отъ Аполлона и бросила его въ той же аттической пещерѣ, гдѣ она сочеталась съ богомъ; тамъ его поднялъ по просьбѣ Аполлона Гермесъ и унесъ въ Дельфы, гдѣ его нашла Пивія. Вмѣшательство Гермеса было необходимо для перенесенія ребенка изъ Аѳинъ въ Дельфы; но какъ объяснить вмѣшательство Діониса? Кнѳеронская нимфа родила Эдипа и бросила тамъ же, на Кнѳеронѣ; эту „находку беретъ“ Діонисъ... и оставляетъ опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ ее вторично—и этотъ разъ окончательно—находить пастухъ. Есть ли тутъ смыслъ?

Именно параллель съ Іономъ доказываетъ, что хоръ представлялъ себѣ Эдипа рожденнымъ не кнѳеронской нимфой, а лишь перенесеннымъ на Кнѳеронъ Діонисомъ, своимъ отцомъ.—Что касается культа Діониса на Геликонѣ, то о немъ достаточно свидѣлствуетъ слѣдующія обстоятельства: 1) что здѣсь лежала Ниса (χορη τοῦ Ἑλικωνος Νύσα, Strab. VIII p. 405, Steph. Byz. s. v. Νύσα); 2) известное преданіе о еравійцахъ подъ Геликономъ (см. Bursian Geogr. v. Griech. I 204: die Thraker... erhielten sich an den Abhängen des Heliikon, wo die von ihnen gestifteten Culte der Musen und des Dionysos bis in die spätesten Zeiten fortlebten); 3) беотійскій праздникъ Ἀργιονίη, въ обрядахъ котораго принадлежало и бѣгство Діониса къ Музамъ, то-есть, на Геликонъ (см. Voigt у Рошера I 1053); 4) культъ Діониса въ Галиартѣ (источникъ Κισσοῦσα), Θесπιάхъ и Аскрѣ подъ Геликономъ.

Извѣстно также правило, въ силу котораго дактилическій акатактический триметръ, если имъ не кончается стихъ, долженъ имѣть третьей стопой спондею, а не трохей; рѣдкія исключенія у Пиндара (см. Christ, Metrik 584 сл.) не устраняютъ правила. Вотъ почему слѣдуетъ сохранить въ ст. 1088 οὐ τὸν Ὀλομπον ἀπείρων | ὦ Κισθαίρων (ἄπερος Наукъ). Вообще же наше правило соблюдается: ст. 1090 μὴ οὐ σέ γε καὶ πατριῶταν, 1100 Πανὸς ὀρεσσιβάτα πα | τρός, 1102 γάρ πλάχας ἀγρόνομοι πᾶ |σαι φίλοι, 1105 καὶ | ὠν ἐπ' ἄκρων ὀρέων σ'εὔ |ρημα, 1107 νομφᾶν Ἑλικωνιάδων, αἷς | πλεῖστα. Уклоненія мы встрѣчаемъ лишь 1095 ὥς ἐπίπρᾳ φέροντα | τοῖς и 1097 ἰ | ἦμε δέσποτα σοὶ δέ. Конечно, ихъ пришлось бы просто признать таковыми, еслибы къ метрическому аргументу не присоединялись другіе.

Что значить ὥς ἐπίπρᾳ φέροντα τοῖς ἐμοῖς τυράννοις? Чѣмъ Кнѳеронъ „угождаетъ, доставляетъ удовольствіе“ еиванскимъ царямъ? Толкователи молчатъ. Можно придумать только одно: тѣмъ, что сохранили

жизнь Эдипа. Но во первыхъ, тогда слѣдовало бы сказать ἐνεχόντα; во вторыхъ, сохраненіе жизни не можетъ быть обозначено такимъ слабымъ выраженіемъ. А если ἐκίηρα φέρειν не можетъ быть относительно къ Кнѣерону, то остается только одно подлежащее: они сами, хоревты; другими словами, слѣдуетъ писать ὥς ἐκίηρα φερόντων. О смыслѣ ὥς въ этомъ оборотѣ см. Ellendt Lex. Soph.² 803 II A 3; такой же примѣръ ниже ст. 1178.

Остается ст. 1007, который стоитъ къ предыдущему предложенію въ отношеніи слѣдствія: „мы желаемъ отправиться на Кнѣеровъ, чтобы тамъ чествовать нашего царя; благослови же насъ, Аполлонъ!“ Это отношеніе не выражается, однако, частицей δέ; вотъ почему и здѣсь требуется измѣненіе текста, устраняющее за-одно и трохеи—σοὶ δ' οὖν. Конъектура эта была уже предложена однимъ критикомъ, но кѣмъ именно—это я найти не могъ.

Ст. 1213 сл. Хоръ:

ἐφεῦρε σ' ἄκονθ' ὁ πάνθ' ὄρων χρόνος,
 δικάζει τὸν ἄγαμον γάμον πάσαι
 τεχνούντα καὶ τεχνούμενον.

Прежде чѣмъ возстановить это отчаянное мѣсто, слѣдуетъ опредѣлить его размѣръ; первый и третій стихи метрически не подвержены сомнѣнію, такъ какъ мы имѣемъ для контроля строфу; неяснымъ остается лишь второй, испорченный какъ въ строфѣ, такъ и въ антистрофѣ. Нетрудно убѣдиться, что первый и третій стихи вполне тождественны съ первымъ и вторымъ стихомъ втораго стасима:

εὖ μοι ξυνοί— η φέροντι Μοῖρα τὰν
 ἐφεῦρα σ' ἄ— κονθ' ὁ πάνθ' ὄρων χρόνος
 εὐσεπτον ἀγνεῖαν λόγων
 τεχνούντα καὶ τεχνούμενον.

А если такъ, то мы имѣемъ и здѣсь эподическую композицію, и средний стихъ можетъ быть только повтореніемъ перваго. Вотъ почему конъектура Г. Германа къ строфѣ правильна; слѣдуетъ только въ ἀγνείας видѣть кретику, а не анапестъ, и такой же размѣръ возстановить въ антистрофѣ.

Слово ἄκοντα не имѣетъ смысла, будучи отнесено къ ἐφεῦρε; не противъ воли Эдипа, а при его настойчивомъ содѣйствіи время его обличило. Напротивъ, смыслъ получается прекрасный, если отнести его къ τεχνούντα; противъ своей воли Эдипъ сотворилъ грѣхъ съ матерью.

Слѣдовательно, наши три стиха — одно предложеніе, то-есть глаголѣ *διχάζει* излишнѣнъ. Этому результату можно только порадоваться; въ невозможности чтенія *διχάζει* сомнѣваются лишь тѣ толкователи, которые къ поэзіи исполнѣ непричастны.

Ефёдре и *διχάζει* могутъ быть объяснены легче всего какъ глос-семи къ главному глаголу предложенія; такимъ глаголомъ могло быть *ἤλεγξε* — по крайней мѣрѣ лучшаго мнѣ не удалось придумать.

Итакъ, мы получаемъ во второмъ стихѣ пробѣлъ. Какъ его восполнить? Для этого мы должны спросить себя: въ чемъ состояла *ἄτη* Эдипа? Въ томъ, что онъ *ἐτέκνωσε καὶ ἐτεκνώθη*? Но это судьба всякаго отца семейства. Очевидно въ томъ, что онъ *ἐτέκνωσε καὶ ἐτεκνώθη* отъ одной и той же женщины. Это то понятіе слѣдуетъ вмѣстить въ пробѣлъ, и это удастся безъ всякаго труда:

τὸν α(ὐτὸν δὺς)γαμὸν γάμον πάλα
τεκνούντα καὶ τεκνούμενον,

то-есть *τὴν αὐτὴν γυναῖκα* (ср. Евр. Андр. 103) *τεκνούντα* (въ смыслѣ Евр. Н. f. 7 Спарты οἱ Κάδμου πόλιν τεκνοῦσι παῖδων πατοί, см. прим. Виллямовица къ эт. м.) *ὅφ' ἧς αὐτὸς ἐτεκνώθη* (въ обыкновенномъ смыслѣ). Неопредѣленность метониміи *γάμον* = *γυναῖκα* устраняетъ все, что могло бы показаться неудобнымъ въ этомъ двойномъ употребленіи слова *τεκνοῦν*.

Ст. 1279. Демочадець (объ ослѣпленіи Эдипа):

φοῖναι δ' ὁμοῦ
γλῆναι γένει' ἔταγγον, οὐδ' ἀνίσταν
φόνου μυδῶσας σταγόνας, ἀλλ' ὁμοῦ μέλας
ῥυβρός χαλάζης αἱμάτων ἐτέγγετο.

Допуская возможность сочетанія *ῥυβρός χαλάζης*, мы все же не можемъ примириться съ *ῥυβρός χαλάζης αἱμάτων*; самымъ простымъ способомъ исправить это мѣсто вѣдется мнѣ предложенный Мейнке (Abal. Alex. 166) *ῥυβρός χαλαζῆς* (именно такъ, а не *χαλαζῆς*; что *χαλαζῆς* должно дать простое η, видно изъ того, что *Σιμόεις* даетъ *Σιμοῦς*, а не *Σιμοῖς*); въ пользу его говорить приводимое толкователями мѣсто изъ Пиндара Исѣм. V 49 *πόλις Αἰάντος ὀρθωθεῖσα... ἐν πολυφθόρῳ Σχλαμῖς Διὸς ῥυβρῶν ἀντρίθμων ἀνδρῶν χαλαζάζαντι φόνῳ*. Какъ извѣстно, стяженія этого рода (*τεχνῆς*, *τολμῆς*, *τιμῆς*) крайне рѣдки и засвидѣтельствованы только древними грамматиками (см. Lobbeck, Path. I 345 сл., II 101, Patag. I 164); но это врядъ ли можетъ считаться достаточной причиной, чтобы отвергать ихъ совсѣмъ.

Ст. 1349 сл. Эдипъ:

ὄλοιθ' ὅστις ἦν, ὃς [ἀπ'] ἀγρίας πέδας
νομάδος ἐπιποδίας ἔλαβέ μ' ἀπό τε φόνου
ἔρρυτο χάνεσθαι.

Требуется во второмъ стихѣ дохмій, а поэтому чтеніе νομάδος невозможно; конъектура Ἐλμсли νομάδ' представляется мнѣ также необходимой, но я несогласенъ со смысломъ, который ей приурочиваетъ авторъ—ἐν νομάδικοῖς τόποις. Можетъ ли ребенокъ, случайно брошенный на пастбищѣ, — не νομόμενος, стало быть—быть названъ νομάς? Все же значеніе νομόμενον мы должны удержать; подобно большинству отглагольныхъ на -άς (ср. λογάς, опорάς, φορβάς б. ч., φθινάς б. ч., σοβάς, στροφάς) слово νομάς имѣетъ всегда значеніе страдательнаго глагола (согласно этому не слѣдуетъ дѣлать исключенія и для О. С. 687: χρῆναι Κηφισοῦ νομάδας ρεέθρων—αἱ ἀπὸ τῶν Κ. ρ. νομόμεναι „питаемые“, ср. Калл. V 50 ἤξει φορβαίων Ἰναχός ἐξ ὀρέων). Но νομόμενος можетъ имѣть и другое, страдательное значеніе — „пожираемый“, = ср. В 780 ὡς ἄρ' ἴσαν, ὡς εἴ τε πυρὶ χθὼν πάσα νέμοιτο; въ этомъ значеніи я его и понимаю здѣсь, и только въ этомъ значеніи оно даетъ удовлетворительный съ точки зрѣнія поэзіи смыслъ.

Во второмъ дохмій двойнѣ невѣрно слово φόνου. Во первыхъ, медленную смерть ребенка, брошеннаго въ пустынѣ, эллины не называли бы φόνος; ср. Ant. 775. Во вторыхъ, требуется краткій послѣдній слогъ. Къ особенностямъ дохмій принадлежитъ также возможность разрѣшенія послѣдняго долгаго слога, даже если синафія со слѣдующимъ стихомъ нѣтъ (а что въ данномъ случаѣ таковой нѣтъ, видно изъ строфы); ср. Ag. Av. 430.

πυκνότητων κινάδος
σοφίσμα, κόρυμα, τρίμα, παμπάλημ' ὄλον.

Подобно тому, какъ здѣсь было бы метрически невозможно на-примѣръ κινάδους, точно также и у насъ невозможно φόνου.—Въ виду этого я предлагаю πόνον, и затѣмъ ἔρυτο. Конечно, это форма гоме-рическая (напримѣръ Е 538 ἡ δ' οὐκ ἔγχος ἔρυτο, διαπρὸ δὲ εἰσατο χαλκός), но въ лирическомъ мѣстѣ она можетъ быть допущена такъ же, какъ Trach. 1031 (Гераялъ) ἀνεπίφθονον εἵρουσιν ἔγχος.

Ст. 1395. Эдипъ: ο Πολιβъ и Коринѣъ,

οἶον ἄρά με
κάλλος κακῶν ὕπουλον ἐξεθρέψατε.

Совершенно правильно замѣчаетъ Наукъ (Mél. II 447), что Эдипъ подѣ *χάλλος* не можетъ разумѣть самого себя; не могу только согласиться съ нимъ въ томъ, что чтеніе *χάλλος* *κακῶν ὑπουλον* само по себѣ невозможно. Дѣло въ томъ, что *ὑπουλος* имѣетъ два значенія: 1) среднее *ὑπὸ τῇ οὐλῇ* (напримѣръ *ἔλκος, στάσις*) = „тайный“ и 2) дѣйстви- тельное (напримѣръ *σῶμα, εὐνομία*) = „испорченный внутри“. Послед- нее значеніе можетъ быть объясняемо двояко: *ὑπὸ τῇ οὐλῇ ἔχων* scil. *ἔλκος* и *ὅφ' ἑαυτῷ οὐλὰς ἔχων*. Обыкновенный смыслъ слова *οὐλή* = *scitrix* въ пользу перваго объясненія, но противъ него говорить тотъ фактъ, что такого рода сложныя не встрѣчаются. Напротивъ, второе объясненіе подтверждается многими примѣрами, въ родѣ *ὀπόπυρος, ὀπαρνος, ὀπόπῳλος, ὀπόξυλος* и т. д.; а такъ какъ слово *οὐλή* можетъ означать (вопреки Гесихію s. v. *ἐπιπόλαιον ἔλκος εἰς ὀρίσιαν ἤκον*) и внутреннюю рану (см. того же Гесихіа s. v. *σῆψις ὀστέου*; Артея p. 62, 53 *ἐπὶ τῇ οὐλῇ τῶν ἐντέρων*), то мы можемъ считать его до- казаннымъ.

А если такъ, то *χάλλος κακῶν ὑπουλον* = *κακῶν οὐλὰς ὅφ' ἑαυτῷ ἔχων* объясняется легко; такія конструкціи у поэтовъ обыкновенны. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что слова *χάλλος* и *κακῶν* взаимно поддерживаютъ другъ друга. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ ка- жется, что это чтеніе можно признать вполнѣ правильнымъ; но ко- нечно—какъ вѣрно замѣтилъ Наукъ — не самъ Эдипъ, а его поло- женіе въ жизни будетъ это *χάλλος κακῶν ὑπουλον*; чтобы получить этотъ смыслъ, я—руководясь аналогіей El. 13 *ὄθεν σε... ἤνευκα καὶ ἑ- σωσα καὶ ἐθρεψάμην τοσόνδ' ἐς ἡΐης* — предлагаю незначительную по- правку:

οἷον ἄρά μ' ἐς
χάλλος κακῶν ὑπουλον ἐθερέψατε.

Ст. 1403 сл. Эдипъ:

ὦ γάμοι, γάμοι,
ἐφύσαθ' ἡμᾶς, καὶ φτεύσαντες πάλιν
ἀνεῖτε ταῦτόν σπέρμα, κάπεδεῖζατε
πατέρας ἀδελφούς παῖδας, αἵμ' ἐμφόλιον,
νόμφας γυναῖκας μητέρας.

Что значить *αἵμ' ἐμφόλι(ι)ον*? Мы встрѣчаемъ это сочетаніе O. C. 407, Pind. Pyth. 2, 38, Plato Rp. VIII p. 565 E. Apoll. Rh. I 865, Orph. Arg. 1161, всегда въ значеніи *patriscidium*; къ тому же, Пин- даръ и Платонъ доказываютъ, что это было техническимъ словомъ.

Сюда же относятся Lycophr. 990 φόνος ἔμφυλος, 1122 μίasma ἔμφυλον, Ἄρης ἔμφυλιος и т. д. Никогда, напротивъ, это сочетаніе не имѣть значенія „кровосмѣшеніе“; мало того, самое слово ἔμφυλιος въ сочетаніи со словомъ „бракъ“ не встрѣчается раньше Нонна Dion. IV, 59 Ζεὺς προπάτωρ ἑμὸς ἔσχε κασιγνήτης λέχος Ἦρης θεσμὸν ἔχων θαλάμῳν ἔμφυλιον (едва ли не подъ вліяніемъ нашего мѣста). Въ данномъ случаѣ выраженіе αἶψ' ἔμφυλιον тѣмъ непростительнѣе, что Эдипъ дѣйствительно совершилъ patricidium, о которомъ естественно вспомнить прежде всего. Въ довершеніе всего αἶψ' ἔμφυλιον, даже если признать за этимъ сочетаніемъ значеніе „кровосмѣшеніе“, не можетъ имѣть никакой силы; въ народѣ, въ которомъ существовалъ законъ объ обязательномъ бракѣ ἐπικλήρων, αἶψα ἔμφυλιον не могло быть понимаемо въ смыслѣ преступленія.

Но еще хуже остальное. Вольтеръ, читавшій наше мѣсто въ очень недурномъ переводѣ Despreaux

Hymen, funeste hymen...

Et par-là tu produis et des fils et des pères,

Des frères, des maris, des femmes et des mères...

замѣчаетъ коротко и сухо: il n'y a point de mariage qui ne produise tout cela. Эта критика осталась въ силѣ и понынѣ; чтобы найти въ нашемъ мѣстѣ хоть слабую долю здраваго смысла, толкователи должны были пуститься въ настоящую мистыку; αἶψ' ἔμφυλιον, говорить Blaydes, is to be understood throughout, pervading the entire sentence. Но ни у Софокла, ни во всей греческой литературѣ нѣтъ ничего подобнаго; мы имѣемъ полное право считать это мѣсто испорченнымъ.

Какая же мысль требуется смысломъ? Premièrement, говорить Вольтеръ, il fallait exprimer, que c'est dans la même personne qu'on trouve ces mères et ces maris; затѣмъ нужно удалить безсмысленное αἶψ' ἔμφυλιον. Я предлагаю поэтому путемъ довольно незначительнаго измѣненія текста писать:

καπεδεῖσται

πατέρων ἀδελφούς παῖδας, αἶψα δὲ νομφίων

νομφας γυναῖκας μητέρας τε.

Ст. 1436—1446 удаляетъ Graffunder (Fl. Jb. 132, 389 — 408), ст. 1515 — 1523 еще до него Teuffel (Rh. M. 29, 505). Ссылаясь вообще на прекрасную статью этого ученаго, повторю вкратцѣ приведенные имъ аргументы.

1) Согласно оракулу Аполлона и манифесту Эдипа убійца Лаія долженъ покинуть страну. Убійцей Лаія оказывается Эдипъ; послѣдовательность драматическаго дѣйствія требуетъ, чтобы онъ, повинувшись богу и своему собственному приказанію, отправился въ изгнаніе. Нынѣшній конецъ трагедіи разрушаетъ весь смыслъ предыдущаго дѣйствія (замѣчаніе Веклейна Burs. Jahresb. XIV, I 253 die Blendung rechtfertigt die Bedenken des Kreon und der Dichter hat wohl daran getan, dass er den Oedipus am Schlusse nicht allein und verlassen in die Fremde ziehen lässt—мы рѣшительно неповатно. Развѣ оракулъ и манифестъ допускаютъ исключеніе для ослѣпленнаго убійцы? Откуда мы знаемъ, что Эдипъ удаляется одинъ? Изъ ст. 1292 мы, напротивъ, имѣемъ заключить, что его сопровождалъ рабъ. Что касается всей второй мысли, то вѣдь, пожалуй, съ точки зрѣнія гуманности и Гете hätte wohl daran getan, еслибы онъ въ концѣ концовъ выдалъ Гретхенъ за Фауста; только тогда мы имѣли бы не трагедію, а пошлую мелодраму).

2) Ст. 1436—1446 противорѣчатъ ст. 1449 сл., которые исключаютъ возможность уступки Креонту со стороны Эдипа. Вообще обѣ послѣднія рѣчи Эдипа—1447 сл. и 1480 сл. имѣютъ характеръ прощальныхъ рѣчей; представленіе, что послѣ нихъ Эдипъ продолжаетъ жить и съ Креонтомъ, и съ дѣтьми, просто нелѣпо.

3) Сенека пользовался Эдипомъ Софокла, а у Сенеки Эдипъ удаляется въ изгнаніе. (Замѣчу, однако, по этому поводу, что тутъ Сенека навелъ на истинный путь его собственный поэтический тактъ; Сенека читалъ нашу трагедію несомнѣнно въ томъ видѣ, въ какомъ ее читаемъ мы; въ этомъ видѣ ее читали уже схолиасты, а чтобы рядомъ съ нашими переработанными концомъ сохранился первоначальный—этому вѣрить трудно).

4) Будучи совершенно неумѣстной въ „Царѣ Эдипѣ“, мысль о пребываніи ослѣпленнаго Эдипа въ Фивахъ, однако, необходима для „Эдипа въ Колонѣ“; виновность Креонта и сыволей передъ Эдипомъ мотивируется именно тѣмъ, что они заставили его жить въ Фивахъ, когда ему самому хотѣлось уйти, и изгнали его, когда онъ принялся со своей участью (ср. О. С. 427 сл.). Итакъ, трагедія переработана съ цѣлью возстановить единство съ „Эдипомъ въ Колонѣ“; а такъ какъ послѣдняя трагедія была посмертнымъ сочиненіемъ Софокла, то переработку слѣдуетъ приписать не поэту, а позднѣйшему редактору, быть можетъ его сыну Іофону.

5) Съ этимъ результатомъ вполне согласуется и критика отдѣль-

ныхъ стиховъ. Особенно плохи тетраметры 1515 сл.; эти деревянные стихи („im reinsten Bänkelsängerton“ Теффель) положительно оскорбляютъ память великаго поэта.

Присмотрѣвшись ближе, нетрудно убѣдиться въ чисто механическомъ характерѣ интерполяціи; выдѣливъ указанные пассажи мы получаемъ связный и поэтический текстъ. Редакторъ не постарался сгладить противорѣчія, для чего ему пришлось бы выкинуть прощальныя рѣчи Эдипа. При такомъ положеніи дѣла мы не можемъ ожидать найти въ предшествующихъ дѣйствіяхъ много измѣненій, имѣющихъ цѣлю подготовить новую развязку трагедіи; дѣйствительно, мѣста, указывающія на первоначальную развязку — изгнаніе Эдипа — читаются и въ нашей трагедіи, ср. ст. 100, 418, 659, 670. Среди нихъ особенно странно предсказаніе Тиресія ст. 418 сл.

καὶ σ' ἀμφιπλήξῃ μητρός τε καὶ τοῦ σοῦ πατρὸς
ἐλθ' ποτ' ἐκ γῆς τῆςδε δεινίπου; Ἀρά...
ὅταν καταίσθῃ τὸν ὀρέναιον и т. д.

Трудно было сказать опредѣленнѣе, что изгнаніе Эдипа послѣдуетъ непосредственно за обнаруженіемъ его incesta. Итакъ, предсказаніе Тиресія въ переработанной трагедіи не сбывается; казалось бы, самый бездарный редакторъ долженъ былъ бы ужаснуться передъ этимъ результатомъ.

Дѣйствительно, нашъ редакторъ ужаснулся; мы видѣли уже, что предсказаніе Тиресія было имъ замѣщено новымъ, въ которомъ недостатокъ поэзіи замѣненъ ясностью (ст. 447 сл.). Вообще это второе слово воспроизводитъ въ сухой и жалкой формѣ мотивы первого; пропущено только совпаденіе изгнанія съ обнаруженіемъ тайны—а это ясно указываетъ на цѣль всей диттографіи.

Ст. 1512 сл. Эдипъ:

νῦν δὲ τοῦτ' εὐχασθέ μοι,
οὗ χαρὸς ἐστὶ ζῆν, τοῦ βίου δὲ λφονος;
ὅμᾶς χορηγεῖται τοῦ φευέσαντος πατρὸς.

Объ этомъ отчаянномъ мѣстѣ скажу только, что принятую мною поправку я самъ не считаю особенно убѣдительною. Первое полустихіе измѣнено по Blaydes'у съ согласія Наува, замѣчающаго: man erwartet den Sinn ich wünsche euch (еще рѣшительнѣе высказывается онъ Mél. VI 78). Не знаю, можно ли признать этотъ аргументъ достаточнымъ; такую же странность мы усматриваемъ и ?

Θυκιδίδα, II 43: τοὺς δὲ λοιποὺς χρή ασφαλεστέραν μὲν εὐχεσθαι, ἀτολμοτέραν δὲ μὴδὲν ἀξιοῦν τὴν ἐς τοὺς πολεμίους διάνοιαν ἔχειν. Но при εὐχεσθαι непонятно ὕμᾱς.

IV. ANTIGONH.

Ст. 44 сл.

ΙΕΜ. ἧ γὰρ νοεῖς θάπτειν σφ', ἀπόρρητον πόλει;

ΑΝΤ. τὸν γοῦν ἐμὸν καὶ τὸν σὸν, ἦν σὺ μὴ θέλῃς.

Такъ читалъ послѣдній стихъ второй изъ схолиастовъ (ἀν... ἄλλοτριοῖς σφ' αὐτὴν τῆς συγγενείας, ἐγὼ θάψω τὸν ἐμὸν καὶ σὸν ἀδελφόν). Въ этой формѣ онъ невозможенъ; Антигона не предлагала Изменѣ одной похоронить брата, а поэтому ей отвѣтъ „если ты не желаешь, то я похороню нашего общаго брата“ непонятенъ. Предлагаемая Волифомъ фраза τὸν γοῦν ἐμὸν, καὶ τὸν σὸν ἦν σὺ μὴ θέλῃς (auch wenn du den deinen nicht willst) неправильна съ точки зрѣнія языка; конъектура Наува ἐγ' ὡς τὸν ἐμὸν; τὸν σὸν ἦν σὺ μὴ θέλῃς слишкомъ удаляется отъ традиціи. О конъектурахъ М. Шмидта, Диндорфа и Бледза (ихъ, конечно, двѣ) можно не говорить.

Мнѣ кажется, что правильное чтеніе можно возстановить очень незначительнымъ измѣненіемъ текста. Такъ какъ вторая часть стиха въ порядкѣ, то она должна служить точкой отправленія. „Если ты не пожелаешь“... возможенъ только одинъ аподосисъ „то я сдѣлаю это одна“. Такъ и читалъ первый схолиастъ: εἰ μὴ σὺ θέλῃς θάπτειν, ἐγὼ τοῦτο ποιήσω μόνῃ. Стало быть, это понятіе μόνῃ нужно выразить обоими притяжательными мѣстоименіями; это задача допускаетъ только одно рѣшеніе: „и за себя, и за тебя“. Я читаю поэтому: ὃν

τὸ γοῦν ἐμὸν τε καὶ σὸν, ἦν σὺ μὴ θέλῃς.

Такое же мѣсто имѣемъ мы OR. 626: ΚΡ. οὐ γὰρ φρονοῦντά σ' αὐ βλέπω.—ΟΙΔ. τὸ γοῦν ἐμόν. ΚΡ. ἀλλ' ἐξ ἰσου δεῖ κάμόν.

Ст. 14. Схолія: διπλὴ χεὶρ: τῇ ὕπ' ἀλλήλων. Что значить ἡ ὕπ' ἀλλήλων χεῖρ? Повидимому, τῇ излишне.

Ст. 74. Антигона:

ἐπεὶ πλείων χρόνος

ὄν δεῖ μ' ἀρέσχειν τοῖς κάτω τῶν ἐνθάδε.

Схолія: γενναῖον καὶ τοῦτο εἰς ὑποθήκας συντελοῦν τῆς μετὰ ταῦτα ἀποδημίας, ὅτι δεῖ εὖ τίθεσθαι μεμνημένου ἐκείνου τοῦ χρόνου καὶ ὅτι δεῖ λόγον ὑποσχεῖν κάτω. Всякій сразу замѣтитъ, что эта красивая схо-

лія довольно сильно повреждена. Прежде всего, ἀποδημία—контекстура Папагеоргія; рукописи даютъ ἐπιδημία. Правда, Папагеоргій ссылается на Плат. Phaed. 61 E, гдѣ ἡ ἐκεῖ ἀποδημία—путешествіе на тотъ свѣтъ. Но что значить ὑποθῆκαι τῆς μετὰ ταῦτα ἀποδημίας? „Это прекрасное слово“, говоритъ сколиастъ, „изъ котораго мы извлекаемъ правоученіе, что...“ Опреѣленіе здѣсь излишне, да и если бы мы нуждались въ немъ, то таковымъ могло бы быть „для жизни“, а никакъ не „для смерти“.

Далѣе: ὅτι δαῖ εὖ τίθεσθαι... Что же? Здѣсь недостаетъ дополненія: „что нужно хорошо располагать“... какъ видно изъ слѣдующаго, дѣла сего міра. Итакъ, здѣсь пробѣлъ, тамъ излишекъ; естественноѣ всего перенести сюда слово, оказавшееся тамъ излишнимъ. Если ἀποδημία=смерть, то ἐπιδημία=жизнь: такъ ее называлъ Менандръ fr. 481, 9 K. πανήγυριν νόμισόν τιν' εἶναι τὸν χρόνον ἐν φημί τοῦτον ἢ ἐπιδημίαν, затѣмъ Плутархъ (Consol. ad Ap. 31) βραχυτάτου δὲ τοῦ τῆς ἐπιδημίας ὄντος ἐν τῷ βίῳ χρόνου. Отсюда и у богослововъ Χριστοῦ ἐπιδημία. Это слово, поэтому, подходит какъ нельзя лучше.

Исправляя мимоходомъ еще одну явную ошибку, мы получаемъ слѣдующее: γενναῖον καὶ τοῦτο, εἰς ὑποθήκας συντελοῦν, ὅτι δαῖ εὖ τίθεσθαι τὰ τῆς ἐνταῦθα ἐπιδημίας, μεμνημένον ἐκείνου τοῦ χρόνου, καθ' ὃν δαῖ λόγον ὑποσχέιν κατ'ω (Наука, стр. 37 ограничивается исправленіемъ словъ καὶ ὅτι въ дте, замѣчая объ остальныхъ, что ихъ restituere fortasse alii poterunt).

Ст. 289. Креонтъ:

ἀλλὰ ταῦτα καὶ πάλα πόλεως
ἄνδρες μόλις φέροντες ἑρρόθουν ἐμοί
κρυφῇ χάρα σείοντες.

Схολія: οἷον μὴ πειθόμενοι τοῖς ἐμοῖς κηρύγμασι συνήνουν μοι, οὐχ οὕτως διακείμενοι. По видимому, сколиастъ объясняетъ таῦτα—τὰ κηρύγματα, μόλις φέροντες—μὴ πειθόμενοι, ἑρρόθουν—сυνήνουν (на что его могло навести ῥόθιον въ значеніи plausus), κρυφῇ—σειόντες—οὐχ οὕτως διακείμενοι. Но συνήνουν само по себѣ не составляетъ противоположности къ διακείμενοι; слѣдуетъ читать λόγοις μόνον συνήνουν.

Ст. 347. Схолія: σπειράσαι δίκτυοκλώστοις] τοῖς σχοινίοις τοῖς εἰς δίχτυον κεκλωσμένοις· ἢ συγχλείουσι τὰ δίχτυα. Отсюда видно, что второй схоліастъ читалъ δίκτυοκλείστοις. Вариантъ этотъ самъ по себѣ маловаженъ, но является новымъ примѣромъ не разъ замѣченнаго нами явленія, что наши scholia vetera имѣютъ основаніемъ далеко не одну и ту же рецензію текста.

Ст. 475. Схолія: περισκελῇ] περισκληχότα ἢ χεχαμμένον. Последнее слово—конъектура Папагеоргия вм. χεχαμμένα. Жаль, что онъ не объяснилъ, что онъ собственно разумѣетъ подъ этимъ словомъ (отъ κάπτω? κάπτω? Последнее, повидимому, полагалъ Вгунск, который пишетъ οὐ χεχαμμένα). Пока будетъ надежнѣе писать χεχαυμένον и относить объясненіе къ стоящимъ тутъ же словамъ текста αἰδῆρον ὀπτόν ἐκ πυρός.

Ст. 499. Схолія: τῶν σῶν λόγων] διὰ τούτου τὸ κήρυγμα τοῦ Πολυνείκους αἰνίσσεται. Слово τούτου прибавилъ Папагеоргій; правильнѣе было бы замѣнить предлогъ διὰ предлогомъ πρός.

Ст. 516. Креонтъ упрекаетъ Антигону въ томъ, что похоронивъ Полиника она оскорбила Этеокла. „Этихъ словъ“, отвѣчаетъ она, „не одобрилъ бы самъ покойный Этеоклъ“.

ΚΡ. εἰ τοί σφε τιμᾷς ἐξ ἰσοῦ τῷ δυσσεβεῖ.
'ΑΝΤ. οὐ γάρ τι δοῦλος ἀλλ' ἀδελφός ὦλετο.

Схолія къ послѣднему стиху: οὐ τοιοῦτός ἐστιν ὁ ἀπολόμενος, ὥστε εἰς χάριν τοῦ 'Ετεοκλέους εἶσαι αὐτόν ἄταφον· οὐ γάρ τοσοῦτον αὐτοῦ ὑπερβέβηκεν· οὐ δαί οὖν σκοπεῖν εἴ τι ἐκεῖν ἀποθύμιον ποιῶ, ἀλλ' εἰ κοινῆς τῆς φύσεως ἔλαχον. Въ послѣднемъ предложеніи ποιῶ конъектура Ласкариса, принятая издателями, вм. рукописнаго ποιῶν. Но въ этой формѣ объясненіе уже ровно ничего общаго съ текстомъ не имѣетъ. Въ текстѣ про Полиника сказано, что онъ погибъ съ братомъ Этеокла; слѣдовательно, должно читать ἔλαχεν. А отсюда вытекаетъ, что ποιῶν вполнѣ правильно, и что надобно только дополнить глаголъ, соотвѣтствующій глаголу ὦλετο въ текстѣ. Я пишу, поэтому: οὐ δαί οὖν σκοπεῖν, εἴ τι ἐκεῖν ἀποθύμιον ποιῶν τέθνηκεν, ἀλλ' εἰ κοινῆς τῆς φύσεως ἔλαχεν. Вѣроятно, впрочемъ, что схолиастъ вмѣсто слова δοῦλος, котораго онъ не объясняетъ, читалъ другое, означающее „супостать“ (напр. οὐκ ἀντίβουλος, или οὐ γάρ τι δύνους).

Ст. 521. Схолія: τίς οἶδεν εἰ καθ' 'Αἰδοῦ ἀλλήλοισι διαλλάσσοντες ἡγοῦνται εὐσεβεῖ τάδε. Конечно διαλλάσσομενο: (лучше было бы διαλλαχθέντες).

Ст. 587. Схолія: ὅμοιον ὥστε ποντίας ἁλός: τὸ ἐξῆς ὅμοιον ὡς ὅταν Θρησσην ποντίας δυσπνόος πνοαῖς οἶμα ἔρεβος ὑφαλον ἐπιδράμῃ· ἀντὶ τοῦ ἐκ βάθους κινήσῃ τὴν θάλασσαν· τὰ γάρ βαθέα μέλανα ἐχάλουν. По видимому, послѣднія слова, начиная съ ἀντὶ τοῦ, были первоначально перифразомъ къ ст. 590, въ такой формѣ:

κολίμβει βοασόθεν κελαινὰν θίνα] ἀντὶ τοῦ ἐκ βάθους κινεῖ τὴν θάλασσαν· τὰ γάρ βαθέα μέλανα ἐχάλουν (по поводу κελαινὰν).

Позднѣйшій схолиастъ по недоразумѣнію соединилъ это объясненіе съ предыдущимъ, вслѣдствіе чего пришлось измѣнить конструкцію; онъ же сталъ искать его соотвѣтствія съ текстомъ, къ которому онъ его неправильно приурочилъ (ст. 587—589), и не безъ натяжекъ обилилъ ѣх βάθους съ ὕφαλον и μέλανα съ ἔρεβος. Такимъ образомъ появились въ L мелкія глоссы ἔρεβος]μέλαν и ὕφαλον]ѣх βάθους. Какъ видно, отсюда M. Schmidtius ѣх βάθους ad ὕφαλον adscriptum in L неправильно ad βοσκόθεν tetraxit; надобно или передѣлать всю схолию, или—что предпочтительнее—сохранять чтенія L, указавъ на причину и развитіе недоразумѣнія позднѣйшаго схолиаста.

Ст. 685. Гемонъ Креонту:

ἐγὼ δ' ὅπως σὺ μὴ λέγεις ὀρθῶς τάδε,
οὐτ' ἂν δυνάμην μήτ' ἐπισταίμην λέγειν.

Схолія: ἐγὼ δὲ οὐ δύναμαι ταῦτα ἀποδείξασθαι, ἐπεὶδὴ μὴ καλῶς ταῦτα λέγεις. Ясно, кажется, что вмѣсто ἀποδείξασθαι („придавать вѣру“ высказанному другими мнѣнію) должно стоять ἀποδείξασθαι; относительно ἐπεὶдὴ нельзя сказать съ точностью, недоразумѣніе ли это или описка вмѣсто ὅπως δὴ или ὅτι δὴ.

Ст. 781. Хоръ:

Ἔρωσ ἀνίκατε μάχαν.
Ἔρωσ δὲ ἐν κτήμασι πίπτειс...

Изъ множества объясненій къ этому мѣсту въ настоящее время пользуется авторитетомъ только одно, предложенное впервые, кажется, Дональдсономъ (making men his κτήματα by his triumphant victories over those whom he attacks, κτήματα being used proleptically), принятое Вольфомъ и Наукомъ, который переводитъ: Eros der du mi ganzer Wucht auf deine Sklaven losstürzest, der du auf den zarten Wangen der Jungfrau heimlich lauerst. Мнѣ кажется, что этотъ переводъ равносильнъ самой безпощадной критикѣ. Возможно ли сопоставлять такія разнородныя и безсвязныя изреченія? Развѣ „дѣла“ не принадлежатъ также въ κτήματα Эроса? Къ тому же, гдѣ удареніе, на κτήματα или πίπτειс? Если на πίπτειс, то поэтъ, стало быть, изображаетъ жестокость Эроса; ему слѣдовало бы поступать ласково со своими рабами. Но какъ же выжется съ этимъ представленіемъ ἐννοχεύειс? Не говоря ужъ о томъ, что сентиментальная мысль о жестокости Эроса совершенно чужда этому мѣсту. Если же удареніе на κτήματα, то получается представленіе до нелѣпости очевидное; на своихъ κτήματα каждый можетъ ἐπιπίπτειν, въ этомъ ничего особен-

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXII.

1892.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, № 80.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	25
В. М. Владиславлевъ. Обза	223
А. И. Киричниковъ. Любопытная лицевая рукопись Парижской Національной библіотеки	242
М. С. Куторга. Исслѣдованія по исторіи государственныхъ учре- жденій Азіи (<i>продолженіе</i>)	258
Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.	298

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Г. С. Дестунисъ. 'Αναλκτα Ιεροζολυμιτικῆς σταχυολογίας. Α. Παπαδό- πουλου-Κεραιρέως. Τ. Α'. 'Εν Πετροπόλει. 1891	385
— Книжныя новости	401
А. Д. Вейсманъ. Амосъ Коменскій и его дидактика.	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. А. Аноповъ. По вопросу объ открытіи промышленныхъ училищъ.	77
— А. А. Федотовъ-Чеховскій (<i>некрологъ</i>)	140

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Θ. Φ. Ζῆλινскій. Замѣтки къ трагедіямъ Софокла и къ схоліямъ на нихъ (<i>окончаніе</i>).	49
И. И. Холоднякъ. Къ Elogium Messoris C.I.L. VIII 11824	63
В. В. Латышевъ. Замѣтки по древней географіи сѣвернаго и восточ- наго побережья Чернаго моря.	65
В. В. Майковъ. Четыре эпиграмы Пиндара въ честь Іерона Сира- кузскаго и Этнейскаго.	69

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 4-го августа).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛXXXII.

1892.

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго, кан., № 80.

1892.

Сиб. Вѣстникъ. кн. 1. 80
2947

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (28-го апрѣля 1892 года). *О пенсіонныхъ правахъ преподавателей промышленныхъ училищъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о пенсіонныхъ правахъ преподавателей промышленныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта *Александръ Абаза.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о пенсіонныхъ правахъ преподавателей промышленныхъ училищъ, *мнѣніемъ постановилъ:*

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Пенсіи и единовременныя пособія тѣмъ изъ служащихъ въ промышленныхъ училищахъ, оклады содержанія коихъ въ Высочайше утвержденныхъ штатахъ сихъ училищъ указаны съ подраздѣленіемъ на жалованье, столовыя и квартирные деньги, производятся изъ оклада присвоеннаго имъ жалованья.

2) Положенныя по штатамъ промышленныхъ училищъ добавочныя оклады преподавателямъ, исполняющимъ обязанности инспекторовъ и завѣдывающимъ учебною частью въ отдѣленіяхъ техническихъ училищъ не принимаются въ расчетъ при назначеніи пенсіи, но если

по преподавательской должности этимъ лицамъ будутъ причитаться пенсіи въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ помянутые добавочные оклады, то пенсіи назначаются въ размѣрѣ сихъ послѣднихъ окладовъ.

3) Пенсіи и единовременныя пособія преподавателямъ и руководителямъ практическими занятіями въ техническихъ училищахъ назначаются изъ окладовъ: въ 960 руб. въ среднихъ техническихъ училищахъ и въ 750 руб. въ низшихъ. Въ ремесленныхъ же училищахъ пенсіи и единовременныя пособія назначаются: учителямъ общеобразовательныхъ предметовъ—изъ оклада въ 480 руб., преподавателямъ специальныхъ предметовъ—изъ оклада въ 600 руб. и руководителямъ практическихъ работъ—изъ оклада въ 625 руб.

Если, однако, означенныя должностныя лица получали, въ день выслуги срока на пенсію, менѣе указанныхъ выше окладовъ, то пенсіи и пособія назначаются имъ изъ окладовъ дѣйствительно причитавшагося имъ, по числу уроковъ, содержанія.

4) Законоучителямъ промышленныхъ училищъ пенсіи и единовременныя пособія исчисляются по получаемому ими вознагражденію за уроки, если таковое менѣе 400 руб. Если же сіе вознагражденіе составляло 400 руб., или болѣе, то пенсіи и пособія назначаются изъ оклада въ 400 руб.

5) Должности руководителей практическими занятіями въ ремесленныхъ училищахъ присваивается IX классъ по чинопроизводству и IX разрядъ по мундиру.

6) Пенсіонныя права служащихъ въ ремесленныхъ училищахъ (ст. 1 — 4) распространяются и на должностныхъ лицъ состоящаго подъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Павловны Охтенскаго ремесленнаго училища.

Письмоводитель сего училища приравнивается въ отношеніи правъ на пенсіи письмоводителю ремесленнаго училища (VIII разрядъ по табели прил. къ ст. 55 уст. пенс.).

Примѣчаніе. Время, проведенное на службѣ въ этомъ училищѣ до воспослѣдованія настоящаго узаконенія, не ранѣе, однако, какъ со дня Высочайшаго утвержденія, 14-го февраля 1884 г., положенія о семъ училищѣ, зачисляется въ срокъ выслуги на пенсію по настоящимъ правиламъ, съ тѣмъ, чтобы желающіе воспользоваться этимъ правомъ внесли въ доходъ казны 2% съ производившагося имъ на службѣ содержанія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (5-го мая 1892 года). *О правахъ служащихъ въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ въ гг. Батумъ, Карсѣ, Маргеланѣ, Самаркандѣ и Якобштадтѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ служащихъ въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ въ городахъ Батумѣ, Карсѣ, Маргеланѣ, Самаркандѣ и Якобштадтѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія, о правахъ служащихъ въ Маріинскихъ женскихъ училищахъ въ городахъ Батумѣ, Карсѣ, Маргеланѣ, Самаркандѣ и Якобштадтѣ, *мнѣніемъ положилъ*.

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Смотрительницы и штатныя учительницы Маріинскихъ женскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ городахъ Маргеланѣ, Самаркандѣ, Батумѣ, Карсѣ и Якобштадтѣ, а также учительницы руководя сихъ учебныхъ заведеній, если онѣ имѣютъ званіе домашней учительницы или наставницы, пользуются всѣми служебными правами и преимуществами, предоставленными соотвѣтствующимъ должностнымъ лицамъ женскаго пола женскихъ прогимназій.

2) Законоучители означенныхъ (ст. 1) учебныхъ заведеній пользуются всѣми правами государственной службы, присвоенными законоучителямъ городскихъ училищъ по положенію 31-го мая 1872 г. (п. с. з. № 50.909).

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (24-го мая 1892 года). *О пенсіонныхъ правахъ фельдшерницъ, служащихъ при студенческихъ больницахъ и клиникахъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о пенсіонныхъ правахъ фельдшерницъ, служащихъ при студенческихъ больницахъ и клини-

кахъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, Высочайшее утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о пенсіонныхъ правахъ фельдшерицъ, служащихъ при студенческихъ больницахъ и клиникахъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, *мнѣніемъ положи*:

I. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

Фельдшерицы, служащія при студенческихъ больницахъ и клиникахъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, пользуются, относительно пенсій и единовременныхъ пособій, правами, опредѣленными въ ст. 505—533 устава о пенс. и единовр. пособ. (свѣд. зак. т. III, изд. 1876 года).

II. Тѣмъ изъ упомянутыхъ въ отд. I фельдшерицъ, которыя внесутъ въ доходъ казны установленные пенсіонные вычеты съ производившагося имъ на службѣ содержанія за время до изданія настоящаго узаконенія, зачислить прежнюю ихъ службу въ срокъ выслуги на пенсію.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го іюня 1892 года: *Произведенъ за отличіе*, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ Иванъ *Тарасовъ* — въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*, съ 15-го мая 1892 года (Выс. Пов. 2-го мая 1892 года).

Утверждены на три года: статскій совѣтникъ *Давыдовскій* и титулярный совѣтникъ *Мерингъ* — вновь почетными попечителями гимназій: первый — Тобольской и второй — Кіево-Печерской; коммерція совѣтникъ *Любимовъ*, Сызранскій второй гильдіи купецъ *Чуриновъ* и дворянинъ *Скадовскій* — вновь почетными попечителями реальныхъ учи-

лищъ: первый Пермскаго Алексіевскаго, второй—Сызранскаго и третій—Херсонскаго.

Продолжены срокъ командировки за границу, съ ученою цѣлью: преподавателю Кіево-Печерской гимназіи *Фохту*—по 20-е августа 1892 г.; экстраординарному профессору Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскому совѣтнику *Введенскому*—по 10-е сентября 1892 г.; приватъ-доценту Императорскаго Казанскаго университета *Ротерту*—по 20-е сентября 1892 г.; преподавателю С.-Петербургской второй гимназіи *Кедрову*—на одинъ годъ.

Командированы съ ученою цѣлью за границу: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Баклундъ*—на четыре недѣли; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, титулярный совѣтникъ *Амалицкій*—по 25-е іюля 1892 г.; директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, коллежскій секретарь *Эннеусъ*—до конца лѣтняго вакаціоннаго времени 1892 г.; помощникъ прозектора при патологическомъ институтѣ Императорскаго Дерптскаго университета *Луницъ*—съ 25-го іюня по 12-е августа 1892 г.; старшій астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, статскій совѣтникъ *Струве*—на два съ половиною мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бодуэн-де-Куртене*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Даманскій* и адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Богаевскій*, оба—по 1-е сентября 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, статскій совѣтникъ *Рейнъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г. и 21 день; приватъ-доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета *Режабекъ*—по 15-е сентября 1892 г.; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хвольсонъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 г. и 28 дней; приватъ-доцентъ Демидовскаго юридическаго лица князь *Трубецкой*—на одинъ годъ, съ 1-го сентября 1892 г.; приватъ-доценты Императорскаго Московскаго университета: *Коссовичъ* и *Прянишниковъ*—на два года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: тайные совѣтники: директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Бредигинъ*—на четыре не-

дѣли, съ 1-го августа 1892 г. (Выс. Пов. 16-го іюня 1892 г.), попечители учебныхъ округовъ: Кавказскаго—*Яновскій* (Выс. Пов. 17-го іюня 1892 г.), Дерптскаго—*Лавровскій* (Выс. Пов. 16-го іюня 1892 г.) и Виленскаго—*Серіевскій*, всѣ трое—на два мѣсяца, и б) за *граждану*: попечитель Кіевскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Вельяминовъ-Зерновъ*—на два мѣсяца (Выс. Пов. 17-го іюня 1892 г.); вице-президентъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Гротъ*—на вакантное по сей академіи время (Выс. Пов. 21-го мая 1892 г.); членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хрущовъ*—на два съ половиною мѣсяца (Выс. Пов. 17-го іюня 1892 года).

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 1-го іюня 1892 года, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряными медалями съ надписью „за усердіе“, на Александровской лентѣ, для ношенія на груди*: учителей приходскихъ училищъ: губернскихъ секретарей: Кременскаго, Донской области, Василія *Алимова*, Пинскаго, Минской губерніи, Алексѣя *Потова*, Тамбовскаго 1-го городского, Виктора *Нечаева*, Елатомскаго городского, Тамбовской губерніи, Михаила *Рыбинскаго* и Городищенскаго городского мужскаго, Пензенской губерніи, Ивана *Волчкова*; коллежскихъ регистраторовъ: Кіево-Лыбедскаго 2-го, Ивана *Жука*, и Глуховскаго, Черниговской губерніи, Виктора *Балабана*; не имѣющихъ чиновъ: Красноуфимскаго 2-хъ-класснаго мужскаго, Пермской губерніи, Ивана *Заводчикова*, Бирскаго 1-го, Уфимской губерніи, Ивана *Боброва*, Тарусскаго мужскаго, Сергѣя *Комарова* и Казатинскаго, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Василія *Салгана*; учителей городскихъ приходскихъ училищъ: Мосальскаго, Семена *Смирнова*, Харьковской губерніи: Славянскаго двухкласснаго. Изюмскаго уѣзда, Ефима *Гридина* и Купянскаго, Василія *Кислинскаго*; Новохоперскаго, Воронежской губерніи. Аркадія *Пискунова*; Инсарскаго мужскаго, Пензенской губерніи, Федора *Орлова*, Лохвицкаго, Полтавской губерніи, Григорія *Буймистренко* и Чистовольскаго, Казанской губерніи, Николая *Павлова*, учителя Псковскаго земскаго приходскаго мужскаго училища Михаила *Егорова*, учителя

Николаевского сельскаго приходскаго училища, что въ селѣ Искомъ-Устьѣ, Елабужскаго уѣзда, Вятской губерніи, Илью *Медвѣдкова*, учителей Нижне-Ломовскаго городскаго 2-хъ класснаго женскаго приходскаго училища, Пензенской губерніи: Алексѣя *Цѣткова* и Александра *Гасконскаго*, помощника учителя 1-го приходскаго училища въ гор. Стерлитамакѣ, Уфимской губерніи, Павла *Максимова*, учителя приготовительнаго класса Владиміръ-Волынскаго городскаго училища, Волынской губерніи, Михаила *Ротуцкаго*; учителей заведывающихъ училищами: двухклассными министерства народнаго просвѣщенія: Каменскимъ сельскимъ, Московской губерніи, Рузскаго уѣзда, Дмитрія *Скворцова*, Уфимскаго уѣзда: Благовѣщенскимъ—личнаго почетнаго гражданина Филиппа *Дожина* и Катавъ-Ивановскимъ—Дмитрія *Чижова*; двухклассными сельскими: Пархомовскимъ, Киевской губерніи, Сѣвирскаго уѣзда, Теофана *Кисилевича* и Сѣнчанскимъ, Полтавской губерніи, Лохвицкаго уѣзда, Владиміра *Синицына*; учителей двухклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Сорожскаго, Осташковскаго уѣзда: Петра *Горюнова* и Петра *Полякова*, Ухоловскаго, Ряжскаго уѣзда, Андрея *Алфутова*; Ярославской губерніи: Водениковскаго, Рыбинскаго уѣзда, Сергѣя *Масленникова* и Флоровскаго, Мышкинскаго уѣзда, Ѳеодора *Лебедева*, Предестненскаго, Харьковской губерніи, Изюмскаго уѣзда: Ивана *Заводовскаго* и Агафоники *Бабожова*, Херсонскаго уѣзда: Грушевскаго—Евфимія *Печерога* и Висунскаго—Ѳеодора *Влажѣева*, Серпейскаго образцоваго, Калужской губерніи, Петра *Чуднова*; учителей двухклассныхъ училищъ: Ивановскаго образцоваго начальнаго народнаго, Славяносербскаго уѣзда, Якова *Подюрскаго*, Радомскаго городскаго начальнаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго, Радомской губерніи, Михаила *Гржибовскаго*, Романовскаго сельскаго, Минской губерніи, Слуцкаго уѣзда, Демьяна *Санько* и Рашевскаго сельскаго, Полтавской губерніи, Гадячскаго уѣзда, Иларіона *Гринѣва*; учителей одноклассныхъ училищъ: образцоваго начальнаго при Вольской учительской семинаріи Степана *Давлинцева*, министерства народнаго просвѣщенія Варзи-Ятчинскаго Вятской губерніи, Елабужскаго уѣзда. Николая *Виноградова*, Богдановскаго, Ярославской губерніи, Любимскаго уѣзда, Алексѣя *Сперанскаго* и Привольнянскаго образцоваго народнаго, Херсонскаго уѣзда, Даніила *Козачинскаго*; учителей городскихъ начальныхъ училищъ: 2-го Прѣсенскаго мужскаго, въ Москвѣ, Николая *Воскресенскаго*, Николаевского мужскаго, въ Москвѣ, Дмитрія *Станчинскаго*. 9-го Казанскаго, Ивана *Кузнецова*.

Арсенальнаго, въ г. Тулѣ, Николая *Кудрявцева*, при Поневѣжской учительской семинаріи Герасима *Дроздовскаго*, Радинскаго однокласснаго мужскаго, Сѣдлецкой губерніи, Филимона *Панько*, Радомской губерніи: Преждборжскаго однокласснаго мужскаго и воскресно-ремесленнаго Юліана *Боровскаго* и Опатовскаго однокласснаго общаго Павла *Штобрина*; учителей одноклассныхъ училищъ: общихъ начальныхъ: Сѣдлецкой губерніи: Кошелинскаго, — Михайла *Умцака*, Кошоловскаго — Іосифа *Сейбука*, Колежбродскаго — Григорія *Олецука*, Гарволинскаго городскаго — Константина *Петржиковского*, Королевскаго — Андрея *Литвинюка*, Красненскаго — Михайла *Бычука*, Долголискаго — Игнатія *Олестюка*, Тысменицкаго — Кипріяна *Панько* и Бокинскаго 1-го — Ивана *Нестеровича*, Ломжинской губерніи: Визненскаго — Владислава *Бутлера* и Пекутскаго — Франца *Жилинскаго*; Гминныхъ начальныхъ общихъ: Плоцкой губерніи: Рембовскаго — Адама *Войцискаго*, Бѣжунскаго — Бронислава *Тарницкаго* и Черняковского — Сигизмунда *Солтыкевича*, Ломжинской губерніи: Ясеницкаго — Осипа *Снѣжко* и Щучинскаго — Франца *Мильчесскаго*, Сувальской губерніи: Метельскаго — Георгія *Жилинскаго*, Удрійскаго — Антона *Ужуписа*, Берзиньскаго — Іосифа-Александра (2-хъ именъ) *Чарнецкаго*, Святоозерскаго — Ивана *Яновича*, Серейскаго — Іосифа-Константина (2-хъ именъ) *Якайтиса*, Урдомянскаго — Семена *Старкевича*, Краснянскаго — Михайла-Матвѣя (2-хъ именъ) *Бодана*, Вижайнскаго — Казимира *Лаукайтиса* и Кракопольскаго — Станислава-Адама (2-хъ именъ) *Витковскаго*; учителей народныхъ училищъ: Минской губерніи: Шацкаго, Игуменскаго уѣзда, Климента *Харуцкаго*, Плотницкаго, Пинскаго уѣзда, Семена *Малахи*, Слуцкаго уѣзда: Клецкаго — Конона *Володько*, Погостскаго — Косьмы *Петкевича*, Сторобинскаго — Василя *Протасевича* и Кіевичскаго — Дмитрія *Быкова*, Кіевской губерніи: Ракитнянскаго, Васильковского уѣзда, Григорія *Кальницкаго*, Смѣлянскаго, Черкаскаго уѣзда, Якова *Хаустова* и Баландинскаго. Чигиринскаго уѣзда, Александра *Левитскаго*, Ратчинскаго, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, Михайла *Прохоренко*, Полтавской губерніи: Андріяшевскаго, Лохвицкаго уѣзда, Іосифа *Лазно*, Парандинцовскаго, Лубенскаго уѣзда, Алексѣя *Тимошенко*, Роменскаго уѣзда: Артюховскаго — Александра *Буфійуса*, Бобрисккаго — Тита *Несходовскаго*, Лозовскаго — Ильи *Доленко* и Гавриловскаго — Степана *Храпко*, Черниговской губерніи: Ново-Быковского, Козелецкаго уѣзда, Якова *Никитенко*, Дремойловскаго, Нѣжинскаго уѣзда, Ивана *Чудновскаго*, Прохорскаго, Борзенскаго уѣзда, Михайла *Зборовскаго* и

Бердянскаго—личнаго почетнаго гражданина Павла *Даражю*; учителей начальных народных училищъ: Яблонецкаго, С.-Петербургской губерніи, Лужскаго уѣзда, Ѳедора *Верекундова*, Шолгскаго сельскаго, Вологодской губерніи, Никольскаго уѣзда, Константина *Пуртова*, Новгородской губерніи: Морконичскаго сельскаго (земскаго), Крестецкаго уѣзда, Алексѣя *Козлова*, Новгородскаго уѣзда: Кусонскаго сельскаго (земскаго) Ивана *Петрова* и Тесовскаго сельскаго (земскаго) Ѳедора *Жукова*, Псковской губерніи: Александровскаго Петровско-Посадскаго — Модеста *Брадиса*, Воробьевскаго — Ивана *Малинина*, Демянскаго—Якова *Алехтеева*, Zubовскаго — Алексѣя *Теплякова* и Оклюдицкаго—Василія *Коришнуова*, Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда: Гороховатскаго — Евгенія *Корчикова* и Нижне-Дуванскаго — Ивана *Войтова*, Воронежской губерніи: Голосновскаго, Землянскаго уѣзда, Александра *Попова*, Нижне-Корочанскаго, Новохоперскаго уѣзда, Николая *Близниченко*, Бѣлогорскаго, Острогожскаго уѣзда, Ѳедора *Сабинаина* и Старокалитвянскаго, того же уѣзда, Василія *Никитина*, Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда: Байловскаго—Алексѣя *Глазова* и Ракшинскаго — Ивана *Кочетова*, Днѣпровскаго уѣзда: Перво-Константиновскаго—Симеона *Пироженко*, Голо-Пристанскаго—Михаила *Овчинникова* и Горностаевскаго — Владимира *Волошикевича*, Бердянскаго уѣзда: Орѣховскаго — Георгія *Красовскаго*, Маріинскаго—Петра *Митевскаго*, Дунаевскаго—Алексѣя *Ковалевскаго*, Петропавловскаго—Ильи *Мустикова*, Орѣховскаго 1-го—Севастьяна *Ляшевскаго*, Дѣвненскаго — Петра *Ясницкаго*, Обиточенскаго — Якова *Ярмоленко*, Вознесенскаго 1-го — Космы *Бурiana* и Второниколевскаго—Николая *Жевченко*, Херсонскаго городскаго, на Забалканскомъ фортштатѣ, Павла *Зубова*, Качкаровскаго, Херсонскаго уѣзда, Александра *Егорова*, Александровскаго уѣзда: Гавриловскаго — Родіона *Авраменко* и Гуляйпольскаго 1-го—Амвросія *Завалишича*, Черкасскаго, Славяносербскаго уѣзда, Григорія *Скритниченко*, Бахмутскаго-Владимірскаго—Сергѣя *Шейко*, Желѣзнянскаго, Бахмутскаго уѣзда, Петра *Ольшанскаго*, Славянскаго, Павлоградскаго уѣзда, Макарія *Чуаева*, Вятской губерніи: Куринскаго, Котельничскаго уѣзда, Петра *Рязанова* и Граховскаго, Елабужскаго уѣзда, Василія *Кизнерцева*, Уфимской губерніи: въ селѣ Ирыкшахъ, Стерлитамакскаго уѣзда, Михаила *Дмитріева*, Мензелинскаго уѣзда: Простянскаго — Александра *Лукина* и Калейкинскаго — Дмитрія *Николаева*, Пермской губерніи, Верхотурскаго уѣзда: Ново-Паньшинскаго—Анатолія *Попова* и Нейво-Шайтанскаго мужскаго — Евгенія *Медведевскаго*; учителей сельскихъ

начальныхъ училищъ: Мышенскаго, Серпуховскаго уѣзда, Василя *Богоявленскаго*, Рязанской губерніи: Чучковскаго, Сапожковскаго уѣзда, Михаила *Константиновскаго*, Юштинскаго, Спасскаго уѣзда. Дмитрія *Вертоградова* и Новосельскаго, Рязанскаго уѣзда, Ивана *Дмитревскаго*, Курской губерніи: Березовскаго, Дмитріевскаго уѣзда. Николая *Спасскаго*, Ольшанскаго, Новооскольскаго уѣзда, Георгія *Бѣликова*, Мانتуровскаго, Тимскаго уѣзда, Владиміра *Ставровскаго*, Рыльскаго уѣзда: Волобуевскаго — Андрея *Пономарева* и Комаровскаго — Александра *Губарева*, Розепортскаго меннонитскаго, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи, Петра *Голырихтера*, Казанской губерніи: Кокшамарскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Ивана *Никольскаго*, Царевококшайскаго уѣзда: Мироносицкаго — Ивана *Павловскаго* и Мало-Кушниковскаго Тимофея *Васильева*; учителей сельскихъ училищъ: Бадѣевскаго, Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, Николая *Глѣбова*, Тверской губерніи: Красновскаго, Старицкаго уѣзда, Алексѣя *Смирнова*, Осташковскаго уѣзда: Самушкинскаго — Василя *Воскресенскаго* и Пашутинскаго — Егора *Воробьева*, Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда: села Долгаго — Егора *Петропавловскаго*, села Голуни — Ивана *Никольскаго*, села Зарѣцкаго — Василя *Руднева*, села Вышней Залегощи — Константина *Знаменскаго*, села Краснаго Рога — Алексѣя *Соколова* и селенія Гагаринскаго хутора — Гаврила *Глаголева*, Тобольской губерніи, Тюменскаго округа: Алексѣевскаго — Ивана *Гаврютина*, Плехановскаго — Петра *Тертузова*, Зарянскаго — Николая *Ржевскаго*, Кулаковскаго — Василя *Бабишина* и Каменскаго — Михаила *Грѣхова*; учителей русско-башкирскихъ училищъ: Шадринскаго уѣзда: Нижнейскаго — Гидая-тула *Токумбетова* и Купашакскаго — Нурмухамеда *Мамлеева*, учителя русскаго языка при медресе старотатарской слободы г. Казани Шакирджана *Тамирова*, учителя русскаго языка при медресе въ городѣ Стерлитамакѣ, Уфимской губерніи, Ахметшакира *Ибраимова*, учителя Сусады-Эбалакскаго инородческаго училища, Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, Хайрламана *Васильева*, учителя Севастопольской Меньковской ремесленной школы Арсенія *Сотенова*, учителей земскихъ школъ: Звенигородскаго уѣзда: Вяземской — Дмитрія *Лебедева*, Пятнице-Берендеевской — Алексѣя *Семенова*, Троице-Гримаковской — Сергѣя *Мещерскаго*, Луцкой — Дмитрія *Попова*, Успенской — Прокопія *Дворянина*, Дмитровской — Михаила *Доброва*, Козинской — Павла *Флоренцева* и Уборской — Ксенофонта *Державина*, учителя Ивановской частной школы, Звенигородскаго уѣзда, Сергія *Соловьева*, завѣдывающей Челябинскимъ 1-мъ

женскимъ начальнымъ училищемъ Варвары *Смирновой*, учительницы Созоновскаго сельскаго училища, Тюменскаго округа, Евгеніи *Пушкаревой* и бывшаго учителя Крупичпольскаго народнаго училища, Борзянскаго уѣзда, Черниговской губерніи, Василя *Гаврилова*.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (22-го марта 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго директора Архангельской мужской гимназіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Богдановича Пилацкаго при сей гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала, въ одну тысячу двѣсти рублей, пожертвованнаго родителями и родственниками дѣтей, учившихся и учащихъ въ архангельскихъ гимназіяхъ мужской и женской, самими бывшими учениками и воспитанницами этихъ гимназій и другими лицами, учреждается при Архангельской мужской гимназіи стипендія имени бывшаго директора оной дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Богдановича Пилацкаго, въ память сорокалѣтней педагогической его дѣятельности въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $5\frac{1}{2}\%$ свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка, составляетъ неотъемлемую собственность Архангельской мужской гимназіи и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются на вносъ платы за право ученія стипендіата въ гимназію, а также на книги, учебныя пособія и одежду.

§ 4. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ, въ коихъ заключается стипендіальный капиталъ, въ тиражъ погашенія, гимназіей приобрѣтаются, взамѣнъ ихъ, новыя государственныя процентныя бумаги, какія будутъ признаны наиболѣе выгодными.

§ 5. Право избранія стипендіата изъ обучающихся въ гимназіи дѣтей бѣдныхъ родителей всѣхъ сословій Архангельской губерніи принадлежитъ педагогическому совѣту гимназіи, который можетъ, въ случаѣ неуспѣхности или дурнаго поведенія избраннаго въ стипендіаты ученика, лишить его стипендіи. Сверхъ того, если стипендіатъ перей-

детъ въ другое учебное заведеніе своей или другой губерніи, то настоящей стипендіей пользоваться уже не можетъ.

§ 6. Если вслѣдствіе увеличенія платы за обученіе въ Архангельской мужской гимназіи, или по другимъ причинамъ, напримѣръ вслѣдствіе конверсіи означенныхъ процентныхъ бумагъ, процентовъ съ капитала 1.200 рублей будетъ недостаточно для оплаты стипендіи, то таковая остается временно незамѣщенной, а проценты присоединяются къ стипендіальному капиталу до тѣхъ поръ, пока годовой доходъ съ онаго не будетъ достаточенъ для оплаты стипендіи и для необходимыхъ учебныхъ пособій.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по другимъ какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ сему капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (26-го апрѣля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени сына статскаго совѣтника Алексѣя Владиміровича Заленскаго, — Владиміра Алексѣевича Заленскаго, при Полтавской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго полтавскимъ губернскимъ земствомъ капитала въ 6.000 рублей, за удержаніемъ установленнаго 5% сбора, учреждается въ Полтавской мужской гимназіи стипендія имени Владиміра Алексѣевича Заленскаго.

§ 2. Стипендія назначается статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Владиміровичемъ Заленскимъ, а послѣ его смерти — полтавскимъ губернскимъ земствомъ одному изъ учениковъ гимназіи.

§ 3. Стипендіатъ, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ въ гимназіи для обучающихся, не освобождается отъ платы за право ученія.

§ 4. Означенный въ § 1 капиталъ причисляется къ специальнымъ средствамъ гимназіи и хранится въ полтавскомъ отдѣленіи государственнаго банка.

§ 5. Могущіе образоваться, вслѣдствіе незамѣщенія стипендіи, или по другимъ причинамъ, остатки отъ процентовъ причисляются къ капиталу для увеличенія впослѣдствіи размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (24-го мая 1892 года). *Циркулярное предложеніе и. попечителямъ учебныхъ округовъ объ облегченіи учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній въ ихъ домашнихъ занятіяхъ.*

Уставами гимназій 1871 года и реальныхъ училищъ 1888 года и изданными министерствомъ народнаго просвѣщенія въ развитіе оныхъ распоряженіями, а также инструкціей для классныхъ наставниковъ сихъ заведеній вѣнено начальствамъ гимназій и прогимназій и реальныхъ училищъ въ обязанность неупустительно слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики, въ особенности низшихъ двухъ классовъ, не были обременяемы домашними занятіями, чтобы уроки и письменныя задачи и вообще весь учебный матеріалъ былъ распредѣляемъ правильно и соразмѣрно съ силами учениковъ и временемъ, которымъ они располагаютъ. Затѣмъ, на необходимость соблюденія этихъ требованій министерство обратило вниманіе и въ новыхъ учебныхъ планахъ и программахъ, 20-го іюля 1890 года. Согласно объяснительной запискѣ къ этимъ программамъ, всѣ учебные предметы преподаванія, не исключая исторіи и географіи, которыя усваиваются памятью, должны быть изучаемы главнымъ образомъ въ классѣ, домашнія же занятія должны служить лишь къ укрѣпленію въ памяти разученнаго или объясненнаго подъ ближайшимъ руководствомъ преподавателей, въ классѣ.

Министерство народнаго просвѣщенія, желая выяснитъ, какихъ результатовъ оно достигло въ своемъ стремленіи къ указанной цѣли, затребовало 4-го декабря 1891 года (№ 19153) отъ господъ попечителей учебныхъ округовъ свѣдѣнія о томъ, сколько, приблизительно, требуется времени отъ учениковъ среднихъ способностей въ приготовительномъ, двухъ низшихъ, трехъ среднихъ и трехъ старшихъ классахъ, а равно въ реальныхъ училищахъ въ двухъ низшихъ, двухъ среднихъ и двухъ старшихъ классахъ, для домашняго приготовленія ежедневно задаваемыхъ уроковъ и письменныхъ работъ.

Изъ доставленныхъ вслѣдствіе сего данныхъ усматривается, что количество нужнаго для сего времени далеко не одинаково въ совершенно однородныхъ заведеніяхъ.

Хотя для всѣхъ гимназій установлены однѣ и тѣ же программы, время для исполненія задаваемыхъ работъ въ разныхъ гимназіяхъ оказывается различное, при чемъ такое различіе замѣчается не только по округамъ, но даже по отдѣльнымъ мѣстностямъ въ предѣлахъ одного округа и даже по отдѣльнымъ заведеніямъ въ одномъ городѣ.

Есть гимназіи и реальныя училища, въ которыхъ для домашнихъ работъ оказывается достаточнымъ: въ гимназіяхъ въ приготовитель-

номъ классѣ— $1\frac{1}{2}$ часа, въ двухъ низшихъ—2 часа, въ трехъ среднихъ отъ 2 до 3 часовъ и трехъ высшихъ классахъ отъ 3 до $3\frac{1}{2}$ часовъ и въ реальныхъ училищахъ въ двухъ низшихъ классахъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 часовъ, въ двухъ среднихъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ и въ двухъ старшихъ около 3 часовъ; но рядомъ съ тѣмъ есть и такія заведенія, въ коихъ количество времени для исполненія этихъ работъ доводится до предѣловъ совершенно чрезвычайныхъ; такъ, напримѣръ, въ гимназіяхъ:

	Въ пригото- вительн. классѣ.	Въ двухъ низшихъ классахъ.	Въ трехъ среднихъ классахъ.	Въ трехъ высшихъ классахъ.
Витебской	$1\frac{1}{2}$ —3	2—4	4—5	$4\frac{1}{2}$ —6
Кіевской 3-й	2	2—4	3—5	4—7
Прилукской	2—3	4—5	6	7
Лубенской.	3—4	4	5—6	6—7
Сумской	3—4	4—5	5—7	5—7
Псковской	$1\frac{1}{2}$ —2	$1\frac{1}{2}$ —4	4—5	5—6
Томской.	—	$2\frac{1}{2}$ —3	$3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$	5—6
Херсонской	$1\frac{1}{2}$ —2	2—3	3—5	4—6

Въ реальныхъ училищахъ:

	Въ пригото- вительн. классѣ.	Въ двухъ низшихъ классахъ.	Въ двухъ среднихъ классахъ.	Въ двухъ старшихъ классахъ.
Въ Виленскомъ	—	4—5	5—6	6
„ Ловичскомъ	2	4	5	6
„ Пензенскомъ.	—	$3-3\frac{3}{4}$	$4-4\frac{1}{2}$	$5\frac{3}{4}-6\frac{1}{2}$
„ Вятскомъ.	—	$4\frac{1}{2}$	5	6
„ Мелитопольскомъ	отъ 4 до 5 часовъ во всѣхъ классахъ.			
Екатерибургскомъ.	—	2—3	3—5	4—6

По среднему выводу изъ всѣхъ полученныхъ свѣдѣній оказывается, что въ большинствѣ учебныхъ заведеній для исполненія ежедневно задаваемыхъ ученикамъ домашнихъ работъ требуется въ приготовительномъ классѣ отъ 1 до 2 часовъ, въ двухъ низшихъ отъ 2 до 3, въ трехъ среднихъ отъ 3 до 4 и въ трехъ высшихъ классахъ отъ 4 до 5 часовъ.

И эта норма, особенно въ среднихъ и высшихъ классахъ, представляется слишкомъ высокою: послѣ пяти уроковъ въ заведеніи нельзя требовать отъ ученика еще пять часовъ обязательныхъ домашнихъ занятій.

Извлеченныя изъ доставленныхъ свѣдѣній указанія, въ связи съ нерѣдко повторяющимися сѣзоваціями на чрезмѣрное обременіе учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній домашними работами, свидѣтельствуя, что въ нѣкоторыхъ изъ сихъ заведеній вопросъ о домашнихъ занятіяхъ учениковъ оставляется безъ всякаго вниманія, что назначеніе домашнихъ работъ производится отдѣльными преподавателями безъ должнаго соображенія съ имѣющимся въ распоряженіи учениковъ досугомъ и безъ надлежащаго контроля со стороны классныхъ наставниковъ и ближайшаго учебнаго начальства. и что, вообще, упомянутыя выше указанія министерства остаются въ сихъ заведеніяхъ безъ должнаго примѣненія. При такомъ положеніи дѣла становится весьма затруднительнымъ достиженіе учебныхъ цѣлей. Кромѣ того, чрезмѣрное обремененіе дѣтей и юношей умственнымъ трудомъ и продолжительное лишеніе ихъ свободныхъ движеній, во время сидѣнія въ классѣ и приготовленія уроковъ дома, можетъ весьма вредно отразиться на физическомъ развитіи учениковъ, которое, несомнѣнно, заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ и развитіе умственное. Только вполне здоровая и бодрая молодежь можетъ въ желательной степени воспринимать преподаваемое ей, а потому правильное распредѣленіе учебныхъ занятій составляетъ коренное условіе успѣха въ ученіи.

Считая, въ виду сего, обязанностію обратить особенное вниманіе вашего превосходительства на необходимость правильной, согласно приведеннымъ выше узаконеніямъ министерства, постановки въ-классныхъ занятій учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній по приготовленію задаваемыхъ имъ уроковъ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь:

1. Озаботиться выясненіемъ причинъ, обуславливающихъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ ввѣреннаго вамъ учебнаго округа чрезмѣрное обремененіе учащихся домашними работами, сравнительно съ другими совершенно однородными заведеніями, и сдѣлать соотвѣтственное распоряженіе къ устраненію такового ненормальнаго положенія дѣла.

2. Принять мѣры къ возможному пониженію средняго количества времени, требуемаго для исполненія домашнихъ работъ въ разныхъ классахъ.

При тѣхъ указаніяхъ, которыя вы признаете нужнымъ предложить начальникамъ учебныхъ заведеній, слѣдуетъ обратить, между прочимъ, ихъ вниманіе на то, что излишняя продолжительность до-

машинныхъ занятій учениковъ часто обусловливается слѣдующими причинами:

а) Нерѣдко молодые преподаватели, недостаточно знакомые съ учебною практикою, съ общими дидактическими правилами, методикой избраннаго предмета и существующими по оному учебниками, не умѣютъ пользоваться надлежащимъ образомъ временемъ класснаго урока и не соразмѣряютъ своихъ требованій съ возрастомъ и силами учащихся и тѣмъ весьма обременяютъ учениковъ непосильнымъ трудомъ. Эти неправильности въ веденіи преподаванія, несомнѣнно, отзываются ущербомъ на усвоеніи учениками предмета и на ихъ успѣхахъ. Такіе учителя не должны быть оставляемы безъ наблюденія и руководственныхъ указаній со стороны директора и инспектора учебнаго заведенія.

б) Бываютъ преподаватели, назначающіе для домашняго усвоенія уроки, недостаточно разъясненные и не разработанные во время классныхъ занятій, что особенно неудобно въ низшихъ классахъ, такъ какъ малолѣтніе ученики, предоставленные самимъ себѣ, не только не овладѣваютъ въ должной мѣрѣ сообщаемымъ имъ матеріаломъ, но и теряютъ много времени на приготовленіе уроковъ, по неумѣнію взяться за дѣло. Поэтому учитель долженъ не только сообщать матеріалъ, но и разучивать уроки въ низшихъ классахъ въ классное время, въ остальныхъ же классахъ — подробно разъяснить ихъ.

в) Усвоеніе заданнаго, предварительно разученнаго или объясненнаго въ классѣ урока не представить для ученика особаго затрудненія, если онъ основательно знаетъ изъ пройденнаго все существенное, которое посему учитель и долженъ возможно чаще повторять на урокахъ.

г) Преподаватели русской словесности даютъ иногда такія темы, на которыя приходится писать обширныя сочиненія, да еще предварительно подыскивать разнаго рода источники. Совершенно достаточно, если ученикъ и высшаго класса толково напишетъ небольшое сочиненіе на основаніи такихъ пособій, которыя у него имѣются подъ рукой.

д) Преподаватели математики задаютъ иногда или очень много задачъ, или задачи для большинства учениковъ слишкомъ трудныя или, наконецъ, задачи заранѣе самимъ преподавателемъ не продѣланныя, при рѣшеніи которыхъ, вслѣдствіе какой либо опечатки, получаются сложныя вычисленія, не приводящія къ удовлетвори-

тельному результату. Малоопытный ученикъ бьется иногда безъ пользы надъ одною задачею болѣе часа и тѣмъ лишается возможности своевременно окончить другія работы.

е) Назначеніе домашнихъ занятій каждымъ преподавателемъ по своему усмотрѣнію, безъ выработаннаго въ классной комиссіи общаго плана, нерѣдко ведетъ къ значительному накопленію задаваемыхъ на домъ уроковъ по разнымъ предметамъ, посему въ распределеніи домашнихъ работъ должна быть установлена опредѣленная система, которая имѣла бы въ виду соразмѣрность задаваемого по объему и качеству съ силами учениковъ и количествомъ ихъ свободнаго времени, при чемъ должно быть доставлено ученикамъ больше отдыха, необходимаго въ ихъ возрастѣ, и возможность заняться дома нѣкоторыми предметами, дополняющими обученіе, какъ напримѣръ, музыкой, искусствами и т. п.

ж) Когда назначаются повторенія, то необходимо наблюдать, чтобы ученикамъ не приходилось повторять къ одному дню значительные отдѣлы по нѣсколькимъ предметамъ, а это часто не соблюдается.

3. Возложить на обязанность классныхъ наставниковъ и въ классное время и особенно при посѣщеніи ученическихъ квартиръ наставлять учащихся самихъ правильно распределять свои домашнія занятія и сообщать имъ приемы основательнаго и возможно легкаго приготовленія уроковъ, а также разъяснять встрѣчennыя ими недоразумѣнія въ урокахъ.

4. Предложить преподавателямъ обращать преимущественное вниманіе на учениковъ менѣе даровитыхъ и менѣе прилежныхъ и тѣмъ самымъ облегчать имъ прохожденіе курса, ибо эти-то ученики и нуждаются болѣе всего въ помощи и руководствѣ со стороны преподавателей.

5. Предложить начальствамъ учебныхъ заведеній неослабно наблюдать за назначеніемъ ученикамъ домашнихъ работъ и привлекать къ содѣйствію себѣ въ томъ дѣлѣ классныхъ наставниковъ и классныя комиссіи.

6. Установить опредѣленный порядокъ въ наблюденіи за назначеніемъ этихъ работъ, не предоставляя его случайному усмотрѣнію, а при ревизіяхъ учебныхъ заведеній обращать строгое вниманіе и на эту сторону учебнаго дѣла.

Сообщая о вышеизложенномъ вашему превосходительству, для надлежащаго руководства, долгомъ считаю присовокупить, что при

участливой заботливости начальствъ учебныхъ заведеній и при внимательномъ сердечномъ отношеніи къ дѣлу со стороны классныхъ наставниковъ. по моему мнѣнію, всегда возможно предотвратить или устранить всѣ подобныя затрудненія и, такимъ образомъ, снять съ учениковъ лишнее бремя съ несомнѣнною пользою какъ для умственнаго, такъ и для физическаго развитія учащихся.

13. (19-го іюня 1892 года). *Положеніе о стипендіи при Смоленской Маріинской женской гимназій имени бывшаго преподавателя русскаго языка и педагогики въ сей гимназій Георгія Александровича Пузыревскаго.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года при Смоленской Маріинской женской гимназій учреждается одна стипендія имени бывшаго преподавателя означенной гимназій Георгія Александровича Пузыревскаго на счетъ процентовъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго имъ съ этою цѣлью.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ одномъ закладномъ листѣ государственнаго дворянскаго земельного банка тысячерублеваго достоинства, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ или отдѣленіи государственнаго банка. въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода означеннаго билета въ тиражъ, попечительный совѣтъ гимназій замѣняетъ его другою 5‰ государственною бумагою, проценты съ которой и употребляются на тотъ же предметъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала. за удержаніемъ части причитающейся на основаніи закона 20 мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ въ обращеніи, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной ученицы; могущій же быть остатокъ выдается стипендіаткѣ на руки.

§ 4. Право на полученіе стипендіи имѣютъ ученицы старшихъ классовъ гимназій (начиная съ 5-го по 8-й классъ включительно). дѣти недостаточныхъ родителей всѣхъ сословій, православнаго исповѣданія, изъ уроженокъ Смоленской губерніи. отличнаго поведенія и хорошихъ успѣховъ. При наличности нѣсколькихъ кандидатокъ, преимущество отдается наиболѣе успѣвающей по русскому языку и педагогикѣ.

Примѣчаніе. Оставленіе на 2-й годъ въ томъ же классѣ лишаетъ ученицу права пользоваться стипендіей.

§ 5. Назначеніе стипендіи предоставляется педагогическому совету Смоленской Маріинской женской гимназій.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

14. (19-го іюня 1892 года). *Положеніе о стипендіяхъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени умершей вдовы действительнаго статскаго совѣтника Домны Андреевны Деменковой.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершей вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Домною Андреевною Деменковой капитала въ пятьдесятъ восемь тысячъ два рубля шестнадцать коп., за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20 мая 1885 года, учреждаются при Харьковскомъ университетѣ десять стипендій ея имени.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіи, согласно волѣ жертвовательницы, предоставляются по жребію бѣднѣйшимъ и способнѣйшимъ студентамъ Харьковскаго университета, принадлежащимъ къ одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, безъ различія факультетовъ, подъ условіемъ безукоризненной нравственности.

§ 4. Студентъ, коему назначена стипендія, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ, при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ.

§ 5. Размѣръ каждой стипендіи назначается въ двѣсти пятьдесятъ рублей въ годъ,

§ 6. Въ случаѣ пониженія процентовъ, получаемыхъ на стипендіальный капиталъ, число стипендій можетъ быть соответственно уменьшено при оставленіи того же, установленнаго жертвовательницею размѣра въ 250 рублей.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Могушіе образоваться остатки присоединяются къ основному капиталу.

15. (24-го іюня 1882 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени гоф-маршала двора Ею Императорскаго Величества, князя Владиміра Сергѣевича Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго при С.-Петербургскихъ городскихъ училищахъ по положенію 31 мая 1872 года.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года учреждаются при С.-Петербургскихъ городскихъ училищахъ по положенію 31 мая 1872 года стипендіи имени гофмаршала двора Ею Императорскаго Величества, князя Владиміра Сергѣевича Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, на счетъ процентовъ съ капитала въ три тысячи рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью вдовою покойнаго княгиню Оболенскую.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ втораго восточнаго займа, оставался навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за исключеніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются для взноса платы за ученіе въ городскихъ училищахъ учениковъ изъ дѣтей придворнослужителей Высочайшаго Двора въ томъ количествѣ, отдѣльныхъ стипендій, какое можетъ образоваться сообразно съ причитающимися процентами съ внесеннаго капитала.

§ 4. Стипендіями могутъ пользоваться лишь тѣ ученики городскихъ училищъ, которые при успѣхахъ и отличномъ поведеніи удостоиваются перевода изъ класса въ классъ.

Примѣчаніе. Оставшіеся на второй годъ въ томъ же классѣ по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ не лишаются права полученія стипендіи.

§ 5. Полученіе стипендіи не налагаетъ на учениковъ никакихъ особыхъ обязательствъ.

§ 6. Остатокъ, могущій образоваться отъ процентовъ, за невыдачей стипендій, причисляется къ капиталу для приращенія онаго.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія городскихъ училищъ въ иной типъ учебныхъ заведеній, стипендіи переходятъ для учениковъ изъ дѣтей придворнослужителей Высочайшаго двора въ эти или другія соотвѣтственныя учебныя заведенія.

§ 8. Капиталъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ получить иного, кромѣ указаннаго симъ положеніемъ назначенія.

§ 9. Выборъ учениковъ на стипендіи предоставляется гофмаршалу Высочайшаго двора.

16. (2 іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имени умершаго Маріупольскаго купца Кирилла Спиридоновича Таманова.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершимъ маріупольскимъ купцомъ Кирилломъ Спиридоновичемъ Тамановымъ капитала въ пятнадцать тысячъ четыреста рублей, за удержаніемъ государственнаго налога по закону 20 мая 1885 года, учреждается при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ 4% облигаціяхъ внутренняго займа, хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предоставляется сиротамъ или дѣтямъ бѣдныхъ родителей изъ грековъ г. Маріуполя и Маріупольскаго уѣзда, преимущественно же изъ городскихъ, безъ различія факультетовъ, на общихъ для назначенія стипендій основаніяхъ. При неимѣніи указанныхъ лицъ стипендія предоставляется православнымъ студентамъ изъ г. Маріуполя, принадлежащимъ къ другимъ національностямъ.

§ 4. Выборъ кандидатовъ въ стипендіаты предоставляется Маріупольской городской Думѣ или, по упраздненіи ея, соответствующему учрежденію. Назначеніе стипендіата принадлежитъ, на общемъ основаніи, правленію университета.

§ 5. Студентъ, которому назначена стипендія, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ учебныхъ занятіяхъ.

§ 6. Размѣръ стипендіи, согласно волѣ жертвователя, опредѣляется въ 600 рублей въ годъ, соответственно чему при недостаткѣ ежегодныхъ процентовъ съ капитала для образованія таковой стипендіи, а также въ случаѣ пониженія доходности съ сего капитала назначеніе стипендіи приостанавливается до времени, пока стипендіаль-

ный капиталъ отъ приращенія процентами достигнеть суммы, достаточной для выдачи стипендіи вышеуказаннаго размѣра.

§ 7. Излишекъ отъ выдачи стипендіи раздается по соглашенію Мариупольской городской думы съ правленіемъ университета студентамъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей изъ грековъ г. Мариуполя и Мариупольскаго уѣзда, при неимѣніи же таковыхъ, православнымъ дѣтямъ жителей Мариуполя, безъ различія національностей.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

17. (2 іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аркадія Капитоновича Тимашева при пансіонѣ Астраханской мужской гимназій.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

§ 1. На проценты съ капитала въ 2198 р. 3 к., пожертвованнаго киргизами внутренней киргизской орды, при пансіонѣ Астраханской мужской гимназій учреждается стипендія имени бывшаго предсѣдателя временнаго совѣта по управленію временною киргизскою ордою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Аркадія Капитоновича Тимашева.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неотъемлемую собственность Астраханской гимназій и хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназій, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ въ казну 5%, государственнаго сбора по закону 20 мая 1885 года, назначаются на плату за содержаніе въ пансіонѣ названной гимназій одного воспитанника изъ дѣтей бѣдныхъ киргизовъ внутренней киргизской орды.

§ 4. Если получаемыхъ съ капитала процентовъ окажется недостаточно для внесенія платы за содержаніе въ пансіонѣ воспитанника, то желающій пользоваться стипендіею долженъ недостающую сумму уплачивать изъ своихъ средствъ.

§ 5. Стипендіатъ назначается по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназій, при чемъ временному совѣту по управленію внутреннею киргизскою ордою, а въ случаѣ преобразования управленія орды астраханскому губернатору, предоставляется представлять каждый разъ своихъ кандидатовъ.

§ 6. Стипендіатъ въ случаѣ неодобрительнаго поведенія или малоуспѣшности лишается, по постановленію педагогическаго совѣта, права пользованія стипендіей.

18. (10 іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени преосвященнаго Владиміра бывшаго старорусскаго, викарія новгородскаго, нынѣ епископа самарскаго, при Новгородскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.*

Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 года учреждаются при Новгородскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ двѣ стипендіи имени епископа самарскаго, бывшаго старорусскаго, Владиміра—на счетъ процентовъ съ капитала въ 300 руб., пожертвованнаго съ этою цѣлью новгородскимъ городскимъ обществомъ.

2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ 4% облигаціи третьяго внутренняго займа, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность Новгородскаго городского училища, и хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

3. Въ случаѣ преобразованія Новгородскаго городского трехкласснаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендіи епископа Владиміра переносятся во вновь преобразованное училище.

4. Право избранія стипендіатовъ изъ бѣдныхъ приходящихъ учениковъ, лучшихъ по успѣхамъ и поведенію, безъ различія сословія, изъ дѣтей обывателей г. Новгорода, православнаго вѣроисповѣданія, принадлежитъ педагогическому совѣту училища, постановленіе котораго утверждается директоромъ народныхъ училищъ. Въ засѣданіе совѣта по этому предмету приглашается городской голова, а объ избранныхъ, ихъ успѣхахъ и поведеніи доводится до свѣдѣнія епископа Владиміра.

5. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, употребляются на взносъ платы за право ученія стипендіатовъ.

6. Могущія образоваться сбереженія отъ стипендій, по случаю временнаго незаѣщенія оныхъ или по какимъ либо другимъ причинамъ, присоединяются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе

стипендіатамъ, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища. на приобрѣтеніе учебныхъ пособій.

7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

19. (18 іюля 1892 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго мирового судьи нухинскаго мирового отдѣла, Гавріила Іосифовича Гвиніева при Нухинскомъ городскомъ училищѣ.*

(утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищемъ министра).

1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5 декабря 1881 года учреждается при Нухинскомъ городскомъ училищѣ одна стипендія имени Гавріила Іосифовича Гвиніева, въ признательность общества за труды его по должности мирового судьи на проценты съ капитала въ сто рублей, пожертвованнаго съ этою цѣлью обществомъ г. Нухи.

2. Стипендіальный капиталъ, по обращенію его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Нухинскаго городского училища.

3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ части, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются для выдачи избранному стипендіату на приобрѣтеніе учебныхъ пособій. Могуцій же отъ нихъ образоваться остатокъ выдается стипендіату на другія нужды.

4. Выборъ стипендіата изъ воспитанниковъ училища, отличающихся безукоризненнымъ поведеніемъ и хорошими успѣхами, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, предоставляется педагогическому совѣту училища.

5. Въ случаѣ преобразованія Нухинскаго городского училища въ другое, стипендіальный капиталъ остается неприкосновенною собственностью преобразованнаго училища, а проценты сохраняютъ свое назначеніе.

6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Утверждены: экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: томскаго—надворный совѣтникъ *Репревъ* и дерптскаго—*Карышевъ*—ординарными профессорами сихъ университетовъ по зани-

жаемымъ ими каедрѣмъ: первый—общей патологій и послѣдній—политической экономіи, оба съ 30-го мая 1892 года; исправляющій должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, коллежскій ассесоръ *Гамильтонъ*—въ сей должности, съ 6-го іюня 1892 г.; исполняющій обязанности инспектора Тюменскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Панновъ*—директоромъ Омскаго низшаго механико-техническаго училища, съ 1-го апрѣля 1892 г.; бѣльскій купецъ *Рязниковъ*—почетнымъ попечителемъ Бѣльской шестиклассной прогимназіи, на три года.

Назначены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Лунякъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по каедрѣ классической филологіи, съ 1-го мая 1892 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Феноменовъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета по записываемой имъ каедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней, съ 1-го іюня 1892 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Образцовъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Томскаго университета по каедрѣ дерматологій съ сифилидологіею, съ 1-го мая 1892 г.; адъюнкты-профессоры Харьковскаго практическаго технологическаго института: коллежскій совѣтникъ *Лидовъ*—профессоромъ химической технологіи того же института, съ 1-го мая 1892 г.; и *Зерновъ*—профессоромъ прикладной механики Императорскаго Московскаго технического училища, съ 22-го мая 1892 г.

Определены: дѣлопроизводитель VIII класса департамента Народнаго Просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Драницынъ*—дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 14-го мая 1892 г.; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Яковъ *Колубовскій*—на службу въ Министерство Народнаго просвѣщенія, причисленнымъ къ оному и съ откомандированіемъ для занятій въ Императорскую Публичную бібліотеку, съ 28-го мая 1892 года.

Перемѣщены: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета по каедрѣ оперативной хирургіи и топографической анатоміи, статскій совѣтникъ *Тауберъ*—тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ госпитальной хирургической клиники сего университета, съ 30-го мая 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета по каедрѣ государственнаго права, статскій совѣтникъ *Сокольскій*—тѣмъ же званіемъ на кафедрѣ исторіи русскаго

права сего университета, съ 13-го мая 1892 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ русскаго языка, статскій совѣтникъ *Кулаковский* — тѣмъ же званіемъ на кафедре славянскихъ нарѣчій сего университета, съ 22-го мая 1892 г.; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета по кафедрѣ исторіи русскаго права *Ренненкампфъ* — тѣмъ же званіемъ на кафедре государственнаго права сего университета, съ 13-го мая 1892 года.

Оставлены на службѣ: директоръ Оренбургскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Титковъ*, съ 1-го февраля, и директоръ Красноярской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Савенковъ*, съ 26-го мая 1892 г., — оба на два года; директоръ Динабургскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Князевъ*, съ 5-го апрѣля 1892 г., — на три года; директоръ Кишиневской первой гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соловьевъ*, по 1-е іюля 1895 г.; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Навроцкій*, съ 1-го апрѣля 1892 г., и С.-Петербургскаго — статскій совѣтникъ *Бобылевъ*, съ 22-го августа 1891 г., и законоучитель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, протоіерей *Образцовъ*, съ 18-го ноября 1891 г., — всѣ трое на пять лѣтъ, и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, протоіерей *Горчаковъ* — по выслугѣ 30 лѣтъ по учебной части, съ 28-го мая 1892 г.

Командированы съ ученою цѣлью: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, статскій совѣтникъ *Тихомировъ*, въ Москву, съ 1-го по 18-е августа 1892 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Ждановъ* и астрономъ-наблюдатель сего же университета *Тачаловъ*, въ разныя губерніи, по 28-е іюня 1892 г.; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, статскій совѣтникъ *Васильевъ*, въ Москву, съ 1-го августа по 1-е сентября 1892 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго университета *Фирсовъ*, въ С.-Петербургъ и Москву, на полтора мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, статскій совѣтникъ *Смирновъ*, внутри Россіи, по 1-е августа 1892 г.; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иностранцевъ*, на Уралъ, и Дерптскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Висковатовъ*, внутри Имперіи, и исправляющій должность экстраор-

динарнаго профессора сего же университета *Малмбергъ*, внутри Имперіи,—всѣ трое на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета *Лазоріо*, въ Крымъ, на лѣтнее вакаціонное время 1892 г. и 28 дней; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Незелейновъ*, въ разныя губерніи, по 1-е октября 1892 г.; помощникъ профессора Императорскаго Московскаго университета, титулярный совѣтникъ *Штейнъ*, на рыбные промыслы, по 1-е сентября 1892 г.; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, статскій совѣтникъ *Краузе* и доценты сего же института: коллежскій ассессоръ *Бранке* и коллежскій секретарь *Придороинъ*,—всѣ трое по Россіи, на одинъ годъ; изъ нихъ послѣдній съ 1-го сентября 1892 года.

Уволены въ отпускъ: а) въ Россіи: директоръ Казанской третьей гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Иноземцевъ* — на двѣ недѣли; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Егоровъ* — на 28 дней, исправляющій должность директора Молодечненской учительской семинаріи надворный совѣтникъ *Оуейскій* — съ 1-го по 29-е іюля 1892 г.; директоры дирекцій народныхъ училищъ: Гродненской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Модестовъ* и Ковенской — статскій совѣтникъ *Николаевскій*, директоръ Полоцкой учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Смирновъ* и директоръ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, коллежскій секретарь *Зынецъ*, — всѣ четверо на одинъ мѣсяцъ; директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, статскій совѣтникъ *Раевъ* — съ 20-го іюня по 1-е августа 1892 г.; ректоръ Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Щелковъ*, помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Латышевъ*, окружные инспекторы учебныхъ округовъ: Кавказскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шённеръ* и Оренбургскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Чеховичъ*, директоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Раевскій*, начальникъ Варшавской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Родевичъ*, директоры народныхъ училищъ: Кубанской области — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Блюдовъ*, Эриванской и Елисаветпольской губерніи — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Орловъ* и Кутаисской губерніи — статскій совѣтникъ *Левитскій*, инспекторъ училищъ города Варшавы, статскій совѣтникъ *Ива-*

новъ, директоръ Θεодосійскаго учительскаго института, статскій совѣтникъ *Малиновскій*, по департаменту народнаго просвѣщенія: дѣлопроизводители: V класса: коллежскіе совѣтники: *Камчатовъ* и *Талантовъ*, VII класса: надворные совѣтники: *Лезевицъ* и *Драницинъ* и VIII класса, надворный совѣтникъ *Моревъ*, журналистъ, коллежскій ассессоръ *Дьяковъ*, бухгалтеръ, коллежскій ассессоръ *Пяткинъ*, помощники дѣлопроизводителей, титулярные совѣтники: *Стерковъ* и *Никифоровъ* и канцелярскій чиновникъ, коллежскій регистраторъ *Вележевъ*,—всѣ двадцать одно лицо на два мѣсяца; ректоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Никитинъ* и директоръ Нижегородской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Миротворцевъ*,—оба по 10-е августа 1892 г.; начальница Казанской Ксєніинской женской гимназіи *Камкова*, съ 25-го мая по 7-е августа 1892 г.; инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цивильковъ*; причисленные къ Министерству Народнаго Просвѣщенія: титулярный совѣтникъ *Губинъ* и коллежскій секретарь *Лось*,—всѣ трое на три мѣсяца; начальница Петрозаводской женской гимназіи *Ульяшенкова*—съ 4-го іюня по 15-е сентября 1892 г.; причисленный къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эберманъ* и директоръ Красноярской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Савенковъ*,—оба на четыре мѣсяца; на *лѣтнее вакаціонное время 1892 г.*: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Совѣтовъ*, инспекторы студентовъ Императорскихъ университетовъ: Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Альбрехтъ* и Новороссійскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Балдинъ*, инспекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Барсовъ*, директоры гимназій: С.-Петербургскихъ: третьей—тайный совѣтникъ *Лемоніусъ* и десятой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Костевъ*, Виленской второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бржезинскій*. Херсонской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кустовскій*. Киевской четвертой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Михайловъ*, Немировской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тихомировъ*, Черняговской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кизимовскій*, Глуховской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лазаренко*, Александровской Сумской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сибилевъ*. Владикавказской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, Разом-

ской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смородиновъ*, Варшавской четвертой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ваккеръ*, Николаевской Александровской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Балыкъ*, Кронштадтской—статскій совѣтникъ *Козеко*, Варшавской третьей—статскій совѣтникъ *Соколовъ*, Прагской—статскій совѣтникъ *Водолазинъ*, Сѣдлецкой—статскій совѣтникъ *Абрамовичъ*, Ломжинской—статскій совѣтникъ *Семеновъ*, Кишиневской второй—статскій совѣтникъ *Алаевъ*, Мариупольской—статскій совѣтникъ *Тимошевскій*, Керченской Александровской—статскій совѣтникъ *Яблонскій*, Златопольской—статскій совѣтникъ *Турчаковский*, Царицынской Александровской—статскій совѣтникъ *Третьяковъ*, Корочанской Александровской—статскій совѣтникъ *Миротворцевъ*, Новочеркасской—статскій совѣтникъ *Пятницкій*, Оеодосіейской—статскій совѣтникъ *Виноградовъ*, Оренбургской — статскій совѣтникъ *Сатурновъ*, Екатеринбургской—статскій совѣтникъ *Оедоровъ*, Императора Александра III въ Болградѣ—коллежскій совѣтникъ *Орловъ*, Шавельской — коллежскій совѣтникъ *Свиртълинъ*, Житомирской—надворный совѣтникъ *Сидоровъ* и Екатеринославской — *Андреевскій*, директоръ Бакинской Маріинской женской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Денферъ*, начальницы женскихъ гимназій: Череповской—*Востинская*, Сарapulьской—*Крелленбергъ*, Ставропольской-Ольгинской—*Пеньковская* и Бакинской Маріинской—*Латкина*, директоры прогимназій: Херсонской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Супруненко*, Аккерманской — статскій совѣтникъ *Друговъ*, Александровской Борисоглѣбской—статскій совѣтникъ *Вязьминъ*, Острожской—статскій совѣтникъ *Горкуновъ*, Уманской — статскій совѣтникъ *Карсунскій* и Гомельской — статскій совѣтникъ *Покровский*, директоры реальныхъ училищъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кацауровъ*, Астраханскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Виноградскій*, Минскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Самойло*, Николаевскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тарановичъ*, Бакинскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Каменскій*, Кронштадтскаго—статскій совѣтникъ *Фридрихсбергъ*, Динабургскаго — статскій совѣтникъ *Князевъ*, Пинскаго—статскій совѣтникъ *Циклинскій*, Тверскаго—статскій совѣтникъ *Зенеръ*, Сарapulьскаго—статскій совѣтникъ *Генкель*, Новозыбковскаго—статскій совѣтникъ *Жука*, Кременчугскаго-Александровскаго — статскій совѣтникъ *Дзюблевскій-Дзюбенко*, Вольскаго—статскій совѣтникъ *Ионинъ-Батемировъ*, Воронежскаго—статскій совѣтникъ *Вязиревъ*, Тамбовскаго — статскій совѣтникъ *Заринскій*, Кіевскаго—статскій совѣтникъ *Гольдерекеръ*, Елабужскаго—стат-

скій совѣтникъ *Десницкій*, Сумскаго — статскій совѣтникъ *рицый*, І Екатеринбургскаго—Алексѣевскаго—статскій совѣтникъ *Стешинъ*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ — статскій совѣтникъ *Каминскій*, и Ростовскаго-на-Дону Петровскаго — *Сарандинаки*, исправляющій должность директора Мелитопольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Зайкевичъ*, директоръ Одесскаго коммерческаго училища, статскій совѣтникъ *Боровскій*, директоры учительскихъ институтовъ: Казанскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Парамоновъ* и Виленскаго—коллежскій совѣтникъ *Богоявленскій*, директоры учительскихъ семинарій: Вольской — дѣйствительный статскій совѣтникъ *Зимницкій*, Новобургской — статскій совѣтникъ *Крыловъ*, Кубанской—статскій совѣтникъ *Горошко*, Херсонской—статскій совѣтникъ *Леонтовичъ*, Преславской—статскій совѣтникъ *Уаровъ* Дерптской—коллежскій совѣтникъ *Тихомировъ*; *сверхъ лѣтняго вакаціоннаго времени 1892 года*: директоръ Маріампольской мужской гимназій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гевескій* — на семь дней; директоръ Александровской Старобѣльской гимназій, статскій совѣтникъ *Преображенскій* — на десять дней; ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Смирновъ*, директоръ Ростовской-на-Дону гимназій, статскій совѣтникъ *Филитовъ* и директоры реальныхъ училищъ: Костромскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Булака* и Новгородскаго—статскій совѣтникъ *Кошелевъ*,—всѣ четверо на 28 дней; 6) *въ Россіи и за границу*: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ графъ *Мусинъ-Пушкинъ* и секретарь совѣта Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ *Нескій*, — оба на два мѣсяца; директоры гимназій: Варшавскихъ: второй—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Троицкій*, пятой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Канскій* и шестой — статскій совѣтникъ *Истоминъ*, Лодзинской—статскій совѣтникъ *Рождественскій* и Кіево-Печерской—статскій совѣтникъ *Петръ* и директоръ Херсонскаго реального училища, статскій совѣтникъ *Месняевъ*, — всѣ шестеро на лѣтнее вакаціонное время 1892 г., и директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Канановъ*—на лѣтнее вакаціонное время 1892 года и 28 дней; и в) *за границу*: врачъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Вольбергъ* — на 28 дней, съ 1-го іюля 1892 г.; завѣдывающая Введенскимъ женскимъ приходскимъ училищемъ въ С.-Петербургѣ *Л. Богданова* и учительница того же училища *Н. Богданова*—обѣ на одинъ

мѣсяцъ; помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ*—съ 29-го мая по 20-е іюля 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Козъ*—съ 18-го мая по 12-е іюля 1892 г.; вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Эзовъ*, почетный попечитель Екатеринославской гимназін, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ *Миклашевскій*, ассистенты Императорскаго Дерптскаго университета: *Головки* и *Тохтерманъ*, сверхштатный ординаторъ хирургической госпитальной клиники Императорскаго Варшавскаго университета *Файтъ*, врачъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института *Бертельсъ*, писмоводитель Костромскаго реальнаго училища *Жадовскій*, дежурный при читальномъ залѣ бібліотеки Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ *Калишевскій*, надзирательница Варшавской женской прогимназін *Каткова* и завѣдывающій Ковенскимъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ *Рудманъ*, — всѣ десятеро на два мѣсяца; врачъ С.-Петербургской восьмой гимназін, коллежскій ассессоръ *Тереженко*, врачъ Бердянскихъ мужской и женской гимназій *Гольдштейнъ*, почетный попечитель Аккерманской прогимназін *Огемилли*, — всѣ трое на время лѣтнихъ ваканцій 1892 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*—съ 1-го іюня по 3-е августа 1892 г.; класная дама Сувалкской женской гимназін *Индишевская* — съ 10-го іюня по 15-е августа 1892 г.; ассистентъ Императорскаго Дерптскаго университета *Гринфельдъ* — съ 1-го іюня по 12-е августа 1892 г.; директоръ высшихъ женскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Кулинъ*—съ 1-го іюня по 15-е августа 1892 г.; профессоръ Императорскаго Московскаго техническаго училища, губернский секретарь *Худяковъ*—съ 1-го іюня и на лѣтнее ваканціонное время 1892 г.; учитель приготовительнаго класса Гродненскаго начальнаго еврейскаго училища *Рефесъ* — съ 25-го мая по 10-е августа 1892 г.; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ *Цецефонъ-Мантейфель* — съ 23-го мая по 15-е августа 1892 г.; директоръ Пензенскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Мясондовъ*—съ 20-го мая и на лѣтнее ваканціонное время 1892 г.; врачъ Петровскаго Ростовскаго-на-Дону реальнаго училища, надворный совѣтникъ *Сарсеръ* — на время лѣтнихъ ваканцій 1892 г. и 28 дней; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія статскій, со-

вѣтникъ *Мусселиусъ*—по 1-е сентября 1892 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Мещерскій*—съ 20-го мая по 20-е августа 1892 г.; преподаватель Сызранскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Визманъ*—съ 1-го іюня по 1-е сентября 1892 г.; почетный смотритель Нахичеванскаго городского училища, коллежскій ассесоръ *Саркисовъ*—на три мѣсяца; ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Востоковъ* и св. Владимира—статскій совѣтникъ *Борнауитъ*—съ 15-го мая и на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.; лекторъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ *Флерн*—съ 10-го мая и на лѣтнее вакаціонное время 1892 г., и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и откомандированный для занятій въ Московскій публичный и Румянцовскій музей, коллежскій секретарь *Мазаровичъ*—на четыре мѣсяца; на лѣтнее вакаціонное время 1892 г.: ординарные профессеры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Янжулъ* и статскій совѣтникъ *Соколовъ*, св. Владимира—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Цитовичъ*, Варшавскаго—дѣйствительные статскіе совѣтники: *Будиловичъ* и *Зиловъ* и не имѣющій чина *Ульяновъ* и Дерптскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Мюлау* и статскіе совѣтники: *Мукке*, *Кюбертъ*, *Тома*, *Кюстнеръ*, *Барфуртъ*, *Шуръ*, *Кнезеръ* и *Риуберъ*, ординарные профессеры Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Астафьевъ* и *Миллеръ*, профессеры С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительные статскіе совѣтники: *Бельштейнъ*, *Тавилдоровъ* и *Вылещинскій*, библиотекари Императорской публичной библиотеки: тайный совѣтникъ *Стасовъ* и дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кептенъ*, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вейсманъ*, исправляющіе должности экстраординарныхъ профессоровъ Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго—*Ренненкампфъ* и Дерптскаго—*фонъ-Роландъ*, адъюнкты-профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ *Детъ* и лаборантъ сего института *Явейнъ*, ассистентъ астрономической обсерваторіи Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Грофе*, библиотекарь сего университета *Шлютеръ*, доценты Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—*Езбера* и Дерптскаго—статскіе совѣтники: *Бербома* и

Мазинъ, надворный совѣтникъ *Штадельманъ* и *Зеберъ*, директоръ Рижскаго политехническаго училища *Гренбергъ*, профессора сего училища: *Кизерицкій*, *Ловисъ*, *Моль*, *Бекъ*, *Мальхеръ*, *Глазенацъ*, *Томсъ*, *Ливенталь*, *Пфуль*, *фонъ-Книримъ*, *Кохъ*, *Грюблеръ*, *Морманъ*, *Бишофъ* и *Шиндлеръ*, директора гимназій: С.-Петербургской восьмой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Моръ*, Ченстоховской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дажновичъ*, Люблинской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сынгалевицъ*, Кѣлецкой—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Лавровскій*, Калишской—дѣйствительный статскій совѣтникъ *Семеновичъ* и Московской первой—статскій совѣтникъ *Гобза*, директоръ частныхъ гимназій и реальнаго училища въ С.-Петербургѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гуревичъ*, директоръ Поневѣжскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Лебедевъ*, директоръ С.-Петербургскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сентъ-Илеръ*, помощникъ директора рижской городской гимназій, статскій совѣтникъ *Гензель*, инспекторъ Либавской Николаевской гимназій, статскій совѣтникъ *Шенъ*, исполняющій обязанности инспектора Варшавской второй гимназій, статскій совѣтникъ *Славицкій*, завѣдывающій Кѣлецкою женскою гимназіею, учитель сей гимназій, коллежскій совѣтникъ *Аничковъ-Платоновъ*, инспекторъ Бакинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Твердый*, инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ *Картовъ*, старшій учитель лиція Цесаревича Николая въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гринмутъ* и младшій надзиратель сего лиція, коллежскій секретарь *Яворовскій*, преподаватель гимназій при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, статскій совѣтникъ *Фортунатовъ*; преподаватели гимназій: С.-Петербургскихъ: пятой—*Гошперонъ-де-ля-Фоссъ*, шестой — *Кабеле*, десятой — коллежскіе совѣтники: *Струнке* и *Гризаръ* и частной доктора Видемана—*Нейманъ* и *де-Ремакеръ*, Нарвской—*Мейеръ*, Рижской городской—коллежскій ассессоръ *Данненбергъ* и *Лизтаровичъ*, Либавской Николаевской—статскій совѣтникъ *Гессъ*, Аренбургской—надворный совѣтникъ *Фрейтагъ*, Императора Александра II въ Биркенру — *Мейнрихъ* и *Броншаръ*; Кіевскихъ: первой—*Григоровичъ* и четвертой—статскій совѣтникъ *Козловскій* и *Юскевичъ-Красовскій*, Московской первой — коллежскій совѣтникъ *Конюсъ*, Орловской — статскій совѣтникъ *Мало*, Люблинской — статскіе совѣтники *Толубевъ* и *Алехтевичъ*, Минской—статскій совѣтникъ *Булле*, Виленской первой—коллежскій совѣтникъ *Очастливцевъ*; Варшавскихъ: первой — коллежскій совѣтникъ *Михалевичъ* и

третьей—*Уздовскій*, Прагской—коллежскій совѣтникъ *Боровскій*, Радомской—*Нуларедъ*, Ченстоховской—*Грабовскій*, Коссовскій, *Вейсъ* и *Влодарскій*, Харьковской третьей—коллежскій ассессоръ *Межлаукъ*, Астраханской—*Фуксъ*, Лубенской—*Андерле*, Херсонской—*Шитинскій* и Петръ *Марекъ*; Кишиневскихъ: первой—Войтъхъ *Марекъ* и второй—*Бонне*, Мариупольской—*Голейшевскій*, Николаевской Александровской—*Шуми* и *Кейзларъ*, Одесской второй—*Люте* и Ставропольской—*Юртеле*; преподаватели женскихъ гимназій: Лодзинской—статскій совѣтникъ *Жуковъ*, Кѣлецкой—*Говорко*, Рижской Ломоносовской—*Телухинъ*, Одесской Маріинской—*Дренеръ* и Пермской Маріинской—*Марцъ*; преподавательницы женскихъ гимназій: Одесской второй—*Бродецкая*, Роменской—*Шевчикъ* и Харьковской Вознесенской—*Бренфо*; воспитательницы женскихъ гимназій: частной княгини Оболенской въ С.-Петербургѣ—*Герстфельдъ* и Варшавской первой—*Веберъ*, классная дама Варшавской четвертой женской гимназіи *Луцицкая*, надзирательница Одесской второй женской гимназіи *Головкинская*, преподаватели прогимназій: Варшавской второй—статскій совѣтникъ *Липинскій*, Кутаисской—коллежскій ассессоръ *Вернеръ*, Херсонской—*Индра* и Павлоградской—*Пасоло*, преподаватели реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—*Леве*, Кронштадтскаго—*Бувъе*, Кіевскаго—статскій совѣтникъ *Мысливицъ*, Тифлисскаго—статскій совѣтникъ *Микеладзе*, Рижскаго городского—статскіе совѣтники: *Реймерсъ* и *Эккардъ*, коллежскій совѣтникъ *фонъ-Бютнеръ*, надворные совѣтники: *Вассеръ* и *Пилеманъ*, *Суслинъ* и *Бестбергъ*, Рижскаго Императора Петра I коллежскій совѣтникъ *Штепанекъ*, Либавскаго—надворный совѣтникъ *Демме*, Пермскаго Алексіевскаго—надворный совѣтникъ *Фюреръ*, Варшавскаго: *Бялекъ*, *Климъ*, *Домбровскій* и *Клавель*, Смоленскаго Александровскаго—*Сидлеръ*, Минскаго—*Пинеръ*, Роменскаго—*Каура*, Сумскаго—*Циценко*, Николаевскаго—*Генель* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ—*Жуковский*, помощникъ классныхъ наставниковъ частнаго реального училища Гуревича въ С.-Петербургѣ, надворный совѣтникъ *Поцълуевъ*; преподаватели училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквяхъ: св. Екатерины въ С.-Петербургѣ—*Оре* и св. Петра и Павла въ Москвѣ—коллежскій совѣтникъ *Шпанъ*, надворный совѣтникъ *Леонарди* и *Эссениутъ*; преподаватели Комиссаровскаго-техническаго училища въ Москвѣ: статскій совѣтникъ *Пыушевъ* и коллежскій ассессоръ *Рашковъ*, преподаватель (Одесскаго коммерческаго училища *Тарапановъ* и преподаватель Рижскаго городского женскаго училища, статскій совѣтникъ *Глазенаппъ*;

сверхъ лѣтнюю ваканціоннаго времени 1892 года: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ *Роземъ* и исполняющій обязанности инспектора Варшавской пятой мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Стефановичъ*,—оба на десять дней; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шеруль*, преподавателя гимназій: Витебской—статскій совѣтникъ *Глѣбовъ* и митавской—коллежскій совѣтникъ *Гижницкій* и законоучитель евангелическо-лютеранскаго исповѣданія Аренбургской гимназіи *Ринне*,—всѣ четверо на четырнадцать дней; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фишеръ-фонъ-Вальдгеймъ*—на пятнадцать дней; доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ *Кесслеръ*—на шестнадцать дней; директоръ Бѣлостокскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Витте*—на двадцать дней; начальница Волчанской женской прогимназіи *Шароградская*—на двадцать одинъ день; временный преподаватель Императорскаго Варшавскаго университета, тайный совѣтникъ *Лямбль*, ординарный профессоръ того же университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *фонъ-Траутфеттеръ*, директоръ Волчанской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Хорошевскій*, преподавателя гимназій: Елисаветградской—*Кончинскій*, Ревельской Императора Николая I—*Шпретель* и Дерптской—*Змиродскій* и преподаватель Елабужскаго реальнаго училища *Емельяновъ*,—всѣ семеро на двадцать восемь дней.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: директору Харьковскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительному статскому совѣтнику *Кирпичеву* и профессорамъ сего института: статскимъ совѣтникамъ *Зубашеву* и *Гемиліану* и коллежскому совѣтнику *Лидову*, за устройство ими разныхъ частей названнаго института; товарищу прокурора могилевскаго окружнаго суда *Скандову*, за усердіе его къ дѣлу народнаго образованія; Феодосійской городской думѣ, за постоянную ея заботливость о нуждахъ Феодосійскаго городского трехкласснаго училища; законоучителю двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Троице-Нерли, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи, священнику *Травину*, за его труды и пожертвованія по постройкѣ зданія для названнаго училища; титулярному совѣтнику *Орлову*, за его безвозмездное четырехлѣтнее преподаваніе гимнастики въ

начальныхъ училищахъ города Саратова; землевладѣлицъ Стерлита-макскаго уѣзда, Уфимской губерніи, дворянкѣ *Левашевой*, за сдѣланныя ею пожертвованія въ пользу Михайловскаго начальнаго училища тѣхъ же губерніи и уѣзда.

Исключенъ изъ списковъ умершій: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ и профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Имшенецкій*.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Журналъ, издаваемый *М. Н. Глубоковскимъ* подъ заглавіемъ: „Наука и жизнь. Общепонятно-научный иллюстрированный журналъ за 1891 годъ. Москва. Въ 4-ю д. л.“ — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова*. Книга пятая. С.-Пб. 1892. стр. 520. Цѣна 2 руб. 50 коп.“ — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, для старшаго возраста, библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Латинская грамматика *Ходобалъ*. Курсъ гимназическій. Изданіе 10-е, обработанное *Андреємъ Адольфомъ*, учителемъ Московской 3-й гимназіи. М. 1892, стр. 218. Цѣна 1 руб.“ — одобрить въ качествѣ руководства по латинскому языку для гимназій и прогимназій министерства.

— Книги: „Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи, греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій составилъ *Э. Черный*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Часть II. Спряжение глаголовъ на *μ* и неправильныхъ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1892, стр. 148. Цѣна 60 коп.“ и „Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству *П. Везенера* и другимъ, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ, составилъ *Э. Черный*. Изданіе 7-е, исправленное. М. 1892, стр. 280. Цѣна

1 руб. 30 коп.“—одобрить въ видѣ учебныхъ пособій по греческому языку для гимназій министерства.

— Брошюру: „Методъ веденія упражненій въ механизмѣ вычисленій надъ цѣлыми отвлеченными числами. (Пособіе для преподавателей низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ В. Ипатовъ. 1891, стр. 34“ — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ, какъ полезное пособие для преподавателей арифметики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Арифметическій задачникъ для начальныхъ училищъ и приготовительныхъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ Г. Вишневскій, инспекторъ народныхъ училищъ Казанской губерніи. Казань. 1891, стр. II + 123 + III. Цѣна 35 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго пособия при прохожденіи арифметики въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ Е. Пржевальскій, преподаватель 3-го военного Александровскаго училища. Изданіе 4-е, исправленное и дополненное. Москва. 1891, стр. 245. Цѣна 1 руб. 25 коп.“ — одобрить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи тригонометрии въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы авторъ непремѣнно воспользовался замѣчаніями Ученаго Комитета.

— Составленный *Гиршемъ Гоффе* „Вѣчный календарь стараго и новаго стиля съ вѣчною пасхаліей православной церкви“ — рекомендовать для учительскихъ библиотекъ низшихъ и для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „Полный курсъ французскаго языка. Составилъ А. Шалландъ. Первый годъ и второй годъ. Изданіе 2-е. 1891. — Третій годъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1892. Цѣна I-й части 35 коп., II-й части 50 коп., III-й части 50 коп.“ — 2) „Французская элементарная грамматика для низшихъ и среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Шалландъ. Часть первая. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1890. Цѣна 40 коп.“ — 3) „Полный курсъ французскаго языка. Составилъ А. Шалландъ. Приготовительный курсъ. С.-Пб. 1892. Цѣна 30 коп.“ — одобрить первую въ качествѣ руководства для элементарнаго курса всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства, мужскихъ и женскихъ; вторую въ качествѣ учебнаго руководства для повторенія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министер-

ства, мужскихъ и женскихъ; третью въ качествѣ учебнаго руководства по французскому языку для тѣхъ учебныхъ заведеній министерства, въ приготовительномъ классѣ которыхъ преподаются иностранные языки.

— Книжку: „Поданіе помощи мнимо-умершимъ отъ утоплена. Д-ра В. С. Миллера. С.-Пб. Изданіе „Общества Спасенія на водахъ“. 1892. стр. 34. Съ 10 таблицами рисунковъ. Цѣна 30 коп.“ — рекомендовать для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданную Московскимъ комитетомъ грамотности книгу „Полюе житіе преподобнаго отца нашего Θεодосія, игумена Печерскаго. Составилъ А. Сливинскій. Изданіе 2-ое. М. 1891. Въ 12 д. л., 88 стр. Цѣна 10 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Доброе слово пастыря. Эпизодъ изъ временъ отечественной войны. Д. Л. Мисаловскаго. С.-Пб. 1891. Въ 12 д. л., 16 стр. Цѣна 3 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданныя И. Θ. Жирковымъ книги: 1) „Θ. Θ. Тютчевъ. Рядовой Саватѣвъ. М. 1891. Въ 16 д. л., 48 стр. Цѣна 5 коп.“ и 2) „Θ. А. Желтовъ. Кость и золото. М. 1891. Въ 16 д. л., 31 стр. Цѣна 3 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Составилъ В. О. Крижъ. Выпускъ II, содержащій въ себѣ 23 статьи для самостоятельнаго чтенія учениковъ. М. 1892. Цѣна 23 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя Н. Я. Некрасовымъ книги: „Практическій курсъ правописанія, съ матеріаломъ для упражненія въ изложеніи мыслей. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Выпускъ I.

С.-Пб. 1892. Въ 12 д. л., 32 стр. Цѣна 5 коп.—*Выпускъ II*. С.-Пб. 1892. Въ 12 д. л., 64 стр. Цѣна 10 коп.—Руководство къ Практическому курсу правописанія. Пособіе для учителей и учительницъ въ народныхъ и церковно-приходскихъ школахъ. С.-Пб. 1892. Въ 8 д. л., 104 стр. Цѣна 60 коп.“, — допустить оба выпуска Практическаго курса правописанія къ употребленію въ начальныхъ училищахъ, а Руководство къ нему—въ учительскія бібліотеки тѣхъ же училищъ.

— Изданія *В. Раевскаго*: 1) „Алфавитъ строчныхъ письменныхъ буквъ для употребленія при обученіи письму въ начальныхъ училищахъ“. Цѣна папки, заключающей въ себѣ 50 буквъ, 90 коп.“, 2) „Транспаранты 7-ми различныхъ №№ для начальныхъ училищъ“. Цѣна 50 коп. за 100 экземпляровъ“ и 3) „О преподаваніи чистописанія въ начальныхъ училищахъ. Рязань. 1892. Въ 8 д. л., 102 стр. текста и 30 стр. приложений (упражненія). Цѣна 75 коп.“ — допустить первыя два къ употребленію въ народныхъ училищахъ, а послѣднее въ учительскія бібліотеки этихъ училищъ.

— Книгу: „Приключенія Робинзона Крузе. Составлено *А. Н. Яхонтовымъ*. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. Изд. 4-ое. С.-Пб. 1892. Въ 12 д. л., 136 стр. Цѣна 10 коп.“ — одобрить для ученическихъ бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Брошюру: „Крымъ и крымскіе татары. Изданіе Кіевской комиссіи народныхъ чтеній. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1892“ — допустить къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ.

— Изданныя въ Москвѣ въ 1891 году книжнымъ магазиномъ „Начальная школа“ *Е. Н. Тихомировой* книги (въ 16 д. л.): 1) „*Потыгинъ*. Пчелы и уходъ за ними. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“, 2) „*Крюковъ*. Приготовление свинины для вывоза за-границу. Стр. 56. Цѣна 15 коп.“, 3) „*Нейманъ*. Общедоступное руководство къ разведенію хмѣля. Стр. 27. Цѣна 5 коп.“, 4) „*Линдеманъ*. О вредныхъ насѣкомыхъ, ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ и мѣры ихъ истребленія. Стр. 60. Цѣна 10 коп.“, 5) „*Его же*. О завяданіи зеленой вслѣдствіе пораженія ихъ насѣкомыми и мѣры истребленія послѣднихъ. Стр. 42. Цѣна 8 коп.“, 6) „*Его же*. Саранча и мѣры ея истребленія. Стр. 43. Цѣна 10 коп.“ и 7) „*Его же*. О червяхъ, выѣдающихъ плѣшины на озимыхъ и яровыхъ хлѣбахъ, и о мѣрахъ къ ихъ истребленію. Стр. 21. Цѣна 5 коп.“ — одобрить для бібліотекъ народныхъ училищъ.

— Изданную книжнымъ магазиномъ „Начальная школа“ *Е. Н. Тихомировой* книгу: „*П. Н. Елагинъ*. Куры и уходъ за ними. Москва.

1891. Въ 16 д. л., 75 стр. Цѣна 15 коп.“— одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа 15-го іюня сего года инспекторомъ киргизскихъ школъ Тургайской области открыта первая аульная школа въ аулѣ № 4-й Кинеральской волости, Николаевского уѣзда, при 10 учащихся киргизскихъ мальчикахъ.

— По доносенію попечителя Одесскаго учебнаго округа. существовавшее въ селѣ Широкомъ, Екатеринославской губерніи и уѣзда, начальное училище 1-го іюля сего года преобразовано въ одноклассное министерства народнаго просвѣщенія; при открытіи, въ означенномъ училищѣ находилось 59 учениковъ.

О Б Ж А.

(Очеркъ изъ податной исторіи Новгорода).

Въ первую пору существованія земледѣльческаго государства обложеніе податью большею частію падаетъ не на землю, а на орудія, ее обрабатывающія, и на количество скота, участвующаго въ обработкѣ. Остальные элементы работы прямо зависятъ отъ этихъ главныхъ данныхъ. Плугъ при одной лошади вспашетъ одну единицу земли, при двухъ—болѣе, при трехъ—еще болѣе; между тѣмъ, разъ имѣется только одинъ плугъ, не больше, мало чѣмъ поможетъ увеличеніе при немъ количества рабочихъ рукъ, ибо совершенно достаточно пары ихъ, чтобы руководить и животнымъ и плугомъ. Вотъ, можетъ быть, почему въ древнѣйшемъ опредѣленіи новгородская соха, какъ платежная единица, характеризуется только количествомъ животныхъ¹⁾, а въ еще большей древности племена земледѣльческія облагались съ орудія,—все равно, платили ли дань завоевателю, или подати государю. Вятичи платили, какъ сообщаетъ Кенигсбергская лѣтопись, „по шелягу съ рала“ сначала хозарямъ, а потомъ, съ 964 года,—Святославу²⁾. Около 981 года Владиміръ продолжалъ сби-

¹⁾ А. Э. I, 32.

²⁾ Замѣтимъ опредѣленную связь этого шеляга съ раломъ или плугомъ. Шелягъ, по мнѣнію иныхъ, происходитъ отъ нѣмецкаго *schlagen*, означая чеканную монету; по мнѣнію же другихъ (напримѣръ, профессора Сергѣевича), — отъ *shilling*. Второе сближеніе звуковыхъ данныхъ гораздо правдоподобнѣе. Судя по иностранному происхожденію слова, оно занесено къ намъ, вѣроятно, варягами, норманнами. Между тѣмъ, кажется, что въ то время *shilling* еще не выходилъ изъ роли земельной цѣнности въ опредѣленную денежную. Въ Англіи того времени *shilling*, *violinga*, фигурировалъ еще въ качествѣ пространства, обрабатываемаго полнымъ *плугомъ* (см. П. Г. Виноградова „Исслѣдованія по социальной исторіи Англіи въ средніе вѣка“. С.-Пб. 1887 г., стр. 124 — 125). Отсюда невольно напрашивается заключеніе, что шелягомъ была дань, которую варяги требовали съ плуга (можетъ быть, даже натурой), то-есть, что шелягъ = поплужная дань.

рать у вятичей съ плуга ¹⁾). Эта дань съ плуга продолжала собираться при переводѣ на сохи великими князьями, напримѣръ, въ 1408 году ²⁾ по рублю съ двухъ сохъ ³⁾).

При татарахъ подать съ орудій, повидимому, была замѣняема иною, ибо татары, не вникая въ земледѣльческій по преимуществу характеръ русскаго хозяйства, требовали единственный повятный имъ, какъ степнякамъ-скотоводамъ, поголовный налогъ, выражая его въ подушной и помущественной десятинѣ. „Татарове — говорить лѣтописецъ—... послаша... ко княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: во князехъ, и въ людехъ, и въ конѣхъ“ ⁴⁾). Изъ за татаръ пришлось соху переводить на новый, „подушный“ языкъ. По свидѣтельству Татищева, въ 1265 году великій князь Василій Ярославовичъ привезъ дань хану по полугривнѣ съ сохи или съ двухъ работниковъ ⁵⁾). Но въ мѣстностяхъ, отъ Золотой Орды удаленныхъ, по орудійный налогъ, никѣмъ не измѣняемый, получалъ большое развитіе. Вотъ что говоритъ знаменитая грамота новгородцевъ на новоторжскій черный боръ, данная великому князю Василию Темному ⁶⁾): „На вѣчѣ на Ярославѣ дворѣ, се дахомъ черный боръ на сей годъ великому князю Василию Васильевичу всея Руси, а послалъ князь велики на черный боръ Семена Яковлича въ Торжокъ: а брати князя великаго черноторцемъ на Новоторжскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ, по новой, а писцу княжу мортка съ сохи; а въ соху два коня да третѣе припряжь, да тшанъ кожевнической за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, цѣль за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьѣ на томъ взяти за полсохи“

¹⁾ Около 885 года Олегъ перевелъ съ хозаръ на себя дань, которую платили радимичи, тоже по плугу,—съ чего, не сказано, но можно думать—съ плуга.

²⁾ *Карамзинъ*, V, 196. Смотря подробную таблицу налоговъ у *Ю. Гилемейстера*: „Разысканія о финансахъ древней Россіи“. С.-Пб. 1833.

³⁾ Если же дань шла не съ земельныхъ орудій, то стало быть въ побѣжденномъ племени земледѣльческій элементъ не былъ господствующимъ, оно состояло главнымъ образомъ изъ звѣролововъ, рыболововъ, купцовъ, военного класса, которые облагались иначе. Напримѣръ, варяги въ 859 году собрали дань съ чуди, мери, кривичей и ильменскихъ славянъ „по бѣлѣ вѣверицѣ отъ мужа“ и т. д. (*Ю. Гилемейстеръ*, *ibidem*).

⁴⁾ Никон. лѣт. 1237 г.

⁵⁾ *Нсволинъ*, Полное собран. сочин., т. VI, стр. 447, пр. 21 (О генер. межевнѣ Россіи).

⁶⁾ А. Э. I, № 32.

Какъ видимъ, поорудійный налогъ, уступая мѣсто въ земледѣліи налогу на рабочій скотъ, распространенъ съ земельныхъ орудій на всякія, какими поддерживается то или другое ремесло. Если у кого есть чанъ (тшанъ = дъшанъ) кожевнической, тотъ платитъ какъ бы у него была соха; чрѣнь (черень, черенокъ), большой котелъ для рѣдкой въ то время варки соли, платилъ вдвое болѣе сохи; рыболовный промыселъ дѣлится на два разряда, оба опредѣляемыхъ орудіемъ: неводъ, вѣроятно, имѣвшій значеніе бредня ¹⁾, уверстанъ наравнѣ съ сохой, а ладья — съ двумя сохами. Какъ видимъ, и промыслы и торговля облагались по орудіямъ операций. Только въ двухъ случаяхъ окладчикъ имѣетъ въ виду не орудія, а субъектовъ работы. Вмѣсто кузни отмѣченъ кузнецъ и затѣмъ какіе-то „пѣшци“ — можно думать, люди не имѣющіе опредѣленныхъ инструментовъ занятія, напримѣръ, разношники, передвигающіеся пѣшкомъ изъ мѣста въ мѣсто по ярмаркамъ, звѣроловы и птицеловы, быть можетъ, батраки не имѣющіе ни хозяйства своего, ни крова. Карамзинъ называетъ этихъ пѣшцевъ „земледѣльцами“ ²⁾. Намъ кажется это толкованіе противорѣчащимъ квалификаціямъ сохи, даннымъ грамотою Василя Ярославича въ 1275 г. и лѣтописью подъ 1478 г.

Соха въ рассматриваемой грамотѣ играетъ роль основной единицы дохода, къ которой орудія всѣхъ остальныхъ промысловъ подгоняются сообразно степени ихъ доходности. Эта центральная роль вполне подобаешь орудію земельной обработки въ такомъ земледѣльческомъ государствѣ, какъ Россія. Кромѣ того, пока оцѣнка другихъ промысловъ еще производится по количеству орудій, земледѣльческій налогъ уже переходитъ къ другой статьѣ хозяйства, къ рабочему скоту, количествомъ котораго и обусловливаетъ платежность инструмента. Соха тутъ впервые явственно теряетъ свое реальное значеніе земельного орудія и становится податной функціей. Это важный поворотный моментъ, опредѣлившій своимъ характеромъ всю дальнѣйшую исторію измѣненій значенія какъ сохи, такъ и составляющей ее болѣе мелкое подраздѣленіе обжи.

Опредѣленіе данное сохѣ „двѣ лошади, а третья припряжь“ заставляетъ подозревать, что въ грамотѣ что-то не досказано, что соха характеризуется такимъ образомъ въ отличіе отъ какой-то неизвѣстной

¹⁾ Въ одной писцовой книгѣ описывается ирudy: „а съ неводомъ ходити нехъ, потому что холодитъ“ (Писц. книги, изд. Географическаго общества, отд. II, стр. 394).

²⁾ Карамзинъ, Ист. Госуд. Россійск., IX, пр. 816.

единицы, присутствіе которой однако ясно чувствуется. Въ грамотѣ нѣтъ отвѣта на вопросъ: если соха—три лошади, то что такое—одна или двѣ лошади, вообще, меньшее количество ихъ? Сравнимъ данный грамоты съ разказомъ Никоновской лѣтописи подъ 1478 г. о походѣ Ивана III на Новгородъ. Великій князь, желая обложить новгородцевъ данью, спросилъ: что такое у нихъ соха?—„И они сказали: 3 обжа соха, а обжа одинъ человекъ на одной лошади оретъ; а кто на трехъ лошадяхъ самъ-третьей оретъ ино то соха“. По этому новому опредѣленію, соха предполагаетъ собою наличность въ хозяйствѣ трехъ лошадей и двухъ работниковъ, помимо самого хозяина; хозяйство съ одной лошадей при одномъ человекѣ составляетъ обжу. Вотъ отвѣтъ на оставленный грамотой безъ поясненія вопросъ. Хотя опредѣленіе лѣтописи впервые упоминаетъ объ обжѣ и вообще отличается нѣкоторой новизной, но видно, что оно представляетъ изъ себя не видоизмѣненное, а лишь болѣе развитое и дополненное опредѣленіе грамоты. Кромѣ цифры „три“, общей для обоихъ опредѣленій, о томъ же говоритъ слѣдующее соображеніе. Въ концѣ грамоты при обозначеніи, чего можетъ требовать себѣ великій князь въ Новоторжскихъ областяхъ, указано, между прочимъ, что съ 10 сохъ полагается намѣстнику князя брать 30 хлѣбцовъ въ годъ. Какъ видно изъ многихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ „Актахъ Археографической Экспедиціи“, одинъ хлѣбецъ полагается намѣстнику въ кормъ всегда съ какой-нибудь мельчайшей хозяйственной единицы: двора, московской сохи и т. под.¹⁾ Если это наблюденіе приложить къ опредѣленію корма Новоторжской грамотой, то найдемъ, что за нормой „съ сохи по три хлѣбца“ должна скрываться простѣйшая норма „съ обжи по хлѣбцу“.

¹⁾ Особенно много примѣровъ этого въ первомъ томѣ А. А. Э. Намѣстникъ кормъ до того тѣсно связанъ съ обжею, что слово „кормъ“ стало даже означать собою высшую единицу обжежнаго счета. Въ переписной по Вотской пятинѣ 1500 года, кормъ составляетъ совокупность двадцати пяти обжежъ. Попадаются выраженія вроде „полтора корму и полчетверты обжи“ (*Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн.*, XI, стр. 9—10), что означаетъ сумму $37\frac{1}{2}$ и $3\frac{1}{2} = 41$ обжу. — Замѣтимъ, что московская соха равняется не сохѣ новгородской, а обжѣ. Это видно изъ того же разказа Никоновской лѣтописи, часть котораго уже цитирована выше. Великій князь, по словамъ лѣтописца, сначала было думалъ обложить каждую соху новгородцевъ полугривной; но узнавъ, что у нихъ соха—три лошади и три человека, и что формула „одинъ человекъ на одной лошади оретъ“ относится къ обжѣ, перемѣнилъ намѣреніе и обложилъ полугривной обжу. Отсюда ясно, что ей соответствуетъ московская соха. Василій Ярославичъ Костромской въ 1275 году воспользовался не московскимъ, а новгородскимъ значеніемъ сохи.

Это соображеніе наводитъ на мысль, что обжа, будучи оставлена грамотою безъ упоминанія, фактически существовала и въ то время. Мы не можемъ ожидать отъ памятниковъ XV вѣка точныхъ выраженій, исчерпывающихъ все содержаніе понятій. Весьма естественно, что, прежде чѣмъ добраться до полной формулы 1478 года, опредѣленіе отмѣчало подъ влияніемъ разныхъ обстоятельствъ то одну, то другую сторону понятія.

Какъ бы то ни было, въ XV вѣкѣ обжа оказывается единицею не земельной, какою мы привыкли ее считать, а инвентарной. Инвентарный, а не земельный характеръ ея подчеркивается тѣмъ, что въ новгородскихъ переписныхъ книгахъ начала XVI вѣка рыболовы и ремесленники всякаго рода, вообще люди, не соприкасающіеся въ своихъ занятіяхъ съ орудіями земельной обработки, отмѣчаются любопытными терминомъ „поземщики“. Въ одномъ мѣстѣ переписной книги по Вотьской пятинѣ 1500 года ¹⁾ „поземщиками“ оказываются: иконникъ, овчинникъ и плотникъ. Подать, платимая тѣми, кто пользуется землей не для пахоты, называется „поземомъ“. Такимъ образомъ, критеріемъ обложенія землепашцевъ было количество животныхъ и работниковъ, то-есть, словомъ, живая рабочая сила, но не земля. По изслѣдованію профессора Виноградова, въ Англіи гайда или каруката, мѣра полнаго плуга, чаще всего нормировалась работою восьми воловъ. виргата—двухъ, а бовата или oxgang — одного ²⁾. Такая зависимость податной способности отъ количества наличнаго скота вполне понятна, такъ какъ и въ наше время изобрѣтенія всякихъ механическихъ приспособленій и замѣни земледѣлецъ шагу не можетъ ступить безъ лошади или вола.

Количественное отношеніе обжи и сохи обыкновенно равнялось 1 : 3; но есть косвенное указаніе, что это отношеніе нельзя считать неизмѣнно всюду господствовавшимъ. Никоновская лѣтопись, перечисляя, сколько хозяйственныхъ единицъ отобралъ великій князь у новгородскихъ монастырей, не подводитъ обжа и сохъ подъ одну рубрику, а ведетъ отдѣльный счетъ то тѣмъ, то другимъ: по ея словамъ, великій князь отобралъ „у Юрьева монастыря... 720 обжаей, а у Аркажа 333, а у Благовѣщенскаго 253, а у Никольскаго Нероноваго конца 251, а у Онтонова 50 сохъ, а у Михайловскаго 100 обжаей безъ трехъ; а которые села были за княземъ Васильемъ за Шуйскимъ,

¹⁾ Изданіе археогр. комиссіи, т. III, стр. 12—13.

²⁾ Изслѣдованія по социальной исторіи Англіи, стр. 116.

и тѣ князь велики за себя же взялъ. а въ нихъ 80 сохъ безъ двухъ". Изъ этого примѣра неподведенія обожъ подъ сошный счетъ, даже тамъ, гдѣ это и удобно, напримѣръ, когда говорится про Аркажъ монастырь (333 обжи) или Юрьевъ (720 обожъ), видно, что обжа сдѣлана третью сохи только при помощи искусственной регулировки, а отъ природы она обозначала собою болѣе мелкое хозяйство неопредѣленной величины.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, что такое обжа по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, остановимся на вопросѣ о происхожденіи слова „ обжа ". В. И. Сергѣевичъ думаетъ, что оно происходитъ отъ слова „обжать" ¹⁾. Но намъ кажется болѣе удачнымъ объясненіе, предложенное бывшимъ новгородскимъ гласнымъ П. С. Гурьевымъ въ его брошюрѣ „О земскихъ вопросахъ": „Подъ обжами разумѣютъ, говорить онъ, продольную часть станка сохи, именно тѣ два бруса, къ которымъ прикрѣпляются омешище, рогачъ и матики и въ которые, какъ въ короткія оглобли, впрягается лошадь" ²⁾. Составляя часть сохи, обжа легко могла быть взята для означенія собою болѣе мелкой, чѣмъ соха, хозяйственной единицы. П. С. Гурьевъ въ догадкѣ своей на этомъ не останавливается: онъ думаетъ, что цифра „три" даетъ достаточное основаніе счесть обжу однимъ полемъ сохи, какъ полного круга трехпольнаго хозяйства ³⁾. Но это предположеніе болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно. Мы видѣли, что соха содержала въ себѣ три обжи уже въ то время, когда обѣ эти единицы были еще чисто инвентарнаго характера, еще не имѣли никакого историческаго указанія на экономическую самостоятельность обжи. Всюду она является намъ вполне законченной и способной существовать отдѣльно хозяйственной единицей. Одинъ человекъ съ одной лошадыю, какъ извѣстно, можетъ справиться со всѣмъ кругомъ работъ надъ тремя полями ⁴⁾. Въ виду этого предположеніе г. Гурьева приходится откинуть, довольствуясь его справкою изъ сельско-хозяйственной номенклатуры.

Что же такое обжа по новгородскимъ переписнымъ книгамъ начала XVI вѣка?

¹⁾ Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. С.-Пб. 1883, стр. 433.

²⁾ С.-Пб. 1879, стр. 27.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Кн. А. Васильчиковъ, Землевлѣніе и земледѣіе въ Россіи и другихъ Европейскихъ государствахъ, С.-Пб. 1876, стр. 631.

Прежде всего она уже известная *земельная* единица: „а съ дву обожъ доходу нѣтъ, пашеть ихъ Ондрѣйко на себя“¹⁾. Вовторыхъ, она единица земли обитаемой, или, какъ тогда говорилось, живущей: „деревня Микитино *пуста*, была обжа, деревня Литовины, была обжа, деревня Глиноха, была обжа“²⁾. Втретьихъ, она пахотная земля: „а нынѣ въ обжи не положено того дѣля, что безъ *пашини*“³⁾. Наконецъ, вчетвертыхъ, обжа—*податная* единица: „на погостѣ же нетяглыхъ: дв. *потъ* Левонтей, дв. *дыжъ* церковной Харитонко, сѣють ржи 4 коробей, а сѣна косятъ 30 копень, а въ обжи не положены“⁴⁾. Изъ всего этого выводимъ, что обжа — податная пахотная единица. Но что ею отмѣчается? количество земли? качество земли?

Вотъ формула, типичная для рассматриваемыхъ книгъ: „Д. Заборовье...: дв. Степко Грихновъ, дв. Васко Мосѣвъ, сѣють ржи 6 *коробей*, а сѣна косятъ 40 *копень*, 1¹/₂ *обжи*“⁵⁾. Можно было бы думать, что количество посѣва и сѣнокоса создаетъ 1¹/₂ обжи. Но всего за 4 страницы передъ этимъ въ той же книгѣ читаемъ вдругъ слѣдующее: „Д. Коломово: дв. Ѳедотко Яхновъ, сынъ его Куземко, дв. его жъ сынъ Михайко, сѣють ржи 6 *коробей*, а сѣна косятъ 150 *копень*, *обжа*“⁶⁾. Коробей ржи во второмъ случаѣ столько же, сѣна вмѣсто 40 копень—150, и все-таки не болѣе 1¹/₂ обжи, а даже меньше, только одна обжа. Еще болѣе рѣзкій случай мы находимъ въ той же книгѣ въ предѣлахъ одного и того же Дмитревскаго Гдитскаго погоста: въ Д. Нивы сѣють ржи 6 коробей, сѣна косятъ 30 копень и — 3 *обжи*; за двѣ деревни передъ этимъ, въ Д. Овинищи сѣють ржи 8 коробей, сѣна косятъ 40 копень, и всего — *одна обжа*. Во второй половинѣ этой книги⁷⁾ тѣ же явленія. Въ одномъ и томъ же погостѣ Городенскомъ: Д. Гавсаръ, сѣють ржи 20, косятъ копень 60,

¹⁾ „Книги Вотьскіе пятинны письма Дмитрія Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Маклакова, 7008 года, вторая половина“ напечатана въ *Врем.* Моск. Общ. Ист. и Древн., кн. XI. Ее впередъ будетъ подразумѣвать ссылка: „*Врем.* XI“ (Въ данномъ случаѣ см. стр. 49).

²⁾ Писцовая книга Григорія Волосатаго 7032 года, Арх. Мин. Юст. К. 706, листъ 57.

³⁾ *Врем.*, XI, стр. 36.

⁴⁾ „Книги Вотьскіе пятинны письма Дмитрія Васильевича Китаева да Николая Губы Семенова сына Маклакова, 7008 года, первая половина“, Новг. писц. кн., изд. археол. комис., III, стр. 892; *Врем.*, XI, стр. 55.

⁵⁾ Новг. писц. кн., III, стр. 409.

⁶⁾ *Ibidem*, стр. 405.

⁷⁾ *Врем.*, XI.

обежъ 3; и недалеко: Д. Низъ на Кабанѣ, ржи 10. сѣна 40. обежъ 4. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что ни посѣвъ. ни сѣнокосъ своимъ количествомъ не обуславливали еще количества обежъ.

Повидимому, не отмѣчается размѣрами обжи и достоинства почвы. Оцѣнку достоинства почвы лишь нѣкоторыя писцовыя книги производятъ мимоходомъ, прибавляя къ термину „обжа“ отмѣтку, какого качества земля ¹⁾. Такимъ образомъ, трудно предположить, чтобы достоинство почвы было единственнымъ или главнымъ элементомъ, изъ-за котораго число обежъ уклонялось отъ соответствія съ количествомъ сѣмой ржи и скашиваемаго сѣна.

Изъ приведенныхъ выше цитатъ мы видѣли, что кадастровыя книги отмѣчали кромѣ количества коробей ржи и копенъ сѣна еще число дворовъ и людей. Но и эту статью хозяйства нельзя считать безусловно вліявшей на обежный счетъ. Очень часто попадаются въ книгахъ такія выраженія: „и при старомъ (то-есть, сравнительно со старой описью) прибыли два двора, человекъ, а обжа убyla“, или: „и при старомъ убыло полторы обжи, а прибылъ дворъ, два человека“ ²⁾.

Если, наконецъ, ни та, ни другая изъ отмѣчаемыхъ книгами сторонъ хозяйства не вліяетъ самостоятельно на обежный счетъ, то чѣмъ же онъ руководится? Намъ кажется, что тутъ важную роль играютъ именно тѣ элементы, которые не попали подъ прямыя указанія описи. Ни одна писцовая книга XVI вѣка не отмѣчаетъ, сколько имѣется въ томъ или другомъ хозяйствѣ рабочаго скота. А между тѣмъ это—главный податной указатель въ XV вѣкѣ, и онъ непременно долженъ былъ вліять на писцовъ. Кромѣ того, въ хозяйствѣ всегда есть разныя подробности, ощутительныя по достоинству только при непосредственномъ взглядѣ на нихъ и иногда играющія очень большую роль. Таковы, наприимѣръ, близость рѣкъ, лѣса, большихъ дорогъ, расположеніе пахоты; сюда же, между прочимъ, относится и достоин-

¹⁾ „Да съ того же Троицкаго села четыре деревни а обежъ *десять*, а сошнаго письма три сохи и *полвосями обжи земля добра, а полторы обжи земля середня*“ (Оброчная кн. письма Ивана Григорьевича Бѣлеутова 7059 г., Арх. мин. юст., К. 706. л. 37). Для тѣхъ, кому можетъ быть неясно, какъ бы могла измѣняться обжа для земель разнаго сорта, позволимъ себѣ рекомендовать изслѣдованіе *А. С. Лаппо-Дамидовскаго*, Организация прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 222 — 223, гдѣ авторъ говоритъ о московскихъ сохахъ.

²⁾ *Врем* XI. стр. 16, стр. 53.

ство почвы и сѣнокосовъ. Писцы того времени описывали податное населеніе и сами ихъ оброчили или клади въ обжи. Очень много сохранилось мѣстъ, свидѣтельствующихъ о значительныхъ размѣрахъ ихъ компетенціи въ этомъ направленіи. „Лѣта 7013—говорить одна писцовая книга ¹⁾—прислалъ князь великій грамоту къ дьяку своему к'Обреску Иванову сыну Микитина, а велѣлъ описати *да и оброку сложити* съ волостки, что была за Олешкомъ за Мякиннинымъ въ помѣстье, того для, что *писецъ* Матвѣй Валуевъ *положилъ* на тѣ деревни оброкъ тяжель и иные деревни съ того оброку запустѣли въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Шелоньской пятинѣ въ Сумерьскомъ погостѣ“. Изъ этого мы видимъ, что при отсутствіи въ то время однообразныхъ принциповъ обложенія, болѣе или менѣе удовлетворительныхъ, писцамъ поручалось на мѣстѣ на глазъ соображать всѣ условія налогоспособности отдѣльныхъ хозяйствъ и, заносъ нѣкоторыя статьи, напримѣръ, число дворовъ, людей, коробей ржи и копенъ сѣна, въ опись, остальными руководиться лишь при подведеніи подъ обобщенный счетъ, въ видѣ увеличенія или уменьшенія числа платящихся пахотныхъ единицъ. Это называлось—„положить въ обжи“. Итакъ, обжа—*податная пашня условныхъ размѣровъ*.

Въ актахъ и лѣтописяхъ, какъ мы видѣли, обжа характеризуется работой одного человѣка съ одной лошадыю. Прежде это могло быть обыкновеннымъ выраженіемъ отдѣльнаго двора, ибо рѣдко кто занимался, а каждый старался жить своимъ дворомъ, даже если бралъ чужой инвентарь на условіяхъ—исполу, изъ трети и т. д. Новоторжская грамота регулируетъ самую распространенную форму пользованія для пашни чужою землей: „а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи“. Даже въ переписныхъ книгахъ, отмѣчающихъ болѣе позднее время, начало XVI вѣка, очень рѣдко попадаются случаи батрачества и проживанія въ дворовыхъ. Этотъ элементъ еще рѣже былъ въ XV вѣкѣ и ранѣе. Каждый тогда пахалъ самъ и имѣя лошадь, составлялъ со своей пашней обжу. Группа двухъ или трехъ такихъ хозяйственныхъ единицъ составляла обыкновенно деревню. Впрочемъ, деревня могла состоять и изъ одного, недавно появившагося, отдѣльнаго двора. Еще Карамзинъ замѣтилъ близость и даже полное взаимное совпаденіе „деревни“, „двора“, „человѣка“

¹⁾ Книги Шелонскія пятицы дьяка Александра Обрѣска 7013 г., Арх. мин. юст., кн. 705, л. 57. См. еще о результатахъ дѣятельности писца Ондreja Клобукова, А. Э. I, № 344, и писца Григорья Слизнева, А. Э. II, № 85.

я „обжи“. „Деревня, говоритъ онѣ нѣсколько неясно, означала прежде одно жилище крестьянское и состояла обыкновенно изъ малаго числа дворовъ“ ¹⁾. Въ подтвержденіе онѣ приводитъ выписку изъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка: „Деревень по старому письму 21, а дворовъ въ нихъ 45, а людей 48, а обержъ 47“. Данныя переписныхъ книгъ, изъ которыхъ мы черпали выше цитаты, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достаточно убѣдительно подтверждаютъ то же самое. Вотъ, напримѣръ, въ какую табличку сводятся цифровыя данныя второй половины переписной книги по Вотской пятинѣ ²⁾ относительно первыхъ описанныхъ въ ней четырехъ погостовъ:

Погосты.	Дворы.	Люди.	Обжи.
Городенскій	209	327	220
Ильинскій .	32	59	42
Пѣсотцкій .	66	108	78 ¹ / ₂
Теребожскій .	217	335	243 ¹ / ₂
	524	829	584

Совпаденіе обжи съ дворомъ, какъ видимъ, почти полное; нельзя сказать того же о числѣ людей. Въ переписной, откуда взяты эти данныя, упоминается о какомъ-то старомъ письмѣ, которое, можетъ быть, было первымъ по покореніи Новгорода; по крайней мѣрѣ, въ части этой переписной книги, изданной археографическою комиссіей, старое письмо, повидимому, отождествлено съ „первымъ“ ³⁾. Данныя этого „письма“, выведенныя изъ той же переписной, слѣдующимъ образомъ располагаются около тѣхъ же погостовъ:

Погосты.	Дворы.	Люди.	Обжи.
Городенскій	191	324	245
Ильинскій .	31	52	40
Пѣсотцкій .	57	102	65
Теребожскій .	170	322	256
	449	800	606

¹⁾ Ист. Гос. Рос., V, прим. 103.

²⁾ Врем., XI.

³⁾ Т. III, стр. 891: „а дохода нѣтъ, сѣдять на льготѣ, а сѣли послѣ *первое* письма“. Трудно допустить, что „первое“ сказано тутъ не вмѣсто стараго, ибо врядъ-ли льгота могла пережить двѣ описи, изъ которыхъ одна заслужила названіе „старой“.

Сравнивая цифры обѣихъ описей, мы видимъ, что въ новой сравнительно со старою больше людей и дворовъ и меньше обжа. Такое тяжелое для стараго письма обложение, кажется намъ, вызвано недавнимъ присоединеніемъ Новгорода къ Московскимъ землямъ, присоединеніемъ, вѣроятно, повлекшимъ за собою нѣкоторую сравнительную суровость въ окладчикахъ относительно только-что бывшаго враждебнымъ населенія. Поэтому противорѣчіе тому, что мы ожидали встрѣтить въ болѣе старомъ письмѣ, не можетъ помѣшать установленію факта чрезвычайной близости обжи и двора.

Теперь спрашивается: почему же не дворъ характеризуетъ обжу, а длинная фраза, кто на сколькихъ лошадяхъ ореть? Намъ кажется, во первыхъ, именно потому, что дворъ и обжа были одно и то же, а во вторыхъ потому, что дворъ самъ нуждался въ установленіи нормы. Въ XV вѣкѣ, когда дворъ былъ принятъ за единицу податнаго обложения, произошло такое скупиваніе въ немъ рабочихъ рукъ, что эту единицу пришлось поскорѣе упразднить. И мы видѣли, что въ XV вѣкѣ были земледѣльческія единицы съ болѣе крупнымъ и интенсивнымъ хозяйствомъ, излишекъ доходности которыхъ надъ мелкой единицей остался бы неуловимъ для окладчиковъ, еслибы вмѣсто подворнаго не прибѣгли къ налогу на рабочий скотъ. Въ XVI вѣкѣ еще прорываются отголоски прежняго тождества обжи и двора. Важская грамота 1552 года приравниваетъ цѣнность обжи къ посадскому двору; „а дворъ посадскій — говорить она — *противу обжи, а обжа противу посадскаго двора* разметомъ въ намѣстничъ оброкъ *равна*“¹⁾. Такое опредѣленіе кажется намъ отголоскомъ того далекаго времени, когда обжа была, можетъ быть, названіемъ одного крестьянскаго двора, а соха—деревни, то-есть, связанной кровнымъ родствомъ группы дворовъ. Принадлежа къ такому единому цѣлому, дворъ и получилъ наименованіе части орудія, не имѣющее самостоятельнаго бытія. Деревня же называлась сохою вслѣдствіе, такъ сказать, исторической инертности, сохранивъ за собою наименованіе характернаго признака, которымъ очерчивались размѣры ея дѣятельности въ ту еще пору, когда она была однодворнымъ, только-что возникшимъ поселкомъ.

Не настаивая на доказанности высказанной гипотезы и считая ее только болѣе или менѣе вѣроятною, подведемъ итоги сказанному.

¹⁾ А. Э. I, № 234.

По даннымъ первыхъ ¹⁾ переписныхъ и писцовыхъ книгъ, обжа, какъ мы видѣли, была податной подходной пахотной единицей. Прежде, по аграрнымъ условіямъ того времени, она совпадала съ личнымъ и подворнымъ хозяйствомъ; но ко времени первыхъ кадастровыхъ книгъ стала расходиться съ тѣмъ и другимъ. Переставъ быть показателемъ живой рабочей силы въ хозяйствѣ, она стала пахотной единицей, размѣры которой колебались въ зависимости отъ общихъ условій урожайности, начиная явнентаремъ и кончая, можетъ быть, качествомъ почвы.

Около половины XVI вѣка обжа дѣлается исключительно земельною единицей опредѣленныхъ размѣровъ. Она заключаетъ въ себя опредѣленное количество московскихъ четвертей и ничего больше. Характеръ этой реформы былъ чисто московскій, хотя матеріалъ и форма были почерпнуты изъ новгородской бытовой жизни. Московская „четверть“, когда мы съ нею впервые знакомимся, является въ сознаніи писцовъ уже безъ признаковъ своего посѣвного значенія, а только какъ податная пространственная единица. Но „коробья“ новгородскія еще помнятъ свое происхожденіе. Это кладетъ на новгородскія описи, въ отличіе отъ чисто московскихъ, любопытный отпечатокъ, который слѣдуетъ отмѣтить.

Всякій, кто хоть немного знакомъ съ деталями нашего полевого хозяйства, знаетъ, что при опредѣленномъ сѣвооборотѣ количества хлѣбовъ находятся между собой въ опредѣленномъ соотношеніи, такъ что достаточно означить, сколько сѣется хозяиномъ такого-то хлѣба, чтобы указать, сколько сѣется имъ и остальнаго. Обыкновенно такимъ показателемъ для всякихъ хлѣбовъ у насъ въ Россіи была рожь. Въ новгородскихъ писцовыхъ оброчныхъ книгахъ описъ каждой группы дворовъ заключается указаніемъ, сколько хозяева сѣютъ коробей ржи. Такъ какъ въ оброкъ помѣщику поступаетъ обыкновенно и овесъ и ячмень, то посѣвъ этихъ хлѣбовъ въ описываемыхъ хозяйствахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ московскихъ писцовыхъ книгахъ при описаніи пашни имѣлось въ виду количество четвертей только въ одномъ полѣ, при чемъ прибавлялось „а въ дву потому-жъ“. Можно думать, что имѣлось въ виду именно ржаное поле, потому что, напримѣръ, крестьяне Тотемскаго уѣзда были однажды челомъ государю на писца Ооку Дурова въ томъ, что онъ писалъ четверть, не соотвѣт-

¹⁾ Первой половины XVI вѣка.

ствующую четверти „ржаного сѣва“¹⁾. (Кадастры земель, предпринятые во второй половинѣ текущаго столѣтія рязанскимъ и нижегородскимъ земствами, точно также брали рожь нормою и къ ней приводили другіе хлѣба, при чемъ рязанское земство въ 1861—1863 гг. не стѣснилось для однообразія въ расчетахъ выразить въ четверикахъ ржи доходъ отъ сѣнокосовъ, садовъ, даже географическаго мѣстоположенія—„на основанія особой нормальной классификаціи“²⁾). Такимъ образомъ несомнѣнно, что четвертью называлось пространство, засѣваемое четвертью самаго насущнаго изъ хлѣбовъ—ржи. Количество сѣва, приходившееся на другое поле, легко было находимо, ибо оно тѣснѣйшимъ образомъ зависѣло отъ количества ржи. Такъ, напримѣръ, въ XVII в. монастырь сѣялъ на свою десятину 2 четверти ржи или 4 чети овса³⁾. Теперь же нормальнымъ считается сѣять на десятину 6 четвериковъ 2 гарнца ржи, или 12 четвериковъ 2 гарнца овса⁴⁾. Какъ видимъ, измѣнилось количество и ржи и овса, сѣемое на извѣстномъ клочкѣ земли. Но ихъ взаимное количественное отношеніе осталось точъ въ точъ прежнее.

Итакъ рожь служила указателемъ количества и другихъ высѣваемыхъ хлѣбовъ. Почему же въ первыхъ новгородскихъ книгахъ, при несомнѣнномъ трехпольномъ хозяйствѣ, нѣтъ указаній: „а въ дву потому жъ“, сплошь характеризующихъ каждый шагъ московскаго кадастра? Думается, именно потому, что „а въ дву не потому жъ“. То равенство, которое можно установить для полей, для земли въ трехпольномъ хозяйствѣ, совершенно не подходитъ къ *посѣву*. Ржи сѣется не столько, сколько овса и ячменя, а овса и ячменя не столько,

¹⁾ А. Лапко-Данилевскій, Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ, стр. 221, прим. 2 (Ibidem: „И. Румовскій, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, прил. № 12: Въ 1661 году устюжанинъ посадскій человекъ прощаетъ собору пашню, размѣры которой опредѣляютъ количествомъ высѣяннаго хлѣба“).

²⁾ В. В. Докучаевъ, Матеріалы къ оцѣнѣ земель Нижегородской губерніи, вып. I, стр. 25.

³⁾ А. Э. III, № 217. Ср. еще А. Э. I, № 258: „а пашню пахати на монастырь въ сѣдѣ въ Николскомъ, а сѣяти сѣмены монастырскими, съ выти по четверти ржи да по двѣ четверти овса“. Засѣвалась, слѣдовательно, всего десятина, половина рожью, половина овсомъ.

⁴⁾ Г. Д. Щербачевъ, Краткій очеркъ теоріи и практики сельскаго хозяйства, 1886 г., стр. 159. П. С. Гурьевъ, О земскихъ вопросахъ, С.-Пб. 1879, стр. 32: „яровой посѣвъ намъ также болѣе или менѣе становится извѣстнымъ, по постоянному его отношенію къ озимому посѣву, какъ 2 : 1“.

сколько пшеницы. Всѣ эти хлѣба находятся между собой въ соотноствіи, опредѣленномъ и извѣстномъ приблизительно всякому хозяину, но не въ равенствѣ. Поэтому-то новгородскія описи, рядомъ съ указаніями, кто сколько сѣетъ ржи, умалчиваютъ, сколько сѣется остальнаго хлѣба, затрудняясь коротко это выразить и подразумевая это хорошо извѣстнымъ всякому хозяину. Фактъ появленія въ описяхъ выраженія „а въ дву потому жъ“ свидѣтельствуетъ о смѣнѣ посѣвнаго значенія пространственнымъ. Въ новгородскихъ описяхъ была уже переходная стадія. Попадаются вмѣсто старыхъ выраженій: „сѣетъ столько то коробей ржи“—новыя: „пашни коробей ржи столько-то“, но прибавки „а въ дву потому жъ“ еще нѣтъ. Уже связывая съ представленіемъ о коробѣ представленіе о земельномъ пространствѣ, продолжали еще видѣть въ ней указаніе и посѣва. Во всякомъ случаѣ, коробья, кажется, не дожила до окончательной утраты посѣвнаго значенія. Еще въ 1552 году писецъ Бѣлеутовъ писалъ „а сѣютъ ржи коробей столько-то“¹⁾. Но позже 1556 года коробья почти уже не встрѣчается въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ: ее почти всюду замѣнила московская „четверть“, единица опредѣленныхъ пространственныхъ размѣровъ. Этотъ фактъ исчезновенія коробы въ новгородскихъ книгахъ, вѣроятно, имѣетъ связь съ однимъ указомъ 1556 г. новгородскимъ дьякомъ о замѣнѣ старой мѣры, коробы, новой, четвертью, при отпускѣ хлѣбнаго жалованья новгородскому служилому люду²⁾.

Одновременно съ этимъ вытѣсненіемъ коробы четвертью обжа превращается въ опредѣленную земельную мѣру. Вотъ сколько приходится коробей ржи на обжу по переписнымъ окладнымъ Вотьской пятины 1500 года³⁾:

¹⁾ Арх. мин. юст., вѣ. 706.

²⁾ Въ грамотѣ новгородскимъ дьякамъ Федору Еремѣеву да Казарину Дубровскому (отъ января 7064 г.) говорится: „а хлѣба бо есте имъ (пищальникамъ, воротникамъ и т. под.) велѣли въ Новомъ Городѣ на Невѣхъ давати по двѣнадцати *четвертей* ржи, по двѣнадцати *четвертей* овса человѣку. *въ новую мѣру, а не коробьями*, а не будетъ хлѣба, и вы бы дали деньгами по тамошней цѣнѣ. *за четверть за новую жъ мѣру, а не за коробью*, да и впередъ бы есте имъ давали хлѣбъ въ новую мѣру *въ четверть, а не коробьями*; а будетъ они у васъ тотъ хлѣбъ по двѣнадцати коробей ржи, по двѣнадцати коробей овса на человѣка взяли, и вы бы, считчи въ новую мѣру въ четверть, за ними хлѣба оставили. а что лишка имъ *вышло* за новую мѣрою за четвертью. и вы бы тотъ хлѣбъ на нихъ доправили“ (Дополн. къ Акт. Ист. I № 90, 3).

³⁾ Новг. писц. вѣн., изд. археогр. комм., т. III; *Врем.*, XI.

Погосты.	Коробыя ржи.	Обжи.
Дмитревскій Гдитцкій	242	71 ¹ / ₂
Городенскій	813	220
Ильинскій	159	42
Пѣсоцкій	309	78 ¹ / ₂
Торeboжскій	765	243 ¹ / ₂

Какъ видимъ, обжа́ соответствують приблизительно 3¹/₂ коробыя ржи. Бѣляевъ¹⁾ приводитъ мѣсто изъ одной писцовой новгородской, въ которой коробыя приравнена къ двумъ четвертямъ. Слѣдовательно, въ Вотьской пятинѣ обжа соответствовала приблизительно 7 четвертямъ ржаного сѣва. Такъ какъ количество сѣмага хлѣба въ книгахъ 1500 года было лишь однимъ изъ элементовъ, но отнюдь не единственнымъ, входившимъ въ составъ податной обжи, то когда пришлось совокупность податныхъ статей ея примѣрно перевести на почву посѣва, то и образовалась круглая цифра 10, ставшая казенной величиной земельной обжи. Это произошло около 1555—1556 гг. Въ 1555 г. Иванъ IV даритъ одному новгородскому служилому человѣку въ помѣстье 10¹/₂ обожъ, за которыя тотъ пріѣхалъ „на конѣ да съ нимъ человѣкъ на мерилицѣ“²⁾. Въ Москвѣ же въ это время было такое отношеніе военной службы къ помѣстью: „со ста четвертей добрыя угодія земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣхѣхъ полномъ, а въ дальній путь обѣ дву конѣ“³⁾. Кажется, говорится тутъ обѣ одно-разрядныхъ служилыхъ людяхъ и 10¹/₂ обожъ приблизительно замѣняются 100 четвертями⁴⁾.

Итакъ, время превращенія обжи въ земельную мѣру совпадаетъ со временемъ земскихъ реформъ Ивана IV. Прежде жители разныхъ областей платили намѣстнику и волостелю за судъ; въ половинѣ XVI вѣка одна область за другою стали весьма энергично откупаться отъ нихъ, платя уже за освобожденіе отъ суда. Сначала Вага въ 1552 г. уплатила за свою свободу 1500 рублей⁵⁾; затѣмъ Устюгъ

¹⁾ О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ (*Врем.* XI, стр. 64).

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. I, № 52, 3.

³⁾ Никоновская лѣтопись подъ 1556 г.; см. *Бѣляевъ*, О доходахъ Моск. государства (*Чт. М. О. И. Д.*, 1885, IV, стр. 70).

⁴⁾ Въ Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 52, помѣщено много грамотъ помѣстныхъ, относящихся къ 1555 — 1556 гг. и тракующихъ обѣ обжахъ, какъ обѣ опредѣленныхъ земельныхъ мѣрахъ.

⁵⁾ А. Э. I. № 234.

вызвался вносить въ казну 318 р. съ алтынами¹⁾. Почти одновременно съ нѣмъ Переяславская область приняла налогъ въ 28 руб. на каждую соху²⁾, и наконецъ, въ 1556 году къ нѣмъ присоединилась Двинская земля, взявшіеся платить по 20 руб. съ сохи³⁾. Правительство, „жалючи крестьянство“, предоставило ему самому судиться и самому собирать царскія подати,—отъ себя назначая только сумму. Оно посылало собственныхъ чиновниковъ лишь для описи области и такъ какъ само уже мало принимало участія во внутреннихъ распорядахъ, то постепенно прибѣгло къ упрощенію способовъ узнавать налогоспособность мѣстныхъ жителей. Предписывая жителямъ разверстываться между собою „по промысловъ и животомъ“, оно съ своей стороны избрало самую замѣтную и по его мнѣнію центральную сторону дохода, пашню, разбѣрами которой и руководилось при обложеніи податями земледѣльческаго класса. Можетъ быть, въ виду этого обжа сразу и потеряла свой прежній характеръ оцѣнки „животовъ и промысловъ“.

Въ своей новой роли она служила для измѣренія податной пашни всякаго качества и разряда, нисколько не мѣняя своей величины. Мы уже видѣли, что хотя прежде оцѣнка достоинства земли не входила въ содержание понятія обжи, но обозначалась тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ. Точно также и послѣ реформы различали „лучшія“ и „худыя“ обжи. Въ помѣстныхъ грамотахъ Ивана IV рекомендуется „беречь накрѣпко, чтобъ однолично живущими на пустыне обжи *худыми* на *лучшіе* обжи, наддачи для, не мѣняли“⁴⁾. Одинакова же была мѣра обжи для разныхъ родовъ владѣнія. „Мы находимъ—говоря словами Бѣляева⁵⁾—общую мѣру обжи по 10 четвертей для всѣхъ земель, и черныхъ и вотчинныхъ и дворцовыхъ и помѣстныхъ“⁶⁾. Благодаря этой неизмѣнности своей величины для разныхъ свойствъ почвъ и разныхъ родовъ владѣнія, обжа, не смотря на свой составной характеръ, продолжала разсматриваться какъ простѣйшая единица сошнаго счета на сѣверѣ.

Въ XVI вѣка обжа дѣйствовала на всемъ сѣверѣ тогдашней Руси. Но съ начала XVII в.—не ясно, вслѣдствіе какихъ ея свойствъ,—она

¹⁾ А. Э. I, № 243.

²⁾ А. Э. I, № 242.

³⁾ А. Э. I, № 250.

⁴⁾ Доп. къ А. И. I, № 52.

⁵⁾ О доходахъ Московскаго государства, стр. 111.

⁶⁾ И монастырскихъ, прибавимъ мы, сославшись на А. И. V, № 151.

постепенно исчезаетъ, начиная съ южной стороны своего района. Ея роль измѣренія живущей пашни переходить къ другой единицѣ, чисто московской,—выти, которая, переселяясь на новую почву, приобрѣла всѣ свойства своей предшественницы. Выть на сѣверѣ стала величиной въ 10 четвертей въ полѣ, „а въ дву потому жъ“. Обжѣ осталось измѣрять только порожнія земли. Писцовая книга по Новгороду 1646 г. въ предисловіи общаетъ перечислить „сколько по писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ въ тѣхъ пустошахъ сыскано четей и вытнаго числа“¹⁾. И что же слѣдуетъ? сначала—пустыя земли съ обожнымъ счетомъ приблизительно въ такомъ видѣ: пустошь — 30 четвертей, 60 копенъ — 3 обжи; пустошь — 10 четвертей — обжа; пустошь — 15 четв.—20 коп., 1½ обжи, и т. д. Дальше²⁾ обожное число вдругъ прерывается вытнымъ и въ такомъ видѣ: „...а в нихъ четвертные пашни пятнадцать четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, полторы выти“. „тридцать четей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, три выти“. Такимъ образомъ обжи и выти равны³⁾. Такое выступленіе выти въ роли обжи произошло, кажется, вслѣдъ за смутнымъ временемъ, послѣ всеобщей перетряски различныхъ областныхъ элементовъ. Въ концѣ XVII в. обжа попадаетъ какъ рѣдкое исключеніе.

Раскрывъ исторію понятія обжи, обратимся теперь къ тѣмъ задачамъ, которыя осуществлялись ея податной ролью. Изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ налоговъ, падавшихъ на обжу, выяснится вопросъ: только ли въ государственной сферѣ она дѣйствовала, или также и въ частно-хозяйственной.

„Обежной данью“ въ первыхъ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ называется ключничя пошлина, то-есть, взимаемая экономомъ помѣщика съ крестьянъ. Съ обожъ также взимались хлѣбныя и денежныя подати помѣщика. Вотъ довольно обычная формула ихъ: „а изъ хлѣба съ 7 обожъ четверть, а съ 2 обожъ треть, а зъ 2 обожъ пяттина, а обжа оброчная, а съ 33 обожъ хлѣба поспомъ“⁴⁾... Въ этой формулѣ соединились всѣ виды дохода помѣщика съ пользовавшихся его зем-

¹⁾ Арх. мин. ин. дѣлъ, Новгородъ. 1646. № 32, л. 44.

²⁾ Ibidem, съ л. 279.

³⁾ Въ сборникахъ актовъ можно найти нѣсколько примѣровъ тому, что обжа уступила мѣсто выти въ области „живущаго“ и сохранила за собою только „пусто“, напр. „...дерезю Милославскимъ, а въ ней три выти безъ трети выти, да пустошью Дубровною, а въ ней обжа“ (А. И., т. III. № 191, г. 7144).

⁴⁾ Новг. писц. кн., изд. арх. ком., III, стр. 349.

лей крестьянъ: и доля въ урожаѣ, и независимое отъ урожая опредѣленное количество хлѣба „поспомъ“, и денежный оброкъ. Все это вѣзмалось съ обожъ. Развившаяся впослѣдствіи цѣлая сѣть разныхъ мелкихъ повинностей въ пользу владѣльца тоже обращалась на обжу. Съ Заболоцкихъ волостей въ казну Софійскаго собора шло оброку „за сѣнные покосы, и за зимнюю сѣнную возку, и за пятинный ленъ, за грибы и за рыжики и за ягоды сто рублевъ; и тѣ деньги собираются съ Заболотцкихъ волостей со крестьянъ съ обжи по рублю по тридцати алтынъ по четыре деньги, да съ обжи же во Софійскую казну, по 4 гривенки масла коровья да по 20 по 4 яйца“¹⁾... Ярко опредѣленный частно-хозяйственный характеръ податей, лежавшихъ на обжѣ, позволилъ Бѣлеву по произволу замѣнять ее вытью²⁾, то-есть, отождествлять обжу съ этой московской единицей чисто частно-хозяйственного характера. Но не забудемъ, что рядомъ съ оброкомъ и другими помѣщичьими поборами съ обжи вѣзмались государственныя подати. Въ одной уставной монастырской грамотѣ говорится: „А придетъ по *государевъ* царевѣ грамотѣ платити *приметь, обожныя деньги*, и вы бы, земскіе люди, платили по *обжамъ*“³⁾... Одинъ сборщикъ, Юшко Митрофановъ, даетъ росписку въ томъ, что взялъ въ 1548 г. „у Спасскаго игумена, у Эуфимія съ братією, съ *обжи* безъ четверти дань, и горностальныя деньги, и ямскія, и за данью въ подъячего поминокъ, и въ московскій покрутъ, и кормъ Великодневной и Петровской, все сполна“⁴⁾... Какъ видимъ, перечислены почти всѣ государственныя поборы. Въ жалованной несудимой грамотѣ 1597 г. Введенскому на р. Ояти монастырю перечисляются въ видѣ обожной дани почти всѣ посошныя подати, и ратчина и посошный кормъ⁵⁾.

Такимъ образомъ, обжа вращалась въ обѣихъ сферахъ, частно-хозяйственной и государственно-податной. Дифференціація роля, отмѣченная въ извѣстномъ трудѣ г. Лаппо-Данилевскаго⁶⁾ относительно московскихъ единицъ земельного обложенія, сохи и выти, не коснулась новгородской обжи ни одною стороною. Соха стала исклю-

1) А. до юр. б. отъ., II, № 128.

2) О доходахъ Московскаго государства, стр. 171.

3) А. Э. I. № 268.

4) А. Ю., № 209. 1.

5) Доп. въ А. Н. I. № 141.

6) Организация прямаго обложенія въ Моск. государствѣ.

чительно государственною податною единицей, выть—частно-хозяйственной; обжа инертно осталась и той и другой. Соха и выть измѣнялись, суживаясь для хорошей земли и расширяясь для худой, обжа не ибняя своихъ количественныхъ размѣровъ, принимала, если нужно, добавленія, какого сорта земля. Соха измѣнялась въ зависимости отъ того, на земляхъ какого сословія она была примѣняема; какъ мы видѣли, обжа оставалась неизмѣнною и въ церковныхъ, и въ помѣщичьихъ, и въ крестьянскихъ владѣніяхъ. Дифференціация ролей и размѣровъ московскихъ податныхъ единицъ составляетъ контрастъ косному пребыванію обжи въ ея первоначальной неразвитой формѣ. Этотъ фактъ выѣстъ съ вытѣсненіемъ обжи вытью является слѣдствіемъ сосредоточенія политической жизни въ Москвѣ и торжества московскаго начала надъ новгородскимъ.

В. Владиславлевъ.

ЛЮБОПЫТНАЯ ЛИЦЕВАЯ РУКОПИСЬ ПАРИЖСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ (MS. FR. 9561).

Около двухъ мѣсяцевъ назадъ, когда срокъ моего пребыванія въ Парижѣ уже подходилъ къ концу, и я, покончивъ съ греческими и латинскими завѣдомо интересными рукописями Национальной Библиотеки, уже не ожидалъ встрѣтить здѣсь ничего особенно новаго для моей темы (Житіе Пресвятой Богородицы въ поэзіи и въ искусствѣ), по крайней мѣрѣ въ отношеніи миниатюръ, по 1-му тому далеко неполнаго инвентаря французскихъ рукописей Делиля (*Inventaire des Manuscrits français de la Bibl. Nat.*, 1876, p. 10), я, можно сказать, случайно натолкнулся на рукопись, хотя и не изъ равныхъ, но въ высшей степени, какъ мнѣ кажется, важную.

Въ этомъ инвентарѣ № 9561 описанъ такъ:

Images de la Bible destinées à mettre en rapport les figures de l'ancien Testament et celles de nouveau. Fin du XIIe s. Grandes et nombreuses peintures. Origine italienne. (Затѣмъ слѣдуетъ начало).

Такъ называемыхъ Библий бѣдныхъ (*Biblia pauperum*), или *Bibles istoriées*, я пересмотрѣлъ десятки въ одномъ Парижѣ, не считая Вѣны и Мюнхена, и для интересующаго меня ряда вопросовъ обыкновенно находилъ въ нихъ очень немного. Какъ извѣстно, это не что иное, какъ рядъ или, вѣрнѣе, два параллельныхъ ряда изображеній изъ новаго и изъ ветхаго завѣта, при чемъ событія послѣдняго являются только прообразованіями событій новозавѣтныхъ. Въ изображеніяхъ Благовѣщенія, Рождества Христова, бѣгства въ Египетъ и др. мнѣ только изрѣдка приходилось встрѣчать любопытныя по своей архаичности формы и еще рѣже какую-нибудь подробность, имѣющую значеніе въ художественно-поэтической исторіи легенды; чаще представлялось поучительнымъ (хоть и въ отрицательномъ смыслѣ) одновременное существованіе двухъ и болѣе типовъ изображенія еван-

гельскаго событія. принадлежащихъ къ совершенно различнымъ формациямъ. Эти *Images de la Bible* я спросилъ только въ виду ихъ. по мнѣнію Делия, италіанскаго происхожденія и въ виду отѣтки: *grandes et nombreuses peintures* (передъ этимъ я въ продолженіе недѣли спрашивалъ по нѣскольку латинскихъ рукописей по автографическому перечню графа Бастара, которыя были названы *illustrés* и въ которыхъ оказывались 4 евангелиста или даже только раскрашенные инициалы).

Рукопись 9561 (прекрасно выдѣланный пергаментъ) оказалась въ очень большое 8° или въ малое F° (размѣръ иллюстрированной части страницы 0.21×0.17). и первые 112 листовъ вполне соответствовали описанію. Каждая страница раздѣлена поперекъ на двѣ половины: наверху изображены сцены Ветхаго Заветъа (до Судей включительно), внизу прообразуемая ими изъ новаго. Но съ листа 113 начинается нѣчто совсѣмъ другое.

Съ неоконченную *Bible historique* выѣстъ переплетенъ рядъ превосходныхъ иллюстрацій. съ подписями, изображающихъ во всю страницу, крупными фигурами, земную жизнь Іисуса Христа, которой предшествуетъ житіе Пресвятой Дѣвы. Иллюстраціи сдѣланы художникомъ или художниками, которые, очевидно, не участвовали въ составленіи первой части; эти художники на столько дорожили своимъ трудомъ, что оборотную страницу пергаментнаго листа оставляли бѣлою. Только теперь получилъ я заказанныя мною фотографіи и могу сообщить содержаніе и подписи ¹⁾ наиболѣе интересныхъ миниатюръ.

Эта часть рукописи совсѣмъ не имѣетъ заглавія. но составныя ея части сохранились, какъ увидятъ читатели, въ совершенной цѣлости.

На л. 113-мъ изображена извѣстная по апокрифамъ сцена отверженія даровъ Іоакима. Подъ нею подпись:

Cest hystoire coment Ioachim ala au temple pur faire son offerte. Ce le prestres dou temple ne vout recevoir son offerte, ains le chassa hors du temple pour ce que li navoit eu onques enfans de sa fame.

Передъ нами готическое зданіе, въ открытый прорѣзъ котораго виденъ жертвенникъ съ стоящимъ на немъ закрытымъ сосудомъ; священникъ стоитъ въ профиль къ зрителямъ и безъ гнѣва и насилія, но весьма рѣшительно отстраняетъ Іоакима обѣими руками; Іоакимъ поднималъ лѣвую руку, протестуя противъ несправедливости; его кра-

¹⁾ Въ нихъ я позволяю себѣ только раздѣлять слова, выводить л изъ-подъ тѣла, различать і и и и ставить знаки препинанія.

сивое. хотя и не молодое лице выражаетъ глубокое огорченіе; сзади него три молодыхъ служителя, изъ которыхъ одинъ держитъ двухъ голубей. На головѣ у священника традиціонная повязка; его длинная стола—съ широкой каймою; тога Іоакима тоже съ каймою, но поуже.

Художникъ не отличается особеннымъ искусствомъ въ постановкѣ фигуръ и въ изображеніи рукъ и ногъ; но лица написаны превосходно; выраженіе дифференцируется даже у двухъ молодыхъ служителей (третій закрытъ головой Іоакима). Стилъ этой миниатюры. какъ и большинства послѣдующихъ, очень напоминаетъ Джіотто и во всякомъ случаѣ Италію, какъ это признавали и всѣ специалисты въ Парижѣ, которымъ мнѣ случилось показывать эту рукопись. Но подпись написана твердо, такъ, какъ пишутъ на родномъ языкѣ, или на языкѣ, столь же знакомомъ, какъ родной.

На л. 114-мъ Іоакимъ уже въ горахъ съ своими двумя пастухами; сзади него сопровождающій его служитель съ длиннымъ посохомъ; одинъ изъ пастуховъ. постарше, гонитъ стадо; другой, опершись на палку, смотритъ на небо, прикрывая одною рукою глаза; онъ, очевидно, хочетъ узнать время по положенію солнца. Овцы, горы и деревья изображены очень наивно, но едва ли хуже, чѣмъ на известной фрескѣ Джіотто того же сюжета (она воспроизведена. если не ошибаюсь, въ книгѣ *Вытеславцева*: „Джіотто и джіоттисты“). Іоакимъ какъ будто постарѣлъ; лице его огорчено, но видно, что огорченіе потеряло свой острый характеръ. Пастухи обуты въ мягкіе сапоги; одинъ изъ нихъ въ войлочной шапкѣ съ козырькомъ, у другого голова покрыта капюшономъ.

Подпись: *Cest hystoire coment Ioachim se parti de sainte Anne sa moulhier* ¹⁾ et ala veoir ses pastours.

Л. 115-й переноситъ насъ къ покинутой супругѣ Іоакима; передъ готическимъ зданіемъ съ башнями на небольшомъ возвышеніи находится дерево, въ вѣтвяхъ котораго видно птичье гнѣздо съ тремя птенчиками; Анна, голова которой окружена рѣзко выраженнымъ нимбомъ (здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ; Іоакимъ же иногда имѣетъ нимбъ. иногда нѣтъ; я объясняю себѣ это не преднамѣренностью художника—какое основаніе могла имѣть она?—а тѣмъ, что въ сценахъ, гдѣ дѣйствуетъ Анна, онъ не чувствовалъ себя столь свободнымъ, не такъ вдохновлялся и болѣе держался традиціи; онъ.

¹⁾ Южное слово. едва ли возможное въ сѣверной и средней Франціи.

очевидно, больше наблюдать мужские типы. чѣмъ женскіе)¹⁾, стоитъ на колѣняхъ передъ деревомъ, благоговѣнно и молитвенно сложивъ руки; съ неба непосредственно надъ деревомъ къ ней слетаетъ ангелъ, вытянувшій правую руку впередъ, какъ говорящій. Лице Анны не отличается ни красотой, ни выразительностью.

Подпись: *Cest l'ystoire, coment sainte Anne se mist en orisons* ²⁾ depuis que Ioachim son mari fu parti de li. Et lors li apparut angles qui li annuncia quele devoit concevoir la Vierge Marie.

Л. 116-й снова возвращаетъ насъ къ Іоакиму; онъ сидитъ на пригоркѣ; его лице и протянутыя впередъ руки выражаютъ сильное возбуденіе, причина котораго передъ зрителями: это ангелъ, стоящій противъ Іоакима на другомъ пригоркѣ и объявляющій ему радостную вѣсть; крылья у ангела полураспущены, какъ у птицы, только что спустившейся на землю. У подножія пригорковъ пасется стадо Іоакима и о чемъ-то разговариваютъ два его пастуха, очевидно, не видящіе и не слышащіе ангела.

Cest l'ystoire, coment li angles aparut a Ioachim et li annuncia que sainte Anne sa moulhier devoit concevoir et li comanda que il deust retourner a li a tiel seignal qu'il la trouvera a la porte de la cite.

Л. 117. Передъ готическими воротами, съ двумя башенками по сторонамъ, встрѣчаются и здороваются, не цѣлуясь, но крѣпко пожмая другъ другу обѣ руки, Іоакимъ и Анна. Позы ихъ очень натуральны и выразительны (видно, какъ они стремились другъ къ другу), но лица, въ особенности лице Анны, попорчены небрежнымъ обращеніемъ съ рукописью.

Cest hystoire coment Ioachim revint de ses pastours et ala a sainte Anne sa moulhier et la embrace et lors fu conceue Nostre Dame.

Л. 118-й изображаетъ Рождество Богородицы. Анна, сидя на одрѣ, обнимаетъ спеленутаго младенца съ очень умнымъ, но все же вполне дѣтскимъ личикомъ. Сзади жены стоитъ Іоакимъ съ такимъ же красивымъ (какъ будто даже помолодѣвшимъ) лицомъ, какъ на первой миниатюрѣ; онъ о чемъ-то переговаривается съ стоящей служанкой, судя по поднятому указательному пальцу, вѣроятно, приказываетъ

) Возможна, впрочемъ, и другая причина, болѣе либидиозная: художникъ и авторъ подписей одно лице, и читатели замѣтятъ, что Анну онъ всегда называетъ *Sainte Anne*, а Іоакиму не придаетъ этого эпитета, конечно, слѣдуя обычаю, который объясняется эвфонически.

²⁾ По мнѣнію М-г Дегрѣ и др., тоже южная форма.

ей имѣть возможную заботливость о родильницѣ и младенцѣ. Другая служанка (нянька) стоитъ передъ постелью на одномъ колѣнѣ: она подала ребенка матери и опять готовится взять его. На заднемъ планѣ—красивое готическое окно съ такъ называемой „розой“. Это одна изъ лучшихъ миниатюръ книги: чрезвычайно тонко и живо выражена радость на лицахъ обоихъ родителей: Анна почти конвульсивно (хотя и осторожно) прижимаетъ къ себѣ младенца.

Cest l'histoire, comment sainte Anne enfanta de Nostre Dame selonc que li angles li avoit annuncie quant il la trouva faisant ses orisons.

Л. 119. Введеніе во храмъ. Передъ зрителемъ преддверіе храма; первосвященникъ (совершенно тотъ же, что и на листѣ 113-мъ) стоитъ на третьей ступени лѣстницы; Богоматерь дѣвочкой 7—8 лѣтъ—на второй, протягивая къ нему благоговѣнно сложенные руки; выше священника, на пятой ступени, немного въ сторону, за колонной стоятъ двѣ молоденькія дѣвушки, смотрящія на Богоматерь съ теплымъ и удивленнымъ сочувствіемъ; передняя одной рукой держится за колонну, а другую протянула на встрѣчу ребенку; это будущія подруги Богородицы. Внизу, сзади Богоматери, стоитъ Анна, благоговѣнно сложившая руки; за нею Іоакимъ, держащій на рукахъ ягненка.

Любопытна крыша преддверія: это тотъ же легкій сводъ съ полукруглыми прорѣзами, поддерживаемый 4-ми тонкими колоннами, который мы встрѣчаемъ и въ Менологіи Василія и въ русскихъ миниатюрахъ и иконахъ до XVII вѣка включительно именно при изображеніи Введенія.

Подпись: *Cest l'histoire, coment la Vierge Marie fu amenee au temple et monta les degres du temple.*

Л. 120-й представляетъ внутренность храма; Богоматерь, уже взрослой дѣвушкой, молятся на колѣняхъ, скрестивъ благоговѣнно руки; два ангела въ багряной одеждѣ и съ багряными крыльями поддерживаютъ ее; сверху (справа, въ противность возможности, въ самомъ храмѣ) виденъ отрѣзокъ голубаго неба съ 3-мя звѣздами; изъ него выходитъ благословляющая десница, отъ которой золотые лучи исходятъ непосредственно на голову молящейся Богоматери. Подпись: *Cest l'histoire, coment Nostre Dame en orant les angles la sustenoient.*

Эта миниатюра и ея подпись ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что художникъ слѣдовалъ, посредственно или непосредственно (первое, какъ увидимъ далѣе, гораздо вѣроятнѣе) редакціи псевдо-Матѣева евангелія, гдѣ въ VI главѣ сказано: *Frequenter videbantur cum ea*

angeli Dei loqui et diligentissime obtemperabant ei ¹⁾). Что это служение ангеловъ прежде всего умѣстиѣ при теплой молитвѣ, художникъ сообразилъ своей догадкой.

Любопытно въ такой поздней и свободной миниатюрѣ это условное выраженіе неба и божьего благословенія. Благословляющую десницу, какъ знакъ Господней милости, мы встрѣчаемъ съ первыхъ вѣковъ христіанства; она долго служить единственнымъ средствомъ для художественнаго изображенія первой ипостаси Святой Троицы; мы видимъ ее на раннихъ византийскихъ монетахъ надъ императорами и императрицами (надъ Константиномъ, Аркадіемъ, Евдокіей, Платидіей и пр.), ее находимъ мы при жертвоприношеніи Авраама, надъ Моисеемъ и пр. въ сирійскихъ миниатюрахъ, вплетенныхъ въ Эмизадзинское евангеліе, которыя Стшиговскій ²⁾ относятъ къ первой половинѣ VI вѣка; она часто является и на востокѣ и на западѣ при изображеніи Крещенія Господня и при крещеніи язычниковъ; для болѣе точнаго опредѣленія ея значенія ее иногда заключаютъ въ крестовый нимбъ ³⁾. Специально въ иллюстраціяхъ на житіе Богоматери онъ является три раза въ Гомиліяхъ Якова Коккиновафскаго, какъ въ парижской (№ 1208), такъ и въ ватиканской (№ 1162) рукописяхъ, и при томъ два раза (пар. 113^a и 117^a) именно при молитвѣ Богородицы въ храмѣ ⁴⁾; но иллюминаторъ Гомилій Якова, чтобы обозначить мѣсто исхожденія десницы, ограничивается одной голубой краской. Остроумная мысль „стилизовать“ небо тремя звѣздами едва ли не самостоятельно пришла нашему художнику.

Л. 121-й иллюстрируетъ тотъ же вышеприведенный текстъ апокрифа: Богоматерь и съ нею пять дѣвицъ (художникъ сумѣлъ дифференцировать позы ихъ и выраженіе лицъ) сидятъ, повидимому отдыхая, въ храмѣ ⁵⁾; сверху къ Богоматери слетаетъ ангелъ въ багряной одеждѣ; руками онъ дѣлаетъ жестъ рѣчи (*videbantur... angeli... loqui*).

¹⁾ См. мою статью: „Сказанія о житіи дѣвы Маріи“, въ *Журн. Мин. Нар. Пр.*, т. ССХХVIII, стр. 32.

²⁾ *Strzygowski*, Byzantinische Denkmäler. I. Wien, 1891, стр. 76. См. Taf. IV.

³⁾ *Didron*, *Annales arch.*, I, 16; въ миниатюрѣ IX вѣка.

⁴⁾ См. *Bordier*. *Description des peintures etc.* Paris, 1883, стр. 162. Но *Bordier* отнѣтилъ ее только одинъ разъ и опустилъ на л. 196^a, гдѣ десница благословляетъ Богородицу на пути ея изъ храма.

⁵⁾ Надъ головами у нихъ виситъ родъ лампы, которою художникъ, можетъ быть, желалъ показать, что дѣло происходитъ вечеромъ, по окончаніи дневныхъ работъ.

Cest l'ystoire, coment la Vierge Marie demouroit u temple avec les vierges et li angles li apparissoit.

Число дѣвицъ указываетъ опять-таки на псевдо-Матвея или его пересказъ: ихъ 7 въ Протоевангелии и въ *De nativitate* ¹⁾.

Л. 122. Передъ готическимъ зданіемъ, спиною къ нему, на колѣняхъ стоитъ Богоматерь, поднявъ благоговѣнно руки; передъ нею холмикъ, на вершинѣ котораго растетъ дерево. Съ неба, которое „стилизовано“ голубой краской въ правомъ углу миниатюры (остальной фонъ золотой), слетаетъ ангелъ, протягивающій Богоматери одною рукою круглый хлѣбъ, другою—кувшинъ. Сзади Богородицы въ дверяхъ зданія двѣ юныя женскія фигуры, изъ которыхъ передняя занята пражей. Подпись: *Cest l'histoire, coment li angles portoit le pain et le vin a la Vierge Marie.*

Это распространение общеизвѣстной апокрифической подробности, которая вышла, безъ сомнѣнія, изъ риторической фигуры о небесной (то-есть, духовной) пищѣ. Еще болѣе любопытное распространение представляетъ миниатюра на л. 123: Богоматерь выходитъ изъ зданія (готическій стиль его здѣсь ничѣмъ не выраженъ), придерживая лѣвою рукою у груди нѣсколько хлѣбовъ, а правой—она передаетъ одинъ хлѣбъ колѣнопреклоненному пищеу, сзади него на колѣняхъ же другой нищій среднихъ лѣтъ, а за этимъ стоятъ молодой челоувѣкъ съ длиннымъ посохомъ и старуха. За Богородицей служанка, держащая въ открытомъ мѣшкѣ много хлѣбовъ. Подпись: *Cest l'ystoire, coment Nostre Dame donoit pour Dieu le pain as pours.*

Художникъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ литературному источнику: Богоматерь раздаетъ *свою* пищу во многихъ передѣлкахъ апокрифовъ, между прочимъ, и въ италіанскомъ житіи, содержаніе котораго изложено въ вышеуказанной моей статьѣ ²⁾.

Три слѣдующія миниатюры изображаютъ выборъ жениха для Дѣвы Маріи. На л. 124-мъ передъ нами внутренность зданія съ готическими аркадами; виденъ алтарь, на которомъ находится горящая свѣча. Спиной къ нему стоитъ священникъ и разговариваетъ съ сидящими людьми разныхъ возрастовъ (ихъ всѣхъ 12; двое изъ нихъ подперли рукою голову въ знакъ задумчивости). Подпись: *Cest l'ystoire, coment*

¹⁾ *Журн. Мин. Нар. Пр.,* о. с., 35—36.

²⁾ *Ibidem*, стр. 32. Ср. также въ *Speculum Historiale* Винквентія Боре (VII, 66): *Quotidie esca, quam de manu angeli acceperat, ipsa tantum reficiebatur, oam ver, quae a pontificibus tribuebatur, pauperibus dividebat.*

le grant prestre des Juïs parloit au pueple du mariage de la Vierge Marie.

На л. 125-мъ сцена дѣйствія та же; священникъ стоитъ передъ алтаремъ, на которомъ онъ сложилъ 12 жезловъ; тѣ же 12 человѣкъ, которыхъ мы видѣли на предыдущей миниатюрѣ, стоятъ на колѣняхъ по обѣимъ сторонамъ алтаря въ молитвенной позѣ; какъ бы въ отвѣтъ на ихъ молитву сверху къ алтарю слетаетъ ангелъ ¹⁾. Подпись: Cest l'ystoire, coment le grand prestre des Juïs mist sur l'autel les verges pour veoir qui devoit espouser la Vierge Marie.

На л. 126-мъ передъ нами тотъ же алтарь, но не en face, а справа отъ зрителя. Спиною къ алтарю стоитъ священникъ, онъ подаетъ стоящему передъ нимъ на колѣняхъ *Иосифу* золотой жезлъ, на которомъ сидитъ золотой же голубь; сзади Иосифа отвергнутые женихи. у одного изъ нихъ голый жезлъ. Подпись: Cest l'ystoire, coment le grant prestre de Juïs dona la verge a Ioseph et lors la colombe descendi sur la verge de Ioseph.

Изъ сравненія этой миниатюры съ двумя предыдущими оказывается, что Иосифъ былъ и на нихъ въ числѣ 12 человѣкъ (на л. 124-мъ въ числѣ двухъ задумчивыхъ): это доказываютъ черты лица и тождество одежды; *но тамъ онъ не имѣлъ нимба*: художникъ прибавилъ его послѣ явнаго проявленія милости Господней къ Иосифу. Изъ предыдущаго видно, что художникъ слѣдовалъ такой версiи преданія, гдѣ священникъ возлагалъ на алтарь *двѣнадцать* жезловъ и гдѣ жезлъ Иосифа не пускалъ ростковъ, но на него спускался съ неба голубь. *Двѣнадцать* жезловъ находимъ мы въ словѣ Епифанія, о популярности котораго на западѣ свидѣтельствуеъ первый стихъ латинской поэмы: Vita beate Virginis etc ²⁾.

Sanctus Epyphanius, doctor veritatis....

Но слово Епифанія (ed. Dressel, перепечатано у Миня, томъ 120) слишкомъ бѣдно подробностями, и имъ пользовались на западѣ очень

¹⁾ Ангелъ зачѣпляетъ плечъ „гласъ“ апокрифа; то же самое и въ поэзіи (см., напримѣръ. *Reinsch*, Pseudoevangelien etc., Halle., 1879, стр. 88, гдѣ ангелъ на ухо передаетъ священнику Божіе повелѣніе.

²⁾ Какъ ни плохо издалъ ее въ 1888 г. (180-ste Publication des Litterarischen Vereins in Stuttgart; Tübing.) D-r *Vögtlin*, привлекая при публикаціи такого разпространеннаго памятника всего 4 рукописи и въ томъ числѣ ни одной парижской и ни одной итальской, а все же мы должны быть ему благодарны: безъ него эта важная поэма оставалась недоступной.

мало ¹⁾, а главное у Епифанія: ἐβλάστηεν ἡ ράβδος Ἰωσήφ τοῦ τέκτονος. Голубя же (безъ произрастанія) мы находимъ только у псевдо-Матвея и въ его пересказахъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ редакціей составной, но очень вліятельной, судя по тому, что *двенадцать* жезловъ такъ часто фигурируютъ въ эпоху возрожденія.

На л. 127-мъ мы видимъ Іосифа, котораго легко узнать и по чертамъ лица и по нимбу, въ оживленномъ разговорѣ съ семью молодыми женщинами; одна изъ нихъ, стоящая къ нему ближе другихъ и, повидимому, его въ чемъ-то убѣждающая, имѣетъ вокругъ головы нимбъ; но она отнюдь не похожа на Богоматерь, какъ та изображена на предыдущихъ и послѣдующихъ листахъ. Сзади видно зданіе.

Эта необычная миниатюра для несомнѣнно вѣрнаго объясненія нуждается въ подписи, *но именно подъ ней-то подписи и нѣтъ*. Очевидно, авторъ подписей не умѣлъ объяснить ее; стало быть, или художникъ и авторъ подписей были два разные лица, работавшія къ тому же неодновременно, или художникъ не компоновалъ своихъ миниатюръ, а копировалъ ихъ, можетъ быть, даже не съ рукописи, а съ фресокъ. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство чрезвычайно важно для оцѣнки памятника, такъ какъ оно устраняетъ противорѣчіе между несомнѣнно италіанскимъ стилемъ миниатюръ и ихъ французскими подписями: миниатюры *были* (въ томъ или другомъ смыслѣ) изъ Италіи, а подписи сдѣланы позднѣе во Франціи.

Что же, однако, хотѣлъ выразить этою композиціей оригинальнѣйшаго миниатюриста (если справедливо второе предположеніе) ²⁾? Такъ какъ эта миниатюра помѣщена между выборомъ Іосифа въ женихи Богоматери и ихъ обрученіемъ, то по самымъ подробнымъ западнымъ житіямъ Богородицы ³⁾ мы можемъ здѣсь ожидать только сопротивленія Іосифа и Маріи и утѣшенія, которое они получаютъ отъ ангеловъ. Въ другихъ свободныхъ передѣлкахъ житія говорится, что дѣвушки, жившія въ храмѣ съ Дѣвой Маріей, говорили Іосифу о ея достоин-

¹⁾ Авторъ латинской поэмы, впрочемъ, назвавъ его недаромъ: онъ воспользовался имъ, повидимому, при описаніи красоты и добродѣтелей Дѣвы Маріи и изъ него взялъ свѣдѣніе о посѣщеніи Богоматерью (до ея обрученія) Елисаветы (см. стихъ 910 и слѣд.).

²⁾ Непониманіе сюжета отразилось на этой миниатюрѣ и тѣмъ, что иллюминатору кѣмъ-то было умѣнье дифференцировать лица; относительно двухъ фигуръ можетъ даже быть сомнѣніе: мужскія онѣ, или женскія.

³⁾ Напримѣръ, по вышеуказанной Vita beate Virginis или по изложенному мною прозаическому италіанскому разказу; въ поэміи эти колебанія занимаютъ около 150 стиховъ (1272—1415).

ствахъ. Художникъ, можетъ быть, соединилъ два момента въ одной картинѣ: дѣвушки говорятъ съ Іосифомъ, а въ то же время ангель передаетъ ему приказаніе свыше. Нашъ миниатюристъ не замѣтилъ крыльевъ у ангела, спустилъ его на землю, но оставилъ при немъ нимбъ. Въ случаѣ справедливости перваго предположенія, художникъ, по какимъ-то мнѣ непонятнымъ соображеніямъ, пожелалъ сдѣлать святою одну изъ спутницъ Богоматери.

Обрученіе (л. 128) происходитъ предъ дверьми храма; первосвященникъ держитъ жениха и невѣсту за руки, въ то время какъ Іосифъ надѣваетъ на перстъ Богоматери кольцо. Сзади Іосифа 5 мужчинъ; сзади Богоматери три дѣвушки.

Подпись: *Cest l'ystoire, coment Ioseph espousa et prist par mulher la Vierge Marie, ensi que saint Luc et saint Mathieu le dient en lor evangiles u premier capitle.*

Л. 129. Благовѣщеніе. Богоматерь стоитъ въ разрѣзѣ зданія, разительно поднимая руки въ знакъ удивленія; изъ лѣваго угла сверху, изъ стилизованнаго голубой краской неба на грудь ея падаетъ пучокъ золотыхъ лучей, по которымъ спускается бѣлый голубь. Гавріилъ въ багряной одеждѣ и съ багряными крыльями стоитъ на одномъ колѣнѣ; правую руку онъ поднимаетъ, какъ говорящій, а въ лѣвой у него золотой жезлъ, оканчивающійся развѣтвленіемъ въ родѣ лилія. Подпись: *Cest l'ystoire, coment li angles Gabriel annuncia a la Vierge Marie que ele devoit concevoir nostre seigneur Ihu Crist, ensi que saint Luc le dist en son evangile u premier capitle.*

Л. 130. Цѣлованіе Елисаветы. Богоматерь стоитъ лицомъ къ зрителю передъ зданіемъ; Елисавета пала передъ нею на одно колѣно. На заднемъ планѣ видна гора и на ней дерево; другое дерево у ея подножія. *Cest l'ystoire, coment la Vierge Marie monta en la montagne ou demouroit sainte Elisabeth et la salua, ensi que saint Luc le dist en son evangile u premier capitle.*

Подпись до нѣкоторой степени противорѣчитъ изображенію, по которому сцена представлена такъ, будто Богоматерь пришла къ Елисаветѣ; противорѣчіе, я полагаю, объясняется тѣмъ, что художникъ не рѣшился представить Богоматерь путницей, чему противорѣчилъ бы и ея роскошный костюмъ; а мѣсто въ дверяхъ зданія, спиной къ нему, самое почетное.

Л. 131. Іосифъ и Дѣва Марія покоятся сномъ, опустивъ голову на руку, каждый въ отдѣльномъ зданіи; къ Іосифу съ середины неба слетаетъ ангель въ розовой одеждѣ, дѣлая жестъ рѣчи. Подпись:

Cest lystoire, coment Ioseph vout laissier la Vierge Marie depuis que il lot epousee. et ensi que il pensolt se (sic) faire, li angles li apparut en dormant qui li dist: Ioseph, filh de David! non aies paour de prandre Marie ta moulhier, car ce, que en li est ney, est du Saint Esperit. Ensi que saint Mathieu le dist en son evangile u secunt capitle.

Л. 132. На первомъ планѣ *идутъ* Іосифъ и Богоматерь; Іосифъ впереди, имѣя въ лѣвой рукѣ на посохѣ двойной мѣшокъ; правой рукой онъ указываетъ своей спутницѣ на родъ пещеры или землянка. въ которой видны ясли съ сѣномъ и головы осла и быка. Богородица. беременность которой очень замѣтна. въ правой рукѣ держитъ книгу. Одинъ ангелъ вѣтаетъ надъ Іосифомъ, показывая ему путь къ пещерѣ; другой, имѣя руки скрещенными на груди.—надъ Богородицей; третій тоже со скрещенными руками стоитъ на колѣняхъ сзади пещеры ¹⁾. На заднемъ планѣ большое и роскошное зданіе. окруженное зубчатыми стѣнами; къ его воротамъ идутъ и ѣдутъ путешественники. между тѣмъ какъ красивый всадникъ выѣзжаетъ изъ этихъ воротъ. Черезъ стѣны въ открытомъ портикѣ зданія видно много народу: нѣкоторые заняты дѣлами. другіе пируютъ.

Cest lystoire, quant Ioseph monta ²⁾ de Nazareth en Bethleeem avec sainte Marie sa moulhier espousee que estoit grosse de nostre Seignour. ensi que saint Luc le dist en son evangile u secunt capitle.

Авторъ оригинальнаго рисунка. очевидно, избѣгалъ всего завѣдомо апокрифическаго и въ изображеніи этой. сравнительно рѣдко встрѣчающейся, сцены отступилъ отъ преданія (образцовъ котораго онъ могъ и не видать): извѣстно, что древнѣйшія изображенія путешествія въ Вифлеемъ представляютъ Богоматерь *пѣдущей* на ослѣ.

Что касается до нашей миниатюры, то она показываетъ лучшее знаніе перспективы и больше изящества и естественности ³⁾: или здѣсь другой художникъ (краски у него свѣтлѣе), или предыдущія миниатюры не даютъ полного понятія о степени его таланта. проявляющагося особенно при изображеніи мелкихъ фигуръ и домашнихъ сценъ. когда онъ отказывается отъ гіератическаго золотого фона.

Л. 133. Рождество Христово. Темная внутренность пещеры въ горѣ, вершина которой представляетъ небольшую площадку. покры-

¹⁾ Руки у ангеловъ скрещены такимъ образомъ, что кисти и пальцы въ видю; это, безъ сомнѣнія, ослабленіе болѣе древняго пріема имѣть, въ знакъ почтенія, руки покрытыми.

²⁾ Vulg. *ascendit*.

³⁾ Особенно это замѣтно въ изображеніи животныхъ.

тую травой. По горѣ направо и налѣво отъ пещеры пасутся овцы (по двѣ); 4 овцы, баранъ, поднявшій голову къ Іосифу, и пастушеская собака изображены у подножія горы, ниже пещеры. Въ пещерѣ центральное положеніе занимаютъ ясли съ спеленутымъ младенцемъ-Христомъ, голова котораго окружена золотымъ нимбомъ съ краснымъ крестомъ; на него сверху пещеры падаетъ пукъ золотыхъ лучей; надъ яслями головы быка и осла; Богоматерь *сидитъ*¹⁾ у яслей, лѣвую руку положивъ на младенца, а правою дѣлаетъ жестъ рѣчи. Іосифъ, сидящій налѣво внѣ пещеры, тоже поднявъ правую руку, какъ говорящій. Направо отъ зрителя, тоже внѣ пещеры, два молодые пастуха, повидимому, разговариваютъ съ Богородицей и не смотря на ангела, который летитъ къ нимъ сверху, протянувъ впередъ руки; другіе три ангела летятъ къ вершинѣ горы слѣва.

Овцы изображены такъ-же плохо, какъ на л. 114 и др.

Л. 134. Обрѣзаніе. Дѣйствіе происходитъ въ готическомъ храмѣ въ притворѣ, противъ большаго нефа. Художникъ очень искусно соединилъ натуральность (младенецъ, очевидно, готовится закричать) съ благочестивымъ уваженіемъ къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Сзати Богоматери, выраженіе лица которой превосходно изображаетъ страхъ матери, подавляемый необходимостью совершенія обряда, *двѣ молодыя женщины, имѣющія нимбы*²⁾. Подпись ссылается на II гл. отъ Луки.

Такъ какъ нѣтъ ни одного вліятельнаго указанія на святыхъ спутницъ Дѣвы Маріи, мы должны эти нимбы объяснить тоже ошибкой кописта.

Л. 135-й, изображающій разговоръ Ирода „съ царями“ (такъ они называются въ подписи), пришедшими поклониться Царю Іудейскому, принадлежитъ той же рукѣ, что и рисунокъ на листѣ 132. Здѣсь тоже масса мелкихъ фигуръ, красивыя, сложные постройки и нѣсколько домашнихъ сценъ, изображенныхъ чрезвычайно реально. Въ ворота Іерусалима вѣтзжаетъ всадникъ; къ нимъ же вожакъ ведетъ упирающагося верблюда; возвращается охотникъ, ведущій на сворѣ двухъ собакъ и несущій на палкѣ добычу. Надъ стѣнами видна какъ бы въ разрѣзѣ внутренность царскаго дворца: направо палата, гдѣ Иродъ, сидящій на возвышеніи, со скиптромъ въ рукѣ, разговариваетъ съ иностранными гостями; у входа въ эту палату бесѣдуютъ между собою три книжника (одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ книгу); ихъ

¹⁾ Такое ея положеніе тоже указываетъ на стремленіе художника слѣдовать какъ можно точнѣе не художественному преданію, а ученію церкви.

²⁾ Ср. изображеніе на листѣ 127.

товарищъ со свиткомъ въ рукѣ, представляющимъ, повидимому, результатъ совѣщанія. уже вошелъ въ палату. Налѣво, должно быть, входъ во дворецъ: двѣ женщины. одна съ сосудомъ на головѣ, спустается по лѣстницѣ; на встрѣчу имъ идетъ человѣкъ, несущій на плечахъ барана (дань?); злая собака загораживаетъ ему дорогу.

Всѣ животныя написаны очень естественно и не напоминаютъ деревянныхъ куколъ, какъ овцы Джіотто или нашего миниатюриста на листѣ 133 и др.

Л. 136. Поклоненіе волхвовъ—опять золотой фонъ и прежній художникъ-иконописецъ. Лица у всѣхъ волхвовъ бѣлыя; старшій изъ нихъ уже безъ шапки стоитъ на колѣняхъ; средній и младшій смотрятъ на звѣзду, которая изображена въ стилизованномъ голубымъ полукругомъ небѣ. Іосифа нѣтъ. Слуга волхвовъ держитъ въ поводу ихъ лошадей, отъ которыхъ видны только плохо написанныя головы. (Подпись указываетъ на II-ю главу отъ Матѳіа).

Л. 137. Срѣтеніе. По одну сторону алтаря стоитъ Богоматерь, съ нѣкоторымъ беспокойствомъ протягивающая руки младенцу Іисусу, котораго взялъ въ объятія старикъ Симеонъ, стоящій по другую сторону алтаря; за Богоматерью стоитъ Іосифъ, держащій въ рукахъ двухъ голубей; сзади Симеона старушка Анна. Художникъ сумѣлъ выразить на лицѣ Симеона много чувства и глубокую мысль, но не сумѣлъ или не пожелалъ придать ему величіе пророка.

Но было бы слишкомъ долго описывать такимъ образомъ всѣ миниатюры рукописи; я останавлиюсь на немногихъ, особенно интересныхъ.

Тою же манерой, что листы 132 и 135, писанъ листъ 139-й. Миниатюра раздѣлена поперекъ на двѣ неравныя части: верхняя меньшая (0,07 выш.) представляетъ только ландшафтъ: густой лѣсъ, плоскую возвышенность, покрытую травой, и далеко извивающуюся дорогу, которая ведетъ къ воротамъ окруженного стѣнами города. Внизу изображена совсѣмъ домашняя сцена: на большой перинѣ, занимающей почти всю длину комнаты, спятъ головами врозь Іосифъ и Дѣва Марія, около которой лежитъ прикрытый одеждой матери младенецъ Христосъ. Въ комнатѣ два окна и открытая дверь, въ которую видна голова пасущагося, но уже взнузданнаго осла. На стѣнѣ висятъ такъ называемыя „саквы“, то-есть, небольшие вѣчные мѣшки, которые и теперь употребляются въ гористыхъ мѣстностяхъ, и дорожная круглая бутылка. Мебель состоитъ изъ деревянной лавки и такого же круглаго стола, на которомъ стоитъ кувшинъ съ водой; къ мебели же можно причислить и очагъ, надъ которымъ сверху изображена характерная (чисто средневѣковая) конусообразная покрывка,

служащая вмѣстѣ съ тѣмъ и дымовой трубой. На очагѣ стоитъ не большой таганъ и *сидитъ кошка*.

Историческій смыслъ этой картинѣ придаетъ влетѣвшій въ комнату ангелъ, который направляется къ Іосифу, чтобы побудить его бѣжать въ Египетъ. Ландшафтъ, изображенный на верху, представляетъ дорогу, а городъ, видный въ отдаленіи,—самый Египетъ. Въ подписи ссылка на 2 гл. Ев. отъ Мате.

Л. 140-й изображаетъ самое бѣгство: Богоматерь, держащая въ рукахъ спеленутаго Христа, ѣдетъ на ослѣ; Іосифъ съ ношею на посохѣ слѣдуетъ за нею. Осла ведетъ ангелъ въ багряной одеждѣ, указывающій свободною рукою на замокъ съ пробитыми подъ башнею воротами, который долженъ означать Египетъ (ссылка на ту же главу Маттея).

Здѣсь мы опять встрѣчаемъ золотой фонъ и манеру перваго художника, который къ тому же былъ, какъ говорится, не въ ударѣ: лица Іосифа и Богоматери не отличаются ни красотою, ни благородствомъ (хотя внѣшнимъ образомъ типъ и выдержанъ) и выражаютъ только покорность волѣ небесной. Ангелъ-путеводитель (единственный остатокъ иконописной традиціи) тоже написанъ не очень удачно. Такое же различіе въ композиціи и манерѣ бросается въ глаза въ миниатюрахъ на л. 144 и на л. 145; и здѣсь первая изображаетъ приготовленіе къ акту Крещенія Господня, вторая — самый актъ. Первая по внѣшней композиціи сильно напоминаетъ знаменитую картину Ивана; на берегу Иордана много очень живыхъ фигуръ: одни одѣваются, другіе раздѣваются и готовятся войти въ воду, третьи уже въ водѣ и ихъ платье разбросано на берегу. Іоаннъ указываетъ на подходящаго Христа. А на л. 145-мъ Крещеніе Господне изображено по средневѣковой формулѣ: вода въ Иорданѣ поднялась горой, чтобы закрыть тѣло Христа; крещаемого готовится принять ангелъ.

Чрезвычайно любопытны два изображенія Тайной Вечери, помѣщенные на листахъ 163 и 164, не въ примѣръ прочимъ миниатюрамъ, *en regard*, будто для сопоставленія. На 163 л. мы видимъ обычный для конца среднихъ вѣковъ и возрожденія типъ: Христосъ и апостолы сидятъ за столомъ (здѣсь Христосъ помѣщенъ на лѣвомъ концѣ стола), на которомъ стоятъ стаканы, лежитъ хлѣбъ, ножи и проч. Іоаннъ, закрывши глаза¹⁾, припалъ на грудь Христа. Іуда съ очень

¹⁾ Съ закрытыми глазами изображенъ онъ, между прочимъ, и въ интересномъ Мюнхенскомъ бревиаріи XIII вѣка. (Cod. lat. № 2640, л. 8).

характернымъ лицомъ, на которомъ ясно выражаются его „лиси“ качества: хитрость, себялюбіе, лицемеріе, обмакиваетъ кусокъ хлѣба въ большую солонку; онъ сидитъ отдѣльно отъ другихъ апостоловъ на противоположной сторонѣ стола, но наивная средневѣковая подробность—чортъ, въ видѣ маленькой черной фигурки, входящей въ душу его черезъ ротъ—здѣсь опущена. Подпись: *Cest l'ystoire, coment nostre Seignour Ihu Crist soupa aveque ses disciples et coment saint Iehan Evangeliste reposa sur le pis de nostre Seignour, et coment Ihu Crist prist dou pain de sescuelle (то-есть, s'escuelle—своей чашки) et le dona a Iude et puis entra satanas ou cuer de Iude por trair nostre Seignour; ainsi que saint Iehan le dist en son evangile u tresime capitle.*

Здѣсь явное противорѣчіе между изображеніемъ и подписью. Въ XIII главѣ Іоанна (ст. 26. Vulgata) сказано: *Et cum intinxisset panem, dedit Iudae Simonis Iscariotae*; миниатюра же слѣдуетъ Марку XIV, 20;... *Unus ex duodecim qui intingit mecum manum in catino, или Матѳ. XXVI, 23: Qui intingit mecum manum in paropside, hic me tradet.* Это противорѣчіе опять-таки доказываетъ, что или миниатюристъ и авторъ подписей были два разные лица, или миниатюристъ копировалъ изображенія, которыя понималъ не во всѣхъ подробностяхъ.

На листѣ 164 мы имѣемъ тоже изображеніе Тайной Вечери со ссылкой на 26 главу Еванг. Матѳея въ такомъ, для запада необычномъ, видѣ: Іисусъ Христосъ стоитъ посреди палаты передъ алтаремъ, на покровѣ котораго видны три кружка съ греческими крестами (*сгих quadrata*) съ перпендикулярными линиями по концамъ. Съ стилизованнаго голубой краской неба на Христа въ пучкѣ голубыхъ же лучей спускается св. Духъ. Въ лѣвой рукѣ Христосъ держитъ чашу, которую онъ подаетъ пяти стоящимъ на колѣняхъ по одну сторону алтаря апостоламъ; въ правой у него круглая облатка, которую онъ протягиваетъ къ семи апостоламъ по другую сторону алтаря, тоже колѣнопреклоненнымъ.

Что такое символическое изображеніе Тайной Вечери было распространено въ Византіи, доказываютъ и извѣстныя фрески Кіево-Софійскаго собора и императорская далматика XII вѣка, которую описываетъ Дидронъ (*Annales Arch.*, XXV, 287 и слѣд.); но на западѣ оно представляетъ любопытную рѣдкость. На вышеозначенной далматикѣ, какъ и въ Кіевѣ, Христосъ изображенъ два раза и апостолы раздѣлены поровну; западный художникъ отступилъ отъ этого типа, очевидно, изъ стремленія къ естественности.

Вознесение Христово (л. 188) изображено такимъ образомъ: *двѣнадцать апостоловъ*¹⁾ стоятъ, составляя кругъ; Богоматерь занимаетъ въ немъ центральное положеніе; она подняла глаза къ небу; руки ея сложены противъ груди для молитвы. Христосъ поднялся уже высоко, но виденъ во весь ростъ; онъ *восходитъ*, протянувъ обѣ руки къ стилизованному голубой краской отрѣзку неба. Направо и лѣво отъ него видны двѣ группы святыхъ по поясъ въ свѣтломъ облакѣ (подобно тому, какъ въ Дантовомъ Раѣ, по иллюстраціямъ Дор.). Подпись ссылается на 16-ю главу Марка. Въ высшей степени интересно для исторіи развитія иконописнаго типа изображено Сошествіе св. Духа (л. 189): Богоматерь сидитъ въ обширной палатѣ среди 12 апостоловъ, сложивъ руки для молитвы; пять апостоловъ, находящіеся на одной съ нею линіи, обращены къ намъ лицами; семь другихъ помѣщены ниже, затылками къ зрителю; на головѣ каждого изъ нихъ, какъ и на головѣ Богоматери, виденъ огненный языкъ. Съ середины потолка распространяется какъ бы дождь золотыхъ лучей, въ которыхъ неясно виденъ голубь. Всю эту группу отдѣляетъ отъ зрителя будто стѣпа, орнаментированная квадратами и другими фигурами, такъ что семь апостоловъ, составляющихъ нижнюю полугруппу, видны изъ-за нея только по локти. *Внизу этой стѣпы на землѣ видны три человека* (безъ нимбовъ) въ разнообразныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ: одинъ въ небольшой чалмѣ, другой въ широкополой шляпѣ, третій, имѣющій въ лѣвой рукѣ длинный лукъ, а у пояса — налушно и стрѣлы и одѣтый въ кафтанъ въ родѣ калмыцкаго халата, въ остроконечной мягкой шапкѣ съ торчащими вверхъ перьями; но всѣ они имѣютъ рѣзко выраженный еврейскій типъ (у двоихъ длинные завитые пейсы).

Иконографіи Сошествія св. Духа я надѣюсь вскорѣ посвятить небольшое изслѣдованіе; теперь же ограничусь замѣчаніемъ, что здѣсь даровитый и умный художникъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду стихи 9—11, II главы Дѣяній и понималъ ихъ такимъ образомъ, что паряне и прочіе „народы“, сошедшіеся въ Іерусалимъ на праздникъ, были иноземцами по языку и одеждѣ, но по вѣрѣ и по крови — евреями.

А. Кирпичниковъ.

¹⁾ Художникъ, конечно, знаетъ, что Маттеи еще не избранъ, но игнорировалъ это обстоятельство въ виду вліянія греческихъ образцовъ. См. мою статью объ изображеніи Вознесенія въ *Трудахъ Одесскаго Археологическаго Съезда*.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ АѢИНЫ¹⁾.

(Изъ не изданныхъ сочиненій М. С. Курторги).

IV.

Дворовые люди на работахъ въ рудникахъ. — Выгоды владѣльцевъ рабовъ. — Мнѣніе Ксенофонта о приращеніи доходовъ АѢинской республики. — Рабы въ морской службѣ. — Рабы во время сухопутныхъ военныхъ дѣйствій. — Численность военно-походной прислуги. — Отдача дворовыхъ людей господами по найму въ прислугу. — Самодѣтели—*αὐτοεργοί*; ихъ положеніе въ республикѣ. — Положеніе лицъ, утаивающихъ свое имущество. — Что значить слово *ἀνελευθερία*? — Употребленіе слова *ἀρετή*. — Эпоха раздвоенія понятія доблести. — Что разумѣли греки подъ словомъ *τὸ εὐσέβειον*? — Платонъ о дѣятельности гражданина. — Измѣненіе въ значеніи словъ свобода и несвободность.

Мы обязаны Ксенофонту еще другимъ столь же любопытнымъ сообщеніемъ, знакомящимъ съ двумя сторонами древняго еллинакаго быта: съ употребленіемъ дворовыхъ людей на работы въ рудникахъ и съ тѣми тѣсно съ нимъ соединенными денежными выгодами, которыя владѣльцы рабовъ этимъ способомъ себѣ приобрѣтали. Въ своемъ мнѣніи о приращеніи доходовъ АѢинской республики Ксенофонтъ совѣтуетъ не отдавать, какъ дѣлалось въ его время, рудниковъ въ частныя руки съ торга, а принять ихъ въ завѣдываніе самой общины, разрабатывать общинными рабами и взымать въ пользу республики всю прибыль отъ получаемыхъ металловъ. Онъ убѣжденъ, что добываніе серебра, покрывъ всѣ расходы, доставитъ аѢинянамъ значительные доходы; но для того необходимо, прибавляетъ онъ,

¹⁾ *Продолженіе.* См. июльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

умножить число общинныхъ рабовъ такимъ образомъ, чтобы оно превышало втрое число афинскихъ гражданъ ¹⁾).

Предлагая эту мѣру, въ коей, по его словамъ, новаго только увеличеніе числа общинныхъ рабовъ, Ксенофонтъ пишетъ ²⁾: „Весьма достойно удивленія, что (Афинская) республика, видя и понимая, какъ многіе граждане ея же обогащаются, не подражаетъ ихъ примѣру. Обращаясь въ тѣмъ, кто прежде занимался этими предпріятіями, знаемъ, что Никія, сыну Никирата, принадлежали нѣкогда въ серебряныхъ рудникахъ тысяча людей, которыхъ онъ отдавалъ въ наймы еракійцу Сосіи, по условію получать за каждаго изъ нихъ поденной платы оволь сверхъ расходовъ, обязавшись при томъ поставлять всегда полное, равное сему число людей. У Иппоника находилось тамъ шестьсотъ рабовъ, поступившихъ въ наймы такимъ же способомъ и приносившихъ ему мину чистаго дохода ежедневно. Триста человѣкъ Филимоніа доставляли владѣльцу полмины; такъ же получали, думаю, и другіе по числу рабочихъ. Но нужно ли говорить о прошедшемъ? Въ серебряныхъ рудникахъ есть много и теперь людей, отданныхъ подобнымъ образомъ“.

Огромное число рабовъ требовалось для морской службы какъ на корабляхъ купеческихъ, такъ и на военныхъ судахъ афинскихъ республикъ. Между послѣдними возвышались Аѣны, превосходя другія республики и могуществомъ морской силы, и испытаннымъ въ битвахъ искусствомъ. „Мореходство, говорилъ Периклъ ³⁾, есть искусство, какъ

¹⁾ Ксенофонтъ. О доходахъ. Πόροι: οἱ πρὸ ὄρων. гл. 4, § 17: Περαινομένων γε μὴν ὧν λέγω τοῦτ' ἂν μόνον καὶνον γένοιτο εἰ ὥσπερ οἱ ἰδιῶται κτησάμενοι ἀνδράποδα πρόσοδον ἀένναον κατασκευασμένοι εἰσιν, οὕτω καὶ ἡ πόλις κτῆτο δημόσια ἀνδράποδα, ὥς γίγνοιτο τρία ἑκάστῳ Ἀθην. ἰων.

²⁾ Тамъ же, гл. 4, § 14: Τῆς μέντοι πόλεως πάνυ ἄξιον θαυμάσαι τὸ αἰσθανομένην πολλοὺς πλουτιζομένους ἐξ αὐτῆς ἰδιώτας μὴ μιμεῖσθαι τούτους. Πάλαι μὲν γάρ ᾄπου οἷς μεμέλθκειν ἀπὸ Νικίας κατὰ τὸ Νικηράτου ἐκτῆρατο ἐν τοῖς ἀργυρείοις χιλίους ἀνθρώπους, οὓς ἐκεῖνος Σωσία τῷ Θρακί ἐξέμισθωσεν, ἐφ' ᾧ ὄβολον μὲν ἀτελὴ ἑκάστου τῆς ἡμέρας ἀποδίδοναι, τὸν δ' ἀριθμὸν ἴσους αἰεὶ παρείχεν. Ἐγένετο δὲ καὶ Ἰππονίκῳ ἑξακόσια ἀνδράποδα κατὰ τὸν αὐτὸν τρόπον τοῦτον ἐκδεδομένα, ἃ προσέφερε μὲν ἀτελὴ τῆς ἡμέρας· Φιλημονίδῃ δὲ τριακόσια ἡμίμνα· ἄλλοις δὲ γε ὡς οἷσμαι δύναμις ἑκάστοις ὑπῆρχεν. Ἀτίρ τι τὰ παλαιὰ δεῖ λέγειν; καὶ γὰρ νῦν πολλοὶ εἰσιν ἐν τοῖς ἀργυρείοις ἀνθρώποι οὕτως ἐκδεδομένοι. Нѣтъ необходимости повторять, что Ксенофонтъ говоритъ здѣсь объ увеличеніи числа рабовъ общинныхъ, не частныхъ.

³⁾ Фукидидъ, кн. I. гл. 142, § 4: Τὸ δὲ ναυτικὸν τέχνης ἐστίν, ὥσπερ καὶ ἄλλο τι, καὶ οὐκ ἐνδέχεται, ὅταν τύγῃ, ἐκ πατέρου μελετῆσθαι, ἀλλὰ μᾶλλον μὲν ἐκείνῳ πᾶρερτον ἄλλο γίγνεσθαι.

и другія искусства; оно не изучается побочно и не случайно приобѣтается; скорѣе все побочное надобно устранить отъ него (то-есть, совершенно посвятить себя оному)¹⁾. Кормчими на военныхъ судахъ были всегда только граждане²⁾, вся же прочая корабельная служба, гребцы, ёрѣтац, и вообще карабленики, ваѣтац, исполнялась частью метиками, преимущественно же рабами, за которыхъ республика выдавала извѣстную, точно опредѣленную, наемную плату. Ксенофонтъ³⁾ въ „Еллинской исторіи“ пишетъ, что „аѣниское вѣче, получивъ свѣдѣніе о событіяхъ, происшедшихъ у острова Лесвоса, и объ осадѣ города Митилины, постановило послать помощь въ сто десять кораблей, посадивъ на оныя всѣхъ достигшихъ назначеннаго возраста рабовъ и свободныхъ“ Здѣсь подъ словомъ „свободные“ Ксенофонтъ разумѣлъ метиковъ, иначе онъ сказалъ бы „граждане“.

Владѣльцы рабовъ приобѣтали, всего болѣе въ Аѣникахъ, весьма значительныя выгоды отъ службы своихъ дворовыхъ людей на морѣ вслѣдствіе двоякаго требованія караблениковъ: и на суда торговыя, и на военныя триеры. Между сими двумя нуждавшимися въ наемникахъ искателями естественно происходило соревнованіе, которое не только возвышало наемную плату, но и ставило по временамъ республику въ затруднительное положеніе, ибо, не смотря на множество рабовъ, случалось, что ихъ иногда не доставало, такъ что принуждены были принимать иностранцевъ и поручать имъ управленіе корабельной службы даже на судахъ военныхъ. Въ этомъ удостовѣряетъ самъ Периклъ въ рѣчи, произнесенной имъ предъ началомъ Пелопоннискон войны, гдѣ онъ старается выставить возможность успѣха для аѣниянъ. „Если даже, говорить онъ³⁾, воспользуясь олимпійскими, или дельфійскими богатствами, спартанцы попытались бы предложеніемъ высшей наемной платы привлечь къ себѣ иностранцевъ изъ морскихъ служебныхъ людей нашихъ, то тогда бы только эта мѣра стала намъ опасною, еслибы мы сами

¹⁾ См. ниже примѣч. 3.

²⁾ Ксенофонтъ, Елл. исторія, кн. 1, гл. 6, § 24: Οἱ δὲ Ἀθηναῖοι τὰ γεγενημένα καὶ τὴν πόλιν καὶ ἡγευσάν, ἐφάρμοξαν βοηθεῖν ναυαῖν ἑκατὸν δέκα, εἰ ὄντες τοὺς ἐν ἡλικίᾳ ὄντας ἄπαντας καὶ δοῦλους καὶ ἐλευθέρους.

³⁾ Фукидидъ, кн. 1, гл. 143, § 1: Εἴτε καὶ κινῆσαντες τῶν Ὀλυμπιασίων ἢ Δελφῶν χρημάτων καθ' ἑμῶν περισφόντο ἡμῶν ὑπολαβεῖν τοὺς ξένους τῶν ναυτῶν, μὴ δὲ τῶν μὲν ἡμῶν ἡγευσάντων βάντων αὐτῶν ἢ τῶν μετοίκων, δεῖνον ἴν' ἡν' νῦν δε τότε τε ὑπάρχει ὑπερ κρατίστον, κυβερνήτῃς εἶχμεν καὶ τὴν ἄλλην ὑπηρεσίαν οὐκ ὅλα ἢ ἄλλα, Ἐλλ.

не противодѣйствовали и не вошли бы на корабли сами съ своими метками; но мы такъ и поступаемъ, при томъ, что всего важнѣе, кормчими у насъ граждане, прочая же корабельная служба, ὑπηρεσία, у насъ и многочисленнѣе и лучше, чѣмъ во всей остальной Елладѣ“.

Едва ли меньшее число рабовъ, сравнительно съ снаряженіемъ морской силы, требовалось еллинскими республиками во время сухопутныхъ военныхъ дѣйствій. Граждане выступали въ походъ, сопровождаемые каждый своимъ оруженосцемъ, σκευοφόρος, а за ними слѣдовала прислуга, исполнявшая приказанія начальствующихъ по расположенію военного стана, храненію обоза, по продовольствію, вообще по всѣмъ предметамъ походной жизни. Оруженосцы подвергались часто опасностямъ, такъ какъ находились близъ самаго строя: Фукидидъ говоритъ ¹⁾, что въ сраженіи у Дилия, Δήλιον, „пало аэииянъ не много менѣе тысячи, съ стратигомъ Иппократомъ, и большое число легковоруженныхъ и оруженосцевъ“. Рабы, сопровождавшіе войско, назывались ἀκόλουθοι, что можно, думаемъ, вѣрно передать словами: путевые люди. Они составляли непремѣнную, такъ сказать, присущую часть военного похода и упоминаются въ описаніяхъ военныхъ дѣйствій. Ксенофонтъ ²⁾ въ „Агисилаѣ“ и въ „Еллинской исторіи“ одинаково пишетъ, повторяя собственные свои слова: „Воевода приказалъ начальнику оруженосцевъ расположить станъ по переходу чрезъ рѣку Пактолъ; персидскіе же всадники, увидя, что путевые люди еллиновъ рассыпались для грабежа, многихъ изъ нихъ убили“.

Какъ путевые люди, такъ и оруженосцы причислялись, наравнѣ съ кораблениками, не къ войнамъ, а въ разрядъ прислуги, ὑπηρεσία, что, кромѣ многихъ другихъ свидѣтельствъ, подтверждается Фукидидомъ, который называетъ оруженосцевъ слугами оплитовъ. Онъ сообщаетъ при этомъ и выплачиваемое имъ возмездіе. „Потидэю, говоритъ Фукидидъ ³⁾, осаждали двухдрахмовые оплиты, ибо оплиту и его слугѣ выдавалось ежедневно по драхмѣ“; и въ слѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: „всѣ корабли получали ту же самую плату“.

¹⁾ Фукидидъ, кн. 4, гл. 101, § 2: ἀπέθανον δὲ Βοιωτῶν μὲν Ἀθηναίων δὲ ολίγη ἐλάσσους χιλίων καὶ Ἰπποκράτης στρατηγός, φίλων δὲ καὶ σκευοφόρων πολλὸς ἀριθμός.

²⁾ Ксенофонтъ, Агисилая, гл. 1, § 30; Еллинск. исторія, кн. 3, гл. 4, § 22.

³⁾ Фукидидъ, кн. 3, гл. 17, § 2: τῶν τε γὰρ Πωτιδαίων διδραχμαὶ ὀπλίται ἐφόρουσαν. αὐτῶν γὰρ καὶ ὑπηρετῶν δραχμὴν ἐλάμβανεν τῆς ἡμέρας· ἡγέες τε αὖ πᾶσαι τοὺς αὐτὸν μισθὸν ἔφερον.

Оруженосцы и многіе изъ путевыхъ людей снабжались нѣкоторымъ оружіемъ и, въ противоположность оплитамъ, *οπλίται*, или тяжелой строевой пѣхотѣ, составляли легкую пѣхоту, приносящую всегда большую пользу во время сраженій, ибо они не только охраняли станъ съ обозами, доставляли туда раненыхъ и оказывали помощь вездѣ, гдѣ въ ней нуждались, но и сами по возможности участвовали въ битвахъ, въ особенности въ преслѣдованіи побѣжденнаго непріятеля. Они назывались *φίλοι*, голые, то-есть *φίλοι ὄπλων*, безъ тяжелаго вооруженія, такъ какъ они были безъ латъ (*θώραξ*), безъ большого щита, *ἐπλευ*, и безъ длиннаго копья, *δόρυ*, признававшихся преимуществомъ и отличіемъ гражданъ, которые именовались потому оплитами, что значить щитовосные латники.

Есть указанія и на численность военнопоходной прислуги. Иродотъ, описывая во всей подробности расположеніе еллинскаго войска предъ началомъ Платѣйской битвы, говоритъ¹⁾: „Правое крыло занимали десять тысячъ лакедемонянъ; но въ этомъ числѣ (гражданъ) спартанцевъ было пять тысячъ, конхъ охраняли тридцать пять тысячъ легко вооруженныхъ илотовъ, назначенныхъ по семи человѣкъ на каждого мужа (спартавца)*. Исчисливъ за сими весь длинный строй еллиновъ, въ коемъ полки отдѣльныхъ республикъ сражались независимо, между собою не смѣшиваясь, Иродотъ пишетъ²⁾: „Всѣ эти войны, кромѣ стоявшихъ по варяду при спартакцахъ, по семи при каждомъ, были оплиты (щитовосные латники), и число ихъ всѣхъ тридцать восемь тысячъ семь сотъ: столько собралось еллинскихъ оплитовъ противъ варвара. Толпу же легковооруженныхъ составляла: въ спартанскомъ отрядѣ снабженныхъ какъ слѣдовало на войну оружіемъ тридцать пять тысячъ, по семи при каждомъ воинѣ; прочихъ же легко вооруженныхъ у остальныхъ лакедемонянъ и еллиновъ, считая по одному на война, тридцать четыре тысячи пять сотъ. Итогъ всѣхъ легковооруженныхъ представлялъ громаду изъ шестидесяти девяти тысячъ пяти сотъ (рабовъ)*.“

Битва при Платѣяхъ ознаменовалась блистательною побѣдою еллиновъ, а потому и не удивительно, что участвовавшіе въ ней рабы, не смотря на предстоявшую возможность, пребыли вѣрными своимъ господамъ и своему долгу и не оказались перебѣжчиками. Иначе поступили бы они, можетъ быть, при пораженіи и стали бы,

¹⁾ Иродотъ, кн. 9, гл. 28, § 2.

²⁾ Ibidem, гл. 29.

вѣроятно, измѣнниками вмѣстѣ съ эивэйдцами и эессалийцами, предавшимися персидскому предводителю. Въ Пелопоннѣйскую войну аэианцы испытали ихъ стремленіе къ свободѣ и ихъ враждебныя къ себѣ чувства, но никогда не подвергались большимъ отъ того бѣдствіямъ, какъ при отступленіи отъ Сиракусъ, послѣ потери своихъ кораблей. Фукидидъ изобразилъ весь ужасъ ихъ положенія въ нѣсколькихъ строкахъ, производящихъ и теперь потрясающее впечатлѣніе. Приведемъ слова историка, касающіяся только нашего предмета. „Глубокое уныніе, говоритъ онъ ¹⁾, соединялось у нихъ съ упреками; они казались какъ бы бѣгущими изъ взятаго приступомъ города, и города значительнаго, ибо въ цѣлой двигавшейся толпѣ было не менѣе сорока тысячъ ²⁾. Въ этой толпѣ, какъ всѣ прочіе (то-есть, оруженосцы и путевые люди) несли каждый что

¹⁾ Фукидидъ, кн. 7, гл. 75, § 5: Κατήφασι τὲ τις ἄμα καὶ κατὰμεψις σφὼν αὐτῶν πολλή ἦν. οὐδὲν γὰρ ἄλλο ἢ πόλει ἐκπεπολιτορχημένη ἐφικεσθαι ὑποφειγούσῃ, καὶ ταύτῃ οὐ σμικρὰ. μυριάδες γὰρ τοῦ ἑμπαντος ὄχλου οὐκ ἐλάσσους τεσσάρων ἄμα ἐπορεύοντο, ἢ τούτων οἱ τε ἄλλοι πάντες ἔφερον τι τις εἰδὼντος ἑκάστος χρήσιμον, καὶ οἱ ὀπλῖται καὶ οἱ ἱππεῖς παρὰ τὸ εἰσθὸς αὐτοὶ τὰ σφέτερα αὐτῶν σιτία ὑπὸ τοῖς ὄπλοις, οἱ μὲν ἀπορία ἀνελούσων, οἱ δὲ ἀπιστί. ἰπποτομολήκεσθαι γὰρ πάλαι τε καὶ οἱ πλείστοι παραχρῆμα. Выраженіе οἱ τε ἄλλοι πάντες ἔφερον принято здѣсь согласно съ прежними изданіями, именно Бауера и Полпо; въ новѣйшихъ же изданіяхъ Хаале (Thucyd., ed. Haase, Paris, 1840, 8°), Крюгера (Thucydidou συγγραφή herausgegeben v. K. W. Krüger, 2 vol. 8°. Berlin. 1846) и Амвросія Дидота (Thucyd., par Ambro. Firmin-Didot, 3 vol. 8°. Paris. 1877—79) читается οἱ τε ἄλλοι ἔφερον πάντες. Это произвольное измѣненіе не только излишнее, но и бесполезно, ибо затемняетъ смыслъ рѣчи, самъ по себѣ весьма ясный. Фукидидъ противопоставляетъ оплитовъ и всадишковъ всѣмъ прочимъ людямъ, которыхъ онъ и называетъ οἱ τε ἄλλοι πάντες, разумѣя легковооруженныхъ и вообще всю военную прислугу, и тѣмъ живописно изображаетъ ужасное и безнадежное положеніе оплитовъ, то-есть, аэианскихъ гражданъ.

²⁾ Фукидидъ говоритъ, что число всей толпы, τοῦ ἑμπαντος ὄχλου, было сорокъ тысячъ; но Элианъ, очевидно, не понявъ Фукидида, принявъ толпу за оплитовъ и написалъ, что въ Сидикии погибло сорокъ тысячъ оплитовъ: Ὀπλῖται δὲ ἀπώλοντο αὐτοῖς ἐν Σικελίᾳ μυριάδες τέσσαρες. Элианъ, Разныя исторіи (Claudii Aeliani Sophistae Varia Historia, cum integro commentario Jacobi Perizonii ed. Kuehn, 2 vol. 8°. Lips., 1780). кн. 5, гл. 10. Фукидиду подражалъ Иродіанъ, когда, разказывая о пребываніи Александра Севера въ Антиохіи, гдѣ онъ предавался удовольствіямъ, и описывая совершенное разстройство военныхъ силъ римлянъ, говоритъ, что они представляли собою „толпу, не строевое войско“, ἀλλ' ὄχλος μᾶλλον ἢ στρατός ὑπάρχων: Herodiani Historiarum libri VIII. Lugduni, 1611. in-12°, см. кн. 6, Alexander, pag. 242.

могъ взять себѣ полезнаго, такъ даже олпиты и всадники (то-есть, граждане) несли, противъ обыкновенія, свое продовольствіе подъ щитами ¹⁾, одни по недостатку походной прислуги, другіе по недо-вѣрью къ оной, ибо и прежде были перебѣжчики, всего же болѣе въ то время, при отступленіи*.

Дворовые люди отдавались господами по найму въ прислугу, или сами нанимались, выдавая владѣльцамъ выговоренную плату. У зажиточныхъ гражданъ и въ благоустроенныхъ хозяйствахъ всегда находилась собственная прислуга, состоявшая частью изъ домохозяевъ, частью изъ рабовъ купленныхъ, и исполнявшая всѣ обязанности домашняго обихода. Въ особые случаи, которые у многихъ не были рѣдкими, прибѣгали къ временной, наемной прислугѣ, избирая для того людей опытныхъ, обученныхъ подобной службѣ и умѣвшихъ почтительно вести себя. Неимущіе граждане обходились безъ прислуги и по необходимости сами трудились, ихъ потому называли *αὐτοῦργοι*, самодѣтели, что, однако, признавалось несовмѣстнымъ съ званіемъ гражданина, униженіемъ ихъ сана, хотя въ глубокую древность, когда, по свидѣтельству Иродота, еще не было покупныхъ дворовыхъ рабовъ, никто не находилъ позорнымъ заниматься собственнымъ хозяйствомъ ²⁾. Палэфатъ ³⁾, разбирая былинну объ Актэонѣ и разоблачая всю поэзію повѣрья, что въ старину сами боги и богини лично участвовали въ охотахъ на дикихъ звѣрей, распространяетъ на всѣхъ еллиновъ той отдаленной эпохи выраже-

¹⁾ Слова *ὅπο τοῖς βέλοισι* значать или вообще подъ оружіемъ, или въ частности подъ щитами. Предпочитаемъ именно въ этомъ случаѣ послѣднее, предполагая, что олпиты, которые шли не въ строю, несли щиты на спинѣ и подъ ними уложили свое продовольствіе.

²⁾ Прекрасно писалъ Хейне: *Magnum vitae frugalitatem severitatemque, et austeritatem priscam, inter Locrenses viguisse multa cum instituta, tum leges testantur: ex institutis etiam illud, quod nullis mancipiis usi sunt. Timaeo asserente (Athen. VI, p. 264. C. p. 272. A.). nisi recentibus demum aetatibus; ut nec Graecis olim omnino patrio more servi emititi nec ancillae fuere. (Epimetrum 1. De Locris. Legum Locris a Zaleuco scriptarum fragmenta. Commentatio posterior. Напечатано въ Chr. G. Heynii Opuscula Academica collecta Gottingae, 6 vol. 8°, 1785—1812. vol. 2. pag. 54).*

³⁾ *Παλάφ. ἢ περὶ ἀπίστων ἱστορίων*, Палэфатъ, О недостоверныхъ исторіяхъ. Глава περὶ τοῦ Ἀκταίωνος, объ Актэонѣ: οἱ γὰρ τότε ἀνδρες αὐτοῦργοι πάντες ἦσαν. Пользуюсь изданіемъ Геля: *Opuscula mythologica, ethica et physica. Graece et latine ed. Th. Gale. Cantabrigiae. 1671, 8°, см. pag. 10.*

ніе αὐτοῦργοι, самодѣтели, и прилагаетъ такимъ образомъ позднѣйшее названіе древнѣйшему времени, что исторически не вѣрно.

Паллфатъ упрекаетъ Актэона въ нерадѣніи и въ отсутствіи трудолюбія, бывшихъ причиною его гибели, и, подражая Иродоту, прибавляетъ, что тогда не было дворовыхъ людей. Это замѣчаніе показываетъ, что онъ принималъ слово αὐτοῦργός въ значеніи челоѣка, живущаго безъ домашней прислуги, подобно тому, какъ Діонисій Аликярнасскій ¹⁾, желая сказать, что Ромулъ и Ремъ сами обо всемъ заботились и сами все своими руками, безъ прислуги, исполняли, пишетъ, что они вели „образъ жизни самодѣтельнаго, διατα αὐτοῦργός“. Но такой отгѣнокъ значенія встрѣчается только въ четвертомъ вѣкѣ, прежде подъ симъ словомъ разумѣли вообще собственное дѣйствіе или ударъ своею рукою, у Софокла ²⁾, или самостоятельную дѣятельность, у Фукидида ³⁾, и въ этомъ общемъ смыслѣ разъясняетъ Исихій ⁴⁾, говоря, что „αὐτοῦργός есть самъ собою производящій“. Въ четвертомъ же вѣкѣ составилось новое, до того не существовавшее, понятіе, коимъ выражался нѣкотораго рода укоръ въ неприличіи и несообразности жить гражданину безъ домашней прислуги ⁵⁾.

Граждане, признанные неимущими и потому не несшіе общинныхъ повинностей, не составляли никакого цѣлаго, и у нихъ не было ничего общаго; даже нравственное положеніе отдѣльныхъ личностей было весьма различно. Тѣ, кто, или не наслѣдовавъ нищеты, или утративъ оное безъ предосудительныхъ проступковъ, велъ себя скромно, приобретаѣя средства жизни добросовѣстнымъ трудомъ своихъ рукъ, тѣ, не лишаясь правъ, пользовались гражданскимъ

¹⁾ Діонис. Ал. Римскія древности, кн. 1, гл. 79, pag. (Reiske) 205: βίος δ' αὐτοῖς ἐν βουκολίῳ καὶ διατα αὐτοῦργός.

²⁾ Софокл (изд. и перев. Мартынова), Антигона, ст. 50:

πρὸς αὐτοφῶρον ἀνπλακῆματων διπλᾶς

ὁψις ἀρίστis αὐτὸς αὐτοῦργός ἤρεϊ—

выколовъ себѣ, по узнаніи беззаконій своихъ, собственными своими руками очи.

³⁾ Фукидидъ, кн. 1, гл. 141, § 8: Αὐτοῦργοί τε γάρ εἰσι Πελοποννήσιοι, καὶ οὕτε ἰδίᾳ, οὕτε ἐν κοινῇ χρήματα ἔσθιν αὐτοῖς—Пелопоннисцы (ведутъ войну) сами лично, и у нихъ нѣтъ ни частныхъ богатствъ, ни общественныхъ.

⁴⁾ Исихій: αὐτοῦργός ὁ δὲ ἑαυτοῦ ἐργαζόμενος.

⁵⁾ Перизоній, первый изъ ученыхъ, обратилъ вниманіе на слово αὐτοῦργός и старался разъяснить его смыслъ въ примѣчаніяхъ къ „Разнымъ исторіямъ“ Эліана. См. въ изд. Кюна, кн. 1, гл. 31, примѣч. 3; кн. 7, гл. 5, примѣч. 1, и кн. 12, гл. 43, примѣч. 9.

значеніемъ и могли видѣть своихъ дѣтей въ высшихъ достоинствахъ республики. Замѣчательный примѣръ представляетъ Фокъ, Фῶκος ¹⁾, отецъ государственнаго мужа и полководца Фокіона, Φωκίων, названнаго современниками ὁ Χρηστός, полезный, который питался производствомъ ступинныхъ пестовъ, δοιδυχοποιός ²⁾, и жилъ въ бѣдности, что наследовалъ и знаменитый сынъ его. Конечно, этотъ примѣръ едва ли не единственный, но онъ свидѣлствуетъ, что, хотя названіе αὐτοοργός, самодѣтель, и причислялось къ неблаговиднымъ, не устрояло, однако, отъ возможности оставаться добрымъ гражданиномъ. Не говоримъ о бѣдныхъ гражданахъ вообще, ни о тѣхъ изъ нихъ, коихъ слава не померкнетъ въ исторіи. Эліанъ ³⁾ пишетъ: „Доблестные еллины: Аристидъ сынъ Лисимаха, Фокіонъ Фока, Епаминондъ Полимида, Пелопидъ Θивαῖςκῃ, Ламахъ Аѳинянинъ, Сократъ, сынъ Софрониска, и Ефіальтъ Софоніда были бѣднѣйшіе люди“. Но Эліанъ не могъ бы прибавить, чтобы ихъ родители, кромѣ Фока, были αὐτοοργοί.

Иного рода извѣстность сопровождала людей, которые, обладая независимымъ, иногда даже значительнымъ, состояніемъ, прибѣгали ко всѣмъ, часто постыднымъ, средствамъ съ цѣлью утаить оное, казаться совершенно нищими и этимъ способомъ освободиться отъ всякаго участія въ общинныхъ повинностяхъ и отъ всякой самонаималѣйшей жертвы на пользу республики. Увлекаемые алчностью, они думали не объ общественномъ благѣ, а только о своей собственной, личной выгодѣ; обращали свое видимое или явное нищество, οὐσία φανερὰ, въ деньги, то-есть, въ имущество невидимое

¹⁾ Это имя не сифливается у древнихъ съ именемъ Φωκῆς, ἄ, ρ, ἄν, у насъ Фока.

²⁾ Эліанъ, Разн. ист., кн. 12, гл. 48: Φωκίων δὲ ὁ Χρηστός ἐπικληθεὶς, πατρὸς μὲν δοιδυχοῦς ἐργαζομένου ἑν. Гл. 49: Φωκίων ὁ τοῦ Φώκου, πολλὰκις στρατηγῆσας, καταγνώσθη θανάτῳ. Плутархъ, Фокіонъ, гл. 4, § 1, сообщаетъ то же извѣстіе со словъ Идомея: Εἰ γὰρ ἦν. ὧς φησὶν Ἰδομενεύς, δοιδυχοποιὸς πατὴρ, не вѣрить оному на томъ основаніи, что Главкиппъ, сынъ Иперіда, въ своей обвинительной рѣчи не упоминаетъ о простомъ происхожденіи Фокіона и что послѣдній слушать преподаваніе Платона и Ксенократа. Но это личное мнѣніе біографа опровергается единогласнымъ свидѣтельствомъ древнихъ писателей.

³⁾ Эліанъ, тамъ же, кн. 2, гл. 48: Πενίστατοι ἐγένοντο οἱ ἀρίστοι τῶν Ἑλλήνων, Ἀριστείδης ὁ Λακωνικοῦ καὶ Φωκίων ὁ Φώκου καὶ Ἐπαμινώνδας ὁ Πολυμνίδου καὶ Πελопίδας ὁ Θηβαῖος καὶ Λάμαχος Ἀθηναῖος καὶ Σωκράτης ὁ Σοφρονίσκου καὶ Ἐφιάλτης δὲ ὁ Σοφωνίδου καὶ Ἴωνος.

или неявное, οὐσία ἀφανής, рѣшаясь на противозаконное дѣйствіе, что называлось τὴν οὐσίαν ἀφανίζειν; подчинялись лишеніямъ тѣхъ домашнихъ удобствъ, которыми они могли бы легко окружить себя, и, бывъ въ дѣйствительности зажиточными, вели образъ жизни не наравнѣ съ бѣднѣйшими гражданами, а наравнѣ съ рабами, радуясь только сокровищамъ, накапливаемымъ полученіемъ съ должниковъ высокаго роста.

Не трудно вообразить чувство негодованія, вызываемое сими людьми въ ихъ согражданахъ: Димосеенъ явился истолкователемъ онаго, когда въ лицѣ Стефана открыто высказалъ глубокое презрѣніе къ подобнымъ отщепенцамъ еллинской общины. „Предъ вами, судьи, говорилъ ораторъ ¹⁾, лстедъ богатыхъ, пока они въ счастіи, и ихъ же предатель при постигшемъ ихъ несчастіи; человѣкъ, не обращающійся ни къ кому изъ многихъ достойныхъ гражданъ и не обходящійся ни съ кѣмъ, какъ равный съ равнымъ, а добровольно падающій ницъ предъ таковыми же какъ самъ онъ. Предъ вами, судьи, кто не тревожится незаконностью, наносимою имъ кому либо изъ родственниковъ, и не смущается худими о ней у другихъ отзывами: такъ поступаая, онъ соображаетъ только свою прибыль и ни о чемъ иномъ не помышляетъ,—не подобаетъ ли его ненавидѣть, какъ общаго врага всей человѣческой природы? Я сказалъ бы ²⁾. Конечно, о мужи аеиняне, убѣгая гражданскихъ повинностей ³⁾ и скрывая свое достоиніе, онъ предпочитаетъ творить столь постыдныя дѣла для того, чтобы чрезъ мѣналъ производить тайное лихоимство, не принимать на себя ни хоригіи, ни трінархіи, и не исполнять никакой обязанности гражданина. Онъ и совершилъ это“.

Стефанъ, послужившій Димосеену образцомъ для его великодушнаго начертанія, не былъ единоличнымъ: подобныя своекорыстные люди встрѣчались въ его эпоху не очень рѣдко, а нѣкоторые изъ нихъ могли даже и присутствовать при грозной рѣчи оратора. Они обрѣтались, вѣроятно, еще въ пятомъ столѣтіи, можетъ быть, и при Периклѣ, но тогда, предъ страхомъ наказанія, окружали себя не-

¹⁾ Димосеенъ, Первая рѣчь противъ Стефана, §§ 65 и 66.

²⁾ Древній риторскій оборотъ вѣсто: я думаю.

³⁾ Ἐκί τῇ τὴν πόλιν φεύγειν] τὰς εἰς τὴν πόλιν λειτουργίας. Hieron. Wolf. Quo ne trahatur ad necessitatem pecunias ad reip. necessitudines sublevandas contribuendi honoresque onerosos gerendi. Simulat se pauperem et pro eo publice vult haberi ne necesse habeat aliquam peculii partem in usus reip. erogare. Interpretantur statim insequentia καὶ τὰ ὄντα ἀποκρύπτειναι (Reiske).

проницаемою тайною. Во второй же половинѣ четвертаго вѣка они менѣе стѣснялись, и число ихъ до того увеличилось, что они дали поводъ Теофрасту, ученику и преемнику Аристотеля, изобразить ихъ въ одномъ изъ своихъ нравственныхъ очерковъ, подъ заглавіемъ ἀνελευθερία. Это слово значитъ собственно несвободность, но въ немъ заключается особый оттѣнокъ, составляющій преимущественное отличие древняго еллинскаго общества, и соответствующее политическимъ и нравственнымъ воззрѣніемъ еллановъ; оно потому и непереводимо такимъ нашимъ словомъ, которое бы равносильно выражало всѣ стороны его весьма замѣчательнаго смысла.

Древніе еллины рассматривали доблесть, ἀρετή, какъ понятіе единое, и учили, что доблесть гражданская была въ то же время и доблестью нравственною, такъ что оба вида являются недѣлимыми; гражданское принималось нравственнымъ, и нравственное гражданскимъ. Этотъ взглядъ выходилъ изъ политическаго устройства еллановъ и съ нимъ согласовался. Политія, πολιτεία, то-есть, гражданство ¹⁾, или гражданская община, замѣнившая дикократію и бывшая высшимъ развитіемъ республиканскихъ учрежденій, до коего еллины достигли, почиталось ими верховнымъ благомъ, которому они не только съ глубокою искренностью сочувствовали и заботливо, напряженіемъ всѣхъ силъ, его поддерживали, жертвуя на сохраненіе онаго своимъ имуществомъ и жизнью, но съ которыми соотнобразовали свои частныя дѣянія, домашній бытъ, даже помыслы. Въ политіи потому не должно существовать различія между правдивостью отдѣльнаго гражданина и правдивостью дѣлой общины гражданъ: обѣ взаимно себѣ помогали и обоюдно себѣ содѣйствовали. Такъ думали и поступали еллины въ цвѣтущее время своихъ республикъ и тѣмъ ознаменовались и прославились: эпоха раздвоенія понятія доблести на общественную и частную была предвѣстницею паденія самой политіи.

Но это понятіе доблести признавалось принадлежностью только гражданъ; было только имъ доступно и даже какъ бы присуще. Вѣрные политіи граждане мыслили, дѣйствовали и жили, не от-

¹⁾ Переводы πολιτεία словомъ гражданство, разумѣмъ гражданство не въ смыслѣ сословія, подобно словамъ: дворянство, духовенство, купечество, а въ смыслѣ самостоятельнаго, независимаго владѣнія, какъ, напримѣръ, княжество. Πολιτεία, гражданство, есть названіе греческое, по-римски республика, республика: оба выраженія равносильны. Для обозначенія собственно общины греки пользуются словомъ τὸ κοινόν.

дѣлая себя отъ общины, ибо видѣли въ исполненіи общинныхъ обязанностей и повинностей какъ требованіе законности, которую обусловливалось все бытіе ихъ, такъ честь и пользу своего гражданства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное начало, коимъ руководились и которое стремились себѣ усвоить. Такое состояніе эллины обозначали словомъ τὸ ἐλευθέρων, свобода. Периклъ говорилъ афинянамъ въ своей надгробной рѣчи: „Мы свободно гражданствуемъ въ дѣлахъ общины“¹⁾; что, по новѣйшему способу выраженія, значить: „мы, граждане, свободно правимъ, то-есть, верховно заведуетъ дѣлами общины“²⁾. Нѣсколько далѣе въ той же рѣчи онъ высказываетъ мысль, что „благополучіе есть свобода, а свобода благодушіе“³⁾. Периклу подражалъ Платонъ въ Менексѣнѣ, гдѣ воспроизводитъ мысль своего предшественника только въ большемъ распространеніи. „Въ нашей республикѣ, говоритъ Сократъ“⁴⁾, благородство и свобода, постоянство и здравомысліе; къ тому же природная ненависть къ варварамъ, ибо мы правдиво эллины безпримѣся варваровъ“.

Итакъ, по ученію древнихъ эллиновъ, политія, πολιτεία, или гражданство, создавалась свободою, τὸ ἐλευθέρων, а свободу вызывала доблесть, ἀρετή, бывшая неразлучною ея спутницею и наставницею. Сама же доблесть представляется началомъ двойственнымъ, но въ то же время началомъ недѣлимымъ, коего обѣ части образовывали сочлененное цѣлое. Эта единосущная двойственность доблести есть главное свойство и отличительный признакъ древней эллинской свободы, а вмѣстѣ съ нею и древнихъ эллинскихъ республикъ. Совершенною противоположностію сему понятію выражаетъ слово ἀνελευθερία, несвободность, ибо имъ обозначалось отрицаніе и отсутствіе

¹⁾ Фукидидъ, кн. 2, гл. 37, § 2: Ἐλευθέρως δὲ τα τε πρός το κοινόν πολιτεύομεν. Сообразуясь съ словами: княжить, господствовать, царствовать, мы позволили себѣ перевести слово πολιτεύω словомъ гражданствую, въ смыслѣ управляю, хотя такого выраженія до сихъ поръ не было. Толкователи и лексикографы утверждаютъ, будто бы ἐλευθέρως πολιτεύομεν означаютъ: мы свободные граждане, но не вѣрно. Периклъ не могъ подобнымъ образомъ ни говорить, ни думать, ибо не свободныхъ гражданъ не существовало; онъ хотѣлъ сказать: мы свободно управляемъ дѣлами общины.

²⁾ Гл. 43, § 3: οὕς οὖν ὑμεῖς ζηλώσαντες καὶ το εὐδαιμόνιο το ἐλευθέρων, το δὲ ἐλευθέρων το εὐφροῦν χρίαντες.

³⁾ Платонъ, Менексѣнъ, гл. 17, pag. 245, с: οὕτω δὲ τοι τό γε τῆς πόλεως γενναίον καὶ ἐλευθέρων βεβαίον τε καὶ ὑγιές ἐστι: φῶσι μισοζάρβαρον, διὰ τὸ εἰλικρινῶν εἶνα: ἀμύγεις ζαρβαρών.

въ человѣкѣ качествъ доблести, признаваемыхъ неразлучными съ званіемъ гражданина. Слово ἀνελευθερία позднее; не встрѣчался ни у Иродота, ни у Фукидида, оно употреблено Ксенофонтомъ и еще чаще Платономъ: и не удивительно, такъ какъ въ немъ заключается смыслъ, соответствующій тѣмъ воззрѣніямъ, которыя осуществились только при законченномъ учрежденіи политіи или гражданства, что наступило уже послѣ Перикла.

Ксенофонтъ и Платонъ, а за ними Аристотель и другіе писатели, пользуются словомъ ἀνελευθερία, несвободность, не для указанія принадлежности лица сословію рабовъ, чего оно никогда даже и впослѣдствіи не означало, а для опредѣленія нравственныхъ свойствъ гражданина, именно для выраженія отсутствія въ немъ гражданской доблести, считавшагося величайшимъ позоромъ въ мнѣніи истиннаго еллина. Ксенофонтъ пишетъ, что Сократъ, не желая произносить предъ судьями своей защиты и не страшась ихъ смертнаго приговора, говорилъ Ермогену: „я предпочту скорѣе умереть, чѣмъ жить чрезъ мольбу, несвободно, ἀνελευθερός (то-есть, по милости, безъ гражданской доблести) и получить въ даръ жизнь, далеко худшую смерть“ ¹⁾. Отвергаемый Сократомъ образъ мысли и образъ жизни почитался рабскимъ, хотя и замѣчался у гражданина, а потому и слово ἀνελευθερός, не свободно, соединялось часто, для усиленія оттѣнка въ смыслѣ, съ словомъ δουλοπρεπώς, рабскино.

КогдаThemistій противопоставляетъ высокому значенію философа ничтожество кое-что постигшихъ самоучекъ, то называетъ ихъ людьми „несвободно и рабскино воспитанными“ ²⁾. Платонъ въ Горгіи пишетъ, что дѣятельность, πραγματα, гражданина двоякая: одна духовная, περί τήν ψυχήν, другая тѣлесная, περί τὸ σῶμα; послѣднюю, заботящуюся объ удовлетвореніи потребностей обыденной жизни, онъ именуетъ служебною, διακονική; затѣмъ разбираетъ отдѣльныя части тѣлесной дѣятельности и произноситъ о нихъ слѣдующее сужденіе: „посему какъ названные нами, такъ и другіе предметы подобныхъ занятій о тѣлѣ, рабскины, служебны и не-

¹⁾ Ксенофонтъ, Апология Сократа, § 9: αἰρήσομαι τελευτὴν μᾶλλον ἢ ἀνελευθερός το ζῆν ἐτι προσαιτῶν, κερδαίνει τὸν πολὺ χεῖρω βίον ἀντὶ θανάτου.

²⁾ Themistій, рѣчь 21, pag. 246, c: ἀνελευθερός τε καὶ δουλοπρεπῶς τειτραμμένοι. Пользуюсь изданіемъ Petavii: Themistii orationes XXXIII graece et lat. ed. Dionysius Petavius. Cum notis Petavii et Harduini. Parisiis. 1684, in-fol.

свободны" ¹⁾). Въ „Законахъ“ Платонъ разъясняетъ причину, производящую такое, несообразное съ гражданствомъ, состояніе, и находитъ ее въ воспитаніи. Приведемъ слова философа, коимъ нельзя не сочувствовать. „Принимаю, говоритъ афинянинъ Клиніи ²⁾, за неоспоримое начало, что воспитаніе, окруженное нѣгомъ, образуетъ нравъ юношей строптивый, гнѣвный, воспламеняющійся ничтожными поводами, но что также и противоположное сему воспитаніе, ведущее дѣтей въ строгомъ и суровомъ порабощеніи, внушаетъ малодушіе, несвободность и человѣконенавистность, и дѣлаетъ ихъ совершенно неспособными къ общежитію“

При отсутствіи гражданской доблести, полнымъ равнодушіемъ къ благу общины и при устраненіи себя отъ всѣхъ должностей, обязанностей и повинностей, конечною цѣлью несвободныхъ были только алчность и сребролюбіе, къ чему они дѣйствительно и стремились. Потому и слово ἀνελευθερία, несвободность, употребляется въ значеніи лихоимства и схищничества, какъ замѣчаетъ Аристотель въ Никомаховой этикѣ. „Мы всегда придаемъ, говоритъ онъ ³⁾, выраженіе: несвободность, тѣмъ, кто болѣе, чѣмъ подобаетъ, усердствуетъ деньгамъ“. „Несвободный быстръ въ полученіи денегъ, но тяготится ихъ выдачею“ ⁴⁾). Это значеніе слова „несвободность“ было, однако, новымъ и не согласуется съ приведеннымъ выше воззрѣніемъ Перикла. Во время Аристотеля оно преобладало и даже вытѣснило прежній смыслъ отсутствія вообще въ гражданинѣ доблести. Повидимому, оно было современнымъ Аристотелю, ибо онъ нашелъ необходимымъ составить подробное толкованіе двухъ выраженій: свободный и несвободный. Въ этомъ толкованіи отвергается всякая мысль о гражданской доблести, и смыслъ сихъ обонхъ словъ ограничивается

¹⁾ Платонъ, Горгія, гл. 73, pag. 517, d: ἐγὼ γοῦν σε πολλάκις οἶμαι ὡμολογήκεναι καὶ ἐγνώκειναι, ὡς ἄρα διττὴ αὐτῇ τις ἡ πραγματεία ἐστὶ καὶ περὶ τὸ σῶμα καὶ περὶ τὴν ψυχὴν, καὶ ἡ μὲν ἑτέρα διακονικὴ ἐστίν. Pag. 518, a: διὸ δὴ καὶ ταύτας μὲν δουλοπρεπεῖς τε καὶ διακονικὰς καὶ ἀνελευθέρους εἶναι περὶ σώματος πραγματεῖαν, τὰς ἄλλας τέχνας.

²⁾ Платонъ, Законы, кн. 7. pag. 791, d: Λέγω δὲ τὸ γε παρ' ἡμῖν δόγμα, ὡς ἡ μὲν τροφὴ δύσκολα καὶ ἀπράγολα καὶ σφόδρα ἀπὸ σμικρῶν κινούμενα τὰ τῶν νέων ἤθη ἀπεργάζεται, τὸ δὲ τούτων ἐναντίον, ἧ γε σφόδρα καὶ ἀγρία δούλωσις, ταπεινοῦς καὶ ἀνελευθέρους καὶ μισανθρώπους ποιοῦσα ἀνεπιτηδεῖους ξυνοίκους ἀποτελεῖ.

³⁾ Аристотель, Ἠθικά Νικομάχεια, кн. 4, гл. 1, § 3: καὶ τὴν μὲν ἀνελευθερίαν προσάπτουмен ὅτι τοῖς μᾶλλον ἢ δεῖ περὶ χρήματα σπουδαῖουσι.

⁴⁾ Тамъ же, кн. 2, гл. 7, § 4: ὁ δ' ἀνελεύθερος ἐν μὲν ἀψέ: ὑπερβάλλει: ἐν δὲ προέσει ἑλλείπει.

только денежнымъ вопросомъ. „Скажемъ теперь, начинается Аристотель ¹⁾, о свободности, означающей, кажется, умѣренность въ дѣлахъ денежныхъ. Произноси слово: свободный, восхваляютъ, не военные подвиги человѣка, не его здравомысліе, не судебныя рѣшенія, а поступки его въ раздачѣ и полученіи денегъ, въ особенности въ раздачѣ“. Такъ въ теченіе одного вѣка послѣ Перикла измѣнилось значеніе словъ свобода и несвободность.

Теофрастъ соединяетъ съ словомъ ἀνελευθερία, несвободность, двоякое понятіе. Онъ пользуется имъ въ позднѣйшемъ смыслѣ онаго, для выраженія скряжничества, и въ то же время придаетъ ему прежнее, первоначальное значеніе недостатка нравственнаго достоинства. Онъ начинаетъ свой очеркъ весьма точнымъ опредѣленіемъ: „ἀνελευθερία, несвободность, говоритъ онъ ²⁾, есть совершенное отсутствіе чувства чести при предстоящемъ расходѣ“. Затѣмъ онъ упоминаетъ о трагической побѣдѣ, о сборѣ добровольныхъ приношеній на пользу республики, наконецъ о трирархίи, разбираетъ слѣдовательно поступки, не частнаго человѣка, а общественнаго дѣятеля, поступки неразрывные съ свободою гражданства. Послѣ сего Теофрастъ переходитъ къ частной жизни и выставляетъ дѣйствительнаго скрягу во всемъ его безобразіи. Приведемъ только отрывокъ, касающійся наемныхъ людей. „Даже, пишетъ авторъ ³⁾, онъ не покупаетъ служанокъ своей женѣ, хотя она принесла ему приданое, а для сопровожденія ея въ торжественныхъ храмовыхъ ходахъ женщины нанимаетъ прислужницу“.

V.

Употребленіе выраженій ἀποφορά и μισθός.—Наемникъ—μισθός.—Λάτρις и πάλαιονος.—Аристотель о семъ предметѣ.

Предшествующія разысканія не оставляютъ сомнѣнія, что отдаваемые владѣльцами рабовъ въ наймы дворовые обоого пола люди

¹⁾ Τίς γάρ, кн. 4, гл. 1. § 1: Λέγωμεν δ' ἐστὶν περὶ ἐλευθεριότητος, δοκεῖ δ' εἶναι ἢ περὶ χρημάτων μεστότης· ἐπιναίεται γάρ ὁ ἐλευθέριος οὐκ ἐν τοῖς πολεμικοῖς, οὐδ' ἐν οἷς ἰσώφρων, οὐδ' αὖ ἐν ταῖς κρίσεσιν, ἀλλὰ περὶ θόσιν χρημάτων καὶ λήψιν, μᾶλλον δ' ἐν τῇ θόσει.

²⁾ Теофрастъ, Очеркъ 22: Ἡ ἀνελευθερία περιουσία ἀφίλοτι, ἵας διαπανός εἶχουσα. Слово въ слово: набытокъ нелюбошестія.

³⁾ Тамъ же: Καὶ τῇ γυναίκε τῇ αὐτοῦ προίκα εἰσενεγκάμενη μὴ πείσθαι θεραπεύειν, ἀλλὰ μισθοῦσθαι εἰς τὰς ἐξόδους τὰς γυναῖκες· πιδίον συνανηκολούθησεν. Теофрастъ говоритъ здѣсь, вѣроятно, не о простыхъ выходахъ, а о торжественныхъ религиозныхъ процессіяхъ.

были чрезвычайно многочисленны, наполняли въ громадномъ большинствѣ города и помѣстья, и при гражданскомъ строѣ еллинскихъ республикъ оказывались существеннѣйшею необходимостью и поддержкою самаго гражданства или политіа, ибо составляли главный, почти что единственный, разрядъ служащихъ. Для обозначенія наемнаго человѣка еллины употребляли слово *μίσθιος*, чѣмъ называли всѣхъ обоаго пола людей, исполнявшихъ какого бы рода ни было занятіе, трудъ или службу за плату и по найму. Сюда причислялись равномѣрно и смотрѣвшіе за дѣтьми педагоги или дядьки, которые, по свидѣтельству Плутарха, были частью купленные, частью наемные. „Ликургъ постановилъ, пишетъ биографъ ¹⁾, чтобы спартацы не вручали дѣтей ни купленнымъ, ни наемнымъ воспитателямъ“.

Кромѣ слова *μίσθιος*, есть еще слово *λάτρις* или *λατρεύς* ²⁾ также въ значеніи наемнаго человѣка, но, встрѣчаясь у Теогида, Софокла, преимущественно же у Еврипида, и ни у кого изъ прозаиковъ, оно, повидимому, только стихотворное; при томъ не обще-еллинское, а, такъ сказать, областное, ибо, по указанію Урбинской рукописи риторскихъ реченій, *ῥητορικαὶ λέξεις*, заимствовано изъ вессалійскаго нарѣчія ³⁾. Аеинѣй приводитъ изъ словаря Клитарха, вмѣстѣ съ словомъ *λάτρις*, также названіе *πάλμωνες* ⁴⁾, но точное значеніе сего имени до сихъ поръ не опредѣлено, и едва ли можетъ быть узнано, такъ какъ древнихъ толкованій не сохранилось, мнѣніа же

¹⁾ Плутархъ, Ликургъ, гл. 16, § 6: τῶν δὲ Σπαρτιατῶν παῖδας οὐκ ἐπὶ ὧνιχοῖς οὐδὲ μισθίοις ἐποιήσατο παιδαγωγοῖς Λουκούργος.

²⁾ Великій этимологикъ, pag. 34: Λάτρις, μισθῶ δουλεύων· λάτρον γάρ ὁ μισθός.

Тамъ же, 557, 40: Λατρεία, ἐκ τοῦ λατρεύω· τοῦ λάτρις, ὃ σημαὶ τὸν μισθὸν δοῦλον.

Искннй: Λατρεία· δουλεία. Λάτρις· δοῦλος.

Свида: Λάτρον· μισθός. λατρεία γάρ δουλείа ἐπὶ μισθῶ.

³⁾ Im. Bekkeri Anecdota graeca. Въ Annotatio critica Беккеръ пишетъ, стр. 1094: Λέξεις ῥητορικαί. Differunt ab his ῥητορικαὶ λέξεις codd. Vat. Urbini. Затѣмъ въ примѣчаніи, на стр. 1095, приведены слова древняго схоластиа, гдѣ между прочимъ сказано: Ποῖα γινώσκει κατὰ πόλεις Θεσσαλῶν . . . λάτρις δοῦλος.

⁴⁾ Аеинѣй, кн. 6, гл. 93, pag. 267, с: Καλοῦν· οἱ δοῦλοι, ὡς μὲν Κλισιαρχὸς φησὶν ἐν ταῖς Γλώσσαις, ἄλλοι, θερίποντες, ἰ ἀκόλουθοι, καὶ διάκονοι, ὑπηρεταὶ· ἐπὶ δὲ πάλμωνες καὶ λάτρις.

новѣйшихъ ученыхъ между собою раздѣлились. Казобонъ ¹⁾ предполагаетъ, что это названіе происходитъ отъ глагола παλαμᾶσθαι, означавшаго: производить или дѣлать рукою, τὸ διὰ χειρὸς ἐργάζεσθαι, и видитъ въ πάλμονες рукодѣльныхъ дворовыхъ. Диндорфъ же въ „Сокровищницѣ греческаго языка“ ²⁾ совершенно отвергаетъ чтеніе πάλμονες, объявляя оное ошибочнымъ, но не признаетъ нужнымъ привести какія либо доказательства, а довольствуется собственнымъ приговоромъ. Иначе поступилъ Валькенарій ³⁾: находя у Исихія выраженіе ἐπάμονες въ значеніи ἀκόλουθοι, то-есть, рабовъ, сопровождавшихъ господъ, онъ утверждаетъ, что слово πάλμονες есть только испорченное переписчиками слово ἐπάμονες, и предлагаетъ замѣнить оное послѣднимъ. Валькенарій пишетъ потому въ подлинникѣ Аэинна: ἐτι δ' ἐπάμονες καὶ λάτρες, разумѣя подъ первыми рабовъ сопровождаателей. Не рѣшаясь произнести сужденія въ превіи двухъ знаменитыхъ ученыхъ: Казобона и Валькенарія, мы думаемъ, что πάλμονες, какую бы службу они ни исполняли, было равномѣрно съ λάτρες названіемъ областнымъ, и что слѣдовательно единственнымъ обще-еллинскимъ словомъ, обозначававшимъ наемнаго челоуѣка, остается выраженіе μισθός.

Наемная плата называется всегда μισθός, и часто случается, что писатели, разнообразя свое изложеніе, пишутъ: ὁ ἐπὶ μισθῷ δουλεύων ⁴⁾,

¹⁾ Въ изданіи Аэинна Швейгхейзеромъ: Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post Isaacum Casaubonum conscripsit Joh. Schweighauser, in lib. VI, cap. XCIII: Ad vocab. πάλμονες adnotavit Dalecampius: quidam πάλμονας, tamquam παλάμονας, interpretantur astutos, callidos, versutos. Et nobis πάλμονας visum erat dictos fuisse tamquam παλάμονας, at non ista notione, quam Dalecampius commemoravit, sed notione ducta ab usu verbi παλαμᾶσθαι, quod τὸ διὰ χειρὸς ἐργάζεσθαι. olim significabat, ut docet Etymologus in Παλαμναῖος, id est manu opus facere. Quo etiam spectat glossa apud Hesychium: Παλαμῆσας, ἐργάσας, et apud Suidam: Παλαμωμένων, χειρὶν ἐργαζομένων.

²⁾ Thesaurus graecae linguae, ab H. Stephano constructus (Paris, Didot), Πάλμων lectio vitiosa.

³⁾ Ammonius, De differentia adfinium vocabulorum ed. L. C. Valckenaer, nova editio, Lips., 1822, 8°. Animadvers. lib. 11, cap. IV, pag. 78: Gravem maculam e Clitarchi Glossario tollam apud Athen. l. VI, p. 267, c. καλοῦνται δ' οἱ δοῦλοι.... ἐτι δὲ πάλμονες καὶ λάτρες. Pro ἐτι δὲ πάλμονες legendum contendo: ἐτι δ' ἐπάμονες καὶ λάτρες. In Hesychio itidem ea vox est corrupta: Ἐπάλλων, δοῦλος, λάτρης. Repone: Ἐπάμων ὁρτος error ex affini litterarum ΛΛ et Μ in membranis ductu. Hesychius recte alibi: Ἐπάμονες, ἀπόγονοι, ἀκόλουθοι, et: Ἐπάται, ἀκόλουθοι, θεράποντες.

⁴⁾ См. выше Вел. Эт., pag. 557, 34.

рабствующий за наемную плату, или *μισθῷ ἐργαζόμενος* ¹⁾, трудящийся по найму, всего чаще *μισθοφόρος* ²⁾, наемную плату несущий, то-есть, наемникъ; всѣ эти обороты равносильны съ словомъ *μισθιος*, или, что также у нѣкоторыхъ читается, *μισθιος δοῦλος*. Составитель Великаго Этимологика утверждаетъ ³⁾, будто бы слово *μισθός* означало въ собственномъ смыслѣ плату за наемъ на мѣсяцъ, несобственно же и подневную плату. Его опровергаютъ, однако, Эсхинъ и Димосеенъ, на которыхъ мы уже ссылались, и которые нѣсколько разъ упоминаютъ о подневной платѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣлствуютъ, что словомъ *μισθός* именовалась вообще всякая наемная плата, за какой бы срокъ службы она ни взималась. Эта плата была предварительно весьма точно опредѣлена и условлена, почему еллины и говорили: *μισθός ῥητός* ⁴⁾, или *μισθός εἰρημένος* ⁵⁾, уговорная плата; она почиталась неотъемлемою собственностью владѣльца рабовъ и къ нему поступала, что обозначалось словами: *μισθὸν φέρειν* ⁶⁾, несть плату, и *μισθὸν πορίζειν* ⁷⁾, доставлять плату; владѣльцу, наконецъ, предоставлялось право получать наемную плату, *λαμβάνειν μισθόν* ⁸⁾, или самому лично, или чрезъ довѣренныхъ людей, которые обыкновенно избирались имъ также изъ числа своихъ же рабовъ.

Такое положеніе наемныхъ рабовъ въ еллинскихъ республикахъ требовало постоянного, бдительнаго надзора и принятія мѣръ для предупрежденія могущей явиться опасности. Оно вызывало забот-

¹⁾ Психій и Свида: *μισθοφόρος· ἐπὶ μισθῷ ἐργαζόμενος*.

²⁾ Im. Bekkeri Anecdota, pag. 278: *μισθοφορεῖν ἢ ἐπὶ μισθῷ γινόμενη ἐργασία ἢ τὸ ἐπὶ μισθῷ τι πράττειν*.

³⁾ Вел. Эт., pag. 588, 58: *μισθός, κυρίως ὁ εἰς μῆνα κατατιθέμενος· ταχρηστικῶς καὶ ὁ ἐφ' ἡμέραν*.

⁴⁾ Такъ сказано въ Илиадѣ даже о боггахъ, пѣснь 21, ст. 445:

μισθῷ ἐπὶ ῥητῷ.

⁵⁾ Исиодъ, Труды и Дям, ст. 370:

μισθός δ' ἀνδρὶ φίλῳ εἰρημένος ἀρχιός ἐστω.

Продотъ, кн. 6, гл. 23, § 5: *μισθός δέ οἱ τῷ εἰρημένος ὅδε ὑπο τῶν Σαμίων*.

⁶⁾ Аристофанъ, Ахарны, ст. 137, Дикэопаль гонорить:

Μὰ Δι' οὐχ ἄν, εἰ μισθόν γε μὴ 'φ' ἐρεας πολόν.

⁷⁾ Аристофанъ, Всадники, ст. 1018. Клеонъ говорить диму:

ὅς προ σέθεν χάστων καὶ ὑπὲρ σοῦ δεινὰ κεκραγώς τοὶ μισθὸν πορίζει.

⁸⁾ Платонъ, Политія, кн. 8, pag. 568, с.

ливость гражданского вѣча и пробуждало пыливость ума философовъ-политиковъ, разсуждавшихъ объ учрежденіяхъ республики и о средствахъ ихъ улучшенія. Не удивительно потому, что Аристотель говоритъ въ Политикѣ о работѣ по найму, называя оную *μισθαρνία*, и что онъ подвергаетъ этотъ предметъ столь же строгому разбору, какъ и прочіе, входящіе въ кругъ его разсмотрѣнія. Здѣсь видимъ одну изъ многихъ сторонъ, въ коихъ обнаруживается различіе политическихъ понятій нашего времени съ понятіями древнихъ еллиновъ: новѣйшіе писатели о государственномъ правѣ современной Европы подобнымъ предметомъ никогда не занимаются, даже о немъ не помышляютъ. Аристотель ¹⁾ же составилъ особый отдѣлъ о приобрѣтаніи, *χρηματιστική*, помѣстивъ туда наемную работу, признавъ ее третьею частью сего отдѣла, и раздѣливъ ее на два вида, изъ коихъ въ одинъ причислилъ производства ремесленниковъ, а въ другой труды, требующіе тѣлесной силы, не искусства. Димосеень ²⁾, желая погубить Эскина, называетъ его служащимъ по найму, *μισθωτός*, а его политическую дѣятельность наемною работою, *μισθαρνία*.

Повторимъ въ заключеніе сказанное нами въ началѣ сего изслѣдованія о наемныхъ людяхъ въ еллинской древности, что если Августъ Бекъ и его послѣдователи принимаютъ слово *ἀποφορά* въ значенія наемной платы, то это ихъ мнѣніе, вѣрнѣе говори толкованіе, находится въ явномъ, рѣшительномъ противорѣчій съ употребленіемъ сего слова у самихъ греческихъ писателей, которые всѣ безъ изыатія называютъ наемную плату *μισθός*, никогда не смѣшивая сего названія съ словомъ *ἀποφορά*. Этотъ принимаемый ими смыслъ есть произвольный и произошелъ отъ недосмотра. Опредѣливъ значеніе слова *μισθός*, надѣемся разъяснить столь же положительно и вѣрный смыслъ выраженія *ἀποφορά*.

¹⁾ Аристотель, Политика, кн. 1. гл. 4. § 2: τρίτον δὲ μισθαρνία ταύτης δ' ἡ μὲν τῶν βασιλέων ταῦτων, ἡ δὲ τῶν ἀτέχνων καὶ τῷ σώματι μόνῳ χρησίμων.

²⁾ Димосеень, О вѣнцѣ, § 38: Ἀρ' ἐπὶ τὸ ὑπαὶς ταῖς ἐλπίσι τὴν εἰρήνην ἔπο: ἴσθαι, ταῦτ' ἐπ' ἡγήελεθ' ὑμῖν οὕτος μισθωτός: § 50: παρὲν ὡς λησθεῖς ἴσως, οἱ καὶ πρὶν ἐπιτοὺν εἰδότες

VI.

Особники (*χωρίς οἰκοῦντες*) и метики (*μέτοικοι*).—Их положеніе въ Афинской республикѣ.—Ошибочный взглядъ А. Бека.—Благосостояніе рабовъ.—Димосеенъ и Эсхинъ о жителейскихъ дѣлахъ афинянъ.—Трапезитскимъ рѣчь Исократъ.—Оброкъ у афинянъ.—Рѣчь Эскина противъ Тимарха.—Свидѣтельства Эскина, Димосеена и Перикла о *χωρίς οἰκοῦντες*.—Ошибка Бека.—Связь наименованія денежныхъ взносовъ съ сословіемъ плательщиковъ.—Подушная подать метиковъ.—Принятіе жалобъ по тяжбамъ.—Вступленіе вольноотпущенныхъ въ сословіе метиковъ.—Коренные метики и ихъ предстатели (*προστάτης*).—Метики новоприсоединенные.—Два судебныхъ вида по дѣламъ о предстательствѣ. *Δίκη ἀπρόστατον* и *ἀποστασίον*.—Арпократіонъ о семь предметѣ.—Метики иностранцы и метики вольноотпущенные.—Раздѣленіе сословія метиковъ на два разряда въ эпоху ораторовъ.—Эпоха до-Классееновская.—Свидѣтельство Аристотеля.—Толкованіе М. Куртия.—Занимствованіе Зуверна.—Сословіе метиковъ въ VI, V и IV ст.—Источникъ недоразумѣнія Арпократіона и составителя реченій риторскихъ въ объясненіи *χωρίς οἰκοῦντες*.—Труды Валезія, I. Вольфа и А. Бека.

Переходимъ къ остальному, третьему разряду рабовъ, именно къ называемымъ афинянами *χωρίς οἰκοῦντες*, особо живущимъ, или, по русской старинѣ, особники, и представляющимъ, думаемъ, нѣкоторое сходство съ обязанными, но уже освобожденными людьми, живущими по оброку, или оброчными. Въ этотъ разрядъ зачислялись рабы, коимъ еллинскій господинъ предоставлялъ право служить и работать, гдѣ имъ самимъ выгодноѣ, заниматься по ихъ личному выбору, какими пожелаютъ, дѣлами и предпріятіями, даже пребывать гдѣ угодно: онъ ихъ обязывалъ только вносить ему въ назначенный срокъ условленную и точно договоренную плату, другими словами: дозволялъ имъ жить по оброку. Существованіе въ древней Греціи этого разряда рабовъ доказывается положительными свидѣтельствами писателей, и нельзя согласиться съ мнѣніемъ Августа Бека, который, какъ мы видѣли, не дѣлая никакого различія между рабами и не распредѣляя ихъ по разрядамъ, утверждаетъ, будто бы владѣлецъ всегда самъ отдавалъ въ наймы всѣхъ своихъ рабовъ и всегда самъ взыскивалъ и собиралъ слѣдующую за ихъ трудъ плату: его опровергаетъ тотъ же Ксенофонтъ, на котораго онъ именно и ссылается.

Еслибы еллинскій господинъ дѣйствительно поступалъ такимъ образомъ, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ на долю бѣдныхъ рабовъ падали бы развѣ ничтожныя крохи съ доходовъ ихъ владѣльца: нечего было бы и думать объ ихъ богатствѣ. Ксено-

фонть же, напротивъ, выставляетъ не только ихъ зажиточность и довольство, но даже роскошь нѣкоторыхъ рабовъ, принудившія аеинскихъ гражданъ умѣрять свою древнюю гордость и обращаться съ ними съ учтивостью себѣ равныхъ. Такое благосостояніе достигалось и вообще становилось возможнымъ единственно при вольномъ трудѣ рабовъ и при независимости ихъ дѣйствій и оборотовъ отъ всѣхъ притязаній ихъ господина, кромѣ правильной уплаты наложенного и ими принятаго оброка. Сами владѣльцы понимали свои выгоды и хорошо знали, что чѣмъ рабъ богаче, тѣмъ значительнѣе и вѣрнѣе его денежный взносъ. Они и не вмѣшивались ни въ ихъ дѣла, ни въ способы приобрѣтенія ими средствъ жизни и даже имуществъ; не запрещали имъ избирать мѣсто жительства и дозволяли строить дома и заводить собственное хозяйство. Мы думаемъ, что Ксенофонтъ, говоря о богатствѣ рабовъ, разумѣлъ именно означенный разрядъ аеинскихъ рабовъ, то-есть, τοὺς χωρὶς οἰκοῦντας, или оброчныхъ особниковъ.

Ксенофонтъ не назвалъ никого изъ разбогатѣвшихъ рабовъ, но современники его понимали, такъ какъ подобныя люди всегда обращаютъ на себя вниманіе; для насъ его указаніе есть свидѣтельство писателя несомнѣнной правдивости. Оставленный имъ, однако, пробѣлъ восполняетъ Димосеенъ, коего тяжбевныя рѣчи, вмѣстѣ съ рѣчью Эскина противъ Тимарха, драгоцѣннѣйшая сокровищница свѣдѣній о житейскихъ дѣлахъ аеинянъ. Въ нихъ часто выступаетъ Пасіонъ, Πάσιων, σκωός, пресловутый мѣняло-ростовщикъ, прикрывавшійся болѣе благообразнымъ наименованіемъ трапезита ¹⁾, или, по новѣйшему, банкира. Онъ былъ купленнымъ рабомъ Архестрата ²⁾ и судѣльцемъ, ἐπίκαθήμενος, въ мѣняльной или трапезитской лавкѣ, обнаружилъ большую ловкость въ веденіи денежныхъ дѣлъ, заслужилъ довѣріе ³⁾, нажилъ себѣ состояніе и доставлялъ

¹⁾ Отъ слова τράπεζα, мѣняльный столыкъ.

²⁾ Димосеенъ, за Φορμίωνα, § 45, pag. 958: Καὶ ὅτε θυμάσῃ πῶς οὐ λογίζῃ πρὸς αὐτὸν ὅτι ἐστὶν Ἀρχεστράτῃ τῷ ποτὶ τὸν σὸν πατέρα στυγμένῳ υἱὸς ἐνθάδε, Ἀντίμαχος, πρῶττον οὐ κατ' αἴαν. § 48, pag. 959: ἂ γὰρ ἂν σὺ δὲ ἐκ αὐτῷ κατὰ τοῦτου τάξῃς, ταῦτα ταῦθ' ἔχει κατὰ τοῦ παρὰ τῶν τὸν σὸν πατέρα' ἐξ ἀρχῆς κτησαμένων. Ἀλλὰ μὴν ὅτι κακείνος ἦν τιτῶν, εἴτ' ἀπ' ἡλλάρχῃ, τὸν αὐτὸν τρόπον ὑπερ οὗτος ἀρ' ὁμῶν, λαβὲ μοι ταῦτα τὰς μαρτυρίας ὡς ἐγένετο Πασίων Ἀρχεστράτου.

³⁾ Тамъ же, § 43, pag. 957: Ἀλλὰ μὴν περὶ γε εὐπορίας, ὡς ἐκ τῶν τοῦ πατρὸς τοῦ σοῦ κέκτηται: . . . ἀλλὰ παρὰ τοῖς αὐτοῦ κυρίοις Ἀντισθένης καὶ Ἀρχεστράτῃ τραπεζῖτεοι: πεῖραν δοῦς, ὅτι χρηστός ἐστι καὶ δίκαιος, ἐπιστεύθη.

своему владѣльцу такъ много выгодъ, что получилъ отъ него увольнительную ¹⁾. Ставъ вольноотпущеннымъ, ἀπλευόβερος, и черезъ то метикомъ, μέτοικος, Пасіонъ открылъ собственную трапезу, вель обширныя денежныя дѣла, не только внутреннія, но и внѣшнія ²⁾, занимался переводомъ денегъ въ разныя, даже отдаленныя, мѣстности и прибрѣлъ такія богатства, что, увлекаемый честолюбіемъ и желая доставить видное положеніе своимъ сыновьямъ, помышлялъ уже о гражданствѣ, для чего и приносилъ значительныя пожертвованія на общинныя нужды ³⁾, въ увѣренности заслужить благосклонность аэианъ. Онъ и не ошибся.

Димосеонъ говорилъ въ началѣ рѣчи противъ Неэры ⁴⁾: „Когда вѣче постановило, за добрыя дѣла Пасіона на пользу республики, наградить его съ потомствомъ званіемъ аэинскаго гражданина (то-есть, пожаловать ему потомственное гражданство), то отецъ мой, сочувствуя сему дару вѣча, отдалъ свою дочь, мою сестру, въ замужество за Аполлодора, сына Пасіона“. Надежды бывшаго раба увѣнчались успѣхомъ, можетъ быть, превзошедшимъ ожиданія: самъ онъ удостоился гражданства и женилъ сына на сестрѣ молодого гражданина, прославившаго впоследствии и себя и Аэины своимъ краснорѣчіемъ. Счастливыя, подобныя Пасіону, были рѣдки, но упоминаются, и частью самимъ Димосеономъ, при томъ всегда по тяжбамъ за ихъ недобросовѣстность. Большинство трапезитовъ, едва ли даже и не всѣ, начинали службу рабами; нѣкоторые и не выходили изъ сего состоянія, платя неизмѣнно оброкъ своимъ владѣльцамъ; но многихъ изъ нихъ господа освобождали, иногда добровольно въ награду за оказанныя услуги, иногда и за хорошія выкупъ. Сами же

¹⁾ Тамъ же. § 28, pag. 953: οὐ γὰρ ἄγνοεῖ τοῦτο, οὐδ' αὐτὸν ἔληθεν, οὐδ' ὅμως πολλούς, ὅτι Σωκράτης ὁ τραπεζίτης ἔκεινος, παρὰ πῶν κυρίων ἀπαλλαγείς, ὡς περὶ ὁ τοῦτου πατήρ (Πασίων), ἔδωκε Σατόρφ τὴν αὐτοῦ θυγατέρα, αὐτοῦ ποτὲ γενομένην.

²⁾ Димосеонъ, противъ Поликла, § 56, pag. 1224: Ἐγὼ μὲν οὖν παρὰ ξένων Τενεδείων τοῦ πατρὸς, Κλεάνακτος καὶ Ἐπηράτου, ἔδανεισάμην καὶ ἔδωκα τοῖς ναύταις τὸ σιτηρέσιον. διὰ γὰρ τὸ Πασίωνος εἶναι καὶ ἐκείνον ἐπεξενώσθαι πολλοῖς καὶ πιστευθῆναι: ἐν τῇ Ἑλλάδι οὐκ ἥσθρου, ὅπου δεηθεῖν δυνάσθαι.

³⁾ Онъ же, 1-ая рѣчи противъ Стефана, § 85, pag. 1127: ὁ ἐμὸς ὅμιν πατήρ χυλίας ἔδωκεν ἀσπίδας, καὶ πολλὰ χρήσιμον αὐτὸν παρέσχε, καὶ πέντε τριῆρεις ἐθελοντῆς ἐπίδοις καὶ παρ' αὐτοῦ πληρώσας, ἐτριηράρχησε τριηραρχίας.

⁴⁾ Противъ Неэры, § 2, pag. 1345: Ψηφισαμένου γὰρ τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων Ἀθηναίων εἶναι Πασίωνα καὶ ἐκόνους ἐκείνου διὰ τὰς εὐεργεσίας τὰς εἰς τὴν πόλιν, ὁμογνώμων καὶ ὁ πατήρ ἐγένετο ὁ ἐμὸς τῇ τοῦ δήμου διαρῇ, καὶ ἔδωκεν Ἀπολλοδώρῳ τῷ υἱῷ τῷ ἐκείνου θυγατέρα μὲν αὐτοῦ ἀλειψῆναι δὲ ἐμῇ.

вольнотпущенные вступали въ сословіе метиковъ, гдѣ и продолжали свои прежнія занятія.

Раздавая награды и соединенныя съ ними почести, афиняне исполняли долгъ справедливости и вѣстѣ съ тѣмъ политическаго благоразумія. Гражданское вѣче принимало въ свою среду, по крайней мѣрѣ внимательно заботилось о приѣмѣ людей, дѣйствительно оказавшихъ важныя услуги республикѣ, и не отвергало, чья помощь приходила въ трудное время. Такъ Пасіонъ облеченъ былъ званіемъ гражданина; но онъ пожертвовалъ тысячу щитовъ и сверхъ того, построивъ, оснастивъ и соорудивъ на свои средства пять военныхъ кораблей, поднесъ ихъ въ даръ общинѣ ¹⁾. Не смотря, однако, на пожертвованія трапезитовъ и на обычай жаловать имъ гражданство, замѣчаемый всего болѣе во второй половинѣ четвертаго столѣтія, уваженія къ нимъ не было, и оно никогда не установилось: возвышая ихъ, афиняне покорялись только необходимости, ибо древніе трапезиты занимали такое же положеніе въ афинскихъ республикахъ, какое успѣли захватить въ новѣйшихъ государствахъ банкиры, получающіе равномѣрно титулы и отличія.

Щедрость трапезитовъ была только личною и глубоко противорѣчила ихъ ежедневнымъ, вытекавшимъ изъ корыстолюбія и алчности, поступкамъ, не разбиравшимъ способовъ наживы. Ихъ потому сопровождало всеобщее чувство неуваженія, которое и выразилось въ трапезитской рѣчи, λόγος τραπεζιτικός, Исократъ, гдѣ онъ представляетъ дѣйствія этого самаго Пасіона, его недобросовѣстность, лихоимство, даже сочиненіе подложныхъ росписокъ съ цѣлю присвоенія чужаго имущества, врученнаго ему по довѣрію иностранцемъ, сыномъ понтійскаго вельможи Сопзъ, Σοπίλος. Обвиненіе тѣмъ убѣдительнѣе, что написано безъ витійства, безъ ораторскихъ возгласовъ, а простымъ, какъ бы безыскусственнымъ, но высоко изящнымъ языкомъ, составляющимъ достоинствъ Исократъ. Да и Димосеенъ, связанный свойствомъ съ трапезитами, приготовлявшій имъ за плату тяжбыя рѣчи и рѣшившійся написать одну защитительную рѣчь за Форміона, преемника Пасіона, а другую противъ него же обвинительную,—даже и онъ, говоря о трапезитахъ, воскликнулъ ²⁾: „великое удивленіе—трудолюбивый и честный человѣкъ между людьми, ведущими дѣла торговли и денежные“.

¹⁾ См. предъ симъ ссылку на Димосеена: 1-ая рѣчь противъ Стефана, § 85, pag. 1127.

²⁾ За Форміона, § 44, pag. 957: Ἔστι δ' ἐν ἐμπορίῳ καὶ χρήμασιν ἐργαζομένης ἀνθρώποις φιλεργὸν ὅς τε καὶ χρηστὸν εἶναι τὸν αὐτὸν θαυμαστὸν ἥλικον.

Кромѣ трапезитовъ, рабы служили у всѣхъ прочихъ торговцевъ, начиная службу мальчиками, παις, и переходя, обнаруживъ умѣнье и ловкость, въ сидѣльцевъ и приказчиковъ; заводили при счастливыхъ обстоятельствахъ собственныя лавки; участвовали въ морской, заграничной торговлѣ, строили корабли и верѣдько вступали въ сношенія и связи съ иностранцами и вели большіе торговые обороты. Были другіе, занимавшіеся разнаго рода ремеслами, для которыхъ, при утонченномъ образѣ жизни, требовалось много способныхъ и опытныхъ людей и которыя превращались иногда въ настоящіе заводы. Еще замѣчательнѣе, что владѣльцы рабовъ не препятствовали желающимъ изъ нихъ учиться врачебному искусству и даже иногда, усмотрѣвъ наклонность, отдавали сами въ ученіе оному и содѣйствовали ихъ образованію, не отпуская ихъ, однако, на волю. Вслѣдствіе сего составилсѣ обширный разрядъ подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ, приносявшихъ существенную пользу врачамъ, которые принадлежали всегда къ сословію гражданъ. Не будемъ останавливаться на рабахъ, служившихъ въ гостиницахъ, πανδοχείων, ξενοδοχείων, въ увеселительныхъ мѣстахъ, ἡδιστήριον, ἐνυβρίστηριον, и въ прочихъ подобныхъ учрежденіяхъ, гдѣ они получали значительныя выгоды. Замѣтимъ только, и едва ли ошибемся, что самымъ многочисленнымъ отдѣломъ оброчныхъ были люди, пріискивавшіе себѣ сами родъ занятій и поступавшіе на военныя и торговыя суда, на морскія пристани и на всѣ вообще служебныя мѣста, гдѣ они могли не только пропитать себя съ семьєю и уплатить оброкъ, но и сберечь для себя излишекъ.

Если въ тяжёбныхъ рѣчахъ ораторовъ читаемъ, что владѣльцы получали отъ своихъ рабовъ по оволу, или по два и по три въ день и что эта плата составляла ихъ ежегодный вѣрный доходъ, то такое извѣстіе есть прямо свидѣтельство о существованіи у аѣиіанъ такъ называемаго оброка. Требуя, чтобы рабъ вносилъ уговорную плату, господинъ обязанъ былъ предоставлять ему вольный трудъ и свободу дѣйствій: иначе онъ не могъ ни рассчитывать на постоянное поступленіе денегъ, ни опредѣлять количества своего дохода и соображать съ нимъ своего образа жизни. Это само по себѣ правдоподобное мнѣніе пріобрѣтаетъ вѣсъ и цѣнность достовѣрнаго историческаго даннаго чрезъ приведенное уже нами указаніе Эскина въ его рѣчи противъ Тимарха. Правда, оно состоитъ только въ одномъ словѣ, но слово столь многозначительно, что рѣшаетъ весь вопросъ и открываетъ новую сторону въ хозяйственной жизни аѣиіанъ.

Назвавъ предъ судьями наслѣдственный имѣніа Тимарха, Эскинъ

говорить ¹⁾: „*ῥωρίς δὲ*, особо же, девять или десять ремесленниковъ изъ дворовыхъ“, и затѣмъ, исчисливъ всѣхъ, какъ этихъ, такъ и другихъ принадлежавшихъ обвиняемому рабовъ, сообщаетъ ихъ за- нятія и вносимую каждымъ изъ нихъ плату. Новѣйшіе толкователи принимаютъ, употребленное здѣсь Эскиномъ, слово *ῥωρίς* въ смыслѣ „сверхъ того“ и переводятъ: *praeterea*, или *de plus*; но такого значе- нія слово *ῥωρίς* здѣсь не имѣетъ и не можетъ быть въ немъ принято, ибо *ῥωρίς* здѣсь не предлогъ, а нарѣчіе. Оно поставлено Эскиномъ самостоятельно, безъ сказуемаго, употребляемаго при немъ въ роди- тельномъ падежѣ, и значить какъ вездѣ, такъ и адѣсь,—особо, отдѣльно, врозь. *ῥωρίς οἰκεῖν*,—жить особо или отдѣльно. Димосеень ²⁾, въ рѣчи противъ Евверга и Минсивула, приводитъ отвѣтъ Евверга, „что Теофимъ выдѣленъ и живетъ особо“, между тѣмъ какъ самъ онъ при отцѣ. Эскинъ, произнося свое судебное обвиненіе, не могъ играть словами, какъ литераторъ, а долженъ былъ обозначать пред- метъ собственнымъ именемъ онаго; слѣдовательно, говоря о рабахъ, приносившихъ доходъ Тимарху, и поставивъ слово *ῥωρίς*, разумѣлъ подъ онымъ, думаемъ, только рабовъ особниковъ. Мы потому и пе- реводимъ: „Оброчными же особниками Тимарха были: девять или десять ремесленниковъ..... и, кромѣ ихъ, плетей-ткалія и швей- узорщикъ“. Во всякомъ случаѣ Эскинъ говорилъ о тѣхъ самыхъ лю- дяхъ, которыхъ Димосеень называетъ *ῥωρίς οἰκοῦντας*.

Димосеень, въ первой Филиппикѣ, упрекаетъ аѳинянъ, что они никогда не преминутъ праздновать во-время панаѳинейи и діонисіи, но опаздываютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и не прибываютъ въ срокъ къ назначенному мѣсту; затѣмъ ораторъ описываетъ ихъ медленные сборы и приготовления и въ заключеніе говоритъ: „наконецъ, вѣче опредѣлило посадить на военные корабли метиковъ, особо жите- лствующихъ и самихъ гражданъ“ ³⁾. Такъ какъ Аѳинская республика слагалась изъ трехъ строго раздѣленныхъ, хотя взаимно себѣ со- дѣйствовавшихъ сословій: гражданъ, метиковъ и рабовъ, и такъ какъ вооруженіе морской силы аѳинянъ соответствовало самъ тремъ

¹⁾ См. выше, гдѣ приведенъ и подлинникъ.

²⁾ Димосеень, противъ Е. и М., § 35, pag. 1149: 'Αποκριμένους δὲ μοι Εὐέρπου ὅτι νενειμημένους εἶη καὶ ῥωρίς οἰκοῖν ὁ Θεόφημος, αὐτὸς δὲ παρὰ τῷ πατρὶ.

³⁾ Демосеень, 1-я Филипп., § 36, pag. 50: Καὶ μετὰ ταῦτα, ἐμβαλεῖν τοὺς με- τοίκους ἔδοξε καὶ τοὺς ῥωρίς οἰκοῦντας, εἰτ' αὐτοὺς πάλιν. Въ изданіи Г. Веяля (*Les Parangues de Démosthène, par Henri Weil, Paris, Hachette, 1881, in-8°*): ἐμβα- λεῖν, εἰτ' ἀντεμύβριζεῖν τοὺς μετοίκους; и проч., что даетъ отличный смыслъ.

сословіямъ, ибо всѣ жители должныствовали поступать въ строевой составъ военныхъ кораблей республики, то нельзя не признать, что Димосеенъ исчисляеть здѣсь по очереди людей, принадлежавшихъ къ симъ тремъ сословіямъ, и что, сверхъ того, онъ называетъ ихъ тѣми собственными именами, которыми они обозначались въ законахъ.

Это мнѣніе тѣмъ достовѣрнѣе, что Демосеенъ въ своемъ изложеніи согласуется, даже какъ бы воспроизводитъ показаніе Перикла, который, въ приведенной уже нами рѣчи, подтвердилъ предъ аеинскимъ вѣчемъ, что на военные корабли призываются граждане, метики и многочисленная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшая во всей Греціи служба, *ἐκπρεσία* ¹⁾. Но службу несли рабы, наполнявшіе всѣ военные суда аеинины; слѣдовательно, Периклъ и Димосеенъ говорили о тѣхъ же самыхъ людяхъ, хотя подъ различными названіями. Ихъ различіе однако, такъ сказать, внѣшнее, ибо Периклъ, упоминая о всѣхъ бывшихъ во флотѣ рабахъ какъ аеинскихъ, такъ и иностраныхъ, долженъ былъ употребить общее выраженіе службы; Димосеенъ же, напротивъ, указывалъ только на аеинскихъ и называлъ ихъ потому тѣмъ именемъ, подъ которымъ они были всѣмъ извѣстны. По соединеніи такимъ образомъ свидѣтельствъ Эсхина, Димосеена и Перикла, сомнѣніе казалось бы невозможнымъ: вышло, однако, неожиданное.

Арпократіонъ и его подражатель Свѣда, повторившій слово въ слово толкованіе своего предшественника, поняли Димосеена въ томъ смыслѣ, будто бы ораторъ подъ названіемъ *χωρίς οἰκούντες* разумѣлъ не рабовъ, а вольноотпущенныхъ. Арпократіонъ ²⁾ пишетъ: „Димосеенъ въ Филиппикахъ: „Послѣ сего вѣче опредѣлило посадить на военные корабли метиковъ и живущихъ особо отъ своихъ господъ“. Здѣсь и безъ дополненія (то-есть, и безъ словъ *τῶν δεσποτῶν*, отъ своихъ господъ) смыслъ ясенъ, ибо вольноотпущенные живутъ сами по себѣ, особо отъ отпущившихъ ихъ на волю; до тѣхъ же поръ, пока еще находятся въ рабствѣ, живутъ вмѣстѣ съ ними (то-есть, у своихъ господъ)“. Хотя въ этомъ толкованіи нѣтъ той простоты и опредѣленности, чѣмъ отличаются вообще разъясненія Арпократіона, даже проглядываетъ нѣкоторая неувѣренность, но его нельзя

¹⁾ Фукидидъ, кн. 1, гл. 143, § 1 (Переводъ съ подлинникомъ выше).

²⁾ Арпократіонъ, въ статьѣ: *Τοὺς χωρίς οἰκούντας Δημοσθένης Φιλίππικοις· Καὶ μετὰ ταῦτα ἐμβαίνειν τοὺς μετοίκους ἔδοξε καὶ τοὺς χωρίς οἰκούντας τῶν δεσποτῶν· οὐ μὲν ἀλλὰ καὶ χωρίς τοῦ προσκεῖσθαι φανερόν ἄν εἴη τὸ δηλούμενον, ὅτι οἱ ἀπελευθεροὶ καὶ αὐτοὺς φύουσιν, χωρίς τῶν ἀπελευθερωσάντων, ἐν δὲ τῇ τῶς δουλεύοντες ἐστὶ συνφύκουν.*

пройти молчаніемъ по высокому значенію сего грамматика, пользовавшагося уваженіемъ и почетомъ у современниковъ и послужившаго источникомъ, въ коемъ черпали позднѣйшіе толковники.

Были, однако, и голоса противоположныя, которые, опровергая Арпократіона, утверждали, что словомъ *χωρίς οἰκοῦντες*, особо живельствующие, Димосеенъ называлъ дѣйствительныхъ рабовъ, не вольноотпущенныхъ. Авторъ, такъ вѣрно понимавшій афинскаго оратора, остался неизвѣстнымъ, но его толкованіе случайно сохранилось въ одномъ изъ двухъ риторскихъ словарей византійской эпохи, коихъ собиратели, желая показать различіе своихъ трудовъ, прибѣгли къ странному, кажется, нигдѣ болѣе не встрѣчающемуся способу, именно: одинъ надписалъ въ заглавіи *ῥητορικαὶ λέξεις*, риторическія реченія, другой же *λέξεις ῥητορικαί*, реченія риторическія. Ссылаемся на послѣдній, составитель коего не самостоятельный ученый, а простой литературный сборщикъ, скопировавшій разнородное вещество и помѣстившій, вѣроятно, дословныя толкованія другихъ грамматиковъ, правда, не приводя ихъ именъ, но и не присоединяя, подобно Арпократіону, собственныхъ сужденій, что несомнѣнно возвышаетъ значеніе его выписокъ.

Въ статьѣ: *χωρίς οἰκοῦντες*, особо живельствующие, онъ пишетъ ¹⁾: „вольнотпущенные, поелику живутъ особо отъ отпущившихъ ихъ на волю; или рабы, живущіе особо отъ своихъ господъ“. Какъ ни кратко это толкованіе, оно замѣчательно въ томъ смыслѣ, что въ немъ содержатся два, себѣ противорѣчащихъ и взаимно себя исключаящихъ, показанія, которыя могли потому выйти изъ-подъ пера также двухъ, не одного, древняго грамматика. Августъ Бѣкъ разсматриваетъ, повидимому ²⁾, всю статью составителя словаря за единое, нераздѣльное цѣлое, въ коемъ сообщается общее названіе людей, особо жившихъ, не разбирая, были ли они рабами, или вольнотпущенными, то-есть, совокупляя въ этомъ названіи оба разряда вмѣстѣ, но это невозможно. Какъ нельзя быть въ то же время рабомъ и вольно-

¹⁾ *Imm. Bekkeri Anecdota graeca*, pag. 316: *Χωρίς οἰκοῦντες· οἱ ἀπελευθεροῦντες· χωρίς οἰκοῦσι· τῶν ἀπελευθερωσάντων· ἢ δοῦλοι χωρίς οἰκοῦντες τῶν δεσποτῶν.*

²⁾ Говору: повидимому, такъ какъ его мысль выражена не ясно. Въ текстѣ авторъ довольствуется переводомъ словъ грамматика; въ примѣчаніи же онъ приводитъ ссылки, гдѣ говорится и о рабахъ и о вольнотпущенныхъ; слѣдовательно принимается, что слова: *χωρίς οἰκοῦντες*, означати и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. См. *Staatshaushaltung der Athener*. vol. I. pag. 365. Собственные слова Бѣка приведены ниже.

отпущеннымъ. такъ и немислимо, чтобы могло существовать слово, коимъ бы именовались и рабы и вольноотпущенные безразлично: каждому изъ сихъ разрядовъ принадлежать свое собственное, словное названіе.

Нельзя равновѣрно предположить, чтобы Димосеентъ, разсуждая съ строгою послѣдовательностью о событіи, въ коемъ онъ предвидѣлъ опасность, грозившую свободѣ аѢинской общины, и говоря о снаряженіи въ походъ военныхъ кораблей республики,—чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ позволилъ себѣ употребить не собственное названіе предмета, а слово, обладавшее двойственнымъ смысломъ и указывавшее на два разнородныхъ сословія. Уже по одной только этой причинѣ необходимо видѣть въ двухъ частяхъ, изъ коихъ сложена статья автора „Словаря реченій риторскихъ“, два независимыхъ толкованія, составленныхъ двумя различными и самостоятельно трудившимися учеными, доказывавшими—одинъ, что *χωρίς οἰκοῦντες*, особливо жительствоващіе, суть вольноотпущенные, другой—рабы особники. Не предоставляя преимуществъ никому изъ двухъ толковниковъ, составитель „Словаря реченій“ помѣстилъ оба разъясненія, отдѣливъ ихъ частицею *ἢ*, или, что здѣсь значитъ: или, по мнѣнію другихъ.

Первая часть заимствована у Арпократіона, ибо въ ней воспроизведено толкованіе сего грамматика и даже повторены его выраженія ¹⁾; мы уже замѣтили, что авторъ второй остался неизвѣстнымъ, но его толкованіе главное и единственно вѣрное. Разъясненіе Арпократіона есть искусственное и натянутое; оно предположеніе ученаго, который хотя много читалъ ораторовъ и сохранилъ много драгоценнѣйшихъ свѣдѣній, но не вполне изучилъ государственный строй древней аѢинской политіи. Назвавъ особливо жительствоващихъ вольноотпущенными, Арпократіонъ и его послѣдователь Свидя обнаружили свое малое знакомство съ гражданскою общиною и впали въ ошибку, принуждающую отвергнуть выставленное ими опредѣленіе, которое мы признаемъ не за существовавшее въ АѢинахъ учрежденіе, а за ихъ личное мнѣніе; скажемъ яснѣе: *χωρίς οἰκοῦντες* не были вольноотпущенными. Вольноотпущенные, *ἀπελευθέροι*, поступали въ сословіе метиковъ, въ немъ числились, несли одинаковыя съ прочими метиками обязанности, и, составляя съ ними единое цѣлое, почитались имъ равноправными. Словомъ, вольноотпущенные были предъ закономъ метиками, тою высшею частью аѢинской гражданской общины,

¹⁾ У обоихъ одинаково сказано: *χωρίς τῶν ἀπελευθερωσάντων*.

которую Аристофанъ, въ Ахарнійцахъ, называетъ въ насмѣшку отрубями или макною гражданъ ¹⁾).

Подтвердимъ это заявленіе доводами, основанными не на умствованіяхъ и гадательныхъ предположеніяхъ, а на достовѣрныхъ дѣяньхъ, заимствованныхъ изъ политическаго устройства Аѣинской республики. Въ началѣ своего разсужденія мы указывали на установленную во всей Греціи связь наименованія денежныхъ взносовъ съ состояніемъ или сословіемъ самихъ плательщиковъ. Эта связь не ограничивается податями и повинностями; она проникаетъ во всѣ отрасли управленія и судопроизводства и составляетъ одинъ изъ отличительныхъ признаковъ аѣинскаго законодательства, въ коемъ вообще преобладало начало личности. Въмѣстѣ съ тѣмъ она облегчаетъ трудъ изслѣдователя, давая ему возможность опредѣлить съ подлинною историческою вѣрностію, по означеннымъ признакамъ, принадлежность отдѣльнаго лица, или цѣлаго разряда людей, тому или другому сословію республики.

На метиковъ налагалась ежегодная подушная подать, по двѣнадцати драхмъ съ мужчины и по шести съ женщины ²⁾, чѣмъ обозначалось ихъ униженное положеніе и устраненіе отъ сословія гражданъ, ибо, по понятію древнихъ еллиновъ, подушная подать не совмѣстима и не мыслима съ званіемъ гражданина. Она почиталась не только позорною, но и равнозначашею съ прекращеніемъ гражданства; и этотъ взглядъ не вытекалъ изъ денежныхъ расчетовъ; онъ былъ ихъ напротивъ совершенно чуждъ, ибо аѣинскіе граждане не щадили своихъ имуществъ на общественное благо, многие добровольно жертвовали на пользу республики почти что всѣмъ своимъ достояніемъ, нѣкоторые даже разорялись, чему примѣры видимъ въ рѣчахъ аѣинскихъ ораторовъ. Еллины думали такъ по той причинѣ, что подушную подать платили метики, и что она признавалась однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ принадлежности сему подчиненному сословію.

¹⁾ Свидѣ въ словѣ μέτοικοι и Схолиастъ Аристофана, Ахарн., ст. 508, пишутъ, взаимно себя повторяя, безъ измѣненія: μέρος εἰ τῶν πολιτῶν οἱ μέτοικοι, εὐτελέες, ὥς τὰ ἄγυρα τῶν χριδῶν. 'Αριστοφάνης, — и

Τοὺς γὰρ μετοίκους ἄγυρα τῶν δοτῶν λέγω.

²⁾ Арпократіонъ и Свидѣ въ словѣ μετοίκιον,..... ἐδίδοντο (οἱ μέτοικοι) δὲ ὅκ' αὐτῶν καθ' ἑκάστον ἔτος δραχμαὶ δώδεκα, ὅπερ ἀνίσταται μετοίκιον, ὥς δηλοῖ Ἐδβουλος ἐν τῇ Πλαγγῶνι. 'Ισαῖος δ' ἐν τῇ κατ' Ἐλπαγόρου καὶ Δημοφάνους ὑποσημαίνει ὅτι ὁ μὲν ἀνὴρ δώδεκα δραχμαὶ ἐτέλει μετοίχιον, ἡ δὲ γυνὴ ἕξ, καὶ ὅτι τοῦ οὐοῦ τελοῦντος ἡ μήτηρ οὐκ ἐτέλει, μὴ τελοῦντος δ' ἐκείνου αὐτὴ τέλει.

Полидевкъ ¹⁾ пишетъ, что „метикомъ именуется человекъ, платящій метикій“; а Арпократіонъ съ Свиδοю ²⁾, какъ бы его подкрѣпляя, добавляютъ, „что рабы, отпущенные господами на волю (то-есть, ἀπελευθέροι, вольноотпущенные), платили метикій“. Здѣсь, не замѣчая своего противорѣчія, Арпократіонъ самъ себя опровергаетъ и самъ разрушаетъ свое ученіе объ особо живущихъ. Но онъ же и удостовѣряетъ, что вольноотпущенные становились метиками, ибо если вольноотпущенные, по его собственному сознанію, платили подушную подать, метикій, то, руководясь свидѣтельствомъ Полидевка, необходимо принять, что они были метиками и ничѣмъ другимъ. Этотъ доводъ тѣмъ убѣдительнѣе, что предлагается противникомъ, и имъ можно было бы удовлетвориться: предпочитаемъ присоединить къ нему еще доказательство, почерпнутое у Аристотеля въ его „Полиіи аѣнианъ“, коей отрывокъ сохраненъ также Арпократіономъ въ статьѣ объ архонтѣ Полемархѣ.

Согласно съ преобладавшимъ у еллиновъ началомъ личности, въ Аѣинской республикѣ существовало учрежденіе, по которому принятіе жалобъ по тяжбамъ или вчинаніе тяжбы, εἰσαγωγή, производились не по существу тяжбнаго дѣла, а по личности тѣхъ людей, на кого приносили жалобу, то-есть, по ихъ принадлежности извѣстному словію; такъ что съ прошеніемъ по тяжбѣ въ гражданина обращались къ одному архонту, на метика же, хотя по совершенно однородному дѣлу, къ другому архонту. Арпократіонъ ³⁾ пишетъ: „Аристотель, излагая въ „Полиіи аѣнианъ“ дѣла, предоставленныя вѣдѣнію полемарха, говоритъ, что этотъ архонтъ вчиняетъ, εἰσάγει, тяжбы на метиковъ, именно: по двоякому предствательству, то-есть, за отступничество отъ (бывшаго) господина, ἀποστασίῳ, и за безпредствательство, ἀπροστασίῳ; ихъ же, метиковъ, тяжбы по вводу во владѣніе, по наслѣдству и тѣ прочія тяжбы, коими для гражданъ завѣдуетъ архонтъ (επωνимῆ),—такія тяжбы метиковъ вчиняетъ полемархъ“.

¹⁾ Полидевкъ, кн. 3, гл. 5, сегм. 55: μέτοικος, ὁ τὸ μετοίκιον σ' ντελῶν.

²⁾ Арпократіонъ и Свида тамъ же (продолженіе приведенной ссылки): οἱ δὲ καὶ οἱ δοῦλοι ἀφεθέντες ὑπὸ τῶν δεσποτῶν ἐτέλουν τὸ μετοίκιον ἄλλοι τε τῶν χωρικῶν δεδηλώκασιν καὶ Ἀριστομένης.

³⁾ Арпократіонъ: Πολέμαρχος Ἰσάιος ἐν ἀπολογία ἀποστασίῳ πρὸς Ἀπολλοῦσιον. ἀρχὴ τις ἦν παρ' Ἀθηναίους οὕτω καλουμένη ἔστι δὲ εἰς τῶν ἐννέα ἀρχόντων. Ἀριστοτέλης δ' ἐν τῇ Ἀθηναίων πολιτείᾳ, ἡγελλῶν ὅσα διοικεῖ ὁ Πολέμαρχος πρὸς ταῦτα φησιν. Οὗτος τε εἰσάγει δίκας τὰς τε τοῦ ἀποστασίῳ καὶ ἀπροστασίῳ καὶ κλήρων καὶ ἐπικλήρων τοῖς μετοίκους, καὶ τὰλλα ὅσα τοῖς πολίταις ὁ ἀρχὼν, ταῦτα τοῖς μετοίκους ὁ Πολέμαρχος. [Аристотель, Политія аѣнианъ, гл. 58 по изд. Кенуон-а].

Изложеніе Аристотеля пріобрѣтаетъ еще большій вѣсъ чрезъ Димосеена, который во второй рѣчи противъ Стефана приводитъ и самый законъ, послужившій Аристотелю источникомъ и постановляющимъ, что тяжбы по наслѣдству вчиняетъ для гражданъ архонтъ, для метиковъ же полемархъ¹⁾. Изъ совокупности сихъ двухъ свѣдѣтельствъ составляется выводъ, котораго, думаемъ, нельзя не признать неоспоримымъ. Такъ какъ архонтъ полемархъ завѣдывалъ тяжбами метиковъ и къ себѣ вызывалъ метиковъ, и такъ какъ между жалобами противъ метиковъ отмѣчена ἀποστασίῳ δίκη, тяжба по обвиненію за отступничество, то естественно, что отвѣтчиками по сему обвиненію могли быть только метики. Но такими отвѣтчиками были вольноотпущенные, противъ которыхъ и возбуждалась означенная тяжба; слѣдовательно, Аристотель подтверждаетъ, что получившіе свободу рабы, или ἀπελευθέροι, вольноотпущенные, вступали и зачислялись въ сословіе метиковъ. Здѣсь предъ нами не мнѣніе и не предположеніе, а историческое данное, могущее быть внесено въ сводъ политическихъ учрежденій Аѳинской республики.

Введеніе вольноотпущенныхъ въ сословіе метиковъ не измѣняло государственнаго положенія онаго и не подрывало его значенія, отражалось, однако, на его составѣ: начало личности сохраняло силу даже и въ отдѣлѣ людей второстепенныхъ. Новоприсоединенные становились вполнѣ свободными и были со всѣми коренными метиками совершенно равноправны, но съ ними не смѣшивались, и являются особенною частью, вѣрнѣе говоря, подраздѣленіемъ сословія, соотвѣтствуя въ нѣкоторомъ смыслѣ прежнимъ русскимъ разночинцамъ. Правда, ихъ различіе было незначительно, можетъ даже казаться скорѣе вышнимъ признакомъ, чѣмъ существеннымъ политическимъ постановленіемъ, и усматривается вообще только въ одномъ постановленіи закона, но оно весьма строго соблюдалось, не встрѣчая противорѣчій и не подвергаясь никогда ни измѣненію, ни ослабленію.

Законъ предписывалъ каждому метику имѣть себѣ предстателя, πρὸς τὰς, при томъ непремѣнно гражданина, въ коемъ республика видѣла поручителя и который былъ въ то же время предъ судомъ

¹⁾ Димосеенъ, 2-я рѣчь противъ Стефана, § 22. pag. 1135: Τὸν τοῖνον νόμον ἐπὶ τοῖτοισι ἀνὰ γυνῆτι, ὅς κελεύει ἐπιδικάζειν εἰναι τῶν ἐπιτελέων ἀπατῶν, καὶ ζήνων καὶ ἀστών, καὶ περὶ μὲν τῶν πολιτῶν ἄρχοντα εἰσαίρειν καὶ ἐπιμελεῖσθαι, ὅς τῶν μετρίκων τὸν πολέμαρχον.

защитникомъ представляемаго имъ метика, ибо метикамъ не дозволялось вести своихъ тяжбъ лично ¹⁾). Въ способѣ избранія себѣ представителя и заключалось единственное различіе между коренными метиками и метиками изъ вольноотпущенныхъ. Метика первого разряда пользовались правомъ избирать себѣ представителемъ, кого пожелаютъ, *ὅν ᾔθελε τῶν πολιτῶν*, изъ аѳинскихъ гражданъ ²⁾, безъ всякаго ограниченія лица, котораго законъ въ этомъ случаѣ не касался, устраняя, по всей вѣроятности, только лишенныхъ правъ гражданства, или судимыхъ за весьма важныя преступленія. Избирать себѣ представителя называлось по-еллински: *ἐπιγράφειν*, написать себѣ, или *ὑφαινεῖν*, назначить, *τὸν δεῖνα πρὸς τήν*. Въ этомъ избраніи республика видѣла для себя ручательство спокойствія и безопасности, ибо, говорить Исократъ ³⁾, по избраннымъ представителямъ судили о благонадежности самихъ метиковъ.

Въ противоположность къ симъ кореннымъ метикамъ и для большаго ихъ отличія отъ новоприсоединенныхъ къ нимъ вольноотпущенныхъ, послѣдніе лишены были свободнаго выбора представителя и обязательно подчинялись представительству своего бывшаго господина, подвергаясь въ противномъ случаѣ, по замѣчанію одного позднѣйшаго грамматика, обвиненію въ неблагодарности, *ἀχαριστίας*. Такимъ образомъ въ аѳинскомъ законодательствѣ установлено два вида представительства или протатій, *πρόστατα*: одно—вольное, по свободному, ничѣмъ не стѣсняемому выбору, другое—невольное, наложенное на новопожалованнаго метика самою республикою. Неисполненіе сего законнаго требованія влекло за собою судебное преслѣдованіе, которое сообразовалось съ указаннымъ двойственнымъ положеніемъ метиковъ и было потому также двойнымъ.

Противъ метика, пользовавшагося правомъ свободнаго выбора, по старавшагося жить безъ представителя, возбуждался искъ, называемый *ἀπρόστασις διήκη*, то-есть, преданіе суду за безпредставительство; искъ же противъ метика вольноотпущеннаго, отступавшаго отъ прежняго, на-

¹⁾ Схолиастъ Димосеена (1-ая рѣчь противъ Аристогигона, § 58, pag. 788, къ словамъ Димосеена: *καλεῖ δὲ μοι πρῶτον πάντων τὸν τῆς Ζορίας πρόστατήν*) замѣчаетъ: *οἱ γὰρ μέτοικοι αὐτοὶ δὲ τῶν οὐκ ἐχρημάτιζον, ἀλλὰ πρὸς τὰς τινὰς εἶχον. δι' ὧν ἐχρημάτιζον.*

²⁾ В. Этимология, pag. 124,50: *ἤρκετο γὰρ ἕκαστος αὐτῶν ὃν ᾔθελε τῶν πολιτῶν τινὰ πρὸς τήν.*

³⁾ Исократъ, О мирѣ, § 53, pag. 170,b: *Καὶ τοὺς μὲν μέτοικους τοιοῦτους εἶναι ἵζομεν, οἷον: περ ἂν τοὺς πρόστατας νεμεσῶν.*

градившаго его вольностію, господина ¹⁾), именовался ἀποστασίος δίχη, то-есть, преданіе суду за отступничество, ἀπόστασις, отъ господина предстателя, или, какъ говорить Арпократіонъ, за уклоненіе отъ того, что повелѣваютъ законы, ἀ κελεύουσιν οἱ νόμοι μὴ ποιῶσιν. Грамматикъ присоединяетъ къ своему разясненію, что вольноотпущенный, признанный по суду виновнымъ, обращался въ первоначальное рабство; если же, напротивъ, былъ оправданъ, то становился совершенно свободнымъ, τελείως ἐλευθερός. Это выраженіе Арпократіона свидѣтельствуєтъ, что такой человѣкъ освобождался отъ обязательнаго предстательства своего бывшаго владѣльца и пріобрѣталъ право свободного выбора, наравнѣ съ коренными метиками ²⁾).

Учрежденіе двухъ судебныхъ видовъ по дѣламъ о предстательствѣ не было ни случайнымъ, ни произвольнымъ; оно удовлетворяло всюду присущимъ у еллиновъ требованіямъ начала личности и соот-

¹⁾ Свидѣ, въ статьѣ 'Αποστασις: Καὶ ἀποστασίος δίχη, ἡ κατὰ τῶν ἀπελευθερωθέντων, ὅταν ἀποστασῇ τῶν ἀπελευθερωσάντων.

²⁾ Свидѣнія о предстательствѣ метиковъ и о судебномъ преслѣдованіи за неисполненіе сей обязанности сообщены въ двухъ изложеніяхъ, отличающихся не содержаніемъ, которое въ обоихъ сходно, а только слогомъ, и принадлежащихъ двумъ составителямъ: одно неизвѣстному автору, другое Арпократіону. Толкованіемъ перваго воспользовался схолиастъ Димосеена, и оно только у него и сохранилось, именно въ 1-ой рѣчи противъ Аристогитона, § 65, pag. 790. Схолиастъ къ слову ἀποστασίος (въ собраніи Идота, Oratt. attici, vol. 2, pag. 735, b): Αὕτη δίχη ἐστὶ κατὰ τῶν 'πελευθερωθέντων, τοῦτω τῷ τρόπῳ γινομένη· εἰ τις ἦν ἀπελευθερώσας οἰκέτην καὶ ὥφθη про τοῦ χρόνου ἀναχωρήσας σου τῆς οἰκῆς ἐγράφευ αὐτὸν ἀρριστίας, καὶ εἰ ἦλω, δίχην ὑπεῖχεν. 'Αποστασίος δὲ δίχη κατὰ τῶν μετοίκων τῶν μὴ ἐχόντων πολίτας προστατάς.

Арпократіонъ пишетъ: 'Αποστῆς, δίχη τις ἐστὶν κατὰ τῶν ἀπελευθερωθέντων δεδομένη τοῖς ἀπελευθερώσασιν, ἐὰν ἀριστῶντι ἰ τι ὕτων, ἢ ἕτερον ἐπιγράφωνται προστατήν, καὶ ἂ κελεύουσιν οἱ νόμοι μὴ ποιῶσιν. μὲν ἀλόντας δεῖ βούλους εἶναι, τοὺς δὲ νικήσαντας τελείως ἤδη ἐλευθεροῦς.

Онъ же: 'Αποστασίος, εἶδος δίχης κατὰ τῶν προστατῆν μὴ νερμῶντων μετοί· ἡρεῖτο γάρ ἕκαστος ἐαυτῷ τῶν πολιτῶν τινὰ προστατῶμενον περὶ πάντων τῶν ἰδίων καὶ τῶν κοινῶν.

Арпократіонъ послужилъ источникомъ для многихъ толкователей; его воспроизводятъ: Свидѣ, Великій Этимологикъ, ст. 'Αποστασίος и 'Αποστασίος, pag. 124; авторъ Словаря судебныхъ именъ, δικῶν ὀνόματα, въ *Bekkert Anecdota*, стр. 201.

Г. Кайльмеръ (*Caillmer*) изложилъ оба вида предстательства съ большою ясностію и весьма основательно въ двухъ статьяхъ, изданныхъ въ *Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines*, par *Daremberg et Saglio*, подъ заглавіями: *Apelutheroi*, и *Aprostasiou graphè*.

вѣтствовало двумъ отдѣламъ, усматриваемымъ въ устройствѣ сословія метиковъ. Если архонтъ полемархъ, принимая заявленія о тяжбахъ, происходившихъ между самими метиками, или противъ нихъ, всѣ дѣла по имуществу, наслѣдству и другія, не касавшіяся личности, препровождалъ безразлично къ разбору по существу, дѣла же напротивъ о простати или предстательствѣ, какъ чисто личныя, распредѣлялъ на двѣ части, по принадлежности обвиняемыхъ извѣстной, закономъ опредѣленной, категоріи; то въ его образѣ дѣйствій нельзя не видѣть достовѣрнѣйшаго признака существованія отдѣловъ въ составѣ аѢнскихъ метиковъ, ибо иначе и дѣла по предстательству онъ направлялъ бы къ разбору по существу. На этомъ основаніи мы принимаемъ, что метики, разсматриваемые въ цѣломъ, признавались въ АѢнинахъ единымъ сословіемъ, коего соучастники пользовались одинаковыми правами и несли одинаковыя обязанности и повинности, но что, по своему происхожденію, они распались на два разряда: метиковъ иностранцевъ и метиковъ вольноотпущенныхъ.

Надѣмся не встрѣтить возраженій противъ изложеннаго здѣсь мнѣнія о составѣ сословія метиковъ: оно утверждается не на предположеніяхъ и догадкахъ, а на указаніяхъ самихъ древнихъ, между ними Демосфена и Аристотеля; нашею же главною задачею было понять точный смыслъ извѣстій сихъ писателей. Если мы успѣли исполнить свое намѣреніе, то въ такомъ случаѣ означенный составъ метиковъ представляется уже не мнѣніемъ, а историческимъ даннѣмъ, не лишеннымъ значенія въ изученіи государственныхъ постановленій АѢнской республики. Оно заслуживаетъ вниманія само по себѣ, разъясняя положеніе метиковъ въ эпоху, прославленную ораторами, и наводитъ на соображенія, способныя освѣтить событія временъ предшествовавшихъ. Раздѣленіе сословія метиковъ на два разряда оказывается не какимъ либо позднѣйшимъ изобрѣтеніемъ или нововведеніемъ, а только приспособленнымъ къ современнымъ требованіямъ преобразованіемъ, вѣрнѣе говоря, видоизмѣненіемъ древняго аѢнскаго учрежденія, существовавшаго еще въ до-Клисеновскую эпоху и упоминаемаго также Аристотелемъ.

Говоримъ объ извѣстіи Аристотеля, состоящемъ изъ пяти словъ съ двумя союзами, но возбуждавшемъ, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, пытливость ума ученыхъ. Аристотель разбираетъ мѣры, принимаемыя правителями съ цѣлію усилить демократію, и, подкрѣпляя свою мысль примѣрами, указываетъ на дѣйствія Клисена, совершенныя имъ послѣ изгнанія тиранновъ, о нихъ же онъ пишетъ, что

Клисеенъ πολλοὺς γὰρ ἐφολέτευσε ξένους καὶ δοῦλους μετοίκους ¹⁾. Въ своемъ разсужденіи о законодательствѣ Клисеена ²⁾, изданномъ за тридцать лѣтъ предъ симъ, коего нѣмецкій переводъ помѣщенъ тогда же въ трудахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, я старался доказать, что Аристотель свидѣтельствовалъ о существованіи въ Аѳинахъ еще предъ Клисееномъ въ шестомъ вѣкѣ до Р. Х. сословія метиковъ, распадавшагося на два разряда, а потому я и переводилъ выраженіе Аристотеля такимъ образомъ: „Клисеенъ ввелъ въ колѣна (то-есть, наградилъ правомъ гражданства) многихъ метиковъ иноземцевъ и многихъ метиковъ рабовъ“.

Этого толкованія, не смотря на возраженія К. Ф. Германа ³⁾, придерживаюсь до сихъ поръ, а послѣ изслѣдованій о двойственномъ составѣ метиковъ въ четвертомъ вѣкѣ почитаю оное единственно вѣрнымъ и возможнымъ. Г. Зуземиль послѣдовалъ моему переводу и моему толкованію, дословно повторилъ то и другое и помѣстилъ въ своемъ переводѣ Аристотелевой Политики, но онъ предпочелъ умолчать объ источникѣ своего заимствованія, воспользовался моими розысканіями и самому себѣ ихъ присвоилъ ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, однако, г. Зуземиль подтверждаетъ точность моего перевода. Само же извѣстіе Аристотеля является весьма важнымъ, озаряя яркимъ свѣ-

¹⁾ Аристотель, Политика, кн. 3, гл. 1, § 10: οἷον Ἀθήνησιν ἐποίησε Κλεισθένης μετὰ τὴν τῶν τυράννων ἐκβολήν· πολλοὺς γὰρ ἐφολέτευσε ξένους καὶ δοῦλους μετοίκους.

²⁾ Критическія разысканія о законодательствѣ Алкмазонида Клисеена. Разсужденіе первое: о дарованіи гражданскаго права метикамъ, Москва, 1853, in-8°. Перепечатано изъ 3-й книги Пропилеевъ покойнаго Н. М. Леонтьева. Это разсужденіе издано въ нѣмецкомъ переводѣ С.-Петербургскою Академіею Наукъ и напечатано сперва въ *Bulletin*, а потомъ въ *Mélanges Gréco-Romains, tirés du Bulletin historique-philologique de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg*, t. 1, livrais. 4, pag. 358—409, St.-Petersbourg, 1853, in-8°.

³⁾ К. F. Hermann: Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, 4-te Auflage. Heidelberg; 1855, in-8°. См. стр. 320 и 325.

⁴⁾ Aristoteles Politik. Griechisch und Deutsch von Dr. Franz Susemihl, Professor in Greifswald. Leipzig. Verlag von W. Engelmann. 1879. 2 vol, 8°; vol. 1. pag. 269: Wie z. B. Kleisthenes in Athen nach der Vertreibung [der Tyrannen eine derartige Massregel ergriff, indem er Beisassen, und zwar sowohl solche, welche Fremde, als auch solche, welche Sklaven gewesen waren in die Phylen (Stammverbände) aufnahm. Обстоятельство о заимствованіи г. Зуземиля я писалъ въ своей рецензій разсужденія г. Люперольскаго о Периклѣ, гдѣ равномерно опровергалъ возраженія К. Ф. Германа.

томъ положеніе метиковъ, оставшіеся въ тѣни и какъ бы въ пренебреженіи, хотя въ этомъ сословіи числился Лисія, одинъ изъ знаменитыхъ аэинскихъ ораторовъ. Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе, коимъ займемся въ другомъ разсужденіи, ограничимся теперь замѣчаніемъ, что въ теченіе трехъ столѣтій до Р. Х., въ шестое, пятое и четвертое, сословіе метиковъ было двойственнымъ и состояло изъ двухъ разрядовъ, изъ коихъ одинъ назывался всегда метиками иноземцами, другой же именовался первоначально метиками рабами, а впослѣдствіи метиками вольноотпущенными.

Возвратимся къ особо жительствовавшимъ. Предполагая доказанною неудовлетворительность мнѣнія Арпократіона, выдѣляемъ оное изъ числа свидѣтельствъ объ этомъ вопросѣ вмѣстѣ съ его послѣдователемъ Свидою и съ показаніемъ, у него же заимствованнымъ, заключающимся въ первой части разъясненія, приведеннаго въ Словарѣ реченій риторскихъ. Принимаемъ напротивъ толкованіе, изложенное во второй части означенной статьи сихъ реченій, гдѣ составитель словаря утверждаетъ, что словомъ *χωρίς οἰκούτες* обозначались рабы, особо жительствоващіе, слѣдовательно признаетъ это слово собственнымъ политическимъ выраженіемъ, соотвѣствующимъ оброчнымъ особникамъ. Авторъ этой статьи обнаружилъ точное пониманіе словъ Димосеена, равно какъ и знакомство съ учрежденіями Аэинской республики, такъ что нельзя не сожалѣть, что его имя осталось неизвѣстнымъ.

Но какимъ образомъ могла произойти у древнихъ толкователей подобная ошибка, въ особенности у столь замѣчательнаго ученаго, какъ Арпократіонъ? Она явное недоразумѣніе. Арпократіонъ, или тотъ изъ его предшественниковъ, у коего онъ почерпнулъ свое свѣдѣніе, смѣшалъ два разнородныхъ понятія, не замѣтивъ ихъ различія, такъ какъ они обозначались близкими, едва не тождественными выраженіями: онъ полагалъ, *χωρίς οἰκεῖν* равносильно съ *χωρίς οἰκούτες*, и принялъ оба выраженія однозначными, между тѣмъ какъ они самостоятельны и противоположны, хотя ихъ первоначальный, или коренной смыслъ одинаковъ. *Χωρίς οἰκεῖν* было простымъ, такъ сказать, обиходнымъ реченіемъ, коимъ пользовались, когда требовалось показать только отдѣльное жительство чловѣка, не опредѣляя ни его состоянія, ни званія. Такъ говорили о гражданахъ и негражданахъ, о рабахъ и вольноотпущенныхъ; говорили о сынѣ, отдѣлившемся отъ отца, или о братьяхъ, имѣвшихъ собственные дома и каждый свое мѣстопробываніе; словомъ, выраженіе *χωρίς οἰκεῖν* означало всего

болѣе самостоятельное хозяйство. *Χωρίς οἰκοῦντες*, напротивъ, есть не частное, а политическое и судебное выраженіе, которое, конечно, выработалось также изъ понятія отдѣльнаго жительства, но съ теченіемъ времени приобрѣло свойство собственнаго имени, обозначавшаго особниковъ, съ указаніемъ на ихъ принадлежность извѣстному сословію въ Аѳинской республикѣ. Этихъ двухъ выраженій Димосеенъ не смѣшиваетъ.

Выраженіе *χωρίς οἰκεῖν* прекрасно разъяснилъ французскій ученный семнадцатаго вѣка Генрихъ Валуа (*Henri de Valois*, или Вalezій)¹⁾, установившій точный смыслъ сего слова. Онъ указываетъ на рѣчь Димосеена противъ Еверга и Мнисивула, гдѣ упоминается о выдѣлѣ имущества одному изъ сыновей при жизни отца, и гдѣ сказано, что Теофимъ жилъ отдѣльно, *χωρίς οἰκοῖν ὁ Θεόφημος*, Еввергъ же пребывалъ у отца, *αὐτὸς δὲ παρὰ τῷ πατρὶ*. Далѣе Вalezій ссылается на рѣчь противъ Леохара, въ коей излагается споръ о наслѣдствѣ имѣнія, оставшагося нераздѣльнымъ, *ἀνέμητος οὐσία*. Истецъ говоритъ, что Архіадъ, братъ Мидилида, хотя и поддерживалъ общее владѣніе, жилъ однако отдѣльно, или особо, въ Саламинѣ, или, какъ Димосеенъ здѣсь пишетъ, жилъ самъ по себѣ въ Саламинѣ, *ῥχει καθ' αὐτὸν ἐν τῇ Σαλαμῖνι*. Вalezій показываетъ, слѣдовательно, что *χωρίς οἰκεῖν* было обыкновеннымъ выраженіемъ, употреблявшимся въ частной жизни.

Къ этому толкованію Вalezія присоединимъ, что если Димосеенъ

¹⁾ *Henrici Valesii Notae et animadversiones in Harpocrationem. Ex bibliotheca Guilelmi Prousteau, antecessoris Aurelianensis, ed. Iacobus Gronovius, 1682.* Вновь изданы во второмъ томѣ, стр. 251—407, *Harpocrationis Lexicon cum annotationibus interpretum lectionibusque libri Ms. Vratislaviensis. 2 vol. in-8°. Lipsiae, 1824.* Пользуюсь этимъ изданіемъ.

Приводимъ собственныя слова Вalezія (стр. 397): *Χωρίς οἰκεῖν dicuntur etiam, qui iudicio familiae heriscundae cum fratribus experti sunt, et divisa haereditate seorsum habitant. Sic Dem. Κατὰ Εὐέργου (pag. 1149, § 34, 35), ἡρόμην αὐτὸν, πότερα μεμερισμένους εἶναι πρὸς τὸν ἀδελφόν, ἢ κοινῇ οὐσίᾳ εἶναι αὐτοῖς. Ποικιλιζομένου δὲ μοι Εὐέργου ὅτι νεμενημένος εἶναι καὶ χωρὶς οἰκοῖν ὁ Θεόφημος, αὐτὸς ἔπαρὰ τῷ πατρὶ. Huic opponitur ἀνέμητος οὐσία..... Tamen aliquando fratres, qui patrimonium non dividerant, seorsum habitabant. Sic Demosth. πρὸς Λεωκάρτην initio (pag. 1083, § 10): Καὶ γίγνεται αὐτῷ (Μειδουλίῳ Archiadae fratri) θυγάτηρ, ἣ ὄνομα Κλειτομάχη, ἣν ἡβουλήθη μὲν ἐκεῖνος ἀγάμω τῷ Ἀρχιάδῃ τῷ ἀδελφῷ ὄντι τῷ ἑαυτοῦ ἐκδοῦναι, ἐπειδὴ δὲ ὁ Ἀρχιάδης οὐκ ἔφη προτίσθαι γαμεῖν, ἀλλὰ καὶ τὴν οὐσίαν ἀνέμητον διὰ ταῦτα συγχωρήσας εἶναι, ῥχει καθ' αὐτὸν ἐν τῇ Σαλαμῖνι. Aliquando fratres τὴν ἀφ᾽ αὐτῇ οὐσίαν inter se dividebant, πανερᾶν indivisam relinquebant, quod memini me legere apud Lysiam.*

слово $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\phi\chi\epsilon\iota$ замѣняетъ здѣсь словомъ $\phi\chi\epsilon\iota$ $\kappa\alpha\theta'$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$, то тѣмъ самымъ даетъ понять, что оба слова равнозначаци и оба принадлежать языку разговорному и литературному, но не политическому и не судебному. Повторимъ, сверхъ того, что выраженіе $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\omicron\iota\chi\epsilon\iota\nu$ не служило признакомъ какого либо званія, ибо примѣнялось къ людямъ разныхъ сословій. Въ приведенныхъ рѣчахъ тяжбу вели граждане, и Димосеенъ имѣлъ въ виду только гражданъ, когда почиталъ полезнымъ для дѣла обозначить ихъ отдѣльное жительство. Но въ той же рѣчи противъ Еверга и Минсивула, когда истецъ, скорбя о смерти своей кормилицы, горько жалуется на невозможность отомстить погубившимъ ее людямъ, ибо умершая не была ему ни родственницею, ни слугою, Димосеенъ, устами довѣрившаго ему свою тяжбу, прибавляетъ¹⁾, что она отпущена на волю отцемъ обвинителя, жила отдѣльно и была замужемъ. Другими словами: она была вольноотпущенною. Слѣдовательно, и граждане и вольноотпущенные могли жить и дѣйствительно часто жили отдѣльно; выраженіе $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\omicron\iota\chi\epsilon\iota\nu$ употреблялось о тѣхъ и другихъ безразлично; оно выраженіе общее, не указывающее на особенный разрядъ жителей Атаки.

Мы были, думаемъ, въ правѣ, назвавъ ошибкою и недоразумѣніемъ толкованіе Арпократіона съ его послѣдователями: Свидою и составителямъ первой части разъясненія въ Словарѣ речевій риторскихъ. Но Арпократіонъ уличилъ самъ себя, вставивъ въ подлинникъ Димосееновой рѣчи слово $\tau\omega\nu$ $\delta\epsilon\sigma\pi\omicron\tau\omega\nu$ и заставивъ, въ своей ссылкѣ, сказать: $\kappa\alpha\iota$ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\omicron\iota\chi\epsilon\iota\nu\tau\alpha\varsigma$ $\tau\omega\nu$ $\delta\epsilon\sigma\pi\omicron\tau\omega\nu$, чего ораторъ не произносилъ предъ вѣчемъ. Это добавленіе и обвиняетъ Арпократіона, ибо оно излишне, если подъ $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\omicron\iota\chi\epsilon\iota\nu\tau\alpha\varsigma$ разумѣть вольноотпущенныхъ, которые, получивъ свободу, всегда жили внѣ господскаго дома: но оно наводитъ на мысль, что Арпократіонъ видѣлъ предъ собою и другое толкованіе, согласное съ толкованіемъ, составляющимъ вторую часть речевій риторскихъ, но что онъ предпочелъ оному свое собственное. Иеронимъ Вольфъ²⁾ чувствовалъ несообразность Арпократіоновой вставки и, желая защитить его, утверждаетъ, будто бы Димосеенъ подразумѣвалъ „бывшихъ недавно господъ, $\tau\omega\nu$ $\pi\rho\acute{\omega}\tau\eta\nu$

¹⁾ Димосеенъ, противъ Еверга и Минсивула. pag. 1161, § 72: $\epsilon\iota\tau\omicron$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\omicron\pi\omicron$ $\tau\omicron\upsilon$ $\pi\alpha\tau\rho\iota\varsigma$ $\tau\omicron\upsilon$ $\epsilon\rho\omicron\upsilon$ $\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\alpha$ $\kappa\alpha\iota$ $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\phi\chi\epsilon\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\alpha$ $\epsilon\sigma\chi\epsilon\nu$.

²⁾ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\chi\omega\rho\iota\varsigma$ $\omicron\iota\chi\epsilon\iota\nu\tau\alpha\varsigma$, s. $\tau\omega\nu$ $\pi\rho\acute{\omega}\tau\eta\nu$ $\delta\epsilon\sigma\pi\omicron\tau\omega\nu$ $\acute{\alpha}\pi\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\upsilon\varsigma$, libertinos, qui relicta patroni familia suum ipsi negotium gerunt. Wolf. Заимствовано въ Apparatibus criticis, см. ниже.

δеспотῶν". Не будемъ разбирать этого страннаго, ни на чемъ не основаннаго мнѣнія. Другой ученый предлагалъ вычеркнуть у Арпократа слова τῶν δеспотῶν: Яковъ Гроновій ¹⁾ опровергъ достойнымъ образомъ предложеніе, обнаруживающее въ его авторѣ отсутствіе критическаго смысла.

Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о принадлежности особниковъ тому или другому разряду жителей, завися отъ различнаго толкованія словъ Димосеена, являются естественно также различными. Вазей, возражая Иерониму Вольфу, выставляетъ предположеніе, что словомъ χωρὶς οἰκοῦντες назывались или поселяне, χωρίται, или иностранцы, жившіе въ Афинахъ, οἰκοῦντες Ἀθῆναις ²⁾; этимъ предположеніемъ, однако, онъ скорѣе затемиетъ предстоящій предметъ, чѣмъ разъясняетъ. Мы уже замѣтили, что Августъ Бѣкъ почитаетъ толкованіе „Словаря речевій риторскихъ“ заслуживающимъ преимущество, но ученый авторъ случайно не обратилъ вниманія, что оно состоитъ изъ двухъ противоположныхъ и несовмѣстимыхъ опредѣленій древняго выраженія. Онъ потому и переводитъ оба вмѣстѣ, не разсматривая, которое изъ нихъ дѣйствительно достовѣрно. „Подъ словомъ οἱ χωρὶς οἰκοῦντες, говоритъ онъ ³⁾, должно понимать съ грамматиками, или вольноотпущенныхъ, или людей хотя находящихся еще въ рабствѣ, но живущихъ отдѣльно отъ своихъ господъ, по собственному уряду“.

¹⁾ Iacobi Gronovii Annotationes (въ Лейпц. изд. стр. 293): In v. Τοὺς χωρὶς οἰκοῦντας contra omnes MSS-tos ausa est editio Frisica magnum quid, exhibendo καὶ τοὺς χωρὶς οἰκοῦντας; et omittendo voces τῶν δеспотῶν, idque propterea quia Valesius tale quid disputat, et quia in Demosthene ea non habentur. Sed nihil hoc ad rem. Non enim ut Demosthenicas, sed ut Harpocrateas adjici jubent veteres libri: et addi debere patet ex sequentibus verbis, ubi dicit ἄλλα καὶ χωρὶς προσχεῖσθαι etc. ergo apposit in praecedentibus Harpocraton; sic disputans, etiamsi non addidisset, tamen omnia constare.

²⁾ Valesii Annotationes, тамъ же: Volfius libertinos vertit, qui suam ipsi rem familiarem administrant. An potius sunt rustici, qui rure habitant, χωρίται, Hesycho, Dionysio lib. 1, p. 68, an potius ξένοι, qui οἰκοῦντες Ἀθῆναις, de quibus Demosthenes contra Leptinem, qui scripserat legem μηδὲνα ξένον εἶναι τελεῖν, διὰ τὴν τῶν οἰκοῦντων Ἀθῆναις, quod reprehendit eo loco.

³⁾ Die Staatshaushaltung der Athener, vol. 1, pag. 365: Nächst diesem (den Schutzgenossen) nahm man dazu die sogenannten Besonderswohnenden (οἱ χωρὶς οἰκοῦντες), worunter man entweder mit den Grammatikern Freigelassene, oder noch in Sklaverei befindliche, aber abgesondert von ihren Herren auf eigene Hand lebende Leute verstehen muss.

Не смотря на совершенную невозможность подобаго политическаго и судебного наименованія, по которому люди являлись бы то вольноотпущенными, то рабами, Августъ Бёкъ нашелъ себѣ приверженца въ К. Ф. Германѣ ¹⁾, повторяющемъ, въ своихъ греческихъ государственныхъ древностяхъ, дословно его мнѣніе; но онъ встрѣтилъ также и противника въ Шеферѣ ²⁾, раздѣляющемъ взглядъ Іеронима Вольфа. Основываясь на предшествующихъ изслѣдованіяхъ, надѣемся не встрѣтить сильнаго противорѣчія, повторяя въ заключеніе, что словомъ οἱ χεῖροι οἰκοῦντες обозначался въ Афинской республикѣ тотъ разрядъ рабовъ, которымъ владѣльцы дозволяли жить и трудиться по собственному выбору, съ обязанностию вносить опредѣленную плату, и что это слово можно перевести выраженіемъ: оброчные осѣбники. Постараемся теперь узнать и еллинское названіе самой ихъ платы, или оброка.

III. Куторма.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ К. Ф. Германа, Griechische Staatsalterthümer, § 114, прим. 13 (4-ое изд., 1855, стр. 332).

²⁾ Apparatus criticus et exegeticus ad Demosthenem edidit G. H. Schaefer (5 vol. in-8°, Londini, 1824 sq., vol. 6. Indices. Lips. 1833), tom. I. pag. 366: Hunc Grammaticum sequitur Boekhius. Sed prosteriora, ἡ δούλο: — δεσποτῶν, vix probem. Reiskius nisi de filiis junioribus τῶν μετοίκων intellexit, vehementer erravit: quamquam vel sic ejus ratio mihi displicet solam probanti interpretationem Wolfianam. Schaefer.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОСЪ ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

(1544—1648).

Задача настоящаго труда—изслѣдовать исторію Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтія. Вопросъ этотъ вызвалъ въ разбѣраемую эпоху ожесточенную борьбу, имѣвшую въ началѣ характеръ болѣе культурный и коммерціальный. вполнѣдствіи же исключительно политическій.

Новое направленіе всей Европейской торговлѣ дало открытіе Новаго Свѣта: это событіе нанесло рѣшительный ударъ Ганзѣ, паденіе которой въ свою очередь вызвало подъемъ цѣлаго ряда новыхъ государствъ. возвысившихся теперь на степень Европейскихъ державъ. Данія, Россія, Швеція и Польша наперерывъ одна передъ другою стремятся теперь присвоить себѣ богатое наслѣдіе Ганзы и ради этого начинаютъ между собою продолжительную борьбу; государь, вышедшій побѣдителемъ изъ нея, утвердилъ бы за собою господствующее положеніе на всемъ сѣверѣ. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ получаетъ съ этихъ поръ значеніе и меркантильное и политическое. Самый Балтійскій вопросъ вслѣдствіе этого входитъ въ новую стадию своего развитія, не ограничиваясь уже торговымъ, коммерціальнымъ господствомъ и преобладаніемъ на морѣ, а становясь все шире, захватывая и политику, и религію; на очереди сталъ вопросъ о территоріальномъ владѣніи Балтійскими берегами. Вся исторія сѣверныхъ государствъ, Россіи, Польши, Швеціи и Даніи, какъ государствъ Европейскихъ, совпадаетъ съ исторіей балтійскаго вопроса въ новой стадіи его развитія; внѣшняя политика всѣхъ этихъ государствъ, это ихъ балтійская политика.

Первый періодъ избранной нами эпохи балтійскаго вопроса заключается въ Ливонской войнѣ; это событіе можетъ быть правильно оцѣнено только въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду его

обще-европейское значеніе, а не смотрѣть на него какъ на событіе чисто мѣстное. Первая часть нашего труда и будетъ изслѣдованіе этой ливонской войны, ходъ которой обусловливался не только политикою сѣверныхъ государствъ, но также ожесточенною борьбой императоровъ съ территоріальными князьями, этихъ послѣднихъ съ дворянствомъ, борьбою двухъ религіозныхъ началъ—католичества съ протестантизмомъ и, наконецъ, столкновеніемъ французскаго дома Валуа и Бурбоновъ съ австро-испанскою линіей Габсбургскаго дома.

Тема, которая ляжетъ въ основаніе первой части нашего труда, является менѣе разработанною и извѣстною, нежели предыдущій періодъ борьбы изъ-за балтійскаго господства, гдѣ главную роль играли вендскіе города съ Любекомъ во главѣ, и послѣдующій, въ которомъ главное вниманіе сосредоточивается на замѣчательной личности Густава II Адольфа. Царствованіе сыновей перваго Вазы, по справедливому замѣчанію одного шведскаго историка, затемнено блестящею эпохой Густава Адольфа, когда Швеція являлась рѣшающимъ политическимъ факторомъ въ обще-европейскихъ дѣлахъ; но и царствованія Эрика и Иоанна, когда вопросъ о балтійскомъ господствѣ разрѣшался въ борьбѣ скандинавскихъ государей съ Москвою и Польшей, являются весьма знаменательными въ исторіи второй половины XVI столѣтія; не маловажно это время для развитія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, самихъ скандинавскихъ государствъ; въ продолжительныхъ войнахъ изъ-за балтійскаго господства силы ихъ вырастаютъ, границы закругляются, сословные принципы уступаютъ мѣсто абсолютному началу, и въ слѣдующемъ XVII столѣтіи оба скандинавскихъ государства такъ усилились, что могли выступить въ первенствующей роли при разрѣшеніи обще-европейскихъ вопросовъ. Вторая половина XVI столѣтія — это періодъ политической эволюціи скандинавскихъ государствъ.

Вторая часть нашего изслѣдованія—это балтійскій вопросъ съ конца XVI столѣтія и до Вестфальскаго мира, когда разрѣшеніе его стояло въ связи съ борьбой католической реакціи съ протестантизмомъ, испанскаго универсализма съ идеей національной самостоятельности. Съ конца XVI столѣтія католическая реакція, твердо укоренившаяся въ романскихъ государствахъ, гдѣ ея основаніемъ служилъ тридентинумъ, орудіями—инквизиція и іезуитскій орденъ, гдѣ покровителями ея являлись Филиппы Испанскіе, Фердинанды Австрійскіе и Римскіе папы, съ конца XVI столѣтія католическая реакція проникаетъ и въ сѣверную Европу. Съ мечемъ въ рукахъ проложивши

себѣ дорогу въ средней Европѣ, она съ самоувѣренностью ухватилась и за сѣверъ. Являлся вопросъ, также ли успѣшно привьется реакція на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, какъ на югѣ и юго-западѣ Европы. Первый шагъ къ систематическому окатоличенію сѣвера представляло царствованіе Іоанна III, а затѣмъ Сигизмунда III; вступленіе перваго на престолъ Швеціи измѣнило положеніе дѣлъ во всей Сѣверной Европѣ. Новую шведско-польскую унію привѣтствовали во всей католической Европѣ, какъ зарю новой побѣды ортодоксальнаго католичества. Пренія традиции Вазъ были оставлены Сигизмундомъ, вѣрнѣйшимъ питомцемъ іезуитовъ: онъ присталъ къ реакціи и шедшему съ ней рука объ руку испанско-габсбургскому *универсализму*, терминъ—вполнѣ понятный, если принять въ соображеніе чрезмѣрное территориальное расширеніе, какого Габсбурги достигли еще со времени Карла V.

Чтобы обезпечить успѣхъ въ принятой на себя религіозной миссіи, католическимъ государямъ необходимо было утвердиться на Балтійскомъ морѣ; имѣя его въ своихъ рукахъ, они могли подавить всякую попытку политическаго и религіознаго сопротивленія. Въ этомъ новомъ періодѣ борьбы, гдѣ балтійскій вопросъ сплетался съ католическою реакціей, Ливонія также играетъ въ началѣ выдающуюся роль, которая затѣмъ переходитъ къ Помераніи и приморскимъ городамъ Германской имперіи, какъ членамъ политически обанкротившейся Ганзы. Въ разбираемый періодъ балтійскій вопросъ могъ быть только рѣшенъ или на обще-европейскомъ конгрессѣ или въ обще-европейской войнѣ.

Итакъ, въ избранномъ нами періодѣ изслѣдованія можно отмѣтить два вопроса, стоявшихъ на очереди и имѣвшихъ въ высшей степени важное значеніе; они были діаметрально противоположны одинъ другому и по существу и по вліянію ихъ на свое время. Первый вопросъ—вѣроисповѣдный, бывший, какъ говоритъ Дройзенъ, у всѣхъ на устахъ; второй—вопросъ торговый, меркантильный, по важности не уступавшій первому, хотя только немногіе это сознавали. Вѣроисповѣдный вопросъ становился со второй половины XVI столѣтія все сложнѣе и живѣе, онъ прибрѣталъ самые разнообразныя оттѣнки, распадался на цѣлый рядъ второстепенныхъ побочныхъ вопросовъ, и разросся съ необычайною быстротою. Религіозные вопросы уже съ Шмалькальденской войны начинаютъ сливаться съ вопросами политическими; сначала они идутъ параллельно. вліяя одинъ на другой. давая другъ другу своеобразную окраску; въ 30-ти-лѣтней же войнѣ

они такъ тѣсно связаны, такъ слились, что являлись рѣшительно нерасторжимыми, одинъ безъ другаго немислимыми, логически недопустимыми.

Торговый вопросъ, какъ мы выше указали, вступилъ также во вторую половину XVI столѣтія въ новый періодъ своего развитія; имѣя въ виду исключительно балтійскій вопросъ, слѣдуетъ помнить, что онъ постепенно становился вопросомъ общеевропейскимъ, вслѣдствіе того главнымъ образомъ, что въ немъ должна была рѣшиться проблема, какія изъ молодыхъ сѣверныхъ государствъ въ состояніи будутъ вступить въ существовавшую тогда въ Европѣ государственную систему.

По отношенію къ балтійскому вопросу Европейскія государства раздѣлились на двѣ половины, изъ которыхъ одна желала разрѣшить его путемъ войны, другая путемъ мирныхъ переговоровъ. Верхъ одержала партія войны. Слѣдуетъ замѣтить, говорить Дройзенъ, что обѣ партіи взглянули односторонне на дѣло и невѣрно отнеслись къ вопросу. Партія войны не удалось заинтересовать всѣ прибалтійскія государства. вовлечь ихъ въ войну; не сумѣла она и достаточно рѣзко выдвинуть принципиальную сторону вопроса, выдѣлить ее изъ множества вопросовъ чисто личнаго характера. Политика Швеціи, напримѣръ, не достигла тогда еще тѣхъ широкихъ размѣровъ, при которыхъ она была бы въ состояніи дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно и привести въ исполненіе свои планы о балтійскомъ господствѣ.

Вторая партія, партія мира, къ которой слѣдуетъ отнести прежде всего Саксонію, Нидерланды и мелкихъ нѣмецкихъ государей, относилась къ балтійскому вопросу съ чисто-внѣшней стороны, не признавала за нимъ никакой принципиальной важности и отвергала необходимость борьбы изъ-за него.

Чтобы опредѣлить, на чьей изъ двухъ сторонъ была историческая правда, необходимо будетъ вспомнить, что вопросъ о господствѣ на Балтійскомъ морѣ, какъ въ XV столѣтіи, когда факторами борьбы были датскіе короли и ганзейскіе города, какъ и въ XVI, когда претендентами на господство являются Швеція, Данія, Россія и Польша, всегда по самой природѣ сѣверныхъ государствъ являлся вопросомъ ихъ силы и могущества, жизненнымъ вопросомъ ихъ. Рѣшеніе его могло быть достигнуто только войною; но вслѣдствіе того, что рѣшеніе его слишкомъ глубоко затрогивало и другіе разнообразныя вопросы, понятными становятся и попытки къ мирному разрѣшенію его. Такъ, въ интересахъ европейскихъ государей, нѣмецкихъ въ особен-

ности, было тщательно наблюдать за ходомъ борьбы между балтійскими державами, такъ какъ балтійскій вопросъ, повторяемъ, стоялъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ политическихъ, религіозныхъ и экономическихъ вопросовъ, волновавшихъ тогда Европу ¹⁾).

ГЛАВА I.

Скандинавскія государства послѣ Шпейерскаго мира.—Послѣдніе годы Христіана III.—Карль V и шмалькальденская война.—Густавъ-Ваза и его отношенія къ имперіи.—Вражда къ Даніи.—Три короны.—Политическая литература.—Война съ Россіей.—Переходъ скандинавскихъ престоловъ къ Фридриху II и Эрику XIV.—Эрикъ XIV.—Его личность и характеръ.—Параллель съ Грознымъ.—Перссонъ.—Арбогскій рейхстагъ.—Сигизмундъ II Августъ.—Іоаннъ Грозный.—Шлихте.—Англичане въ Вѣломъ морѣ.—Фридрихъ II, его личность и внутренняя политика.—Августъ Саксонскій.—Историческій очеркъ ливонскаго ордена до 1558 года.

Въ исторіи скандинавскаго сѣвера шпейерскій миръ 1544 года составляетъ рѣзкій поворотный пунктъ какъ во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ иноземнымъ державамъ ²⁾. Съ этихъ поръ начинается внутреннее развитіе ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они постепенно входятъ въ политическую систему европейскихъ государствъ. Краеугольнымъ вопросомъ во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ является балтійскій вопросъ. Этому вопросу суждено было разрѣшиться въ полувѣковой борьбѣ изъ-за Ливоніи, въ которой участниками кромѣ скандинавскихъ государей являлись Москва и Польша.

Намъ предстоитъ прежде всего разсмотрѣть состояніе обоихъ скандинавскихъ государствъ послѣ шпейерскаго мира, затѣмъ остановиться на самой общей характеристикѣ главныхъ участниковъ будущей борьбы и, наконецъ, прослѣдить вкратцѣ исторію Ливонскаго ордена до катастрофы, наступившей въ 1557 году.

Даніи, какъ протестантскому государству, предстояло прежде всего точнѣе опредѣлить свои отношенія ко внутренней борьбѣ, происходившей въ Германіи между князьями и императоромъ. Политика Христіана III была въ высшей степени осторожной; король внимательно

¹⁾ Ср. *Droysen, Gustaf II Adolf*, Leipzig, 1870; *Harald Hjärn, Sveriges Östersjövälde och Europa. Några synpunkter. Ny Svensk Tidskrift*. 1890. *Droysen*, въ *Archiv für Sächsische Geschichte*, II и V. Г. *Форстенъ*, Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіи.

²⁾ О шпейерскомъ мирѣ и значеніи его см. Г. *Форстенъ*, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI ст. стр. 285 и далѣе.

слѣдилъ за успѣхами Карла V въ Германіи и отъ своихъ агенто́въ получалъ, между прочимъ, свѣдѣнія и о замышлявшихся противъ него планахъ со стороны Пфальца и Лотарингіи, родственныхъ Христіану II государствъ. Христіанъ всегда дѣлился всѣми своими свѣдѣніями съ Августомъ Саксонскимъ и вмѣстѣ съ нимъ обыкновенно обсуждалъ, какого образа дѣйствія слѣдуетъ держаться въ томъ или другомъ случаѣ. На Христіана возлагали надежды какъ протестанты, такъ и католики. Борьба ихъ не могла быть желательной для Даніи въ виду миролюбивой политики ея короля, и Христіану III было въ высшей степени важно стать въ такія отношенія съ протестантскими князьями и Валуа съ одной стороны, католиками и Карломъ V—съ другой, чтобы не возбудить противъ себя ни тѣхъ, ни другихъ. Вовлечь Данію въ новую войну значило бы окончательно погубить ее; къ Христіану III обращались за помощью обѣ воевавшія стороны и необходимо было все его дипломатическое умѣніе, вся его стойкость, чтобы не поддаться соблазнительнымъ предложеніямъ Карла. Моряца и Генриха II ¹⁾).

Важнѣе всего было установить отношенія къ Карлу V Шпейерскій трактатъ 1544 года касался лишь отношеній Даніи къ Нидерландамъ и устранялъ на будущее время всякія династическія притязанія на Данію со стороны Габсбурговъ. Въ силу этого трактата, обозначающаго собою новую эру во взаимныхъ отношеніяхъ Даніи и Нидерландъ, подданные Карла и Христіана III могли свободно торговать въ владѣніяхъ другъ друга, при чемъ Нидерланды обязывались уплачивать въ Зундѣ „обычную подать“ ²⁾. Это послѣднее выраженіе дало поводъ къ самымъ различнымъ толкованіямъ. Датскіе короли, опираясь на свое королевское право, понимали подъ „gewonlijcken tollen“ транзитную пошлину, какую они назначаютъ; со стороны же Нидерландъ высказывалось требованіе, чтобы эта пошлина въ количественномъ отношеніи не превышала той суммы, какая существовала при заключеніи Шпейерскаго мира. Въ продолженіе всей второй половины XVI столѣтія нидерландцы дѣлали попытки возвратиться къ status quo 1544 г. Уже чрезъ пять лѣтъ послѣ Шпейерскаго мира со стороны Нидерландъ стали раздаваться жалобы на повышеніе Зундской пошлины, но онѣ мало помогали дѣлу.

¹⁾ Вопросъ объ участіи Даніи и Ганзейскихъ городовъ въ Шмалькальденской войнѣ еще совсѣмъ не разработанъ, хотя матеріалъ для этого вопроса довольно обширенъ. Ср. А. v. *Druffel*, Briefe und Acten zur Geschichte des XVI Jahrh. I.

²⁾ *Kernkamp*, De Sleutels van de Sond, 15.

Датскіе короли всегда находили какое нибудь оправданіе къ самовольнымъ повышеніямъ пошлинъ въ Зундѣ: то они ссылались на войну съ Швеціей, то на необходимость укрѣпить тотъ или другой городъ, построить флотъ, расширить гавань. Изъ за этого возникали оживленныя сношенія Копенгагена и Брюсселя, которыя однако не имѣли политическаго характера. Когда же началась шмалькальденская война. Карлъ V вполнѣ рассчитывалъ на содѣйствіе Христіана III. Отказаться прямо король не желалъ; его звали въ свой лагерь и протестанты, и французскій король. Рѣшившись въ этой общеевропейской борьбѣ нѣмецкихъ князей и Франціи противъ габсбургскаго дома держаться строгаго нейтралитета, онъ не порывалъ сношеній ни съ той, ни съ другой стороной. Въ началѣ борьбы успѣхъ, казалось, будетъ обезпеченъ за Карломъ V. Власть германскихъ императоровъ никогда не основывалась на такомъ прочномъ фундаментѣ, какъ власть Карла въ 1547 году. Карлъ былъ неограниченнымъ, всесильнымъ монархомъ; въ полномъ сознаніи своего величія, своей силы и всемогущества, онъ безъ ограниченія пользовался имъ и не щадилъ ни князей, ни народовъ. возникалъ ли вопросъ о религіи или о политикѣ—безразлично. По всей Германіи онъ возилъ съ собою двухъ плѣнныхъ имъ первыхъ князей Германіи, твердаго и непоколебимаго въ своей религіи курфюрста Саксонскаго Іоанна Фридриха и глубоко униженнаго Филиппа Гессенскаго. Карлъ наводилъ страхъ и на другихъ князей, всѣмъ непокорнымъ онъ грозилъ открытою силою; испытанныхъ старыхъ воиновъ, осмѣлившихся поднять противъ него оружіе, онъ наказывалъ имперскою опалю, изгнаніемъ изъ отечества. Имѣя въ своихъ рукахъ жизнь своихъ подданныхъ, Карлъ V стремился подавлять въ нихъ и свободу мысли и вѣры; его подданные, такъ думалось этому императору-космополиту, должны были и мыслить и вѣровать не иначе, чѣмъ предписывали имъ императорскіе указы. На рейхстагѣ 1547 года императоръ, желая обойти римскую курію и сосредоточить въ собственныхъ рукахъ весь церковный вопросъ, заставилъ присутствовавшихъ принять религіозную норму, придуманную имъ самимъ и извѣстную подъ именемъ *Interim'a*; здѣсь императоръ самъ постановлялъ, что сохранить въ дѣлахъ вѣры и что откинуть. Ожидая сильной оппозиціи. Карлъ на томъ же рейхстагѣ издалъ строгій указъ относительно печати, свобода которой уничтожалась; ни одно сочиненіе богословскаго характера не могло выйти изъ печати, не пройдя черезъ цензуру высшаго духовенства, ни одно сочиненіе свѣтскаго характера, не будучи рассмотрѣно предварительно въ такъ

называемой свѣтской цензурѣ. Каждое сочиненіе, однимъ словомъ, въ силу постановленія рейхстага 1547 года, должно было предварительно быть „besichtigt, approbirt und zugelassen“. Всѣ князья, во владѣніяхъ которыхъ были типографіи, должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы въ печати не прошло чего либо оскорбительнаго для императорской власти. Если же уже успѣли появиться въ печати такого рода книжки, брошюры и т. д., то слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы ихъ нельзя было приобрѣтать. Каждый, кто не повируется буквѣ императорскаго указа, подвергается со стороны императорскаго фискала строгому наказанію. На томъ же рейхстагѣ 1547 года Карлъ запретилъ, наконецъ, безъ его разрѣшенія, носить оружіе и поступать на военную службу.

Обращаясь къ политикѣ Карла V въ это время, слѣдуетъ помнить, что она была совершенно не національна, а потому и не состоятельна. Его комбинаціи всегда были самыя обширныя, охватывали и западъ, и востокъ, и церковь, и государство, дѣла итальянскія, нѣмецкія и сѣверныя. Онъ твердо и неуклонно шелъ къ своей несбыточной цѣли; князьями, говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ, на первыхъ порахъ и въ голову не приходило, что императоръ имѣетъ въ виду поступить съ ними такъ же, какъ въ баснѣ дѣйствовала лисица, пожирившая одну курицу и игравшая одновременно съ другой. Карлу удалось вооружить князей противъ князей, евангелическихъ сторонниковъ противъ евангелическихъ же. Въ выборѣ средствъ Карлъ выказалъ всю свою недалковидность и „оказался болѣе мелкимъ и ничтожнымъ, чѣмъ допускало его циническое презрѣніе къ людямъ“. Онъ не спрашивалъ, откуда къ нему шли доходы, изъ церквей ли или его богемскихъ и бургундскихъ ленныхъ владѣній, изъ имперской ли камеры юстиціи или путемъ новыхъ налоговъ. Успѣхи Карла V и въ Европѣ, и въ Германіи были очень значительны. Императорство основывалось на такомъ территоріальномъ могуществѣ, какого оно не имѣло даже при Гогенштауфенахъ. Кромѣ австрійско-габсбургскихъ земель, то-есть, нынѣшней Австріи, сѣверо-восточной Швейцаріи, нынѣшняго Эльзаса, Венгріи и Чехіи, Карлъ владѣлъ и бургундскими землями, другими словами теченіемъ Нижняго Рейна, Мааса, Мозеля, Шельды, Соны и Руры; кромѣ того—Испаніей и Миланомъ, а въ перспективѣ и Португаліей, Сициліей и Неаполемъ и богатыми новооткрытыми землями въ Америкѣ.

Въ Шмалькальденской войнѣ Карлу оставалось одержать еще одну послѣднюю побѣду, но и самую трудную—„убить національный духъ

нѣмцевъ и наложить на него испанско-австрійскую печать⁴. Положивъ временный предѣлъ церковной и территоріальной раздробленности націи. Карлъ сдѣлалъ это цѣною ея церковной и политической самостоятельности, самобытности, цѣною ея національнаго существованія.

Торжество Карла V продолжалось не долго; противъ его средневѣковыхъ тенденцій поднялась оппозиція князей и городовъ. Началась междоусобная война императора и сто подданныхъ. Къ сожалѣнію, и среди князей и городовъ не было полного согласія, хотя, по свидѣтельству наблюдательнаго венеціанскаго посла, всѣ ненавидѣли императора; пришлось обратиться къ иноземной помощи, къ помощи Франціи. Франція, эта давнишняя соперница соединенной Австро-Испани, рада была каждому случаю, когда только можно было разстронуть планы Карла V. Ей всего нежелательнѣе былъ общегерманскій миръ и она слѣдила за каждымъ движеніемъ сосѣда, чтобы только имѣть возможность раздвинуть свою сѣверо-восточную границу. Мѣсто Франсуа I занялъ сынъ его Генрихъ II. О немъ одинъ современникъ мѣтко выразился, что какъ левъ пожиралъ свою добычу, такъ короля пожирали четыре человѣка, герцогъ Гизъ, конетабль Франціи, съ своею партіей, герцогиня Валентинуа и маршалъ Saint André. Какъ политикъ, Генрихъ II, щедро раздававшій всѣмъ аристократамъ, желавшимъ служить ему, пенсіи и богатые дары, устроивавшій при своемъ дворѣ всевозможныя торжества, ради которыхъ приходилось прибѣгать къ самымъ тяжкимъ налогамъ на предметы крайней необходимости, напримѣръ, на соль, какъ политикъ Генрихъ II былъ гораздо непослѣдовательнѣе своего отца, и всѣ его начинанія противъ Карла V, а затѣмъ и противъ Филиппа II, окончились полнымъ пораженіемъ.

Карлъ V, принявшій вызовъ Шмалькальденцевъ, всего болѣе опасался, какъ бы къ нимъ не пристали сѣверныя государства. Данія и Швеція. Онъ предвидѣлъ, что Франція обратится къ нимъ и свои опасенія относительно французско-датскаго союза высказалъ въ письмѣ къ Маріи еще въ ноябрѣ 1546 года. Онъ просилъ свою сестру немедленно отпрать тайнаго агента въ Данію, который бы тамъ слѣдилъ за переговорами съ Копенгагенскимъ дворомъ французскаго посла Ришера. Опасенія Карла были не безосновательны: въ миссіи Ришера заключался пунктъ о привлеченіи Даніи къ союзу противъ Габсбургскаго дома. До Карла доходили также слухи о помощи, доставляемой будто бы Христіаномъ III Магдебургу и о переговорахъ, начавшихъ

ся между Даніей и Ганзейскими городами съ Морицемъ Саксонскимъ ¹⁾).

Марія не раздѣляла опасеній Карла V и въ письмѣ къ Гранвеллѣ (22-го января 1552 г.) выражала увѣренность въ мирномъ строеніи Христіана III.

Все, что агенты Карла V доносили ему о желаніи Франціи и нѣмецкихъ князей склонить на свою сторону Христіана III, было совершенно вѣрно. Изъ князей Вильгельмъ Нассаускій и Морицъ Саксонскій не переставали склонять „христіаннѣйшаго короля сѣвера“ къ активному участію въ войнѣ съ императоромъ ²⁾. Курфюрстъ Пфальцскій лучше другихъ понималъ политику осторожнаго Христіана и предупреждалъ остальныхъ князей, чтобы они не увлекались надеждою на союзъ съ нимъ, такъ какъ онъ одновременно пересылается и съ императоромъ, и съ братомъ его королемъ Фердинандомъ, и, какъ говорятъ, доставляетъ Карлу наемныхъ кнехтовъ.

Предупрежденіе курфюрста Пфальцскаго было справедливо только отчасти. Что Христіанъ не питалъ особенныхъ симпатій къ Габсбургамъ, не подлежитъ сомнѣнію; помощи имъ онъ никогда не оказывалъ; по крайней мѣрѣ, кромѣ голословнаго показанія курфюрста Пфальцскаго, въ пользу этого нѣтъ никакихъ данныхъ. Христіанъ III и Карлъ V слѣдили другъ за другомъ, будучи совершенно неуверенны во взаимномъ расположеніи. Карлу Іоахимъ Бранденбургскій сообщалъ о переговорахъ, завязавшихся между датскимъ королемъ и протестантскими князьями; Карла сильно беспокоила тѣсная дружба, завязавшаяся между Саксоніей съ Даніей.

Разнорѣчивые отзывы о Христіанѣ III и его отношеніяхъ къ Шмалькальденской войнѣ вполнѣ понятны; такъ всегда бываетъ съ нейтральной стороною, ей никто вполнѣ не довѣряетъ. Вотъ какъ высказался датскій король о германской войнѣ въ переговорахъ съ Ригеромъ: не склоняясь ни на одну изъ воюющихъ сторонъ, онъ, король, желалъ бы по возможности продлить эту войну, поддерживая ее секретно ³⁾. Къ императору онъ не можетъ питать никакого довѣрія въ виду его интригъ противъ Даніи въ союзѣ съ Пфальцемъ и Ольденбургомъ. Относительно протестантовъ король сказалъ, что

¹⁾ Ср. *Druffel*, Briefe und Acten zur Gesch. des XVI Jahrh. I, 26; то же, 661 и далѣе.

²⁾ *Druffel*, II, 246.

³⁾ La nourissant et entretenant secretement. L'empereur et les protestans se nuient et ruinent par cette guerre.

давно уже убѣдился въ ихъ неблагодарности и неблагонадежности. Ришеръ указалъ королю, что императоръ на столько обезсиленъ въ настоящей войнѣ, что опасаться его плановъ нечего; король возражалъ ему, что порывать съ императоромъ и князьями онъ находитъ не политичнымъ, но былъ бы готовъ тайно переговариваться съ каждой изъ сторонъ, дѣлая видъ, что сочувствуетъ имъ. Французскій дипломатъ, желая вовлечь Христіана въ нѣмецкую войну, вѣрно замѣтилъ, что въ настоящей борьбѣ дѣло вовсе не идетъ о религін, а о паденіи императорской или княжеской власти; выгоднѣе ослаблять своихъ враговъ вдаль отъ своего государства и скрытнымъ дипломатическимъ путемъ поднимать однихъ противъ другихъ, нежели вести съ ними открытую войну, требующую большихъ жертвъ. Убѣжденія Ришера не дѣйствовали на Христіана III; онъ напрасно указывалъ ему на готовность Франціи помочь общему дѣлу протестантовъ. Своему правительству онъ доносилъ о безплодныхъ переговорахъ съ датскимъ королемъ; какъ ни заманчиво казалось Франціи отодвинуть театръ войны дальше на сѣверъ отъ французской границы, но это ей не удалось. Заключительныя слова въ доведеніи Ришера были ударомъ для дипломатическихъ расчетовъ Франціи: Датскій король думаетъ исключительно о своихъ домашнихъ, внутреннихъ дѣлахъ и развѣ только секретно вмѣшается въ раздоры князей и императора ¹⁾).

¹⁾ Bibl. Nationale. Fonds français, № 17959. Discours dressé par le sieur Richer concernant le fait de sa negotiation en Dannemark et signaument. l'Estat des affaires de l' Allemagne. Et pour autant que vous vous pourrez esmerveiller de ce que en cette guerre dallemaigne il (Хр. III) nadhere ne aux protestans ne a lempereur, il veut bien que vous scachiez que quand a lempereur il ne se fie aucunement en luy pour les tours et finesses dont l'on a veu quil a par cy devant usé tant envers luy que envers vous et autres, et quand aux protestans il se donne garde deux autant quil luy est possible les ayant ja par plusieurs fois essayez et surpris en ingratitude et decepuance. Il n'est icy question de la Religion ains de la ruine de lempereur ou deux (протестантовъ), et quil vous est plus aisé et meilleurs de faire battre vostre ennemy par antruy loin de vous et de vostre pays avec peu somme de deniers que de sefforcer de le battre vous mesmes en votre pays avec la foule et oppression de vostre peuple, mort et occision de vos gens et linexplicable valeur et despens que scauez que vous avez accoustoumé de supporter et soustenir en vos guerres... Il me semble aussy que pour faire en sorte que ne soyez meslé en cette patinastre et néanmoins vos besongnes se fassent il sera bon de faire jouer ce personnage par le Roy de Dannemark auquel pources escrire quil conforte lesd. protestans enuers lesquels il peut beaucoup et que la fortune leur estant contraire, et si tel est son aduis vous

Чтобы обезпечить себя со стороны германскаго императора, Христіанъ III думалъ соединиться брачнымъ союзомъ съ Австрійскимъ домомъ; онъ имѣлъ въ виду женить своего старшаго сына Фридриха на Элеонорѣ Австрійской. На этотъ шагъ онъ рѣшился съ согласія и одобренія своего вѣрнаго союзника и друга Августа Саксонскаго. 1-го ноября 1553 года Христіанъ впервые сообщилъ Августу о своемъ новомъ брачномъ проектѣ ¹⁾; изъ его письма видно, что Фридрихъ и самъ желалъ этого брака. Августъ Саксонскій съ большимъ интересомъ отнесся къ проекту датскаго короля; ходили слухи о возможности избранія Августа въ римскіе короли; осуществленію этого

le secourriez volontiers de quelque somme d'argent par main seconde comme par la sienne et de la sorte il sera tres jouyeux de le faire... Il vaut beaucoup mieux que Dannemark soit embrouillé et inuay par hostilité que vre Royaume vea que Charité commence a soy mesme. Ledit Roy de Dannemark pense de ses affaires domestiques et ne se mesle sinon bien secretement du discord de l'Empereur et des protestans.

¹⁾ Дрезденскій архивъ, Das Ander Denische Buch, Darinnen vnter andern sachen zubefinden, was schreiben zwischen K. Christianen dem Dritten zu Denemarck, Churfursten Augusten zu Sachsen vnn sonsten, wegen einer Heyrat, so mit des Römischen Königs Ferdinandi Tochter eine und dem neuen erweltten Könige zu Denemark Herrn Friderichen dem Andern, vorgewesen, entlichen aber wegen der wiederwertigen Religion ersitzen blieben, gewechselt worden, nach inhalt der do-beij gehafften Registratur vonn dem 1553 bis vf das 1556 Jhar“. Въ письмѣ отъ 1-го ноября 1553 года, Кольдингъ, Христіанъ говоритъ: Das wir vns mitt dem hause osterreich, so es der Allmechtige vorsehen, nichtt vngeneigt zubefreunden... Wir befindenn auch das vnser freuntlicher gelieptter sohn, zu diser freuntschaft, neigung tregtt, und sonderlich soll Rom. K. Mat. (wie bericht wirdtt) ein freulein habenn Leonora genant, zu derenn vnser gelieptter sohn nichtt vngeneigt, so vhm dasselb freulein handlung woltt vhorstadt werdenn, vnd das auch hochgedachtes freuleins gelegenheitt, vorstandtt, gestalt, vnn leibs gesuntheit dermassen das darumb radsam zufurthern. Далѣе любовито письмо Фердинанда Карловицу, Вѣна, 5-го ноября 1553 года. 20-го марта 1555 года Августъ писалъ Христіану: Nun haben wir diese sache durch vertraute personen sonderlich jüngst da der Ertzhertzog Ferdinand bey vns zu Dresden gewesen von weitem doch alles ohne verletzung Ewer K. M. oder auch jres geliebten Sohns Reputation reggen lassen vnd soviell mir damals tuglich gekant selbst tzum werck befürdern helffenn. Wir haben aber allweg vermerckt, das man auff des Rom. Königs theil gar wohl darzu genaigt allein das sie von weg vngleichheit der Religion beiderseits bedencken getragen. Отвѣтимъ еще инструкцію Фердинанда его посла въ этомъ дѣлѣ отъ 21-го февраля 1555 года, гдѣ говорится: Das jrer Mai. Tochter vnser lieb Fraw Schwester bey jrer Religion gants vnuerhindert unbetrucht vnn vnbedrängt solte gelassenn werdenn—и письмо Фердинанда Августу 9-го сентября, Paidbrod.

много способствовало бы родство Габсбургскаго дома съ Даніей ¹⁾. Августъ воспользовался пребываніемъ Фердинанда въ Дрезденѣ и узналъ отъ него, что осуществленію брачнаго союза препятствуетъ вѣроисповѣдное различіе; императоръ требовалъ, чтобы за его дочерью сохранено было право безпрепятственно исповѣдывать католическую религію и желалъ, чтобы переговоры о бракѣ Фридриха съ Элеонорою велись прямо между Христіаномъ III и нимъ, безъ всякаго посредничества другихъ князей.

Изъ нѣмецкихъ князей рѣшительнымъ противникомъ датско-габсбургскаго сближенія былъ курфюрстъ Пфальцскій, желавшій вооружить противъ Даніи всѣ приморскіе ганзейскіе города, которые и примкнули къ нему вмѣстѣ съ Швеціей, также не желавшей допустить этого сближенія ²⁾. На рейхстагѣ, гдѣ разсматривалось предложеніе Христіана, оно послужило предметомъ оживленныхъ преній.

Имѣются нѣкоторыя данныя, свидѣтельствующія, что двигателемъ всего датско-габсбургскаго брачнаго проекта былъ Максимілианъ ³⁾; Фердинандъ же не сочувствовалъ ему, и, не смотря на то, что Христіанъ III соглашался сохранить за габсбургской принцессой ея религію и дать даже императору заложниковъ, планъ брачнаго союза не увѣнчался успѣхомъ. Какая была причина этого, мы въ источникахъ указаній не находимъ.

Отношенія Даніи къ Германской имперіи при Фердинандѣ нѣсколько осложнились въ виду стоявшаго тогда на очереди ливонскаго вопроса. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во всей своей внѣшней политикѣ, Христіанъ III и сынъ его Фридрихъ II руководились совѣтами курфюрста Августа Саксонскаго.

Въ Августѣ Саксонскомъ (1553—1586) мы имѣемъ одного изъ наиболѣе выдающихся князей Германіи второй половины XVI ст. Основныя черты его характера рано обнаружились; это—тонкая расчетливость, ловкость и практичность; съ свѣтлымъ организаторскимъ умомъ, онъ способенъ былъ обнять всякую дипломатическую „контектуру“, какъ бы сложна она ни была; онъ умѣлъ ясно представить ее и себѣ и другимъ. Ни одного политическаго вопроса онъ не рѣшалъ, не разсмотрѣвши его со всѣхъ сторонъ, не обсудивши всѣхъ мелкихъ побочныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ нимъ и не выяс-

¹⁾ *Fiedler*, 198.

²⁾ *Ibid.* 224. Ср. *Druffel*, Acten und Briefe zur Geschichte des XVI Jahr., II. 587.

³⁾ *Fiedler*, 198: Le quale pratiche credono alcuni che siano state fatte con partipatione de Massimiliano.

нѣвши себѣ ближайшихъ цѣлей и отдаленныхъ слѣдствій его. Прямоты и честности эрнестинцевъ не было и слѣда въ новомъ курфюрствѣ. Отличаясь тонкимъ политическимъ тактомъ, неукротимою волей и большою опытностью, дипломать-интриганъ, онъ въ высшей степени ловко и удачно маневрировалъ среди самыхъ разнообразныхъ и трудныхъ обстоятельствъ, и не легко рѣшить вопросъ, ему ли или Морицу слѣдуетъ отдать первенство въ умѣнїи достигать своихъ цѣлей самыми различными, не рѣдко и коварными путями. Августу не доставало смѣлости Морица и не въ его характерѣ было дѣйствовать открыто. Холодный умъ его не шелъ дальше расчетовъ и вычисленій; ни на что рѣшительное не отваживаясь, онъ за то ничего не забывалъ; имѣлъ своихъ тайныхъ агентовъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ, всегда зналъ, чего хотѣлъ, къ чему стремился и чего могъ навѣрно достигнуть. Религіозность Августа соотвѣтствовала остальнымъ чертамъ его натуры—жадной и эгоистичной; въ ней не было ни теплоты, ни воодушевленія; узкая и нетерпимая, она близко граничила съ фанатичностью. Ортодоксальный лютеранинъ, онъ ненавидѣлъ кальвинистовъ и скорѣе готовъ былъ на компромиссъ съ католиками. Лютеранская ортодоксальность Августа едва ли вытекала изъ искренняго убѣжденія, скорѣе всего она была результатомъ привычки и политическихъ соображеній; въ этомъ человѣкѣ все заглушалось передъ расчетомъ и выгодой. Не сильный въ догматическихъ деталяхъ, онъ не принималъ участія въ богословскихъ распряхъ своего времени. Какъ организаторъ своего государства, Августъ не имѣлъ себѣ равнаго. Бережливостью и хозяйственностью онъ поднималъ финансы, улучшилъ земледѣліе и торговлю и славился какъ богатѣйшій князь Германіи. Венеціанскіе послы особенно останавливаются на послѣднемъ фактѣ, выдвигая Августа среди другихъ ему современныхъ князей. „Августъ“, говорятъ они, „богатѣйшій государь Германіи, онъ всегда можетъ выставить до 6000 конницы и 15000 пѣхоты“.

Въ домашней обстановкѣ Дрезденскаго двора царила строгая патриархальность; большимъ значеніемъ пользовалась курфюрстипа Анна, дочь Христіана III и Доротен Софіи Лауенбургской; враги съ насмѣшкою говорили о гнѣзкократіи при саксонскомъ дворѣ.

Такимъ образомъ и во внѣшней, и во внутренней политикѣ, въ дѣлахъ политическихъ и религіозныхъ, Мейсенскій князь исключительно только преслѣдовалъ свои личные интересы и выгоды, являясь совершенною противоположностью Фридриху III Пфальцскому. Принципъ его политики — постойное и всегда удачное лавированіе среди различ-

ныхъ теченій, при чемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ сохранялъ строго консервативный характеръ ¹⁾).

Переходя отъ Даніи къ Швеціи, слѣдуетъ прежде всего отиѣтитъ шаткія отношенія ея къ германской имперіи. Густавъ I, мнительность котораго съ годами принимала все болѣе широкіе размѣры, не могъ быть доволенъ тѣмъ, что его совершенно обошли въ шпейерскомъ трактатѣ. Въ этомъ онъ усматривалъ уже нѣкоторую враждебность къ себѣ какъ со стороны Карла V, такъ и со стороны Даніи, и въ 1550 году рѣшился наконецъ отправить своихъ пословъ въ Брюссель, чтобы тамъ въ переговорахъ съ Карломъ выяснитъ свои къ нему отношенія. Карлъ V далъ посламъ Густава благопріятный отвѣтъ, но до письменнаго, формальнаго договора дѣло не дошло, какъ это ошибочно предполагалось до новѣйшаго времени ²⁾). Брюссельскіе переговоры привели лишь къ гарантіи свободной торговли и безпрепятственныхъ сношеній между подданными обоихъ государствъ. Въ 1551 году въ Аугсбургѣ возникли новыя дипломатическія сношенія между шведскими уполномоченными и совѣтниками Карла V; результатомъ этихъ переговоровъ былъ черновой набросокъ трактата между Швеціей и Нидерландами, который однако ратификованъ не былъ. Осенью 1551 года Густавъ обратился къ Карлу V съ письмомъ, въ которомъ выражалъ желаніе поддержать дружескія отношенія къ Имперіи; въ этомъ же письмѣ онъ просилъ императора не придавать вѣры жалобамъ на него ганзейскихъ городовъ и Любека въ особенности; жалобы эти, писалъ король, вымышлены и заключаютъ въ себѣ оскорбленіе и обиды для Швеціи; онъ проситъ императора взыскать за такую клевету съ Любекскаго рата и на будущее время не принимать таковыхъ, ибо цѣль Любека направлена лишь къ тому, чтобы нарушить добрыя отношенія, существующія между Швеціей и Нидерландами ³⁾).

Какъ только миновала опасность со стороны Карла V, все вниманіе Густава было обращено на Данію. Традиціонная непріязнь двухъ народовъ, не сдерживаемая болѣе опасеніемъ вѣнскихъ враговъ,

¹⁾ Cp. *Droysen*. Das Zeitalter des 30-jährigen Krieges. 1880, I, 47—48, 84. *Fiedler*, Relationen der Venet. Botach. 185. Cp. *Papiers d'Etat de Granvelle*, VII, 405. *Languet-passim*. *Waddington*.—La France et les protestants Allemands sous Charles IX et Henri III. Rev. Hist. 1890. Dr. K. von *Weber*, Anna Churfürstin zu Sachsen. Leipz. 1865 p. 378. Joh. *Falke*. Die Geschichte des Kurfürsten August von Sachsen in volkswirtschaftlicher Beziehung. Leipz. 1868.

²⁾ Cp. *Rydberg*, Traités de Suède, 460. *Tegel*, 283 и дрѣе.

³⁾ *Tegel*, 285.

не замедлила проявиться, и если она при Густавѣ и Христіанѣ III не перешла въ открытую борьбу, то единственно только потому, что оба государства утомились и какъ Густавъ, такъ и Христіанъ, послѣ продолжительныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ обратили свое вниманіе на внутреннія преобразованія и реформы. Между тѣмъ горючій матеріалъ все накапливался, и стояло молодымъ, энергическимъ королямъ занять скандинавскіе престолы, какъ столкновение между ними сдѣлалось неминуемымъ.

Отъ 1545 года сохранилось письмо Густава Вазы къ начальнику Кальмара, Стевъ Эриксону Лейонгувудъ, въ которомъ рельефно обнаруживается все недоверіе Густава къ датчанамъ. „Совѣтуемъ тебѣ и убѣждаемъ, говорится въ этомъ письмѣ, не довѣряться датчанамъ и ихъ сладкимъ рѣчамъ; конечная цѣль ихъ интригъ и лъстивыхъ пріемовъ—погубить насъ шведовъ“. Съ этого времени Густавъ начинаетъ заботиться исключительно о томъ, чтобы всегда имѣти наготовѣ для борьбы съ Даніей значительныя военныя силы ¹⁾. Такъ въ 1553 году онъ назначаетъ смотръ всѣмъ своимъ войскамъ, сухопутнымъ и морскимъ, для чего въ каждую область отправляетъ по нѣсколько довѣренныхъ и компетентныхъ лицъ; король потребовалъ также и отъ штатгальтера Финляндіи, чтобы тотъ ему представилъ перечень всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ этой провинціи ²⁾. Въ 1549 году опасенія со стороны Даніи еще увеличились, такъ какъ пронесся слухъ о женитбѣ Адольфа Голштинскаго на вдовствующей герцогинѣ Лотарингской, дочери Христіана II. и о его намѣреніяхъ возвратити наслѣдницѣ Христіана II ея права на Швецію. Эльфсборгскій съѣздъ ³⁾, созванный для улаженія различныхъ недоразумѣній между двумя со-сѣдними государствами, не привелъ ни къ какимъ результатамъ и является лучшей иллюстраціей вражды и недоброжелательства другъ къ другу шведовъ и датчанъ. Съ обѣихъ сторонъ раздавались обвиненія въ нарушеніи добрыхъ отношеній; шведскіе комиссары выставили цѣлый обвинительный актъ противъ датскаго правительства, въ которомъ все сосредоточивалось около личности Дакке ⁴⁾, которому будто бы втайнѣ помогали датчане. Датскіе комиссары уклонялись отъ прямого рѣшительнаго отвѣта, говорятъ шведскіе хроникеры, и

¹⁾ *Tegel*, 279.

²⁾ *Ibidem*, 274.

³⁾ О немъ *Tegel*, *Girs*, *Celsius* и др. историкъ.

⁴⁾ О немъ—Г. В. *Форстенъ*, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ.

просили отпуска домой. Въ Эльфсборгѣ не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили въ ближайшемъ будущемъ снова съѣхаться для улаженія спорныхъ вопросовъ, до новаго же съѣзда не поднимать споровъ изъ за границъ, не судиться изъ за частныхъ лицъ и случаевъ, и все отложить до будущаго съѣзда.

Густавъ остался недоволенъ дѣйствіями своихъ уполномоченныхъ въ Эльфсборгѣ, находилъ, что они сдѣлали слишкомъ много уступокъ датчанамъ и снова повторялъ, что цѣль датчанъ давно опредѣлилась и состоитъ въ томъ, чтобы сначала поднять междоусобія среди самихъ шведовъ, а затѣмъ уже поссорить ихъ съ любчанами; привнявъ ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ, они желаютъ поработить и тѣхъ и другихъ. Ганзейцы, заодно съ датчанами, желали бы ослабить шведовъ и сдѣлать ихъ своими служителями, какъ было въ періодъ уніи. „Въ виду такого настроенія къ намъ датчанъ и ганзейцевъ, сказалъ король, намъ необходимо быть на сторожѣ, дабы не стать жертвою ихъ козней и всегда быть въ состояніи предупредить всѣ ихъ вредныя практики“.

Взаимныя отношенія Швеціи и Даніи вскорѣ ухудшились еще въ виду вопроса о трехъ коронахъ. Съ 1363 года шведское правительство помѣстило въ своемъ гербѣ изображеніе трехъ королей. Съ 1523 года къ нимъ присоединили и изображеніе льва, служившаго гербомъ Готаландіи. Такъ какъ Шведское королевство было двусоставное,—возникло изъ соединенія Свеаланда съ Готаландіей,—то и Шведскій гербъ сталъ двусоставнымъ, то-есть рядомъ съ тремя коронами помѣщался левъ. Датскій гербъ представлялъ трехъ леопардовъ съ коронами и изображеніями сердець. Со времени уніи короли направо отъ датскаго герба помѣщали шведскій, а налѣво норвежскій левъ съ топоромъ. Вопросъ „о трехъ коронахъ“ возникъ впервые въ 1544 году, послѣ Вестероскаго рейхстага. Шведскіе источники гонорятъ, что когда вѣсть о провозглашеніи наслѣдственности шведской короны въ домѣ Вазы дошла до датчанъ, то они настояли у Христіана III на томъ, чтобы онъ, какъ прежніе уніатскіе короли, носилъ въ своемъ гербѣ и три короны Швеціи и не видоизмѣнялъ датскаго герба. Въ 1555 году Густавъ узналъ, что Христіанъ III, выдавая свою дочь за Августа Саксонскаго, велѣлъ на щитѣ, украшавшемъ ея карету, изобразить не только датскій и норвежскій, но и шведскій гербъ „три короны“; при всѣхъ остановкахъ до самаго Торгау, гдѣ была отпразднована свадьба Августа и Анны, выставлялся этотъ уніатскій гербъ; его изображали на картинахъ, зданіяхъ

и пр. Наконецъ, съ 1557 года Христіанъ прибѣгъ еще къ одному нововведенію. рѣшительно поднявшему противъ него сосѣдняго короля: онъ видоизмѣнилъ уніатскій гербъ и три короны помѣстилъ подъ датскими леопардами. Спустя нѣсколько лѣтъ Фридрихъ II и Христіанъ III въ своей королевской печати, рядомъ съ датскимъ и норвежскимъ гербами, помѣстили и шведскій. Этотъ, повидимому, пустой фактъ о трехъ коронахъ, сдѣлался фактомъ историческимъ во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу двухъ сосѣднихъ державъ и послужилъ поводомъ къ цѣлому ряду недоразумѣній, а впоследствии и кровопролитной войны между ними. Густавъ Ваза усматривалъ въ этомъ прямое посягательство на его корону; датскіе короли, думалъ онъ, — и не безъ основанія, — не забыли еще своихъ традиціонныхъ притязаній на кальмарскую унію и при сколько-нибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ не прочь возобновить эти притязанія, что грозило еще не выполнѣ упрочившейся самостоятельности Швеціи. Свое безпокойство на счетъ трехъ коронъ Густавъ Ваза обнаруживалъ въ цѣломъ рядѣ писемъ къ своимъ фохтамъ и совѣтникамъ: то онъ отдавалъ приказанія о наборѣ войскъ, то готовился воздвигнуть новыя крѣпости на границѣ Галландіи. Война съ Россіей на время отвлекла вниманіе Густава отъ южнаго сосѣда, но по окончаніи ея взаимное недовѣріе Швеціи и Даніи обнаружилось въ гораздо большей степени. Получая письма отъ Христіана III. Густавъ съ горечью замѣчалъ, что этотъ миролюбивый король въ своей печати помѣщаетъ три короны шведскаго герба подъ датскимъ и норвежскимъ, тогда какъ даже Христіанъ II, послѣдній уніатскій король, всегда ставилъ шведскій гербъ рядомъ съ датскимъ. Въ письмѣ къ Христіану III онъ указывалъ ему на это и укорялъ его въ желаніи вовлечь Швецію въ новую войну; онъ выставялъ предъ Христіаномъ всѣ заслуги Швеціи въ борьбѣ его и отца его съ Христіаномъ II и Любекомъ; ради этихъ услугъ король не долженъ былъ бы оскорблять достоинство шведской короны; но все было напрасно: удовлетворенія Густавъ не могъ добиться, хотя уже и открыто протестовалъ противъ дѣйствій датскаго правительства. — Когда мѣсто миролюбиваго Христіана занялъ пылкій и воинственный сынъ его Фридрихъ, о враждѣ и ненависти котораго къ шведамъ было извѣстно, когда еще онъ былъ наслѣдникомъ датскаго престола, то Густавъ уже ни одного дня не могъ быть спокойнымъ. Въ Вадстенѣ онъ созвалъ совѣтъ, и здѣсь рѣшили дѣлательно готовиться къ войнѣ; всѣ нашли необходимымъ возстановить крѣпости, вооружить флотъ, собрать всѣ

военныя силы, стянувши ихъ съ востока въ Вестерготландъ и Сمولандъ; назначены были особые сборные пункты для войскъ.

Густавъ Ваза вселилъ и въ дѣтяхъ своихъ то сильное недовѣріе къ датчанамъ, которое самъ онъ съ дѣтства питалъ къ нимъ; къ концу жизни знаменитаго короля это чувство возросло до своего апогея, и нуженъ былъ самый незначительный поводъ, чтобы вызвать окончательный разрывъ съ сосѣднею державой.

Въ концѣ своего царствованія старый король прибѣгнулъ и къ литературному оружію противъ Даніи. Нужно замѣтить, что полемическія сочиненія, выходившія тогда въ свѣтъ и быстро распространявшіяся по всему Скандинавскому сѣверу, въ значительной степени способствовали обостренію взаимныхъ отношеній Даніи и Швеціи. Еще со времени Христіана II и Фридриха I исторія стала орудіемъ политики и дипломатіи. Одни и тѣ же событія, освѣщенные съ различныхъ политическихъ точекъ зрѣнія, вызывали совершенно противоположныя историческія толкованія. Одни авторы нападали, другіе отражали нападенія. Никто не желалъ обнаруживать своихъ слабыхъ сторонъ и всѣ старались только о томъ, какъ бы сильнѣе очернить противника. О безпристрастности въ историческихъ трудахъ разбираемаго времени не можетъ быть и рѣчи, и они имѣютъ значеніе лишь на столько, на сколько знакомятъ насъ съ настроеніемъ общества, съ его политическими страстями и интригами. Въ 1555 году въ Даніи вышло новое изданіе Датской риёмованной хроники; оно быстро распространилось, между прочимъ, и въ Швецію, гдѣ возбудило сильное неудовольствіе Густава Вазы. Онъ не зналъ, что хроника произведеніе средневѣковое, что дѣло шло лишь о новомъ изданіи давно извѣстнаго произведенія; въ изложеніи событій уніатской эпохи король усмотрѣлъ прямую насмѣшку надъ Швеціей и рѣшилъ тогда же отплатить Даніи тою же „литературною“ монетою. Въ 1558 году онъ велѣлъ издать нѣсколько отрывковъ Датской хроники отъ временъ Вальдемара и рядомъ поясненія, отвѣты на эти мѣста. Свое предпріятіе король оправдывалъ тѣмъ положеніемъ, что тотъ, кто молчитъ, очевидно соглашается. Поясненія или вѣрнѣе національная самозащита написана въ самомъ рѣшительномъ тонѣ, не обходится по мѣстамъ и безъ прямыхъ ругательствъ. Авторомъ большей части этой „отвѣтной“ хроники былъ самъ Густавъ.

Въ Даніи быстро разнеслась вѣсть о появленіи въ печати шведской риёмованной хроники; ее перевели даже на датскій языкъ, чтобы

сдѣлать достояніемъ всѣхъ датчанъ, и не преминули составить на нее отвѣтъ ¹⁾).

Этимъ литературная война не окончилась: въ 1554 году въ Римѣ вышла хроника готовъ и свеевъ Іоанна Магнуса Гота, архіепископа Упсальскаго, служившая долгое время предметомъ раздоровъ между обоими сосѣдними народами. Хроника Гота составлена весьма интересно, стиль ея отличается живостью и плавностью, такъ что авторъ могъ рассчитывать на значительный успѣхъ ея среди читающей и интересующейся части общества. Въ Даніи эту хронику встрѣтили съ большимъ неодобреніемъ въ виду враждебности, какою проникнуты были всѣ мѣста ея, касающіяся Даніи. Отъ вниманія датчанъ не укрылось и то, что Густавъ Ваза въ своей рѣимованной хроникѣ пользовался Іоанномъ Готомъ и положилъ его въ основаніе всего трактата о Даніи и ея отношеніяхъ къ шведамъ. Христіанъ III и его совѣтникъ Фризъ рѣшили отвѣтить на хронику Гота и автора задуманнаго труда пашли въ извѣстномъ Сванингѣ. Въ 1561 году вышла его „Готская хроника“, въ которой онъ, скрывши свое имя подъ псевдонимомъ „Петръ Парвусъ Розефонтанъ“, рѣзко полемизируетъ съ Іоанномъ Готомъ и горячо защищаетъ датчанъ. Эта новая литературная полемика еще сильнѣе разогла страсти у обоихъ родственныхъ народовъ и явилась предлюдіей семилѣтней сѣверной войны шведовъ и датчанъ; эта домашняя литературная война содѣйствовала внѣшнему столкновенію; такъ въ началѣ XVII столѣтія калмарская война была предвозвѣщена литературнымъ столкновеніемъ Мессенія и Виллиха фонъ Вестгофена.

Во время самой семилѣтней войны обѣ стороны продолжали издавать брошюры, летучіе листки, сатиры и т. п. Такъ, шведы издали на нижне-нѣмецкомъ языкѣ сатиру, съ помѣткою: Копенгагенъ, гдѣ всѣ событія войны представлены тенденціозно; въ такихъ листкахъ преобладаетъ рѣзкій обличительный тонъ. Датчане, разумѣется, въ долгу не оставались и вскорѣ, въ томъ же 1563 году, издали перечень причинъ, вызвавшихъ семилѣтнюю войну; все стараніе автора клонилось къ тому, чтобы въ начавшейся войнѣ свалить вину на шведовъ.

Все разроздавшаяся полемическая литература распадалась на двѣ группы: къ первой принадлежали сочиненія, одобренныя самими правительствами, шведскимъ и датскимъ, которыя и способствовали выходу ихъ въ свѣтъ; ко второй—труды, инициатива которыхъ принадлежала частнымъ лицамъ; эти послѣдніе имѣли, поэтому, чисто приватный ха-

¹⁾ Cp *Regesta Diplomatica Historiae Daniae*, II, 188, № 1638. *Puludan Müller*.

ракторъ, и въ нихъ со всею силою обнаружилось взаимное нерасположеніе другъ къ другу двухъ родственныхъ народовъ. Къ полемической литературѣ мы должны относить и рядъ многочисленныхъ воззваній, съ которыми оба правительства обращались къ подданнымъ одного другаго, стараясь привлечь ихъ на свою сторону; тутъ, въ этихъ манифестахъ, факты передавались въ совершенно ложномъ свѣтѣ, авторы заботились только о томъ, чтобы придать имъ выгодную для себя окраску. Предъ политическими выгодами блекла истина. Духъ партійности проникъ даже въ официальные донесенія о битвахъ, дипломатическихъ переговорахъ и т. д., такъ что и къ нимъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, и они не свободны отъ тенденціозной окраски. Все это имѣетъ мѣсто и по отношенію къ письмамъ самихъ участниковъ войны, начиная съ обоихъ королей до подчиненныхъ имъ лицъ ¹⁾. Густаву I не пришлось пережить столкновенія съ Даніей; онъ умеръ 29-го сентября 1560 года. Послѣ его смерти прошло еще три года до открытой войны съ Даніей.

Послѣдніе года царствованія Густава Вазы были ознаменованы несчастною войною съ Москвою ²⁾. Въ 1537 году Швеція заключила съ Москвою 60-лѣтній миръ и тогда же рѣшено было установить между обоими государствами новую границу, на основаніи договора 1323 года. Густавъ Ваза не желалъ поступиться своими восточными владѣніями и годъ отъ году оттягивалъ окончаніе вопроса о границахъ. Отсюда возникли продолжительные споры съ Іоанномъ IV. Отъ вниманія московскаго государя не могло укрыться намѣренное оттягиваніе Густавомъ срока, назначеннаго для проведенія границъ; онъ зналъ также о недоброжелательствѣ къ себѣ шведскаго короля. Вражда Швеціи съ Россіей была традиціонной: Густавъ боялся своего восточнаго соседа и еще въ 1548 году въ письмѣ къ архіепископу рижскому онъ убѣждалъ его внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ Россію не проникали иностранные мастера, свѣдущіе въ артиллерійскомъ и вообще военномъ дѣлѣ ³⁾.

Опасенія Густава еще усилились съ тѣхъ поръ, какъ завязались торговые сношенія Москвы съ Англіей. Никто такъ не противился „неслыханнымъ сношеніямъ Англичанъ съ москвитами“, какъ Густавъ I. Онъ точно предвидѣлъ будущее величіе Россіи и тотчасъ во-

¹⁾ Ср. *Paludan Müller. Historieskrifningen*, 66—67, 78, 85, 107 и др.

²⁾ Объ этой войнѣ ср. *Loccenii, Rerum Suecicarum Historia. Holmiae. 1654.* 328 и далѣе.

³⁾ *Dalén*, III, 1. 417.

шелъ въ сношенія съ Маріей англійской, поднималъ противъ Россіи и Данію, и Польшу, и Ливонскій орденъ ¹⁾). Король желалъ воспользоваться временемъ борьбы Россіи съ татарами и напасть въ расплохъ на грознаго сосѣда; но онъ пропустилъ время, и русскіе первые вторгнулись въ его предѣлы; не мало озабоченный такимъ оборотомъ дѣлъ, онъ сталъ искать себѣ союзниковъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы одновременно съ двухъ сторонъ напасть на Россію; самъ онъ желалъ двинуться съ своими силами со стороны Финляндіи, а Польша въ соединеніи съ орденомъ должна была вторгнуться въ западныя области московскаго государства. Король носился съ обширными планами отбѣснить московскаго государя дальше на востокъ и отдѣлить его китайскою стѣною отъ Европы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что возникшія торговыя сношенія русскихъ съ англичанами не мало содѣйствовали рѣшимости Густава начать войну съ Москвою. Гирсъ, поэтому, передаетъ совершенно невѣроятный фактъ, будто бы Густавъ началъ войну, обманутый ложными слухами о смерти московскаго государя ²⁾), — сообщеніе, не подтверждаемое никакими данными.

До начала войны съ Россіей Густавъ въ 1554 году отправилъ посольство въ Вольмаръ. Его послы должны были донести магистру объ опустошительныхъ набѣгахъ русскихъ въ Финляндію и сообщить ему, что королю доподлинно извѣстно, что царь носился съ враждебными планами покорить себѣ всю Ливонію. Если, говорили шведскіе послы, ихъ государю не окажутъ помощи и онъ вынужденъ будетъ заключить миръ съ царемъ, то послѣдній немедленно же поведетъ свои войска на Ливонію; ливонцы должны были бы, поэтому, въ собственныхъ интересахъ помочь королю; если они этого не сдѣлаютъ, то они скоро узнаютъ, какого врага они имѣютъ въ московскомъ государѣ ³⁾). Одни изъ представителей ордена стояли за союзъ съ Швеціей противъ Москвы, большая же часть опасалась нарушить недавно заключенный миръ, хотя и желала продленія войны Швеціи съ Іоанномъ. Магистръ отправилъ орденскаго фохта въ Вейссенштейнъ Бернгарда фонъ Шмертена въ Швецію, чтобы убѣдить короля продолжать начатую войну съ Россіей и обнадежить его скорою помощью ордена. Густавъ не могъ удовлетвориться одними обѣщаніями, грозилъ и требовалъ немедленнаго разрыва ордена съ Москвою и заключенія наступательнаго союза съ Швеціей. Только пола-

¹⁾ *Girs*, 235.

²⁾ *Girs*, 220 и далѣе.

³⁾ *Pallin*, 45.

гаясь на помощь ордена, сказалъ король, онъ началъ войну съ Москвою¹⁾. Въмѣсто обѣщанной помощи магистръ подтвердилъ 9-го апрѣля 1555 года мирный договоръ съ Москвою въ Венденѣ и тогда же чрезъ новыхъ пословъ извинялся за это передъ королевемъ. Такимъ образомъ ни орденъ, ни Польша, ни Литва не помогли Густаву; „они не выслали ему ни одного человѣка, не дали ни одной копѣйки“²⁾).

Во всѣхъ своихъ неудачахъ Густавъ обвинялъ ливонцевъ, ложно доносившихъ ему о готовности Польши-Литвы одновременно съ нимъ объявить войну Россіи, о нашествіи на Москву татаръ и т. д. Не оправдалось ни одно изъ этихъ сообщеній. Въ концѣ 1555 года новые послы Густава прибыли въ Ливонію; они должны были указать магистру, что настаетъ наиболее удобный моментъ для совместнаго похода на Москву (царь занятъ своими астраханскими дѣлами), и что орденъ можетъ смѣло нарушить свой договоръ съ Москвою. Царя можно заставить, говорили послы, заплатить за всѣ военные расходы и за всѣ обиды, имъ причиненныя, его можно заставить поручиться за сохраненіе мира и, наконецъ, совершенно обезсилить, такъ чтобы сосѣднимъ державамъ нечего было его болѣе опасаться³⁾). Воплотивъ спокойными сосѣднія державы могли считать себя только въ томъ случаѣ, если московскія владѣнія будутъ совершенно отрѣзаны отъ моря; въ письмахъ короля между строкъ легко прочесть стремленіе его включить въ предѣлы своего государства и Финскій заливъ, и Неву, и Ладожское озеро.

Грандіозные планы перваго Вазы разлетѣлись въ прахъ при первомъ же столкновеніи съ русскими. Іоаннъ Грозный собралъ огромныя силы и рѣшился наказать своего сосѣда за всѣ его неправды. А какія были эти неправды, мы читаемъ въ отвѣтномъ посланіи царя къ польскому королю, предложившему свое посредничество для примиренія обѣихъ воевавшихъ державъ. Царь пишетъ, что шведскій король черезъ старые рубежи вступилъ въ многія русскія земли и воды, и учинили его люди многія обиды и убійства; не смотря на частыя напоминанія пограничныя опустошенія не прекращались, „и Густавъ король въ тѣхъ во всѣхъ дѣлахъ ни котораго исправленья не вчинилъ“, велѣлъ захватывать русскихъ купцовъ, многихъ заключилъ, отнявши товары. Густавъ, наконецъ, отказался совѣщаться съ новгородскими

¹⁾ Ibidem, 5.

²⁾ Paralipomena, 93—102.

³⁾ Napiersky, 383.

намѣстниками, какъ велось изстари, и желалъ непосредственно сно- ситься съ самимъ царемъ ¹⁾).

Ходъ самой войны 1555 — 1557 года не представляетъ для насъ ничего интереснаго; побѣда оставалась почти непрерывно на сторонѣ русскихъ, превосходившихъ шведовъ численностью своихъ боевыхъ силъ. Самый выдающійся моментъ во всей войнѣ — это осада шве- дами Нотебурга; попытки ихъ занять этотъ городъ окончились совер- шеннымъ пораженіемъ, стоившимъ шведамъ многихъ жертвъ. Вторже- ніе русскихъ въ январѣ 1556 года навело страхъ на все населеніе, они осадили Выборгъ, но уже на третій день сняли осаду, предпо- ложивъ гарнизонъ ея гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ онъ былъ на дѣлѣ ²⁾).

Въ 1556 году начались уже переговоры о мирѣ; Густавъ, мечтавшій выговорить своимъ подданнымъ право ѣздить въ Персію, не надѣялся болѣе на счастливый исходъ переговоровъ. Продолжая искать себѣ союзниковъ въ Западной Европѣ, онъ въ своихъ обращеніяхъ къ за- паднымъ государямъ впервые яркими красками рисуеъ опасность для Европы со стороны Россіи, какъ скоро она утвердится на Балтій- скомъ морѣ. Россія, пишетъ король, станеть на сѣверѣ-востокѣ та- кою же грозою для Европы, какъ на юго-западѣ Турція.

Переговоры о мирѣ шли, между тѣмъ, успѣшно, не понадобилось и посредничества Польши; въ мартѣ 1557 года въ Москвѣ заключенъ былъ новый миръ со Швеціей до 1597 года ³⁾). Чрезъ два года по за- ключеніи мира рѣшено было приступить къ урегулированію границъ, при чемъ опять таки въ основаніи долженъ былъ лечь договоръ 1323 года. Въ силу этого трактата шведскія границы должны были быть отодвинуты на западъ. Густавъ никакъ не могъ примириться съ мыслью объ уменьшеніи своей территоріи и, найдя искаженную ре- дакцію договора 1323 года, заключавшую въ себѣ нѣкоторыя выгод- ныя постановленія для Швеціи, онъ уполномочилъ своихъ пословъ держаться этой редакціи. Но при жизни Густава никакого урегули- рованія границъ не было сдѣлано.

¹⁾ *Ученія о Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей*, 1860 г., *Бал- тийско-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей по 1700 г., стр. 123, ср. *Соловьевъ*, VI, 126 и далѣе.

²⁾ Шведскіе лѣтописцы говорятъ, что русскіе были обмануты сильнымъ скри- помъ колесъ въ городѣ.

³⁾ *Rydberg*, I, 306.

Въ мирномъ договорѣ 1557 года обращаютъ на себя вниманіе въ особенности два пункта—о свободѣ торговли между Россіей и Швеціей и о свободномъ пропускѣ чрезъ Швецію русскихъ пословъ и уполномоченныхъ, въ какое бы государство они ни отправлялись. Сопоставивъ эти два пункта съ тѣмъ, что заключалось въ трактатѣ Грознаго съ ливонскимъ орденомъ въ 1554 году, мы увидимъ какъ широко понималъ московскій царь интересы Россіи и какъ энергично онъ велъ ее къ сближенію съ западомъ, съ цѣлью поднять туземную торговлю и имѣть возможность непосредственно сноситься съ западными государствами.

2-го апрѣля 1557 года старый король Швеціи вынужденъ былъ подписать мирный договоръ, такъ не гармонировавшій съ его цѣлями и стремленіями. Онъ убѣдился, что борьба съ Россіей преждевременна и, какъ увидимъ, сдѣлался до мелочей предупредительнымъ къ своему восточному сосѣду; въ своихъ дѣтяхъ онъ также вселилъ идею о необходимости держаться мирной политики по отношенію къ Москвѣ. Это всего рельефнѣе скажется въ исторіи отношеній Швеціи къ ливонскому ордену.

Въ іюль въ Стокгольмъ прибыли русскіе послы и, по своему обычаю, говоритъ шведскій хроникеръ, крестнымъ цѣлованіемъ, подарками и подношеніями скрѣпили мирный договоръ ¹⁾).

Дройзенъ въ высшей степени правъ, когда обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ государствахъ еще молодыхъ, только что вступающихъ въ кругъ всеобщихъ историческихъ интересовъ, всякій переходъ престола въ новыя руки обозначаетъ собою и новую эпоху въ ихъ развитіи. Когда же, напротивъ, образъ правленія уже установился, когда за государствомъ имѣется уже нѣкоторая политическая традиція, подобныя обстоятельства, какъ вступленіе на престолъ новаго лица, не сопровождаются никакими перемѣнами и не имѣютъ особенно важнаго значенія. Всего очевиднѣе вышесказанное по отношенію въ Даніи и Швеціи. Престолы этихъ государствъ въ разбираемую эпоху заняты новыми династіями; эти династіи утвердились на скандинавскихъ престолахъ послѣ двадцатилѣтнихъ смутъ и войнъ; ясно, что первые представители ихъ, какъ только они успѣли отразить внѣшнихъ враговъ, должны были заняться внутренними дѣлами; имъ не-

¹⁾ Ср. Paralipomena, 95.

обходимо было водворить порядокъ во внутреннемъ хаосѣ своихъ государствъ, имъ надо было укрѣпить, упрочить почву, на которой они стояли, создать себѣ сильный оплотъ въ борьбѣ съ сословными привилегіями. Дѣло для нихъ затруднялось еще и тѣмъ, что на очереди стоялъ всемірно-историческій вопросъ—реформація; необходимо было выяснить себѣ этотъ фактъ, стать къ нему въ такія отношенія, чтобъ въ выигрышѣ оказалось государственное дѣло, и вотъ послѣднія десятилѣтія правленія Христіана III и Густава Вазы, при всемъ недовѣріи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несутъ на себѣ мирный характеръ и ознаменованы цѣлымъ рядомъ благотѣльныхъ внутреннихъ реформъ. Старые монархи сошли въ могилу. Ихъ заступили натуры молодыя, пылкія; они приняли тронъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ: внутри страны миръ, въ казнѣ сосредоточены огромныя богатства—плоды мирной политики и бережливости ихъ отцовъ. Когда сильно бьется пульсъ и человѣкъ чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ, онъ стремится проявить эти силы; ему хочется выдвинуться, отличиться. Такъ было съ Эрикомъ XIV и Фридрихомъ II. Они съ трудомъ переносили спокойную и сдержанную политику своихъ отцовъ; возникали какія-нибудь недоразумѣнія, и они готовы кинуться въ бой, а тутъ ихъ сдерживаютъ осторожные отцы. Очень понятно, что какъ скоро не стало этой сдерживающей силы, этого спокойнаго мирнаго элемента, молодые энергическіе государи считаютъ уже возможнымъ довести до крайности тенденціи своихъ отцовъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Во внутренней политикѣ эта лихорадочная дѣятельность выразилась въ совершенномъ обезсиленіи и униженіи аристократіи, а во внѣшней политикѣ конкретныхъ результатовъ не оказалось такъ скоро, тутъ пришлось раздѣлаться съ мощною силою, до того времени не извѣстною, которая надвигалась съ дальняго востока на западъ.

Имѣя въ виду въ настоящемъ изслѣдованіи прослѣдить съ возможною полнотою и обстоятельностью внѣшнюю политику обоихъ скандинавскихъ государствъ, въ особенности по отношенію къ Балтійскому вопросу, мы только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтимъ внутреннюю дѣятельность ихъ.

Даровитая натура Густава I Вазы только въ обломкахъ перешла къ его дѣтямъ, но и „въ этихъ обломкахъ свѣтились гениальныя искры“. Эрикъ XIV былъ талантливымъ дилеттантомъ и въ наукахъ, и въ искусствѣ правленія; Іоаннъ III, менѣе одаренный, отличался идеа-

листическимъ направленіемъ; онъ былъ на многое способенъ, но только въ извѣстныхъ рамкахъ, перейти которыя онъ ужъ не могъ. Какъ Эрикъ, такъ и Іоаннъ, были натуры мечтательныя. Третій сынъ Густава Магнусъ, съ сильно развитою чувственностью, соединялъ въ себѣ лишь однѣ отрицательныя стороны Вазы. Отличные отъ своего отца сыновья Густава I во многомъ напоминаютъ его; такъ въ первомъ Вазѣ рядомъ уживались и мистицизмъ и бурныя страсти; у старшаго изъ его сыновей плодомъ этихъ противоположностей является сумашествіе и страшная жестокость; у втораго мистицизмъ породилъ религіозныя бредни, и страсти обращались у него въ какую-то безумную спѣсь и надменность, черты, замѣтныя и въ натурѣ Эрика XIV. Любопытно, что эти черты не чужды были и Густаву I. Извѣстно, какое высокое представленіе онъ имѣлъ о своей монархической власти; оно перѣдко граничило съ деспотизмомъ, но никогда не переходило, какъ у сыновей его, въ дѣтскую надутость. Въ характерѣ сыновей Густава I проходятъ, однако, и черты, совершенно чуждыя Густаву—боязливость и трусость; эти черты содѣйствовали развитію въ Эрикѣ злобы и жестокости; трусость, а не прирожденная ненависть, заставила Іоанна согласиться на умерщвленіе брата. „Обломки гениальной натуры Густава снова какъ бы спаиваются въ одинъ цѣлый и стройный образъ въ Карлѣ IX, младшемъ изъ его сыновей“; въ немъ духъ Вазы обнаружился во всей своей силѣ; достигши своего полнаго развитія и совершенства, онъ проявился во всемъ богатствѣ своего содержанія.

По свидѣтельству современниковъ, подтверждаемому сохранившимися портретами Эрика XIV, этотъ король имѣлъ представительную наружность, былъ высокаго роста, строенъ, ловокъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ обращеніи ласковъ и привѣтливъ. Нетерпѣливый, вспыльчивый, способный къ припадкамъ страшнаго гнѣва и мономаніи, по временамъ меланхоликъ и ипохондрикъ—черты его матери, Эрикъ XIV по природѣ своей былъ крайне подозрителенъ. Эта черта его характера, унаслѣдованная отъ отца, развивалась у него съ годами, намѣренно возбуждаемая негодными царедворцами, окружавшими престолъ. Воспитаніе будущаго короля Швеціи находилось въ вѣдѣніи Діонисія Буррея (Beurgeois, Burgöus), вкрадчиваго, придворнаго лстеца, что необходимо должно было отразиться на характерѣ Эрика ¹⁾. Совѣтники его—Collart, Person и др.—въ нравственномъ

¹⁾ Мѣткая характеристика Буррея у *Elofsson'a* Paralipomena, 98. Ср. *Ludvickssons* Crönikan, 278.

отношеніи стояли очень низко, и ихъ весьма значительныя интеллектуальныя способности не соотвѣтствовали ихъ моральнымъ качествамъ; своими навіями и донесеніями они довели Эрика до такой жестокости, что за малѣйшей виною слѣдовала смертная казнь; душа короля, подавленная подозрѣніями, теряла всякое равновѣсіе, и онъ давалъ широкій просторъ своей ненависти: казилъ, пыталъ, истязалъ; въ немъ пробуждались кровавыя инстинкты, разгорались животныя страсти. Нерѣдко, за такими минутами изступленнаго гнѣва и безумной жестокости наступали внезапное раскаяніе, мучительное терзаніе совѣсти, желаніе бѣжать отъ взоровъ своихъ подданныхъ.

Густавъ Адольфъ въ своихъ историческихъ замѣткахъ говоритъ объ Эрикѣ, что онъ навлекъ на себя ненависть своихъ подданныхъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, какія ему пришлось вести; ненависть подданныхъ возбудила въ королѣ сильную подозрительность, а послѣдняя—корень всякой несправедливости; несправедливость порождаетъ негодованіе въ массахъ, общую ненависть всѣхъ сословій, которая какъ клинъ врѣзывается между государемъ и подданными. Иллюстраціей сказаннаго служить царствованіе Эрика; жертвою его подозрительности были братъ его и фамилія Стуре; многихъ король казилъ изъ за этой страсти. Эрикъ велъ себя, говоритъ герой Лютцена, какъ челоуѣкъ, котораго Богъ лишилъ своего духа, своей божеской искры.

Живой, даровитый и впечатлительный, интеллектуально одаренный, Эрикъ XIV отличался большою начитанностію, обладалъ большими знаніями въ языкахъ — нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ; съ запасомъ историческихъ знаній онъ соединялъ въ себѣ и выдающагося математика, и хорошаго музыканта, и талантиваго живописца; о риторическихъ и логическихъ способностяхъ его свидѣлствуютъ рядъ сохранившихся до насъ трудовъ его. Эрикъ оставилъ послѣ себя и нѣсколько сочиненій историко-философскаго содержанія; особенно интересны его дневникъ и масса писемъ; они, во первыхъ, вводятъ насъ въ міръ идей и чувствъ, которыя одушевляли этого замѣчательнаго короля, а затѣмъ и доказываютъ, какъ его, наравнѣ съ важными дѣлами и вопросами, занимали самыя мелкіе и незначительныя: онъ все тщательно взвѣшивалъ и сопоставлялъ всѣ случайности.

Быстро усваивая все имъ слышанное, Эрикъ, по свидѣтельству иностранца современника, давалъ всегда быстрые и точныя отвѣты; величайшимъ удовольствіемъ короля было принимать участіе въ разсужденіяхъ выдающихся и ученыхъ людей; нерѣдко онъ намѣренно дѣлалъ имъ возраженія, чтобы вызвать ихъ къ болѣе откровенности

и ближе ознакомиться съ ихъ воззрѣніями и взглядами. Охотно выслушивалъ король отвѣты прямые и откровенные; самъ онъ входилъ во всѣ мельчайшія детали государственнаго правленія, и не было вопроса на столько незначительнаго, чтобы самъ онъ не былъ имъ заинтересованъ. Во время войны съ Даніей Эрикъ часто собиралъ своихъ канцеляровъ, совѣщался съ ними о томъ, что предпринять и откуда извлечь средства для выполненія того или другаго намѣренія своего. Военнымъ дѣламъ онъ предавался съ большою любовью и это уживалось въ немъ рядомъ съ заботливостью о внутреннемъ благосостояніи Швеціи. Отдавъ какое либо приказаніе, онъ съ неумолимою строгостью наказывалъ каждого, кто въ точности не выполнялъ возложенныхъ на него обязанностей.

Выслушивая, какъ мы выше указали, совѣты своихъ приближенныхъ, король принималъ ихъ къ свѣдѣнію, но всего выше цѣнилъ свои собственные планы и предложенія. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своего самодержавія и всякое попятное на его королевскій авторитетъ онъ преслѣдовалъ съ страшною жестокостію. Съ безпокойнымъ, жестокимъ нравомъ Эрикъ соединялъ страсть къ роскоши и пышности; такъ извѣстно, что онъ для своей коронаціи выписалъ изъ Антверпена и Лондона новыя регаліи, роскошныя платья, жемчуга, драгоценныя камни, для увеселеній же и зрѣлищъ—нѣсколько львовъ, буйволовъ, верблюдовъ и сто кроликовъ.

Съ 1567 года въ Эрикѣ стали обнаруживаться уже явные признаки умопомѣшательства, а въ слѣдующемъ онъ былъ свергнутъ съ трона. Въ царствованіе Эрика XIV мы можемъ отнѣтити два періода, до 1564 года и послѣ него. Второй періодъ во многомъ напоминаетъ собою несчастный, хотя и вызванный необходимостію, періодъ опричнины въ царствованіе Іоанна Грознаго. Мы вообще едва ли впадемъ въ ошибку, если рѣшимся провести параллель между Эрикомъ и нашимъ Грознымъ. Тотъ и другой—натуры даровитыя и страстныя, въ нихъ обща „блестящія дарованія, чуткость нервовъ, желѣзная воля“, неустанное преслѣдованіе разъ намѣченной цѣли, воспримчивость. Опередивъ своихъ современниковъ, они, какъ умные и дальновидные политики, одни сознавали всю важность стоявшихъ на очереди вопросовъ (централизація, Балтійское господство) и съ свойственной страстнымъ натурамъ энергіей преслѣдовали свои цѣли, впадали въ крайности, теряли нерѣдко подъ собою почву и въ концѣ концовъ падали жертвою идеаловъ, непонятыхъ современниками и оцѣненныхъ лишь впоследствии. Тому и другому, какъ поборникамъ абсолютнаго

принципа, пришлось вести упорную борьбу съ враждебными этому принципу элементами сословными; въ этой борьбѣ всего рельефнѣе сказались плоды ихъ неудержимой страстной натуры; порывы жестокости и кровожадности, систематическія убійства оптомъ и въ розницу—все это, смѣняя одно другое, сливалось въ цѣлый потокъ крови политическихъ жертвъ. Зло надо искоренять рѣшительными мѣрами, а каковы эти мѣры—и Грозный, и Эрикъ познали отъ тѣхъ же аристократовъ, дворянъ и бояръ, которые въ своихъ партійныхъ смутахъ превосходили другъ друга жестокостью и безчеловѣчіемъ. Убѣдившись въ сепаративныхъ и антимонархическихъ стремленіяхъ привилегированныхъ классовъ, оба государя современника стали окружать себя людьми незнатными, всѣмъ обязанными ихъ государственной милости. Этотъ шагъ ихъ былъ вполне естественъ, имѣлъ свои прецеденты въ Западной Европѣ (Людовикъ XI, Фердинандъ Католикъ и др.) и былъ вызванъ обстоятельствами. Но и эти незнатные, не родовитые опричники пошли своимъ путемъ; оказалось, что и на нихъ нельзя было вполне опереться, что и они на первомъ планѣ преслѣдовали свои частные, узко-своекорыстные интересы: безъ вины доносили на дворянъ съ цѣлю воспользоваться всѣми плодами безпощаднѣйшей конфискаціи; ихъ шпіоны и креатуры вездѣ поспѣвали, и несчастные монархи вѣрили имъ! Ни знатность рода, ни богатство, ни заслуги предковъ—ничто не находило пощады, ничто не могло спасти заподозренныхъ отъ плахи. Во всѣхъ знатныхъ эти государя усматривали своихъ личныхъ враговъ, всякому случайному явленію они придавали характеръ заговоровъ. У Эрика XIV жестокость была еще яростнѣе, чѣмъ у Іоанна Грознаго, что въ послѣдніе годы его жизни объясняется умопомѣшательствомъ. Достаточно было встрѣтиться съ королемъ на улицѣ съ ружьемъ въ рукахъ—и казнь была неминуема. Король организовалъ цѣлую систему шпіонства, тайные агенты его дѣйствовали не только въ Швеціи, но и за-границей; въ Даніи были шпіоны Эрика и во флотѣ, и при дворѣ, и въ войскахъ, и въ отдаленныхъ пограничныхъ городахъ и т. д.; въ Норвегіи, Голштиніи и Ганзейскихъ городахъ тоже самое. Передъ нами списокъ всѣхъ этихъ шпіоновъ; по нѣскольку человѣкъ находилось и при дворахъ нѣмецкихъ князей, курфюрста Саксонскаго, герцога Мекленбургскаго, ландграфа Гессенскаго, маркграфа Бранденбургскаго и герцога Прусскаго; затѣмъ при польскомъ дворѣ, въ Литвѣ, у татаръ, при императорскомъ дворѣ, во Франціи—цѣлыхъ три, въ Лотарингіи, Испаніи, Португаліи, Англіи, Шотландіи и, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ. Тутъ прежде

всего шпіоны были пограничные—Åamfena и его братъ, Märthenn и Lasse Läck, затѣмъ при особѣ царя—v. Swäas, Larszonn и Jonsson; въ Москвѣ—Claes Makenprångh, въ Новгородѣ—въ домѣ намѣстника—Fortslainin; далѣе—въ Ливоніи, Дерптѣ, Курляндіи и при Магнусѣ Эзельскомъ—Michill Geenn¹⁾.

Эрикъ, какъ астрологъ и алхимикъ²⁾, боялся колдовства, и обвиненія въ чернокнижии и чародѣйствѣ стали все чаще повторяться и сопровождались жестокими казнями. Въ послѣдніе годы своего царствованія Эрикъ подпалъ подъ сильное вліяніе своего перваго министра Георга Перссона, шведскаго Малюты Скуратова, и во всемъ завистѣлъ отъ его взглядовъ и стремленій. Какъ главное лицо въ царствованіи Эрика XIV, Георгъ Перссонъ представляетъ для изслѣдователя эпохи особенный интересъ³⁾.

¹⁾ Register på alle Kundtscaffter szom både her inrikes och vthon landts brwkes. Historiskt Bibliothek, af Silfverstolpe, 1878, стр. 155 и д.

²⁾ Астрологическія замѣтки короля сохранились въ книгахъ, которыя онъ читалъ, находясь въ заключеніи. Ср. Ahlquist, Karin Mänsdotter, 1874, стр. 29.

³⁾ Матеріаломъ для характеристики личности Эрика XIV, намъ служили: исторія его царствованія Тегеля и Цельзія, его переписка, частью только изданная, и его дневники; затѣмъ рукописное донесеніе Руджіери, во Флорентійской національной бібліотекѣ; донесенія о Шведіи въ царствованіе Эрика французскаго агента Данса, частью напечатанныя въ Handlingar till Sueriges Historia, 11, 1824, частью рукописныя (Парижъ, нац. бібліотека); донесенія римскихъ пунціевъ въ Ватиканской бібліотекѣ и богатая переписка Августа Саксонскаго съ его приближенными въ Дрезденскомъ архивѣ; отзывы Густава Адольфа—въ собраніи его сочиненій, изданныхъ Стюffe. Въ новѣйшей шведской исторической литературѣ установилась тенденція очень враждебная къ царствованію старшихъ сыновей Вазы. Эрика XIV слишкомъ строго судить и Альквистъ, и Вестлингъ, и Нильссонъ; менѣе пристрастенъ, чѣмъ вышеозначенные историки, Манкелль въ оцѣнкѣ личности Эрика XIV. Нѣмецкіе историки Дройзенъ и въ послѣднее время Аригеймъ выдвигаютъ политическія способности Эрика; Аригеймъ старается смягчить суровый отзывъ объ Эрикѣ XIV шведскихъ историковъ, что, конечно, не трудно въ виду положительной тенденціи, проходящей въ ихъ трудахъ. Они дѣлаютъ большую и исторически грубую ошибку, оцѣнивая Эрика внѣ его времени, внѣ обстоятельствъ, обружавшихъ его, и въ ихъ характеристикѣ Эрикъ является кровожаднымъ, чувственнымъ тираномъ, ни на что не способнымъ, съ особеннымъ наслажденіемъ избивающимъ своихъ подданныхъ. Достаточно привести для примѣра разборъ труда Манкелля, помѣщенный въ Historiskt Bibliothek Силверстольпе за 1879 годъ. („Эрикъ настоящій представитель князей ренессанса; талантливый, изящный сластолюбецъ, испившій до послѣдней капли чашу наслажденій, онъ дошелъ до необходимости возбуждать свои ослабѣвшіе нервы убійствами и кровью. Не такихъ государей исторія учить насъ и

Георгъ Перссонъ (Jöran Persson) родился около 1530 года. Поступивъ въ Виттенбергскій университетъ, онъ изучалъ тамъ латинскій языкъ, математику и астрономію, выдавался своимъ прилежаніемъ и основательностью своихъ занятій; всего болѣе его интересовали латинскіе поэты, Аристотель, Платонъ, Софокль и древніе юристы. Меланхтонъ снабдилъ Перссона рекомендательнымъ письмомъ къ Эрику, тогда еще наслѣднику шведскаго престола, и этотъ сразу привязался къ молодому студенту. Въ придворныхъ вѣдомостяхъ имя Перссона упоминается въ первый разъ въ 1559 году; но уже раньше мы встрѣчаемъ его на службѣ у Густава I. Назначенный военачальникомъ Выборга, Перссонъ навлекъ на себя подозрѣніе и неудовольствіе короля за то, что не доставилъ ему нѣкоторыхъ писемъ изъ Россіи. Не смотря на это онъ все-таки, благодаря своимъ способностямъ, сохранилъ мѣсто королевскаго секретаря. Среди придворныхъ чиновниковъ Перссонъ дѣйствительно выдавался, какъ по уму и образованію, такъ и по усердію своему. Эрикъ награждалъ его значительными имѣніями, такъ что онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей; своекорыстный, онъ ради богатствъ не гнушался взятками и охотно принималъ подарки. При Эрикѣ XIV роль Перссона стала еще значительнѣе: онъ сталъ посредствующимъ звеномъ между королемъ и его подданными; всякія просьбы, дѣла, процессы, раньше тѣмъ доходить до короля, проходили чрезъ его руки, и тотъ только могъ ожидать успѣха, къ кому расположенъ былъ Перссонъ. Это—всесильный временщикъ, предъ которымъ всѣ трепетали. Дипломатическіе агенты никогда не покидали Швеціи, не одаривши тѣмъ либо могуществомъ царедворца.

Въ началѣ царствованія Эрика Перссонъ занималъ постъ канцлера; въ одномъ письмѣ 1562 года онъ названъ вице-канцлеромъ. Онъ въ высшей степени заботливо охранялъ королевскій архивъ и канцелярію, такъ что никто не могъ проникнуть туда безъ его вѣдома. Вскорѣ Перссонъ получилъ новое назначеніе, въ которомъ и проявилъ вмѣстѣ съ энергіей и служеніемъ королю всѣ низкія стороны своей натуры: его сдѣлали королевскимъ прокураторомъ и обвинителемъ

бить и уважать!⁴⁾ Только въ самое послѣднее время и въ Швеціи началась реакція противъ такого не-историческаго направленія въ оцѣнѣхъ событій второй половины XVI столѣтія. Гаммаршёльдъ въ разборѣ книжки Цеттерсена — Исторія шведскаго флота, 1890, *Historisk Tidskrift*, 1891 года, дѣлаетъ упрекъ своимъ соотечественникамъ въ ихъ исторической близорукости при оцѣнѣ Эрика XIV. (Ср. Сведелиуса).

сыскной комиссіи; теперь на Перссона пала незавидная для болѣе возвышенныхъ натуръ роль — быть главнымъ представителемъ шпіовства, достигшаго такихъ широкихъ размѣровъ въ царствованіе Эрика XIV. Поле дѣятельности королевскаго прокуратора было самое обширное; его компетенціи были подвѣдомственны всѣ внутреннія дѣла королевства. Новая сыскная комиссія приобрѣла характеръ верховнаго суда, высшей судебной инстанціи.

Сыскная дѣятельность Перссона становится всего плодотворнѣе съ 1563 года, когда — какъ увидимъ — началась междоусобная война между Эрикомъ XIV и Іоанномъ Финляндскимъ. Тутъ ему поручено было выслѣживать всѣ дѣйствія сторонниковъ герцога; онъ составилъ и обвинительный актъ противъ Іоанна, когда онъ сдѣлался плѣнникомъ своего брата короля. Заключение Іоанна въ Гринсгольмъ послужило мотивомъ къ самой оживленной перепискѣ Перссона съ королемъ; извѣстно, что Перссонъ совѣтовалъ королю казнить брата и разомъ освободиться отъ опаснаго соперника; Эрикъ тогда не принялъ предложенія Перссона, а въ 1568 году сожалѣлъ объ этомъ. Съ властолюбіемъ, не знавшимъ границъ, Перссонъ соединялъ и глупую преданность престолу; проникательный царедворецъ считалъ позволенными всѣ средства, которыя вели къ укрѣпленію королевскаго самодержавія и ослабленію родовой аристократіи; ни минуты не задумываясь онъ подавалъ голосъ за терроръ, какъ лучший путь къ достиженію этой цѣли. Отдѣльные представители общества, независимо отъ ихъ положенія или происхожденія, ничего не значили въ этой Перссоновой государственной программѣ. Глазъ Георга привыкъ къ крови и ничто не могло остановить его ударовъ.

Когда началась война съ Даніей, король и его первый министр склонны были объяснять измѣною каждую неудачу шведовъ, и пытки, допросы, ссылки, казни не прекращались во все время войны. Перссонъ много помогалъ королю и при собираніи податей; благодаря его зоркости и искусству, истощенная казна быстро пополнялась, за то сколько же и смѣнилъ онъ фохтовъ, счетчиковъ, писарей и т. д. Возведенный въ дворянство, Перссонъ тѣмъ не менѣе преслѣдовалъ дворянъ и главнымъ образомъ знатнѣйшихъ и наиболѣе богатыхъ; онъ способенъ былъ, какъ человѣкъ, потерявшій всякую совѣсть, настаивать на самыхъ невѣроятныхъ обвиненіяхъ; его креатуры были разбѣяны по всей Швеціи; когда ихъ узнавали, жителей брали такой страхъ, какъ еслибы они натолкнулись на юговъ, то-есть, на датчанъ. Изъ преступныхъ процессовъ, начатыхъ Перссономъ, наи-

болѣе извѣстенъ процессъ противъ Стена Стура въ 1565 году. Перссонъ измышлялъ для своихъ враговъ самыя звѣрскія пытки и казни; на заподозрѣнныхъ, напримѣръ, сжигали рубашки, предварительно окупувши ихъ въ водку, отсѣкали руки, ноги и т. д. При Іоаннѣ III страшный временщикъ и самъ погибъ (1569) мучительною смертью, свидѣтельствующей только о грубости и жестокости шведовъ ¹⁾).

Одна заслуга всетаки остается за Перссономъ при всей необузданной тиранніи его: онъ преданъ былъ Эрику до самой смерти, и паденіемъ короля обусловлено было его собственное паденіе. Число жертвъ Перссоновой политики достигаетъ 258.

Монархическій принципъ успѣлъ къ концу царствованія Густава Вазы пустить въ Швецію глубокіе корни. Это въ особенности сказалося во время внутреннихъ войнъ и войнъ съ Россіей; аристократы, повинувся волѣ короля, въ своихъ докладахъ и отчетахъ въ самыхъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ говорятъ о томъ или другомъ предпріятомъ ими дѣлѣ. Чуть они замедлили отвѣтить на сдѣланный монархомъ запросъ, какъ онъ въ гнѣвномъ повелительномъ тонѣ выражаетъ свое неудовольствіе. Вездѣ въ государствѣ, къ концу царствованія Густава, слышится одна его воля, она безпрекословно всѣми исполняется; на всемъ лежалъ отпечатокъ самодержавнаго государя. Аристократы и дворяне должны были до мелочей исполнять желанія короля; при малѣйшей съ ихъ стороны неточности — король недоволенъ, удивляется, грозитъ ²⁾).

Начало самодержавія одержало верхъ надъ традиціонными вольностями аристократовъ; единство, порядокъ и законъ снова возраждаются въ Швецію, и государь ея — сильнѣйшій изъ ея слугъ.

Эрикъ XIV съ глубокимъ сознаніемъ и большою энергіей разви-

¹⁾ Едва ли и сосѣдніе москвиты, прославленные шведами за свое безчеловѣчіе, нашли бы удовольствіе въ столь продолжительной казни: сначала Перссону отрѣзали оба уха, затѣмъ его повѣсили; чрезъ полчаса его сняли и привязали къ четырѣмъ столбамъ; тутъ ему разбили ноги и руки и опять оставили на полчаса; затѣмъ началось битье его въ грудь ножемъ. Къ счастью, на стоны несчастнаго явился Карлъ IX и велѣлъ отсѣчь ему голову.—О Перссонѣ см. *Historisk Tidsskrift* за 1881—ислѣдованіе Сильверстоппе.

²⁾ *Forssell*, I, 51. Ср. *Mechelin*, 75: „Чтобы привести свою мысль о централизаци въ систему и эту систему обезпечить, необходимо было основать новую обширную правительственную форму, но все ограничивалось лишь частными мѣропріятіями“.

валъ самодержавный принципъ своего отца. Ему приписывали желаніе добиться въ своемъ государствѣ такого же абсолютнаго самодержавія, каковаго Филиппъ II достигъ въ Испаніи ¹⁾.

По своимъ стремленіямъ его царствованіе составляетъ одно неразрывное цѣлое съ царствованіемъ Густава, и онъ только примѣнилъ къ дѣлу начала и идеи, созданныя его отцомъ. Это сказалося всего рельефнѣе въ вопросѣ о пожалованіи дворянъ помѣстьями, которое онъ имѣлъ въ виду совершенно отбѣнить.

Не успѣлъ Эрикъ занять престола, какъ со стороны его братьевъ и аристократіи готовилось покушеніе на уничтоженіе всѣхъ Густавомъ созданныхъ преградъ въ дѣлѣ земельного пожалованія.

Уже тотъ фактъ, что младшіе сыновья Густава были надѣлены обширными удѣлами, посягалъ на авторитетъ короля и грозилъ сильнымъ подрывомъ королевской казнѣ. Никто лучше Густава Адольфа не охарактеризовалъ вредныхъ сторонъ политическаго завѣщанія Густава Вазы, парализовавшихъ всѣ старанія короля укрѣпить въ своемъ государствѣ монархическую власть. Раздѣливши свои владѣнія между Эрикомъ, Иоанномъ и Магнусомъ, говоритъ Густавъ Адольфъ, Густавъ Ваза сдѣлалъ большую ошибку. Согласіе между братьями—явленіе очень рѣдкое. Герцоги Иоаннъ и Магнусъ были слишкомъ могущественными подданными, а стоитъ только подданнымъ чувствовать себя на столько же сильными, какъ король — и они ни мало не станутъ заботиться объ общихъ нуждахъ государства. Это сказалося въ первые годы царствованія Эрика XIV; между нимъ и братьями начались самыя гибельныя междоусобія ²⁾.

Дѣйствительно, отношенія между королемъ и герцогами были такъ не точно опредѣлены въ завѣщаніи Густава и въ дарственныхъ грамотахъ его сыновьямъ, что власть и значеніе герцоговъ могли быть очень опасными идеѣ самодержавія. Густавъ въ своемъ завѣщаніи

¹⁾ Любекскій архивъ... das er (Erich) darnach zu trachten entschlossen wie er ein solcher Herr sein moge, als der Konnig aus Hispanien, soll sagen er muste mehr Reich und Lannde unter sich zubringen entlichen versuchen oder wolte seine Krone nicht halten.

²⁾ *Styffe*, Konung Gustaf II Adolfs Skrifter. Stokholm, 1861, стр. 75: Men häruthinnen hafwer Konung Gustaf allena fehlät; ty bröders samdrächt är och sällan att finna: och sällan finnes macht och eenigheet på ett ställe. Thesse här hertigar woro fär mächtige undersäther; ty när een undersäthe sig så mächtig befinner, att han sig moot regementet förswara kan, skiöter han thet mästadeels fögätheraf uppwar bröders tråta...

какъ то совершенно упустилъ изъ виду взаимныя отношенія братьевъ; правда, онъ взывалъ къ братской любви, уговаривалъ сыновей жить въ мирѣ, слушаться старшаго и повиноваться ему, но все это не имѣло значенія, и правъ Форссель, когда въ умоляющемъ тонѣ Густава отмѣчаетъ предчувствіе результатовъ, совершенно противоположныхъ ожидаемому. Поэтому первымъ шагомъ въ самостоятельномъ правленіи Эрика XIV было точнѣе опредѣлить свои отношенія къ братьямъ и сохранить монархическій строй въ молодомъ государствѣ; задача, поставленная Эрикомъ, состояла въ томъ, чтобы уничтожить вредныя для государственнаго единства постановленія своего отца о надѣлѣ герцоговъ землями и предупредить замѣну единовластія удѣльной формой правленія. Понимая, что раздѣлъ государства между герцогами грозитъ снова разъединить только что собранную и окрѣпшую Швецію, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался для достиженія своей цѣли. По свойственной Эрику страстности, онъ нерѣдко въ преслѣдованіи своей цѣли впадалъ въ крайности и съ точки зрѣнія чисто человѣческой заслуживалъ, быть можетъ, и осужденія; но цѣль, какою онъ занялся, была спасительной для Швеціи, а въ XVI столѣтіи о выборѣ средствъ рѣдко кто задумывался. Сознавая всю необходимость, въ виду внѣшнихъ враговъ, возстановить внутреннее единство въ странѣ, онъ на время отстранилъ всѣ другіе дѣла и вопросы. Желаніе точнѣе опредѣлить свои отношенія къ братьямъ послужило главнымъ мотивомъ къ созыву рейхстага въ Арбогъ въ 1561 году ¹⁾.

¹⁾ Первый рейхстагъ въ Швеціи былъ созванъ въ 1359 году. Раньше извѣстны были такъ называемые герредаги и ландстинги. Первые были по характеру противоположны вторымъ. Ландстинги были выраженіемъ демократической свободы и провинціального самоуправленія, а герредаги — чисто аристократическія собранія, вначалѣ служившія опорой королевской власти и содѣйствовавшія смирненію отдѣльных частей государства. Въ XV и XVI столѣтіи герредаги стали опасны королямъ. Опору противъ сильныхъ магнатовъ они стали съ этихъ поръ находить въ низшихъ классахъ; вотъ причина, почему они начали привлекать и низшіе классы въ обсужденію различныхъ на очереди стоявшихъ вопросовъ. Этотъ шагъ королей явился вызовомъ какъ прежней провинціальной самостоятельности, такъ и притязаніямъ аристократовъ. При Густавѣ I крестьяне приобрѣли значеніе и силу, какими раньше не пользовались; они возвели короля на престолъ и они же поддерживали монархическія стремленія Вазы. Со времени Густава рейхстаги являются собраніемъ представителей рата и фрельсманновъ (дворянъ) съ одной стороны, съ другой — представителей бюргеровъ и крестьянъ всей Швеціи. Рядомъ съ рейхстагами продолжали сзываться и герредаги — изъ представителей отдѣльных областей. При первыхъ Вазахъ рейхстаги не носили характера законномъ признанныхъ учрежденій. Ср. *Nilsson*, 2 и далѣе

Переговоры Эрика XIV съ его братьями открылись еще въ самомъ началѣ 1561 года ¹⁾; эти переговоры въ высшей степени любопытны, ибо обнаруживаютъ всю энергію и страстность Эриковой натуры; ему нужно было какъ можно скорѣе опредѣлить свои шаткія и скользкія отношенія къ братьямъ, онъ спѣшилъ; обширные планы во вѣншей и внутренней политикѣ не терпѣли отлагательства, возможны же были они только при полномъ политическомъ единствѣ въ странѣ. Нетерпѣніе короля росло съ каждымъ днемъ; не отстранивши политической самостоятельности братьевъ герцоговъ, онъ чувствовалъ себя связаннымъ; его давила эта зависимость отъ провинцій, онъ жаждалъ скорѣе сбросить ее съ себя и явиться единодержавнымъ, самовластнымъ королемъ единой нераздѣльной Швеціи. Эрикъ рѣшительно отказывался отъ всякихъ другихъ дѣлъ, не желалъ выслушивать никакихъ докладовъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ торопилъ рейхстагъ. Королю казалось, что все памѣренно замедлялось, никто не обнаруживалъ достаточнаго рвенія. Первоначальный проектъ Эрика XIV о видоизмѣненіи политическаго завѣщанія Густава I не дошелъ до насъ. Король самъ говорить, что по желанію братьевъ отбѣнилъ нѣкоторые пункты своего проекта. Вѣроятно, этотъ проектъ заключалъ въ себѣ строже сформулированныя постановленія, нежели Арбогская конституція, и вызвалъ протестъ со стороны герцоговъ. Іоаннъ находилъ требованія короля столь невыполнимыми, что готовъ былъ завести съ нимъ переговоры объ уступкѣ своего герцогства за денежное вознагражденіе и согласенъ былъ удалиться за границу ²⁾. Первые годы царствованія Эрика носили, такимъ образомъ, на себѣ уже отпечатокъ вражды между братьями, той вражды, которая пробудила всѣ отрицательныя стороны даровитой натуры старшаго изъ сыновей Вазы. Каковы бы, повторяемъ, ни были съ общечеловѣческой точки зрѣнія отношенія Эрика къ его братьямъ, историкъ въ виду важности ихъ для внутренней исторіи Швеціи, съ особеннымъ интересомъ останавливается на знаменитой Арбогской конституціи 1561 года, направленной противъ завѣщанія Густава, съ цѣлью лишить Іоанна, Магнуса и Карла всякой

¹⁾ *August Nilsson*, Den svenska Riksdagen under Erik XIV's Regering. Karlstad. 1886.

²⁾ *Nilsson*, II; *Claes Annerstedt*, Grundläggningen af svenska väldet i Livland 1558—1563, Uppsala, 1868, 138, примож. 1... är iach då tilsinnes welwilleligen updrage och öff. anthwarde E. K. M. samme mitt furstendöme i hender, — för änn sume Sölff. och gull, som är fyretietusendh lödhige mrchr. sölf., teslikes tretietusendh unge gyllen...

самостоятельности, гибельной для единства Швеціи. Арбогская конституція отстаивала монархическіе и самодержавные принципы и „явилась рѣшительнымъ протестомъ противъ всякаго рода медіатизаціи“; въ ней до мельчайшихъ подробностей рассмотрѣны вопросы, которые въ завѣщаніи Густава были намѣчены лишь самыми слабыми штрихами, въ самыхъ общихъ и поддающихся разнообразѣйшимъ толкованіямъ выраженіяхъ.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Іоаннъ, герцогъ финляндскій, согласился принять новую конституцію, выговоривши себѣ нѣкоторыя экономическія привилегіи; желаніе же его добиться самостоятельной вѣдшей политики, права вести войну и заключать отдѣльные трактаты, затѣмъ права нейтральности въ случаѣ борьбы Эрика съ иностранными державами—не было исполнено ¹⁾. Іоаннъ особенно настаивалъ на этомъ пунктѣ, имѣя тогда уже виды на Ливонію; опасаясь войны съ Россіей, онъ желалъ сблизиться съ Польшей; планъ брачнаго союза уже тогда занималъ его; быть можетъ его честолюбивой и юношеской фантазіи рисовалась возможность явиться въ будущемъ и кандидатомъ на польскій престолъ.

Для Эрика было очень важно окончить переговоры со своими братьями до открытія рейхстага, почему онъ и торопилъ ихъ отвѣтомъ; къ 13-му апрѣля, писалъ онъ имъ, отвѣтъ долженъ быть ему доставленъ. Наши источники въ разбираемомъ вопросѣ разнорѣчны: Мессениусъ говоритъ, что герцоговъ 14-го апрѣля принудили подписать арбогскія условія короля; исполнивши его волю, они будто бы заявили, что обращаются въ его рабовъ. Тегель говоритъ другое, а именно, что герцоги *добровольно* приняли предложенія короля, которые представители рата и сословій подтвердили ²⁾. На рейхстагѣ готовыя уже постановленія были прочитаны и оповѣщены, затѣмъ подъ ними подписался король и его братья; скрѣплены они были королевскою и герцогскими печатями. Герцогъ Карлъ, еще несовершеннолѣтній, долженъ былъ подписаться подъ Арбогскіе „артикулы“ по достиженіи совершеннолѣтія. Всѣхъ §§ такъ называемой Арбогской конституціи 14-го апрѣля 1561 года было сорокъ четыре ³⁾. Изъ нихъ многіе §§ заключали въ себѣ постановленія съ перваго взгляда совершенно излишнія, ибо они являлись лишь повтореніемъ извѣст-

¹⁾ *Amerstedt*, 142—143 (приложение II).

²⁾ Ср. *Nilsson*, II.

³⁾ О рейхстагѣ въ Арбогѣ см. *Tegel*, 12—30; *Stjernmann*, I, 246; *Messenius*, VI, 2. *Hildebrand*, II, 1, 2 и д., то-же, стр. 9—19.

ныхъ уже до этого законоположеній; приведены же они съ очевиднымъ намѣреніемъ—цѣльнѣе и рельефнѣе сгруппировать права и отношенія герцоговъ къ особѣ короля.

Первые два §§ занимающей насъ конституціи содержатъ въ себѣ правила о престолонаслѣдіи; она сходна съ постановленіями Вестероскаго рейхстага и отличается только одною любопытной подробностью, вполнѣ характеризующей Эрика XIV. Если кто либо изъ герцоговъ, говорится въ этомъ добавленіи, обнаружитъ по отношенію къ королю какое нибудь злое намѣреніе, или на него падетъ обвиненіе въ *crimen laesae majestatis*, то онъ лишается права наслѣдованія, безразлично, — успѣетъ ли онъ выполнить свой умыселъ или нѣтъ.

Роковая ошибка, сдѣланная Густавомъ при раздѣлѣ его владѣній, усугубилась еще тѣмъ, что герцоги получали свои удѣлы въ полную собственность, и населеніе областей не признавало надъ собою подданства королю ¹⁾. 3, 4 и слѣдующія постановленія Арбогской конституціи уничтожали это ненормальное отношеніе. Герцогамъ разрешалось пользоваться доходами съ своихъ удѣловъ, но земля и населеніе считалось достояніемъ короля. Герцоги получали доходы съ горныхъ промысловъ, сами назначали таможенные сборы въ своихъ владѣніяхъ, но по таксѣ, которая практиковалась въ королевствѣ. Десятинные сборы король сохранялъ за собою, не смотря на всѣ старанія Іоанна противостать этому; также какъ и право черезъ каждые 7 или 10 лѣтъ ревизовать доходы и расходы герцоговъ, чтобы съ этимъ сообразовать свои финансовыя дѣла.

Изъ судебной компетенціи герцоговъ исключаются всѣ случаи нарушенія Арбогской конституціи, *crimen laesae majestatis* и оскорбленія королевскихъ чиновниковъ. О какомъ либо азільномъ правѣ герцоговъ король не допускаетъ рѣчи; всѣ политическіе преступники должны быть ему выдаваемы. Герцогамъ запрещалось раздавать коронныя земли и имущества и промѣнивать ихъ на другія. Какъ ленники короля они въ силу § 7 должны были отправлять военную службу; этотъ §, впрочемъ, не ясенъ и отличается неопредѣленностью: тамъ ничего не говорится о количествѣ конницы и пѣхоты, какое герцоги обязаны были доставлять. Эрикъ имѣлъ въ виду все это опредѣлить точнѣе позже, путемъ отдѣльныхъ переговоровъ съ гер-

¹⁾ Въ завѣщаніи Густава не мало затрудненій представлялъ слѣдующій пунктъ: герцоги владѣютъ своими ленами на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ и мы сами владѣли ими, безъ всякаго исключенія; въ своихъ ленахъ они, какъ имъ угодно, вѣдаютъ всѣ замки, крѣпости, города, земли свѣтскія и духовныя.

погами; изъ его переписки съ Іоанномъ видно, что онъ дѣйствительно поднималъ вопросъ объ этомъ, но договорились ли они до чего нибудь опредѣленнаго, остается неизвѣстнымъ за неимѣніемъ данныхъ. Относительно Магнуса извѣстно, что онъ обязывался въ мирное время доставлять королю 200 рейтеровъ, въ военное же 400. § 10 даетъ королю право въ военное время рассчитывать на вооруженную помощь герцоговъ; король въ силу того же § требовалъ, чтобы его войска имѣли право постоя въ герцогскихъ владѣніяхъ. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ налоговъ жители герцогствъ также должны принимать въ нихъ участіе. Всѣ подданные шведскаго короля, по мнѣнію Эрика, должны въ одинаковой степени участвовать въ уплатѣ податей и различныхъ налоговъ.

Далѣе слѣдуетъ любопытное постановленіе о томъ, что жители герцогствъ обязаны присягать королю на вѣрность, какъ и собственные подданные короля; герцогамъ же они *не имѣли права давать особую присягу*; исключеніе дѣлалось только для ближайшихъ слугъ герцоговъ ¹⁾.

Въ силу §§ 8 и 9 король могъ имѣть въ герцогствахъ своихъ военныхъ чиновниковъ, которые должны были наблюдать за военною службою; при этомъ содержаніе названныхъ чиновниковъ шло отъ герцоговъ. Войска герцоговъ должны были подчиняться королевскимъ военачальникамъ и подлежать военнымъ уставамъ королевства. Еслибы кто либо изъ дворянъ въ герцогствахъ пожелалъ перейти на службу королю, онъ имѣетъ на это право. Юрисдикція герцоговъ не касалась тѣхъ, кто участвовалъ въ рейхсратѣ или кому король давалъ какія либо порученія. Всякій подданный въ герцогствахъ имѣлъ право апеллировать къ королю, и король имѣлъ въ герцогствѣ свою розыскную комиссію. Затѣмъ, хотя герцоги и могли строить въ своихъ владѣніяхъ замки и крѣпости, но они должны были быть открыты для короля и его уполномоченныхъ. Начальники и фохты замковъ считались законными только въ томъ случаѣ, если они предварительно принесли королю присягу на вѣрность. Относительно должностныхъ лицъ постановлено было, что герцоги назначаютъ уѣздныхъ судей—герадсгевдинговъ—и церковныхъ старшинъ, король же—лагмановъ и епископовъ (§§ 30, 32, 33). Всѣ протесты Іоанна противъ этого были напрасны. Отъ короля зависѣло также разрѣшать герцо-

¹⁾ Nilsson, 13. Самъ король выговорилъ себѣ право — брать по одному рейтеру за каждые 100 тахеровъ сборовъ и податей.

гамъ собирать представителей всей области, или назначать новые налоги, или давать новыя привилегіи. Всѣ указы короля были обязательны для герцоговъ ¹⁾).

Объ отдѣльной монетной системѣ теперь уже не могло быть рѣчи; всѣ монеты должны были чеканиться съ изображеніемъ короля и ничѣмъ не разниться отъ монетъ, ходившихъ въ Швеціи.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ §§ Арбогской конституціи—это тотъ, въ силу котораго герцогамъ безъ согласія короля нельзя было ни начинать войны, ни заключать особыхъ трактатовъ, ни вступать въ союзы, ни даже завязывать какія бы то ни было дипломатическіе переговоры съ иностранными государствами. Исключеніе составляли лишь брачныя союзы. Этотъ § пріобрѣтаетъ особенное значеніе, такъ какъ уже въ 60 и 61 годахъ Іоаннъ дѣлалъ попытки самостоятельной внѣшней политики. Нарушеніе этого пункта въ 1563 году вызвало ожесточенную войну между обоими братьями—королемъ и герцогомъ, результатомъ которой было заключеніе Іоанна въ Гринсгольмъ. Эрику удалось провести этотъ пунктъ, не смотря на всѣ протесты Іоанна, благодаря главнымъ образомъ содѣйствію высшаго дворянства и аристократіи.

Поднимался на Арбогскомъ рейхстагѣ вопросъ и объ англійскомъ брачномъ проектѣ; любопытно, что на время своего отъѣзда изъ Швеціи Эрикъ не желалъ болѣе передавать регентства своему брату Іоанну, какъ предполагалось при жизни Густава, а рѣшилъ вручить правленіе нѣсколькимъ представителямъ своей канцеляріи и нѣсколькимъ областнымъ правителямъ. Это опять таки рисуетъ, какое сильное недовѣріе было между обоими братьями.

Есть основаніе предположить, что на Арбогскомъ рейхстагѣ поднимался вопросъ и о Ливоніи; но какія были сдѣланы рѣшенія относительно этого вопроса, остается неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ, въ силу арбогской конституціи герцоги — подданные короля и ихъ подданные прежде всего—слуги короля.

На отношеніяхъ Эрика съ герцогами мы намѣренно останавливаемъ свое вниманіе, такъ какъ эти отношенія уже черезъ два года привели къ ожесточенной внутренней борьбѣ между братьями, отразившейся и на внѣшней политикѣ Швеціи. Остальныя мѣры Эрика XIV

¹⁾ Есть любопытное извѣстіе, что Эрикъ тотчасъ по вступленіи на престолъ потребовалъ себѣ отъ финляндцевъ присяги, но Іоаннъ этому помѣшалъ (*Nilsson*, 14) По окончаніи Арбогскаго рейхстага Эрикъ отправилъ въ Финляндію двухъ уполномоченныхъ принять присягу отъ жителей.

касались главнымъ образомъ внутреннихъ преобразованій, почему мы и не останавливаемся на нихъ; достаточно было указать на господствующую тенденцію его царствованія.

Во внѣшней политикѣ балтійскій-ливонскій вопросъ всего болѣе интересовалъ предприимчиваго короля. Соперниками ему явились кромѣ Даніи Польша и Москва, а изъ германскихъ государей Августъ Саксонскій, тѣсно соединившійся съ Даніей и постоянно ее поддерживавшій.

Въ Польшѣ въ это время царствовалъ Сигизмундъ II Августъ.

Онъ вступилъ на польскій престолъ въ 1548 году. Этотъ литовскій Сардапалъ, какъ его называлъ нашъ великій историкъ Соловьевъ, былъ воспитанъ среди женщинъ, отличался изнѣженностью, мягкостью, охотно предавался полному покою, былъ расточителенъ и нерѣдко обнаруживалъ совершенную безхарактерность. Въ мягкомъ, чувственномъ и терпѣливомъ королѣ „завтра“ скрывалось большое честолюбіе и преувеличенное мнѣніе о своей королевской власти. Когда дѣло шло о его королевскихъ прерогативахъ, Сигизмундъ умѣлъ быть и строгимъ, и неумолимымъ: достаточно вспомнить отношенія его къ Данцигу. Король съ большою настойчивостью отстаивалъ свои права, ему не по душѣ были вольности и льготы прусскихъ городовъ. При всей своей женственности, при свойственной ему лѣни и умственной неповоротливости онъ нерѣдко способенъ былъ на весьма удачную дипломатическую уловку, составлялъ любопытные проекты, проявлялъ и лукавство, и жестокость; слова короля всегда почти расходились съ дѣломъ; вѣрить ему было невозможно. Стилъ его писемъ, какъ и всѣ приемы его рѣчи напоминаютъ іезуитовъ, только что выработавшихъ свой „іезуитскій стилъ“, отличавшійся и напыщенностью, и кажущейся искренностью; они уснащали свою рѣчь архаизмами, абстрактныя выраженія замѣняли нерѣдко конкретныя, сыпались безъ всякой нужды цитаты и сравненія, поэтическія слова и обороты, длинныя, ничѣмъ не вызванныя отступленія и т. д. Таковы же и приемы Сигизмунда II Августа, который какъ политикъ дѣйствительно былъ совершенный іезуитъ. Всѣ его письма и инструкции исполнены выраженій безкорыстія, риторическихъ самовосхваленій; за этою обманчивою риторикой не трудно, однако, добраться и до настоящаго смысла, до корня, зерна всѣхъ его политическихъ вождельній. Сардапалъ соединялъ въ себѣ и ритора, и лицебѣра, и большаго фразера, жертвовавшаго ради политическихъ выгодъ и религіей, и истинною. Религіозныя убѣжденія короля не отличались твердостью и постоян-

ствомъ; слухи о его симпатіяхъ къ протестантамъ дошли даже до папы Павла IV, вызвавши съ его стороны рядъ упрековъ и наизидній. Вообще мы едва ли впадемъ въ ошибку, если рѣшимся высказать, что религіозныя симпатіи Сигизмунда II опредѣлялись всего болѣе политическими моментами; находясь въ сношеніяхъ со многими корифеями протестантскаго міра, слѣдя за движеніями въ протестантскихъ государствахъ Европы и имѣя въ главнѣйшихъ изъ нихъ своихъ пословъ и корреспондентовъ, Сигизмундъ II тѣмъ не менѣе рѣшительно заступаетъ за католиковъ въ Даніи и Швеціи, требуетъ для нихъ свободы вѣроисповѣданія, разрѣшаетъ іезуитамъ являться въ свое государство. Въ Польшу спасались многіе церковные новаторы даже самыхъ рѣшительныхъ отгѣнковъ; послѣ сандомирскаго приглашенія 1570 года, казалось, пробилъ послѣдній часъ романизму, и только іезуиты спасли правотѣріе въ Польшѣ. Религіозныя убѣжденія суетнаго короля были шатки и вѣчно колеблющимися. Общительный, привѣтливый, онъ съ удовольствіемъ отдавался занятіямъ алхиміей и астрологіей, говорилъ въ совершенствѣ на нѣсколькихъ языкахъ и по образованію стоялъ на одной ступени съ своими современниками. Во внѣшней политикѣ Сигизмунда, также по временамъ лишенной ясности и послѣдовательности, можно замѣтить двѣ цѣли: завоеваніе Ливоніи и утвержденіе на Балтійскомъ морѣ, а затѣмъ унія Литовская и Прусская. Король глубоко сознавалъ важность балтійскаго завоеванія и всѣми силами желалъ воспрепятствовать Москвѣ утвердиться въ Нарвѣ или другой приморской гавани; если ему не удавались всѣ его мѣры и проекты, то этому виною были его отношенія къ шляхтѣ; находясь совершенно во власти этого status in statu, онъ поневолѣ затягивалъ дѣла, откладывалъ рѣшеніе ихъ со дня на день. Кромѣ зависимости отъ шляхты Сигизмундъ II былъ связанъ и другими обстоятельствами: ему приходилось считаться съ двумя моментами—внутренними религіозными смутами въ странѣ и отношеніями къ Литвѣ и прусскимъ городамъ; къ этому слѣдуетъ присоединить не исполнѣясныя отношенія его къ императору Максимилиану II. Агентъ англійскаго правительства, присматриваясь къ польскимъ дѣламъ, находилъ большое сходство между отношеніями короля къ шляхтѣ съ тѣмъ, что было при Іоаннѣ Безземельномъ въ Англіи. Сигизмундъ II, дѣйствительно, былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и многое въ его кажущейся бездѣятельности объясняется вышеприведенными мотивами.

„Виртуозность короля въ дипломатическихъ интригахъ и политическихъ дразгахъ находитъ себѣ параллель въ итальянскихъ тираннахъ

политикахъ XV столѣтія“. Нерѣдко у Сигизмунда II, какъ и у итальянскихъ государей Возрожденія, практическое осуществленіе многихъ проектовъ оставалось въ совершенномъ забвеніи и къ дипломатіи онъ относился какъ къ предмету искусства. Итальянское вліяніе было вообще очень значительно при польскомъ дворѣ со времени королевы Боны Сфорца. Ея итальянскіе агенты образовали своего рода дипломатическую школу, и ученики скоро превзошли учителей. Польская политика не была цѣльной, систематической, а именно, какъ въ Италіи XV столѣтія, „размѣнивалась на цѣлую серію болѣе или менѣе хитро и искусно вымышленныхъ интригъ“. За Сигизмундомъ остается одна заслуга, и именно та, что онъ одинъ постоянно имѣлъ въ виду національные интересы и, какъ мы выше сказали, вся его дипломатія главнымъ образомъ сосредоточивалась около мысли не допустить, закрыть московитамъ доступъ къ Балтійскому морю; люблинской уніей онъ создалъ непреодолимое препятствіе, при которомъ невозможно было и думать объ отторженіи литовско-русскаго и греко-католическаго населенія отъ польской короны. Подробное разсмотрѣніе внѣшней политики послѣдняго Ягеллона послужитъ доказательствомъ выше высказанныхъ мыслей ¹⁾).

Изъ сосѣдей Польши самымъ ненавистнымъ и страшнымъ для нея былъ московскій царь. Какъ участникъ въ борьбѣ изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ, онъ необходимо приковываетъ къ себѣ наше вниманіе. Іоаннъ Грозный одинъ изъ тѣхъ высоко замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, исторія которыхъ далеко еще не выяснена. О немъ существуютъ столь различныя мнѣнія, что разобраться въ нихъ не легко. Тенденція, къ сожалѣнію, проникаетъ иногда и въ историографію, оставляя на ней темныя, нежелательныя пятна.

¹⁾ Для характеристики Сигизмунда II Августа самый обильный и надежный матеріалъ въ его многочисленныхъ письмахъ; они частью изданы *Менкениемъ* „Sigismundi Augusti epistolae, legationes et responsa. Lipsiae MDCCIII“, частью въ нашихъ „Актахъ и письмахъ къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Множество ихъ разсѣяно по всѣмъ европейскимъ архивамъ. Изъ общихъ сочиненій ср. *Грачевскій*, *Шиманъ*, *Цирлинь* и др. *Gadebusch*. II, 152. *De-Noailles*, I, 82 и др. *Christiani*, Die Gegenreformation in Livland, 1889, Balt. Monatschrift; *Соловьевъ*, VI. Cp. State Papers, Foreign series, 1866, № 857: „the king of Powel is in case much like king John of England, but his Lords are note Papists like his were“. *Harald Hjörn*, Till belysning af Polens Nordiska Politik närmast före Kongressen i Stettin 1570. Upsala 1884. Это—скорѣе замѣтка, нежели изслѣдованіе, но замѣтка глубоко ученая, основанная на польскихъ источникахъ, которыхъ намъ не удалось изучить.

Многіе иностранныя историки весьма вѣрно, по нашему мнѣнію. повѣяли характеръ и дѣятельность Іоанна Грознаго; извѣстны по выдержкамъ у Бестужева-Рюмина отзывы о немъ Рихтера и Miss Aikin. Французскій историкъ De Fleaux, разбирая въ своей исторіи Швеціи XVI столѣтія характеръ Грознаго, называетъ его государемъ замѣчательнымъ и необыкновеннымъ; среди всѣхъ своихъ слабостей, среди ужасныхъ порывовъ страсти, говоритъ онъ, московскій царь всегда остается человекомъ, высоко стоявшимъ надъ своими современниками; „какъ вѣрны были его взгляды, какъ удивительна его послѣдовательность, его безстрашная отвага! Все это черты, которыя должны были сдѣлать его величайшимъ законодателемъ, величайшимъ организаторомъ государства, замѣчательнымъ завоевателемъ, подобнаго которому Россія не знала до нашихъ дней; но обстоятельства не дали ему выполнить своей широкой задачи, онъ долженъ былъ явиться столѣтіемъ позже. Грозный—настоящій основатель Русской имперіи. Петръ Великій только продолжалъ начатое Грознымъ великое дѣло“¹⁾).

Голландскій историкъ Scheltema говоритъ, что хотя имя Іоанна и занесено въ лѣтописи черною краскою, но онъ тѣмъ не менѣе заслуживаетъ большой похвалы и удивленія заботами о внутреннихъ преобразованіяхъ своего государства²⁾).

Съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и шведскій историкъ Celsius, называющій Іоанна величайшимъ государственнымъ дѣтелемъ, какого Россія когда либо имѣла³⁾).

Геберлинъ, знаменитый историкъ-собираатель прошлаго столѣтія, называетъ Іоанна умнымъ политикомъ⁴⁾). Меркель выдвигаетъ въ Іоаннѣ его проицательный умъ, живой и дѣятельный духъ, высоко энергическій характеръ. Это—великанъ. Геркулесъ. Онъ любилъ искусства и науки и употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы пересадить ихъ въ свое государство; онъ покровительствовалъ торговлѣ, отыскивалъ новыя источники ея и разными мѣрами оживлялъ ее; онъ создалъ Россію постоянное войско и былъ достойнымъ предшественникомъ Петра Великаго. Вспышки и промахи темперамента не могутъ умалить высокаго значенія великихъ историческихъ дѣятелей, подобныхъ Іоанну⁵⁾).

¹⁾ *De Fleaux*, La Suède au XVI siècle, 390—391.

²⁾ *Scheltema*, Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeeringe betrekkingen. Amsterdam, 1817, стр. 19.

³⁾ *Celsius*, 42.

⁴⁾ *Häberlin*, IV, 123.

⁵⁾ *Merkel*. II, 398, 423, 426, 428, 437.

Наконецъ шведскій историкъ Альквистъ, знатокъ XVI столѣтія. говоритъ, что изъ всѣхъ государей, добивавшихся господства на Балтійскомъ морѣ во второй половинѣ XVI столѣтія, Іоаннъ Грозный обнаружилъ наибольшую политическую проницательность. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается и Дройзенъ, указывающій на то, что потомство назвало Іоанна IV Васильевича Грознымъ за его личные недостатки, политическія же дарованія его были очень значительны. Рамбо сопоставляетъ Грознаго съ Карломъ VII. Людовикомъ XI. Ришелье, Фердинандомъ Католикомъ и Генрихомъ VIII ¹⁾. Если мы обратимся къ современнымъ отзывамъ иностранцевъ о Іоаннѣ Грозномъ. то мы встрѣтимся съ діаметрально противоположными взглядами. Одни возвышаютъ его, обходятъ совершенно его личные недостатки и выставляютъ его государемъ высоко замѣчательнымъ, другіе топчутъ его въ грязь, находя и моральныя и интеллектуальныя качества его весьма низкими. Чтобы выйти изъ затрудненія при такой различной оцѣнкѣ исторической личности, необходимо разсматривать его въ той обстановкѣ, среди которой ему приходилось дѣйствовать, измѣряя его на нравственный аршинъ его времени; между тѣмъ на дѣлѣ нерѣдко бываетъ наоборотъ: историческаго дѣятеля вырываютъ изъ эпохи, въ какой онъ жилъ, и, примѣняя къ нему современные нравственныя требованія и понятія, его разбираютъ и анатомируютъ. Первое условіе для сколько нибудь вѣрной оцѣнки историческаго дѣятеля — это отрѣшиться отъ тенденціозности, второе — понять вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ; выполнивъ эти два условія только и можно приступить къ оцѣнкѣ той или другой личности; тогда всѣ ужасы Людовиковъ, Фердинандовъ, Генриховъ и Грозныхъ не будутъ вовсе удивлять насъ; выдѣливъ эти отрицательныя стороны вѣка, мы найдемъ въ основанія его нѣчто положительное, нѣчто такое, что для разбираемой эпохи было рѣшительно необходимымъ, принесло ей великую пользу. Абсолютный отзывъ о той или другой исторической личности всегда будетъ несправедливъ: будетъ или слишкомъ строгимъ, или слишкомъ сочувственнымъ ²⁾.

Въ настоящемъ изслѣдованіи намъ интересно лишь отмѣтить, на сколько Грозный понималъ важность балтійской борьбы, которую онъ началъ съ такою энергіей. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Іоаннъ Грозный, одаренный необыкновенной чуткостью. свойственной лишь

¹⁾ *Rambaud, Ivan le Terrible et les anglais en Russie. Revue des D. M.* 1876.

²⁾ Ср. *Philipsen, Histoire du règne de Marie Stuart, I.* 1891. 147.

высоко талантливымъ государямъ, понялъ необходимость сближенія своего государства съ Западной Европой; онъ имѣлъ, вѣроятно, въ виду систематическое заимствованіе съ запада различныхъ техническихъ усовершенствованій, пересадку ихъ въ Россію. Все царствованіе его представляетъ непрерывный рядъ усилій въ этомъ направленіи. Такъ, въ 1547 году онъ съ этою именно цѣлью рѣшился воспользоваться пребываніемъ въ Москвѣ гослянца Ганса Шлитте. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ завязываетъ торговыя сношенія съ Англіей, а затѣмъ уже приступаетъ къ выясненію своихъ отношеній съ ливонскимъ орденомъ.

Все, что мы знаемъ объ Гансѣ Шлитте, даетъ намъ право считать его человѣкомъ энергичнымъ и предприимчивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ самоувереннымъ, съ извѣстною долею изобрѣтательности, не безъ нѣкоторой хвастливости, суетности и страсти къ проектамъ и разнаго рода предпріятіямъ. Проекты Шлитте съ перваго взгляда поражали своею новизною и смѣлостью, но рѣдко ему удавалось приводить ихъ въ исполненіе: это былъ неутомимый „прожектеръ“, не жалѣвшій своихъ силъ, смѣло шедшій къ цѣли и не робѣвшій предъ неудачами ¹⁾).

Въ Москву Шлитте явился по своимъ коммерческимъ дѣламъ, усвоилъ здѣсь, какъ человѣкъ способный, русскій языкъ и сдѣлался извѣстенъ царю; царь избралъ его своимъ агентомъ за границу и поручилъ ему набрать въ Европѣ опытныхъ мастеровъ и техникувъ, свѣдущихъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ людей, врачей и т. д. Съ инструкціей царя, Шлитте явился на Аугсбургскій рейхстагъ, гдѣ въ это время находился Карлъ V. Это была та пора царствованія Карла V, когда, какъ мы выше видѣли, онъ находился на верху славы и могущества. Одинъ другаго величественнѣе проекты создавалъ знаменитый внукъ Фердинанда Католика, и въ эту то минуту, когда упоенный своими военными успѣхами Карлъ V лелѣялъ мысль объ универсальной монархіи, къ нему является Шлитте и предлагаетъ, вмѣстѣ съ грамотою царя, заключавшей въ себѣ просьбу разрѣшить проѣздъ въ Россію ремесленниковъ и „ученыхъ“ людей, путь къ сближенію

¹⁾ Любекскій арх., *Miscellanea Russica*, томы 3, 4 и 5. *Acta in Sachen Hans Schlitt (Schleden, Slede) contra senatum Lubecensem 1548.* Г. *Фопстекъ*, Любекскій и Данцигскій архивы, *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1890. *Pierling*, Rome et Moscou, 7. *Joseph Fiedler*, Ein Versuch der Vereinung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrh. *Sitzungsbericht der Philosophisch-historischen Classe Kais. Akademie der Wissenschaften*. 40 Band. Wien, 1862.

съ могущественнымъ московскимъ царемъ. Дерзко выдавая себя за московскаго посла, Шлитте не задумался пожертвовать истинною и сумѣлъ представить свой проектъ Карлу въ самомъ заманчивомъ свѣтѣ. Итакъ, на первыхъ же шагахъ Шлитте искажаетъ настоящій смыслъ своей миссіи. Обыкновенный агентъ московскаго царя, онъ выдаетъ себя за его посланника. Дипломатъ узурпаторъ въ своемъ обращеніи къ Карлу выдвинулъ на первый планъ *искреннее* желаніе Іоанна Грознаго начать съ императоромъ переговоры о сліянніи, униіи восточной и западной церквей, о чемъ въ грамотѣ царя не упоминалось ни единымъ словомъ.

Карлъ V передалъ царскую грамоту на обсужденіе членамъ рейхстага, которые, всесторонне разсмотрѣвъ ее, вынесли свое согласіе на просьбу царя. Карлъ и самъ съ радостью соглашался пойти на встрѣчу желанію восточнаго царя и исполнить все, о чемъ онъ просилъ, мотивируя это между прочимъ тѣмъ, что отецъ Іоанна Грознаго и самъ онъ выразили желаніе подчиниться западной церкви. Въ письмѣ къ царю онъ, не касаясь религіозныхъ вопросовъ, съ большою похвалою отозвался о „цивилизаторскихъ“ стремленіяхъ его¹⁾.

30 января 1548 года Шлитте получилъ разрѣшеніе набрать нужныхъ царю людей, но долженъ былъ обѣщать, что никто изъ набранныхъ имъ „ученыхъ“ не проникнетъ въ Турцію, Тартарію или другія нехристіанскія земли²⁾. Шлитте передано было и письмо императора къ царю отъ 31-го января³⁾.

Предпріятіе Шлитте началось, такимъ образомъ, при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Онъ набралъ 123 человѣка, среди которыхъ было и 4 богослова⁴⁾. Карлъ обратился къ курфюретамъ, свѣтскимъ и духовнымъ князьямъ, графамъ, фохтамъ и прочимъ, прося ихъ оказать Шлитте всякое содѣйствіе и не препятствовать вообще всѣмъ, кто бы пожелалъ поѣхать въ Россію.

Набрать 123 человѣка стояло Шлитте не мало труда и издержекъ.

¹⁾ *Pierling*, 10.

²⁾ *Fiedler*, 78, прил. ІЕ. Въ Любекскомъ архивѣ „Imperiale Privilegium Joh. Schlitten datum, 1548“.

³⁾ *Ibid.* I. F.

⁴⁾ *Pierling*. Въ письмѣ Ревеля къ Любеку отъ 19-го іюля 1548 года перечисляются: doctorn magistri in allerlei frihen kunsten, glockengerter, berchuoerstendige, goltmeden, luden so jm Water soken, tymmerluthe, steinmetzer, sonderlich de Zirlicke kercken buwen konen, Bornemeister, papirmaker, artzten und derulicken Kunsterfarne.

Каково же было его разочарованіе, когда, прибывъ въ Любекъ съ своими спутниками, онъ не смотря на то, что снабженъ былъ императорскою грамотой и паспортомъ, былъ посаженъ подъ стражу. Его спутники разбѣжались въ разныя стороны. Любекскій рать совершилъ самовольный поступокъ, не обративъ вниманія ни на пропускную грамоту императора, ни на рѣшеніе рейхстага; онъ нарушилъ „и земскій миръ, и золотую буллу“.

Поступокъ Любека былъ вызванъ усиленными просьбами ливонскихъ городовъ не пропускать въ Россію цивилизаторовъ. Предъ нами энергическое письмо ревельскаго рата, отвергающее всѣ извѣстія о готовности царя принять католицизмъ и рисуящее страшную картину бѣдствія для всей Ливоніи и нѣмецкой маціи, если только русскіе освоятся съ военнымъ искусствомъ запада ¹⁾. Ревельцы и другіе просили любекскій рать употребить всѣ отъ него зависящіе средства, чтобы только не пропустить Шлитте и его спутниковъ въ Москву ²⁾.

Любекъ, отношенія котораго къ ливонскимъ городамъ мы рассмотримъ въ слѣдующей главѣ, не зная какъ оправдаться передъ императоромъ, выставилъ на видъ, что госярець Гансъ Шлитте долженъ былъ городу большую сумму денегъ и, какъ не уплатившій ее, заключенъ въ тюрьму. Съ этихъ поръ начался продолжительный процессъ родственниковъ Шлитте съ любекскимъ ратомъ ³⁾.

Заключеніе Шлитте продолжалось цѣлыхъ два года. Онъ неутомимо хлопоталъ объ освобожденіи и главнымъ образомъ о томъ, чтобы все-таки выполнить свой проектъ. Родственники ⁴⁾ его указывали Любекскому рату на незаконность его поступка съ Гансомъ, которому будто бы не давали возможности писать, конфисковали всѣ приходившія къ нему письма, отняли отъ него лошадей и такъ далѣе. За Ганса заступился Георгъ герцогъ Силезскій, Лигницкій и Бриггскій, за него хлопотали ратманы Бреславля — все тщетно: Любекскій рать упорно отказывалъ всѣмъ ходатайствамъ.

¹⁾ Люб. арх. Wath mercklich vnheils diessen gantzen landen nicht alleine, sondern ock J. Erb. W. und gemeiner duitschen Nation daruth gewislick erfolgen wolde.

²⁾ Um sie sperren, weren und verhindern helfen.

³⁾ Акты этого процесса въ Любекскомъ архивѣ. Ср. наши замѣтки объ архивныхъ занятіяхъ въ Любекѣ и Данцигѣ по исторіи Балтійскаго вопроса.

⁴⁾ Люб. арх. Tyle vnd Zacharias Slitten sampt Irer andere freundschaft zu Goslar—Люб. рату. Sannabend nach Jacobi. 1549.

Гнѣвъ Карла V на беззаконное самоволіе Любека не имѣлъ границъ. Послѣ бѣгства Шлитте онъ вызывалъ Любекскій рать въ камергерихтъ за нарушение императорской грамоты и защиты ¹⁾. Шлитте бѣжалъ въ Рассебергъ; Любчане требовали его выдачи „ratione effractions carceris“, грозили ему смертью; между тѣмъ ловкій гослярецъ бѣжалъ изъ Рассеберга и въ 1550 году создаетъ новый планъ: добиться у папы королевскаго титула для царя, подчинить послѣдняго римскому папѣ и поставить царя—короля во главѣ анти-турецкой лиги и такимъ образомъ дать новое направленіе всей политической системѣ Европы. Орудіе для этой опасной игры дипломатъ Донъ Кихоть находится въ австрійскомъ дворяннѣ, такомъ-же искателѣ приключеній, какъ и самъ онъ, въ Іоаннѣ Штейнбергѣ. Шлитте, достигшій совершенной виртуозности въ измышленіяхъ и искаженіяхъ истины, далъ Штейнбергу титулъ московскаго канцлера и отправилъ его въ Римъ, а самъ сдѣлалъ новую попытку пробѣжать въ Москву съ нѣсколькими ремесленниками ²⁾. Въ 1555 году онъ обратился къ Іоанну Грозному съ просьбою помочь ему деньгами, а черезъ два года онъ и самъ явился въ Москву. Вернувшись, онъ шлетъ имъ самимъ измышленный отвѣтъ царя Карлу V. въ которомъ царь сыплетъ щедрыми обѣ-

¹⁾ Kaiserliche Bewilligung, schutz schirm und glaidtsbrief. Люб. арх. Въ письмѣ Карла читаемъ: „Demnach dieweil zu solcher handlung vnd gefengnuß Jrgar kein ursach gehabt vnd euch solche handlung an Imo zuuben mit nichten geburt. Er auch durch solche vnrechtmessigheft vonn seinem besteltenn leuthen vnnd in mercklichenn schaden uber 36.000 thaler komenn, wie solchs in aufführung der sachen dargethonn werden solt. Und enndtlichs willens euch derhalbenn rechtens nicht zuerlassen, auch Jr vnns vnd dem Reich one mithel underworfen umbladung auch sonst ander notturftig hilf, rechtens Jme wider euch zuerkennen vnd mitzuthailenn, Demutiglich angeruffen vnd gebottenn. Wan wir nun niemandt recht versagenn sollenn, Jme auch solche ladung erkennt wordenn ist, Darumb so haischenn vnd ladenn wir euch vonn Roin. Kays. macht hiemit das Jr auf denn 36-ten tag denn nehesten nachdem euch dieser unser Kais. brief uberantwurt oder verkundt wurt, Deren wir euch 12 fur denn ersten, 12 fur denn andern vnd 12 fur den dritenn letsten vnd endtlichen rechtstag setzenn vnd benennen peremptorie, oder ob derselbig tah nit ein gerichtstag sein wurde, Denn nechsten Gerichtstag darnach selbs oder durch euwernn volmechtigenn Anwaldt an gedachtem vnserm Chammergericht erscheinet obgemeltem cleger darumben jm rechtenn zuantwurtenn. Der sachen und allen jren gerichtstagen vnd terminen bis nach endtlichen beschluss vnnd urthail ausszuwartenn. Wann Jr komet vnd erscheinet alsdann also oder nit, so wurd nicht destominder auf des gehorsamen theils oder seins volmechtigen Anwalds anrufen vnd erforderenn, hierin im rechtenn gehandelt und procedirt, wie sich das nach seiner ordnung geburt“.

²⁾ *Pierling*, 13—14. *Fiedler*, 51.

щаніями императору, высказываетъ полное согласіе выставить войско противъ турокъ, желаетъ находится съ императоромъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, основать правильное почтовое сообщеніе между Москвою и Аугсбургомъ и прислать ко двору императора 25 русскихъ юношей изъ знатнѣйшихъ фамилій ¹⁾).

Штейнбергъ между тѣмъ обратился съ своимъ проектомъ къ папскому нунцію въ Вѣнѣ, который, разумѣется, очень одобрилъ его, а оттуда направился въ Римъ. Онъ имѣлъ съ собою письмо Карла V къ Юлію III. въ которомъ императоръ выражаетъ свое „*primum desiderium*“ увидѣть восточную церковь въ соединеніи съ западной. Въ Римѣ Штейнберга ожидала самая восторженной встрѣча, какую только папы и могли устроить. Къ новому несчастью Шлитте и Штейнберга, въ Римѣ находился посолъ польскаго короля Конарскій, который, услышавъ о мисіи Штейнберга, донесъ о ней въ Польшу, гдѣ „эта фантастическая дипломатическая комедія“ подняла цѣлую бурю; тамъ всему повѣрили и не на шутку испугались проекта Московскаго Королевства ²⁾).

Въ началѣ 1553 года польское правительство отправило два посольства, одно въ Римъ, другое въ Вѣну; цѣль этихъ посольствъ состояла въ томъ, чтобы указать какъ императору, такъ и папѣ на совершенную безцѣльность сближенія съ Москвою, государь которой окажется весьма ненадежнымъ союзникомъ въ борьбѣ съ турками; о какомъ либо религіозномъ сближеніи съ русскими также не можетъ быть рѣчи, говорили польскіе послы. „Московитѣ всего болѣе ненавидитъ римскую церковь и ея представителя; прирожденная всѣмъ вообще московитамъ національная гордость не помирится ни съ какимъ верховнымъ авторитетомъ; достаточно вспомнить всѣ прежнія попытки соединенія церквей. Никогда русскіе не согласятся перейти въ католичество; извѣстно, что они сожгли евангеліе, переведенное католикомъ“. Во второй части своей инструкціи польскіе послы указывали на совершенную неподготовленность русскихъ въ морскомъ дѣлѣ и прибавляли: если московитѣ научится и морскому дѣлу и сдѣлается обладателемъ моря, то это послужитъ къ великому вреду всѣхъ народовъ; на морѣ они будутъ болѣе грозны, чѣмъ на сушѣ ³⁾—тема, которая въ послѣдствіи подвергалась самымъ разнообразнымъ и, какъ увидимъ ниже, чудовищнымъ варіаціямъ. Инструкція польскихъ пословъ оканчивалась слѣдующею грозною дилеммой:

¹⁾ Мюнх. архивъ.

²⁾ *Pierling*, 20 и д.; *Fiedler*, 54—55.

³⁾ Ср. *Fiedler*, прилож. IV. I. N.

король требуетъ рѣшительнаго отвѣта, кого предпочтетъ напа— всегда ли вѣрнаго Апостольскому столу польскаго короля и польскій народъ, или варварскаго и дикаго москвитя, чуждаго всякой цивилизаціи и столь измѣнчиваго въ дѣлахъ вѣры. Онъ грозитъ порвать съ Римомъ и заключить союзъ съ турками, если только московскому царю дана будетъ королевская корона ¹⁾.

Польскіе дипломаты одержали верхъ надъ самозваннымъ канцлеромъ московскаго царя: въ Римѣ Штейнбергу дали рѣшительный отказъ на его миссію и „политико-религіозныя“ комбинаціи.

Итакъ, проектъ Шлитте совершенно не удался и въ этой новой имъ самимъ измышленной редакціи.

Іоаннъ Грозный не забылъ выѣздѣ ливонскихъ городовъ въ его дѣло съ Шлитте, и, какъ будетъ видно ниже, это обстоятельство послужило однимъ изъ поводовъ къ войнѣ съ Орденомъ ²⁾.

Неудачная попытка только усиливаетъ энергію у выдающихся людей. Покоряя себѣ восточныя татарскія ханства, московскій царь непрестанно обращался на западъ, гдѣ ливонскій орденъ доживалъ свои послѣдніе годы. Появленіе англичанъ на Бѣломъ морѣ помогло царю войти въ торговыя сношенія съ однимъ изъ наиболѣе выдающихся торговыхъ государствъ запада; этотъ фактъ совпалъ съ покореніемъ Казани и Астрахани, другими словами съ моментомъ рѣшительнаго господства Россіи надъ европейскимъ востокомъ. Съ тѣхъ поръ какъ англичане, стремившіеся къ конкуренціи съ испанско-океанійскою торговлею, открыли новый путь въ Бѣлое море и болѣе прежняго обнаружили свои торгово-политическія способности, это море стало „великою гаванью Россіи“ (Дройзенъ); торговля московскаго государства быстро расширилась и новый торговый путь Россіи „составилъ цѣлую эпоху въ ея внутренней экономической жизни“. Англіійскіе товары проникали чрезъ Россію въ Астрахань, которая съ этихъ поръ стала главнымъ мѣстомъ европейско-азиатской торговли. Іоаннъ Грозный, такъ щедро одарившій англичанъ торговыми привилегіями, понималъ все громадное значеніе внезапнаго сближенія съ однимъ изъ океанійскихъ государствъ, „съ этихъ поръ Россія сама становилась участницею въ океанійской торговой политикѣ“ ³⁾.

¹⁾ *Pierling*, 31; *Fiedler*, I, M.

²⁾ О судьбѣ Шлитте послѣ 1557 года мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

³⁾ Ср. *Толстой*, Россія и Англія; *Замысловскій*, въ *Древней и Новой Россіи*, 876; *Гамель* въ VIII и XV т. *Записокъ академіи наукъ*; *Katbaid* въ выше названномъ изслѣдованіи. Намъ намъ таяже придется остановиться нѣсколько на сношеніяхъ Россіи съ Англіей.

Завязавъ оживленныя торговыя сношенія съ Англіей, блестяще выполнивъ свою историческую задачу на востокѣ, Россія приняла участіе въ балтійскомъ вопросѣ. Третій моментъ, свидѣтельствующій, сколь глубоко Грозный понималъ необходимость стать прочною ногою на Балтійскомъ морѣ! Не удивительно, что Европа затрепетала. Россія уже владѣла Бѣлымъ и Каспійскими морями; еслибы ей удалось утвердиться еще и на Балтійскомъ морѣ и на его побережьи установить свой торговый суверенитетъ и явиться, такимъ образомъ, обладательницею заманчиваго наслѣдія Ганзы, ливонскіе города и мелкія нѣмецкія балтійскія княжества должны бы отказаться отъ всякой торговой и политической автономіи. Принявъ участіе въ ливонской войнѣ, Грозный понялъ необходимость политическаго сближенія съ скандинавскими государствами; сначала онъ заключаетъ союзъ съ Швеціей, потомъ съ Даніей. Съ послѣднимъ государствомъ, не смотря на нѣкоторыя несогласія изъ за Лапландскихъ земель, устанавливаются твердыя и надежныя отношенія. Данія, какъ подробно будетъ указано ниже, имѣла въ виду заключить цѣлую цѣпь договоровъ противъ Швеціи, съ Польшей, Любекомъ, Германскими княжествами и Москвой.

Послѣ смерти Христіана III датскій престолъ занялъ молодой и энергическій государь Фридрихъ II.

Фридрихъ II Датскій родился 1-го іюля 1534 года въ Гадерсле-венѣ; ему было стало быть 25 лѣтъ, когда умеръ Христіанъ III и онъ занялъ датскій престолъ. По своему характеру будущій король Даніи имѣлъ очень мало общаго съ своимъ соперникомъ Эрикомъ XIV. Одаренный отъ природы недюжинными способностями, онъ получилъ очень скудное образованіе; съ молодыхъ лѣтъ его увлекала военная жизнь, свобода, рыцарскія игры. Угрюмость, неводержимость, нѣкоторая крутость, гордость и раздражительность—вотъ черты въ характерѣ датскаго короля Фридриха II, которыхъ не было въ его отцѣ. Учителемъ Фридриха II въ продолженіе 13 лѣтъ былъ извѣстный исторіографъ Даніи Іоаннъ Сванингъ, затѣмъ Христофъ Микельсенъ, будущій каноникъ Роскильде. Значеніе Сванинга, какъ природнаго датчанина, въ воспитаніи и образованіи молодого короля должно быть особенно отмѣчено; онъ сообщилъ всему царствованію Фридриха II національный, чисто датскій характеръ, возбудилъ въ немъ любовь ко всему родному. Фридрихъ II зналъ датскій языкъ и на немъ велъ свой дневникъ ¹⁾. Вступленіе Фридриха II на пре-

¹⁾ *Paludan Müller, Historiographie, 71 и др.*

столь означаетъ паденіе иноземной, нѣмецкой партіи въ Даніи и торжество національной, датской; нѣмецкіе духовники были тотчасъ по смерти Христіана III удалены, ихъ замѣнили датчане. Этотъ шагъ опредѣлили все направленіе предстоявшаго царствованія.

Храбрый, веселый, увлекающійся, Фридрихъ II предпочиталъ книгамъ и наукамъ охоту; на сколько онъ былъ преданъ этому развлеченію, видно, между прочимъ, и изъ своеобразнаго девиза короля „*threu ist wildprat*“ Когда прошелъ юношескій пылъ и Фридрихъ уже занималъ датскій престолъ, онъ сожалѣлъ не разъ о своемъ пренебреженіи научными занятіями, о пробѣлахъ въ своихъ знаніяхъ. Какъ Эрикъ XIV оставилъ намъ множество своихъ писемъ, сочиненій, журналовъ и т. д., такъ отъ Фридриха II сохранился всего на всего одинъ тощій дневникъ на датскомъ языкѣ.

Христіана III заботила будущность датской короны въ рукахъ веселаго и легкомысленнаго молодаго человѣка; онъ не разъ привлекалъ его къ государственнымъ занятіямъ, Фридрихъ долженъ былъ участвовать въ совѣтахъ своего отца; вскорѣ ему переданъ былъ въ управленіе городъ Мальмё, но всѣ эти мѣры не могли заставить его сдѣлаться серьезнѣе; сдѣлавшись королемъ, Фридрихъ откровенно сознавался, что мало знаетъ о внутреннихъ дѣлахъ своего государства. Здравый умъ часто подсказывалъ ему то, чего не могъ дать недостатокъ знаній. Въ 1557 году Фридрихъ въ сопровожденіи Августа Саксонскаго уѣхалъ въ Саксонію, гдѣ тѣсно сошелся съ курфюрстомъ; съ этихъ поръ начинается ихъ дружба, имѣвшая такое важное значеніе во всей будущей исторіи дипломатическихъ сношеній Даніи съ Германіей. Фридрихъ сопровождалъ Августа на Франкфуртскій рейхстагъ, гдѣ познакомился съ Максимилианомъ II. Не отрицая сильнаго вліянія курфюрста Августа на Фридриха II и его политику, слѣдуетъ однако отмѣтить нѣкоторое преувеличеніе въ отзывахъ нѣмецкихъ историковъ¹⁾, не признающихъ за Фридрихомъ уже никакой самостоятельности во внѣшней политикѣ. Можно указать на рядъ случаевъ, въ которыхъ Фридрихъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно и противъ совѣтовъ Августа, напримѣръ, союзъ его съ Польшей 1563 года, отношенія къ Москвѣ и т. д.

Настойчивый въ своихъ стремленіяхъ, Фридрихъ упорно шелъ къ разъ намѣченной цѣли и не отступалъ передъ затрудненіями; окруженный лучшими совѣтниками, нежели отецъ его, онъ охотно выслушивалъ

¹⁾ Cp. *Girardet*, Stettiner Friede, Halle, 1888, 5.

ихъ мнѣнія, но никогда не поддавался имъ во всемъ. Возраженія его раздражали. „Мы скоро какъ слѣдуетъ отблагодаримъ тебя за совѣтъ“—такими словами прерывалъ Фридрихъ назойливыхъ совѣтниковъ; за словами слѣдовало строгое наказаніе.

Слѣдуя монархическимъ тенденціямъ своего отца, Фридрихъ II рѣшился совершенно сокрушить могущество дворянъ и духовенства въ своемъ королевствѣ. Во время сѣверной семилѣтней войны онъ не могъ выполнить этого, такъ какъ нуждался въ деньгахъ, а дворяне ссужали ему ихъ лишь подъ условіемъ льготъ и привилегій; склонить ихъ на свою сторону можно было только уступкою въ пользованіе ихъ королевскихъ имѣній. Послѣ же 1570 года онъ уже рѣшительнѣе вступилъ на путь монархическихъ реформъ и распространилъ свое вліяніе мало по малу на всѣ государственные лены, находившіеся въ рукахъ дворянъ со времени Фридриха I, его дѣда. Зависимость отъ привилегированныхъ классовъ, какъ слѣдствіе финансовой нужды въ семилѣтнюю войну, была чисто переходящею, временною.

Христіанъ III намѣтилъ уже дѣло реформы земельныхъ леновъ, но, какъ удачно выразился датскій ученый Эрслевъ, только въ общихъ, крупныхъ чертахъ, завѣщая сыну заняться деталями и болѣе тонкими штрихами. Христіанъ шелъ къ своей цѣли съ какою-то лихорадочной поспѣшностью, сынъ же его имѣлъ возможность внести въ свои реформы больше послѣдовательности и систематичности; онъ дѣйствовалъ спокойнѣе и опредѣленнѣе и вносилъ болѣе порядокъ въ добытые его отцомъ результаты; вся его политика по отношенію къ ленамъ носитъ на себѣ характеръ цѣлостности и опредѣленности.

При вступленіи Фридриха II на престолъ аристократы обязали его избирательною грамотой, „*Handfaestning*“, которая въ нѣкоторыхъ пунктахъ отличалась отъ грамоты, данной Христіаномъ III при его вступленіи на престолъ, но практическаго значенія эти измѣненія, касавшіеся вообще права дворянъ на королевскіе лены, не имѣли. Постановленіе, по которому король могъ надѣлять ленами однихъ только природныхъ датчанъ, не выполнялось имъ; бывали случаи передачи леновъ служилымъ людямъ короля даже и не дворянскаго происхожденія. Изъ нѣмецкихъ выходцевъ многіе достигали значительныхъ отличій и были одарены ленами ¹⁾; въ послѣдній годъ цар-

¹⁾ Списокъ именъ этихъ иностранныхъ (голландскихъ и нѣмецкихъ) выходцевъ въ прибавленіяхъ къ труду Эрслева, стр. LXX и слѣд.

ствованія Фридриха II только шесть крупныхъ леновъ оставались въ рукахъ дворянъ; изъ 16 заложенныхъ имѣній къ концу его царствованія оставалось всего три.

Фридрихъ II постановилъ, что каждый ленъ, — получаетъ ли съ него король только извѣстный денежный процентъ (Regnskabslen), или онъ доставляетъ ему съѣстные припасы (Faderburslen), — долженъ считаться королевскимъ леномъ, королевскою собственностью. Мало по малу всѣ лены были обращены въ Regnskabslen. Это вытекало изъ желанія короля подчинить своей власти дворянъ, пересоздать родовую аристократію въ служилый классъ, а затѣмъ и изъ чисто финансовыхъ видовъ. Доходы съ леновъ къ концу царствованія Фридриха II дошли до 17.000 талеровъ. Относительно монастырей Фридрихъ также слѣдовалъ политикѣ своего отца и систематически уменьшалъ число ихъ. Монастырскія земли были въ Даніи очень значительны и часть ихъ послѣ реформациі отошла къ дворянамъ. Уже Христіанъ III усвоилъ нѣкоторыя изъ нихъ коронѣ; Фридрихъ II продолжалъ его дѣло и прибѣгъ при этомъ къ системѣ обмѣна областей; онъ вступалъ въ сдѣлки съ дворянами, обмѣнивался съ ними землями и ловкою тактикою сумѣлъ присвоить большую часть секуляризованныхъ земель коронѣ. Въ 1559 году этихъ мелкихъ монастырскихъ секуляризованныхъ леновъ было 222, къ 1588 году ихъ осталось всего 70; въ 1540 году монастырскія земли составляли 30% всей казенной территоріи въ Ютландіи, къ началу же XVII вѣка (1602) всего только 15%. Количество закладныхъ денегъ, шедшихъ въ казну съ леновъ, въ 1559 г. было 830 талеровъ, а въ 1588 г. — 2.000 съ лишнимъ; при Христіанѣ въ казну поступало въ общей сложности съ разныхъ леновъ 10.000 талеровъ, а при Фридрихѣ II послѣ 1570 года — 40.000 талеровъ ежегодно.

Такимъ образомъ, централизація въ областномъ правленіи проводилась Фридрихомъ I весьма послѣдовательно и энергично. Мелкіе лены были мало по малу уничтожены или присоединены къ крупнымъ, такъ что къ началу XVII вѣка вся Данія была разбита на нѣсколько крупныхъ земельныхъ леновъ; вслѣдствіе этого и надзоръ надъ ними сталъ менѣе затруднителенъ; во всемъ областномъ правленіи съ этого времени замѣчается больше систематичности, правительственный контроль надъ доходами и расходами въ областяхъ сталъ гораздо строже и составлены были особые книги, гдѣ отмѣчали пространство и доходность каждой области. Вслѣдствіе лучшей экономіи въ странѣ, вслѣдствіе подчиненности леновъ коронѣ и болѣе строгой отчетности въ до-

ходахъ и расходахъ. финансовое состояніе Даніи въ рассматриваемое царствованіе стало гораздо лучше.

Итакъ, во внутреннихъ реформахъ Фридриха II, областныхъ, монастырскихъ и другихъ, ясно сказались монархическія тенденціи его. О самостоятельной политической роли дворянства не могло быть болѣе рѣчи. Наслѣдственность леновъ была отмѣнена и владѣтельные аристократы перемѣщались изъ области въ область. Какъ скоро владѣтели леновъ, какъ лица служилыя, не выполняли всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ королю, послѣдній, распоряжаясь богатою казною, имѣлъ возможность выкупить лены у непокорныхъ и присоединить ихъ къ коронѣ. Областное дворянство всецѣло зависѣло отъ милости и щедрости короля. Не успѣлъ Фридрихъ II сойти въ могилу, какъ областные дворяне, пользуясь малолѣтствомъ короля Христіана IV, сдѣлали попытку отмѣнить всѣ реформы Фридриха II; съ такимъ анти-монархическимъ проектомъ они обратились къ регентамъ страны, членамъ королевскаго рейхсрата. Но ихъ попытка не удалась, и Христіанъ IV съ настойчивостью и твердостью продолжалъ дѣло своего отца и дѣда.

Въ началѣ XVI столѣтія Данія была, какъ мы видѣли, раздѣлена на нѣсколько крупныхъ и мелкихъ леновъ, такъ называемыхъ королевскихъ и дворянскихъ, при чемъ число послѣднихъ значительно превосходило число первыхъ. Въ концѣ же столѣтія, благодаря внутренней дѣятельности Фридриха II, отношенія измѣняются: болышая часть леновъ—уже королевскіе лены, и рѣзкое отличіе между коронными и дворянскими ленами мало по малу исчезаетъ. Король, какъ правитель страны, выше всѣхъ леновъ; въ его власти передача леновъ дворянамъ. Король съ этихъ поръ даетъ, жалуетъ; аристократы принимаютъ, какъ монаршую милость. Узелъ всей ленной, областной реформы въ переворотѣ 1536 года ¹⁾).

Являясь представителемъ монархическаго принципа и строгой централизаціи, Фридрихъ II на первыхъ же порахъ рѣшился покончить съ свободою Дитмарсовъ.

Война Фридриха II съ Дитмарсами, о которой мы упоминаемъ въ настоящемъ изслѣдованіи только для характеристики политическихъ взглядовъ Фридриха II, событіе по характеру своему тождественное съ борьбою нѣмецкихъ князей съ франконскимъ рыцарствомъ и сѣверонѣмецкими крестьянами. Война съ Дитмарсами была окончена въ 4 не-

¹⁾ Ср. Г. Форстенъ, Борьба и т. д., II-я часть, глава IV.

дѣля, тогда какъ герцоги голштинскіе въ продолженіе четырехъ столѣтій не могли подчинить себѣ вольное населеніе приморской полосы; то, что не удалось шауенбургскому и ольденбургскому домамъ, удалось теперь соединеннымъ силамъ датскаго короля и голштинскаго рыцарства. Земля Дитмарсовъ распалась на три части: южную, среднюю и сѣверную съ городами Мельдорфомъ, Гейде и Лунденомъ во главѣ. Каждая изъ трехъ частей находилась въ вѣдѣніи фохта, 8 ратманновъ и одного писаря; всѣ они составляли судебную инстанцію, засѣдавшую разъ въ двѣ недѣли; на рѣшенія ея могли апеллировать къ князьямъ. Надъ всѣми названными должностными лицами стояли три высшихъ чиновника, къ которымъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны были обращаться фохты: въ Мельдорфѣ — Генрихъ Ранцау, штатгальтеръ Фридриха II, въ Гейдѣ — уполномоченный отъ герцога Іоанна и въ Лунденѣ — уполномоченный отъ Адольфа готторпскаго ¹⁾).

Миръ съ Дитмарсами (30-го іюня 1560 г.) высоко поднялъ значеніе Фридриха II въ Даніи; его репутація укрѣпилась и внѣ королевства: онъ безъ труда справился съ возстаніемъ, тогда какъ современные ему нѣмецкіе князья должны были покупать себѣ миръ отъ рыцарей цѣлымъ рядомъ уступокъ, перѣдко весьма унижительныхъ.

Во время войны съ Дитмарсами у Даніи возникаютъ оживленныя сношенія съ Ливоніей; Даніи удается создать себѣ тамъ сильную партію, которая не преминула вступить въ борьбу съ представителями шведскаго правительства. Запутанныя отношенія скандинавскихъ государствъ къ ордену выяснятся всего лучше изъ предварительнаго краткаго очерка его исторіи до начала такъ называемой ливонской войны.

Исторія ливонскаго ордена имѣетъ двоякій интересъ — мѣстный и общеевропейскій. Культурное стремленіе нѣмцевъ коснулось всего южнаго и восточнаго побережья Балтійскаго моря; Drang nach Osten, начавшійся еще при первыхъ франкскихъ короляхъ, все усиливался при послѣдовавшихъ за каролингами саксонской и франконской династіяхъ. Средневѣковыя учрежденія переносятся на дальній востокъ; тамъ насаждается христіанство, культура, торговля; тамъ возникаетъ новый средневѣковый германскій міръ, въ короткое время усилившійся и сдѣлавшійся страшнымъ для сосѣдей. При первомъ же сопротивленіи нѣмцы брались за оружіе и кровью пролагали путь христіанству и цивилизаціи. Такой диссонансъ — явленіе обычное въ средніе вѣка. Первую сильную преграду къ дальнѣйшему своему движенію на вос-

¹⁾ О Дитмарской войнѣ см. приложение № 1.

токъ нѣмцы-просвѣтители встрѣтили со стороны русскихъ, и вотъ возникаетъ многолѣтняя борьба между культурными нѣмцами-католиками и варварскими русскими схизматиками. Борьба была неравная: съ одной стороны прекрасно организованный духовно-рыцарскій орденъ, съ другой раздробленное государство, недавно потерпѣвшее татарскій погромъ, задержавшій какъ культурное, такъ и военное его развитіе.

Съ XIV столѣтія на орденъ отражаются общія этому столѣтію явленія: средневѣковыя формы вступаютъ въ періодъ своего разложенія и паденія; орденъ, имѣвшій свой *raison d'être* въ эпоху процвѣтанія средневѣковыхъ началъ, теперь, окруженный все болѣе и болѣе объединявшимися государствами, теряетъ почву и въ долгой и упорной борьбѣ пробуетъ отстоять свои принципы, но тщетно. Къ XVI столѣтію орденъ исчезаетъ, но не исчезаетъ нѣмецкая культура, которая здѣсь прочно утверждается благодаря польскимъ, шведскимъ и русскимъ правительствамъ.

Намъ надо въ самомъ сжатомъ очеркѣ рассмотреть исторію ливонскаго ордена, чтобы тѣмъ рельефнѣе выступили причины его необходимого разложенія въ XVI столѣтія, наканунѣ столкновенія съ Москвой.

Исторія ливонскаго ордена, это часть исторіи нѣмецкой колонизаціи ¹⁾. Первое появленіе нѣмцевъ въ этомъ краѣ относится ко второй половинѣ XII столѣтія. Не бременцы были первыми колунами страны, а вестфальцы любчане, имѣвшие свои торговые склады на Готландѣ въ Висбю. Готландъ находился въ самыхъ оживленныхъ сношеніяхъ съ Любекомъ и городами Вестфалии; отсюда купцы проникали въ скандинавскія государства и на дальній востокъ. Первоначально всѣ эти сношенія были торговаго характера, и нѣмцы любчане и вестфальцы сколачивали на скорую руку лавочки и выставляли въ нихъ разную мелочь, взаменъ чего получали мѣстные продукты—кожи, медъ, мѣха и т. д. Нѣмцы, оставшіеся въ новооткрытой землѣ, поддерживали самыя дѣятельныя сношенія съ своими соотечественниками; вскорѣ колонизація привлекла на восточное побережье Балтійскаго моря множество трудолюбивыхъ нѣмцевъ. Съ торговлею въслѣдствіи соединилась и миссіонерская дѣятельность Мейнгарда въ концѣ XII вѣка. Онъ, какъ извѣстно, былъ первымъ епископомъ Ливоніи—икскульскимъ—и находился въ зависимости отъ бременской архіепископіи. Теперь новую нѣмецкую колонію отличалъ характеръ чисто

¹⁾ *Harnack*, 365 (Ср. *Козеко-Труссманъ*),

религіозный, а не политическій; съ началомъ государственной организаціи Ливоніи связано и стремленіе точнѣе установить правовыя отношенія новаго политическаго органа съ Германскою имперіей. Альбертъ фонъ Апфельдернъ, перенесшій свою столицу изъ Йкскуля въ Ригу, чувствовалъ себя уже не только миссіонеромъ, но и политическимъ, національнымъ организаторомъ. Явившись въ 1207 году ко двору Филиппа, онъ положилъ къ его ногамъ Ливонію и получилъ ее обратно уже какъ ленъ имперіи. При послѣдующихъ германскихъ императорахъ эта ленная зависимость, связь Ливоніи съ имперіей все утверждается¹⁾. Ленниками имперіи сдѣлались въпослѣдствіи и епископы дерптскій, эзельскій и курляндскій; всѣ они были имперскими князьями—*Reichsfürst*.

Альбертъ фонъ Апфельдернъ, присланный въ Ливонію Иннокентіемъ III, былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей конца XII и начала XIII столѣтій, эпохи высшаго развитія средневѣковыхъ идей; онъ былъ „яркимъ выразителемъ главнѣйшихъ теологическихъ стремленій тогдашняго папства“. Альберту принадлежала и мысль основать въ Ливоніи военный орденъ съ цѣлью распространить христіанство по всему Балтійскому краю. Его мысль была осуществлена въ 1202 году. Рыцари новаго ордена должны были давать клятву безбрачія, послушанія папѣ и епископу и постоянной борьбы съ язычниками. Во главѣ новооснованнаго ордена сталъ мейстеръ или магистръ; слѣдующую іерархическую ступень составляли комтуры (командоры), вѣдѣнію которыхъ подлежала военная часть, наблюденіе за орденскими землями, собраніе десятины и свѣтскій судъ. Комтуры съ магистромъ составляли капитулъ. Въ началѣ отношенія магистра къ епископу были самыя дружественныя, такъ что въ отсутствіе одного другой замѣщалъ его должность. Альбертъ надѣялся найти во вновь учрежденномъ орденѣ опору для своей свѣтской власти и не подозрѣвалъ, что вызвалъ къ жизни силу, которая уже при ближайшихъ преемникахъ его начала борьбу съ епископскою властью. Первымъ магистромъ ливонскаго ордена былъ *Vinnold von Rohrbach*. Мѣстопробываніе его было сначала въ епископской резиденціи Ригѣ, но уже вскорѣ орденъ нашелъ необходимымъ имѣть собственную резиденцію, которую и основалъ въ Венденѣ.

Раздоры между епископомъ и орденомъ изъ-за ливонскихъ земель начались еще при жизни Альберта; имъ суждено было продлиться цѣ-

¹⁾ *Harnack*, 365.

лыхъ три столѣтія. Дѣло было такъ: императоръ германскій Филиппъ въ 1207 году отдалъ всю Ливонію въ ленъ епископу рижскому въ виду стремленія Данін утвердиться въ Эстляндіи и на Эзелѣ. Какъ ленникъ германскаго императора, епископъ Риги получилъ право собирать подати, чеканить монету, вводить новые городскіе порядки, творить судъ. Ему же принадлежало и право дарить ленами. Рыцари новаго ордена, приписывая себѣ главную заслугу въ покореніи Ливоніи, стали требовать одной трети всѣхъ покоренныхъ земель и относительно будущаго настаивали на томъ же, то-есть, чтобы одна треть всего завоеваннаго принадлежала имъ. Первое требованіе ордена епископъ Альбертъ выполнилъ, второе же отвергъ. Въ этомъ обстоятельстве и кроется причина послѣдующей борьбы ордена съ епископами рижскими. При раздѣлѣ покоренныхъ земель Альбертъ взялъ себѣ земли по Двинѣ, Трейденѣ, Идумею, Метсеполе и Венценскую область. Ордену досталась Сегевольдская область и остальная часть покоренной Ливоніи. Три епископства ливонское, дерптское и семигалленское занимали: первое — южную часть нынѣшней Лифляндіи, Перновскій округъ и Викенъ, второе — округи Дерптскій, Феллинскій и Верро, третье — земли по рѣкѣ Аа.

Такимъ образомъ, съ начала XIII столѣтія въ Ливоніи другъ противъ друга стоятъ двѣ силы — епископъ рижскій и орденъ, опирающіеся оба на довольно обширныя территоріальныя владѣнія; имъ пришлось вести борьбу на сѣверѣ съ Эстляндіей, на югѣ съ Курляндіей. Взаимное согласіе между ними было непродолжительно, отношенія осложняются уже со смертію Vinnold'a. Его преемникъ былъ избранъ уже не епископомъ, а самими орденскими рыцарями, что обнаружило стремленіе ордена совершенно сбросить съ себя всякую зависимость отъ епископа рижскаго и нежеланіе признавать надъ собою его господство. Въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній обѣ стороны обыкновенно обращались за судомъ къ рижскому папѣ.

При Альбертѣ рижская епископія добилась совершенной самостоятельности отъ Бремена; при немъ же рыцари покорили всю Эстляндію и островъ Эзель; въ 1228 году императоръ Генрихъ даровалъ ордену Ревель, Вирландъ, Гервенъ, Гаррию и Роталию, такъ что, къ великому неудовольствію рижскаго епископа, орденъ въ территоріальномъ отношеніи все усиливался. Въ послѣдній годъ своей жизни (1229) Альбертъ долженъ былъ вочію убѣдиться, какъ сильно его интересы расходились съ интересами ордена. Какъ скоро не стало общаго врага, датчанъ, взаимная вражда ордена и епископа стала пріобрѣтать все

больше интенсивности. Внутреннее состояніе Ливоніи, покрившей себѣ всю Эстляндію, а въ 1231 году и Курляндію, не соответствовало вѣдшему блеску ея. Наибольшая аномалія ливонскаго ордена заключалась въ его зависимости отъ рижскаго архіепископа, въ подчиненности ему, тогда какъ всѣ другіе духовно-рыцарскіе ордена, какъ Іоанниты, Тамплиеры, Тевтоны, зависѣли непосредственно отъ римскаго папы ¹⁾).

Къ 1237 году относится новый фактъ въ эволюціи ордена, а именно соединеніе его съ нѣмецкимъ или прусскимъ орденомъ. Ливонскій орденъ сталъ съ этихъ поръ какъ бы вѣтвью нѣмецкаго ордена. Ливонія и Пруссія соединились для одной общей колонизаторской и миссіонерской дѣятельности. Благодаря соединенію обоихъ орденовъ политическая организація и миссіонерская дѣятельность балтійскихъ нѣмцевъ пріобрѣтаетъ большую твердость и единство ²⁾).

Это одна, лицевая часть медали, но взглянемъ и въ обратную сторону ея. Во главѣ нѣмецкаго ордена стоялъ, какъ извѣстно, гофмейстеръ, имѣвшій свою резиденцію сначала въ Марбургѣ, а затѣмъ въ Маріенбургѣ. Съ 1237 года магистры ливонскаго ордена стоятъ подъ властью гофмейстера и отъ него получаютъ утвержденіе въ своей должности; рыцари же ливонскаго ордена по принципу должны были присягать на вѣрность и послушаніе архіепископу рижскому. По желанію папы и нѣмецкій орденъ долженъ былъ находиться въ вассальныхъ отношеніяхъ къ тому же архіепископу рижскому; гофмейстеръ давалъ ему присягу только не лично, а чрезъ посредство магистра ливонскаго ордена. Отношенія становились еще ненормальнѣе съ тѣхъ поръ, какъ съ 1246 года ливонскіе и прусскіе епископы получили одного общаго архіепископа; чрезъ семь лѣтъ, въ довершеніе взаимной путаницы отношеній, архіепископомъ Ливоніи и Пруссіи назначался епископъ рижскій. Отношеніе прусскаго ордена къ архіепископу рижскому приравнивалось, съ одной стороны, къ отношеніямъ вассала къ сюзерену, съ другой—къ отношеніямъ сюзерена къ вассалу, такъ какъ церковь въ Пруссіи всецѣло зависѣла отъ ордена ³⁾). Независимыми и избирательными князьями оставались епископы дерптскій, эзельскій и курляндскій. Новое своеобразное положеніе дѣлъ въ орденской организаціи естественно вызывало внутреннія смуты; орденъ желалъ себѣ

¹⁾ *Bienemann*, Aus Livlands Vorzeit, 44.

²⁾ *Harnack*, 366. Ср. *A. Büttner*, Die Vereinigung des Livl. Schwertbrüderordens mit dem deutschen Orden въ *Rig. Mittheilungen*. 1865. XI.

³⁾ *Hammar skjöld*, 237.

присвоить исключительное право назначенія на вакантные епископскіе столы. Епископы, чувствуя себя безсильными вести борьбу съ орденомъ, обращались къ покровительству иноземныхъ державъ, которыя охотно и съ большою готовностію ухватывались за каждый представлявшійся случай, чтобы утвердить свое вліяніе на востокъ Балтійскаго моря.

Итакъ, интересы ордена и архіепископа рижскаго продолжали расходиться и по соединеніи ордена съ Пруссіей; въ Ливоніи оказалось два политическихъ фактора, не желавшихъ поступиться первенствомъ. Въ исходѣ же XIII столѣтія въ Ливоніи возвышается новая сила, требующая себѣ правъ и льготъ, изъ за нихъ вступающая въ борьбу какъ съ орденомъ, такъ и съ архіепископами. Эта сила—города. Изъ нихъ Рига вошла въ составъ только что, въ томъ же XIII столѣтіи, возникшаго ганзейскаго союза. Въ концѣ нѣка въ составъ союза входятъ еще Ревель и Дерптъ. Изъ ливонскихъ городовъ ганзейскаго союза особенно возвышается Рига; этотъ городъ обладалъ многочисленнымъ торговымъ флотомъ, войскомъ и военными кораблями, находился въ обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ соѣдными нѣмецкими городами и являлся весьма значительной силой. Въ церковныхъ дѣлахъ Рига охотно подчинялась архіепископу, въ свѣтскихъ же дѣлахъ богатый городъ рѣшилъ идти своимъ путемъ, вполне независимо и самостоятельно. Очень понятно, что интересы ганзейскаго города—Риги—расходились съ миссіонерскими стремленіями епископовъ и завоевательными планами ордена. Городъ держался своею торговлей, мало интересуясь общими вопросами, и всѣ силы свои естественно употреблялъ на развитіе и расширеніе этой торговли. Рига нѣкоторое время уживалась въ мирѣ со своимъ архіепископомъ, составляя, такъ сказать, опору его политическаго могущества; за то къ ордену богатый торговый городъ питалъ сильную ненависть; рыцари неоднократно препятствовали свободнымъ торговымъ сношеніямъ, захватывали товары, заключали купцовъ. Въ 1292 году началась открытая борьба между орденомъ и Ригю, и ей суждено было продолжиться до конца самостоятельнаго существованія ордена. Въ этой борьбѣ посредникомъ выступилъ императоръ Рудольфъ I. Любопытно, что въ письмѣ къ Любеку императоръ Пруссію и Ливонію называетъ имперскими землями ¹⁾. Ливонію съ имперіей теперь связывало то обстоятельство, что архіепископъ и епископы были импер-

¹⁾ Harnack, 367.

скіе князья и что Пруссія принадлежало верховенство надъ Ливоніей. Магистры же Ливоніи не были еще въ это время князьями имперіи: этому препятствовала ихъ зависимость отъ гофмейстера Пруссіи. Императоры люксембургскаго дома въ XIV столѣтіи продолжали отстаивать свой авторитетъ по отношенію къ Ливоніи. Карлъ IV говорилъ о рижской церкви, что она непосредственно подчинена римской имперіи. Не смотря на это, императоры мало заботились о внутреннемъ мирѣ въ Ливоніи; съ Карла IV они каждый разъ, какъ ливонцы обращались къ нимъ за помощью, начинаютъ систематически отсылать ихъ къ скандинавскимъ государямъ и Польшѣ. Въ началѣ XIV вѣка орденъ одержалъ рѣшительно верхъ надъ Ригою и даже занялъ ее; городъ долженъ былъ признать его господство.

Первая половина XIV вѣка составляетъ высшую точку могущества ливонскаго ордена; въ это время датскій король Вольдемаръ IV уступилъ ордену всю Эстляндію. Въ этомъ же столѣтіи въ Ливоніи возникаетъ ея четвертый историческій факторъ — дворянство. Ливонское дворянство составилось изъ вассаловъ ордена и епископства. Еще въ предшествовавшемъ столѣтіи дворяне достигли значительной силы во время борьбы съ Даніей; въ Гарріи и Виррландѣ они были такъ сильны, что нерѣдко энергически возставали противъ воли датскаго короля. Въ концѣ же XIV вѣка дворяне являются уже какъ цѣльный и самостоятельный классъ съ своими особыми стремленіями и задачами. Какъ сословіе привилегированное, они исключительно только заботились о расширеніи и сохраненіи своихъ привилегій; какъ сословію замкнутому, ему чужды были интересы ордена и епископства; оно жило въ своихъ помѣстьяхъ, поработало народъ и брало со страны все, что можно, до послѣдней копѣйки.

Переходя къ XV столѣтію, мы должны различать въ исторіи Ливоніи уже четыре начала—орденъ, архіепископа рижскаго, торговые города и дворянство. Время ливонской исторіи отъ 1347 до 1494 года, когда магистромъ сдѣлался Плеттенбергъ,—это періодъ непрерывныхъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ. Въ это время ясно обозначились признаки скорого и неминуемаго паденія ордена; сосѣднія державы усиливались, соединеніе Польши съ Литвою въ 1386 году грозило цѣлости орденской территоріи; съ ганзейскими городами, къ которымъ примкнули Рига и Ревель, скандинавскіе государи начали борьбу. Къ финансовому кризису, замѣчаемому въ началѣ XV столѣтія, слѣдуетъ присоединить и деморализацію всего ливонскаго общества. Духовенство впадо въ развратъ, уваженія къ себѣ оно не могло внушить.

Остальныя сословія руководились исключительно узко-эгоистическими стремленіями къ собственной наживѣ; страдальцемъ былъ туземный классъ—крестьяне. На ихъ счетъ жили всѣ, и они безгласно нѣкоторое время сносили невыносимое иго, ожидая случая сбросить его съ себя. Въ 1347 году папа Бонифацій издалъ буллу, въ силу которой орденъ совершенно освобождался отъ всякой ленной зависимости отъ епископовъ. Съ этихъ поръ орденъ не только *de facto*, но и *de jure* сдѣлался руководящею силой страны, хотя епископы и играли еще роль владѣтельныхъ князей.

На Ливонію не могли не отразиться враждебныя отношенія, въ какія стали другъ къ другу Польша-Литва и прусскій орденъ. Танненбергская катастрофа нанесла рѣшительный ударъ благосостоянію нѣмецкаго ордена. Хотя по торнскому миру 1411 года онъ ничего не потерялъ изъ своихъ владѣній, но эпохѣ его процвѣтанія насталъ конецъ; внутри ордена возникли партійныя смуты, извнѣ грозили поляки и литовцы, нужно было быть всегда наготовѣ для новой борьбы съ ними. Ливонскій орденъ, помогавшій прусскому ордену въ борьбѣ его съ соединенною Польшей-Литвой, долженъ былъ теперь постоянно опасаться своего южнаго сосѣда. Къ счастью для него, Польша была тогда отвлечена венгерскими событіями. Съ востока русскіе, псковичи и другіе, нерѣдко дѣлали на орденскія земли набѣги, сопровождавшіеся страшными опустошеніями.

Вторая половина XV вѣка была въ особенности богата разительными примѣрами междоусобій и сословной розни. Такъ архіепископъ рижскій Сильвестръ Стадеветеръ (1448 — 1479), человѣкъ отличавшійся лживостію, неискренностію, двуличіемъ, задумалъ соединиться съ орденомъ съ тѣмъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ вольноостямъ Риги, однимъ разомъ уничтожить эту свободную общину и подѣлить господство надъ нею съ орденомъ. Плодомъ его вѣроломной и лишенной всякой справедливости политики былъ ландтагъ въ Кирхгольмѣ (1452), по которому Рига вмѣсто одного пріобрѣтала двухъ покровителей-господъ: архіепископа и магистра; обоимъ имъ городъ долженъ былъ присягать на вѣрность; отъ обоихъ зависѣло утвердить или нѣтъ избраннаго фохта города; безъ ихъ согласія городъ не могъ издать ни одного закона, ни сдѣлать какого либо нововведенія. Городу оставалось одно изъ двухъ: или начать борьбу съ обоими узурпаторами или сблизиться съ однимъ изъ нихъ; послѣ нѣкотораго колебанія Рижане вошли въ сношенія съ орденомъ, и въ 1454 году

городъ присягнулъ магистру Менгдену, какъ своему единственному господину.

Недовольный такимъ ходомъ дѣлъ Сильвестръ вошелъ въ переговоры съ городомъ, давалъ ему несбыточные обѣщанія, льстилъ ему, сулилъ золотую будущность, какъ скоро онъ отпадетъ отъ ордена и отдастся ему. Изъ за Риги между магистромъ ордена и архіепископомъ начались пререканія, перешедшія въ открытую вражду. Кровопрлитіе окончилось новымъ съѣздомъ, на которомъ рѣшено было возстановить кирхгольмскій договоръ о раздѣлѣ господства надъ Ригею между обоими соперниками. Во время этой борьбы Сильвестра съ орденомъ у германской имперіи возникла мысль сдѣлать магистра имперскимъ княземъ. Прошло, однако, много времени до осуществленія этого намѣренія, что вообще объясняется медлительностью, какою отличались всѣ дѣйствія государственной машины Германской имперіи. Въ принципѣ, однако, и тогда уже *Reichsunmittelbarkeit* ливонскаго магистра была признана. Въ то время, какъ въ Ливоніи шли вышеупомянутые раздоры изъ за обладанія Ригею, произошло новое столкновеніе между Польшей и Прусскимъ орденомъ, окончившееся извѣстнымъ въ исторіи торнскимъ миромъ 1466 года. По этому миру вся западная Пруссія, съ Маріенбургомъ, переходила къ Казимиру польскому; восточная Пруссія оставалась за орденомъ, но и то какъ ленъ польской короны. Гохмейстеръ прусскій становился ленникомъ польскаго короля, и связь ордена съ имперіей порывалась. Гохмейстеръ теперь уже былъ не самостоятельный государь, а вассалъ Польши. Каждый гохмейстеръ долженъ былъ по своему избраніи являться къ польскому королю и присягать ему въ вѣрности. Послѣ папы единственнымъ господиномъ нѣмецкаго ордена становился польскій король. Прусскія епископства, до этого подвластныя рижскому архіепископу, теперь также подпадали подъ власть Польши. Совершенное распаденіе прусскаго ордена теперь уже было лишь вопросомъ времени.

Торнскій миръ долженъ былъ отразиться и на Ливоніи; ливонскій орденъ не былъ включенъ въ постановленія торнскаго мира, и по-этому зависимость его отъ прусскаго ордена становилась лишь номинальной. Прусскій орденъ не могъ уже представлять собою никакой опоры, связь обоихъ орденовъ была совершенно порвана, между ними стала сильная въ XV столѣтіи Польша. Раздираемый междоусобіями ливонскій орденъ протянулъ свое существованіе еще около столѣтія, когда ему уже не подъ силу стала борьба съ новымъ влѣніемъ исторіи.

Въ борьбѣ Сильвестра съ орденомъ, окончившейся взятіемъ въ

плѣнъ архіепископа и всего капитула, принявъ участіе и Стенъ Стуре старшій ¹⁾: онъ принялъ сторону архіепископа, надѣясь этимъ путемъ утвердить свое вліяніе въ Ливоніи, распадѣніе которой казалось ему неминуемымъ ²⁾). Однако счастье было на сторонѣ ордена; онъ добился господства надъ Ригю, не взирая на недружелюбіе къ нему папы Сикста IV. Господство ордена надъ Ригю продолжалось до 1481 года, когда Ригѣ удалось, наконецъ, сбросить съ себя тяжкую зависимость отъ магистра.

Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ; 43-й магистръ Ливоніи, занималъ эту должность съ 1494 по 1535 годъ. Онъ происходилъ изъ древне-вестфальской фамиліи и еще молодымъ человѣкомъ поступилъ въ нѣмецкій орденъ, въ которомъ насчитывалось не мало дѣятелей изъ фамиліи Плеттенберговъ. Затѣмъ онъ явился въ Ливонію, гдѣ за своимъ военнымъ талантомъ, въ 1489 году, былъ назначенъ ландмаршаломъ. Престарѣлый магистръ Лорингтофъ предоставилъ ему всѣ важнѣйшія дѣла ордена; фактически уже тогда правителемъ былъ Плеттенбергъ. Благодаря своимъ выдающимся способностямъ и необыкновенной энергіи, Плеттенбергу удалось еще на время оживить орденъ, придать ему даже внѣшній блескъ. Въ борьбѣ съ Ригю онъ проявилъ выдающіяся военныя дарованія. Нейерюленская побѣда ордена была всецѣло его дѣломъ; она нанесла Ригѣ рѣшительный ударъ, и городъ подчинился ордену. Что касается до политическаго состоянія сосѣднихъ съ орденомъ государствъ при вступленіи на магистерскій престолъ Плеттенберга, то наибольшая опасность грозила ордену со стороны сильной и сплоченной Москвы. Въ польско-литовскомъ королевствѣ, напротивъ, единства не было; Плеттенбергъ сблизился съ Адександромъ литовскимъ и администраторомъ Швеціи, Стенъ Стуре. Этому союзу противостоялъ союзъ Іоанна датскаго съ великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ III, заключенный въ 1493 году въ Нарвѣ ³⁾.

Еще предшественникъ Плеттенберга заключилъ съ Москвою десятилѣтнее перемиріе въ 1483 году; за годъ до истеченія его срока русскіе построили на правомъ берегу Наровы, какъ разъ противъ Нарвы, Ивангородъ или русскую Нарву. Фактъ знаменательный! Нѣмцы называли новый городъ „eine Trutz Narva“; изъ него русскіе дѣй-

¹⁾ Ср. Г. Форстенъ, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ, глава III.

²⁾ *Styffe*, IV, XLIII. *Mollerup*, 29.

³⁾ Ср. Г. Форстенъ, Борьба изъ за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіи, стр. 153.

ствительно могли грозить не только Нарвѣ, но и всей Эстляндіи. Плеттенбергъ, сдѣлавшись магистромъ, долженъ былъ обратить все свое вниманіе на Москву и установить съ нею болѣе прочныя отношенія. Предвидя новое столкновеніе съ русскими, ему необходимо было прежде всего водворить единство и спокойствіе внутри Ливоніи, но тутъ то онъ и встрѣтилъ непреодолимые затрудненія. Прежде всего Ревель, какъ ганзейскій городъ, желалъ сохранить выгодныя торговыя сношенія съ Россіей; Дерптъ также предпочиталъ держаться полной нейтральности въ борьбѣ ордена съ Москвою и рѣшительно отказывался отъ всякаго участія въ ней. Первымъ годомъ своего правленія Плеттенбергъ воспользовался для приготовленія къ войнѣ, обезпечилъ себя политическими союзами (съ Литвой и Швеціей), укрѣплялъ и восстанавливалъ крѣпости Дюнамюнде, Венденъ и др. Къ архіепископу и всему духовенству онъ относился съ большимъ тактомъ; поставивъ его въ политическую отъ себя зависимость, онъ сохранялъ къ духовнымъ лицамъ почетъ и тщательно избѣгалъ всякаго столкновенія съ ними.

Первые недоразумѣнія ордена съ Москвою возникли еще въ 1493 г. Нѣмцы стѣсняли и задерживали новгородскихъ купцовъ, сожгли въ Ревелѣ живымъ одного русскаго и вообще совершали надъ ними большія насилія. Извѣстно, какъ отомстил Іоаннъ нѣмцамъ въ Новгородѣ въ 1495 году: купцы были посажены въ тюрьму, товары конфискованы, дворы закрыты,—первый сильный ударъ Ганзы въ XV столѣтіи, подорвавшій все ея существованіе и подготовившій ея паденіе ¹⁾).

Въ концѣ 1496 года начались первыя враждебныя дѣйствія русскихъ противъ Нарвы и Ливоніи; но это была еще не настоящая война, а рядъ подготовительныхъ стычекъ, предвѣщавшихъ въ скоромъ времени открытую борьбу ²⁾. Въ Ливоніи возникли самыя странныя проекты объ основаніи новаго ордена св. Георгія, о крестовомъ походѣ на русскихъ и т. д., но ни одинъ изъ нихъ не нашелъ осуществленія. Въ началѣ сентября 1498 года происходилъ съѣздъ—ландтагъ—въ Валькѣ, гдѣ рельефно обнаружилось, что каждая отдѣльная корпорація нѣбла въ виду лишь свои привилегіи и льготы, общее же дѣло никого не интересовало. Города объявили на ландтагѣ, что не могутъ жертвовать для войны ни деньгами, ни людьми, и сами позаботятся о защитѣ своихъ стѣнъ. Плеттенбергъ успѣлъ добиться

¹⁾ Ср. Г. В. Форстенъ, Борьба, стр. 154—155.

²⁾ Ср. Schieman, 160.

только самыхъ незначительныхъ денежныхъ пожертвованій. На внѣшнюю помощь Плеттенбергъ также не могъ рассчитывать. Пруссія была противъ союза ордена съ Польшей и думала лишь о томъ, какъ бы ослабить Польшу, дабы сбросить съ себя тягостныя поставленія торискаго мира. Въ іюнѣ 1501 года умеръ Іоаннъ Альбертъ, и Александръ литовскій, сдѣлавшись и польскимъ королемъ, вынужденъ былъ отказаться отъ союза съ Ливоніей противъ Москвы. Ливонскому ордену пришлось вести войну съ русскими одними своими силами. Война началась въ 1501 году. Разказъ о ходѣ ея отклонилъ бы насъ слишкомъ въ сторону; достаточно сказать, что все предпріятіе Плеттенберга оказалось совершенно безполезнымъ. Въ продолженіе всей войны, окончившейся уже въ 1505 году, Плеттенбергу приходилось бороться съ сословіями Ливоніи, интриговавшими одно противъ другаго; нужно было все дипломатическое искусство магистра, чтобы при полномъ разъединеніи, господствовавшемъ въ орденѣ и при несочувствіи къ нему прелатовъ ¹⁾, удержаться на своемъ посту и выдержать трудную борьбу съ Москвою.

Раздоры въ орденѣ увеличились еще болѣе со времени утвержденія въ Ливоніи протестантства. Своеобразный строй ливонской конфедерации былъ причиною того, что здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, смѣшались духовные и свѣтскіе вопросы, отношенія между ними были болѣе сложны, чѣмъ въ Германіи. Религіозные вопросы вызвали политическій антагонизмъ между городами и рыцарствомъ, а это привело къ разъединенію сословій; большая часть рыцарства примкнула къ сторонникамъ стараго церковнаго порядка. Орденъ, прелаты и рыцарство составили одну сторону, другую же—города. Магистръ, находившійся между этими двумя противоположными лагерями, имѣлъ возможность принять протестантизмъ и сдѣлаться свѣтскимъ княземъ Ливоніи, подобно герцогамъ Прусскимъ; но онъ не захотѣлъ этого. чѣмъ главнымъ образомъ и избѣгъ разрыва съ основами государственной традиціи Ливоніи ²⁾.

¹⁾ О нихъ Плеттенбергъ высказался, что чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ счастливѣе страна.

²⁾ Ср. *Schiemann*, 220 и д. Реформація проникла въ Ливонію изъ Пруссіи. Католическое духовенство дошло въ Ливоніи до такого же нравственнаго паденія, какъ и въ остальной Европѣ; всѣ въ одинъ голосъ требовали реформъ церкви, устраненія злоупотребленій и т. д. Многіе молодые ливонцы посѣщали протестантскіе университеты. Гугенгагенъ и Андреасъ Кнѣпкенъ открыли въ Трентовѣ школу, куда привлекали и ливонцевъ. Въ 1521 году эта школа была закрыта и Кнѣпкенъ по

Введеніе реформаціи въ Ливоніи важно также и въ томъ отношеніи, что значительно усложнило ея отношенія къ германской имперіи. Отдѣленіе отъ папства, посѣщеніе ливонцами нѣмецкихъ университетовъ, династическая связь ливонскаго магистра и рижскаго архіепископа съ германскими княжескими домами, Бранденбургомъ и Мекленбургомъ (о чемъ подробнѣе ниже)—все это факты, внесшіе цѣлый рядъ новыхъ элементовъ въ орденскую организацію. Трудно разобрать въ запутанныхъ отношеніяхъ ордена съ имперіей; разнаго рода имперскіе указы и эдикты распространялись, напримѣръ, на Ливонію, тогда какъ полная независимость и автономія ливонскихъ ландтаговъ продолжала существовать; рейхскаммергерихтъ бралъ на себя рѣшеніе различныхъ спорныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ Ливоніи, а между тѣмъ Ливонія не была причислена ни къ одному изъ десяти имперскихъ округовъ, она не платила турецкой пени (*Türkenpfennig*), она не подчинялась и другимъ требованіямъ императоровъ. Императоры въ наказаніе за это оставляли Ливонію безъ помощи въ ея борьбѣ съ сосѣдями ¹⁾.

Организація ордена въ послѣднее столѣтіе его существованія была слѣдующая. Всѣ орденскія владѣнія распадалась на нѣсколько от-

совѣту Меланхтона отправился въ Ригу, гдѣ и началъ свою проповѣдническую дѣятельность. Успѣхъ его былъ необычайный. Кромѣ проповѣднической дѣятельности, онъ училъ дѣтей, воспитывая ихъ въ лютеранствѣ. Книппенъ нашелъ равносторонняго сторонника въ Іоаннѣ Ломкулерѣ, городскомъ секретарѣ. Къ 1522 году число протестантовъ значительно увеличилось; въ церквахъ начались оживленные диспуты. Общественное мнѣніе было за новое ученіе. Католики, разумѣется, смотрѣли недружелюбно на распространявшееся все дальше и глубже ученіе Лютера и на Вольмарскомъ ландтагѣ 1522 года добились своего: ученіе Лютера было объявлено еретическимъ.

Новымъ виднымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ распространенія протестантства въ Ливоніи былъ Іасобъ Теетсмейер. Народъ восторженно принималъ его. Вскорѣ началось неизбежное столкновеніе протестантовъ съ католиками; католическія церкви опустошались, грабили монастыри, повторялись Мюнстерскія сцены. Карлъ V неоднократно обращался къ городамъ, грозилъ имъ имперскою опалою,—все тщетно. Изъ Риги реформація распространилась въ Ревелѣ и на Эзелѣ. Въ Ревелѣ ученіе Лютера утвердилось въ 1524 году; тутъ оно возбудило въ угнетенныхъ крестьянахъ надежды на лучшія времена; начались возстанія, грозившія принять характеръ цѣлой крестьянской войны.

Еще шумнѣе и кровопролитнѣе было утвержденіе реформаціи въ Дерптѣ. Реформаторомъ Дерпта былъ Мельхіоръ Гоффманъ; его проповѣди сильно дѣйствовали на народъ. Менѣе успѣшна была лютеранская проповѣдь въ Курляндіи.

¹⁾ *Biemann, Aus Baltischer Vorzeit*, 108.

дѣльныхъ областей, среди которыхъ возвышался бургъ; въ каждомъ бургѣ засѣдалъ конвентъ изъ 12 — 20 рыцарей, во главѣ же конвента стоялъ командоръ или фохтъ. Последніе сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ отрасли правленія, экономіи, финансовъ, судебную власть, полицію, военную организацію и т. д.; во всѣхъ выдающихся случаяхъ имъ вмѣнялось въ обязанность предварительно сноситься съ конвентомъ. Хозяйственныя, домашнія дѣла бурга зависѣли отъ такъ называемаго *Hauscomtur'a* или домового командора. Въ большихъ областяхъ нѣсколько бурговъ зависѣли отъ главнаго обербурга, такъ, напримѣръ, въ Феллинской области всѣхъ бурговъ было четыре, въ Гольдингенѣ семь. Въ распоряженіи магистра ордена было 14 замковъ, у маршала ордена ихъ было 8. Последнему принадлежало вѣдѣніе всего военного дѣла въ орденѣ и предводительство на войнѣ. Его резиденціями были Венденъ и Сегевольдъ. Рядомъ съ магистромъ стоялъ орденскій конвентъ, избиравшій магистра и представлявшій кандидатовъ гохмейстеру. Конвентъ состоялъ изъ маршала, командоровъ и фохтовъ. Всѣ названные члены ордена имѣли своихъ вассаловъ — такъ называемое ливонское рыцарство (*Ritterschaft*). — которые за пользованіе своими землями обязаны были нести военную службу ¹⁾. Магистръ ливонскаго ордена не былъ такъ связанъ, такъ зависимъ отъ генеральнаго капитула, состоявшаго изъ рыцарей (*Mitbrüder*) и гохмейстера и вѣдавшаго всѣ законы и дѣла ордена, какъ прусскій, власть котораго была въ высшей степени ограничена. Вліяніе же конвента на назначеніе магистра въ Ливонію ограничивалось лишь правомъ предлагать двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ уже гохмейстеръ назначалъ одного. Далѣе, въ Пруссіи было правило, въ силу котораго ни одна часть орденскихъ владѣній не могла находиться въ непосредственной зависимости отъ гохмейстера, чего мы не встрѣчаемъ въ Ливоніи. Въ Пруссіи гохмейстеръ безъ согласія командора не имѣлъ права издавать какія либо приказанія даже въ маріенбургскомъ командорствѣ. Въ Ливоніи же, какъ мы выше указали, въ непосредственной зависимости отъ магистра было 14 замковъ ²⁾.

При обсужденіи какихъ либо вопросовъ виѣшней и внутренней политики ссылались такъ называемые ландтаги; на нихъ какъ при совѣщаніи, такъ и при подачѣ голосовъ, наблюдался такой порядокъ, что архіепископъ рижскій вмѣстѣ съ епископами дерптскимъ, эземъ-

¹⁾ То-же. 48 и далѣе.

²⁾ Ср. *Hammar skjöld*, 239. Ср. *Fähn*, 174.

скимъ, курляндскимъ и ревелскимъ и съ аббатами Фалькенау и Падиса составляли одно сословіе (Stand) и сообща подавали свое мнѣніе. За ними слѣдовалъ магистръ ордена съ его помощниками и рыцарями, которые составляли второе сословіе и также вмѣстѣ подавали голосъ. Третье мѣсто занимало дворянство всей Ливоніи и княжескіе совѣтники. Последнюю же группу составляли города—Рига, Дерптъ, Ревель, Перновъ, Венденъ, Вольмаръ, Нарва, Феллинь и Кокенгаузенъ; ихъ представители подавали голоса вмѣстѣ съ владѣльцами отдѣльных замковъ. Такимъ образомъ ландтагъ при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ распадался не по территоріямъ, а по сословіямъ на 4 камеры или коллегіи—духовную, орденскую, рыцарскую и городскую ¹⁾).

Намъ остается еще рассмотреть внутреннюю исторію ливонскаго ордена со смерти Плеттенберга до начала ливонской войны и вмѣшательства въ его судьбы Даніи, Швеціи, Польши и Москвы.

Послѣ смерти Плеттенберга искусственный миръ съ Россіей не нарушался; цѣлымъ рядомъ уступокъ московскому правительству ливонцамъ удалось отстранить открытый разрывъ съ нимъ, не смотря на то, что далеко не всѣ спорные пункты были устранены. Всѣ жили подѣ страхомъ новаго столкновенія; въ Ливоніи знали, какъ усилились московскіе князя; они собрали послѣдніе удѣлы, Ганза потеряла свое значеніе; Іоаннъ III и послѣдующіе московскіе государи съ необычайной энергіей принимались проводить политическую задачу, стоявшую на очереди, а именно добиться доступа къ морю и непосредственныхъ сношеній съ цивилизованной Европой ²⁾). Для Россіи настала пора перестроиться фронтомъ съ востока на западъ. При нетвердыхъ и шаткихъ отношеніяхъ къ сильной Москвѣ, ливонскій орденъ долженъ былъ позаботиться объ организаціи твердаго правительства, о томъ чтобы тѣмъ или другимъ путемъ сдержать центробѣжныя силы, подчинивши ихъ и давши имъ единство хотя бы въ военномъ отношеніи. Но этого то магистры послѣ Плеттенберга и не могли достигнуть: они уступали ему какъ въ энергіи, такъ и въ пониманіи политическихъ „конъектуръ“ своего времени; идеѣ единодержавнаго принципа противорѣчили враждебные и несогласные элементы, составлявшіе ливонскую конфедерацію; отстранить этотъ порядокъ дѣлъ не удалось бы и болѣе одареннымъ дѣятелямъ, нежели были ливонскіе магистры съ 1535 по 1558 годъ. Протестантизмъ, который первонач-

¹⁾ *Bunge*, Geschichtliche Entwicklung des Ordens.

²⁾ *Mollerup*, 30; *Schiemann*, 281.

чально утверждался главнымъ образомъ въ городахъ, сталъ распространяться и при дворахъ епископовъ, и въ орденскихъ бургахъ и замкахъ. Характеръ ливонскаго протестантизма былъ строго лютеранскій, ортодоксально-лютеранскій. При такомъ повсемѣстномъ распространѣніи реформации, весь внѣшній строй католической церкви оставался въ полной силѣ. Часто представлялось не малое затрудненіе опредѣлять, католикъ или протестантъ тотъ или другой епископъ. Покровительствуя реформации ни одинъ епископъ не проявлялъ рѣшимости секуляризовать свою епархію. Такимъ образомъ, при номинальномъ существованіи католицизма вся страна, за исключеніемъ городовъ, признавала внѣшнія формы его, съ которыми соединялись и нѣкоторыя политическія права; каждому предоставлялась возможность держаться той или другой церковной формы. Даже магистры, хотя они и должны были, какъ представители ордена, исповѣдовать католицизмъ, относились къ дѣлу чисто формально и нѣкоторые изъ нихъ отдавали преимущество лютеранству. Этотъ внѣшній, формальный, для виду только исповѣдуемый католицизмъ было необходимо ордену въ виду, между прочимъ, и отношеній его къ Польшѣ и Пруссіи ¹⁾).

Положеніе герцога прусскаго, какъ недавняго гофмейстера нѣмецкаго ордена и какъ вассала и довѣреннаго лица короля польскаго, заставляло его желать и секуляризаціи ливонскаго ордена. Для достиженія этого въ Ливоніи встрѣтилось, однако, гораздо болѣе затрудненій, нежели въ Пруссіи. Шиманнъ справедливо выставяетъ на видъ, что уже одинъ тотъ фактъ, что Альбрехтъ Прусскій не долженъ былъ считаться съ другими политическими факторами, былъ для него въ высшей степени важнымъ. Разъ Плеттенбергъ не могъ рѣшиться на секуляризацію, не могли этого и послѣдующіе магистры, ибо ни одинъ прелатъ не былъ на столько силенъ, чтобы стать самостоятельнымъ свѣтскимъ владѣтелемъ. Силы каждаго изъ представителей ливонской конфедераціи, говоритъ Шиманнъ, доставало лишь на то, чтобы препятствовать свободнымъ дѣйствіямъ ближайшаго сосѣда. Какъ ревностный протестантъ, Альбрехтъ Прусскій открыто поддерживалъ антикатолическое движеніе въ Ливоніи ²⁾. Ригѣ онъ оказывалъ

¹⁾ *Schömann*, 281—282.

²⁾ *Lossius*, I, 4: Альбрехтъ симпатизировалъ Лютеру, что однако не имѣло ему поддерживать и сношенія съ папою. Какъ гофмейстеръ прусскаго ордена онъ имѣнилъ и этому ордену, и католицизму, чтобы подъ покровительствомъ католическаго короля Польши сдѣлаться евангелическимъ герцогомъ Пруссіи.

постоянную поддержку, и агенты его обнаруживали большую дѣятельность въ Ливоніи. Съ 1530 года прусское вліяніе еще усиливается въ Ливоніи и повсюду даетъ себя чувствовать; дѣло въ томъ, что въ этомъ году маркграфъ Бранденбургскій Вильгельмъ, братъ Альбрехта Прусскаго и племянникъ Сигизмунда II Августа Польскаго, сдѣлался, вопреки желаніямъ Плеттенберга, и не смотря на то, что его приверженность протестантскимъ началамъ была всѣмъ извѣстна, коадьюторомъ рижскаго архіепископа Шенинга ¹⁾. Фактъ очень знаменительный въ исторіи Ливоніи!

Съ этими иностранными князьями въ Ливонію вторгаются новые политическіе факторы, съ которыми ордену нельзя было не считаться; они болѣе другихъ въ состояніи были пріобрѣсти господство надъ страной, но „безъ той творческой, жизненной силы, которая необходима для внутренней крѣпости и надежнаго будущаго“. Опираясь на свои внѣшнія связи, они усиливались и находили въ странѣ то, чего искали, то-есть, одной только наживы, однихъ только выгодъ ²⁾. Прусское вліяніе было вмѣстѣ и польскимъ, герцогъ Альбрехтъ заявлялъ себя открытымъ врагомъ ордена. „обвиненія его противъ ордена имѣли характеръ совершенныхъ доносовъ“.

Итакъ, политическіе интересы довели дѣло до того, что Пруссія и Ливонія, недавно еще члены одного государственнаго организма, теперь сдѣлались открытыми врагами. Національное чувство поглощалось у Альбрехта политическими соображеніями и интересами; усиленіе и даже самостоятельное существованіе ордена казалось ему опаснымъ для его еще неупрочившейся и неполной политической самостоятельности, для его будущихъ политическихъ плановъ: о какомъ-нибудь компромиссѣ между княземъ-пришельцемъ и орденомъ нельзя было и думать: стремленія Вильгельма очевидно клонились къ достиженію архіепископства и къ секуляризаціи всѣхъ орденскихъ земель, съ тѣмъ чтобы обратить ихъ въ свѣтское герцогство и владѣть имъ въ ленной зависимости отъ Польши. Будущее сліяніе ливонскаго герцогства съ прусскимъ было лишь вопросомъ времени. Миссія Вильгельма въ Ливоніи была такою же, какою миссія его брата въ Пруссіи; если она не удалась, то главная причина этого заключается въ томъ, что Вильгельмъ взялъ на себя непосильную задачу: безъ твердой воли, съ ограниченнымъ кругозоромъ и сомнительными способно-

¹⁾ *Lossius* I, 14.

²⁾ *Bienemann*, *Aus Baltischer Vorzeit*, стр. 97.

стями, онъ не проявилъ ни настойчивости въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли, ни политическаго такта въ сношеніяхъ съ иностранными державами и орденоскими представителями, и вся его дѣятельность только содѣйствовала скорѣйшему распаденію ливонскаго ордена. Человѣкъ крайне-несамостоятельный. онъ искалъ совѣта и помощи то у Польши, то у своего брата. Всѣ вооружились противъ Вильгельма и лучшей иллюстраціей всеобщаго недовольства имъ служить Вольмарскій ландтагъ 1546 г. (Шиманнъ).

По рещесу этого ландтага за Ливоніей сохранялись, во первыхъ, всѣ ея прежнія права и вольности; затѣмъ постановлялось, чтобы ни магистръ, ни архіепископъ не могли оставлять своего духовнаго званія и, наконецъ, чтобы ни одинъ иностранецъ не могъ быть избираемъ въ коадьюторы безъ желанія представителей всѣхъ сословій. Какъ видно, рѣшенія Вольмарскаго ландтага противорѣчили всѣмъ планамъ Вильгельма и онъ волей неволей долженъ былъ подтвердить ихъ, хотя втайнѣ рѣшилъ при первомъ же представившемся случаѣ ихъ нарушить; подчиниться имъ значило-бы отказаться отъ всѣхъ своихъ стремленій съ того самаго момента, когда онъ впервые вступилъ на Ливонскую территорію. Вся дѣятельность Вильгельма, какъ мы сейчасъ увидимъ, явилась сначала скрытымъ, а затѣмъ и явнымъ протестомъ противъ Вольмарскаго рещеса. Очень любопытно, что этотъ рещесъ съ неудовольствіемъ встрѣтили и въ Германіи, такъ какъ онъ посягалъ на самостоятельность политической дѣятельности мелкихъ князей, бароновъ и др.; онъ противорѣчилъ также реформаціи, требовавшей секуляризаціи всѣхъ духовныхъ имѣній, не стоявшихъ въ связи съ папскою іерархическою организаціей (Шиманнъ).

Первые годы дѣятельности Вильгельма были ознаменованы насильственнымъ захватомъ эзельскаго епископства; въ продолженіе 4-хъ лѣтъ онъ противъ желанія жителей управлялъ этимъ епископствомъ, ознаменовавъ свою власть цѣлымъ рядомъ жестокостей ¹⁾. Въ 1539 году, когда умеръ архіепископъ рижскій Томасъ Шёнингъ, Вильгельмъ, казалось, достигъ своей цѣли, но тутъ то ему пришлось выдержать серьезную борьбу съ Ригой, примкнувшей въ 1542 году къ Шмалькальденскому союзу. Съ этихъ поръ междоусобныя войны не прекращались въ Ливоніи. Положеніе становилось еще затруднительнѣе послѣ выше разсмотрѣннаго Вольмарскаго рещеса 1546 года, когда каждое отступ-

¹⁾ *Hildebrand, Arbeiten.* 31 и 101.

леніе отъ прежняго орденскаго строя, каждая попытка къ секуляризаціи непремѣнно вели за собою внутреннюю войну и столкновенія, а это давало сосѣдней Польшѣ удобный случай вмѣшаться въ дѣла ордена; ничего такъ не желала Польша, какъ подчинить себѣ вольные ливонскіе города, принявшіе протестантизмъ.

Въ пятидесятихъ годахъ и отношенія ордена къ Россіи становятся все болѣе и болѣе неустойчивыми. Будущее въ этихъ отношеніяхъ не обѣщало Ливоніи ничего добраго. Переговоры съ Москвою возникаютъ уже въ 1552 году ¹⁾, съ цѣлью продолжить миръ съ этимъ государствомъ. Черезъ два года обѣ стороны согласились на новый миръ на 15 лѣтъ ²⁾, но при этомъ ливонцы „по Божьей волѣ и по приказанію великаго государя Москвы“, должны были обѣщать никогда не заключать съ Польшей дружественныхъ договоровъ, а въ случаѣ русско-польскаго столкновенія оставаться нейтральными; кромѣ того московскій царь потребовалъ, какъ извѣстно, отъ дерптской епископіи подати въ размѣрѣ одной марки съ человѣка, да уплаты всѣхъ прежнихъ недоимокъ. На обязанности епископа дерптскаго было привести въ извѣстность количество не уплаченной, дани и уже на третій годъ по заключеніи мира, то-есть въ 1557 году, недоимки должны были быть сполна доставлены царю; съ этого же года должна была высылаться въ Москву и ежегодно установленная подать. Если епископъ Дерпта не исполнитъ этого требованія, то отвѣчаетъ за это вся Ливонія. Выговаривалъ себѣ царь, наконецъ, и свободу торговли съ нѣмцами и возстановленіе русскихъ православныхъ церквей.

Подписывая договоръ 1554 года, ливонцы совершили актъ роковой политической слабости, говорить одинъ новѣйшій изслѣдователь. Согласиться на разрывъ дружественныхъ отношеній съ Польшей значило, дѣйствительно, совершенно себя изолировать. Могли ли ливонцы думать о точной уплатѣ громадной дани, требуемой Москвою? Война съ Россіей изъ за нея была неизбежна. Единственною здоровою политикой ордена было бы, казалось, заключить оборонительный и наступательный договоръ съ Польшей и Швеціей, который бы могъ еще обезпечить его со стороны Москвы, но и тутъ, какъ мы увидимъ, встрѣтилось сильное препятствіе: и Польша, и Швеція требовали себѣ значительныхъ территориальныхъ уступокъ; безкорыстной помощи никто не желалъ оказывать ордену.

¹⁾ *Gadebusch*, I, 430; *Arndt*, II, 217.

²⁾ Ср. *Schiemann*, 286.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, пользуясь мирными отношеніями съ Россіей, Вильгельмъ призвалъ въ Ливонію епископа и администратора Ратцебурга, 19-лѣтняго брата герцога Іоанна Альбрехта Мекленбургскаго Христофа и, вопреки вольмарскому рещессу, назначилъ его коадьюторомъ рижской архіепископіи. Мы имѣемъ указаніе, что онъ совершилъ это по особенному желанію и рекомендаціи польскаго короля ¹⁾ и что въ виду имѣлось женить его на одной изъ сестеръ Сигизмунда II Августа, съ цѣлью передать ему съ рукою королевской сестры и герцогство Ливонское ²⁾.

Вызванный на трудную политическую дѣятельность мало одаренный юноша далеко не обладалъ тѣми качествами, какія нужны были при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ не представлялъ Ливоніи никакой гарантіи ни въ духовномъ, ни въ политическомъ отношеніи.

Христофъ Мекленбургскій родился 24-го іюня 1537 года въ Аугсбургѣ ³⁾; десяти лѣтъ онъ потерялъ своего отца, и съ этихъ поръ воспитаніе его перешло на попеченіе матери и ея гофъ-дамъ. Что не могло не отразиться на развитіи характера Христофа. Мягкій и нерѣшительный юноша въ 1550 году былъ отправленъ ко двору своего старшаго брата Іоанна Альбрехта, гдѣ ему назначили новаго наставника въ лицѣ Андрея Мюлія (Mylus); но уже въ слѣдующемъ году, когда протестантскіе князья въ октябрѣ заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Франціей, Христофъ и молодой Филиппъ гессенскій должны были отправиться заложниками въ Парижъ; но отправленъ былъ только Филиппъ, а Христофъ до начала 1552 года оставался въ Дрезденѣ съ своимъ гофмейстеромъ (Joachim von Kleiow) и учителемъ (Wolfgang Leupold). Въ февралѣ этого года и онъ отправился въ Парижъ, гдѣ оставался цѣлый годъ, и пребываніе его тамъ также не осталось безъ вліянія на молодаго герцога. Въ 1554 году онъ назначенъ былъ администраторомъ Ратцебургскаго епископства. Вотъ самыя выдающіяся біографическія данныя изъ жизни будущаго ливонскаго дѣятеля. „Извѣщенный, подъ постоянной

¹⁾ *Häberlin*, III, 199: auf die nachdrückliche Empfehlung des Königs Sigmund August von Polen.

²⁾ *Langueti*, II, 29: Cum ante quinquennium essem in Liuania, talia audiui institui.

³⁾ Ср. *Lisch*, Anna geborne Markgräfin von Brandenburg, Gemahlin des Herzogs Albrecht von Meklenburg. *Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte von Lisch*. XXII. 1867.

опекой боготворившей его матери, для своихъ лѣтъ слишкомъ уже вкусившій всѣхъ мірскихъ удовольствій въ бытность свою во Франціи, религіозно-индеферентный, безъ надлежащаго образованія, заятій одною только мыслью, какъ бы веселѣе и безпечнѣе провести жизнь. Этотъ несчастный принцъ долженъ былъ съ самаго начала своего вступленія въ Ливонію сдѣлаться игрушкой въ рукахъ честолюбиваго Вильгельма прусскаго⁴.

Примѣру Вильгельма послѣдовалъ и старый магистръ Генрихъ фонъ Галенъ, встревоженный слухами о вербовкахъ архіепископа въ Германіи, и въ мартѣ 1556 года пазначилъ себѣ коадьютора въ лицѣ феллинскаго командора Вильгельма Фюрстенберга. Это назначеніе вызвало также не малую тревогу. Галенъ обошелъ ландмаршала *Jasper Münster'a*, которому по традиціи и закону должно было принадлежать коадьюторство, а сдѣлалъ онъ это въ виду того, что Мюнстеръ слылъ за друга Вильгельма и приверженца польской партіи. Рѣшившись отомстить за это магистру, Мюнстеръ удалился сначала въ Кокенгуненъ, а затѣмъ въ Польшу и Пруссію, вездѣ поднимая партійную вражду и всѣхъ возбуждая противъ магистра. Любопытно, что Мюнстеръ тогда уже выдвинулъ Кетлера, какъ достойнѣйшаго коадьютора¹⁾.

Въ назначеніи Фюрстенберга коадьюторомъ магистра вся польская партія усмотрѣла вызовъ себѣ; понятно поэтому, что отзывы этой партіи о Фюрстенбергѣ были самыя враждебныя²⁾.

Съ назначеніемъ двухъ новыхъ коадьюторовъ два враждебныхъ другъ другу лагеря яснѣе прежняго обозначаются въ Ливоніи. Сигизмундъ II Августъ, внимательно слѣдившій за ходомъ дѣлъ въ Ливоніи, естественно поддерживалъ Христофа Мекленбургскаго и, мало того, въ январѣ 1556 года онъ заключилъ даже союзъ съ герцогами мекленбургскимъ, померанскимъ и прусскимъ. Такимъ образомъ на сторонѣ польской партіи оказались всѣ сѣверные нѣмецкіе князья.

Вражда между обѣими партіями не преминула обнаружиться. Фюрстенбергъ поставилъ себѣ задачей не допускать усиленія польско-прусскаго вліянія въ Ливоніи и тѣсно соединился съ епископами дерптскимъ, курляндскимъ и эзельскимъ и съ рыцарствомъ Гарримъ и Вирландъ. Онъ отправилъ даже въ Германію динабургскаго командора Готгарда Кетлера, чтобы обезпечить себя союзниками на случай столк-

¹⁾ *Merkel*, Die Vorzeit Lieflands. Berlin. 1807, II, 39. *Rutenberg*, II, 434.

²⁾ Сравн., кромѣ *Schiemann'a*, *Bergmann*, II, 3, 14.

новенія съ Пруссіей и Польшей ¹⁾). Когда въ Польшѣ узнали о дипломатической миссіи Кетлера, тамъ не на шутку испугались, магистру и его коадьютору стали приписывать несбыточные планы, толковали о союзѣ ордена съ Москвою. Даніей и ганзейскими городами противъ архіепископа и Польши.

Нуженъ былъ самый незначительный поводъ, чтобы вызвать столкновение двухъ враждебныхъ сторонъ, и поводъ этотъ скоро представился: перехвачено было письмо Вильгельма Рижскаго къ Альбрехту Прусскому, въ которомъ архіепископъ открыто говоритъ о своихъ замыслахъ противъ ордена и проситъ Альбрехта завербовать ему кнехтовъ и прислать ихъ въ Дюнамюнде, Перновъ и Салисъ. Это письмо послужило обвиненіемъ Вильгельма въ измѣнѣ ордену и Ливоніи. Всѣ возстали противъ архіепископа, посягнувшаго и на золотую буллу, и на права и рецессы страны (избирательное право капитула и ландмейстера было нарушено), и 16-го іюня 1556 г. началась послѣдняя междоусобная война въ Ливоніи ²⁾; Вильгельма „титоловавшаго себя архіепископомъ рижскимъ“, объявили нарушителемъ земскаго мира. Попытки иностранныхъ державъ предупредить эту войну путемъ переговоровъ не удалось. Герцоги померанскіе прислали своихъ представителей—Blumenthal'a, Matthias Boess'a и Joh. Wulff'a—въ Венденъ въ августѣ 1556 года, но они были безсильны удержать взаимную ненависть двухъ партій. Въ маѣ 1557 года умеръ Генрихъ фонъ Галенъ, и магистромъ сдѣлался Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ. Это былъ человѣкъ глубоко честный, съ возвышенными патріотическими наклоненіями, но окруженный одними недоброжелателями. Готовясь къ борьбѣ съ Польшей, онъ могъ собрать всего 7,000 наем-

¹⁾ О дипломатической миссіи Кетлера ср. *Hosii*, *Epistolae*, 724. См. *Schiemann*, 288—289.

²⁾ Ср. *Gadebusch*, I, 474 и д. *Yegor Sivers*, 23. *Bergman*, 15; *Häberlin*, III, 200. *Hosii*, 738 и д. *H. Hildebrand*, *Die Arbeiten*, 36 и д. *Schiemann*, 289. Вотъ отрывокъ изъ письма Вильгельма: Dem Hochgeborn Fürsten, hern Alhbreckten, Marggraff, zu Brandenburg, dieser briff allen zu handen. — Vnd kan E. L. der gelegenhaid nach in kein weg zu ferhalden, das iczsicher geschbyndhaid nach Noddendig wer zumb Ersten angriff, der Webusten sachen nach, X^m man zumb anhfanght welches anh bludsturzung gescheen kan, in zaiden gescheen mucht, uff Kauer land E. L., uff Refelh III Schiff zu laffiren, mid Pernaw ist auch Radt, mid Wenden wird gott auch walden. Er sain filh dranhercziger die Erlösung erbarden, fillacht das mocht erfolgen, tho man niet formudung haben mocht. Es bilh krachen auf allen Enden. Die unhainkaid und furpiderung ist so gross, mer als formudung. Man mus den sachen Nachsezen. — — — Kokenhaussen, Anno 1556. In Eille.

ныхъ воиновъ, небольшое число ландскнехтовъ, да наскоро вооруженныхъ крестьянъ. И съ такими-то ничтожными силами надо было выдержать борьбу съ 80,000 польскимъ войскомъ, стоявшимъ на курляндской границѣ у Позволя. Слабость Фюрстенберга являлась „дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго ордена“, и вина этого падаетъ исключительно только на приверженцевъ Польши въ Ливоніи, которые отказывались помогать магистру. Начать борьбу при столь неравныхъ силахъ было равносильно совершенному поражению. Дѣйствительно, не успѣла война разгорѣться, какъ Фюрстенбергъ долженъ былъ явиться къ королю въ Позволь и колънопоклоненно принять отъ него мирныя условія (5-го сентября) ¹⁾. Нравственное поражение, отъ котораго Ливонія не удалось больше оправиться! Слабость ордена обнаружилась во всемъ своемъ ужасѣ, и всѣ тогда уже видѣли, что ему не вернуть своего прежняго положенія безъ иноземной помощи; съ позвольскимъ миромъ исчезли послѣднія жизненные силы ордена. Изъ донесенія данцигскихъ пословъ видно, что ливонцы въ своемъ затруднительномъ положеніи обращались за помощью противъ Польши къ Москвѣ; незнакомые съ положеніемъ дѣлъ на востокѣ послы соединяютъ эту просьбу ливонцевъ съ обѣщаніемъ платить за это царю ежегодную дань ²⁾.

¹⁾ О позвольскомъ трактатѣ ср. *Häberlin*, III, 205. Самый трактатъ—*Dogiel*, V, *Gadebusch*, I, 501: *Pacta Posuoliensia*. *Rutenberg*, 439. *Chytraeus*, *Saxonia* 552. Ср. *Fahne*, 144. Пока Польша не принимала участія въ войнѣ, Фюрстенбергъ успѣшно дѣйствовалъ противъ Вильгельма и его коадьютора; онъ занялъ замки Кремонъ и Роннебургъ и осадилъ архіепископа въ Кокенгузенѣ. Христофъ сдался магистру 28-го іюня; спустя три дня его примѣру послѣдовалъ и Вильгельмъ. Послѣдній долженъ былъ отказаться отъ своего сана и былъ заключенъ въ Адзгѣ, Христофъ же въ Трейдентѣ. Ср. *Schumacher*, *Gelehrter Männer Briefe an die Könige in Dännemark*, 1758. Стр. 274. *Johannes Aurifaber* Христіану III, 19-го августа 1566: *In Julich, Geldern und Westphalen soll der Orden in Liefmland in die 4000 Pferde werben*. Тоже, 19-го января 1567: *Der K. Ferdinandus und die Reichsstende haben in der Liffendischen Sachen geordnet zu Commissarien den Churf. zu Sachsen, den Ertzbischof v. Coln, den Hertz. von Gulich vnd die Fürsten von Pommern vnd die stadt Goslar, das dieselbige Kriegshandlung auch möchte abgeschafft werden*. Въ письмѣ Штурма къ Христіану отъ 2-го сентября 1566 г. говорится: *Motum Liouonianum homines metuunt et hoc principio majus et perniciosius bellum nascatur, itaque compositum cupiunt*.

²⁾ Данц. архивъ, *Acta Internunciorum*, IX. vol. 12. *Die Liffender haben eine botschaft an den Muskoviter gefertigt vnd von jme gegen vnsern gnedigsten koning hülffe gebeten. Do gegen jme ein ierlichen tribut zugesagt, denselben boten hat der Muscowiter in harte bestrickunge nhemen lassen vnnnd helt jhnen gantz ubell, wass weiter folgt gibt die zeit*.

Въ силу позволяскаго договора Вильгельмъ получилъ обратно свой санъ и мѣсто; Христофъ оставался коадьюторомъ, но такъ какъ ему еще не минуло 25 лѣтъ, то ему назначили 4 опекуновъ. Затѣмъ—самый роковой пунктъ — орденъ обязывался заключить съ Польшей оборонительный и наступательный союзъ противъ Московскаго государя (14-го сентября).

Пруско-польская партія ликовала, орденъ былъ униженъ. Альбрехтъ Пруссійскій надѣялся, что Польша тотчасъ же воспользуется своимъ перевѣсомъ надъ Ливоніей, и что Сигизмундъ II Августъ заставитъ Ливонію стать въ вассальныя отношенія къ Польшѣ; но польскій король на этотъ разъ не послушался своего вассала. Онъ боялся и императора и короля датскаго. Послѣдній не оставилъ еще своихъ притязаній на часть ливонскихъ владѣній, когда-то принадлежавшихъ Даніи. И, какъ думалъ Сигизмундъ, рано или поздно выступить съ требованіемъ уступки ему Эстоніи. Императоръ, съ другой стороны, продолжалъ считать себя главою ордена и былъ уже очень недоволенъ секуляризацией тевтонскаго ордена и вообще территоріальнымъ расширеніемъ Гогенцоллерновъ ¹⁾. Сигизмундъ II Августъ опасался также, чтобы съ присоединеніемъ Ливоніи въ Польшѣ не усилился протестантизмъ; протестантскіе элементы нанесли бы католицизму такой ударъ, отъ котораго онъ бы не скоро оправился. Въ январѣ 1557 года король издалъ свой извѣстный эдиктъ въ защиту католицизма, въ странѣ происходили сильныя религіозныя броженія ²⁾. Затѣмъ, думалъ король, разрывъ съ германскимъ императоромъ можетъ повести за собою болѣе тѣсный союзъ имперіи съ Московскимъ государствомъ, что опять таки готовило ударъ политической самостоятельности Польши; какъ скоро, наконецъ, король сдѣлалъ бы вторженіе въ ливонскіе предѣлы, московскій царь не преминулъ бы нарушить свои мирныя отношенія какъ къ Польшѣ, такъ и къ Ливоніи. Сигизмундъ II жилъ все еще надеждою, что катастрофу ордена можно предупредить; позвольскій трактатъ явился лучшимъ выраженіемъ этого убѣжденія. При болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, думалось ему, можно будетъ привести въ исполненіе планъ присоединенія Ливоніи ³⁾.

Кризисъ Ливоніи былъ лишь замедленъ. Фюрстенбергъ долженъ былъ сознать, что орденъ безсиленъ для внѣшнихъ войнъ; „первая

¹⁾ Schieman, 290.

²⁾ Любомиръ, Исторія реформациі въ Польшѣ, 190—191.

³⁾ Schieman, 291.

попытка мобилизаціи послѣ продолжительнаго мира оказалась совершенно неудачной, что уронило Ливонію въ глазахъ сосѣднихъ державъ и подорвало самоувѣренность самихъ ливонцевъ“; въ орденѣ угасла и военная дисциплина, и чувство племеннаго единства. На призывъ Фюрстенберга откликнулась лишь незначительная часть рыцарства. Послѣ позволевскаго мира „авторитетъ центральной власти въ ливонской конфедераціи совершенно палъ“; вліяніе Польши усилилось, внутренніе раздоры еще яснѣе обнаружались.

За позволевскій трактатъ ордену пришлось считаться съ Москвою, такъ какъ этотъ трактатъ нарушалъ мирныя постановленія, заключенныя съ царемъ въ 1554 году. Не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ роковаго договора 1557 года, какъ русскія полчища перешли ливонскія границы. Началась ливонская война.

Позволевскій трактатъ воодушевилъ въ особенности одного ливонскаго дѣятеля, придавъ ему силы и энергіи, открылъ перспективу на заманчивое будущее. Этотъ дѣятель былъ Готгардъ Кетлеръ.

Готгардъ Кетлеръ происходилъ изъ очень древняго Вестфальскаго рода, упоминаемаго еще въ XIII столѣтіи. Время его рожденія относятся къ 1517 или къ 1518 году: родители его были знатные и богатые рыцари Вестфалии. О молодости будущаго магистра Ливоніи, о первоначальномъ образованіи его, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Двадцатилѣтнимъ юношей, съ опредѣлившимся уже характеромъ, честолюбивымъ и своекорыстнымъ, Кетлеръ явился въ Ливонію, гдѣ и поступилъ на службу ордену; благодаря своимъ выдающимся способностямъ и прекрасному образованію, Кетлеръ скоро сталъ возвышаться; ему поручались сложные и трудныя дѣла. Въ 1552 году мы встрѣчаемъ его въ Германіи въ качествѣ коммиссіонера ордена, *Ordens Schaffner*; здѣсь въ Германіи онъ увлекся новымъ религіознымъ движеніемъ и сдѣлался приверженцемъ Лютера. Вернувшись домой, онъ достигъ почетной должности командора Дюнабурга и Феллина. Въ 1556 г. Кетлеръ, какъ мы видѣли, былъ во второй разъ отправленъ въ Германію съ тѣмъ, чтобы набрать тамъ наемниковъ для войны ордена съ архіепископомъ Рижскимъ. Въ Любекѣ Кетлеръ свелъ, между прочимъ, знакомство съ Саломономъ Геннингомъ, своимъ будущимъ исторіографомъ. Въ отсутствіе Кетлера въ Ливоніи, припомнимъ, произошли большія перемѣны: Фюрстенбергъ, стоявшій во главѣ антипольской партіи, былъ избранъ въ коадьюторы магистра Генриха фонъ Галена и съ 1557 года сдѣлался магистромъ. Этотъ фактъ затронулъ честолюбіе Кетлера и съ этихъ поръ у него одна неотступ-

ная цѣль—отстранить Фюрстенберга и занять его мѣсто. Позвольскій трактатъ, поставившій новаго магистра въ столь тяжелую зависимость отъ Польши, какъ нельзя болѣе способствовалъ стремленіямъ Кетлера. Его частный секретарь Саломонъ Геннингъ находился въ Позволѣ какъ-разъ во время самыхъ переговоровъ, что, по мнѣнію Шиманна, не можетъ считаться случайностью. Польская партія очень усилилась съ заключеніемъ послѣдняго позвольскаго мира; новой побѣдой для нея было назначеніе Кетлера коадьюторомъ Фюрстенберга. И говорить нечего, что Фюрстенбергъ совершенно противъ своего желанія согласился признать Кетлера своимъ коадьюторомъ; послѣдній заставилъ его назначить себя въ коадьюторы, должность, бывшую послѣднею ступенью къ магистерству. Фюрстенбергъ никогда не отличался энергіей, онъ не имѣлъ силъ устоять противъ теченія, принятаго политическими обстоятельствами, и по неволѣ былъ увлеченъ имъ. Допустивъ въ коадьюторы Кетлера, онъ сдѣлать величайшую дипломатическую оплошность. Для всѣхъ теперь стало ясно, что Фюрстенбергъ не долго удержится на своемъ посту. Кетлеръ, въ которомъ также не было и слѣда героизма или нравственной стойкости, все клонилъ въ свою пользу. Это былъ человѣкъ, умѣвшій извлечь себѣ выгоду изъ всѣхъ политическихъ конъюктуръ; онъ умѣлъ прикидываться и патриотомъ, и убѣжденнымъ сторонникомъ Польши, и рыцаремъ погивающаго ордена. Въ его характерѣ слились самыя разительныя противоположности: благочестіе, мужество, твердость, постоянство, нарушеніе данного слова, хитрость и замкнутость. Смотра по требованіямъ минуты онъ раскрывалъ то одну, то другую черту характера. Политическій интриганъ, онъ гнался лишь за добычей, при чемъ въ этой погонѣ, разумѣется, нисколько не стѣснялся нравственными требованіями. Съ такимъ направленіемъ мыслей онъ оставался для многихъ загадкой. Событія, приведшія къ распаденію ордена, обрисовываютъ его, однако, всесторонне и даютъ возможность, при всемъ искусствѣ Кетлера маскироваться, взглянуть въ сокровеннѣйшія складки его души. Точка зрѣнія его при всѣхъ знаменательныхъ событіяхъ 1558—1561 годовъ оставалась точкой зрѣнія холоднаго, осторожнаго политика. Послѣ того какъ польскіе дипломаты перехитрили его, онъ уже не въ силахъ былъ противиться событіямъ и долженъ было уступить, хватаясь всегда за наиболѣе выгодный исходъ, обеспечивавшій за нимъ извѣстныя прерогативы ¹⁾.

¹⁾ Кромѣ Шиманна см. *Merkel*, II, 461. Говоря о Кетлерѣ, онъ заключаетъ такими словами его характеристику: это былъ одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые

Изъ вышеизложеннаго видно, что внутреннее состояніе Ливоніи до начала ея войны съ Россіей представляло самую печальную и ужасную картину внутренняго разложенія.

Язвы ордена были неизлѣчимы и усиливались еще случайными бѣдствіями, голодомъ, болѣзнями; энергичныя, хотя и не радикальныя реформы Плеттенберга только на нѣкоторое время могли отсрочить смертный часъ погибающаго организма ливонскаго ордена. Реформація, внесшая въ него раздоры и раздвоенность, подорвала послѣднія его силы и довела до общаго расслабленія, противъ котораго напрасно еще 40 лѣтъ боролись магистры ордена. Въ этой борьбѣ бывали минуты, когда орденъ, казалось, возстановлялъ нѣсколько свои силы. сплачивался во-едино болѣе крѣпкою связью, но связь эта была искусственною, непрочною и не въ силахъ была выдержать напоръ даже случайнаго событія. Реформація породила собою всеобщее чувство непрочности, нетвердости, что отразилось и на политикѣ ордена; ничто болѣе не объединяло отдѣльных членовъ ордена; внутренняя переставка, возникшая въ ней, только подлила масла въ огонь.

Господствовавшій классъ въ Ливоніи былъ пришлымъ, его тенденціи были чисто германскія, такъ что чувства патриотизма у ливонскихъ князей мы искать не должны. Начиная съ магистра ордена и архіепископа Рижскаго и кончая послѣднимъ представителемъ дворянства, всѣ думали только о расширеніи собственной власти. Всякія обязанности, съ которыми связана была общая польза страны, давили какъ невыносимая тяжесть матеріальныя средства орденскихъ рыцарей. О единодушномъ сопротивленіи восточному врагу не могло быть и рѣчи: отсутствовала идея общаго блага, общей пользы, не доставало сплоченности интересовъ и нуждъ, не было сознанія своего единства, своего самостоятельнаго существованія, своей независимости; у ордена не было того внутренняго чувства жизненности, безъ котораго самыя прекрасныя учрежденія бесполезны и немощны; ордену не доставало патриотическаго чувства долга — жертвовать всѣмъ ради спасенія отечества, и голосъ благороднаго Тиле, бургомистра Дерпта, оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Архіепископъ рижскій, маркграфъ бранденбургскій и три епископа — зельскій, дерптскій и курляндскій, значеніе которыхъ со времени реформации пало, всего болѣе опасались самодержавія магистра

не заботится о составленіи себѣ партіи: общество само льнетъ къ нимъ „wie schwimmende Splitter an schwimmende Balken“. Вѣрный взглядъ на Кетлера у *Le Bray*, *Essai critique sur l'histoire de la Livonie*. 1817, II, 69.

ордена, и за нимъ оставалось только чисто теоретическое значеніе главы, безъ всякой реальной власти. Въ то время, какъ русскіе уже вторглись въ предѣлы Ливоніи, архіепископъ Рижскій спорилъ о власти съ магистромъ ордена. „Пока“, говоритъ современный любекскій хронистъ, „двѣ собаки грызлись изъ за кости, пришла третья (русскіе) и завладѣла ею“¹⁾. Эта долго продолжавшаяся борьба епископовъ съ орденомъ не была отраженіемъ великой борьбы, разгрывавшейся на западѣ между церковью и государствомъ, нѣтъ. „она была борьбою политическаго генія съ упорной живучей немощью мелкихъ политическихъ единицъ“²⁾. Будучи фактически независимыми, епископы не касались общаго дѣла Ливоніи. Каждый дѣйствовалъ и жилъ особнякомъ, не интересуясь даже состояніемъ сосѣдней епископіи; его кругозоръ не простирался дальше собственныхъ владѣній; епископъ не всегда могъ рассчитывать и на содѣйствіе своего капитула и ради собственнаго спокойствія онъ долженъ былъ предоставить своимъ вассаламъ полную свободу дѣйствій. Каждый господинъ дѣлалъ, что самъ желалъ, о какой либо правительственной мудрости никто не заботился; мудрѣйшимъ признавался тотъ, кто успѣвалъ наиболѣе нажитьсѣ³⁾.

Города Ливоніи жертвовали всѣмъ ради своихъ торговыхъ выгодъ и хлопотали лишь о томъ, какъ бы за возможно небольшую цѣну избѣжать всѣхъ тягестей войны. Они считали себя членами Ганзейскаго союза, Лифляндія была ихъ отечествомъ. Ливонскіе города вслѣдствіе благоприятныхъ условій рано добились самостоятельности и свободы. въ нѣсколько десятилѣтій достигнувъ такого положенія, какого нѣмецкіе города не могли пріобрѣсти въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій.

¹⁾ *Novel*, 21.

²⁾ *Vierteljahr*, 47.

³⁾ Изъ донесенія антверпенскаго проповѣдника Тильмана Бракеля 1558 года видно, какъ низко пало духовенство Ливоніи; епископы и др. духовныя лица отличались надменностью, были люди распутные, ихъ окружали наложницы и бастарды. Развратъ былъ повсемѣстный; время проводилось въ трактирахъ и другихъ сомнительныхъ домахъ за азартными играми и виномъ. Случаи дуэлей и убійствъ были очень часты. Роскошь въ одѣянніи, пищѣ и обстановкѣ духовныхъ лицъ и представителей ордена достигла небывалыхъ размѣровъ. Каждого рыцаря сопровождала многочисленная свита. На слугъ, собакъ и охоту тратили огромныя деньги. Толстыя золотыя цѣпи составляли любимое украшеніе ихъ. Такъ фохтъ Вейсенштейна, Heinz von Tulen, надѣвалъ на себя въ торжественныхъ случаяхъ цѣпь вѣсомъ въ 21 фунтъ; его сопровождали звуками трубы, чтобы всѣ обратили на него вниманіе. Нерѣдко пиршества стояли рыцарямъ до 500,000 на-

Имъ предоставлена была свобода во внутреннемъ управленіи и судопроизводствѣ, свобода податнаго права и владѣнія землей, и, наконецъ, даровано право имѣть войско и чеканить монету. Обязанности ихъ состояли только въ посылкѣ время отъ времени войска, да и это часто обходилось.

Купеческій классъ сталъ господствующимъ въ городахъ, изъ него выработалась и городская аристократія. При обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ, города были склонны захватить въ свои руки руководство политическими дѣлами ¹⁾. Торговое значеніе ихъ увеличилось съ конца XV ст., когда ганзейская контора въ Новгородѣ была уничтожена и когда вся ганзейско-русская торговля сосредоточилась въ рукахъ ливонскихъ городовъ. Ревель сталъ главнымъ стапельнымъ пунктомъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря. Русскіе купцы пріѣзжали въ Нарву и Ревель, и этимъ городамъ удалось отдѣльными договорами добиться значительныхъ торговыхъ льготъ въ Московскомъ государствѣ. Отсюда соперничество Любека и другихъ ганзейскихъ городовъ съ Ревелемъ.

Дворяне въ Ливоніи сгруппировались вокругъ нѣсколькихъ владѣтельныхъ князей и, заботясь исключительно о сохраненіи и расширеніи своихъ владѣній, слѣдовали политикѣ этихъ князей, стремясь захватить въ свои руки львиную часть, такъ что и въ дворянскомъ сословіи дѣйствовали различные интересы, единства между его представителями не было; узкія, эгоистическія цѣли сдѣлались главнымъ побудительнымъ рычагомъ каждого сословія въ отдѣльности, всѣ они отличались какою-то политическою близорукостью и совершеннымъ непониманіемъ интересовъ своей страны.

Такимъ образомъ, всюду насъ встрѣчаетъ глубокая деморализація, всюду свирѣствуетъ полное безправіе, нравственная разнуздаемость и въ результатъ всего—совершенная анархія въ странѣ.

Кромѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, слѣдуетъ имѣть въ виду и еще одно, а именно: Лифляндіи не доставало того класса, на кото-

рохъ. Для обогащенія рыцари ничѣмъ не гнушались; ростовщичество, торговля, нарушеніе данного слова, подлогъ, подкупы — все это практиковалось ими. Образованіе рыцарей также стояло на очень низкой ступени; орденскіе статуты вѣняли имъ въ обязанность только знать Отче Нашъ и Вѣрую; вся ихъ духовная пища состояла въ чтеніи орденской хроники (Ср. *Fahne*, 109—110).

¹⁾ *Binemann*, Aus baltischer Vorzeit, стр. 70 sqq. Ср. *von Brevens*, Die politische Stellung der Lifländischen Städte im Mittelalter.

ромъ зиждется всякое государство, ей не доставало свободного сословія крестьянъ. Масса населенія ничего общаго не имѣла съ владѣтельными князьями Лифляндіи, ихъ отдѣляла непроходимая пропасть; народъ прозябалъ въ невѣжествѣ и нищетѣ и впалъ въ политическій сонъ, въ политическую косность, въ какую-то тяжелую апатію, отъ которой Ливонія не могла оправиться и подъ гнетомъ которой она и умирала медленною, но неминуемою умственной, нравственною и политическою смертію. Отпечатокъ этой апатіи до сихъ поръ лежатъ на эстахъ и ливонцахъ ¹⁾).

Быстро разлагалось все общество, представители его потеряли всякую энергію.

Таково было внутреннее состояніе Ливоніи, когда къ границамъ ея надвигалась грозная сила восточнаго царя, вызывавшая Ливонію на борьбу. Для успѣшнаго веденія борьбы необходимо было чрезвычайное напряженіе силъ, нужно было много войска, требовались большія матеріальныя средства на необходимыя военныя сооруженія.

Въ 1558 году произошло столкновеніе, которое должно было кончиться, да и кончилось роковымъ, смертельнымъ ударомъ для ордена и уничтожило послѣднюю искру жизни въ этой умирающей средне-вѣковой федераціи, когда, то столь всемогущей.

Г. Форстенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О положеніи крестьянъ въ Ливоніи см. *Fahne*, 175.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Ἀναλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας. Ἐκτοπόρευα μὲν ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὁρθοδόξου Παλαιστινοῦ Συλλόγου συλλεγόμενα διὰ καὶ ἐκδιδομένα ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμεῖως. Τ. Α'. Ἐν Πετροῦπόλει. 1891 (Іерусалимскій изборникъ, печатаемый на счетъ Императорскаго православнаго Палестинскаго общества, составленный и изданный, А. Паладопуло-Керамеемъ. Т. I. С.-Пб. 1891 г.).

Вскорѣ по изданіи „Іерусалимской бібліотеки“ докторъ А. И. Паладопуло-Керамей обогатилъ науку тѣмъ „Изборникомъ“, котораго заглавіе выставлено въ началѣ этой статьи. Съ содержаніемъ раньше изданнаго труда познакомили читателей этого журнала казанскій профессоръ Д. Θ. Бѣляевъ, воздавшій совершенно заслуженную похвалу полнотѣ, точности и другимъ достоинствамъ этой крайне нужной научной справочной книги ¹⁾). Матеріалы для разбираемаго нами сборника заимствованы были г. Паладопуло-Керамеемъ изъ того же богатаго древлехранилища, котораго каталогъ составляетъ предметъ прежде упомянутаго его труда. Распредѣлить статьи сборника строго систематически мы не беремся, такъ какъ почти каждая изъ нихъ можетъ быть отнесена къ разнымъ литературнымъ родамъ: все же мы будемъ разсматривать эти статьи не въ томъ порядкѣ, какъ онѣ напечатаны, но въ видахъ большей ясности сгруппируемъ ихъ, хотя приблизительно, въ однородные отдѣлы.

Начнемъ со статей, въ которыхъ преобладаетъ элементъ историческій. Подъ № 8 находимъ два слова Алексія Макремволита о враж-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1892, май.

дебныхъ отношеніяхъ галатскихъ генуэзцевъ къ византійцамъ¹⁾. Этотъ писатель до сихъ поръ былъ почти неизвѣстенъ: теперь же онъ вполне охарактеризованъ изданными впервые двумя рѣчами, вслѣдъ за которыми издатель общаетъ познакомить ученый міръ и съ другими сочиненіями того же Алексія²⁾. Послѣ того, какъ авторъ рѣчей далъ читателю общее понятіе о постепенномъ возрастаніи и усиленіи генуэзской колоніи, поселившейся въ Галатѣ, насупротивъ Константинополя, на той сторонѣ Золотого Рога, онъ представляетъ яркую картину вражды, которою отплатила эта колонія облагодѣтельствовавшимъ ее византійцамъ. Яркими красками описаны опустошенія, производимыя генуэзцами въ продолженіе долгаго времени, опустошенія, за которыми послѣдовала и открытая война (въ 1348 г.). Издатель справедливо замѣчаетъ, что эта война описана и другими современными сочинителями и при томъ различно³⁾. Сличеніе нынѣ изданныхъ рѣчей съ историческими разказами о томъ же предметѣ Кантакузина и Никифора Григорѣ убѣдило насъ, что при всей трудности согласить данныя всѣхъ этихъ современниковъ не слѣдуетъ считать такое соглашеніе ихъ въ главныхъ чертахъ дѣломъ невозможнымъ. Мы даже ставимъ на видъ нашимъ молодымъ византіевѣдамъ, что сличеніемъ этихъ трехъ источниковъ и критическимъ разборомъ ихъ стоило бы заняться. Любопытно, на примѣръ, то сходство, съ какимъ выставлена у Кантакузина и у Макремволита готовность жителей Цареграда поднять оружіе на своихъ обидчиковъ и насильниковъ, галатскихъ сосѣдей⁴⁾. Есть сходство и въ изображеніи Кантакузиномъ и Макремволитомъ договорныхъ пунктовъ при окончаніи войны: крѣпость, построенная въ военное время галатцами, осталась за ними⁵⁾. Есть у Макремволита факты очень интересные, которые съ меньшею опредѣленностью высказаны двумя другими: такъ, опустошенія галатцевъ не ограничены столицей: вверхъ по Востору простирались они до Сосвенсаго залива (нынѣ Стени);

¹⁾ См. 'Ανάλекτα 'Ιερ. Στ., стр. 144—159, гдѣ обѣ рѣчи, и стр. α'—α'β' Предисловія издателя, гдѣ свѣдѣнія объ авторѣ ихъ.

²⁾ Ихъ заглавія см. въ 'Ανάλ. α'β', пр. 2.

³⁾ Nicephorus Greg. II, 841—867, Bonn.—Io. Cantacuz. III, 68—80. Издатель ссылается и на *W. Heyd, Histoire du commerce du Levant au moyen-âge, Leipzig. 1885—1886, t. II, p. 469—501 г.*

⁴⁾ Cantac. Lib. IV, c. 11. p. 75, 22—23; 'Ανάλ. I. Στ. № 8, 149, 30—33.

⁵⁾ Cantac. ibidem, p. 79: 'Ανάλ. I. Στ. 159. Въ Кантакузинѣ мы отождествляемъ χωρίον (79, 20) и φρούριον (79, 4): иначе, кажется, и понимать нельзя: у Макремволита эта крѣпость названа καστὸν (159, 26).

по Мраморному морю до Астакійскаго (Никомидійскаго) залива ¹⁾. Сходно съ Григорѣ представлена попытка примирительнаго вмѣшательства родійскихъ рыцарей въ дѣла означенной войны ²⁾. Въ разказѣ Алексія Макремволита есть одно событіе неправдоподобное: это внезапное исчезновеніе цѣлаго флота, безъ достаточной причины, между тѣмъ какъ Кантакузинъ объясняетъ, повидимому, тотъ же фактъ—наступленіемъ внезапнаго вихря ³⁾. Въ рѣчахъ Алексія, содержащихъ въ себѣ, вообще говоря, правдоподобный разказъ очевидца, отражается весь ужасъ, переживаемый цареградцами въ серединѣ XIV вѣка во время этой войны. Съ точки зрѣнія памятника литературнаго, мы получаемъ неизвѣстный до сихъ поръ образецъ ораторскаго искусства грековъ въ эту эпоху.

По исторіи церкви замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ можно признать *Досиоея Нотарѣ, патріарха іерусалимскаго, пропущенныя части (παραλείποντα) его исторіи іерусалимскихъ патріарховъ* ⁴⁾. Такъ озглавилъ г. Пападопуло-Керамей напечатанные нынѣ тексты извѣстнаго церковнаго историка Досиоея. Найдя въ рукописи № 11 обители Св. Креста, что близъ Іерусалима, все упомянутое сочиненіе въ цѣлости съ поправками, сдѣланными рукою самого Досиоея, издатель отобралъ изъ этихъ текстовъ только тѣ, которые не вошли въ извѣстное и единственное изданіе упомянутаго сочиненія, Букарештское 1715 г. ⁵⁾. Это сочиненіе сдѣлалось библиографическою рѣдкостью: въ свое время оно раздавалось безвозмездно по распоряженію издателя его Хрисанеа Нотарѣ, который былъ племянникъ и преемникъ по іерусалимской патріархіи означеннаго Досиоея. Г. Керамей заявляетъ, что это сочиненіе Досиоея было издано Хрисанеомъ, впервые, съ измѣненіемъ простаго греческаго языка на тогдашній литературный; повторныхъ, съ большими передѣлками и пропусками изъ угожденія туркамъ (мы бы сказали: изъ боязни турокъ). Въ разбираемомъ нами сборникѣ помѣщены, какъ сказано выше, только статьи въ печатномъ изданіи про-

¹⁾ 'Ανάλ. 147, 12 и 15.

²⁾ Ср. 'Ανάλ. 151, и Nic. Greg. 856—857 Bonn.

³⁾ Алексію Макремволиту въ 'Ανάλ. 157—158; Cantac. t. IV, p. 76. Bonn.

⁴⁾ 'Ανάλ. I. Ст. (Текстъ на стр. 231—307; свѣдѣнія и объясненія въ предисловіи (γ'—δ' и въ прим.).

⁵⁾ Ιστορία περί τῶν ἐν Ἱερουσόλεισι πατριάρχων, ...παρὰ τοῦ πατριάρχου δοτινέου, κοσμηθεῖσα δὲ παρὰ τοῦ πατρίρχου Χρυσάνθου ἐν Βουκουρεστίῳ ἐν ἑκτῇ ὑπόθεσιν ἐπιτακτικῶς δεκτῇ περὶ τοῦ..... Полное заглавіе см. у Σάββα, Νεοελληνικῆ Φιλολογία, 382—383. Тамъ же см. жизнеописанія Досиоея Нотарѣ и Хрисанеа Нотарѣ.

пущенныя, при томъ написанныя греческимъ просторѣчіемъ, какъ онѣ вышли изъ подъ пера самого Досиея, имѣвшаго въ виду пользу большинства читателей. Изъ этихъ текстовъ, занимающихъ 76 страницъ, мы обратимъ вниманіе историковъ церкви на ту главу, гдѣ ученый патріархъ приложилъ большое стараніе къ уясненію послѣдовательности іерусалимскихъ патріарховъ въ X и XI вѣкѣ, стараніе, увѣнчавшееся нѣкоторымъ успѣхомъ, какъ можно о томъ судить по извѣстіямъ, изданнымъ въ наше время: но мы къ этому вернемся ¹⁾). Для интересующихся русскою исторіей не лишентъ занимательности разказы Досиея о дѣлѣ Никона, при чемъ высказано сужденіе автора ²⁾). Въ текстъ свой авторъ внесъ описаніе поѣздки въ Московію въ царствованіе Михаила Теодоровича, патріарха іерусалимскаго Теофана ³⁾). Это описаніе, принадлежащее перу одного изъ лицъ свиты Теофана, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ свидѣтельство очевидца и участника описываемаго. „Въ 1616 г. апрѣля 4-го іерусалимскій патріархъ Теофанъ выѣхалъ изъ Іерусалима и прибылъ въ Константинополь 14-го августа. Здѣсь онъ засталъ пословъ царя Михаила Теодоровича, а именно „Іоанновича Мансурова“ и „Симеона Сампсонова“, прибывшихъ сюда съ объявленіемъ султану Ахмету о воцареніи ихъ государя и съ требованіемъ признать его царемъ Всероссійскимъ. Исполнивъ это требованіе, султанъ выдалъ имъ грамоту къ ихъ государю. Свѣдавъ о пріѣздѣ въ Константинополь Теофана, русскіе послы пришли ему поклониться и поднесли ему царскіе подарки; принявъ и благословивъ пословъ, патріархъ провозгласилъ царю многолѣтіе. Затѣмъ стали они спрашивать его о Іерусалимѣ и о неоплатныхъ долгахъ этого города, о чемъ онъ объявилъ имъ подробно. Черезъ нѣсколько дней послы пригласили патріарха Теофана ѣхать вѣстѣ съ ними; посоветовавшись съ своею свитой, патріархъ выразилъ на то свое согласіе. Въ 1617 году въ мартѣ патріархъ со свитой своей выѣхалъ изъ Цареграда и пріѣхалъ въ Κιόζ-λεζέ (Ανάλ. 250—251). Въ Κιόζ-λεζέ греческіе записки не можемъ не признать Кёзлѣвъ, обращенный порусски въ Козловъ, нынѣшнюю Евпаторію. Благодаря ходатайству архонта Александра Палеолога, патріархъ былъ ханомъ принять хо-

¹⁾ Это въ гл. 25, въ 'Ανάλ. 242 — 243. Издатель замѣчаетъ, что хотя этой главѣ и соответствуетъ глава 22-я печатнаго изданія, но въ его сборникѣ текстъ изданъ полнѣе.

²⁾ 'Ανάλ. 266—276.

³⁾ Тамъ же, стр. 250—263; въ рукописномъ трудѣ Досиея это находится въ кн. 21, гл. 10.

рошо; а такъ какъ по причинѣ какихъ-то распрей съ султаномъ Ахметомъ русскіе послы замедлили выѣхать изъ Цареграда, то архонтъ Палеологъ, снабдивъ патріарха на свой счетъ всѣмъ потребнымъ въ путь, устроилъ его отъѣздъ выѣстѣ съ русскими послами, находившимися при ханѣ. Но по навѣтамъ злыхъ людей ханъ вскорѣ велѣлъ патріарха и свиту его воротить съ дороги, отнять у нихъ коней и экипажи, данные имъ Палеологомъ, и посадить ихъ въ тюрьму. Послѣ самыхъ тщательныхъ обысковъ ханъ убѣдился, что былъ обманутъ: клеветники бѣжали, и ханомъ были прокляты; ханъ чрезъ посланнаго попросилъ у патріарха извиненія, обѣщался выдать ему нѣсколько кулей соли за свой дурной поступокъ и за нанесенный убытокъ и поручилъ Палеологу беречь патріарха до срока. Въ 1618 года іюля 15-го прибыли изъ Московіи къ хану послы съ царскими дарами, по обычаю. Съ наступленіемъ срока, назначеннаго ханомъ, Палеологъ второй разъ накупилъ коней и экипажей, далъ патріарху денегъ и провизіи и получилъ вторично отъ хана патріарху позволеніе ѣхать. „Мы выѣхали изъ Кіоз-леве іюля 17-го, сказано въ запискѣ, съ послами царя и, путешествуя 17 дней, проѣхали (пустыню). То была мѣстность пустынная, необитаемая, сухая, безводная, не было тутъ ни человѣка ни домашняго животнаго. Здѣсь находились медвѣди, и дикіе кони, и кабаны, и дикіе быки, многочисленные что морскою песокъ¹⁾. Мы добрались до границъ Московіи, августа 9-го, до крѣпости 'Ролбіа²⁾; здѣсь мы нашли воеводу Аѳанасія Димитріевича, мужа богобоязненнаго, принявшаго насъ ласково. Выѣхавъ оттуда, мы чрезъ три дня проѣхали въ мѣста лѣсистыя и плодородныя³⁾. Мы нашли вторую крѣпость, называемую *Оскол* ('Ασκόλη); потомъ третью, именуемую *Ливны* (Λίβνα). И эту нашли мы опустошенною и забранною казаками

¹⁾ Въ своихъ „Очеркахъ изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства, М., 1887“, Д. И. Бакланъ, ссылающійся и на источники и на изслѣдованія другихъ ученыхъ, называетъ въ томъ же краю тѣхъ же животныхъ: медвѣдей, дикихъ коней, кабановъ (стр. 7), дикихъ быковъ или зубровъ (стр. 9).

²⁾ Ошибка, вмѣсто „Валуйки“. Бува — В, стоящая въ началѣ имени „Валуики“ и въ греческомъ шрифтѣ, какъ и въ славянскомъ, утративъ нижнюю дугу, обратилась въ Р. Это кажется опиской, а не обмолвкой.

³⁾ Εἰς τόπους βασιεῖς дословно: „въ мѣста густыя“, то-есть лѣсистыя (ср. означенное выше изслѣдованіе г. Бакланя, стр. 18: „ихъ (лѣсовъ) было конечно гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, и они были гораздо гуще, чѣмъ теперь“ и т. д.; о плодородіи см. тамъ же и далѣе. См. также 4-ю и 5-ю главу изслѣдованія профессора В. В. Докучаева: Наши степи прежде и теперь. Спб. 1892.

польскаго короля. Потомъ—четвертую по имени *Новосиль* (*Ἄντισιλή*)¹⁾, засимъ пятую по имени *Чернь* (*Τέρνα*), потомъ шестую, именуемую *Кранивна* (*Κρανίβνα*). Вслѣдъ затѣмъ въ дальнѣйшей поѣздкѣ попались намъ на встрѣчу множество казаковъ, которые, выйдя изъ повиновенія короля Лехійскаго, осаждали крѣпости и города²⁾. Мы сильно перепугались и. не бывъ въ состояніи проѣхать дальше, убѣжали въ лѣсную мѣстность, а они, пройдя мимо, нисколько намъ не причинили вреда. Мы прибыли въ большую каменную крѣпость, по названію Тула (*Τούλα*) августа 31-го. и тамъ нашли одного воеводу (*ῥοεβόδα τινά*), мужа честнаго, который насъ и принялъ; а черезъ нѣсколько дней прибылъ вмѣсто него другой воевода Григорій Андреевичъ, мужъ честный, сдѣлавшій намъ хорошій пріемъ, дававшій намъ каждодневно по одному рублю. Тамъ мы пробыли шесть мѣсяцевъ, по причинѣ войнъ и множества безпорядковъ въ Московіи³⁾.

„§ 3. 1619 года февраля 12-го царь (Михаилъ) послалъ великаго боярина (*τὸν μέγαν ἀρχόντα*) Василия Ивановича Коптева (*Κόπτοβαν*) въ Тулу съ царскими грамотами, чтобы привезти патріарха въ Москву (*Μοσχολίαν*)“⁴⁾. Мы охотно перевели бы всю эту статью, еслибы позволяли предѣлы рецензии (впрочемъ, быть-можетъ, редація котораго-либо изъ историческихъ изданій пожелаетъ имѣть въ переводѣ и всю эту записку, какъ новый источникъ; предупреждаемъ, что она занимаетъ всего 13 страницъ греческаго текста). Сокращаемъ: патріарха Теофана помѣстили въ Чудовомъ монастырѣ; описано представление его царю (13 апрѣля 1619 года). царскій дворецъ; представление 23-го мая царю и царицѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ. 14-го іюня прибылъ изъ лѣвна отецъ царя, митрополитъ Филаретъ. „§ 9. 18-го іюня созванъ великій соборъ и въ присутствіи архіереевъ и священства Филаретъ избранъ былъ патріархомъ московскимъ“. Дальше приведены рѣчи патріарха іерусалимскаго Теофана, самого царя Михаила Теодоровича и патріарха московскаго Филарета. Послѣдній въ своей рѣчи даетъ клятвенное обѣщаніе держаться ненарушимо семи

1) Ср. Ἀνάπλ. изъ Ναύπλίου. Судя по названнымъ мѣстностямъ и по картѣ, приложенной къ упомянутому труду Д. И. Багалѣя, они ѣхали по Муравскому шляху, а потомъ временно уклонились на Изюмскую саку.

2) Ἀναλ. 253. 33: *χίστην καὶ ὑώρας*. Здѣсь *ὑώρα* въ смыслѣ не страны, а города. Помню, въ дѣтствѣ моемъ часто слышалось: *ὡρὰς ὑώρας, ἑταιχὴ ὑώρας*—о городахъ.

3) Дальше въ запискѣ коротко говорится о дѣйствіяхъ королевича Владислава.

4) Именемъ *Μοσχολίαν* авторъ записки называетъ и все царство, и одну столицу.

всеяленскихъ соборовъ и поминаетъ четырехъ патріарховъ восточной апостольской церкви; что имъ благоугодно, то и ему, отъ чего они отвращаются, отъ того же и онъ. Въ запискѣ описаны далѣе патріархія и бывшій въ ней церемоніаль, Троицкій монастырь, кремлевскія церкви. Записка оканчивается словами: „Благочестивѣйшій царь былъ человекъ молодой, лѣтъ около двадцати двухъ, очень красивый, кроткій, добрый, милостивый; отецъ же его господинъ Филаретъ былъ лѣтъ около пятидесяти, средняго роста, какъ и царь, и имѣлъ недлинную бороду. Въѣ большой крѣпости (то-есть, Кремля), кругомъ не мало каменныхъ монастырей“¹⁾. Іерусалимскій патріархъ прожилъ въ Москвѣ годъ и три дня.

Знаменательна написанная армяниномъ *Пароеніемъ*, митрополитомъ Кесарія Палестинской, *Исторія преніятельства, происходившаго между ромеями (то-есть, православными) и армянами въ Іерусалимѣ, относительно святыхъ мѣстъ въ XVIII вѣкѣ*²⁾. Авторъ этой исторической записки, современникъ событій, признаетъ за своимъ трудомъ двѣ пользы для слѣдующихъ поколѣній: во первыхъ, это исторія претерпѣнныхъ въ его время бѣдствій, во вторыхъ, это можетъ служить напоминаніемъ и руководствомъ, какииъ образомъ должно поступать православнымъ, въ особенности іерусалимскимъ патріархамъ, въ случаѣ, если армяне возобновятъ свои незаконныя притязанія. Здѣсь подробно описаны интриги и подкупы, которыми іерусалимскіе армяне располагали въ свою пользу турецкихъ властей, не брезгуя пускать въ дѣло и подложные документы. Однако, не смотря на иллы судей и даже на фирманы султановъ, все же іерусалимская патріархія, послѣ пятилѣтней борьбы (съ 1730 до 1735 г.), успѣла отстоять свои древнія права. „Я не считаю достойными осужденія арабовъ, пишеть въ заключеніе Пароеній: люди бѣдные, найдеть такой способъ существованія, приложили печати по ихъ (то-есть, армянъ) требованію и имъ въ угоду; ни даже и судію, давшаго свидѣтельство: вѣдь и онъ нуждается въ деньгахъ, при томъ же нетрудно получить свидѣтельства изъ устъ свидѣтельствовавшихъ людей; труднѣе пренебretch такими суммами денегъ и ихъ отвергнуть. Я признаю весьма достойными осужденія армянъ, которые помыслили свидѣтельствами мальчишекъ и двѣнадцатимѣсячнаго судіи ниспровергнуть тысячелѣтніе царскіе указы и показанія“.

¹⁾ 'Avail. 263.

²⁾ 'Avail. I, 13 — 14, 308 — 386, подъ № 13.

Историческія свѣдѣнія содержатъ въ себѣ *диптихи іерусалимской церкви* ¹⁾). Эти стихотворныя помяновенія усопшихъ іерусалимскихъ патріарховъ нѣкогда пѣлись. Они доведены до XIII столѣтія; написаны, по мнѣнію нынѣ издавашаго ихъ, въ XIII или въ XIV вѣкѣ. Издатель разсматриваетъ критически, въ чемъ состоятъ различія между извѣстіями диптиховъ и извѣстіями Евсевія и Никифора (см. стр. 8' — 14'). Онъ показываетъ, что относительно патріарховъ X и XI столѣтій, эти диптихи представляютъ ту же послѣдовательность, какую находимъ у арабскаго историка Яхьи, изданнаго въ арабскомъ подлинникѣ съ русскимъ переводомъ и критическимъ комментариемъ профессоромъ В. Р. Розеномъ. Въ виду сбивчивости свѣдѣній о іерусалимскихъ патріархахъ X вѣка, В. Р. Розенъ приводитъ показанія Яхьи и освѣщаетъ ихъ другими источниками и своими соображеніями ²⁾). Такимъ образомъ, наука за послѣднее десятилѣтіе приобрѣла, благодаря плодотворной дѣятельности нашихъ ученыхъ, два важные источника по вопросамъ, которые еще недавно были довольно темны. Мы напомнимъ читателямъ о трудахъ почтеннаго Досвеея, о которыхъ упомянуто было выше, по рѣшенію тѣхъ же вопросовъ. Въ изданныхъ нынѣ диптихахъ, кромѣ ихъ важности въ хронологическомъ отношеніи, находимъ иногда краткую характеристику поминаемыхъ лицъ, что, по нашему мнѣнію, при скудости извѣстій, заслуживаетъ вниманія будущихъ изслѣдователей церковной исторіи.

Историческіе факты содержатъ въ себѣ и *три стихотворенія Стефана Суропула, трпеззундскаго протопротарія*, изъ которыхъ первое посвящено императору Алексію Комнину. Издатель задался труднымъ вопросомъ, къ царствованію котораго изъ Алексіевъ, императоровъ трапеззундскихъ, должно отнести упоминаемыя событія. На основаніи лѣтописи Панарета онъ рѣшается въ первомъ стихотвореніи признать Алексія III. Слѣдующіе за ними стихи, не имѣющіе заглавія, намекаютъ на Михаила Комнина, который былъ тоже императоромъ трапеззундскимъ. Доводы кажутся намъ правдоподобными, но мы отказываемся отъ собственныхъ соображеній ³⁾).

По предмету житій святыхъ Изборникъ г. Карагея даетъ много новаго. Таково: *Андрея Іерусалимлянина, архіепископа критскаго*.

¹⁾ 'Avz. I, η — ιζ; тексты: 121 — 143.

²⁾ Баронъ В. Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхьи Антиохійскаго. С.-Пб. 1883. См. изслѣдованіе В. Р. Розена по хронологіи патріарховъ іерусалимскихъ въ эту эпоху—въ комментаріи стр. 349—352.

³⁾ 'Avz. I, ιζ' — κ' (гдѣ доводы), 431 — 437, подъ № 20.

житіе и мученичество святаго апостола и брата Господняго Якова. Житіе этого апостола до сихъ поръ было извѣстно, какъ утверждаетъ издатель, не въ томъ видѣ, какъ имѣемъ его теперь, а только въ передѣлкѣ, принадлежащей перу Симеона Метафраста (стр. β'—γ' Предисловія). Теперь же можемъ читать его въ подлинникѣ, написанномъ еще въ VІІ—VІІІ вѣкахъ Андреемъ Критскимъ: это много значитъ для ученыхъ, добывающихъ наиболѣе древнихъ жизнеописаній съ наименьшими приложеніями позднѣйшаго краспорѣчія. Въ концѣ этой статьи находимъ моленіе о низложеніи иноплеменнаго волка—ассиріявъ: предполагаемъ не безъ основанія, что подъ этимъ именемъ кроются аравитяне (халифаты)¹⁾. Извѣстное *житіе Амвросія Медиоланскаго*, написанное на латинскомъ языкѣ учителемъ церкви *Павлиномъ* Нольскимъ, нынѣ впервые издано въ Изборникѣ, въ греческомъ старинномъ переводѣ, и приложено къ латинскому тексту для облегченія сравненія перевода съ подлинникомъ. Особенный изводъ относительно *житія святаго Варвара* представляетъ новоизданный текстъ этого житія въ изложеніи *Константина Акрополита*. Въ сказаніяхъ, доселѣ издававшихся о житіи этого угодника (см. греческія минеи подъ 15 мая, русскія подъ 6 мая) обращеніе его изъ разбойника и безбожника въ христіанина изображалось, какъ плодъ его собственнаго размышленія и богомыслія. По тексту Константина Акрополита, на обращеніе Варвара подѣйствовало необычайно сильное впечатлѣніе, произведенное на него святою литургіей. Хотя авторъ этого жизнеописанія жилъ въ XIII—XIV вѣкахъ, и отдѣленъ былъ слишкомъ четырьмя столѣтіями отъ самыхъ событій, но онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ подъ рукою болѣе вѣрные источники, чѣмъ тѣ, которыми пользовались издаваемыя доселѣ минеи. Въ новомъ текстѣ находимъ живую картину религиозныхъ гоненій, совершавшихся въ царствованіе Михаила Косноязычнаго (Травла) (820—828 г.), и рядомъ съ ними опустошеній имперскихъ земель извнѣ саракинами. Съ этимъ-то общимъ ходомъ дѣлъ въ тѣсную связь поставлена прежняя грѣховная жизнь Варвара и его обращеніе на путь истинны. Отложивъ въ сторону плохое объясненіе самого Константина о происхожденіи этого лица отъ афровъ, мы однако не отвергнемъ того факта, разказаннаго тѣмъ же авторомъ, что Варваръ принадлежалъ къ сонмищу жителей мѣстечка *Драгомъсто*, по сосѣдству съ Амвразіей (Артой), и что въ своихъ похожденіяхъ онъ доходилъ до *Ниса* (Νύσα) (ср. 409 и 410).

¹⁾ Αναλ. 3 — 1 — 14. № 1

Итакъ, правдоподобнымъ намъ кажется, что онъ былъ славянинъ ¹⁾).

Въ новомъ Сборникѣ мы находимъ греческій переводъ съ болгарскаго языка житія святой Параскевы Новой изъ Эпиваты ²⁾. Самъ переводившій его митрополитъ мирскій Матѳей утверждаетъ, что перевелъ его съ болгарскаго текста тырновскаго патріарха Евѳимія. Издатель, коротко знакомый съ литературой этого предмета, показываетъ различіе между этимъ житіемъ и изданнымъ въ 1817 году въ Яссахъ на греческомъ языкѣ краткимъ „послѣдованіемъ“ (Ἀκολουθία) св. Параскевы (Ανάλ. рѣ. пр. 5). Мы же, съ своей стороны, прибавимъ результатъ нашего сличенія нынѣ изданнаго греческаго перевода съ текстомъ житія, написаннаго Евѳиміемъ и помѣщеннаго приватъ-доцентомъ П. А. Сырку въ „Сборникѣ“, посвященномъ В. И. Ламанскому: мы нашли между ними значительное несходство ³⁾. Греческій переводчикъ Матѳей, жившій въ исходѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, къ житію св. Параскевы приложилъ очеркъ печальнаго политическаго и церковнаго положенія православныхъ подъ турецкимъ игомъ (стр. 449—453).

Разбираемая книга богата историческими актами. Подъ № 22 напечатано 15 актовъ разныхъ эпохъ ⁴⁾, между которыми замѣчательнѣе другихъ намъ показались слѣдующіе. Актъ 1-й (454—460): официальный документъ начала IX вѣка противъ иконоборцевъ и манихеевъ, начинающійся словами: „Иже во святыхъ отца нашего Никифора архіепископа константинопольскаго символъ вѣры“. Иконоборцы обвиняются и осуждаются за отверженіе каледическаго и апостольскаго преданія, за отверженіе семи вселенскихъ соборовъ, за наименованіе идоломъ изображенія Христа, за разрушеніе святыхъ церквей, за кровопролитіе и волхвованіе, за порчу святоотеческихъ книгъ, за противозаконныя сборища, при чемъ обвиняются и осуждаются и тѣ изъ православныхъ, которые вступаютъ съ ними въ общеніе. Упомянутый Никифоръ извѣстенъ своими богословскими и историческими трудами; онъ патріаршествовалъ съ 806 по 815 г. ⁵⁾. Акты 2-й и 3-й

¹⁾ Ἀνάλ. I, ις'—ιζ'. 405—420.

²⁾ Ἀνάλ. I, κ'—κζ'; 438—453.

³⁾ Сборникъ статей по славяновѣдѣнію, составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго по случаю 25-лѣтія его ученой и профессорской дѣятельности. Спб. 1883 (См. замѣчанія г. Сырку на стр. 393 и въ примѣч. 4).

⁴⁾ Ἀνάλ. 454—483.

⁵⁾ Смѣлемъ на слѣдующія сочиненія, въ которыхъ можно познакомиться съ его дѣятельностью и трудами: Γεδεων, Πατριρхικὸν πλῆθος IV. 267—272;

принадлежать патриархамъ константинопольскимъ: 2-й—Михаилу Анхильскому, первой половины XII вѣка, 3-й—Іоанну Ксифилину, конца XII вѣка; оба постановляютъ о непричисленіи къ ставропигіямъ новыхъ священныхъ сооружений, воздвигнутыхъ на основахъ бывшихъ ставропигій. Актомъ 6-мъ патриархъ константинопольскій Германъ, первой половины XIII столѣтія, воспрещаетъ одной вдовѣ отрѣшиться отъ міра и изможать свою плоть, въ виду попеченій, которыя она должна имѣть о многочисленныхъ своихъ дѣтяхъ. Документъ 11-й не иное что, какъ опредѣленіе собора, созваннаго, вѣроятно, въ Фессалии или въ Эпирѣ въ 1278 году, либо Іоанномъ I Незаконнорожденнымъ, фессалійскимъ севастократоромъ и дукою неопатрскимъ, либо Никифоромъ I, деспотомъ эпирскимъ. Этимъ опредѣленіемъ осуждена ересь Македоніанская, *въ то время возникшая*, и противозаконное дѣяніе противъ вселенскаго патриарха Арсенія, и воспрещено общеніе съ отступниками, которыхъ священные каноны не удостоиваютъ причащенія святыхъ тайнъ¹⁾. Въ этомъ документѣ много неяснаго. Какая это ересь, которая охарактеризована, какъ *ὡς ἡ ἀναρχία Μωαμεθανική, νυνὶ ἐκείνη* возникшая, значить, незадолго до 1278 года? Этого мы не можемъ понять. Что *ἀρχία*, отрѣшившее константинопольскаго патриарха Арсенія Авторіана, названо *противозаконнымъ*, это понятно, такъ какъ оба раза онъ былъ свергаемъ съ престола собственно только за обличеніе Михаила Палеолога въ похищеніи верховной власти у законнаго преемника. Но далѣе опять темно. Между схизматиками и отступниками поименованы три вселенскіе патриарха: Никифоръ, Германъ и Іосифъ. Относительно Никифора II (1260—1261 г.) даваемое ему въ этомъ актѣ ругательное прозвище *ὁ μωχός* можетъ быть объяснено принадлежностью составителей акта къ партіи Арсенія. Германъ III былъ наклоненъ къ уніи, хотя это не давало права именовать его проклятымъ и новымъ Измаиломъ, то-есть, приравливать его къ послѣдователямъ Мухаммеда. Іосифъ же I (1268—1275) Михаиломъ Палеологомъ былъ устраненъ за противодѣйствіе уніонистическимъ стремленіямъ этого государя: брань, ему расточаемая, то-есть, слова

Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica, ed. C. de Boor, accedit Ignatii diaconi Vita Nicephori, Lips. 1880; *Krumbacher*, Geschichte der Byzantin. Litteratur, 126—128 (онъ говоритъ только о его историческихъ трудахъ).

¹⁾ Ἀναλ. I, 473, 25—26: οὗς οἱ θεοὶ καὶ ἱεροὶ κανόνες μὴτὲ ἐξιδιόκειμένους τῆς τοῦ ἀγαθοῦ κοινωνίας ἀξιοῦσι.—Ἡ τοῦ ἀγαθοῦ κοινωνία или μετουσία—выраженія древнихъ святыхъ отцовъ церкви, Василія Великаго, Григорія Нисскаго. См. ἀγαθόνъ въ *Ducange*, Gloss. и въ *Cremier*, Biblisch-Theologisches Wörterbuch.

ο προσφωρισμένο; καὶ ποτὸς καὶ δίκαιος, намекають на какіе-либо случаи неизвѣстные, быть можетъ, преувеличенные духомъ партій ¹⁾. Не забудемъ, что этотъ актъ помѣченъ 1278-мъ годомъ, стало быть, прямо направленъ противъ Михаила Палеолога, бывшаго еще въ живыхъ (умеръ въ 1282 году).

Актъ 14-й есть *соборное постановление* (συνοδικὸς τόμος), которыми константинопольскій патріархъ Θεοφιτὴς въ 7026 г. (= 1517—1518) относитъ 14 селеній, временно несправедливо обладаемыхъ епархіею филиппопольскою, къ епархіи адріанопольской, къ которой она прилегаютъ и которой по праву принадлежать. Митрополитъ филиппопольскій, сказано въ документѣ, владѣетъ почти въ три раза обширнѣйшею епархіею (ἐνορία), а платитъ такую-же повинность, какъ и адріанопольскій. Первая епархія простирается отъ самаго города Филиппополя почти на нѣтъ дней пути, до самаго Адріанопольскаго моста, что у крѣпости, такъ что надо удивляться, какими образомъ произошло такое безумное размежеваніе. Можно было бы ждать, что въ такомъ межевомъ актѣ будутъ поименованы всѣ 14 селеній; однако изданная нынѣ копія довольствуется выраженіемъ „такія-то“ (τινὰ ἐκ τῶ θεῶν (καὶ θεῶν) ὁμοῦ ἰδ') ²⁾. По винѣ писца мы лишены свѣдѣнія, для описанія Балканскаго полуострова весьма интереснаго, а именно, какъ звучали имена упомянутыхъ 14 селеній въ первой четверти XVI вѣка.

Укажемъ на изданныя нынѣ слова—обличительныя и похвальные. Къ первымъ принадлежитъ впервые обнародованное нынѣ слово *Марка отшельника*, ученика Іоанна Златоустаго. Оно направлено противъ ереси Несторіевой, осужденной Ефесскимъ вселенскимъ соборомъ. Единственная рукопись, извѣстная г. Керамею, по которой и пришлось издавать это сочиненіе, написана мѣстами ошибочно, что и вызвало исправленіе текста. Не касаясь орфографическихъ поправокъ, хотя и представляющихъ большой трудъ, но не требующихъ особенной проницательности, мы замѣчаемъ, что и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ статьяхъ, издателемъ приведены въ скобкахъ дополненія и исправленія, основанныя на глубокомъ знаніи языка, на знакомствѣ съ критическими приемами и остроумныхъ догадкахъ. Помѣщеніемъ

¹⁾ Мы пользовались изложеніемъ дѣятельности сихъ патріарховъ у Гедсона, который, кромѣ источниковъ, здѣсь ссылается на сочиненіе Димитракопула (Περί των Πατριάρχων πίνακας, 389—394.—Δημητρηακοπούλου, Ἱστορία τοῦ σχίσματος.

²⁾ Изъ 276 кодекса патріарш. Іерусалимскаго собранія. листы 153—155. Ἀναλ., I, 478, сл. 476.

этой статьи въ новомъ греческомъ Изборникѣ дополняется исторія догматическихъ трудовъ древнихъ отцовъ церкви ¹⁾). Другое обличительное слово принадлежитъ перу знаменитаго царя *Алексія Комнина* и обращено къ Нилу армянину. По содержанію своему эта статья походить на предыдущую, такъ какъ и тутъ опровергается заблужденіе относительно Сына Божія. Въ предисловіи къ „Аналектамъ“ приведена выписка изъ Анны Комниной, излагающая какъ ученіе армянина Нила, такъ и осужденіе его созваннымъ въ 1094 г. соборомъ ²⁾). Къ обличительному же богословію относится и тотъ 1-й актъ изъ числа 15-ти, о которомъ мы говорили выше (*Avz.* № 22, ст. 454—460).

Перейдемъ къ словамъ, имѣющимъ цѣлью хвалу и прославленіе. Такова похвала (*ὑμῳσιον*) Константину Порфирородному, по имѣнію издателя, VII-му, не имѣющая, къ сожалѣнію, ни начала, ни конца; въ особенности превознесена его благотворительность ³⁾). О словѣ Константина Акрополита на *великомученика Димитрія мгроточиваго* можемъ сказать, что это одинъ изъ яркихъ образчиковъ языка, слога и пріемовъ ораторскаго искусства второй половины XIII и первой XIV вѣковъ. Главное его достоинство въ тѣхъ чувствахъ вѣры и благочестія, которыя одушевляють автора. Главные недостатки—излишняя украшенность и растянутасть (67 главъ, 55 стр.). Ближайшее изученіе этого произведенія можетъ показать, много ли оно дополняетъ и уясняетъ жизнь св. Димитрія и факты средневѣковой исторіи православнаго Востока. Отмѣтимъ здѣсь одну характеристическую черту весьма интересную. Въ посланіи къ одному почтенному лицу Константинъ Акрополитъ проситъ его положить эту написанную имъ рѣчь въ храмъ упомянутаго святаго и устроить ежегодно чтеніе этой рѣчи въ праздничные дни святаго, и если это лицо согласно исполнить его просьбу, то сообщить о томъ и другимъ вліятельнымъ городскимъ особамъ. Очевидно, письмо обращено къ областному начальнику ⁴⁾).

¹⁾ *Avz.* г', 89—113, № 4 изъ Cod. Sabbait. 360. О Маркѣ Отшельникѣ см. § 204 *Филарета* (преосвященнаго Черниговскаго) „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“, гдѣ приведены источники и литература предмета. Въ прекрасномъ переводѣ преосвященный Филаретъ помѣщаетъ наставленія Марка о *тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами* (Томъ III, стр. 49—50).

²⁾ *Avz.* а--б', 116—123, № 6.

³⁾ *Avz.* в', 114—115, № 5.

⁴⁾ *Avz.* і із', 160—215. Упомянутое посланіе на стр. 161—162. Это тотъ-же писатель, которому принадлежитъ и житіе св. Варвара, о которомъ было уже нами упомянуто.

Къ XIV-му вѣку относится и *Константина Лукиа. протоютарія и протовестіарія, надѣробное слово объ Алексѣѣ Комнинѣ*. Оно произнесено, я полагаю, въ 1330 году, когда умеръ Алексій II. о которомъ идетъ рѣчь: это видно изъ первой же главы ея, гдѣ говорится о девятомъ днѣ по кончинѣ этого государя. Интересно въ историческомъ отношеніи упоминаніе нѣсколькихъ личностей, занимавшихъ престолы трапезундскій и константинопольскій. Въ литературномъ отношеніи нельзя не замѣтить дѣленіе рѣчи на *πένδικον μέρος* (гл. 2—8) и *ἐκχομιατικὸν μέρος* (гл. 9 и дальше), то-есть, на часть плача и часть хвалы. Послѣ этой рѣчи, не имѣющей конца, приложены замѣтки на нее, выбранныя изъ Досноея, патріарха іерусалимскаго, которыми уясняются многія лица, въ рѣчи упомянутыя. При скудости извѣстій о трапезундскихъ Комнинахъ, эти замѣтки имѣютъ цѣну ¹⁾. Въ кодексѣ 32-мъ Саввской пустыни докторъ А. И. Керамей нашелъ слово о мирѣ, наименованное въ самомъ кодексѣ „27-ю бесѣдою Іоанна Златоустаго“. И дѣйствительно, какъ намъ показалось, есть въ этомъ произведеніи нѣкоторыя вѣщныя черты, напоминающія этого великаго вѣтѣю. Однако, издателю удалось узнать, что бесѣда принадлежитъ Севиріану, епископу Гавальскому: это стало для него ясно изъ слога бесѣды, изъ самаго предмета ея и изъ сохраняющагося латинскаго отрывка, озаглавленнаго: *Sermo Severiani de pace, cum susceptus esset a beato Joanne episcopo Constantinopolitano*. Этотъ отрывокъ издатель поставилъ рядомъ съ греческимъ текстомъ, который изданъ здѣсь до конца. Восхваляется установившійся въ церкви миръ, вслѣдствіе побѣды истинной вѣры надъ ересями ²⁾.

Мы постарались подвести разнообразныя статьи нововзданнаго Изборника подъ нѣсколько общихъ отдѣловъ для того, чтобы избѣжать нестроты въ изложеніи. Намъ остается сказать кое-что о трехъ нумерахъ, не подходящихъ подъ эти общіе отдѣлы, да и между собою весьма разнородныхъ.

Молитва въ стихахъ Романа пѣснопisca прекрасна, какъ и всѣ его духовныя пѣснопѣнія. Она написана трехстопнымъ анапестомъ, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующихъ начальныхъ стиховъ:

Δεῦτε πάντες, πιστοί, προσκυνήσωμεν
τὸν σωτῆρα Χριστὸν καὶ φιλιήσωμεν.

¹⁾ *Анал.* I. 15' и пр. 2, 421—430.

²⁾ *Анал.* I, 7'—8', 15—26. Это № 2. — О Севиріанѣ см. *Fabric.* B. G. X. 507—511: *Филарета*, Ист. ученіе, изд. 2, II, стр. 7.

τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ καὶ μακρόθυμον,
τὸν δεσπότην καὶ μόνον ἀθάνατον.
ὃν ὑμνοῦσιν ἄγγέλων τὰ τάγματα и т. д.

Стихи эти не соблюдают долготы слоговъ, но основаны на удареніи: въ каждомъ стихѣ содержатся 11 слоговъ. Изъ 60 стиховъ только въ двухъ мѣстахъ слышны рифмы, въ родѣ аллитерацій, падающихъ у древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ греческихъ ораторовъ, скорѣе какъ мимоходное украшеніе. фіоритурѣ, а не какъ обязательное условіе ¹⁾).

Въ „Аналектахъ“ напечатано 4 не изданныхъ отрывка изъ Иринея, отца церкви II вѣка, при чемъ дается обѣщаніе въ слѣдующемъ томѣ познакомить читателей и съ другими отрывками того же писателя. Важность такого приобрѣтенія основана, вопервыхъ, на великомъ авторитетѣ Иринея, вовторыхъ, на томъ обстоятельстве, что „одни изъ его сочиненій, извѣстны нынѣ только по названіямъ, отъ другихъ — уцѣлѣли незначительные отрывки“ ²⁾. Вставленные г. Керамеемъ въ греческій текстъ (поставленные въ скобкахъ) слова *ὃν καὶ* представляютъ, необходимое и весьма удачное восполненіе утраченныхъ въ рукописи словъ. Приложенный къ греческому тексту прежде изданный старинный латинскій переводъ послужить, безъ сомнѣнія, къ дальнѣйшимъ исправленіямъ подлинника ³⁾.

Мы дошли до послѣдней изъ обозрѣваемыхъ нами статей: она написана знаменитымъ Кирилломъ Лукари. Издатель относитъ ее къ 1616-му году (см. оглавленіе на стр. 531).

Въ формѣ разговора между Ревнителемъ и Правдолюбомъ (Ζηλωτής καὶ Φιλαλήθης) высказывается въ сильныхъ выраженіяхъ предостереженіе православнымъ въ виду опасности угрожающей отъ іезуитовъ. Ревнитель готовъ умереть за истинную вѣру отцовъ своихъ: онъ испрашиваетъ совѣта у Правдолюбѣ. Хотя это и происходитъ отъ горячаго сердца, но Правдолюбъ этого не одобряетъ: подвергая себя опасности и умирая Ревнитель мало принесетъ пользы своимъ братьямъ: онъ долженъ постараться разбудить спящихъ братьевъ, чтобъ они поняли, какимъ заблужденіямъ и бѣдствіямъ они подвергаются. Этимъ способомъ, особенно, если Богъ посѣтитъ ихъ сердца.

¹⁾ 'Αναλ. I, № 15, іε, 390—392.

²⁾ Подчеркнутыя слова выписаны нами изъ *Филарета*, Ист. уч., изд. 2, I, § 49, стр. 82.

³⁾ 'Αναλ. I, № 14, іε, 386—389.

не трудно изгнать ихъ, если не изъ Константинополя, какъ нобили венеціанскіе изгнали ихъ изъ своего края, то изъ своихъ сердець. Надо вникнуть, *чему* они учатъ въ устроенныхъ ими школахъ, съ *какимъ расположеніемъ* къ намъ и съ *какою цѣлю*, и тогда откроется ложь. Они учатъ, что апостолъ Петръ преемникомъ имѣетъ папу, а поэтому папа есть господинъ церкви, — а это ложь. Они увѣряютъ, что церковь римская и константинопольская одна и та же и различія между ими и нами нѣтъ: но вѣдь іезуиты, равно какъ и другіе латинскіе монахи, въ своихъ книгахъ и поученіяхъ обзываютъ насъ схизматиками, отступниками и ажецами; но это у себя, а у насъ говорятъ: мы одно. Цѣль же ихъ—подчинить насъ тиранинѣ папской и т. д. Ревнитель глубоко благодаренъ Правдолюбу за указаніе ему способа, какъ открыть глаза вѣрующимъ, иначе они вовлекутъ въ свои сѣти, если не людей разсудительныхъ, то глупцовъ, дѣтей, а потихоньку и всѣхъ. Мы дали только поверхностное понятіе объ этомъ разговорѣ, въ которомъ добрый и мудрый пастырь, Кириллъ Лукари, изучившій политику іезуитовъ и въ Польшѣ и въ Константинополѣ, простымъ греческимъ языкомъ, приспособленнымъ къ общему пониманію, живую рѣчь старается уберечь овецъ своей паствы ¹⁾).

Разсмотрѣнными „Аналектами“ докторъ филологіи А. И. Паладопуло-Керамей значительно подвинулъ впередъ церковную, политическую и литературную исторію православнаго Востока. Изъ груды списанныхъ имъ матеріаловъ выдѣлены и помѣщены въ этой книгѣ все статьи неизвѣстныя, уясненныя обильнымъ комментариемъ, содержащимся въ предисловіи. Специально о іерусалимской церкви узнаемъ изъ ея диптиховъ изъ записки Паренія и изъ главъ Досиосевыхъ. По русской исторіи, надѣмся, будетъ оцѣнена знатоками побѣдка Теофана въ Московію. Пользованіе книгою облегчено, кромѣ предисловія, оглавленіемъ и указателемъ именъ собственныхъ. Это изданіе приноситъ великую честь какъ русскому православному Палестинскому обществу, такъ и его дѣятельному и многоученому члену А. И. Керамею.

Гавріиль Дестунисъ.

¹⁾ Ἀναλ. I, 17, 220 — 230. Замѣтимъ, что эта статья Лукари представляетъ любопытный памятникъ простаго греческаго языка въ первой четверти XVII вѣка, лишь кое-гдѣ приправленнаго литературными словами.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ.

Н. Дружининъ. Общеизвестное руководство къ изученію законовъ. Часть первая. Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія. Часть вторая. Основные государственные законы. С.-Пб. 1892 г., стр. IV+194. Цѣна 1 руб.—Книга эта раздѣляется на двѣ почти равныя части. Первая часть, озаглавленная „Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія“, заключаетъ въ себѣ 103 стр., вторая, имѣющая заглавіе „Основные государственные законы“, изложена на 90 страницахъ. Часть первая подраздѣляется на три отдѣла: раздѣлъ первый—о правѣ вообще, раздѣлъ второй—развитіе источниковъ познанія русскаго законодательства, раздѣлъ третій—наука и преподаваніе права. Вторая часть состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: раздѣлъ первый—юридическая сущность и религіозная основа русскаго государственнаго устройства, и раздѣлъ второй—правотѣрныя начала управленія. Первая часть разсматриваемой нами книги заключаетъ въ себѣ общія понятія объ образованіи права, о его формахъ, источникахъ и объ отношеніи его къ нравственности, затѣмъ весьма подробно излагается ученіе объ источникахъ русскаго законодательства, при чемъ разсмотрѣны работы до Сперанскаго, труды Сперанскаго и послѣдующіе; наконецъ, въ этой части говорится объ изученіи законовъ, о порядкѣ ихъ изученія, о научныхъ пособіяхъ, при чемъ сообщается и краткая исторія преподаванія права въ Россіи. По содержанію своему это есть какъ бы энциклопедія законодѣнія, имѣющая свою цѣлю ознакомить читателя съ главнѣйшими положеніями юридической науки. Но ученія, входящія вообще въ составъ энциклопедій, изложены здѣсь не въ надлежащей полнотѣ и послѣдовательности. Существенныхъ промаховъ и недосмотровъ хотя и не имѣется, данныя опредѣленія и понятія изложены однако не въ строго-научной формѣ: при краткости многихъ положеній включены въ текстъ, напримѣръ, такія подробности, которыя положительнo неумѣстны въ краткомъ курсѣ (такъ, напримѣръ, приводимыя авторомъ изъ № 118 журнала *Русское Судосудство*, стр. 77—80). Совершенно неумѣстно также перечисленіе въ самомъ текстѣ разныхъ сочиненій съ показаніемъ года изданія, цѣвъ ихъ и т. д. Вторая часть книги—„Основные государственные законы“—изложена нѣсколько лучше; здѣсь авторъ придерживается болѣе всего I т., ч. I, Св. Зак. изд. 1857 г. и изданія 1886 г., а равно и Продолженій къ нимъ 1886, 1887 и 1889 гг. Главнѣйшими пособіями при изложеніи русскихъ государственныхъ законовъ автору служили извѣстныя въ русской литературѣ сочиненія по государственному праву Градовскаго, Романовича-Славатинскаго и Андреевскаго. Понятія о верховной власти, о законѣ, объ обычаяхъ и административныхъ распоряженіяхъ составляютъ содержаніе этой части. Всѣ эти понятія изложены довольно толково и во всемъ согласно съ дѣйствующими законами.

Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Грознаго. *Иосифъ Семичовъ.* Цѣна 60 коп. С.-Пб. 1892.—Такъ называемое „экономическое“ направленіе въ исторіи, на первый планъ выдвигающее явленія народно-хозяйственной жизни и дѣятельности, увлекло, повидимому, въ ряды своихъ адептовъ и автора разбираемой брошюры. Онъ попалъ на оригинальную мысль—опредѣлить ту точку

зрѣнія, съ какой народъ оцѣниваетъ дѣятельность Грознаго царя, и пришелъ къ не менѣе своеобразному выводу, что это была точка зрѣнія „экономическая“, то-есть, точка зрѣнія „народныхъ интересовъ экономическаго содержанія“. Такой же выводъ извлекается авторомъ и изъ изученія другихъ эпохъ нашей исторіи: „По моему мнѣнію“, говоритъ г. Сениговъ, „не только преобладающею, но и самую древнюю, первоначальною точкою зрѣнія, съ которой народъ обыкновенно смотрѣлъ и смотритъ на событія своей прошлой и настоящей жизни, является точка зрѣнія экономическая“ (стр. 9). Народная „душа, по временамъ тревожимая экономическимъ гнетомъ“ вслѣдствіе „истощенія почвы“ и „многочисленныхъ повинностей“ (см. стр. 25), покрываетъ забвеніемъ тѣ событія, воспоминаніе о коихъ „не представляло ничего отраднаго“. Въ народной поэзіи живутъ только тѣ факты исторіи, которые производятъ „такое сильное пріятное впечатлѣніе на простой народъ“, что „возбуждаютъ въ немъ поэтическое творчество“ (см. стр. 30, 33, 39). И вотъ историческому дѣятелю необходимо своею дѣятельностью произвести хорошее впечатлѣніе на народъ именно въ сферѣ „народныхъ интересовъ экономическаго содержанія“, чтобы остаться жить въ народной памяти. По мнѣнію автора, пренебрегающій этими народными интересами „князь-богатырь Святославъ... не удостоивается вниманія народа“ за свою „политику захвата и насилій“, какъ и отецъ его Игорь, а послѣдующій князь Владиміръ Святый, напротивъ, привлекаетъ къ себѣ сердце народа своими заботами о матеріальномъ бытѣ народа. Владиміръ Св., по словамъ г. Сенигова, „стремится путемъ брачнаго союза и посредствомъ принятія христіанства установить навсегда мирныя отношенія къ византійской имперіи, столь важныя для развитія древне-русской торговли и промышленности, затѣмъ заботится о защитѣ южныхъ предѣловъ русской земли..... Смотри съ экономической точки зрѣнія на дѣятельность своихъ князей, русский народъ не могъ позабыть Владиміра Св., который заботился объ улучшеніи его матеріальнаго быта больше, чѣмъ какой-либо древне-русскій князь“ (стр. 12). Аналогичныя причины указываетъ авторъ (стр. 43) и тому, что Иванъ Грозный пользовался популярностью и расположеніемъ народа: „онъ понялъ главныя нужды и потребности русскаго народа“ и стремился ихъ удовлетворить, хотя порою и измѣнялъ „правдѣ и народнымъ интересамъ“. Такимъ образомъ, въ основаніи труда г. Сенигова лежитъ довольно широкое обобщеніе,—что историческое созерцаніе массъ обуславливается стимулами экономическаго порядка. Если оставить въ сторонѣ весьма своеобразную манеру построенія и изложенія доказательствъ у нашего автора, нельзя не замѣтить, что обобщеніе г. Сенигова приближаетъ его (неожиданно, какъ кажется, для него самого) къ такому направленію въ сферѣ историческаго вѣдѣнія, соотвѣство съ которымъ едва ли ему будетъ пріятно. Поэтому хорошо дѣлаетъ г. Сениговъ, косвенно осуждая опредѣленную пмъ самимъ народную точку зрѣнія. „Не могъ бы царь въ представленіи народа измѣнить правдѣ и народнымъ интересамъ“, говоритъ г. Сениговъ относительно Грознаго, „еслибы преобладающею точкою зрѣнія у народа была не экономическая, а нравственно-религіозная“ (стр. 9). „Еслибы народъ“, читаемъ далѣе, „создавая образъ Ильи Муромца, руководствовался преимущественно нравственно-религіознымъ чувствомъ (под-

разумѣвается: а не экономическою точкою зрѣнія), то онъ не довелъ бы своего любимаго героя до такого состоянія, находясь въ которомъ онъ готовъ убить своего князя" (стр. 16; сравн. стр. 14). Этими и имъ подобными фразами авторъ успѣшно защищаетъ себя отъ упрековъ въ односторонности, или въ ученыхъ пристрастіяхъ, и если трудъ его благодаря этому не вполне находится въ курсѣ новѣйшихъ историческихъ направленій, то во всякомъ случаѣ выигрываетъ въ назидательности. Жаль только, что въ разбираемой брошюрѣ встрѣчаются мало вразумительные термины: „фактическое право“, „судебно-полицейская отрасль суда“, „семейно-артельный бытъ“, „земская дружина“ (въ противоположность княжеской); содержаніе этихъ понятій остается у автора мало выясненнымъ. Не пріятно видѣть и стилистическія небрежности, напримѣръ, на стр. 32-й и 48-й, гдѣ придаточныя приложенія отдѣлены отъ главныхъ точками. Попадаютъ и фактическія ошибки, на которыхъ однако не мѣсто останавливаться въ общей характеристикѣ труда.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

- Н. В. Гоголь и его новый біографъ. *Ө. А. Вумберга*. С.-Пб.
- *STUDIEN ÜBER DEN CODEX SUPRALIENSIS*. *Ezechiel Zivier*. Breslau.
- Сборникъ за народнаго умотворенія, наука и книжнина издава министерство на народното просвѣщеніе. Книга VII. София.
- Възвѣшная торговля по Европейской границѣ. 1891. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ. С.-Пб.
- Двадцать третій годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи (за 1891 г.). С.-Пб.
- Отчетъ совета Общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Омскѣ за 1891 годъ. Омскъ.
- Журналы новоладожскаго уѣзднаго земскаго собранія XXVI очередной сессіи и доклады управы съ приложениями. 1891 года. С.-Пб.

ПОПРАВКИ.

Въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ отдѣлѣ „Критики и библиографія“, въ статьѣ Р. О. Бранда

СТРАН.	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
318	1 сверху	ж	я
319	13 —	отличіе отъ ѣ	отличіе ѣ отъ ж
324	1 —	даже	даже
—	4 снизу	гѣдіа	гѣдіа
326	22 сверху	глагольныхъ	глаголическихъ
327	14 —	съ протяжимымъ ж, съ	съ протяжимымъ ѣ), съ
—	7 снизу	быть, а въ	быть, въ
328	10 —	мос-(хос)	мос-(хос)
—	1 —	prędza	prędsā
330	3 сверху	садарь	сѣдарь
331	12 —	родительное	родительный

АМОСЬ КОМЕНСКИЙ И ЕГО ДИДАКТИКА.

Янъ (Иванъ) Амосъ Коменскій родился въ протестантской семьѣ въ 1592 году 28-го марта, въ Моравіи, въ мѣстечкѣ Нивницѣ, недалеко отъ Бродъ. Родители его, люди простые (отецъ его былъ мельникъ), принадлежали къ общинѣ моравскихъ братьевъ, отличавшихся въ первыя времена своего существованія простотою евангельской жизни. Принадлежность Яна Коменскаго къ чешскому протестантству имѣла вліяніе какъ на образованіе его характера, такъ и вообще на всю судьбу его жизни. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, онъ осиротѣлъ. Латинскую школу прошелъ онъ въ сосѣднемъ городѣ Бродахъ, а послѣ окончанія ея отправился въ чужіе края, чтобы довершить свое образованіе и повидать людей. Сначала поступилъ онъ въ Герборнскую академію (въ Герборнѣ, городѣ, находившемся въ герцогствѣ Нассавскомъ), гдѣ пробылъ два года (отъ 1611 до 1613 г.), изучая богословіе и языки. Изъ академическихъ наставниковъ наибольшее вліяніе имѣлъ на него *Альштедъ* своими энциклопедическими познаніями, а еще болѣе своею мистическою философіей. Въ 1613 г. отправился онъ въ Гейдельбергъ, славившійся университетомъ и библіотекой. Впрочемъ, въ Гейдельбергскомъ университетѣ пробылъ онъ недолго, менѣе двухъ семестровъ. Изъ Гейдельберга Коменскій, по обычаю тогдашняго времени, отправился путешествовать и побывалъ въ Амстердамѣ, славившемся своею всемірною торговлей, богатствомъ, культурой, а въ особенности свободою политической и религіозной. Въ 1614 году вернулся онъ на родину, обогащенный разнообразными знаніями и нѣкоторымъ житейскимъ опытомъ. Какъ изъ собственныхъ его признаній видно, онъ тогда думалъ только о томъ, какъ бы принести пользу своему народу и содѣйствовать его духовному просвѣщенію. Тотчасъ по возвращеніи на родину Коменскій получилъ руководство школою моравскихъ

братьевъ въ Преравѣ и первые шаги свои на педагогическомъ поприщѣ отмѣтилъ изданіемъ учебника, съ помощью котораго можно было бы *легче* изучить грамматику латинскую (*facilioris grammaticae praecepta*). Черезъ два года, то-есть, въ 1616 г., онъ былъ посвященъ въ санъ священника, для котораго онъ себя и готовилъ. Въ 1618 году Коменскій былъ перемѣщенъ въ Фульнекъ, гдѣ одновременно былъ пасторомъ и ректоромъ школы моравскихъ братьевъ. Съ этого года, какъ извѣстно, началась Тридцатилѣтняя война, а вмѣстѣ съ нею начались всевозможныя бѣдствія и гоненія для Чехин и чешскихъ протестантовъ. Послѣ несчастной битвы при Бѣлой горѣ, въ 1620 г., тысячи и тысячи протестантскихъ семействъ должны были искать спасенія въ чужихъ странахъ, если не хотѣли подпасть опять подъ иго католицизма и іезуитовъ. Прежде всего, конечно, пострадала Чехія (Богемія), но вскорѣ очередь дошла и до Моравіи. Въ 1624 г. Коменскій долженъ былъ покинуть Фульнекъ и нѣсколько лѣтъ скрывался сначала во владѣніяхъ дворянина Зеротина, покровителя моравскихъ братьевъ, а затѣмъ въ горахъ Богеміи у магната Садовскаго, тоже преданнаго моравскимъ братьямъ. Къ этому времени относится извѣстное сочиненіе его „Лабиринтъ свѣта“ (*Labyrinthus mundi*), представляющее весьма остроумную сатиру на общество человѣческое; въ печати оно однако появилось позже, а именно въ 1631 г. (первоначально на чешскомъ языкѣ *Labyrint světa a ráj srdce*). Въ 1628 году Коменскій, вмѣстѣ со своими единовѣрцами, долженъ былъ покинуть навсегда свое отечество, и съ тѣхъ поръ до самой своей смерти онъ скитался по чужимъ странамъ, находя, впрочемъ, повсюду добрыхъ людей, которые принимали участіе въ его реформаторскихъ стремленіяхъ и поддерживали его матеріальною помощью. Большую часть своихъ скитальческихъ лѣтъ провелъ онъ въ Польшѣ, въ городѣ Лѣшнѣ (или Лиссѣ), гдѣ онъ поселился въ 1628 г. Здѣсь онъ продолжалъ ту дѣятельность, для которой, кажется, сама судьба его предназначила, отчасти пастырскую, отчасти педагогическую. Онъ былъ духовникомъ моравскихъ братьевъ и преподавателемъ Лѣшненской гимназіи и въ то же время ректоромъ конвикта при этой гимназіи. Здѣсь же написалъ онъ наиболѣе прославившія его сочиненія по дидактикѣ „Великая дидактика“ (*Didactica magna*) и „Отверстая дверь языковъ“ (*Janua linguarum reserata*). Послѣдняя была переведена на двѣнадцать языковъ, а *Didactica magna*, написанная первоначально на чешскомъ языкѣ, впоследствии была переведена на латинскій языкъ и сдѣлала имя его извѣстнымъ

далеко за предѣлами Лѣшна. Къ тому же времени относится и первая попытка его создать „пансофію“, нѣчто въ родѣ руководства къ познанію всего сущаго. Его дидактика и пансофія пріобрѣли ему много друзей и поклонниковъ въ разныхъ государствахъ, особенно же протестантскихъ. Благодаря этимъ трудамъ, онъ получалъ приглашеніе изъ Швеціи и Англіи, но отдалъ предпочтеніе послѣдней странѣ, куда и отправился въ 1641 г. Впрочемъ, онъ недолго оставался въ Англіи, такъ какъ въ эту бурную эпоху и въ этой странѣ произошла междоусобная война религіозно-политическаго характера. Въ 1642 году отправился онъ въ Швецію, гдѣ познакомился съ двумя лицами, игравшими въ его жизни наиболѣе видную роль: первый изъ нихъ былъ извѣстный канцлеръ шведскій Аксель Оксенштіерна, управлявшій государствомъ въ малолѣтство Христины; второй—богатый нидерландскій дворянинъ Людовигъ де-Гееръ, жившій тогда въ Швеціи. Канцлеръ поручилъ Коменскому составить планы и руководства для улучшенія школьнаго преподаванія, особенно же руководства по латинскому языку; де-Гееръ поддерживалъ его матеріально, давая средства къ жизни и къ напечатанію его сочиненій.

Нѣсколько лѣтъ трудился Коменскій надъ выполненіемъ задачи, на него возложенной, и для этой цѣли поселился въ Эльбингѣ, принадлежавшемъ тогда шведамъ. Въ 1646 году представилъ онъ часть своихъ трудовъ канцлеру и заслужилъ полное одобреніе. Въ 1648 году онъ былъ избранъ епископомъ моравскихъ братьевъ и долженъ былъ снова возвратиться въ Лѣснѹ, которую онъ называлъ резиденціей своего изгнанія. Здѣсь издалъ онъ сочиненія, надъ которыми трудился въ Эльбингѣ: *Methodus linguarum novissima* (Новѣйшій методъ преподаванія языковъ), *Latinae linguae jappa nova* (Новая дверь къ латинскому языку), *Lexicon jappalelatino-vernaculum* (Словарь къ „двери“ латинско-отечественный, то-есть, латинско-чешскій для чеховъ, латинско-нѣмецкій для нѣмцевъ и т. д.), *Grammatica jappalis latino-vernacula* (Грамматика къ „двери“ латинско-отечественная), *Atrium Linguae latinae* (передняя латинскаго языка) и др. Впрочемъ, Коменскому не было суждено долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Въ 1650 году онъ былъ приглашенъ княземъ Сигизмундомъ Ракоци въ Венгрію въ мѣстечко Потокъ для устройства школы согласно своимъ идеямъ. Проектъ этой школы изложенъ Коменскимъ въ сочиненіи его *Illustris Patakinæ scholæ idea*. Такъ какъ объ его идеяхъ будетъ сказано ниже, то здѣсь мы замѣтимъ только, что Потокская школа доставила ему не мало хлопотъ и разочарованій. Требованія

его были слишкомъ новы, такъ что прежде всего учителя не въ состояніи были удовлетворить ихъ; затѣмъ магнаты не были довольны тѣмъ, что Коменскій никакого различія не дѣлалъ между ихъ дѣтьми и дѣтьми бѣдныхъ и незнатныхъ. Впрочемъ, не смотря на это, школа Потокская слыла въ то время за лучшую школу въ Венгріи. Въ бытность свою въ Потокѣ Коменскій задумалъ свой „*Orbis sensualium pictus*“ („Міръ чувственный въ картинахъ“), изданный по возвращеніи въ Лѣшно. Этотъ „*Orbis pictus*“ вмѣстѣ съ „Великою дидактикой“ послужили какъ бы краеугольнымъ камнемъ новѣйшей педагогики. Въ 1654 г. Коменскій возвратился въ Лѣшно и собирался отдохнуть здѣсь отъ своихъ вольныхъ и невольныхъ скитаній, какъ вдругъ нагрянула буря: Въ 1655 г. возникла война между шведами и Польшею. Городъ Лѣшно былъ взятъ шведами, но пощаженъ. Въ 1656 году поляки обратно взяли Лѣшно и, мстя какъ бы за приверженность ея къ шведамъ, до основанія разрушили ее. Разгромъ былъ такъ великъ, разказываетъ самъ Коменскій, что, кромѣ жизни, ничего нельзя было спасти. Все, что у него было: домъ, вещи, библіотека—все погигло; погигли также всѣ труды его, надъ которыми онъ трудился въ теченіе болѣе сорока лѣтъ, кромѣ тѣхъ, которые уже были изданы или же на скорую руку сложены въ корзину и зарыты въ землю. Къ числу погигшихъ трудовъ относятся разные подготовительные матеріалы къ пансофіи (*pansophiae sylva*) и чешско-латинскій словарь. Такимъ образомъ Коменскій лишился и того гнѣзда, которое онъ свилъ себѣ на чужбинѣ, и долженъ былъ снова искать себѣ убѣжища.

Поскитавшись нѣкоторое время по разнымъ городамъ протестантской Германіи, онъ наконецъ прибылъ въ Амстердамъ, гдѣ нашель пріютъ у Лаврентія де-Геера, сына раньше упомянутаго нами Лудовика де-Геера. Здѣсь прожилъ онъ послѣдніе годы своей жизни и, не смотря на то, что скитанія, невзгоды и, наконецъ, старость сокрушили его здоровье, онъ не переставалъ трудиться надъ любимымъ своимъ дѣломъ. По просьбѣ своихъ почитателей онъ собралъ воедино и издалъ прежнія свои дидактическія сочиненія съ нѣкоторыми дополненіями и исправленіями (*I. A. Comenii opera didactica omnia variisque hucusque occasionibus scripta, diversisque locis edita, nunc autem non tantum in unum, ut simul sint, collecta, sed et ultimo conatu in systema unum mechanice constructum redacta. Amsterdami. Impensis D. Ludovici de Geer. 1657*). Конечно, мы не станемъ удивляться, что человѣкъ, который такъ много испыталъ тревоженій,

подъ конецъ своей жизни издалъ сборникъ пророчествъ Христины Понятовской и другихъ давно забытыхъ личностей, озаглавивъ этотъ сборникъ „Свѣтомъ среди тьмы“ (*Lux in tenebris*). Коменскій вообще былъ склоненъ къ мистицизму и вѣрилъ въ наступленіе тысячелѣтія или во второе пришествіе Спасителя, которое должно было случиться въ 1672 году.

Гораздо содержательнѣе изъ послѣднихъ его сочиненій *Panegeris* (Всепробужденіе) и *Unum necessarium* (Одно необходимо) ¹⁾. Послѣднее представляетъ какъ бы исповѣдь Коменскаго, прощавшагося съ жизнью. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ ²⁾ Коменскій является человѣкомъ, стоявшимъ выше мелочныхъ споровъ между признанными и непризнанными вѣроисповѣданіями, горячимъ поборникомъ истиннаго духа христіанства, духа любви и мира. „Да пропадутъ всѣ секты вмѣстѣ со своими покровителями,—пишетъ онъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей.—Я посвятилъ себя одному Христу, котораго общій Отецъ нашъ далъ народамъ, какъ свѣточъ. Онъ не знаетъ никакихъ сектъ, онъ ненавидитъ ихъ. Онъ далъ своимъ въ наслѣдіе миръ и взаимную любовь“. Этотъ духъ примиренія и христіанской любви проявлялъ Коменскій не только въ своихъ сочиненіяхъ, но и въ своихъ дѣйствіяхъ, помогая, на сколько могъ, единовѣрцамъ и чужимъ. Личность этого замѣчательнаго человѣка выступаетъ ярче всего въ тѣхъ словахъ, которыми онъ характеризуетъ себя въ заключительной главѣ вышеназваннаго сочиненія „*Unum necessarium*“: „Благодарю Бога, которому угодно было, чтобы я всю жизнь свою оставался человѣкомъ желаній и стремленій (*vir desideriorum*)..... Потому что стремленіе къ добру, каково бы оно ни было въ сердцѣ человѣка, есть ручеекъ, вытекающій изъ источника добра, самого Бога; оно всегда само по себѣ хорошо и ведетъ къ хорошему концу, если мы только умѣемъ имъ пользоваться. Но наша вина, что мы не умѣемъ идти за ручьемъ, чтобы дойти до источника его, или же соединить всѣ рѣки и дойти до моря, гдѣ благъ обиліе“. Умеръ Коменскій въ 1670 году, 15-го ноября, и похороненъ былъ въ Наарденѣ, близъ Амстердама, 22-го ноября.

Изъ многочисленныхъ сочиненій Коменскаго остановимся только на тѣхъ, которыя навсегда упрочили за нимъ почетное мѣсто не только

¹⁾ Боже полный титулъ: *unum necessarium, scire quid sibi sit necessarium in vita et morte et post mortem*, и пр.

²⁾ *Christianismus reconciliabilis reconciliatore Christo*.

въ чешской литературѣ, но и вообще въ исторіи европейскаго образованія.

Главнѣйшіе его труды помѣщены въ томъ изданіи, которое появилось въ Амстердамѣ въ 1657 году подъ заглавіемъ: *Opera didactica omnia*. Читая дидактическія сочиненія, помѣщенные въ этомъ фоліантѣ, а также воззванія къ разнымъ правительствамъ и частнымъ лицамъ, удивляешься той неустойчивой энергіи, съ которою Янъ Коменскій преслѣдовалъ любимую свою идею объ исправленіи школьнаго образованія. Правда, эта идея была у него тѣсно связана съ идеей объ исправленіи вообще человѣческаго общества. По мнѣнію Коменскаго, нѣтъ другаго лучшаго средства къ исцѣленію погрѣшностей человѣческаго рода, какъ правильное воспитаніе юношества. *Si generis humani corruptelis remedia adhibenda sunt, id potissimum per cautam et providam juventutis educationem fieri oportet* (Op. did. omni., стр. 12). Людей взрослыхъ, уже установившихся въ своихъ предразсудкахъ и привычкахъ, трудно передѣлать; но юношество можно направить по лучшему пути. Устроивъ правильно дѣло воспитанія и ученія, можно содѣйствовать умственному и нравственному прогрессу общества. Вотъ почему Коменскій обращался ко всѣмъ властямъ и сословіямъ, духовенству, воспитателямъ и родителямъ съ настоятельными просьбами и убѣжденіями обратить серьезное вниманіе на образованіе юношества и самъ предлагалъ мѣры и средства къ улучшенію этого образованія. Какъ мы уже видѣли, голосъ его обратилъ на себя вниманіе выдающихся людей въ Швеціи, Англіи, Германіи и Голландіи. Еще болѣе, однако, чѣмъ энергіи, удивляемся необыкновенно свѣтлому взгляду Коменскаго, который во многихъ случаяхъ опередилъ свой вѣкъ и высказалъ такія положенія о воспитаніи и ученіи, которыя и до сихъ поръ остаются въ силѣ.

Разсмотримъ сначала общую или основную мысль Коменскаго, лежащую въ основаніе его преобразовательныхъ плановъ; затѣмъ мѣры, какія онъ предлагалъ для улучшенія школьнаго дѣла: а) болѣе рациональное устройство школъ, б) исправленіе метода дидактическаго и воспитательнаго. При разсмотрѣніи метода дидактическаго сообщимъ также о его собственныхъ руководствахъ и учебникахъ, которые должны были служить какъ бы образцомъ того, какъ и чему слѣдовало учить.

Исходя изъ любимой своей мечты объ исправленіи общества, Коменскій пришелъ къ тому заключенію, что для достиженія предполагаемой цѣли слѣдуетъ сдѣлать школьное образованіе не только обще-

доступнымъ, но и общеобязательнымъ; а самому образованію слѣдуетъ придать характеръ универсальный. „Всѣ всему должны учиться“, говорится въ его дидактикѣ (IX глава): „Не только дѣти богачей и знатныхъ, но всѣ одинаково, мальчики и дѣвочки, богатые и бѣдные, знатные и незнатные, по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ должны быть посылаемы въ школу“. Такъ какъ подобное требованіе казалось въ тѣ времена слишкомъ смѣлымъ и радикальнымъ, то Коменскій старается оправдать его двумя главными доводами. „Во-первыхъ, этого требуетъ религія. Передъ Богомъ всѣ равны и нѣтъ лицепріятія. Значить, если мы допускаемъ только нѣкоторыхъ къ образованію, а другихъ устранимъ отъ него, то мы становимся несправедливыми не только по отношенію къ нашимъ ближнимъ, но и по отношенію къ Богу, который хочетъ, чтобы всѣ, въ которыхъ онъ напечатѣлъ свой образъ, познали, полюбили и восхвалили его. Во-вторыхъ, намъ неизвѣстно, для какой пользы тотъ или другой предназначенъ Божественнымъ Провидѣніемъ; а навѣрно извѣстно то, что Богъ иногда дѣлаетъ орудіемъ своей славы людей самыхъ бѣдныхъ, ничтожныхъ и низкихъ. Итакъ, будемъ подражать солнцу, которое освѣщаетъ всю землю, дабы все, что можетъ жить, цвѣсти и приносить плоды, жило, цвѣло и приносило плоды“. Къ этому присоединяетъ онъ еще и тотъ практическій доводъ, что теперь, когда школа доступна только богатымъ, много людей даровитыхъ, но бѣдныхъ, пропадаетъ въ ущербъ церкви, государству и обществу.

Такимъ образомъ Коменскій выставилъ, какъ первое и главное условіе, при которомъ возможно исправленіе общественныхъ недуговъ, общедоступность и общеобязательность школьнаго образованія, а съ этою цѣлью требовалъ, чтобы школы были открыты повсюду, не только въ городахъ и мѣстечкахъ, но и въ селахъ и деревняхъ.

Мысль объ учрежденіи школъ повсюду и объ общемъ для всѣхъ образованія была не новая. Начиная съ Лютера, реформаторы, для распространенія и укрѣпленія своего дѣла, требовали *повсемѣстнаго учрежденія школъ, въ которыхъ бы юношество обою пола было поставляемо въ вѣрѣ, наукѣ (или, проще, грамотѣ) и добрыхъ нравѣхъ* (Посланіе Лютера къ городамъ Нѣмецкой имперіи въ 1525 г.). Но требованія первыхъ реформаторовъ держались въ скромныхъ предѣлахъ и касались болѣе простаго народа. Коменскій же шире и глубже поставилъ вопросъ. Онъ требовалъ, чтобы всѣ безъ различія званій, состояній и пола проходили одну общую школу, при томъ обязательно, такъ что его, по справедливости, можно назвать родоначаль-

никомъ идеи общеобязательнаго образованія. Эта идея, какъ извѣстно, получила осуществленіе только въ нынѣшнемъ столѣтіи, и то въ немногихъ государствахъ, напримѣръ, Пруссія, Саксонія.

Точно также Коменскій былъ однимъ изъ первыхъ, который говорилъ о женскомъ образованіи почти въ современномъ намъ смыслѣ. Лютеръ и другіе реформаторы, когда говорили о допущеніи дѣвочекъ въ школу, имѣли въ виду элементарное образованіе. Коменскій же мечталъ объ образованіи болѣе широкомъ, почти равномъ тому, какое получали въ его время мужчины. „Никакого разумнаго основанія,—говорить онъ ¹⁾.—нельзя представить, почему бы слѣдовало женщинъ совершенно устранить отъ изученія наукъ, на латинскомъ ли языкѣ онѣ преподаются или на отечественномъ. Вѣдь онѣ тоже образъ Божій, онѣ тоже одарены умомъ быстрымъ и способнымъ къ воспріятію мудрости (часто даже болѣе нашего пола). Вѣдь и имъ также открытъ доступъ къ высшимъ занятіямъ, такъ какъ часто само Провидѣніе призываетъ ихъ и къ управленію народами, и къ обязанностямъ пророческимъ и давало имъ врачебное знаніе и другія полезныя для человѣческаго рода искусства. Итакъ, на какомъ основаніи мы, допустивъ ихъ до азбуки, будемъ затѣмъ гнать ихъ прочь отъ книгъ?“ Предвидя возраженіе, что образованіе разовьетъ въ женщинахъ легкомысліе или, какъ мы бы теперь сказали, эманципационныя наклонности, Коменскій отвѣчаетъ: „чѣмъ болѣе будутъ онѣ заниматься размышленіемъ, тѣмъ менѣе будетъ имѣть мѣста легкомысліе (*temeritas*), которое вѣдь происходитъ отъ праздности мысли“. Для успокоенія своихъ современниковъ онъ присовокупляетъ, что онъ и не совѣтуетъ давать женщинамъ такое образованіе, которое бы только удовлетворяло ихъ любопытству, а такое, которое служило бы имъ въ пользу, какъ умственную, такъ и нравственную. Поэтому онъ предостерегаетъ давать имъ въ руки всякую всячину книгопечатную, разумѣя подъ этимъ либо пустыя, либо соблазнительныя книги.

Такимъ образомъ Коменскій считалъ какъ бы краеугольнымъ камнемъ въ своихъ преобразовательныхъ планахъ необходимость открыть доступъ къ образованію для всѣхъ безъ различія пола, званій и состояній.

„Всѣ всему должны учиться“. Спрашивается, однако, какъ понималъ Коменскій эту свою общую формулу: такъ ли, что всѣ должны пройти одинаковую школу отъ низшей и до высшей, или такъ, что,

¹⁾ Did. magna. IX, 5 и слѣд.

хотя всѣ должны учиться всему, однако въ той только мѣрѣ, какъ каждому позволяютъ его способности? На этотъ вопросъ находимъ мы отвѣтъ у самого Коменскаго (Did. magna, глава X), что „это не слѣдуетъ такъ понимать, будто онъ требуетъ отъ всѣхъ знанія всего, то-есть, всѣхъ наукъ и искусствъ (особенно знанія спеціальнаго)“; онъ желаетъ только, „чтобы всѣхъ учили познать основы, причины и цѣли всего главнѣйшаго, что существуетъ и происходитъ въ мірѣ“. Конечно, подобное поясненіе слишкомъ обще и не даетъ намъ никакого яснаго представленія о томъ, въ какихъ размѣрахъ Коменскій понималъ свое основное положеніе, „что всѣ всему должны учиться“. На сколько можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій, онъ понималъ свою формулу то въ болѣе широкихъ, то въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, во всякомъ случаѣ требовалъ онъ прежде всего, чтобы всѣ безъ исключенія обязательно проходили одну общую *первоначальную* школу или, какъ онъ ее называлъ, *отечественную*. Что же, однако, такое была отечественная школа? Въ какомъ объемѣ можно въ ней всѣмъ выучиться всему? Для того, чтобы уяснить себѣ это, необходимо представить себѣ всю школьную систему Коменскаго, такъ какъ она тѣсно связана со всѣми его преобразовательными идеями.

Согласно степенямъ юношескаго возраста и развитія, Коменскій устанавливаетъ четыре рода школы, находящіяся между собою въ отношеніи преемственности. Считая юность до 24 лѣтъ, онъ дѣлитъ ее на четыре возраста (отдѣляя по шести лѣтъ на каждый возрастъ) и сообразно съ этимъ устанавливаетъ четыре школы: 1) материнскую (*schola materna*) для дѣтей до шести лѣтъ; 2) отечественную (*schola vernacula*) для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 6 до 12 лѣтъ; 3) латинскую или гимназію (*schola latina*) для отроковъ и юношей отъ 12 до 18 лѣтъ; 4) академію или университетъ (*academia*) для молодыхъ людей отъ 18 до 24 лѣтъ.

Оставляя въ сторонѣ материнскую школу и академію ¹⁾, остановимся на остальныхъ двухъ, такъ какъ и Коменскій наиболѣе разрабатывалъ проекты этихъ двухъ школъ.

¹⁾ Замѣтимъ, что идея материнской школы едва ли не имѣла впервые выдвинута на первый планъ. Совѣты его относительно воспитанія дѣтей въ самые первые годы ихъ жизни въслѣдствіи были развиты Песталоцци, Фребелемъ и др. Относительно академіи Коменскій высказываетъ только нѣсколько общихъ пожеланій, какъ, напримѣръ, чтобы въ академіи принимался только цвѣтъ человечества, самые отборные таланты, чтобы академіи держали только трудолюбивыхъ и нравственныхъ людей, чтобы раздача степеней производилась правильнѣе и т. п.

Подъ *отечественной* школой Коменскій разумѣтъ первоначальную школу. Назвалъ онъ ее этимъ именемъ по *отечественному* языку, который служилъ въ ней языкомъ преподаванія,—въ отличіе отъ латинской школы, гдѣ все преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ. На этой школѣ Коменскій сосредоточилъ по преимуществу все свое вниманіе, такъ какъ онъ смотрѣлъ на нее, какъ на фундаментъ всего школьнаго зданія, отъ прочности котораго зависить вообще прочность всего образованія. При томъ эта школа являлась первою ступенью и на практикѣ самую удобную ступеню, на которой можно было осуществить идею всеобщаго и единаго образованія для всѣхъ безъ различія званій, состояній и пола. Въ своей Дидактикѣ онъ такъ начинаетъ главу о школѣ отечественной (D. m., XXIX): „раньше мы учили, что все юношество обоого пола слѣдуетъ посылать въ общественныя школы; теперь же прибавимъ, что прежде всего слѣдуетъ все юношество ввѣрять школамъ отечественнымъ (то-есть, школамъ первоначальнымъ съ отечественнымъ языкомъ)“¹⁾. Онъ напираетъ особенно на то, чтобы *все* юношество безъ различія званій и состояній посѣщало эти именно школы. Въ его время господствовало мнѣніе, что въ первоначальную школу слѣдуетъ посылать только такихъ дѣтей, которыя затѣмъ посвящаютъ себя ремесламъ; а тѣхъ, которые съ самаго начала предназначаются родителями къ высшему образованію, слѣдуетъ посылать прямо въ латинскую школу. Такое дѣленіе юношества на низшее и высшее, а также и школъ на два сорта, конечно, было согласно съ общественнымъ строемъ. Противъ этого-то дѣленія и возсталъ Коменскій, такъ какъ оно прямо противорѣчило основной его идеѣ общаго для всѣхъ образованія. „Мы имѣемъ въ виду,—говорить онъ,—общее для всѣхъ образованіе, то-есть, наставленіе *всѣхъ, кто только родился человѣкомъ*, во всемъ человѣческомъ. Итакъ, всѣхъ слѣдуетъ *вмѣстѣ* вести до тѣхъ поръ, пока можно ихъ *вмѣстѣ* вести; затѣмъ желательно, чтобы всѣ были воспитаны во *всѣхъ добродѣтеляхъ*, также и въ *скромности, согласіи и взаимной услужливости*; поэтому не слѣдуетъ уже съ дѣтства расторгать людей и давать поводъ однимъ слишкомъ много думать о себѣ и презирать другихъ, какъ низшихъ“¹⁾. Кромѣ того, приводитъ онъ доводъ, остающійся и до сихъ поръ въ силѣ, но, къ сожалѣнію, и нынѣ часто закладываемый на практикѣ: что въ дѣтскомъ возрастѣ слишкомъ рано предопредѣлять одного для ремесла, другаго для высшей науки, такъ

¹⁾ D. m., XXIX, § 2 и слѣд.

какъ (приводимъ слова самого Коменскаго) „дѣти не однихъ только богачей и знатныхъ рождаются способными для занятія разныхъ должностей въ государствѣ, такъ чтобы только ихъ и слѣдовало допускать въ латинскую школу, отвергнувъ всѣхъ прочихъ, какъ безпадежныхъ“. Наконецъ, Коменскій указываетъ еще на одно обстоятельство въ пользу своей идеи, которое особенно знаменательно для оцѣнки его взглядовъ. Своею общей „отечественною“ школой имѣлъ онъ въ виду открыть путь къ развитію отечественныхъ языковъ всѣхъ народовъ (наравнѣ съ латинскимъ, который былъ тогда господствующимъ), „дабы всякъ языкъ болѣе и болѣе славилъ Господа“ (XXIX, § 3). По мнѣнію Коменскаго, прежде всего слѣдуетъ изучить свой языкъ, отечественный (нѣмцу—нѣмецкій, чеху—чешскій и т. д.), а затѣмъ чужой. „Учить кого нибудь чужому языку, прежде чѣмъ онъ окрѣпнетъ въ своемъ, то же самое, что учить сына своего ѣздить верхомъ, прежде чѣмъ онъ научится ходить“. Съ помощью роднаго языка всякій получаетъ первыя свои познанія, съ помощью же его онъ удобнѣе всего можетъ продолжать приобрѣтеніе и дальнѣйшихъ познаній. Затѣмъ чужой языкъ изучать легче тому, кто съ помощью своего языка знаетъ уже самые предметы, такъ что при изученіи чужаго языка ему приходится запоминать только новыя названія. Поэтому Коменскій совѣтуетъ даже греческіе и латинскіе научные и техническіе термины замѣнить терминами на родномъ языкѣ.

Изъ вышесказаннаго понятно, почему Коменскій придавалъ такое значеніе тому, чтобы всѣ безъ исключенія проходили одну и ту же отечественную или первоначальную школу. Она должна была служить звеномъ, соединяющимъ и скрѣпляющимъ разрозненные части народа, и въ то же время служить дѣлу развитія народности. Конечно, школа съ отечественнымъ языкомъ, школа народная не была новостью. Какъ уже выше сказано было, реформаторы, начиная съ Лютера, хлопотали преимущественно о просвѣщеніи народа; для этой цѣли перевели они библію и другія священныя книги на отечественные языки; съ этою цѣлью они старались завести школы для народа, гдѣ преподаваніе велось на языкѣ понятномъ, родномъ. Новое въ предложеніяхъ Коменскаго было то, что онъ эту народную (или простонародную) школу съ отечественнымъ языкомъ дѣлалъ обязательною для всѣхъ. Она должна была служить фундаментомъ для дальнѣйшаго образованія. Эту школу должны были пройти всѣ, слѣдовательно и тѣ, которые желали поступить въ латинскую гимназію. По его мнѣнію, гимназія не должна была имѣть свои какіе-то приготовительные или низшіе

классы. Она должна была только продолжать учение, законченное въ школѣ съ отечественнымъ языкомъ, точно такъ, какъ академія должна была продолжать дѣло гимназіи. Мысль Коменскаго объ одномъ общемъ для всѣхъ хотя бы первоначальномъ образованіи была самою разумною и плодотворною, и, если она не осуществилась въ томъ видѣ, какъ предлагалъ ее Коменскій, то во всякомъ случаѣ она содѣйствовала болѣе правильной организаціи первоначальнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще развитію новѣйшей школы, то-есть, школы съ отечественнымъ языкомъ.

Свою идею объ универсальномъ образованіи, выраженную въ формулѣ „всѣ должны *всему* учиться“, предполагалъ онъ осуществить съ помощью учебнаго плана. По мнѣнію Коменскаго, всѣ эти различныя школы (начиная съ материнской и оканчивая академіей) должны учить не различному, а *одному и тому же, только различно*, то-есть, въ различномъ объемѣ и различной степени, смотря по возрасту и степени развитія учащихся, то-есть, онѣ должны учить всему, что можетъ сдѣлать людей людьми (D. т., XXVII). По его идеѣ, учение должно представлять какъ бы рядъ концентрическихъ круговъ, изъ которыхъ самый меньшій будетъ въ материнской школѣ, самый большій въ академіи; но всѣ эти круги должны содержать въ сущности то же самое, подобно тому, какъ дерево въ зародышѣ или росткѣ содержитъ въ себѣ все, что затѣмъ развивается въ видѣ вѣтвей, цвѣтковь, плодовъ. Увлекаясь этой идеей, Коменскій полагалъ, что даже въ материнской школѣ дѣти могутъ и должны получать первые зачатки всѣхъ наукъ (которыхъ онъ насчитываетъ восемнадцать). Въ списокъ этихъ наукъ мы, къ удивленію нашему, находимъ громкія названія метафизики, астрономіи, діалектики, риторики, политики и т. п. Впрочемъ, Коменскій тутъ же поясняетъ, что онъ подъ *дытской* метафизикой разумѣетъ, напримѣръ, то, что дѣти начинаютъ понимать общіе термины: нѣчто и ничто, есть и не есть, такъ и иначе, гдѣ, когда и т. п., а подъ астрономіей то, что они могутъ знать, что называется солнцемъ, луною, звѣздою и т. п. Согласно со своей идеей, что учение на всякой ступени должно быть универсально и заключать въ себѣ все, Коменскій устроилъ и учебные планы для каждого рода школъ. Для материнской школы онъ составилъ двойкаго рода книгу: одну для родителей и нянекъ, другую для самихъ дѣтей. Первая, подъ заглавіемъ *Informatorium scholae maternae*, содержала въ себѣ указанія, какъ вести дѣтей и развивать въ нихъ общія понятія обо всемъ; вторая книга, подъ названіемъ *Orbis pictus*, имѣла цѣлью дать

дѣтямъ наглядное представленіе обо всемъ съ помощью картинокъ, приложенныхъ къ краткому тексту, содержащему въ извѣстномъ порядкѣ общія понятія обо всемъ главнѣйшемъ въ мірѣ.

Конечно, гораздо болѣе возможности къ осуществленію идеи Коменскаго представляла школа отечественная и латинская. Вотъ программа Коменскаго для отечественной школы:

- 1) чтеніе печатнаго и писаннаго на отечественномъ языкѣ;
- 2) письмо, согласно съ правилами отечественной грамматики, которая должна быть преподаана самымъ понятнымъ образомъ;
- 3) счисленіе цифрами и въ умѣ, сколько необходимо;
- 4) измѣреніе длины, широты, разстоянія и т. п. (слѣдовательно, нѣчто въ родѣ геометріи);
- 5) пѣніе мелодій наиболѣе употребительныхъ, для болѣе способныхъ—начало нотнаго пѣнія;
- 6) пѣніе псалмовъ и духовныхъ пѣсней, съ заучиваніемъ ихъ наизусть;
- 7) катихизисъ, библейская исторія, съ заучиваніемъ наизусть текстовъ;
- 8) краткая мораль, въ правилахъ и примѣрахъ;
- 9) объ *экономическомъ и политическомъ состояніи государства* столько, сколько необходимо для пониманія того, что на глазахъ ученика ежедневно происходитъ дома и въ городѣ или государствѣ (!);
- 10) исторія міра въ самыхъ общихъ чертахъ;
- 11) космографія и географія въ самыхъ общихъ чертахъ; изъ географіи особенно отчизновѣдніе;
- 12) общія свѣдѣнія о ремеслахъ.

Такимъ образомъ, кромѣ того, что преподавалось въ тогдашнихъ школахъ, особенно протестантскихъ, какъ-то: чтенія, письма, счисленія. Закона Божія и пѣнія псалмовъ, Коменскій ввелъ элементарныя свѣдѣнія по исторіи, космографіи, географіи, даже свѣдѣнія о политическомъ и экономическомъ состояніи государства (разумѣется, въ такомъ же примитивномъ значеніи, въ какомъ, напримѣръ, для материнской школы, свѣдѣнія по астрономіи); наконецъ, общія свѣдѣнія о ремеслахъ,—последнія съ тою цѣлью, чтобы „учащіеся не были совершенные невѣжды въ томъ, что творится въ человѣческой жизни, а также и для того, чтобы легче обнаружили естественныя склонности ихъ“. Если прибавить къ тому, что при изученіи отечественнаго языка сообщались главнѣйшія свѣдѣнія о природѣ, то программа Коменскаго для первоначальной школы содержала въ себѣ

какъ бы *микрокозмъ вѣсть знаній*. По крайней мѣрѣ. Коменскій вполнѣ надѣялся, что если все имъ указанное для первоначальной школы будетъ пройдено такъ, какъ слѣдуетъ, то не только тѣ, которые поступаютъ въ латинскую школу или гимназію, но и тѣ, которые разойдутся по разнымъ отраслямъ практической дѣятельности (то-есть, обратятся къ земледѣлію, торговлѣ, ремесламъ), не встрѣтятъ въ жизни ничего такого, чего бы они уже не предвкусили въ школѣ. Все, чѣмъ они будутъ заниматься, что они услышатъ или въ церкви или въ другомъ какомъ нибудь собраніи, или вычитаютъ въ книгахъ, — будетъ представлять для нихъ только болѣе подробное развитіе или же специальное примѣненіе того, что они уже раньше узнали. Конечно, подобную мечту можно было имѣть только во времена Коменскаго, когда науки не были такъ развиты, какъ теперь, да и тогда только при извѣстной долѣ увлеченія. Кстати замѣтимъ, что шестилѣтній курсъ первоначальной школы Коменскій предлагалъ раздѣлять на шесть классовъ. Для каждого класса должна была быть составлена особая книга, которая заключала бы въ себѣ все необходимое для даннаго класса. Точно также для каждого класса долженъ былъ быть одинъ учитель.

Сообразно своей идеѣ, Коменскій расширилъ также программу и латинской школы или гимназіи. Латинская школа его времени слишкомъ много заботилась объ изученіи формальныхъ предметовъ, какъ-то: грамматики, риторики, діалектики, и мало объ изученіи реальныхъ, или, вѣрнѣе сказать, болѣе всего заботилась объ изученіи латыни. Коменскій первый потребовалъ, чтобы прежде всего изучались реальные предметы, а затѣмъ уже формальные, и чтобы даже изученіе латинскаго языка было тѣсно связано съ изученіемъ предметовъ. Коменскій ввелъ въ кругъ гимназическихъ предметовъ такъ называемыя *physica*, то-есть, естественныя науки. Кромѣ того, онъ требовалъ отчасти и новаго распредѣленія предметовъ по классамъ. Чтобы вполнѣ понять программу Коменскаго для латинской школы, предварительно замѣтимъ, что онъ придавалъ большое значеніе правильной концентрации учебнаго матеріала. Въ наше время, какъ извѣстно, подъ этимъ терминомъ разумѣется такая группировка учебныхъ предметовъ, при которой преобладающее значеніе въ теченіе всего курса дается одному какому либо предмету (въ классическихъ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, въ реальныхъ училищахъ—математикѣ). иначе сказать, отводится для этого предмета наибольшее число уроковъ.

Въ сущности подобная концентрація не есть еще концентрація.

а простое возведеніе одного предмета на степень первенствующаго и подчиненіе ему всего остальнаго учебнаго матеріала. Гораздо болѣе соответствующей своему названію является концентрація у Коменскаго, который, впрочемъ, въ этомъ случаѣ руководился отчасти традиціоннымъ устройствомъ латинской школы. Коменскій выходилъ изъ извѣстныхъ психологическихъ основъ, о свойствахъ того или другаго возраста, о степени развитія учащихся и о необходимости сообразоваться съ этими условіями, чтобы съ успѣхомъ вести дѣло школьнаго образованія. Поэтому съ его точки зрѣнія концентрація есть приспособленіе всего учебнаго матеріала къ степени и условіямъ развитія даннаго возраста; поэтому никакой предметъ, а тѣмъ менѣе языкъ, не могъ, по идѣе Коменскаго, служить центромъ въ теченіе всего учебнаго курса, а смотря по возрасту и степени развитія въ низшихъ классахъ должны преобладать предметы, воспринимаемые болѣе чувствами, памятью, воображеніемъ, въ высшихъ—болѣе разсудкомъ. На этомъ основаніи онъ для 1-го класса назначаетъ, какъ господствующій предметъ, грамматику; для 2-го класса — *physica*, то-есть, естественныя науки (или свѣдѣнія изъ всѣхъ царствъ природы); для 3-го класса—математику; для 4-го—этику (наука о человѣкѣ, о нравахъ и нравственности); для 5-го—діалектику; для 6-го—риторику или ораторское искусство, какъ искусство, научающее пользоваться всѣми приобретенными знаніями. (На ораторское искусство Коменскій смотрѣлъ съ точки зрѣнія Цицерона). Что касается до исторіи, то Коменскій понималъ ее въ болѣе обширныхъ смыслахъ (не только въ смыслѣ политической исторіи) и распределялъ ее по всѣмъ классамъ, отъ перваго до послѣдняго, сообразуясь при томъ съ характеромъ cadaго класса. Такъ, для перваго класса предназначалась исторія библейская, для втораго—исторія естественная (*historia naturalium*), то-есть, историческія свѣдѣнія или анекдоты изъ всѣхъ царствъ природы, для третьяго класса—исторія искусствъ, открытій, для четвертаго—исторія нравовъ (выдающіеся примѣры добродѣтели и т. п.), для пятаго—исторія обрядовъ, для шестаго—всеобщая исторія и исторія отечественная. Исторія, по мнѣнію Коменскаго, не должна была увеличить трудъ учениковъ, а должна была какъ бы смягчить суровость остальныхъ занятій, доставляя пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ назидательное развлеченіе. Конечно, для нашего времени программа Коменскаго покажется частью слишкомъ широкою, частью слишкомъ узкою и вообще нѣсколько схоластическою, но всеже нельзя не признать, что тѣ принципы, которые руководили Коменскимъ при ея

составленіи, были вполнѣ вѣрны. Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро мы хотимъ содѣйствовать постепенному и всестороннему развитію учащихся, то мы должны такъ устроить ученіе, чтобы оно дѣйствительно содѣйствовало этому развитію, а не держало ученика все на одной и той же степени развитія, какъ это можетъ случиться тогда, если сдѣлать какой нибудь языкъ центромъ ученія въ теченіе всего гимназическаго курса, да при томъ изучать его все больше со стороны грамматики.

Мы рассмотрѣли выше основную идею Коменскаго и проекты его объ устройствѣ школы, съ помощью котораго онъ надѣялся осуществить эту идею. Теперь перейдемъ къ самому главному въ его преобразовательной дѣятельности, къ установленію болѣе правильнаго метода преподаванія, съ помощью котораго онъ болѣе всего надѣялся исправить дѣло школьнаго образованія. Въ этомъ отношеніи Коменскій является истиннымъ реформаторомъ и настоящимъ родоначальникомъ современной педагогики. Его идеи объ универсальномъ для всѣхъ образованіи, объ единой для всѣхъ школѣ, не осуществились. До сихъ поръ еще не найдено средство создать подобную школу; напротивъ того, число разнородныхъ школъ еще болѣе увеличилось: къ латинскимъ гимназіямъ присоединились еще такъ называемыя реальныя училища и, кромѣ того, училища съ специальнымъ характеромъ: военныя, ремесленныя, коммерческія и т. д., и т. д. Рознь въ образованіи еще болѣе увеличилась въ обществѣ, чѣмъ она была во времена Коменскаго. Но основные принципы его метода вошли въ плоть и кровь новѣйшей педагогики. Приведемъ сначала основныя положенія его о методѣ вообще, а затѣмъ о методѣ преподаванія языковъ.

Недостатки тогдашняго изученія, поглощавшаго много трудовъ и времени, но въ концѣ концовъ дававшего скудные результаты, зависѣли главнымъ образомъ отъ метода преподаванія. Вотъ какъ Коменскій описываетъ методъ преподаванія, господствовавшій въ его время (*Did. magna*, XI, 7 и слѣд. и XXXIII):

„При обученіи юношества употреблялся методъ до такой степени суровый, что на школы обыкновенно смотрѣли, какъ на страшилища для дѣтей и пытку для умовъ; поэтому большая часть учащихся, почувствовавъ отвращеніе къ книгамъ и наукамъ, раньше времени оставляла школу, чтобы поступить въ мастерскія ремесленниковъ или обратиться къ какому нибудь другому роду занятій. Тѣ же, которые по какимъ нибудь причинамъ удерживались въ школѣ (напримѣръ.

по волѣ родителей), получали образованіе не только не серьезное и разумное, но скорѣе превратное и ложное. Впервыхъ, что преимущественно слѣдовало вселять въ сердца юношей, то болѣе всего оставлялось въ пренебреженіи, а именно религіозное и нравственное воспитаніе“ (жалоба, которая и теперь, къ сожалѣнію, умѣстна). „Затѣмъ по пяти и десяти лѣтъ удерживали за такими вещами, которыя можно было усвоить въ годъ; насильно и грубо вбивали въ головы учениковъ то, чему можно было выучить незамѣтно и пріятно; наконецъ, предлагали все въ темномъ и запутанномъ видѣ, что можно было предложить вполне ясно и отчетливо. Оттого вмѣсто истиннаго познанія вещей ученики выносили одни лишь пустыя слова, да такія же пустыя мѣнія“. Затѣмъ, останавливаясь, для примѣра, на латинскомъ языкѣ, который тогда былъ главнымъ предметомъ изученія, какъ языкъ науки, церкви, дипломатіи и вообще интеллигентнаго общества, онъ восклицаетъ: „маркитанты, лакеи и тому подобныя люди, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, скорѣе выучиваются двумъ или тремъ чужимъ языкамъ, чѣмъ питомцы школъ въ теченіе пятнадцати и двадцати лѣтъ одному только латинскому языку. Послѣ 15 и 20 лѣтъ (считая, конечно, пребываніе не только въ гимназіи, но и академіи или университетѣ) многіе только при помощи грамматики и лексикона кое-что могутъ выразить по-латыни, и то не безъ запинки“. Въ подтвержденіе своихъ словъ Коменскій приводитъ свидѣтельство извѣстнаго филолога Любина, профессора Ростокскаго, который писалъ, что еслибы кто нарочно хотѣлъ придумать методъ преподаванія латинскаго языка хуже и труднѣе существовавшаго, то не могъ бы этого сдѣлать. Въ заключеніе Коменскій искренно сожалѣетъ о тѣхъ годахъ, которые онъ провелъ въ латинской школѣ, въ занятіяхъ пустяками. „Вся эта потеря времени и труда происходила только отъ неправильнаго метода“.

Мысль, впрочемъ, о необходимости исправить школьный методъ была не новая. Уже Лютеръ требовалъ, чтобы въ школахъ учили болѣе легкимъ методомъ, такъ чтобы дѣти не пугались школьныхъ занятій. Затѣмъ многіе педагоги и ученые, какъ, напримѣръ, де-Вивесъ, Любинъ, Ратихъ и другіе, предлагали нѣкоторыя мѣры къ исправленію метода, особенно Ратихъ, предлагавшій болѣе легкій способъ изученія языка. Но никто изъ нихъ не разсмотрѣлъ этого вопроса во всѣхъ подробностяхъ и никто не рѣшилъ его такъ основательно и систематично. Главные недостатки школьнаго ученія состояли, по мнѣнію Коменскаго, впервыхъ, въ томъ, что начинали учить дѣтей

не во-время; ввоторыхъ. учили не въ томъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ; втретьихъ. учили не такъ, какъ того требуетъ природа и законы естественнаго развитія: учили словамъ раньше, чѣмъ предметамъ. отвлеченному раньше конкретнаго. многому заразъ безъ постепенности и связи и т. п. Чтобы исправить эти недостатки. Коменскій совѣтовалъ начинать не слишкомъ поздно. Оттого онъ придумалъ такъ называемую материнскую школу и для поступленія въ первоначальную школу назначилъ шестилѣтній возрастъ (по нашему мнѣнію. слишкомъ ранній). Затѣмъ онъ старался распредѣлить учебные предметы и вообще занятія учениковъ правильнѣе (какъ мы это отчасти видѣли и увидимъ еще ниже). Наконецъ, что всего важнѣе, онъ придумалъ такой способъ преподаванія, при которомъ весь школьный матеріалъ усваивался скорѣе. легче и тверже. Мы начнемъ съ послѣдняго, какъ съ главнаго.

Исходя изъ того положенія, что начало всякаго познанія происходитъ отъ чувствъ и чувственныхъ впечатлѣній и что прочность знаній зависитъ главнымъ образомъ отъ свидѣтельства чувствъ¹⁾, онъ требуетъ, чтобы ученіе начиналось съ созерцанія вещей, а не со словеснаго разказа о нихъ, иначе — съ вещей. а не со словъ. „Слово безъ вещи есть пустой звукъ, шелуха безъ зерна“. Это познаніе должно начаться и можетъ начаться еще въ материнской школѣ; такъ какъ въ дѣтскомъ возрастѣ преимущественно дѣйствуютъ чувства. то именно ими нужно пользоваться и ихъ слѣдуетъ развивать. чтобы поселить въ дѣтской душѣ самыя первыя и доступныя ея понятія представленія. То же самое слѣдуетъ продолжать и во всѣ слѣдующіе возрасты. Нужно показывать предметы, а если нельзя показать самыя предметы. то слѣдуетъ представить ученику изображеніе ихъ. „Все должно быть представлено чувствамъ, что только можетъ быть представлено имъ: предметы видимыя—зрѣнію, слышимыя — слуху, обоняемые—запаху и т. д. Если кто хочетъ дать учащемуся истинное и прочное познаніе предметовъ, тотъ долженъ прежде всего позаботиться о томъ, чтобы все преподавалось наглядно“ (Did. III. XX. §§ 6—10). Съ этою цѣлью Коменскій требуетъ, чтобы учебники содержали въ себѣ иллюстраціи къ тексту, чтобы училища были снабжены скелетами и чучелами животныхъ или же моделями предметовъ или же картинами и изображеніями ихъ. „Конечно.—замѣчаетъ онъ.—

¹⁾ Мы приводимъ слова Коменскаго, не вдаваясь въ критику того, на сколько подобное положеніе абсолютно вѣрно.

для всего этого потребуются издержки, но за то польза отъ нихъ будетъ непомерная". Почти два столѣтія прошло, пока эти дѣйствительно полезныя предположенія стали осуществляться. Только въ наше время стали утверждаться въ школахъ *наглядный методъ*, родоначальникомъ котораго по справедливости можно считать Коменскаго.

Затѣмъ, исходя изъ того же основнаго положенія, что „истинное познаніе есть познаніе предметовъ, а не словъ, не звуковъ“, онъ требовалъ, чтобы и при изученіи языка имѣлось постоянно въ виду изученіе предметовъ. *Verba non nisi rebus conjuncta doceantur et discantur* (*Did. m.*, къ XIX гл. *problema VI*). Языкъ въ глазахъ Коменскаго не имѣлъ самостоятельнаго значенія, а важенъ былъ только какъ орудіе мысли; поэтому онъ старался изученіе его обратить въ изученіе предметовъ, при томъ въ изученіе не случайное и отрывочное, тѣхъ или другихъ предметовъ, а въ изученіе по возможности полное и систематичное. Какимъ образомъ думалъ онъ этого достигнуть, объ этомъ будетъ сказано ниже. Теперь же замѣтимъ, что Коменскій вообще былъ однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ реальнаго образованія не только въ томъ отношеніи, что онъ выдвинулъ на первый планъ изученіе предметовъ (*res*), но и въ томъ, что онъ требовалъ отъ школы болѣе практическаго способа преподаванія. „Истинная цѣль школы,—говоритъ онъ,—должна состоять въ томъ, чтобы приготовить насъ къ жизни и сдѣлать cadaго способнымъ къ выполнению своего призванія“ (*Verus scholarum est esseque debet finis, ut nos vitae praepararent et negotiis vocatlonis quemlibet parem reddant. De sermonis latini studio dissert.*, § 29).

Кромѣ этихъ главныхъ положеній, мы находимъ еще множество правилъ, касающихся метода преподаванія. Коменскій былъ вообще большой организаторъ и систематизаторъ. Онъ входитъ во всѣ мелочи школы и старается ихъ регламентировать. Конечно, большинство его правилъ имѣеть общій характеръ, какъ, напримѣръ, то, что всему слѣдуетъ учить въ извѣстномъ порядкѣ, сначала вкратцѣ и въ общихъ чертахъ, затѣмъ болѣе подробно и частно, но при томъ всегда послѣдовательно, неторопливо, безъ скачковъ; или что слѣдуетъ прежде всего стараться о томъ, чтобы ученикъ вполнѣ понялъ и ясно представлялъ себѣ преподаваемое, затѣмъ уже заставлять его заучивать наизусть; или же, что прежде всего слѣдуетъ упражнять чувства и память, вскорѣ, однако, и умъ, а подъ конецъ сужденіе и т. п. Оставивъ все подобное въ сторонѣ, укажемъ только на такія правила, которыя и нынѣ не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію.

„Въ одно время слѣдуетъ учить только одному“ (uno tempore non nisi unum. D. m., XX, 21). Съ перваго взгляда и это правило покажется общимъ мѣстомъ; въ приложеніи, однако, къ практикѣ оно подучаетъ болѣе специальное значеніе. а именно то, что не слѣдуетъ сразу учить двумъ, тремъ языкамъ, и сначала слѣдуетъ утвердить ученика въ родномъ языкѣ, а затѣмъ уже можно учить чужимъ языкамъ, сначала одному, а черезъ годъ можно начать другой. Греческій языкъ Коменскій совѣтуетъ начинать не раньше, когда ученикъ уже нѣсколько утвердился въ латинскомъ языкѣ. Въ связи съ вышеприведеннымъ правиломъ находится и требованіе Коменскаго о концентраціи предметовъ. о которой уже было раньше упомянуто. то-есть, чтобы въ извѣстномъ классѣ для извѣстнаго возраста преподавалось нѣчто однородное, соответствующее степени развитія даннаго класса или возраста. Однороднымъ, напримѣръ, будетъ грамматика, арифметика, начатки естествознанія и т. д., въ изложеніи. разумеется. наглядномъ, элементарномъ; разпороднымъ будетъ, напримѣръ, грамматика и діалектика въ томъ же году и т. п. Въ видахъ той же концентраціи ученія Коменскій возстаетъ противъ множества учителей и множества руководствъ въ одномъ и томъ же классѣ. „Да будетъ одинъ учитель и одно руководство для каждаго класса. Множество учителей и руководствъ вносятъ только путаницу и рознь“ (Did. m., XIX). Какъ извѣстно, и нынѣ идетъ споръ въ педагогическомъ мірѣ, что лучше для успѣшнаго преподаванія: *классные* учителя, или же *предметные*? По нашему мнѣнію, Коменскій въ сущности давно уже рѣшилъ этотъ вопросъ вѣрно. Единство руководства есть первѣйшее и существеннѣйшее условіе успѣшности преподаванія, такъ какъ только при условіи единства въ руководствахъ возможно укоренить въ учащихся несбивчивыя, опредѣленные и связные представленія о предметахъ преподаваемыхъ. А такъ какъ единство руководства лучше и удобнѣе всего воплощается въ одномъ лицѣ, то поэтому для каждаго класса лучше было бы имѣть одного преподавателя, и тамъ, гдѣ это возможно, напримѣръ, въ низшихъ классахъ, и слѣдовало бы имѣть такового; гдѣ же это затруднительно, какъ, напримѣръ, въ высшихъ классахъ, тамъ, конечно, необходимо прибѣгнуть къ другимъ средствамъ, чтобы устроить требуемое единство.

Зная хорошо дѣтскую природу, Коменскій совѣтовалъ не все преподавать въ серьезномъ и строгомъ тонѣ, а прибѣгать иногда и къ юмору. Говоря объ отечественной или первоначальной школѣ, онъ прибавляетъ: „слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы все здѣсь было

подлажено къ дѣтскому уму, который по природѣ любитъ пріятное, веселое, шутливое и отвращается отъ серьезнаго, строгаго и суроваго. Учитель долженъ всѣми силами стараться о томъ, чтобы пріохотить ученика къ ученію, а это возможно только тогда, если съ первыхъ же шаговъ возбудить любознательность ученика и облегчить ему первые шаги на пути усвоенія знаній⁴. Коменскій положительно запрещаетъ при обученіи прибѣгать къ розгамъ или вообще къ тѣлеснымъ наказаніямъ. „Учить мудрости слѣдуетъ безъ ударовъ, безъ розогъ“ (розгу оставляетъ онъ только при воспитаніи). Чтобы облегчить школьныя занятія и сдѣлать ихъ болѣе плодотворными, онъ совѣтуетъ: 1) назначить всего четыре часа въ день для школьных уроковъ¹); 2) употребить первые два часа на занятія болѣе трудныя, послѣднія же два часа на занятія болѣе легкія: упражненія на пройденное правило, пѣніе, письмо и т. п.; 3) какъ можно менѣе загромождать память учениковъ, требуя отъ нихъ только главнѣйшаго и существеннѣйшаго (золотое правило, которое, кстати сказать, у насъ сплошь да рядомъ нарушается и въ теченіе года, и на экзаменахъ); 4) все сообразовать со степенью пониманія, которая сама собою увеличивается съ лѣтами и съ прогрессомъ въ занятіяхъ. „Безумецъ тотъ, кто старается выучить учениковъ не тому, сколько они могутъ воспринять, а тому, сколько онъ самъ хочетъ; вѣдь силы требуютъ поддержки, а не подавленія, и учитель юношества, подобно врачу, есть только слуга природы, а не деспотъ ея“.

Какъ добрый педагогъ, Коменскій никогда не забываетъ этихъ силъ ученика и совѣтуетъ ихъ беречь и направлять благоразумно. Онъ требуетъ для нихъ достаточнаго отдыха, а также развлеченія съ помощью игръ, забавъ и прогулокъ. Замѣчательно, что Коменскій, кажется, впервые обратилъ должное вниманіе на развлеченія учениковъ и старался изъ нихъ извлечь пользу для ихъ образованія. Такъ, онъ совѣтуетъ устраивать прогулки въ поле, лѣсъ или просто садъ, чтобы познакомить учащихся съ названіями и качествами разныхъ растений и пріохотить ихъ къ ботанизованію. Точно также совѣтуетъ отъ устроить такія игры, съ помощью которыхъ ученики могли бы познакомиться съ сельскими занятіями, съ строительною частью, военными упражненіями и даже дѣлами государственными(?).

¹) Замѣтимъ, что Коменскій вообще распределяетъ день на три части: 8 часовъ для занятій, 8 для отдыха, принятія пищи, игръ и т. п., 8 для сна. На занятія дома назначаетъ онъ четыре часа.

Таковы общія положенія Коменекаго, касающіяся метода преподаванія вообще. Остается еще разсмотрѣть мысли его о методѣ преподаванія языковъ. Хотя Коменскій былъ, по существу, реалистъ, однако онъ не столько потрудился для реализма, сколько для преподаванія языковъ. Онъ не только написалъ о методѣ преподаванія языковъ, но и составилъ руководства для болѣе легкаго и, какъ онъ полагалъ, болѣе правильнаго изученія языковъ вообще и латинскаго въ особенности: *Janua linguarum reserata*, *Vestibulum linguae latinae*. *Janua linguae latinae* и т. п.

Мы уже выше сказали, что Коменскій не придавалъ языку особеннаго, самостоятельнаго значенія и видѣлъ въ немъ ни болѣе ни менѣе, какъ орудіе. По его мнѣнію, языкъ не есть составная часть образованія или мудрости, а есть только средство для приобрѣтенія и передачи этого образованія. Мудрость или образованіе состоятъ въ познаніи самихъ предметовъ, а не названій ихъ. На этомъ основаніи Коменскій старался такъ устроить преподаваніе языка, чтобы, во-первыхъ, изученіе его было постоянно связано съ изученіемъ предметовъ и, во-вторыхъ, чтобы на изученіе собственно языка (какъ-то: грамматики, риторики и т. п.) шло какъ можно менѣе времени. Смотри на языкъ чисто съ практической точки зрѣнія, онъ старался и преподаваніе его поставить на чисто практическую ногу. Прежде всего, однако, онъ благоразумно требовалъ, чтобы къ изученію чужихъ языковъ не раньше приступали, какъ по утвержденіи учащихся въ отечественномъ языкѣ; затѣмъ, чтобы чужіе языки изучались одинъ за другимъ, сначала, напримѣръ, латинскій языкъ, и только черезъ годъ греческій, когда ученики уже достаточно утвердятся въ латинскомъ. Всѣ же языки слѣдовало, по мнѣнію Коменскаго, изучать однимъ методомъ, то-есть, практически, черезъ упражненіе. Правиль грамматики должно быть какъ можно меньше, при томъ они должны быть изложены какъ можно короче и яснѣе, грамматическимъ способомъ, а не философскимъ (безъ объясненій началъ и причинъ). При изученіи всякаго новаго языка слѣдуетъ точкой опоры сдѣлать языкъ извѣстный уже ученику, слѣдовательно, прежде всего отечественный. затѣмъ, напримѣръ, при изученіи греческаго, — латинскій, если онъ достаточно извѣстенъ.

На этомъ основаніи не слѣдуетъ, напримѣръ, грамматику греческаго языка наполнять опять общими опредѣленіями и поясненіями (что такое существительное, глаголъ, падежъ и т. п.) или же общими синтаксическими правилами, а слѣдуетъ отмѣчать только но-

вое, что неизвѣстно ученику или составляетъ отступленіе отъ извѣстной ему нормы (отечественнаго языка или же латинскаго). Наконецъ, изученіе новаго языка слѣдуетъ начинать на матеріи извѣстной для ученика, чтобы содержаніе нисколько не затрудняло его и все вниманіе могло бы быть сосредоточено на усвоеніи словъ и формъ изучаемаго языка. Какъ мало образовательнаго значенія придавалъ Коменскій собственно языку, это видно изъ того, что на изученіе латинскаго языка онъ полагалъ достаточнымъ два года, на изученіе греческаго одинъ годъ, а еврейскаго даже полгода. Время, безъ сомнѣнія, слишкомъ скупо отмѣренное, даже если имѣть въ виду только усвоеніе самыхъ элементарныхъ и необходимыхъ свѣдѣній по языку (умѣніе читать, писать, усвоеніе краткой грамматики и нѣкотораго запаса словъ и фразъ). Какъ бы то ни было, при такомъ ничтожномъ времени едва ли можно было пріобрѣсти даже неполное знаніе языка, чтобы понимать книги на этомъ языкѣ, хотя бы при помощи лексикона. Эта скупость его по отношенію къ языкамъ поясняется тѣмъ, что „онъ изъ побочнаго предмета не желалъ сдѣлать главнаго и не желалъ время, необходимое для изученія предметовъ, тратить на изученіе словъ“. Только для отечественнаго языка Коменскій дѣлалъ исключеніе, а впослѣдствіи также и для латинскаго, такъ какъ съ изученіемъ ихъ, особенно же перваго, связывалось изученіе предметовъ.

Для отечественнаго языка онъ назначалъ время въ 8 и 10 лѣтъ, то-есть, весь дѣтскій возрастъ и часть отроческаго. Коменскій подъ изученіемъ языка, очевидно, разумѣлъ только самую элементарную часть этого изученія: чтеніе, письмо, грамматику. Дальнѣйшее изученіе языка онъ считалъ какъ бы изученіемъ предметнымъ или служащимъ для изученія предметовъ, хотя и говорилъ объ изученіи разныхъ стилей или же такъ называемой украшенной рѣчи въ высшихъ классахъ латинской школы. Вообще же, какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ степеняхъ, онъ считалъ необходимымъ связать изученіе языка съ изученіемъ предметовъ, такъ какъ онъ этимъ путемъ надѣялся скорѣе всего осуществить идею свою объ универсальномъ образованіи. Поэтому онъ полагалъ, что изученіе языка слѣдуетъ начинать не съ авторовъ, а съ хрестоматій, составленной толково и поддерживающей въ себѣ въ извѣстномъ порядкѣ все самое главное и существенное обо всемъ въ мірѣ; такъ какъ авторы либо не все заключаютъ въ себѣ, что слѣдовало бы ученику знать, либо не подходятъ къ степени развитія учениковъ. Вѣрный своей идѣ, Коменскій со-

сѣтоваль и авторовъ читать только такихъ, которые содержатъ въ себѣ какое нибудь предметное знаніе, или же, точнѣе сказать, онъ совѣтоваль изъ авторовъ составить извлеченія по *предметамъ*, такъ чтобы учащійся изъ чтенія выносилъ всегда какое нибудь реальное знаніе (подъ которымъ, впрочемъ, Коменскій разумѣлъ не только знанія о природѣ, но и знанія моральныя, политическія и т. п.).

Какимъ образомъ Коменскій связывалъ изученіе языка съ изученіемъ предметовъ, это лучше всего видно изъ его собственныхъ руководствъ, составленныхъ имъ для первоначальнаго курса по латинскому языку. Такихъ руководствъ имѣемъ мы два: одно для начинающихъ, подъ названіемъ „*vestibulum*“ (сѣни); другое для прошедшихъ предварительный курсъ, подъ заглавіемъ „*janua*“ (дверь). Въ первомъ Коменскій даетъ короткія фразы, сначала представляющія сочетаніе существительнаго съ прилагательнымъ, затѣмъ сочетаніе существительнаго съ глаголомъ; наконецъ остальные части рѣчи. — все, конечно, въ фразахъ, содержащихъ какую нибудь мысль. Фразы при томъ распредѣлены такъ, чтобы начинающіе вмѣстѣ съ названіями узнавали и предметы и вмѣстѣ со словомъ и измѣненіе слова (то-есть, склоненіе и спряженіе). Такъ какъ прежде всего даются фразы изъ существительнаго и прилагательнаго, то первая глава озаглавлена: о качествахъ и признакахъ вещей (о цвѣтѣ, вкусѣ и т. п.). Вторая глава, гдѣ дается сочетаніе существительнаго и глагола, носить титулъ: о дѣйствіяхъ и страданіяхъ. Подъ этимъ титуломъ даются ученику свѣдѣнія о небесныхъ тѣлахъ, стихіяхъ, растеніяхъ, животныхъ, человѣкѣ (о частяхъ тѣла, о способностяхъ душевныхъ, о болѣзняхъ, занятіяхъ). Третья глава содержитъ въ себѣ фразы на нарѣчія, предлоги, числительныя (словомъ на то, что Коменскій называетъ обстоятельствомъ вещей). Въ четвертой главѣ сообщается о дѣлахъ въ школѣ; въ пятой — о дѣлахъ домашнихъ; въ шестой — о дѣлахъ въ городѣ и странѣ; въ седьмой — о добродѣтеляхъ. Восьмая глава заканчивается фразами о смерти и молитвою. Такимъ образомъ Коменскій разрѣшаетъ свою задачу о соединеніи изученія языка съ изученіемъ предметовъ. Какъ изъ перечня видно, онъ даже на самой первой ступени старается дать понятіе обо всемъ: о Богѣ, природѣ и человѣкѣ, и въ то же время научить языку. Замѣтимъ, что понятіе о грамматическихъ терминахъ дается сначала на примѣрахъ, безъ упоминанія самихъ терминовъ. Въ „сѣняхъ“ всего тысяча словъ въ первоначальномъ и прямомъ значеніи.

Второе его руководство „*janua*“ представляетъ болѣе простран-

ный курсъ, впрочемъ составленный по тѣмъ же самымъ принципамъ ¹⁾. Въ ста главахъ этого курса дается тоже понятіе обо всемъ (Богѣ, природѣ, человѣкѣ), только въ болѣе подробномъ видѣ. Начинается курсъ съ сотворенія міра, затѣмъ идутъ фразы о стихіяхъ, небѣ, огнѣ, воздушныхъ явленіяхъ, водѣ; послѣ того идетъ рѣчь о землѣ, о минералахъ, растеніяхъ и животныхъ, и наконецъ съ двадцатой главы все остальное касается человѣка (сначала о тѣлѣ, затѣмъ о душѣ, о занятіяхъ человѣка, о пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, о семьѣ, городѣ, храмѣ, правительствѣ, судахъ и т. д., о школѣ, о всѣхъ наукахъ и добродѣтеляхъ). Заканчивается руководство главою о смерти и погребеніи; о Провидѣніи, объ ангелахъ. Все это дается въ фразахъ, по конструкціи простыхъ и удобопонятныхъ. „Двери“ заключаютъ въ себѣ 8.000 словъ. Замѣтимъ, что ко всякому курсу предназначалось особое руководство по грамматикѣ и особый лексиконъ; такъ, къ „япиа“ особая *grammatica japonalis* и *lexicon japonale*. Грамматика и лексиконъ были прилажены къ характеру курса и должны были, такъ сказать, сопутствовать хрестоматіи даннаго курса; такъ, *grammatica japonalis* была болѣе подробна чѣмъ, *grammatica vestibuli*, однако разныя аномаліи и трудности были изъ нея исключены.

Кромѣ этихъ руководствъ, Коменскій предполагалъ составить еще высшіе три курса латинскаго языка, которые онъ называлъ *atrium* (передней), *palatium* (дворцомъ) и *thesaurus* (сокровищницей). *Atrium* долженъ былъ, по матеріи, содержать то же самое, что *japua*, только въ другой формѣ, то-есть, тѣ же предметы, только изложенныя не въ простой рѣчи, а фигурной или образной. Со стороны языка этотъ курсъ долженъ былъ содержать такъ называемыя украшенія рѣчи, тропы, фигуры, кромѣ того, идиотизмы латинскаго языка, наконецъ наиболѣе замѣчательныя примѣры стілія азіатскаго (то-есть, обильнаго, многословнаго, представителямъ котораго Коменскій называетъ Цицерона), законическаго (Сенеки) и метрическаго или поэтическаго. Грамматика къ этому курсу должна была заключать продолженіе предшествующаго курса, а также объ идиотизмахъ, фигурахъ и тропахъ. Лексиконъ къ этому курсу предполагался латино-латинскій, при помощи котораго можно было бы простыя выраженія обратить въ фигурныя. *Palatium* долженъ былъ представлять еще

¹⁾ Для предупрежденія недоразумѣнія замѣтимъ, что „япиа“ была издана прежде (въ 1631 г.), а затѣмъ уже „vestibulum“ (1633 г.).

болѣе широкій кругъ. чѣмъ *atrium* ¹⁾). Предполагалось составить хрестоматію по стилямъ (примѣрно, какъ теперь составляются хрестоматіи для высшихъ классовъ среднихъ заведеній): въ первомъ отдѣлѣ должны были быть даны образцы по эпистолярному стилю (Цицеронъ, Сенека и др.), во второмъ — по историческому (Ливій и др.), въ третьемъ по ораторскому (Цицеронъ и др.), въ четвертомъ — по поэтическому (Виргилій, Гораций и др.). При этомъ не упускалось изъ виду содержаніе (*res*), какъ это можно заключить изъ того, что Коменскій и въ этой хрестоматіи (не смотря на то, что она имѣетъ въ виду формальную часть языка, стиль) требуетъ, чтобы тѣ же предметы трактовались, какіе имъ обозначены въ ста главахъ вышеупомянутаго курса „*janua*“. Грамматика этого курса должна была содержать всѣ аномаліи и труднѣйшія части синтаксиса, кромѣ того, изъ риторики — объ украшеніяхъ рѣчи и, наконецъ, начатки логики. Лексиконъ къ этому курсу предполагался фразеологическій, латино-отечественный и отечественно-латинскій (*lexicon phraseologicum*).

Наконецъ, послѣднее руководство, *thesaurus*, должно было заключать въ себѣ все самое главное, не только по латинскому языку, но и вообще по всему человѣческому вѣдѣнію. Содержаніе этой сокровищницы должны были составлять латинскіе авторы *по вѣстямъ предметамъ*, или, выражаясь словами Коменскаго, „такіе авторы, которые объясняютъ *все разнообразіе предметовъ и языка*, какъ-то: *естествовѣды, географы, этики* (то-есть, авторы по моральнымъ предметамъ), медики, политики, теологи, историки, ораторы, поэты и пр., *при томъ древніе и новыя, родившіеся и которые еще родятся*, словомъ, кто только сообщаетъ что нибудь отлично-полезное и пишетъ языкомъ чистымъ и отдѣланнымъ“. Коменскій, конечно, и не воображалъ, что со временемъ латинскій языкъ перестанетъ быть общевропейскимъ языкомъ науки и интеллигенціи и уступить мѣсто отечественному языку каждаго народа.

Свою сокровищницу Коменскій, безъ сомнѣнія, предназначалъ не только для школы, а скорѣе для всѣхъ, стремящихся къ высшему познанію, такъ какъ онъ изъ нея хотѣлъ сдѣлать хранилище мудрости для всѣхъ временъ, — такое хранилище, которое будущимъ временемъ пришлось бы только дополнять.

¹⁾ Въ сущности *palatium* похожъ на *atrium*, такъ что, можетъ быть, онъ есть не что иное, какъ передѣлка *atrium*'а, составленнаго въ болѣе скромныхъ размѣрахъ.

Столь же широко задумалъ онъ и теоретическую часть этой сокровищницы, которая состояла уже не въ грамматикѣ, риторикѣ и начаткахъ логики, а должна была содержать въ себѣ нѣчто въ родѣ „ключа къ уразумѣнію всего (clavis intellectus humani). то-есть, такія общія основы или каноны, которые привели бы въ нѣкоторое общее соотношеніе (или, какъ мы сказали, въ гармонію) все, что только существуетъ и дѣлается, говорится и мыслится, или же *можетъ* существовать, и дѣлаться, говорится и мыслиться, такъ чтобы изъ всего доселѣ слышаннаго, видѣннаго и сдѣланнаго, а также изъ того, что впослѣдствіи изъ авторовъ будетъ вычитано, возникъ нѣкоторымъ образомъ универсальный свѣтъ мудрости“ Въ этомъ ключѣ слѣдовало показать, какъ гармонически соотвѣтствуютъ другъ другу: предметы, представленія о предметахъ и названія ихъ, или, какъ въ другомъ мѣстѣ сказано, слѣдовало показать такой порядокъ вещей, при которомъ открываются и становятся ясны источники, пути, цѣли и основанія всего, что только существовало, существуетъ или будетъ существовать или же можетъ существовать, а также того, что можетъ быть представлено мыслью и рѣчью, словомъ всего, что уже найдено и что будетъ еще найдено(!). Этотъ ключъ хотѣлъ онъ назвать также „дверью вещей“, или *пансофіей*. Замѣтимъ кстати, что мысль—дать свѣту нѣчто въ родѣ научнаго откровенія, давно уже занимала Коменскаго. По крайней мѣрѣ, уже въ 1633 г. обѣщалъ онъ издать „*janua regum*“, какъ дополненіе къ *janua linguarum*. Эта мысль не покидала его во всю жизнь, такъ что онъ лично считалъ осуществленіе ея самою главною своею задачею, трудомъ наиболѣе полезнымъ для человечества и горько жаловался на то, что обстоятельства и люди заставляютъ его заниматься дѣтскими пустяками и логомахіями, подъ которыми онъ разумѣлъ свои руководства по языку. Отъ этой пансофіи Коменскій ждалъ всевозможныхъ благъ для человечества, чуть ли не прекращенія всякихъ споровъ какъ научныхъ, такъ и религіозныхъ, словомъ миръ и рай на землѣ. Одинъ изъ его покровителей, шведскій канцлеръ Аксель Оксенштерна, которому Коменскій сообщалъ, между прочимъ, свою идею о пансофіи, нашелъ самую мысль весьма оригинальной, но совѣтовалъ предварительно потрудиться для школы, облегчить сначала занятіе латинскимъ языкомъ и вообще ученіе и такимъ образомъ приготовить себѣ путь для высшихъ предпріятій. Этотъ совѣтъ умнаго канцлера былъ въ томъ отношеніи полезенъ, что заставилъ Коменскаго, хотя и противъ воли, написать труды, принесшіе въ самомъ дѣлѣ пользу дѣлу образованія; между

тѣмъ какъ его завѣтная мысль была до такой степени всеобъемлюща и туманна, что объ осуществленіи ея не только однимъ Коменскимъ, но и всѣми учеными и философами сего міра, и думать было нечего. Впрочемъ, Коменскій дальше нѣсколькихъ общихъ положеній и не пошелъ.

Основные идеи его по этому предмету изложены въ сочиненіяхъ его: *Pansophiae prodromus*, *Pansophici libri delineatio* и *Conatium pansophicorum dilucidatio*¹⁾. Такъ какъ философія его имѣла вліяніе на его дидактическія сочиненія, то мы сообщимъ главнѣйшія положенія изъ нея. „Три объекта (говорится въ *delineatio*) существуютъ для познанія: Богъ, природа и человѣкъ (или, какъ въ другомъ мѣстѣ говорится, Богъ, природа и *искусство*); три средства, съ помощью которыхъ познаемъ: чувства, разумъ и откровеніе. Познаніе предметовъ тогда бываетъ полное, когда мы знаемъ ихъ такъ, какъ они есть; а это опять возможно тогда, когда мы знаемъ, какъ они произошли; а произошло все по своей идѣ: искусство беретъ свою идею отъ природы, природа отъ Бога, Богъ изъ себя самого. Такъ какъ Богъ создалъ міръ или природу по своимъ идеямъ, а искусство опять беретъ свои идеи отъ природы, то между всѣми этими объектами существуетъ извѣстное соотношеніе или гармонія. Особенность же гармоніи состоитъ въ томъ, что она при безконечномъ разнообразіи тоновъ представляетъ немного основъ и различій. Итакъ, кто знаетъ основы и различія предметовъ, тотъ знаетъ все. Основы же или нормы истины могутъ быть узнаны съ помощью индуктивнаго метода, черезъ отвлеченіе отъ предметовъ. А такъ какъ предметы *природы* представляютъ отношенія всегда одинаковыя и доступныя провѣркѣ каждаго, то отъ нихъ и слѣдуетъ отвлечь общія нормы истины“²⁾. Конечно, пансофія Коменскаго была мечта, въ особенности, если принять во вниманіе то, что тотъ предметъ, на которомъ онъ хотѣлъ ее построить, менѣе всего былъ изслѣдованъ. Общія нормы истины Коменскій хотѣлъ отвлечь отъ предметовъ природы, а объ этихъ-то предметахъ въ его время немного знали. Но, не смотря на то, мечта Коменскаго объ универ-

¹⁾ *Prodromus* былъ изданъ еще въ 1637 г. почитателемъ его Гартлибомъ, остальные изданы позже. Всѣ три трактата помѣщены въ *Opera didactica omnia*, изданныхъ въ Амстердамѣ въ 1657 г.

²⁾ Положенія эти заимствованы Коменскимъ у Бэкона, но дополнены другими элементами, напоминающими отчасти Платона, отчасти теологію христіанскую, и развиты въ своеобразную философію о гармоніи всего.

сальной наукѣ, изъ которой всѣ могли бы познать все, принесла свою долю пользы. Она заставила его глубже вникнуть въ дѣло образованія и шире поставить задачу ученія. Благодаря этимъ своимъ универсальнымъ стремленіямъ, онъ и въ дидактикѣ старался установить такія основы, которыя служили бы всестороннему развитію учащихся. и въ руководствахъ по языку старался дать понятія обо всемъ (Богѣ, природѣ и человѣкѣ). Пансофическія стремленія Коменскаго не остались безъ вліянія и на его современниковъ, такъ какъ они пробуждали интересъ къ болѣе полному и содержательному образованію. „Во всѣхъ углахъ Европы.—говорится (правда, пѣсколько восторженно) въ письмѣ одного изъ его современниковъ,—пробужденъ интересъ къ пансофіи и лучшей дидактикѣ, и, еслибъ Коменскій ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только то, что онъ пробудилъ интересъ къ этимъ предметамъ, то и этого было бы достаточно“.

Такимъ образомъ, по методу Коменскаго, изученіе языка постоянно соединялось съ изученіемъ предметовъ, начиная съ низшихъ ступеней и оканчивая самыми высшими, для которыхъ назначалась пансофія. Идея, безспорно, была широко задумана, но, —мы должны прибавить, —выполненіе ея на практикѣ мало удалось Коменскому, да и вообще, по существу своему, идея эта выполнима только въ небольшихъ размѣрахъ, и то на низшей степени ученія. Прежде всего, та цѣль, ради которой Коменскій соединялъ изученіе языка съ изученіемъ предметовъ, мало достигалась. Предметы и по руководству Коменскаго узнавались только номинально, изъ словъ и фразъ, а не при помощи наблюденія и изслѣдованія. Конечно, о нѣкоторыхъ предметахъ Коменскій давалъ наглядное представленіе съ помощью картинокъ. Но можно ли было повсюду примѣнить подобный способъ ознакомленія съ предметами, и тамъ, гдѣ это было возможно, не получалось ли только внѣшнее и поверхностное представленіе о предметѣ? Въ концѣ концовъ реализмъ Коменскаго былъ болѣе вербальный или номинальный, чѣмъ реальный. Для характеристики этого реализма достаточно сказать, что въ руководствахъ Коменскаго даются нерѣдко такія понятія о вещахъ, которыя уже въ его время являлись устарѣлыми. Такъ, напримѣръ, Коменскій сообщаетъ о крови довольно курьезныя вещи (что она образуется печенью и т. п.), но ничего не говоритъ о системѣ кровообращенія, хотя она въ его время была уже открыта извѣстнымъ англійскимъ врачомъ Гарвеемъ. Точно также онъ говоритъ не объ обращеніи земли вокругъ солнца, а по старому—объ обращеніи солнца, хотя система Коперника и была ему хорошо из-

вѣстна ¹⁾. Съ другой стороны, руководства Коменскаго слишкомъ мало давали для языка, или же давали матеріалъ не всегда корректный. Уже современные ему филологи упрекали его въ томъ, что онъ въ своихъ руководствахъ по латинскому языку употребляетъ не классическую латынь, а извѣстный филологъ XVII вѣка Моргофъ прямо совѣтовалъ изгнать его „*latina*“ изъ латинской школы, какъ кишашую варваризмами. Хотя такой отзывъ нѣсколько рѣзокъ, однако вѣрно то, что въ руководствахъ Коменскаго, назначенныхъ для изученія языка, языкъ-то остается на заднемъ планѣ. Впрочемъ, сама по себѣ идея Коменскаго принесла свою долю пользы. Совокупное изученіе языка и предметовъ оказалось въ высшей степени плодотворнымъ при *первоначальномъ изученіи*, конечно, не чужаго языка, а *отечественною*. На высшихъ же ступеняхъ ученія такая совокупность могла бы только помѣшать основательности изученія какъ языка, такъ и предметовъ.

Для полноты очерка остается еще упомянуть о мысляхъ Коменскаго, касающихся специально воспитанія. По его вѣрному взгляду, всякая школа должна заботиться не только о сообщеніи знаній, но и о религиозно-нравственномъ воспитаніи, или, выражаясь его собственными словами, „о развитіи въ учащихся добрыхъ нравовъ и набожности“. Коменскій, любя повсюду тройное дѣленіе ²⁾, ставитъ три объекта, о которыхъ всякая школа должна заботиться: 1) науки и искусства; 2) добрые нравы; 3) благочестіе. Въ своей *Великой дидактикѣ*, вслѣдъ за методомъ преподаванія наукъ и искусствъ, посвящаетъ онъ особую главу методу нравовъ (*methodus morum*, D. m. XXIII-и особую методу благочестія (*methodus pietatis*, XXIV), разумѣя подъ методомъ нравовъ и благочестія наставленіе, какимъ образомъ лучше всего можно приучить учащихся къ добрымъ нравамъ и развитъ въ нихъ благочестіе. Сообщимъ главнѣйшія мысли его о религиозно-нравственномъ воспитаніи. Прежде всего онъ ставитъ хорошее воспитаніе выше пріобрѣтенія знаній, поясняя свою мысль латинской поговоркой

¹⁾ Любопытно, что Коменскій отвергаетъ *новую астрономію* Коперника на томъ основаніи, будто ея никакимъ образомъ не допускаютъ *физическія* основныя истины. Copernicus novam astronomiam suam ex opticis rationibus plausibiliter construxit, sed quam phisysca immotae veritatis principia nullo modo admittunt (Pausoph. I. delineat., p. 417). Извѣщеніемъ ему можетъ служить то, что даже Коперъ не признавалъ Коперника.

²⁾ Эту его склонность замѣтили уже его современники, такъ что онъ считалъ своею обязанностью нѣсколько оправдывать себя въ этомъ отношеніи.

цей: *qui proficit in litteris, at deficit in moribus, plus deficit, quam proficit* (кто успѣваетъ въ наукахъ, а не успѣваетъ въ нравахъ, тотъ болѣе не успѣваетъ, чѣмъ успѣваетъ). Нравственно-религіозное воспитаніе есть какъ бы конечная цѣль всякаго ученія. Безъ добрыхъ нравовъ и знаніе можетъ скорѣе быть вредно, чѣмъ полезно; при добрыхъ же нравахъ человѣкъ и съ небольшими знаніями можетъ принести большую пользу. Добрымъ нравамъ и благочестію слѣдуетъ учить уже съ дѣтства. Материнская школа должна главнѣйшимъ образомъ заботиться о нихъ; о нихъ же должны заботиться и всѣ послѣдующія школы, не исключая академіи, которую онъ, кстати сказать, сильно упрекаетъ въ грубости нравовъ. Добрымъ нравамъ слѣдуетъ учить постоянно, прежде всего собственнымъ примѣромъ, затѣмъ еще особенными наставленіями или „правилами“, особенно въ школахъ. Образецъ такихъ правилъ представляетъ составленное имъ руководство: „*Præcepta morum in usum juventutis*“ (помѣщенные въ *Opera didactica omnia*). Наставники должны постоянно упражнять учениковъ въ исполненіи этихъ правилъ. Согласно съ основною своею идеей, Коменскій и относительно нравовъ требуетъ, чтобы учащихся приучали ко *всѣмъ* добродѣтелямъ, не исключая ни *одной* (подобно тому, какъ онъ требовалъ, чтобы всѣхъ учили всему). Впрочемъ, въ этомъ случаѣ могло имъ руководить желаніе указать, чтобы въ школахъ всѣхъ одинаково воспитывали—и богатыхъ и бѣдныхъ, и отъ богатыхъ также требовали, напримѣръ, скромности, какъ это требуется отъ бѣдныхъ. Главными или основными добродѣтелями считаетъ онъ благоуміе, воздержаніе, мужество и справедливость. Это дѣленіе напоминаетъ намъ дѣленіе Платона, у котораго оно, можетъ быть, и заимствовано, хотя и не непосредственно. Коменскій могъ бы къ этимъ добродѣтелямъ прибавить, какъ пятую, благочестіе, которое у Платона называется какъ одна изъ пяти кардинальных добродѣтелей, но для Коменскаго, какъ христіанскаго пастыря, благочестіе имѣло другое значеніе, чѣмъ для языческаго философа; поэтому онъ благочестіе разсматриваетъ отдѣльно, считая проявленіями ея вѣру, любовь и надежду. Чтобы развить благочестіе, Коменскій даетъ, конечно, общіе совѣты, какъ-то: читать св. писаніе, приучать учащихся къ посѣщенію богослуженія и вообще къ исполненію церковныхъ постановленій, но при этомъ предостерегаетъ отъ двухъ погрѣшностей: отъ лицемерія и фанатизма. Въ видахъ же религіозно-нравственнаго воспитанія Коменскій совѣтуетъ даже, если уже нельзя совсѣмъ устранить изъ школы языческихъ авторовъ, то, по крайней мѣрѣ, строже

выбирать ихъ или лучше все, что въ нихъ есть хорошаго, выбрать. а остальное отбросить¹⁾. Приведемъ самое существенное изъ филиппики его противъ древнихъ авторовъ, помѣщенной въ „Великой дидактикѣ“ (Did. т. XXV). Прежде всего соболѣзнуетъ онъ о томъ, что школы его времени мало похожи на христіанскія, что онѣ по имени только исповѣдуютъ Христа, но въ сущности обожаютъ Теренціевъ, Плавтовъ, Цицероновъ, Овидіевъ. Музъ, Веперь и т. п., что даже учениѣйшіе представители теологін болѣе почитаютъ Аристотеля, чѣмъ Христа. „Христосъ для нихъ маска, кровь же и жизнь имъ даетъ Аристотель“ Дѣйствительно, во времена Коменскаго, когда классическая латынь процвѣтала еще во всей своей силѣ и сохранялись еще традиціи эпохи возрожденія и гуманизма, большинство ученыхъ смотрѣло на священное писаніе, какъ на произведеніе, написанное варварскимъ языкомъ, и относилось къ нему съ большимъ пренебреженіемъ. Затѣмъ Коменскій критикуетъ самихъ языческихъ писателей и не щадитъ не только Теренція, Плавта, Овидія, Катулла и т. п., но самага Цицерона, Виргилія и Горация. Первыхъ онъ положительно осуждаетъ, какъ содержащихъ въ себѣ грязь и соблазнъ всякаго рода, послѣднихъ, какъ преданныхъ идолопоклонству и не свободныхъ отъ ложныхъ мнѣній и страстей. Тѣмъ, которые хотѣли бы оставить въ школѣ Теренція, Плавта и т. п. ради изученія *стиля*, Коменскій отвѣчаетъ: „неужели для того, чтобы наши дѣти выучились говорить, мы поведемъ ихъ по трактирамъ, кабакамъ, публичнымъ домамъ и тому подобнымъ клоакамъ? А Теренцій, Плавтъ, Овидій и т. п. развѣ не по этимъ грязнымъ мѣстамъ водять? Что предлагаютъ они юношамъ, кромѣ сальныхъ шутокъ и остротъ, пирушекъ и попоекъ, грязной любвишки и блуда и т. п.? Но, скажутъ, не все въ этихъ авторахъ дурно. Отвѣчаю: но дурное всегда скорѣе западаетъ въ душу: поэтому посылать юношество туда, гдѣ зло примѣшано къ добру.— вещь опасная. Но, скажутъ, ... не все вѣдь латинскіе авторы—грязные. Цицеронъ, Виргилій, Гораций и другіе—писатели порядочные и серьезные. Отвѣчаю: однако и они язычники и отвлекаютъ мысль читателя отъ истиннаго Бога (направляя ее) къ богамъ и богинямъ. Затѣмъ, какой у нихъ хаосъ суевѣрій, ложныхъ мнѣній и противорѣчивыхъ мірскихъ желаній! Они наполняютъ учениковъ своихъ ду-

¹⁾ Мы уже видѣли, что Коменскій и съ дидактической точки зрѣнія не одобрялъ сплошнаго чтенія какого нибудь автора или такого чтенія, какое инынѣ практикуется, а совѣтовалъ составлять хрестоматіи изъ авторовъ, по извѣстной схемѣ, которая должна была содержать въ себѣ все (о Богѣ, природѣ и человекѣ).

хотъ, совершенно отличнымъ отъ духа Христова. Христосъ призываетъ къ смиренію, они—къ высокомерію и пр. Если ужъ допустить кого-либо изъ языческихъ писателей въ школу, то развѣ только Сенеку, Эпиктета, Платона и подобныхъ учителей добродѣтели и чести, въ которыхъ меньше можно замѣтить заблужденій и суевѣрій. Но и этихъ слѣдовало бы не раньше давать въ руки юношеству, чѣмъ оно окрѣпнетъ въ христіанскомъ духѣ, и при томъ давать въ очищенномъ и исправленномъ видѣ, такъ чтобы, напримѣръ, имена боговъ и все, отсылающееся суевѣріемъ, было изъ нихъ устранено. Такъ какъ такое гоненіе на классиковъ могло показаться слишкомъ варварскимъ и страннымъ, то Коменскій въ концѣ прибавляетъ, что онъ не безусловно запрещаетъ христіанамъ читать сочиненія языческихъ писателей, но не желаетъ ихъ давать въ руки еще не окрѣпшимъ въ вѣрѣ отрокамъ. Впослѣдствіи Коменскій нѣсколько смягчилъ взглядъ свой на древнихъ авторовъ и въ статьѣ своей „De autoribus legendis“ допускалъ читать и Овидія, какъ лучшаго представителя въ элегической поэзіи и Плавта ради упражненія въ ежедневной рѣчи (разумѣется, съ нѣкоторыми урѣзками). Должно быть, критика современныхъ филологовъ, упрекавшихъ Коменскаго въ варварской латыни и въ намѣреніи научить таковой и другихъ, заставила его даже такимъ авторамъ, какъ Плавтъ, предоставить нѣкоторый доступъ въ школу. Отзывы Коменскаго о древнихъ авторахъ, конечно, заключаютъ въ себѣ порядочную долю преувеличенія, но это преувеличеніе можно извинить ему, не только потому, что онъ, какъ пастырь, заботился прежде всего объ укорененіи добрыхъ началъ христіанской нравственности и христіанскаго міровоззрѣнія, но и потому, что въ дѣлѣ воспитанія лучше излишняя осторожность, чѣмъ недостатокъ осторожности или же индифферентизмъ. Его совѣтъ строже выбирать книги для чтенія юношества и для нашего времени не лишенъ значенія.

Заканчивая этимъ нашъ краткій очеркъ жизни и дидактическихъ идей Коменскаго, мы въ заключеніе постараемся опредѣлить вкратцѣ его значеніе въ исторіи европейской школы. Конечно, не все, что сказалъ и предложилъ Коменскій для улучшенія школьнаго дѣла, было ново и оригинально. Семнадцатый вѣкъ, въ которомъ пришлось жить и дѣйствовать Коменскому, былъ продолженіемъ вѣка возрожденія наукъ, реформаціи и великихъ открытій и преобразованій. Въ этомъ вѣкѣ продолжалось еще то броженіе, которое началось въ концѣ XV вѣка и разразилось съ такою силою въ XVI вѣкѣ. Преобразовательныя идеи и стремленія продолжали проникать повсюду и въ науки, и въ прак-

тическую жизнь. Конечно, рядомъ съ этимъ шла отчаянная борьба между старымъ и новымъ, сосредоточившаяся по преимуществу на борьбѣ католичества съ протестантствомъ, — борьба, отчасти мѣшавшая реформамъ, отчасти дававшая имъ острый характеръ. Все это, конечно, нужно принять во вниманіе, чтобы оцѣнить по достоинству дѣятельность Коменскаго. Еще раньше Коменскаго были, конечно, попытки къ преобразованію школьнаго дѣла. Какъ уже было сказано, много новыхъ идей въ этомъ отношеніи было возбуждено реформацией. Такъ, собственно реформации принадлежитъ мысль о школѣ съ отечественнымъ языкомъ или о народной школѣ. Точно также раньше Коменскаго были попытки къ исправленію метода преподаванія, и такъ какъ латинскій языкъ господствовалъ въ школѣ и наукѣ, то главнымъ образомъ попытки эти направлены были къ исправленію метода преподаванія этого языка. Уже іезуитами составлено было руководство для болѣе легкаго и практическаго изученія языковъ, особенно же латинскаго, подъ названіемъ *Janua linguarum* (какое-то названіе Коменскій переименовалъ для своего руководства). Еще болѣе радикальныя предложенія въ этомъ отношеніи сдѣланы были извѣстнымъ педагогомъ Ратихомъ, который совѣтовалъ изучать латинскій языкъ такъ, какъ изучаютъ отечественный: практически, посредствомъ навыка, разговора, упражненія (*usu et exercitatione*). Этимъ предложеніемъ Ратиха отчасти и воспользовался Коменскій. Точно также еще раньше Коменскаго слышались голоса и дѣлались попытки къ тому, чтобы сдѣлать ученіе болѣе содержательнымъ; особенно замѣтно было стремленіе къ тому, чтобы пополнить формальное знаніе латинской рѣчи полярными или энциклопедическими знаніями. Благодаря этому стремленію, стали появляться разнаго рода энциклопедіи, гдѣ давались свѣдѣнія обо всѣхъ наукахъ, тогда извѣстныхъ и цѣнимыхъ, какъ, напримѣръ, энциклопедія Фрейга подъ названіемъ *Paedagogus*, или Цвингера *Theatrum vitae humanae*, или Лауремберга *Pansophia* и т. п. Гораздо важнѣе этихъ энциклопедическихъ стремленій были капитальныя открытія по естественнымъ наукамъ и то реальное направленіе, которое дано было Бэкономъ философіи. Вліяніе Бэкона особенно замѣтно на міровоззрѣніи Коменскаго. Такъ подъ вліяніемъ Бэкона, онъ, признавая три объекта познанія (Бога, природу, челоѣка) и три средства познанія (чувства, разумъ, откровеніе), все-таки болѣе всего опирается на природу, отъ которой, по его словамъ, можно „отвлечь нормы истины“, и потому, какъ главный методъ, выставляетъ *методъ индуктивный*. Подъ вліяніемъ же Бэкона онъ въ своей дидактикѣ придаетъ особое значеніе

чувствамъ, какъ средству для познанія предметовъ ¹⁾). Не смотря, однако, на все вышесказанное, значеніе Коменскаго нисколько не умалается. Какъ живой человѣкъ, онъ, конечно, не стоялъ внѣ всякихъ вліяній. Какъ *vir desideriorum*, онъ повсюду искалъ истины и всякая хорошая мысль находила въ немъ отзывъ. Но изъ всѣхъ этихъ вліяній и впечатлѣній у Коменскаго выработалось нѣчто свое, что ему даетъ почетное мѣсто въ исторіи европейскаго образованія. Прежде всего Коменскій является не только родоначальникомъ новѣйшей дидактики и педагогики, какъ науки, но и провозвѣстникомъ новѣйшаго возрѣнія на школу и школьное дѣло. Въ его глазахъ школа имѣетъ очень важное общественное значеніе, какъ разсадникъ умственнаго и нравственнаго прогресса, отъ правильнаго устройства котораго зависитъ главнымъ образомъ исправленіе социальныхъ погрѣшностей. (Коменскій на школу возлагалъ такую же надежду, какъ въ наше время нѣкоторые возлагаютъ на политическое устройство страны). Отсюда у него требованіе, чтобы школа была общеобязательная и школьное ученіе начиналось съ шести лѣтъ; отсюда также желаніе такъ устроить школу, чтобы она на всѣхъ ступеняхъ, даже на первоначальной, давала все, что только требуется знать (понятіе о Богѣ, природѣ и человѣкѣ), при томъ давала бы это какъ можно болѣе въ вѣрной формѣ. Въ числѣ немногихъ Коменскій является поборникомъ направленія реальнаго и практическаго, хотя, конечно, при тогдашнемъ состояніи наукъ и при его собственной недостаточной подготовкѣ реализмъ его былъ далекъ отъ настоящаго реализма. Наконецъ, что главнѣе всего, Коменскій является настоящимъ устройтелемъ первоначальной школы въ нынѣшнемъ смыслѣ и истиннымъ реформаторомъ первоначальнаго ученія. Ему принадлежитъ наглядный методъ преподаванія, благодаря которому ученіе въ первоначальномъ возрастѣ сдѣлалось легкимъ, приятнымъ и плодотворнымъ. Съ именемъ Коменскаго, какъ это давно рѣшила жизнь, будетъ всегда соединяться не пансофія и даже не *janua linguarum, a orbis pictus et didactica magna*. До Коменскаго *didactica* и не заслуживала этого эпитета. Онъ первый сдѣлалъ ее великою.

А. Вейсманъ.

¹⁾ *Nihil est in intellectu, quod non ante fuit in sensu*,—повторяетъ онъ выстъ съ Бзономъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОТКРЫТИИ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

(Отчетъ о командировкѣ въ 1891 году).

Его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія, въ видахъ выясненія на мѣстѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, относительно открытія промышленныхъ училищъ въ Казанскомъ, Харьковскомъ и Кавказскомъ учебныхъ округахъ, благоугодно было командировать меня въ лѣтніе мѣсяцы 1890 года въ названные округа, съ возложеніемъ порученія—войти въ разсмотрѣніе условій открытія означенныхъ училищъ, а также собрать на мѣстѣ всѣ необходимыя данныя для болѣе правильнаго рѣшенія вопросовъ, касающихся устройства проектированныхъ училищъ.

Во исполненіе сказаннаго порученія, я посѣтилъ въ 1890 г. слѣдующіе города и селенія, расположенныя въ предѣлахъ Кавказскаго учебнаго округа: Владикавказъ, Тифлисъ, Елизаветполь, Баку, Боржомъ, Ахалцыхъ, Абасъ-Туманъ, Кутаисъ, Батумъ, Новороссійскъ и Екатеринодаръ; въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа я посѣтилъ города: Ростовъ, Азовъ, Нахичеванъ и Новочеркасскъ, и, наконецъ, въ Казанскомъ округѣ города: Царицынъ, Астрахань, Саратовъ и Казань.

Признавъ необходимымъ имѣть подробныя свѣдѣнія о всѣхъ мѣстностяхъ, намѣченныхъ попечителями поименованныхъ выше учебныхъ округовъ въ открытію въ нихъ промышленныхъ училищъ, г. министр народнаго просвѣщенія, для этой цѣли, лѣтомъ 1891 г. поручилъ мнѣ посѣтить, въ предѣлахъ Харьковскаго и Кавказскаго учебныхъ округовъ, города: Ейскъ, Майкопъ, Ставрополь, Моздокъ, Сухумъ-Кале, Славянскъ, Сумы и Корочу, въ которыхъ мнѣ не пришлось быть лѣтомъ 1890 года.

Все нижеизложенное, составляя отчетъ по возложенному на меня г. министромъ народнаго просвѣщенія въ истекшемъ 1891 году порученію, представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тотъ матеріалъ, который мнѣ удалось собрать на мѣстѣ и который имѣетъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ объ открытіи промышленныхъ училищъ въ намѣченныхъ уже мѣстностяхъ.

По поводу ходатайства жителей города Ейска объ открытіи въ немъ низшаго механико-техническаго училища, попечитель Кавказскаго учебнаго округа, въ представленіи г. министру народнаго просвѣщенія отъ 10-го января 1890 г. за № 389, объясняетъ:

„Въ городѣ Ейскѣ находится 4-хъ-классное городское училище, содержимое городскимъ обществомъ, которое даетъ, соотвѣтственное назначенію, помѣщеніе какъ для училища, такъ и для существующаго при немъ ремесленнаго отдѣленія. Нынѣ городская дума ходатайствуетъ о преобразованіи названнаго училища въ низшее механико-техническое, съ отпускомъ потребной для сего суммы изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ ассигнуемымъ нынѣ городомъ 6.000 р., при чемъ городской голова заявляетъ, что городъ отчисляя, изъ общаго бюджета въ 101.784 р., на народное образованіе 31.630 руб. въ годъ, затрудняется увеличить ассигнованіе. Къ сему считаю долгомъ, между прочимъ, присовокупить, что, почти одновременно съ представленіемъ думы, я получилъ такого же характера письмо и отъ ейскаго мѣщанскаго старосты, который заявляетъ, что, въ случаѣ открытія промышленнаго училища въ города Ейскѣ, мѣщанское общество готово принять участіе въ содержаніи такового. Увѣздный городъ Ейскъ (около 28.000 жителей) лежитъ при Азовскомъ морѣ и, по числу отхода и прихода паровыхъ и парусныхъ судовъ, занимаетъ первое мѣсто въ числѣ другихъ городовъ по Черному морю. Городъ Ейскъ ведетъ обширную торговлю хлѣбомъ и нуждается въ изготовленіи разнаго рода земледѣльческихъ орудій (напримѣръ, въ 1887 г. однѣхъ только вѣялокъ приготовлено и продано было до 1.500 шт.), а также въ мастерахъ, которые могли бы строить мелкія суда (дубы, шлюпки и проч.). Этою насущною потребностью объясняется постоянная забота города объ устройствѣ ремесленнаго отдѣленія при городскомъ училищѣ и настоящее ходатайство о преобразованіи городского училища въ низшее техническое. Въ Ейскѣ находится реальное училище, получающее отъ города помѣщеніе и ежегодную субсидію въ 8.000 р., городское четырехклассное училище, два одноклассныхъ мужскихъ училища, содержа-

мыхъ городомъ, и въ недалекомъ разстояніи отъ города есть два двухклассныхъ сельскихъ училища⁴.

Изъ журнальнаго постановленія ейской городской думы, отъ 18-го декабря 1889 г. за № 186, усматривается, что городское общество, признавая полезнымъ открытіе въ городѣ Ейскѣ низшаго механико-техническаго училища, но не обладая достаточными средствами для содержанія самостоятельнаго технического учебнаго заведенія, желало бы, руководствуясь § 6 Высочайше утвержденныхъ о промышленныхъ училищахъ положеній, соединить низшее техническое училище съ существующимъ уже въ городѣ Александровскимъ городскимъ, по положенію 31-го мая 1872 г., училищемъ въ одно учебное заведеніе, или же преобразовать городское училище въ техническое, съ сохраненіемъ, при этомъ, въ послѣднемъ общеобразовательныхъ классовъ, а равно наименованія „Александровскаго“. Проектируемое училище, по мнѣнію городского общества, могло бы помѣщаться въ зданіи, нынѣ принадлежащемъ городу и занимаемомъ городскимъ училищемъ, при чемъ представлялось бы возможнымъ на средства города увеличить размѣры зданія и пристроить необходимыя помѣщенія для мастерскихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію возбужденнаго ейскою городскою думою вопроса, не бесполезно ближе ознакомиться съ нѣкоторыми особенностями этого города.

Ейскъ, портовый городъ Ейскаго отдѣла Кубанской области, расположенъ при устьѣ рѣки Еи, на косѣ, отдѣляющей Ейскій лиманъ отъ Азовскаго моря; основанъ въ 1848 г. въ предѣлахъ Черноморья, въ то время почти необитаемаго, бывшимъ намѣстникомъ Кавказа княземъ М. С. Воронцовымъ. При основаніи этому городу, какъ портовому, дарованы были различныя льготы на 15-лѣтній срокъ. въ послѣдствіи продолженныя еще на 5 лѣтъ. Эти льготы первымъ поселенцамъ города, безъ сомнѣнія, были непосредственною причиною чрезвычайно быстраго роста Ейска, привлекая въ него переселенцевъ изъ различныхъ и часто весьма отдаленныхъ мѣстностей Россіи; а переселившіеся сюда иностранцы-негоціанты успѣли захватить въ свои руки сбытъ хлѣба и шерсти. Въ настоящее время въ городѣ Ейскѣ насчитывается постоянныхъ жителей до 30.000 тысячъ обоого пола, съ значительнымъ преобладаніемъ русскаго элемента, сверхъ временныхъ обитателей, какъ-то: чиновниковъ, духовенства, иностранцевъ, торговцевъ, ремесленниковъ и т. п., общее число которыхъ достигаетъ до 10.000 тысячъ человѣкъ.

Первые поселенцы города Ейска занялись обработкою земли, недостатка въ которой въ то время не ощущалось, но, по мѣрѣ увеличенія населенія, явилась потребность привести въ полную ясность то количество земли, которое могло бы быть уступлено жителямъ города Ейска въ пользованіе владѣтелями ея, то-есть, Кубанскимъ казачьимъ войскомъ, и вслѣдствіе сего въ 1863 году городъ Ейскъ заарендовалъ у казачьяго войска свыше 34.000 тысячъ десятинъ земли на 20 лѣтъ, съ платою по 60 к. за десятину и съ правомъ ежегодной распашки двухъ третей всего количества земли; при этомъ городъ Ейскъ, предполагая со временемъ приобрести эту землю у войска, выговорилъ себѣ право возводить на арендуемой землѣ какъ жилища строенія, такъ и другія постройки, необходимыя для сельскаго хозяйства.

Арендуемую у казачьяго войска землю городъ распределялъ между своими обывателями, взимая съ нихъ арендную плату въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ уплачивалъ самъ казачьему войску.

По окончаніи срока контракта, въ 1883 г., вслѣдствіе несостоявшейся покупки земли у войска, арендный контрактъ былъ продолженъ еще на 6 лѣтъ, но съ правомъ распашки только одной трети, вмѣсто прежнихъ двухъ третей, и по цѣнѣ въ размѣрѣ 1 р. 50 к. за десятину.

Въ 1889 г. необходимость заставила городъ вновь возобновить аренду земли и уже, по заявленію мѣстныхъ представителей какъ городского, такъ и мѣщанскаго обществъ, на весьма тяжелыхъ условіяхъ, а именно съ платою по 2 р. 25 к. за десятину и съ правомъ распашки только $\frac{1}{10}$ части всего заарендованнаго количества.

Заключеніе новаго контракта объясняется тѣмъ, что люди болѣе состоятельные успѣли обезпечить себя землею путемъ покупки ея въ количествѣ до 24.000 тысячъ десятинъ у лицъ, приобретшихъ землю по надѣлу; таковая покупка имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, но первоначальная стоимость земли, въ размѣрѣ 10—15 р. за десятину, возросла нынѣ (мѣстами) до 100 и болѣе рублей; лица же несостоятельныя, арендующія землю у города, выстроившія на ней какъ жилища, такъ и иныя сельскія постройки, и разведшія сады и виноградники, по неволѣ должны желать продолженія аренды, хотя бы и на тяжелыхъ для нихъ условіяхъ, ибо съ прекращеніемъ аренды они лишаются не только земли, но и всего на ней возведеннаго, то-есть, всѣхъ построекъ, садовъ и проч., которые, по условіямъ контракта, переходятъ въ собственность владѣтелей земли, то-есть, казачьяго войска. Такимъ образомъ, съ прекращеніемъ аренды земли, почти половина общаго числа жителей города Ейска осталась бы безъ вся-

кихъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилась бы и средствъ къ существованію.

Степной характеръ мѣстности, составляющей Ейскій округъ, обуславливаетъ занятіе жителями какъ города, такъ и ближайшихъ въ Ейску станицъ, земледѣіемъ (особенно обильную жатву даетъ пшеница) и скотоводствомъ, а въ Ейскѣ и въ станицахъ, лежащихъ по побережью Азовскаго моря, жители занимаются, сверхъ того, и рыболовствомъ.

Во время полевыхъ работъ городъ Ейскъ пустѣетъ и многіе дома стоятъ заколоченными, такъ какъ жители, въ довольно значительномъ числѣ, со всѣми домашними переселяются на арендуемые ими участки, откуда возвращаются въ городъ уже по окончаніи сбора и продажи хлѣба. Это временное оставленіе Ейска его обывателями составляетъ особенность города, жители коего, принадлежа къ мѣщанскому сословію, тѣмъ не менѣе занимаются земледѣіемъ.

Въ городѣ существуютъ амбары для ссыпki хлѣба, продаваемого производителями перекупщикамъ, которые, въ свою очередь, продаютъ его экспортерамъ для вывоза за границу. Въ настоящее время на двухъ городскихъ пристаняхъ ссыпается и вывозится зерноваго хлѣба (пшеницы, ржи, ячменя и пр.) до 1 милліона четвертей, что при $\frac{1}{4}$ коп. сборѣ въ пользу города доставляетъ послѣднему ежегоднаго дохода до 25.000 рублей.

Наиболѣе удобнымъ путемъ сообщенія въ лѣтнее время съ городомъ Ейскомъ представляется Азовское море, на пароходахъ, имѣющихъ постоянные рейсы между этимъ городомъ и Ростовомъ на Дону и совершающихъ этотъ путь въ теченіе 10—12 часовъ. Разстояніе между Ростовомъ и Ейскомъ по сухому пути—около 120 верстъ.

Желая ближе ознакомиться съ окрестностями города Ейска, и для поѣздки туда избралъ почтовый трактъ, то-есть, со станціи Кисляковской Ростово-Владикавказской желѣзной дороги направился въ станицы Уманскую, Осеменковскую, Староминскую, Горбовскую и Старощербинскую. Путь этотъ, пролегающій по грунтовой дорогѣ, доставилъ мнѣ возможность ознакомиться съ родомъ занятій жителей станицъ и составить довольно точное понятіе о потребностяхъ ихъ; нѣкоторыя изъ встрѣченныхъ мною станицъ, какъ, напримѣръ, Уманская и Староминская, поражаютъ многочисленностью населенія и отличаются совершенно городскимъ характеромъ; нельзя пройти молчаніемъ и нѣмецкія колоніи, утопающія въ зелени деревьевъ и этимъ выдѣляющіяся изъ другихъ поселеній одной и той же степной мѣстности.

Въ то время, какъ въ казацкихъ станицахъ обитатели занимаются исключительно посѣвомъ и сборомъ пшеницы, способной, благодаря необыкновенному плодородію почвы, съ избыткомъ обезпечить существованіе земледѣльца,—въ нѣмецкихъ колоніяхъ, сверхъ того, процвѣтають занятія садоводствомъ, винодѣліемъ, огородничествомъ, сыровареніемъ, различными ремеслами и т. п. Въ станицахъ, поэтому, весьма опутителенъ недостатокъ въ ремесленникахъ для удовлетворенія потребностей первой необходимости; въ нѣмецкихъ же колоніяхъ, напротивъ, изготовляютъ даже для продажи гнутую мебель изъ тальника (ивы) ¹⁾ и т. д. Нетрудно изъ сего видѣть, на сколько могутъ противостоять хлѣбнымъ неурожаямъ жители станицъ, съ одной стороны, и нѣмецкіе колонисты—съ другой.

Замѣчаемая въ семъ отношеніи разница между жителями станицъ и колоній имѣетъ мѣсто не только въ Ейскомъ округѣ, но и на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ, этой богатой житницѣ нашего отечества.

Приведенныя данныя съ очевидною ясностью указываютъ на то, что какъ городъ Ейскъ, такъ и весь Ейскій районъ, будучи вполне земледѣльческими мѣстностями, въ особенности нуждаются въ распространеніи рациональныхъ знаній по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и тѣхъ родовъ ремеслъ, которыя имѣютъ ближайшее къ сельскому хозяйству соотношеніе.

При обильныхъ урожаяхъ и недостаткѣ въ извѣстное время года рабочихъ рукъ примѣненіе здѣсь сельско-хозяйственныхъ машинъ неизбежно; приобретаются онѣ, главнымъ образомъ, въ городѣ Ростовѣ на Дону и отчасти въ самомъ городѣ Ейскѣ, въ которомъ существуетъ нѣсколько складовъ этихъ машинъ, какъ заграничныхъ, такъ и русскихъ. Появляются и мѣстные производители сельско-хозяйственныхъ снарядовъ, но пока это дѣло находится еще въ зачаточномъ состояніи, въ чемъ и могъ убѣдиться лично, посѣтивъ, при благосклонномъ содѣйствіи гг. городского головы и мѣщанскаго старосты, какъ мѣстные склады машинъ, такъ и различныя ремесленныя заведенія, занимающіяся изготовленіемъ и, главнымъ образомъ, ремонтомъ ихъ.

Совершенное отсутствіе въ Ейскомъ округѣ заводовъ и фабрикъ и незначительные размѣры и скудость средствъ мѣстныхъ механическихъ ремесленныхъ мастерскихъ являются главною причиною того, что (не

¹⁾ Гнадебургъ близъ Моздока, существующая около 12 лѣтъ.

говоря уже о производствѣ хотя бы даже несложныхъ механическихъ сельско-хозяйственныхъ орудій) даже и ремонтъ земледѣльческихъ машинъ и орудій едва удовлетворится имѣющимися въ настоящее время наличными средствами. Въ виду сего, еслибы и рѣшено было учредить въ городѣ Ейскѣ низшее механико-техническое училище, то учащіеся въ немъ лишены были бы возможности посѣщенія, съ цѣлью осмотра или практическихъ занятій, фабрикъ и заводовъ, которыхъ, какъ сказано, въ Ейскомъ округѣ не имѣется.

Обращаясь къ вопросу, относительно открытія такого училища въ городѣ Ейскѣ, считаю нелишнимъ предпослать краткое описаніе существующихъ въ семь городѣ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, которыя готовятъ учащихся къ поступленію въ спеціальныя школы.

Въ городѣ Ейскѣ имѣется реальное училище, открытое въ 1880 г., а VII дополнительный классъ учрежденъ въ немъ въ 1890 году. На содержаніе училища ассигновано въ этомъ 1891 году 27.251 рубль, изъ коихъ 11.130 рублей приходится на долю города ¹⁾, и, кромѣ того, въ этомъ же году на средства города возведена пристройка къ зданію училища и нанятъ особый флигель для квартиры инспектора.

По 1890 годъ включительно было произведено въ училищѣ семь выпусковъ, при чемъ всѣхъ окончившихъ курсъ обученія въ 6-ти классахъ было 57 человекъ, въ томъ числѣ на долю послѣдняго года приходится 9 человекъ.

Число учащихся и распредѣленіе ихъ по классамъ за два послѣдніе года видны изъ слѣдующей таблицы:

Въ классахъ:	Въ концѣ 1889 г.		Въ концѣ 1890 г.	
	Число.	Въ %о.	Число.	Въ %о.
Приготовительномъ .	29	23	46	28,7
I классъ	17	13,5	27	16,9
II	24	19,1	14	8,8
III	22	17,5	28	17,5
IV	12	9,5	14	8,8
V	11	8,7	12	7,5
VI	11	8,7	10	6,2
VII	—	—	9	5,6
Всѣхъ	126	—	160	—

¹⁾ По росписи доходовъ и расходовъ города Ейска въ 1891 году.

Свѣдѣнія о числѣ желавшихъ поступить, принятыхъ и выбывшихъ до окончанія курса:

Классы:	1889 годъ.			1890 годъ.		
	Подано прошеній.	Изъ нихъ поступило.	Выбыло до окончанія курса.	Подано прошеній.	Изъ нихъ по- ступило.	Выбыло до окон- чанія курса.
Приготовительный	—	16	2	—	37	5
I классъ.	—	3	2	—	11	2
II	—	—	6	—	2	5
III	—	3	5	—	—	2
IV	—	—	4	—	—	1
V	—	2	4	—	2	3
VI "	—	2	—	—	—	—
VII "	—	—	—	—	1	—
Всѣхъ.	30	26	23	59	53	18

Изъ общаго числа учащихся на долю городскихъ сословій въ 1890 г. приходилось 70%, а на долю дѣтей дворянъ и чиновниковъ—21,9%. Значительное большинство учащихся (91,2%) составляютъ дѣти русскаго происхожденія.

Изъ числа 8 реальныхъ училищъ, находящихся въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, по числу учащихся, Ейское въ 1890 г. занимало 7-е мѣсто, и только въ Ставропольскомъ училищѣ число учащихся было еще менѣе—123. (Наибольшее число учащихся приходится на долю Бакинскаго—515).

Стоимость обученія въ Ейскомъ реальномъ училищѣ каждаго ученика достигаетъ 172 рублей при платѣ за право ученія по 12 рублей въ годъ.

Необходимо замѣтить, что ученики, по желанію, въ свободные часы занимаются столярнымъ, токарнымъ и переплетнымъ ремеслами.

Кромѣ реального училища въ городѣ Ейскѣ въ томъ же 1880 г. открыто Александровское 4-хъ-классное городское, по положенію 31-го мая 1872 г., училище, на содержаніе коего въ смѣту приходило и расходовъ города Ейска въ 1891 г. внесена была сумма въ 6.345 рублей.

Ейское городское училище къ началу 1891 г. имѣло 210 учениковъ и по числу учащихся занимало третье мѣсто изъ всѣхъ 11-ти городскихъ училищъ Сѣвернаго Кавказа (въ Ставропольскомъ—275 и въ Баталпашинскомъ—218 учениковъ) и 11-е мѣсто изъ общаго количества (33) городскихъ училищъ Кавказскаго учебнаго округа.

Всѣ остальные городскія училища Сѣвернаго Кавказа: Баталпашинское, Майкопское, Темрюкское и Анапское (въ предѣлахъ Кубанской области), Владикавказское, Моздокское, Кизлярское, Георгіевское и Пятигорское (въ Терской области) и Ставропольское, находятся на весьма значительномъ отъ города Ейска разстояніи; ближайшія къ городу Ейску городскія училища расположены въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, въ городахъ: Ростовѣ на Дону, Нахичевани и Таганрогѣ.

Распределение въ Ейскомъ городскомъ училищѣ учащихся по классамъ и отдѣленіямъ за два послѣдніе года видно изъ слѣдующей вѣдомости:

Классы и отдѣленія:	Въ концѣ 1889 г.		Въ концѣ 1890 г.	
	Число.	Въ %	Число.	Въ %
I классъ, младшее отдѣленіе	62	29	67	31,9
старшее	51	23,8	51	24,3
II классъ, младшее	56	26,2	38	18,1
старшее	16	7,5	28	13,3
III классъ	18	8,4	18	8,6
IV	11	5,1	8	3,8
Всѣхъ	214	—	210	—

Нижеприведенная таблица показываетъ число вновь поступившихъ въ то же училище и выбывшихъ изъ онаго до окончанія курса.

Классы и отдѣленія.	1889 годъ.			1890 годъ.		
	Подано прошеній.	Изъ нихъ поступи- ло.	Выбыло до окончанія курса.	Подано прошеній.	Изъ нихъ поступи- ло.	Выбыло до окончанія курса.
I классъ, младшее отдѣленіе	—	48	12	—	46	9
старшее	—	21	18	—	10	10
II классъ, младшее	—	10	17	—	2	24
старшее	—	—	4	—	—	5
III классъ.	—	2	1	—	1	4
IV классъ.	—	—	—	—	—	—
Всѣхъ	83	81	52	64	59	52

Почти всѣ поступающіе въ младшіе классы и отдѣленія городскаго училища предварительную подготовку получаютъ въ частныхъ школахъ.

Въ теченіе десятилѣтняго существованія училища, по 1890 годъ включительно, было произведено 7 выпусковъ, при чемъ вполнѣ оковчили курсъ 41 человекъ; изъ сего числа на 1889 г. приходится 2 человека и на 1890 г.—11 человекъ.

За обученіе въ Ейскомъ городскомъ училищѣ взимается плата въ размѣрѣ 5 рублей въ годъ, стоимость же обученія каждаго ученика достигаетъ 36 рублей въ годъ.

При училищѣ существуетъ столярно-токарное ремесленное отдѣленіе.

Кромѣ городского училища, изъ числа низшихъ учебныхъ заведеній въ городѣ Ейскѣ съ 1880 г. существуютъ два начальныхъ мужскихъ училища, въ коихъ къ началу сего 1891 г. состояло учащихся: въ 1-мъ—87 и во 2-мъ—67 человекъ; на содержаніе этихъ училищъ, по прикоро-расходной смѣтѣ на 1891 г., ассигновано 3.360 рублей.

Изъ этой же смѣты видно, что на содержаніе женской прогимназіи ассигновано 5.500 рублей; на содержаніе двухъ женскихъ начальныхъ училищъ—2.282 рубля 50 копѣекъ и на наемъ помѣщенія для одного изъ училищъ—250 рублей. Сверхъ того, городъ устраиваетъ въ настоящее время прекрасныя, специально для двухъ начальныхъ школъ назначаемыя, помѣщенія, которыя по пути были мною осмотрѣны, совмѣстно съ г. директоромъ народныхъ училищъ Кубанской области, по просьбѣ ейскаго городского головы.

Все изложенное приводитъ къ убѣжденію, что, обративъ, начиная съ 1880 г., особое вниманіе на народное образованіе, расходуя въ настоящее время, при общей суммѣ доходовъ около 110 тысячъ рублей, на общеобразовательныя школы до 31 тысячи рублей (что составляетъ около 30% всѣхъ городскихъ средствъ) и ходатайствуя объ открытіи низшаго механико-техническаго училища, общественное управленіе города Ейска, очевидно, ожидаетъ, что содержаніе поманутаго училища будетъ принято на счетъ казны.

Приведенныя выше цифровыя данныя показываютъ также, что недостатка въ общеобразовательныхъ школахъ въ городѣ Ейскѣ не ощущается, такъ какъ почти всѣ пожелавшіе поступить въ реальное и городское училища были въ таковыя приняты; нельзя, однако, не обратить вниманія на многочисленность состава учащихся приготовительнаго класса реального училища и вообще низшихъ классовъ какъ реального, такъ и въ особенности городского училищъ, по отношенію къ высшимъ классамъ тѣхъ же училищъ, свидѣтельствующую о томъ, что значительное большинство учащихся поступаетъ въ эти учебныя заведенія съ исключительною цѣлью получить въ нихъ обра-

зование въ объемѣ начальной школы или же немногимъ его превышающее; это доказывается тѣмъ, что въ 1889 году въ младшемъ отдѣленіи II класса было 56 учащихся, а въ старшемъ только 16.

Впрочемъ, здѣсь необходимо сдѣлать оговорку: ейскія училища, какъ реальное, такъ и городское, не представляютъ исключенія изъ числа подобныхъ имъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ замѣчается то же явленіе, хотя, быть можетъ, въ менѣе рѣзкой формѣ.

Такимъ образомъ, высшіе классы (начиная съ IV) реального училища полезны для дѣтей лишь весьма немногихъ обывателей города Ейска (въ 1889 г. въ нихъ было 34 ученика изъ общаго числа 126, а въ 1890 г. — 45 человѣкъ изъ числа 160) и, надо полагать, наиболѣе состоятельныхъ, которые имѣютъ возможность переводить своихъ дѣтей для дальнѣйшаго образованія въ другіе города. Между тѣмъ содержаніе сихъ классовъ обходится весьма дорого, и если въ настоящее время (какъ выше замѣчено) обученіе каждаго ученика реального училища стоитъ 172 рубля, то, безъ всякаго сомнѣнія, стоимость обученія каждаго ученика высшаго класса того же училища выразится въ суммѣ 350 руб.

То же самое явленіе, но еще въ болѣе ощутительной формѣ замѣчается и въ городскомъ училищѣ, въ III и IV классахъ коего было въ 1889 г. 29 человѣкъ изъ общаго числа 214, что составляетъ 13,5%, въ 1890 г. — 26 человѣкъ изъ 210, или 12,4%.

Поэтому, а также принимая во вниманіе, что для поступленія въ низшія техническія училища требуется окончаніе курса въ городскихъ или двухклассныхъ сельскихъ училищахъ, можно почти положительно утверждать, что 9-ти или 8-ми лѣтній курсъ обученія въ подготовительной и спеціальной школахъ для большинства жителей города Ейска будетъ не по средствамъ.

Независимо отъ сего, если даже допустить, что учрежденіе въ городѣ Ейскѣ низшаго механико-техническаго училища вызывается дѣйствительными потребностями населенія, нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить при этомъ, что учрежденіе нынѣ же подобнаго заведенія представлялось бы преждевременнымъ; къ таковому же заключенію пришли представители городского и мѣщанскаго управленія города Ейска на совѣщаніи, происходившемъ 18-го іюля сего 1891 года въ присутствіи директора народныхъ училищъ Кубанской области дѣйств. ст. сов. Блюдова, въ бытность мою въ городѣ Ейскѣ.

Было бы наиболѣе естественнымъ по мѣстнымъ условіямъ, при существованіи полнаго реального училища въ городѣ Ейскѣ, четырех-

классное городское училище обратить въ такое техническое или ремесленное заведеніе, которое удовлетворяло бы потребностямъ населенія, какъ объ этомъ и ходатайствуетъ ейское городское общество. Низшіе классы такого училища посвящены были бы начальному общему образованію (если, разумѣется, не выдѣлять ихъ въ особую начальную школу), а высшіе, готовя сѣдущихъ лицъ, возмѣщали бы недостатокъ таковыхъ для потребностей сельскаго хозяйства. Что таковыя училища признаются весьма полезными для Кавказскаго учебнаго округа попечителемъ сего округа, можно видѣть изъ слѣдующей выдержки изъ представленія послѣднaго г. министру народнаго просвѣщенія, по вопросу объ открытіи въ семь округѣ промышленныхъ училищъ:

„Сѣверный Кавказъ крайне нуждается въ такихъ училищахъ, которыя бы содѣйствовали подъему сельскаго хозяйства, пошатнушагося въ послѣдніе годы, благодаря неправильной системѣ веденія такового. Въ уставѣ ремесленныхъ училищъ не сказано, что при нихъ могутъ быть открываемы сельскохозяйственные отдѣленія, но, принимая во вниманіе, 1) что таковыя отдѣленія могутъ быть открываемы при среднихъ техническихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, 2) что, по ст. 10 Высочайше утвержденнаго положенія о промышленныхъ училищахъ, таковыя могутъ быть открываемы со спеціальностями, сообразно мѣстнымъ условіямъ, я полагалъ бы справедливымъ разрѣшать открытіе сельскохозяйственныхъ отдѣленій и при ремесленныхъ училищахъ, разъ содержаніе ихъ всецѣло или въ значительномъ размѣрѣ будетъ принято обществомъ, какъ то уже сдѣлано для Красноуфимскаго училища. Въ настоящее время объ открытіи сельскохозяйственныхъ отдѣленій существуютъ предположенія относительно горской школы въ Налчикѣ, при ремесленномъ отдѣленіи городского училища въ городѣ Ахалцихѣ и при ремесленномъ училищѣ въ городѣ Елисаветполѣ. Общества нуждаются преимущественно въ училищахъ, которыя бы содѣйствовали улучшенію главнаго занятія жителей, и сельскохозяйственные отдѣленія при ремесленныхъ училищахъ не только не мѣшали бы развитію послѣднихъ, но, наоборотъ, привлекали бы къ нимъ населеніе. Открытіе названныхъ отдѣленій на средства обществъ освобождало бы и государственное казначейство отъ расходовъ на самостоятельныя сельскохозяйственныя училища“.

Въ отчетѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа о состояніи учебныхъ заведеній за 1890 г. находимъ указаніе на то, что къ от-

крытію таковыхъ сельскохозяйственныхъ отдѣленій при общеобразовательныхъ школахъ имъ уже приступлено. На страницѣ 86 сегоотчета помѣщено:

„Съ открытіемъ ремесленно-сельскохозяйственнаго отдѣленія при Ахалцыхскомъ городскомъ училищѣ, съ 18-го октября 1890 г., при томъ же училищѣ открыты и дополнительные классы для учениковъ, не обучающихся въ городскомъ училищѣ. Сюда могутъ поступать всѣ, имѣющіе право поступления въ ремесленные училища министерства народнаго просвѣщенія. Кромѣ обученія предметамъ, въ предѣлахъ курса двухклассныхъ начальныхъ училищъ, они обучаются практически садоводству, огородничеству, шелководству и пчеловодству на училищной фермѣ и работамъ по дереву и желѣзу въ ремесленномъ отдѣленіи.

„Въ настоящее время въ этихъ классахъ состоитъ 20 учениковъ. Занимаются съ ними учителя городского училища и жена инспектора училища, г-жа Богданова. Съ 1-го іюня по 1-е сентября происходятъ практическія занятія на фермѣ и въ мастерскихъ, при чемъ на работы на фермѣ назначаются 4 дня въ недѣлю, а въ мастерскихъ 2 дня, съ 6 до 11 часовъ утра и съ 3 до 6 вечера. Каникулами ученики пользуются не всѣ въ одно время, а группами, съ такимъ расчетомъ, чтобы половина всѣхъ находилась на лицѣ для практическихъ работъ. Бѣдные ученики изъ приходящихъ могутъ пользоваться даровымъ помѣщеніемъ на фермѣ и продуктами огорода. Дополнительные классы содержатся на средства города Ахалцыха, отпускающаго на этотъ предметъ 1.200 руб., на счетъ 300 руб., отпускаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія,—спеціальныхъ средствъ училища, отпускаемыхъ по мѣрѣ возможности,—доходовъ отъ мастерскихъ, сада, огорода и пасѣки и случайныхъ пожертвованій и поступленій. При училищѣ состоитъ, въ качествѣ руководителя по сельскому хозяйству, садоводъ, окончившій курсъ въ Никитскомъ училищѣ“.

Мое личное мнѣніе по сему вопросу изложено на страницахъ 35—42 отчета о моей командировкѣ въ 1890 г., помѣщеннаго въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за май мѣсяцъ 1891 года. Вторичное пребываніе мое въ предѣлахъ Кавказскаго учебнаго округа еще болѣе утверждаетъ меня въ этомъ мнѣніи, вполнѣ согласующемся и съ мнѣніемъ начальства сего округа.

Заканчивая обсужденіе вопроса объ открытіи въ городѣ Ейскѣ промышленнаго училища, считаю своею обязанностью заявить, что

учрежденіе въ этомъ городѣ низшаго сельскохозяйственно-ремесленного училища, по моему глубокому убѣжденію, принесетъ жителямъ его несомнѣнную пользу, какъ въ отношеніи поднятія уровня настоящаго состоянія сельскаго хозяйства въ Ейскомъ районѣ, такъ и по отношенію къ имѣющимъ непосредственное отношеніе къ сему хозяйству различнымъ мастерствамъ. Если эта мысль принципиально будетъ признана правильною и одобрена, то слѣдовало бы немедленно же приступить къ составленію учебныхъ плановъ подобныхъ училищъ вообще и въ примѣненіи ихъ къ городу Ейску въ частности.

Въ пользу открытія ремесленного училища въ городѣ Майкопѣ Кубанской области попечитель Кавказскаго учебнаго округа въ представленіи г. министру народнаго просвѣщенія приводитъ слѣдующія соображенія:

„Въ городѣ Майкопѣ существуетъ горская школа, помѣщающаяся въ собственномъ зданіи, выстроенномъ на суммы горскихъ обществъ и имѣющая пансіонъ на 40 человѣкъ дѣтей горцевъ и русскихъ. Правительствомъ нынѣ отпускается въ годъ на содержаніе школы и пансіона при ней 8.812 р. Какъ вообще горскія школы, такъ и находящаяся въ городѣ Майкопѣ, не удовлетворяютъ своему назначенію — распространять культурныя начала въ средѣ горскаго населенія и, находясь одновременно въ вѣдѣніи военнаго начальства и учебнаго вѣдомства, не развиваются, а служатъ лишь ареною разныхъ недоразумѣній. Вслѣдствіе сего я вошелъ въ сношеніе съ Кубанскимъ войсковымъ начальствомъ по вопросу о преобразованіи Майкопской школы въ ремесленное училище, въ которомъ стипендіаты-горцы могли бы получать знанія, необходимыя для подъема благосостоянія ихъ обществъ и для пріученія горцевъ къ культурной жизни, что было бы чрезвычайно важно и для сосѣднихъ съ горцами русскихъ населеній, которыя не мало терпятъ отъ полудикихъ, наѣздническихъ инстинктовъ горцевъ. Выбѣсть съ симъ, ремесленное училище оказало бы немало услугъ и вообще сельскому населенію Кубанской и отчасти Терской области. Въ уѣздномъ городѣ Кубанской области — Майкопѣ (около 28.000 жит.), лежащемъ почти въ центрѣ Кубанской области и соединенномъ шоссею дорогой съ Туапсе (Черноморскій округъ), есть городское трехклассное училище, а въ окрестныхъ станицахъ, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды отъ города, находится 6 одноклассныхъ училищъ, содержимыхъ станичными обществами“.

Такъ какъ вопросъ о преобразованіи горской школы въ техниче-

скую поднять также въ городѣ Сухумъ-Кале, то необходимо прежде всего ознакомиться какъ съ цѣлью устройства, такъ и съ организаціею горскихъ школъ, существующихъ въ числѣ 5 исключительно только въ Кавказскомъ учебномъ округѣ.

Горскія школы руководствуются уставомъ, Высочайше утвержденнымъ 20-го октября 1859 г.; онѣ учреждены съ цѣлью распространенія гражданственности и образованія между покорившимися мирными горцами и для доставленія служащимъ на Кавказѣ семейнымъ офицерамъ и чиновникамъ средства къ воспитанію и обученію дѣтей (§ 1 устава). Школы раздѣляются на окружныя и начальныя (§ 2). Окружныя школы состоятъ изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ одинъ приготовительный (§ 3). Курсъ обученія въ окружныхъ школахъ полагается годичный для каждаго класса, исключая приготовительнаго, въ которомъ дѣти могутъ оставаться два года и болѣе (§ 9).

Въ окружныхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: а) Законъ Божій православнаго вѣроисповѣданія, то-есть, молитвы, краткій катехизисъ, краткая священная исторія и понятіе о Богослуженіи православной церкви, для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія; б) мусульманскіе законы — для мусульманъ; в) русскій языкъ и русская грамматика, съ практическими упражненіями въ языкѣ; г) краткая географія, всеобщая и русская; д) краткій очеркъ всеобщей и русской исторіи; е) ариметика и понятіе о геометріи, то-есть, объясненіе линій, плоскостей и тѣлъ и важнѣйшихъ ихъ свойствъ, а также черченіе геометрическихъ фигуръ; ж) чистописаніе и, если можно, рисованіе (§ 7). Окончившіе курсъ пользуются тѣми же правами, кои присвоены обучающимся въ уѣздныхъ училищахъ Кавказскаго учебнаго округа (§ 14).

Начальныя горскія школы состоятъ изъ трехъ классовъ, изъ коихъ одинъ приготовительный (§ 17); въ этихъ школахъ преподаются: а) Законъ Божій православнаго вѣроисповѣданія, то-есть, молитвы, краткая священная исторія и краткое объясненіе символа вѣры и молитвы Господней, по книжкѣ „Начатки христіанскаго ученія“; б) мусульманскій законъ; в) русскій языкъ, чтеніе съ объясненіемъ читаемаго, письмо подъ диктовку, понятіе о составѣ рѣчи; г) счисленіе и первая часть ариметики; д) понятіе о землѣ и самый краткій очеркъ русской географіи; е) чистописаніе (§ 20). Кончившіе съ хорошими успѣхами курсъ наукъ въ начальныхъ горскихъ школахъ принимаются безъ экзамена во вторые классы уѣздныхъ училищъ и гимназій Кав-

казскаго учебнаго округа (§ 23). Плата за обученіе взимается въ размѣрѣ 5 р. въ годъ въ окружныхъ и по 3 р. — въ начальныхъ школахъ (§§ 12 и 22). При всѣхъ городскихъ школахъ учреждаются пансіоны, при чемъ въ Усть-Лабинской (нынѣ Майкопской) для 40 казенныхъ воспитанниковъ (кромѣ 25 своекоштныхъ); 25 казенныхъ вакансій назначаются для горцевъ изъ закубанскихъ племенъ и 15 для дѣтей русскихъ чиновниковъ; въ Сухумъ-Кале—для казенныхъ 20 воспитанниковъ (кромѣ 20 своекоштныхъ), для замѣщенія дѣтей абхазцевъ, чебальдинцевъ и джигетовъ 15 и для дѣтей русскихъ чиновниковъ 5 (§ 26). Въ пансіоны могутъ поступать въ возрастѣ 9—15 лѣтъ и съ платою за своекоштныхъ по 80 р. въ годъ (§§ 31 и 28). Горскія школы, находясь въ мѣстахъ, состоящихъ въ военномъ управленіи, содержатся на счетъ казны, и опредѣленные на нихъ по штату суммы отпускаются военнымъ вѣдомствомъ (§ 49). Находясь въ непосредственномъ завѣдываніи и зависимости отъ директоровъ училищъ, эти заведенія состоятъ, однако, подъ ближайшимъ надзоромъ мѣстнаго военного начальства, то-есть, начальника военного округа, и ввѣряются его особому попеченію, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи (§ 51). Мѣстный военный начальникъ, въ отношеніи къ учрежденнымъ въ районѣ его управленія школамъ, пользуется правами и преимуществами почетныхъ попечителей тѣхъ гимназій, при коихъ учреждены благородные пансіоны на счетъ дворянскихъ суммъ, съ тою только разницею, что онъ не подчиняется попечителю округа, но о всѣхъ своихъ предположеніяхъ, касающихся благосостоянія пансіоновъ, его попечительству ввѣренныхъ, входитъ съ представленіемъ по командѣ въ главный штабъ Кавказской арміи, который въ такихъ случаяхъ сноситъ съ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. Если же сей послѣдній не согласится съ предложенною штабомъ мѣрою, то представляетъ свое мнѣніе особо на усмотрѣніе намѣстника Кавказскаго (§ 52). Суммы, опредѣленные по штату на содержаніе горскихъ школъ, отпускаются военнымъ начальствомъ смотрителямъ училищъ (§ 54), а потому и отчетъ въ расходованіи ихъ, вмѣстѣ съ книгами и документами, представляется военному начальству (§ 57). Педагогическіе совѣты школъ каждыя мѣсячно собираются подъ предсѣдательствомъ начальника военного округа, какъ почетнаго попечителя, для обсужденія вопросовъ, касающихся до обученія учащихся и содержанія воспитанниковъ и надзора за ними; протоколы этихъ засѣданій представляются главному военному начальству края. О тѣхъ

изъ постановленій педагогическихъ совѣтовъ, которыя относятся до обученія и воспитанія и которыя должны поступить на разрѣшеніе высшихъ инстанцій, смотрители входить съ представленіями къ директору училищъ (§ 58).

Майкопская (прежде Усть-Лабинская) горская школа принадлежитъ къ числу начальныхъ; она открыта въ 1866 г. и, произведя 24 выпуска, дала 163 человѣка, вполнѣ окончившихъ курсъ; изъ сего числа на 1890 г. приходится 6 человѣкъ. Въ началѣ 1890 г. было 88 учащихся, а въ концѣ года 94; вышло изъ заведенія въ теченіе года до окончанія курса 18 человѣкъ, изъ коихъ 12 изъ приготовительнаго класса. Желавшихъ поступить въ школу было 45, но, по недостатку мѣста, 15 отказано и приняты 30, изъ коихъ 29 поступили въ приготовительный классъ.

Учащіеся, въ возрастѣ отъ 7 до 18 лѣтъ, по классамъ раздѣлялись такъ: въ приготовительномъ — 75, въ I — 12 и во II — 7; изъ всего числа 94 учащихся состояло пансіонерами 42 (въ приготовительномъ классѣ—29, въ I кл.—8 и во II кл.—5), изъ коихъ 40 занимали казенныя бесплатныя вакансіи. Въ Майкопскомъ горскомъ училищѣ русскіе преобладаютъ передъ горцами; въ 1890 г. первыхъ было 57, а послѣднихъ — 32; по успѣшности въ занятіяхъ русскіе стояли ниже горцевъ; среди горцевъ число успѣшно занимавшихся составляло 78⁰/₁₀₀, а среди русскихъ—только 60⁰/₁₀₀.

По сословіямъ учащіеся распредѣлялись такъ: дворянъ—21, дѣтей изъ городскихъ сословій—31, крестьянъ—23, дѣтей нижнихъ чиновъ и казаковъ—18, иностранцевъ—1.

Пансіонеры занимаются ремеслами; въ столярной и слесарной обучались по 5 человѣкъ и въ переплетной—10; кромѣ того, малолѣтніе пансіонеры занимались садоводствомъ и огородничествомъ.

На содержаніе школы израсходовано 9.730 руб., изъ коихъ 8.812 р. казенныхъ; содержаніе школы безъ пансіона стоитъ 5.196 р., а обученіе каждаго мальчика обходится въ 55 руб.; на содержаніе пансіона израсходовано 4.534 р., что при 42 пансіонерахъ составляетъ по 108 р. на каждаго.

Для ближайшаго ознакомленія съ городомъ Майкопомъ необходимо замѣтить, что въ немъ, кромѣ горскаго училища, существуетъ съ 1878 г. трехклассное городское по положенію 31-го мая 1872 года.

Это училище имѣло уже 9 выпусковъ и дало въ общемъ 38 человѣкъ, вполнѣ окончившихъ курсъ, изъ коихъ въ 1890 г. окончило полный курсъ 11 человѣкъ.

Учащіеся распредѣлялись по классамъ и отдѣленіямъ такимъ образомъ:

Классы и отдѣленія.	1888 годъ.		1889 годъ.		1890 годъ.		Къ концу 1890 учебнаго года.
	Число въ концѣ года.	Въ ‰	Число въ концѣ года.	Въ ‰	Число въ концѣ года.	Въ ‰	
I кл., 1 отдѣленіе	57	31,7	54	29,2	48	26,7	45
2 " "	47	26,1	59	31,9	56	31,1	53
II кл., 1 отдѣленіе	41	22,8	29	15,7	33	18,3	25
2 " "	16	8,8	20	10,8	25	13,9	23
III кл., 1 отдѣленіе	11	6,1	12	6,5	12	6,7	9
2 " "	8	4,5	11	5,9	6	3,3	5
Всѣхъ	180	—	185	—	180	—	160

Русскіе составляютъ около 85% всѣхъ учащихся.

О числѣ вновь принятыхъ и выбывшихъ до окончанія въ послѣдніе два года имѣются слѣдующія свѣдѣнія:

Классы и отдѣ- ленія:	1889 годъ.				1890 годъ.			
	Подано про- шеній.	Изъ нихъ поступило.	Выбыло до оконч. курса.	Не принято по недостатку мѣстъ.	Подано про- шеній.	Изъ нихъ поступило.	Выбыло до оконч. курса.	Не принято по недостатку мѣстъ.
I кл., 1 отдѣленіе	—	37	8	—	—	28	7	—
2 " "	—	15	12	—	—	4	10	—
II кл., 1 отдѣленіе	—	1	18	—	—	6	11	—
2 " "	—	—	—	—	—	1	3	—
III кл., 1 отдѣленіе	—	—	2	—	—	1	2	—
2 " "	—	1	1	—	—	—	1	—
Всѣхъ .	116	54	44	62	61	40	34	21

Училище помѣщается въ городскомъ зданіи и расходуетъ на содержаніе 5.573 рубля, изъ коихъ 4.565 р. отпускаетъ городъ. Въ училищѣ вводится въ настоящее время обученіе столярному ремеслу.

Хотя въ городѣ Майкопѣ въ 1889 г. открыты два начальныхъ мужскихъ училища, въ коихъ въ концѣ 1890 г. было 131 человѣкъ учащихся, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ вышеприведенныхъ числовыхъ данныхъ, многими желающимъ поступить какъ въ горскую школу, такъ и въ городское училище, приходилось отказывать по недостатку мѣстъ. По словамъ инспектора мѣстнаго городского училища,

большинство поступаетъ въ оба помянутыя учебныя заведенія съ цѣлью пріобрѣтенія образованія въ разнѣрахъ курса начальной школы; многочисленные составы младшихъ классовъ и поразительная малочисленность учащихся въ старшихъ классахъ вполне подтверждаютъ сказанное, тѣмъ болѣе, что число выбывающихъ какъ изъ старшаго отдѣленія II-го, такъ и изъ III-го классовъ незначительно; перешедшіе въ старшее отдѣленіе II класса обыкновенно уже не покидаютъ училища до окончанія въ немъ полного курса.

Прежде чѣмъ приступить къ ближайшему ознакомленію съ г. Майкопомъ, необходимо указать, что почтовый трактъ въ этотъ городъ (120 верстъ) идетъ отъ станціи Армавиръ Владикавказской желѣзной дороги (291 верста отъ Ростова) по грунтовой дорогѣ черезъ станицы Урунскую, Новогригорьевскую, Чамлыкскую, Лабинскую, Чокракскую, Ярославскую и Кужорскую.

Станція Армавиръ представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ района Сѣвернаго Кавказа, извѣстнаго по отправкѣ доставляемаго сюда хлѣба; нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Армавира отправляли 700—800 тысячъ четвертей, въ настоящее же время это количество нѣсколько уменьшилось вслѣдствіе того, что часть хлѣба направляется на станцію Кавказскую (229 верстъ отъ Ростова). Находясь въ весьма благопріятныхъ условіяхъ, станція Армавиръ довольно быстро достигла такого развитія, что въ настоящее время въ ней насчитывается до 10.000 жителей, при чемъ вся торговля находится въ рукахъ русскихъ и армянъ. Въ роскошно построенныхъ домахъ, встрѣчаемыхъ развѣ только въ столицахъ, помѣщаются склады мануфактурныхъ московскихъ издѣлій, производящіе миллионные обороты; табачная фабрика, переведенная изъ Майкопа, перерабатываетъ мѣстный табакъ, а два механическихъ завода удовлетворяютъ потребностямъ сельскаго хозяйства по ремонту земледѣльческихъ машинъ и орудій, для продажи которыхъ имѣются отдѣльные склады. Если въ видахъ; удовлетворенія потребностей Сѣвернаго Кавказа необходимо учрежденіе особой школы для подготовленія опытныхъ слесарей, достаточно знакомыхъ съ уходомъ за локомотивами и сельско-хозяйственными машинами, то наиболѣе удачнымъ пунктомъ для учрежденія подобной школы представляется въ настоящее время Армавиръ, не смотря на то, что этому селенію присущи общіе недостатки быстро развивающихся городовъ и селеній, а именно: сравнительная дороговизна жизни вообще и недостатокъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ и высокія цѣны на квартиры въ особенности.

Возвращаясь къ г. Майкопу, замѣтимъ, что основаніе сего города относится къ 1857 году, когда русскія войска, оттѣснивъ горцевъ и черкесовъ, приступили къ постройкѣ укрѣпленія на правомъ берегу рѣки Бѣлой, притока Кубани.

Съ этого года началось быстрое заселеніе укрѣпленія, наименованнаго Майкопомъ, преимущественно отставными военными, а вскорѣ здѣсь возникло и цѣлое селеніе.

Послѣ покоренія Кавказа укрѣпленіе было упразднено и переименовано въ слободу, а съ 1863 г., когда слобода была переименована въ уѣздный городъ Майкопъ и жителямъ его были предоставлены различныя весьма существенныя льготы на 15-ти лѣтній срокъ, приливъ новыхъ поселенцевъ еще болѣе увеличился; въ настоящее время г. Майкопъ никакими особыми преимуществами противъ другихъ городовъ имперіи не пользуется.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, число жителей въ городѣ Майкопѣ достигаетъ 30 тысячъ человекъ, изъ коихъ 50% принадлежатъ къ мѣщанскому и 35% къ сельскому сословію, 5% составляютъ военные, 7% безсрочные, временно отпускные и отставные нижніе чины и 1,5% куцы.

Главное занятіе жителей составляетъ хлѣбопашество на арендованныхъ участкахъ, такъ какъ городъ своей земли не имѣетъ. Кромѣ различнаго рода хлѣбныхъ произрастаній, жители сѣютъ въ большомъ количествѣ подсолнечникъ и разводятъ табакъ.

Благодаря прекрасной черноземной почвѣ, неурожаи здѣсь нечастны; избытокъ хлѣба экспортируется, а частью идетъ на винокуренные и пивоваренные заводы.

Обильными урожаями подсолнечника объясняется существованіе въ городѣ нѣсколькихъ маслособойныхъ заведеній, а не менѣе обильные урожаи табака способствовали возникновенію двухъ табачныхъ фабрикъ, хотя значительное количество табака закупается крупными табачными фирмами Ростова на Дону и другихъ городовъ.

Второе мѣсто въ ряду занятій жителей принадлежитъ лѣсному промыслу. Окрестныя горы изобилуютъ самыми разнообразными породами лиственнаго и отчасти хвойнаго лѣса. Благодаря такому богатству лѣснаго матеріала, жители занимаются изготовленіемъ дрогъ, бондарнымъ, колеснымъ и другими производствами, а часть лѣса въ видѣ бревенъ, досокъ, ободьевъ, обручей и проч. вывозится въ закубанскія безлѣсныя станицы и въ Ставропольскую губернію.

Третьимъ промысломъ для жителей города служитъ скотоводство

на арендуемыхъ ими участкахъ земли; мѣстная обработка продуктовъ скотоводства вызвала устройство и поддерживаетъ существованіе кожевенныхъ, мыловаренныхъ заводовъ и шорныхъ заведеній. Всѣхъ заводскихъ и промышленныхъ заведеній въ городѣ насчитывается—79, изъ нихъ бондарныхъ—33, маслобойныхъ—17, гончарныхъ—9, кирпичныхъ—13, кожевенныхъ—2, винокуренныхъ, пиво и медоваренныхъ—2, табачныхъ фабрикъ—2, чугуно-литейный заводъ—1.

Кромѣ того, 700 человѣкъ занимаются мелкими ремеслами, ииѣя до 730 человѣкъ помощниковъ и до 270 учениковъ; изъ сего числа на долю сапожнаго ремесла приходится—22⁰/₁₀₀, плотничнаго—15⁰/₁₀₀, колеснаго—9⁰/₁₀₀, портняжнаго—9⁰/₁₀₀, столярнаго—3⁰/₁₀₀, кузнечнаго—5⁰/₁₀₀, шорнаго 2⁰/₁₀₀ и т. д.

Лично осматрѣвъ 21-го іюля небольшой механическій заводъ, или, правильнѣе сказать, заведеніе, а также столярныя и слесарныя мастерскія, я убѣдился, на сколько обработка дерева и металловъ идетъ въ нихъ неудовлетворительно: механическое заведеніе, пользуясь услугами лишь случайно заходящихъ въ Майкопъ изъ Армавира ненадежныхъ рабочихъ, не общается дальнѣйшаго развитія, ибо нерѣдко принуждено бываетъ отказываться отъ исполненія выгодинныхъ заказовъ на срокъ изъ опасенія не выполнить таковыхъ, за отсутствіемъ достаточнаго числа рабочихъ рубъ.

Не принятые въ Майкопъ заказы исполняются въ Армавирѣ и даже въ мастерскихъ Ростова на Дону.

Какъ продукты земледѣлія, такъ и продукты лѣснаго хозяйства вывозятся въ другіе города и села области; соответственно занятіямъ жителей главные предметы вывоза: хлѣбъ, табакъ и подсолнечное масло; общая сумма торговаго оборота города въ 1890 г. простиралась до 1.634.000 рублей, не включая сюда оборотовъ по торговлѣ лѣсомъ, которые, по неимѣнію надлежащихъ данныхъ, опредѣлить невозможно. Городскіе расходы въ 1890 г. достигали 41 тысячи рублей, изъ каковой суммы на народное образованіе приходилось 22⁰/₁₀₀; на эти средства содержатся: трехклассное городское Александровское училище, одноклассное Маринское женское училище и два начальныхъ училища для мальчиковъ; сверхъ того, одно изъ сихъ училищъ помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ городу, а на наемъ помѣщеній для остальныхъ училищъ расходуется до 1.150 рублей.

Основываясь на вышеизложенномъ, нельзя не придти къ заключенію, что существующіи въ городѣ 4 мужскихъ учебныхъ заведенія далеко

не достаточны для удовлетворенія потребностей жителей въ образованіи ихъ дѣтей: лучшимъ доказательствомъ можетъ служить вызываемый отсутствіемъ свободныхъ вакансій отказъ со стороны администраціи училищъ въ принятіи значительнаго процента изъ общаго числа поступающихъ. За всѣмъ тѣмъ, содержаніемъ имѣющихся училищъ городъ хотя отчасти удовлетворяетъ потребностямъ населенія въ начальномъ общемъ образованіи; что же касается профессиональныхъ школъ, потребность въ которыхъ несомнѣнно очень велика, то ожидать въ семъ отношеніи со стороны города существенной помощи, по неимѣнію въ распоряженіи его соотвѣтственныхъ средствъ, едва ли возможно.

Жители города Майкопа, расположеннаго въ плодородной мѣстности, почти незнающіе поэтому неурожаевъ и занимающіеся, главнымъ образомъ, земледѣліемъ, распахивая и засѣвая арендуемые ими участки земли, крайне нуждаются въ распространеніи среди нихъ рациональныхъ свѣдѣній по земледѣлію.

Недостатокъ рабочихъ рукъ и дороговизна ихъ и нынѣ побуждаютъ майкопскаго земледѣльца, на сколько возможно, прибѣгать къ употребленію машинъ и орудій, примѣняемыхъ въ обширныхъ размѣрахъ среди всѣхъ сосѣднихъ хуторовъ. Въ экономіяхъ частныхъ лицъ и въ станичныхъ обществахъ встрѣчаются самыя разнообразныя машины, а въ нѣкоторыхъ хлѣбородныхъ окрестныхъ станицахъ однихъ только паровыхъ молотилокъ насчитываютъ до 40—50 штукъ. Пользованіе ими вызываетъ потребность въ умѣлыхъ ремесленникахъ, знакомыхъ какъ съ устройствомъ, такъ и съ употребленіемъ сихъ машинъ и способныхъ произвести необходимый ремонтъ. Хотя проживающіе въ городѣ различные оружейные и часовыхъ дѣлъ мастера, кузнецы и другіе въ весеннее и осеннее время почти исключительно заняты ремонтомъ земледѣльческихъ машинъ, однако они, по недостатку какъ познаній, такъ и опытности, не въ состояніи должнымъ образомъ выполнить принимаемыя на себя работы, что въ значительной мѣрѣ затрудняетъ дальнѣйшее распространеніе земледѣльческихъ орудій, такъ какъ отсылка ихъ для ремонта въ Армавиръ сопряжена съ значительными расходами.

Окружающія Майкопъ горы, покрытыя самыми разнообразными древесными породами, даютъ богатый матеріалъ для широкаго развитія экипажнаго, столярнаго, бондарнаго и др. производствъ. Всѣхъ горныхъ древесныхъ породъ насчитывается до 20, изъ нихъ дубъ, ясень, карагачъ, береза идутъ на изготовленіе экипажей, дрогъ и

колось; чинарь, осина, ель, сосна и дубъ употребляются въ бондарномъ дѣлѣ; изъ дуба и липы выдѣлываются шпалы, а сосна и ель распиливаются на доски длиною до 8 аршинъ, шириною 8—6 вершковъ и толщиною 1 верш. и болѣе,—и наконецъ ясень, липа, ольха, лѣсная черешня, груша и дубъ и всѣ породы тополей, въ томъ числѣ бѣлолистка съ весьма красивыми наплывами, употребляются для различныхъ подѣлокъ въ столярномъ дѣлѣ, а мелкій орѣшникъ идетъ на выдѣлку обручей. Значительное количество бука подало было мысль изготовлять гнутую мебель, но за недостаткомъ техническихъ знаний и предприимчивости дѣло это не получило должнаго развитія.

Слѣдуетъ, между тѣмъ, замѣтить, что лѣсной промыселъ, то-есть, выпиливаніе досокъ, кряжей, изготовленіе ободьевъ, дрогъ и колесъ является единственнымъ источникомъ существованія горныхъ станицъ Майкопскаго отдѣла (уѣзда), сбывающихъ этотъ матеріалъ на рынкахъ Майкопа для вывоза, какъ выше было сказано, въ безлѣсныя мѣстности Кубанской области и чрезъ Армавиръ въ Ставропольскую губернію.

По недостатку статистическихъ свѣдѣній, трудно опредѣлить количество продаваемого на базарахъ города Майкопа лѣснаго матеріала; несомнѣнно только, что это количество очень велико, и потому значительная часть его могла бы быть выпускаема изъ города Майкопа въ видѣ готовыхъ издѣлій, давая заработокъ, какъ обывателямъ города, такъ и жителямъ окрестныхъ нагорныхъ станицъ.

Занимающіеся въ настоящее время въ городѣ Майкопѣ обработкою дерева ремесленники едва въ состояніи удовлетворить самымъ неприхотливымъ требованіямъ мѣстныхъ жителей; естественно, что при такихъ условіяхъ о вывозѣ готовыхъ издѣлій нечего и думать!

Мѣстной городской дума, исполнѣ сознавая необходимость учрежденія въ городѣ Майкопѣ ремесленнаго училища и выслушавъ докладъ управы, составленный на основаніи заключенія особо организованной для разсмотрѣнія сего вопроса коммиссія, въ засѣданіи 24-го января 1890 г. постановила ходатайствовать объ открытіи въ городѣ Майкопѣ ремесленнаго училища. Желая, за симъ, оказать въ семъ отношеніи правительству посильное содѣйствіе, та же дума приняла на себя обязательство платить за обученіе въ сказанномъ училищѣ 60 городскихъ учениковъ, по 50 руб. въ годъ за каждого.

Желаніе имѣть въ своемъ распоряженіи 60 вакансій въ предполагаемомъ къ открытію въ Майкопѣ ремесленнаго училища городская дума объясняетъ слѣдующими соображеніями. Для предполагав-

шагося, въ 1880—1881 гг. къ открытію въ городѣ Майкопѣ, 4-хъ-класснаго реальнаго училища городомъ отпущено было 5.600 квадр. саж. земли, на коей впослѣдствіи было сооружено на средства городскихъ обществъ зданіе горскаго училища.

Въ 1886 г., ходатайствуя объ открытіи въ городѣ Майкопѣ 6-ти-класснаго реальнаго училища, городская дума предназначила къ этому количеству земли еще 2 тыс. кв. саж., съ тѣмъ, чтобы училищемъ было отдано въ распоряженіе города 60 вакансій съ платою по 50 рублей за каждаго ученика. Но такъ какъ мысль объ открытіи средняго учебнаго заведенія въ городѣ Майкопѣ не осуществилась, а между тѣмъ городское училище владѣетъ принадлежащимъ городу участкомъ земли въ 7.600 кв. саж., оцѣниваемымъ въ 10 тысячъ руб., то Майкопская городская дума пожелала вышеприведенныя условія примѣнить, вмѣсто реальнаго, къ ремесленному училищу, и такимъ образомъ обязалась за предоставленіе 60 вакансій въ училищѣ для дѣтей городскихъ жителей уплачивать за каждаго такого учащагося по 50 руб. въ годъ, то-есть иными словами, приняла на себя обязательство выдавать на содержаніе училища по 3 тысячи руб. ежегодно.

Прежде чѣмъ высказать окончательное мнѣніе по вопросу объ открытіи въ городѣ Майкопѣ промышленнаго училища, слѣдуетъ объяснить, что горская школа помѣщается въ прекрасномъ, специально для нея и въ недавнее время выстроенномъ, каменномъ двухъ-этажномъ зданіи, длиною около 24 саж. и шириною по бокамъ около 8 саж., а въ серединѣ около 10 саж.; по серединѣ зданія проходятъ въ обоихъ этажахъ корридоры; при зданіи имѣется отдѣльный жилой флигель, различныя службы, баня и т. д. Обширное зданіе Майкопской горской школы стоитъ около 80 тысячъ рублей и значительно обширнѣе и лучше помѣщеній всѣхъ остальныхъ горскихъ школъ.

Резюмируя все вышеизложенное о городѣ Майкопѣ, можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Какъ въ горскую школу, такъ и въ городское училище поступаютъ дѣти для полученія общаго образованія въ размѣрахъ курса начальныхъ школъ.

2) Распространеніе какъ среди жителей городѣ Майкопа, такъ и окрестныхъ станицъ свѣдѣній по сельскому хозяйству представляется безусловно полезнымъ.

3) Поднятіе уровня мѣстной ремесленной промышленности и въ особенности тѣхъ ея отдѣловъ, которые имѣютъ ближайшее соотно-

шеніе въ сельскому хозяйству, представляется не только полезнымъ, но безотложно необходимымъ.

4) Ремесленники по обработкѣ металловъ нуждаются въ приобрѣтеніи надлежащихъ свѣдѣній о сельско-хозяйственныхъ машинахъ и орудіяхъ и объ уходѣ за локомотивами.

5) Учрежденіе особой профессиональной школы, которая имѣла бы своею цѣлью удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, изложенныхъ въ пунктахъ 2, 3 и 4, можетъ принести несомнѣнную пользу, и открытіе ея будетъ встрѣчено обществомъ съ особеннымъ сочувствіемъ, въ чемъ я убѣдился изъ объясненій по этому вопросу съ представителями городского общества.

6) Преобразование горской школы, не удовлетворяющей, по заявленію попечителя округа, своему назначенію, въ школу профессиональную можетъ состояться въ весьма непродолжительномъ времени, такъ какъ на содержаніе ея и 40 при ней пансіонеровъ правительство отпускаетъ уже 8.812 руб., а городъ изъявилъ согласіе вносить на содержаніе профессиональной школы по 3 тысячи руб. ежегодно, съ предоставленіемъ ему права на замѣщеніе въ ней 60 вакансій пансіонеровъ дѣтими городскихъ обывателей. При такихъ условіяхъ образованіе изъ горской школы профессиональнаго училища представляется вполне возможнымъ, такъ какъ низшій типъ профессиональныхъ училищъ—ремесленное, при трехъ классахъ,—можетъ имѣть до 100 учащихся (60 городскихъ учениковъ и 40 казенныхъ пансіонеровъ: 25 горцевъ и 15 русскихъ, согласно § 26 устава горскихъ школъ), и слѣдовательно вновь предполагаемое къ открытію въ городѣ Майкопѣ ремесленное училище имѣло бы на свое содержаніе 11.812 руб., а за исключеніемъ 4.500 руб., расходующихъ нынѣ на содержаніе 40 казенныхъ пансіонеровъ,—7.312 рублей.

7) Преобразование горской школы въ профессиональную не потребовало бы новаго расхода на постройку для этой послѣдней зданія, такъ какъ приспособленіе помѣщеній горской школы подъ профессиональную потребуеетъ весьма незначительныхъ издержекъ; горская школа располагаетъ нынѣ весьма значительнымъ количествомъ земли, а городъ, вѣроятно, не отказался бы прирѣзать училищу новый участокъ земли вплоть до берега рѣки Бѣлой.

8) Еслибы встрѣтилось затрудненіе въ уничтоженіи низшихъ классовъ горской школы и въ выдѣленіи ихъ въ особое (3-е) начальное училище, то и это затрудненіе возможно было бы устранить, соединивъ общее образованіе съ профессиональнымъ путемъ увели-

ченія продолжительности обученія на одинъ или два года, что допускается въ §§ 6 и 10 основныхъ положеній о промышленныхъ училищахъ.

Не входя въ настоящее время въ болѣе подробное разсмотрѣніе типа профессиональной школы, болѣе соответствующаго потребностямъ города Майкопа и соглашаясь съ предложеніемъ попечителя округа о преобразованіи горской школы въ ремесленное училище, я считаю нелишнимъ добавить только то, что и въ городѣ Майкопѣ проектируемое училище должно главнымъ образомъ удовлетворять нуждамъ земледѣлія, поставивъ своею цѣлью исключительное развитіе тѣхъ ремеселъ, которыя имѣютъ ближайшее къ сельскому хозяйству соотношеніе и которыя, при обиліи въ городѣ Майкопѣ лѣсныхъ матеріаловъ, давали бы жителямъ заработокъ въ зимніе мѣсяцы. Попечитель учебнаго округа уже вошелъ въ сношеніе съ кубанскимъ войсковымъ начальствомъ по вопросу о преобразованіи Майкопской горской школы въ ремесленное училище, а потому, въ случаѣ извѣщенія согласія на преобразование училища военнымъ начальствомъ и при одобреніи сего предложенія со стороны его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія, надлежало бы немедленно же приступить къ подробной разработкѣ необходимаго на этотъ предметъ проекта.

Попечитель Кавказскаго учебнаго округа, поддерживая ходатайство ставропольскаго городского общества объ открытіи профессиональнаго училища въ городѣ Ставрополѣ, объясняетъ:

„Ставропольскій городской голова обратился ко мнѣ съ просьбою ходатайствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ открытіи въ городѣ Ставрополѣ ремесленнаго училища съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ. Нынѣ въ городѣ Ставрополѣ существуетъ городское училище, содержимое правительствомъ, и ремесленное, содержимое городомъ. Городской голова проситъ о соединеніи средствъ этихъ училищъ и объ открытіи ремесленнаго училища съ сельско-хозяйственнымъ отдѣленіемъ, для котораго городъ обязуется отвести потребный участокъ земли. На ремесленное училище городъ расходуетъ нынѣ 6.000 руб. въ годъ и даетъ помѣщеніе для квартиры инспектора, для классовъ и мастерскихъ. Все, что имѣетъ училище, а также зданія ремесленнаго и городского училищъ и 6.000 руб. въ годъ, городъ передаетъ правительству съ просьбою объ открытіи вышеупомянутаго ремесленнаго училища съ земледѣльческимъ отдѣленіемъ“.

Такъ какъ городское общество ходатайствуетъ о соединеніи двухъ

училищъ въ одно, то поэтому прежде всего надлежитъ ознакомиться какъ съ городскимъ, такъ и съ ремесленнымъ ставропольскими училищами.

Городское четырехклассное училище, открытое въ этомъ городѣ въ 1880 г., имѣло уже 9 выпусковъ и выпустило 97 человѣкъ, окончившихъ полный курсъ, изъ коихъ на послѣдніе два года (1890 и 1889 гг.) приходится 14 и 20 человѣкъ. Это училище, по числу окончившихъ курсъ, занимаетъ первое мѣсто среди городскихъ училищъ Сѣвернаго Кавказа, не исключая Владикавказскаго, открытаго на 6 лѣтъ ранѣе, то-есть, въ 1874 г.; таковое же мѣсто занимаетъ это училище и по числу учащихся, коихъ къ 1-му января 1891 г. состояло 275 человѣкъ.

Училище, занимающее домъ, принадлежащій городу, израсходовало на свое содержаніе 6.216 руб.; изъ нихъ 3.729 руб. были отпущены казною, а 2.330 рублей (не смотря на сравнительно высокую для городского училища плату за ученіе—по 10 руб.) получены съ 233 учащихся.

Число учащихся, ежегодно увеличиваясь (въ 1882 г. было 142 человѣка), достигло въ послѣдніе два года слѣдующихъ размѣровъ:

Классы и отдѣленія.	Въ концѣ 1889 г.		Въ концѣ 1890 г.	
	Число.	Въ %	Число.	Въ %
I кл. младшее отдѣл.	39	16,5	46	16,7
„ старшее	43	18,1	50	18,2
II кл. младшее	74	31,2	81	29,5
„ старшее	35	14,3	45	16,4
III классъ	31	13,1	38	13,8
IV классъ . .	15	6,3	15	5,4
Всѣхъ	237	—	275	—

Учащіеся—русскіе составляютъ 93,6%; а по сословіямъ наибольшее количество—54,6% падаетъ на городскія сословія.

Число вновь поступившихъ и выбывшихъ до окончанія курса видно изъ приводимой ниже вѣдомости:

Классы и отдѣленія.	1889 г.			1890 г.		
	Подаю проше-ній.	Изъ нихъ посту-пили.	Выбыли до окон-чанія курса.	Подаю проше-ній.	Изъ нихъ посту-пили.	Выбыли до окон-чанія курса.
I кл. младш. отд.	—	34	11	—	44	6
старш.	—	9	5	—	20	6

II кл. младш.	—	30	15	—	36	22
„ старш.	—	3	6	—	4	7
III классъ	—	—	5	—	1	13
IV классъ .	—	—	3	—	2	1
Всѣхъ	98	76	45	134	107	55

Отказъ въ принятіи поступающихъ обусловливался въ большинствѣ случаевъ недостаткомъ мѣста.

Цифровыя данныя показываютъ, что высшіе классы Ставропольскаго городского училища, по сравненію съ другими училищами, оказываются довольно многочисленными, и если выбываетъ значительное число учащихся изъ младшаго отдѣленія II класса, то-есть, по окончаніи начальной школы, то взамѣнъ сего, на это же отдѣленіе того же класса приходится наибольшее количество вновь поступающихъ въ училище для продолженія образованія, полученнаго въ другихъ начальныхъ школахъ.

Ремесленное училище открыто въ Ставрополѣ значительно ранѣе городского, а именно: въ 1872 году, жители сего города учредили въ немъ ремесленное училище въ память посѣщенія города бывшимъ намѣстникомъ Кавказа, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ.

По открытіи училища, въ него принимались окончившіе курсъ въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ, вслѣдствіе чего наливъ учащихся былъ такъ великъ, что многимъ приходилось отказывать въ пріемѣ, по недостатку мѣста. Съ введеніемъ воинской повинности, число поступающихъ значительно сократилось, по мнѣнію училищнаго начальства, потому, съ одной стороны, что родители, въ видахъ сокращенія срока службы, начали помѣщать своихъ дѣтей въ мѣстное городское 4-хъ классное училище, а съ другой—что для многихъ, путемъ опыта, выяснилось, что тѣ результаты, которыхъ достигло училище не отвѣчали желаніямъ родителей.

Такимъ образомъ, число учениковъ, ежегодно уменьшаясь, въ 1883 году, не превышало 14 человекъ. По ходатайству городского общества, въ этомъ году училище было преобразовано согласно Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, при чемъ окончившимъ въ училищѣ курсъ обученія были предоставлены права 3-го разряда по отбыванію воинской повинности.

Предоставленіе училищу таковыхъ правъ было обусловлено требованіемъ отъ поступающихъ въ оное познаній въ объемѣ курса не

однокласснаго уже, а двухкласснаго сельскаго училища, по программамъ, начертаннымъ въ инструкціи министерства народнаго просвѣщенія отъ 4-го іюня 1875 г., и увеличеніемъ числа практическихъ занятій съ 4 до 5 часовъ ежедневно. За сими училищу былъ преподанъ нижеслѣдующій учебный планъ, принятый имъ и дѣйствующій въ немъ и въ настоящее время:

Предметы.	Классы.			Всего.
	I	II	III	
Законъ Божій	2	2	2	6
Русскій языкъ	2	2	2	6
Ариѳметика	2	2	2	6
Геометрія .	2	2	2	6
Исторія Россіи	1	1	—	2
Географія .	2	2	—	4
Физика, технологія дерева и металловъ	—	—	4	4
Черченіе.	3	3	3	9
Рисованіе	2	2	2	6
Чистописаніе	1	1	—	2
	17	17	17	51
Практическія занятія	20	20	20	60
Всего	37	37	37	111

Предоставленіе окончившимъ курсъ въ училищѣ высшихъ правъ по отбыванію воинской повинности не повліяло на увеличеніе состава учащихся, какъ видно изъ нижепомѣщаемыхъ свѣдѣній за послѣдніе два года;

Классы.	1889 г.				1890 г.			
	Учащихся къ концу года.	Новопріимъ.	Выбыло до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.	Учащихся къ концу года.	Новопріимъ.	Выбыло до окончанія курса.	Окончившихъ курсъ.
I	13	9	7	—	14	14	6	—
II	12	1	1	—	10	—	1	—
III.	3	—	—	3	7	—	—	6
Всѣхъ	28	10	8	3	31	14	7	6

Въ послѣдніе два года подано 46 прошеній о желаніи поступить въ училище, изъ коихъ 24 удовлетворены, а 22 отказано, вслѣдствіе

того что поступающіе оказались неудовлетворяющими требованіямъ пріемнаго испытанія.

Окончяли курсъ, при 14 выпускахъ, 70 человекъ, (среднимъ числомъ по 5 ежегодно); изъ нихъ: 19 столяровъ и 51 слесарь. Хотя за право обученія въ училищѣ опредѣлена 3-хъ-рублевая плата, но таковую вносятъ только меньшая часть учениковъ; съ большинства же не только нельзя получить платы, но, напротивъ, самому училищу приходится оказывать имъ денежныя вспомошествованія въ размѣрѣ, далеко превышающемъ плату за ученіе и доходащемъ до 200 руб. въ годъ на всѣхъ. Пособія выдаются наиболѣе бѣднымъ, ежемѣсячно отъ 2 до 3 рублей на человека, а остальнымъ—единовременно, съ наступленіемъ ненастной и холодной погоды (на одежду) въ размѣрѣ 4—5 руб. каждому.

Мысль о необходимости для городского населенія профессиональнаго образованія давно уже занимала умы представителей города и была осуществлена въ 1872 году основаніемъ Михайловскаго ремесленного училища, но 18-ти лѣтнее его существованіе доказало несоотвѣтствіе этого заведенія нуждамъ городского населенія. Поэтому вновь былъ поднятъ вопросъ о профессиональномъ образованіи, и городская дума въ засѣданіи 17-го августа 1890 г. избрала комиссію для выработки проекта о преобразованіи ремесленного училища въ другой, болѣе подходящій къ нуждамъ городского населенія типъ профессиональнаго учебнаго заведенія. Въ настоящее время эта комиссія пришла къ заключенію о необходимости въ Ставрополѣ сельско-хозяйственнаго училища съ ремесленнымъ отдѣленіемъ и со включеніемъ въ программы его преподаванія рациональныхъ началъ садоводства и огородничества, а также и способовъ переработки сырыхъ произведеній.

Изъ 36.000 жителей гор. Ставрополя—около 25 тысячъ занимаются хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, а отчасти и садоводствомъ. Нечего и говорить, что хозяйства эти ведутся самымъ примитивнымъ образомъ и что способы веденія ихъ преемственно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ полной, первобытной ихъ неприкосновенности. Не смотря, однако, на это продуктами огородничества, а въ урожайный годъ и садоводства, снабжается большая часть прилегающей къ Ставрополю степной полосы губерніи, въ обмѣнъ на хлѣбъ и масличныя сѣмена. Такимъ образомъ, низшій классъ городского населенія живетъ только „землею“, какъ жилъ онъ ею и ранѣе,—почти съ самаго основанія города. По этой при-

чинѣ, въ 1838 году, Высочайше повелѣно было выдать городѣ двойное количество выгонной земли, которая арендуется мелкими участками для кормовой травы и хлѣбопашества; меньшая часть арендованныхъ участковъ идетъ подъ посадку капусты, огурцовъ и картофеля;—съ этою же цѣлію арендуется значительное количество земли промышленниками и у частныхъ лицъ. Садоводствомъ и огородничествомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, горожане занимаются только на своихъ усадебныхъ земляхъ. Въ общей сложности, въ рукахъ одной семьи средняго достатка состоитъ въ пользованіи собственной и арендной земли, среднимъ числомъ, до 7 десятинъ; на подобномъ участкѣ можно нерѣдко встрѣтить всѣ отрасли сельскаго хозяйства, исключая скотоводства. Обработка земельныхъ участковъ производится самымъ патріархальнымъ образомъ; объ удобреніи земли не имѣютъ понятія,—можетъ быть, потому, что въ этомъ до сихъ поръ не встрѣчалось надобности: сельскохозяйственные орудія, тѣмъ не менѣе, начинаютъ уже входить въ употребленіе, принося видимую пользу владельцамъ ихъ. Этому способствуетъ много, открытый годъ тому назадъ, заводъ Левена для выдѣлки нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, приспособленныхъ по конструкціи и матеріаламъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Точно также недавно открытъ здѣсь и заводъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій заграничной фирмы Гулье-Бланшардъ.

Желая оказать помощь низшему классу городского населенія, мѣстная дума ассигновала въ 1891 году 600 рублей на приобретеніе лучшихъ сѣмянъ и сельскохозяйственныхъ орудій для земледѣльцевъ обывателей. Безъ сомнѣнія, если этотъ первый опытъ окажется удачнымъ, то пособие въ семь отношеніи жителямъ будетъ значительно увеличено. Но эта мѣра, по мнѣнію представителей мѣстной городской думы,—палліативная; одна она не можетъ поднять экономическую жизнь городского населенія. Необходимы болѣе радикальныя мѣры. До сего времени мѣстное городское земледѣльческое населеніе бродитъ какъ въ потьмахъ: подроставшія поколѣнія, существуя, главнымъ образомъ, сельскохозяйственнымъ трудомъ, руководятся въ этомъ дѣлѣ исключительно непосредственнымъ опытомъ и преданіями, унаслѣдованными отъ предковъ, поселившихся на дѣвственной еще землѣ. При такихъ условіяхъ, производя не малыя затраты на производство, населеніе, не обладая надлежащими познаніями о правильномъ уходѣ за землею, далеко не извлекаетъ изъ послѣдней всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя она могла бы давать.

Городское общественное управленіе не останавливается въ своихъ заботахъ о надлежащемъ возвышеніи уровня экономическаго быта его населенія и, на сколько имѣетъ возможность, приводитъ въ исполненіе свои о семъ предначертанія. Такъ, оно открываетъ при городскомъ начальномъ училищѣ, на дачѣ бывшей Павлова, второй классъ, гдѣ дѣти будутъ обучаться садоводству, огородничеству, а также пчело- и шелководству. Проектъ организациі этого класса находится нынѣ на разсмотрѣніи г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Имѣется предположеніе въ недалекомъ будущемъ открыть занятія по шелководству и земледѣлію во всѣхъ 6-ти начальныхъ училищахъ г. Ставрополя.

Открывая ежегодно начальные училища (въ 1890 году открыты два училища), съ цѣлю содѣйствовать городскому населенію въ дѣлѣ обученія дѣтей грамотѣ—бесплатно, городъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ тому, чтобы одновременно, съ обученіемъ грамоты, дѣти усваивали себѣ и элементарныя понятія о сельскохозяйственномъ дѣлѣ. Изъ 147.000 рублей общей суммы городскихъ расходовъ на содержаніе учебныхъ заведеній городъ ассигновалъ въ 1891 году до 20.000 рублей, то-есть, до 14%.

Весьма значительныя, обязательныя для города, расходы лишаютъ его возможности, до поднятія экономическаго быта горожанъ—земледѣльцевъ, увеличить отпускъ средствъ на потребности народнаго образованія.

При такихъ матеріальныхъ условіяхъ, городское управленіе, совершенно разумно оставивъ мысль объ открытіи особаго сельско-хозяйственнаго училища, обратило свои предположенія на преобразование ремесленнаго училища въ сельско-хозяйственное, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ.

Представители городского управленія сомнѣваются въ томъ, чтобы существующіе типы низшихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ могли удовлетворить нужды мѣстнаго населенія. Ставропольскому молодому поколѣнію нужно прежде всего научиться обращаться съ 7—10 десятинами земли, сумѣть устроить на этомъ участкѣ свое маленькое сельское хозяйство и получить съ него всѣ необходимыя для домашняго обихода продукты. Говоря короче, ему необходимо обладать познаніями для самостоятельнаго и наиболѣе цѣлесообразнаго веденія своего небольшого хозяйства. Существующіе же типы сельскохозяйственныхъ училищъ въ Россіи, по мнѣнію представителей мѣстнаго общества, преслѣдуютъ совершенно инныя цѣли: этими училищами

выпускаются лица, опытные и способные, въ качествѣ хозяевъ или управляющихъ, завѣдывать, сравнительно, большими имѣніями; подобныя лица нужны въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ведется крупное помѣщичье хозяйство, но таковыхъ видовъ хозяйства въ сѣверномъ Кавказѣ почти не существуетъ.

Ближайшее ознакомленіе какъ съ состояніемъ ремесленного и городского, по положенію 31 мая 1872 года, училищъ, такъ и со взглядами на нужды въ профессиональномъ образованіи представителей городского ставропольскаго управленія, даетъ возможность сдѣлать по этому поводу нѣкоторое заключеніе.

При 36-ти тысячномъ населеніи г. Ставрополя, нуждамъ въ общемъ образованіи дѣтей мужескаго пола въ достаточной мѣрѣ удовлетворяютъ¹⁾: гимназія съ реальнымъ при ней отдѣленіемъ, въ которой обучается до 600 дѣтей, городское училище съ 275 учащимися и 6 начальныхъ училищъ, въ конхъ обучается 200 мальчиковъ (кромя 100 дѣвочекъ).

Гимназія, съ реальнымъ при ней отдѣленіемъ, имѣя пансіонъ на 270 учащихся, соответствуетъ потребностямъ въ среднемъ образованіи цѣлой губерніи и болѣе состоятельныхъ людей г. Ставрополя; городское же, по положенію 31-го мая 1872 года, училище, какъ видно изъ вышесказаннаго о немъ, получило въ г. Ставрополѣ наибольшее, по сравненію съ другими городами сѣвернаго Кавказа, развитіе и съ удовлетворительнымъ успѣхомъ отвѣчаетъ потребностямъ въ общемъ образованіи городскихъ, менѣе состоятельныхъ сословій, а потому соединеніе его съ профессиональнымъ, исключительно въ видахъ изысканія средствъ къ существованію сего послѣдняго, въпервыхъ, было бы почти равносильно закрытію сего общеобразовательнаго учебнаго заведенія и, воторыхъ, не оправдывалось бы достаточными основаніями, ибо на обученіе въ немъ 275 учениковъ отпускается казною только 3.729 рублей, то-есть, менѣе чѣмъ 14 рублей на учащагося.

Въ настоящее время въ городскомъ училищѣ обучаются 233 мальчика, съ платою по 10 рублей въ годъ съ каждаго, тогда какъ въ ремесленномъ училищѣ, при ежегодной платѣ въ 3 рубля, насчитывалось въ 1890 году только 14 учащихся; это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что нѣчто подобное, въ случаѣ не вполнѣ удовлетворительной постановки пока еще новаго дѣла профессиональ-

¹⁾ Не считая учебныхъ заведеній другихъ вѣдомствъ.

наго образованія, можетъ случиться и въ заведеніи, проектируемомъ въ открытію.

Несомнѣнно, что съ закрытіемъ городского училища освободится зданіе, занимаемое симъ училищемъ, и окажутся нѣкоторые средства въ размѣрѣ 3.729 рублей (отпускаемыхъ ежегодно казною) на содержаніе новаго училища, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ преградится доступъ къ полученію дальнѣйшаго образованія по окончаніи курса въ начальныхъ школахъ, а это, въ свою очередь, повлечетъ за собою наплывъ учащихся въ низшіе классы гимназій и реальнаго при ней отдѣленія, изъ той среды общества, которая не въ состояніи дать своимъ дѣтямъ полнаго образованія въ среднемъ учебномъ заведеніи.

Конечный результатъ всего сказаннаго—сохраненіе городского училища въ существующемъ его видѣ и немедленное измѣненіе настоящаго положенія дѣла въ училищѣ ремесленномъ, съ тѣмъ, чтобы оно болѣе было способно къ удовлетворенію мѣстныхъ потребностей.

Ремесленное училище, какъ сказано выше, не оправдало тѣхъ ожиданій и надеждъ, которыя на него возлагались, и въ теченіе 18-лѣтняго своего существованія не повліяло, по заявленію нѣкоторыхъ гласныхъ думы, на улучшеніе ремесленнаго дѣла въ г. Ставрополѣ.

Личный осмотръ слесарныхъ и столярныхъ ученическихъ работъ, произведенный 23 іюля, а также работъ по графическимъ искусствамъ, убѣдилъ меня, что, при существованіи въ училищѣ систематическаго метода обученія ремесламъ, остается еще многого желать въ отношеніи точности выполненныхъ предметовъ, а преподаванію графическихъ искусствъ надлежало бы придать болѣе жизненности, согласовавъ обученіе имъ съ занятіями въ мастерскихъ, что при настоящихъ условіяхъ, однако, трудно выполнимо, такъ какъ рисованіе и черченіе преподается учителями русскаго языка и другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, не имѣющими надлежащей технической подготовки, а преподаваніе слесарнаго дѣла находится въ рукахъ малоопытнаго лица, окончившаго курсъ въ этомъ же училищѣ.

Но, тѣмъ не менѣе, не эти недостатки являются единственными и главными причинами настоящаго неудовлетворительнаго состоянія училища.

Открывая въ 1872 году училище, городское общество задалось скромнымъ желаніемъ готовить ремесленниковъ для удовлетворенія сельскихъ потребностей и требовало отъ поступающихъ въ учи-

лище знаній въ объемѣ курса начальныхъ школъ (что и представлялось вполне правильнымъ). За сѣмъ, вѣроятно, въ погонѣ за вышними для учениковъ правами по отбыванію воинской повинности, общество добилось расширенія программъ преподаванія и увеличенія образовательнаго ценза для поступающихъ въ училище до размѣровъ курса двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Эта искусственная мѣра въ отношеніи поднятія уровня образованія въ училищѣ не только не повліяла на увеличеніе числа учащихся, но окончательно распатала весь строй первоначальной организаціи заведенія и привела его въ такое положеніе, что исполненіе возложенныхъ на училище задачъ оказалось уже невозможнымъ. Если первоначальный уставъ училища и требовалъ нѣкоторыхъ измѣненій, то въ направленіи, діаметрально противоположномъ тѣмъ, которыя были сдѣланы въ немъ въ 1883 году.

Все вышеизложенное доказываетъ, что Ставропольское ремесленное училище требуетъ реорганизаціи, и въ томъ именно направленіи, которое указывается какъ попечителемъ округа, такъ и мѣстнымъ городскимъ обществомъ. Проѣхавъ со станціи Армавиръ въ г. Ставрополь не почтовымъ трактомъ, чрезъ различныя станицы (около 100 верстъ), а обратно изъ Ставрополя по вновь выстроенному шоссе на ст. Невинномысскую (61 верста) Владикавказской желѣзной дороги и ознакомившись съ мѣстностью, я пришелъ къ совершенно тождественному заключенію.

Если городъ не будетъ имѣть возможности оказать, сверхъ 6.000 рублей, отпускаемыхъ нынѣ ремесленному училищу, еще нѣкоторую денежную помощь вновь проектируемому профессиональному училищу (съ преподаваніемъ въ немъ свѣдѣній по земледѣлію, огородничеству и садоводству и обученіемъ ремесламъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ), то во всякомъ случаѣ не откажетъ удѣлить необходимое для сего училища количество земли. Въ виду же того, что подобное училище будетъ удовлетворять потребностямъ не только г. Ставрополя, но и нѣкоторыхъ уѣздовъ сей губерніи, можно надѣяться, что мѣстныя земства при содѣйствіи губернской администраціи не откажутся принять на себя покрытіе части расходовъ по содержанію училища; этого слѣдуетъ тѣмъ болѣе ожидать и потому, что, не смотря на превосходное качество земли, неправильное веденіе хозяйства уже имѣло своимъ послѣдствіемъ нѣсколько случаевъ неурожая, пагубно отзвѣивающагося на благосостояніи населенія сего края. Одна изъ при-

чинъ такого явленія лежитъ, безспорно, въ недостаточномъ распространѣніи профессиональныхъ знаній.

Объ открытіи ремесленного училища въ г. Моздокѣ, г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа въ представленіи г. министру народнаго просвѣщенія излагаетъ слѣдующее:

„Въ г. Моздокѣ существуетъ городское училище, которое, не удовлетворяя потребностямъ города и окрестныхъ станицъ Терской области, вызываетъ со стороны города ходатайство о преобразованіи названнаго училища въ ремесленное. Г. городской голова, вмѣстѣ съ заявленіемъ о преобразованіи, сообщаетъ мнѣ, что городомъ ассигнуются на ремесленное училище 2.000 рублей, отпускаемые нынѣ на городское училище, и что для обсужденія вопроса о приспособленіи зданія для ремесленного училища избрана коммиссія, которой дума поручила представить по сему предмету подробный докладъ. Городъ Моздокъ лежитъ въ нѣсколькихъ верстахъ на востокъ отъ станціи Прохладной, Владикавказской желѣзной дороги, при р. Терекѣ и есть торговый пунктъ восточной части Терской области и отчасти Ставропольской губерніи. Ремесленное училище въ городѣ Моздокѣ окажетъ несомнѣнную услугу не только городскому сословію, которое ходатайствуетъ объ открытіи его, но и сельскому, приученіемъ его къ правильному труду и выдѣлкою необходимыхъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ орудій“.

Г. Моздокъ (въ переводѣ съ кабардинскаго—дремучій лѣсъ) лежитъ въ 57 верстахъ отъ станціи Прохладной, Владикавказской желѣзной дороги. Возникновеніе его относится къ 1762 году; въ слѣдующемъ году здѣсь построена крѣпость, а въ 1784 году Моздокъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ.

Почтовый трактъ отъ станціи Прохладной до Шелкозаводской, и далѣе къ сѣверу отъ нея, въ Кизляръ, а къ югу, въ Темиръ-Ханъ-Шуру, идетъ до Шелкозаводской по лѣвому берегу рѣки Терека, чрезъ казачьи станицы, издавна извѣстныя виноградарствомъ и винодѣліемъ. По этому тракту перевозится до станціи Прохладной не малое количество вина, такъ называемаго, кизлярскаго, чѣмъ объясняется открытіе на упомянутой станціи желѣзной дороги агентскихъ конторъ нѣкоторыми обществами транспортированія кладей. Путь между станціями Прохладной и Моздокомъ проходитъ чрезъ станицы Екатеринодарскую, Павлодольскую и Лукомскую, при чемъ послѣднія совсѣмъ прилегаютъ къ городу Моздоку. Эта линія по теченію рѣки Терека одна изъ первыхъ была заселена русскими при наступательномъ движеніи на Кавказѣ.

Черезъ городъ Моздокъ проходитъ почтовая дорога на Базоркино и Владикавказъ (88 верстъ), составлявшая часть военно-грузинской дороги; еще въ 1801 году Моздокъ былъ связанъ при посредствѣ ея съ Закавказьемъ, и для охраны ея были построены укрѣпленія.

Вслѣдствіе почвенныхъ и климатическихъ условій въ Моздокѣ и окружающихъ его хуторахъ, какъ и во всей Терской области, хлѣбопашество является самой существенной отраслью частнаго хозяйства, благодаря которой приобрѣтаютъ средства къ существованію свыше 80% всего населенія области; въ связи съ земледѣліемъ развито и скотоводство.

Особая комиссія, на которую городская дума города Моздока возложила обязанность ближайшаго ознакомленія съ дѣломъ о преобразованіи нынѣ существующаго въ этомъ городѣ городского училища въ ремесленное, пришла къ слѣдующему заключенію: 1) степень общаго образованія, даваемого ремесленными училищами по уставу 26-го сентября 1889 года, ниже, чѣмъ въ городскихъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищахъ, а потому, преобразовавъ городское училище въ ремесленное, городъ Моздокъ лишился бы общеобразовательнаго учебнаго заведенія, такъ какъ средства города не позволяютъ содержать оба названныя училища; 2) помѣщеніе, занимаемое нынѣ городскимъ училищемъ, не пригодно для ремесленнаго, и такъ какъ въ Моздокѣ трудно было бы пріискать подходящее для этого послѣдняго учебнаго заведенія помѣщеніе, то поэтому пришлось бы строить новое зданіе, стоимостью не менѣе 15 тысячъ рублей, чего городъ выполнить не въ состояніи; и 3) городъ Моздокъ, находясь въ сторонѣ отъ желѣзной дороги и торговыхъ пунктовъ и будучи населенъ жителями, занимающимися преимущественно хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, не можетъ сдѣлаться центромъ кустарной промышленности, а потому и не нуждается въ такомъ обиліи мастеровъ, которое можетъ выпускать ремесленное училище. Городская дума въ засѣданіи 24-го марта 1890 года съ вышеприведеннымъ докладомъ комиссіи вполне согласилась.

Для большаго выясненія дѣла необходимо ознакомиться какъ съ потребностями жителей города Моздока въ образованіи, такъ и съ тѣми учебными заведеніями, которыя въ настоящее время удовлетворяютъ такимъ потребностямъ.

Въ городѣ Моздокѣ и окружающихъ его хуторахъ насчитывается въ настоящее время до 13 тысячъ жителей, изъ коихъ—русскихъ и армянъ около 5 тысячъ и осетинъ—2½ тысячи. По однодневной пе-

реписи, произведенной въ концѣ 1889 года, собственно въ городѣ Моздокѣ оказалось свыше $8\frac{1}{2}$ тысячъ жителей обоаго пола, при чемъ на долю мужскаго пола приходилось 53%.

Изъ сего количества жителей города Моздока, русскіе составляютъ 44%, армяне—24%, осетины и черкесы—18%, грузины—5% и другія національности—9%. Жителей православнаго вѣроисповѣданія въ городѣ числятся 64%, армяно-григоріанскаго—27% и другихъ—9%.

По состояніямъ жители города Моздока распределяются: мѣщанъ—70%, воинскаго званія—14%, крестьянъ—10%, купцовъ и почетныхъ гражданъ— $2\frac{1}{2}$ % и дворянъ и духовнаго званія—меньше 2%.

Грамотныхъ мужчинъ и женщинъ насчитывается 22%.

Дѣти мужскаго пола жителей города Моздока обучаются: въ трехъ-классномъ городскомъ училищѣ (114 человекъ), одноклассномъ Кирилло-Меодіевскомъ (83 человекъ) и церковно-приходскомъ, при Успенскомъ соборѣ (30 человекъ), а всего въ 4 училищахъ состоитъ свыше 300 учащихся.

Дѣвочки, въ числѣ 130, обучаются въ городскомъ двухъклассномъ и армянскомъ одноклассномъ женскихъ училищахъ.

При бюджетѣ въ 30 тысячъ рублей, на народное образованіе городъ расходуетъ около 18% своего дохода (5.250 рублей).

Моздокское трехклассное городское училище для мальчиковъ, какъ по числу учащихся, такъ и по числу окончившихъ въ немъ полный курсъ обученія, занимаетъ далеко не первое мѣсто среди остальныхъ 11 училищъ сѣвернаго Кавказа. Будучи открыто въ 1875 году (старѣйшее Владикавказское было открыто въ 1874 году), оно имѣло по 1890 годъ вѣлѣчительно 13 выпусковъ при 59 окончившихъ курсъ. что составляетъ 4,5 на каждый выпускъ; въ послѣдніе же два года въ училищѣ окончили курсъ: 4 и 2 человекъ.

Распределеніе учащихся по классамъ за послѣдніе два года видно изъ слѣдующей вѣдомости:

Классы и отдѣленіе	Въ концѣ 1889 г.		Въ концѣ 1890 г.	
	Число.	Въ о/о.	Число.	Въ о/о.
I классъ, 1 отдѣленіе	34	29,8	21	20,2
2 " "	24	21	24	23,1
II классъ, 1 отдѣленіе	29	25,5	29	27,9
2 " "	18	15,8	15	14,4
III классъ, 1 отдѣленіе	7	6,1	9	8,6
2 " "	3	1,8	6	5,8
Всѣхъ	114	—	104	—

Число поступившихъ и выбывшихъ до окончанія курса:

Классы и отдѣленія.	1889 годъ.			1890 годъ.		
	Подано проше- ній.	Изъ нихъ по- ступило.	Выбыв- шихъ до окончанія курса.	Подано проше- ній.	Изъ нихъ по- ступило.	Выбыв- шихъ до окончанія курса.
I классъ, 1 отдѣленіе.	—	28	4	—	14	8
2 „	—	9	10	—	3	6
II классъ, 1 отдѣленіе.	—	15	21	—	10	12
2 „	—	—	7	—	—	6
III классъ, 1 отдѣленіе.	—	—	7	—	—	3
2 „	—	—	—	—	—	—
Всего	64	52	49	42	27	35

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ отказано было въ приемѣ 27 мальчикамъ (12 и 15), при чемъ 22-мъ— по недостатку мѣста въ школахъ.

Въ оба года около 50% выбыло для поступленія въ другія учебныя заведенія и около 50% прекратили ученіе, вступивъ на путь практической дѣятельности. Изъ всего числа учащихся 72,1% принадлежали къ городскимъ сословіямъ.

На содержаніе училища израсходовано въ послѣднемъ году 5.096 рублей: изъ штатныхъ средствъ—3.850 рублей (1.650 рублей отъ казны, 800 рублей отъ города и 1.400 рублей отъ мѣщанскаго общества), а 752 рубля собрано за право обученія, по 8 рублей въ годъ съ ученика. Вышеприведенныя данныя показываютъ, что наибольшее количество выбывающихъ до окончанія курса учениковъ приходится на долю младшаго отдѣленія II класса, въ коемъ заканчивается курсъ начальной школы. Замѣчается, затѣмъ, что въ это же отдѣленіе поступаютъ для дальнѣйшаго обученія лица, прошедшія курсъ начальной школы; тѣмъ не менѣе оба отдѣленія III класса не отличаются многочисленностью, чѣмъ объясняется и незначительное число оканчивающихъ полный курсъ (59 человекъ въ 13 выпусковъ, то-есть, по 4—5 на каждый годъ).

Такимъ образомъ городское училище или, вѣрнѣе сказать, высшіе его классы удовлетворяютъ потребностямъ только незначительной части населенія города Моздока, а потому къ сохраненію этого училища въ его настоящемъ видѣ (какъ предполагаетъ городская дума) не представляется достаточныхъ основаній. Поэтому казалось бы правильнѣе преобразовать его въ такое учебное заведеніе, которое было бы полезно большинству населенія, удовлетворяя его потребностямъ, тѣмъ

болѣе, что за недостаточностью средствъ городъ Моздокъ лишень возможности открыть особое учебное заведеніе съ профессиональнымъ характеромъ. Но, съ другой стороны, постановленіе городской думы о непригодности для города Моздока ремесленного училища, по уставу 27-го сентября 1889 года, заслуживаетъ уваженія въ томъ отношеніи, что, при открытіи въ городѣ Моздокѣ такового училища, надлежитъ имѣть въ виду потребности сельскаго хозяйства, а не фабрично-заводскаго дѣла, такъ какъ въ городѣ Владикавказѣ, находящемся отъ Моздока на разстояніи 88 верстъ, имѣется 5-ти классное ремесленное училище, подготовляющее специалистовъ слесарей и столаровъ.

Въ виду изложенныхъ соображеній, я прихожу къ тому заключенію, что существующее нынѣ въ городѣ Моздокѣ городское, по положенію 31-го мая 1872 года, училище могло бы быть преобразовано въ такое профессиональное учебное заведеніе, которое удовлетворяло бы наибольшей части городского и окрестнаго населенія, снабжая выпускаемыхъ изъ него учениковъ основательными познаніями по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и по ремесламъ, имѣющимъ къ сему хозяйству наиблизайшее отношеніе.

Кромѣ указанныхъ мѣстъ, г. поочетитель Кавказскаго учебнаго округа находить цѣлесообразнымъ открытіе ремесленного училища въ городѣ Сухумъ-Кале и по этому предмету, въ представленіи г. министру народнаго просвѣщенія, приводитъ слѣдующія соображенія: „Для края, туры края было бы полезно открыть ремесленное училище также и въ городѣ Сухумѣ, преобразовавъ въ таковое существующую тамъ горскую школу, на содержаніе которой расходуется правительствомъ ежегодно 7.423 рубля. Въ настоящее время правительство озабочено, съ одной стороны, некультурными инстинктами жителей бывшей Абхазіи (Сухумскій округъ), и, съ другой — привлеченіемъ въ край колонистовъ, а потому преобразование горской школы въ ремесленное училище, съ сохраненіемъ при немъ пансіона, было бы въ высшей степени умѣстно. Городъ Сухумъ привлекаетъ вниманіе Россіи, какъ климатическая станція и какъ удобный портъ на Черномъ морѣ. Городъ постепенно развивается и обстроивается и крайне нуждается въ мастерахъ. Если ваше сіятельство одобритъ въ принципѣ преобразование Сухумской горской школы въ ремесленное училище, то я войду въ близжайшее разсмотрѣніе этого вопроса и буду имѣть честь донести вашему сіятельству о томъ, сколько потребуется ассигновать изъ государственнаго казначейства на открытіе въ городѣ Сухумѣ названнаго выше училища“.

Сухумская начальная двухклассная горская школа открыта въ 1863 году, имѣла 26 выпускѣвъ и дала 291 человѣка, вполне окончившихъ въ ней курсъ обученія, что составляетъ по 11,2 человѣка на каждый выпускъ; въ послѣдніе 3 года окончили курсъ 6, 14 и 5 человѣкъ.

Распредѣленіе учащихся въ школѣ по классамъ, начиная съ 1884 г., видно изъ слѣдующей таблицы:

Г о д ы.	Учащихся въ классахъ.				Изъ нихъ пансіонеровъ.			
	Въ 2 отдѣл. подготовит.	I.	II.	Всѣхъ.	Приготовительный.	I.	II.	Всѣхъ.
1884	73	32	12	117	22	19	9	50
1885	70	31	17	118	18	16	14	48
1886	67	22	16	105	26	10	10	46
1887	74	20	9	103	19	10	7	36
1888 .	86	16	9	111	15	9	6	30
1889	99	13	15	127	28	8	8	44
1890	98	21	8	127	29	10	5	44
1891	97	19	8	124	25	10	5	40

За послѣдніе два года вышло и вновь поступило:

К л а с с ы.	1 8 8 9 г о д ь.			1 8 9 0 г о д ь.		
	Подаю пропе- ній.	Изъ нихъ поступи- ло.	Выбыло до оконча- нія курса.	Подаю пропе- ній.	Изъ нихъ поступи- ло.	Выбыло до оконча- нія курса
Приготовительный.	38	38	10	—	38	25
I классъ	1	1	2	—	—	3
II "	—	—	2	—	1	—
Всего	39	39	14	45	39	25

. Преобладающій элементъ въ Сухумскомъ городскомъ училищѣ—горцы, составляющіе 35%, всѣхъ учащихся; затѣмъ слѣдуютъ грузины—32%, русскіе—11% и армяне—8%. По вѣроисповѣданіямъ: 87% православныхъ, 8% армяно-григоріанъ и 3% мусульманъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что горцы преобладаютъ и въ числѣ казенныхъ пансіонеровъ (75%); не имѣя возможности, по недостаточности средствъ, обучать дѣтей на свой счетъ, жители Абхазіи весьма охотно отдають ихъ въ школу пансіонерами на казенный счетъ.

По этой причинѣ между приходящими учениками почти не встрѣчается горцевъ; таковыми являются преимущественно дѣти мѣстныхъ городскихъ жителей: грековъ, грузинъ, мингрельцевъ, армянъ и пр.

Въ 1890 году Сухумская горская школа израсходовала на свое содержаніе свыше 10 тысячъ рублей, изъ коихъ 7.423 рубля казенныхъ денегъ; на содержаніе пансіонеровъ затрачивается около половины всего расхода, что составляетъ по 135 рублей на каждого мальчика; приходящіе ученики платятъ за право обученія по 6 рублей въ годъ (обученіе же каждого изъ нихъ обходится въ 36 рублей). Во время посѣщенія мною Сухумской горской школы, помѣщеніе, занимаемое ею, ремонтировалось и расширялось на средства, отпущенныя военнымъ вѣдомствомъ; помѣщеніе это, въ случаѣ преобразованія школы въ какое либо низшее профессиональное училище, будетъ достаточно просторнымъ, и расходы по приспособленію зданія потребуются самые незначительныя, даже при условіи сохраненія пансіона на 40 человѣкъ.

Сухумъ-Кале, портовый городъ на берегу Чернаго моря, расположенъ на равнинѣ, имѣющей около 1 версты въ поперечникѣ, у подношья горнаго отрога, окружающаго городъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой—городъ примыкаетъ къ превосходному рейду, на которомъ устроена пристань. Сухумъ-Кальскій рейдъ считается лучшимъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря, какъ по безопасности во всякое время года, такъ и по глубинѣ и обширности бухты, закрытой отъ господствующихъ на морѣ вѣтровъ.

Тѣмъ не менѣе торговое значеніе этого порта далеко ниже другихъ портовъ восточнаго берега Чернаго моря, что объясняется тѣмъ, что Сухумъ не имѣетъ хорошихъ путей сообщенія съ внутренними губерніями имперіи. Черезъ Сухумъ не протекаетъ почтоваго тракта; существуетъ только сообщеніе по обыкновенной дорогѣ, черезъ Очамчири и Зугдиди, съ Новосенакской станціей Потійской вѣтви Закавказской желѣзной дороги. Всѣ остальные дороги соединяютъ Сухумъ только съ ближайшими мѣстностями; такъ, напримѣръ, до рѣки Кюдоръ идетъ шоссированный путь на разстояніи 22 версты; до новаго Аюна—23 версты, до Гудаута—44 версты, до Ольгинскаго—23 версты и т. д. Въ настоящее время приступаютъ къ соединенію Сухумъ-Кале съ Кубанскою областью черезъ перевалъ Кульхоръ. Наиболѣе же удобный проѣздъ въ Сухумъ по Черному морю; я ѣхалъ въ Сухумъ изъ Батума, и пароходъ находился въ пути (около 175 верстъ), вѣлячая остановку въ Поті, около 14 часовъ.

О климатическихъ условіяхъ города Сухума можно составить понятіе изъ наблюденій смотрителя мѣстнаго городского училища К. Д. Мачавариани. По этимъ даннымъ, средняя температура въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ была 15,34° Ц., а именно въ 1886 г.—16,10°

въ 1887 г.—14,34°, въ 1888 г.—13,67°, въ 1889 г.—15,27° и въ 1890 г.—16,34°.

Въ продолженіе 1890—1891 гг. (повсемѣстно холодныхъ) въ Сухумѣ наблюдались слѣдующія измѣненія температуры:

Въ сентябрѣ 1890 г.	+ 17,63	январь 1891 г.	+ 7,75
октябрѣ	+ 20,46	февраль	+ 7,80
ноябрѣ	+ 12,07	мартъ	+ 13,63
декабрѣ	+ 9,01		

Паденіе температуры ниже 0° наблюдается въ Сухумѣ весьма рѣдко: такъ, напримѣръ, въ декабрѣ 1883 г. морозныхъ дней было два, средняя температура + 8,12 Ц.; отъ 25° (на солнцѣ) и 14° (въ тѣни) спускалась до 3½° къ утру. Въ январѣ 1884 г. морозныхъ дней не было, въ февралѣ одинъ день. Не удивительно, поэтому, что въ ноябрѣ здѣсь цвѣтутъ фіалки, а въ декабрѣ—фруктовые деревья, давая вторичный плодъ; тепличныя же растенія растутъ подъ открытымъ небомъ.

Секретарь Императорскаго Общества сельскаго хозяйства И. О. Иоселіани (Кавказскій календарь 1891 г., стр. 174) говоритъ объ Абхазіи слѣдующее:

„Абхазія, особенно западная часть ея, представляетъ какъ бы огромный сплошной садъ. Но заботъ къ садамъ прилагается мало. Весь трудъ туземца состоитъ въ посадкѣ дерева и огражденіи его отъ скота легкой штенкой. Затѣмъ, дерево растетъ безъ всякаго присмотра, иногда дѣлается только очистка дерева отъ вьющихся растений. Прививаются только яблоки, груши, сливы и черешни. Въ Сухумскомъ округѣ климатъ и почва благопріятствуютъ садоводству, и при надлежащемъ уходѣ развитіе плодовыхъ деревьевъ идетъ быстро, плоды получаютъ крупныя и прекраснаго качества“.

„Для развитія и поднятія мѣстнаго садоводства представляется необходимымъ: 1) распространеніе цѣнныхъ и наиболѣе выгодныхъ сортовъ плодовъ; 2) ознакомленіе населенія съ правилами ухода за плодовыми деревьями и кустарниками, и 3) ознакомленіе производителей съ лучшими способами приготовленія сушеныхъ плодовъ и консервовъ изъ продуктовъ садоводства“.

Въ Сухумскомъ округѣ, занимающемъ пространство 150 кв. миль, насчитываютъ до 73 тысячъ ¹⁾ жителей обоюго пола, преимущественно

¹⁾ Включая 6½ временно проживающихъ.

абхазцевъ и самурзаканцевъ (принадлежащихъ къ тому же абхазскому племени); въ томъ числѣ православныхъ около 82%, и мусульманъ—7%.

Въ самомъ городѣ Сухумѣ считается до 2¹/₂ тысячъ жителей—1.800 мужскаго и 700 женскаго пола.

Жители города Сухума занимаются: виноградарствомъ, винодѣльемъ, огородничествомъ, пчеловодствомъ, шелководствомъ, табаководствомъ, охотою, рыболовствомъ и проч.; при этомъ рыболовство и постройка мелкихъ судовъ составляетъ занятіе турокъ; табаководствомъ и огородничествомъ преимущественно занимаются греки и армяне; продажа кукурузы находится въ рукахъ мингрельцевъ; ремеслами же занимаются почти исключительно русскіе.

Изъ хлѣбовъ въ Сухумскомъ округѣ засѣвается почти исключительно кукуруза и, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, ея было посѣяно около 16 тысячъ четвертей, давшихъ сбора около 650 тысячъ четвертей. Кромѣ кукурузы, изъ Сухумскаго округа въ значительномъ количествѣ вывозятся фрукты, подѣлочный и строевой лѣсъ (пальма ¹⁾), негной дубъ, букъ, каштанъ, орѣхъ, кленъ, ель, сосна и пр.), а также табакъ, кожи и пр. Весьма естественно, что абхазцы, живя среди роскошнаго парка, усѣяннаго фруктовыми деревьями, виноградными лозами, различнаго рода лиственными и хвойными деревьями, и собирая обильные урожаи кукурузы, при достаточномъ количествѣ домашняго скота, почти безъ особаго труда вполне обеспечены въ средствахъ къ существованію; для удовлетворенія же другихъ своихъ потребностей, какъ, напримѣръ: покупки верховаго хорошаго коня, красиваго вооруженія и проч., они нисколько не останавливаются передъ рубкой самымъ варварскимъ образомъ роскошныхъ деревьевъ, продавая ихъ за безцѣнокъ мѣстнымъ эксплуататорамъ (для отправки за границу), наживающимъ при перепродажѣ огромныя деньги. Не лишне замѣтить, что на долю женъ абхазцевъ выпадаетъ несравненно болѣе труда; въ то время какъ мужское население занимается джигитовкой, женщины ведутъ хозяйство, готовить сукна, шьютъ бурки, башлыки и вообще обшиваютъ своихъ мужей и дѣтей. Тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что страна, изобилующая лѣснымъ матеріаломъ и имѣющая нѣсколько лѣсопильных заводовъ, находящихся въ рукахъ иностранцевъ, нуждается въ дешевомъ лѣсѣ, который въ нерѣдкихъ случаяхъ привозится изъ Херсона.

¹⁾ Самшитъ.

Въ городѣ Сухумѣ находятся два кирпичныхъ завода, но цѣны на кирпичъ крайне высоки: 15—18 руб. за тысячу; кромѣ того, для построекъ городъ пользуется двумя прекрасными каменоломнями.

Страна богата также рудами и цѣлебными водами: сѣрными, желѣзными и щелочными, но, къ сожалѣнію, всѣ эти богатства покоятся въ нѣдрахъ земли и ожидаютъ предпринимателей.

Въ Гудаутскомъ участкѣ выдѣлываютъ до 33 сортовъ различныхъ винъ, которыя, при болѣе совершенныхъ способахъ выработки, могли бы соперничать съ лучшими иностранными винами. Не смотря на благоприятныя для жизни въ городѣ Сухумѣ условія (вліяніе лихорадокъ замѣтно уменьшается), рабочія руки дороги: простые рабочіе: мингрельцы, персіане, турки грузины и греки получаютъ отъ 80 коп. до 1 руб. 20 коп. ежедневной платы, а ремесленники отъ 2 до 2½ рублей, при чемъ въ нихъ ощущается крайній недостатокъ. Женской прислугѣ платятъ отъ 8 до 10 рублей, а мужской—отъ 12 до 15 рублей въ мѣсяцъ; абхазцы же поденную работу считаютъ для себя унизительной.

Въ городѣ Сухумѣ существуетъ нѣсколько дачъ съ замѣчательными садами; я упомяну здѣсь только о тѣхъ, которыя мнѣ удалось осмотрѣть.

Первое мѣсто, по его значенію, принадлежитъ образцовому ботаническому саду „Флора“, принадлежавшему г. Введенскому, а нынѣ проданному Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михайловичу. Въ этомъ саду производится продажа сѣмянъ и растеній, и по послѣднему каталогу за 1890 г. таковыхъ значилось 1.312 нумеровъ.

Московский садовникъ Ноевъ уже третій годъ занимается разведеніемъ для Москвы гіацинтовъ на прибрѣтенномъ имъ участкѣ земли, имѣя большіе запасы различныхъ сортовъ луковницъ, что даетъ ему возможность уменьшать привозъ луковницъ изъ Голандіи; повидимому, дѣлу этому предстоитъ большой успѣхъ.

Г. Малани, ученый садоводъ, разводитъ на своей землѣ фруктовые деревья и овощи. Г. Никитинъ специально занимается виноградарствомъ и винодѣліемъ, выдѣлывая различные сорта вина цѣною отъ 3 рублей до 24 рублей за пудъ.

Кромѣ частныхъ садовъ, въ городѣ Сухумѣ находится казенный ботаническій садъ, состоящій въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, но, къ сожалѣнію, онъ въ настоящее время нѣсколько запущенъ и потерялъ свое первоначальное значеніе, что

объясняется недостаточностью отпускаемыхъ на содержаніе его средствъ.

Въ Сухумскомъ округѣ, кромѣ горской школы, находящейся въ городѣ Сухумѣ и подчиненной какъ военному управленію, такъ и министерству народнаго просвѣщенія, находятся также начальныя училища, изъ коихъ нѣкоторыя состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи сего министерства; другія же—Кавказскому учебному округу не подчинены. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежатъ открытыя въ 1887 г. 16 школъ церковно-приходскихъ, съ 400 учащихся мужескаго пола, 4 школы общества возстановленія христіанства, съ 130 учащимися, и друг.

По удостовѣренію лицъ, хорошо знакомыхъ съ краемъ, абхазцы и самурзакане, сочувствуя дѣлу образованія и посылая своихъ дѣтей въ школы, надѣются, что изъ сихъ послѣднихъ дѣти ихъ, кромѣ грамотности, вынесутъ и нѣкоторыя, полезныя для веденія своего будущаго хозяйства, свѣдѣнія, къ сожалѣнію, будучи обмануты въ своихъ надеждахъ, они разочаровываются въ пользѣ послышки своихъ дѣтей въ школы и начинаютъ поневолѣ относиться къ этимъ послѣднимъ съ недовѣріемъ, а между тѣмъ эти же школы, состоя въ вѣдѣніи различныхъ вѣдомствъ и учреждений, ищутъ поддержку и средства къ существованію у мѣстныхъ же жителей.

Какъ учебное начальство, такъ и мѣстная администрація давно уже убѣдились въ этомъ, и вопросъ о сообщеніи хотя нѣкоторымъ школамъ профессиональнаго характера—вопросъ не настоящей минуты, а вопросъ, возникшій много лѣтъ тому назадъ.

Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1881 г. г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа Т. С. Яновскій, въ отзывѣ начальнику Кавказскаго военнаго народнаго управленія, указывалъ на необходимость устройства профессиональнаго отдѣленія при Сухумской горской школѣ. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ былъ предметомъ постоянной переписки между различными вѣдомствами. Вотъ что писалъ въ 1883 г. г. попечителю учебнаго округа г. Введенскій, нынѣ владѣтель образцоваго въ городѣ Сухумѣ ботаническаго сада, хорошо изучившій мѣстныя условія.

„Весь округъ обходится одной только двухклассной горской школой, находящейся въ гор. Сухумѣ. Что же касается сельскихъ школъ, то долговременный опытъ существованія ихъ показалъ, что ни одна изъ нихъ не соответствуетъ своему назначенію и не имѣетъ должной связи съ Сухумской школой.

„Сухумская двухклассная горская школа, находясь въ центрѣ

управленія Абхазіи и Самурзакани, хотя дѣйствительно служить единственнымъ разсудникомъ того небольшого знанія, которое вырабатывается въ подобныхъ школахъ, но этотъ запасъ знаній слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы юное поколѣніе цѣлаго края могло имъ руководствоваться при дальнѣйшей своей жизни. Учащіеся, оставаясь въ школѣ какихъ нибудь 2 или 3 года и получая самый скудный запасъ знанія, возвращаясь домой, приносятъ болѣе вреда, нежели пользы, себѣ и населенію. Себѣ—тѣмъ, что, не имѣя понятія о дѣйствительномъ образованіи, они считаютъ себя образованными, стыдятся приняться за какія либо домашнія дѣла и потому предаются полной бездѣтельности или же поступаютъ подъ покровительство людей неблагонамѣренныхъ, старающихся извлечь пользу изъ ихъ скудныхъ знаній—умѣнія читать и писать, и дѣлаются мѣстными ходатаями по дѣламъ, буквально разоряющими населеніе“.

„Такое направленіе молодежи, окончившей воспитаніе въ Сухумской горской школѣ, весьма естественно, такъ какъ школа даетъ имъ крайне скудный запасъ познаній, съ которыми они не могутъ продолжать образованіе, и даже не даетъ имъ правъ для поступленія въ другія учебныя заведенія. Вся карьера, на которую можетъ рассчитывать окончившій курсъ ученія въ Сухумской горской школѣ: это—сдѣлаться переводчикомъ или урядникомъ земской стражи. Поэтому представлялось и представляется крайне необходимымъ образовывать въ городѣ Сухумѣ вмѣсто горской школы такое учебное заведеніе, которое давало бы учащимся какое либо законченное образованіе“.

„Настоящее положеніе жителей Сухумскаго округа требуетъ, чтобы учащаяся молодежь знакомилась съ такими знаніями, при посредствѣ которыхъ она могла бы способствовать къ облегченію труда своего народа, пребывающаго еще въ младенческомъ состояніи. Такимъ знаніемъ безспорно является знаніе сельско-хозяйственнаго дѣла, почему, при преобразованіи Сухумской школы, должно быть отдано преимуществу сельско-хозяйственной отрасли предъ открытіемъ горской школы въ настоящее время уже открыто, хотя и въ небольшомъ объемѣ, обученіе столярному, токарному и переплетному мастерствамъ. При предоставленіи преимуществъ сельско-хозяйственному дѣлу, въ распоряженіи будущаго городского училища должны находиться нѣсколько десятинъ земли, дабы въ часы, свободные отъ умственныхъ занятій, дѣти, подъ руководствомъ

опытнаго садовника, могли знакомиться съ тѣми знаніями по сельско-хозяйственной части, которыя будутъ признаны для нихъ полезными".

Въ другомъ отзывѣ г. начальника Сухумскаго отдѣла къ г. попечителю учебнаго округа читаемъ:

„Что касается до направленія, которое должно быть дано образованію въ горской школѣ, то я думаю, что развитіе сельско-хозяйственныхъ знаній и ремеслъ болѣе всего отвѣчаетъ нуждамъ населенія и потому несомнѣнно принесетъ пользу краю. Устройство если не сельско-хозяйственныхъ школъ, то, по крайней мѣрѣ, учебныхъ садовъ и полей при каждой изъ сельскихъ школъ, имѣющихъ для этой цѣли особые земельные надѣлы, въ размѣрѣ 10 десятинъ, полагаю, не вызоветъ слишкомъ большихъ расходовъ. Для этого потребуется не болѣе 150 рублей на первый годъ для приобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ и сѣмянъ и отъ 40 до 50 рублей ежегодно для ремонта инструментовъ и покупки сѣмянъ".

„Устройство подобныхъ садовъ ознакомитъ воспитанниковъ съ болѣе рациональнымъ способомъ устройства фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ, тутовыхъ, хлопчатобумажныхъ и табачныхъ плантацій, а знаніе грамоты дастъ возможность желающимъ впоследствии развитъ свои знанія".

Мѣстныя условія съ тѣхъ поръ не только не измѣнились, но, наоборотъ, потребность учрежденія въ городѣ Сухумѣ профессиональной школы выяснилась еще въ большей степени, и жители города Сухума обращались съ просьбою о семъ къ г. попечителю учебнаго округа въ сентабрѣ мѣсяцѣ 1890 года, во время производившейся имъ ревизіи Сухумской горской школы; при этомъ горожане обѣщались отвести для школы до 50 десятинъ земли въ чертѣ города.

Во время пребыванія моего въ городѣ Сухумѣ, въ помѣщеніи управленія Сухумскаго отдѣла, въ присутствіи начальника сего отдѣла, городничаго и смотрителя горской школы, происходило засѣданіе почетнѣйшихъ обывателей сего города, подъ предсѣдательствомъ директора народныхъ училищъ Кутаисской губерніи С. С. Левитскаго, при чемъ единогласно было высказано желаніе преобразовать горскую школу въ такое профессиональное учебное заведеніе, которое съ наибольшею пользою служило бы Сухумскому краю, являясь центромъ распространенія сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ познаній для начальныхъ школъ Сухумскаго отдѣла.

Соглашаясь вполне съ такимъ мнѣніемъ мѣстныхъ жителей, я добавляю только, что учебный планъ и программы проектируемаго учи-

лица должны вполнѣ соответствовать мѣстнымъ потребностямъ, на что указываетъ и смотритель горскаго училища К. Д. Мачаваріани, хорошо изучившій Сухумскій край. Только при такихъ условіяхъ учрежденіе профессиональнаго училища можетъ принести краю дѣйствительную пользу.

Въ видахъ скорѣйшаго осуществленія желанія жителей города Сухума, умѣстно указать здѣсь на существованіе нѣкоторыхъ матеріальныхъ средствъ, въ суммѣ свыше 26 тысячъ рублей, каковая сумма, быть можетъ, могла бы быть обращена на расходы по устройству новаго училища.

Изъ Высочайше дарованнаго капитала на освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ отдѣлѣ образовался остатокъ въ 105 тысячъ рублей, который, какъ видно изъ дѣлъ, вслѣдствіе ходатайства абхазцевъ и самурзаканцевъ, предполагалось расходовать на устройство учебнаго дѣла въ краѣ. Въ послѣднее время изъ сего капитала было ассигновано 20 тысячъ рублей на расширеніе и улучшеніе горской школы, а затѣмъ 26 тысячъ рублей остаются свободными. Во всякомъ случаѣ, этотъ капиталъ слѣдуетъ имѣть въ виду при возбужденіи вопроса о преобразованіи школы.

Заканчивая разсмотрѣніе вопроса о нуждахъ профессиональнаго образованія въ городахъ Ейскѣ, Майкопѣ, Ставрополѣ и Моздокѣ, а также въ городѣ Сухумъ-Кале, я считаю необходимымъ повторить еще разъ, что учрежденіе въ этихъ городахъ школъ низшихъ техническихъ или ремесленныхъ по нормальному уставу 27-го сентября 1889 года слѣдуетъ признать несвоевременнымъ, такъ какъ таковыя школы, не удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ, не могутъ получить правильного развитія; будучи искусственно поддерживаемы, онѣ все-таки оказались бы въ томъ же неудовлетворительномъ состояніи, въ какомъ находится въ настоящее время Ставропольское ремесленное училище. открытіе котораго не было вызвано дѣйствительными нуждами города. Во всѣхъ поименованныхъ выше городахъ должны быть учреждены профессиональныя школы особаго характера, по указаніямъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, основаннымъ на знаніи мѣстныхъ условій и желаніи жителей. Если это предположеніе встрѣтитъ одобреніе со стороны г. министра народнаго просвѣщенія и ученаго комитета сего министерства, то дальнѣйшую разработку сего вопроса слѣдовало бы передать въ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Т. С. Архипова, коей поручено составленіе учебныхъ плановъ для низшихъ общеобразовательныхъ школъ, съ введеніемъ

въ нихъ преподаванія сельскаго хозяйства, при чемъ повторяю еще разъ, что профессиональныя школы во всѣхъ указанныхъ мѣстностяхъ не могутъ быть во всемъ тождественны между собою. Прежде всего надлежало бы приступить къ преобразованію горскихъ школъ въ городахъ Майкопѣ и Сухумъ-Кале, такъ какъ обѣ эти школы, обладая достаточно обширными помѣщеніями и денежными средствами, получаемыми изъ государственнаго казначейства, при преобразованіи ихъ не потребовали бы значительныхъ новыхъ расходовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, существующіе при этихъ школахъ интернаты для горцевъ должны быть сохранены.

Необходимость въ широкомъ развитіи сельско-хозяйственнаго образованія сознается въ настоящее время и во Франціи. Въ текущемъ (1891) году депутатъ Аристидъ Рей (Rey) внесъ въ палату отъ имени парламентской комиссіи вполнѣ разработанный и поддержанный фактическими данными докладъ: „L'enseignement agricole dans les établissements d'enseignement classique“. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, говорится: „Химикъ, физикъ, естествоиспытатель, гигиенистъ. и пр. побѣждали силы природы, создавали ужасающія машины, измѣняли видъ земнаго шара, рылись въ нѣдрахъ его, въ остаткахъ растеній находили теплоту и свѣтъ, накопленные въ теченіе вѣковъ, вступали во владѣніе безконечно великимъ и безконечно малымъ, анализировали вещества небесныхъ міровъ, проникали тайны жизни клѣточки, уничтожали болѣзни..... Но крестьянинъ не прибавилъ ни одного лишняго зерна къ своему колосу, ни одной ягоды къ грозди, которую онъ получилъ въ наслѣдство отъ своихъ предковъ. Рѣдко—рѣдко ему удавалось увеличить на нѣсколько копеекъ урожай своего поля. Эпидеміи опустошали его поля и хлѣба. Не будучи въ состояніи дать своимъ растеніямъ немного пищи, въ которой имъ отказывала земля, онъ не умѣлъ лѣчить истощенную почву иначе, какъ діеюй и бездѣйтельностью, оставляя ее подъ паромъ“.

Если указанный депутатомъ Реемъ обстоятельства имѣютъ важное значеніе для Франціи, то для Россіи, какъ страны почти исключительно земледѣльческой, они составляютъ вопросъ жизни, въ чемъ мы къ несчастію убѣждаемся горькимъ опытомъ нынѣ, при постигшемъ наше отечество неурожаѣ. Нельзя отрицать, что, въ данномъ случаѣ, сѣверный Кавказъ, какъ богатая житница, оказалъ громадную услугу мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ недорода хлѣба, но не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что въ этой „житницѣ“, не смотря на необыкновенно благоприятную для всякаго рода хлѣбныхъ злаковъ почву,

появляются неурожай (прежде неслыханные), что, безъ всякаго сомнѣнія, объясняется неумѣлымъ веденіемъ сельскаго хозяйства. Это одно уже показываетъ, на сколько возбужденіе вопроса о преобразованіи нѣкоторыхъ школъ на Кавказѣ, въ указанномъ г. попечителемъ округа на правленіи, представляется своевременнымъ и разрѣшеніе его безотлагательно необходимымъ.

Переходя за симъ къ Харьковскому учебному округу, я долженъ упомянуть, что вопросъ объ открытіи промышленныхъ школъ въ городахъ Ростовѣ на Дону и Азовѣ мною уже рассмотрѣнъ въ отчетѣ о командировкѣ 1890 года (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, май 1891 года). Въ 1891 году я посѣтилъ города Славянскъ и Сумы, Харьковской губерніи, и городъ Корочу, Курской губерніи. По мнѣнію г. попечителя Харьковского учебнаго округа, въ городѣ Славянскѣ слѣдовало бы открыть низшее техническое училище, съ отдѣленіями механическимъ и химическимъ. Въ подкрѣпленіе своего ходатайства о семъ г. попечитель округа приводитъ слѣдующія соображенія:

„Славянскъ окруженъ громаднѣйшими минеральными богатствами, разработка которыхъ ждетъ еще предпріимчивыхъ людей. Выварка соли, производящаяся хотя довольно примитивными способами, составляетъ, однако, довольно видную отрасль мѣстной промышленности, и славянская соль пользуется на рынкѣ большою извѣстностью. Большія залежи превосходнѣйшей глины вполне способствуютъ развитію гончарнаго промысла; но недостатокъ техническихъ знаній у предпринимателей препятствуетъ развитію этой отрасли промышленности до надлежащихъ размѣровъ.

„Кромѣ того, въ Славянскѣ значительно развиты салотопенное и кожевенное производства и существуетъ масса разнаго рода кустарныхъ промысловъ, что дѣлаетъ его довольно значительнымъ мѣстнымъ промышленнымъ центромъ. Вслѣдствіе сего, учрежденіе въ Славянскѣ низшаго, по крайней мѣрѣ, техническаго училища, съ отдѣленіями, приспособленными къ потребностямъ промышленности горной, каменноугольной, соляной и гончарной, въ связи съ городскимъ училищемъ, представляется весьма желательнымъ“.

Городъ Славянскъ расположенъ въ 4-хъ верстахъ отъ станціи того же имени Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, а Славянскія минеральныя воды находятся нѣсколько далѣе, за городомъ. Въ городѣ существуютъ женская прогимназія и четырехклассное мужское городское училище, по положенію 31-го мая 1872 года, содержимое

на средства города; по ходатайству городской думы, на ея средства вводится въ настоящее время въ этомъ училищѣ преподаваніе счетоводства, въ связи съ добавочными уроками по чистописанію. Къ сожалѣнію, мнѣ не были доставлены свѣдѣнія какъ о числѣ учащихся въ городскомъ училищѣ вообще, такъ и о распредѣленіи ихъ по классамъ въ частности, а потому я считаю преждевременнымъ высказывать какое либо мнѣніе о возможности соединенія городского училища съ техническимъ, на желательность чего указываетъ г. попечитель округа.

При содѣйствіи г. инспектора мѣстнаго городского училища и одного изъ членовъ управы, я смотрѣлъ мѣстныя солеварни, заводъ фаянсовыхъ издѣлій Конопелкина, открытый въ 1890 году, для сбыта издѣлій на Кавказъ, пивоваренный заводъ, заведенія кожевенныя и салотопенныя (незначительныхъ размѣровъ), небольшое и единственное въ городѣ механическое заведеніе, два экипажныхъ заведенія, сундучное, колесное и бондарное заведенія и посѣтилъ мѣстныя минеральныя воды.

По ознакомленіи какъ съ городомъ, такъ и съ находящимися въ немъ техническими и ремесленными заведеніями, я пришелъ къ тому заключенію, что городъ Славянскъ для учрежденія въ немъ средняго технического училища не представляетъ никакихъ благопріятныхъ условій. Не усматривается также достаточныхъ основаній къ учрежденію въ городѣ Славянскѣ, по крайней мѣрѣ, низшаго технического училища съ отдѣленіями, приспособленными къ потребностямъ промышленности горной, каменноугольной и соляной, о чемъ ходатайствуетъ г. попечитель округа, такъ какъ въ весьма близкомъ отъ города Славянска разстояніи, хотя не только въ другой губерніи, но даже и въ предѣлахъ другаго учебнаго округа, находятся два училища, удовлетворяющія потребностямъ горнаго дѣла—Лисичанское и Горловское; не смотря на то, что оба эти училища, состоя въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, готовятъ, главнымъ образомъ, штейгеровъ,—эти училища при дальнѣйшемъ ихъ развитіи (о чемъ въ настоящее время уже идетъ рѣчь) могутъ удовлетворять и фабрично-заводскимъ потребностямъ.

Необходимо также принять во вниманіе, что въ близкомъ отъ города Славянска разстояніи, въ городѣ Екатеринославѣ (245 верстъ по желѣзной дорогѣ), Высочайше утвержденнымъ 14-го іюня 1890 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, опредѣлено учредить низшее техническое училище, съ отдѣленіями механическихъ, химическихъ и строительныхъ и съ ремесленными при немъ училищемъ.

Еслибы, за симъ, министерство народнаго просвѣщенія признало полезнымъ открыть низшее техническое училище въ предѣлахъ Донецкаго района, то все-таки городъ Славянскъ не можетъ быть признанъ наиболѣе удачно выбраннымъ для этой цѣли пунктомъ, не говоря уже о томъ, что мѣстная городская дума не подвергала настоящаго вопроса обсужденію и не выражала желанія принять участіе въ расходахъ по содержанію училища. Тѣмъ не менѣе, однако, ближайшее изученіе мѣстнаго городского училища, быть можетъ, привело бы къ заключенію о желательности введенія преподаванія въ немъ, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, нѣкоторыхъ специальныхъ предметовъ, дабы распространить такимъ путемъ ремесленнаго познанія, применимыя къ потребностямъ города Славянска. Нѣкоторое подтвержденіе сему усматривается въ введеніи въ училищѣ преподаванія бухгалтеріи.

Въ Сумахъ Харьковской губерніи г. попечитель округа полагаетъ полезнымъ, при существующемъ тамъ реальномъ училищѣ, открыть среднее техническое училище, съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями, приведа, въ подкрѣпленіе своего ходатайства о семъ, слѣдующія соображенія:

„Сумы составляютъ центръ свекло-сахарнаго производства, ибо въ одномъ Сумскомъ уѣздѣ имѣется 9 сахарныхъ заводовъ, вырабатывающихъ въ годъ, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, 1.118.599 пудовъ сахарнаго песку и 1.007.797 пудовъ рафинаду. Независимо отъ сего, въ сосѣднихъ съ Сумскимъ уѣздахъ Харьковской губерніи: въ Ахтырскомъ находится 5 сахарныхъ заводовъ, Лебединскомъ—4 и Богодуховскомъ—4; и въ уѣздахъ, Курской губерніи: въ Грайворонскомъ уѣздѣ—2 (съ 1.310 рабочими), Путивльскомъ—3 (съ 1.933 рабочими), Дмитріевскомъ—2 и Рыльскомъ—1 (съ 955 рабочими). Такимъ образомъ, на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ сосредоточено 30 сахарныхъ заводовъ, изъ коихъ многіе имѣютъ весьма обширные размѣры. На томъ же пространствѣ сосредоточены 41 винокуренный заводъ. Приведенныя цифры лучше всякихъ словъ подтверждаютъ цѣлесообразность выбора города Сумъ для устройства средняго технического училища. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что благоприятныя гигиеническія условія города, хорошо устроенное реальное училище, съ вполне приспособленною химическою лабораторіею, готовность города принять на себя расходы по расширенію зданія реального училища для помѣщенія въ немъ и технического училища и, наконецъ, удобство путей сообщенія еще болѣе и окончательно убѣждаютъ въ

удачномъ выборѣ этого пункта для открытія въ немъ техническаго училища.

Что касается до специальностей Сумскаго техническаго училища, — химической и механической, — то выборъ ихъ объясняется вполне нуждами мѣстной промышленности. Съ перваго взгляда можетъ показаться излишнимъ учрежденіе механическаго отдѣленія, но въ пользу необходимости послѣдняго говорятъ слѣдующія соображенія. Большинство заводовъ, даже съ чисто химическимъ характеромъ, нуждаются въ механикахъ; но, независимо отъ этого, въ предѣлахъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній значительно развиты нѣкоторыя механическія производства, какъ, напримѣръ, мукомольное; въ трехъ названныхъ губерніяхъ существуютъ 133 крупчатки, имѣющія 2.310 рабочихъ, съ оборотомъ на 8.485.000 р. Нельзя также не принять во вниманіе, при выборѣ специальности для техническаго училища, и того обстоятельства, что земства и городскія общества стремятся въ послѣднее время къ открытію ремесленныхъ училищъ, а между тѣмъ только располагающія большими средствами училища находятся въ завѣдываніи лицъ, получившихъ высшее техническое образованіе; во главѣ же остальныхъ стоятъ лица, никакими техническими познаніями не обладающія.

„По этой причинѣ ремесленное обученіе въ такихъ училищахъ оказывается не на надлежащей высотѣ; независимо отъ сего, неудовлетворительное состояніе подобныхъ училищъ способствуетъ распространенію въ обществѣ, вреднаго для дѣла техническаго образованія, сомнѣнія въ цѣлесообразности учрежденія ремесленныхъ училищъ. Между тѣмъ, лица, получившія образованіе въ среднихъ техническихъ училищахъ съ механическою спеціальною, могли бы быть въ послѣдствіи прекрасными руководителями ремесленныхъ училищъ“.

Въ доказательство того, что въ г. Сумахъ должно быть открыто не низшее, а среднее техническое училище, г. попечителемъ округа приводятся слѣдующія соображенія:

„Въ управленіи округа нѣтъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ полною увѣренностью сказать, въ какихъ именно техникахъ, среднихъ или низшихъ, наиболѣе нуждается мѣстная промышленность. Но на основаніи того матеріала, который удалось собрать по этому вопросу въ управленіи округа, можно привести весьма вѣскія соображенія въ пользу открытія въ названныхъ городахъ именно среднихъ техническихъ училищъ.

„Изъ большаго числа заводовъ, расположенныхъ вокругъ г. Сумъ,

сравнительно небольшое число, не считая сахарныхъ заводовъ, управляется людьми, получившими высшее техническое образование; въ большинствѣ же случаевъ руководителями небольшихъ заводовъ являются лица безъ всякаго технического образованія, исключительно практики, вышедшіе изъ рабочихъ. Винокурами же, по отзыву одного вполне компетентнаго лица, являются въ большинствѣ случаевъ евреи, которые вносятъ въ эту промышленность весьма нежелательные приемы. Вслѣдствіе этого чувствуется настоятельная нужда въ такихъ образованныхъ техникахъ, которые могли бы руководить, въ случаѣ надобности, и небольшими заводами, но трудъ которыхъ не оплачивался бы такъ дорого, какъ трудъ инженеровъ.

„Такихъ именно техниковъ и должно ожидать отъ оканчивающихъ курсъ въ среднихъ техническихъ училищахъ. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ на заводахъ въ низшихъ должностяхъ, будучи ближайшими помощниками инженеровъ, приобретя опытность и практически изучивъ производства, такіе техники смѣло могутъ впослѣдствіи сами руководить небольшими заводами. Мало того, такихъ техниковъ завоева заводовъ всегда будутъ предпочитать молодымъ людямъ, получившимъ хотя и высшее техническое образование, но жившимся на заводъ прямо со школьной скамьи.

„Съ другой стороны, масса учениковъ, выходящихъ изъ реальныхъ училищъ до окончанія курса, весьма большое число учениковъ, окончившихъ полный курсъ ученія въ реальныхъ училищахъ, но не поступившихъ въ высшія учебныя заведенія, по причинѣ большой конкurreнціи, остаются въ настоящее время безъ всякихъ опредѣленныхъ занятий. Среднія техническія училища дадутъ возможность всей этой массѣ молодежи закончить свое образование въ такихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, которые будутъ соответствовать ихъ силамъ и способностямъ. Если даже признать, что въ настоящее время мѣстная промышленность одинаково нуждается какъ въ среднихъ, такъ и въ низшихъ техникахъ, то и въ такомъ случаѣ въ данный моментъ учрежденіе въ Сумахъ и Ростовѣ на Дону среднихъ училищъ является потребностью болѣе настоятельною, чѣмъ учрежденіе въ нихъ низшихъ техническихъ школъ, потому что потребности въ низшихъ техникахъ по механической специальности, хотя и въ малой степени, удовлетворяютъ ремесленные училища въ Харьковѣ и Путивлѣ, Атаманское техническое училище въ Новочеркасскѣ, военно-ремесленная школа въ томъ же городѣ, желѣзнодорожныя техническія училища въ Харьковѣ, Ростовѣ на Дону и проч.“.

Городъ Сумы рѣзко отличается отъ другихъ уѣздныхъ городовъ своимъ благоустройствомъ и вообще внѣшнимъ видомъ и смѣло можетъ, въ этомъ отношеніи, соперничать съ нѣкоторыми губернскими городами; жителей въ немъ насчитываютъ около 25 тысячъ. Здѣсь находятся три среднихъ учебныхъ заведенія: женская гимназія, мужская гимназія и реальное училище, хотя на содержаніе какъ этихъ, такъ и низшихъ учебныхъ заведеній городъ расходуетъ не болѣе 7 тысячъ рублей, при доходѣ въ 85 тысячъ.

Реальное училище помѣщается въ прекрасно выстроенномъ зданіи, принадлежащемъ городу. Кромѣ рафинаднаго завода, принадлежащаго Харитоненко, двухъ пивоваренныхъ заводовъ и паровой мельницы, въ г. Сумахъ находятся три механическихъ заведенія. Эти послѣднія мною были осмотрѣны, совмѣстно съ г. инспекторомъ мѣстнаго реального училища; механическое заведеніе, принадлежащее Розенквисту, носитъ характеръ завода и отличается своимъ благоустройствомъ; чугунно-мѣдно-литейный и машино-строительный заводъ „Вулканъ“, нынѣ арендуемый инженеръ-технологомъ Щедровичемъ, начинаетъ соперничать съ первымъ, а механическая мастерская Варакина занимается исключительно приготовленіемъ различныхъ системъ вѣялокъ и сортировокъ, кои, по тщательности ихъ изготовленія, смѣло могутъ соперничать съ иностранными.

Въ сосѣднихъ съ Сумскимъ уѣздахъ находятся слѣдующіе фабрики и заводы ¹⁾:

У ѣ з д ы .	Рафинадо-песочныхъ.	Рафинадныхъ.	Песочныхъ.	Винокуренныхъ.	Секстрониренныхъ.	Кирпичныхъ.	Самотопныхъ.	Кафельныхъ.	Мыловаренныхъ.	Чугуно-литейныхъ.	Насосныхъ.	Пивоваренныхъ.	Паровыхъ мельницъ.	Воско и мыловосковъ.	Водяныхъ и ветряныхъ мельницъ.	Рамныхъ.
Сумскій	1	1	7	9	1	62	2	1	1	2	14	2	1	—	—	1
Лебединскій .	—	—	4	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Конотопскій .	—	—	1	4	—	17	—	—	1	—	—	1	2	2.106	1.483	27
Обоянскій	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Роменскій	—	—	—	1	—	14	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Рыльскій .	—	—	1	4	—	25	1	—	—	—	2	—	—	10	794	—
Богодуховскій	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ахтырскій	—	—	4	1	13	—	—	2	—	—	2	6	—	—	1.167	—
Львовскій	—	—	3	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Грайворонскій .	—	—	1	—	12	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—

По свѣдѣніямъ земскихъ управъ.

По тѣмъ же свѣдѣніямъ уѣздныхъ земскихъ управъ, кромѣ указанныхъ производствъ, въ уѣздахъ развиты слѣдующіе кустарные промыслы.

Въ Сумскомъ уѣздѣ крестьяне занимаются ремеслами: колеснымъ, плотничнымъ, сапожнымъ, тулупнымъ, овчиннымъ, кожевеннымъ, портняжнымъ, ткацкимъ и гончарнымъ.

Въ Сужданскомъ уѣздѣ—кузнечнымъ, столярнымъ, мѣдничнымъ, слесарнымъ, бондарнымъ, тележнымъ, кровельнымъ, ткачествомъ сить, войлочнымъ, портняжнымъ, сапожнымъ, картузнымъ, овчиннымъ, гончарнымъ и печнымъ.

Въ Гривворонскомъ уѣздѣ между крестьянами распространены ремесла: кожевенное, иконописное и фольговое, веревочное и шпательное.

Въ Ахтырскомъ уѣздѣ получили развитіе ремесла: кузнечное, бондарное, сапожное, кожевенное, скорняжное и гончарное.

Въ Роменскомъ уѣздѣ—гончарное, сапожное, скорняжное и ткацкое.

Въ Конотопскомъ уѣздѣ — сапожное, шаповальное, шапочное и козюшное.

Въ Лебединскомъ уѣздѣ—гончарное, кузнечное, тележное.

Въ Богодуховскомъ—кожевенное и гончарное.

Въ Путивльскомъ—гончарное.

Въ Кролевецкомъ уѣздѣ развито гончарное производство, а также выдѣлка ручниковъ (утиральниковъ), колесъ и дугъ.

Въ Рыльскомъ и Обоянскомъ уѣздахъ ремеслами почти не занимаются, а въ Львовскомъ, въ ограниченномъ размѣрѣ, встрѣчаются ремесла: гончарное, веревочное, колесное и тележное.

Приведенныя свѣдѣнія показываютъ, что въ сосѣднихъ съ Сумскимъ уѣздахъ ремесленные занятія, и при томъ довольно разнообразнаго характера, получили значительное развитіе.

Нижепомѣщаемая вѣдомость даетъ возможность ознакомиться съ составомъ учащихся въ мѣстномъ реальномъ училищѣ:

К л а с с ы.	1887 г.		1888 г.		1889 г.		1890 г.	
	Число учащихся.	Выбыло до окончания.	Число учащихся.	Выбыло до окончания.	Число учащихся.	Выбыло до окончания.	Число учащихся.	Выбыло до окончания.
Приготовительный	—	—	23	—	35	4	26	3
1.	22	2	41	3	43	6	48	9
II.	35	10	28	9	35	8	43	3

III.	21	2	20	6	18	4	26	3
IV.	27	6	25	9	18	1	15	2
V.	22	12	23	3	27	5	20	4
VI.	18	4	22	1	18	2	24	2
VII.	мех. 5 хим. 9	3	общіѣ 13	1	12	1	13	5
Всего	159	39	195	32	206	31	215	31

По мѣсту жительства родителей, учащіеся распредѣлялись въ послѣднемъ учебномъ году такъ: 68% дѣтей жителей г. Сумъ, 15% изъ прочихъ мѣстностей Харьковской губерніи и 17% изъ другихъ губерній.

Изъ общаго числа учащихся 25% принадлежали къ дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ; 20% — къ дѣтямъ купцовъ и почетныхъ гражданъ; 25% — къ дѣтямъ мѣщанъ; 13% — крестьянъ; 2% — духовныхъ лицъ; 2% — солдатъ и 13% — разночинцевъ и иностранцевъ.

Всѣ вышеприведенныя данныя, какъ о г. Сумахъ, такъ и о сосѣднихъ уѣздахъ, вполне подтверждаютъ тѣ соображенія г. попечителя учебнаго округа, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе своего ходатайства объ открытіи въ этомъ городѣ средняго техническаго училища, съ механическою и химическою спеціальностями.

Что касается мѣстнаго реальнаго училища, то, не смотря на достаточное число учащихся въ высшихъ классахъ онаго, казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ сохранить въ немъ только низшіе пять классовъ, присоединивъ къ нимъ среднее техническое училище съ механическимъ и химическимъ отдѣленіями, такъ какъ въ г. Сумахъ имѣется уже одно среднее общеобразовательное учебное заведеніе, а желающіе окончить полный курсъ реальнаго училища могли бы переходить въ реальные училища гг. Харькова, Курска, Ромны и др. Такимъ путемъ вопросъ объ открытіи въ г. Сумахъ техническаго училища получилъ бы незамедлительное разрѣшеніе. Въ училищѣ этомъ какъ городъ Сумы, такъ и весь районъ его нуждается въ болѣе высокой степени, чѣмъ въ полномъ реальномъ, а обширное зданіе послѣдняго не потребуетъ большихъ (сравнительно) затратъ для приспособленія его подъ техническое. Предварительно необходимо, однако, войти по сему вопросу въ сношенія съ мѣстными городскою и земскою управами, предложивъ городу и земству принять участіе въ расходахъ по содержанію техническаго училища, такъ какъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, вопросъ объ открытіи въ г. Сумахъ

техническаго училища не подвергался обсужденію ни городской думы, ни земскаго собранія.

Г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа находитъ также весьма полезнымъ открытіе въ предѣлахъ вѣреннаго вѣдѣнію его округа, сверхъ указанныхъ выше техническихъ училищъ, еще двухъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ училищъ, ссылаясь въ подкрѣпленіе своего мнѣнія на слѣдующія данныя:

„Губерніи, входяція въ составъ Харьковскаго учебнаго округа, расположены большею частью въ черноземной и въ степной полосахъ Имперіи, а только часть Харьковской губерніи и области войска Донскаго расположены въ мѣстностяхъ, изобилующихъ минеральными богатствами.

„Вслѣдствіе этого главное занятіе жителей разсматриваемаго района составляетъ земледѣліе и скотоводство; въ нѣкоторыхъ станицахъ области войска Донскаго, особенно благопріятныхъ для разведенія виноградной лозы, жители занимаются винодѣліемъ и приготавливаютъ хорошаго качества вино, но промышленность эта, вслѣдствіе недостатка специальныхъ познаній среди населенія, весьма мало развита. Земледѣліе, не смотря на отличныя качества почвы, нерѣдко переживаетъ значительные кризисы, причины коихъ кроются частью въ недостатокъ въ населеніи специальныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній. Въ Южной Россіи даже урожайные годы не всегда свободны отъ кризисовъ, вслѣдствіе того, что въ эти годы рабочія руки страшно дороги, а цѣна на хлѣбъ значительно падаетъ, такъ что бывали случаи, когда въ иныхъ мѣстностяхъ хлѣбъ оставался на корню нескоспешнымъ, ибо расходы по уборкѣ хлѣба не окупались прибылью отъ продажи зерна. Открытіе техническихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ, приготавливающихъ дѣятелей, знакомыхъ не только съ улучшенными приѣмами веденія хозяйства, но и съ техническою переработкою сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ значительной мѣрѣ могло бы содѣйствовать уменьшенію указаннаго выше зла.

„Изъ предметовъ обрабатывающей промышленности въ разсматриваемомъ районѣ обращаютъ на себя вниманіе по своему развитію винокуреніе, сахаровареніе (послѣднее, главнымъ образомъ, въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ), салотопенное, кожевенное, маслобѣйное и мукомольное производства, а также суконное дѣло (въ Тамбовской губ.), чугуно-литейное (въ Тамбовской, Харьковской губерніяхъ и въ Ростовѣ на Дону) и машиностроеніе (въ Харьковской губ.). Однихъ винокуренныхъ заводовъ въ районѣ Харьковскаго учебнаго

округа имѣется 139, между тѣмъ въ знающихъ свое дѣло винокурахъ чувствуется сильный недостатокъ, и, по отзыву нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, винокурами являются большею частью евреи, и при томъ съ весьма сомнительною репутаціею. Поэтому устройство техническаго училища съ химическою спеціальностью является крайнею необходимостью для поддержанія и развитія винокурения, имѣющаго весьма важное экономическое значеніе для края. Подобно винокурению, и другія отрасли обрабатывающей промышленности нуждаются въ образованныхъ дѣтеляхъ то въ качествѣ мастеровъ, то въ качествѣ руководителей, не столь дорого оплачиваемыхъ, какъ инженеры.

„Въ виду вышеизложеннаго, слѣдуетъ признать весьма полезнымъ учрежденіе въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа двухъ сельскохозяйственно-техническихъ училищъ, изъ коихъ одно должно быть учреждено въ черноземной полосѣ, другое—въ степной, при томъ, однако, условіи, чтобы земства предоставили безвозмездно участки земли для устройства фермъ, необходимыхъ для сельскохозяйственныхъ училищъ. Указать въ настоящее время мѣстности, въ которыхъ должны быть открыты сіи училища, довольно затруднительно, такъ какъ неизвѣстно, какія земства и въ какихъ мѣстахъ согласятся уступить для училищъ необходимые участки земли. Въ черноземной полосѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе Корочанская гимназія, существованіе которой на ряду съ Бѣлгородской, собственно говоря, не вызывается дѣйствительными нуждами населенія. Между тѣмъ, въ Бѣлгородѣ, городѣ, лежащемъ на желѣзной дорогѣ и во всѣхъ отношеніяхъ находящемся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Короча, существуетъ гимназія, которая далеко не переполнена учащимися и съ успѣхомъ можетъ вмѣстить въ себя почти всѣхъ учащихся въ Корочанской гимназіи, которыхъ состоитъ въ ней нинѣ всего 101.

„Въ виду всего этого, замѣна Корочанской гимназіи сельскохозяйственнымъ техническимъ училищемъ не можетъ представить значительныхъ затрудненій для мѣстныхъ жителей, желающихъ дать гимназическое образованіе своимъ дѣтямъ, такъ какъ недалеко находящаяся Бѣлгородская гимназія представляетъ къ тому самыя благопріятныя условія. Учрежденіе же въ Корочѣ сельскохозяйственнаго технического училища, если только земство и городъ согласятся предоставить необходимый участокъ земли и существующее гимназическое зданіе, имѣло бы весьма важное значеніе для края: а училище, находясь въ самомъ центрѣ земледѣльческаго района, могло бы

пользоваться для практическаго обученія учащихся не только фермой училища, но и имѣнными частныхъ владѣльцевъ, помѣщая въ нихъ своихъ питомцевъ на лѣтнее время, въ качествѣ практикантовъ“.

Отдѣленіе учебнаго комитета по техническому и профессиональному образованію министерства народнаго просвѣщенія не признало возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа по вопросу объ открытіи въ городѣ Корочѣ сельскохозяйственнаго техническаго училища въ замѣнъ существующей тамъ гимназій. Соглашаясь съ тѣмъ, что Корочанская гимназія, при незначительномъ числѣ учениковъ, дѣйствительно обходится довольно дорого (на ея содержаніе отпускается изъ суммъ государственнаго казначейства—13.850 рублей, отъ земства—10.771 р. 60 к. и поступаетъ сбора за ученіе—1.478 р. 40 к.), отдѣленіе полагало, что едва ли и сельскохозяйственное училище въ этомъ городѣ будетъ имѣть болѣе успѣха, такъ какъ онъ расположенъ въ мѣстности, не соединенной съ другими городами желѣзною дорогою, а вблизи отъ него не имѣется реальнаго училища, которое могло бы доставлять необходимый контингентъ учениковъ для проектируемаго сельскохозяйственнаго техническаго училища. Ближайшія къ Корочѣ реальныя училища находятся въ Курскѣ и Харьковѣ, но такъ какъ проѣздъ въ городъ Корочу вообще неудобный (въ иное время года даже совершенно невозможный), то врядъ ли можно ожидать, чтобы учащіеся стали направляться въ этотъ городъ. Скорѣе они изберутъ для своего пребыванія и ученія городъ, хотя и болѣе отдаленный, но расположенный на желѣзной дорогѣ. Въ глухой мѣстности, какова Корочанская, постоянно будетъ ощущаться недостатокъ и въ учителяхъ, и въ ученикахъ. Въ виду такихъ неудобствъ отдѣленіе учебнаго комитета полагало, что открытіе въ Корочѣ учебнаго заведенія новаго типа, требующаго для успѣшной дѣятельности благоприятныхъ мѣстныхъ условий, представляется нецѣлесообразнымъ и въ случаѣ весьма вѣроятной неудачи, еслибы въ видѣ опыта подобное учебное заведеніе было открыто въ этомъ городѣ, оно вредно повліяло бы на судьбу промышленныхъ училищъ въ будущемъ и вселило бы къ нимъ недовѣріе.

Г. попечитель округа, по поводу сдѣланнаго отдѣленіемъ учебнаго комитета замѣчанія, заявляетъ, что положеніе города Корочи въ центрѣ земледѣльческаго района, близость многихъ благоустроенныхъ имѣній, въ которыхъ ученики могли бы, во время лѣтнихъ каникулъ, поступать въ качествѣ практикантовъ, наконецъ, средства, которыя

послѣ закрытія Корочанской гимназіи могли бы быть обращены на содержаніе сельско-хозяйственнаго училища, служить данными, говорящими въ пользу открытія въ Корочѣ промышленнаго училища; съ другой стороны, положеніе этого города внѣ линіи желѣзной дороги и плохіе пути сообщенія, ведущіе къ этому городу, служатъ обстоятельствами, не благопріятствующими существованію въ немъ какаго бы то ни было учебнаго заведенія, для котораго самъ городъ и его ближайшія окрестности не въ состояніи доставить полнаго контингента учащихся.

Указывая же на Корочу, г. попечитель округа имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, освобождающіяся вслѣдствіе закрытія Корочанской гимназіи казенныя средства, которыя могли бы быть употреблены на учрежденіе столь необходимаго для мѣстнаго края сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія.

Въ виду вышеизложеннаго, г. попечитель округа полагалъ бы необходимымъ, прежде всего, рѣшить въ принципѣ вопросъ о необходимости учрежденія на средства казны одного или двухъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ училищъ въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, потому что только послѣ этого возможно будетъ войти въ ближайшія сношенія съ земствами относительно отвода необходимыхъ участковъ земли, и затѣмъ уже окончательно рѣшить, въ какихъ именно пунктахъ должны быть открыты эти заведенія.

При вторичномъ разсмотрѣніи сего вопроса въ ученое комитетѣ, отдѣленіе его по техническому и профессиональному образованію осталось при вышеуказанномъ имъ ранѣ мнѣніи о непригодности для сей цѣли такихъ мѣстностей, какъ Короча. Что же касается принципиальнаго разрѣшенія вопроса о необходимости открытія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ одно или два среднихъ сельско-хозяйственныхъ училища, то отдѣленіе признало преждевременнымъ высказать какое либо мнѣніе по сему вопросу, такъ какъ дѣло объ организациіи вообще среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ не подвергалось еще въ самомъ отдѣленіи ученаго комитета обстоятельному и подробному обсужденію, а равно не установлены окончательно и примѣрныя программы сихъ училищъ.

Тѣмъ не менѣе, проѣзжая изъ Харькова въ Курскъ, я носѣтилъ г. Корочу, отстоящій въ 55 верстахъ отъ ст. Прохоровки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, и все мною видѣнное подтверждаетъ справедливость замѣчаній отдѣленія ученаго комитета; при-
совокуплю только къ сему, что въ иныя времена года не только

трудно добраться до г. Корочи, но даже и занятія въ гимназіи иногда прекращаются, вслѣдствіе отсутствія въ городѣ мостовыхъ и присущей черноземной почвѣ грязи, которая буквально препятствуетъ воспитанникамъ добраться до зданія гимназіи.

Привожу здѣсь списокъ, наиболѣе выдающихся по количеству земли, имѣній, находящихся въ Корочанскомъ уѣздѣ:

Имѣніе вдовы Іониной (около Корочи), въ 650 десятинъ; слобода Михайловка, Бекарюковка тожъ, имѣніе Коробкова въ 2.556 дес. (въ 45 верстахъ отъ г. Корочи); имѣніе Зиновенька графини Бобринской (въ 40 в.) заключаетъ въ себѣ 2.610 дес.; графа Клейнмихеля слобода Ивица (въ 12 верст.) въ 1.716 дес.; хуторъ Александровскій фонъ-Козена (въ 18 верст. отъ Корочи) въ 2.115 дес.; княгини Долгоруковой, сл. Косминка (въ 30 в.) въ 610 дес.; Балабанова (купца) с. Казачье (въ 25 верст.) въ 561 дес.; дача слободы Косминки Жебуловыхъ (въ 30 верст.) въ 799 десятинъ; село Вознесенское Ариольди (около 50 верстъ отъ Корочи) въ 1.373 дес.; село Дмитріевское Гангардтъ (въ 40 верст.) въ 846 дес.; Космо-Демьяновское, наслѣдниковъ баронессы Сердобинной (въ 41 верст.), въ 1.565 дес.; село Огнищевое Авдѣевыхъ (45 в.) въ 522 дес.; Внавица, князя Волконскаго (30 в.), въ 732 дес.; хутора Доброй Надежды и Георгіевскаго, Пруцкихъ (въ 30 в.) въ 732 дес.; Лазаревка, Аферова (9 в.), въ 476 дес.; село Ново-Троицкое Волкова (25 в.), въ 800 дес.; село Рыжовка, купца Рыжова, въ 655 дес.; хуторъ Марьянъ, Ребиндера, въ 865 дес.; хуторъ Липовскій, баронессы Пилларъ фонъ Пильхау, въ 736 дес.; село Иваново Беленихина (40 в.) въ 773 дес.; Сторожевое (селеніе) фонъ Руцена (въ 40 верст. отъ Корочи) въ 505 десятинъ.

Кромѣ того, въ Корочанскомъ уѣздѣ имѣются слѣдующіе заводы: сахарный Рыжова; винокуренный Алферова; яичный (въ г. Корочѣ); альбуминный (тамъ же) и ганусный для производства анисоваго (гануснаго) масла (въ г. Корочѣ). Всего оброчной земли въ Корочанскомъ уѣздѣ 256.188 десятинъ; городъ имѣетъ 1.119 десятинъ. Ежегодный бюджетъ Корочанскаго земства достигаетъ 65.000 руб., а доходъ города (поземельный) до 16.000 рублей.

Въ заключеніе добавлю, что на посѣщеніе всѣхъ упомянутыхъ въ отчетѣ мѣстностей я употребилъ два мѣсяца времени, совершивъ путь въ 8.400 верстъ, изъ коихъ 6.500 — по желѣзной дорогѣ, 1.200 — на лошадакъ и 700 верстъ — моремъ.

Н. Аноповъ.

А. А. ФЕДОТОВЪ-ЧЕХОВСКІЙ.

(Некрологъ).

Въ ночь на 1-е іюля, по словамъ газеты *Кіевлянина*, скончался на 87 году отъ рожденія бывшій ординарный профессоръ университета св. Владиміра, Александръ Алексѣевичъ Федотовъ-Чеховскій. Въ лицѣ его Кіевскій университетъ потерялъ одного изъ старѣйшихъ своихъ членовъ. Покойный А. А. Федотовъ-Чеховскій родился 1-го января 1806 года въ Таганрогѣ. Онъ сынъ придворнаго протоіерея, духовника императора Александра I-го и императрицы Елисаветы Алексѣевны. По Высочайшему повелѣнію въ 1827 году А. А. Федотовъ-Чеховскій поступилъ изъ С.-Петербургской духовной академіи во II-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для образованія въ юридическихъ наукахъ, а въ 1831 году отправленъ былъ въ Берлинскій университетъ для дальнѣйшихъ занятій. По возвращеніи изъ Берлина, въ 1834 году, причисленъ былъ ко II-му отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. По выдержаніи испытанія въ С.-Петербургскомъ университетѣ на степень доктора законовѣдѣнія, опредѣленъ былъ въ 1835 г. въ Харьковскій университетъ преподавателемъ римскаго права съ жалованьемъ ординарнаго профессора. Въ 1837 году утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римскаго законодательства. Въ 1838 году перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ по той же кафедрѣ въ университетъ св. Владиміра. Въ 1842 году переведенъ былъ на кафедру русскихъ гражданскихъ законовъ общихъ, особенныхъ и личныхъ. Былъ деканомъ юридическаго факультета въ 1840—1841 и 1848—1849 гг. Кромѣ чтенія лекцій по занимаемой кафедрѣ, покойный А. А. Федотовъ-Чеховскій одно время преподавалъ

студентамъ юридическаго факультета международное право, а также преподавалъ межевые законы въ училищѣ землемѣровъ, находившемся при первой Кіевской гимназіи. А. А. Федотовъ-Чеховскій въ теченіе своей многолѣтней преподавательской дѣятельности написалъ нѣсколько ученыхъ работъ и кромѣ того издалъ два большихъ тома „Актонъ, относящихся до гражданской расправы древней Россіи“ (1860 и 1863 гг.). Покойный профессоръ много трудился надъ изученіемъ древнихъ актовъ и документовъ, хранящихся въ центральномъ архивѣ, находящемся въ университетѣ св. Владиміра, въ особенности же занятъ былъ подробнымъ разборомъ городскихъ и земскихъ книгъ Владиміра-Волинскаго и извлекъ изъ нихъ болѣе ста гражданскихъ и уголовныхъ актовъ XVI столѣтія. Кромѣ того, имъ было описано много другихъ интересныхъ и важныхъ документовъ.

наго нѣтъ. Толкованіе Дональдсона и др. имѣло бы смыслъ, если бы было сказано, кто эти *κτῆματα ἑρως*; теперь же оно невозможно.

Мысль всего стасима заключается въ слѣдующемъ. „Всюду проявляется Эротъ свое могущество; а кто его испыталъ, тотъ теряетъ разумъ. Добродѣтельный дѣлается преступникомъ, ближайшіе родственники превращаются во враговъ подъ вліяніемъ чарующей силы любви; ясно, что среди высшихъ властей, дающихъ законы смертнымъ, засѣдаетъ и любовь; нѣтъ силы, которая могла бы бороться съ могуществомъ Афродиты“.

Итакъ, въ ст. 782—789 (*ἀνθρώπων*) мы должны искать мысли „всюду проявляется могущество Эрота“; какъ видно при бѣгломъ чтеніи всего отрывка, поэтъ доказываетъ ее посредствомъ излюбленной фигуры *divisio*; Эротъ доказываетъ свое могущество: 1) на загадочныхъ *κτῆματι*, 2) на людяхъ; любовь, которая таится на нѣжной щекѣ дѣвушки, поджидаетъ тамъ, полагаю я, суженаго *ἦιδεος*; поэтому конъектура Бледза (то-есть, собственно, одна изъ шести его конъектуръ) *ἐν γ' ἀνδράσι* (принятая Диндорфомъ) помимо возмутительной *στοιβή* грѣшитъ тавтологіей; 3) на морскихъ животныхъ, и 4) на животныхъ суши; ср. *Lucr. I 17 denique per maria ac montis fluviosque rapacis frondiferasque domos avium camposque virentis omnibus incutiens blandum per pectora amorem efficit ut cupide generatim saecula propagent.* (Лукрецій тоже не представлялъ себѣ Афродиты ныряющею въ морѣ; аносящаяся надъ нимъ и благословляющею его обитателей; нечего поэтому смущаться тѣмъ, что поэтъ называлъ Эрота *ὑπερπόντιος*, а не *ὑποβρύχιος*). Изъ этой *divisio* ясно, что на первомъ мѣстѣ должно стоять упоминаніе о силѣ Эрота надъ богами, оттого поэтъ и продолжаетъ *καὶ σ' οὐτ' ἀθανάτων φόβος οὐδαὶς οὐθ' ἀμαρῶν σέ γ' ἀνθρώπων*.

Это заключеніе подтверждается и параллельными мѣстами, которыхъ много; возьмемъ для примѣра *Trach. 497 μέγα τι σθένος ἃ Κύπρις ἐκφέρειται νίκας αἰεὶ καὶ τὰ μὲν θεῶν παρέβαν, Fgm. 855 N¹.*

*ἐνστήχεται γὰρ πλεονόων¹⁾ ὅσοις ἐν
ψυχῇ τίς οὐχὶ τῆδε δεύτερος θεός;*

¹⁾ Въ недобрый часъ попалось это мѣсто З. Меклеру и подсказало ему безобразную конъектуру къ нашему мѣсту *ὅς ἐν πλεονόσι πίπτει*, которую онъ имѣлъ смѣлость принять въ текстъ. Въ отрывкѣ удареніе на *ὅσοις ἐν ψυχῇ* (а въ ст. 15 на *Διός*), такъ что *πλεονόων*, не находясь подъ удареніемъ, получаетъ общее значеніе „грудь, сердце“; въ нашемъ же мѣстѣ оно не только находится подъ удареніемъ, но (за неизмѣнимъ притяжательнаго) естественно относится читателемъ

- εἰσέρχεται μὲν (3) ἰχθύων πλωτῶ γενεῖ,
 10 (4) χέρου δ' ἔνεστιν ἐν τετρασκελεῖ γονῇ.
 νωμᾷ δ' ἐν οἰωνοῖσι τοῦκαίνης πτερόν,
 ἐν θηροῖν, (2) ἐν βροτοῖσιν, (1) ἐν θεοῖς ἄνω.
 τίν' οὐ παλαίους' ἐς τρίς ἐχβάλλαι θεῶν;
 εἴ μοι θέμις, θέμις δὲ τάληθ' ἡ λέγειν,
 15 Διὸς τυραννεῖ πλευμόνων, ἄνευ δορός,
 ἄνευ σιδήρου. πάντα τοι συντέμνεται
 Κύπριδι τὰ θνητῶν καὶ θεῶν βουλευόμενα.

Это послѣднее мѣсто очень близко подходит къ нашему: не только перечисляются тѣ же сферы власти любви, только въ обратной градаціи, но и послѣ *divisio* стоитъ такая же краткая *repetitio*, повтореніе только двухъ главныхъ сферъ: πάντα τοι συντέμνεται Κύπριδι τὰ θνητῶν καὶ θεῶν βουλευόμενα, у насъ καὶ σ' οὐτ' ἀθανάτων φύμιος οὐδεὶς οὐθ' ἀμερίων σέ γ' ἀνθρώπων. Такое совпаденіе должно, кажется, устранить всякое сомнѣніе въ необходимости конъектуры, которая бы ввела вмѣсто нелѣпнаго κτήμασι понятіе „на боговъ“.

Такой конъектурой, неособенно удаляющеюся отъ начертаній рукописей, представляется мнѣ

Ἔρω, ὃς ἐν δαίμοσι πίπτει.

Ст. 795. Хоръ:

νικᾷ δ' ἐναργῆς βλεφάρων ἱμερὸς εὐλέκτρον νόμφας.

Эта εὐλέκτρος νόμφα — Антигона. Не знаю, какъ кому нравится этотъ намекъ на радости въ брачной постели съ заключенной въ подземелье мученицей; иные, пожалуй, найдутъ его прекраснымъ, другіе по крайней мѣрѣ античнымъ. Съ меня достаточно того, что схолиасты читали иначе, какъ видно изъ объясненія: οὗ ὄρων τὴν παῖδα ὁ Αἴμων σπουδάζουσιν καὶ πάντα πράσσουσιν ὑπὲρ τοῦ ἀδελφοῦ ἦττων αὐτῆς γέγονεν. То качество, за которое Гемонъ, по словамъ схолиаста, любилъ Антигону, была ея εὐσέβεια; слѣдовательно онъ читалъ

νικᾷ δ' ἐναργῆς βλεφάρων ἱμερὸς εὐσέπτος νόμφας.

и соединялъ νικᾷ (перифразъ: ἦττων γέγονεν) βλεφάρων (sc. τοῦ Αἴμονος,

къ κείνιδος и противопоставляется τῇ παρῇ, такъ что получается дикая мысль: „который не только почувствъ на щекѣ дѣвы, но и обрушивавшся на ея легкія“, заражая ее плевроитомъ или бугорчаткой, надо полагать.

перифразъ: ὁρῶν) ὁ ἐναργῆς ἡμερος (sc. εἰς τὸν ἀδελφόν) εὐσεπτοῦ νόμφας; кромѣ того онъ, кажется, смѣшиваеѣтъ ἐναργῆς съ ἐνεργῆς, перифразируя σπουδάουσαν (такъ и schol. El. 1404 L читаетъ ἐνεργέστερον, G ἐναργέστερον; послѣднее чтеніе, по справедливому замѣчанію Наука стр. 33, genuina lectio). Для насъ эти ошѣбки необязательны; важень добытый древній вариантъ εὐσεπτοῦ. Это слово, въ значеніи εὐσεβῆς, встрѣчается у Софокла еще O. R. 864 τὰν εὐσεπτον ἀγναίαν λόγων.

Ст. 801. Хоръ:

νῦν δ' ἤδη γ' ἰὼ καὶ τὸς θεσμών
 ἔξω φέρομαι τὰδ' ὁρῶν, ἵσχειν δ'
 οὐκέτι πηγάς δύναμαι διαχρῶν.

Схолія: οἷον δύναμαι παραχοομεν τοῦ ἀρχοντος, διαχρῶντας τὴν Ἀντιγόνην, ἣν αὐτὸς κατεδίχασεν. Παπαγεоргίῳ замѣчаетъ: δύναμαι non expedit; an referendum ad ἀρχαῖς v. 798? Конечно нѣтъ; а такъ какъ рецензентъ Παπαгеоргіа, Н. Müller (въ Berl. Phil. Woch. IX 1295) тоже не понялъ этого δύναμαι (онъ безъ нужды предлагаетъ νῦν καὶ ἡμεῖς), то будетъ бесполезно объяснить его. Наше мѣсто имѣетъ вотъ какой смыслъ: „оплакивая Антигону, которую царь осудилъ, мы „динамически“ (то-есть, косвенно, этимъ самымъ) являемся его ослушниками“; мысль будетъ тотчасъ же ясна, если передать ее такъ: τὸ ἡμᾶς διαχρῶν ἐπὶ τῇ Ἀντιγόνῃ, ἣν ὁ ἀρχων κατεδίχασεν, δύναμιν ἔχει τοῦ παραχοοεῖν αὐτοῦ. Это, въ сущности, аристотелево различіе понятій κατὰ δύναμιν и κατ' ἐνέργειαν, о которомъ ср. Метаф. VIII, 3, (1047 a 18 сл., въ особ. 1047 b 1 τῶν γὰρ μὴ ὄντων ἔνια δύναμει ἐστίν); о его популярности свидѣтельствуеѣтъ между прочимъ Лукіанъ De conser. hist. 23 οὐκ εἰδότες ὅτι δύναμει τινὰ προοίμια ἐστὶ λεληθότα τοὺς πολλοὺς (cf. 52). Sabinus ap. Gellium III, 16, 8 ἐστὶ μὲν φαινόμενα ὡς ζῶα μετὰ τὴν ἔκτρωσιν (о выкидышахъ), οὐκ ἐστὶ δὲ, ὡς θνητῶντα μετὰ ταῦτα. καὶ ἐστὶν οὖν καὶ οὐκ ἐστὶ, φαντασία μὲν παραυτίκα ὄντα, δύναμει δὲ οὐκέτι.

Ст. 864. Антигона:

ἰὼ ματρῶναι λέκτρων ἄται
 κοιμήματά τ' αὐτογέννητ'
 ἐμῷ πατρὶ δυσμόρου ματρὸς...

Схолія: κοιμήματ' αὐτογέννητα: καὶ συνοουσίαι τοῦ πατρὸς αὐτογενεῖς ἢ συγγενikai [ἦ] ὅτι ταῦτα συνεκοιμήθη ἐξ ἧς γέγοναν· τὸ δὲ ἐξ ἧς [κοιμήματ' αὐτογέννητα] κοιμήματα δυσμόρου μητρὸς ἐμῷ πατρὶ αὐτογέννητα, ὅτι ὁ αὐτὸς

πατήρ ἄμα καὶ παῖς ᾗν. Скобки принадлежатъ Папагеоргію; мнѣ кажется, что онѣ излишни. Первый схолиастъ предлагаетъ два объясненія: 1) συγγενικός, причемъ αὐτό—intensivum, 2) enallage, κοινήματα τῷ αὐτογεννήτῃ = τῷ ἐξ αὐτῆς γεννηθέντι. Поэтому ᾗ вполне правильно. Объясненіе второго схолиаста приведено редакторомъ въ цѣлости, причемъ τὸ δὲ ἐξῆς имѣетъ основаніемъ, конечно, не предшествующую въ его редакціи схолію къ тому же ст. 864, а предшествующую въ ὑπόμνημα второго схолиаста и не извлеченную редакторомъ схолію къ ст. 863. Вполнѣ правильно за τὸ δὲ ἐξῆς слѣдуетъ лемма, затѣмъ конструкторія, затѣмъ объясненіе. Но въ этомъ послѣднемъ Папагеоргій проглядѣлъ явную ошибку. Вѣдь не въ томъ важность, что Эдипъ былъ въ одно и то же время и отцомъ, и сыномъ, а въ томъ, что онъ состоялъ въ богомерзкомъ двойномъ родствѣ съ одной и той же особой, съ матерью Антигоны. Но отцомъ и сыномъ Иокасты онъ не былъ; онъ былъ ея мужемъ и сыномъ, а поэтому слѣдуетъ исправитъ οὕτως ὁ αὐτὸς ἀνὴρ ἄμα καὶ παῖς ᾗν.

Ст. 999. Τυρεσίη:

εἰς γὰρ παλαιὸν θάλακον ὀρνιθοσκόπον...

Схолія: θάλακος, τόπος οὗτω καλούμενος. Папагеоргій приводитъ слова Диндорфа объ этой схоліи vanum commentum scholiastae и самъ ссылается на schol. Eur. Phoen. 840, гдѣ этотъ θάλακος даже называется мѣстностью въ Оивахъ. Мнѣ кажется, можно до вѣкоторой степени возстановить глоссу—вѣроятно аттициста—изъ которой потекла эта премудрость, именно благодаря схоліи на Аристофана Nub. 94 θάλακος καλεῖται Ἀττικῶς τόπος ἐνθα πολλοὶ συνέρχονται σχεψόμενοι. Нашъ схолиастъ просто пропустилъ относительное предложеніе.

Ст. 1055.

ΚΡ. τὸ μαντικὸν γὰρ πᾶν φιλάργυρον γένος.

ΤΕΙΡ. τὸ δ' ἐκ τυράννων αἰσχροκέρδειαν φιλεῖ.

Въ испорченности слова αἰσχροκέρδειαν не сомнѣвается и Наукъ, замѣчая, что оно допускаетъ только натянутое объясненіе, и что смыслу удовлетворяло бы чтеніе εὐσέβειαν οὐ φιλεῖ. Но такое чтеніе слишкомъ удаляется отъ традиціи, да и не очень естественно; не можетъ же уваженіе къ прорицателю быть названо εὐσέβεια, а намекъ на поступокъ Антигоны неумѣстенъ. Не трудно сказать, какой упрекъ былъ бы здѣсь всего умѣстнѣе: въ ст. 1053 Креонтъ почтительно замѣчаетъ, что не желаетъ обозвать прорицателя браннымъ словомъ, и тотъ-

часть же (ст. 1055) называетъ его φιλάργυρος. На это Тиресій могъ и долженъ былъ ему отвѣтить „видишь, тираническая натура тебя одо-
лѣла“. Я предлагаю поэтому:

τὸ δ' αὖ τυράννων αἰσχρὰ κερτομεῖν φιλεῖ.

Конъектура Бергка τὸ δ' αὖ вмѣсто τὸ δ' ἐκ кажется мнѣ безу-
словно необходимой; Наукъ объясняетъ τὸ δ' ἐκ τ. das von Tugannen
stammende Geschlecht, но въ такомъ случаѣ это γένος не обнимало бы
самого Креонта, который вовсе не происходилъ изъ царскаго рода.

V. TRACHINIAI.

Ст. 27 сл. Деианира:

λέχος γὰρ Ἵρακλει κριτὸν
ζυγεῖσ' αἰεί τιν' ἐκ φόβου φόβον τρέψω
καίνου προκηραίνουσα· νύξ γὰρ εἰσάγει
καὶ νύξ ἀπώθει διαδεγμένη πόνον.

Врядъ ли правильно Наукъ объясняетъ оба послѣднихъ стиха: wie
die Nacht kommt und geht, so kommen und gehen die bangen Sor-
gen. Въдѣ въ такомъ случаѣ заботы Деианеры сводились бы къ ноч-
нымъ страхамъ, исчезающимъ съ появленіемъ дня, что противорѣ-
читъ ея словамъ αἰεί τιν' ἐκ φόβου φόβον τρέψω. Слово διαδεγμένη до-
казываетъ, что ночь сравнивается съ начальникомъ стражи, являю-
щейся на смѣну прежней; она велитъ уходить заботамъ, которыя въ
теченіи сутокъ бодрствовали въ сердцахъ Деианеры, и на смѣну имъ
входятъ новыя заботы. Такимъ образомъ заботы чередуются съ за-
ботами, но никогда заботы не чередуются съ радостями.

Въ виду этого послѣдняго обстоятельства я считаю вѣрнымъ объяс-
неніе схолиаста νυκτὸς ἔρχεται (scil. ὁ πόνος, слово техническое; сравн.
Хер. Суг. I, 4, 17 ἡ διαδοχὴ τῇ πρόσθεν φυλακῇ ἔρχεται ἐκ τῆς πόλεως)
καὶ νυκτὸς ἐξορμᾶται ὥς μὴ διαδοχὴν μοι τῶν πόνων γίνεσθαι (Наукъ 40,
измѣняющій также μὴ διαδοχὴν μοι въ ἐμοὶ διαδοχὴν; γινέσθαι L.). Дѣло
въ томъ, что слово διαδοχὴ въ переносномъ смыслѣ получило пре-
гнантное значеніе „чередованіе съ противоположнымъ=перерывъ“,
какъ видно изъ схоліи къ ст. 824 ὅπερ ἐφθέγγετο, ἐπειδὴν ἑναυτὸς
παρέλθοι, τότε διαδοχὴν γινέσθαι τῶν πόνων τῇ Ἵρακλει.

Ст. 238. Схолия: Κηναῖφ Δι: Κήναον Εὐβοίας ἀκρωτήριον ἀπὸ Κηναίου
τοῦ Ἑλεφόρου. Послѣднее слово Панагеоргіи справедливо объявляетъ
испорченнымъ; Наукъ предлагаетъ (стр. 41) Κλεοφόρου или Τελεσφόρου.
Мысль Кивей находилась у Діа, одного изъ городовъ, занятыхъ Абав-

тами, которыхъ повелѣ въ Трою Элефиноръ (В 540); вѣроятно даже, что Дій, будучи ближайшимъ къ фокидскимъ Абамъ городомъ Евбен, былъ центромъ преданій объ еврейскихъ Абантахъ. Въ виду этого позволительно думать, что неизвѣстный намъ ближе Кивей считался сыномъ самаго знаменитаго царя Діа, и что схолиастъ писалъ: Κηναῖος τοῦ Ἐλεφθινόρος.

Ст. 344. Схоліа: ...τούτους δὲ ἢ τὰς αἰχμαλώτους καὶ τοὺς ἅμα δύντας ἄρσενας, ἢ... Вѣроятно τοὺς ἅμα ὄντας.

Ст. 374. Вѣстникъ:

εἰ δὲ μὴ λέγω φίλα,
οὐχ ἤδουμαι, τὸ δ' ὀρθὸν εἰείρηχ' ὅμως.

Схоліа: λυποῦμαι μὲν οὐκ εἰπὼν σοὶ τὰ κεχαρισμένα, ἀλλ' ὅμως ἀληθείας ἐγγὺς <εἶπον>. Последнее слово прибавилъ Панагеоргій, вслѣдствіе чего перифразъ вышелъ несоотвѣтствующимъ подлиннику. Вѣроятноѣ ἀληθείας ἐτυχες; ср. Платона Θεэт. 186 С.

Ст. 434. Лиха:

ἄνθρωπος, ὃ δέσποιν', ἀποστήτω.

Схоліа: προστήτω οὖν ὁ ἄνθρωπος, οὐ γὰρ φιλονεικῆσω πρὸς αὐτόν. Невозможное προστήτω Панагеоргій измѣняетъ въ παραστήτω, очевидно имѣя въ виду предыдущую схолію γράφει παραστήτω, οἷον ὁ ἄνθρωπος στήτω παρελθὼν εἰς μέσον ὁ διελέγχων με; но заключительныя слова нашей схоліи доказываютъ, что ея авторъ понималъ стихъ Софокла иначе. Не писалъ ли схолиастъ, какъ Софоклъ, ἀποστήτω?

Ст. 504. Схоліа: ἀμφίγουσι πρὸ γάμων κατέβαν: ἢ ἀμφότεροι τεθεωρημένοι ἢ ἄμφω παρωξυμένοι. Вмѣсто τεθεωρημένοι слѣдуетъ, повидимому, писать τεθερμασμένοι.

Ст. 539. Схоліа: μιᾶς ὑπὸ χλαίνης] ἀντὶ τοῦ μιᾶς κοίτης. Такъ какъ не говорятъ ὑπὸ κοίτης (это — stragulum, а не opertorium), то слѣдуетъ писать τοῦ ἐπὶ μιᾶς κοίτης.

Ст. 599. Лиха:

ὡς ἐσμέν ἤδη τῷ μακρῷ χρόνῳ βραδεῖς.

Схоліа: ἀντὶ τοῦ διὰ τὸ ἐνταῦθα χρόνῳ ἐνδιατρίψαι. Грамматически правильное χρόνῳ слѣдуетъ, по видимому, вычеркнуть.

Ст. 638. Схоліа: ὅπου συνάγονται οἱ Ἀμφικτύονες εἰς τὴν λεγομένην Πυλαίαν (слѣдуетъ производство этого имени отъ Пылада, затѣмъ) ἢ ὅτι Τραχὶν πόλη τῆς Τραχινός ἐστι. Слово Τραχὶν Панагеоргій заключаетъ въ скобки, такъ что выходитъ, что Авнила (гдѣ происходила

Πιλεя) — преддверье Трахина, что нелѣпо. Слѣдуетъ писать: ἢ ὅτι Τραχίν πύλη τῆς Ἑλλάδος ἐστί. Точно также слово Τραχίνος неумѣстно и въ слѣдующей схоліи ἐνθα τὸ τῆς Ἀρτέμιδος παρὰ θάλασσαν Τραχίνος, гдѣ имѣ вытѣснено слово ἱερόν.

Ст. 688. Схолія: ἔχρισα πολλὸν ἐρίου. Читай μαλλῶ.

Ст. 727. Схолія: τοῖς ἀκουσίως σφαλεῖσιν ἢ ἐπαγομένη ὀργῇ πεπερμένη ἐστί καὶ πραεῖα καὶ συγγνωστή, ἥς σε δίκαιον τογχεῖν παρὰ τοῦ Ἡρακλέους· ἀκουσα γὰρ ἤμαρτες. „Простительный гнѣвъ“ здѣсь неумѣстенъ; по видимому, слѣдуетъ переставить напечатанныя разрядкой слова: ἀκουσία γὰρ ἤμαρτες καὶ συγγνωστή. Личная конструкция слова συγνωστός у позднѣйшихъ писателей встрѣчается очень часто.

Ст. 792. Гиллъ:

τὸ δυσπάρεινον λέκτρον ἐνδατούμενος
σοῦ τῆς ταλαίνης καὶ τὸν Οἰνέως γάμον.

Наука справедливо замѣчаетъ ὁ Οἰνέως γάμος kann nur die Hochzeit des Oeneus bedeuten, nicht aber die Verschwägerung mit Oeneus. Не слѣдуетъ ли поэтому читать τὸν τ' ἀπ' Οἰνέως γάμον? У Геродота VI 130 Κλισеѣнъ говорить τοῖσι ὕμειων ἀπαλαυνόμενοι τοῦδε τοῦ γάμου τάλαντον ἀργυρίου ἐκάστω δωρετὴν δίδωμι τῆς ἀξιώσεως ἐνεκα τῆς ἐξ ἐμεῦ γῆμαι, а въ этомъ смыслѣ предлоги ἀπὸ и ἐκ употребляются promiscue.

Ст. 838. Хоръ:

δαίνοτάτῃ μὲν ὕδρας προσεταχώς
φάσματι.

Въ схоліяхъ даны два объясненія: 1) προσεκολλημένος τῇ ἰψῇ, ἢ τῇ ὀλεθρίῃ, παρὰ τὸ πεφονεύσθαι. Отсюда видно, что схоліастъ объяснялъ φάσμα какъ ἴος, производя это слово не отъ φαίνω, а отъ корня φен-; слѣдуетъ по этому читать съ Германомъ παρὰ (τὸ πεφάσθαι) τὸ πεφονεύσθαι; 2) φάσματι τούτεστι τῇ ἱματίῃ τῇ χεχρισμένῃ τῷ φαρμάκῃ τῆς ὕδρας (слѣдующія слова τούτεστι τῇ χολῇ τῆς ὕδρας приписаны позднѣйшимъ толкователямъ). Отсюда видно, что схоліастъ вмѣсто φάσματι читалъ ὑφάσματι.

Ст. 883. Хоръ:

τίς θυμός τῃ τίνας νόσοι
τάνδ' αἰχμάν βέλεας κακῶ
ξυνεῖλε;

Схολія: περιφραστικῶς τὸ βέλος· βέλος δὲ εἶπεν τὴν Δηϊάνειραν ὅτι τρόπον βέλους ἀνείλεν ἑαυτήν. ἢ ἥτις ὡς βέλος ἰορόλον μέγα κακὸν προσετρίψατο τῷ Ἡρακλεῖ. Ясно, что схоліастъ путемъ чудовишной метониміи (отсюда περιφραστικῶς) понимаетъ βέλος въ смыслѣ „скорпіонъ“ (ср. σκorpion βέλος у Эсхила *fgm.* 169 N); извѣстно повѣріе, по которому скорпіонъ, предвидящій неизбежную гибель, самъ себя убиваетъ.

Ст. 953 сл. Хоръ:

εἴθ' ἀνεμόεσά τις
γένοιτ' ἔπουρος ἐστιῶτις αὔρα,
ἥτις μ' ἀποκίσαιεν ἐκ τόπων.

Изъ примѣчанія Наука (ἐστιῶτις, das man erklären will οὐρία πνεύουσα τῇ ἐστία γυθεν Luftzug gebend gegen das Haus; andere verbinden γένοιτο ἐστιῶτις d. h. ἐπὶ τῇ ἐστίας) видно, что онъ не считаетъ слова ἐστιῶτις удовлетворительно объясненнымъ; дѣйствительно, оно никакому объясненію не поддается. Для жителей Трахина повѣтріе αὔρα дуется съ противоположнаго берега Евбеи, которому имя у Атиковъ Ἑστία; отъ того-то поэтъ и называетъ ее Ἑστιῶτις αὔρα (о тождествѣ формъ Ἑστιῶτης и Ἑστιαῶτης см. Steph. Byz. s. v. Ἑστία и Ἰστία и прим. Мейнеке); сравнить можно Cic. ad Att. VII, 2, 1

flabat ab Epiro lenissimus Onchesmites.

Въ схоліи къ этому мѣсту перемѣнены два различныхъ чтенія: εἴθε ὡς ἐστῆα (что указываетъ на бессмысленный варіантъ ἐστῶτος, или нѣчто другое въ этомъ родѣ) πνεύσειεν ἀνεμος οὐριος ἐπὶ τῇ οἰκίᾳ, ἵνα με λαβὼν ταύτης ἀπαγάγοι τῇ ἐστίας καὶ ἀποχωρίσειεν и т. д. Слѣдуетъ, по видимому, читать... ἐπὶ τῇ ἐστίας (τοὔτ' ἐστι) τῇ οἰκίᾳ, ἵνα με λαβὼν ταύτης ἀπαγάγοι καὶ ἀποχωρίσειεν и т. д.

Очень вѣроятно, что и въ ст. 657 слѣдуетъ писать ναιῶτιν Ἑστίαν ἀμείψας; это — одна изъ уликъ, указывающихъ на то, что наша трагедія была поставлена вскорѣ послѣ 445 года, когда Евβοія ὑπὸ τοῦ Περικλέους παρτάθη и Гестіа стала воинской влехіей.

Ст. 963. Хоръ (о несущихъ Геракла войнахъ):

ζένων γάρ ἐξόμιλος ἦδε τις βῆαις

Слово ἐξόμιλος Наука справедливо объявляетъ sinnlos; убѣдительно поправки еще не предложено. Не слѣдуетъ ли читать ἐξάμιλλος?

Въ такомъ случаѣ вашъ стихъ будетъ прямою противоположностью къ Эск. Пром. 128 К. μηδὲν φοβηθῆς· φιλία γὰρ ἤδε τάτις πτερόγων θεαῖς ἀμίλλαις προσέβα τόνδε πάγον. Относительно значенія при-
ставки ср. ἔχμετρος, ἔξωρος и друг.

Ст. 1007. Гераклъ:

πᾶ μου ψαύεις, ποῖ χλίνεις;

Схолія: ἀντὶ τοῦ παῦε ψηλαφῶν καὶ μεταφέρων τῇδε χάειρε τὸ σῶ-
μά μου. Отсюда видно, что схолиастъ читалъ ποῖ κινεῖς; это под-
тверждается также его объясненіемъ къ слѣдующему стиху: ὅ τι ἂν
ἡσυχάζῃ τοῦ κακοῦ τούτου (читай: τοῦτο) πάλιν κινήσας ἀνέτρεψας и
къ ст. 1009 τὸ κινήθηῃναι ὑπὸ σοῦ καθήψατό μου.

Ст. 1020. Схолія: τὴν λαθίπονον ἵσαιν τῶν ὀδονῶν οὔτε διὰ στόματος
οὔτε ἔξωθεν προσάπτειν δύναμαι и къ ст. 1021 ἔνδοθεν] διὰ στόματος.
Παναγορείη замѣчаетъ: non expedio; ἐμαυτοῦ Нерм., αὐτόματος Ο. Неп-
sius. Удивительно, какъ это столько ученыхъ мужей не догада-
лось, что „внутреннее“ лекарство принимается больнымъ „посред-
ствомъ рта“.

Ст. 1057. Гераклъ:

κοὺ ταῦτα λόγῃ πεδιᾶς, οὐθ' ὁ γηγενῆς
στρατὸς Γιγάντων ἔδρασε πῶ.

Схолія: θέλει γὰρ εἰπεῖν ὅτι οὔτε παραταττόμενος οἶον πρὸς Λαομέ-
δοντα οὔτε πρὸς Αὐγέαν ἢ Κενταύρους. Вѣсто второго οὔτε слѣдуетъ
читать ἤ.

Ст. 1118. Схолія: μάτην ἀλγείς τὴν ψυχὴν νεμεσῶν τὴν οὐδὲν ἀδική-
σαν. Читай μεσῶν; νεμεσῶν не годится ни по смыслу, ни по кон-
струкціи.

VI. ΦΙΛΟΚΤΗΤΗΣ.

Ст. 136. Схолія: ὑπόπταν] ἀντὶ ἐμὲ φανερόν γεγονότα καὶ ἐλθόντα εἰς
ὄψιν ἢ τὸν Φιλοκτήτην τὸν ὑφ' ἡμῶν κατασχοπούμενον. Отсюда можно
заключить, что схолиастъ читалъ ὑποπτον.

Ст. 148. Неоптолемъ: πρὸς ἐμὴν αἰεὶ χεῖρα προσχωρῶν. Схолиастъ,
читавшій προσχωρῶν, объясняетъ: κυρίως δὲ ἔστιν ἀκούειν τὸ προσχω-
ρῶν, οἷον ὡς ἂν ἐγὼ προστάσω, τοῦτον τὸν τρόπον ποιῶν. Конечно, не
κυρίως, а τροπικῶς; къ объясненію ср. схолию на ст. 964 προσχωρεῖν]
ὑποχωρεῖν, πεισθῆναι.

Ст. 191. Схолія . . . ἵνα μὴ τὰ βέλη εὐθέως ἀπελθόντος αὐτοῦ (Фило-

ктета) πορθήσῃ τὴν Τροίαν παρὰ <τὴν прибавляетъ безъ нужды Папа-georgiй> εἰμυρμένην. Всякій будетъ склоненъ исправить ἀπελθόντος въ ἐπελθόντος или просто въ ἐλθόντος; по въ ст. 1326 мы читаемъ σὺ, ὦ Φιλοκτήτῃα, νοσεῖς ἐκ θείας προνοίας πλησίον ἀπελθὼν τοῦ ὄψεως. Вотъ почему я полагаю, что Наукъ не правъ, измѣняя это ἀπελθὼν въ ἐλθὼν. По той же причинѣ и въ ст. 542 слѣдуетъ оставить εἰωθὼς τοῖς Ἑλλήσι τὰ ἐπιτήδεια ἀπάγειν, и schol. O. R. 789 περὶ ὧν γὰρ ἀπῆλθεν.

Ст. 557. Неоптолемъ:

ἀλλ' ἡ χάρις μὲν τῆς προμηθείας, ξένη,
εἰ μὴ κακὸς πέφυκα, προσφιλὴς μενεΐ.

Схολія: ἔσται σοι χάρις τῆς προμηθείας ὕατερον. Отсюда можно заклю-чить, что схоліастъ читалъ προσφιλής.

Ст. 686 сл. Хоръ:

τόδε θαῦμ' ἔχει με,
πῶς ποτε, πῶς ποτ' ἀμφιπλή-
κτων ῥοθίων μόνος κλύων,
πῶς ἄρα πανδάκρουτον οὐ-
τω βιοτὰν κατέσχευεν.

Схолія: θαυμάζω πῶς ὑπέμειναν αἰεὶ <ἐν> κλυζομένοις κύμασιν ἔχων κατ-αγωγὴν καὶ ἔρημον παντάπασιν. Объясненіе лишено смысла; по види-мому, слѣдуетъ писать: πῶς ὑπέμειναν, αἰεὶ κλυζομένοις κύμασιν <προσ-> ἔχων, <δυστυχῇ> καταγωγὴν καὶ ἔρημον παντάπασιν. Къ сл. προσέχων ср. сх. на ст. 935.

Ст. 1081. Филоктетъ: ὦ κοίλας πέτρας γύαλον. **Схолія:** γύαλον δὲ ἀντὶ τοῦ κεῦθος· κυρίως δὲ γύαλα τὰ κοῖλα λέγεται, ἀλλ' ἐὰν οὕτω μεταφράσης, ἀπίθανον τὸ κοῖλον κοίλωμα· διὸ δὴ τὸ κεῦθος ἢ ἀντὶ τὸ ἄλλο; με-таφράζομεν. Последнее предложеніе непонятно; слѣдуетъ, по види-мому, читать: διὸ δὴ κεῦθος ἢ ἄντρον τὸ γύαλον μεταφράζομεν.

Ст. 902. Неоптолемъ:

ἅπαντα δυσχέρεα, τὴν αὐτοῦ φύσιν
ὅταν λιπὼν τις ὀρεῖ τὰ μὴ προσικότα.

Чтеніе ἅπαντα δυσχέρεα (вм. δυσχερῇ) мало вѣроятно. ОУ. 883 ὅβ-ρις τὰδε при широкомъ употребленіи слова τὰδε (τάδ' ἐστί Πελοπόννησος и т. д.) врядъ ли можетъ служить аналогіей. Требуется ἢ πάσα или по крайней мѣрѣ ἅπαντα δυσχέρεα.

Ст. 1095. Хоръ:

οὐ τοι οὐ τοι τάδ' ἡξιώσας.

ὦ βαρύποτμ', οὐκ ἄλλοθεν
ἔχῃ τόχα τᾷδ' ἀπὸ μείζονος.

Схолія: οὐ σαυτῇ κατηξίωσας καὶ οὐκ ἀπὸ τινος ταύτῃ τῇ τόχῃ ἐνέχῃ, ἀπὸ μείζονος σοῦ. Требуется ἀπ' ἄλλου τινός.

Ст. 1440 сл. Гераклѣ:

τοῦτο δ' ἐννοεῖθ' ὅταν
πορθῇτε γαῖαν, εὐσεβεῖν τὰ πρὸς θεούς·
ὡς τᾷλλα πάντα δεύτερ' ἡγεῖται πατὴρ
Ζεὺς· ἡ γὰρ εὐσέβεια συνθνήσκει βροτοῖς·
κᾶν ζῶσι κᾶν θάνωσιν, οὐκ ἀπόλλυται.

Вопросъ о подлинности обоихъ послѣднихъ стиховъ оставимъ пока въ сторонѣ; во всякомъ случаѣ нѣтъ причины полагать, что первый изъ этихъ стиховъ противорѣчитъ второму, и вслѣдствіе этого писать оὐ γὰρ εὐσέβεια σ. βр. Я думаю даже, что путемъ такого измѣненія красивая и оригинальная мысль превращается въ шаблонную.

Въ самомъ дѣлѣ, въ традиціонной формѣ наше двустипіе имѣетъ слѣдующій смыслъ: „благочестіе (а не храбрость, щедрость, воздержанность) сопровождаетъ человѣка въ преисподнюю и не покидаетъ его ни при жизни, ни послѣ смерти“. Что на самомъ дѣлѣ таково было мнѣніе древнихъ эллиновъ, достаточно доказы­вается извѣстными словами мистовъ у Аристофана (Рan. 454 сл.): μόνοις γὰρ ἡμῖν ἥλιος καὶ φέγγος ἰλαρόν ἐστιν, ὅσοι μεμυῖμεθ' εὐσεβῇ τε διήγομεν τρόπον περὶ τοὺς ξένους καὶ τοὺς ἰδιώτας; они, стало быть, могли сказать про себя, что εὐσέβεια συνέθανεν ἡμῖν, что они не оставили ея на этомъ свѣтѣ, какъ все прочее. Тотъ же смыслъ имѣетъ и извѣстная XVI глава „Критона“, и—въ противоположномъ примѣненіи—ἐπιστάφιον Сардаанапала Anth. Plan. III 27.

Но можетъ ли глаголъ συνθνήσκει имѣть требуемый смыслъ? Что это на самомъ дѣлѣ такъ, доказываетъ интересная пародія нашего мѣста въ „Лягушкахъ“ Аристофана, чѣмъ за одно доказывается и подлинность всего двустипіа. Не забудемъ, что въ 409 г. былъ поставленъ „Филоклетъ“, а въ 405 г. „Лягушки“. На требованіе Діониса, чтобы онъ вступилъ въ составаніе съ Еврипидомъ, Эсхилъ отвѣчаетъ сначала отказомъ, говоря (ст. 867).

ἐβουλόμην μὲν οὐκ ἐρίζειν ἐνθάδε·
οὐκ ἐξ ἴσου γὰρ ἐστὶν ἄγων νῦν. ΔΙΟ. τί δαί;

ΑΙΣ. οἳ τῇ ποιήσας οὐχὶ συντέθνηκέ μοι,
τοῦτω δὲ συντέθνηκεν, ὥςθ' ἔξει λέγειν.
ὅμως δ', ἐπειδὴ σοι δοκεῖ, θράν ταῦτα χρή.

Отвѣчу встати въ тѣхъ же „Лягушкахъ“ еще одну явную пародію на „Филоклету“. Въ послѣднемъ (ст. 732 сл.) мы читаемъ:

ΦΙΛ. ἃ ἃ ἃ ἃ.

ΝΕΟ. τί ἐστιν; ΦΙΛ. οὐδὲν δεινόν· ἀλλ' ἴθ', ὦ τέκνον.

ΝΕΟ. μὴν ἄλγος ἴσχεις τῆς παρεστῶσης νόσου;

ΦΙΛ. οὐ δῆτ' ἔγωγ', ἀλλ' ἄρτι κουφίζειν δοκῶ
ἰὼ θεοί.

ΝΕΟ. τί τοὺς θεοὺς [εὖτως] ἀναστένων καλεῖς;

ΦΙΛ. σωτῆρας αὐτοὺς ἡπίους θ' ἡμῖν μολεῖν.

Оба мотива мы встрѣчаемъ и у Аристофана, ст. 649 сл. и 665 сл.

ΞΑΝ. οὐχοὺν ἀνόσεις τι; ἈΤΤΑΤΑΪ. ΑἶΑ. τί τὰτταταῖ;

μὴν ὠδυνήθης; ΞΑΝ. οὐ μὰ Δί', ἀλλ' ἐφρόντισα....

ΔΙΟ. Πόσειδον, ΞΑΝ. ἡλγηρέν τις. ΔΙΟ. ὃς Αἰγαίου πρῶνας ἢ γλαυκάς μέδεις....

VII. Οἶδιπους ἐπὶ Κολωνοῖ.

Ст. 388. Схолія: ποίσιαι τοῦτοις: οἱ ὑπομνηματούμενοι γράφουσιν οὕτω, χρηρμός τοιοῦτος γέγονεν. ὁποτέρφ' ἂν ὁ Οἶδιπους πρὸςθῇται, τοῦτον κρατεῖν καὶ χωρὶς (καὶ) κατὰ κοινὸν τοῖς Θηβαίοις, ὅτι ἔσται αὐτοῖς μεγάλων κακῶν αἴτιος, εἰάν μὴ θάψωσιν αὐτὸν ἐπὶ τῆς χώρας. Ясно, что напечатанныя разрядкой слова не на своемъ мѣстѣ; если они не совсѣмъ подложны, то ихъ слѣдуетъ переставить послѣ ἐπὶ τῆς χώρας, продолжая ὁποτέρφ' γάρ ἂν. На сравнительную древность интерполяціи (или пертурбаціи) указываетъ, кромѣ отсутствія этого γάρ, еще и отсутствіе подлежащаго въ подлинной схоліи, имѣвшей первоначально, по видимому, слѣдующую форму: χρηρμός τοιοῦτος γέγονεν τοῖς Θηβαίοις, ὅτι ἔσται αὐτοῖς μεγάλων κακῶν αἴτιος ὁ Οἶδιπους, εἰάν μὴ θάψωσιν αὐτὸν ἐπὶ τῆς χώρας.

Ст. 472. Хоръ:

κρατῆρές εἰσιν, ἀνδρὸς εὐχειρος τέχνη.

Схолія: ἀνδρὸς εὐχειρος: ἐπὶ τὸν Δαίδαλον ἢ ἀνφορά, περὶ οὗ Φερεκύδης φησιν οὕτω. „Μητίωνι δὲ τῷ Ἑρεχθέως καὶ Ἰσινόῃ γίνεται Δαίδαλος, ἀφ' οὗ ὁ δῆμος καλεῖται Δαιδαλίδαι Ἀθῆναις.

Другая схолія: εὐκαλάμου κατὰ τὴν μετάληψιν.

Займемся сначала второй схоліей, относящейся очевидно къ слову εὐχειρος. Къ чему прозрачное εὐχειρ объясняется столь же прозрач-

нымъ εὐπάλαμος? На это отвѣчаютъ намъ слова κατὰ τὴν μετὰληψιν. Какъ извѣстно (ср. Volkmann, Rhetorik, 427), этотъ фантастическій тропъ есть λέξις ἐκ συνωνυμίας τὸ ὁμώνυμον δηλοῦσα, то-есть замѣна какого-нибудь слова синонимомъ его омонима (такъ въ извѣстномъ примѣрѣ Θ 164: ἔρρα κακὴ γλῆνῃ=κοράσιον, такъ какъ κόρη „зрачекъ“ омонимъ сл. κόρη „дѣвушка“, а γλῆνῃ синонимъ κόρη „зрачекъ“). Такъ и здѣсь εὐχειρ синонимъ слова εὐπάλαμος, а послѣднее—омонимъ имени собственнаго Εὐπάλαμος. Отсюда видно—что понималъ Elmsley и не понималъ Папагеоргій—что это слово слѣдуетъ писать прописной буквой.

Теперь намъ понятно и первая схолія. Мнѣшескій Евпаламъ приводился въ генеалогическую связь съ Дедаломъ (ср. Törffler, Att. Genealogie, стр. 166); по Аполлодору (III, 15, 8) и производнымъ онъ былъ сыномъ Метіона, внукомъ Эрехоея и отцомъ Дедала; по Діодору (IV 76) сыномъ Эрехоея, отцемъ Метіона и дѣдомъ Дедала. Но это еще не все; кромѣ этихъ генеалогій, приведенныхъ Телферомъ (I. I.) и Фохтомъ (у Рошера s. v.), была еще и третья, упущенная изъ виду обоями и разрушающая теорію перваго; именно перігинтъ Полемонъ—котораго никто не заподозритъ въ томъ, что онъ пользовался комментаторами Софокла—называетъ очень древняго аѳинскаго ваятеля Симмія сыномъ Евпалама (Preller Pol. gr. стр. 110 сл.). Правда, Полемонъ не называетъ Евпалама прямо Дедалидомъ, но послѣ вышеприведенныхъ генеалогій это совершенно ясно, тѣмъ болѣе если принять въ соображеніе роль Дедала, какъ родоначальника всѣхъ почти аттическихъ ваятелей (см. Брунна Gesch. d. gr. K. I 96). Итакъ, Евпаламъ былъ по третьей традиціи потомкомъ Дедала.

Ея представителемъ является для насъ Полемонъ. Кто былъ его источникомъ? Отвѣчаемъ: Ферекидъ. Это слѣдуетъ изъ первыхъ же не сразу понятныхъ словъ первой схоліи ἐπὶ τὸν Δαίδαλον ἢ ἀναφορά, объясненіемъ служить Платонъ Alc. I гл. 17; τὸ δ' Ἡρακλέους... γένος εἰς Περσέα τὸν Διὸς ἀναφέρεται.... καὶ τὸ ἡμέτερον.... εἰς Δαίδαλον, говорить ваятель Сократъ.

На основаніи всего сказаннаго восстанавливаемъ схолію слѣдующимъ образомъ:

ἄνδρὸς εὐχειρας: Εὐπαλάμου κατὰ τὴν μετὰληψιν. <τούτου δὲ> ἐπὶ τὸν Δαίδαλον ἢ ἀναφορά, περὶ οὗ Φερεκύδης φησὶν οὕτω: „Μητίωνι δὲ τῷ Ἐραχθέως καὶ Ἰφινόῃ γίνεται Δαίδαλος, ἀφ' οὗ ὁ δῆμος καλεῖται Δαιδελίδαὶ Ἀθῆναισιν“ <τούτου δὲ..... Εὐπάλαμος>.

Ст. 1006. Схолія: δὴ οὖνεκ' εἰ τις γῆ: ὅτι οὖνεκα, ἐκ παραλλήλου τὸ αὐτὸ [ἀντὶ τοῦ] εἶθ' ὥφελεν. Такъ пишетъ Папагеоргій, замѣчая: ἀντὶ

τοῦ inclusi; о томъ, чтобы выходилъ смыслъ, онъ не позаботился. Что же можетъ сказать схолиастъ? Очевидно, то, что Софоклъ взялъ два союза (ὅτι и οὐνεκα), означающихъ то же самое, между тѣмъ, какъ онъ могъ удовольствоваться однимъ изъ нихъ; въ примѣрѣ онъ приводитъ сочетаніе εἴθ' ὥφελενъ вмѣсто простаго εἴθε или простаго ὥφελενъ. Такое же замѣчаніе имѣемъ мы въ схоліи на Ant. 2 (ἀρ' οἷσθ' ὅ τι Ζεὺς τῶν ἀπ' Οἰδίπου κακῶν ὁποῖον οὐχὶ νῦν ἐτι ζῶσαν τελεῖ); εἰπεν δὲ διττῶς, πρῶτον μὲν ὅτι, ἔπειτα δὲ ὁποῖον, ἀρκοῦντος θατέρου. У насъ вмѣсто διττῶς стоитъ ἐκ παραλλήλου; поэтому схоліа можетъ быть установлена такъ:

ὅτι οὐνεκα, ἐκ παραλλήλου τὸ αὐτὸ, ἀντὶ τοῦ (ἐτέρου, ὡς τὸ) εἴθ' ὥφελενъ.

Ст. 1220. Хоръ:

.... ὅταν τις ἐς πλεον πέσῃ
τοῦ θέλοντος· ὁ δ' ἐπίκουρος ἰσοτέλεστος.

Въ L οὐδ' ἐπίκουρος, а на поляхъ схолиастъ приписалъ οἶμαι κόρος (ὁ δ'—конъектура Германа). Въ леммѣ схоліи читается: οὐδ' ἐπὶ κόρος, затѣмъ объясненіе: ταῦτα καθ' αὐτόν· φησὶ δὲ ὁ χορός, τῷ πλεονекταίν ἐθέλοντι παρὰ τὸ καίριον καὶ τὸ μέτριον [ἄχρος] ἐστὶν οὗτος ἰσοτέλεστος, ὁμοίως ἀποθνῆσκειν οἱ τοιοῦτοι. Такъ пишетъ Папагеоргіѣ, замѣчая: ἄχρος inclusi, οὗτος sc. ὁ θάνατος. Но въ первыхъ, послѣднее невозможно, во вторыхъ самое трудное, именно οὐδ' ἐπὶ κόρος, такъ и осталось необъясненнымъ. Я пишу: τῷ πλεονекταίν ἐθέλοντι.... ὁ κόρος ἐστὶν οὗτος ἰσοτέλεστος, ὁμοίως ἀποθνῆσκειν οἱ τοιοῦτοι, и изъ выраженія ὁ κόρος ἐστὶν οὗτος вывожу заключеніе, что схолиастъ читалъ ὁδ' ἐπὶ κόρος, что является блестящимъ подтвержденіемъ конъектуры Германа, принятой въ текстъ между прочимъ Наукомъ.

Ст. 1453. Хоръ:

ὁρᾷ ὁρᾷ ταῦτ' αἰεὶ χρόνος.

Схоліа: οἷον πάντα ἔχει ὅφ' ἐκυτῷ ὁ χρόνος, τὰ μὲν ὁρᾷ τὰ δὲ καὶ αὐτὸς ὁρᾷται. Отсюда извлекаемъ (безсмысленный, впрочемъ) вариантъ: ὁρᾷ ὁρᾷται τ' αἰεὶ.

Ст. 1494. Хоръ:

ἐναλίφ Ποσειδωνίφ θεῷ

Схоліа: ἀντὶ τοῦ Ποσειδῶν ἐστὶν ἐνάλιος θεός. Въ рукописи стоитъ Ποσειδῶνος; соггехі, прибавляетъ Папагеоргіѣ. Проще и правильнѣе было бы исправить такъ: ἀντὶ τοῦ Ποσειδῶνι ὃς ἐστὶν ἐνάλιος θεός.

Ф. Зѣлишскій.

КЪ ELOGIUM MESSORIS, C.I.L. VIII 11824.

Въ этой надписи, сразу обратившей на себя внимание эпиграфистовъ и палеографовъ, а со временемъ имѣющей конечно шансы и на вниманіе историковъ Римской литературы¹⁾, остаются доселѣ неразобранными первые два стиха. Тщательное однако разсмотрѣніе прекраснаго facsimile Лондонскаго Palaeographical Society (французская фотографія Tissot очень мало помогаетъ дѣлу) привело насъ къ слѣдующему результату:

въ первомъ гексаметрѣ видны еще болѣе или менѣе ясно буквы:

//MESS/R P/IIIS//AGRAMI/A /ALCE RE.

причемъ передъ *mess* видна нижняя дуга унциальнаго Е, послѣ *mess* изломъ камви имѣетъ скругленную форму, послѣ Р видна вторая изогнутая черта R, между двумя А видна вертикальная черта, могущая принадлежать или Т или І или F; сообразно всему этому І-й гексаметръ безъ особаго труда восстанавливается такъ:

D]EMESSORPRA[T]IS[SV]AGRAMI[N]A[F]ALCE RE[TONDENS];
во второмъ (пентаметрѣ):

VERNII — IIICT — SIONI — FVI

причемъ VE въ началѣ прочелъ и *Héron de Villefosse* на камнѣ, а въ концѣ TVE *Шмидтъ* на бывшихъ у него снимкахъ; пентаметръ начинается съ V, поставленнаго подъ остаткомъ E гексаметра: въ

¹⁾ Литературу см. C.I.L. loc. laud., а также у *Bond-Tompson*, ad tab.

этой надписи рѣзчикъ почти постоянно начинаетъ пентаметръ, отступя на одну букву отъ вертикальнаго *margo* сравнительно съ гексаметромъ, начинающимся у самаго *margo*; пентаметръ слѣдовательно имѣлъ слѣдующій видъ:

VERNI [LI] O [FF] ICIO [deditus?] S [P] ON [TE] FVI

Метрическая шероховатость не противорѣчитъ прочимъ метрическимъ погрѣшностямъ этой и другихъ подобныхъ африканскихъ эпитафій, сравн. напр. VIII 11594. 14352, и т. п.

И. Холодьякъ.

ЗАМѢТКИ ПО ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФІИ СѢВЕРНАГО И ВОС- ТОЧНАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЧЕРНАГО МОРЯ ¹⁾).

II.

Къ Стефану Византійскому.

Текстъ дошедшаго до насъ сокращенія географическаго лексикона Стефана Византійскаго, какъ извѣстно, до крайности изуродованъ переписчиками, и дѣло его возстановленія и исправленія подвигается впередъ очень медленно, такъ что и въ настоящее время въ нѣко-рыхъ статьяхъ лексикона остаются еще очевидныя нелѣпости или бессмыслицы. Въ настоящей замѣткѣ мы укажемъ нѣсколько мѣстъ съ очевидно испорченнымъ текстомъ, случайно отмѣченныхъ нами въ статьяхъ лексикона, относящихся къ древней географіи и этно-графіи Скиѣи и Кавказа; но предварительно считаемъ нужнымъ оговориться, что, имѣя подъ руками только изданія Вестермана и Мейнеке, да критическую диссертацию молодого грека Кондогно-ниса ²⁾, мы не имѣли возможности навести нужныхъ справокъ отно-сительнаго того, были ли уже кѣмъ либо предложены поправки къ отмѣчаемымъ нами мѣстамъ, и, если были, то какія именно. Текстъ Стефана мы будемъ цитовать по изданію Мейнеке.

1. Корохондάρη, πλησίον Σινώπης. 'Αρτεμίδωρος ἐνδεκάτῳ γεωγραφου-
μένων. τὸ ἐδυχὸν Корохондарίτης, καὶ λίμνη Корохондарίτης.

Корокондама упоминается нѣсколькими древними авторами, какъ мѣстечко или деревня (χωρὴ), лежавшая на нынѣшнемъ Таманскомъ полуостровѣ; названное по ея имени озеро—не что иное, какъ ны-
нѣшній Таманскій заливъ; другой Корокондамы, вблизи Синопы, не

¹⁾ См. апрѣльскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ Σπυρίδωνος Δ. Κοντογόνου Κριτικαὶ παρατηρήσεις καὶ διορθώσεις εἰς τὰ 'Εθνικά
Στεφάνου τοῦ Βυζαντίου κτλ. 'Αθήνησιν 1891.

знаетъ никто изъ авторовъ кромѣ Артемидора, на котораго ссы-
ляется Стефанъ. Но можно сказать навѣрное, что и у Артемидора
упоминалась та-же самая Корокондама и что *Σινώπης* испорчено пере-
писчиками изъ *Σινδ[ιχ]ῆς*, то-есть области народа Синдовъ (*Σίνδοι*),
начинавшейся съ Таманскаго полуострова и простиравшейся за Ку-
бань. Эта *Σινδичή* для переписчиковъ Стефана была terra incognita и
они обыкновенно замѣняли ее словомъ *Ἰνδичή* (напр. п. сл. *Ἀστερουσίη*,
Γορύππεια, *Ἰζιβίται*); но если въ какой нибудь рукописи ясно читались
начало и конецъ этого слова и мѣже ясно середина, то оно легко
могло быть замѣнено другимъ, извѣстнымъ словомъ. Кромѣ того нужно
замѣтить, что у Стефана обыкновенно послѣ имени собственнаго,
стоящаго въ заголовкѣ статьи, непосредственно ставится нарицатель-
ное, обозначающее географическій терминъ, характеризующій это
имя собственное (*πόλις*, *τόπος*, *χωρίον*, *ἔθνος* и т. п.). Такой терминъ
въ видѣ слова *χώμη*, по всей вѣроятности, стоялъ и въ рассматри-
ваемой статьѣ; его пропускъ переписчиками легко можетъ быть объ-
ясненъ влияніемъ одинаковаго окончанія предыдущаго имени соб-
ственнаго. Поэтому мы предлагаемъ читать: *Κοροκονδά[μη, χώ]μη*
πλησίον Σινδ[ιχ]ῆς и тл. ¹⁾.

2. *Κύτα, πόλις Κολχική, πατρὶς Μηδείας. ἔστι καὶ ἄλλη Σχυθίας. ὁ*
πολίτης Κυταῖος, ἐξ οὗ καὶ Κυταῖος, „πύργους, εἰσόμενος Κυταῖος Αἰήτην“.
τὸ θηλυκὸν Κυταῖας, καὶ Κυταῖα, Λυκόφρων „δ; εἰς Κυταῖαν τὴν Διβροτί-
νην μολών.* [*οἱ Διβροτῖνοι γὰρ ἔθνος παραχαίμενον Κόλχοις.*] *λέγεται καὶ*
Κυταῖς ἀπὸ τοῦ Κυταῖος, οἱ δὲ ὅτι δύο εἰσὶ Κύτα, ταῦτα καὶ τῆς Εὐρώπης.
ἔστι καὶ Κύταιον πόλις Κρήτης.

Относительно словъ, поставленныхъ въ скобкахъ, уже Мейнке
замѣтилъ, что они перенесены сюда изъ статьи *Διβροτῖνοι*, но причины
перенесенія не указалъ, хотя она, какъ намъ кажется, очень проста.
Дѣло въ томъ, что у Ликофрона въ цитованномъ стихѣ (*Алекс. v.*
1312) читается не *Διβροτίνην*, а *Διβροτικὴν*. Какой нибудь переписчикъ,
не зная о происхожденіи послѣдняго эпитета, но зная о существова-

¹⁾ Вставку *χώμη* послѣ *Κοροκονδάμη* считаетъ необходимою и К. Мюллеръ,
Fragn. hist. Gr. V, стр. 182 (прим. къ *Anon. Periplus pars media*, § 24). Относ-
тельно же чтенія *Σινώπης* онъ говоритъ: „Coniecero τοῦ στενωποῦ (sc. τοῦ Βοσπόρου,
ut ap. Strabon., aut τῆς λίμνης τῆς Κορ., ut ap. Anonym.). At e Strabone p. 426.
ubi litus a Corocondame ad Bata pertinet ex adverso Sinopes situm esse dici-
tur, liquet eodem modo verba Stephani intelligenda esse“. Натянутость этого объ-
ясненія очевидна: „находиться противъ чего нибудь“ и „вблизи чего нибудь“ — по-
нятія вовсе не тождественныя.

нимъ народа Λιβυστῖνοι, могъ сознательно исправить Λιβυστῖνῃν въ Λιβυστίην и сбоку или въ текстѣ приписать объясненіе своей поправки.

Кромѣ этого мѣста въ выписанной статьѣ требуютъ объясненія или поправки и нѣкоторыя другія: 1) замѣчаніе о существованіи другаго города Кѹта въ Скиѳіи совершенно справедливо, такъ какъ нѣкоторые авторы, дѣйствительно, называютъ такой городъ на европейской сторонѣ Востора Киммерійскаго ¹⁾; но *двукратное* упоминаніе о существованіи двухъ одноименныхъ городовъ въ одной и той же статьѣ представляется совершенно излишнимъ; поэтому можно думать, что слова *οἱ δὲ ὅτι* — Εὐρώπης въ концѣ статьи прибавлены какимъ нибудь невнимательнымъ читателемъ, знавшимъ о существованіи двухъ городовъ съ именемъ Кѹта, но упустившимъ изъ виду, что о немъ было уже упомянуто въ началѣ статьи; 2) цитата πόργους εἰσόψεσθε Κουταίος Αἰήταο взята, какъ отмѣчено издателями, изъ Аполлонія Родосскаго (Αριον. 2, 403); но такъ какъ у Стефана въ огромномъ большинствѣ случаевъ поименовываются тѣ авторы, изъ которыхъ заимствуются дословныя цитаты, то вполне вѣроятно, что и въ данномъ мѣстѣ въ первоначальномъ текстѣ стояло имя Аполлонія, которое потомъ пропущено переписчиками; 3) слово Κουταία, въ подтвержденіе существованія котораго приводится цитата изъ Ликофрона, представляетъ собою не вторую форму женскаго рода τοῦ ἔθνικοῦ, а вторую форму названія самого города; поэтому его слѣдуетъ, вмѣстѣ съ подтвердительною цитатою, поставить равнѣе начала перечисленія формъ τοῦ ἔθνικοῦ. Въ виду высказанныхъ соображеній мы представляемъ себѣ первоначальный текстъ разсмотрѣнной статьи въ егіптѣ въ слѣдующемъ видѣ ²⁾:

Κῶτα, πόλις Κολυχική, πατρίς Μηδαίης. ἔστι καὶ ἄλλη Σκυθίας. καὶ Κουταία, Λυκοφρῶν „ὅς εἰς Κουταίαν τὴν Λιβυστὴν μολών.“ [οἱ Λιβυστίνοι γὰρ ἔθνος παρακειμένον Κόλχους.] ὁ πολίτης Κουταῖος, ἐξ οὗ καὶ Κουταῖός, (ὡς Ἀπολλώνιος.) „πόργους εἰσόψεσθε Κουταῖος Αἰήταο“. τὸ θηλυκὸν Κουταίας. λέγεται καὶ Κουταῖς ἀπὸ Κουταῖος. [οἱ δὲ ὅτι δύο εἰς Κῶτα, ταῦτα καὶ τῆς Εὐρώπης.] ἔστι καὶ Κῶταιον πόλις Κρήτης.

3. Σαρμάται, ἔθνος Σκυθικόν, ἡ χώρα αὐτῶν Σαρματία καὶ Σαρματικὸν ὄρος.

Такъ какъ вся страна Сарматовъ никогда не называлась и не могла называться „Сарматскою горю“, то послѣднія два слова слѣдуетъ

¹⁾ [Scyl.] *Per.* 68, *Plin. N. H.* IV 86, *Ptol. Geogr.* III, 6, 6, *Suid. s.* Κῶτη, *Geogr. Rav.* p. 172, 16.

²⁾ Въ круглыя скобки заключены *addenda* въ угловатыя — *omittenda*.

считать самостоятельнымъ географическимъ терминомъ и послѣ слова *Σαρματία* поставить точку. Впрочемъ, еще вѣроятнѣе, что послѣ слова *Σαρματία*, была указана форма τοῦ κτητικοῦ, къ которой было дано нѣсколько примѣровъ, изъ коихъ послѣднимъ были сохранившіеся слова καὶ Σαρματικὸν ὄρος, такъ что порвоначальный текстъ, быть можетъ, имѣлъ слѣдующій видъ: ἡ χώρα αὐτῶν Σαρματία. (τὸ κτητικὸν Σαρματικὸς, ὡς...) καὶ Σαρματικὸν ὄρος.

4. Συρμάται, οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὐδόξος πρῶτῃ „ποταμὸν τοῦ Ταναΐδος Συρμάτας κατοικεῖν“. (Var. 1. ποταμός codd. Rehdigeranus et Vossianus).

Въ этой коротенькой статьѣ обращаютъ на себя вниманіе два синтаксическія неудобства: 1) κατοικεῖν ποταμὸν, 2) ποταμός τοῦ Ταναΐδος вм. ὁ Ταναΐς ποταμός. Оба они уничтожаются, если будемъ читать: πλησίον τοῦ Ταναΐδος Συρμάτας κατοικεῖν.

5. Τύρας, πόλις καὶ ποταμός ἐν τῇ Εὐξεινῃ πόντῃ. καὶ ἔδει παρὰ τὸν Τύραν Τυράτην εἶναι τὸ ἐθνικόν. ἔστι καὶ Τυρίτης, ἀπὸ τοῦ Τύρις. ὁ δὲ Πολυίστωρ τὸν ποταμὸν καὶ τὴν πόλιν Τύραν, τοὺς δὲ πολίτας Τυρανούς, ἐκαλεῖτο δ' Ὁφιοῦσσα.

Здѣсь послѣ обозначенія формы, которую должно было бы (ἔδει) имѣть τὸ ἐθνικόν, по обычной маверѣ Стефана слѣдуетъ ожидать указанія формы, *действительно* употребляемой¹⁾, а затѣмъ уже обозначеніе побочной формы; поэтому слова ἔστι καὶ — Τύρις слѣдуетъ поставить послѣ Τυранούς. Кромѣ того, такъ какъ форма Τύρις—не употреблявшаяся въ дѣйствительности, а придуманная для объясненія образованія ф. Τυρίτης, то передъ ἀπὸ должно было стоять ὡς, 2) къ подлежащему Πολυίστωρ слѣдуетъ прибавить сказуемое, наконецъ 3) такъ какъ второе названіе Ὁφιοῦσσα носилъ только городъ, а не рѣка, то послѣ сказуемаго ἐκαλεῖτο необходимо для ясности вставить подлежащее ἡ πόλις. Поэтому мы полагаемъ, что первоначальный видъ выписанной статьи былъ слѣдующій:

Τύρας, πόλις καὶ ποταμός ἐν τῇ Εὐξεινῃ πόντῃ. καὶ ἔδει παρὰ τὸν Τύραν Τυράτην εἶναι τὸ ἐθνικόν· ὁ δὲ Πολυίστωρ τὸν ποταμὸν καὶ τὴν πόλιν Τύραν (λέγει), τοὺς δὲ πολίτας Τυρανούς. ἔστι καὶ Τυρίτης, (ὡς) ἀπὸ τοῦ Τύρις. ἐκαλεῖτο δ' (ἡ πόλις καὶ) Ὁφιοῦσσα.

В. Латышевъ.

¹⁾ Ср., напримѣръ, п. сл. Αἰγισθενα: τὸ ἐθνικὸν ὠφεῖλεν Αἰγισθενεὺς, ὡς Μεταρεὺς. Πολύβιος δ' Αἰγισθενίτην φησὶν κτλ.

ЧЕТЫРЕ ЭПИКИИ ПИНДАРА ВЪ ЧЕСТЬ ІЕРОНА СИРА- КУЗСКАГО И ЭТНЕЙСКАГО.

(*Ol. I, Pyth. I, II, III*).

Имѣя въ виду представить читателямъ прозаическій переводъ всѣхъ эпикіевъ Пиндара совмѣстно съ ихъ объясненіемъ и анализомъ, мы считаемъ необходимымъ предпослать нашему переводу нѣсколько словъ, въ которыхъ постараемся выяснить, какъ мы смотрѣли на поставленную себѣ задачу.

Прежде всего укажемъ на то, почему мы остановились на прозаической передачѣ эпикіевъ оиванскаго поэта. На первый взглядъ наиболѣе близкимъ къ подлиннику былъ бы переводъ метрическій, то-есть сдѣланный въ размѣрахъ подлинника. Такіе переводы нашего поэта существуютъ въ западно-европейскихъ переводныхъ литературахъ; особенно ими богата литература нѣмецкая: достаточно упомянуть о метрическихъ переводахъ Тирша, Гартунга, Доннера, не говоря о другихъ менѣе важныхъ и удачныхъ. Не знаемъ, какъ нѣмецкимъ читателямъ, но намъ русскимъ эти метрическіе переводы вовсе не годятся: мы видимъ въ нихъ не стихи, а уродливую прозу, ничего нашему уху не говорящую и труднѣе понимаемую, чѣмъ подлинный текстъ греческаго поэта. И это происходитъ вовсе не оттого, что эти переводы нѣмецкіе: мы имѣемъ попытки метрическихъ переводовъ греческихъ поэтовъ на русскій языкъ, и они производятъ на насъ то же впечатлѣніе, какъ только дѣло касается сложныхъ лирическихъ размѣровъ. Французы это поняли ранѣе другихъ, что, конечно, объясняется особенностью ихъ метрики. Вотъ что говоритъ о метрическихъ переводахъ Пиндара Круазе. „Если даже латинскій языкъ, въ которомъ поэтический ритмъ основанъ на различіи долгихъ и краткихъ слоговъ, оказался несостоятельнымъ для передачи ритмическихъ комбинацій Пиндара; если такой знатокъ, каковымъ былъ

Циперонъ, могъ сказать, что стихи Пиндара, отдѣльно отъ музыки для которой они были сложены, не сохраняютъ въ себѣ почти никакихъ слѣдовъ чувствительнаго для уха ритма, то, конечно, нечего уже и говорить о безсиліи французской версификаціи воспроизвести ихъ истинный характеръ" ¹⁾). Намъ кажется, что и всѣмъ другимъ переводчикамъ всѣхъ націй слѣдовало бы признать такое же безсиліе современной метрики передать все богатство Пиндарова стиха, который уже Горацию представлялся рѣкою, затопившемъ берега.

Но, считая невозможнымъ русскій метрическій переводъ эпикіевъ Пиндара, мы могли бы остановиться на переводѣ стихотворномъ, сообразномъ съ требованіями современной русской версификаціи. Такъ сдѣлалъ Фетъ съ Горациемъ, такъ поступили Державинъ, Мерзляковъ и Водовозовъ съ нѣкоторыми одами Пиндара. Для того, чтобы подобный переводъ всякаго иностраннаго поэта, а тѣмъ болѣе греческаго и латинскаго, достигалъ вполнѣ своей цѣли, необходимо сочетаніе въ переводчикѣ двухъ качествъ, весьма рѣдко соединяющихся въ одномъ лицѣ: необходимъ истинный и прекрасный поэтический талантъ съ одной стороны, и достаточное знаніе и пониманіе переводимаго поллинника съ другой; а это послѣднее возможно лишь при извѣстной степени эрудиціи и при знакомствѣ съ литературою предмета. Если отсутствуетъ первое изъ названныхъ качествъ, то въ результатъ получается плохіе стихи, хотя бы и вѣрно передающіе текстъ, такъ что читатель невольно подосадуеъ на переводчика, не ограничившаго свою задачу прозаическимъ переводомъ и взявшаго на себя непосильный ²⁾ трудъ. Отсутствіе втораго изъ указанныхъ качествъ приведетъ къ тому, что мы будемъ имѣть, быть можетъ, прекрасные стихи, въ которыхъ услышимъ лишь отголоски Пиндаро-

¹⁾ *Croiset*, La poésie de Pindare etc., p. 450.

²⁾ Позволяемъ себѣ по этому поводу сослаться на прекрасныя слова Н. Н. Страхова. Говоря о нашихъ новыхъ поэтахъ, почтенный критикъ указываетъ на границу, „отдѣляющую истинное творчество отъ всякихъ его подобій, отъ безчленныхъ искаженій и поддѣлокъ“... „Относительно стиховъ, продолжаетъ критикъ, граница, о которой мы говоримъ, имѣетъ большую опредѣленность и ясность. Стихотворецъ, обладающій дѣйствительнымъ дарованіемъ, всегда имѣетъ въпервыхъ совершенно ясную стихотворную *пѣвучесть* рѣчи, въ которыхъ въ самой этой пѣвучести болѣе или менѣе замѣтное своеобразие, то-есть свой стихотворный слогъ и свой стихотворный языкъ. Для стиховъ вовсе недостаточно какихъ-нибудь поэтическихъ мыслей и образовъ, а непременно нуженъ этотъ даръ рѣчи; иначе *настоящихъ стиховъ никакъ не выйдетъ и лучше тогда писать прозой*“ (4-е при- сужденіе Пушкинскихъ премій, 1888, стр. 76).

вой музы, но переводомъ его эпиникіевъ не обогатится наша переводная литература.

И такъ, что же остается переводчику Пиндара, не признающему за собою искусства писать „настоящими стихами“? Намъ кажется, что единственный исходъ изъ поставленной дилеммы заключается въ переводѣ прозаическомъ, на которомъ мы и остановились. Конечно, поэтическое чутье и пониманіе поэтическихъ красотъ подлинника должны оставить свои слѣды и на прозаическихъ переводахъ. Но развѣ проза исключаетъ такую возможность? Развѣ поэтический образъ, поэтическая мысль не могутъ быть выражены прозою? Разумѣется, эта проза должна до нѣкоторой степени отличаться отъ той наприимѣръ, которою пишутся произведенія научныя. Подборъ словъ и ихъ разстановка, извѣстный *numerus* или *cadence*, извѣстный подъемъ или приподнятость слога—вотъ тѣ средства, которыми обладаетъ нашъ прозаическій языкъ для передачи поэтическихъ произведений, написанныхъ мѣрною рѣчью. Вѣрно и точно и въ то же время поэтически передать эпиникія Пиндара русскою прозою—вотъ та цѣль, въ которой мы стремились; на сколько мы ея достигли—пусть судить читатель.

I.

Для того чтобы до нѣкоторой степени дать руководящую нить въ пониманіи предлагаемыхъ вниманію читателей эпиникіевъ Пиндара, мы считаемъ нелишнимъ предпослать нашему переводу небольшое введение, въ которомъ постараемся выяснитъ соотношеніе въ составѣ отдѣльныхъ частей одъ Пиндара, а для этого необходимо бросить краткій взглядъ на то, какъ смотрѣли на нашего поэта критики разныхъ эпохъ и періодовъ человѣческаго міросозерцанія. Какъ читатель увидитъ, взгляды на достоинство и значеніе Пиндаровой поэзіи измѣнялись сообразно съ принципами и воззрѣніями на задачи поэзіи, и эти измѣненія, бесспорно, составляютъ одну изъ самыхъ поучительныхъ страницъ въ книгѣ исторіи человѣческаго самосознанія. Критики Пиндара въ различныя эпохи часто находились въ совершенномъ противорѣчій другъ съ другомъ: отъ безусловнаго преклоненія передъ поэтомъ они мало по малу дошли до столь же безусловнаго отрицанія всякаго значенія его, подчасъ непонятныхъ для многихъ, стихотвореній. Безъ преувеличенія можно сказать, что лишь

немногіе поэты подвергались въ оцѣнкѣ потомства столь противорѣчивымъ и въ то же время столь крайнимъ приговорамъ ¹⁾).

Классическая древность въ оцѣнкѣ поэзіи Пиндара довольно единодушна. Въ ней нѣтъ и слѣда скептическаго отношенія къ творчеству Пиндара. Не говоря о современникахъ поэта, высоко ставившихъ его дарованіе, и позднѣйшіе его читатели—поэты и ученые долго не отступали отъ завѣщанныхъ имъ предками традицій. Подобно Гомеру, Пиндаръ цитовался какъ безспорный авторитетъ подъ названіемъ *ὁ λoricός*, и если его мысли оспаривались или, лучше сказать, служили предметомъ спора, то въ этомъ отношеніи Пиндаръ подвергался сужденію своихъ ближайшихъ потомковъ въ той же мѣрѣ, въ какой имъ подвергался и всякій другой цѣнный поэтъ, не исключая Гомера. Въ діалогахъ Платона Пиндаръ наравнѣ съ другими поэтами древности цитовался для иллюстраціи той или другой мысли, высказываемой споращими. Правда, Аристофанъ его неоднократно пародировалъ, но именно это обстоятельство и служить вѣснымъ доказательствомъ популярности Пиндара у современныхъ Аристофану афинянъ, какъ это вѣрно указано, между прочимъ, Бруазе. Такимъ же важнымъ доказательствомъ популярности Пиндара въ классическій періодъ служитъ та подавляющая числомъ масса цитатъ изъ его произведеній, которая такъ добросовѣстно собрана Бёкомъ и другими издателями Пиндара.

Если, такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Пиндаръ былъ однимъ изъ наиболее любимыхъ и распространенныхъ поэтовъ древности, то тѣмъ болѣе интереснымъ представляется вопросъ, какъ эта древность оцѣнивала произведенія своего любимаго поэта, въ чемъ видѣла ихъ главные достоинства и характерныя черты Пиндарова гения. Къ сожалѣнію, свидѣтельства древности въ этомъ отношеніи крайне скупы. Ближайшіе современники и потомки Пиндара, вѣроятно, не считали нужнымъ высказываться по этому поводу, какъ о предметѣ общезвѣстномъ и поэтому ни для кого не интересномъ. Съ другой стороны до нашего времени не дошли лучшія и древнѣйшія сочиненія, посвященныя Пиндару. Однако при всей скудости матеріала, мы можемъ указать на нѣсколько драгоценныхъ свидѣ-

¹⁾ До нѣкоторой степени въ этомъ отношеніи аналогію съ оцѣнкою Пиндара представляютъ сужденія потомства о значеніи Шекспира, подвергавшагося такимъ же крайнимъ приговорамъ. Любопытно, что самый рѣшительный шагъ въ развѣчаніи обоихъ поэтовъ сдѣланъ однимъ и тѣмъ же мыслителемъ, именно—великимъ Фернейскимъ философомъ.

тельствъ, указывающихъ на тѣ черты поэзіи Пиндара, въ которыхъ его древніе почитатели видѣли его главную заслугу и особенности дарованія.

Изъ греческихъ авторовъ укажемъ на слова Діонисія Галикарнасскаго. Въ своемъ сочиненіи „De compositione verborum“ (въ настоящее время мы бы назвали его трудъ курсомъ стилистики) онъ сопоставляетъ стиль Пиндара со стилемъ Эсхила и Ѳукидида. Разбирая слогъ греческихъ писателей, Діонисій раздѣляетъ ихъ на три категоріи: стиль первыхъ онъ называетъ торжественнымъ (αὐστηρόν), вторыхъ — гладкимъ или цвѣтистымъ (γλαφυρόν ἢ ἀνθηρόν), третьихъ — обыденнымъ (κοινόν). Въ писателямъ первой категоріи онъ, какъ наиболѣе выдающихся талантомъ, относитъ въ эпической поэзіи Антимаха Колофонскаго и Эмпедокла физика, въ лирической — Пиндара, въ драматической — Эсхила, въ исторической прозѣ — Ѳукидида, въ ораторской — Антифонта ¹⁾. Изъ всѣхъ названныхъ здѣсь писателей отмѣтимъ сопоставленіе трехъ именъ: Пиндара, Эсхила и Ѳукидида. Намъ кажется, что и при современномъ взглядѣ на греческую литературу едва-ли можно сдѣлать лучшее сопоставленіе. Этотъ „торжественный“ стиль, составляющій, по мнѣнію Діонисія, отличительное свойство вышеуказанныхъ писателей, заключается въ ихъ σμυνότης καὶ μεγαλοπρέπεια, то-есть торжественности (строгости) и величественности стиля ²⁾.

Не приводя другихъ древнихъ критиковъ Пиндара, такъ какъ объ оцѣнкѣ его схолистами намъ придется говорить во многихъ мѣстахъ, приведемъ только два свидѣтельства его римскихъ почитателей, которымъ никто не откажетъ ни въ эстетическомъ чувствѣ, ни въ тонкости пониманія слога. Мы говоримъ о Гораціи и Квинтиліанѣ.

Знаменитый римскій лирикъ, на заимствованія котораго метафоръ Пиндара намъ придется еще неоднократно указывать, въ своей болѣе чѣмъ извѣстной одѣ IV кн., 2 — Pindarum quisquis studet aemulari, v. 5 sqq. такъ характеризуетъ силу поэтическаго генія Пиндара:

¹⁾ Dion. Hal., de comp. verb., II, p. 22, 45 (ed. Sylburg): ταύτης δὲ τῆς ἀρμονίας (sc. τῆς αὐστηρᾶς) πολλοὶ μὲν ἐγένοντο ζηλωτοὶ, ἐν δὲ μελοποιῇ Πίνδαρος, ἐν δὲ τραγῳδίᾳ Αἰσχύλος κτλ. κράτιστοι γὰρ οὗτοι τῆς αὐστηρᾶς ἀρμονίας.

²⁾ См. De elocutione Pindari, M. Godofredi, и De sublimitate Pindari Edmundi Pannicke (Cüstrin, 1873), initio.

Monte decurrens velut amnis, imbres
 Quem super notas aluere ripas,
 Fervet immensusque ruit profundo
 Pindarus ore:

„Какъ сбѣгающая съ горы рѣка, которую дожди, напоивъ, заставили выйти изъ знакомыхъ намъ береговъ, такъ въ кипящемъ и безбрежномъ потокѣ струить свои пѣсни Пиндаръ“.

Къ этой поэтической характеристикѣ Горация тѣсно примыкаютъ и слова Квинтилиана ¹⁾: „Novem vero lyricorum longe Pindarus princeps spiritus magnificentia, sententis, figuris, beatissima rerum verborumque copia et velut quodam eloquentiae flumine; propter quae Horatius eum merito credidit nemini imitabilem“.

Какъ ни торжественны и многозначительны слова приведенныхъ римскихъ писателей, въ нихъ нельзя не замѣтить намекъ на то, что произведенія Пиндара, передъ которыми такъ преклоняются его критики, уже во время Горация и Квинтилиана казались имъ не вполне понятными. Какъ ни поэтичны слова Горация, какъ ни жѣтко характеризуютъ они поэзію Пиндара, все же самое отрицаніе возможности подражать ему невольно заставляетъ думать, что уже въ это, сравнительно, близкое къ поэту время, истинный смыслъ его произведеній не былъ доступенъ даже такимъ чуткимъ цѣнителямъ поэзіи, каковъ былъ Гораций ²⁾. Его инстинктивное поэтическое чутье подсказало ему, что въ поэзіи Пиндара есть что-то высокое, возвышенное, но уже чуждое его пониманію. Пораженный необыкновенно сильными и поэтическими образами Пиндара, Гораций ими часто пользовался; но общая нить его произведеній едва-ли была ясна римскому поэту и во всякомъ случаѣ не укладывалась въ рамки той поэтической схоластики, которая выразилась въ его *Epistola ad Pisones*. Сравненіе съ рѣкою, вышедшею изъ обычныхъ береговъ, невольно наводитъ насъ на мысль, что поэзія Пиндара казалась Горацию чѣмъ-то необычнымъ и, слѣдовательно, не вполне ему понятнымъ; преклоняясь передъ Пиндаромъ, Гораций, со свойственной ему умирностью и поэтическимъ тактомъ, не дерзнулъ возстать противъ созданнаго вѣками авторитета и ограничился фразою: Пиндаръ — великій поэтъ, но подражать ему нельзя, такъ

¹⁾ Quint., *Inst. or.*, X, 1, 61.

²⁾ Мы не думаемъ, что слова Горация имѣютъ въ виду лишь метрическую сторону произведеній Пиндара, какъ это, по видимому, полагаетъ Круазе.

какъ восковыя крылья Икара растаютъ при слишкомъ близкомъ приближеніи къ солнцу. Такое-же преклоненіе передъ призваннымъ вѣками авторитетомъ мы находимъ и въ словахъ Квинтиліана. Въ поэзіи Пиндара онъ видитъ прекрасныя мысли, выраженыя прекрасными словами, за которыми другимъ не угнаться—и только. Не въ этомъ же, въ самомъ дѣлѣ, суть поэзіи Пиндара: прекрасные образы, возвышенныя мысли суть только неизбѣжный атрибутъ поэзіи, но не ея сущность.

Впрочемъ, пониманіе произведеній Пиндара въ вѣкъ Августа уже давно утратилось и на самой родинѣ поэта; это становится очевиднымъ, если мы внимательно отнесемся къ тѣмъ объясненіямъ, которыя даютъ намъ схолиасты.

Всѣ ихъ объясненія касаются по большой части отдѣльныхъ образовъ (метафоръ) и малоупотребительныхъ въ ихъ время словъ. Безспорно, заслуга схолиастовъ Пиндара велика и имѣетъ громадное значеніе для насъ; но ихъ комментаріи слишкомъ узки, схоластичны и поэтому не вполне удовлетворяютъ нашимъ требованіямъ. Достаточно указать на то, что схолиасты мнѣнческую часть эпикіевъ Пиндара, этотъ *ομφαλός* Терпандрова нома, называютъ *ἐκβῆσις*, *παρέκβασις* и даже *ἄλογος παρέκβασις*.

Такимъ образомъ, пониманіе эпикіевъ Пиндара сдѣлалось мало по малу недоступнымъ даже тѣмъ alexandрійцамъ и византіянамъ, которые его все же высоко цѣнили. Преклоняясь передъ авторитетомъ древнихъ критиковъ, эти ученые не отдавали себѣ отчета въ истинныхъ достоинствахъ Пиндаровой поэзіи; все имъ непонятное они цѣнили именно потому, что это непонятно и недоступно обыкновенному смертному, и это непонятное окрестили ничего невыражающимъ словомъ — поэтическая вольность или поэтической безпорядокъ.

Такое пониманіе, или лучше сказать непониманіе, лирики Пиндара перешло отъ грековъ и къ западнымъ эллинистамъ въ періодъ „возрожденія“. Въ этотъ періодъ преклоненія передъ всѣмъ классическимъ, особенно греческимъ, какъ наиболѣе требующимъ эрудиціи, Пиндаръ сдѣлался однимъ изъ самыхъ любимыхъ поэтовъ; его издавали, переводили, ему подражали, какъ образцовому греческому поэту; на основаніи его произведеній поэты и ученые XVI ст. признали за аксіому, что пѣснь лирическаго поэта свободна какъ вѣтеръ, не подчинена никакимъ законамъ разума, напротивъ даже логическія аномаліи суть необходимое условіе истиннаго лириче-

скаго дарованія ¹⁾. Такой взглядъ на эпипики Пиндара и вообще на задачу лирической поэзіи, конечно, не могъ долго удержаться; рано или поздно, пытливость человѣческаго ума не могла не подвергнуть своему анализу эти произведенія, казавшіяся столь необыкновенными и престоупающими обыкновенныя требованія разума.

На возникшіе такимъ образомъ вопросы и недоумѣнія критики и ученые XVII — XVIII вѣка отвѣчали весьма противорѣчиво: одни, какъ въ Ронсаръ, Н. Estienne и Буало признавали безусловно поэтическія достоинства писателя и, какъ мы выше видѣли, въ самой недоступности для пониманія видѣли необычайную высоту поэтическаго полета оиванскаго орла. Другіе, не менѣе безусловно, отрицали значеніе Пиндара, какъ поэта, и произведенія его окрестили словомъ „галиматія“ (galimatias) ²⁾. Перро (Perroult) и Ламоттъ (la Motte) во Франціи были главными представителями противниковъ Пиндара.

Эта противоположность взглядовъ на значеніе Пиндара естественно вытекала изъ малаго знакомства съ лирическою поэзіею грековъ; ея источникъ, какъ мы видѣли, лежитъ уже въ комментаріяхъ схолиастовъ. Новѣйшіе эллинисты указанной эпохи сами по себѣ не могли объяснить истиннаго значенія эпипикиевъ Пиндара, и имъ не оставалось ничего болѣе какъ или слѣпо признать авторитетъ поэта, передъ которымъ преклонялась древность, или всецѣло ее отвергнуть. Тогдашнее состояніе науки не позволяло найти другого исхода.

Лишь въ началѣ текущаго столѣтія мало по малу съ прогрессомъ науки и эллинизма стали выясняться болѣе правильныя точки зрѣнія на истинный смыслъ и значеніе эпипикиевъ Пиндара. Конечно, и здѣсь дѣло не обошлось безъ крайностей и увлеченій, но причина ихъ лежала уже не въ непониманіи нашего поэта, а вообще въ различіи филологическихъ школъ и философскихъ направленій, центромъ которыхъ стали германскіе университеты. Не считая нужнымъ подробно останавливаться на полемикѣ, возникшей между нѣмецкими изслѣдователями Пиндара въ первой четверти XIX столѣтія, мы ограничимся указаніемъ на главныя теченія, обнаружившіяся въ приѣмахъ опѣнки и объясненія произведеній Пиндара. Всѣ изслѣдователи, занимавшіеся поэзіею Пиндара въ первой четверти нашего столѣтія, могутъ быть раздѣлены на 3 категоріи: 1) школа историческая (Бёкъ); 2) фор-

¹⁾ Boileau, Art Poétique, II 72: Un beau désordre est un effet de l'art.

²⁾ Это слово относительно Пиндара впервые было употреблено Малербомъ (Malherbe), см. *Croiset* p. 298, 449 sqq.

мальная (Диссентъ) и 3) эстетическая (Германъ) ¹⁾. Со взглядами этихъ 3-хъ школъ мы и постараемся познакомить читателей.

Какъ извѣстно, мы имѣемъ вполнѣ лишь одинъ изъ отдѣловъ произведеній Пиндара—это эпиникии, раздѣленные на четыре книги. Эпиникій есть стихотвореніе, написанное по поводу побѣды, одержанной тѣмъ или другимъ лицомъ на общественныхъ играхъ. Слѣдовательно, это есть стихотвореніе „на случай“ (*Gelegenheitsgedicht*). Уже *a priori* можно предположить, что такое „случайное“ стихотвореніе должно содержать въ себѣ намеки на личность побѣдителя, его родъ и отечество и на обстоятельства, сопровождавшія фактъ одержанной побѣды. И дѣйствительно, въ эпиникияхъ Пиндара мы находимъ именно эти элементы. Но дѣло въ томъ, что кромѣ личнаго элемента, разсматриваемыя стихотворенія евванскаго поэта содержатъ въ себѣ еще кое-что для насъ неожиданное: изложеніе какого-либо міоа и этическихъ наставленій въ формѣ афоризмовъ. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, въ какой связи находятся эти три составные элемента Пиндарова эпиникія, какое между ними взаимное отношеніе, каковы условія подчиненія одного элемента другому? И главное, какимъ образомъ эти элементы, столь другъ отъ друга отличные, органически связываются въ одно цѣлое, образующее эпиникій? Вотъ въ отвѣтахъ на эти вопросы и не согласны указанныя нами школы толкователей Пиндара.

Августъ Бѣкъ, которому наука обязана вкладами, цѣнность которыхъ навсегда обезпечиваетъ его безсмертіе, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ облегчалъ пониманіе евванскаго лирика. Не говоря о восстановленіи текста, о полной переработкѣ метрики, мы обязаны ему подробнымъ историческимъ аппаратомъ, въ которомъ собраны всѣ свидѣтельства древности, прямо или косвенно проливающие свѣтъ на личность или произведенія Пиндара. Въ этомъ отношеніи полнота эрудиціи Бѣка просто подавляетъ свою всеобъемлемостью. Всѣ ученые, занимавшіеся Пиндаромъ послѣ Бѣка, пользуются данными имъ собранными и если они и прибавляли къ нимъ что-либо дѣйствительное цѣнное, то лишь въ пониманіи того матеріала, который во всей полнотѣ былъ собранъ Бѣкомъ.

Всестороннее знаніе источниковъ, въ томъ или другомъ отноше-

Мы не могли подыскать лучшихъ названій для характеристики направленій въ пониманіи Пиндара; впрочемъ, мы нисколько не стоимъ за ихъ безусловную точность

ни помогающих определять время и обстоятельства, сопровождавших написание того или другого эпикейя, дало возможность Бёку больше или меньше точно установить хронологическую последовательность победных одь Пиндара, конечно за некоторыми исключениями. Это обилие исторических данных и соображений не осталось без влияния и на толкование внутреннего смысла эпикейев. Историческая точка зрения Бёка выразилась главным образом в объяснении мифического элемента одь: приводя в связь миф с историческими обстоятельствами, сопровождавшими воспеваемую победу, Бёк старался видеть в мифе аллегорію, которою поэт поучал восхваляемое лицо. Безспорно, что такая точка зрения на миф как на басню, написанную с известною целью и по известному поводу, имѣет за собою много; но считать ее единственно возможною—несправедливо и неверно. Выборъ мифа, конечно, до известной степени зависѣлъ отъ его аналогіи съ обстоятельствами лица, въ честь котораго написанъ эпикей; но всѣ детали мифа невозможно объяснять исключительно историческою аналогіею: въ этомъ преувеличеніи и заключается слабая сторона герменевтики Бёка: если мифъ, избранный Пиндаромъ заключалъ въ себѣ хотя смутный намекъ на современные обстоятельства—то Бёк считалъ возможнымъ и всѣ другія подробности мифа толковать съ той же точки зрения, причемъ неминуемо впадалъ въ натяжки, противорѣчившія здравому смыслу. Примѣромъ такого гиперъ-исторического взгляда на мифическую часть эпикейя можетъ служить II-я пѣйская ода, какъ это читатель увидитъ ниже.

Обративъ главное вниманіе на историческое значеніе мифической части эпикейевъ, Бёк оставилъ на заднемъ планѣ вопросъ о структурѣ всего стихотворенія. Эту сторону вопроса пытался объяснить Диссенъ, въ историческомъ комментарий всѣмъ слѣдовавшій Бёку, съ которымъ былъ связанъ и сотрудничество по изданію и толкованію Пиндара, и тѣсною дружбою. Въ изданіи олимпийскихъ и пѣйскихъ ¹⁾ эпикейевъ Пиндара, вошедшемъ въ „Греческую Библиотеку“ Якобса и Роста ²⁾ мы находимъ статью Диссена, носящую громкое заглавіе: *De ratione poetica carminum Pindaricorum et de interpretationis genere iis adhibendo.*

Возстававъ противъ общепринятаго мнѣнія о „лирическомъ без-

¹⁾ Комментарій Диссена на немецкія и нѣмѣйскія оды вошелъ въ III т. изданія Бёка.

²⁾ Мы, имѣли въ рукахъ лишь второе изданіе этого труда, подъ редакціею Шнейдевина (1848); первое изданіе вышло въ 1830 г.

порядкѣ" эпипикіевъ Пиндара, Диссенъ старался доказать, что напротивъ, всѣ произведенія нашего поэта созданы по строго обдуманному плану, и что, слѣдовательно, главная задача для комментатора заключается именно въ томъ, чтобы угадать этотъ планъ и дать схему построения каждой оды. Задачу эту Диссенъ восполняетъ съ дѣйствительно нѣмецкимъ педантизмомъ; подъ его перомъ эпипикіи Пиндара обращаются въ ораторскія рѣчи, или скорѣе въ проповѣди нѣмецкаго пастора. Диссенъ для каждой оды даетъ особую схему, для ясности употребляя алгебраическія формулы. Такъ напримѣръ, относительно 2-го пивійскаго эпипикія—Диссенъ даетъ слѣдующую формулу: $a \quad b \quad a \quad b$, объясняя ее слѣдующими словами: „Pyth. II in prin-

cipio cum bellica laude ludiera victoria Hieronis tractatur (a ?), quem locum sequitur mythicus de Ixione gravissimus (b ?), admonitiones continens, praeparatus per oppositionem antecedente laude felicitatis et favoris deorum, posita ad pietatem gratumque adversus deos animum commendandum. Exin ad laudes revertitur (a_2 ?), et in fine etiam admonitiones novas subicit, propter mythicum locum positas (b_2 ?). Если мы правильно понимаемъ эту, довольно плохую, латынь, то постройка II пивійскаго эпипикія Диссену представлялась въ такомъ видѣ: 1) хвалы Іерону за его военныя и другія (то-есть, удача на состязаніи) заслуги; 2) предостереженія путемъ мифа объ Иксионѣ; 3) новыя похвалы; 4) новыя предостереженія ¹⁾.

Какъ бы то ни было, нельзя не признавать, что схематическія формулы Диссена представляютъ попытку отказаться отъ общепринятой теоріи въ мифической части эпипикія видѣть одно лишь отступленіе, эпизодъ, не имѣющій ничего общаго съ другими составными частями стихотворенія ²⁾. Хотя эта попытка и не удовлетворяетъ требованіямъ

¹⁾ Op. cit. p. LVIII.

²⁾ Такъ, напримѣръ, на оды Пиндара смотритъ Мерзляковъ, который въ предисловіи въ переводу I Ол. оды говоритъ слѣдующія слова, весьма характерно рисующія общераспространенные въ его время взгляды на планъ Пиндаровыхъ эпипикіевъ: „У Пиндара нѣтъ почти ни одной оды, въ которой бы не встрѣчались отступленія (sic), подобныя приведенной здѣсь (въ I Ол.) исторіи о Пелопсѣ. Сія эпизоды (курсивъ подлинника) бывають столь пространны, что затемяютъ главный предметъ оды и дѣлають ее для насъ непонятною. Но мы не имѣемъ права осуждать Пиндара (!) въ этомъ случаѣ, не зная основательно ни языка его (?), ни обстоятельствъ, ни обычаевъ того времени, въ которое онъ писалъ. Намъ осталось только вѣрить нѣжному и просвѣщенному вкусу грековъ, которые всегда нитали къ нему величайшее уваженіе“.

самаго нетребовательнаго читателя, тѣмъ не менѣ мы не можемъ не видѣть въ ней нѣкотораго шага впередъ, шага, приближающаго насъ къ истинному пониманію единства стихотворенія. Мимическая часть оды въ толкованіи Диссена уже не является въ видѣ „παρέχθαις“ или даже „ἄλλοις παρέχθαις“, а логически связывается съ *общей идеею* эпиникія. На эту общую идею, какъ на связующее звено, указалъ впервые Г. Германнъ въ своей рецензіи на изданіе Диссена ¹⁾. Въ чемъ Германнъ видѣлъ недостатокъ Диссенова экскурса и какъ понималъ значеніе лирической поэзіи, читатель легко пойметъ изъ слѣдующихъ строкъ, которыя мы заимствуемъ изъ указанной выше статьи ²⁾. Приведа слова Диссена, говорящаго объ общемъ характерѣ Пиндарова таланта: *Non sunt hic inanes, vagi, confusi, inexpli- cabiles sensus, quos complecti animo nequeas, sed quo penitus in intima compositionum penetres et quo subtilius eas examines, eo magis quam clare sint omnia cogitata sentis et quanta perfectione artis expressa*, Германнъ дѣлаетъ слѣдующее драгоценное замѣчаніе: „эти слова позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что Диссенъ, имѣетъ истинное представленіе о томъ, какъ вообще совершается творческій процессъ поэта или какъ онъ можетъ совершаться. Конечно, разумный поэтъ (*verständiger Dichter*) не станетъ писать наобумъ (*in den Tag hinein schreiben*): онъ необходимо задумывается надъ тѣмъ, что и какъ ему надо написать и чего и какъ ему писать не подобаетъ; какиимъ образомъ его мысли могутъ сочетаваться лучше и съ большими дѣйствіемъ, и въ какое сочетаніе онъ не могутъ быть поставлены; какія выраженія, какія слова наиболѣе уместны и какія неумѣстны; но тотъ, кто, какъ это по видимому дѣлаетъ Диссенъ, придерживается мнѣнія, что лирическій поэтъ предварительно составляетъ точный планъ своего стихотворенія, какъ скульпторъ модель или живописецъ эскизъ, и проводитъ этотъ планъ въ частностяхъ во всемъ своемъ произведеніи, тотъ уничтожаетъ самое существо поэта, которое заключается именно въ томъ, что поэтъ, начиная облекать въ слова задуманную въ общемъ идею, все болѣе и болѣе одушевляется тою или другою мыслью, руководимый по большей части смутнымъ чувствомъ, и тогда-то начинается, подъ вліяніемъ того же смутнаго чувства, эти самыя идеи и образы, въ которые они

¹⁾ *Godofredi Hermannii Opuscula*, v. VI, 1835. Статья, о которой идетъ рѣчь, извлечена изъ *Seebode u. Jahns Jahrbuch.*, 1831, I B, 1 Hft.

²⁾ *Op. cit.*, p. 20.

облечены,—то перемѣщать, то сокращать, то распространять, то дополнять—до тѣхъ поръ, пока не получится цѣлое эстетически гармоничное (*ästhetisch wohlgeordnetes Ganzes*), опѣнчиваемое опять таки тѣмъ же безотчетнымъ чутьемъ. Причина такого процесса творчества заключается именно въ томъ, что поэтъ имѣетъ дѣло не съ однимъ элементомъ, какъ напримѣръ, живописецъ или скульпторъ—пространствомъ,—но съ двумя: —идеями, не подчиняющимися никакимъ законамъ протажения или вообще не имѣющимъ въ себѣ никакихъ физическихъ свойствъ,—и ритмическою мѣрою строфъ и стиховъ, къ которой должны быть искусно принаровлены эти идеи*.

При такомъ глубокомъ пониманіи процесса поэтического творчества, Германнъ, конечно, не могъ удовлетвориться алгебраическими схемами Диссена и вопросъ о единствѣ эпиникіевъ Пиндара перенесъ на другую почву. Приведя слова Диссена: *interim illud patet, talia ubique eligi debuisse, quae cum victoriae laude apte sociari et conflari potuerint in unam poeticam sententiam*, Германнъ переходитъ къ отвѣту на вопросъ, въ чемъ же собственно состоитъ эта объединяющая стихотвореніе поэтическая идея? и отвѣчаетъ на него такъ: „поэтическая идея есть мысль, которая съ той или другой стороны (такъ или иначе) затрогиваетъ чувство“¹⁾. Конечно, Германнъ могъ ошибаться въ толкованіи отдѣльныхъ одъ Пиндара, онъ могъ слишкомъ субъективно опредѣлять основную идею того или другого эпиникія, но въ главномъ и основномъ пониманіи поэзіи вообще и поэзіи Пиндара въ особенности, этотъ ученый оставилъ далеко за собою другихъ толкователей.

Изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что толкователи Пиндара первой четверти текущаго столѣтія, несмотря на ихъ несогласіе въ частностяхъ согласны въ томъ, что миѣтическая часть эпиникія Пиндара не есть отступленіе, а напротивъ составляетъ его средоточный пунктъ. Разногласіе этихъ школъ заключается лишь въ томъ, какъ связать эту центральную часть эпиникія съ предыдущимъ и послѣдующимъ и съ общимъ значеніемъ эпиникія. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо познакомиться хотя съ нѣсколькими эпиникіями Пиндара; поэтому мы здѣсь прерываемъ наше обзорнѣе тру-

¹⁾ Op. cit., p. 31: „Eine poetische Idee aber ist ein Gedanke, der von irgend einer Seite das Gefühl in Anspruch nimmt“. Крыззе (op. cit., p. 234) эту мысль Германна передѣлываетъ такъ: *une idée poétique... c' est à dire une idée capable d' agir sur la sensibilité de quelque côté qu' on l' envisage*“.

довъ комментаторовъ Пиндара и переходимъ къ занимающимъ насъ эпиникіямъ, посвященнымъ Іерону.

Но предварительно мы считаемъ нужнымъ объяснить читателю тотъ порядокъ, которому мы слѣдуемъ въ переводѣ одъ Пиндара. Мы рѣшились отступить отъ общепринятаго порядка классификаціи его одъ, основанной на мѣстѣ, гдѣ одержана прославляемая побѣда. Къ этому отступленію побудили насъ слѣдующія соображенія: сохраняя порядокъ, въ которомъ обыкновенно печатаются эпиникіи Пиндара, мы должны были бы каждой одѣ предпослать особый историческій комментарий и слѣдовательно неизбежно впасть въ повторенія или отсылать читателя къ тому, о чемъ уже говорено ранѣе. Съ этимъ можно было бы еще примириться, еслибы общепринятый порядокъ имѣлъ за собою какой-нибудь внутренній смыслъ, то-есть, еслибы распределение одъ по играмъ обуславливалось внутреннею связью ихъ, но этого на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ. Насколько мы знаемъ, такая классификація дошедшихъ произведеній Пиндара ведетъ свое начало со временъ александрійцевъ и именно съ Аристофана Византійскаго (262—185). Даже допустивъ законность такого распределения одъ Пиндара съ точки зрѣнія грека, мы все же ожидали бы по крайней мѣрѣ хронологическаго порядка въ каждомъ изъ четырехъ отдѣловъ, на которые раздѣлил ихъ Аристофанъ; однако изслѣдованія ученыхъ, занимавшихся Пиндаромъ, доказываютъ полное отсутствіе хронологическаго критерія въ классификаціи Аристофана ¹⁾. Александрійскій ученый, по видимому, руководствовался совершенно иными соображеніями въ порядкѣ распределения одъ въ каждомъ изъ четырехъ отдѣловъ. Распредѣливъ всѣ извѣстные ему эпиникіи въ четыре книги—олимпійскіе эпиникіи, пнѣйскіе, немейскіе и исемійскіе, Аристофанъ въ началѣ каждой книги помѣстилъ оды, написанныя въ честь лицъ наиболѣе значительныхъ по ихъ общественному положенію, знатности рода или же важности самаго рода состязаній, въ которыхъ одержана побѣда. Впрочемъ, и этотъ критерій выдержавъ только приблизительно и относится только къ лицамъ, игравшимъ болѣе или менѣе значительную роль въ исторіи Греціи и ея колоній; оды же, посвященныя частнымъ и малоизвѣстнымъ лицамъ сгруппированы случайно. Такимъ образомъ само собою ясно, что при такомъ размѣщеніи эпиникіевъ, между ними

¹⁾ Οἱ διατάξαντες τὸν Πίνδαρον οὐ κατὰ χρόνον συνέτασαν αὐτὸν, ἀλλὰ κατὰ τὴν εἶδη (*Dissen.*, XCVII).

потерялась всякая органическая связь, и чтение ихъ въ опредѣленномъ Аристофаномъ порядкѣ не даетъ читателю никакой руководящей идеи для оцѣнки ихъ поэтическаго достоинства; такой порядокъ нарушить связь идей Пиндара, затруднить пониманіе главной идеи и цѣли каждой оды и въ то же время не дать возможности судить о ростѣ и развитіи поэтическаго дара Пиндара. Надобно впрочемъ замѣтить, что и такое распредѣленіе одъ Пиндара имѣетъ свой *raison d'être* на томъ основаніи, что оды, посвященные наиболѣе значительнымъ лицамъ, въ то же время, въ большинствѣ случаевъ, оказываются и наиболѣе значительными по своему внутреннему качеству и объему. Но это соображеніе лишь отчасти искупаетъ неудобство чтенія, такъ какъ оно можетъ быть примѣнено лишь къ первымъ одамъ каждой книги (относительно, напримѣръ, первыхъ 3-хъ олимпийскихъ или пивійскихъ); прочія же оды всѣхъ четырехъ книгъ представляются читателю въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ едва ли легко найти Аріаднину нить.

Итакъ, не удовлетворяясь принятою классификаціею одъ Пиндара, мы могли бы принять исключительно хронологическій ихъ порядокъ. Во всякомъ современномъ изданіи поэтовъ нашего времени этотъ порядокъ обыкновенно строго соблюдается и имѣетъ то достоинство, что позволяетъ слѣдить за развитіемъ творческой способности поэта. Но и такой порядокъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ читателя, даже и относительно болѣе близкихъ къ намъ по времени поэтовъ. Въ данномъ же случаѣ, то-есть относительно произведеній Пиндара, по нашему мнѣнію этотъ порядокъ и не выполнимъ. Невыполнимъ потому, что не всегда возможно строго опредѣлить хронологическую послѣдовательность эпиникіевъ Пиндара. Самымъ вѣскимъ примѣромъ можетъ служить книга Леопольда Шмидта ¹⁾, задавагоса именно такую хронологическую послѣдовательность; изъ 45 эпиникіевъ Пиндара, Шмидту пришлось цѣлую четверть (11 одъ) помѣстить въ рубрику одъ, время которыхъ не можетъ быть въ точности опредѣлено (*die nicht fest datirbaren Siegeslieder*). Едвали можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы представить полную картину творческаго роста поэта, когда изъ разнообразныхъ родовъ его лирическихъ произведеній до насъ волюнѣ (и то едвали) сохранился лишь одипъ—эпиникій, и изъ этого одного еще четверть остается подъ сомнѣніемъ.

¹⁾ Pindars Leben und Dichtung, v. L. Schmidt, 1862.

Итакъ приходится искать другаго исхода для того, чтобы облегчить читателю возможность ознакомленія съ талантомъ великаго греческаго лирика. Исходъ этотъ указавъ Гартунгомъ въ примѣчаніяхъ къ его переводу Пиндара ¹⁾. „Нельзя назвать удачною, говорить онъ, мысль Аристофава сгруппировать эпиникии Пиндара по мѣсту игръ, на которыхъ одержана побѣда. Несравненно лучше было бы распредѣлить ихъ по государствамъ, къ которымъ принадлежали побѣдители. Въ высшей степени неудобно искать оды, посвященныя, напримѣръ, Іерону то между олимпійскими, то между пивѣйскими; напротивъ, если ихъ читать одну за другою, то онѣ дополняютъ и объясняютъ другъ друга“.

Слѣдуя этому принципу, мы распредѣлимъ оды по лицамъ, которымъ онѣ посвящены. Что же касается одъ единичныхъ, то-есть не имѣющихъ другихъ, посвященныхъ тому же лицу, то мы будемъ сообразоваться или съ ихъ одинаковымъ происхожденіемъ изъ одного города или (если это не возможно)—съ ихъ внутреннимъ значеніемъ и помѣщать ихъ въ порядкѣ ихъ характерности или важности для усвоенія творческой оригинальности Пиндара. Мы начинаемъ съ группы одъ, посвященныхъ Іерону, именно потому, что оды эти въ высшей степени характерны — во 1-хъ потому что это тахішмъ одъ, посвященныхъ одному лицу, во 2-хъ лицо это замѣчательно само по себѣ, въ 3-хъ въ одахъ этихъ характеризуется какъ самый талантъ Пиндара, такъ и его независимое отношеніе къ сильнымъ міра сего и наконецъ въ 4-хъ—эти четыре оды являются едвали не самыми драгоценными перлами среди другихъ созданій нашего поэта. Но прежде чѣмъ приступимъ къ переводу и анализу указанныхъ одъ, необходимо напомнить читателю, кто былъ Іеронъ, которому въ удѣлъ досталась такая большая честь,—быть четырежды прославленнымъ въ эпиникияхъ Пиндара, другими словами обратимся къ исторіи Сициліи первой половины V в. до Р. Хр.

1.

Древнѣйшія свѣдѣнія о родѣ интересующаго насъ Іерона мы находимъ въ исторіи Геродота ²⁾. Разказывая о посольствѣ въ Сицилію, посланномъ Спартанцами и Афинянами для привлеченія зна-

¹⁾ Pindars Werke, v. J. A. Hartung, Leipzig 1855, чч. 1—4, стр. 180.

²⁾ Herod. VII 153 sqq.

чительнѣйшихъ вѣд-греческихъ государствъ къ борьбѣ съ грозными полчищами Ксеркса, Геродотъ по обыкновенію дѣлаетъ экскурсъ въ область, предшествовавшей описываемой эпохѣ исторіи Сициліи и сообщаетъ драгоценныя свѣдѣнія о происхожденіи рода сыновей Диномена. Когда линдосцы подъ предводительствомъ Антифима основали городъ Гелу, съ ними былъ нѣкто съ острова Тилоса, находящагося не вдалекѣ отъ Тріопійскаго мыса ¹⁾. Одинъ изъ потомковъ этого Тилосца, слѣдовагося гражданиномъ города Гелы, по имени Тилинъ, по особымъ обстоятельствамъ, получилъ для себя и своихъ потомковъ наследственное жречество богинь Димитры и Персефоны ²⁾. Въ Гелѣ произошла борьба партій; побѣжденная искала спасенія въ городѣ Макторіи ³⁾; Тилинъ возвратилъ изгнанниковъ въ родной городъ, „не имѣя вооруженной силы, а лишь предметы, посвященные Димитрѣ и Персефонѣ“. Геродотъ при этомъ недоумѣваетъ, откуда Тилинъ взялъ эти священные предметы и какъ вообще удалось ему достигнуть цѣли, такъ какъ Тилинъ, по свидѣтельству сицилійцевъ, былъ человѣкъ вялый и женственный. Не вдаваясь въ объясненіе этого—уже для Геродота загадочнаго разсказа, отмѣтимъ здѣсь, что въ потомствѣ этого Тилина сохранился культъ Димитры и Персефоны непосредственно до эпохи Гелона и Иерона, о чемъ свидѣлствуетъ и Пиндаръ ⁴⁾.

Потомкомъ этого Тилина былъ нѣкто Диномень, по замѣчанію О. О. Соколова извѣстный тѣмъ только, что произвелъ на свѣтъ четырехъ знаменитыхъ сыновей: Гелона, Иерона, Полизила и Θрасивула ⁵⁾. Въ этимъ то сыновьямъ Диномена мы теперь и обратимся.

¹⁾ Объ основаніи колоніи на берегахъ рѣки Гелы см. О. О. Соколовъ, Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи, С.-Пб., 1865, стр. 191 и сл. Городъ Гела былъ основанъ линдосцами (съ остр. Родоса), подъ предводительствомъ Антифима, и критянами, подъ предводительствомъ Энтима, по указанію Дельфійскаго оракула. Основаніе колоніи относится къ 690 до Р. Хр.

²⁾ Объясненіе этого разсказа Геродота находимъ въ вышеуказанномъ сочиненіи, стр. 204 сл.

³⁾ Гор. Макторіи, внутри острова Сициліи, былъ колоніею города Гелы; см. Соколовъ, *op. cit.* p. 194.

⁴⁾ См. Pind. fr. (Bergk ⁴, I 408): Σύνες τοι λέγω, ζαθέων ἱερῶν ὁμώνοις πατέρ' ἡμίονοις Αἰτνας. Также Schol. ad Pind. Ol. VI 158 (у Бѣка, т. II, стр. 158) Ἰερωσύνην εἶχεν ὁ Ἱέρων Δημήτρος καὶ Κόρης καὶ Διὸς Αἰτναίου ἐν Σικελίᾳ ἐκ διαδοχῆς Τηλείου (поправка Бѣка, въ рсс. Αἰνίου) τοῦ προγόνου αὐτῶν.

⁵⁾ *Op. cit.*, 206.

Клеандръ, сынъ Пантара, продолжаетъ Геродотъ ¹⁾), былъ убить Савилломъ, гражданиномъ города Гелы, послѣ семилѣтняго управленія этимъ городомъ. Властью его овладѣлъ братъ Клеандра Иппократъ ²⁾). Во время тиранніи этого послѣдняго Гелонъ, потомокъ жреца Тилина, подобно многимъ другимъ, въ короткое время достигъ большихъ отличій, служа въ войскѣ Иппократа. Онъ отличился въ войнахъ противъ калиполитовъ, наксосцевъ, занклеидцевъ, леонтиновъ, а также противъ сиракузянъ и многихъ варваровъ, которые были осаждены Иппократомъ въ ихъ городахъ. Изъ всѣхъ названныхъ городовъ лишь одни Сиракузы избѣгли тиранніи Иппократа. Сиракузяне были разбиты на рѣкѣ Элорѣ, но коринфяне и коркиряне спасли ихъ отъ рабства и помирили съ Иппократомъ на томъ условіи, чтобы они (то-есть сиракузяне) уступили ему городъ Камарину, ихъ исконное достояніе ³⁾).

Послѣ семилѣтней тиранніи Иппократъ умеръ передъ городомъ Ивлю ($\Upsilon\beta\lambda\eta$) во время войны съ сикулами. Послѣ него остались два сына Евклидъ и Клеандръ; Гелонъ принялъ ихъ подъ свою защиту противъ жителей Гелы, которые не пожелали признать ихъ власть. Но это было лишь хитростью со стороны Гелона. Разбивъ гелойцевъ, Гелонъ самъ завладѣлъ властью, отнятою у сыновей Иппократа. Поощренный такимъ исходомъ предпріятія, онъ устремилъ свои взоры далѣе: принявъ подъ свое покровительство гаморовъ, изгнанныхъ демократическою партіею изъ Сиракузъ, Гелонъ, подъ предлогомъ ихъ водворенія въ родномъ городѣ, овладѣлъ довольно легко и Сиракузами ⁴⁾ (485).

¹⁾ VII, гл. 154.

²⁾ Клеандръ былъ тиранномъ отъ 505—498. Его братъ, Иппократъ 498—491 до Р. Хр.

³⁾ См. *Holm*, *Gesch. Sic.* p. 201 sqq.

⁴⁾ Herod. VII, гл. 155, *Holm*, p. 203. (485—401. 73, 4). Относительно значенія тиранніи въ Сициліи, *Holm*, дѣлаетъ очень вѣрное замѣчаніе: Seitdem (то-есть со времени захвата Сиракузъ) ist die Geschichte von Syr. mehr eine Gesch. der Tyrannen als der freien Bürger derselben; aber es ist nicht ohne Bedeuteng, dass die Verfassungsform, welche die Stadt die längste Zeit ihrer Selbständigkeit hindurch beibehalten sollte, ihr zu Anfang nicht aufgezwungen, sondern von den Bürgern freiwillig gewählt worden ist. Natürlich ist der Adel, als er mit Gelon zurückkehrte, nicht in seine früheren Rechte wieder eingesetzt worden, und Gelon war es, der dem Volke dafür bürgte, dass dies auch später nicht geschehen würde. Gelon ist trotzdem, dass durch ihn die Gamoren nach Syr. zurückgeführt sind, auch in dieser Beziehung als Fortsetzer der Politik des volksfreundlichen Hippokrates zu betrachten (203).

Захвативъ такую богатую добычу, Гелонъ, какъ и можно было ожидать, сталъ менѣе обращать вниманія на свой родной городъ и передалъ Гелу своему старшему брату Иерону. Всѣ его работы были посвящены Сиракузамъ, которые подъ его властью достигли небывалаго процвѣтанія. Для достиженія этой цѣли Гелонъ, по свидѣтельству Геродота, слѣдовалъ путемъ довольно простой и однообразной политики. Покоривъ тотъ или другой городъ, Гелонъ жителей его—или всецѣло, или отчасти—переселялъ въ свои излюбленные Сиракузы. Такъ онъ поступилъ со многими городами: съ Камариною, (при чемъ и самый городъ былъ разрушенъ) (483), съ Гелою (болѣе чѣмъ на половину), съ сицилійскими Мегарами и Эвбейскими колоніями (482); при этомъ Гелонъ всегда пользовался внутренними смутами, то-есть, борьбою между демократическою и аристократическою партіями, всегда въ ущербъ первой; по его собственному сознанию онъ считалъ димось весьма неудобнымъ сосѣдомъ ¹⁾. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, Гелонъ сдѣлался сильнѣйшимъ изъ всѣхъ ему современныхъ монарховъ Сициліи.

На этомъ Геродотъ прекращаетъ свой экскурсъ о Гелонѣ и возвращается къ прерванному разказу о посольствѣ грековъ. Выслушавъ рѣчь Спартакскаго посла, Гелонъ обѣщалъ имъ могущественную помощь, подъ условіемъ полной гегемоніи въ предстоящей войнѣ. Когда это условіе было отвергнуто послами, Гелонъ потребовалъ, по крайней мѣрѣ, гегемонію надъ флотомъ; во и это требованіе было отклонено представителями Аѳинъ. Тогда Гелонъ наотрѣвъ отказался отъ участія въ войнѣ съ персами, и греки, не достигнувъ цѣли своего посольства, оставили Сицилію ²⁾.

Далѣе Геродотъ разказываетъ о томъ, какъ Гелонъ отправилъ въ Грецію Кадма ³⁾ съ тремя пентирами для того, чтобы своевременно узнать, чѣмъ кончится непосильная, по его мнѣнію, война грековъ съ персами. Въ случаѣ побѣды послѣднихъ Кадму было поручено признать власть Великаго Царя, въ случаѣ же пораженія возвратиться въ Сицилію. Послѣ Саламинской битвы Кадмъ вернулся къ своему повелителю ⁴⁾.

¹⁾ Herod. VII, 156. Не считая нужнымъ слишкомъ подробно останавливаться на исторіи Сиракузъ подъ властью Гелона, отсылаемъ читателей къ превосходному труду Гольма: *Geschichte Siciliens im Alterthum v. Ad. Holm*, Leipz. 1870, т. I, кн. III, гл. I.

²⁾ Herod. 157—163. Diod. Sic., X, 33 (ed. Vogel).

³⁾ Объ этомъ Кадмѣ см. *Holm*, op. cit., стр. 199 sq.

⁴⁾ Herod. VII, 164.

Но и самому Гелону пришлось стать въ положеніе, ничѣмъ не уступавшее бѣдствіямъ Греціи. Внутреннія смуты Сициліи навлекли на этотъ островъ опасность, отвратить которую возможно было лишь совокупностью всѣхъ силъ туземныхъ грековъ. Грозное нашествіе варваровъ карагенянъ, съ которыми уже давно боролись сицилійскіе греки, могло уничтожить всѣ славныя начинанія Гелона. Тириллъ, сынъ Криниппа, незадолго передъ этимъ изгнанный изъ Имеры могущественнымъ Оирономъ, сыномъ Эннисидима ¹⁾, тираннымъ агригентскимъ, призвалъ на помощь карагенянъ. Эти послѣдніе собрали трехсотъ-тысячную армію, состоявшую изъ пунійцевъ, ливійцевъ, иберійцевъ, лигійцевъ и др.—вступили въ сношенія съ Аваксилаемъ Ригійскимъ и угрожали Гелону полнымъ уничтоженіемъ его могущества и порабощеніемъ сицилійскихъ грековъ. Однако Гелонъ, славившійся своими военными талантами, съ честью вышелъ изъ угрожавшей опасности. Въ союзъ съ Оирономъ Агригентскимъ, онъ нанесъ пунійцамъ рѣшительное пораженіе при Имерѣ, на сушѣ и на морѣ, причемъ половина войска карагенянъ была уничтожена, а половина взята въ плѣнъ и продана въ рабство. Эта битва, по свидѣтельству Діодора, произошла въ одинъ день съ Термопильскою ²⁾; въ ней участвовалъ и старшій изъ братьевъ Гелона — Іеронъ.

Эта битва еще болѣе усилила власть и вліяніе Гелона въ Сициліи. Мудро и кротко управляя народомъ, Гелонъ былъ любимъ всѣми и скончался олаканный всѣми и послѣ смерти почитаемый почестями, воздававшимися героямъ ³⁾. Тѣло его было погребено съ особою торжественностью, и на могилѣ его былъ воздвигнутъ великолѣпный мавзолей, который въ послѣдствіи былъ разрушенъ карагенянами и Агаокломъ. Но память о Гелонѣ еще долго жила въ сицилійскомъ

¹⁾ Этотъ Эннисидимъ былъ товарищемъ Гелона во время ихъ общаго служенія подъ знаменами Иппократа (Her. VII, 154).

²⁾ Diodor. Sic. XI, 24.

³⁾ Diod. Sic., XI, 26. Діодоръ разказываетъ, что Гелонъ не задолго до смерти воздвигъ два храма богинямъ Димитрѣ и Персефонѣ: Ἀπὸ δὲ τούτων γενόμενος ὁ Γέλων ἐκ μὲν τῶν λαφύρων κατασκευάσας ναοὺς ἀξιολόγους Διμήτρος καὶ Κόρης, χρυσῶν δὲ τρίποδα ποιήσας ἀπὸ ταλάντων ἑκατὶδεκα ἀνέθηκεν εἰς τὸ τέμενος τὸ ἐν Δελφοῖς Ἀπόλλωνι χαριστήριον. Ἐπεβάλετο δὲ ὑστερον καὶ κατὰ τὴν Αἰτνὴν κατασκευάζειν ναὸν Διμήτρος.... τοῦτον μὲν οὐ συντέλεσε, μετὰλαβὴς τὸν βίον ὑπὸ περσικῆς (478). Τῶν δὲ μελοποιῶν Πίνδαρος ἦν ἀκμαῖζων κατὰ τοὺς τοὺς χρόνους, прибавляетъ Діодоръ. Изъ этихъ словъ впрочемъ трудно съ точностью заключить, что Пиндаръ былъ въ Сициліи еще при Гелонѣ.

народѣ. Гелонъ царствовалъ всего семь лѣтъ и передалъ власть старшему по себѣ брату, второму сыну Диномена, — Иерону, которому посвящены занимающіе насъ эпикіи Пиндара. Вскорѣ послѣ Гелона скончался и другой могущественный тираннъ Сициліи, Анаксилай ригійскій и занклейскій ¹⁾ (476), оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей; его тираннія въ Ригіи и Занклѣ была вѣрена нѣкому Микиюу или Смикюу въ качествѣ опекуна надъ дѣтьми ²⁾.

Иеронъ, наслѣдовавшій Гелону, по свидѣтельству Діодора, не подходилъ на своего брата. Говоря о причинахъ, вызвавшихъ паденіе послѣдняго изъ Диноменидовъ — Эрасивула, Діодоръ дѣлаетъ слѣдующую характеристику двухъ его братьевъ: „Гелонъ, сынъ Диномена, далеко превосходилъ другихъ и нравственными качествами и военными талантами; оригинальною военною хитростью онъ побѣждалъ кароагенянъ, о чемъ сказано ранѣе; такъ какъ Гелонъ кротко обходился съ побѣжденными, и проявлялъ особенное человеколюбіе ко всѣмъ сосѣдямъ, то и достигъ великаго почета у всѣхъ сицилійцевъ. Любимый каждымъ изъ нихъ за свою привѣтливость, Гелонъ мирно дожилъ до конца дней ³⁾. Не такъ обходился со своими подданными наслѣдовавшій ему Иеронъ, старшій изъ оставшихся братьевъ. Это былъ человѣкъ корыстолюбивый, склонный къ насилию, вполне чуждый умѣренности и нравственныхъ качествъ своего брата. Вслѣдствіе этого многіе, уже склонные къ возстанію, сдерживали свое неудовольствіе только изъ уваженія къ памяти Гелона и расположенія, которымъ этотъ послѣдній пользовался у всѣхъ сицилійцевъ. Но Эрасивулъ, получившій власть послѣ смерти Иерона, своими дурными качествами превзошелъ даже царствовавшего передъ нимъ брата“ ⁴⁾.

¹⁾ Diodor. Sic. XI, 48.

²⁾ О немъ см. ниже.

³⁾ Мирно—*Εἰρηνικός*—надо понимать въ смыслѣ *внутренняго* спокойствія.

⁴⁾ Diod. Sic. XI, 67. Не такую характеристику Иерона мы находимъ у *Гольма*, см. стр. 216. Diese Fehler waren die nur zu vieler Gewaltherrscher, namentlich solcher, die nicht wie Gelon, durch imponierende Rettungsthaten sich einer unbedingten Hingebung des Volkes erfreuen und sich deshalb durch ein künstliches System von Sicherheitsmassregeln gegen offene oder versteckte Angriffe schützen zu müssen glauben. Die Besorgniss vor Nachstellungen verliess ihn nie. Deshalb begünstigte er die heimliche, Angeberei und hatte eine Bande von Spionen, Männer und Frauen, die sogenannten Otakusten und Potagogides in seinem Solde. Wer aber bei ihm in Verdacht gerieth, dessen Leben war in Gefahr. Hierbei muss übrigens berücksichtigt werden, dass ihn ein unheilbares Leiden, der Stein, quälte, wodurch er nicht selten reizbarer und ungerechter werden mochte, als er ursprünglich war. Zu einem Manne,

Дѣйствительно, подозрительность Иерона въ первые же годы его тиранніи выразилась въ междоусобицѣ, жертвою которой былъ третій сынъ Диномева Полизилъ ¹⁾. Этотъ послѣдній пользовался любовью сицилійцевъ, вслѣдствіе чего Иеронъ, предполагавшій въ немъ опаснаго соперника, поспѣшилъ освободиться отъ него подъ благовиднымъ предлогомъ. Въ то время, разказываетъ Діодоръ, вспыхнула война между кротоніатами и сибаритянами. Сибарисъ былъ осажденъ кротоніатами и просилъ помощи у Иерона. Иеронъ собралъ значительное войско и начальство надъ нимъ поручилъ Полизилу, въ надеждѣ, что тотъ погибнетъ въ этой войнѣ ²⁾.

Причина вражды Иерона къ Полизилу заключалась не въ одномъ расположеніи къ послѣднему сиракузянъ. Припомнимъ, что Гелонъ оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына и жену Дамарету. По его волѣ эта послѣдняя вышла замужъ за Полизила, который такимъ образомъ сталъ законнымъ защитникомъ пасынка и племянника ³⁾.

bei dem das Gute nicht das Böse weit überwog, hätten die edelsten Dichter Griechenlands nicht in so freundschaftlichen Beziehungen gestanden, wie wir sie zu Hieron finden. Hieron war vielleicht noch eben soviel besser, als der feine und rücksichtlose Politiker welcher der erste Kaiser der Römer wurde, wie die Männer, die sich an seinem Hofe aufhielten, die Dichter der Augusteischen Zeit an Bedeutung übertrafen.

¹⁾ Надо замѣтить, что уже и ранѣе Иеронъ выказалъ наклонность къ смутамъ. Есть намеки, правда, очень смутные, но тѣмъ не менѣе весьма знаменательные, что отношенія между Иерономъ и Гелономъ были не вполне дружественныя. См. Schol. ad Pind. P. I, 91: Φασι δὲ τὸν Ἱέρωνα καὶ πρὸς Γέλωνα τὸν ἀδελφὸν ἐστασιασέναι τῆς ἀρχῆς ἐνεκα. Здѣсь рѣчь идетъ о времени, предшествовавшемъ полному господству Гелона въ Сициліи. См. Boeckh III, 118 и 205.

²⁾ Diod. Sic. XI, 48. Полизилъ, какъ сказано ниже, получилъ по распоряженію Гелона главное начальство надъ войсками (στρατηγία).

³⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Бѣкъ, см. Op. cit. III, 118. Несомнѣнно одно, что Полизилъ женился на супругѣ Гелона, Дамаретѣ, дочери Фирона. См. Schol. Pind., Ol. II, 29 (Boeckh II, 64): Θήρων, ὁ τῶν Ἀκρῆγων βασιλεὺς Γέλωνι τῷ Ἱέρωνος ἀδελφῷ ἐπικυδεύσας γάμῳ συνάπτει τὴν αὐτοῦ θυγατέρα Δημαρέτην, ἀφ' ἧς καὶ τὸ Δημαρέτειον νόμισμα ἐν Σικελίᾳ (ср. Diod. Sic. XI, 26). Τοῦ δὲ Γέλωνος τελευταῖαν τὸν βίον μέλλοντας Πολύζηλος ἀδελφὸς τὴν στρατηγίαν καὶ τὴν γαμετήν τοῦ ἀδελφοῦ διαδέχεται κατὰ τὰς Γέλωνος τοῦ ἀδελφοῦ προσταßeis, ὥστε τὸ Θήρωνος εἰς Γέλωνα κῆδος εἰς τὸν Πολύζηλον μετατεθεῖσθαι. Такимъ образомъ Полизилъ послѣ смерти Гелона получилъ главное начальство надъ войскомъ, женился на Дамаретѣ и сталъ близкимъ родственникомъ Фирона, у котораго, какъ мы увидимъ, и просилъ защиты отъ Иерона (Схолиастъ въ данномъ мѣстѣ ссылается на Тимея). Что касается малолѣтняго сына Гелона и Дамареты, который достигнувъ зрѣлаго возраста, долженъ былъ получить власть отца, то Бѣкъ ссылается на Аристотеля

Кромѣ того Полизиль сдѣлался начальникомъ войска. Всѣхъ этихъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, было довольно для того, чтобы возбудить подозрительность Іерона. Однако Полизиль не поддался обману и не попалъ въ приготовленную ему ловушку. Онъ отказался отъ начальства въ походѣ противъ кротоніатовъ и исхалъ убѣжища у своего зятя Θирона, отца Дамареты. Около этого же времени произошли смуты въ Имерѣ, которою правилъ сынъ Θирона, Θрасидей. Онъ возбудилъ противъ себя неудовольствія имерцевъ, которые обратились къ Іерону, предлагая ему власть въ своемъ городѣ и помощь въ войнѣ противъ Θирона. Однако дѣло не дошло до войны: Іеронъ выдалъ имерцевъ Θирону, который въ свою очередь постарался примирить Полизила съ Іерономъ и жестоко наказалъ возмущившихся противъ сына имерцевъ ¹⁾).

Приведенный нами разказъ Діодора не вполне однако согласуется съ другими свидѣтельствами древнихъ. У схолиаста къ Пиндару мы находимъ довольно подробный разказъ объ этомъ же эпизодѣ. Такъ какъ эти подробности весьма важны для опредѣленія дѣтъ интересующихъ насъ эпипикіевъ, то позволяемъ себѣ остановиться на нихъ съ нѣкоторою подробностью.

Къ стиху 29-му (по старому счету) II олимпійскаго эпипикія, посвященнаго Θирону Агригентскому, находимъ слѣдующій схолій (Бѣкъ, II, 66). „Θиронъ выдалъ свою дочь за Полизила, брата Іерона; посланный Іерономъ на войну противъ варваровъ, сосѣдей сицилійцевъ (τοῖς περὶοικοῖς Σικελιώταις βαρβάροις), Полизиль, вопреки приказанію Іерона, прекратилъ войну (или уклонился отъ войны? ἔπαυσε τὸν πόλεμον), за что впалъ у брата въ подозрѣніе (ἐν ὑφορᾷσσι ἦν). Θрасидей, сынъ Θирона, убѣдилъ Полизила напастъ на Іерона, обѣщая ему помощь въ этомъ дѣлѣ; но Іеронъ, узнавъ объ этомъ, рѣшился захватить Агригентъ, вмѣстѣ съ Θирономъ и Θрасидеемъ. Когда друзья медлили (?), Симонидъ лирикъ послалъ къ нему (Θирону) со-

(Arist. Polit. V, 8, 19 ed. Schneid.), свидѣтельствующаго, что Θрасикулъ, слѣдующій за Іерономъ тираннъ Сиракузскій, старался закупить этого сына Іерона, чтобы онъ не пытался возратить себѣ отцовскую власть. Объ этомъ же сынъ Іерона говоритъ и Schol. ad Pind. Nem. IX, 95, приводя свидѣтельства Тимея: ὡς δὲ καὶ ὁ Γέλων τῷ Χρόμῳ ἐχρήτο ἐταίρῳ, δῆλον πάλιν ἐξ ὧν φησι Τίμαιος ἐν τῇ δευτέρᾳ γραφῇ οὕτως: 'Ἐπιτρόπος δὲ τοῦ παιδὸς μετ' ἐκείνου κατέστησαν 'Αριστόνου καὶ Χρόμιον τοὺς κηδεστὰς· τοῦτοις γὰρ Γέλων δέδωκε τὰς ἀδελφάς. Бѣкъ полагаетъ, что въ словахъ μετ' ἐκείνου дѣло идетъ о Полизилѣ.

¹⁾ Diod. XI, 48.

вѣтъ, желая напугать его указаніемъ на предстоящую измѣну и измѣнниковъ ¹⁾). Ойронъ послушался и отступилъ (?) передъ Іерономъ, въ послѣдствіи же взялъ отъ него тираннію, вражда между ними прекратилась, такъ что они вступили въ родственныя связи и Іеронъ взялъ въ жену Ойронову сестру“.

Это сообщеніе схолиаста очевидно нуждается въ исправленіи. Не говоря уже о многочисленныхъ несогласіяхъ съ вышеприведеннымъ разказомъ Діодора, конецъ схоліа очевидно испорченъ, такъ какъ здѣсь сообщается о никогда не имѣвшемъ мѣста фактѣ—отнятіи тиранніи Іерона Ойрономъ, вслѣдствіе чего будто бы вражда между ними прекратилась. Этотъ для насъ несомнѣнъ ясный схоліа находятъ себѣ въ которое объясненіе въ другомъ, приведенномъ у Бѣка непосредственно за этимъ. Дидимъ, основываясь на свидѣтельствѣ Тимея, разказываетъ дѣло въ такомъ видѣ: „Дѣло было такъ: Ойронъ, царь аргигентинцевъ, вступивъ съ Гелономъ, братомъ Іерона, въ родственную связь, выдалъ за него свою дочь Димарету, по имени которой называется „Димаретина“ монета въ Сициліи. Гелонъ, предчувствуя приближеніе смерти, собственнымъ распоряженіемъ передалъ своему брату Полизилу начальство надъ войскомъ и жену ²⁾), такъ что родственныя отношенія Гелона съ Ойрономъ перешли на Полизила. Такъ какъ этотъ послѣдній былъ извѣстенъ и знаменитъ по всей Сициліи, онъ возбудилъ зависть въ своемъ братѣ Іеронѣ, который подъ предлогомъ войны противъ сибаритянъ (ὁ πρὸς Συβαρίτας πόλεμος) удалилъ Полизила изъ отечества; но Полизиль благополучно окончилъ и эту войну (ἀλλὰ καὶ τοῦτον κατάρθωσε τὸν πόλεμον ὁ Πολύζηλος). Іеронъ же, не зная къ чему еще придраться,

¹⁾ Μελλόντων δὲ τῶν φίλων ἔπεμπε Σιμωνίδης ὁ λυρικός πρὸς αὐτὸν συμβουλῶν, ἐκταράξει μᾶλλον βουλόμενος τῷ μνησέει τὴν μέλλουσαν αὐτῷ προδοσίαν εἶσεσθαι καὶ τοὺς προδιόντας. Къ этому мѣсту Бѣкъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Vulgo αὐτῶν, quod cortexi de coniectura. Αὐτῷ et paullo ante αὐτὸν pertinet ad Theronem. Non video cur hunc locum corruptum iudicet Goeller Hist. Syracus. p. 19. Къ сожалѣнію, мы незнакомы съ сочиненіемъ, на которое указываетъ Бѣкъ, но никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ этого ученаго. Мѣсто, по нашему мнѣнію, несомнѣнно испорчено.

²⁾ Гольмъ, говоря о такомъ распоряженіи Гелона, сравниваетъ его съ Людовикомъ XIV: Diese Anordnungen erinnern an die letztwilligen Verfügungen Ludwigs XIV, der dem nächstberechtigten Prinzen dem Herzog von Orleans, zwar den Vorsitz in dem Regentschaftsrath, seinem Liebling, dem Herzoge von Maine, dagegen die Leitung der Erziehung des Dauphins und das Commando der Garde übertrug.

задумывалъ еще что-нибудь новое ¹⁾). Такимъ то образомъ пришлось Θиرونу, вступаясь за дочь и зятя, начать войну противъ Іерона, близъ Геллы, сицилійской рѣки, о которой упоминаетъ Каллимахъ: Οἱ δὲ Γέλα ποταφὸς ἐπικείμενον ἄστυ. Однако война эта (битва) никому не причинила вреда, не дойдя до развязки. Говорятъ, что случившійся въ то время въ этихъ мѣстахъ Симонидъ лирикъ устранилъ вражду между царями“.

Къ этой второй редакціи древнихъ схолій Бѣкъ присоединяетъ еще третью, впрочемъ мало существенную: „Было четыре сына Диномена: Гелонъ, Іеронъ, Полигилъ и Θрасивулъ. Θиронъ былъ въ свойствѣ съ Полигиломъ и Гелономъ ²⁾.... Такъ какъ между ними (то-есть Полигиломъ и Гелономъ) были родственныя связи, то Іеронъ вслѣдствіе зависти послалъ Полигила для возстановленія поселенія (εἰς ἀνοικισμὸν) Сибариса, на словахъ для того, чтобы доставить ему выгоду и почетъ, на дѣлѣ же для того, чтобы удалить его изъ Сициліи“ ³⁾).

Новые схоліи относящагося къ разсматриваемому эпизоду мѣста эпиникія Пиндара представляютъ лишь пересказъ вышеприведенныхъ древнихъ комментаторовъ; новыхъ фактовъ они не даютъ, и значеніе ихъ заключается лишь въ нѣкоторомъ объясненіи того, что представляется неяснымъ въ ранѣе сказанномъ ⁴⁾).

Итакъ, сравнивая разказъ Діодора съ тѣмъ, что намъ даютъ вышеприведенные схоліи къ Пиндару, мы находимъ слѣдующія противорѣчія.

1. Первый схолій ничего не говоритъ о томъ, что бракъ Полигила съ Дамаретой совершился по желанію или завѣщанію Гелона. Виновникомъ этого брака является самъ Θиронъ, отецъ Дамареты.

¹⁾ Ο δὲ μὴ φέρων γυνώτερον αὐτοῦ κατηγορεῖν ἐπεῖτα νεωτερισμοῦ. Эта фраза схолиаста въ позднѣйшей редакціи передается такъ: Κατηρθώκετο; οὐκ ἰ τοῦτον τὸν πόλεμον Πολυζήλου, ὁ Ἰέρων οὐκ ἔχων ὅτι καὶ γένοιτο, πρὸς αὐτὸν ἐπεῖτα νεωτερίζειν.

²⁾ Inter verba Γέλωνι et γαρβρῶν multa interiecta sunt, sed sensu cassa, nec quicquam novi continentia: quapropter omittenda duxi. (Boeckh, II, 65).

³⁾ Мы перевели не дословно, такъ какъ схолій приведенъ Бѣкомъ не вполне и очевидно есть пересказъ уже вышеприведеннаго. Новаго здѣсь мало; однако слово ἀνοικισμός указываетъ, какъ кажется, настоящую цѣль экспедиціи Полигила.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, схоліи Пиндара, сколько намъ извѣстно, еще не получали надлежащей обработки у новыхъ ученыхъ. Трудъ Lepsa: Die Pindarscholien, eine kritische Untersuchung zur philologischen Quellenkunde v. K. Lehrs (Leipzig, 1873), только намѣчаетъ путь изслѣдованія и не устанавливаетъ текста, (за исключеніемъ схолій къ IV Pyth. и то въ видѣ примѣра).

2. Причина вражды между Иерономъ и Полизеломъ, по тому же сколію, заключается въ произвольномъ прекращеніи Полизеломъ войны съ сицилійскими варварами.

3. Роль Фрасидея, сына Фирона, въ развитіи этой вражды оказывается вовсе не такою, какую мы видимъ въ разказѣ Діодора.

4. Равнымъ образомъ дѣйствія Фирона по поводу вражды двухъ братьевъ представляется неяснымъ, не говоря уже о переходѣ къ Фирону тиранніи Иерона.

5. Какъ *deus ex machina* все дѣло устриваетъ Симонидъ, о которомъ Діодоръ вовсе не упоминаетъ.

6. Второй сколій, опирающійся на Дидима, который въ свою очередь ссылается на Тимея, исправляя недомолвки своего предшественника относительно предсмертныхъ завѣтовъ Гелона, отличается отъ перваго сколія тѣмъ, что Полизелъ былъ отправленъ Иерономъ на войну противъ Сибариса (а не противъ кротоніатовъ за сибаритянъ, какъ говоритъ Діодоръ); далѣе Полизелъ не прекратилъ войны противъ воли Иерона (*χωρίς τῆς τοῦ Ἱέρωνος ὑπόμτης*, какъ говоритъ первый сколій), но окончилъ ее (*κατέβηκε*) и тѣмъ лишилъ Иерона предлога къ дальнѣйшему преслѣдованію. Примирителемъ между враждующими оказывается тотъ же поэтъ Симонидъ.

7. Наконецъ, третій сколій говоритъ о томъ, что Иеронъ послалъ Полизела для восстановленія Сибариса съ тайною цѣлью удалить его съ острова.

Изъ всѣхъ указанныхъ нами противорѣчій между разказомъ Діодора со сколіями съ одной стороны, и сколіями между собой—съ другой, Бѣкъ въ своемъ изслѣдованіи обращаетъ вниманіе лишь на слѣдующія:

1. Quae Diodori (XI, 48) narratio est... a quo Timaeus ap. Schol. v. 29 eatenus dissentit, ut adversum Sybaritas missus Polyzelus perhibeatur: quod tamen Timaeum dixisse nemo sibi persuadebit: immo is haud dubie id tradiderat, quod omnino verum est, ad restituendam Sybarin ablegatum Polyzelum esse, quam Olymp. 67. Crotoniatæ vastaverant ¹⁾).

2. Quod bellum quum Polyzelus, contra quam Hiero speraverat, felici successu profligasset, ut ex Timaeo Didymus affirmavit, vel quum fratri Polyzelus non paruisset, quae Diodori traditio est, vel quum

¹⁾ Съ этимъ согласенъ и 3-й сколій, см. выше по поводу слова *ἐνοικιστής*. Но что же сказать по поводу свидѣтельства 1-го сколія о войнѣ съ сицилійскими варварами: *πολεμήσει τοῖς περίοικοις Σικελιώταις βαρβάρους*?

expeditionem in Siculos barbaros neglecto Hieronis mandato infectam reliquisset (какъ свидѣтельствуесть первый схолиѳ), aucta novarum rerum studii suspicione magis a Polyzelo Hieronis animus alienatus est. Итакъ вопросъ остался открытымъ—потому ли, что Полизиль счастливо окончилъ войну, какъ свидѣтельствуесть Тимей во второмъ схолиѳ, или потому, что Полизиль не послушался брата, какъ передаетъ Діодоръ, или потому, что прервалъ походъ противъ сицилійскихъ варваровъ (какъ говоритъ первый схолиѳ),—Полизиль возбудилъ подозрѣніе Іерона въ стремленіи къ перевороту, и между братьями возникла вражда.

3. Наконецъ: Quod addit Schol. Olymp. II, 29: ὁ δὲ (Θήρων) εὐλαβηθεὶς ἐξευώρησε τῶν πραγμάτων τῷ Ἱέρωνι, ὕστερον δὲ ἀπέλαβεν ἀπ' αὐτοῦ τὴν τυραννίδα — de eo dubito magnopere. Дѣйствительно, этотъ фактъ представляется совершенно невѣроятнымъ, особенно по дальнейшему контексту: καὶ διελύθησαν τῆς ἑχθρας, ὥς καὶ κηδεῖν τιὰ πρὸς ἀλλήλους ποιήσασθαι. Тутъ, очевидно, что-нибудь не такъ¹⁾, и эти слова схолиаста не должны для насъ имѣть никакого значенія, пока это мѣсто схолиѳ Пиндара (вообще все, что помѣщено у Бѣка, II, 64—65, къ стиху 29) не будетъ проверено по рукописямъ и критически установлено. Въ ожиданіи же этого остается признать справедливымъ во первыхъ, то, что согласуется съ разказомъ Діодора, во вторыхъ дополнить этотъ разказъ сообщеніями схолиастовъ, поскольку они могутъ быть подтверждены другими свидѣтельствами или сообщеніями. Такимъ образомъ, эпизодъ о враждѣ между Полизиломъ и Іерономъ и участіе въ этомъ эпизодѣ Θирона и его сына Полизила представляется намъ въ такомъ видѣ:

Гелонъ былъ женатъ на дочери Θирона Дамаретѣ. Эта послѣдняя, наравнѣ съ мужемъ, пользовалась любовью своихъ подданныхъ; въ честь ея была выбита монета (изъ карфагенскаго золота, послужившаго контрибуціей послѣ нимерскаго погрома), носившая ея имя. Послѣ смерти Гелона, по волѣ усопшаго, Дамарета отдала руку не Іерону, а Полизилу, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ начальство надъ войскомъ (στρατηγία); Іеронъ же унаслѣдовалъ тронъ. По весьма вѣроятному предположенію Бѣка (III, 118), такое распоряженіе Гелона имѣло въ виду обезпечить законнаго наслѣдника Гелона отъ казней Іерона, уже равнѣе выказавшаго честолюбивые замыслы. Полизиль,

¹⁾ [Слова ἐξευώρησε τῶν πραγμάτων τῷ Ἱέρωνι, ὕστερον δὲ ἀπέλαβεν ἀπ' αὐτοῦ τὴν τυραννίδα означаютъ: „онъ уступилъ свою власть Іерону, вполнѣдствіи же получилъ отъ него тираннію обратно“. *Прим. ред.*].

женившись на Дамаретѣ, но не получившій трона, естественно становился защитникомъ малолѣтняго сына Гелона и Дамареты, защитникомъ даже хотя бы изъ своекорыстныхъ расчетовъ, имѣя въ своей власти всегда на готовѣ опасное оружіе противъ Іерона. Съ другой стороны бракъ съ Дамаретой ставилъ Полизила въ родственныя отношенія съ единственнымъ въ то время человѣкомъ, который могъ выступить, какъ равный противъ равнаго—Өиროномъ. Оба эти обстоятельства должны были, по дальновиднымъ расчетамъ Гелона, сдерживать Іерона по отношенію къ Полизилу и такимъ образомъ до нѣкоторой степени гарантировать безопасность его собственнаго сына.

До сихъ поръ дѣло объясняется легко. Но далѣе источники противорѣчатъ другъ другу по вопросу о томъ, что было искрою вспламенившею дремавшую вражду братьевъ, предусмотрѣнную Гелономъ. Повидимому Іеронъ, не рѣшаясь открыто дѣйствовать противъ брата, охраняемаго ореоломъ недавно умершаго Гелона и родствомъ съ Өиროномъ, задумалъ удалить его подъ благовиднымъ предлогомъ за предѣлы острова: предлогомъ послужила какая-то война. Невозможно допустить заключеніе Бѣка на основаніи 3-го сколіа о томъ, что дѣло шло о возобновленіи Сибариса, около 509 г. разрушеннаго кротопіатами. Этому противорѣчитъ показаніе Діодора ¹⁾, что Сибарисъ послѣ погрома 58 лѣтъ, до поселенія өессалийцевъ, оставался въ развалинахъ, слѣдовательно до 451 г., тогда какъ рѣчь идетъ о времени около 476 г. Съ другой стороны, нельзя принять и свидѣтельства Діодора о томъ, что Полизилъ былъ посланъ противъ кротопіатовъ на помощь Сибарису, такъ какъ разгромъ Сибариса произошелъ значительно ранѣе, по его же собственному показанію. По той же причинѣ невозможно принять и свидѣтельство сколіаста, что Полизилъ предназначался на войну противъ сибаритянъ. Остается свидѣтельство 1-го сколіаста о войнѣ съ сицилійскими варварами, но этому съ другой стороны противорѣчитъ желаніе Іерона удалить брата съ острова. Впрочемъ, и вся исторія войны Кротопы съ Сибарисомъ представляется однимъ изъ самыхъ загадочныхъ эпизодовъ въ исторіи Великой Греціи.

Какъ бы то ни было, вражда между Іерономъ и Полизиломъ вызвала внимательство Өирона. Несомнѣнно, что въ этой враждѣ

¹⁾ См. Diod. XII, 10: Τῶν δὲ Κροτωνιάτων διὰ τὴν ὀργὴν ζωρεῖν μὲν μέγα βουλῆθέντων, πάντας δὲ κατὰ τὴν φύγην τοὺς ὑποπεσόντας ἀποκτείνοντων, οἱ πλείους κατεκόπησαν· τὴν δὲ πόλιν διήρπασαν καὶ παντελῶς ἔρημον ἐποίησαν. Ὑστέρων δὲ ἔτεσιν ὀκτὼ πρὸς τοὺς πεντήκοντα Θετταλοὶ συνήρσαν καὶ.

важную роль игралъ сынъ Θирона—Θрасидей. Діодоръ даетъ не со-всѣмъ лестный отзывъ объ этой личности: „Въ это время, говоритъ Діодоръ, Θрасидей, сынъ Θирона, правилъ имерейцами, притѣсняя ихъ свѣше мѣры (ἐπιστατοῦντος βαρύτερον τοῦ καθήκοντος) и вслѣдствіе этого окончательно возстановилъ ихъ противъ себя (συνεβη τοὺς Ἱμεραιοὺς ἀπαλλοτριωθῆναι παντελῶς ἀπ' αὐτοῦ)“. Имерейцы, не рѣшавшись искать управы у отца Θрасидея, Θирона, обратились къ Іерону. Но въ это время Іеронъ нашелъ возможность покончить съ Θирономъ мирно и выдалъ имерейцевъ агригентскому тиравну, который жестоко отомстилъ за измѣну сыну. Главные виновники отпаденія заплатили жизнью за попытку искать помощи у Іерона ¹⁾).

Вышеприведенный разказъ о Θрасидей въ исторіи Діодора непосредственно примыкаетъ къ разказу о враждѣ между Іерономъ и Полизиломъ. Разказавъ о бѣгствѣ послѣдняго къ Θиرونу, Діодоръ говоритъ: μετὰ δὲ ταῦτα Θρασυδαίου κτλ.—слѣдуетъ разказъ о посольствѣ имерейцевъ къ Іерону и ихъ предложеніи помощи въ готовящейся войнѣ съ Θирономъ—Ὁ δὲ Ἱέρων χρίνας εἰρηνικῶς διαλύσασθαι πρὸς τὸν Θήρωνα προέβηκε τοὺς Ἱμεραιοὺς κтл. Почему Іеронъ заблаго-разсудилъ покончить дѣло миромъ, Діодоръ вовсе не объясняетъ. Вышеприведенные схолиасты пробѣлъ этотъ пополняютъ вѣмательствомъ лирика Симонида. Всякій безпристрастный читатель невольно задастъ себѣ вопросъ, почему же собственно Іеронъ уклонился отъ войны? Посольство имерейцевъ только увеличивало его силы и давало благовидный предлогъ къ войнѣ. Здѣсь, очевидно, у Діодора недо-молвка или пропускъ.

Въ первыхъ язъ указанныхъ схолій есть хотя смутный на-мекъ на то, чѣмъ Симонидъ добился примиренія между вра-ждующими сторонами; во второмъ нѣтъ и этого намека. Внимательно просмотрѣвъ всѣ отрывки, сохраненные намъ древностью, отъ тво-реній Коссаго поэта, мы не нашли ни одного намека, хотя бы сколько нибудь объясняющаго занимающій насъ вопросъ. Обращаясь къ пособіямъ, то-есть, изслѣдованіямъ ученыхъ, занимавшихся Симони-домъ, мы тоже не нашли ничего по этому поводу, то-есть, относи-тельно роли Симонида въ примиреніи Іерона съ Θирономъ ²⁾. Та-

¹⁾ Diodor. XI, 48.

²⁾ Если не считать поучительнымъ забавную ошибку *Криста*, op. cit. 138: Bald danach ging er nach Sikilien, wo er die Aussöhnung *des Gelon* (sic) und Hieron vermittelte (47°/s), при чемъ дѣлается ссылка на разсматриваемые нами схолии.

кимъ образомъ приходится отказаться отъ рѣшенія поставленнаго нами вопроса о роли Симонида и въ объясненіе факта неожиданнаго примиренія двухъ сицилійскихъ монарховъ принять мнѣніе Гольма. По словамъ этого ученаго, Эирона склонили къ миру съ Іерономъ внутреннія угрожавшія ему опасности въ его собственной семьѣ; его двоюродные братья, сыновья Ксенодика, Иппократъ и Каписъ, возмущались противъ Эирона. Такимъ образомъ Іеронъ, еслибы только онъ пожелалъ довести до конца столкновеніе съ владыкою Агригента, не нуждался бы въ союзникахъ; однако, повидимому, Іеронъ не желалъ ставить въ зависимость отъ исхода одного сраженія могущество, столь терпѣливо приобретаемое Гелонами; съ другой стороны и Эиронъ считалъ неблагоприятнымъ отважиться на крайность изъ-за завѣщанныхъ Гелонами Полиилу правъ. Какъ бы то ни было, когда оба войска уже стояли другъ противъ друга на р. Гелѣ, монархи приняли посредничество имъ обоимъ симпатичнаго (*befreundeten*) поэта Симонида, и такимъ путемъ былъ заключенъ миръ, въ силу котораго Полиилъ получилъ лишь позволеніе возвратиться въ Сиракузы... Жертвою отпущенія примирившихся царей были по большей части наименѣе причастные дѣлу, а именно имерейцы, которыхъ Іеронъ выдалъ головою разгнѣванному владыкѣ Агригента. Въ Имерѣ были казнены всѣ принимавшіе участіе въ сношеніяхъ съ Іерономъ, а такъ какъ вслѣдствіе этого въ городѣ значительно уменьшилось народонаселеніе, то Эиронъ даровалъ права гражданства чужеземцамъ недорійскаго происхожденія. Разумѣется, и Иппократъ съ Каписомъ принуждены были покориться Эирону, хотя достоверно мы знаемъ лишь то, что разбитые при Имерѣ, они бѣжали въ „Камикъ“¹⁾.

Такимъ образомъ окончился этотъ эпизодъ вражды между братьями; мы увидимъ ниже, что на грозившую вспыхнуть междоусобную войну дѣлаютъ намеки и нашъ поэтъ въ II пивійскомъ эпиникѣ.

Слѣдующій замѣчательный фактъ управленія Іерона заключается въ основаніи новаго города Этны; и этотъ фактъ не остался безъ упоминанія въ эпиникіяхъ Пиндара, посвятившаго ему I пивійскую оду, одно изъ величайшихъ поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ. Вотъ что рассказываетъ Діодоръ о возникновеніи города Этны²⁾: „Іеронъ, выселивъ наксосцевъ и катапцевъ изъ

¹⁾ *Holt*, *op. cit.*, p. 213 и примѣчанія къ ней, гдѣ указаны всѣ относящіяся къ данному эпизоду источники. Относительно Иппократа и Каписа см. *Schol. ad Pindar. Ol. II, 8, 173, Pyth. VI, 4.*

²⁾ *Diod. Sic. XI, 49.*

ихъ городовъ, заселить эти города новыми поселенцами: пять тысячъ онъ собралъ изъ Целопонниса и присоединилъ къ нимъ такое же число изъ Сиракузъ. Катану онъ переименовалъ въ Этну и присоединилъ къ ней не только Катанскую территорію, но и большую часть окрестныхъ земель; число приписанныхъ къ новому городу жителей достигло десяти тысячъ. Два соображенія побудили Іерона къ такому предпріятію: съ одной стороны онъ желалъ имѣть подъ руками сильную помощь на черный день, съ другой—получить героическія почести, какъ создатель десяти тысячнаго города. Выселенныхъ же наксосцевъ и катанцевъ Іеронъ водворилъ въ Леонтинахъ и приказалъ имъ присоединиться къ туземнымъ гражданамъ¹⁾.

Это перемѣщеніе гражданъ изъ одного города въ другой вообще было въ обычаѣ у сицилійскихъ владыкъ, равнымъ образомъ и привлеченіе дорійскаго элемента изъ Целопонниса считалось однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ для упроченія власти тиранна. Новый городъ былъ порученъ сыну Іерона, Диномену, со строгимъ наказомъ править имъ по дорійскому уложенію. Упомянутый нами 1-й пивейскій эпикій посвященъ Іерону *Этнейскому*, такъ какъ побѣдитель на пивейскихъ играхъ повелѣлъ глашатаю назвать именно Этну какъ свой родной городъ. Основаніе Этны относится къ Ол. 76, 1=476 г. до Р. Хр. ¹⁾).

Къ этому времени власть и могущество Іерона въ Сиракузахъ и вообще въ Сициліи достигла полного расцвѣта. Еще въ предшествовавшемъ году ему представился случай на дѣлѣ убѣдиться въ томъ, какъ много значило одно его слово, подкрѣпленное суровою угрозою. Относительно Ол. 75, 4=477 до Р. Хр. схолиастъ къ Рyth. 1, 34 рассказываетъ намъ слѣдующее: „Когда Анаксилай вачиналъ войну съ Локрами, Іеронъ послалъ къ нему своего свояка Хромія и велѣлъ ему сказать, что если Анаксилай не прекратитъ войны, то онъ самъ выступитъ къ Ригію. Угроза подѣйствовала, и Локры получили миръ“. Другой схолиастъ рядомъ съ Анаксилаемъ упоминаетъ и сына его Клеофрона²⁾. Объ этой помощи Локрамъ находимъ трогательное

¹⁾ См. *Holm*, op. cit., p. 213 и примѣч. къ ней. Вѣстѣ съ Диноменомъ, или скорѣе послѣ него, новооснованнымъ городомъ правилъ Хромій, женатый на сестрѣ Іерона. Ему посвященъ I и IX немейскіе эпикіи Пиндара, и въ послѣднемъ изъ этихъ стихотвореній онъ, подобно Іерону, величается прозвищемъ Αἰτναῖος.

²⁾ Время этого эпизода опредѣлено съ достаточною твердостью Бёкомъ. См. *Boeckh*, op. cit., III (1821 г.). p. 240 sqq.

упоминаніе во II пинейской одѣ Пиндара въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Σὲ δ' ὦ Δεινομένειε παῖ, Ζεφύρια πρὸ δόμων
 Δοκρὶς παρθένος ἀπόει, πολεμίων χαμάτων ἐξ ἀμαχάνων
 διὰ τεῶν δυνάμιν δραχεῖο' ἀσφαλές, то-есть:

„Тебя же, о сынъ Диномена, у своего порога воспѣваетъ локрійская дѣва, безбоязненно взглянувшая на свѣтъ Божій послѣ тяжкихъ бѣдствій войны, благодаря твоему могуществу“.

Другой случай выказать свое могущество представился Иерону нѣсколько позже и въ войнѣ съ варварами. Діодоръ ¹⁾ рассказываетъ слѣдующее: „Въ консульство Кезона Фабія и Т. Виргинія (то-есть, Ol. 76, 3=474 до Р. Хр.) къ Иерону, царю сиракузскому, пришли послы изъ Кимы италійской и просили помощи въ войнѣ съ тирренцами, господствовавшими на морѣ. Иеронъ послалъ на помощь достаточное число тріиръ. Начальники этихъ кораблей приплыли къ Римѣ и вмѣстѣ съ кимейцами вступили въ морской бой съ тирренцами, уничтожили большое число ихъ кораблей и одержали большую побѣду. Нанеся такой ударъ тирренцамъ и отаративъ грозу отъ кимейцевъ, Иероновъ флотъ возвратился въ Сиракузы“.

Насколько значительно было пораженіе, нанесенное тирренцамъ сиракузскимъ флотомъ, можно заключать уже изъ того, что съ этого времени начинается упадокъ этрусскаго вліянія въ Италиі. „Вскорѣ послѣ этой битвы“, говоритъ Гольмъ ²⁾, — „вейентинцы на невыгодныхъ для себя условіяхъ заключили 40-лѣтнее перемиріе съ римлянами, и поэтому можно съ вѣроятностью предположить, что въ зависимости отъ кимейской битвы стоитъ упадокъ города Тарквиній и процвѣтанія гор. Vulci“.

Въ ознаменованіе такой блестящей побѣды Иеронъ принесъ въ Олимпійскій храмъ богатые дары изъ тирренской добычи. До нашего времени сохранился шлемъ, на которомъ читаемъ слѣдующую надпись:

Ἰέρων ὁ Δεινομένεος καὶ τοῖ Σираκούσιοι τῇ Διὶ Τορ(ρ)άν' ἀπο Κύμης ³⁾.

И объ этой блестящей побѣдѣ Иерона надъ варварами упоминаетъ Пиндаръ въ I-мъ пинейскомъ эпипикѣ, причѣмъ сопоставляетъ

¹⁾ Diod., XI, 51.

²⁾ Holm, l. cit., p. 215.

³⁾ Inscr. gr. antiq. 510 (p. 146).

ее съ другими великими битвами, въ которыхъ греки сокрушили могущество варваровъ и навесли ему рѣшительный ударъ, съ битвами при Саламинѣ, Платеяхъ и Имерѣ:

λίεσσομαι ναύσον Κρονίων, ἄμειρον
 ὄφρα καὶ οἶκον ὁ Φοῖνιξ ὁ Τυρρανῶν τ' ἀλαλατὸς ἔχῃ, ναυσίστονον
 ὕβριν ἰδὼν τὰν πρὸ Κούρας·
 οἷα Σαρακισίων ἀρχῇ δαμασθέντες πάθον,
 ὠκοπόρων ἀπὸ ναῶν ὃ σφιν ἐν πόντῳ βάλεθ' ἀλικίαν,
 'Ελλάδ' (то-есть, Великую Грецію) ἐξέλκων βαρεῖας δουλείας. ἀρό-
 μαι κτλ. ¹⁾.

(Pind. Pyth. I, 70—75, ed. Bergk 4).

На этомъ мы остановимся въ нашемъ изложеніи исторіи правленія Иерона, такъ какъ въ немъ исчерпаны всѣ факты, упоминаемые въ 4-хъ эпипикіяхъ Пиндара; на основаніи всего выше изложеннаго постараемся теперь установить хронологію этихъ эпипикій, то-есть, другими словами, опредѣлить ихъ послѣдовательность.

Какъ мы сказали выше, мы имѣемъ 4 стихотворенія, посвященные Иерону: 1-й олимпійскій эпипикій и 1-й, 2-й и 3-й пифійскіе; сюда же относятся и нѣкоторые отрывки не дошедшихъ до насъ стихотвореній. Мы позволимъ себѣ остановиться лишь на вполне дошедшихъ произведеніяхъ Пиндара, такъ какъ отрывки его произведеній требуютъ особаго изслѣдованія.

Итакъ, вопросъ, къ которому мы приступаемъ, заключается въ опредѣленіи послѣдовательности указанныхъ нами 4-хъ одъ. Первое свидѣтельство древнихъ, разъясняющее эту послѣдовательность, мы находимъ у схолиастовъ Пиндара; по этимъ даннымъ разсматриваемыя эпипикіи группируются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я олимпійская побѣда Иерона падаетъ на 73-ю олимпиаду; древнія свидѣтельства несогласны, на какомъ состязаніи она одержана, хέλῃτι (верховой скачкѣ) или ἄρματι (состязаніи на колесницахъ). Кромѣ этой побѣды, Иеронъ еще дважды побѣдилъ въ Олимпіи: въ 77-ю олимпиаду (хέλῃτι) и 78-ю (τεθρίππῳ); эта послѣдняя олимпиада была годомъ его смерти.

Пифійскія побѣды Иерона, по свидѣтельству схолій, падаютъ на слѣдующія пифіады: 26-ю и 27-ю хέλῃτι, 29-ю—ἄρματι.

Схолиасты сами нерѣшительно относятъ каждый отдѣльный эпипикій къ тому или другому состязанію на которомъ одержана воспоминаемая побѣда. Относительно 1-го олимпійскаго эпипикія схоліи огра-

¹⁾ Переносъ этого мѣста см. ниже.

начиваются лишь перечисленіемъ олимпійскихъ побѣдъ Іерона, не относя опредѣленно 1-ю олимпійскую оду ни къ одной изъ нихъ; изъ числа пивійскихъ эпипикіевъ схолиа опредѣленно приурочиваютъ лишь два изъ нихъ, а именно — I-я пивійская къ 29-й пивіадѣ и III пивійская къ 26-й и 27-й, говоря, что побѣдамъ, одержаннымъ Іерономъ на играхъ этихъ двухъ лѣтъ, совмѣстно посвящена III-я пивійская ода. О II-й же пивійской нѣтъ никакихъ хронологическихъ данныхъ въ схолияхъ; напротивъ, схолиасты выражаютъ сомнѣніе въ принадлежности этой оды къ пивійскимъ эпипикіямъ, или даже къ эпипикіямъ вообще.

Дополняя эти свидѣнія самымъ содержаніемъ разбираемыхъ одъ, мы получимъ слѣдующія данныя:

1-й олимпійскій эпипикій ¹⁾ никакъ не можетъ относиться къ 73-й олимпіадѣ, такъ какъ въ это время еще былъ живъ Гелонъ; и слѣдовательно, Іеронъ никакъ не могъ быть чествуемъ Пиндаромъ, какъ царь Сиракузскій, и тѣмъ болѣе, какъ достигшій крайняго предѣла могущества. Слѣдовательно, на основаніи схолиі, эту оду надо отнести къ 77-й олимпіадѣ, когда Іеронъ одержалъ побѣду *καλῆτι*. Такимъ образомъ 1-й олимпійскій эпипикій изъ числа четырехъ одъ, посвященныхъ Іерону, въ хронологической ихъ послѣдовательности занимаетъ четвертое мѣсто, то-есть, написанъ поэтомъ послѣ трехъ пивійскихъ эпипикіевъ.

Что касается этихъ послѣднихъ, то ихъ послѣдовательность опредѣляется заключающимися въ нихъ упоминаніями хронологическихъ данныхъ: въ 1-мъ изъ нихъ упоминается основаніе города Этны, относящееся, какъ мы видѣли выше, къ 76,1 (476), а также изверженіе вулкана того же имени и побѣда надъ тирренцами (Ol. 7.63—474).

Во II-мъ пивійскомъ эпипикіи упоминается защита Локровъ, фактъ относящійся къ Ol. 75,4—477 г. до Р. Хр. Кромѣ того въ самомъ смыслѣ оды многіе комментаторы видятъ аллегорію изображающую вражду между Іерономъ и Полииломъ ²⁾ (Ol. 75,3—76,1=478—476).

III-й пивійскій эпипикій упоминаетъ о тяжелой болѣзни Іерона, о его двухъ прежнихъ побѣдахъ на пивійскихъ играхъ, одержанныхъ его скакуномъ Ференикомъ; Іеронъ здѣсь уже является основателемъ

¹⁾ О времени написанія I олимпійскаго эпипикія см. интересную замѣтку *Либберта*: *De Pindari poetae et Hieronis regis amicitiae primordiis et progressu*, Воннае. 1886.

²⁾ Объ этомъ см. ниже въ анализѣ оды.

города Этны; но здѣсь не упоминается важнѣйшая побѣда Іерона на пноійскомъ ристалищѣ (ἄρματι), одержанная Ol. 76,3=Ruth. 29 и воспѣтая въ 1-мъ пноійскомъ эпипникѣ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, разбираемыя оды группируются такъ: 1) II-й пноійскій эпипникъ; 2) III-й пноійскій эпипникъ, 3) I-й пноійскій эпипникъ и 4) I-й олимпійскій эпипникъ. Въ этомъ порядкѣ мы и приступимъ къ анализу разбираемыхъ одъ.

II-й Пноійскій эпипникъ.

Іерону Сиракузскому ¹⁾.

О Сиракузы, великій городъ далеко разящаго на войнѣ Ароя, ты, который вскормилъ (2) подъ своимъ божественнымъ покровомъ мужей и коней, возлюбившихъ браніе стали, къ тебѣ я несусь въ моей пѣсни (3) отъ блестящихъ Оивъ; въ ней приношу тебѣ вѣсть о колеблющей землю четверкъ (коней), которая (4) одержала побѣду славному на ристалищахъ (владыкѣ многими колесницами) Іерону, и владыка Сиракузъ увѣнчалъ далековидными вѣнцами Ортигію (5), гдѣ пребываетъ повелительница рѣчныхъ водъ Артемида. При ея благоволеніи Іеронъ кроткими руками (6) (безъ помощи кнута) подчинилъ ярму своихъ блистающихъ возжами жеребятъ. Артемида, дѣва улыбающаяся стрѣламъ (7), и покровитель игры Эрмій (Гермесъ) рука объ руку (8) возложили на него (Іерона) блистательный вѣнецъ,

¹⁾ При переводѣ эпипникіевъ Пиндара мы придерживались главнымъ образомъ текста Бергга (I томъ 4-го изданія Poëtae Iyrici Graeci. 1878); кромѣ того, критическое изданіе *Tuscho Mommsen*, Pindari carmina. 1864, служило намъ въ сомнительныхъ мѣстахъ, гдѣ Бергъ слишкомъ рѣшительно и, по нашему мнѣнію, произвольно, отступалъ отъ преданія. Много способствовали пониманію Пиндара и труды *Гартмана* (1855), которые, не смотря на ихъ гиперкритицизмъ, имѣютъ несомнѣнное достоинство по глубинѣ пониманія стихотвореній поэта. Трезвѣе и сдержаннѣе комментаріи *Мецгера* (1880), но они часто не даютъ объясненій тамъ, гдѣ это наиболее нужно. О капитальныхъ трудахъ *А. Вѣка*, *Готфрида Германа* и *Л. Диссена* не считаемъ нужнымъ и упоминать, такъ какъ именно имъ мы обязаны возможностью понимать Пиндара и такъ какъ ихъ не можетъ обойти ни одинъ серьезный почитатель нашего поэта. Въ литературномъ анализѣ одъ Пиндара намъ давали руководящую нить, кромѣ вышеазначенныхъ изслѣдователей—*Illнеидевиъ*, тотъ же *Tuscho Mommsen* (Pindaros), *Раухеништейнъ* (Zur Einleitung in Pindars Siegeslieder), *Leopold Smidt* (Pindars Leben und Dichtung, 1862) и *A. Croiset* (La poésie de Pindare, 1880). О другихъ болѣе мелкихъ сочиненіяхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

когда (его возница) впрягалъ въ сіяющую чистотою (9) колесницу мощныхъ коней, призывая на помощь потрясающаго трезубцемъ широкомогущаго бога (Посидона).

И другимъ (10) владыкамъ другой мужъ слагаетъ звучный гимнъ, цѣну доблести; такъ вокругъ Кинира (11), любимаго жреца Афродиты, котораго златокудрый Аполлонъ благосклонно удостоилъ своей любви, часто вьются пѣсни кипрійцевъ: таковъ законъ человѣческаго сердца, которымъ руководить благородность, не забывающая ни чьихъ дружелюбныхъ дѣлъ (12). И тебя, о сынъ Диномена, у своего порога воспѣваетъ локрійская дѣва, (13) безболезненно взглянувшая на свѣтъ божій послѣ грозныхъ бѣдствій войны, благодаря твоему могуществу. Тому же научаетъ насъ и Иксіонъ, который, какъ говорятъ, во всѣ стороны вращается въ окрыленномъ колесѣ, по изволенію боговъ; онъ служить примѣромъ того (15), что должно, идя на встрѣчу благодарѣніямъ, оплачивать за нихъ отвѣтными услугами (16). Справедливость этого онъ позналъ на дѣлѣ (горькимъ опытомъ) (17): получивъ въ удѣлъ среди благосклонныхъ потомковъ Крона сладостную жизнь, онъ не выдержалъ полного (18) блаженства и огуманенный безумною страстью воспылялъ любовью къ Ирѣ, которая судьбою была предназначена для многогороднаго ложа Зевса; но дерзость ввергла его въ неслыханное бѣдствіе (19), и Иксіонъ, въ тотъ же мигъ подвергнувшись заслуженной карѣ, пріимъ исключительную (20) казнь. Два беззаконныхъ дѣянія сдѣлались для него источникомъ мученій (21): первое заключалось въ томъ, что онъ первый изъ смертныхъ запатналъ (22) ихъ родъ коварнымъ пролитіемъ родственной крови; второе же въ томъ, что въ обширныхъ (23) полахъ Зевса онъ покушался на его супругу. Должно всегда во всемъ соблюдать мѣру сообразно съ своимъ положеніемъ (24). Попытка къ вступленію въ безбожную связь (25) ввергла Иксіона въ пучину бѣды (26). Онъ, преслѣдуя сладкій, но обманчивый призракъ (27), возлегъ на ложѣ съ облакомъ, о близорукій мужъ! Этими облакомъ, по виду походившимъ на недосыгаемую дочь Крона Уранида, въ своей красотѣ скрывавшимъ кару, завлела въ западню Иксіона изобрѣтательность Зевса (28), и вотъ онъ стяжалъ себѣ на гибель оковы на четырехъ спицахъ колеса (29). Но попавъ въ неотвратимо сковывающія члены пѣни, Иксіонъ сталъ для всѣхъ людей провозвѣстникомъ непреложной истины (30). Это облако, одно, безъ Харитъ (31), породило ему (32) чудовищное существо—единственное (33), не пользующееся почетомъ ни у людей, ни у боговъ по ихъ законамъ (34). Кормивъ

шая (35) нарекла его Кентавромъ; въ ущельяхъ Пиліона онъ (36) со-
челся бракомъ съ магнитскими вобылицами, и отъ нихъ произошло
племя на диво всѣмъ: будучи подобно обоимъ родителямъ, нижнюю
часть туловища оно имѣетъ материнскую, по выше пояса подобно
отцу (37). Богъ исполняетъ все сообразно съ надеждами, чаяніями
людей (38); богъ, который настигаетъ крылатого орла, перегоняетъ
морскаго дельфина: онъ можетъ сломить гордость всѣхъ надменныхъ,
другимъ же даровать неувядающую славу. Впрочемъ, что до меня,
то мнѣ подобаетъ избѣгать болѣзненной язвы злословія (39). Я ви-
дѣлъ, хотя и издалека (40), какъ часто впадаетъ въ бѣду всякій
желчный Архилохъ, пресыщавшій себя враждою и хулами — а вѣдь
высшая мудрость въ умѣннхъ благоденствовать, слѣдуя по теченію
счастливой судьбы (41). Ты, Іеронъ, обладаешь ею — это вѣн сомнѣ-
нія — и такъ ты можешь проявлять ее въ щедромъ умѣ, ты, владыка
верховный въ городѣ, обильномъ пышными (42) улицами и богато
населенномъ народомъ. Если бы кто-нибудь сказалъ, что въ сопро-
вищакъ и почестяхъ иной владыка въ Элладѣ когда-либо прежде
былъ выше тебя, то такіа слова — лишь тщетная борьба съ дѣйстви-
тельностью (43).

Итакъ, въ пѣсняхъ моихъ, славящихъ доблесть, я вступлю на ко-
рабль, украшенный побѣдными вѣнками (44). Юности даетъ блескъ (45)
отвага въ кровопролитныхъ битвахъ: въ нихъ, какъ всѣмъ извѣстно (46),
и ты стяжалъ безграничную славу, сражаясь и въ конномъ, и въ
пѣшемъ бою; въ зрѣлые же года твой образъ мыслей дѣлаетъ для
меня безопасною задачу хвалить тебя во всѣхъ отношеніяхъ (47).
Прости (48)! Подобно финикійскому товару, эта пѣснь посылается
тебѣ черезъ покрытое сѣрою пѣною море (49); Басторову же пѣснь
подъ звукъ эоійскихъ струнъ прими, встрѣтивъ ее, какъ благодар-
ность семиструнной лары (50). Будь же такимъ, какимъ ты долженъ
быть, по своей (царственной) природѣ (51). Выучка хороша лишь въ
обезьянѣ, да и то хороша она всегда лишь для дѣтей (52). Не за
нее (выучку, дрессировку) достигъ блаженства Радамантъ, но за то,
что судьба даровала ему недоступный порицанію плодъ мысли (53),
и въ подземномъ царствѣ (54) онъ не веселитъ свой духъ заблужде-
ніями, которыя всегда преслѣдуютъ хитрою клеветою смертныхъ (55).
Неотвратимымъ зломъ становятся для той и другой стороны (56)
тайные доносы клеветы, подобные во всемъ правамъ лисицъ (57).
И клевета, развѣ она бываетъ прибыльна клеветнику (58)? Какъ въ
рыбачьемъ дѣлѣ, всѣ остальные части снасти глубоко погружены въ

море, я, подобно поплаву надъ поверхностью водъ, остаюсь не погруженнымъ (59). Конечно, слово, исшедшее изъ устъ коварнаго гражданина, не можетъ имѣть значенія среди добрыхъ (60); но все же всякій занскизающийся лестью передъ всѣми, всюду влетаетъ свою клевету (61). Но не я стану участникомъ такого дерзновенія: кто мнѣ другъ, того я желалъ бы любить, но съ врагомъ, какъ врагъ, я поступлю (62) по волчьей природѣ, не разъ (63) вступая на тропу уклончивости (хитрости) (64). Но все же (65) пряморѣчивый мужъ выигрываетъ при всякомъ образѣ правленія: и при единовластїи, и при господствѣ бурнаго народа, и тогда, когда государство блюдутъ мудрые (66). Не слѣдуетъ лишь вступать въ споръ съ богомъ, который то возвышаетъ власть однихъ, то снова другимъ даетъ великую славу (67). Но наступать такъ не радуется сердце завистливыхъ (68): отиѣривъ себѣ больше мѣры (69), они этимъ уже нанесли глубокую рану своему сердцу, еще прежде чѣмъ достигли того, къ чему стремились въ своихъ надеждахъ (70). Лучше нести легкое ярмо, добровольно принявъ его на выю, чѣмъ лягаться подъ ударами кнута и тѣмъ готовить себѣ гибель (71)! Что до меня, то мое желаніе быть съ добрыми, будучи имъ прїятнымъ (72).

ПРИМѢЧАНІЯ:

1. Μεγαλειότης ὁ Σираκούσι—эпитетъ этотъ приданъ Сиракузамъ, по замѣчанію схолиаста (В. II, 312), на томъ основаніи, что они состояли изъ 4-хъ городовъ, соединенныхъ Архіемъ. Что касается слѣдующаго эпитета—βαθυκόλινος τίμνος—Ἀρεός, то о немъ мы говоримъ въ анализѣ.

2. Буквально: божественная кормилица (δαίμωνι τροφῷ).

3. Ὑμῖν τότε τὴν λίπαρὴν ἀπὸ Θῆβων φέρων μέλος ἔρχομαι. Это мѣсто важно, по мнѣнію Бѣка, для опредѣленія мѣста, гдѣ одержана побѣда (объ этомъ см. ниже). Само собою, что ἔρχομαι нельзя понимать буквально, что мы и постарались выразить въ переводѣ.

4. Буквально: «вѣсть о потрясающей землю колесницѣ, въ которой побѣждая Іеронъ» и т. д.

По замѣчанію схолиаста здѣсь упоминается именно Ортигія (небольшой островокъ, составлявшій часть города) потому, что здѣсь находились конюшни Іерона (В. II, 313).

6. Ἀγχιπαῖον ἐν γερσὶ ποικιλιόους ἑδάμασσε πόλους. Слѣдовательно состязаніе, на которомъ одержана побѣда, состояло въ бѣгѣ колесницъ, запряженныхъ не достигшими зрѣлости лошадьми, жеребятами, а такіа состязавшія, по сви-

дѣтельству Павсамія, на Олимпійскихъ и Пифійскихъ играхъ были введены значительно позже времени Герона. Такимъ образомъ, настоящая одъ не можетъ быть причислена ни къ Олимпійскимъ, ни къ Пифійскимъ эпикниіямъ. Объ этомъ см. ниже.

7. Ἰουδαίῃ παρθένος.

8. Χερὶ δίδουα — Бѣкъ переводитъ manu gemina, Гартунгъ — mit beiden Händen и т. д. Намъ кажется, что вѣрнѣе понять слово δίδουα въ зависимо- сти отъ участія въ побѣдѣ Герона, кромѣ Артемиды, еще и Эрмія.

9. Ἐσάτον ἔβαν δίφρον ἐν ᾧ ἄρματα παταγέλινα καταλευγύρῃ σθένος ἱππίου: „Когда Геронъ впрягалъ лошадиную силу въ полпрованное сѣдалище и колесницу, повинующуюся возжамъ“. Здѣсь нѣсколько странное ἐν διὰ τοῦτ: δίφρον и ἄρματα. Съ другой стороны употребленіе предлога ἐν (вмѣсто εἰς) съ вниательнымъ надежомъ возбуждаетъ не безосновательныя сомнѣнія См. напр. *Hartung*, op. cit., II, p. 208: „Eu für eis gebraucht Pindar nicht.“

10. Ἄλλοις δὲ τις ἐτίλεσεν ἄλλος ἀνὴρ κτλ. Здѣсь начинается вторая часть стихотворенія. Все предшествовавшее составляетъ лишь вступленіе; въ слѣдующихъ стихахъ (до словъ: богъ, который и т. д.) Пинадаръ разсказываетъ мѣстъ объ Иксионѣ, какъ примѣръ чудовищной неблагодарности и кары за нея. О значеніи мѣста по отношенію къ Герону см. въ анализѣ.

11. Киниръ былъ баснословный царь кинріидцевъ, сынъ Аполлона и нимфы Пафы. По предположенію схолиаста, принимаемому Бекомъ (II, p. 314 и III, p. 244), Киниръ могъ считаться въ числѣ предковъ Герона, какъ извѣстно, происходившаго отъ Тилина. Любовь Аполлона выразилась въ томъ, что память о Кинирѣ долго жила въ пѣсняхъ кинріидцевъ (см. Schol., B. II, 315).

12. Мѣсто довольно темное и, вѣроятно, испорченное; Бергкъ читаетъ такъ: Ἀγεῖ δὲ χάρις φίλων ποί τινος ἀντὶ ἐργῶν ὑπερβένα. Главное затрудненіе въ сочетаніи ποί τινος. Не вдаваясь въ разборъ вариантовъ (см. *Bergk*, op. cit. 153, и *Mommsen*, op. cit. 149), ограничимся объясненіемъ мысли: Кинріидцы воспѣваютъ Кинира въ своихъ пѣсняхъ въ благодарности за его благодаренія, такъ какъ благодарность свойственна человѣку; подобно Киниру, и Герона воспѣваютъ Локріидскія дѣвы въ благодарности за избавленіе отъ грозившей опасности: образнымъ примѣромъ, то-есть, урокомъ для нарушающихъ законъ благодарности служить Иксионъ.

13. Локры были спасены отъ угрожавшей имъ со стороны Анаксилая Рарійскаго опасности вѣштательствомъ Герона (см. наше введеніе). Это мѣсто въ переводѣ Доннера, которымъ пользуется Гольмъ въ своихъ нятатахъ изъ нашего поэта, представляется въ такомъ видѣ:

Singen, in Chöre geschaart,

Vor dem Hause die Lokrischen Jungfrau, die von des Krieges schweren
Noth durch sein

Mächtiges Wort erlöst, umherschauen frei.

(dich)

Непонятно, въ какихъ словахъ греческаго текста Донперъ нашелъ „in Chöre geschaart“; но крайней мѣрѣ намъ русскимъ нѣтъ надобности замѣнять единственное число множественнымъ. Припомнимъ стихи Пушкина: «Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва прядетъ» и т. д. Намъ кажется, что это мѣсто болѣе пере-

дает тотъ образъ, который намъ даетъ греческій поэтъ, чѣмъ переводъ Доннера.

14. Многъ обѣ Иксионѣ заключается въ слѣдующемъ:

Иксионъ вступилъ въ бракъ съ Діей, съ дочерью Дионея; по обычаю онъ долженъ былъ дать тестю выкупъ за дочь, а чтобы избѣгнуть этого, употребилъ хитрость: выкопавъ яму и наполнивъ ее горящими угольями, онъ столкнулъ въ нее тестя, заманивъ какъ бы на пирь. Это первое его преступленіе, по словамъ Пиндара, заключавшееся въ „коварномъ пролитіи родственной крови“. Второе заключалось въ слѣдующемъ: Никто изъ людей и боговъ не хотѣлъ очистить Иксиона отъ совершеннаго имъ преступленія. Одинъ Зевсъ сожалѣлся надъ нимъ, совершилъ обрядъ очищенія и даже допустилъ его въ свои чертоги и къ столу бессмертныхъ; но Иксионъ дурно отплатилъ за эти благодѣянія: онъ воспылялъ любовью къ супругѣ Зевса и пытался вступать съ нею въ связь. Его замыслы проникъ Зевсъ и, вмѣсто Иры, возвелъ на его ложе облаво, которому придавъ вѣншній видъ богини. Отъ этого брака родилось чудовищное существо — Кентавръ. Самого же Иксиона Зевсъ привязалъ за руки и за ноги къ четыремъ спицамъ вѣчно вращающагося колеса. (Schol., В. II, p. 316—317).

15. Буквально: „Говорятъ, что, по изволенію боговъ, Иксионъ, во всѣ стороны вращаясь въ окрыленномъ колесѣ, *испоритъ смертныхъ*“ и т. д.

16. Τὸν εὐεργέταν ἀγαθαῖς ἀμοibaῖς ἐποιομένους τίνασθαι—здесь подлежащее, очевидно, ἐποιομένους; такимъ образомъ, конструкция всей фразы является въ такомъ видѣ: Иксионъ возмущаетъ людей, что (δαῖν) ἐποιομένους (по другимъ рукописямъ ἐπερχομένους) τὸν εὐεργέταν ἀγαθαῖς ἀμοibaῖς τίνασθαι.

17. Ἐμαθε δὲ σαρφεῖς.

18. Μακρὸν οὐχ ὑπέμεγεν ὄλβον—ср. Ol. 1, 55: ἀλλὰ γὰρ καταπέσαι μέγαν ὄλβον οὐκ εὐδυνάσθη (про Талтала).

19 и 20. Ἀλλὰ ἐν ὄφρις εἰς αὐτὰν ὑπεράφανον ὤρεον. Эпитетъ ὑπεράφανον—по Румпелю¹⁾, то-есть, Беку, передана словомъ insolens—ср. ниже, v. 30, ἱξίρετον εἷς μόχθον—исключительную, то-есть, для Иксиона нарочно придуманную казнь.

21. Αἱ δὲ οὐ ἀμπλαχίαι φερέκονοι τελέθοντι.

22. Въ подлинникѣ ἐπέμψε. Бергк замѣчаетъ: Nescio, an poëta ἐπέμψε vel potius ἀνέμαψε scripserit.

23. Μεγαλοκυθίεσσιν θαλάμῳς — Воеекъ переводитъ этотъ эпитетъ словами magna penetralia habentibus, что есть скорѣе описаніе, чѣмъ переводъ.

24. Здесь очевидно proverbialное выраженіе. Такія выраженія, какъ мы увидимъ, у Пиндара встрѣчаются довольно часто. Смыслъ греческой пословицы аналогиченъ съ нашимъ: „Всеякъ сверчокъ знай свой шестокъ“, или „По одеждѣ протягивай пожею“, но внести такія выраженія въ текстъ мы не рѣшились

¹⁾ Lexicon Pindaricum composuit Ioannes Rumpel, 1883 (Teubner). Трудъ вообще добросовѣстный, но, къ сожалѣнію, слѣно слѣдующій переводу Пѣла, откуда и заимствованы латинскіе термны для передачи словъ. Варіанты послѣдующихъ изслѣдователей хотя и указаны (до Менгера включительно), но оставлены безъ объясненія и перевода. Кромѣ того, не указана этимологія словъ, что, какъ намъ кажется, было бы далеко не лишнимъ. Мы замѣтили и нѣсколько пропусковъ.

вслѣдствіе ихъ тривіальности, несоотвѣтствующей высокому тону нашего лирика.

25. Εὐναί δε παράτροποι ἐς κακότηα ἄθροαν ἔβαλον. Мы, какъ видятъ читатель, нѣсколько свободно перевели выраженіе εὐναί παράτροποι. Относительно эпитета ἄθροαν сходится замѣчаетъ, что уже въ его время нѣкоторыми читалось εἰς κακότηα ὁρῆν, и объясняетъ, что метафора заимствована отъ понятий, касающихся пути, дороги (ἀπὸ μεταφορᾶς τῶν ὁδῶν).

26. Въ нашемъ переводѣ пропущены слова греческаго текста ποτὶ καὶ τὸν ἴκοντ', какъ даютъ рукописи ¹⁾; изъ многочисленныхъ исправленій этихъ словъ укажемъ на конъектуры Раухенштейна ²⁾—ποτὶ κοῖτον ἰόντ'—quum ad concubitum iret, который впрочемъ прибавляетъ: „Pars inventi debetur Frederico Iacobsio, qui, ut apud Boeckhium annot. critt. legitur, coniecerat ποτὶ κοῖτον ἴκων ἐπεὶ κτλ.“ Т. Моммзенъ въ своемъ сочиненіи „Pindarus“ (1845)³⁾ придерживается конъектуры своего брата Августа ἰδόντ' и переводитъ приблизительно такъ (etwa so):

Ach (?) wenn jeglichen Dinges Maas soll schauen man immerdar:
Herzwandelnde (?) Liebe, sie schlenderte selbst klarsten Blick
In die Fülle der Frevel hinunter! Also erjagend den süßen Trug
Beilegte er sich der Wolke, thörichter Mann.

Въ этомъ переводѣ мы положительно не понимаемъ междометіе „Ach“ и эпитета „herzwandelnde“ къ слову Liebe: въ греческомъ текстѣ стоитъ: εὐναί παράτροποι, и это послѣднее прилагательное вполнѣ передается русскимъ словомъ беззаконный, то-есть, уклоняющійся отъ законнаго, естественнаго пути. Гартунгъ этотъ эпитетъ переводитъ словомъ „unpassend“, Румпель — avogus a gesto, nefarius. Въ анализѣ II пиндійской оды Моммзенъ говоритъ слѣдующее ⁴⁾: Ich weiss nicht, ob man dann bei den εὐναί: παράτροποι nicht an die Verheirathung des Anaxilaos mit der Kydippe zu denken hat, welche die Veranlassung zu seinem Verrath war. Вѣроятно, этими словами Моммзенъ хочетъ обосновать свой переводъ слова παράτροποι: но это основаніе не кажется намъ достаточно основательнымъ.

27. Ψεῦδος· γλυκὸ μέτεπον.

28. Ἄντα δόλον αὐτῇ θέσαν Ζηνὸς παλάμα, καλὸν πῆμα. Невозможно было передать въ прозаическомъ переводѣ это мѣсто, столь образно выраженное, и пришлось переводъ замѣнить перифразой.

29. И здѣсь выраженіе τετρακταρον δεσμὸν не поддается точной передачѣ.

30. Всѣ переводчики и комментаторы понимаютъ это мѣсто въ связи съ предшествовавшимъ, то-есть, что эта непреложная истина (πολύκιςτος ἀγγελία) выражена уже раньше, въ стихѣ 24: τὸν εὐεργέταν ἀγαναῖς ἀμοιβαῖς ἐπαχομένους τίναςδαι (см. примѣчаніе 16). Къ такому пониманію мѣста присоединяемся и мы, такъ какъ не понимаемъ словъ Бергка (op. cit., p. 155): neque enim ἀγγελία cum scholiastis ad v. 22sq. est referendum, sed ea quae continuo subse-

¹⁾ См. изданіе Моммзена, p. 151, и Бергка, p. 154.

²⁾ Commentat. Pindar. part. I (1844), p. 6 sq.

³⁾ p. VII.

⁴⁾ Op. cit., p. 91.

quuntur. То, что непосредственно слѣдуетъ (рожденіе Кентавра), никакимъ образомъ не можетъ быть названо πολυχοινος ἀγγελία.

31—33. ἀνευ οἱ Χαρίτων τεχ' ἐν γόνον ὑπερφιάλον μότα καὶ μόνον οὗτ' ἐν ἀνδράσι γεράσφορον οὗτ' ἐν θεῶν νόμοις. Слова ἀνευ Χαρίτων—указываютъ на безрадостное супружество, то-есть, на отсутствіе того, что онъ называетъ: „сладкія таинства любви“ ¹⁾. Труднѣе понять сочетаніе словъ μότα (то-есть νεφέλα) καὶ μόνον (то-есть γόνον). Бѣкъ объясняетъ такъ: sola illa tale monstrum progreus singulare edidit. Съ такимъ объясненіемъ, повидимому, согласенъ и Гаргунтъ, который переводитъ: Eine sehr freches Geschlecht gebar ohne die Huldinnen sie, Die seltsame, ein seltsam Wesen, unter Menschen verschüht, nicht von Götterart (op. cit., II, 27) ²⁾. Схолиастъ къ этому мѣсту, очевидно, понималъ смыслъ этого мѣста иначе: Ἀντί τοῦ μονόμετρον καὶ ξενον τὴν φύσιν. Οἱ δὲ ἀντί τοῦ μόνον καὶ οὐκ ἐστὶ ἑτερον οὐδεὶς γὰρ ἄλλος οὗτος νεφέλης ἐγένετο. Другой схолиастъ ἤ καὶ παρὶ τὰς ἄλλας νεφέλας μόνη ἔτεκε κένταυρον. (В. II, 319). Такимъ образомъ слово μόνος, относящееся къ порожденію облака, понимается двойко или „единственный въ своемъ родѣ“, или „единственное дѣтище“, другихъ не было. Мы бы ничего не имѣли противъ перваго пониманія, если бы только были увѣрены, что вообще греческое μόνος имѣетъ смыслъ соответствующій русскому единственный (въ своемъ родѣ), рѣдкостный (seltsam) ³⁾. Что касается слова μόνος, относящагося къ νεφέλας, то намъ кажется всего проще соединять его съ словами ἀνευ Χαρίτων: оно (то-есть, облако) безъ Харитъ, одно породило и т. д.

34. Если бы Кентавръ произошелъ отъ брака человѣка (Нксіона) и богини (Иры), то онъ долженъ бы былъ принадлежать или къ числу людей, или къ числу боговъ; но такъ какъ мѣсто богини было существо фиктивное, то и плодъ союза не имѣлъ естественнаго вида ни отца, ни матери, а потому и люди, и боги не признаютъ его среди своихъ членовъ. Поэтому, не имѣя возможности вступить въ бракъ съ кѣмъ нибудь изъ себѣ подобныхъ (по родителѣмъ), Кентавръ долженъ былъ вступить въ бракъ съ животными (см. ниже).

35. Трудно сказать, кого разумѣетъ Пиндаръ подъ словомъ τράφισα (или τραφίσσα Мосшор.). Собственно вѣдь матери у Кентавра не было. Сколько намъ извѣстно, пробѣлъ этотъ не былъ дополненъ никѣмъ изъ древнихъ мнѣологовъ.

36. Всѣ рукописи и издатели Пиндара даютъ ѣ, что вполнѣ понятно. Бергкѣ дѣлаетъ конъектуру ως, и конъектура эта, по словамъ Ивана Мюллера ⁴⁾, подтверждается Урбинскимъ кодексомъ сочиненія Галена de usu part. vol. III, 170, гдѣ приведены стихи 44—48 ⁵⁾. Весьма интересно было бы знать, что заставило Бергкѣ сдѣлать такую конъектуру.

¹⁾ Ср. Olymp. I, 30: Χάρις δ' ἅπας ἀπαντα τεύχει τὰ μέγιστα θνητοῖς.

²⁾ Donner: Den unzählbaren Sohn gebar ihm, von den Huldinnen fern, die Volk' einzig den Einzigen (Pindars Siegesgesänge — deutsch in den Versmaszen der Urschrift von I. I. C. Donner, 1860).

³⁾ Вотъ мѣста у Пиндара, которые могутъ указать на настоящій смыслъ слова μόνος: P. IX, 85, III, 100. Ol. IX, 72, X, 53, fr. 121 (86), fr. 131 (96), 3. Isthm. IV (V), 12, P. VIII, 52.

⁴⁾ См. Bergk, op. cit., p. 155.

⁵⁾ На это мѣсто Галена указалъ уже Бѣкъ, см. В. III, 246.

37. Здѣсь начинается слѣдующая часть стихотворенія, въ которой Пиндаръ, разказавъ много объ Иксионѣ, снова возвращается къ герою оды, Иерону; здѣсь, кромѣ прославленія могущества спракузскаго владыки, поэтъ дѣлаетъ намеки на свои отношенія къ нему и старается отклонить отъ себя упреки въ злословіи, которые могли бы возникнуть, какъ мы думаемъ, послѣдствіе избраннаго имъ мѣна объ Иксионѣ; поэтъ не жаждаетъ играть роль Архилоха и такимъ образомъ даетъ возможность заключить, что Иксионъ вовсе не служить аллегоріей Иерона, какъ это дѣлаютъ многіе толкователи Пиндара. Вообще эта заключительная часть оды довольно темна для современныхъ читателей. Мы стараемся выяснитъ ея смыслъ въ анализѣ, къ которому и отсылаемъ читателей.

38. Θεὸς ἀπὸν οἱ ἐλπί τέκμαρ ἀνέτα; схолиастъ этимъ словамъ придаетъ иной смыслъ: λέγει δέ, ὅτι θεὸς ὁ, τὶ ἂν διανοήσῃ, τοῦτο καὶ ἀνέτα, то-есть что Богъ можетъ привести въ исполненіе всякій свой замыселъ. Эта γνῶμη вытекаетъ изъ предшествующаго: Зевсъ могъ привести въ исполненіе задуманный планъ ловушки Иксиону ¹⁾. Къ такому пониманію присоединяется и Бекъ: Deus, qui Ixionem ob impiam libidinem punivit, qui nebula obiecta sceleratum eius animum exploravit et fraudem in eius perniciem direxit, ut illum rem, sic omnia perficit optato et pro voluntate qui aquilam etc. ²⁾. Гартунгъ понимаетъ мѣсто иначе: „Unsere Wünsche führet Gott hinaus zu jeglichem Ziel“ ³⁾. Какъ бы то ни было, здѣсь рѣчь идетъ о всемогуществѣ боговъ или—какъ говорить Шмидтъ ⁴⁾—„die Alles widerstandlos vollbringende Macht der Gottheit“.

39. По замѣчанію схолиаста, это мѣсто заключаетъ въ себѣ намекъ на Вакхилида, который всегда клеветалъ на Пиндара передъ Иерономъ ⁵⁾. Такъ ли это, мы увидимъ ниже.

40. Εἶδον γὰρ ἐκὼς ἑὼν ταπὼλλ' ἐν ἀμαυρίῃ φορεῶν Ἀρχιλόχον βαρυσόχους ἔχθεσιν παινόμενον. Кажется, вполне ясно, что Архилохъ здѣсь упоминается, какъ нарицательное названіе всякаго человѣка, склоннаго къ порицанію и клеветѣ. Архилохъ, поэтъ середины VII вѣка, конечно, не могъ быть современникомъ Пиндара. Что касается ἐκὼς ἑὼν, то эти слова надо понимать, какъ намъ кажется, не буквально и не въ смыслѣ: „не будучи его современникомъ“, а „не сочувствуя такимъ людямъ, не раздѣляя ихъ склонности къ оужденію“. Относительно общаго смысла сравня Ол. 1, 53: ἀκέρεια λήλογχεν θάρινά χακαγόρος.

41. τὸ πλουτεῖν δὲ οὐ τὸ γὰρ πότρου σοφίας ἀριστον—септенція не вполне асная въслѣдствіе запутанности разстановки словъ. Мы, вѣстѣ съ Беккомъ и Берг-

¹⁾ В. II, 320.

²⁾ В. op. cit., III, 247.

³⁾ Donner: Ein Jedes führt der Gott dem Ziel nach *seinem* Willen zu, слѣдуя объясненію схолиаста.

⁴⁾ L. Schmidt, op. cit. p. 195.

⁵⁾ В. II, 320. Αἰνίσσεται δὲ εἰς Βαχυνλίδην· αἰεὶ γὰρ αὐτὸν τῷ Ἱέρωνι διέσσειν. Бекъ принялъ чтеніе вольгаты, тогда какъ Гейне предпочелъ чтеніе Геттингенскаго кодекса αὐτὸς τὸν Ἱέρωνα, то-есть будто бы Вакхилидъ клеветалъ на Иерона, что едва ли вѣрно.

комъ, соединяемъ σοφίας ἀριστον и охотно приняли бы конъектуру 1-го и Бергка σοφίας ἄωτος—последнее слово очень употребительно у Пиндара

42. Εὐστεφάνων ἀγυαῖν: ἤτοι ὑψηλῶν, ἢ εὐ τετελειωμένων. στέφανος γὰρ ἐστὶ τὸ τεῖχος (Schol.) ²⁾.

43. Χαύνα πραπίδι παλαιμονεὶ κεναά: stolida mente luctatur, frustra (Bc)

44. Εὐανθέα δ' ἀναβάσσομαι στόλον ἀμφ' ἀρετῇ καταδύων. И здѣсь, по началу: τότε τῶν λιπαρῶν ἀπὸ Θηβῶν φέρων μέλο: ἔρχομαι, поэтъ выражаетъ гурально.

45. Νεότατι μὲν ἀρήγει θράσος δεινῶν πολέμων. 'Αρήγω, по Румпелю ³⁾ читъ auxilior, opitulor, prosum. Искъ переводить: Juventae quippe patros audacia horrendorum bellorum.

46. "Οὐκ ἐν φαρὶ καὶ κτλ. Буквально: откуда, то-есть, исходи изъ мысли, я и утверждаю, что ты стяжалъ и т. д.

47. Общій смыслъ мѣста, по нашему мнѣнію, таковъ: Всякому во: свойственны особыя качества (доблести). Юности болѣе всего приличны инскіе подвиги (храбрость). Въ зрѣлыхъ же годахъ человѣкъ долженъ умѣреннымъ, безстрастнымъ. Твои побѣды на войнѣ доказываютъ, и что ты исполнилъ задачу юности. Теперь ты исполняешь и задачу достигшихъ болѣе зрѣлаго возраста, и за это я могу тебя восхвалять боязни. Надо замѣтить, что Пиндаръ выражается очень осторожно в: рой части періода: ὅθεν φαρὶ καὶ сὲ τῶν κтλ. — очень рѣшительный: прот: но далѣе—βουλαὶ δὲ πρεσβύτεροι κтλ.—твои болѣе зрѣлыя предначертанія ютъ для меня безопаснымъ слово, и я могу хвалить тебя потι πάντα (опни ratione B.)—увѣренность какъ будто слабѣетъ и ограничить съ наде

48. Χαῖρε, по замѣчанію Бэка ⁴⁾, соответствуетъ и „salve“ и „vale“ данномъ мѣстѣ, по нашему мнѣнію, поэтъ заключаетъ свое привѣтствію, и поэтому мы перевели это слово „прости!“. Если слѣдующіе за стихами могутъ показаться слишкомъ распространеннымъ финаломъ—объясняемъ это внезапно охватившимъ Пиндара наплывомъ мыслей, ко: невольно увлекъ поэта и заставилъ его отступить отъ первоначальна: мѣренія здѣсь же окончить стихотвореніе.

49—50. Что разумѣть поэтъ подъ „финикійскимъ товаромъ“ и въ: заключается антитеза съ „Касторовою пѣснью“—мы стараемся выясн: анализъ.

Гартунгъ совершенно измѣняетъ смыслъ даннаго мѣста, читая такъ: μὲν κατὰ Φοῖβον ἑμπολὴν μέλος ὑπὲρ πολέας ἄλως πέμπεται τὸ Καστόρειον, Αἰολίδῃσι: χορδαῖς ἔχων ἀθρησον χάριν, ἐπτακτύπου φόρμιγγος ἀντόμενος. Путемъ значительнаго измѣненія знаковъ прееинавія, Гартунгъ такимъ образомъ: таетъ возможнымъ настоящую оду считать именно „Касторовою пѣснью“

51—52. Γένου', οἷος ἐσσι' μαθὼν καλός τοι πίθων, παρὰ πατὴρ ἰν αἰεὶ καλός. И Гартунгъ мѣняетъ интерпункцію, читая такъ: γένου' οἷος ἐσσι' μαθὼν, καλός

¹⁾ См. Bergk, op. cit., p. 156.

²⁾ Bergk, op. cit., II, 321.

³⁾ Rumpel, op. cit. 65.

⁴⁾ Bergk, op. cit. III, 243 sq.

zur Geschichte der Erfindungen, III Bd. 4 St., 474),—Каллимахъ именно потому и отрицалъ употребленіе зеркалъ богинями, что о томъ не упоминаетъ Гомеръ. Вопросъ, во всякомъ случаѣ, остается нерѣшеннымъ.

Въ позднѣйшемъ греческомъ и въ римскомъ мірѣ металлическихъ зеркала были въ большомъ употребленіи. Серебро было главнымъ для нихъ матеріаломъ. Считалось, что чистое серебро наилучшій матеріалъ для зеркала, но потомъ—въ началѣ съ цѣлью фальсификаціи—стали пользоваться сплавами, какъ о томъ упоминаетъ Плиній. О томъ же Бекманъ остроумно заключаетъ изъ одного мѣста въ комедіи Плавта. Героиня комедіи беретъ въ руки зеркало. Предусмотрительная служанка подаетъ полотенце.—Зачѣмъ?—Чтобы она отерла пальцы. Иначе обожатель ея по запаху узнаетъ, что она касалась серебра. Но чистое серебро, замѣчаетъ Бекманъ, не придаетъ, какъ изолото, пальцамъ запаха, значитъ зеркало было не изъ чистаго серебра. Греки не знали химическихъ испытаній металловъ и судили о чистотѣ благородныхъ металловъ, главнымъ образомъ, по запаху. Можно думать, что обонаніе ихъ въ этомъ отношеніи было чувствительнѣе нашего.

Кромѣ серебра, древнія зеркала дѣлались изъ сплава мѣди и олова. Употреблялись также шлифованные камни, въ особенности обсидіанъ. Въ подражаніе зеркаламъ изъ обсидіана стали дѣлать стеклинныя: изъ стеклянныхъ досокъ, затеренныхъ съ задней стороны или положенныхъ на черный столъ. Такія зеркала выходили изъ сидонскихъ стеклянныхъ фабрикъ, но были крайне несовершенны. Затѣмъ стали дѣлать родъ выпуклыхъ зеркалъ, вливая въ раскаленные еще стеклянные пузыри свинецъ или металлическій сплавъ.

Говоря о роскоши своего времени въ зеркалахъ Сенека (Quaest. I, 17) разсказываетъ, что ихъ дѣлаютъ въ ростъ человѣка, выдѣлываютъ (scelata) изъ золота, серебра, украшаютъ камнями. „А изъ золота ли, думаешь ты, были зеркала дочерей Циціпіона, приданое которыхъ (данное сенатомъ за услуги отца) была тяжелая мѣдь? О счастливая бѣдность, вызвавшая этотъ почетъ! Не сдѣлалъ бы имъ приданое

сенавъ, если бы имѣли состояніе... А теперь на одно зеркало дочерей какого нибудь отпущенника не хватило бы всего дара римскаго народа Сципіону^а.

Что круглые стеклянные сосуды или стеклянные шары могутъ, соединяя солнечные лучи, произвести воспламененіе, извѣстно съ древнихъ временъ. Въ комедіи Аристофана *Облака*, осмѣивающей Сократа, говорится о зажигательномъ стеклѣ, помощью котораго выведенный въ пьесѣ софистъ Сократъ совѣтуетъ своему ученику сжечь вексель (то есть, растопить восковую поверхность дощечки, на которой онъ написанъ).

Глава IV. Механика древнихъ.

I. *Что сохранилось изъ сочиненій древнихъ по части механики.* Если бы собрать въ одно изданіе все что древность передала намъ по части механики, то составилъ бы не особенно объемистый томъ. Сюда вошли бы „Механическія проблемы Аристотеля“, два трактата Архимеда — „О равновѣсіи плоскостей“ и „О погруженныхъ тѣлахъ“, „Пневматика“ и отрывки другихъ сочиненій Герона Александрійскаго; наконецъ восьмая книга „Математическаго Сборника“ Паппуса (въ IV вѣкѣ по Р. Хр.), составленная по Герону. Объ Архитасѣ (изъ Таренто, пифагорейцѣ, современникѣ Платона) осталось лишь преданіе, что онъ изобрѣлъ нѣкоторые простыя машины и сдѣлалъ автомата, изображавшаго летающаго голубя. О механическихъ изобрѣтеніяхъ Ктезибія, учителя Герона, сохранились упоминанія въ сочиненіяхъ разныхъ авторовъ, особенно у Витрувія. Въ „Архитектурѣ“ Витрувія, а также въ сочиненіи Фронтинна (110 по Р. Хр.) „О водопроводахъ“. (Julius Frontinus: „De aquae ductis“) встрѣчаются свѣдѣнія изъ области прикладной механики древнихъ. У Фронтинна есть, между прочимъ, указаніе на зависимость истеченія воды отъ высоты ея уровня надъ отверстіемъ.

II. *Вопросы механики въ сочиненіяхъ Аристотеля.* Объ общемъ ученіи Аристотеля о природѣ намъ приходилось уже говорить. Аристотель не мало трактуетъ о движеніи и двигателяхъ, о матеріи эле-

ментахъ, но понятія эти имѣютъ у него не то значеніе, какое приобрѣли они послѣ того какъ, на основаніяхъ механической философіи и атомическаго ученія, воздвиглось знаніе современной намъ науки. Изъ области вопросовъ, нынѣ составляющихъ содержаніе теоретической механики, Аристотель касается нѣкоторыхъ въ своихъ „Механическихъ проблемахъ“ Сочиненіе это можно было бы считать первымъ въ исторіи науки трактатомъ теоретической механики, если бы затронутые въ немъ вопросы разбирались съ чисто научною цѣлью. Но изложеніе не имѣетъ характера научнаго трактата и объясненія не представляютъ математической точности (какую имѣютъ, напримѣръ, механическіе трактаты Архимеда). Сочиненіе имѣетъ болѣе діалектическое, чѣмъ строго научное значеніе. Имѣется въ виду разъясненіе затрудненій, рождающихся при обсужденіи явленій, хотя и всеневныхъ, но возбуждающихъ удивленіе, и выводовъ кажущихся парадоксальными. Какъ, напримѣръ, возможно помощью малой силы передвинуть большой грузъ?

Общихъ вопросовъ механики природы Аристотель касается главнымъ образомъ въ сочиненіи „О Небѣ“. Въ сочиненіи этомъ Аристотель раздѣляетъ движеніе въ пространствѣ на прямолинейное, круговое и на составленное изъ этихъ двухъ. Круговое есть движеніе около центра, прямолинейное или отъ центра или къ центру. Качества въ тѣлахъ, соотвѣтствующія такимъ формамъ прямолинейнаго движенія, суть тяжесть и легкость.

Логической классификаціи должны соотвѣтствовать явленія. Движеніе круговое осуществляется въ бѣгѣ небесныхъ свѣтилъ. Прямолинейное имѣетъ свое осуществленіе на землѣ.

Аристотель заключилъ, что должны быть тѣла по натурѣ легкія и по натурѣ тяжелыя. Легкое тѣло естественно стремится къ небесной сферѣ, составляющей верхъ вселенной (ограниченной и сферической). Тѣло тяжелое естественно стремится къ центру земли, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ центръ и низъ вселенной. Кромѣ этихъ двухъ противоположныхъ разрядовъ тѣлъ, надо допустить два промежуточные элемента: одинъ болѣе близкій къ стремящемуся вверхъ, другой — къ стремящемуся внизъ. Огонь абсолютно легокъ и не имѣетъ

никакой тяжести; земля абсолютно тяжела и не имѣетъ никакой легкости. Воздухъ и вода относительно тяжелы и относительно легки: воздухъ тяжелѣе огня и легче воды, вода тяжелѣе воздуха и легче земли (De Coelo, IV, 3, 4). Каждый изъ этихъ элементовъ имѣетъ такимъ образомъ мѣсто во вселенной, которое занимаетъ естественнымъ образомъ, и куда, будучи изъ него удаленъ, самъ собою стремится, какъ къ своему совершенству: земля къ центру міра, вода надъ землею, воздухъ надъ водою, огонь подъ воздухомъ. Никогда огонь самъ собою не спускается на мѣсто воздуха, земля не восходитъ на мѣсто воды. Но воздухъ и вода могутъ спуститься на низшее мѣсто, если изъ него удалить наполняющія его воду или землю. Земля всюду тяжела и всюду стремится внизъ; вода всюду тяжела, исключая если находится въ землѣ, воздухъ всюду тяжелъ, кромѣ случая, когда находится въ водѣ или землѣ; огонь не тяжелъ нигдѣ. Воздухъ, находясь въ мѣстѣ, которое занимаетъ естественнымъ образомъ, имѣетъ вѣсъ: воздухъ вѣситъ въ воздухѣ. Доказательствомъ тому служить, что мѣхи, наполненные воздухомъ, вѣсятъ болѣе, чѣмъ когда опорожнены отъ воздуха. Это же объясняетъ, почему кусокъ дерева вѣсомъ въ талантъ тяжелѣе въ воздухѣ и легче въ водѣ, чѣмъ кусокъ свинца въ мину. Онъ тяжелѣе въ воздухѣ, ибо содержитъ больше воздуха, чѣмъ кусокъ свинца, а воздухъ, вѣситъ въ воздухѣ; онъ легче въ водѣ, ибо воздухъ легокъ въ водѣ, стремится восходить и приводить дерево на поверхность. Въ Метеорологіи, Аристотель изъ того, что масло и дерево плаваютъ на водѣ, выводитъ заключеніе, что въ составѣ ихъ долженъ быть воздухъ (Thurot—*Recherches sur le principe d'Archimède*, — „Revue archéologique“ 1868 г., томъ 18, стр. 389).

О ложномъ ученіи Аристотеля касательно скорости падающихъ тѣлъ мы говорили выше (на стр. 19 нашего труда). Ученіе это, разрушенное лишь Галилеемъ, безъ критики господствовало многіе вѣка, благодаря школьному преобладанію Аристотеля, установившемуся съ первыхъ вѣковъ нашей эры. Съ IV вѣка сочиненія Аристотеля и діалоги Платона стали основаніемъ ученія и философскихъ преданій въ

школахъ Александріи и Аеннѣ. Началось усердное комментированіе Аристотеля, обыкновенно бесплодное, иногда не лишенное желанія провѣрки, но всегда превлоняющееся предъ авторитетомъ философа. Комментаторъ Симплицій говоритъ, между прочимъ, объ утвержденіи Аристотеля будто надутый мѣхъ вѣситъ болѣе ненадутаго, въ чемъ философъ усматривалъ доказательство что воздухъ имѣетъ вѣсъ. „Я дѣлалъ, говоритъ Симплицій, опыты съ всевозможною точностью и нашелъ что вѣсъ мѣха былъ тотъ же до и послѣ раздутія. Надо бы заключить что элементы не вѣсятъ сами въ себѣ (воздухъ въ воздухѣ, вода въ водѣ)... Но Аристотель говоритъ, что раздутый мѣхъ вѣситъ болѣе чѣмъ сжатый. Нельзя оставить безъ вниманія утвержденіе человека столь точнаго. Возможно, что вдвухъ челоуѣческимъ ртомъ въ мѣхъ (ковій—для жидкостей), сырой и сжатый воздухъ вѣситъ нѣсколько болѣе — количествомъ, которымъ нельзя пренебрегать, если желаемъ быть точными“. (Thurot, loc. cit.)

„Механическія проблемы“ Аристотеля, переведенныя по нѣмцамъ Посельгеромъ въ 1829 году (Poselger, въ „Abhandl. d. Acad in Berlin“, 1829 и отдѣльно, Напповер, 1881) заключаютъ въ себѣ 36 вопросовъ или главъ. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ вмѣстѣ со множествомъ неясныхъ, мало понятныхъ сужденій, встрѣчаются соображенія, вызывающія удивленіе историковъ математики и механики, какъ заключающія въ себѣ зародыши важныхъ механическихъ ученій. Весьма компетентно сужденіе знаменитаго французскаго математика Фурье, находящееся въ его мемуарѣ о началахъ статики (доказательство принципа возможныхъ скоростей) въ *Journal de l'Ecole Polytechnique*, 1796 (Сам. 5, 20). „Древнѣйшій трактатъ рациональной механики до насъ дошедшій, говоритъ Фурье, есть трактатъ Аристотеля. Трактатъ этотъ безъ мѣры хвалили комментаторы, а потомъ имъ пренебрегали безъ разбора. Философъ, повидимому, зналъ важнѣйшія начала механики. Онъ излагаетъ въ ясныхъ выраженіяхъ начало сложенія движеній (сар. 2); имѣетъ идею о томъ какъ центральныя силы дѣйствуютъ въ криволинейномъ движеніи (сар. 2). Его доказательство равновѣсія неравныхъ грузовъ на рычагѣ остроумно, но

не полно (конецъ главы не сохранился). Къ рычагу приводитъ валъ, блоки, зубчатые колеса, клинь“

Изложеніе „Механическихъ проблемъ“ Аристотель начинае-
дующимъ образомъ.

„Чудеснымъ, говоритъ онъ, представляется намъ то, что, свершается по природѣ, но не обнаруживаетъ своей причины; а то, что производится противъ природы искусствомъ для нужды вѣка. Во многихъ вещахъ природа дѣйствуетъ вопреки по-
стямъ нашимъ; она имѣетъ свой образъ дѣйствія, не подл-
измѣнчивости условій, а нужды наши мѣняются весьма разноо-
Потому при совершеніи чего либо вопреки природѣ возникаю-
труднительные вопросы—апоріи, требующіе, искуснаго съ ними-
щенія. Подъ „механикою“ разумѣемъ мы ту часть практическ-
куства, которая помогаетъ разрѣшать такіа апоріи. По выр-
поэта Антифона.

Искусствомъ достигай победы тамъ, гдѣ природа дѣлаетъ затруд-

„Такъ когда меньшее превозмогаетъ большее, малый вѣсъ тя-
грузъ, вообще въ случаѣ задачъ именуемыхъ механическимъ
задачи не исполнѣ физическія, но и не очень отъ нихъ от-
сходны съ математическими и физическими теоремами. Иб-
малыпо задачи рѣшаются согласно математикѣ, реально соглас-
зикѣ. Къ апоріямъ такого рода принадлежатъ тѣ, которыя ка-
рычага. Не представляется ли не понятнымъ, какъ большой
можетъ быть подвинуть малую силою? Тотъ, кто безъ рыча-
могъ бы сдвинуть такой грузъ, легко подвигаетъ его, пользу-
чагомъ. Главная причина этого лежитъ въ свойствахъ круга.
естественно: нечего удивляться, что изъ чудеснаго произтека-
десное. Инаячудеснѣйшее есть соединеніе во едино противополо-
качества. А кругъ именно изъ таковыхъ составленъ. Онъ обра-
чрезъ нѣчто покоящееся и нѣчто движущееся; а это по п-
одно противоположно другому“ Аристотель указываетъ далѣ-
окружности круга — линія не имѣющая ширины — въ одно в
выпукла и вогнута. По окружности можно идти въ ту или

сторону и придти къ тому же пункту, такъ что каждая точка на окружности есть въ то же время и первая, и послѣдняя ея точка.

Подходя ближе къ объясненію апорій, касающихся явленій, представляемыхъ коромысломъ вѣсовъ и рычагомъ вообще, Аристотель посвящаетъ имъ главы 2, 3 и 4. Во второй главѣ онъ говоритъ о движеніи по діагонали вслѣдствіе соединенія движеній, представленныхъ сторонами параллелограмма. Въ той же главѣ, описывая круговое движеніе груза, находящагося на концѣ рычага, разлагаетъ движеніе это на два. „При всякомъ круговомъ движеніи, говоритъ онъ, путь радіуса криволинейный и слѣдовательно происходятъ два движенія: одно въ сторону (по касательной)—движеніе согласное природѣ, другое къ центру—противъ природы. При маломъ радіусѣ движеніе противъ природы сильнѣе (чѣмъ при большемъ), (точка) сильнѣе гонится, такъ какъ ближе къ тянущему центру“. Последнее заключеніе, основанное на томъ, что кривизна при маломъ радіусѣ значительнѣе, чѣмъ при большемъ, развивается съ нѣкоторою подробностію при помощи чертежа.

Весьма многіе дальнѣйшіе вопросы связаны съ ученіемъ о рычагѣ и о сложеніи движеній. Трактуются о рудѣ и управленіи имъ—главы 5, 6, 7, 8; о дѣйствіи вѣтра на паруса—главы 10, 11, 12; о движеніи помощію блока, колесъ и т. под. Съ теоріей рычага связаны и вопросы 14, 17, 19, 21, 22, 23, 27. Въ главѣ 20 Аристотель касается важнаго вопроса о различіи давленія и удара, вслѣдствіи занимавшаго умы Бернулли и Лейбница и приведшаго къ ученію о живой силѣ. „Почему, спрашиваетъ Аристотель, если приложить къ дереву топоръ и на топоръ положить тяжелый грузъ, дерево будетъ повреждено очень мало, тогда какъ если поднять топоръ и, безъ груза, ударить по дереву, дерево расколется, хотя падающій вѣсъ будетъ много слабѣе давящаго? Потому, можетъ быть, что все дѣйствуетъ чрезъ движеніе и вѣсъ находящійся въ движеніи сильнѣе воспринимаетъ движеніе другаго, чѣмъ покоющійся¹⁾).

¹⁾ По переводу Поселярева: „Vielleicht, weil alles durch Bewegung wirkt und ein schon bewegtes Gewicht die Bewegung eines andern stärker annimmt als ein noch ruhendes“.

Потому покоящийся грузъ не производитъ никакого движенія, движется, увеличиваетъ свое движеніе движеніемъ удара. Явленіе, повидимому, разсматривается не какъ сообщеніе д отъ ударающаго тѣла ударяемому, съ естественною потерю ударяющемъ, а какъ общее возрастаніе движенія, прибавляющ имѣющемуся.

Вопросы 32, 33, 34, 35 касаются разныхъ случаевъ, зави отъ инерціи тѣлъ. Но яснаго представленія объ инерціи Ари не обнаруживаетъ. „Почему, спрашиваетъ онъ (34), тѣло жааетъ двигаться послѣ того, какъ движущая причина не с за нимъ и издали не дѣйствуетъ? Не очевидно ли, что пері чокъ дѣйствуетъ на другое тѣло, это опять на другое, а к редача не можетъ имѣть мѣста—долженъ наступить поко хотя бы вѣсь приведеннаго въ движеніе груза былъ болы ударающая сила“. „Почему брошенное тѣло (33) приходит нецъ въ покой? Не потому ли, что сила слабѣетъ и законч вращается, или отъ противоѣдствія, или вслѣдствіе тяжест. тяжесть побѣждаетъ силу или вообще самый вопросъ, не обра вниманія на главную причину, неподходящъ“?

Интересенъ двадцать пятый вопросъ. Онъ не механиче геометрическаго содержанія. Это знаменитое „колесо Ари (gola Aristotelis). Разсмотрѣнію этого вопроса Галилей въ „ рахъ о механикѣ“ посвящаетъ нѣсколько страницъ. Пред себѣ колесо катящееся по прямой линіи. Пусть оно сдѣлаетъ оборотъ. Тогда первоначальная точка прикосновенія его съ вновъ коснется этой послѣдней, свершивъ въ то же время полн щеніе вокругъ центра колеса. Разстояніе между двумя мѣст прикосновенія будетъ равно длинѣ окружности колеса. Въ то л и каждая точка колеса болѣе близкая къ его центру, нап лежащая на половинѣ радіуса, свершитъ также полное о вокругъ центра. Но окружность, соотвѣтствующая этой точ вернется—если такъ представлять себѣ движеніе—не на свои

а на длину, въ указанномъ случаѣ, вдвое большую. Наконецъ, центръ колеса, гдѣ нѣтъ развертыванія, перемѣстится на такую же длину, равную всей окружности колеса. Какъ согласить эти развертыванія окружностей и перемѣщенія точекъ? Пусть, далѣе, колесо стоитъ на прямой и катится по ней не окружностью, которая ограничиваетъ его, а какою-нибудь внутреннею его окружностью, соответствующею меньшему радіусу чѣмъ полный радіусъ колеса, напримѣръ, радіусу равному половинѣ (такъ было бы, еслибы мы имѣли на одной оси два круга неизмѣняемо между собою соединенные, одинъ нѣсколько впереди другого и еслибы по прямой линіи катился меньшій кругъ). Тогда перемѣщеніе было бы равно окружности меньшаго радіуса и большой кругъ, сдѣлавъ полный оборотъ вокругъ центра, развернулся бы на длину равную лишь половинѣ его окружности. Явленія кажутся парадоксальными. Неяснымъ истолкованіемъ Аристотеля Галилей не удовлетворился и далъ свое, основанное на сравненіи катящагося круга съ постепенно прилегающимъ къ прямому правильнымъ многоугольникомъ съ многими сторонами. Дѣло въ томъ, что для каждой окружности, кромѣ той, которая касается прямой и по ней катится, происходитъ не только развертываніе, но и скольженіе. При этомъ каждая точка колеса описываетъ циклоиду.

Геллеръ въ своей „Исторіи физики“ (Gesch. d. Physik, I, 67) обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, въ „Механическихъ проблемахъ“ Аристотеля въ первый разъ встрѣчается иллюстрація доказательствъ геометрическими чертежами и обозначеніе линій буквами алфавита.

III. *Механическія сочиненія Архимеда.* Отъ Архимеда, какъ выше было упомянуто, по части механики дошли до потомства два трактата: „О равновѣсіи плоскостей и ихъ центрахъ тяжести“ и „О плавающихъ тѣлахъ“. Другія сохранившіяся сочиненія Архимеда математическаго содержанія. Таковы: „Квадратура параболы“, „О шарѣ и цилиндрѣ“, „Измѣреніе круга“, „Объ улиткообразной линіи“, „О коноидахъ и сфероидахъ“, „Исчисленіе песчинокъ (Arenarius)“.

Трактатъ „О плавающихъ тѣлахъ“ не сохранился въ греческомъ текстѣ.

Сочиненія Архимеда на греческомъ языкѣ были найдены при тиѣ Константинополя, а оттуда перенесены въ Италию. Впервые появились они въ печати въ базельскомъ изданіи съ латинскимъ переводомъ, въ 1554 году съ комментаріями Eutocii. Затѣмъ были изданы Коммандинуса, Мавролика (1685); Риво (Rivaldus, въ Парижѣ 1615). Лучшее изданіе сдѣлано въ 1792 году Торелли: „Archimede quae supersunt omnia, cum Eutocii comment. ex rec. Ios. Torelli nova versione latina. Охон. 1792“. По французски творенія Архимеда переведены Пейраромъ (второе изданіе въ 1808 году). Пейраръ Архимеда перевелъ и издалъ въ 1824 году Ernst Nizze.

IV. *Архимедовъ принципъ рычага*. Архимедъ выходитъ отъ нѣсколькихъ положеній, принимаемыхъ имъ такъ какъ аксіомы и пользуется въ геометріи. Положенія эти слѣдующія. Въ нихъ, какъ и въ величинахъ, рассматриваются площади имѣющія вѣсъ.

1. Тяжелыя величины равнаго вѣса, дѣйствуя на равныхъ разстояніяхъ отъ точки опоры, остаются въ равновѣсіи. Равныя величины, дѣйствуя на неравныхъ разстояніяхъ, въ равновѣсіи не остаются: дальнѣйшая опускается.

2. Если двѣ тяжелыя величины находятся въ равновѣсіи и одной изъ нихъ сдѣлана прибавка, то равновѣсіе не сохраняется: получившая прибавку опускается.

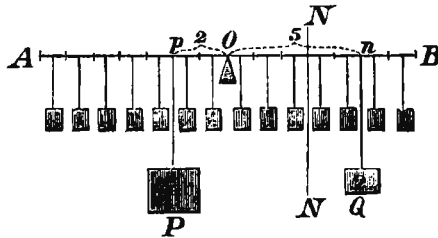
3. Подобнымъ образомъ если отъ одной изъ величинъ что-нибудь отнято, то равновѣсіе также не сохраняется: опускается та, отъ которой ничего не убавлено.

4. Если равныя и подобныя фигуры (равныя площадью и подобныя фигурами?) приведены въ совпаденіе, то и ихъ центры тяжести совпадаютъ.

5. Центры тяжести неравныхъ, но подобныхъ фигуръ находятся подобнымъ образомъ.

точки опоры, общій ихъ центръ тяжести будетъ соответствовать точкѣ.

Имѣемъ два соизмѣримыхъ груза, одинъ, напримѣръ, въ ницъ, другой въ 2 единицы вѣса. Общій вѣсъ ихъ будетъ, вательно 7 единицъ. Желаемъ уравновѣсить ихъ на нѣкото нин имѣющей точку опоры въ O . Отложимъ къ этой линіи ныхъ частей (двойное число противъ 7) какъ показано на ф

Фиг. 4.

Въ срединѣ каждой части привѣсимъ по грузу, равному $\frac{1}{2}$, такъ что совокупность всѣхъ 14 составитъ вѣсъ равный рычагъ останется въ равновѣсїи около точки O , такъ какъ г объ отъ нея стороны расположены симметрично. Соединимъ (стороны отъ сѣченія NN десять грузовъ въ одинъ грузъ P равн съ правой остальные четыре груза въ одинъ равный 2. Равно измѣнится. При этомъ видимъ, что разстояніе Op будетъ отъ къ разстоянію Oq какъ 2 къ 5, то есть обратно пропорціона самъ грузовъ P и Q , что и требовалось доказать ¹⁾.

¹⁾ И въ современномъ преподаваніи полезно правило рычага доказавясаимо отъ теоремы о параллелограммѣ силъ. При этомъ доказательи хинедя можно иллюстрировать слѣдующими опытами.

Первый опытъ. На линейкѣ AB (фиг. 5), уравновѣшенной на под помѣщается брусокъ MN имѣющій центръ тяжести въ точкѣ a . Помог положеннаго въ чашку P , возстановляемъ равновѣсіе. Равновѣсіе сохраи сохраняя положеніе точки a , помѣстимъ брусокъ не вдоль линейки A вернемъ перпендикулярно къ ней въ положеніе $M'N'$, какъ показано и Равновѣсіе сохранится, если поставимъ брусокъ на линейкѣ или привѣси (такъ чтобы точка a была на томъ же вертикалѣ какъ прежде).

частей ея одинаково расположенныхъ и непрерывныхъ менѣя выгоняются болѣе давимыми. При этомъ каждая часть получаетъ отъ вышележащей части давленіе по перпендикулярнаго правленію, если жидкость исходитъ, будучи чѣмъ либо дави-

Поверхность жидкости, находящейся въ равновѣсіи, Архимедъ сматриваетъ какъ сферическую—какова поверхность земли. ваясь на этихъ положеніяхъ, Архимедъ доказываетъ, что тѣло болѣе легкое чѣмъ вода не можетъ остаться въ ней погруженнымъ, а гонится къ поверхности и плаваетъ, на столько выходя изъ воды, что вѣсъ его равенъ вѣсу воды, измѣщенной тою его которая остается погруженною.

Отъ случая погруженія тѣлъ болѣе легкихъ чѣмъ вода А) переходитъ къ случаю болѣе тяжелыхъ и въ VII положеніи лируетъ законъ, носящій его имя.

„Graviora humido... erunt leviora in humido tantum quantet gravitas humidi habentis tantam molem quanta est moles magnitudinis“. „Тѣло болѣе тяжелое чѣмъ жидкость становится (при погруженіи) на столько легче, сколько вѣситъ жидкость при равномъ объемѣ погруженнаго тѣла“. Доказательство положительно сложно. Разсужденіе основано на воображаемомъ положеніи къ тяжелому тѣлу другаго болѣе легкаго чѣмъ жидкость, чтобы погруженная совокупность ихъ не поднялась, имѣя общій вѣсъ равный вѣсу измѣщаемой жидкости.

Законъ Архимеда и донынѣ выражается въ формѣ блетой въ какой онъ выраженъ изобрѣтателемъ. „Погруженныя теряютъ столько вѣсу, сколько вѣситъ вытѣсняемый ими жидкости“, говорятъ и нынѣ. Снаряды, назначенные для опыта закона помощію опытовъ, имѣютъ обыкновенно цѣлью обнару-

¹⁾ „Suppositio prima: Supponitur humidum habens talem naturam ut ipsius aequo jacentibus et existentibus continuis expellatur minus pulsus. Ex utraqueque partium ipsius pellitur humido quod existente secundum perpendicularem, humidum est descendens in ab alio aliquo pressum“

ни подыматься, ни опускаться. Твердая колонна не раздавить находящагося подъ нею. Ибо, какъ можетъ раздавить тѣло, не wishing идти внизъ? Такъ и вода, занимающая мѣсто, гдѣ мы положили нашу твердую колонну, не раздавить находящагося ибо твердое тѣло отличается отъ жидкости, занимающей то же мѣсто. „Лишь съ точки зрѣнія подвижности частицъ“.

Свидѣтельства о законѣ Архимеда встрѣчаются и у другихъ писателей древности. Страбонъ, современникъ Августа, цитуетъ и положеніе Архимеда, что поверхность спокойной воды сферична имѣющая центръ въ центрѣ земли. Разсказъ Витрувія о коронѣ короля и извѣстномъ „нашелъ“ Архимеда мы приводили выше, также какъ приводили мѣсто изъ Сенеки (Quaest. nat. III, 25, объ озерѣ въ Сиріи съ чрезвычайно густою водою. Галенъ (131 по Р. X.) описываетъ способъ, какимъ открылъ Архимедъ обманъ короною, нѣсколько иначе, чѣмъ Витрувій. По разказу Галена, медь сдѣлалъ это помощію взвѣшиванія отдѣльныхъ металловъ въ совокупности въ воздухѣ и въ водѣ.

Установивъ свой законъ, Архимедъ подвергаетъ глубокому и критическому разбору случаи плавающихъ тѣлъ, имѣющихъ форму сферическаго сегмента и параболоидальнаго коноида.

Кромѣ открытій заключающихся въ сохранившихся сочиненіяхъ Архимеда, древніе писатели ему приписываютъ изобрѣтеніе новыхъ машинъ, между которыми упоминаютъ полиспастъ, безъ конца вѣнтъ и такъ называемый водяной вѣнтъ Архимеда (играющую важную роль въ практикѣ мореходства).

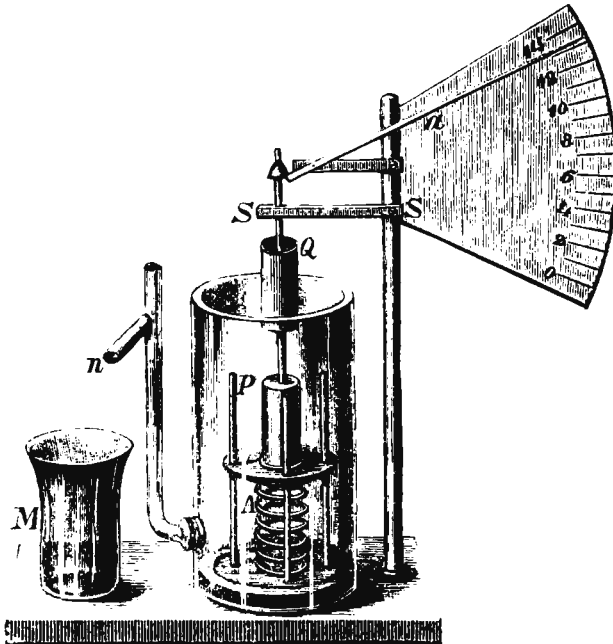
Въ стихотвореніи „De ponderibus et mensuris“ одного грамматика эпохи Тиберія, Калигулы и Клавдія (грамматикъ этотъ Rhemnius Palaemon) встрѣчается въ связи съ разказомъ о коронѣ Ціерона упоминаніе о снарядѣ изъ жести съ дѣленіями, представляющемъ собою то что нынѣ именуется ареометромъ. Можно заключить что Архимедъ изобрѣлъ этотъ снарядъ или по крайней мѣрѣ пользовался.

Позже епископъ Синезій (Synesios), умершій въ 410 году

Мы упоминали что Геронъ былъ ученикомъ Ктезибія. Какъ описаніе самого Ктезибія, Витрувій описываетъ водяные часы, довольно сложнаго устройства и водяной органъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ. *Новый снарядъ для поясненія закона Архимеда. (Къ стр.*

Въ новѣйшее время изобрѣтено нѣсколько новыхъ снарядовъ для поясненія учащимся закона Архимеда. Въ моей „Начальной Физикѣ“ (изд. 1876 года) на стр. 74 снарядъ придуманный мною для этой цѣли. Въ послѣднее время устроены новыя приборы, особенно наглядно, кажется мнѣ, поясняющіе физическое значеніе давленія жидкости на погруженное въ нее тѣло. (Изображенъ на фиг. 7. Основная часть его есть пружина *A*, несущая на се-

Фиг. 7.а

бодно движущійся вверхъ и внизъ столикъ, на которомъ помѣщается и тѣло *P*. Показатель показываетъ пониженіе столика въ случаѣ тѣхъ пружины давъ снѣмъ тѣла *P*, и повышеніе въ случаѣ когда давле

стоятъ на берегу моря. Истеченія идутъ непрерывно, безъ оста
и покоя. При этомъ слѣдуетъ помнить какъ тѣла сваяжисты, б
составлены изъ атомовъ и пустоты. Промежутки разны устроены.
въ животномъ каждый органъ чувствъ пропускаетъ въ себя т
ому свойственно. Иные пути звука, иные питательныхъ соковъ,
запаховъ. И чрезъ тѣла разны проходятъ теченія: инны идутъ
мѣдъ, другія чрезъ дерево, инны чрезъ золото. Не то идетъ
стекло, что чрезъ серебро: стекло проникаемо для образовъ, с
пропускаетъ тепло ¹⁾). Надо допустить, что изъ магнита вых
множество атомовъ, какъ бурный потокъ разгоняющихъ воздух
лапій между камнемъ и желѣзомъ. Какъ только образуется пу
атомы желѣза направятся въ нее и падаютъ, сохраняя соединеніе
собою: такимъ образомъ все кольцо движется къ магниту. Ибо
тѣла въ которомъ атомы были бы такъ твердо между собою свя
какъ въ крѣпкомъ желѣзѣ, этомъ холодномъ ужасѣ природы...
не обнаруживается со всѣхъ сторонъ: сбоку ли, сверху ли—с
иные атомы тотчасъ несутся въ пустоту. Внѣшніе толчки ихъ
гонять: сами собою они не могли бы восходить въ воздухъ. При
няется усиливающее обстоятельство: какъ скоро воздухъ разрѣ
спереди кольца и образуется пустота, сзади онъ будетъ те
кольцо и двигать; ибо воздухъ не перестаетъ ударять въ тѣла
которыя окружаетъ“.

Иногда случается что природа желѣза удаляется отъ и
пріученная поочередно то убѣгать его, то слѣдовать за ним
видѣлъ какъ самоеравскія желѣзныя кольца прыгали, а жел
опилки бушевали въ мѣдномъ сосудѣ, когда подъ него влили
свить Истеченія мѣди заняли поры желѣза, а когда прих
отокъ изъ магнита идущій, онъ не находитъ обычныхъ пу

¹⁾ „Argentoque foras aliud, vitroque meare; nam fluere hac specie
hor ire videtur“, Повидимому разумеются по отношеніи къ стеклу тѣ при
мѣласта, о которыхъ говорено выше на стр. 172, О серебрѣ подразумѣ
можно думать, его хорошая проводимость. Заслуживаетъ вниманія, что
ю было извѣстно это свойство серебра.

ковъ и. изслѣдовавъ ихъ, нашель, какъ передаетъ повѣствованіе, молотокъ издававшій октаву сравнительно съ наиболѣе тяжелымъ люткомъ имѣлъ половинный вѣсъ; молотокъ дававшій квинту имѣлъ равный а кварту $\frac{3}{4}$ вѣса тяжелаго молотка. Придя домой, повѣсилъ струны, обременивъ ихъ на концахъ разными грузами нашель, будто бы, что вѣса эти находились между собою въ же отношеніяхъ какъ вѣса молотковъ, когда струны издавали таву, квинту и кварту. „Разказъ этотъ можно допустить, замѣч Ноттендорфъ“ (Gesch. d. Physik, 30), но во всякомъ случаѣ, онъ и не совсѣмъ вымышленъ, то сильно искаженъ. Для той именуемыхъ кварта, квинта и октава, въ случаѣ струнъ, требъ чтобы длины ихъ,—при одинаковомъ натяженіи,—относились м собою, какъ $\frac{3}{4}$, $\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}$, или—при равной длинѣ—натягивающіе і какъ $\frac{1}{4}$, $\frac{4}{1}$, такъ какъ числа качаній струнъ относятся и собою обратно пропорціонально длинѣ и прямо пропорціонально дратному корню изъ натягивающей силы“.

Другое преданіе говоритъ что Пинагоръ въ лирѣ, до него і шея семь струнъ, прибавилъ восьмую, соответственно октавѣ.

Аристотель зналъ, что звукъ распространяется чрезъ воздухъ уха; указывалъ, что звукъ ночью и зимою слышнѣе чѣмъ днѣ лѣтомъ и усматривалъ причину этого въ отсутствіи солнца, ко есть начало всякаго движенія.

IV. *Ученіе древнихъ о теплотѣ.* Изъ ежедневнаго опыта (конечно, извѣстно множество явленій теплоты—какъ плавленіе, каленіе, замерзаніе, испареніе, кипѣніе и проч. Явленія объясни элементомъ огня. О томъ какъ явленія теплоты представляли ихъ общемъ значеніи можно получить понятіе изъ слѣдующаго общаго мѣста въ „Natura Deorum“ Цицерона (II, 9, 10, 11). разсужденій знаменитаго оратора можно усмотрѣть зачатки і нической теоріи тепла и ученія о скрытой теплотѣ.

„Все что питается и растетъ имѣетъ въ себѣ силу теп боть которой не могло бы ни питаться, ни расти. Ибо все чт раче, что огненно, колеблется и волнуется въ движеніи сѣ

существованія. И это тѣмъ болѣе, что горячее, огненное начало влито во всю природу, что ему принадлежитъ плодородная сила обязаны и животныя и растенія, пускающія корни въ землю, жизнью и своимъ наростаніемъ“.

Заключимъ этотъ очеркъ краснорѣчивымъ изображеніемъ Цид общаго одушевленія вселенной (II, 11).

„Такова природа того что держитъ и питаетъ міръ. Оно и жетъ быть безъ чувства и разума. Все сложное всегда имѣетъ составъ своемъ что-либо господствующее: въ человѣкѣ разумѣн животныя нѣчто подобное ему, порождающее ихъ желанія; въ рѣкахъ корни признаются господствующею частью. Во вселенной подствующимъ должно быть то, что есть наилучшее, чему причастуетъ повелѣвать и управлять. А такъ какъ нѣкоторымъ стямъ вселенной,—а ничего нѣтъ что не было бы частью вселенной присущи чувство и разумъ, то необходимо чтобы въ господствующей части были эти свойства и въ наивысшей степени. Міръ, следовательно одаренъ разумомъ (*sapientem esse mundum necesse*). То что держитъ міръ есть начало разумное по преимуществу; него міръ есть Богъ; въ немъ божественный источникъ силы (*naturamque eam, quae res omnes complexa teneat, perfectione nis excellere, eoque Deum esse mundum, omnemque vim munditura divina contineri*). Но жаръ міра чище, яснѣе, подвижнѣе, и тому болѣе способенъ возбуждать чувство, чѣмъ наша здѣшняя лота, которою держится и живится насъ окружающее. Нелѣпо стить, чтобы — тогда какъ люди и животныя поддерживаются теплотою и оттого движутся и чувствуютъ—міръ былъ лишень существованія, онъ который держится такимъ чистымъ, свободнымъ, и нымъ и подвижнымъ жаромъ? И жаръ этотъ не отъ сторонней и не отъ внѣшняго толчка волнуется, а движется самъ собою, по вольнымъ движеніемъ. Ибо что сильнѣе самого міра можетъ двигать жаръ, которымъ онъ держится? (*Nam quid potest esse mundo virtus, quod pellat atque moveat calorem eum, quo ille teneatur*)“.

Конецъ первой части.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Результатъ размышленія: объектировка какъ умозаключеніе отъ мыслимаго къ дѣйствительному .

I. Составленіе картины внѣшняго міра (40).—II. То что мы зовемъ дѣйствительнымъ міромъ есть наше умозаключеніе (41).—III. Объектировка и ея три вида (43).—IV. Вседневная объектировка (44).—V. Объектировка иллюзорная, при размышленіи съ закрытыми окнами чувствъ; объектировка научная (47).—VI. Необходимая огорка касательно развиваемаго ученія (50).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Гдѣ происходитъ работа размышленія: отдалище мысли по мѣтнѣю древнихъ

I. Древніе воображали, что мыслятъ не головою, а сердцемъ (53).—II. Подтвержденіе у евреевъ (54).—III. Подтвержденіе у грековъ (56).

КНИГА ТРЕТЬЯ. Греческая философія природы въ міровоззрѣніи Платона и Аристотеля.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Творенія Платона и Аристотеля.

I. Міровоззрѣніа Платона и Аристотеля въ ихъ связи (60).—II. Жизнь и творенія Платона (63). III. Жизнь и творенія Аристотеля (66).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Ученіе Платона, какъ призывъ къ размышленію съ закрытыми окнами чувствъ

I. Характеристическія черты ученія Платона.—II. Миръ Платона о ступеняхъ познанія (73).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Ученіе Платона о духовномъ мірѣ какъ части наблюдаемаго бытія.

I. Духовный міръ въ двухъ формахъ: міръ спиритуальный и міръ интеллектуальный (80).—II. Вѣрованія Платона какъ грека языческой эпохи (82).—III. Представленія Платона о душѣ чловѣка (86) —IV. Общее одушевленіе природы по Платону (92).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Ученіе Платона о духовномъ мірѣ идей

I. Умственный міръ по Платону (96).—II. Восхожденіе путемъ размышленія въ міръ идей (98).—III. Широкое значеніе умственнаго міра идей (100).—IV. Діалектика какъ орудіе размышленія восходящаго въ міръ идей (103).—V и VI. Платонъ о геометріи древнихъ (105).

ГЛАВА ПЯТАЯ. Ученіе Платона о природѣ

I. Верховный архитекторъ міра по Платону (108).—II. Ученіе Платона о землѣ (111).—III. Ученіе Платона о чловѣкѣ (113).—IV. Физическая часть повѣствованія Платона (118).

о гидростатических опытах Архимеда (188).—IV Архимедовы задачи (190).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Заключительный очеркъ къ третьей и четвертой книгамъ.

КНИГА ПЯТАЯ. Капиталь физическихъ знаній, оставленные древними.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Ученіе древнихъ о строеніи вселенной и о землѣ.

I. Системы міростроенія у древнихъ (197).—II. Геоцентрическая система (197).—III. Неподвижность земли и суточное движеніе небнаго свода (198).—IV. Задача небесной кинематики у древнихъ (199). V. Древній астропомическій догматъ о круговомъ равномерномъ движеніи свѣтила (200).—VI. Небесная кинематика по геоцентрическому ученію древнихъ (202).—VII. Пифагорейское ученіе; слѣды гелио-центрической системы (204).—VIII. Результаты греческихъ ученій о всеобщей въ представленіи образованныхъ римлянъ предхристіанской эпохи (207).—IX. Ученіе о фигурѣ и величинѣ земли (211).—X. Способы астропомическихъ наблюденій у древнихъ (212).—XI. Падающія звѣзды, кометы, млечный путь по ученіямъ древнихъ (215).

ГЛАВА ВТОРАЯ. Метеорологія и физическая географія древнихъ.

I. Сочиненіе Сенеки какъ источникъ для знакомства съ метеорологіею и физическою географіею древнихъ (217).—II. Метеоры воздушнаго круга въ истолкованіи Сенеки (221).—III. Изденія на земной поверхности по истолкованію Сенеки (225).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Оптика древнихъ

I. Отношеніе къ геометріи (229).—II. Геометрическая оптика древнихъ (230).—III. Физическая оптика древнихъ (236).—IV. Употребленіе зеркалъ и зажигательныхъ стеколъ у древнихъ (240).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Механика древнихъ

I. Что сохранилось изъ сочиненій древнихъ по части механики (242).—II. Вопросы механики въ сочиненіяхъ Аристотеля (242).—III. Механическія сочиненія Архимеда (249).—IV. Архимедовы принципы рычага (250).—V Архимедовъ законъ (253).—VI. Геронъ Александрійскій и его „Пневматика“.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Свѣдѣнія древнихъ о магнетизмѣ и электричествѣ. Акустика, ученіе о теплотѣ

I. Свѣдѣнія древнихъ о магнетизмѣ (259).—II. Свѣдѣнія древнихъ объ электричествѣ (261).—III. Акустика древнихъ (261).—IV. Ученіе древнихъ о теплотѣ.

ВЫСОЧАЙШИЯ НАГРАДЫ

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (19-го февраля 1892 года). Положеніе о 10 стипендіяхъ при шести Московскихъ мужскихъ гимназіяхъ въ память избавленія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича отъ угрожавшей Его Высочеству опасности въ Японіи .

2. (26-го апрѣля 1892 года). Положеніе о стипендіи имени Ильи Григорьева въ Астраханской мужской гимназіи

3. (5-го мая 1892 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ испытаній для пріема учениковъ въ реальныя училища

4. (8-го мая 1892 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича для студентовъ китайско-монголо-маньчжурскаго отдѣленія факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета

5. (9-го мая 1892 года). Положеніе о стипендіи дѣкаря Михайлова, учрежденной при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ по медицинскому факультету.

6. (14-го мая 1892 года). Правила объ одновременныхъ денежныхъ пособіяхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ тридцать тысячъ рублей, завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Степаномъ Алексѣевичемъ Тарасовымъ и заключающагося въ тридцати 5% закладныхъ листахъ московскаго земельного банка съ № 3680 по № 3709 включительно по тысячѣ рублей съ 19 купонами при каждомъ

7. (19-го мая 1892 года). Правила стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ двѣ тысячи рублей, пожертвованнаго надворнымъ совѣтникомъ Василиемъ Ивановичемъ Мелидинымъ и заключающагося въ восемнадцати облигаціяхъ 4% четвертаго внутренняго займа съ № 228119 по № 228136 включительно по 100 рублей съ 18 купонами при каждой и 200 рублей наличными деньгами .

8. (20-го мая 1892 года). Положеніе стипендіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ пожертвованнаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Шаховскимъ капитала въ 10.000 рублей, заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка за №№ 96547, 106327, 106328, 109116, 109117, 109118, 109119, 109120, 109121 и 109122 по 1.000 рублей съ 18 купонами при каждомъ

9. (1-го июня 1892 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ допущенія къ употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ новыхъ изданій книгъ, уже одобренныхъ для сего учебнымъ вѣдомствомъ въ прежнихъ изданіяхъ

Открытие училищъ

Объявленіе отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ въ 1892 г. на преміи по составленію учебныхъ руководствъ и пособій для промышленныхъ училищъ .

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

В. В. Бѣлогостицкій. Реформа Петра Великаго по высше церковному управленію (*окончаніе*) .

М. С. Куторга. Исслѣдованія по исторіи государственныхъ учрежденій Аеннъ (*продолженіе*) .

С. Н. Брайловскій. Девятая сатира Кантемира по вновь наденному списку .

А. И. Введенскій. О предѣлахъ и признакахъ одушевленія (*окончаніе*) .

П. А. Сырку. Житіе Іоанна Кукузеля, какъ источникъ для болгарской исторіи .

В. П. Бузескулъ. Вопросъ о новооткрытой 'Αθηναίων Πολιτεία

В. М. Владиславлевъ. Обжа .

А. И. Кирпичниковъ. Любопытная лицевая рукопись Париской Национальной бібліотеки .

Г. В. Форстенъ. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. П—скій. Griechische Geschichte von ihrem Ursprunge bis zu Untergange der Selbstständigkeit des griechischen Volkes. Von Ad. Holm. Berlin. 1891 .

Л. М. А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву. Выпускъ второй. М. 1892 .

Г. С. Дестунисъ. 'Αναλехτα Ιεροσολυμιτικής σταυρολογίας. Α. Π. παδοπούλου-Κεραμέως. Τ. Α'. 'Εν Πετροπόλει. 1891.

Книжныя повости

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

А. Д. Вейсманъ. Амосъ Коменскій и его дидактика
Наша учебная литература (разборъ 16 книгъ)

